

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIV-й.

АПРѢЛЬ.

1903 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Графъ А. Х. Бенниендорфъ и В. Н. Каразинъ. Н. Дубровина.....	5—27	XIII. Россия и польский престолъ. 1580—1601 гг. Извлечеіе изъ сочиненія П. Пирлиига, В. В. Тимошукъ.....	209—240
II. Сперанскій въ 1808—1811 г. (Изъ бумагъ академика А. Ф. Бычкова). Сообщіль И. А. Бычковъ....	29—40	XIV. Записка книжка „Русской Старины“: Ненайданое стихотвореніе В. А. Жуковского цесаревъ Александру Николаевичу. Сообщ. И. А. Бычковъ (стр. 28). — Посланіе бывшимъ кадетамъ, въ 171-ю годовщину основанія 1-го кадетскаго корпуса. 17 февр. 1903 г. А. С.—ва. (76). — Письмо Н. М. Карамзина къ Н. Я. Плюсовой. 25 мая 1820 г. Сообщ. И. А. Бычковъ. (98). — Запрещеніе устраивать императору встречи. 1-го сентября 1801 года. (142). — Увѣковѣчненіе памяти кн. Репнина. 12-го июля 1801 г. (154). — Объ оставленіи цензора С. Н. Глинки въ маорскомъ чинѣ. 6 июля 1828 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (162). Дурная постройка Одесского чумного карантину. квартала и ее послѣдствія. 4-го июля 1828 г. (208).	
III. Записки Н. Г. Зальцова. Сообщила Н. Длусская.	41—64	XV. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
IV. Изъ прошлаго. Затинье. П. Д. Паренсова...	65—75		
V. Письма императрицы Маріи Федоровны къ величайшему князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ.	77—97		
VI. Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 г. И. И. Орловскаго.....	99—116		
VII. Записки Э. И. Стогова...	117—141		
VIII. Къ биографіи Н. М. Языкова. В. Шепрокова...	143—153		
IX. Марина Мнишекъ и шахъ Аббасъ II. Георгіа Синюхаева.....	155—161		
X. Цензура въ царствование императора Николая I-го.	163—182		
XI. Четыре письма Владимира Федосеевича Раевскаго къ сестрѣ его В. Ф. Половой. Сообщилъ Владимиръ Раевскій.....	183—188		
XII. Воспоминанія Валерiana Александровича Панаева. 189—207	189—207		

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Портретъ Николая Гавриловича Зальцова.

2) При этой книжкѣ „Русской Старины“ вѣтъ гг. подписчикамъ разсылается объявленіе о третьемъ изданіи «Словаря Даля», выпускаемомъ Т-вомъ М. О. Вольфъ подъ редакціей проф. Спб. университета А. И. Бодузана-Де-Куртенз.

Принимается подписанія на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можжо получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю страницу обертки.

Приемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъѣзчная, № 39.

1903.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1903 года.

Библіографіческій листокъ.

Великій Князь Николай Михаилович. Графъ Павель Александрович Строгановъ. (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи Императора Александра I. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1903 г.

Изъ всѣхъ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи родь Строгановыхъ,—говорить въ своемъ введеніи высокій авторъ разсматриваемаго нами исторического изслѣдованія, представляющаго собою солидный вкладъ въ нашу историческую литературу,—значительно выдѣляется своими государственными заслугами. Эти славные ихъ дѣянія отмѣчены въ пожалованныхъ граматахъ, милостивыхъ рескриптахъ и не должны быть забыты исторіей.

7-го июля 1446 года великий князь Василий Васильевич Темный былъ взятъ въ пленъ татарами подъ г. Суздалемъ; татары требовали 200.000 руб. выкупа и, въ случаѣ отказа, грозили убить великаго князя; государственная казна была пуста,—Строгановы внесли выкупъ, и 1-го октября того же года великий князь В. В. Темный былъ освобожденъ изъ плена.

Въ 1572 году царь Иоаннъ Васильевичъ предоставилъ Строгановымъ выбрать изъ собственнаго ихъ войска «голову добру (предводителя) и съ нимъ казаковъ со всакимъ оружіемъ и ходить войною и воевать измѣнниковъ: черемисъ, остаковъ, вотииковъ и ногайцевъ». Строгановы исполнили государеву волю и «привели означенныя народы подъ высокую государственную руку».

Въ 1579 году враждебныя племена нападали на русскіе земли и грабили селенія и слободы Строгановыхъ; царь Иоаннъ Васильевичъ не могъ оказать имъ защиты, — Строгановы призвали съ Волги Ермака Тимофеевича съ 80 казаками, присоединили къ этой небольшой дружинѣ 2.047 челов., изъ собственнаго войска, и Ермакъ, нападая, какъ сказано въ граматѣ, «невзирая» (печально) и «по однаку» (порознь на каждое племя),—привѣтъ русскую границу въ совершиенную безопасность.

Всѣдѣ за тѣмъ Строгановы «умыслили взять Сибирь и привѣстъ ее подъ высокую государственную руку»: они усилили отрядъ Ермака еще 5.000 «ратныхъ людей», снабдили ихъ «деньгами, плащемъ, обувью, оружіемъ, порохомъ, свинцомъ и всякими припасами», отправили воду «на великомъ множествѣ плоскодонныхъ судовъ» и, какъ сказано въ граматѣ, «тою службою и радѣньемъ и высылкою людей Сибирское государство они взяли, татарь, остяковъ и вогулить подъ высокую Царскую руку привели».

Въ 1616 году Строгановы, «употребивъ къ тому много людей, денегъ и оружія», усмирили казанскихъ татаръ и черемисъ и освободили отъ ихъ осады города Осу и Сарапуль.

Въ смутное время Строгановы «поморскіе и казанскіе города отъ шаткоти укрѣпили, въ Казань и во многія другія мѣста посыпали вѣрныхъ своихъ людей, съ увиціемъ стоять за Пари и не вѣрить измѣнникамъ».

Въ Московское разореніе Строгановы пожертвовали въ царскую казну 423.706 руб., да въ смоленскую службу дали на жалованіе рат-

ныхъ людемъ 418.056 руб. 9 алтынъ серебромъ, «и сихъ денегъ обратно изъ казны не взяли, въ томъ прибыли не искали; а служили Государю и государству вѣрою и правдою».

Въ 1663 году, когда уфимскіе башкиры измѣнили царю, Строгановы съ пермскіхъ своихъ вотчинъ поставили и вооружили съ каждыхъ пяти дворовъ по одному человѣку, и рать эта стояла въ Кунгурѣ и на Степановѣ-Городищѣ, защищая край отъ башкиръ многие годы «безъ всякой отъ Царской казны подмоги».

Въ 1790 году, графъ Александръ Сергеевичъ Строгановъ, «подражая ревностной любви къ отечеству своихъ предковъ», какъ сказано въ прошеніи, поданномъ имъ императрицѣ Екатеринѣ II, отказывается отъ 10.000.000 десятины пожалованной предкамъ его земли—«по собственной и доброй волѣ» оставляетъ тѣ мѣста за казенными заводами и государственными селеніями.

Наконецъ, въ наши дни, при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, графъ Серг. Григорьевичъ Строгановъ по уставнымъ грамотамъ пожертвовалъ въ пользу своихъ бывшихъ крѣпостныхъ бѣлье 2.300.000 руб. выкупныхъ платежей.

При разработкѣ славной эпохи Императора Александра I, личность графа Павла Александровича Строганова, среди разнохарактерныхъ сотрудниковъ государя, обращаетъ на себя особенное вниманіе.

Описанію жизни и дѣятельности Павла Александровича, въ строгомъ хронологическомъ порядке, и посвящаютъ трудъ высокаго автора, составленный на основаніи цѣлой серии еще не изданныхъ документовъ, хранившихся въ архивахъ графа А. С. Строганова, князя П. П. Голицына, и официальныхъ документовъ, находящихся въ архивахъ министерства иностраннѣнъ дѣлъ и въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба.

Книга состоитъ изъ предисловія, введенія, пяти главъ текста, снабженного прекрасно исполненными иллюстрациями и родословной таблицы; обильныя приложения, напечатанные за текстомъ, даютъ возможность ознакомиться съ множествомъ неизданныхъ документовъ; въ концѣ помѣщенъ списокъ изданий, упоминаемыхъ въ изслѣдованіи, и указатель личныхъ имёнъ.

Первая глава посвящена родителямъ графа Строганова и особенности его отцу, графу Александру Сергеевичу. Главною страстью графа А. С. Строганова была его любовь къ искусствамъ и наукамъ; на этомъ поприще онъ явился дѣйствительно покровителемъ всѣхъ русскихъ талантовъ въ области живописи, ваний и литературы, и никогда не жалѣлъ ни средствъ, ни труда, чтобы прийтъ къ нимъ на помощь. Съ самаго основанія Академіи художествъ, съ 1768 г., графъ А. С. Строгановъ былъ избранъ почетнымъ ея членомъ, а въ 1800 г. назначенъ президентомъ. Онъ состоялъ во главѣ лицъ, занимавшихся составленіемъ обширнаго и любопытнаго проекта устройства Публичной библиотеки и общества для печатанія книгъ и переводовъ. При учрежденіи Государственного Совета графъ А. С. былъ въ числѣ первыхъ 27-ми членовъ (считая и министровъ) этого

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ

ЗАЛЪСОВЪ.

Russkaya starina

Сборник старинных
рукописей и издааний
XV-XVIII веков

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОЧЕДЫНИЕ

Сборник старинных

рукописей

Сборник старинных рукописей

Сборник старинных рукописей

VERSITY
S
ON

Сборник старинных рукописей и издааний XV-XVIII веков № 36
1902

838

Rусская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1903.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.

1903.

S SP

Russkaya starina

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1903.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.

1903.

858

J = 12 - 12

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1903 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по истории русской литературы и искусства; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русского общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея истории; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣть возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 р. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

**И С Т О Р I Я
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
и
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.**

Н. Ф. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.
Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться
въ Товарищество «Общественная Польза», СПБ. Большая
Подьяческая, № 39.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ¹⁾.

Р

азбитый нравственно и физически В. Н. Каразинъ жилъ безвыѣздно въ своей деревнѣ, до вступленія на престолъ императора Николая I. 18-го сентября 1826 года онъ обратился къ молодому императору съ просьбою о снятіи съ него запрещенія, и ему было разрѣшено жить, гдѣ пожелаетъ, даже въ Москвѣ, но кромѣ Петербурга, «съ тѣмъ, чтобы воздерживался отъ всякаго сужденія, до него непринадлежащаго». Но и послѣ этого разрѣшенія Каразинъ оставался въ деревнѣ, занимался улучшеніемъ

¹⁾ Василій Назарьевичъ Каразинъ родился 30-го января 1773 года въ селѣ Кручкѣ, Слободско-Украинской губерніи, Богодуховскаго уѣзда. Начальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ родителей, а затѣмъ въ кременчугскомъ и харьковскомъ частныхъ пансионахъ. По окончаніи въ нихъ курса, онъ продолжалъ образованіе въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ предался любимымъ своимъ занятіямъ—изученію человѣка и природы; занималась ими и впослѣдствіи, онъ не рѣдко удивлялъ разнообразiemъ своихъ знаній.—«Страсть моя къ наукѣ, писалъ онъ въ 1798 году, и родъ философской жизни, какую я вести началъ почти съ дѣтства моего, наконецъ, самое здоровье отвлекли меня отъ мысли о продолженіи службы навсегда».

Счастливый въ своемъ кабинетѣ или „въ сельской рощѣ своей“, В. Н. Каразинъ предался изученію Россіи и ея нуждъ. Онъ предпринялъ рядъ путешествій по губерніямъ и пришелъ къ мысли, что, при тогдашнемъ тяжедомъ положенія Россіи, лучше всего оставить ее и переселиться за границу, гдѣ „среди просвѣщенного общества, среди природы, искусствомъ доведенной до завиднаго совершенства, среди лучшихъ способовъ питать свою нравственность“. Когда на просьбу его о дозволеніиѣхатъ за границу послѣдовалъ отказъ императора Павла, то Каразинъ рѣшилсяѣхатъ тайно, но былъ задержанъ, у Ковно, при переправѣ черезъ Нѣманъ, и посаженъ на гауптвахту. Чистосердечное изложеніе причинъ, по которымъ онъ же-

сельского хозяйства, упорядочениемъ своихъ отношеній къ крестьянамъ и составленіемъ разнаго рода проектовъ.

лаъ покинуть Россію, тронуло императора Павла. Онъ простиъ В. Н. Каразина и зачислилъ его на службу въ канцелярію государственного казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора, коллежскимъ переводчикомъ.

Черезъ нѣсколько дней, по вступленіи своеемъ на престолъ, императоръ Александръ I нашелъ у себя на столѣ записку, поразившую его своимъ содержаніемъ. Въ ней наложена была программа царствованія, котораго Россія ожидала отъ Александра. Молодой императоръ поручилъ графу Палену и Д. П. Трошинскому узнать, кто авторъ записки, и по донесеніи ему, что это молодой чиновникъ, В. Н. Каразинъ, приблизилъ его къ себѣ настолько, что бесѣдовалъ съ нимъ въ своемъ кабинетѣ и предоставилъ ему право непосредственной съ нимъ переписки. Каразинъ принималъ участіе въ обсужденіи и составленіи проектовъ самаго разнообразнаго содержанія и пользовался безграничнымъ довѣріемъ государя. Въ первое свиданіе съ императоромъ, на вопросъ его, съ чего начать реформы, Каразинъ отвѣчалъ: „конечно съ образованія народнаго“, и подалъ мысль о необходимости устройства отдѣльного вѣдомства, которое завѣдывало бы и распоряжалось самостоятельно столь важной частью государственной жизни. Императоръ Александръ раздѣлялъ эту мысль и согласно просьбы Каразина поручилъ ему прежде всего заняться „начертаніемъ плана“ Харьковскаго университета. Лѣтомъ 1802 года, Василій Назарьевичъ отправился въ Харьковъ и въ многочисленномъ собраниі дворянъ Слободско-Украинской губерніи произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ взглядъ императора на устроеніе въ Харьковѣ университета. Дворянство рѣшило внести съ доходовъ своихъ имѣній 400 тысячъ руб. на обеспеченіе существованія университета. Когда Каразинъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ возвратился въ Петербургъ, то нашелъ свое положеніе при государѣ значительно пошатнувшимся. Враги успѣли представить его императору Александру въ непривлекательномъ свѣтѣ, какъ человѣка заносчиваго, возвордившагося своимъ положеніемъ и находящагося не у мѣста. Каразинъ не былъ принятъ государемъ и получилъ приказаніе всѣ дѣла по Харьковскому университету передать въ только-что устроенное тогда министерство народнаго просвѣщенія. Самъ онъ назначенъ былъ правителемъ дѣлъ комиссіи, при предсѣдателѣ графѣ Заводовскомъ (министрѣ народнаго просвѣщенія) и членахъ ин. А. Чарторыйскомъ, графѣ Потоцкомъ, Клингерѣ, Хитрово и академикахъ Озерецкому и Фусѣ. Всѣ эти лица были нерасположены къ Каразину, и онъ, при всемъ своемъ рвениі, встрѣчалъ постоянно препятствія и затрудненія. Тогда, пылкій по характеру, онъ рѣшился написать письмо государю, въ которомъ указывалъ на безпечность министерства, медленный ходъ дѣлъ и явное къ себѣ нерасположеніе. Содержаніе письма не могло, конечно, остаться тайною ни для графа Заводовскаго, ни для остальныхъ членовъ комиссіи и привело къ печальнымъ результатамъ. Уѣхавъ въ Харьковъ, по университетскимъ дѣламъ, Каразинъ сдѣлалъ распоряженіе о выпискѣ для университетскихъ нуждъ разныхъ мастеровъ. Это распоряженіе было представлено государю, какъ самовольство, какъ превышеніе власти, и 13-го августа 1804г. Каразинъ былъ отставленъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ статского советника.

Междь тѣмъ, въ 1829 году, слободско-украинское дворянство, руководясь обширными знаніями Каразина, его честностью и неутомимою дѣятельностью, рѣшилось избрать Василія Назарьевича въ предсѣдатели уголовной палаты. Извѣстіе объ этомъ оживило Каразина; онъ уже видѣлъ передъ собою картину будущей дѣятельности на пользу горячо любимаго имъ отечества, видѣлъ въ избраніи довѣріе къ нему дворянства, но его смущалъ вопросъ: будетъ ли онъ утвержденъ въ этой должности. Эта мысль вызвала въ немъ лихорадочное настроеніе, не давала ему покоя, и, наконецъ, онъ рѣшился самъ сдѣлать починъ къ разрѣшенію этого вопроса. Прося управлявшаго въ то время министерствомъ юстиціи князя А. А. Долгорукаго объ исправленіи своего послужного списка, Василій Назарьевич, какъ бы пользуясь этимъ случаемъ, писалъ ему¹⁾: «Не излишнимъ, вѣроятно, будетъ и приватное, собственно для васъ²⁾ назначеннное письмо, при моемъ официальномъ прошеніи. Дѣло мое не изъ числа обыкновенныхъ, и оно ва-

Удалившись въ имѣніе Кручикъ, Василій Назарьевичъ, при своемъ кипучемъ характерѣ, не могъ оставаться празднымъ. Онъ писалъ проекты, разсужденія по разнымъ государственнымъ вопросамъ, посыпалъ ихъ въ Петербургъ, но всѣ они отвергались, и самъ онъ считался человѣкомъ навязчивымъ, раздражительнымъ и опаснымъ. Постигшій его несчастія, дѣйствительно, измѣнили его характеръ: сохранивъ прежнюю пылкость и желаніе быть полезнымъ родинѣ, онъ сдѣлался человѣкомъ первымъ и раздражительнымъ, не могъ уже спокойно и вѣрно оцѣнивать положеніе вещей и представлять проекты большую частью явно несостоятельные или неумѣстные. Онъ обращался къ императору Александру съ разными наставленіями то подѣломъ сербовъ, то относительно войнъ съ Наполеономъ и проч. Эти записки и письма вызвали указъ, данный слободско-украинскому губернатору, которымъ было повелѣно: „статскаго советника Каразина, за нелѣпыя его разсужденія о дѣлахъ, которыя до него не принадлежать и ему извѣстны быть не могутъ, взять изъ деревни его, подъ карауломъ посадить на харьковскую гауптвахту на восемь дней. Послѣ чего истребовать отъ него подпись, чтобы онъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не отоживался болѣе безпоконъ его величество“.

Указъ этотъ не остановилъ Каразина, и онъ продолжалъ писать и посыпать свои мысли или прямо государю, или кому-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ нихъ онъ указывалъ на недостатки и злоупотребленія администраціи, и на него смотрѣли, какъ на человѣка беспокойнаго и явнаго противника правительства, за нимъ слѣдили и въ 1820 году, во время бунта Семеновскаго полка, заподозрили, что онъ былъ авторомъ „грубаго пасквила“, подброшенаго въ казармы Преображенскаго полка. По высочайшему повелѣнію, Каразинъ былъ арестованъ и отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Освобожденный черезъ шесть мѣсяцевъ изъ заключенія, онъ былъ отправленъ на житѣе въ деревню, съ запрещеніемъ выѣжжать оттуда и съ позволеніемъ переписываться не иначе, какъ透过儿 through the middle of the page.

¹⁾ Въ собственноруч. письмѣ отъ 6-го іюля 1829 г. изъ Богодухова.

²⁾ Все набранное разрядкой подчеркнуто самимъ В. Н. Каразинъ.

шему сіятельству совсѣмъ неизвѣстно. Почему я счелъ необходи-
мостью приложить при се мъ письмѣ (не при прошениі) то, чтѣ
можетъ служить къ объясненію онаго, ибо понятіемъ, которое о проси-
телѣ будеть имѣть вашъ просвѣщенный разумъ и ваше чистое
сердце (такъ разумѣютъ о нихъ вообще въ Россіи), я дорожу, весьма
мало дорожа предстоящимъ мѣстомъ. Оно, признаюсь, не
можетъ быть для меня лестнымъ, послѣ всего со мною случившагося и
утраченаго въ продолженіе пятидесяти шести лѣтъ.

«Но выполнять свято его обязанности я тѣмъ не менѣе почту
свою славою, равно какъ и зависимость отъ такого начальника, какъ
вы — большою честью. Это не слова одни, будьте въ томъ увѣрены.
Я не льстиль и царямъ,— и вотъ единственная причина, что я, при
самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, каковыя, вѣроятно, не возобно-
вятся ни для кого въ мірѣ, не пошелъ далеко!

«Позвольте надѣяться, сіятельныйшій князь, что вы сами удостоите
прочесть мои бумаги, не довольствуясь выпискою изъ оныхъ по обык-
новенію вельможъ,— и вотъ единственная моя просьба. Прочее все
предоставляю Богу и собственному чувству вашему, которое Онъ же
вамъ внушить, пребывая съ глубочайшими почтеніемъ, преданностю
и довѣренностию вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга.

В. Каразинъ.

P. S. Подлинное письмо почтеннаго графа Коновницына, которое
одно позволилъ я себѣ приложить, изъ числа упомянутыхъ въ проше-
ніи, и при томъ собственно для свѣдѣнія вашего сіятельства, благо-
волите мнѣ возвратить, такъ какъ драгоцѣнна для меня память благо-
роднѣйшаго сего человѣка¹⁾.

¹⁾ Получивъ увѣдомленіе отъ В. Н. Каразина, о томъ, что онъ живится, П. П. Коновницынъ, 8-го сентября 1805 г. изъ селенія Горки, писалъ ему: „Крайне порадовали вы меня напоминаніемъ своимъ, а болѣе того обязательнымъ въ немъ увѣдомлениемъ о перемѣнѣ состоянія вашего. Какъ искренно вамъ приверженный, радуюсь и беру истинное участіе, усерднѣйше при томъ прошу рекомендовать меня любезной супругѣ вашей. Будьте, почтеннѣйший Василій Назарьевичъ, счастливы, вы его въ полной мѣрѣ заслу-
живаете. Люди съ сантиментами, каковы ваши, должны награждаться щедро отъ промысла Вышняго, ибо всякий порывъ сердца вашего устремленъ на помощь ближнему. Край нашъ благотворный и мѣсть въ васъ истин-
наго патріота и просвѣтителя; пекитесь о немъ и, если не мы еще, то дѣти наши познаютъ вашъ цѣну вѣковечную.

«Благодарю васъ чувствительнѣйше за поѣзденіе Никитовки, и что по-
чили издѣлія нашего взять на прекрасный дормезъ вашъ; жаль только, что
сукно не такъ хорошо и не дѣлаетъ большой чести заводителямъ онаго, во,

Черезъ день Каразинъ отправилъ второе письмо князю А. А. Долгорукову¹⁾:

«Послѣ отправленія, 6-го числа сего мѣсяца, къ вашему сіятельству конверта моего, относительно до представленія меня въ кандидаты предсѣдателя уголовной палаты Слободско-Украинской губерніи и моего послужного списка по сему поводу, я нашелъ еще одну бумагу, которую долгомъ ставлю препроводить также приватно для свѣдѣнія вашего,—это прошеніе мое послѣ отставки блаженной памяти государю императору. И я предпочитаю представить его въ оригиналѣ²⁾ того самаго времени, дабы отвратить всякое сомнѣніе. Оно содержитъ въ сокращеніи всю исторію предпріятія моего о Харьковскомъ университѣ

по крайней мѣрѣ, оно домашнее. Премного благодарю также за позволеніе отдать мальчика на кожевенный вашъ заводъ. Испрашиваю препорученій вашихъ, чтобы мнѣ имѣть пріятный случай доказать, сколь исполненъ сердечною къ вамъ приверженностью и почитаніемъ, имѣющій быть[“] и проч.

¹⁾ Отъ 8-го іюля 1829 года изъ села Кручики.

²⁾ Который, по прочтениіи былъ мнѣ возвращенъ, такъ какъ шель не общимъ путемъ.

На приложенномъ прошеніи рукою Каразина написано: „Подлинный экземпляр прошения В. Н. Каразина, которое было представлено блаженной памяти императору княземъ Чарторыйскимъ въ ноябрѣ 1804 года“.

Прошеніе же было слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь! Исполняя объявленную мнѣ волю В. И. В., изъясняю я мое положеніе не многими словами.

„Въ Слободско-Украинской губерніи изъ имѣнія, пожалованного въ 1772 году отцу моему, досталось мнѣ село, числомъ 300 душъ крестьянъ. Всѣ оные въ залогѣ теперь отчасти въ Приказѣ общественнаго призрѣнія, отчасти въ Государственномъ заемномъ баякѣ. Тринадцать тысячъ руб. должны я въ оба сіи мѣста; да сверхъ того болѣе 26 т. въ частныхъ рукахъ, и именно помѣщикамъ: Кандалинцеву и Хрущеву, именитымъ гражданамъ: Злобину, Борисову, Аннікіеву и Карпову. Легко доказать, что я пріобрѣлъ долгъ сей, совершенно уничтожающій мою собственность въ послѣдніе годы моей службы, не расточительно однако жизнью, къ которой я не имѣю ни привычки, ниже способностей. Несчастная увѣренность, что могу и долженъ служить вамъ, не по общимъ путямъ, увѣренность, которую поддерживали во мнѣ самыя милости ваши, устремила меня на предпріятія, далеко превышающія мое состояніе. Большая часть покушеній опрокинуты препятствіями; но изъ тѣхъ, кои имѣли предметомъ край моего рожденія, — конечно одинъ изъ лучшихъ въ Россіи—не всѣ остались и безуспѣши. Въ двухъ губерніяхъ, правительствомъ неожиданный энтузіазмъ къ просвѣщенію представилъ ему до 600 т. руб.; многие молодые люди поощрены къ усовершенію себя въ наукахъ, художествахъ, въ г. Харьковѣ водворены 27 новыхъ ремеселъ, мысли тамошняго купечества обращены съ выгодою на полуденную торговлю, переведено съ чужихъ языковъ до 15 книгъ разнаго рода, приспособленныхъ къ общенароднымъ пользамъ края того, которыхъ и ждутъ

тетъ. Ваше сиятельство, изволите согласиться, что ложь не могла имѣть мѣсто въ таковомъ послѣднемъ объясненіи подданного съ государемъ! Не приказный¹⁾ это документъ, конечно... Онъ передается отъ совѣсти къ совѣсти, и просвѣщенный умъ вашъ дастъ ему полную вѣру.

«Официальнымъ доказательствомъ, еслибы оно было нужно, въ томъ, что я былъ первоначальною причиной не только упоминаемаго университета, но и всего департамента народнаго просвѣщенія, можетъ служить высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 8-го сентября 1802 г., въ которомъ я одинъ (въ лицѣ правителя

только харьковской типографіи для своего изданія въ свѣтъ и прочее. Нѣкоторые недостатки въ сихъ мѣрахъ извиняются тѣмъ, что учреждали ихъ не соревнованіе капиталистовъ, ниже мощная рука правительства, но одинъ маловажный, оною поддерживаемый, дворянинъ скучными своими способами. Я не называю заслугами сихъ движений, худо можетъ быть понятаго патріотизма, стыжусь такъ же приводить на память подобные сему порывы въ другомъ родѣ, кои вы нѣкогда удостоивали самаго лестнаго имени. Не отягощаю вниманія вашего доказательствами, что между тѣмъ и обыкновенной моей служба не потеряла, ибо я былъ единственнымъ письмоводцемъ по части департамента просвѣщенія отъ самого его, такъ сказать, зарожденія въ умѣ вашемъ, до окончанія послѣднихъ знатѣйшихъ изъ его учрежденій безпосредственно по отставкѣ моей, на высочайшее ваше утвержденіе поднесенныхъ. Но я долженъ признаться, всемилостивѣйший государь, что во всѣхъ оныхъ случаяхъ дѣйствія мои сопровождала надежда, что вы меня не оставите, если я буду въ крайности... Теперь превратное понятіе о бѣзвизинныхъ моихъ (по крайней мѣрѣ) пожертвованіяхъ общему добру, удаление изъ службы, вынужденное страхомъ еще худшихъ послѣдствій, єдкія посмѣшки эгоистовъ и послѣдняя нищета составляютъ все, что мнѣ въ удѣль достается. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ я лично не умѣлъ извлечь ничего болѣе изъ счастливѣйшаго моего, повидимому, положенія.

„Сжалътесь надо мною, государь! Предубѣждевіе, что я вами и отечеству могу быть полезенъ свыше званія своего, и младенческое, можно сказать, невѣжество въ обращеніи съ разными сильными лицами—вотъ единыхъ мои вины.

„Я прошу отъ васъ не наградъ или отличій, которыя иной на мое мѣстѣ, съ лучшимъ соображеніемъ обстоятельствъ, давно бы имѣлъ, но только вспомоществованія, приличнаго вашей великой и сострадательной душѣ.

„Двадцать пять тысячъ рублей въ займы изъ почтовыхъ, банковыхъ или Кабинетскихъ суммъ безъ залога (котораго не имѣю) и безъ платежа процентовъ на 10 лѣтъ будетъ достаточно для поправленія моего, хотя долги мои простираются до 40 т. рублей. Сие пособіе возвратить еще меня въ возможность быть рано или поздно употребленнымъ; а между тѣмъ доставить способы оправдать передъ обществомъ то мнѣніе, каковое вы прежде обо мнѣ имѣть изволили».

1) Здѣсь и далѣе напечатанное разрядкой подчеркнуто самимъ Каразинымъ.

дѣль комиссіи объ училищахъ) именованъ на-ряду съ членами ея и министрами, назначеными въ тотъ же день. Воля государя въ семъ случаѣ не могла быть безъ особливой причины,—всего меныше по представлению тѣхъ лицъ, кои сами въ тотъ же день назначены, слѣдовательно, не успѣли еще ни о чѣмъ докладывать, — и я думаю, что это единственный примѣръ въ своемъ родѣ. Назначенію директоровъ и правителей канцелярій свойственно быть не иначе, какъ по докладу, подносимому завѣдующими министрами. Въ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія есть еще отношеніе Михаила Никитича Муравьева, отъ 12-го ноября 1802 года за № 1924, къ министру, доказывающее то же. Прочее не выходило изъ комнаты его величества, слѣдовательно, не можетъ быть предметомъ ссылки. Одиннадцати бумагъ, представленныхъ графу Виктору Павловичу въ концѣ 1804 года, помнится, и въ томъ числѣ одной рѣшительной по сему дѣлу, я не получалъ обратно, равно какъ и другихъ для меня и семейства моего довольно важныхъ, которыхъ взяты были тайною экспедиціею въ несчастную для насъ ночь, съ 26-го ноября 1820 г. въ С.-Петербургѣ. Словомъ, правительство мое, лишивъ меня (безвиннаго) по единому подозрѣнію въ сего, въ томъ числѣ доказательствъ моихъ заслугъ, равно какъ и моей невинности, поступивъ со мною, къ стыду вѣка, безъ суда, не сохранивъ даже никакой формы, обязано меня вознаградить при нынѣшнемъ случаѣ, котораго я отнюдь не искалъ и о немъ никогда не помышлялъ. Я былъ неоднократно кандидатомъ въ совѣтскіе судьи; теперь кандидатъ предсѣдателя уголовной палаты. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ имѣя на своей сторонѣ общественное мнѣніе, стану ожидать моего приговора—отъ васъ, какъ отъ генераль-прокурора, въ разумѣ Петра Великаго. Это дѣло не частное и не бездѣлица! Меня можно вновь запереть, можно конечно назвать сумасшедшими, или и убить ненаказанно, но я имѣю шестерыхъ сыновъ съ талантами—куда дѣвать ихъ? Дабы намъ никогда не было стыдно передъ Европою, покажемъ ей, что и мы европейцы!... Съ сею надеждою, милостивый государь, съ надеждою, что меня взыщутъ, а не отвернутъ по прошествіи многихъ лѣтъ (въ которыя безъ славы и корысти я продолжалъ быть полезнымъ отечеству по силамъ моимъ)¹⁾, я съ глубочайшимъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть» и проч.

Характеръ и тонъ этихъ писемъ обратили на себя вниманіе, и сенатору, генераль-лейтенанту Горголи поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи Каразина какъ въ частной его жизни, такъ и въ соотноше-

¹⁾ Благодѣтельному графу Виктору Павловичу извѣстны частію мои труды по сельскому быту, наукамъ и прочіе. Отъ васъ, сіятельныйшій князь, зависѣть приказать мнѣ сообщить вамъ все то, что по сей части васъ интересуетъ.

ніяхъ съ другими, узнать объ его занятіяхъ и съ какими людьми наибольѣе состоить онъ въ связяхъ, т. е. съ честными и скромными или же съ беспокойными и строптивыми.

«Статскій совѣтникъ Каразинъ, сказано въ рапортѣ подполковника Бахметева ¹⁾, вообще извѣстенъ какъ человѣкъ, одаренный пылкимъ умомъ и способностью изъясняться какъ словесно, такъ и письменно, имѣя, сверхъ природныхъ дарованій, хорошія свѣдѣнія въ наукахъ и образованность. Поведеніе его ни съ какой стороны порицанія не заслуживаетъ; въ частной жизни его ничего худаго не замѣчено.

«Занятія его въ быту частномъ состояли въ составленіи проектовъ по частямъ мануфактурной, агрономической, особаго образа управления крестьянами и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ государственныхъ постановленіяхъ, въ коихъ онъ излагалъ политическія мнѣнія свои. Успѣхъ ни въ чемъ не благопріятствовалъ г. Каразину: по части сельскаго хозяйства ни одно изъ его мнѣній не оказалось возможнымъ къ приведенію въ дѣйствие, одинъ онъ дѣлалъ въ томъ опыты и состояніе его весьма разстроено. Образъ мыслей его, въ отношеніи къ правительству, понудилъ принять противъ него мѣры строгости, дабы удержать въ пристойныхъ границахъ.

«Нынѣ г. Каразинъ занимается также составленіемъ разныхъ проектовъ, но съ менѣшею дѣятельностью и болѣею осторожностью. Они болѣею частію относятся къ сему краю и представляютъ, также какъ и прежде имѣ написанные, произведенія пылкаго воображенія и остраго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожности по неосновательности.

«Кругъ знакомыхъ г. Каразина состоить въ лучшемъ обществѣ здѣшней губерніи и не замѣтно, чтобы какіе-либо предосудительные люди были съ нимъ въ связи».

Къ этому Горголи прибавлялъ съ своей стороны, что Каразинъ, «не касаясь способностей его ума, въ поведеніи своемъ, сколько мѣръ извѣстно, не имѣть ничего предосудительного, проживаетъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ и рѣдко пріѣзжаетъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время. Теперь находится здѣсь (въ Харьковѣ) для помѣщенія сына своего въ учебное заведеніе университета, а также по случаю ожиданія имъ высочайшаго утвержденія, по избранію дворянства въ предсѣдатели уголовной палаты. Впрочемъ, на здѣшнее дворянство имѣть онъ вліяніе очень малое» ²⁾.

Вопросъ о предсѣдательствѣ въ уголовной палатѣ не получилъ осуществленія и окончательно нравственно разстроилъ Ка-

¹⁾ Сенатору Горголи 28-го августа 1829 г. № 72. Харьковъ.

²⁾ Письмо Ивана Горголи А. Х. Бенкendorfу 31-го августа 1829 г. № 928. Харьковъ.

зина, сдѣлалъ его озлобленнымъ и недовѣрчивымъ ко всѣмъ лицамъ, власть имѣющимъ. Въ каждомъ изъ нихъ онъ видѣлъ своего врага, способнаго повредить ему при каждомъ удобномъ случаѣ и при томъ безъ всякаго основанія. Въ 1831 году, пользуясь пребываніемъ Высочайшаго Двора въ Москвѣ, Каразинъ прѣѣхалъ въ первопрестольную столицу для опредѣленія старшаго сына на службу въ министерство иностраннѣхъ дѣлъ. Получивъ на то согласіе графа Нессельроде, Каразинъ, безъ всякой причины, писалъ А. Х. Бенкендорфу¹⁾:

«Возвратясь домой, немедленно пишу къ вамъ трепещущею рукою. Ради Бога Всемогущаго не повредите моему сыну у графа Карла Васильевича (Нессельроде) и, если уже повредили, исправьте это какъ-нибудь. Сжалтесь надо мною: оставьте мой послѣднее это утѣшеніе. Ради Бога, ради самого Бога сжалтесь! Я, который не привыкъ никому раболѣпствовать, мысленно простираюсь у ногъ вашихъ: умоляю васъ! довольно, уже довольно! Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ».

«Изъ письма вашего отъ 13-го ноября, отвѣчалъ Бенкендорфъ, имѣль я удовольствіе узнать, что вы имѣете сына, — обстоятельство, которое до сего времени мнѣ не было известно. Но если бы я и зналъ, что у васъ есть сынъ, то, не имѣя никакой причины вредить ему въ мнѣніи Карла Васильевича, я прошу васъ покорнѣйше вѣрить, что наносить вредъ ближнему есть дѣло всегда чуждое моему образу мыслей».

На конвертѣ этого письма было написано: «Господину Каразину» Москва на Возвѣженкѣ, д. Кокошкина. Такой адресъ возмутилъ Василія Назарьевича, и онъ, не распечатывая конверта, возвратилъ его при запискѣ слѣдующаго содержанія: «Вчера, часу въ двѣнадцатомъ, по возвращеніи изъ концерта, засталъ я у себя прилагаемый при семъ кувертъ, доставленный яко бы изъ канцеляріи его высокопревосходительства Александра Христофоровича Бенкендорфа. Необыкновенная надпись! Она заставляетъ меня думать, что не болѣе приличія соблюено и въ самой бумагѣ. Почему долгомъ благороднаго человѣка почитаю ее возвратить, не распечатавъ.

«Одна только вѣроятность могла бы меня заставить принять такой кувертъ. Въ ономъ могъ бы заключаться рескриптъ государя императора; но, во-первыхъ, не представляется къ тому никакого повода; во-вторыхъ, его величество также милостивъ, какъ и августейший блаженной памяти его братъ, который всѣ шесть рескриптовъ, коими меня въ разное время удостоилъ, изволилъ собственоручно (кромѣ двухъ) надписывать, называя по имени и отчеству. Такимъ же образомъ съ прибавленіемъ его высокородію былъ надписанъ весьма милостивый рескриптъ его высочества великаго князя Михаила Павлов-

¹⁾ Отъ 13-го ноября 1831 года.

вича, который я имѣть счастіе получить изъ Тульчина въ 1829 году. Въ 1830 и въ нынѣшнемъ, даже на сихъ дніяхъ (даже сего утра) имѣть я честь получить отзывы первѣйшихъ особъ Имперіи, изъ коихъ ни въ одномъ не была забыта употребительная вѣжливость, а напротивъ!

«Отъ его высокопревосходительства зависить приказать мнѣ, что нужно чрезъ своего адъютанта, а подобныхъ отношеній я не приму. И мѣя честь быть русскимъ дворяниномъ,—не говорю о моихъ заслугахъ отечеству и о личномъ уваженіи, коимъ я въ немъ пользуюсь отъ всѣхъ знающихъ мое имя благонамѣренныхъ особъ. Довольно же и того, что я снесъ до сихъ поръ! Василій Каразинъ.

P. S. Ежели это отвѣтъ на мою просьбу, то, принеся ее въ самыхъ почтительныхъ, даже унизительныхъ для себя выраженіяхъ, я ничего такого не заслужилъ.—Въ смертельномъ страхѣ просилъ я о сынѣ, четвертомъ изъ семерыхъ моихъ дѣтей, кои несчастны по милости Александра Христофоровича (ибо самъ государь высокою его особою, не можетъ имѣть противъ меня, давно пораженного, ничего, вовсе ничего!).— Но буде (предположимъ) я ошибаюсь въ моемъ мнѣніи, да оправдится Александръ Христофоровичъ предъ честнымъ семействомъ такъ, какъ оправдываются обыкновенно честные истинно благородные люди, т. е. благодѣяніемъ. Это самое я и намекалъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, но былъ встрѣченъ и провоженъ бранью предъ лицомъ лакеевъ въ передней!.. Но еще и теперь уважая въ Александрѣ Христофоровичѣ особу, уваженную моимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, я на томъ же основаніи простираю руку и отъ всего сердца готовъ забыть прошедшее».

Получивъ такую записку, генералъ Бенкендорфъ поручилъ исправлявшему должность московскаго оберъ-полицеймейстера флигель-адъютанту, полковнику Муханову пригласить къ себѣ Каразина и вручить ему пакетъ лично. Василій Назарьевичъ, 20-го ноября, явился къ Муханову вмѣстѣ съ женою, и послѣдній съ трудомъ могъ увѣритъ, что присутствіе супруги вовсе здѣсь не нужно, и просилъ ее удалиться. Потомъ, передавая Каразину конвертъ Бенкендорфа, объяснилъ, что онъ долженъ его вскрыть и прочитать, что въ немъ заключается. Каразинъ съ дерзкими выраженіями отказался принять конвертъ. Мухановъ замѣтилъ, что такъ или иначе онъ заставитъ это сдѣлать, и тогда Василій Назарьевичъ, взявъ конвертъ, разорвалъ его въ мелкие куски и бросиль на полъ. Мухановъ потребовалъ, чтобы Василій Назарьевичъ письменно удостовѣрилъ, что конвертъ имъ разорванъ, и объяснилъ, какимъ образомъ и отчего дѣти его сдѣлались несчастными. Каразинъ взялъ бумагу и написалъ:

«Когда его высокородію, г. правящему должность московскаго оберъ-полицеймейстера угодно было, предъявивъ мнѣ извѣстный уже мнѣ кон-

верть, присланный черезъ жандарма, изъ канцеляріи его высокопревосходительства Александра Христофоровича Бенкендорфа, 15-го сего ноября, за его фамильною печатью и написанный безъ всякаго приличія Г. Каразину (№ 371¹) на Воздвиженкѣ въ домѣ Ко-кошкина, сказавъ при томъ, что онъ принудить меня вскрыть оный (известныи ему образомъ) и прочесть (слѣдовательно, насилино), и когда я возразилъ, что отъ него зависить вскрыть самому, то я долгомъ чести российскаго дворянина почель оный конвертъ уничтожить въ ту же минуту, не распечатыван, ибо, въ противномъ случаѣ, я долженъ бы читать непріятныи и оскорбительныи для меня вещи, подобныи тѣмъ, кои я уже слышалъ въ передней его высокопревосходительства, какъ я о томъ въ моей запискѣ и объяснилъ въ канцелярію. Я же, какъ лично, такъ и черезъ письмо мое отъ 14-го, помнится, не нарушилъ пристойности, а напротивъ, можетъ быть, и униженно просилъ:

- 1) о возвращеніи мнѣ черезъ докладъ его обо мнѣ правъ моихъ²;
- 2) о пощаженіи третьаго моего сына, который опредѣляется по иностранной части, ибо прочія дѣти всѣ довольно уже со мною вмѣстѣ несчастны³.

«Не могу я не обвинить въ этомъ Александра Христофоровича, ибо онъ докладывалъ по дѣламъ моимъ государю императору нѣсколько разъ и все со вредомъ мнѣ. Недоброжелательство свое онъ мнѣ доказалъ даже пріемомъ своимъ; едва увидѣвши меня, кричалъ при слугахъ, продолжая это въ передней еще, такъ что я, опасаясь большой непрістойности, ушелъ. Я же передъ лицомъ его величества ничемъ не виноватъ, и за счастіе величайшее въ жизни почель бы услышать отъ него изустно, въ чемъ меня обвиняютъ (ибо я скорѣе могу ожидать высочайшей награды, какъ ревностный сынъ отечества). О семъ-то, а именно о свиданіи съ августейшимъ моимъ Монархомъ, только въ продолженіе 10 минутъ, я не преостаю умолять съ воспешствіемъ его величества на престолъ, и никто, кроме Александра Христофоровича, не

¹) Впрочемъ сомнѣваюсь, тотъ ли №, ибо сей кувертъ могъ быть переписанъ послѣ.

²) Мнѣ до сихъ поръ запрещены: 1) вѣзданіе въ Петербургъ, впередъ до повелѣнія, какъ сказано въ 1825 (1826) году; и сего повелѣнія я жду и исправлялъ черезъ его высокопревосходительство, ибо черезъ него были предприняты мои бумаги къ Е. И. В.; 2) издаваніе чего-либо изъ сочиненій моихъ, даже до землемѣлія и проч. относящихся.

³) Дочь, одаренная всѣмъ отъ природы и не бѣдная, сохиетъ въ дѣствѣ; ей теперь 26 лѣтъ. Она не имѣла ни одного жениха понынѣ. Сынъ съ рѣдкими способностями, что доказалъ онъ книгою Иллюдометръ, изданиемъ имъ на 18-мъ году возрасла.—Жена въ горести; все имѣніе разорено слѣдствіемъ моего заключенія истинно безвиннаго.—Но о семъ много писать довольно и я напишу, если прикажутъ.

могъ полагать сему препоны. Въ прошломъ еще году просилъ я объ этомъ. По прошествіи десяти мѣсяцевъ получиль письмо его высокопревосходительства, въ коемъ объявляеть, что по прошенію моему, принесенному черезъ генераль-адъютанта Адлерберга, повелѣно ему же (Алекс. Христофф.) отобрать отъ меня все, что я имѣю сказать государю. Я на сіе письмо (вида безполезность) понынѣ не отвѣчалъ».

Въ дополненіе къ этой запискѣ, Каразинъ 21-го ноября писалъ Сергею Николаевичу Муханову:

«Говоря о многомъ въ кабинетѣ вашемъ сего утра, забылъ я сказать объ однѣмъ, чѣдѣ было у меня на мысли прошедшой ночью. Но вы меня такъ торопили!... Пускай же это напишу, въ прибавленіе ли къ моимъ бумагамъ, или собственно для васъ, какъ сами разсудить изволите. Припомните, я думаю, изъ обстоятельствъ проѣзда вашего чрезъ Харьковъ съ турецкими сановниками, что я Галидъ-Решидъ-пашѣ подносилъ экземпляръ «Иллюдометра» моего Василія. Это было не безъ мыслей, которыя теперь весьма естѣстственно изъясняю. Бывъ заживо погребенъ въ Россіи, вмѣсто предположенныхъ въ упованіи моемъ наградъ, кои непремѣнно излились бы¹⁾ на безвиннаго страдальца-патріота, лучшаго друга своихъ добрѣйшихъ государей (ибо я имъ, жертвуя всѣмъ бытіемъ моимъ, не переставалъ говорить правду)—я собирался въ Стамбуль, чтобы тамъ кончить остальные уже немногіе дни мои. Я мечталъ предложить идею объ основаніи университета въ Софіи, отечествѣ моихъ предковъ болгаръ, и для того воспользовался случаемъ, чтобы пріобрѣсть покровителя. Онъ, т. е. университетъ, вѣрьте (хотя и улыбнетесь), быль бы лучше моего испорченного и до сихъ поръ портимаго Харьковскаго, ибо не иному, какъ мнѣ же, было бы вѣрено приготовленіе къ нему людей и надѣни ми начальство. Но вскорѣ полученное мною извѣстіе о путешествіи государя императора по западнымъ губерніямъ перемѣнило сю мѣсть. Я рѣшился еще разъ попытаться лично повергнуться въ ногамъ и раскрыть ту недовѣдомую тайну, за которую я безвинно страдаю со всѣмъ моимъ семействомъ. Почему я и писалъ, просилъ аудіенція гдѣ-нибудь въ продолженіе пути. Но, о горе! получилъ тогъ отвѣтъ, о которомъ я упомянулъ въ моей сегодняшней запискѣ. Симъ все и кончилось.

(До сихъ поръ было написано 20-го предъ обѣдомъ; такъ и осталось за недосугами).

«21-го ноября. Не пославъ вчера сего письма, дополняя его теперь: Къ потеряннымъ правамъ прибавлю еще 3-ю потерю аппеляцій въ Сенатѣ. И объ этомъ долженъ вспомнить Александръ Христофоровичъ! да и много важнаго я не написалъ, ибо вы стояли у меня надъ

¹⁾ Разумѣется, если бы не безпрестанно подновляемый очерненія.

шеею, читая вслѣдъ каждое слово, каждую литеру. Этаکъ не дѣлаютъ и съ государственными преступниками! Пускай, вы дѣйствовали по именному повелѣнію, я иначе и разумѣть не могу¹⁾, ибо какъ вамъ иначе присыпать квартального за почетнымъ (почтеннымъ?) отцомъ семейства, статскимъ советникомъ и кавалеромъ, зацирать его въ своемъ кабинетѣ, выталкивать его жену и проч.?..

«Александръ Христофоровичъ отирается теперь отъ всякаго знакомства со мною, не зная-де и имени, имѣю ли я дѣтей и проч. Лучше всего спросите супругу вашу, она можетъ вамъ сказать, что имя мое было довольно известно въ домѣ Маріи Дмитріевны. Тесть вашъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и графиня. У насъ найдутся и письма отъ нихъ пріятельскія въ украинской деревнѣ.

«Я и не мыслю тянуться съ Александромъ Христофоровичемъ,—Богъ съ нимъ. Пускай себѣ страшаетъ народъ... (хотя правду сказать и у чше, если бы та къ дѣйствовать, чтобы царя вездѣ благословляли честные люди)! Но да помилуетъ онъ меня, наконецъ; ему охотно предоставлю честь должностнаго за меня ходатайства и готовъ доставить ему записку о себѣ. Вотъ и примиреніе. Но онъ кричалъ, размахивая руками: «Этому не бывать, не бывать». Почему жъ не бывать, милостивый государь? Чѣмъ я грѣшнѣе прощаемыхъ теперь измѣнниковъ польскихъ? Я, котораго цѣлая жизнь (позволено въ такомъ случаѣ сказать о себѣ гордо самую истину) есть цѣль полезныхъ дѣлъ, который себя никогда ничѣмъ недостойнымъ не запятналъ. «Смѣль-де, уменъ-де слишкомъ, дерзко-де пишеть», съдовательно, за это и погубить его. А? милостивые государи. Бога убейтесь! Вашъ покорнѣйший слуга Василій Каразинъ.

«Еще Р. S. и въ немъ печальное замѣчаніе для XIX вѣка. Худо, право, что мы въ Россіи не хотимъ узнать другъ друга. Безъ нарочнаго высочайшаго повелѣнія у насъ нѣть и достоинствъ. И чуть-чуть кто сидитъ повыше у должности, тотъ готовъ толкать въ затылокъ всякаго, кто ему ни представляется. Это болѣе нежели азіатизмъ! Бросьте это!»

Содержаніе этихъ писемъ было изложено А. Бенкендорфомъ во всеподданнейшемъ докладѣ, на которомъ императоръ Николай I, 23-го ноября, написалъ: «Выслать съ жандармскимъ офицеромъ обратно на обыкновенное мѣсто жительства». При этомъ, московскій генераль-губернаторъ, князь Голицынъ, сообщилъ харьковскому губернатору²⁾.

¹⁾ Въ торопяхъ и замѣшательствѣ, въ какое приводило меня наипаче присутствие бѣдной жены, я не вспомнилъ спросить вѣсъ о семъ, также чрезъ какое посредство, или непосредственно, изъ усъ оное получили.

²⁾ Въ отношеніи отъ 23-го ноября 1831 г. № 482.

чтобы онъ имѣлъ Каразина подъ строгимъ присмотромъ. Послѣдній выѣхалъ изъ Москвы 11-го декабря и опять появился въ своемъ Кручикѣ¹⁾. Спустя десять дней, сынъ его, Филадельфъ Висильевичъ, писалъ А. Бенкендорфу²⁾:

«Къ доброму, подвергшему нѣкогда очевидной опасности жизнь свою для спасенія погибавшихъ³⁾, Александру Христофоровичу, осмѣливается прибѣгнуть убитый горестю сынъ злополучнаго отца, слишкомъ жестоко наказаннаго предубѣждѣнныи и раздраженныи противъ него Александромъ Христофоровичемъ...⁴⁾ Сынъ статскаго совѣтника Каразина осмѣливается просить ваше высокопревосходительство о милосердіи къ нему...

«Чувствую, сколь необыкновенна такая дерзость; но, да будетъ сдѣлана по внушенію неопытнаго сердца, предчувствующаго, что многочисленному, безвинно пострадавшему семейству суждено быть столько же обязаннаго благодарностью вашему высокопревосходительству, сколько теперь считаетъ себя же счастливленнымъ вами... Въ пылу негодованія вы едва не уничтожили его, но еще можно, можно его воскресить!...

«Ахъ! Если бы ваше высокопревосходительство лучше изволили знать моего родителя, конечно, вы пощадили бы его. Онъ невольно сдѣлался предъ вами виновнымъ. Бывши столько лѣтъ въ несчастнѣйшемъ положеніи и чувствуя, что онъ не заслужилъ этого, жертвовавши всегда всѣмъ для пользы общей, онъ дѣлалъ безпрестанныя усилия, дабы оправдать себя въ мнѣніи государя императора, но тщетно! Видимо какіе-то недоброжелатели препятствовали ему въ томъ. По стечению несчастныхъ обстоятельствъ, онъ осмѣлился предполагать, что ваше высокопревосходительство не благоволите къ нему. Онъ не умѣлъ этого скрыть— и подвергся справедливому негодованію вашему... Но, наказаніе пре-взошло мѣру вины: онъ страдаетъ не одинъ. Несчастная добрая наша мать, бѣдная сестра наша, всѣ мы—погибли, если онъ не будетъ помилованъ! На пребываніи его въ Москвѣ основывалась вся надежда наша на поправленіе разстроеннаго, скуднаго нашего достоянія. Теперь же все будетъ потеряно для насть!.. Боже! еслибы ваше высокопревосходительство могли знать положеніе наше!.. Сжалтесь, сжалтесь надъ безвиннѣмъ семействомъ! Изъ снисхожденія къ нему, да будетъ помилованъ отецъ, да возвратится ему свобода! да прекратится позорное его наказаніе!.. Если нужно утруждать государя императора для испрошенія

¹⁾ Письмо кн. Голицына А. Х. Бенкендорфу 13-го декабря, № 8607.

²⁾ Отъ 21-го декабря 1831 года.

³⁾ Во время наводненія въ С.-Петербургѣ, въ 1824 году.

⁴⁾ Здѣсь и далѣе точки въ подлиннике.

милости сей, то получивъ на сіе соизволеніе вашего высокопревосходительства, я дерзну повергнуться къ стопамъ его, съ просьбою отъ всего нашего семейства...

«О! да узнаетъ отецъ мой, сколько онъ былъ неправъ, да возможеть быть пристыженъ добротою ваше! Какое мишеніе сравнится съ симъ?

«Если надежда моя должна оправдаться, если ваше высокопревосходительство согласитесь на прощеніе отца моего, на счастіе цѣлаго семейства, то удостойте объявить мнѣ объ этомъ заблаговременно, дабы я могъ предупредить родителя моего, который ничего не знаетъ о шагѣ моемъ. Если жь сверхъ чаянія и къ довершенню бѣдствій нашихъ суждено сердцу моему обмануться, то да извинять меня нѣсколько лѣта мои и неопытность...

«Съ чувствомъ глубочайшаго высокопочитанія и совершенною преданностію честь имѣю быть вашего высокопревосходительства, всепокорѣйшимъ слугою.

Филадельфъ Каразинъ.

(служацій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ).

«Р. С. Я осмѣлюсь явиться вскорѣ къ вашему высокопревосходительству, для узнанія своей участіи».

На письмѣ этомъ рукою императора Николая написано: «Нужно мнѣ знать, по какому поводу велико было при императорѣ Александрѣ выслать Каразина изъ Петербурга».

На сдѣланній по этой резолюціи вопросъ графу Чернышеву, послѣдній отвѣчалъ Бенкендорфу:

«По справкѣ съ секретнымъ дѣломъ дежурства Главнаго штаба его величества имѣю честь уведомить васъ, что статскій совѣтникъ Каразинъ въ началѣ царствованія въ Бозѣ почивающаго императора Александра Павловича взысканъ былъ особымъ монаршимъ благоволеніемъ. Впослѣдствіи времени обременяя его величество разными проектами и письмами, навлекъ онъ себѣ много непріятностей, но и тутъ, по сродному его величеству благосердію, оказываемы были ему высочайшія снисхожденія и милости.

«Въ 1820 году при возмущеніи л. гв. Семеновскаго полка, подкинутъ былъ на дворѣ Преображенскихъ казармъ самый злостный пасквиль, коимъ полкъ Преображенскій вызываемъ былъ возстать на защиту и освобожденіе сослуживцевъ и проч. По сличенію поддѣльного почерка сего поскутия съ почеркомъ г. Каразина, по нѣкоторымъ выраженіямъ и беспокойному его яраву, пало подозрѣніе, что бумага сія могла быть имъ написана, и государь императоръ, получивъ оную въ Лайбахѣ, исполненный негодованія, повелѣть изволилъ князю В. П. Кочубею и покойному графу Милорадовичу взять бумаги Каразина, а самого его отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость, что и было тогда же сдѣ-

лано. Освобождение же его изъ крѣпости и отправленіе на жительство въ Харьковскую деревню послѣдовали по высочайшему повелѣнію, объявленному бывшимъ начальникомъ Главнаго штаба княземъ Волконскимъ¹⁾.

Изложивъ содержаніе письма гр. Чернышева, Бенкендорфъ писалъ Ф. В. Каразину²⁾:

«Государь императоръ, сообразивъ свѣдѣнія сіи съ послѣднимъ крайне предосудительнымъ поступкомъ отца вашего, учиненнымъ имъ во время нынѣшняго высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, изволилъ заключить, что отецъ вашъ, конечно, не умѣлъ восчувствовать оказанную ему его величествомъ милость дозвoleniemъ жить въ Москвѣ и потому его величество, не находя справедливаго повода къ отмѣнѣ нынѣ высочайшаго рѣшенія о немъ императора Александра Павловича, не изъявилъ своего соизволенія на возвращеніе отца вашего въ Москву.

«Сообщивъ вамъ о сей высочайшей волѣ, нужнымъ считаю присовокупить съ моей стороны, что хотя отецъ вашъ и жалуется на меня, считая, что я причиною нынѣшняго отправленія его изъ Москвы; но въ этомъ онъ весьма ошибается. Доказательствомъ тому служить, во-первыхъ, то, что по моему ходатайству, ему, нынѣ царствующимъ императоромъ, всемилостивѣйше разрѣшено было жить въ Москвѣ, а во-вторыхъ, что и нынѣ я, получивъ ваше письмо, не остановился представить оное на всемилостивѣйшее воззрѣніе его императорскаго величества, не взирая на то, что послѣдній поступокъ отца вашего никакъ не давалъ ему права на снисхожденіе правительства. Письмомъ своимъ ко мнѣ, онъ просилъ меня, не знаю, съ какого повода, чтобы я не повредилъ его сыну. На сіе я ему письмомъ же отвѣтствовалъ, что вредить кому-либо не сообразно правиламъ моимъ. Сей отвѣтъ мой къ нему, по неизвѣстности въ канцелярии моей имени и чина отца вашего, былъ адресованъ ему просто съ надписью «г. Каразинъ». Отецъ вашъ, забывъ всякое приличіе, не принялъ въ уваженіе, что письмо писано къ нему не отъ частнаго, знакомаго ему человѣка, но отъ лица правительеннаго, облеченнаго довѣренностю государя императора, позволилъ себѣ возвратить мнѣ оное не распечатаннымъ и потомъ осмѣялся, въ присутствіи московскаго оберъ-полицеймейстера, оное изорвать ибросить. Такое нарушеніе должнаго къ правительству уваженія и всякаго приличія имѣлъ я долгъ довести до свѣдѣнія его величества, вовсе, впрочемъ, не въ видѣ личной мнѣ обиды, но какъ о дерзкомъ поступкѣ въ отношеніи къ начальству.

«Я счель не лишнимъ въ подробности изъяснить вамъ весь ходъ

¹⁾ Письмо гр. Чернышева Бенкендорфу, 2-го января 1832 г. № 1.

²⁾ Въ письмѣ отъ 15-го января 1832 г. № 268/58.

дѣла, дабы вы сами могли судить о поступкахъ отца вашего и о моихъ въ отношеніи его дѣйствіяхъ, и въ заключеніе скажу вамъ, что я никогда не привыкъ страшиться никакихъ угрозъ, и что отецъ вашъ, стараясь, какъ мнѣ известно, возбудить дѣтей своихъ противъ меня и правительства, доказываетъ лишь тѣмъ, сколь мало онъ радѣеть о пользѣ ихъ и о внушеніи имъ чувства истинныхъ вѣрноподданныхъ».

Между тѣмъ самъ В. Н. Каразинъ, возвратившись въ свое имѣніе, писалъ императору Николаю¹⁾:

«Государь всемилостивѣйший! Пролеченіе мое, принесенное черезъ посредство московскаго генералъ-губернатора, вѣроятно, уже рѣшено²⁾. Но тѣмъ не менѣе я отваживаюсь бесѣдоватъ съ моимъ самодержцемъ. Я употреблю для сего языкъ простосердечія (съдовательно, и правды); такой языкъ любилъ безсмертный твой прадѣдъ Петръ Великій.

«Приключение, за которое я передъ публикою древней русской столицы такъ уничтожительно пострадалъ, состояло вотъ въ чёмъ: (удостой читать со вниманіемъ: я донесу такія истины, которыя, наконецъ, инымъ образомъ не могли бы быть обнаружены).

«Нечаянно случилась (11-го января 1830 г.), по поводу избранія меня (въ 1828 г.) Слободскою-Украинскою губернію въ кандидаты предсѣдателя Уголовной палаты, что дѣйствія тайной экспедиціи, кои никогда еще не смѣшивались съ судомъ по законамъ, обнародованы самымъ громкимъ образомъ: именно провозглашены въ харьковской каѳедральной церкви, во время съѣзда дворянства для выборовъ и къ ярмаркѣ, предъ многолюдствомъ всякаго званія, пола и возраста³⁾.

«Мнѣ, предмету таковой нелѣпости, пропустить ее безмолвно не позволяли ни лѣта мои, ни, смѣю сказать, значеніе въ обществѣ, ии званіе отца дочери невѣсты и шестерыхъ сыновъ, одинъ за другимъ вступающихъ въ службу. Всякій бы могъ, указывая на меня пальцемъ, сравнивать меня съ Мазепою и Пугачевымъ, ибо о нихъ лишь раздавалось въ храмахъ позорное провозглашеніе. Кто захочетъ быть зятемъ такому человѣку? И не подвергалъ ли я сыновей насмѣшкамъ, отъ коихъ бы имъ жития не было, и безчисленнымъ поединкамъ въ военной службѣ. Само правительство было интересовано въ семъ случаѣ. Ибо не даромъ его дѣйствія виѣ законовъ не имѣютъ никакого плебисцита. Опустивъ сю завѣсу, мнѣніе цѣлаго свѣта и собственное наше ставить Россію въ число образованныхъ земель, управляемыхъ законами. Отнявъ ее—мы въ Азіи!... Всѣ министры издревле, всѣ государи отъ Алексія Михайловича, учредителя тайной (канцеляріи) до вашего им-

¹⁾ Отъ 31-го декабря 1831 года.

²⁾ О прошеніи этомъ намъ ничего неизвѣстно.

³⁾ О какомъ провозглашеніи говорить здѣсь Каразинъ, намъ неизвѣстно.

ператорского величества сие чувствовали. Наказанія сего рода, такъ сказать комнатаыя, не имѣли на службу (ни по высочайшему назначению, ниже по выборамъ) ни малѣйшаго вліянія. Мой бывшій Орестъ Сперанскій, послѣ ссылки, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Сибири; и бывшій его Пиладѣль, послѣ подобной же опалы, быть избранъ въ члены разныхъ ученыхъ обществъ и губернію въ почетныя званія совѣтнаго суди и уголовнаго предсѣдателя. Само собою слѣдуетъ, такъ сказать математически, что если бы когда-нибудь наказаніе по тайной было когда-нибудь обнародовано въ дѣйствительный укоръ чести наказанного (что и случилось первый разъ можетъ быть въ теченіе двухъ стolѣtій), то оно должно быть вознаграждено какою-либо высочайшею милостію, которая бы водворила его въ первобытное состояніе. Александръ Христофоровичъ понимаетъ иначе сію важную истину. Не отвѣчавъ мнѣ ни на одно мое прошеніе, онъ и офиціальное (на гербовой бумагѣ), то, которое я препроводилъ на имя управляющаго министерствомъ юстиціи, но которое къ нему по связи дѣлъ перешло, оставилъ безъ всякаго отвѣта. Самъ образомъ затворилъ онъ мнѣ и послѣдній еще остававшійся путь къ особѣ сколько мудраго, столько и милостиваго государя, которому одному предлежало разрѣшить судьбу моего семейства одиннадцать лѣтъ безвинно (совершенно безвинно) страждущаго къ соблазну тысячей другихъ. Надежда представать лично когда-нибудь была уже отнята у меня письмомъ его (А. Х.) отъ 23-го сентября 1830 года за № 3807 и прежнимъ и съусно объявленнымъ повелѣніемъ не вѣзжать въ С.-Петербургъ (Вотъ вѣдѣтъ, по какой причинѣ! ибо чѣмъ человѣкъ, иѣжно любимый въ продолженіе трехъ лѣтъ Александромъ Благословеннымъ, хуже всѣхъ четырехъ сотъ тысячи, живущихъ въ сей столицѣ?) Съ г. Лонгиновымъ я давно во враждѣ, называвъ его въ отвѣтъ на грубое письмо его къ моей женѣ поповицемъ, и онъ успѣлъ уже, въ наилучшее сему доказательство, кинуть мнѣ въ глаза нераспечатанный кувертъ и экземпляръ книги, право, не недостойной мѣста, куда оная была назначена, яко первая еще въ своемъ родѣ (въ Россіи). Мнѣ не оставалось другаго средства, какъ съ сильнейшимъ изъ двухъ поссориться гласно, чтобы вмѣстѣ съ ссорою довести и самое дѣло до высочайшаго свѣдѣнія. Подобно тому, государь, донесу я, продолжая въ томъ же простосердечіи, какъ и началь: у насть, у дворянъ, въ передней иногда, обиженный умышиленно поднимаетъ шумъ, чтобы господинъ самъ оглянулся. И обыкновенно тотъ, кто симъ образомъ ищетъ управы, первый получаетъ пощечину отъ господина, что и со мною случилось... Но умный господинъ вслѣдъ за симъ начинаетъ уже допросъ... И ваше величество, конечно, такъ же поступите.

«Впрочемъ, въ самомъ шумѣ этомъ Александръ Христофоровичъ гораздо болѣе меня виновать, ибо онъ самоуправно (мимо генераль-губернатора, который есть одинъ начальникъ полиціи) далъ приказаніе, исправляющему должностъ оберъ-полицеймейстера меня принудить распечатать кувертъ, прежде весьма учили ему только возвращенный. Неприличныя выраженія: я имѣю средства васъ принудить (чѣмъ? побоями? или голодомъ?) заставили меня изорвать кувертъ. И при томъ, о государь! что и за святыня кувертъ этотъ!... Онъ содержалъ парткулярный отвѣтъ на парткулярное письмо: и печать и № (371, по приведенному выше №, этотъ долженъ быть по крайней мѣрѣ 4600, если бы онъ принадлежалъ къ бумагамъ по должностіи), то доказывали на-ряду съ содержаніемъ того и другаго. Генераль-адъютанта или шефа императорской квартиры и въ поминѣ не было! А во всякомъ другомъ случаѣ Каразинъ стоить Бенкendorфа—вы лучше нась обоихъ это знаете. Приласкайте первого, добрѣйшій государь, за безвинно данную ему пощечину! Не бойтесь золотой челяди, окружающей васъ, передъ которойю смѣлою правдою только (доказанною 14-мъ декабря и 17-мъ ноября) виноватъ.

«Вѣрноподданный, душевно преданный Василий Каразинъ.

«P. S. Пожалѣйте о моемъ семействѣ, добрѣйшій государь! Данная мнѣ пощечина пала и на него: она далеко и громко раздается въ Россіи, ибо, что ни говори эти господа, имя мое въ ней известнѣе есть и будетъ ихъ имѣнъ, тускло отсвѣчивающихся только на подписяхъ объявляемыхъ повелѣній. Съ какого повода они выставляютъ меня предъ вами подобно какъ Фамусовъ Чапскаго карбонаріемъ?... Пусть въ доказательство сошлются хотя на одного свидѣтеля, хотя на одну строку моей руки! Пятьсотъ человѣкъ можетъ быть допрошено¹⁾, показалъ ли кто на меня? Подсыпаны были даже. Не я ли, скрывъ имя, говорилъ о васъ, достойныи обра-зомъ и теперь въ Москвѣ? Не я ли обращалъ вниманіе на то, что портреты ваши, какъ бы умышленно представляющіе васъ иностранцемъ и суровымъ, ничуть на васъ не похожи? Значительное лицо ваше привлекаетъ между тѣмъ, какъ портреты грозятъ: оно есть прекрасная середина изъ физіономій Маріи и Александра, не забвенныхъ для любви и художествъ. Не я ли восхитилъ Донцовъ, описавъ имъ прїездъ въ Москву высокаго, прелестнаго ихъ атамана? (въ письмѣ къ директору училищъ въ Черкасскѣ). Не я ли и прежде, въ 1816 году еще, какъ бы предугадывая въ васъ государя (къ чему, кто знаетъ! не первую ли мысль я же бросилъ, обративъ вниманіе въ Бозѣ почившаго на пророческіе стихи Державина въ 1802 году, при одномъ случаѣ, стѣс-

¹⁾ Здѣсь В. Н. Каразинъ намекаетъ на допросъ семеновцевъ.

навшемъ Его (Алекс.) сердце?) — искалъ показать вамъ мои сельскія учрежденія? Какъ счастливымъ я себя съ женою почелъ въ 1820 году, что милая ваша великая княжна доѣхала домой въ нашемъ экипажѣ.

«Одно опредѣленіе сыновей въ службу, безпокоя о семъ даже августѣшую особу вашу, доказываетъ привязанность мою къ существующему порядку. Вотъ уже и четвертый теперь поступаетъ въ морской, любимый вами корпусъ!.. Такъ! я желаю, чтобы вы сдѣлали счастливъ свой народъ сообразно вѣку, который не есть XVI, ни XVII. Но— почитать смѣлаго человѣка, жертвующаго собою иногда въ сокровенной отъ всѣхъ бесѣдѣ за одно съ врагомъ, точащимъ въ тайнѣ ножъ или какъ бы на площади дѣйствующаго языккомъ¹)! О государь! Для чего мнѣ не можно теперь всего высказать!»

На это письмо не послѣдовало никакого отвѣта. Каразинъ попрежнему оставался подъ присмотромъ и жилъ въ деревнѣ. Въ 1835 году, онъ, черезъ слободско-украинскаго губернатора, просилъ о разрѣшеніи, по случаю продажи имѣнія его въ Харьковской губерніи, переселиться въ имѣніе жены и дѣтей, находившееся въ Московской губерніи, съ дозволеніемъ жить по временамъ и въ самой Москвѣ, где имѣть свой домъ. На всеподданѣйшемъ докладѣ графа Бенкендорфа²), императоръ 2-го іюня написалъ: «Согласенъ, но подъ строгимъ надзоромъ, чтобы никуда не отлучался».

Подобный надзоръ, конечно, тяготилъ В. Н. Каразина, и онъ рѣшился обратиться съ просьбою о прощеніи къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ:

«Милостивѣйшая великая княгиня!» — писалъ онъ³).

«1820 года, также помнится въ іюль мѣсяцѣ, выѣзжая съ женою и тремя дѣтьми (въ С.-Петербургѣ) изъ Сергіевской улицы на набережную Фонтанки, увидѣлъ я остановившійся придворный экипажъ, у котораго ось изломалась. Изъ окна выглядывало, сидя на колѣняхъ прислужницы, прелестное дитя. Подбѣжать, предложить свою карету дамѣ, сопровождавшей на прогулкѣ ваше императорское высочество, было двѣломъ одного мгновенія. О, какъ мило улыбнулись вы намъ тогда, несравненная царевна!.. Еще до сихъ поръ рисуется въ воображеніи 66-ти лѣтнаго старика протянутая изъ дверецъ кареты нѣжная ручка!..

«Теперь вы счастливая супруга уже, и супруга того самого принца,

¹) Удостойте спросить у Дмитрия Васильевича (Дашкова) (благородѣйшаго изъ министровъ вашихъ), партікулярное мое письмо отъ 2-го или 3-го февраля 1830 года, если оно сохранилось.

²) Отъ 29-го мая 1835 года.

³) Отъ 15-го іюля 1839 г., изъ Харькова.

къ которому, на прогулкахъ его въ Одессѣ, влекло меня какое-то осеннею чувство. Примите мое поздравление!

«Царевна! Улыбнитесь мнѣ еще разъ; прострите мнѣ сей разъ руку помощи! Испросите мнѣ помилование совершенное и рѣшительное у августѣйшаго вашего родителя! Поставьте меня въ то положеніе не безполезное для службы ему и отечеству, въ которомъ я, въ первыя годы царствованія великаго дяди вашего, готовилъ по его повелѣнію уставы народнаго просвѣщенія. Да посвятится черезъ ваше ходатайство сей части, которой я преданъ полстолѣтія уже всею душою и благодарности вамъ, остатокъ моего вѣка!

«Вашего императорскаго высочества, всенижайшій слуга Василий Назаровъ Каразинъ, статскій советникъ и кавалеръ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ, помѣщикъ Харьковской губерніи».

Прошеніе это Каразинъ отправилъ Бенкендорфу, въ то время графу, и просилъ его доставить по принадлежности. Графъ Бенкендорфъ вошелъ со всеподданѣйшимъ докладомъ 11-го августа 1839 г., въ которомъ говорилъ: «Всеподданѣйше представляя при семъ вашему императорскому величеству означенную просьбу Каразина, имѣю счастіе донести, что въ поведеніи его, со времени послѣдняго удаленія, ничего предосудительного доселе не замѣчено и что онъ нынѣ уже по лѣтамъ своимъ не можетъ быть вреденъ, почему я съ моей стороны полагаю бы возможнымъ удостоить его всемилостивѣйшаго прощенія съ дозволеніемъ жить, гдѣ пожелаетъ».

«Повергая таковое заключеніе на высочайшее вашего императорскаго величества возвѣщеніе, осмѣливаюсь присовокупить, что всемилостивѣйшее прощеніе Каразина будетъ для меня тѣмъ болѣе радостно, что онъ, по заблужденію, считаетъ себя преслѣдуемымъ мною».

Императоръ Николай, 22-го августа, написалъ на прошеніи: «Согласенъ, кромѣ столицъ».

Эта резолюція, повидимому, примирila Каразина и съ его положеніемъ, и съ графомъ Бенкендорфомъ.

«Какъ уединенно я живу,—писалъ онъ¹⁾,—и какъ скромны наши газеты, касательно внутреннихъ вѣстей!.. На сихъ дняхъ только, и случайно черезъ одного возвратившагося изъ С.-Петербурга пріятеля, узналъ я о несчастномъ приключениі, подвергвшемъ опасности вашу драгоцѣнную жизнь. Удивлялся только, не находя имени вашего сіятельства въ числѣ выѣзжавшихъ изъ С.-Петербурга въ Бородино! Не смѣя роптать, что не получаю отвѣта на мои деревенскія и городскія посланія (во множественномъ ихъ числѣ), наконецъ, является нѣчто въ родѣ отвѣта!..

¹⁾ Графу Бенкендорфу 26-го сентября 1839 г.

21-го числа, сего мѣсяца, квартальный нашъ принесъ мнѣ объясненіе о полученномъ по части министерства внутреннихъ дѣлъ всемилостивѣйшемъ меня прощеніи, «съ дозволеніемъ жить, гдѣ пожелаю, кромѣ столицъ», по всеподданѣйшему-де докладу присланнаго изъ Харькова его (Каразина) прошенія. По этой же почтѣ я прошу графа Александра Сергеевича (Строгонова) о доведеніи до свѣдѣнія его императорскаго величества моей глубочайшей вѣрноподданѣйшой благодарности. Но какъ я никакого другаго прошенія съ 1833 года не посыпалъ, не дерзаль даже почитать позволеннымъ посыпать, кромѣ только вамъ, добрѣйшій графъ, извѣстныхъ, принесенныхъ имѣнио вамъ, то не великой ли княгинѣ¹⁾ я обязанъ симъ радостнымъ для всего моего семейства событиемъ, т. е. прощеніемъ? Оно для меня важно, хотя, впрочемъ горькая участъ моя оставлена тою же (я и до сихъ поръ невозбранно жиль и въ деревнѣ и въ губернскомъ городѣ и ъездила также невозбранно въ Киевъ и Одессу). Удостойте, графъ, принести за меня всепрежайшую благодарность моей благотворительницѣ! Мысленно, на колѣньяхъ, лобызаю ручки ея въ ожиданіи, пока придумать могу что-нибудь къ засвидѣтельствованію глубокаго моего чувства.

«Это что-нибудь, вѣроятно, будетъ достойный внуки Маріи и дщери Александры проектъ учрежденія училища для забытыхъ нынѣ дѣвицъ бѣднаго народа. Вы изволите его получить по слѣдующей почтѣ на основаніи прилагаемаго у сего (отдельно напечатаннаго) листа изъ губернскихъ нашихъ газетъ²⁾). Начальница здѣшняго института благородныхъ дѣвицъ, да и многіе очень одобряли эту мысль. Легко ей состояться, если вы подкроѣтите на одной изъ приватныхъ бесѣдъ вашихъ!»

«Примите, добрѣйшій графъ, глубочайшаго къ вамъ почтенія и чисто-сердечной приверженности увѣреніе».

Черезъ нѣсколько дней Каразинъ дѣйствительно приспалъ графу Бенкендорфу свой проектъ «О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ» съ такою собственноручною припискою: «Не взыщите, добрѣйшій графъ, если этотъ списокъ съ препровожденной ея императорскому величеству бумаги будетъ въ какомъ-нибудь незначительномъ выраженіи не точенъ противъ оригинала. Писавши, я поправлялъ, а теперь иное диктовалъ сыну изъ памяти. 4-го октября».

Между тѣмъ, не получая увѣдомленія о томъ, что его благодарность доложена великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, нетерпѣливый В. Н. Каразинъ писалъ графу Бенкендорфу³⁾:

¹⁾ Въ кувертѣ моемъ къ вамъ (посланномъ) отъ 15-го іюля сего года. Примѣч. Каразина.

²⁾ Прибавленіе къ № 34 „Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей“ 1839 г.

³⁾ Въ письмѣ 15-го ноября 1839 г. изъ Харькова.

«Удостойте ободрить, оживить меня одною строкою!... Я такъ давно уже не получалъ отвѣта! Жажду особливо узнать о послѣдствіи моей всенижайшей благодарности ея императорскому высочеству. Дайте мнѣ старику, старому другу воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, еще разъ отъ умиленія поплакать, какъ плакалъ я въ 1802 г., когда увидѣлъ въ манифестѣ 8-го сентября внесеннымъ министерство народнаго просвѣщенія между прочими.

«Ахъ, добрѣйшій графъ! Неужели вы не захотите или не можете сколько-нибудь подѣстнововать на предубѣжденіе (противъ меня) наилучшаго изъ царей?

«Безвременное усердіе, безумное дерзновеніе говорить то, что я святымъ долгомъ почитаю сказать, есть все, что составляетъ вину мою въ продолженіе 40 лѣтъ...

«Высочайшій гнѣвъ имѣлъ послѣдствіемъ ополченіе ябды. Предѣдатели палатъ и сенаторы говорили не безъ основанія: на что щадить врага общественнаго? Сказавъ это, они лишили меня имѣнія, пожалованнаго за пролитую кровь и другія заслуги моему отцу. Вѣдь я живу теперь скучными доходами жены моей.

«Сіятельный графъ! И прошенія ея о пересмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ лежать безплодно и у васъ и въ комиссіи прошеній. А бѣдныя, уже чисто безвинные дѣти не потерпѣли ли отъ этого же предубѣжденія? Старшій сынъ, напримѣръ, гордость моя, котораго я воспиталъ сообразно природнымъ его способностямъ, чтобы блеснуть имъ передъ августейшимъ моимъ благотворителемъ блаженной памяти, готовя его для генерального штаба, этотъ молодецъ, владѣющій тремя-четырьмя языками, какъ своимъ отечественнымъ, этотъ математикъ, физикъ и проч., — что онъ теперь на 33 году его жизни? онъ, которому принадлежало бы въ флигель-адъютантахъ дѣлать честь своему званію? — бѣдный прострѣленный въ егеряхъ подпоручикъ въ отставкѣ.

«Чудное дѣло, графъ! Человѣкъ съ ума сшедшій на усердіи къ своимъ государямъ и отечеству, написавшій сильнѣшіе доводы въ защиту самодержавнаго правленія ¹⁾, считается какимъ-то карбонари, потому только, что онъ смѣлъ! Забыто одно, что онъ писалъ и пишетъ подъ печатию тайны, какъ нѣжный сынъ отцу, котораго обожаетъ.

«Вспоморѣйший слуга и вѣчно вѣрный почитатель».

Это одно изъ послѣднихъ писемъ Каразина, бывшихъ въ нашихъ рукахъ; 4-го ноября 1842 года онъ скончался.

Н. Дубровинъ.

¹⁾ Отъ васъ зависѣть выправиться въ секретномъ архивѣ департамента народнаго просвѣщенія о моей рукописи, поднесенной харьковскому дворянству въ 1816 году. Примѣч. Каразина.

Неизданное стихотворение В. А. Жуковского цесаревичу Александру Николаевичу¹).

Прими, Россіи вѣрный сынъ,
Отъ русскихъ въ Римѣ русскій блинъ
И скушай на здоровье!
Счастливый путь тебѣ;—отъ насъ одно условье:
Гуляй, любуйся всемъ и всюду веселись,
Но лишь опять не простудись²),
И много хѣть тебѣ съ царемъ и съ царскимъ домомъ!
И будь во всемъ удача вамъ!
А царства Русскаго врагамъ
Будь все наперекоръ, будь каждый блинъ имъ комомъ!

Римъ. 30-го января 1839.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

¹) Печатается по копії, находящейся въ бумагахъ академика А. Ф. Бычкова и снятой имъ собственноручно въ 1850-хъ годахъ. Масленицу 1839 г. цесаревичъ Александръ Николаевичъ проводилъ, какъ известно, въ Римѣ.

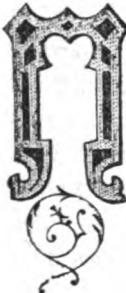
²) Еще въ началѣ своего заграничного путешествія 1838—39 г.г. наслѣдникъ, во время пребыванія въ Копенгагенѣ, сильно простудился и захвачъ ралъ лихорадкою.

Сперанскій въ 1808—1811 гг.

(Дополнительные замѣтки къ «Жизни графа Сперанского»).

(Изъ бумагъ академика А. О. Бычкова).

омъщаемыя ниже замѣтки, извлеченные нами изъ дополнительныхъ материаловъ къ «Жизни графа Сперанского», относятся къ его дѣятельности за періодъ съ 1808 до 1812 года и содержать въ себѣ иѣкоторые иовыя данныя для характеристики какъ самого Сперанского, такъ и тѣхъ лицъ, съ которыми судьба ставила его за то время въ ближайшія отношенія.

8-го августа 1808 года состоялся указъ о назначеніи Сперанского присутствующимъ въ совѣтѣ комиссии составленія законовъ. До тѣхъ поръ главнымъ въ ней дѣятелемъ и полнымъ хозяиномъ былъ известный баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ (р. 1764 г. † 1832 г.).

Вотъ какъ самъ Розенкампфъ, въ своихъ Запискахъ, говорить о своемъ вступлении въ комиссию законовъ:

«При проѣздѣ императора Александра, въ іюль 1801 года, черезъ Лифляндію, я, въ званіи дерптскаго уѣздиаго судьи и ландрихтера, встрѣтилъ его и сопровождалъ до границы, и тутъ впервые увидѣлъ находившихся въ его свитѣ камергера Новосильцова и графа Кочубея. Потомъ, лѣтомъ 1802 года, я ѿздилъ, по частному дѣлу, въ Петербургъ и возобновилъ тамъ знакомство съ соученикомъ моимъ по Лейпцигскому университету Козодавлевымъ, человѣкомъ образованнымъ и прекрасныхъ качествъ. Какъ онъ, такъ и Державинъ, вскорѣ затѣмъ назначенный

министромъ юстиції, привяли меня очень дружественно и, при рѣчи о возобновлениі дѣятельности комиссіи законовъ, находившейся въ то время подъ управлѣніемъ графа Завадовскаго, вызвали меня написать статью о законодательствѣ. Эта статья, оконченная уже по возврaщeніи моемъ въ Дерптъ, была потомъ напечатана въ издававшемся Карамзінымъ, въ Москвѣ, журналь¹⁾ и дошла этимъ путемъ до свѣдѣнія государя. Въ ноябрѣ того же 1802 года я получиль отъ Державина формальный зовъ явиться въ Петербургъ, для опредѣленія тамъ на службу. Прибывъ туда, я познакомилъ съ Новосильцовыми, пользовавшимся въ то время величайшею довѣренностью государя. Разговоръ коснулся законодательства. Онъ зналъ о моей статьѣ и на отзывѣ мой, что, еслибы было въ виду меня употребить, я желалъ бы служить именно по этой части, отвѣчалъ, что только наканунѣ была съ государемъ рѣчь о томъ, гдѣ бы найти человѣка для этихъ занятій, что онъ, слѣдственно, очень радъ моему вызову и охотно доложить государю объ опредѣленіи меня въ комиссію. Такимъ образомъ дѣло это немедленно и уладилось».

Этотъ разсказъ объ опредѣленіи Розенкампфа въ комиссію законовъ, какъ выше сказано, взять изъ собственныхъ его Записокъ.

«Но старый шифрёръ Бекъ, извѣстный нѣкогда всему Петербургу подъ названіемъ: «der alte Geheimrath Beck» (т. е. старый тайный соѣтникъ Бекъ), человѣкъ, все на свѣтѣ знавшій и помнившій и, впослѣдствіи, самъ пострадавшій по исторіи Сперанскаго, разсказывалъ дѣло нашего «перваго референдарія» съ такими подробностями, которыхъ мы не находимъ въ Запискахъ послѣдняго. По словамъ этого Бека,—говорить баронъ М. А. Корфъ—Розенкампфъ былъ уже отчасти извѣстенъ Александру участіемъ своимъ въ работахъ объ освобожденіи лифляндскихъ крестьянъ и, вслѣдствіе этого, по пріѣздѣ въ Петербургъ, вмѣсто того, чтобы идти обыкновенными путями, имѣть ребяческое тщеславіе представиться, прежде всѣхъ, государю, который, разумѣется, тутъ же о немъ и забылъ; но выписавшаго его въ Петербургъ Новосильцова эта продѣлка такъ взбѣсила, что онъ не хотѣлъ болѣе и видѣть его. Скитаясь затѣмъ по столицѣ, безъ мѣста и безъ дѣла, Розенкампфъ наткнулся на Бека, знавшаго его еще по Лифляндіи, и этотъ присовѣтовалъ ему начать совсѣмъ съ другого конца, именно съ придворнаго лакея Франца, очень близкаго къ Новосильцову, которому онъ, въ компаніи съ состоявшимъ

¹⁾ Эта статья была напечатана въ издававшемся Карамзінимъ „Вѣстникѣ Европы“ 1803 года, январь, № 2, стр. 141—156, подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи Россіи. Письмо изъ Д*** [т. е. Дерпта] отъ Г. фонъ Р*** [т. е. Розенкампфа] къ О. П. К. [т. е. Ководавлеву], по случаю присылки къ нему книги сочиненія прусскаго юрисконсульта Клейна“.

на службѣ при послѣднемъ Бронченко (впослѣдствіи министръ финансъ), доставлять средства удовлетворять его страсти къ прекрасному полу. И точно, Францъ, за имперіалъ и жирный обѣдъ въ трактире, не отказать въ своемъ посредничествѣ. Новосильцовъ отложилъ свой гнѣвъ, и Розенкампфъ былъ опредѣленъ въ комиссію».

«Розенкампфъ—пишеть Корфъ—котораго мы очень близко знали и подъ начальствомъ котораго нѣсколько лѣтъ служили, при неоспоримыхъ умственныхъ достоинствахъ и знаніяхъ, принадлежалъ, въ нравственномъ отношеніи, къ числу тѣхъ людей, для которыхъ нѣть ничего святого. Лицемѣрный льстецъ, лгунъ, мстительный, исполненный коварства и желчной злобности, онъ готовъ былъ на все, когда дѣло шло о личныхъ его интересахъ. Ему нельзѧ было отказать ни въ остромъ умѣ, ни въ обширныхъ теоретическихъ свѣдѣніяхъ; но знанія его въ русскомъ языкѣ были крайне скучны, а о Россіи — еще скучнѣе; знакомства съ нашимъ дѣйствующимъ правомъ, а тѣмъ болѣе съ его источниками, онъ не имѣлъ никакого». Немудрено поэтому, что работы по сочиненію уложеній, чѣмъ должна была заниматься комиссія законовъ, подвигались крайне медленно и безуспѣшно.

Вдругъ, и въ комиссіи явился Сперанскій.

Примѣчательно, что Сперанскій выдавалъ свое назначеніе въ комиссию — по крайней мѣрѣ передъ нѣкоторыми — какъ бы за случайное и сдѣланное почти противъ его воли. 25-го сентября 1808 года онъ писалъ, изъ Эрфурта, графу В. П. Кочубею, жившему тогда, въ службѣ, въ своихъ деревняхъ: «При отѣздѣ князя Лопухина въ Киевъ, мнѣ досталась комиссія законовъ, въ которую, безъ чаянія и желанія моего, опредѣленъ я членомъ».

Назначеніе Сперанскаго въ комиссию было тяжелымъ ударомъ для честолюбиваго Розенкампфа.

«Онъ хорошо зналъ — пишеть Корфъ — дѣятельность и дарованія нового члена комиссіи, зналъ и то, что Сперанскій поступаетъ въ нее не съ цѣлью быть празднымъ свидѣтелемъ чужихъ трудовъ. Легко поэтому понять, что Розенкампфомъ, съ самой первой минуты, овладѣла глубокая ненависть къ человѣку, такъ внезапно ставшему на его пути».

«Ненависть Розенкампфа къ Сперанскому — продолжаетъ Корфъ — возбуждена была, сверхъ того, еще двумя особыми обстоятельствами. Первый самъ, въ своихъ Запискахъ, разсказываетъ, что онъ, въ 1807 году, составилъ, по волѣ государя, проектъ новаго образования для С.-Петербургскаго губернскаго правленія, который былъ переданъ по томъ къ разсмотрѣнію въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и что Сперанскій, состоявшій еще тогда въ этомъ министерствѣ, написалъ на его проектъ такую жестокую критику, что, несмотря на всю ея неосновательность (?), проектъ былъ отвергнутъ. Уже этого одного довольно было,

чтобы внушить тщеславному Розенкампфу горькую злобу противъ виновника его пораженія. Но другое обстоятельство, известное намъ, впрочемъ, только по разсказу старика Бека, было еще важнѣе. Говорили, что за Розенкампфомъ, на самыхъ первыхъ порахъ сослуженія его съ Сперанскимъ, открылось какое-то очень черное дѣло еще изъ временъ лифляндскаго его адвокатства, какая-то прикосновенность къ фальшивому банкротству, выкраденнымъ документамъ и пр., — дѣло, которое поступило уже и въ судъ и доводило обвиняемаго до такого отчаянія, что онъ, винаялъ, покушался даже было на свою жизнь. Между тѣмъ все это дошло, стороною, и до новаго его начальника, который, вмѣсто того, чтобы тотчасъ выгнать Розенкампфа, или по крайней мѣрѣ уже совсѣмъ промолчать, имѣлъ неосторожность, давъ замѣтить, что онъ все знаетъ, следственno, что судьба преступника въ его рукахъ, несмотря на то, оставить его въ комиссіи. Въ такой крайней опасности Розенкампфъ, будто-бы, умудрился, втайне, выкупить изъ суда всѣ части дѣла, касавшіяся его личности, но съ тѣхъ поръ объявилъ смертельную и непримируемую вражду Сперанскому, его прозрѣвшему, а жена его, очень умная и талантливая француженка (урожденная Бларамбергъ), принятая, въ то время, въ высшемъ обществѣ, стала разглашать вездѣ, подъ рукою, самыя злобныя противъ Сперанского клеветы».

Бывъ определенъ въ комиссію законовъ незадолго до эрфуртской поѣздки, Сперанскій сначала не могъ настоящимъ образомъ приняться за дѣло. Вскорѣ же по возвращеніи изъ Эрфурта, онъ былъ назначенъ (16-го декабря 1808 г.) товарищемъ министра юстиціи, — именно для комиссіи, — и сталъ истиннымъ ея начальникомъ. Сперанскимъ былъ представленъ докладъ о необходимости преобразовать комиссію, и 7-го марта 1809 года издано новое о ней положеніе¹⁾.

Розенкампфъ былъ сравненъ съ другими начальниками отдѣленій, чѣмъ чрезвычайно его огорчило. Къ этому присоединились еще двѣ личноему нанесенные Сперанскимъ непріятности.

«По представлению Розенкампфа съ 1805 года нѣсколько известныхъ

¹⁾ По этому положенію (П. С. З. № 23524 и 23525) комиссія составлена изъ трехъ частей: сословія юристъ-консультовъ, раздѣленного на отдѣленія, для производства самыхъ работъ; правленія, для разсмотрѣнія и утвержденія плана работъ и руководства ими, и совѣта, для пересмотра изложенія законовъ, по мѣрѣ ихъ составленія.—Сперанскій былъ назначенъ членомъ правленія и совѣта, съ порученіемъ ему и управленія письмоводствомъ. Начальниками отдѣленій определены: по гражданскому уложенію — Розенкампфъ; по уголовному — Дружининъ; по коммерческому — Вирстъ; по публичному праву и государственной экономіи — Балугьянскій; по своду законовъ остзейскихъ губерній — Залыфельдъ; по своду законовъ малороссийскихъ и польскихъ — Повстанскій. (Архивъ комиссіи).

иностранныхъ ученыхъ и юристовъ было назначено почетными членами и корреспондентами комиссии¹⁾, съ жалованьемъ по 400 руб. с.ер. въ годъ. Дѣйствовавшія затѣмъ войны и поѣздка государя за границу замедлили выдачу имъ окладовъ; но наконецъ состоялось положительное повелѣніе начать ихъ отпускъ. «Къ сожалѣнію — говорить Розенкампфъ въ своихъ Запискахъ — это повелѣніе совпало со вступлениемъ въ управление комиссию Сперанского. Не питая никакого уваженія къ нѣмецкимъ ученымъ и писателямъ, потому что не быть въ состояніи ихъ читать и понимать, и притомъ лоя вскай случай мечя компрометировать, онъ, подъ предлогомъ безполезности такихъ корреспондентовъ, тотчасъ исходатайствовалъ отмѣну помянутаго повелѣнія, и такимъ образомъ обнадеженные мною почтенные лица были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ».

«Еще чувствительнѣе для меня было — продолжаетъ Розенкампфъ — упраздненіе учрежденного въ 1806 году, тоже по моему представленію, высшаго училища правовѣдѣнія. Сперанскій успѣхъ въ томъ, увѣривъ государя, что напрасно имѣть такую школу, пока нѣть еще книгъ законовъ, и что, для образованія, въ ожиданіи ихъ, чиновниковъ, довольно и университетовъ, имѣющихъ вездѣ юридические факультеты».

«Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ — пишетъ Корфъ, — что упоминаемое Розенкампфомъ высшее училище правовѣдѣнія было окончательно упразднено только въ 1816 году, по утвержденному 29-го февраля докладу главноуправлявшаго въ то время комиссию законовъ князя Лопухина (П. С. З. № 26170); но самъ докладъ этотъ съ одной стороны подтверждаетъ справедливость показанія Розенкампфа, а съ другой свидѣтельствуетъ, что и Лопухинъ выставилъ къ этой мѣрѣ одинаковыя съ Сперанскимъ побужденія. «Какъ — писаль князь въ своемъ докладѣ — курсъ ученія въ ономъ (т. е. въ училищѣ) по разнымъ неудобствамъ еще въ 1809 году остановленъ, и какъ въ послѣдствіи времени устроены многія публичныя заведенія, гдѣ юношество съ пользою можетъ образовать себя, то» и проч. Но истиннымъ побужденіемъ Лопухина была здѣсь, какъ нельзя въ томъ сомнѣваться, скучность его на казенные деньги. На училище отпускалось ежегодно по 23.000 руб., которые, съ его закрытиемъ, въ томъ же докладѣ положено было прекратить».

По смерти въ 1807 г. умнаго, опытнаго и дѣлового графа Васильева управление министерствомъ финансовъ было ввѣрено, съ зва-

¹⁾ Это были: Гбкингъ, Піатоли, Эргардтъ, Кирхейзенъ, Клейнъ, Гugo, Шлѣцеръ, Тибо и Фейербахъ — следственno, всѣ безъ изъятія нѣмы, какъ и самъ Розенкампфъ. (Архивъ комиссіи).

ніемъ государственного казначея, добродушному, но слабому Голубцову, осторожность и робость которого не нравились Сперанскому. 1-го января 1810 года, въ одинъ день съ открытиемъ Государственного Совѣта, министерство финансовъ было поручено Д. А. Гурьеву, бывшему дотолѣ товарищемъ министра финансовъ и завѣдывавшимъ удѣлами, а званіе государственного казначея упразднено.

«По словамъ современниковъ—читаемъ въ дополнительныхъ замѣткахъ къ «Жизни графа Сперанского»—Гурьевъ былъ человѣкъ безъ большого дѣлового ума и еще менѣе ученаго образованія; но имѣть много доброй воли и еще болѣе придворной тонкости. На вопросъ, въ Перми, купца Попова, почему именно онъ былъ выбранъ въ министры финансовъ, Сперанскій отвѣчалъ: «Его считали за честнаго человѣка и устроили подъ руководствомъ; но и онъ вадумалъ умничать».

Гурьевъ, еще въ бытность товарищемъ министра финансовъ, про-
силъ извѣстнаго М. А. Балугьянскаго—выписаннаго въ 1804 году для занятія профессорской каѳедры въ С.-Петербургскомъ педагоги-
ческомъ институтѣ и потомъ занявшаго въ комиссіи законовъ мѣсто референдарія по части политической экономіи, финансовъ и пуб-
личнаго права—изложить его мысли и предположенія о средствахъ къ лучшему устройству нашихъ финансовъ. По назначеніи Сперанскаго присутствующимъ въ совѣтѣ комиссіи законовъ, Балугянскій счелъ дол-
гомъ свою работу по этому порученію, уже приближавшуюся къ окон-
чанію, показать новому своему начальнику. Извѣстно, что записка Ба-
лугянскаго о финансахъ, изложенная имъ по-французски, была перело-
жена Сперанскимъ на русскій языкъ, но въ другой формѣ и со многими
перемѣнами и дополненіями, и такимъ образомъ легла въ основу его
финансового плана.

Въ дополнительныхъ материалахъ къ «Жизни графа Сперанского» на-
ходится слѣдующая замѣтка Корфа, касающаяся Балугьянскаго:

«Мнѣнія современниковъ на счетъ Балугьянскаго были чрезвычай-
но различны. Тогда какъ одни изъ нихъ казался глубокомысленнымъ уче-
нымъ, другіе видѣли въ немъ только негоднаго ни на какое дѣло пе-
данта. Въ описываемое нами теперь время, Кочубей и Сперанскій бы-
ли самыхъ лучшихъ о немъ мыслей. 18-го ноября 1809 года послѣд-
ній писалъ первому: «Очень радъ, что вамъ понравились идеи Ба-
лугьянскаго. Это весьма хорошая голова, которую всегда можно упо-
треблять съ пользою для кабинетной работы первообразной». Розен-
кампфъ, товарищъ Балугьянскаго по комиссіи законовъ, былъ діамет-
рально противоположного мнѣнія. Въ одной работѣ своей о
русскихъ финансахъ онъ называлъ его: «un professeur, que le monde
littéraire ignore, mais que tout le monde à St-Pétersbourg connaît avec
son jargon démisivant pour un brouillon en fait de connaissances, ne

sachant s'exprimer avec clarté dans aucune langue¹⁾. Последнее было сущею правою: Балугьянскій говорилъ и писалъ на всѣхъ возможныхъ языкахъ, и на всѣхъ, кромѣ, можетъ быть, латинскаго,—преотвратительно, что, однако, не помѣшало ему, въ бытность Гурьева министромъ, пользоваться особеннымъ довѣріемъ послѣдняго и стоять во главѣ всѣхъ тогдашихъ финансовыхъ мѣръ. Н. И. Тургеневъ, занимавшій въ то время, какъ Балугьянскій былъ членомъ ученаго комитета министерства финансовъ, должностъ секретаря этого комитета, говорить: «Le professeur travaillait sans cesse à une foule de projets; son charlatanisme me déplut souverainement dès le début et je ne laissais échapper aucune occasion de le lui faire sentir²⁾. (La Russie et les russes, I, 130). Преемникъ Гурьева, графъ Канкринъ, оставилъ при Балугьянскому званіе члена ученаго комитета, совсѣмъ устранилъ его отъ влиянія и даже занятія по дѣламъ министерства. Дашковъ и Блудовъ, съ своей стороны, называли его, по массѣ громадныхъ свѣдѣній, худо, какъ имъ казалось, уложившихся въ его головѣ, un bibliothèque renversée (библіотекою въ беспорядкѣ). Что касается нашего личнаго мнѣнія объ этомъ человѣкѣ, стоявшемъ весьма высоко въ моральномъ отношеніи, то оно съ полною искренностью высказано во II томѣ «Жизни графа Сперанского» (стр. 313), не по слухамъ, а по долговременному служенію подъ его начальствомъ. На жизнь практическую, а тѣмъ болѣе на управление какою-либо частью, или на доведеніе какой-либо важной работы до полнаго ея совершенія, онъ никогда не былъ способенъ. Въ этомъ отношеніи Балугьянскій былъ истинный нѣмецкій кабинетный «Gelehrter». Онъ умеръ въ апрѣль 1847 года, во время управлѣнія имъ II-мъ Отдѣленіемъ за отсутствіемъ графа Блудова, находившагося тогда въ Римѣ для заключенія извѣстнаго конкордата. Въ его жизни замѣчательно еще то, что, бывъ отъ рожденія уніатомъ, онъ, вслѣдствіе извѣстной общей мѣры, въ одно прекрасное утро проснулся, невѣдомо для самого себя, возсоединеніемъ, на старости лѣтъ, съ православною церковью!»

Переработанная Сперанскимъ записка Балугьянскаго о финансахъ была потомъ рассматриваема и обсуживаема, въ домашнихъ совѣщаніяхъ, за обѣдами у графа Северина Потоцкаго (тогда еще сенатора,

¹⁾ Переводъ: Профессоръ, совсѣмъ не извѣстный въ литературномъ мірѣ, но котораго всѣ въ Петербургѣ знаютъ за человѣка полуученаго, обладающаго сбродомъ поверхностныхъ знаній и не умѣющаго ни на какомъ языкѣ ясно излагать свои мысли.

²⁾ Переводъ: Профессоръ постоянно занимался всякими проектами. Съ самого начала его шарлатанство мнѣ крайне не понравилось, и я при всикомъ удобномъ случаѣ давалъ это ему почувствовать.

а 1-го января 1810 г. назначенаго членомъ Государственнаго Совѣта), въ которыхъ, сверхъ Сперанскаго, участвовали только адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, Кочубей, Кампенгаузенъ и Балугьянскій.

Пользуясь случаемъ, приведемъ здѣсь замѣтку Корфа о Н. С. Мордвиновѣ: «Николай Семеновичъ Мордвиновъ былъ, конечно, человѣкъ весьма замѣчательный и, въ отношеніи къ своей популярности, занималъ, въ гражданскомъ вѣдомствѣ, такое же мѣсто, какъ Ермоловъ въ военномъ, хотя оба дѣйствовали, а въ душѣ своей, можетъ статься, даже и думали не всегда такъ, какъ говорили и высказывались. Н. И. Тургеневъ, который при Мордвиновѣ правилъ (нѣсколько позже) должность статс-секретаря въ департаментѣ экономіи, изливается, въ своей книжѣ (*La Russie et les russes*), въ восторженныхъ ему похвалахъ, быть можетъ, частью и отъ того, что пользовался сильнымъ надъ старикомъ вліяніемъ, которое, впрочемъ, всегда имѣли на него всѣ канцеляріи. Замѣтимъ также, что Мордвиновъ, до глубокой старости, отличался какою-то легкомысленною довѣрчивостью и любилъ пощеголять подъ чась либеральными, даже какъ бы революціонными фразами ¹⁾, чѣмъ и бралъ надъ многими молодыми умами».

Наконецъ, финансовые предположенія Сперанскаго подверглись еще официальному пересмотру въ особомъ комитетѣ, собиравшемся у Гурьева, и результатъ сказанныхъ совѣщаний и пересмотровъ—окончательно изготовленный планъ финансъ—былъ врученъ императоромъ Александромъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта въ самый день его открытія (1-го января 1810 года). Обширный планъ Сперанскаго въ настоящее время напечатанъ въ полномъ видѣ А. Н. Кулемзиннымъ въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» (томъ 45-й, Спб. 1885, стр. 1—72), а потому мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь изложеніе сущности этого плана, находящееся въ дополнительныхъ материалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго».

Финансовые мѣропріятія Сперанскаго встрѣчали въ Государственномъ Совѣтѣ со стороны нѣкоторыхъ его членовъ рѣзкія возраженія. Особенною рѣзкостью отличалось мнѣніе адмирала П. В. Чичагова, высказанное имъ въ Совѣтѣ (оно приведено въ «Жизни графа Сперанскаго», т. I, стр. 214).

«Императоръ Александръ — читаемъ въ дополнительной замѣткѣ

¹⁾ См. напр. разговоръ Мордвинова съ Н. И. Тургеневымъ, приведенный этимъ послѣднимъ въ его книжѣ „*La Russie et les russes*“, I, стр. 123—124.—„Въ моихъ запискахъ за время бытности моей государственнымъ секретаремъ (1834—1843)—добавляетъ Корфъ—есть много замѣтокъ и анекдотовъ о Мордвиновѣ. Здѣсь скажу только еще, что императоръ Николай терпѣть его не могъ, какъ, впрочемъ, не жаловалъ и Ермолова“.

Корфа—былъ въ большомъ негодованіи на это мнѣніе Чичагова ¹⁾. Отвѣчавъ ему въ Совѣтѣ самъ, и очень сильно, онъ перешелъ потомъ прямо къ другимъ предметамъ, не приказавъ даже,—вопреки законамъ и обычая Совѣта,—отбирать, по выслушанному мнѣнію, голоса прочихъ. Чичаговъ былъ человѣкъ съ головою, съ живымъ словомъ, съ первомъ, съ знаніями и идеями,—одинъ, по настоящему, во всей совѣтской оппозиціи, который могъ тогда противоборствовать Сперанскому. За то всѣ и были убѣждены, что собственно послѣдній былъ причиной немилости къ Чичагову государя, который, при всѣхъ случаяхъ, оказывалъ ему, въ то время, явную холодность и даже пренебреженіе».

Въ современной публикѣ финансовыхъ мѣропріятія Сперанского также подвергались разбору и нареканіямъ. Между прочимъ, Корфъ упоминаетъ ²⁾ о рукописной запискѣ Розенкампфа (составленной, впрочемъ, гораздо позже, въ тридцатыхъ годахъ), въ которой онъ даетъ обзоръ всѣхъ финансовыхъ операций 1810—1812 годовъ,—запискѣ, исполненной явного предубѣжденія противъ всего, что дѣлалъ Сперанский по этой части, дышащей самою желчию противъ него ненавистью и совершенно искажающей факты, съ видимою цѣлью очернить передъ потомствомъ самую память Сперанского.

«Розенкампфъ въ этой запискѣ своей—замѣчаетъ Корфъ въ рукописной замѣткѣ—ложетъ безсовѣстно на письмѣ, какъ всегда дерако лгать и въ изустной рѣчи. Мы не можемъ довольно предостеречь будущихъ читателей отъ этого злонамѣренного пасквиля, еслибъ онъ когда-нибудь огласился. Авторъ разсказывалъ одному общему нашему приятелю (сенатору К. М. Бороздину), что, въ видахъ вѣрнѣшаго сбереженія своего сочиненія для потомства, онъ копію съ него передалъ другому своему приятелю, поляку графу Замойскому, тому самому, который, бывъ, впослѣдствіи, прикосновенъ къ мятежу, бѣжалъ за границу. Экземпляръ записи, которымъ мы пользовались, есть черновой, писанный весь собственnoю рукою Розенкампфа».

Сперанский, съ своей стороны, старался сначала подкрѣплять, а потомъ оправдать передъ государемъ свои предположенія по финансовой части. Въ этомъ отношеніи мы имѣмъ три замѣчательныя его бумаги изъ трехъ разныхъ эпохъ. «Одна—говорить Корфъ ³⁾—есть отчетъ (въ дѣлахъ 1810 года), поданный имъ 11-го февраля 1811 года, когда всѣмъ главнымъ частямъ операций положено было основаніе ⁴⁾,

¹⁾ Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

²⁾ „Жизнь графа Сперанского“, т. I, стр. 231—232.

³⁾ „Жизнь графа Сперанского“, т. I, стр. 233—234.

⁴⁾ Напечатанъ въ полномъ видѣ А. Ф. Бычковымъ въ „Сборнике Император. Русск. Историч. Общества“, т. XXI, Спб. 1877, стр. 447—462.

другая—записка, подъ заглавiemъ «О силѣ правительства», поднесенная государю 3-го декабря того же года ¹⁾), когда уже почти все было приведено въ исполненіе и для Сперанского началась борьба со многими значительными лицами того времени; наконецъ третья—письмо его изъ Перми, писанное въ 1813 году ²⁾), когда для него, лично, уже все было кончено и онъ говорилъ о сдѣланномъ какъ бы лицо постороннее, или какъ нелицепріятный свидѣтель дѣлъ давно минувшихъ. Эти три бумаги, въ общей ихъ совокупности, представляютъ и обзоръ предпринятаго, или предположеннаго, и отвѣтъ на возникшія возраженія, жалобы и нареканія, и объясненіе причинъ безуспѣшности, или неудачъ,—разумѣется, съ точки зренія Сперанского».

Во всѣхъ этихъ документахъ Сперанский говорилъ о финансовыхъ своихъ дѣйствіяхъ только передъ императоромъ Александромъ. Но есть еще одинъ отчетъ, одно оправданіе, произнесенное имъ передъ лицомъ цѣлой, такъ сказать, Европы, въ эпоху гораздо позднѣйшую, именно въ 1824 году. Мы разумѣемъ здѣсь его автобіографію, напечатанную на немецкомъ языкѣ. Сказавъ въ ней о финансовой своемъ планѣ нѣсколько словъ въ смыслѣ вышеприведенныхъ бумагъ, Сперанский прибавляетъ: «Планъ этотъ, однакожъ, не могъ идти одинъ. Онъ опирался на контролѣ, который, въ дѣлѣ финансовой, составляеть жизненную основу каждой правильной системы. Но чтобы контролировать министерство, нужно политическое установление, а въ Россіи его нѣть.

«Итакъ, для восполненія этого недостатка, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, не оставалось иного, какъ, избравъ одно изъ высшихъ установленій административныхъ, наиболѣе удобное для такой цѣли, облечь его приличною властю,—властю, конечно, шаткою, но все же еще довольно важною, лишь бы она охранялась надлежащимъ образомъ. Это повело къ соответственному преобразованію Государственного Совета.

«Существенные преобразованія, и особенно преобразованія финансовые, вездѣ влекутъ за собою важное неудобство: прикосновеніе къ частнымъ интересамъ. Людей и интересы ихъ никогда нельзя затрогивать безнаказанно. Наиболѣе опасны такія столкновенія въ такихъ государствахъ, гдѣ общественное мнѣніе слишкомъ еще слабо, чтобы защищать усердіе и талантъ отъ нападеній зависти и невѣжества. Во-

¹⁾ Часть этой записки, касающаяся финансъ, напечатана въ „Жизни графа Сперанского“, т. I, стр. 240—241; въ полномъ же видѣ она издана недавно П. М. Майковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1902 года, декабрь, стр. 495—499.

²⁾ Въ полномъ видѣ, по подлиннику, издано впервые Н. К. Шильдеромъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 года (книга первая, стр. 50—65), а затѣмъ въ его трудѣ „Императоръ Александръ Первый“, т. III, стр. 515—527.

шють противъ нововведеній, не вникая ни въ ихъ свойства, ни въ настоятельность причинъ. Таково было положеніе Сперанскаго. Безъ связей и родства, безъ опоры, безъ состоянія, *ipse sua e fortuna auctor* (самъ создатель своего счастія), знакомый при томъ болѣе съ дѣлами, нежели съ людьми, онъ выступилъ на бой одинъ. Можно ли ему было не пасть!..

«Всѣ работы, приготовленныя имъ въ теченіе 1809 года, появились въ свѣтъ въ началѣ 1810 г. и составили эпоху въ Россіи. Менѣе чѣмъ въ два года приведена была въ стройный порядокъ система налоговъ; установлено подвергать годичныя сметы строгому разсмотрѣнію; составленъ капиталъ погашенія; консолидирована часть ассигнацій; учреждена новая монетная система; наконецъ, изданъ тарифъ, въ высшей степени національный.

«Между тѣмъ въ трудномъ переходѣ отъ ассигнацій къ правильной кредитной системѣ есть одинъ подводный камень, тѣмъ болѣе опасный что онъ нерѣдко укрывается отъ самого искуснаго кормчаго. Это—вопросъ о срокѣ и времени, когда оканчиваются вредныя дѣйствія ассигнацій. Масса бумажныхъ денегъ, выпущенная, напримѣръ, въ 1809 г., не вдругъ и не въ тотъ же годъ производить примѣтную перемѣну въ курсѣ. Вліяніе ея оказывается постепенно и по мѣрѣ того, какъ выпущенные ассигнаціи появляются, въ болѣшемъ или меньшемъ количествѣ, на рынкахъ и въ коммерческихъ оборотахъ, чтѣ сама собой предполагаетъ періодъ времени довольно продолжительный, въ соотвѣтственность количеству выпуска и движенію торговли. Отсюда ясно что большая циркуляція ассигнацій и упадокъ ихъ курса могутъ случиться одновременно съ прекращеніемъ нового ихъ выпуска. Тогда кажется, будто бы ассигнаціи упадаютъ по мѣрѣ сокращенія этого выпуска и будто курсъ понижается по мѣрѣ убавленія ихъ числа. Призракъ принимаетъ видъ дѣйствительности, и заблужденіе мнѣніе относить этотъ феноменъ къ послѣдствіямъ новой системы. Такъ судили о ней и въ Россіи и, изъ явленія совершенно естественнаго, вывели, будто бы новый планъ не имѣть практическаго основанія, а творецъ его—отвлеченный теоретикъ».

Выпишемъ, въ заключеніе, еще нѣсколько строкъ изъ упомянутой выше записки Розенкампфа объ исторіи нашихъ финансовыхъ. Онъ показываютъ, въ какомъ духѣ и тонѣ написано это сочиненіе; показываютъ также, какъ, при всей злобной враждѣ противъ Сперанскаго, авторъ не могъ не сознаться, что, послѣ его удаленія, пошло—еще хуже.

«Après le renvoi de Spéransky — пишетъ онъ—on continua dans les discussions du Conseil les phrases auxquelles on était habitué. Le mѣme professeur brouillon (Балугъянскій), qui avait souffl  au secr taire de

l'empire la théorie de l'économie politique, devint le souffleur de M-r de Gourieff et lui fit croire qu'il deviendrait le fondateur d'un système plus parfait encore que celui de 1810. Chaque matin il lui faisait la lecture de quelques extraits du Moniteur et des feuilles anglaises, qui achevèrent de le convaincre qu'il était au fait de tout et qu'il surpasserait ses prédécesseurs. Nous verrons bientôt qu'effectivement le mal que fit M-r de Gourieff aux finances russes surpassa encore celui qu'on leur avait fait en 1810 et 1811. Il embrassa tous ces fantômes comme ses propres idées et elles le berçèrent jusqu'en 1823, où l'empereur le réveilla ¹⁾). Au reste personne ne se souciait de l'accord entre le système adopté et les mesures que l'on prit. Les principes généraux (les lieux communs) s'accomodaient à tout. Il leur était fort égal si la théorie répondait à l'application, et le Conseil d'état, d'une machine à décrets dirigée par le secrétaire de l'empire, devint une machine conduite par l'influence plus ramifiée du ministre des finances ²⁾».

Сообщил И. А. Бычковъ.

¹⁾ То есть черезъ внезапную смѣну его Канкринъимъ.

²⁾ Переходъ: По высокой Сперанского при преняхъ въ Государственномъ Совѣтѣ по-прежнему раздавались привычныя рѣчи. Тотъ профессоръ-путаникъ, который былъ тайнымъ руководителемъ государственного секретаря по отношению къ теоріи политической экономіи, сталъ руководителемъ въ этомъ отношении и Гурьеву, заставилъ послѣдняго увѣровать что онъ явится творцомъ финансовой системы, еще болѣе совершенной, чѣмъ система 1810 г. Каждое утро онъ читалъ Гурьеву выдержаніе изъ „Монпѣра“ и англійскихъ газетъ, благодаря которымъ Гурьевъ наконецъ пришелъ къ полному убѣждѣнію, что онъ способенъ на все и превзойдетъ своихъ предшественниковъ. Вскорѣ однако мы увидимъ, что въ дѣйствительности зло, причиненное Гурьевымъ русскимъ финансамъ, гораздо серьезнѣе, чѣмъ зло, причиненное имъ реформами 1810 и 1811 г.г. Принявъ всѣ эти фантастические планы за свои собственные идеи, Гурьевъ спокойно на нихъ покивалъ, пока въ 1823 г. не былъ разбужденъ государемъ. Впрочемъ, никому рѣшительно не было дѣла, чтобы принятая система согласовалась съ мѣропріятіями, проводимыми въ жизнѣ. Общія понятія могли быть примѣнены ко всему. Было совершенно безразлично, вѣтъ ли противорѣчія между теоріею и приложеніемъ ея на дѣлѣ, и Государственный Совѣтъ, бывшій ранѣе орудіемъ исполненія въ рукахъ государственного секретаря, сталъ машиной, направляемою еще сильнѣйшимъ вліяніемъ министра финансовъ.

Записки Н. Г. Залѣсова.

Членъ военнаго совѣта, генераль-оть-инфантеріи Николай Гавриловичъ Залѣсовъ родился 25-го мая 1828 года. По окончаніи курса въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, бытъ произведенъ въ прапорщики 28-го марта 1848 г. съ назначениемъ въ Оренбургскій линейный № 3 баталіонъ. Черезъ два года Николай Гавриловичъ поступилъ въ императорскую Военную академію (нынѣ Николаевская академія генерального штаба), бытъ произведенъ за отличные успѣхи въ наукахъ въ поручики и 20-го ноября 1853 года переведенъ въ генеральный штабъ. Командированный въ штабъ командовавшаго 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ корпусами, Залѣсовъ, оказалъ отличie во время осады Силистрии и въ сраженіи 13-го февраля 1855 года, бытъ назначенъ помощникомъ старшаго адъютанта въ управлениі генераль-квартирмейстера. Въ маѣ 1856 года Николай Гавриловичъ бытъ командированъ на службу въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ, исполнялъ тамъ послѣдовательно обязанности старшаго адъютанта, дивизіоннаго квартирмейстера 23-й пѣхотной дивизіи и находился въ составѣ миссіи, отправленной въ 1856 году въ Хиву и Бухару. По возвращеніи въ Россію, Залѣсовъ бытъ назначенъ оберть-квартирмейстеромъ Оренбургскаго корпуса. 7-го мая 1859 года онъ произведенъ въ подполковники, а 9-го марта 1864 г. за отличie въ полковники. Въ августѣ 1865 года онъ бытъ назначенъ помощникомъ начальника штаба Оренбургскаго военнаго округа, а 20-го апреля 1869 г. бытъ произведенъ въ генераль-маиоры, съ назначениемъ начальникомъ штаба того же округа. Въ этомъ званіи Николай Гавриловичъ принималъ участіе во введеніи нового положенія въ Киргизской степи и въ ноябрѣ 1870 г. отчисленъ оть занимаемой имъ должности съ зачисле-

ниемъ по генеральному штабу. Въ январѣ 1876 г. Залѣсовъ былъ прикомандированъ къ Главному штабу съ назначеніемъ членомъ вновь учрежденного при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ статистического совѣта и въ ноябрѣ того же года назначенъ командующимъ 27-ю пѣхотною дивизіею. Въ августѣ 1878 г. Николай Гавриловичъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, въ 1888 г. назначенъ командиромъ 17-го армейскаго корпуса, и 30-го августа 1892 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; въ ноябрѣ того же года онъ назначенъ членомъ военнаго совѣта. 2-го февраля 1896 года Н. Г. Залѣсовъ скончался на 68-мъ году отъ роду.

Р е д.

I.

Дѣтство.—Отроческіе годы.—Отецъ и мать.—Первоначальное обученіе.—Жизнь въ Уфѣ и Белебѣѣ.—Поступленіе въ училище.—Начальствующія лица и содержаніе въ училищѣ.

родился 25-го мая 1828 года на поташномъ заводѣ моего отца въ 35 верстахъ отъ г. Бугульмы Оренбургской (нынѣ Самарской) губ. Земля, на которой стоялъ заводъ, была временно уступлена отцу соседней помѣщицей, родственницей по мужу моей матушки, Евгенией Степановной Угличининой, рожденной Аксаковой. Мужъ ея, ветеранъ Суворовскихъ временъ, отставной полковникъ Угличининъ, былъ дядей моей матери и моимъ крестнымъ отцомъ. О четѣ этой любопытныя свѣдѣнія можно найти въ «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова, которому Евгения Степановна приходилась родною теткою.

Отецъ мой былъ маленький чиновникъ земской полиціи въ родѣ нынѣшнихъ становыхъ приставовъ, впослѣдствіи служилъ стряпчимъ въ Белебѣѣ и этой должностю окончилъ свою служебную карьеру. Онъ не получилъ никакого воспитанія, но былъ отъ природы одаренъ здравымъ умомъ, сильнымъ характеромъ и, что для тогдашняго времени удивительно, самыемъ честнымъ взглядомъ на свои обязанности. Когда онъ оставилъ уже службу и я, будучи мальчикомъ лѣтъ 10-ти, сопровождалъ его въ различныхъ поездкахъ по губерніи, то почти въ каждой деревнѣ, где мы останавливались кормить лошадей, мнѣ приводилось слышать у разноцѣменныхъ нашихъ домохозяевъ: башкиръ, чувашъ, мордвы, вотяковъ и пр. почти одинъ и тотъ же разговоръ съ отцомъ.

— Ай, совсѣмъ правды теперь не стало—говорили они. При тебѣ бульно хороша было, Гавриль Иванычъ, къ тебѣ всякий человѣкъ хо-

диль, никого ты не обижай, а теперь совсѣмъ народъ кончай: писарь ташить, становой ташить, исправникъ ташить—с совсѣмъ разоренъе, а дѣла не кончатъ.

Такъ разсуждали эти дѣти природы, толпами собираясь къ отцу посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ и усердно угожая насъ всѣмъ, что у нихъ было. Этотъ неподкупленный отзывъ народа служилъ лучшимъ вознагражденiemъ отцу за его прежнюю честную дѣятельность.

Будучи самъ человѣкомъ мало образованнымъ, отецъ однако вполнѣ цѣнилъ образованіе и, не смотря на скучныя средства, ничего не жалѣлъ на наше ученіе. Два старшихъ моихъ брата, получивъ солидное домашнее воспитаніе, были отданы въ Казанскую гимназію, перешли въ университетъ, гдѣ одинъ изъ нихъ умеръ, а другой окончилъ курсъ юристомъ.

Матушка моя была изъ стариннаго дворянскаго рода Лаптевыхъ; отъ природы добрая и кроткая женщина, она не получила никакого образованія и даже не умѣла читать и писать. Домовитая хозяйка, высоко честная и религіозная женщина, она вносила въ нашу семью миръ и покой, иногда страдавши отъ излишней пылкости ея мужа. Матушкѣ было 15 лѣтъ, когда она вышла замужъ за отца, а послѣднему 17 лѣтъ. Свадьба ихъ была, кажется, года за два или за три до отечественной войны, ибо въ 1813 году отецъ уже въ качествѣ выбраннаго дворянами чиновника отводилъ конскій ремонтъ съ губерніи въ крѣпость Брестъ-Литовскъ, о чемъ онъ иногда намъ разсказывалъ.

Матушка принесла въ замужество, какъ потомственная дворянка, небольшую деревенську, тогда какъ отецъ, будучи личнымъ дворяниномъ, самъ не имѣлъ права владѣть крестьянами.

Первые сколько-нибудь опредѣленные и связныя воспоминанія о дѣтства, должно быть, относятся къ 5-му или 6-му году моей жизни, когда разъ на заводѣ я пустился за какимъ-то гусемъ переходить по жердочкамъ рѣку; меня вѣ-время успѣли схватить и порядочно попугали розгой въ видѣ небольшой вѣтки. Смутно помню нашъ переходъ въ Белебей, гдѣ отецъ получилъ място стражаго, и затѣмъ въ памяти моей опять все закрывается мглой до 1836 года. Этотъ годъ мнѣ памятенъ, во-первыхъ, потому, что всѣ кругомъ меня говорили о предстоящемъ въ этомъ году свѣтопреставленіи, всѣ охали и молились о грѣхахъ, а во-вторыхъ, меня начали учить грамотѣ. Но свѣтопреставленія почему-то не состоялось, а нанятый мнѣ въ учителя дьяконъ нашей церкви, начавшій со мною изученіе славянской азбуки, побиввшись мѣсяца два или три, объявилъ отцу, что я такъ тупъ, что онъ не видѣтъ никакой надежды на успѣхъ и потому, не смотря на получаемое имъ вознагражденіе по 2 рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ, рѣшительно отказывается меня учить. Рѣшеніе это очень опечалило отца, но не на

долго. Черезъ полгода къ намъ пріѣхала погостить тетка моя; она привезла съ собою русскую азбуку съ картинками и шутя выучила меня въ недѣлю читать по складамъ, а мѣсяца черезъ два найдено было возможнымъ приступить уже и къ письму. Къ сожалѣнію, тетка въ это время уѣхала, и я вновь поступилъ къ дьякону. Пошло безконечное писаніе отдаленныхъ буквъ и такъ шло до тѣхъ поръ, пока наконецъ отецъ, не видя успѣховъ, не прогналъ учителя и не принялъ самъ за мое чистописаніе. Но отецъ оказался еще хуже дьякона, онъ часто отрывался отъ дѣла и былъ очень горячъ и нетерпѣливъ.

Помню около этого же времени весьма важное происшествіе, случившееся у насъ въ домѣ. Въ одинъ день вся наша крѣпостная прислуга ушла, и мы остались безъ людей, такъ что матушкѣ самой пришлось идти въ кухню готовить, а сестрамъ убирать комнаты. Причиною этого было слѣдующее: къ людямъ, полученнымъ за матушкой, отецъ давно уже прикупилъ еще нѣсколько семей и поселилъ ихъ въ матушкиной деревнѣ, но по какому-то закону людьми этими мы не имѣли права владѣть, они жаловались, а глядя на нихъ, стали искать воли и родовые люди матушки. Уѣздныя и губернскія власти, взявъ съ людей порядочную взятку, распорядились отобрать ихъ отъ матушки впредь до окончательного решенія дѣла Сенатомъ и такимъ образомъ разжаловали ее изъ помѣщиковъ. Отецъ сталъ хлопотать; одна изъ его знакомыхъ посовѣтовала ему сѣѣздить въ Петербургъ и обратиться тамъ къ проживающему въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ Островѣ купцу 2-ой гильдіи Блинову. Отецъ живо слеталъ въ столицу, познакомился съ Блиновымъ, заплатилъ ему 500 руб. ассигнациями, и мигомъ все дѣло было перерѣшено Сенатомъ, и всѣ безъ исключенія люди возвращены матушки.

Лѣта шли, и изъ меня формировался худощавый рослый мальчикъ съ болѣзненнымъ цветомъ лица. У меня была сильная золотуха, и кроме того я страдалъ припадками лунатизма, отчего меня хотя и лѣчили разными домашними средствами, но безъ успѣха. Я былъ совершенно отданъ на руки проживавшей у насъ старой тетки, которая не чаила во мнѣ души и на убой кормила меня всякими сластями. Взаимная наша привязанность была такъ сильна, что когда тетка задумала переселиться въ Бугульму, мы оба такъ плакали, что отецъ рѣшился отпустить меня съ ней, и съ этого времени я долженъ считать начало моего серьезнаго обученія. Въ Бугульмѣ мнѣ наняли довольно порядочнаго учителя изъ уѣзднаго училища, и я принялъ за грамматику, ариѳметику и законъ Божій. Не смотря однако же на это, успѣховъ я оказалъ не много по причинѣ баловства тетки и развившейся оттого во мнѣ лѣнности, чтѣ не ускользнуло отъ отца, и онъ черезъ два года перевезъ меня изъ Бугульмы въ Уфу.

Въ Уфѣ меня поселили въ домѣ дальней родственницы матери—Угличиной, вмѣстѣ съ сыномъ ея гимназистомъ и стали готовить во 2-й классъ гимназіи. Ко мнѣ приходилъ особый учитель, и я зубрилъ съ нимъ латынь, къ которой чувствовалъ однако же особое отвращеніе. Одиннадцать мѣсяцевъ я пробылъ въ Уфѣ и если изъ меня не сдѣвался окончательно негодяй, то за это я обязанъ Богу и честному своему отцу, успѣвшему уже поселить во мнѣ добрыя правила нравственности, которая не могла сломить и уфимская жизнь. Дѣло въ томъ, что сожитель мой, молодой Угличининъ, былъ старше меня и при томъ отъявленный лѣтній и повѣса. Находясь ежедневно съ нимъ, я невольно подчинился его вліянію и такъ же, какъ онъ, сталъ лѣниться. Старшіе въ домѣ на насъ не обращали ни малѣйшаго вниманія, особенно на меня; мы постоянно проводили время среди лакеевъ и обширной дворни, которую содержала Угличинина, гоняли голубей, таскали изъ сосѣдняго сада Ломоносова овощи, и къ концу моего пребыванія Угличининъ познакомилъ меня даже съ водкой, отъ которой впрочемъ каждый разъ мнѣ дѣжалось дурно. Мнѣ давали есть только по мѣркѣ, тогда какъ аппетитъ былъ у меня молодой, хороший, и я вошелъ въ долги, набирая въ счетъ будущихъ благъ припасы у булочника и въ лавкѣ. Бережливый отецъ, хотя и одѣвалъ меня прилично, но лишнихъ вещей у меня не было; при безпутной же моей жизни и путешествіяхъ по заборамъ, чердакамъ и грязи одежда моя быстро изнашивалась, и я ходилъ постоянно оборванцемъ, совсѣмъ показаться предъ порядочными людьми.

Къ счастію, отецъ пріѣхалъ самъ въ Уфу и, увидавъ, что дѣло плохо, увезъ меня опять къ себѣ въ Белебей.

Здѣсь я пробылъ полтора года, ничего не дѣлая, но во мнѣ стало сказываться самолюбіе, я начиналъ тяготиться своимъ положеніемъ, совсѣмъ встրѣчаться съ сверстниками по играмъ, которые все уже учились чему-нибудь. За недостаткомъ положительныхъ занятій, я бросился въ чтеніе, но библиотека отца состояла всего изъ какого-то календаря съ описаніемъ борьбы Христиносовъ съ Карлистами, что я выучилъ вскорѣ наизусть; тогда я сталъ ходить по городу и отовсюду брать книжки, глотая ихъ съ жадностью; романы, повѣсти, сказки, учебные сочиненія, стишкі—все ползло безъ разбора въ мою голову, производя въ ней страшный ералашъ и разжигая безъ толку юное воображеніе. По временамъ къ намъ пріѣзжала изъ Бугульмы воспитательница моя, тетка, страшная охотница до таинственныхъ разсказовъ, и она меня заставляла по вечерамъ читать ей въ слухъ романы г-жи Радклиффъ съ описаніемъ страшныхъ подземелій и привидѣній. Бывало, позднимъ вечеромъ съ одной сальной свѣтлой при страшной тишинѣ въ домѣ сидишь передъ дремлющей старушкой и читаешь всѣ эти

ужасы; волосъ у самого становится дыбомъ, голось дрожить, скрипеть гдѣ-нибудь ставень, раздастся шорохъ, такъ и ждешь, что вотъ появится страшный мертвѣцъ, внутри что-то замреть, дыханье пріостановится, а старушка сейчасъ и понукаетъ: «читай,, батюшка, читай самое интересное мѣсто, а ты остановился», и дѣлать нечего: читаешь какъ въ лихорадкѣ, пока не утомится слушательница. Но всему бываетъ конецъ, наступиль онъ и для моего бездѣлъя. Отца тогда сильно занимала мысль вывести насъ съ братомъ поскорѣе въ дворянѣ, и съ этою цѣлью брать по окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ былъ опредѣленъ въ Оренбургскій линейный баталіонъ юнкеромъ, а меня осенью 1841 года отвезли тоже въ Оренбургъ и опредѣлили въ Оренбургское Неплюевское военное училище, вскорѣ преобразованное въ кадетскій корпусъ.

Наступила новая ера жизни. Меня, 13-ти-лѣтняго юношу, привели въ корпусъ вечеромъ часовъ въ шесть въ сентябрь мѣсяцѣ; въ тотъ же вечеръ мнѣ, какъ новенькому, успѣли надавать щечкивъ, вымазали платье, насыпали песку въ карманы и за галстукъ, дали какое-то прозвище, и я такимъ образомъ былъ посвященъ въ кадеты.

Я не буду подробно описывать тогдашніе кадетскіе порядки, они достаточно извѣсты. Насъ кормили плохо, держали въ холодныхъ комнатахъ, бессовѣстно воруя дрова, учили всему и ничему, т. е. верхушкамъ, налегали всѣми мѣрами на фронтъ, исправно сѣкли по субботамъ и выпускали въ офицеры на основаніи правъ происхожденія и познаній во фронтѣ, не обращая почти никакого вниманія на умственныя способности. Директоромъ училища былъ тогда одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи, подполковникъ Марковъ, но онъ былъ такъ лѣнивъ, что весь день не выходилъ изъ халата и къ намъ не заглядывалъ. Инспекторъ былъ статскій Дьяконовъ, человѣкъ умный, но грубый до послѣдней степени, онъ иначе не говорилъ съ кадетами, какъ сопровождалъ свою рѣчь словами, «ну ты, лошадь, дуракъ, скотина» и проч.

Для поддержки фронта великий князь Михаилъ Павловичъ распорядился прислать въ качествѣ ротнаго командира Павловскаго корпуса поручика Энгельке. Страшно толстый, небольшаго роста человѣкъ, съ добрымъ въ сущности сердцемъ, онъ напускалъ на себя страшную строгость. День и ночь онъ кричалъ на насъ безъ умолку, обладая довольно сильнымъ голосомъ. У него не было даже другого разговора, какъ крикъ; наказывалъ онъ за всякую малость и, когда только появлялся въ училищѣ, наступала гробовая тишина и все безмолвно тряслось со страха. Офицеры были взяты изъ Оренбургскаго линейнаго баталіона, ихъ было три: подпоручикъ Бибиковъ—грубый мужикъ, отличавшійся замѣчательною глупостью, Фигнеръ, внукъ знаменитаго партизана—доб-

рый человѣкъ, но отъявленный пьяница и кутила, приходившій на дежурство постоянно съ подбитой физіономіей, и Аничковъ, болѣе другихъ образованный, но не говорившій и десяти словъ въ день и болѣе пригодный по характеру смотрѣть за дѣвочками, чѣмъ за кадетами. Училище помѣщалось въ двухъ-этажномъ, мрачномъ воинскомъ домѣ напротивъ церкви св. Троицы и дѣлилось на два отдѣленія, азіатское для киргизовъ, башкиръ, и проч., и европейское. Программы и права отдѣленій были различны. Полный курсъ продолжался 6 лѣтъ и дѣлился на 3 класса по 2 года въ каждомъ. Учителя, по тому времени, были порядочные благодаря близости Казанского университета; появлялись, правда, и между ними пьянчуги или недоучившіеся студенты, но это было изрѣдка. Законоучителемъ былъ 70-ти-лѣтній старецъ, протоіерей Петропавловскаго военнаго собора Содальскій; онъ всегда дремалъ въ классѣ. Французскій учитель Даневилль и иѣмецкій Фенколь были взяты изъ гувернеровъ у мѣстныхъ помѣщиковъ. За шести-лѣтнєе мое пребываніе въ корпусѣ фельдфебелями были: Даневилль¹⁾, Ивановъ, впослѣствіи помощникъ интенданта Варшавскаго округа, и Халецкій умеръ въ молодыхъ годахъ въ чинѣ полковника и дежурнаго штабъ-офицера Оренбургскаго корпуса.

День нашъ распредѣлялся такъ: въ 6 часовъ вставали и пили по стакану горячаго сбитня съ кускомъ пшеничнаго хлѣба, отъ 8 до 11 часовъ классы, отъ 11 до $1\frac{1}{2}$, фронтовое ученье, гимнастика и прогулка на дворѣ, не смотря ни на какую погоду, въ половинѣ втораго обѣдѣ изъ трехъ блюдъ: щи, жареное и каша; отъ 3 до 6 классы, полчаса отдыха и отъ половины седьмаго до 9-ти приготовленіе уроковъ; въ 9 ужинъ изъ 2 блюдъ, въ $9\frac{1}{2}$, спать. По субботамъ послѣ утреннихъ классовъ была баня, затѣмъ приносили отпускной списокъ отъ инспектора съ отмѣткой, кто сколько уроковъ не зналъ въ недѣлю; незаписанныхъ отпускали на воскресенье по домамъ, а записанныхъ подвергали наказанію: не знаяшихъ свыше 4—5 уроковъ сажали въ карцеръ, а записанныхъ свыше 6 уроковъ по большей части изъ младшихъ классовъ отводили наверхъ въ умывальнюю, гдѣ Энгельке съ удовольствіемъ знатока этого дѣла наказывалъ ихъ розгами, всегда приносимыми съ ледника.

¹⁾ Нынѣ членъ военнаго совѣта.

II.

Классныя занятія, фронтъ, награжденіе петлицами.—Переименованіе училища въ корпусъ.—Болѣзнь.—Выпускъ.—Характеристика Энгельке.—Жизнь въ Бебѣѣ.—Производство въ офицеры.

Не зная хорошенъко, какъ распредѣлить время для приготовленія уроковъ, не имѣя программы и курсовъ, при незнакомствѣ съ требованіями учителей, я первое время въ корпусѣ былъ постоянно записанъ за незнаніе уроковъ и даже не былъ уволенъ въ отпускъ въ день именинъ моихъ, т. е. 6-го декабря. Дядя мой однако же выпросилъ меня на первый разъ, но, прияя домой, крѣпко стыдилъ за лѣтность. Выговоръ дяди, насмѣшки товарищѣй, взысканія начальства на меня, какъ на мальчика самолюбиваго, сильно подействовали. Я сталъ успѣшно заниматься и скоро такъ вошелъ въ свою роль, что ученіе показалось для меня весьма легкимъ, и я безъ особаго труда всталъ въ разрядъ отличныхъ, чтѣ продолжалось во все время моего пребыванія въ корпусѣ.

Лѣтомъ настѣ распускали по домамъ на 1⁴/₄, мѣсяца, и это было самое приятное время жизни; мы, какъ птицы небесныя, мгновенно разлетались по роднымъ, кто на чемъ могъ, не помня себя отъ радости. Во время первой вакаціи единственная моя сестра вышла за мужъ за прапорщикомъ-адьютанта Лузгина, перѣѣхала въ Оренбургъ, и я къ ней сталъ ходить въ отпускъ.

Черезъ два года меня послѣ экзаменовъ перевели въ средній классъ и дали въ награду за отличные успѣхи книгу и похвальный листъ. Публичные экзамены производились тогда съ особою торжественностью: играла музыка и собирался весь синклитъ во главѣ съ тогдашнимъ корпуснымъ командиромъ Обручевымъ. Насъ одѣвали въ новые мундиры и отпускали въ этотъ день по домамъ. Въ бытность мою въ среднемъ классѣ прїѣхалъ къ намъ инспекторъ военно-учебныхъ заведеній генераль-лейтенантъ Годейнъ; онъ ревизовалъ фронтъ, хозяйство и учебную часть. Для отвѣтовъ ему вызывали лучшихъ учениковъ, и два изъ нихъ такъ ему понравились, что онъ наградилъ ихъ серебряными петлицами на воротникъ. Эта награда, которую я не получалъ потому только, что меня не спросили, такъ взбудоражила весь классъ, что онъ бросился тотчасъ же къ Энгельке и сталъ просить не обижать меня напрасно, что я гораздо лучше учусь, чѣмъ получившіе и проч. Къ вечеру того же дня мнѣ были даны петлицы и, чтѣ всего дороже, я ихъ получилъ по рекомендациѣ товарищѣй.

Сколько помню, въ 1845 году училище было переименовано въ кадетскій корпусъ, и намъ дали казачью форму съ сіяющими полумѣсяцемъ на киверахъ; въ это время бѣдной страдалицы моей сестры (она

очень дурно жила съ мужемъ) въ Оренбургѣ уже не было, и я ходилъ въ отпускъ къ нашему офицеру Фигнеру. Нерѣдко тогдашній начальникъ Оренбургскаго края Обручевъ посѣщалъ корпусъ и каждый разъ подыметь крикъ хуже Энгельке, распекая начальство особенно за воровство дровъ, отчего мы зимою положительно мерзли.

Въ то время, когда у меня классы шли такъ успѣшно, фронтъ тогдашній, наоборотъ, мнѣ вовсе не давался, и я стоялъ постоянно въ разрядѣ слабыхъ, чѣмъ приносилъ много непріятностей. Особенно я былъ не мастеръ дѣлать ружейные пріемы съ темпомъ, какъ это тогда требовалось, и маршировать тихимъ учебнымъ шагомъ. Слабость по фронту отозвалась при переводѣ въ старшій классъ и, несмотря на отличные баллы по ученію и поведенію, я сдѣланъ былъ только младшимъ унтер-офицеромъ.

Надо сказать, что лѣто передъ переводомъ мы провели первый разъ въ лагерь, и все это время я болѣлъ страшною оренбургскою лихорадкою. Едва оправясь отъ нея, я сталъ усиленно готовиться къ переводному экзамену, а когда онъ кончился, чувствовалъ себя уже не хорошо, но, желая освѣжиться, искупался въ Уралѣ въ концѣ сентября, когда вода была страшною холодна. На другой день послѣ купанья со мной сдѣлался жаръ и бредъ, къ вечеру меня отвезли въ лазаретъ, и я потерялъ сознаніе, со мной разыгрался страшный пятнистый тифъ или, какъ говорили тогда, первая горячка. Я безсознательно пролежалъ отъ сентября до Рождества и только, когда ко мнѣ пріѣхала на праздники матушка, которой дозволено было и ночевать въ лазаретѣ, началъ кое-что сознавать. Но положеніе мое было все-таки отчаянное, меня нѣсколько разъ причащали, раны мои гноились, я лишился употребленія ногъ: онѣ совершенно высохли и были сведены, на бокахъ образовались глубокіе пролежни, и меня ворочали на простыняхъ. Докторъ потерялъ голову, и я обратился въ предметъ общаго любопытства; заѣзжали въ лазаретъ генералы и доктора, чтобы посмотреть на такую упорную борьбу въ моемъ тѣлѣ жизни съ смертью. Привозили нарочно въ лазаретъ пріѣзжавшихъ тогда по разнымъ случаямъ въ Оренбургъ флигель-адъютантовъ, и они обозрѣвали меня, какъ какой-нибудь интересный предметъ музея, не стѣсняясь никакой деликатностью въ отношеніи чувствъ смотрѣвшей на это позорище моей страдалицы-матери. Наконецъ, послѣ долгихъ опытовъ надо мною, Богъ внушилъ нашему доктору мысль прописать мнѣ декоктъ сасапарели, и почти мгновенно раны мои стали заживать, я сталъ бодрѣе, и въ ногахъ явилось чувство. Не даромъ простой народъ зоветъ это растеніе «дорогою травою»; она дала мнѣ силы перенести недугъ, и къ веснѣ я сталъ ходить на костыляхъ, а въ юнѣ меня уже отпустили на поправку въ Белебей, гдѣ горный воздухъ и свобода жизни у родныхъ поставили меня окончательно

на ноги. Не смотря, однако же, на исцеление, болезнь эта наскакала мое здоровье, наградивъ меня страшнымъ потрясенiemъ нервовъ, чувствительностью къ простудѣ и нѣкоторымъ сведенiemъ ногъ въ колѣнахъ.

Въ августѣ я былъ опять въ Оренбургѣ, но цѣлый годъ ученія былъ совершенно пропущенъ и какого ученія!—самаго труднаго, въ послѣднемъ классѣ. Оставалось одно—пройти въ годъ то, что другіе прошли въ два, и я началъ къ каждому классу готовить по два урока: старый и новый. Кончилось тѣмъ, что я сдалъ выпускные экзамены превосходно и вышелъ въ разрядѣ отличныхъ, третьимъ по выпуску, такъ что слушавшій мои отвѣты, Обручевъ вѣрить не хотѣлъ, чтобы я былъ именно тотъ воспитанникъ, который почти годъ пролежалъ безъ движенія.

Что же доставили мнѣ подобные труды въ корпусѣ? Достигъ ли я цѣли, къ которой стремилсѧ? Къ несчастью, нѣтъ. По правамъ корпуса отличные воспитанники изъ потомственныхъ дворянъ выпускались офицерами въ казачью артиллерию Оренбургскаго войска, которая наимѣнее замѣнила гвардію. Кромѣ хорошаго производства (тамъ нѣть чиновъ подпоручика и штабс-капитана) въ артиллериї сравнительно съ другими войсками корпуса было и общество офицеровъ лучше и мундиръ наряднѣе, а главное обращеніе начальниковъ съ подчиненными офицерами было гораздо благообразнѣе и носило характеръ товарищества. Все это притягивало къ артиллериї лучшихъ воспитанниковъ; къ ней стремилсѧ и я всею душою. Хотя я по правамъ рожденія могъ только выйти въ линейный баталіонъ, но, имѣя въ виду выходившіе изъ ряда воинъ мои успѣхи въ наукахъ, я былъ увѣренъ, что меня произведутъ въ артиллерию, и я избавлюсь отъ той страшной помойной ямы, которую представляли тогда Оренбургскіе линейные баталіоны и куда изъ столичныхъ корпусовъ выпускали только отъявленныхъ лѣнтяевъ. Кадетское мое начальство такъ и представило меня, а пребываніе Обручева въ Петербургѣ давало надежду, что и онъ поддержитъ такое ходатайство, но судьба рѣшила иначе. Послѣ публичныхъ экзаменовъ нась распустили по домамъ впредь до производства, и я, награжденный опять книгами и похвальнымъ листомъ, съ радостью помчался въ родной свой Белебей.

Не смотря на тяжелое тогда положеніе кадетъ, я съ грустью разставался съ стѣнами нашего мрачнаго корпуса, а также съ большинствомъ учителей. Среди мрака и темноты, царствовавшихъ тогда въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, все-таки много свѣтлыхъ отрадныхъ минутъ было прожито мною въ эти 6-ть лѣта съ добрыми товарищами и съ такими наставниками, какъ Федоровъ-математикъ, добрякъ Рейхенбахъ, дежурный офицеръ Рамбахъ и другіе. Только съ однимъ Энгельке мы разстались безъ сожалѣнія, ибо къ концу нашего пребыванія въ

корпусъ взяточничество его достигло небывалыхъ размѣровъ. Онъ бралъ вѣмь: помѣщики везли курь, масла, варенья; купцы дарили товаромъ и деньгами, а уральцы запрудили его икрой, рыбой, и сообразно этимъ приношенніямъ онъ не стыдясь стала оказывать протекцію дарившимъ его воспитанникамъ, что возмущало всѣхъ остальныхъ. Къ этому прибавлялось и другое обстоятельство, уничтожившее въ насть всякое уваженіе къ Энгельке. Разъ вечеромъ въ коридорѣ корпуса на нашихъ глазахъ онъ поссорился съ полуপьянымъ нашимъ экономомъ, отставнымъ маюромъ изъ фельдфебелей Артемьевымъ, которого мы всегда называли Максимкой, и этотъ послѣдній обругалъ Энгельке воромъ и мошенникомъ; не смотря, однако же, на это, на другой день нашъ главный воспитатель дружески расхаживалъ по корпусу и разговаривалъ съ тѣмъ же Максимкой. Такой скандалъ сейчасъ же былъ увѣковѣченъ въ паразительной по своему сходству картины: нашимъ отличнымъ рисовальщикомъ, кадетомъ Шулешкинымъ, которая въ снимкахъ ходила у всѣхъ по рукамъ, тогда какъ взяточничество въ свою очередь было воспѣто въ стихахъ другимъ нашимъ кадетомъ Бунинскимъ, весьма острый и наблюдательный мальчикомъ. Пѣсня Бунина была тотчасъ же разучена, положена на голоса, и мы пѣли постоянно ее хоромъ, когда проходилъ мимо насть Энгельке, но на него это не дѣйствовало. Привожу для характеристики оставшіеся у меня въ памяти отрывки этой довольно длинной пѣсни:

Плохо намъ жить настало
Съ командиромъ не отпомъ,
Съ лихомицемъ, какихъ мало,
Съ криводушнымъ наглецомъ.
Изъ Германіи проклитой
Онъ пожаловалъ сюда,
Шутъ быль, шельма, полосатый
И какъ вѣнецъ безъ стыда.
Судить деньгами онъ вины,
Деньги для него законъ,
Сребра, золота, платины
Ожидаетъ также онъ.
И мѣдь тоже не въ презрѣни.
Не откажется отъ ней,
Любить персики, варенье,
Уважаетъ и гусей.
Если знать, друзья, хотите
Пожирѣть онъ отчего,
То уральцевъ вы спросите:
Ураль кормить вѣдь его.

Сообщенія тогда между Оренбургомъ и Петербургомъ были ужасны, дѣлопроизводство всегда медленное, а потому мы смѣло могли разсчи-

тывать прожить дома до производства въ офицеры мѣсяца три-четыре. Пріѣхавъ въ Белебей, я засталъ тамъ брата, который послѣ шестилѣтней службы въ Минскомъ полку, по желанію отца, вышелъ въ отставку и теперь пріискивалъ себѣ гражданскую должность. Особаго дѣла у насъ не было, и мы вполнѣ зажили зимнею жизнью маленькихъ уѣздныхъ городковъ, т. е. играли безъ устали въ преферансъ, танцевали подъ разстроенное фортеціано и ухаживали за разными барышнями. На святки появились въ Белебѣѣ двѣ сосѣднія помѣщицы—княжны Чегодаевы, девушки весьма образованные, и наша жизнь пошла еще веселѣ. Беззаботно проводилъ я время, когда получилъ письмо изъ Оренбурга о томъ, что мнѣ отказали въ производствѣ въ артиллерію и возвратили представленіе назадъ. Ударъ былъ тяжкій для моихъ ожиданій, но я не переставалъ еще надѣяться, такъ какъ кадетское начальство вновь ходатайствовало объ исполненіи прежняго своего представленія. Между тѣмъ, какъ нарочно, въ это время пришли артиллерійскія офицерскія вѣщи, которая отецъ выписалъ мнѣ изъ Москвы, и онѣ еще болѣе растравили во мнѣ желаніе поступить въ артиллерію.

Проведя весело масляную, отецъ рѣшился отправить постомъ меня съ матушкой въ Оренбургъ, чтобы ко времени производства быть мнѣ на мѣстѣ.

Въ Оренбургѣ уже собирались почти всѣ выпускные кадеты, весна была ранняя, сухая, и мы по вечерамъ цѣлою толпою ходили по Сакмарской почтовой дорогѣ, чтобы встрѣтить петербургскую почту. Всѣ радовались, всѣ ждали, а у меня только скребло на сердцѣ, и предчувствіе меня не обмануло: пришла почта, и я былъ произведенъ 28-го марта 1848 года въ прапорщики въ 3-й Оренбургскій (потомъ 7-й Туркестанскій) линейный баталіонъ, расположенный въ Оренбургѣ. Первое тяжкое разочарованіе постигло меня,—я ненавидѣлъ всѣми силами души линейные баталіоны и теперь долженъ быть служить въ нихъ. Богъ знаетъ, какъ это мнѣ было горько; я плакалъ, какъ ребенокъ, передо мною лежала мрачная, грязная дорога. Я былъ оскорблѣнъ въ лучшихъ своихъ вѣрованіяхъ и только благодаря ласкамъ матери и сестры кое-какъ пришелъ въ себя, но даль тутъ же себѣ честное слово во чтѣ бы то ни стало наверстать свою потерю и вмѣстѣ съ тѣмъ дополнить свое образованіе въ Академіи генерального штаба, чтѣ и исполнилъ.

III.

Оренбургъ въ 1848 году.—Линейные баталіоны.—Генералы Толиачевъ и Обручевъ.—Первый дебютъ на службѣ.—Башкиры и ихъ служба.—Баталіонные командиры.

Расположенный на песчаной, возвышенной равнинѣ прѣваго берега Урала, совершенно открытой для юго-восточныхъ вѣтровъ, Оренбургъ нестерпимъ хѣтомъ по своимъ жарамъ, а окружавшія его въ то время крѣпостныя стѣны, не допуская надлежащаго движенія воздуха, дѣлали изъ города какое-то пекло, въ которомъ зачастую не было возможности дышать.

О соблюденіи какихъ-либо гигиеническихъ правилъ между жителями и даже въ войскахъ, разумѣется, тогда не было помину. Вода находилась далеко, улицы не поливались, дворы и отхожія мѣста своеевременно не чистились, а падаль сваливали за крѣпостью подъ самыми вѣлами. Казармы были тѣсны, имѣли самую первобытную вентиляцію, рѣдко освѣжались и были полны всевозможными міазмами, такъ что мы, новички, войдя въ первый разъ въ роту, не знали, куда дѣваться отъ зловоннаго запаха, и только спустя недѣли двѣ освоились съ этимъ ароматомъ.

Оренбургскіе линейные баталіоны того времени составляли 22-ю пѣхотную дивизію и, не смотря на армейское положеніе, въ глазахъ высшаго начальства и мѣстного общества стояли на одинаковой ногѣ съ баталіонами гарнизонными, пользуясь наравнѣ съ послѣдними значительнымъ пренебреженіемъ. Хорошо помню и теперь, какъ поразило насъ обращеніе оренбургскихъ дамъ въ первый же разъ, когда мы рѣшились явиться въ клубъ на танцевальный вечеръ: на насъ или вовсе не смотрѣли, или бросали презрительный взглядъ съ тѣмъ, чтобы сей-часъ же отвернуться. Мы вынесли это и все-таки рѣшились танцевать, попросивъ дежурнаго старшину представить насъ дамамъ. Долго мы бродили по залѣ, получая только одни отказы, пока не нашлось нѣсколько перезрѣлыхъ барышень, которая, вѣроятно, за неимѣніемъ другихъ кавалеровъ, согласились танцевать съ нами кадриль, но и тутъ не безъ злости, такъ какъ, становясь въ кругъ, они на вопросъ своихъ подругъ, съ кѣмъ ты танцуешь? нисколько не стѣсняясь, отвѣчали въ слухъ: «съ 22-мъ номеромъ» и при этомъ дѣлали самую кислую гримасу.

Нельзя однако же строго винить тогдашнее общество: оно само было весьма мало развито, чтобы проникнуться къ незнакомому человѣку достаточнымъ чувствомъ вѣжливости; къ тому же большинство линейныхъ офицеровъ было таково, что дѣйствительно порядочные люди могли

сторониться его. Такъ баталіоны, въ которые мы поступили, имѣли всѣхъ ротныхъ командировъ и значительное число младшихъ офицеровъ изъ фельдфебелей или изъ неучей-юнкеровъ, отличавшихся самыми смутными понятіями объ общественной жизни; между ними было много людѣй добрыхъ и по-тогдашнему честныхъ, но они посвящали большую часть времени на фронтовую службу, знаніе которой, ограничиваясь исключительно уставомъ, доводилось до величайшаго педантизма; свободные же часы проводили или въ компаніи съ писарями разныхъ управлений корпуса или въ кутежахъ съ женщинами легкаго поведенія, при чёмъ весьма часто попойки кончались дракой. Они имѣли свой нравственный кодексъ, и битье другъ-друга не влекло за собой дуэли, а всегда кончалось мировой. На вопросы наши, отчего не бываютъ въ хорощемъ обществѣ, они всегда съ сарказмомъ отвѣчали: «куда намъ, дуракамъ, чай пить, это вы ужъ полѣзайте къ аристократію».

Съ первого же появленія нашего на службѣ эти офицеры прямо начали говорить намъ «ты», и холостые—звать вечеромъ на выпивку. Они же сочли долгомъ немедленно познакомить насъ съ баталіонными командинами.

— Третіймъ баталіономъ,—говорили наставники наши,—командуетъ маіоръ Лепехинъ: ругается не сильно, но при этомъ всегда плюется, таъ что близко стоять нельзя; впрочемъ, старикъ добрый и по ночамъ любить, по-нашему, пропустить за галстукъ; а вотъ ужъ во второмъ—подполковникъ Чигирь,—это дантистъ, мало что разбранить тебя всячески, шкуру, кажется, готовъ содрать во фронтѣ, службу знаетъ отлично и при томъ любимецъ дивизіоннаго, такъ тутъ ничего не подѣлаешь.

Такая обстановка и разсказы были тяжелы нашей молодой натурѣ, но, что было дѣлать, надо было служить.

Явившись къ маіору Лепехину и, кроме кивка головы, не получивъ отъ него ни единаго привѣтствія, мы отправились на другой день къ бригадному и дивизіонному начальникамъ. Бригаднымъ командиномъ былъ тогда генераль-маіоръ Логинъ Ивановичъ Федяевъ—человѣкъ немногой толщины, который въ 30-ти градусный морозъ ходилъ не иначе, какъ въ одномъ сюртуکѣ, и ежедневно, не исключая зимы, обливался въ холодныхъ сѣныхъ ледяной водой. Федяевъ былъ добрѣкъ, отличался, даже въ то извѣстное своимъ казнокрадствомъ время, безукоризненной честностью, но, какъ бригадный командинъ, не имѣлъ почти никакого значенія по службѣ. Онъ принялъ насъ ласково и, разумѣется, говорилъ намъ «ты», такъ какъ это мѣстоименіе употреблялъ постоянно даже въ разговорѣ съ дамами. Отъ бригаднаго перешли къ дивизіонному. Послѣ часового ожиданія въ пріемной къ намъ быстро вышелъ видный съ ястребинымъ носомъ генераль въ сюртуکѣ на распашку и, не кланяясь, началъ спрашивать по очереди наши фамиліи. Это былъ

генераль-лейтенантъ Аѳанасій Емельяновичъ Толмачевъ. Обойдя всѣхъ, онъ бойкимъ голосомъ и весьма отрывисто сказалъ намъ:

— Смотрите, служить хорошо!.. Тутъ пьяницъ много, не балуйтесь, въ караулѣ не спать.

Въ заключеніе обратившись къ баталіоннымъ командирамъ, сказалъ имъ, чтобы они насъ подтянули хорошенько, повернулся и ушелъ.

Толмачева въ дивизіи не любили, главнымъ образомъ, за то, что онъ во всѣхъ случаяхъ держалъ сторону баталіонныхъ командировъ, позволяя имъ дѣлать что угодно и обращаться съ офицерами самымъ грубымъ образомъ. Изъ числа такихъ начальниковъ особою дерзостью даже въ то время славились командиры: 2-го баталіона подполковникъ Чигирь и 10-го баталіона въ Уфѣ подполковникъ Аѳанасьевъ, большие любимицы Толмачева, такъ что никакая претензія на нихъ не имѣла въ глазахъ его значенія и не получала дальнѣйшаго хода.

Командиромъ, какъ тогда называли, отдельнаго Оренбургскаго корпуса и оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ генераль-отъ-инфантеріи Владімір Аѳанасьевичъ Обручевъ. Средняго роста, юркій, подвижный человѣкъ, съ Георгіемъ на шеѣ, Обручевъ составилъ себѣ репутацію боеваго генерала въ кампаніи 1828—1831 гг. въ Турціи и Польшѣ, а затѣмъ, посвятивъ себя дѣятельности мирной, къ качествѣ начальника дивизіи, прославился какъ одинъ изъ самыхъ исправныхъ фронтовыхъ командировъ, о которыхъ даже современники не безъ ироніи говорили, что они всякую ошибку въ фронтѣ подчиненнаго счи-таютъ за личное для себя оскорблѣніе.

Не мое дѣло оцѣнивать здѣсь всѣ заслуги, которыя оказались Владіміръ Аѳанасьевичъ Обручевъ Оренбургскому краю особенно по устройству степи; многія изъ его начинаній принесли прекрасные плоды и до сихъ поръ пользуются благодарною памятью у мѣстныхъ жителей, но эта видная сторона дѣятельности не можетъ, однако же, заставить меня отказаться отъ сообщенія свѣдѣній о нѣкоторыхъ несимпатичныхъ чертахъ его характера, насколько, конечно, это будетъ необходимо для ясности и полноты моего разсказа.

Я не знаю подробно, каковъ былъ генералъ Обручевъ прежде; въ бытность же въ Оренбургѣ онъ пользовался репутацией человѣка честнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ деспотического, мелочного и крайне раздражительного, такъ что вскорѣ по его прибытіи въ городъ слова «Обручевъ» и «распеканка» сдѣлялись синонимами. Вездѣ, гдѣ только ни появлялся генералъ, какъ официальное лицо, вездѣ раздавался крикъ и шла головомойка. Кричалъ онъ на ученьяхъ, кричалъ къ кадетскомъ корпусѣ, кричалъ въ институтѣ, кричалъ даже на базарѣ, куда изрѣдка ходилъ пробовать провизію. Подобное раздраженіе доходило иногда до смѣшнаго: такъ присутствуя разъ на парадѣ, которые лѣтомъ назначались

на городской площади по воскресеньямъ и собирали массу народа, Обручевъ замѣтилъ въ числѣ зрителей окружнаго начальника государственныхъ имуществъ и, вспомнивъ, что въ одномъ мѣстѣ уѣзда проѣзжалъ по дурной дорогѣ, обрушился на этого чиновника.

— Я тебя выгоню вонъ, сослать велю! — закричалъ генералъ въ изступленіи.

Онъ такъ озадачилъ бѣднягу, что послѣдній, не понимая сдѣланнаго на него нападенія, испугался и началъ прятаться въ народъ, а Обручевъ за нимъ, пока не прижалъ, наконецъ, къ какому-то препятствію и, тутъ только разразясь опять крикомъ, высказалъ, что распекаетъ за неисправность дорогъ. Народъ хохоталъ, любуясь такою гонкой, а несчастнаго чиновника даже вечеромъ того дня, когда я его видѣлъ, трясла лихорадка, при чемъ оказалось, что нагоняй онъ получилъ даромъ взамѣнъ исправника.

Физіономія Обручева отличалась тѣмъ, что она всегда имѣла самое разобщенное выраженіе: нерѣдко къ нему являлись люди, только-что прибывшіе въ край, и тѣ, выходя отъ него, задавали своимъ знакомымъ вопросъ: «скажите, пожалуйста, чѣмъ мы могли обидѣть генерала, что онъ встрѣтилъ насъ съ такимъ лицомъ?» Замѣчательно, что такое же выраженіе физіономія Владимира Аѳанасьевича сохранила даже въ церкви, во время службы, при поклонахъ священниковъ, какъ будто и тутъ онъ готовъ былъ распечь ихъ за какую-нибудь неисправность. Были, однако же, минуты, когда и на этомъ суровомъ лицѣ появлялось что-то въ родѣ ласки — это именно на тѣхъ болѣе, чѣмъ скромныхъ вѣчеринкахъ, которыя Обручевъ иногда устраивалъ у себя дома. Тогда онъ выглядывалъ какъ-то добрѣе особенно, когда онъ говорилъ съ дамами или ласкалъ своихъ дѣтей, но и тутъ подобныя измѣненія были мгновенны, и лицо его тотчасъ же принимало всѣмъ знакомое выраженіе.

Вступивъ въ управлѣніе краемъ послѣ генералъ-адъютанта Василия Алексѣевича Перовскаго, этой въ полномъ смыслѣ слова широкой славянской природы, со всѣми ея качествами и недостатками, Обручевъ, какъ это часто бываетъ на Руси, отнесся съ большимъ предубѣждениемъ къ тому, что было сдѣлано его предшественникомъ, поэтому тотчасъ же началась въ край перетасовка чиновъ, отмѣна разныхъ распоряженій, проектированныхъ Перовскимъ, и строгая критика того, чего нельзя уже было измѣнить.

Самое главное, чѣмъ прежде всего задался Владимиръ Аѳанасьевичъ, это сокращеніемъ во что бы то ни стало расходовъ казны по краю, но, приступивъ къ нему безъ полнаго знакомства съ мѣстными потребностями, онъ достигъ успѣшнаго результата лишь въ мелочахъ. Будучи самъ скучнымъ до крайности, онъ хотѣлъ, казалось, привить то же качество и къ служащимъ къ краю и пріучить ихъ къ умѣренной жизни, а

потому совсѣмъ прекратилъ выдачу производившихся изъ экстраординарныхъ суммъ пособій особенно достойнымъ офицерамъ и чиновникамъ и сократилъ отпускъ въ долгъ казеннаго лѣса на постройки недостаточныхъ людей. По ходатайству его былъ раскассированъ прекрасный Уфимскій казачій полкъ, который могъ быть такъ полезенъ для всѣхъ послѣдующихъ нашихъ походовъ въ степи и развитія строеваго образованія среди уральскихъ и оренбургскихъ казаковъ, для чего впослѣдствіи выписывались изъ арміи кавалерійскіе офицеры. Значительныя башкирскія суммы, состоявшія въ распоряженіи оренбургскаго губернатора, и на которыхъ можно было много сдѣлать полезнаго для башкиръ, были представлены въ государственное казначейство, а несчастный башкирскій народъ, такъ страдавшій и при Перовскомъ, былъ совершенно обращенъ въ негровъ-работниковъ, производя по наряду за самую ничтожную плату всѣ казенные сооруженія въ краѣ, на которыхъ ежегодно умирали чуть не тысячами башкиры и ихъ лошади. Всѣ протесты на такое обращеніе съ населеніемъ командовавшаго башкирскимъ войскомъ Николая Петровича Беклемишева, личности въ высшей степени гуманной и симпатичной, оставались тщетными. На обязанности башкиръ же состояла тогда вырубка изъ казенныхъ башкирскихъ дачъ лѣса, сплавъ его въ Оренбургъ и выгрузка здѣсь въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, когда начинались заморозки и полунаಗие башкиры должны были работать, стоя цѣлый день въ ледяной водѣ¹⁾). Доставленные такимъ образомъ дрова шли на отопленіе казенныхъ зданій Оренбурга и Орска, а большою частью на вольную продажу, и вырученные отъ нихъ огромные барыші, такъ какъ дрова заготавливались чуть не даромъ, поступали въ полное распоряженіе военного губернатора, и отчета въ нихъ онъ не отдавалъ даже высочайшей власти.

Результатомъ всѣхъ такихъ мѣръ, не говоря уже о безпорядочномъ истребленіи лѣсовъ и обмеленіи рѣкъ, было страшное разореніе Баш-

¹⁾ Для характеристики этихъ тяжелыхъ занятій по сплаву и того грустного положенія, въ которомъ вообще находились башкиры на работахъ, всего лучше можетъ служить сочиненная кѣмъ-то башкирская пѣсня, которую знала тогда весь Оренбургъ.

Моклашка, моклашка (отрубокъ дерева),
Ты куда плывишь (плывешь),
Ты плыви, моклашка, на родимый сторона,
Ты скажи, моклашка, мой татишка (отецъ),
Ты скажи, моклашка, мой матишка (мать),
Что ихъ сынка (сынъ), что ихъ сынка,
Больна мудрина (очень мудренъ) сталъ,
Жельзана лочатка (жельзной лопаткой) навозъ чистить,
Худой арба писка (песокъ) возить и проч.

кири, послужившее впослѣдствіи, какъ извѣстно, причиною удаленія изъ края генерала Обручева и замѣною его вновь В. А. Перовскимъ.

Послѣ представленія начальству, я поселился вблизи казармъ 3-го батальона на квартирѣ сестры моей, а затѣмъ сталъ нести дѣйствительную службу, открывъ ее весьма тяжелымъ дебютомъ.

Въ первомъ же вечернемъ приказѣ по батальону, который принесли мнѣ, значилось, что моя рота назначается на слѣдующій день для производства за казармами экзекуціи, для чего ей надлежало быть на мѣстѣ въ 5 часовъ утра. Надобно сказать, что до тѣхъ порь я не имѣлъ никакого понятія объ экзекуціяхъ и никогда на нихъ не присутствовалъ; всѣ представленія о самомъ сильномъ взысканіи складывались въ моей головѣ въ наказаніи розгами, существовавшемъ въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, но котораго я, благодаря Бога, не испыталъ, а потому я сталъ ожидать исполненія новаго рода службы съ какимъ-то грустнымъ любопытствомъ.

На другой день къ 5-ти часамъ я былъ уже къ казармѣ. Выстроили роту, разсчитали и повели на плацъ, гдѣ развели шеренги на разстояніе шаговъ пяти, обернули лицомъ одну къ другой и дали каждому солдату по длинной палкѣ толщиною въ палецъ. Чрезъ нѣсколько минутъ къ флангу роты приблизились подъ конвоемъ пять человѣкъ, истомленныхъ до-нельзя и оборванныхъ башкиръ; вынырнули откуда-то аудиторъ, раздалась команда «на карауль», и началось чтеніе конфirmaціи. Сколько можно было разслышать, башкиры за конокрадство и другія мелкія воровства, а нѣкоторые за побѣги приговаривались корпусянъ командиромъ къ наказанію штуцрутенами черезъ 500—1.500 человѣкъ.

По окончаніи чтенія, несчастныхъ раздѣли, всунули каждому въ связанныя руки по прикладу ружья, другой конецъ котораго держаль унтеръ-офицеръ; раздалась вновь команда, въ рукахъ солдатъ появились палки, уныло забилъ барабанъ, и осужденные, ведомые на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, двинулись по живой улицѣ солдатъ. Свистнули палки, пронесся крикъ, сердце невольно у меня сжалось, и я закрылъ было глаза, какъ вдругъ вблизи раздалось хлопъ, хлопъ по чьему-то лицу; я взглянулъ и увидаль ротнаго командира, производившаго надъ однимъ солдатикомъ своеручную расправу.

— Ахъ, ты такой, сякой,—кричалъ ротный, употребляя самую непечатанную брань,—еще жалѣть вздумаль, бей, во всю руку, а не то я тебя самого разложу!

Обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— А ты, братъ, что спишь? твое дѣло ходить по рядамъ и смотрѣть, чтобы хорошенько били. Ступай же!

Нечего дѣлать, пошель я позади шеренги, но, разумѣется, не для того, чтобы исполнять приказаніе ротнаго.

Вотъ каковъ былъ мой служебный дѣбютъ. Съ страшнымъ озабоченіемъ противу начальства возвратился я домой и пережилъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ дней моей жизни; впослѣдствіи, когда подобную службу пришлось исполнить весьма часто, я уже не закрывалъ глазъ, но постоянно испытывалъ то же чувство омерзенія, какъ и при первой экзекуціи.

Такъ притуплялись въ ту пору даже въ мирное время всѣ мягкия юношескія чувства у людей военныхъ, и надобно было имѣть слишкомъ доброе сердце, чтобы, пробывъ въ такой службѣ нѣсколько лѣтъ, не затруднить окончательно. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ вообще о наказаніи бѣдныхъ башкиръ. Этотъ несчастный народъ считался тогда въ военномъ вѣдомствѣ, исполняя кое-какія полицейскія обязанности, а главное замѣненіе на казенныхъ работахъ въ краѣ негровъ, и за такую собственно службу пользовался удовольствіемъ подлежать за проступки военному суду. Какъ народъ полукочевой, имѣвшій только смутныя понятія о гражданской жизни, башкиры считали вполнѣ естественнымъ и даже молодечествомъ воровать другъ у друга и сосѣднихъ русскихъ крестьянъ лошадей, таскать изъ казенныхъ дачъ лѣсъ, отбивать забираемыя у нихъ весьма часто грабительскимъ способомъ земли и т. д. И когда за подобные же поступки рядомъ жившій съ ними крестьянинъ отдавался штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, разгами,—башкиры судились военнымъ судомъ.

Въ знаменитыхъ тогда военно-судныхъ комиссіяхъ царилъ полный произволъ аудитора, произведенаго изъ писарей, ибо ни презусь, ни члены, назначаемые поперемѣнно изъ фронта, не имѣли да и не могли имѣть надлежащей подготовки къ разбору и рѣшенію военно-судныхъ дѣлъ, состоявшихъ всегда изъ массы перепутанныхъ слѣдствій, допросъ и очныхъ ставокъ, въ которыхъ, какъ въ мутной водѣ, только и могъ одинъ аудиторъ ловить рыбу. Всѣ члены этого судилища безпрекословно подписывались подъ приговорами на мѣстахъ, гдѣ были заранѣе уже намѣчены карандашомъ ихъ фамиліи. Оба оберъ-аудитора Оренбургскаго корпуса, къ которымъ поступали на окончательное разсмотрѣніе дѣла, были тоже изъ писарей, нажили себѣ дома и горой стояли за своихъ подчиненныхъ. Послѣдствіемъ такого суда было то, что почти всякий зажиточный башкиръ выходилъ правъ, а бѣдняка наказывали. Я зналъ одного эсакула, который прославился своими грабежами на весь край, судился по 7-ми важнымъ дѣламъ и, не смотря на полное желаніе генерала Обручева наказать грабителя, онъ былъ оправданъ и даже получилъ вскорѣ чинъ маюра. Дѣло это ему стоило около семи тысячъ рублей.

Кромъ экзекуцій, назначенія черезъ 2—3 сутокъ въ городскіе караулы, парадовъ и разводовъ, которые до страсти любили Обручевъ, и другихъ нарядовъ на службу, мы ходили еще ежедневно по два раза на ученья: утромъ отъ 6—9, а вечеромъ отъ 6—8 часовъ.

Офицерскихъ карауловъ въ то время содержалось въ Оренбургѣ четыре: 1) на главной гауптвахтѣ, помѣщавшейся на площади въ подвальномъ этажѣ зданія 2-го эскадрона Неплюевскаго кадетскаго корпуса, 2) при городскомъ тюремномъ замкѣ, 3) при Сакмарскихъ воротахъ крѣпости, чрезъ которыхъ проходилъ Петербургскій трактъ и 4) на Мѣновомъ дворѣ (только лѣтомъ) въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ города; во всѣхъ другихъ мѣстахъ и выѣздахъ стояли посты унтеръ-офицерскіе. Карабульныя комнаты были низки, грязны, и въ каждой помѣщалось нѣсколько арестованныхъ офицеровъ, которые, большею частью, судились за проступокъ, дающій всегда немаловажный процентъ для нашихъ военныхъ судовъ—промотаніе казенныxъ денегъ. Горе было возвиться съ этими господами: разсчитывая на нашу неопытность, они постоянно пьянствовали и позволяли себѣ такія безчинства, что другой разъ у насъ лопалось терпѣніе, и мы приказывали связывать ихъ и держать въ кроватяхъ, пока не проспятся. Тяжело было также при 30—40° лѣтнаго жара въ Оренбургѣ стоять въ караулѣ затянутымъ въ тогдашній мундиръ съ высокимъ воротникомъ, имѣя на головѣ массивную каску съ застегнутыми чешуями. О кителяхъ, снимавшихъ галстука, бѣлой фуражкѣ, какъ это теперь допускается въ жаркихъ мѣстахъ, тогда и помину не было; даже виѣ службы ходили не иначе, какъ въ сюртукахъ и каскахъ.

Ко всему этому на главной гауптвахтѣ и Сакмарскомъ выѣздѣ присоединялось безпрерывное писаніе рапортчикъ о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ крѣпости и выбѣганіе на платформу для отданія чести не только чинамъ комендантскаго правленія и ближайшимъ начальникамъ, но и всѣмъ генераламъ. За одну опозданную минуту даже въ выскакиваніи людей, особенно же въ командѣ: «слушай на караулъ!»—слѣдовала отъ всѣхъ и каждого головомойка и часто арестъ. Особенно намъ былъ тяжелъ комендантъ, генералъ Лифляндъ, имѣвшій тройку рысаковъ. Поднесется, бывало, къ караулу изъ-за угла во всю прыть, продѣлать перемоню не успѣшь, ну, и подъ арестъ. Только и быть отдыхъ, когда принесутъ обѣдъ или чай, и веляшь снять барабанъ съ платформы, но и тутъ сейчасъ явится дежурный по карауламъ или плацъ-адъютантъ узнать, не спить ли офицерь.

Кромѣ карауловъ насъ истомляли еще безпрерывные парады и разводы, до которыхъ, какъ сказано, корпусный командиръ былъ великий охотникъ. Не говоря о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ, Обручевъ придидался къ каждому обыкновенному празднику, напр. взятіе Па-

рижа русскими, день Полтавской битвы, престольный праздникъ военно-учебныхъ заведеній и т. п., чтобы назначить разводъ или парадъ, а это въ свою очередь вело къ муки нашей репетиціями, чтобы достойнымъ образомъ предстать на такую церемонію. Особенное вниманіе обращалось на равненіе и салютовку, которая служила истиннымъ наслажденіемъ для корпуснаго командира. Людей при тогдашней стойкѣ заставляли выпячивать всѣми мѣрами грудь впередъ, а груди старались вытянуть въ одну совершенно прямую линію. Выравниваніе шло, бывало, часа полтора до приѣзда начальника, и Боже сохрани потерять его; возвездіе за это слѣдовало извѣстное: кулакъ въ зубы и палка въ спину.

Генералъ Обручевъ обыкновенно пріѣзжалъ на парады въ казачьей формѣ, которую очень любилъ. Еще чуть покажется вдали его экипажъ, какъ махальные на площади, или зимой у дверей манежа, закричать во все горло: «корпусный командиръ изволить ъха-а-ать». Все вздрогнетъ въ строю, лица баталіонныхъ командировъ вытянутся, поблѣднѣютъ, и разомъ водворится такая гробовая тишина, что стоишь, бывало, вдалекѣ, а слышишь, какъ хрустить въ манежѣ песокъ подъ ногами какого-нибудь повергнувшегося генерала. Вотъ раздалась команда «на карауль», грянула музыка, и корпусный командиръ, выслушавъ рапортъ и поздоровавшись съ людьми, идетъ по рядамъ. Выраженіе лица его по обыкновенію разобуженное; онъ грозно смотрѣть по линіи равненія, на солдатъ, ихъ стойку, слѣдующаго сзади его баталіонного командира пробираеть дрожь, и даже самъ начальникъ дивизіи, идущій около Обручева, держа руку подъ козыреекъ, начинаеть съменить ногами и обдергиваться: словомъ, всѣ ждутъ чего-то и при томъ страшнаго. Но обходъ конченъ: все обошлось благоподчично, повели являться офицеровъ. Подошелъ первый: молнией блеснула въ рукахъ его сабля, плавно, ровно скользнула въ самый разрѣзъ плеча и мгновенно легла плашмя къ носку лѣвой ноги; офицеръ отрапортовалъ, также ловко взялъ саблю въ плечо, повернулся направо и, сдѣлавъ выдержку, замаршировалъ въ сторону. Лицо Обручева просвѣтлѣло; онъ взглянулъ на начальника дивизіи, и что-то въ родѣ улыбки мелькнуло на его губахъ. Начальникъ дивизіи съ сіяющей физіономіей низко поклонилъся, бригадный вздохнулъ всю грудью, а баталіонный позволилъ себѣ даже улыбнуться... Дѣло, значитъ, хорошо. Пошли построенія, маршировка, тихимъ, потомъ скорымъ шагомъ, прошли на «ура!» Сопло все и затѣмъ всѣ довольные, веселые разошлись по домамъ.

Но такие свѣтлые дни бывали не часто; не понравится салютовка, равненіе или шагъ, проваливайся тогда сквозь землю: крикъ и гвалтъ пойдутъ на весь плацъ и конецъ концовъ: офицеры засажены на гауптвахту, баталіонный выбраненъ слико возможно, а бригадный и диви-

зіонный стоять красные, какъ раки, передъ корпуснымъ, держа руку у шляпы и слушая, какъ онъ съ пѣною у рта кричить на нихъ:

— Ваше превосходительство, такъ служить нельзя. Это не солдаты, а барабаны, я не могу смотрѣть за всѣмъ, такъ служить нельзя...

Независимо отъ другихъ нарядовъ нась, молодыхъ офицеровъ, постоянно назначали визитиръ-рундами для повѣрки карауловъ. Лѣтомъ еще было туда-сюда: проходиши всю ночь, роспишешься въ постовыхъ книгахъ и только; но зимою въ страшные оренбургскіе бураны такое назначеніе было чистою бѣдою: своихъ лошадей не было, а обѣ извозчикахъ тогда въ Оренбургѣ никто и не слыхалъ, поэтому приходилось пробираться вездѣ пѣшкомъ. На улицахъ ни души, ни огня, въ двухъ шагахъ ничего не видно, и только молишь Бога, какъ бы не заплутаться и не замерзнуть, особенно идя въ госпиталь, стоявшій въ степи въ полуверстѣ отъ крѣпости¹⁾.

Ученья, какъ я говорилъ, производились два раза въ день; иногда на нихъ присутствовалъ бригадный командиръ, не вступаясь впрочемъ ни во что. На ученыхъ постоянно шли крикъ и драка, особыхъ дисциплинарныхъ правилъ тогда не было, а потому не было и той градациіи наказаній, какая установилась впослѣдствіи. Дѣло взысканія велось проще; сначала слѣдовала непечатная брань, затѣмъ тычки въ лицо, въ спину, въ бокъ и пр., потомъ битье по физикѣ и, наконецъ, розги или палки и держаніе на часахъ подъ ружьемъ въ ранцѣ, набитомъ пескомъ. Въ первое время мы практиковались поротно: продѣльвали ружейные приемы, ломку фронта, застрѣльщичье ученіе, но главнымъ образомъ налагалось на церемоніальный маршъ.

¹⁾ Въ лѣтнюю пору при Перовскомъ, за недостаткомъ регулярныхъ войскъ, второстепенные караулы занимались башкирами, про которыхъ у старыхъ офицеровъ сохранилось множество разсказовъ, въ томъ числѣ относительно приема рунда, къ которому тогда назначались отъ караула до караула ефрейторъ и два рядовыхъ въ прикрытие. Для характеристики совершенно несвойственной башкирамъ гарнизонной службы привожу одинъ изъ этихъ разсказовъ. При подходѣ ночью рунда (изъ башкиръ же) къ платформѣ караула между рундомъ и часовымъ обыкновенно завязывался слѣдующій разговоръ:

Часовой. Кимъ кила (кто идетъ?)

Рундъ. Рувдъ кила (рундъ идетъ)

Часовой. Кайсы рундъ (Какой рундъ?)

Рундъ. Зоръ рундъ (большой рундъ)

Часовой. Рувдъ тохта (рундъ стой). Каруальный турыгисъ. Шарыка или Ахметка (ефрейторъ) впередъ, два корошій людя впередъ (караульные проснитесь. Ефрейторъ впередъ, два фланговыхъ человѣка впередъ). Когда же рундъ входилъ на платформу, то часовой отдавалъ ему честь саблей въ два приема, приговаривая: на тебѣ, востъ тебѣ, гуляй (проходи) дальше—и, спокойно затянувъ уныло свою пѣсню, начиналъ расхаживать по платформѣ.

Ротный мой командир бранился довольно изрядно, но, конечно, ему далеко было до известного тогда въ оренбургскихъ войскахъ одного капитана полевой артиллеріи, командовавшаго казачьей батарею, котораго многие ставили себѣ за образецъ и всѣми мѣрами старались подражать ему. Казачья батарея въ тотъ годъ стояла лагеремъ подъ Оренбургомъ, и я знаю, что некоторые изъ офицеровъ нарочно щѣдили туда на ученья, чтобы только хоть разъ послушать, какъ распекаютъ казаковъ. Капитанъ дѣйствительно былъ артистъ въ своемъ родѣ; онъ бранился такими непозволительными словами, которые, конечно, не раздавались ни въ одномъ изъ самыхъ развращенныхъ кабаковъ въ Россіи; каждая брань его длилась весьма долго и отличалась изумительнымъ подборомъ неслыханныхъ названий и изображеніемъ самыхъ циничныхъ и отвратительныхъ дѣйствій человѣка. Брань эту онъ произносилъ громко, съ разстановкой, какъ бы самоуслаждаясь своимъ краснорѣчіемъ, и затѣмъ немедленно слѣдовали немилосердные побои казаковъ собственноручно, кулакомъ, шашкой или же при помощи другихъ лицъ—нагайкою. Капитанъ и въ побояхъ достигъ замѣчательного совершенства: такъ, въ пѣшемъ строю онъ рѣдко дрался кулакомъ, а большую частью давалъ виновному такую жестокую пощечину правою ногою, что у казака всегда оказывалось лицо въ крови, а фуражка далеко отлетала въ сторону. Подобное искусство капитана нравилось многимъ офицерамъ его батареи и нерѣдко служило темою разговоровъ ихъ съ нами.

Въ маѣ мѣсяца начались баталіонныя ученія; нашъ командиръ маіоръ Лепехинъ бранился скороговоркой, но при этомъ страшно брызгался слюнами. Главнымъ предметомъ ученій были ломки фронта, при чёмъ употреблялись такія сложныя построенія, какихъ даже не было въ уставѣ, а затѣмъ церемоніальный маршъ. Маіоръ большую частью расправлялся собственноручно, не прибѣгая къ палкамъ; то и дѣло раздавались во фронтѣ удары по чьей-нибудь физикѣ, не исключая унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Офицеровъ Лепехинъ бранилъ мало, можетъ быть, по совершененному недостатку дара слова, за то безпрерывно сажалъ на гауптвахту, крича при этомъ: «поручикъ или прaporщикъ такой-то пошелъ-те подъ арестъ». Но если такъ сравнительно мирно шли ученія въ третьемъ баталіонѣ, то не то было во второмъ, гдѣ, независимо битья низшихъ чиновъ, подполковникъ Чигирь несколько не стѣснялся и съ офицерами. Какъ теперь помню, у него въ баталіонѣ младшимъ штабъ-офицеромъ былъ маіоръ Иванъ Макаровичъ Фофановъ, человѣкъ простой и мало образованный; рѣдкое ученье проходило, чтобы въ числѣ прочихъ Чигирь не разругалъ передъ фронтомъ своего помощника, говоря ему: «ехъ маіорина, маіорина, какъ тебѣ не стыдно», а когда Фофановъ рѣшался иногда возражать, то онъ прямо кричалъ

ему: «молчи ты, Иванъ-дуракъ, Макаръ-дуракъ и Фофановъ-дуракъ, такъ тебѣ и нечего говорить». Самою мягкою бранью у Чигири считалось, когда онъ говорилъ офицеру: «ну, куда ты завель свой взводъ, поди братъ лучше утопись въ Уралѣ, чѣмъ такъ срамиться»...

Такое обращеніе не возбуждало, однако же, протesta, ибо всѣ офицеры служили изъ куска хлѣба, и жаловаться начальству было немыслимо, а какъ тогдашніе законы не ограждали вполнѣ правъ офицеровъ, то понятно, при такихъ условіяхъ и нравственный уровень ихъ долженъ былъ понизиться и дѣйствительно дошелъ у многихъ чуть не до нуля.

Къ веснѣ общественные развлечения, состоявшія изъ танцевальныхъ вечеровъ въ клубѣ и собраній въ частныхъ домахъ, прекратились, а лѣтнихъ увеселеній не было. Театръ тогда вовсе не существовалъ. Караванъ-Сарайскаго сада не было и въ поминѣ, а на берегу Урала, гдѣ въ послѣднее время, говорять, устроенъ бульваръ, валили со всего города навозъ, дохлыхъ кошекъ и собакъ, какъ разъ передъ окнами дома, занимавшагося Обручевымъ, и въ промежуткѣ двухъ соборовъ зимняго и лѣтняго. Изрѣдка въ царскіе дни посыпалась военная музыка въ зауральскую рощу, грязную и вонючую, и тогда туда шелъ весь городъ, направляясь по пѣшебодному мостику, наводимому черезъ рѣку передъ губернаторскимъ домомъ.

Сообщила Н. Н. Длусская.

(Продолжение следуетъ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминанія офицера генерального штаба.

З а т и ш ъ е.

II¹⁾.

Расформированіе отряда князя Имеретинскаго.—Мое возвращеніе въ главную квартиру.—Великій князь главнокомандующій.—Главная квартира.—Бухарестъ.—Гвардія.—Два эпизода, относящіеся къ началу войны.

ослѣ «ужасныхъ дней» 30-го и 31-го августа на западномъ фронте нашемъ наступило «затишье»—конечно, временное. 2-го сентября отрядъ князя Имеретинскаго былъ расформированъ официально, а въ действительности онъ распался, какъ мы видѣли, раньше. Остатки Владимицкаго и Суздальскаго полковъ, первый въ составѣ около 950 человѣкъ, второй приблизительно въ 900 человѣкъ, безъ бригаднаго командира, генерала Тебякина, убитаго 30-го августа, отошли къ своей 16-й дивизіи, при чмъ командиры этихъ полковъ и почти всѣ батальонные и ротные были только «исправляющіе должностъ» или «за командира». Нарядная, блестящая 3-я стрѣлковая бригада, превратившася изъ 4-хъ батальонной въ 2-хъ батальонную, тоже лишившася своего бригаднаго командира генерала Добровольскаго и всѣхъ командировъ батальоновъ, вновь подчинена была непосредственно начальнику Западнаго отряда арміи. Въ вѣдѣніи князя остались только: 2-я пѣхотная дивизія, изъ девятитысячнаго состава насчитывавшая теперь всего около 3.900 человѣкъ, свѣденная въ одинъ 4-хъ батальонный полкъ, съ однимъ бригаднымъ ко-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1903 г.

мандиромъ, совсѣмъ безъ полковыхъ командировъ и 2-я артиллерійская бригада, тоже безъ бригаднаго командира, въ составѣ 31-го вмѣсто 48 орудий.

Такъ какъ во 2-й пѣхотной дивизіи былъ свой начальникъ штаба полковникъ Шестаковъ, то я остался ни при чёмъ, и князь Имеретинскій приказалъ мнѣѣ ходить въ главную квартиру, къ которой я въ дѣйствительности принадлежалъ, состоя для особыхъ порученій при главно-командующемъ.

Не съ большой радостью покинувъ Скобелева, ходить я 9-го августа во вновь сформированный отрядъ князя Имеретинскаго⁴⁾ и, странное дѣло, не съ сожалѣніемъ уѣзжалъ изъ него, хотя, казалось бы, прожитое въ немъ время, а въ особенности все съ нимъ пережитое должны были бы привязать меня къ нему. Очевидно и я чувствовалъ на себѣ отраженіе общей неудовлетворенности послѣ третьаго штурма Плевны; неудовлетворенности, перешедшей въ апатію. Не говорю уже о подъемѣ духа, который обыкновенно является въ части послѣ успѣшнаго дѣла, того подъема духа, который былъ у насъ 22-го августа послѣ взятія Ловчи,—теперь въ отрядѣ нашемъ не было даже ощущенія того, что мы, по совѣсти говоря, заработали: не было какъ-то сознанія того, что долгъ нашъ нами исполненъ. Встрѣчались съ знакомыми не радостно, разговоры не клеились, да и о чёмъ было говорить? Зеленые горы, свидѣтельницы столь многаго великаго, были, по пространству своему, такой маленькой ареной, что всѣ все видѣли и сообщать другъ другу что-либо новое не приходилось. Замѣчательно, что, прислушиваясь и къ разговорамъ солдатъ, не было слышно той восторженности въ рассказахъ, той иевинной похвалы, чуждой баухальства, которая всегда сопровождаетъ разговоры нашихъ солдатъ объ удачномъ дѣлѣ. Я помню подслушанный мною разсказъ у огонька о взятіи тыльнаго редута въ Ловчѣ: «тутъ ужъ всѣ пошли впередъ и налегли со всѣхъ сторонъ; а «онъ» не сдается... ну, его и прикончили!...» Это рассказывалось довольно спокойно, но въ то же время увѣренно, неопровергжимо; чувствовалось, что иначе и быть не могло, что такъ и слѣдовало; ощущалось полное удовлетвореніе. А теперь... правда, еще 27-го августа калужскіе пѣсельники шли при отступленіи со 2-го гребня на 1-й; но 31-го уже не было пѣсенъ. 27-го августа мы еще видѣли впереди отмѣстку и при томъ скорую; 31-го мы увидѣли только конецъ, и пѣсня замерла. Всѣ были удручены, точно мы того, чего отъ насъ ожидали—не исполнили, будто въ чёмъ провинились... и хотя цифры потерь лѣваго фланга отъ 35% до 65% у низкихъ чиновъ и отъ 37% до 56% у офицеровъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ, что старались «не щадя жи-

⁴⁾ Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ. Стр. 394.

вота своего», но все-таки отрядъ былъ въ удрученномъ положеніи. Сейчасъ послѣ 31-го августа не было еще споровъ и не было слышно обвиненій—тогда никого еще не брали; все это явилось потомъ, позже; тутъ же точно всѣ ошагали и недоумѣвали.

Не радостно мнѣ было выхать въ главную квартиру; уѣхалъ я оттуда еще опальнымъ. Въ послѣднее мое въ ней пребываніе великий князь все еще говорилъ мнѣ «вы», а передъ самимъ отѣздомъ въ отрядъ князя Имеретинскаго не удалось мнѣ и проститься съ главнокомандующимъ¹⁾). Неизбѣжно опять увижу Левицкаго... пожалуй, еще распечеть за что-нибудь—мимоходомъ.

3-го сентября выхалъ я изъ отряда съ неразлучнымъ моимъ Захаромъ и Мусы Газиевымъ, выздоровѣвшимъ отъ лихорадки и привлѣтѣвшимъ ко мнѣ подъ кояецъ боя 31-го августа, съ искреннимъ скрушеніемъ жалѣвшимъ, что опоздалъ къ бою²⁾). По его словамъ, въ этомъ, конечно, виноватъ былъ какой-то докторъ, который его «лишку продержалъ» въ госпиталѣ. Единственное, что до нѣкоторой степени утѣшало во всей этой грустной обстановкѣ—утѣшала надежда, что въ виду очевидно наступившаго временнаго затишья можетъ быть отпустить домой хоть на двѣ недѣли. Ужъ 10 мѣсяцевъ не видѣлъ своихъ... Но эта надежда была очень слабая; раздумывая объ этой радужной возможности, я почти всегда сходилъ на мысль, что она невозможна и отъ этой идиллии переходилъ къ другой возможности, болѣе вѣроятной, но за то и болѣе прозаичной: хоть бы въ Бухарестъ пустили на недѣльку, и если пустятъ, то съ вокзала—прямо въ баню.

Ѣдучи налегкѣ, я обгонялъ разныя части войскъ и видѣлъ много лицъ. Между прочимъ, видѣлъ и милѣйшаго генерала Горшкова (*le g n ral Potier*). Почтенный генералъ спѣшилъ со своей I-й бригадой 32-й пѣхотной дивизіи къ Рущуку, въ отрядъ цесаревича. У него что-то случилось съ правой ногой и онъ, сидя верхомъ, былъ безъ сапога, замѣненного резиновой галошой, надѣтой на голую ступню. Было жарко, пыльно, походить былъ усиленный и трудный; довольно тучный Горшковъ потѣлъ, былъ въ раздраженномъ состояніи духа и бранился. Тутъ же я обогналъ полковника генерального штаба Л. Н. Соболева, который говорилъ мнѣ, что, побывавъ у насть на Зеленыхъ горахъ во время штурма, проѣхалъ потомъ къ государю и докладывалъ его величеству о всемъ имъ видѣнномъ. Слава Богу, подумалъ я, хоть кто-нибудь о насть рассказывалъ, а то мы были точно забыты. Подѣважая къ главной квартирѣ, меня какъ-то непріятно поразила услышанная издали

¹⁾ „Русская Старина“ 1900 г. Изъ прошлаго. Гл. XV.

²⁾ Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ. Стр. 350.

музыка, гдѣ-то на окраинѣ Горячаго Студня разыгрывавшая что-то веселенькое. Веселый мотивъ шелъ въ разрѣзъ съ моимъ настроениемъ.

Добравшись, наконецъ, 4-го сентября до оставленной мною въ началѣ августа палатки, встрѣтился я съ многими товарищами, но не засталъ Нагловскаго, который опять былъ у генерала Гурко и изъ главной квартиры уѣхалъ. Очень заботила меня мысль о предстоявшемъ мнѣ представлѣніи главнокомандующему. На другой день меня потребовали къ его высочеству. Когда я вошелъ въ его шатерь, великий князь лежалъ на койкѣ одѣтъ; онъ, кажется, еще похудѣлъ и очень пожелѣлъ. Не зная, каковъ будетъ приемъ, я вошелъ, церемонно и официально поклонился, но все перемѣнилось, когда я услышалъ ласковый голосъ и задушевныя слова:

— Голубчикъ мой, поцѣлуй меня: какъ это ты вышелъ цѣлъ. Я видѣлъ съ горы, какой у васъ адъ былъ 30-го и 31-го августа...

Ну, слава Богу; очевидно, случившаяся со мной бѣда — забыта: опять великий князь говорилъ мнѣ «ты», значитъ, опала снята.

Великий князь долго осматривалъ мою физіономію и мой до невозможности порыжѣвшій сюртукъ съ фалдами, кончавшимися баҳромой. Осмотръ этотъ привелъ къ тому, что самъ великий князь предложилъ мнѣѣхать въ Бухарестъ, помыться и почиститься, при чемъ уволилъ меня на неопределѣнное время. О поѣздкѣ же въ Петербургъ я и не заикнулся: совсѣмъ было...

Близкихъ мнѣ по душѣ товарищѣ: Нагловскаго, Бобрикова, Фрезе, въ главной квартирѣ не было; первый былъ у генерала Гурко, второй въ Сербіи, третій не знаю гдѣ. Артамоновъ былъ ужасно не въ духѣ и не разговорчивъ. Общій тонъ главной квартиры былъ унылый и подавленный. Разспросы, если и были, то какіе-то несимпатичные: все большѣе вергались около личностей. Служалось, что я, бывшій на мѣстѣ, зналъ меныше, чѣмъ тѣ, которые тамъ не были. Непокойчицкій былъ очень любезенъ, Левацкій такъ себѣ, но въ общемъ съ нимъ сошло благополучно. Попробовалъ справиться о наградахъ; милѣйшаго полковника Кладишева не было, заболѣть и уѣхалъ, а замѣстители его были слишкомъ заняты, чтобы давать намъ, прѣѣзжимъ, справки¹⁾). Узналъ только, что въ это время вышли награды за первый переходъ Гурко черезъ Балканы и что скоро очередь наградъ за вторую Плевну 18-го июля, но что въ общемъ накопилось до 2.000 неразсмотрѣнныхъ наградъ.

Оставаться дольше въ главной квартирѣ не было причины. Удостоившись получить приглашеніе къ высочайшему столу, я, отобѣдавъ въ числѣ массы другихъ лицъ, уѣхалъ въ Бухарестъ и конечно, напра-

¹⁾) „Русская Старина“ 1900 г. Изъ прошлаго. Гл. XV.

вился на старое пепелище—«Hôtel Boulevard», къ любезному хозяину Paul Zeidel.

Въ то время румыны относились къ намъ уже иначе; не было той отчуждennости, а иногда и враждебности, которая сплошь и рядомъ проглядывала до войны. Теперь мы были *les biens venus, frères d'armes*. Будучи нашимъ открытымъ союзникомъ, румынское правительство уже не встрѣчало препятствій къ проходу нашихъ войскъ черезъ городъ, и мнѣ весело было смотрѣть, какъ наша гвардія, походнымъ порядкомъ, молодецкимъ шагомъ, проходила съ музыкой по главной улицѣ Подъ-Могошой. Бухарестъ былъ переполненъ русскими всевозможныхъ положеній, званій и родовъ оружія, а «Hôtel Boulevard» совсѣмъ превратился въ русскую шикарную гостиницу. Мнѣ кажется даже, что зимой въ петербургскихъ гостиницахъ первого разряда, во время сезона, благодаря нашымъ настоящихъ заграничныхъ и своихъ домашнихъ иностранцевъ, менѣ слышится русская рѣчь, чѣмъ въ «Hôtel Boulevard» того времени. Прислуга: кельнеры, рендаши (кухонный мужикъ, корридорный) и горничные хвастали знаніемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ. Paul Zeidel встрѣтилъ меня радостнымъ «здравствуйте», а всѣ постолльцы—русскіе гораздо болѣе говорили по-руссски, чѣмъ въ Петербургѣ въ «Hôtel de France», или въ «Европейской гостинице». Мнѣ кажется, что это былъ очень рѣдкій случай, когда русскіе за границей не только не избѣгали, но, наоборотъ, усиленно говорили по-руссски. Правда, что шла гвардія съ весьма приподнятымъ настроениемъ; какъ будто хотѣли всѣмъ, въ томъ числѣ и виѣшнимъ видомъ, показать: «ничего, молъ, не горюйте; вотъ мы пришли и все поправимъ»... Извозчики-скопцы были на верху счастія: всѣ всегда разобраны и цѣны повышены. Лучшіе номера заняты. Мое прежнее уютное помѣщеніе въ концѣ длиннаго коридора съ передней и спальней въ глубокомъ альковѣ было занято герцогомъ Николаемъ Максимилиановичемъ Лейхтенбергскимъ, а въ соѣднемъ, въ которомъ я жилъ во второй мой прїездъ въ Бухарестъ, помѣстился графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ. Понятно, пришлось удовлетвориться маленькой комнатой, оказавшейся свободной. Лѣтняя столовая, устроенная на дворѣ, подъ стеклянной крышей, была набита нашими офицерами. Я пошелъ было туда обѣдать, но поскорѣй ушелъ—до такой степени мой рыжій сюртукъ не гармонировалъ съ шикарными и чистенькими мундирями нашихъ гвардейцевъ.

Въ гостиницѣ видѣлся я съ графомъ Павломъ Андреевичемъ Шуваловымъ, генералами Розенбахомъ, Любовицкимъ, барономъ Зедделеромъ, полковникомъ Водаромъ и массою старыхъ знакомыхъ и сослуживцевъ. Для всѣхъ я былъ интересной новинкой, меня разспрашивали, слушали съ живымъ интересомъ, и, какъ впослѣдствіи, послѣ войны, говорилъ мнѣ генералъ Розенбахъ, разсказы мои о дѣйствующей арміи,

о порядкахъ нашихъ и о положеніи вещей оказались не только не преувеличеными, чѣмъ могло случиться подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что окончившихся «ужасныхъ дней»—но даже смягченными.

Въ «Hôtel Broft» встрѣтился я съ графомъ Эдуардомъ Ивановичемъ Тотлебеномъ, который не поспѣшилъ на длинную со мной бесѣду. Глядя на его массивную фигуру, слушая его спокойную, размѣренную и увѣренную рѣчь, я самъ невольно проникался увѣренностью въ будущее.

Въ числѣ предметовъ, обсуждавшихся въ «Hôtel Boulevard» нашими, вновь прибывшими, не малое мѣсто занималъ вопросъ о томъ, что если бы мы въ началѣ войны не пренебрегали противникомъ и сразу послали бы побольше войскъ, то вѣроятно теперь, въ сентябрѣ 1877 г., война была бы окончена побѣдоносно и мы не проходили бы черезъ всѣ постигшія насъ неудачи и «ужасные дни».

Обсуждался также вопросъ о томъ, что если бы мы не сидѣли такъ долго въ Кишиневѣ, а двинулись бы зимой 1876—1877 годовъ, тотчасъ послѣ мобилизациіи, то можетъ быть достаточно было бы и первоначально мобилизованныхъ войскъ.

Относительно послѣдняго соображенія надо замѣтить, что еще въ концѣ 1876 года, во время Константинопольскихъ конференцій, весьма компетентныя лица высказывали мнѣніе, что слѣдуетъ открыть кампанію только на Кавказѣ, въ виду того, что военные дѣйствія въ Европейской Турціи, рано или поздно, неминуемо повлекутъ за собой конфликтъ съ Европой, въ той или другой формѣ; если же явится неизбѣжная необходимость открыть военные дѣйствія на обоихъ театрахъ, то надо начать войну немедленно. Въ этомъ случаѣ и при условіи быстраго и энергичнаго наступленія, будетъ достаточно 150—180 тысячъ войска. Послѣднее соображеніе основано было на томъ, что Европейская Турція, въ то время была совершенно безъ войскъ, которыхъ всѣ были заняты въ Сербіи, Черногоріи, Босніи и Герцеговинѣ. Не производа подсчета турецкихъ войскъ, направленныхъ турками въ эти пункты и оставшихся налицо въ Болгаріи, достаточно сказать, что лучшіе турецкіе генералы, съ которыми намъ впослѣдствіи пришлось имѣть дѣло и при томъ въ званіи главнокомандующихъ и высшихъ предводителей: Мехмедъ-Али, Сулейманъ и Османъ отсутствовали изъ Болгаріи, дѣйствуя въ предѣлахъ Сербіи, Черногоріи, Босніи и Герцеговины; въ Болгаріи оставался престарѣлый Абдулъ-Керимъ и былъ выписанъ въ помощь ему изъ Зайчара, дѣйствовавшій противъ Сербіи, Ахмедъ-Эюбъ-паша¹⁾.

¹⁾ Изложенное здесь объ отсутствіи войскъ въ приданайской Болгаріи и за Балканами вполнѣ совпадаетъ съ свѣдѣніями, добытыми мною въ декабрѣ 1876 и январѣ 1877 годовъ, во время моей командировкіи за границу для собиранія свѣдѣній о непріятелѣ. Изъ прошлаго. Ч. I-я. На войнѣ, стр. 115, 117 и другія.
П. П.

Затѣмъ, въ Европейской Турціи (т. е. въ Болгаріи сѣверной и южной), зимой 1876 и 1877 годовъ совершенно не было ни снарядовъ, ни патроновъ. И вотъ весьма интересный разсказъ, касающійся снабженія турецкой арміи боевыми припасами передъ войной.

Въ январѣ 1877 года, следовательно когда наша армія, мобилизованная, уже занимала Бессарабію, въ Константинопольскомъ посольствѣ нашемъ узнали, что въ Константинополь явились иностранные коммерсанты для переговоровъ о поставкѣ снарядовъ, патроновъ и вообще боевыхъ припасовъ въ турецкую армію. Въ это время въ Константинополь проживалъ армянинъ, русскій подданный, совершившій какое-то преступление въ Россіи и бѣжавшій въ Турцію. Армянинъ этотъ, зная англійскій и турецкій языки, пристроился переводчикомъ въ американское посольство и постоянно надоѣдалъ нашему послу просьбами исходатайствовать ему прощеніе и разрѣшеніе вернуться въ Россію. Когда до нашего посольства дошли слухи о пріѣздѣ американскихъ поставщиковъ, а также и то, что контракты о поставкѣ боевыхъ припасовъ составляются въ американскомъ посольствѣ, то армянину предложено было доставить контракты, на короткое время, въ наше посольство, за что ему обѣщано было исходатайствовать помилованіе. Армянинъ долго колебался, говоря, что если его поступокъ откроютъ, то онъ поплатится головой, но наконецъ согласился, и вотъ, въ январѣ 1877 года, въ посольство наше явилось это лицо съ подлинными контрактами, написанными параллельно по-турецки и по-англійски.

Въ контрактахъ значилось: поставщики берутъ на себя поставку всѣхъ боевыхъ огнестрѣльныхъ припасовъ, при чёмъ первая партия будетъ сдана въ Константинополь 15-го мая 1877 года, а затѣмъ остальные партии будутъ прибывать периодически 1-го и 15-го каждого мѣсяца.

Теперь остается подумать: что было бы, если бы мы, не останавливаясь на продолжительное сидѣніе въ Кишиневѣ, двинулись бы впередъ, имѣя противникомъ Турцію безъ войскъ, безъ генераловъ и безъ боевыхъ припасовъ? Допускаю даже, что мы тронулись бы въ началѣ января, у насъ было впереди еще четыре съ половиною или пять мѣсяцевъ до того времени, пока Турція получила бы первый транспортъ иностранной боевой помощи!

Во время войны мы всегда поражались тѣмъ неимовѣрнымъ количествомъ патроновъ, которые находили во взятыхъ нами турецкихъ ложементахъ, траншеяхъ и редутахъ, при чёмъ много жестянокъ было нераспаянныхъ, а иногда находили по нѣскольку жестянокъ, укупоренныхъ въ заколоченные ящики. Изложенное выше о доставкѣ патроновъ и снарядовъ служитъ тому объясненіемъ: выгрузка и отправка въ раз-

личные пункты была такая спѣшная, что ящики поступали въ войска цѣлыми партиями нераскупоренными.

Обыкновенно говорили и говорятъ, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ наступленію нашему зимой 1876—1877 годовъ служили всѣмъ известные болгарскія зимнія: бездорожье, грязь, горы и проч. Всю эту грязь, все это бездорожье, мало того, весь ужасъ зими съ вы沟ами и буранами на вершинахъ горъ, мы преодолѣли въ слѣдующую зиму—1877—78 годовъ; нѣтъ основанія полагать, что мы не преодолѣли бы все это годомъ раньше. Не замерзавшій въ зиму 1876—1877 г.г. Дунай не могъ считаться преградой неодолимой; мы его переходили въ іюнѣ 1877 года тоже не по льду.

Ступивши на почву воспоминаній нѣкоторыхъ эпизодовъ начала войны, я приведу здѣсь еще одинъ разсказъ, относящійся къ началу войны. Нашъ посолъ графъ Н. П. Игнатьевъ имѣлъ обыкновеніе ъздить по дѣламъ въ порту верхомъ и однажды ему очень приглянулась лошадь военного министра Реуфа-паши. Лошадь была чистокровный арабъ, блѣла въ розовыхъ крапинкахъ; будучи происхожденіемъ изъ Геджаса, она отличалась большими ростомъ, болѣе $4\frac{1}{2}$ вершковъ, что для арабской лошади рѣдкость исключительная. Начали торговаться, Реуфъ заломилъ огромную цѣну, но, какъ это часто бываетъ, разошлись въ пустякахъ, въ какихъ-нибудь 200 франкахъ. Покупка не состоялась, а затѣмъ по объявлѣніи войны графъ Игнатьевъ выѣхалъ въ Россію, но вся исторія о покупкѣ этой лошади и она сама были известны персоналу посольства.

Во время первого похода генерала Гурко за Балканы передовыя его войска достигли Германлы, и тутъ, въ одной изъ авангардныхъ стычекъ, войска наши видѣли какого-то пашу, очень храбро разѣзжавшаго въ передовыхъ турецкихъ стрѣлковыхъ цѣляхъ на чудесной, большой блѣлой лошади. Находившійся при нашихъ передовыхъ войскахъ члены нашего Константинопольского посольства, князь Цертелевъ, числившійся въ Кубанскомъ казачьемъ полку и носившій эту форму, а также другой (кажется, г. Базили) обратили вниманіе на эту лошадь; она показалась имъ знакомою. Нашъ стрѣлокъ принялъ лошадь, лошадь была убита, паша упалъ, но затѣмъ вскочилъ на ноги и уѣжалъ.

Все это было разсказано графу Игнатьеву, при чёмъ очевидцы происшествія выражали предположеніе и догадку, что убитая лошадь та самая, которая принадлежала Реуфу-пашѣ и которую торговалъ графъ. По заключеніи перемирія, графъ Игнатьевъ, встрѣтивши Реуф-пашу, рассказалъ ему эпизодъ объ убитой лошади и спрашивалъ: кому онъ продалъ лошадь. Реуфъ отвѣтилъ, что не только лошадь та самая, но и паша, на ней сидѣвшій и упавшій съ нея—онъ самъ,

Реуфъ. Нашъ посолъ выразилъ удивленіе, какимъ образомъ Реуфъ, всесильный военный министръ сultана, очутился съ передовыми войсками въ стычкѣ съ нашимъ авангардомъ, и тогда Реуфъ рассказалъ слѣдующее: быстрое наступленіе наше за Балканы въ іюль привело въ неописуемое смятеніе порту и самого сultана. Стояла молва увеличивала количество нашихъ войскъ и въ Константинополѣ были уверены, что наступаютъ и приближаются къ беззащитнымъ Адріанополю и Константинополю главныя наши силы. Въ это время турецкія войска хотя и спѣшили съ западныхъ границъ Турціи въ южную Болгарію и перевозились на судахъ въ Мраморное море, но еще не прибывали; даже Сулейманъ еще не прибылъ. Встревоженный сultантъ послалъ своего военного министра удостовѣриться на мѣстѣ о количествѣ наступавшихъ русскихъ войскъ, и вотъ Реуфъ очутился въ дѣлѣ съ авангардомъ передового отряда генерала Гурко и воочию убѣдился не только въ отсутствіи нашихъ главныхъ силъ, но получилъ обстоятельное свѣдѣніе о нашей слабости въ это время за Балканами и послѣшилъ въ Константинополь успокоить сultана и порту. По дорогѣ, въ Адріанополѣ онъ встрѣтилъ Сулеймана-пашу, уже пріѣхавшаго туда, послѣ высадки въ Дадеагачѣ. Реуфъ умолялъ Сулеймана поторопиться и идти навстрѣчу русскимъ, а когда Сулейманъ, тоже предполагавшій, что ему придется встрѣтиться съ главными нашими силами, выражалъ Реуфу свои опасенія и необходимость выждать высаживавшіяся въ Дадеагачѣ войска для сосредоточенія всѣхъ своихъ силъ, то Реуфъ удостовѣрилъ и подтвердилъ личными своими наблюденіями и собранными свѣдѣніями, что силы наши ничтожны. Сулейманъ послушался, пошелъ впередъ съ тѣмъ, что было подъ рукой;—далнѣйшее известно. Графъ Игнатьевъ, заинтересованный этимъ разсказомъ, поинтересовался спросить: а что было бы, если бы Реуфъ удостовѣрился въ дѣйствительномъ наступленіи нашихъ главныхъ силъ, или даже если не главныхъ, то вообще большихъ силъ; такъ какъ слухъ объ этомъ крѣпко держался въ Константинополѣ, то не было ли какихъ-нибудь предположеній на подобный случай?

Реуфъ отвѣтилъ, что онъ былъ уполномоченъ сultаномъ добиться личного представленія государю и просить мира, при чёмъ сultантъ добавилъ одно только непремѣнное желаніе и просьбу: вести переговоры безъ всякихъ посредствующихъ конференцій или конгрессовъ, а непосредственно съ государемъ императоромъ¹).

¹) Необходимо добавить, что въ это время влияніе Англіи было сильно поколеблено въ Константинополѣ.

Мнѣ, участнику многаго совершившагося въ теченіе нашей войны 1877—1878 годовъ съ самаго начала мобилизациі, когда она, осенью 1876 года, еще только зарождалась на картахъ въ петербургскомъ кабинетѣ генерала Левицкаго и вплоть до конца оккупации весной 1879 года, простиительно, живя настоящимъ мирнымъ теченіемъ жизни, возвращаться мысленно и душевно къ великой трагедіи, бывшей четверть вѣка назадъ; оглядываясь назадъ, невольно нахожу удивительныя, страшныя analogіи съ одинаковымъ кровавымъ исходомъ.

31-го августа подъ Плевной Османъ-паша рѣшается, съ оскорбительной для насъ смѣлостью, почти совсѣмъ оголить отъ войскъ свой восточный фронтъ, оставивъ тамъ всего 12 батальоновъ, противъ нашихъ 81, и двинуть на Скобелева 37 батальоновъ изъ 49-ти всего своего наличія; мы, имѣя 81 батальонъ, изъ коихъ 53 совсѣмъ свѣжихъ, обладая подавляющимъ количествомъ артиллеріи и кавалеріи, не рѣшаемся ихъ двинуть.

Къ туркамъ на Зеленыя горы подкрѣпленія пришли, и они сраженіе выиграли; къ Скобелеву подкрѣпленія не пришли—мы сраженіе проиграли.

Всѣ наши усилия и уже достигнутые результаты были сведены на нѣтъ.

Тамъ, за Балканами, въ юлѣ, Сулейманъ-паша, убѣжденный Реуфомъ, рѣшается, малыми, высадившимися силами подкрѣпить передовыя войска турокъ, нами тѣснѣмы,—и дѣло ихъ было выиграно; мы же рѣшились двинуться въ январѣ 1877 года, именно тогда, когда вся обстановка узаконивала пагубныя для насъ впослѣдствіи слова, сказанныя на совѣтѣ въ Систовѣ: «впередъ и впередъ»¹), не рѣшились поддержать генерала Гурко въ первомъ его Забалканскомъ походѣ и все дѣло проиграли съ весьма кровавыми послѣдствіями.

Какой-то злой рокъ все время тяготѣлъ надъ нами, уничтожая и сводя на нѣтъ всѣ частные успѣхи, всю доблѣсть войскъ; грозныя для нашей арміи тучи сопровождали наше великое национальное и всеславянское предпріятіе. Все время наша армія жила и дѣйствовала подъ гнетомъ этихъ грозныхъ тучъ; даже паденіе Плевны 28-го ноября чуть-чуть не кончилось катастрофой: опоздай еще немножко резервъ grenадеръ, и, чего доброго, Османъ-паша, уже сокрушившій нашу первую линію— совсѣмъ прорвался бы съ остатками своихъ войскъ. Подъ Шейновымъ дѣло висѣло на волоскѣ. Преждевременная, еще не выясненная, остановка для заключенія перемирія, которое надлежало, и которое предположено было принять и заключить только у стѣнъ Константинополя, грозно занявъ высоты, надъ ними господствующія, привела насъ къ

¹) Изъ Прошлаго. Часть 1-я. На войнѣ. Стр. 284.

не грозному стоянью въ Санъ-Стефано въ то время, когда турки, на нашихъ глазахъ укрѣпляли свою столицу, а англійскій флотъ, вопреки международного права, не находясь ни съ нами, ни съ турками въ войнѣ, прошелъ Дарданельскій проливъ, вошелъ въ Мраморное море и сталъ у Принцевыхъ острововъ. Грозныя тучи эти сопровождали нашихъ уполномоченныхъ и въ Берлинъ на конгрессъ, где въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій, второй англійскій уполномоченный юрдъ Сальсбери, тоже съ изумительной смѣлостью опредѣлилъ задачу конгресса: *anéantir entierement les r sultats de la guerre*¹⁾.

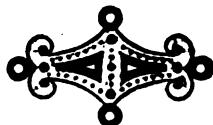
Наконецъ, эти же страшныя тучи, надвинувшись на всю Россію, разразились ужасающимъ событиемъ 1-го марта!

Все это мы вынесли и пережили.

Покоряясь Высшей Божественной силѣ, правящей міромъ и посылающей ему испытанія для уразумѣнія и очищенія, но и милующей— твердо вѣримъ въ великое будущее Россіи и торжество всеславянскаго духовнаго единенія.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Вполнѣ уничтожить (свести на нѣть) результаты войны.

Посланіе бывшимъ кадетамъ, въ 171-ю годовщину основанія 1-го кадет-
скаго корпуса.

Въ звукахъ чудныхъ, звукахъ пѣній,
Въ смыслѣ искреннихъ рѣчей,
Сышенъ голосъ общихъ матній,
Громче пушекъ и мечей.
То не гулъ раскатовъ грома,
То не буря, не муссонъ,
Эта пѣсня всѣмъ знакома,
Сышенъ въ ней пріятный тонъ.
Въ ней я слышу звукъ привѣта—
То не призракъ, то не сонъ,—
Славить доблести кадета,
Всюду, гдѣ явился онъ.
И съ первомъ пѣвца, поэта
И съ мечемъ и со щитомъ,
Всюду виденъ трудъ кадета
Въ духѣ честномъ и святомъ.
Вижу, братцы, васъ во всѣмъ:
И на баѣ средь красавицъ,
И въ доспѣхѣ боевомъ,
И средь бури шумныхъ здравицъ,
Вижу, вижу васъ во всѣмъ.
Слава вамъ на многи лѣта!
Слава всѣмъ героямъ дна!
Вы свершали долгъ кадета
И безъ пушекъ, безъ огня...

А теперь—мной пѣсня спѣта;
Вы намъ славу сберегли! . .
Отъ старѣйшаго кадета
Шлю поклонъ вамъ до земли!

17-го февраля
1903 г.

А. И. С—въ.

Письма императрицы Марии Федоровны
къ великимъ князьямъ
Николаю и Михаилу Павловичамъ¹⁾.

Num. 21.

Ce Mardi, 8 Juin 1815.

Voici mon bonjour par la poste, mes chers enfants, ma grande lettre est pour le courrier de demain. Nous voici au 14-me jour sans en recevoir, ce qui est désolant et me fait vous conjurer et vous prier d'écrire par la poste: un «je me porte bien» me suffit, mais cette assurance m'est nécessaire. Nous avons fait ce matin une charmante promenade à cheval; la comtesse Orloff et le comte Miloradovitch en étaient. Nous avons bien trotté, et la belle allée derrière la ferme a été passée au galop depuis son commencement jusqu'à sa fin. Notre bonne comtesse est venue avec nous en ligne. Nous avons déjeuné à la ferme, et sommes revenus ensuite aussi à cheval, en passant tous par le potager. La comtesse Orloff nous quitte aujourd'hui, j'en suis bien fâchée, car on n'est pas plus aimable, ni plus bonne qu'elle. À son passage pour Moscou elle dinera encore chez moi; sa tante est très malade. Notre société diminue jurement, et nous serons en peu réduites à nous-mêmes. Je suis charmée de ce qu'enfin la santé du comte Kotschoubei lui permet de venir s'établir à Czarsko Sello. Notre bon vieux Zagriaski n'est pas encore des nôtres: il soigne son pied, et puis il a voulu terminer l'affaire d'une noce à laquelle il a dû assister, celle de son neveu le comte Apraxin

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1903 г., февраль.

qui a épousé hier la jolie demoiselle Davidof que Creithon a sauvée l'hiver passé de la grande maladie qu'elle a faite; peu de jours après la noce le mari va joindre le régiment d'hussards et la femme l'accompagnera autant que possible. Voilà toutes mes nouvelles, mes chers enfants. Vous voyez qu'elles ne sont guère intéressantes. Je vous dirai encore que nous parlons beaucoup de vous, que nous nous occupons de vous, que tout le monde vous aime et forme les voeux que vous restiez fermes dans vos principes; j'en ai le doux espoir, et demande au Ciel de vous y fortifier jurement davantage. Adieu, mes chers enfants, je vous embrasse tendrement et vous donne mille et mille bénédictions.

Marie.

Mes amitiés à papa Lamsdorf et bien des compliments à tous vos messieurs, au général Konovnitzin. J'ai vu Périnkow qui m'a parlé des deux tableaux de Moscou; je les fais emballer par Metterleiter, et les expédierai incessamment; il ne veut pas les rouler, craignant que cela ne les gâte.

Il y a aujourd'hui une année de l'arrivée de Constantin avec la nouvelle de la signature de la paix de Paris: jugez ce que ce souvenir me fait éprouver.

Вторникъ, 8-го июня 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ нѣсколько словъ по почтѣ, дорогія дѣти мои, а завтра напишу большое письмо съ курьеромъ. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы не имѣли курьера; это прискорбно. Поэтому умоляю вѣсъ и прошу написать по почтѣ, я буду довольна простымъ увѣдомлѣніемъ, что вы здоровы; но это знать мнѣ необходимо. Мы совершили сегодня утромъ прелестную прогулку верхомъ; съ нами были графиня Орлова и гр. Милорадовичъ. Мы прокатились рысью и проскакали прекрасную аллею позади фермы въ галопъ съ начала до конца. Наша добрая графиня ѿхала съ нами въ линейкѣ. Мы позавтракали на фермѣ и вернулись также верхомъ, проѣхавъ всѣ черезъ огородъ. Графиня Орлова покидаетъ насъ сегодня; это меня очень огорчаетъ, такъ какъ трудно представить себѣ кого-либо добрѣ и любезнѣе ея. Проѣздомъ въ Москву она будетъ еще разъ обѣдать у меня; ея тетка очень больна. Наше общество уменьшается съ каждымъ днемъ, и скоро мы останемся одни. Я въ восторгѣ, что здоровье гр. Кочубея позволяетъ ему наконецъ поселиться въ Царскомъ Селѣ. Нашего доброго старика Загряжского еще нѣть съ нами; онъ лѣчитъ ногу, а затѣмъ хотѣлъ покончить со свадьбой, на которой онъ долженъ былъ присутствовать. Его племянникъ гр. Апраксинъ же-нился вчера на хорошенькой Давыдовой, которую Крейтонъ спасъ прошлую зиму, вылѣчивъ отъ серьезной болѣзни. Мужъ, черезъ нѣсколько дней

послѣ свадьбы, отправляется къ своему гусарскому полку, а жена будетъ сопровождать его по мѣрѣ возможности. Вотъ всѣ мои новости, дорогія дѣти мои. Какъ видите, онъ вовсе неинтересны. Скажу вамъ еще, что мы много говоримъ о васъ, что мы заняты вами, что всѣ васъ любятъ и молятъ Бога, чтобы вы были тверды въ своихъ нравственныхъ правилахъ. Я надѣюсь на это и прошу Господа, чтобы вы укрѣпились въ этихъ правилахъ ежедневно все болѣе и болѣе. Прощайте, дорогія мои дѣти, пѣжаю цѣлую васъ и тысячу, тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Мой пріѣѣтъ папашѣ Ламсдорфу и большой поклонъ всѣмъ вашимъ кавалерамъ и генералу Коновніцыну. Я видѣла Перникова, который говорилъ со мною о двухъ картинахъ—видахъ Москвы. Я приказала упаковать ихъ Меттерлейтеру и немедленно отправить. Онъ не хочетъ свернуть ихъ въ трубку, боясь, что это ихъ испортитъ.

Сегодня годовщина дня, въ который Константинъ привезъ извѣстіе о подписаніи парижскаго мира. Можете себѣ представить, что я испытала при этомъ воспоминаніи.

Num. 22.

Ce Lundi, 7 Juin 1815.

Ma journée m'offre quelques dÃ©tails intÃ©ressants que je me fais plaisir de communiquer encore ce soir Ã mes bons et chers petits amis.

Nous avons été à la messe pour le lendemain de Pentecôte; elle a été précédée par le Te Deum pour demander à Dieu Ses bénédictons pour la nouvelle lutte qui peut-être a déjà commencé. J'ai prié l'Être Suprême de tout mon coeur, et ne vous cache pas que j'ai été bien profondément émue, et le moyen de ne pas l'être! À la messe on a lu la même prière qui se lisait les années précédentes, mais comme c'était pour la première fois, nous avons été à genoux à la lecture et au Te Deum et à la messe. Chers enfants, que j'ai pensé à vous: veuille l'Être Suprême vous protéger, vous bénir, vous conserver. Le comte Miloradovitch, après avoir conduit le régiment de Finlande hors de la ville, est venu chez nous et a assisté à la messe de même que la grand chambellan. Pour le dîner nous est arrivé l'aide-de-camp général Potemkin et votre bon général Krapovitzki, celui-ci pour me dire adieu: il part avec le régiment Vendredi. Voici le paquet dont il m'a chargé pour vous, cher Nikoche; après le dîner je l'ai fait prier de venir dans mon cabinet, nous avons parlé de vous, de son beau régiment qui fait l'admiration de chacun, ensuite je lui ai dit adieu, et vous assure, cher Nikoche, que votre souvenir s'est bien amalgamé à ce congé, que j'en ai eu les larmes aux yeux. Le bon Krapovitzki a été très ému; je vous ai dit hier que j'ai dit adieu à sa femme qui se sent très heureuse de l'accompagner. Kra-

povitzki m'a dit que le colonel Mordvinof sera aux anges de l'arrangement pris pour son enfant dont Madame d'Adlerberg se charge, c'est à dire, plutôt dont sa fille se charge; j'ai même appris à cette occasion que c'est la bonne Adlerberg qui a été marraine de cet enfant. Potemkin m'a dit qu'il viendrait prendre encore congé de moi; son régiment part Dimanche prochain; sa santé se remet. Il m'a dit que le pauvre Chernichef vient de perdre sa mère il y a deux jours d'une hydropisie de poitrine. Si vous voyez Chernichef, dites lui que je prends une part sincère à sa peine. On le dit très bon fils, et la mère l'adorait; Potemkin m'a conté, qu'elle avait tant désiré le revoir encore une fois: pauvre mère!

Le général Krapovitzki désire, cher Nikoche, que les instruments, que vous envoyez ici, soient remis aux musiciens du régiment qui restent ici, il ne prend que la moitié avec lui; et je viens d'apprendre aujourd'hui que, comme j'avais fait prier le prince Gortchakov de nous envoyer de la musique ayant perdu celle des hussards, il nous destine celle qui reste de votre régiment, pour rester ici pendant mon séjour, et même Derfeld viendra l'exercer, car Krapovitzki m'a dit que la plupart de ceux qui restent sont encore des enfants; nous en aurons bien soin, cher Nikoche, et je vous avoue que j'ai plaisir à penser que le choix soit tombé sur elle, parce qu'elle appartient à votre régiment. Pour hier, aujourd'hui et demain le prince Gortchakov nous a envoyé celle de Préobrajenski, qui est d'une perfection inexprimable: ils ont joué l'ouverture de Joconde et la marche favorite de Michel d'une manière ravissante; que n'avez vous été des nôtres, mes bons amis, pour en jouir avec nous. La soirée étant fraîche, nous n'avons fait qu'une petite promenade en ligne, et à notre retour on a fait passer les musiciens de la cour dans la chambre de Verney, où ils ont joué, et nous avons été dans la salle à manger. Quoique tant et tant de souvenirs se rattachent à chacun des morceaux qu'ils ont exécutés et que ces souvenirs dans les circonstances présentes vous remuent l'âme, cependant ils me sont chers, et l'émotion douloureuse qu'ils font naître s'accorde très bien à toute ma disposition. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse tendrement et vous donne toutes mes bénédicitions.

Ce Mardi, 8 Juin.

Je vous ai écrit par la poste ce matin, mes bons amis, et vous ai rendu compte de ma matinée; je vous dirai présentement qu'il m'est arrivé pour le dîner le comte Pierre Tolstoi et le prince Joussoupof. Comme la journée est agréable, nous avons diné au Pavillon des roses, et nous souperons à la ferme; je prétends que nous faisons aujourd'hui un voyage pittoresque dans mon jardin. Le bon Miloradovitch est encore des nôtres et nous quitte ce soir; la comtesse Orlof lui a fait cadeau

ce matin d'un beau cheval à ce qu'il m'a dit à dîner, il en est tout ému. Il restera quelques jours en ville m'a-t-il dit, ayant affaire; j'ai eu la méchanceté de lui dire que je ne m'attendais pas même à le voir avant quelques jours (car la comtesse Orloff restera à Pétersbourg 3 ou 4 jours); il a ri et rougit. Nous avons beaucoup parlé de vous tantôt, mes chers amis, il vous aime tendrement et vous est sincèrement attaché; et j'avoue qu'il me paraît encore plus estimable lui-même; je dois dire aussi que Храповицкий m'a dit hier qu'il ne pouvait ni lui, ni toutes les gardes se louer assez des soins du bon prince Gortchakov, qui avait fait l'impossible pour les pourvoir de tout, qui avait pensé à tout, qu'il ne concevait pas comment il avait pu rendre tout cela possible. Le comte Miloradovitch m'a répété la même chose. Je l'ai écouté avec grand plaisir, et me donnerai celui de dire à ce bon prince Gortchakov que j'entends son éloge dans la bouche de tous les militaires. Bonsoir, mes bons enfants, je vous embrasse de tout mon cœur et vous aime bien tendrement. Que Dieu vous conserve et vous bénisse.

Mes chers enfants, j'ai rempli vos bonnes intentions en faveur de la petite-fille de Madame d'Adlerberg: le sort ne l'a pas favorisée au ballotage, ainsi j'ai donné l'ordre au conseil de l'admettre comme votre pensionnaire à vous deux, d'après le désir que vous m'en avez témoigné le jour que nous avons été chez Madame d'Adlerberg. Ensuite, cher Nikoche, ayant appris aujourd'hui que le fils de votre Périnkin marchait demain ou après-demain, j'ai fait dire à Block de lui donner cinq cents roubles de votre somme, étant persuadée que vous l'auriez fait, si vous vous étiez trouvé ici, ainsi je suis persuadée être entrée dans vos intentions. Bonsoir, mon bon ami, bonsoir, cher Michel.

Ce 9 Juin, Mercredi.

Je commence ces lignes par vous embrasser de tout, tout mon cœur. Jusqu'à présent ma matinée ne m'offre rien d'intéressant à vous man-
der, mais j'ai eu la grande satisfaction de recevoir des lettres de M-r d'Alopeus et de ma cousine, qui me disent tous deux mille bien de vous. On trouve que vous avez gagné sous tous les rapports: je vous répète cet éloge, mes enfants, parce que je me dis qu'il sera un nouveau motif pour vous de le mériter et d'acquérir jurement en vertu, qualité et instruction, c'est d'une nécessité absolue, il faut que l'âme soit bien élevée, le cœur bien placé et que la tête soit bien fournie pour marcher avec honneur par les circonstances difficiles du temps et faire cette route dangereuse en méritant son estime et celle des autres. J'aime à me flatter que toujours et instantanément ce sera votre but à tous deux, mes bons enfants. Ma soirée d'hier vous rendait présents à mes yeux: on a exécuté tous les morceaux de musique que vous aimez, mes enfants: ouverture de Joconde, duo de Joconde, la polonaise de la Famille Suisse,

povitzki m'a dit que le colonel Mordvinof sera aux anges de l'arrangement pris pour son enfant dont Madame d'Adlerberg se charge, c'est à dire, plutôt dont sa fille se charge; j'ai même appris à cette occasion que c'est la bonne Adlerberg qui a été marraine de cet enfant. Potemkin m'a dit qu'il viendrait prendre encore congé de moi; son régiment part Dimanche prochain: sa santé se remet. Il m'a dit que le pauvre Chernichef vient de perdre sa mère il y a deux jours d'une hydropisie de poitrine. Si vous voyez Chernichef, dites lui que je prends une part sincère à sa peine. On le dit très bon fils, et la mère l'adorait; Potemkin m'a conté, qu'elle avait tant désiré le revoir encore une fois: pauvre mère!

Le général Krapovitzki désire, cher Nikoche, que les instruments, que vous envoyez ici, soient remis aux musiciens du régiment qui restent ici, il ne prend que la moitié avec lui; et je viens d'apprendre aujourd'hui que, comme j'avais fait prier le prince Gortchakof de nous envoyer de la musique ayant perdu celle des hussards, il nous destine celle qui reste de votre régiment, pour rester ici pendant mon séjour, et même Derfeld viendra l'exercer, car Krapovitzki m'a dit que la plupart de ceux qui restent sont encore des enfants; nous en aurons bien soin, cher Nikoche, et je vous avoue que j'ai plaisir à penser que le choix soit tombé sur elle, parce qu'elle appartient à votre régiment. Pour hier, aujourd'hui et demain le prince Gortchakof nous a envoyé celle de Préobrajenski, qui est d'une perfection inexprimable: ils ont joué l'ouverture de Joconde et la marche favorite de Michel d'une manière ravissante; que n'avez vous été des nôtres, mes bons amis, pour en jouir avec nous. La soirée étant fraîche, nous n'avons fait qu'une petite promenade en ligne, et à notre retour on a fait passer les musiciens de la cour dans la chambre de Verney, où ils ont joué, et nous avons été dans la salle à manger. Quoique tant et tant de souvenirs se rattachent à chacun des morceaux qu'ils ont exécutés et que ces souvenirs dans les circonstances présentes vous remuent l'âme, cependant ils me sont chers, et l'émotion douloureuse qu'ils font naître s'accorde très bien à toute ma disposition. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse tendrement et vous donne toutes mes bénédictions.

Ce Mardi, 8 Juin.

Je vous ai écrit par la poste ce matin, mes bons amis, et vous ai rendu compte de ma matinée; je vous dirai présentement qu'il m'est arrivé pour le dîner le comte Pierre Tolstoi et le prince Joussoupof. Comme la journée est agréable, nous avons diné au Pavillon des roses, et nous souperons à la ferme; je prétends que nous faisons aujourd'hui un voyage pittoresque dans mon jardin. Le bon Miloradovitch est encore des nôtres et nous quitte ce soir; la comtesse Orlof lui a fait cadeau

ce matin d'un beau cheval à ce qu'il m'a dit à dîner, il en est tout ému. Il restera quelques jours en ville m'a-t-il dit, ayant affaire; j'ai eu la méchanceté de lui dire que je ne m'attendais pas même à le voir avant quelques jours (car la comtesse Orloff restera à Pétersbourg 3 ou 4 jours); il a ri et rongit. Nous avons beaucoup parlé de vous tantôt, mes chers amis, il vous aime tendrement et vous est sincèrement attaché; et j'avoue qu'il me paraît encore plus estimable lui-même; je dois dire aussi que Храповицкій m'a dit hier qu'il ne pouvait ni lui, ni toutes les gardes se louer assez des soins du bon prince Gortchakov, qui avait fait l'impossible pour les pourvoir de tout, qui avait pensé à tout, qu'il ne concevait pas comment il avait pu rendre tout cela possible. Le comte Miloradovitch m'a répété la même chose. Je l'ai écouté avec grand plaisir, et me donnerai celui de dire à ce bon prince Gortchakov que j'entends son éloge dans la bouche de tous les militaires. Bonsoir, mes bons enfants, je vous embrasse de tout mon cœur et vous aime bien tendrement. Que Dieu vous conserve et vous bénisse.

Mes chers enfants, j'ai rempli vos bonnes intentions en faveur de la petite-fille de Madame d'Adlerberg: le sort ne l'a pas favorisée au ballotage, ainsi j'ai donné l'ordre au conseil de l'admettre comme votre pensionnaire à vous deux, d'après le désir que vous m'en avez témoigné le jour que nous avons été chez Madame d'Adlerberg. Ensuite, cher Nikoche, ayant appris aujourd'hui que le fils de votre Périnkin marchait demain ou après-demain, j'ai fait dire à Block de lui donner cinq cents roubles de votre somme, étant persuadée que vous l'auriez fait, si vous vous étiez trouvé ici, ainsi je suis persuadée être entrée dans vos intentions. Bonsoir, mon bon ami, bonsoir, cher Michel.

Ce 9 Juin, Mercredi.

Je commence ces lignes par vous embrasser de tout, tout mon cœur. Jusqu'à présent ma matinée ne m'offre rien d'intéressant à vous man-
der, mais j'ai eu la grande satisfaction de recevoir des lettres de M-r d'Alopeus et de ma cousine, qui me disent tous deux mille bien de vous. On trouve que vous avez gagné sous tous les rapports: je vous répète cet éloge, mes enfants, parce que je me dis qu'il sera un nouveau motif pour vous de le mériter et d'acquérir jurement en vertu, qualité et instruction, c'est d'une nécessité absolue, il faut que l'âme soit bien élevée, le cœur bien placé et que la tête soit bien fournie pour marcher avec honneur par les circonstances difficiles du temps et faire cette route dangereuse en méritant son estime et celle des autres. J'aime à me flatter que toujours et instamment ce sera votre but à tous deux, mes bons enfants. Ma soirée d'hier vous rendait présents à mes yeux: on a exécuté tous les morceaux de musique que vous aimez, mes enfants: ouverture de Joconde, duo de Joconde, la polonaise de la Famille Suisse,

les fameuses marches, les tyroliennes; enfin, Nikoche et Michel, je croyais vous voir et jouir de cette délicieuse harmonie, qui cependant m'a touchée douloureusement par les souvenirs qu'elle me retracait. Aujourd'hui il doit nous arriver votre musique restante, cher Nikoche. Notre temps est âpre, le vent étant très froid, les lilas fleurissent peu, et toute la végétation a l'air souffrant. Adieu, mes chers et bons amis. Rappelez moi au souvenir de papa Lamsdorf et faites mes compliments à vos messieurs, au général Konovnitzin et aux bons militaires qui pensent à moi. Que fait l'honnête Sakrefski? Adieu mille et mille fois, je vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

Tout notre monde vous dit mille choses.

Понедельникъ, 7-го июня 1815 г.

(Переводъ). Сего дняшній день означеновался нѣсколькими интересными мелочами, которыя мнѣ пріятно сегодня же вечеромъ сообщить моимъ добрымъ, дорогимъ друзьямъ.

По случаю Духова дня мы были у обѣдни. Передъ обѣднею было отслужено молебенъ, чтобы испросить у Господа Бога благословеніе по случаю предстоящей войны, которая, быть можетъ, уже началась. Я молилась отъ всей души и не скрою отъ васъ, что я была глубоко растрогана, да и могло ли быть иначе? За обѣднею была прочитана та же молитва, которую читали въ предыдущіе годы, но такъ какъ она читалась впервые, то мы преклонили колѣна во время чтенія этой молитвы и за обѣдней, и за молебномъ.

Дорогія дѣти, какъ много я думала о васъ: да хранить васъ Господь, да ниспошлетъ Онъ вамъ Свое благословеніе, и да сохранить Онъ васъ. Гр. Милорадовичъ, проводивъ Финляндскій полкъ за городъ, пріѣхалъ къ намъ и былъ у обѣдни, точно такъ же, какъ и жена оберъ-камергера. Къ обѣду пріѣхалъ генераль-адъютантъ Потемкинъ и вашъ добрый ген. Храповицкій. Послѣдній пріѣзжалъ проститься со мною: онъ уходитъ съ полкомъ въ пятницу. Вотъ пакетъ, который онъ просилъ меня передать вамъ, дорогой Никошъ. Послѣ обѣда я вѣдьма попросить его въ мой кабинетъ: мы говорили о васъ, объ его прекрасномъ полкѣ, коимъ всѣ восхищаются, затѣмъ я простилась съ нимъ, и при этомъ вы такъ живо вспомнились мнѣ, дорогой Никошъ, что, вѣрите мнѣ, у меня на глазахъ появились слезы. Добрый Храповицкій былъ очень взволнованъ. Я писала вамъ вчера, что я простилась съ его женой, которая очень счастлива, что будетъ сопровождать его. Храповицкій сказалъ мнѣ, что полковникъ Мордвиновъ будетъ въ восторгѣ отъ того, какъ устроили его ребенка, о которомъ взялась заботиться г-жа Адлербергъ, т. е., лучше

сказать, ея дочь. Я узнала по этому случаю, что добрая Адлербергъ крестила этого ребенка. Потемкинъ сказалъ мнѣ, что онъ еще заѣдетъ проститься со мною; его полкъ уходить въ будущее воскресенье. Его здоровье поправляется; онъ сообщилъ мнѣ, что два дня тому назадъ у бѣднаго Чернышева скончалась мать отъ водянки въ груди. Если увидите Чернышева, скажите ему, что я искренно сочувствую его горю: говорить, что онъ очень хороший сынъ, мать боготворила его. Потемкинъ говорилъ мнѣ, что она такъ желала увидѣть его еще разъ—бѣдная мать!

Генераль Храповицкій желаетъ, дорогой Никошъ, чтобы инструменты, которые вы пришлете сюда, были переданы полковымъ музыкантамъ, которые остаются здѣсь, онъ береть съ собою изъ нихъ только половину, и я узнала сегодня, что, такъ какъ я просила кн. Горчакова прислать намъ музыкантовъ, ибо мы лишились оркестра гусарского полка, то онъ предназначилъ для насть тѣхъ, которые остались отъ вавшего полка. Они будуть тутъ во время моего пребыванія, и даже Дерфельденъ пріѣдетъ, чтобы упражняться съ ними, ибо Храповицкій сказалъ мнѣ, что большая часть оставшихся музыкантовъ еще совсѣмъ дѣти. Мы будемъ о нихъ заботиться, дорогой Никошъ. Признаюсь вамъ, мнѣ приятно думать, что выборъ падъ на нихъ, такъ какъ они принадлежать къ вашему полку. Вчера и сегодня, а также завтра у насть играютъ музыканты Преображенского полка, присланные кн. Горчаковымъ. Это само совершенство; они сыграли увертиру изъ Джоконды и любимый маршъ Михаила восхитительнымъ образомъ. Какъ жаль, добрые друзья мои, что вѣсъ не было тутъ, чтобы насладиться вмѣстѣ съ нами. Такъ какъ вечеръ былъ прохладный, то мы сдѣлали только маленькую прогулку въ линейкѣ. Когда мы вернулись, то музыкантовъ перевели со двора въ комнату Верне, гдѣ они играли, а мы сидѣли въ столовой. Хотя съ каждой исполненной ими пьесой соединено такое множество воспоминаній и хотя эти воспоминанія, при теперешнихъ обстоятельствахъ, волнуютъ душу, но все же эти воспоминанія мнѣ дороги, а вызываемые ими грустные чувства вполнѣ гармонируютъ съ общимъ настроениемъ духа. Прощайте, добрые друзья мои, нѣжно цѣлую вѣсъ и посылаю вамъ свое благословеніе.

8-го іюня, вторникъ.

Я писала вамъ сегодня по утру по почтѣ, добрые друзья мои, и дала вамъ отчетъ о проведенномъ мною утре; теперь скажу вамъ, что къ обѣду пріѣхали гр. Петръ Толстой и кн. Юсуповъ. Такъ какъ день хороший, то мы обѣдали въ Розовомъ павильонѣ, а ужинать будемъ на фермѣ. Я говорю, что мы дѣлаемъ сегодня живописное путешествіе въ моемъ саду. Добрый Милорадовичъ у насть и покидаетъ насть сегодня

вечеромъ. Онъ передавалъ мнѣ за обѣдомъ, что графиня Орлова подарила ему сегодня утромъ великолѣпную лошадь, чѣмъ онъ чрезвычайно былъ тронутъ; онъ проведеть, по его словамъ, еще нѣсколько дней въ го-родѣ, потому что у него тамъ дѣла. Я была настолько зла, что сказала, что я даже не разсчитывала видѣть его ранѣе, какъ черезъ нѣсколько дней (ибо графиня Орлова проведеть въ Петербургѣ 3 или 4 дня); онъ засмѣялся и покраснѣлъ. Мы много говорили о васъ, дорогіе друзья мои. Онъ горячо любить васъ и искренно вамъ преданъ. Признаюсь вамъ, что я нахожу его вслѣдствіе этого еще болѣе достойнымъуваженія. Надобно сказать вамъ также, что Храповицкій говорилъ мнѣ вчера, что онъ и всѣ гвардейцы не нахваляются заботливостью доброго кн. Горчакова, который выился изъ силъ, чтобы доставить имъ все необходимое, и позаботился обо всемъ; Храповицкій не понимаетъ, какъ онъ могъ сдѣлать все это. Гр. Милорадовичъ подтвердилъ мнѣ то же самое. Я слушала его съ удовольствіемъ, и мнѣ будетъ пріятно сказать добруму кн. Горчакову, что я слышу ему похвалы изъ устъ всѣхъ военныхъ. Прощайте, дѣти мои, отъ души цѣлую васъ и нѣжно люблю васъ. Да хранить и благословить васъ Господь.

Дорогія дѣти мои, я исполнила ваше доброе желаніе относительно внучки г-жи Адлербергъ. Судьба не поблагопріатствовала ей при баллотировкѣ, поэтому я предписала совѣту принять ее въ качес-твѣ пансіонерки васъ обоихъ, согласно желанію, выраженному вами въ тотъ день, когда мы были у г-жи Адлербергъ. Затѣмъ, дорогой Никошъ, узнавъ сегодня, что сына вашего Перинкина уходить завтра или послѣ-завтра, я велѣла сказать Блоку, чтобы онъ передалъ ему 500 р. изъ вашихъ суммъ, будучи увѣрена, что вы сдѣлали бы это сами, если бы вы были тутъ; я увѣрена, что это вполнѣ согласно съ вашимъ желаніемъ. Прощайте, добрый другъ мой, прощайте, дорогой Михаилъ.

9-го іюня, среда.

Начинаю эти строки, цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца. Се-годня утромъ не произошло до сихъ поръ ничего интереснаго, чтѣ я могла бы сообщить вамъ, но я имѣла несказанное удовольствіе полу-чить письма отъ г. Алопеуса и отъ моей кузины; они оба написали мнѣ очень много хорошаго о васъ: находять, что вы выиграли во всѣхъ от-ношеніяхъ. Я передаю вамъ эту похвалу, дѣти мои, въ надеждѣ, что это еще болѣе побудить васъ быть достойнымъ ея и постоянно преуспѣвать въ добродѣтели, талантахъ и познаніяхъ, а это положительно не-обходимо. Душа должна быть возвыщена, сердце отзывчиво и голова исполнена знаній, для того, чтобы, при нынѣшнихъ трудныхъ обстоя-тельствахъ, съ честью проходить жизненный путь и заслужить ува-

женіе свое собственное и другихъ людей. Я льщу себя надеждою, что вы оба всегда неуклонно будете преслѣдоватъ эту цѣль, дорогія дѣти мои. Вчераший вечеръ мнѣ живо напомнилъ васъ; исполняли ваши любимыя пьесы: увертюру изъ «Джоконды», дуэтъ изъ «Джоконды», полонезъ изъ «Швейцарскаго семейства», известныя марши, тирольскіе танцы; словомъ, Никошъ и Михаиль, мнѣ казалось, что я васъ вижу передъ собою; я наслаждалась прелестной гармоніей, которая тронула меня до глубины души по тѣмъ воспоминаніямъ, какія она возбудила во мнѣ. Сего дня должны прибыть сюда оставшіеся музыканты вашаго полка, дорогой Никошъ. Погода у насъ холодная, дуетъ очень холодный вѣтеръ, а потому сирень цвететь плохо, и вся растительность имѣеть жалкій видъ. Прощайте, мои добрые и дорогіе друзья, напомните обо мнѣ папашѣ Ламсдорфу и передайте мой поклонъ вашимъ кавалерамъ, ген. Коновницыну и тѣмъ военнымъ, которые помнить обо мнѣ. Что дѣлаетъ честный Закревскій? Прощайте тысячу и тысячу разъ, посылаю вамъ свое благословеніе. Марія. Всѣ наши привѣтствуютъ васъ.

Num. 23.

Ce 11 Juin 1815.

Voici mon bonjour par la poste, mes bons et chers amis, car je veux vous donner l'exemple d'en profiter; c'est le seul et l'unique moyen d'avoir r guli rement des nouvelles, car les courriers sont tr s rares et vont, Dieu sait comment, beaucoup moins vite que la poste. Notre temps est tr s agr able aujourd'hui, et Annette et moi avons mont  ´ cheval: je prends le go t de cet exercice et m'en trouve tr s bien prenant le petit-lait. Ma b te a gagn  de force et va volontiers au galop. J'esp re de vos nouvelles aujourd'hui, et les attends de Leipzig: elles seront tr s bien r cues et nous feront grand plaisir, car il nous faut savoir les faits et gestes, dispositions morales et physiques de mes chers Nikoche et Michel pour supporter leur absence. Je vous cherche pr sentement entre Heidelberg et Mannheim. Quel beau pays, et quelle bonne occasion pour vous, cher Nikoche, de prendre le crayon en main: qu'il me tarde de recevoir un petit croquis dessin  par vous. Je ne sais si je vous ai dit que le bon comte Miloradovitch a plac  au Pavillon des roses pour faire sa cour ´ Annette, ou plut t ´ sa passion pour les chats, un petit dessin d'un chat assis sur une borne, attaqu  par deux chiens, en pr sence de deux petits gar ons qui s'en amusent, et le chat fait le gros dos: ce dessin est d'une v rit  parfaite, il m'a dit en avoir fait l'emplette ´ B le. J'ai trouv  aussi au Pavillon le dessin d'un bivouac russe aux portes de Paris, c'est de m me tr s joli. La salle est tout ´ fait restaur e, et tout est mieux fini que cela ne l'a ´t  la premi re fois; mais je ne

m'y trouve jamais sans un serrement de coeur. Adieu, mes bons enfants, je vous écrirai encore ce soir par le courrier. Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf et mes compliments à vos messieurs et à tous nos braves militaires qui se rappellent de moi. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

La tante et tout le monde vous dit mille choses. Zagriaski est encore en ville aux pieds de sa femme.

11-го июня 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ по почтѣ, добрые и дорогіе друзья мои, ибо хочу дать вамъ примѣръ, коимъ вы можете воспользоваться. Это единственное средство правильно получать извѣстія, такъ какъ курьеры посыпаются очень рѣдко и ёдуть, Богъ знаетъ отчего, гораздо тише, чѣмъ почта. Погода у насъ сегодня очень пріятная. Мы ёздили съ Аннетой верхомъ. Я пристрастилась къ верховой ёздѣ и чувствую себя очень хорошо, такъ какъ пью сыворотку. Моя лошадь окрѣпла и охотно скачетъ галопомъ. Я надѣюсь имѣть отъ васъ извѣстія сегодня изъ Лейпцига; я ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ, и они доставлять мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ мнѣ необходимо знать, чтѣдѣлаютъ мои дорогіе Никошъ и Михаиль, какъ они себя чувствуютъ физически и нравственно, для того, чтобы переносить разлуку съ ними. Я полагаю, что вы находитесь въ настоящее время между Гейдельбергомъ и Мангеймомъ. Какая это чудная страна и какой прекрасный для васъ случай, дорогой Никошъ, взяться за карандашъ: съ нетерпѣніемъ ожидаю маленькаго наброска, сдѣланнаго вами. Не знаю, передавала ли я вамъ, что добрый графъ Милорадовичъ, желая быть пріятнымъ Аннетѣ, или, лучше сказать, желая удовлетворить ея страсти къ кошкамъ, повѣсилъ въ Розовомъ павильонѣ маленький рисунокъ, на которомъ изображена кошка, сидящая на тумбѣ, на которую напали двѣ собаки; зѣмыщемъ забавляются два маленькихъ мальчика; а кошка стоитъ, выгнувъ спину; рисунокъ одѣланъ въ совершенствѣ. Онъ говорить, что купилъ его въ Базель. Я нашла въ павильонѣ еще рисунокъ, изображающій русскій бивуакъ у воротъ Парижа; онъ также очень хороши. Зала окончательно возобновлена, все сдѣлано лучше, чѣмъ было сначала; но всякий разъ, какъ я вхожу туда, сердце у меня сжимается отъ грусти. Прощайте, мои добрыя дѣти, я буду писать вамъ еще сегодня вечеромъ съ курьеромъ. Мой сердечный привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ вашимъ кавалерамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, которые помнятъ меня. Цѣлую васъ отъ души и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Тетушка и вся остальные вами кланяются. Загражский еще въ городе, у ногъ своей жены.

Num. 24.

Ce Mardi soir, 9 Juin 1815.

Quoique je vous ai écrit par le courrier d'aujourd'hui, je ne puis me refuser la satisfaction de vous embrasser encore ce soir, mes bons amis, et de vous dire que j'ai pensé à vous et beaucoup. J'ai reçu ce soir des lettres de ma tante Ferdinand qui me dit bien de belles choses de vous, mes chers enfants, et du plaisir qu'elle a eu de vous voir. Elle s'exprime sur vous de maniere à bien contenter mon coeur maternel. Nous avons passé notre journée bien tranquillement et bien isolément; M-r Paschkof, Villamof et le prince Kurakin ont fait notre société en hommes; le temps est rude, froid et désagréable, ainsi la promenade du soir a été très petite, et je l'ai rendue surtout telle, parce que toutes nos demoiselles orthodoxes, Mademoiselle de Nélidof à la tête, ont été faire un pèlerinage à pied à Colpino. Elles ont fait le trajet dans 4 heures, sans s'arrêter; après avoir fait chanter le Te Deum elles sont revenues en ligne: cela s'appelle marcher! Mais toutefois ne fallait-il pas les fatiguer ce soir, aussi je suis rentrée de bonne heure, et au lieu de jouer nous avons fait lecture et travaillé: nous avons commencé la vie de la reine Christine, dont on m'a fait l'éloge. J'ai vu aujourd'hui M-r Witte, qui vient d'arriver, il m'a dit cependant avoir déjà vu vos chevaux. Bonsoir, mes chers amis, dormez bien, je tâcherai d'en faire de même.

Ce Jeudi soir, 10 Juin.

Ma journée s'est passée comme toutes les autres à penser à vous, mes bons chers enfants, à parler de vous, à faire des voeux pour votre conservation et bonheur, à avoir souvent la larme à l'oeil en m'occupant de vous. Les moments que je passe avec Annette sont ceux qui me sont les plus chers de la journée, car nous pensons et sentons de même pour vous. Nous avons fait notre promenade à cheval ce matin, après laquelle chacune de nous s'est occupée. J'ai saisi un moment de loisir pour faire visite à ma belle-soeur et me trouver chez vous: la duchesse se plaint beaucoup dans votre maison. Le comte Tolstoi est venu diner chez nous et passer la journée. La soirée nous nous sommes promenés et avons fait le tour des lilas, mais qui ne sont pas beaux cette année, en ayant perdu immencément à la suite de l'hiver de l'année passée, et ceux qui restent ont l'air malade. Nous nous sommes mis en ligne au vieux châlet et avons passé devant l'orangerie des cerisiers qui sont en fleurs, nous avons fait le tour du lac et sommes venus au Pavillon des roses où nous

avons soupé, après que Mademoiselle d'Anrep nous a chanté un joli air russe en s'accompagnant du clavecin: c'est une bien aimable personne, dont la naïveté, la candeur plait généralement. Voilà, mes bons enfants, le récit exact de ma journée. Je vous dirai encore que j'ai eu le plaisir de recevoir hier au soir au moment de mon coucher des lettres de l'empereur de Heilbron; il me dit s'être plu à Stuttgart et Louisbourg qui lui plaisent beaucoup, de même de l'ordre qui règne dans le pays. L'empereur m'écrivit se transporter à Heidelberg, aussi je suppose que c'est là où vous avez eu le bonheur de le revoir. Bonsoir, mes chers enfants, dormez bien et que Dieu vous comble de Ses bénédictions.

Ce Vendredi, 11 Juin.

Je vous ai écrit ce matin, mes chers enfants, mais je reprends la plume ce soir pour vous remercier, cher Nikoche, de votre cher et aimable billet de Weissenfels que j'ai reçu par la poste du jour et qui nous a causé la joie la plus vive; Annette était chez moi au moment que je l'ai reçue, aussi elle a partagé à l'instant ma satisfaction. Je vous embrasse de tout mon cœur, cher Nikoche, pour vous en remercier, et vous, cher Michel, pour votre souvenir. Savez-vous, mes enfants, que vous allez comme le vent et que vous faites de bons courriers. J'ai reçu ce soir une lettre de Marie de Nuremberg qui se désole de la pensée de vous manquer à Weimar; elle me dit vous avoir proposé un rendez-vous à Achaffenbourg; je désire que vous ayez pu l'accepter, il serait cruel d'être si près sans se voir, et surtout dans les circonstances présentes. Ma journée n'offre rien de bien intéressant, vous connaissez ma matinée par ma lettre par la poste; nous avons eu à dîner le prince Dmitri Galitzin et le comte Stroganof, qui ont passé la soirée chez nous; nous nous sommes promenés en ligne et avons soupé au Pavillon des roses. Mais le temps n'est pas agréable, car après une matinée bien chaude la soirée paraît très fraîche, et le temps est obscur et sombre comme en automne. Votre régiment est parti de la ville ce matin, cher Nikoche, et passe la nuit à Czarsko Sello. Demain je l'hébergerai à Gatschina: j'espère qu'il y seront contents. Les grenadiers du corps passent la nuit à Krasnoé Sello. Les musiciens de votre régiment qui restent ici sont arrivés à Pavlovsk; je me fais fête de les entendre et de vous parler de leurs progrès. Bonsoir, mes bons enfants, dormez bien et portez vous bien; pensez quelques fois par jour à maman.

Ce 12 Juin 1815.

Mes enfants, il y a 3 ans que la guerre a terminé à cette date: peut-être le canon tire-t-il déjà. Сохраня Богъ мнѣ милыхъ! Chers, chers enfants, j'espère que vous êtes sous l'égide de notre Père

commun et que vos jours seront conservés! Comme votre lettre d'hier m'a fait plaisir! Que Dieu vous bénisse de me l'avoir tracée. Je n'ai rien à vous marquer ce matin: j'ai eu des visites de congé, qui m'ont pris mon temps. La température est agréable. Adieu, mes bons amis. Mes amitiés au cher papa Lamsdorf, mes compliments à vos messieurs. Dites à Alédinski que ses enfants sont beaux comme l'amour. Mes compliments à nos braves militaires qui vous demanderont de mes nouvelles. Je vous embrasse mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

Вторникъ вечеромъ, 9-го июня 1815 г.

(Переводъ). Хотя я уже писала вамъ съ сегодняшней почтою, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи обнять васъ еще разъ сегодня вечеромъ, добрые друзья мои, и сказать вамъ, что я много думала о васъ. Я получила сегодня вечеромъ письмо отъ моей тетушки, супруги принца Фердинанда; она пишеть мнѣ много хорошаго о васъ, дорогія дѣти мои, и объ удовольствіи, какое доставило ей свиданіе съ вами. Все, что она говорить о васъ, радуетъ мое материнское сердце. Мы провели день очень тихо и очень одиноко; изъ мужчинъ у насъ были: Пашковъ, Вилламовъ и кн. Куракинъ. Погода рѣзкая, холодная и непріятная, поэтому наша вечерняя прогулка была очень непродолжительна; я постаралась особенно сократить ее, такъ какъ всѣ наши православныя дѣвицы, съ г-жею Нелидовой во главѣ, отправились пѣшкомъ на богомолье въ Колпино. Они совершили весь путь въ 4 часа, не останавливаясь. Отслуживъ молебенъ, они вернулись въ линейкахъ. Вотъ это называется ходить! Но какъ бы то ни было, ихъ не слѣдовало утомлять сегодня вечеромъ; поэтому я вернулась домой рано, и мы не играли, а читали и работали. Мы начали читать жизнеописаніе королевы Христины, которое мнѣ очень хвалили. Я видѣла сегодня г. Витта; онъ только-что пріѣхалъ, но говорить, что уже успѣлъ видѣть вашихъ лошадей. Прощайте, друзья мои, спите покойно, постараюсь сдѣлать то же.

Четвергъ вечеромъ, 10-го июня.

Я провела сегодняшній день, по обыкновенію, думая о васъ, мои добрыя и дорогія дѣти, говоря о васъ, дѣлая пожеланія для вашего благополучія и счастья. Когда я думаю о васъ, у меня нерѣдко навертываются на глаза слезы. Тѣ минуты, которыхъ я провожу съ Аннетой, самыя для меня пріятныя, такъ какъ мы одинаково думаемъ о васъ и одинаково чувствуемъ. Мы совершили сегодня утромъ нашу обычную прогулку верхомъ, послѣ чего мы занимались; я воспользовалась свободною минутою, чтобы посѣтить мою невѣстку и зайти къ вамъ: герцогинѣ

очень нравится въ вашемъ домѣ. Съ нами обѣдали и провели день гр. Толстой. Вечеромъ мы гуляли и обошли вокругъ кустовъ сирени; они не хороши въ этомъ году, такъ какъ ихъ много погибло вслѣдствіе прошлогоднихъ морозовъ, а уцѣлѣвшіе видимо болѣютъ. Мы сѣли въ линейку у старого шалѣ и проѣхали мимо оранжереи вишнѣ, которая въ此刻ъ цвету, обѣхали вокругъ озера и зашли въ Розовый павильонъ, гдѣ ужинали, послѣ того какъ мы Аренпъ спѣла намъ хорошенькую русскую пѣсню, аккомпанируя себѣ на фортепіано. Это премилая особа, которая всегда нравится своей наивностью и чистотою. Вотъ, добрая дѣти мои, точное описание проведенного нами дня. Скажу вамъ еще, что я имѣла удовольствіе получить вчера вечеромъ, передъ тѣмъ какъ лечь спать, письма отъ императора изъ Гейльброна. Онъ пишетъ, что провелъ время пріятно въ Штутгардѣ и Луисбургѣ, которые ему очень нравятся, такъ же какъ и порадокъ, царствующій въ странѣ. Императоръ пишетъ мнѣ, что онъ переѣзжаетъ въ Гейдельбергъ, поэтому я предполагаю, что вы имѣли счастье увидѣть его тамъ. Прощайте, дорогія дѣти, спите хорошо и да благословитъ васъ Господь.

Пятница, 11-го июня.

Я писала вамъ сегодня утромъ, дорогія дѣти, но борусь снова за перо вечеромъ, чтобы поблагодарить васъ, дорогой Никошъ, за ваше милое, любезное письмо изъ Вейсенфельса, которое пришло сегодня по почтѣ и доставило намъ живѣшее удовольствіе; Аннета была у меня въ ту минуту, когда я получила его, поэтому она тотчасъ раздѣлила мою радость. Цѣлую васъ отъ всей души, дорогой Никошъ, и благодарю васъ за него, а васъ, дорогой Михаиль, за память. Право, дѣти мои, вы несетесь, какъ вѣтеръ; вы отличные курьеры. Я получила сегодня вечеромъ письмо отъ Маріи изъ Нюрнберга; она въ отчаяніи при мысли, что вы не заѣдете въ Веймаръ. Она пишетъ, что предлагала вамъ встрѣтиться въ Ашаффенбургѣ. Я желала бы, чтобы вы согласились на ея предложеніе; было бы жестоко находиться такъ близко и не увидѣться, въ особенности при теперешнихъ обстоятельствахъ. Сегодня не было ничего особенно интереснаго; какъ я провела утро, вамъ извѣстно изъ письма, посланного по почтѣ; у насъ обѣдали кн. Димитрій Голицынъ и гр. Строгановъ; они провели съ нами вечеръ; мы катались въ линейкѣ и ужинали въ Розовомъ павильонѣ. Но погода непріятная; послѣ очень теплого утра, вечеръ кажется очень прохладнымъ; темно и сумрачно, какъ осенью. Вашъ полкъ выступилъ изъ города сегодня утромъ, дорогой Никошъ, и проведетъ ночь въ Царскомъ Селѣ, завтра я окажу ему гостепріимство въ Гатчинѣ; надѣюсь, что все будуть тамъ довольны; лейбъ-grenадеры ночуютъ въ Красномъ Селѣ. Музыканты вашего полка, которые остаются здѣсь, прибыли въ

Павловскъ; я радуюсь при мысли, что я услышу ихъ, и сообщу вамъ объ ихъ успѣахъ. Прощайте, добрыя дѣти мои, спите покойно и будьте здоровы; вспоминайте нѣсколько разъ въ день вашу мамашу.

12-го июня 1815 г.

Дѣти мои, сегодняшній день, три года тому назадъ, война прекратилась; быть можетъ, орудія уже гремѣть. Сохрани Богъ мнѣ милыхъ! Дорогія, дорогія дѣти, я надѣюсь, что вы находитесь подъ покровительствомъ нашего общаго Отца и что Онъ васъ сохранитъ! Какое удовольствіе доставило мнѣ ваше вчерашнее письмо! Да благословить васъ Богъ за то, что вы написали его. Сегодня утромъ мнѣ нечего сообщить вамъ: у меня были иѣкоторыя лица съ прощальными визитами; это заняло все мое время. Температура пріятная. Прощайте, добрые друзья мои. Мой привѣтъ дорогому папашѣ Ламсдорфу и поклонъ вашимъ кавалерамъ. Скажите Алединскому, что его дѣти хороши, какъ ангелы. Передайте мой поклонъ тѣмъ изъ нашихъ молодцовъ военныхъ, которые спросятъ васъ обо мнѣ. Тысячу разъ обнимаю васъ и посыпаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Num. 25.

Ce Dimanche, 13 Juin au soir 1815.

Je vous sais arrivés, mes chers et bons amis, à Heidelberg; j'ai reçu un courrier de l'empereur du 29 Mai qui me dit vous attendre dans 3 ou 4 jours, et le courrier qui n'est parti que le 30 m'a dit que vous étiez arrivés avant son départ. J'ai appris cette nouvelle avec joie et cependant il s'y est mêlé aussi un sentiment de terreur, plutôt d'effroi en me disant que vous voilà donc exposés déjà à toutes les chances et périls de la guerre, mais la main protectrice de l'Être Suprême vous guidera, vous protégera, et mes bons enfants me seront conservés. L'empereur ne me parle presque dans toute sa lettre que de vous, cher Nikoche et cher Michel, du plaisir qu'il se fait de vous embrasser, des soins qu'il vous donnera, du logement qu'il vous a choisi, et de ce qu'il vous a envoyé le général Konovnitzin à Francfort; enfin il me parle de vous avec un intérêt qui me rend bien heureuse. Je me flatte recevoir bientôt un second courrier où il me dira vous avoir vus, et qui m'apportera aussi des lettres de vous deux, êtres chéris, qui occupent sans cesse mes pensées et mes voeux. Mon Dimanche a été très brillant, j'ai eu grand monde, en hommes le comte Miloradovitch, le bon prince Gortchakoff, le général Adam, l'aide-de-camp général Potemkin, duquel j'ai pris congé, son beau régiment est parti aujourd'hui, le général Sipiaguin, qui part Mardi, mais qui viendra encore me voir ce jour-là; le prince Jacques

Lobanof, l'aide-de-camp général Kutusof, chevalier de Béthancourt, Narischkin, le prince Ioussoupof, M-rs de Soltikof Alexandre, Olénin, Mitousof; voilà les premiers, ensuite il faut nommer encore le comte Vielhorski, Solohoub, Kologrivof, Ogérofski, Matvéef, le prince Dolgorouki; en femmes toutes les dames d'honneur, la comtesse et le comte Litta sont venus hier, la princesse mère Dolgorouki, Madame Gourieff et sa jeune belle-fille, que je trouve charmante, la comtesse Pierre Tolstoi, la comtesse Apraxin avec sa jeune belle-fille, qui n'est pas mal; toute la famille Stscherbatof, la jeune Dolgorouki, la jolie princesse Troubetzkoi (si vous voyez le mari, dites lui, que sa femme se porte bien et que j'ai eu grand plaisir de la voir), Madame Kutusof, M-lle Apraxin, Chérémétef, pour prendre congé, la demoiselle d'honneur Narischkin qui va à la campagne avec sa mère. Voilà, si ma mémoire ne me trompe, toute la société; j'ai oublié de vous nommer encore le marquis de Traversé, le prince Galitzin, duc Lerida et le comte Medem. Le temps s'est mis au beau pour la soirée et nous avons fait une promenade en ligne et avons soupé au Pavillon des roses. Enfin nous avons eu une journée très chaude; il a plu presque toute la matinée, mais c'était une pluie chaude et agréable. Bonsoir, mes bons amis, vous voyez que je vous tiens au courant des nouvelles de Pawlovsk, qui toujours auront de l'intérêt pour vous. Je vous fais mes tendres amitiés et vous embrasse de tout mon coeur.

Ce Lundi, 14 Juin.

Un courrier de l'empereur parti le 2 Juin est arrivé ce soir, m'apporte une lettre charmante de notre cher Alexandre, qui me dit que vous êtes arrivés brillants de santé, que Michel est aussi long que Nikoche, qu'il s'est réjoui de tout son coeur de vous revoir, de vous embrasser, qu'il a témoigné sa reconnaissance au cher papa Lamsdorf en lui donnant le S-t André, qu'il a distingué tous vos messieurs, de même que Janotti. Je m'en réjouis de tout mon coeur et les en félicite bien sincèrement. Papa Lamsdorf m'écrivit la même chose, mais les lettres de certains messieurs à moi connus voyagent dans les paquets ou de M-r Kalemin (Kalinin?) ou du comte Nesselrode et ne me sont pas parvenues encore. J'ai prié instamment le courrier, que je connais, car c'est Sergéef, d'aller vite en ville et de prier les messieurs, auxquels vos lettres pour moi sont adressées, de me les envoyer au plus vite. Dorénavant, mes chers enfants, je vous prie d'avoir soin qu'on ne les enserre dans aucun paquet et qu'elles restent à mon adresse, comme le sont les lettres de l'empereur à moi, car en les enserrant dans un paquet différent, cela leur fait faire 50 werstes de plus et cela me donne un retard de 5 à 6 heures. Que je me sens satisfaite, chers enfants, de voir l'empereur content de vous, et content de vous revoir. Il m'a promis d'avoir tous les soins moraux et physiques pour vous; cette assurance m'est d'un grand prix. La lettre du

bon papa Lamsdorf, que le courrier m'a remise, parce qu'elle était simplement à mon adresse, exprime le contentement et la plus grande sensibilité du tendre accueil fraternel que l'empereur vous a fait, et tout aussi bien la peine sensible que le bon vieillard éprouve de vous quitter en peu; je la sens avec lui et vous jure, chers enfants, que la pensée de vous voir en peu vous séparer de lui renouvelle en moi toute la douleur de votre séparation. Je suis bien peinée de le savoir incommodé. L'empereur me parle de son indisposition, mais il m'assure, qu'il se sent déjà mieux. Je regrette de ce que le bon Rühl n'a pas participé aux bontés de notre cher empereur, mais certainement ce qui est reculé n'est pas perdu. Qu'il me tarde de lire vos lettres, mes chers amis, et de jouir de tout votre bonheur. J'espère que demain à mon réveil cette satisfaction me sera réservée. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien. On dit ici que le 17 les troupes russes seront arrivées, et qu'on n'attend qu'elles pour commencer à agir. Veuillez Dieu nous protéger. Bonsoir, chers et bons amis, je vous embrasse mille fois.

Ce 15 Juin, Mardi.

Pas de lettres, mes chers enfants, apparemment que vous avez tardé à les remettre ou, ce que je crois plus probable, que la personne à qui vous les avez remises les a oubliées sur sa table. Enfin je vous sais bien portants et heureux, l'empereur content de vous, papa Lamsdorf me l'écrivant, ainsi je me dis que le courrier prochain m'apportera probablement deux paquets. En attendant je me suis couchée à une heure et demie toujours en les attendant; à 6 heures du matin je les ai reclamées, mais on m'a dit qu'il n'y en avait pas; que faire, sinon d'avoir patience. En attendant le courrier m'a remis trois paquets d'estampes à mon adresse; ce sont des vues du Rhin, et entre autres d'Heidelberg; mais ignorant si c'est pour moi ou pour vous, quoique je suppose que ce sont ceux que je vous ai priés d'acheter pour moi, je les garderai séparées jusqu'à ce que je reçoive vos lettres. On dit ce que les troupes arriveront le 17 chez vous, et alors, chers enfants, que Dieu vous protège. Le contentement de l'empereur de vous me rend bien heureuse: restez comme vous êtes par les sentiments du cœur et les principes et vous mériterez toujours ses bontés. L'expérience et la connaissance des hommes vous sera utile, mais ne vous laissez pas induire par leurs erreurs et faiblesses. Occupez vous beaucoup et utilement. Adieu, mes amis, je vais dire adieu à Sipäguin. Le dernier régiment des gardes est parti. Que Dieu le ramène sans avoir dû passer la Vistule. Je vous embrasse de tout mon cœur et fais mille compliments à vos messieurs, au général Konovnitzin et à tous les braves militaires qui vous demanderont de mes nouvelles. Chers enfants, si papa Lamsdorf vous a déjà quittés, envoyez lui ces lignes. De grâce,

écrivez lui souvent et ne négligez aucune occasion de lui témoigner toute votre reconnaissance. Adieu, chers et bons enfants, mes bons amis, toutes mes bénédictions reposent sur vous.

Marie.

Au moment même, à 2¹/₄, de l'après-dîner, Gourieff m'envoie vos lettres, chers enfants, elles étaient dans le paquet de Nesselrode, que Gourieff n'a fait que recevoir. Priez donc celui-ci de les laisser aller simplement à leur adresse. Mille grâces pour vos bonnes, chères et intéressantes lettres. Le reste à ce soir, je suis bien contentée.

Воскресенье вечеромъ, 13 июня 1815 г.

(Переводъ). Я знаю, что вы прѣѣхали въ Гейдельбергъ, добрые и дорогие друзья мои; ко мнѣ прибылъ оть императора курьеръ съ письмомъ, оть 29-го мая, въ которомъ онъ пишетъ, что ожидаетъ вѣсть днія черезъ 3 или 4. Курьеръ, который выѣхалъ только 30-го числа, сказаълъ мнѣ, что вы прѣѣхали передъ его отѣзdomъ; я обрадовалась этому извѣстію, но къ чувству радости примѣщался страхъ, или, лучше сказать, боязнь, при мысли, что вы подвергаетесь уже всѣмъ случайностямъ и опасностямъ войны. Но Всевышній защитить и направить вѣсть, и жизнь моихъ добрыхъ дѣтей будетъ сохранена.

Императоръ почти только о васъ и пишетъ мнѣ, дорогой Никошъ и дорогой Михаиль, о томъ, какъ ему будетъ пріятно обнять васъ, какъ онъ будетъ заботиться о васъ, о помѣщеніи для васъ и о томъ, что онъ послалъ къ вамъ во Франкфуртъ генерала Коновницына—словомъ, онъ пишетъ мнѣ о васъ съ такимъ участіемъ, которое меня искренно радуетъ. Я льщу себя надеждою получить вскорѣ второе письмо, въ которомъ онъ мнѣ напишетъ, что видѣлъ васъ. Съ тѣмъ же курьеромъ надѣюсь получить письма отъ васъ, двухъ дорогихъ для меня существъ, которые составляютъ предметъ всѣхъ моихъ мыслей и желаній.

Воскресенье прошло для меня очень оживленно; у меня было много посѣтителей; изъ мужчинъ: гр. Милорадовичъ, добрый кн. Горчаковъ, генералъ Адамъ, генераль-адъютантъ Потемкинъ, съ которыми я простилась; его прекрасный полкъ ушелъ сегодня; генералъ Сипягинъ, который уѣзжаетъ во вторникъ, но онъ заѣдетъ еще повидаться со мною въ день отѣзда; кн. Яковъ Лобановъ, адъютантъ генерала Кутузова, кавалеръ де Бетанкуръ, Нарышкинъ, кн. Юсуповъ, Александръ Салтыковъ, Оленинъ, Митусовъ—вотъ первые; затѣмъ надо назвать еще гр. Віельгорского, Сологуба, Кологривова, Ожаровскаго, Матвѣева, кн. Долгорукаго. Изъ дамъ были всѣ статсъ-дамы, графъ и графиня Литта, прѣѣхавши вчера, княгиня Долгорукая мать, г-жа Гурьева и ея невѣстка, которую я нахожу очаровательной; графиня Толстая, супруга гр. Петра,

графиня Апраксина со своей молоденькой невѣсткой—она не дурна; вся семья Шербатовыхъ, молодая Долгорукая, хорошенъка княгиня Трубецкая (если вы увидите ея мужа, то скажите ему, что жена его здорова и что мнѣ было очень пріятно видѣть ее), г-жа Кутузова, дѣвица Апраксина, Шереметева, которая прѣѣзжала проститься, фрейлина Нарышкина, которая уѣзжаетъ съ матерью въ деревню. Вотъ, если память мнѣ не измѣняетъ, и все; забыла назвать еще маркиза Траверсе, кн. Голицына, герцога Лерида и гр. Медема; къ вечеру погода разгулялась, и мы катались въ линейкахъ и ужинали въ Розовомъ павильонѣ; наконецъ-то мы дождались весьма теплого дня; почти все утро шелъ теплый и пріятный дождь. Прощайте, дорогіе друзья мои; какъ видите, я сообщаю вамъ всѣ павловскія новости, которыхъ всегда будутъ вамъ интересны. Посылаю вамъ искренній привѣтъ и отъ всего сердца цѣлую васъ.

Понедѣльникъ, 14-го іюня.

Сегодня вечеромъ прибылъ курьеръ отъ императора, выѣхавшій отъ него 2-го іюня. Онъ привезъ мнѣ прелестное письмо отъ нашего дорогаго Александра, который пишетъ, что вы прїѣхали, блистая здравьемъ, что Михаилъ уже одного роста съ Никошемъ, что онъ отъ души былъ радъ видѣть и обнять васъ, и выразилъ свое удовольствіе папашѣ Ламсдорфу, пожаловавъ ему орденъ св. Андрея, и наградилъ всѣхъ вашихъ бавалеровъ, такъ же какъ и Джанноти; и искрено этому рада и отъ души поздравляю ихъ. То же пишетъ мнѣ и папаша Ламсдорфъ, но письма иѣкоторыхъ мнѣ известныя и цѣль еще странствуютъ въ пакетахъ, либо Каленина (Калининъ?), либо Нессельроде, и я ихъ еще не получила. Я убѣдительно просила курьера, который мнѣ знакомъ, ибо это Сергѣевъ, сѣѣздить въ городъ и попросить тѣхъ господъ, на имя которыхъ присланы ваши письма ко мнѣ, препроводить ихъ мнѣ какъ можно скорѣе. Впредь, дорогія дѣти, прошу васъ позаботиться о томъ, чтобы ихъ не вкладывали ни въ какой пакетъ и чтобы они посыпались прямо на мое имя, такъ же, какъ и письма императора, ибо когда они вложены въ другой пакетъ, то изъ-за этого они дѣлаются 50 верстъ лишнихъ, и я получаю ихъ на 5—6 часовъ позднѣе. Какъ я рада, дорогія дѣти, что императоръ доволенъ вами и что онъ радъ васъ видѣть; онъ обѣщалъ мнѣ позаботиться о васъ во всѣхъ отношеніяхъ, физически и иравственнѣ; эта увѣренность имѣть для меня большую цѣну. Добрый папаша Ламсдорфъ высказываетъ мнѣ въ своемъ письмѣ, которое курьеръ передалъ мнѣ, такъ какъ оно было адресовано просто на мое имя, до какой степени онъ былъ доволенъ и тронутъ иѣжнымъ братскимъ пріемомъ, оказаннымъ вамъ императоромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ добрый старикъ пишетъ, какъ ему

грустно, что онъ вскорѣ долженъ будетъ разстаться съ вами. Я раздѣляю его чувства и клянусь вамъ, дорогія дѣти мои, что мысль о вашей скорой разлукѣ съ нимъ снова пробуждаетъ во мнѣ всю горечь разлуки съ вами; я очень огорчена его недоровьемъ; императоръ пишетъ мнѣ, что онъ боленъ, но увѣряетъ, что ему уже лучше. Я очень сожалѣю о томъ, что милости资料 our дорогаго императора не коснулись доброго Рюля; но разумѣется, что отложено, то не потеряно. Какъ мнѣ хотѣлось бы поскорѣе прочитать ваши письма, дорогіе друзья мои, и насладиться вашимъ счастьемъ; надѣюсь, что завтра, проснувшись, я, буду имѣть это удовольствіе. Прощайте, дорогіе друзья мои, спите спокойно. Здѣсь говорятъ, что 17-го числа русскія войска будутъ на мѣстѣ и что ихъ только и ожидаютъ, чтобы начать дѣйствовать. Да хранить насть Господь. Прощайте, добрые и дорогіе друзья мои, тысячу разъ цѣлую васъ.

15-го июня, вторникъ.

Писемъ нѣть, дорогія дѣти мои; очевидно, вы запоздали отдать ихъ, или, чтѣ по-моему болѣе вѣроятно, то лицо, которому вы поручили ихъ, позабыло ихъ у себя на столѣ. Какъ бы то ни было, я знаю изъ письма папаши Ламсдорфа, что вы здоровы и благополучны и что императоръ вами доволенъ. Я надѣюсь, что слѣдующій курьеръ привезетъ мнѣ, по всей вѣроятности, два пакета. Между тѣмъ я легла спать въ половинѣ втораго, поджидая ихъ; въ 6 часовъ утра я потребовала, чтобы мнѣ дали письма, но мнѣ сказали, что ихъ нѣть; что дѣлать, остается терпѣть. Между тѣмъ, курьеръ привезъ мнѣ три естампа, присланные на мое имя; это виды Рейна и между прочимъ Гейдельберга. Не зная, кому они присланы, вамъ или мнѣ, хотя полагаю, что это тѣ виды, которые я просила васъ пріобрѣсти для меня; я буду хранить ихъ отдельно до получения отъ васъ писемъ. Говорятъ, что войска будутъ у васъ 17-го числа; тогда да хранить васъ Господь, дорогія дѣти. Я очень счастлива, что императоръ доволенъ вами; оставайтесь впередь такими же по сердечнымъ чувствамъ и правиламъ, какъ теперь, и вы всегда будете заслуживать его милости. Опытъ и знакомство съ людьми принесутъ вамъ пользу, но не увлекайтесь ихъ ошибками и слабостями. Занимайтесь много и съ пользою. Прощайте, дорогіе друзья мои; я сейчасъ буду прощаться съ Сипягинымъ. Послѣдній гвардейскій полкъ ушелъ. Дай Богъ ему вернуться, не перейдя Вислы. Цѣлую васъ отъ всего сердца и посылаю тысячу поклоновъ вашимъ кавалерамъ, генералу Коновницыну и всѣмъ молодцамъ военнымъ, которые будутъ спрашивать васъ обо мнѣ.

Если папаша Ламсдорфъ уже уѣхалъ отъ васъ, дорогія дѣти, перешлите ему эти строки. Ради Бога пишите ему чаще и не упускайте случая

выразить ему вашу благодарность. Прощайте, дорогая и добрыя дѣти, добрые друзья мои. Благословеніе мое да будетъ надъ вами. Марія.

Сю минуту, въ $2\frac{1}{2}$ часа по полудни, Гурьевъ прислалъ мнѣ ваши письма, дорогая дѣти; они были въ пакетѣ Нессельроде, только-что полученному Гурьевымъ. Попросите же его послать ихъ прямо на мое имя; тысячу разъ благодарю васъ за ваши милыя, дорогая и интересные письма. Остальное до вечера, я очень, очень довольна.

Num. 26.

Ce 15 Juin 1815.

Voici un tout petit mot par la poste, mes chers enfants, car je viens de terminer ma grande lettre par courrier. J'attends pour le dîner le comte Miloradovitch, le baron Rosen et Sipäguin, peut-être Taube. Le régiment de Préobragenski a quitté la ville de même que l'artillerie, et s'est mis en marche. Les voilà tous partis; c'est bien, bien triste. Que Dieu les conduise, et que tout se termine si vite, qu'ils ne soient pas dans le cas de passer la Vistule. Adieu, mes amis, je ne vous en dis pas davantage, car le temps me manque et je dois écrire encore par Sipäguin à Constantin. Je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

15-го июня 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ всего лишь нѣсколько строкъ по почтѣ, дорогая дѣти мои, ибо я только-что окончила длинное письмо, посыпаемое съ курьеромъ. Я ожидаю къ обѣду гр. Милорадовича, барона Розена и Сипягина, быть можетъ, Таубе. Преображенскій полкъ выступилъ изъ города, такъ же какъ и артиллерія. Итакъ всѣ войска уже ушли; это очень, очень грустно. Да сопутствуетъ имъ Господь, и дай Богъ, чтобы все скорѣе кончилось и чтобы имъ не пришлось переходить Вислы. Прощайте, друзья мои, не пишу вамъ ничего болѣе по недостатку времени; я еще должна написать съ Сипягинымъ Константину. Цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и посыпаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Сообщ. В. В. Щегловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Н. М. Карамзина къ Н. Я. Плюсовой ¹⁾.

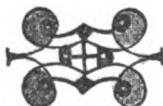
Царское Село, 25-го мая 1820 г.

Любезнѣйшая Наталья Яковлевна!

Намъ очень грустно, что вы беспокоитеся. Казна панила для васъ домикъ и заплатила уже половину денегъ хозяину, а г. Захаржевской ²⁾ того не зналъ, но нынѣшній день велѣль меблировать ваши комнаты: завтра все мебли будутъ на своемъ мѣстѣ, и вы спокойно можете перѣѣхать. Кажется, что и время становится лучше къ вашему прѣѣзу: авось увидимъ красное лѣто. Вашъ домикъ чистъ и просторенъ: есть кухня, изба, ледникъ; садъ и наше жилище не далеко. Будемъ ждать васъ, если не завтра, то послѣ завтра. Не терайтѣ хорошихъ дней. Въ Царскомъ Селѣ найдете и здоровый воздухъ, и любезнѣйшую императрицу, и друзей искреннихъ; авось либо найдете и здоровье и крѣпкіе нервы, слѣдственно и хорошее расположение духа: о чёмъ молимъ Бога. Въ надеждѣ скораго свиданія цѣлую вашу ручку. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Адресъ: Ея превосходительству милостивой государынѣ Натальѣ Яковлевнѣ Плюсовой, фрейлинѣ ихъ императорскихъ величествъ. Въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

¹⁾ Фрейлина Наталья Яковлевна Плюсова († 1845), женщина умная и образованная, была, какъ известно, знакома съ видѣйшими представителями литературы своего времени: Державинымъ, Дмитревымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ и друг.

²⁾ Управляющій Царскимъ Селомъ.

Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году¹⁾.

I.

Назывъ Василій Васильевичъ Голицынъ во 2-й свой походъ на Крымъ въ 1689 г. взялъ въ пленъ, между прочимъ, одного юнаго Мурзу. Этотъ Мурза и сдѣлался родоначальникомъ фамилии Мурзакевичей. Приведенный въ Москву, онъ былъ окрещенъ въ христіанскую вѣру, воспринять отъ купели царевною Софию Алексѣевною и княземъ Василіемъ Голицынымъ, и названъ по имени крестнаго отца Василіемъ, по прозвищу «Мурзинъ».

Василій Мурзинъ пристроился въ числѣ «служилыхъ людей раз-

¹⁾ Въ архивѣ Смоленской духовной консисторіи хранится „дѣло о священникахъ Никифорѣ Мурзакевичѣ, Яковѣ Соколовѣ и протопопѣ Попкинѣ Звѣревѣ“ по обвиненію ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, въ измѣнѣ Царю и Отечеству во время пребыванія въ Смоленскѣ французовъ въ 1812 году.

Дѣло это любопытно, какъ въ историческомъ, такъ и особенно, въ бытіи отнosiніи. Воспоминанія о немъ еще сохраняются въ Смоленскѣ, хотя передаются обыкновенно въ искаженномъ видѣ. Даже отъ людей компетентныхъ въ исторіи Смоленска намъ приходилось слышать обвиненіе Мурзакевича въ томъ, что онъ, будто бы, встрѣчалъ Наполеона одѣтый въ архіерейскія ризы. При этомъ дѣлались ссылки на экстрактъ этого „дѣла“, хранящійся въ городскомъ археологическомъ музѣ. Подобное же обвиненіе нерѣдко можно услышать и отъ стариковъ-священниковъ, ссылающихся на разсказы современниковъ.

Словомъ, къ нашему времени вокругъ этого дѣла наростила сѣть

ныхъ чиновъ» при «государевѣ дворѣ», существовавшемъ со временъ Алексея Михайловича въ Смоленскѣ возлѣ Ильинской церкви.

Его сынъ, Адріанъ Васильевичъ, по окончаніи семинаріи, сдѣлался священникомъ при Смоленскомъ каѳедральномъ соборѣ и здѣсь прославился, какъ искусный проповѣдникъ-импровизаторъ¹⁾). Еще въ семинаріи онъ писалъ разнаго рода «опыты» въ стихахъ и прозѣ (сохранилось три рукописныхъ тетради этихъ «опытовъ»). Въ домѣ его можно было встрѣтить почти единственныхъ представителей тогдашней интеллигентіи,—начальниковъ и наставниковъ семинаріи. Какъ начитанный и литературный человѣкъ, онъ не разъ, въ дни общественныхъ торжествъ, былъ выдвигаемъ впередъ въ качествѣ оратора. При встрѣчѣ Екатерины II въ 1780 г. семинаристы въ мантіяхъ и съ вѣнками на головахъ пѣли гимнъ, составленный и положенный на ноты отцомъ Адріаномъ.

Въ 1769 г. 2-го іюля у о. Адріана родился сынъ Никифоръ. Книжная атмосфера, царившая въ домѣ о. Адріана, отразилась и на дѣтскихъ вкусахъ и склонностяхъ ребенка: чтеніе книгъ, любовь къ нимъ еще въ дѣтствѣ отличали его отъ сверстниковъ. Десяти лѣтъ Никифоръ былъ опредѣленъ въ семинарію съ запасомъ начальныхъ свѣдѣній изъ латинскаго и русскаго языковъ, запасомъ, полученнымъ еще въ отцовскомъ домѣ.

Черезъ три года о. Адріанъ умеръ, и Никифоръ для поддержки семьи, долженъ былъ выйти изъ семинаріи. Въ 1783 году, 14 лѣтъ отъ роду, онъ, по прошенію матери своей, былъ опредѣленъ на должность темныхъ слуховъ и сплетенъ, въ которыхъ, кажется, никто еще не пытался разобраться на основаніи подлинныхъ документовъ.

Правда, въ біографії Никифора Мурзакевича, составленной его сыномъ, Николаемъ Никифоровичемъ, директоромъ Ришельевскаго лицея въ Одесѣ (Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ, историкъ г. Смоленска. 1769 † 1834 г. Петербургъ, тип. Балашева. 1877 г.) содержится краткій разсказъ объ этомъ дѣлѣ, направленный къ восстановленію доброго имени отца автора, но 1) этотъ разсказъ составленъ, главнымъ образомъ, по семейнымъ преданіямъ и дневнику о. Мурзакевича, а 2) брошюра Ник. Ник., изданная имъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, теперь сдѣлалась библиографическою рѣдкостью.

Ознакомившись съ „дѣломъ“ объ измѣнѣ, мы и излагаемъ его здѣсь въ существенныхъ чертахъ.

Въ виду же интереса, возбуждаемаго самою личностью священника Мурзакевича, какъ первого историка г. Смоленска, а также и въ виду того, что ему въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ главная роль, мы сообщимъ и краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, и, иѣсколько подробнѣе, изложимъ тѣть эпизодъ, который послужилъ поводомъ къ возникновенію самого дѣла объ измѣнѣ.

¹⁾ На проповѣдахъ своихъ, дошедшихъ до насть, онъ такъ и подписывался: „каѳедральный проповѣдникъ“.

«псаломщика» къ Надворотной Богоматерской церкви, а въ 1792 г. женился на дочери вяземского соборного священника и, во вниманіе къ заслугамъ своего отца, а также и за ревностное исполненіе своихъ обязанностей, былъ посвященъ сначала въ иподіакона, а потомъ и въ діакона къ каеедральному собору.

Не получивъ за жену обѣщаннаго приданаго, Никифоръ терпѣль и малую нужду и разныя лишенія. На рукахъ у него находилась престарѣлая мать и шесть человѣкъ дѣтей, а весь доходъ его составляли ничтожныя подачки за требы да небольшой денежный окладъ по штату. Но Никифоръ не унывалъ и не опустился подъ гнетомъ нужды. Напротивъ, все свое свободное время онъ посвящалъ чтенію книгъ, желая этимъ пополнить свое образованіе.

Особенно привлекала его исторія. Книгами сужалъ его племянникъ архіепискоша Пареенія, имѣвшаго прекрасную собственную библіотеку и собраніе рукописей. Кроме того, изъ собственныхъ средствъ Никифоръ покупалъ на базарѣ у старьевщиковъ иногда довольно цѣнныя книги и рукописи. Между прочимъ, здесь онъ купилъ рукописную «Исторію Смоленска, составленную къ первому прїезду въ Смоленскъ Екатеринѣ II-й» (1780), наведшую его на мысль заняться составленіемъ полной и обстоятельной исторіи г. Смоленска.

Онъ начинаетъ дѣлать выписки изъ историческихъ сочиненій, съ неимовѣрными усилиями достаетъ отовсюду источники и способа для задуманнаго труда. Такъ, въ «губернскомъ архивѣ» онъ откопалъ «Краткіе очерки исторіи Смоленска», составленные нѣкогда для Академіи наукъ, и нѣсколько другихъ старыхъ рукописей; въ архивѣ городского магистрата—граматы польскихъ королей и русскихъ государей, данные въ разное время г. Смоленску, и т. п.

Съ жаромъ прінялся Никифоръ за работу. Въ одномъ письмѣ онъ впослѣдствіи говорилъ объ этомъ времени: «много разъ я падалъ со скамы отъ изнеможенія силь, но не падалъ духомъ».

Среди городского духовенства ученыя занятія «неученаго» діакона породили различные толки и насмѣшки. Иначе отнесся къ Никифору преосвященный Парееній: узнавъ объ его занятіяхъ, онъ предоставилъ ему въ пользованіе свою библіотеку и консисторскій архивъ, бывшій ранѣе для него совершенно недоступнымъ, и даже самъ лично помогъ Никифору своими указаніями.

Въ 1795 г. епископъ Парееній умеръ, и для Никифора настали тяжелыя времена; въ консисторскій архивъ его теперь уже не пускали, и насмѣшки со стороны духовныхъ собратій усилились. Новый епископъ, Димитрій Устимовичъ (1798—1805), человѣкъ ученый, но рѣзкій по характеру, не обратилъ никакого вниманія на діакона-писателя и даже относился къ нему неблагосклонно.

Поддержка Никифору явилась совершенно неожиданно съ другой стороны. Въ 1801 году чрезъ Смоленскъ проѣзжали въ заграничные университеты четыре московскихъ студента: А. И. Тургеневъ, И. А. Двигубскій, П. С. Кайсаровъ и Воиновъ ¹⁾). Въ Смоленскъ, среди другихъ «достопримѣчательностей» города, имъ указали и на «ученаго» діакона. Студенты пошли въ Рѣзницкій оврагъ и здѣсь, въ убогой хижинѣ нашли « чахнувшихъ отъ недостатковъ историка и его семейство». А. И. Тургеневъ немедленно написалъ «о любознательномъ клерикѣ» своему отцу, Ивану Петровичу Тургеневу, и просилъ его прислать Никифору нужная для него книги.

Прошло около года со дня этой встрѣчи. Никифоръ сталъ уже забывать объ обѣщаніи молодаго человѣка, порѣшивъ въ душѣ, что это былъ простой актъ свѣтской вѣжливости или минутный порывъ сочувствія къ нему... 10-го августа 1802 г. неожиданно получаетъ онъ съ почты повѣстку на какую-то посылку. Развязавъ ее, Никифоръ увидѣлъ, что это были книги, присланныя ему вице-канцлеромъ, графомъ О. А. Остерманомъ чрезъ посредство И. П. Тургенева. Можно представить себѣ радость Никифора! Въ посылкѣ находилась цѣлая сотня томовъ книгъ, и между ними—Исторія Россійская Татищева, Щербатова, Штириера; лѣтописи: Кенигсбергская, Никоновская, Древняя Россійская Вивліоенка и проч. и проч. Съ удвоеннымъ усердіемъ принялъ теперь Никифоръ за исторію Смоленска и къ 1803 году закончилъ ее.

Истощенный непосильными трудами видъ Никифора обратилъ на себя вниманіе епископа Димитрія.

— Ты, Никифоръ, чѣмъ-то нездоровъ и чѣмъ-то занимаешься?— замѣтилъ ему однажды епископъ.

Смиренный діаконъ долженъ былъ сознаться въ своихъ занятіяхъ и представить преосвященному свою рукопись. Просмотрѣвъ ее, Димитрій чрезъ нѣсколько дней призвалъ къ себѣ автора и «съ выговорами и бранью» возвратилъ ему его трудъ, прибавивъ въ заключеніе:

— Этимъ слѣдуетъ заняться не тебѣ, но ученому человѣку и опытному!

На робкую же просьбу Никифора о пособіи для изданія рукописи епископъ отвѣталъ рѣшительнымъ отказомъ.

Впослѣдствіи только открылось, что причиной епископскаго гиѣва было слѣдующее обстоятельство: въ концѣ своей «исторіи» Никифоръ помѣстилъ подробную и въ весьма сочувственномъ тонѣ написанную біографію своего покровителя и предшественника епископа Димитрія, преосвященнаго Пареенія.

¹⁾ Впослѣдствіи 1-й—директоръ канц. мин. духов. дѣлъ и народ. просв., 2-й—ректоръ Моск. універс., и 4-й—корпусный командиръ.

Не найдя поддержки у своего ближайшаго духовнаго начальства, Никифоръ обратился за нею къ свѣтскому. Гражданскій губернаторъ смоленскій Д. Я. Гедеоновъ (1801—1803), по просьбѣ Никифора, представилъ его рукопись генералъ-губернатору Ст. Ст. Апраксину, члену-вѣку добруму и «просвѣщенному боярину». Прочитавъ нѣсколько страницъ, Апраксинъ велѣлъ Никифору, чтобы онъ составилъ на его имя письмо съ посвященіемъ ему своего труда (это письмо и было напечатано въ «Исторіи» послѣ заглавнаго листа). Кромѣ того Апраксинъ приказалъ напечатать въ устроенной имъ губернскій типографіи, на свой счетъ, 600 экземпляровъ «Смоленской исторіи» и подарить ихъ автору.

Обрадованный исполненiemъ своей завѣтной мечты, Никифоръ не забылъ своего долга и съ экземпляромъ только-что напечатанной своей книжки отправился къ епископу Димитрію, прося милостиво принять его трудъ. Но и на этотъ разъ онъ встрѣтилъ такой приемъ, какого совсѣмъ не ожидалъ. Видя, что изданіе исторіи состоялось все-таки безъ его участія и одобренія, епископъ обидѣлся и сказалъ:

— Я не хочу имѣть сочинителя при себѣ; ищи себѣ другое мѣсто, хотя бы священническаго.

Вскорѣ освободилось мѣсто священника при Одигитріевской церкви въ Смоленскѣ, а 16-го апрѣля 1803 года Никифоръ былъ рукоположенъ туда во священники, продолжая жить въ своемъ старомъ домикѣ на краю Рѣзницкаго оврага.

Междѣ тѣмъ 600 экземпляровъ «Исторіи Смоленска» скоро разошлись, и потребовалось новое изданіе ея. По внушенію Апраксина, городское общество дало отъ себя бумагу для этого изданія и подписалось на 100 экземпляровъ; самъ губернаторъ подписался на 6 экземпляровъ; со всѣхъ сторонъ, отъ горожанъ и помѣщиковъ постоянно получались требованія на книгу. Даже епископъ Димитрій, узнавъ объ успѣхѣ книги и предположеннѣи второмъ изданіи ея, перемѣнилъ гнѣвъ на милость и, призвавъ къ себѣ о. Никифора, вручилъ ему свой послужной списокъ для напечатанія въ «Исторіи Смоленска»¹⁾.

Въ 1804 г. вышла въ свѣтъ «Исторія губернскаго города Смоленска отъ древнѣйшихъ временъ до 1804 г., собранная изъ разныхъ лѣтописей и россійскихъ дѣятелей трудами д. Никифора Мурзакевича».

¹⁾ Онъ былъ тамъ напечатанъ, что дало поводъ Трафимовскому въ своемъ «Историко-Статистическомъ описаніи Смоленской епархіи» (С.-Петербургъ, 1866 г.) сказать: „одна изъ рукописей епископа Димитрія послужила матеріаломъ для „Исторіи Смоленска“ Мурзакевича“ (стр. 137).

Послѣ изданія «Исторіи Смоленска» счастье, какъ будто, улыбнулось о. Никифору. Апраксинъ переслалъ книгу синодальному оберъ-прокурору кн. Голицыну, а тотъ преподнесъ ее императору Александру I-му, который велѣлъ выдать автору изъ кабинета 500 р. ассигнаціями. Кромѣ того, смоленское дворянство и граждане ссудили о. Никифору болѣе 1.500 р., что дало возможность улучшить материальное состояніе своей семьи и купить за 2.100 р. у купца Луки Осиповича Квѣцинскаго домъ противъ алтаря Одигитріевской церкви. Домъ этотъ сохранился въ цѣлости и до сихъ поръ, представляя по своему виду и ввнутренней обстановкѣ одну изъ достопримѣчательностей Смоленска.

Такимъ образомъ, труды о. Никифораувѣнчались полнымъ успѣхомъ. Но этотъ успѣхъ вызвалъ понятную зависть въ холодность со стороны собратій по сану. «Многіе удивлялись, писалъ о. Никифоръ, какъ неученый попалъ въ писатели». Впослѣдствії (1818 г.) на просьбу гр. Н. П. Румянцева поискать въ Смоленскѣ древнихъ рукописей, о. Никифоръ, между прочимъ, писалъ ему, «что этимъ долженъ буду снова навлечь на себя ненависть и смѣхъ большей части здѣшнихъ духовныхъ, ибо я онѣ довольно почувствовалъ при изданіи «Смоленской исторіи», да и теперь нѣкоторыя мои упражненія подаютъ поводъ къ смѣху». Между собою сослуживцы о. Никифора не иначе называли его, какъ «сочинителемъ», распускали про него всевозможныя сплетни и писали по начальству кляузы.

Кляузныя дѣла совершенно не касаются чести и доброго имени Мурзакевича, являясь проявленіемъ грубости тогдашихъ нравовъ и страсти къ сутяжничеству и крючкотворству, отъ козней котораго едва ли могъ считать себя застрахованнымъ въ то время и самый смиренный и кроткій обыватель, а не только такой живой и дѣятельный человѣкъ, какимъ былъ о. Никифоръ. Сравнивая его жизнь со спокойною однообразно-замкнутую жизнью его собратій, ясно видишь, насколько выше ихъ стоялъ онъ.

Послѣ изданія «Исторіи Смоленска» Мурзакевичъ увеличиваетъ свою библиотеку, кромѣ покупки книгъ еще и при помощи обмѣна экземпляровъ своей исторіи на новыя книги.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ сынъ о. Никифора Николай говоритъ, что «большая отцовская библиотека, наполненная всѣми полезными книгами, имѣла отдѣль историко-географической возможно хорошій».

Новый трудъ, надъ которымъ работалъ о. Никифоръ съ 1810 по 1814 годъ, былъ сводъ повѣствованія 4-хъ евангелистовъ подъ заглавиемъ: «Исторія Божественнаго Откровенія», где жизнь Иисуса Христа

историческимъ и хронологическимъ порядкомъ расположена съ замѣчаніями на мѣста неудобопонимаемыя».

Это былъ первый опыт изложения Евангелия на русскомъ языке для чтенія простому народу. Посыпая эту рукопись въ 1815 г. князю Голицыну (оберъ-прокурору Св. Синода), Мурзакевичъ писалъ ему, что онъ «старался сдѣлать понятнымъ Евангелие русскому народу, ибо самъ Спаситель въ сирійскихъ селеніяхъ благовѣствовалъ такъ, что и бѣдные крестьяне его слова понимали». Голицынъ передалъ ее на разсмотрѣніе Св. Синода, где еще не былъ решенъ вопросъ о необходимости русского перевода священныхъ книгъ и его полезности для народа. Св. Синодъ, какъ сообщилъ Мурзакевичу Голицынъ, положилъ, «запечатавъ рукопись казенною печатью, сдать въ синодальный архивъ для храненія». Старанія о. Никифора вернуть ее обратно остались безуспѣшны. Извѣстный Пукаловъ писалъ въ 1816 г. генер. А. А. Писареву: «Исторія божественнаго откровенія» точно осуждена на архивное тленіе и, какъ можно догадываться, самодуромъ. Выявить ее на свѣтъ иначе не можно, какъ формальною въ Св. Синодъ просьбою, мое о семъ покушение было недостаточно. Кажется отецъ Филаретъ¹⁾ одному себѣ предоставилъ право говорить и кричать сильнѣе другихъ о Богѣ и Божіихъ откровеніяхъ. Вездѣ сила солому ломить. Помолимся совокупно: да избавимся отъ всякаго зла и отъ всякихъ вещи во тьмѣ преходящія»²⁾.

Въ слѣдующемъ (1817 г.) Мурзакевичъ послалъ къ какому-то Трессину новую рукопись «Жизнь Иисуса» и получилъ ее обратно съ ремарками отъ неизвѣстнаго совѣтующаго: 1) написать ее высокимъ слогомъ («но я писалъ ее, сообщаетъ Никифоръ А. А. Писареву, не для богослововъ и мудрецовъ, а имѣть въ виду благо простаго народа, который по своей бѣдности, по своимъ таостнымъ работамъ и по своему малому знанію христіанскаго закона не можетъ почерпать себѣ назиданія ни въ высокомъ слогѣ, а ниже въ славянскомъ нарѣчи»); 2) совѣтуется объяснить генеалогію Иисусову и 3) прибавить замѣчанія на неудовлетворительныя слова въ той книгѣ, которыя находятся въ синодальномъ архивѣ. «Всѣ неудобопонятныя мѣста и генеалогія, пишетъ Мурзакевичъ, были объяснены и сочтены наилучшими Св. Синодомъ. И такъ видите, сколько ученыхъ головъ, столько и мнѣній о моей рукописи».

Ни «Жизнь Иисуса», ни «Исторія Откровенія», такъ и не увидѣли свѣта. Послѣдняя въ 1854 году была приобрѣтена съ аукціона Спб. Императорскою публичною библіотекою, где и теперь находится.

При всѣхъ своихъ разнообразныхъ, служебныхъ и литературныхъ

¹⁾ Ректоръ СПБ. Дух. Академіи, просматривавшій рукопись.

²⁾ Брош. 1877 г., Ник. Андр. Мурзакевичъ, стр. 107.

занятіяхъ, о. Никифоръ ухитился еще найти время для обширной по-тогдашнему переписки.

Она приложена въ концѣ біографіи его. Мы видимъ изъ нея, что и среди духовенства, даже высшаго, были люди, прѣнившіе по достоинству дѣятельность о. Никифора и его душевныя качества и относившіеся къ нему съ уваженіемъ.

Мы опередили события и вернемся нѣсколько назадъ.

II.

Наступилъ памятный для Россіи 1812-й годъ. Много горя онъ прінесъ Смоленску, а въ Смоленскѣ едва-ли не больше всѣхъ Мурзакевичу. За одинъ какой-нибудь годъ (и даже менѣе того), онъ лишился шести членовъ своей семьи (матери, тетки, жены, двухъ дочерей и воспитанницы), лишился здоровья, почти всего имущества и, наконецъ, священннической должности и чести. И замѣчательно, что самыя тяжелыя испытанія были причинены ему не врагами отечества, а своими же соотечественниками, согражданами, сослужителями.

Но этотъ же годъ поставилъ личность о. Никифора на такой высотѣ нравственнаго долга и гражданской добродѣтели, на какой она не могла быть поставлена ни его литературными трудами, ни уваженіемъ общества и вниманіемъ лучшихъ людей города. 1812-й годъ сдѣлалъ личность Мурзакевича для изслѣдователя нашей старины глубоко-драматической, невольно приковывающей къ себѣ вниманіе, вызывающей сочувствіе и преклоненіе предъ нею, по силѣ равное лишь противоположнымъ чувствамъ, которые вызываются тогдашними представителями общества, самимъ этимъ обществомъ, его нравами и царившими въ немъ порядками и взглядами.

Начался этотъ годъ для Мурзакевича тяжелою утратою. Его жена, страдавшая чахоткою, слегла въ постель и 4-го марта умерла. Всякому известно, какое это великое горе для священника — потерять жену, — какъ ломаетъ это горе всего человѣка, превращая несчастнаго вдовца изъ жизнерадостнаго и дѣятельнаго человѣка — въ унылаго, преждевременно старѣющагося ипохондрика, какъ будто забытаго Богомъ и людьми. А у о. Никифора было 7 человѣкъ дѣтей, малъ-мала менѣе, и дряхлая старушка-мать!

Похоронивши жену, онъ «впалъ въ задумчивость и какое-то равнодушіе», разсказываетъ его сынъ Иванъ¹⁾. «Было замѣтно, что, бывши

¹⁾ „Св. Ник. А. Мурзакевичъ“, рукопись 1855 г.

до того времени трудолюбивымъ писателемъ, онъ только объ одномъ теперь заботился, какъ бы устроить и учить своихъ дѣтей, тогда какъ при жизни жены вся забота о домашнемъ благосостояніи лежала на ея попеченіи». А тутъ еще «собратья по сану» не упускали случая добавить лишнюю каплю горечи въ его и безъ того горькую чашу. Въ самое Вербное Воскресеніе 1812 г. пріѣхалъ въ Смоленскъ новый архіерей Ириней¹⁾), «мужъ ученый, затворникъ» по отзыву Мурзакевича. Вскорѣ же по пріѣздѣ онъ обратилъ внимание на о. Никифора; самъ писатель, онъ оцѣнилъ его «Исторію Смоленска» и хотѣлъ наградить его саномъ протоіерея. Но нашлись среди членовъ Консисторіи лица, представившія преосвященному, что-де Мурзакевичъ и безъ того достаточно уже награжденъ и какъ «неученый» не можетъ быть удостоенъ сана протоіерея.

Между тѣмъ наступила Отечественная война. Съ 26-го іюня изъ Гродно, Минска и другихъ западныхъ городовъ стали пріѣзжать въ Смоленскъ подводы съ казенными вещами, увозимыми отъ французовъ. Въ концѣ іюня стали стекаться въ городъ чиновники западныхъ губерній, отъ которыхъ жители впервые услыхали подробности вторженія непріятелей. Въ первыхъ числахъ іюля курьеры и фельдъ-егеря все чаще и чаще стали скакать черезъ Смоленскъ. Въ городѣ распространилось смятеніе. «6-го іюля,—говорить очевидецъ²⁾,—смоленскіе жители въ первый разъ начали суетиться, выходить и выѣзжать изъ города.

7-го іюля смоленскіе дворянѣ подписали и отправили къ государю просьбу о дозволеніи вооружить изъ своихъ людей 20.000 человѣкъ или болѣе въ помощь регулярнымъ войскамъ.

9-го іюля въ 11 ч. утра въ Смоленскъ прибылъ изъ Полоцка императоръ Александръ I-й и остановился въ домѣ военного губернатора. Принявъ здѣсь тотчасъ же дворянство, онъ благодарилъ его за его усердіе къ защите отечества. Собравшіеся отвѣчали восторженными криками. Когда дворянѣ разошлись, курьеръ привезъ государю донесеніе Кутузова о заключеніи имъ мира съ турками. Государь въ волненіи вышелъ въ залу и, найдя здѣсь одного городского голову (Верзина), обнялъ его и велѣлъ ему объявить это извѣстіе народу, толпившемуся вокругъ «Государева двора».

Въ 12 часовъ назначено было молебствіе въ соборѣ у Одигитріевской церкви. Возлѣ каменного зданія магистрата встрѣтили государя всѣ чины этого учрежденія съ многочисленными цеховыми значками и земно ему поклонились. Возбужденіе народа было необыкновенное; кромѣ обычныхъ криковъ «ура!», изъ толпы раздавались возгласы: «чтобы не

¹⁾ Правилъ епархіей до 5-го августа 1813 г.

²⁾ «Дневникъ П. А. Васильева». Рукопись епархиальной библиотеки.

поддаваться врагу, не уступать ему ни пяди земли». Въ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ чего государь посѣтилъ архиеря. На государевомъ обѣдѣ рѣчь шла о мѣрахъ обороны отъ врага. Государь далъ предводителю дворянства разрѣшеніе на то, чтобы помѣщики вооружали своихъ дворовыхъ слугъ для истребленія непріятелей.

Послѣ обѣда былъ сдѣланъ смотръ отряду Винцингероде, а потомъ государь юзилъ прогуливаться и, любуясь Смоленскомъ, говорилъ: «какой прекрасный городъ! какіе виды и окрестности!»

Въ то же время на имя еп. Иринея данъ былъ государемъ слѣдующій реєкриптъ: «Узнавъ, что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы, скрываются и бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разъездовъ, появляющихся изъдалекомъ еще разстоянія отъ Смоленска, возлагаемъ мы на васъ пастырскій долгъ: внушеніями и увѣщаніями своими ободрять ихъ и не только отвращать отъ страха и побѣга, но наоборотъ—убѣждать, какъ того и требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупляясь вмѣстѣ, старались вооружиться, чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ и, вмѣсто робости, наносили имъ са-мимъ великій вредъ и ужасъ».

На другой день, 10-го іюля въ 6 ч. утра, государь выѣхалъ въ Москву. «Того же числа,—записываетъ очевидецъ,—жители Смоленска начали суетиться во второй разъ¹⁾). Власти спѣшили успокоить жителей. Епископъ Ириней 10-го числа отслужилъ въ соборѣ молебенъ, прочелъ всенародно данный ему высочайшій реєкриптъ и сдѣлалъ народу со-отвѣтственное «увѣщаніе». Съ городского духовенства была взята под-писька о невыѣздѣ изъ города и обѣ исполненіи государевой воли относительно ободренія жителей. Сельскому духовенству были разо-сланы указы о томъ же чрезъ благочинныхъ. «Увѣщенія» читались во всѣхъ городскихъ церквяхъ за службою, а въ соборѣ самъ епископъ ежедневно, до самаго 4-го августа, говорилъ народу рѣчи и поученія о борьбѣ со врагомъ.

Нѣть сомнѣнія, что эти «увѣщанія» произведили свое дѣйствіе на народъ, часть которого (особенно низшій классъ) и безъ того обнару-живала необыкновенно воинственное настроеніе. Болѣе состоятельный и развитой классъ не такъ легко поддавался успокоительнымъ патріо-тическимъ рѣчамъ; и когда разнеслась вѣсть о взятіи французами Ви-тебска, то многие горожане стали было поспѣшно уѣзжать изъ города. Тогда губернаторъ, баронъ Аргъ, разставилъ на заставахъ патрули и приказалъ имъ останавливать бѣглецовъ и силою возвращать обратно въ городъ. Отъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ были отобраны под-

¹⁾ Дневникъ Васильева.

писки о невыѣздѣ изъ города. Въ учебныхъ заведеніяхъ занятія и экзамены шли своимъ чередомъ.

Впрочемъ, когда стало слышно о занятіи Могилева и прїѣхалъ могилевскій ректоръ, архіерей велѣлъ распустить семинаристовъ. «11-го іюля объявили объ этомъ,—рассказываетъ современникъ.—Дѣти почувствовали тягость наступающаго времени, пропѣли, по обычаю, «Достойно есть» и «Нынѣ отпущаєши» и со слезами на глазахъ простились между собою»¹⁾.

Въ виду явной опасности отъ приближающагося непріятеля, губернаторъ просилъ у главнокомандующаго русокою арміей разрѣшенія на вывозъ казенныхъ суммъ и дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ и архивовъ. Главнокомандующій прислалъ въ отвѣтъ секретное распоряженіе о вывозѣ изъ Смоленска казны, важныхъ бумагъ и географическихъ картъ, но велѣлъ сдѣлать все это тайно, ночью, скрывая отъ жителей и даже отъ чиновниковъ²⁾. Въ заключеніе Барклай писалъ губернатору: «увѣряю вѣсть, что городу Смоленску не предстоитъ еще ни малѣйшей опасности, и невѣроятно, чтобы онъ ю угрожаемъ былъ». Онъ обѣщалъ защищать Смоленскъ «до послѣдняго воина» и изгнать изъ Россіи враговъ отечества. «Вы видите изъ сего,—писалъ онъ,—что вы имѣете совершение право успокоить жителей».

Такія же увѣренія въ полной безопасности получали отъ него смоленскіе дворяне, въ отвѣтъ на ихъ неоднократныя просьбы не скрывать истиннаго положенія дѣлъ.

Вывезти изъ Смоленска архивы такъ и не удалось. Бановникомъ этого Мурзакевичъ называетъ уѣзднаго предводителя дворянства Воеводскаго, который 24-го іюля донесъ Баркллю, что губернаторъ забралъ съ полей всѣхъ работниковъ и до 700 телѣгъ съ лошадьми «для выправоженія всѣхъ архивовъ и чиновниковъ въ Москву и тѣмъ всѣхъ жителей привелъ въ рабость, а непріятелю, еще вдали въ малыхъ отрядахъ появляющемуся, подаетъ отвагу». Главнокомандующій принялъ этотъ доносъ горячо: губернатору сдѣлалъ строгій выговоръ и приказалъ ничего съ мѣста не вывозить, а подводы взять для военныхъ надобностей. Въ полчаса чрезъ поліцію у всѣхъ чиновниковъ билеты были отобраны, и никого изъ жителей съ имуществомъ на заставахъ не пропускали до самаго 4-го августа³⁾.

22-го іюля обѣ русскія арміи соединились, наконецъ, подъ Смоленскомъ.

Въ самомъ Смоленскѣ началось необычайное движеніе. Черезъ го-

¹⁾ Рукопись Ивана Ник. Мурзакевича.

²⁾ Никитинъ. „Исторія Смоленска“, 275 стр.

³⁾ Письмо Мурзакевича Е. К. Криштафовичу „Брош. 1877 г.“, стр. 57.

родъ постоянно проходили войска всѣхъ родовъ оружія. «Такого разнообразія мундировъ и такого числа войскъ жители никогда еще не видали», пишеть очевидецъ¹⁾. «Самыхъ горожанъ какъ бы не было. Въ каждомъ домѣ находилось по нѣсколько офицеровъ на постѣ, да по двѣ по три команды хлѣбопековъ. Весь городъ превратился въ военный лагерь. Постоянные разѣзы казаковъ, драгуновъ, улановъ и друг. тревожили жителей. Съѣстные продукты вздорожали вдвое, и приходилось подумывать объ экономіи въ припасахъ. 28-го іюля, въ день Одигитріи Божіей Матери, священникъ Мурзакевичъ уже не устраивалъ обычнаго по случаю храмового праздника обѣда. Въ это время онъ почувствовалъ всю тягость и безнадежность своего личнаго положенія: семеро дѣтей, старушка-мать, тетка, сиротка Софья, взятая на воспитаніе— такое большое семейство, при недостаткѣ средствъ, невольно заставляло его задумываться. Ужасъ грабежа и разоренія живо представлялся его воображенію. Своякъ его, полковой священникъ Левицкій, взялся довезти до Вязьмы его старшую дочь и сына, остальные всѣ остались на его попеченіи.

Всенародный молебенъ 28-го іюля по случаю извѣстія о побѣдѣ Платова при Руднѣ и крестный ходъ вокругъ стѣны, совершенный архіереемъ съ Чудотворною иконою Одигитріи, подняль на время упавшій духъ смолянъ, но вскорѣ видѣ французскихъ пленныхъ и русскихъ раненыхъ, провезенныхъ чрезъ городъ 1-го августа, напомнилъ имъ объ опасности.

1-го августа городъ уже замѣтно опустѣлъ, хотя богослуженіе по церквамъ шло своимъ чередомъ.

2-го августа стало слышно, что Красный, находящійся въ 40 верстахъ отъ Смоленска, уже занятъ французами. Бѣгство жителей изъ города усилилось.

3-го августа передъ всенощной въ городѣ уже знали, что французы стоять въ десяти верстахъ отъ Смоленска. Вечеромъ, по приказанію князя Багратіона, стали вывозить казну и дѣловыя бумаги къ Юхнову и Вязьмѣ. Въ это время самъ Наполеонъ остановился уже на ночлегъ въ семи верстахъ отъ Смоленска на архіерейской дачѣ «Новый дворъ».

До 3-го числа начальство такъ или иначе удерживало бѣгущихъ гражданъ; теперь оно само уже спѣшило вонъ изъ города. Въ ночь на 4-е августа, передъ разсвѣтомъ, уѣхалъ къ Дорогобужу губернаторъ Ашъ со всѣми чиновниками подвѣдомственныхъ ему присутственныхъ мѣсть, а за нимъ выѣхалъ къ селу Цурикову и архіерей также со всѣми подчиненными. Послѣдніе «только и имѣли, на чёмъ выѣхать», изъ имущества они ничего не взяли съ собою, такъ какъ, согласно «увѣ-

¹⁾ Рукопись Ивана Никиф. Мурзакевича.

щаніямъ» и увѣреніямъ своихъ властей, совершенно не готовились къ бѣгству. Архіерей велѣлъ ключарю Василію Соколову¹⁾ везти вслѣдъ за нимъ и соборную икону Одигитріи. Спрятавъ въ стѣнѣ себора всѣ драгоцѣнности соборныя (золотые и серебряные сосуды), ключарь вынесъ изъ храма св. икону и, въ сопровожденіи множества народа, бѣжавшаго изъ Смоленска, несъ ее при заревѣ отдаленныхъ пожаровъ до села Цурикова (за 30 верстъ отъ города)²⁾.

Даже Смоленскій гарнизонъ, съ комендантомъ Россіи, вышелъ въ эту ночь изъ города. Примѣру властей спѣшили послѣдовать и горожане, преимущественно состоятельный лица, «люди съ именемъ», имѣвшіе собственныхъ лошадей и экипажи. Отъ нихъ не отставала и служилая интеллигенція, т. е. чиновники. Семинарское начальство и учителя также разѣхались въ разныя стороны, не принявъ никакихъ мѣръ къ сохраненію казеннаго имущества. Семинарская богатая библіотека осталась выброшеною на дворѣ. Духовенство и монашествующія лица скрылись, куда попало (по большей части, уѣхали въ сосѣднія губерніи).

Отецъ Никифоръ, имѣя на рукахъ большое семейство, не зналъ, чѣмъ ему дѣлать—бѣжать или оставаться въ городѣ, подвергая себя всѣмъ возможнымъ ужасамъ непрѣятельского нашествія. На всякий случай онъ купилъ себѣ лошадь, но когда началось въ городѣ смятеніе и поголовное бѣгство жителей, ее ночью увѣли со двора. Пришлось поневолѣ остаться въ Смоленскѣ. Изъ всѣхъ приходскихъ священниковъ, кромѣ него, остался въ городѣ, неизвѣстно почему, одинъ лишь спасскій священникъ о. Яковъ Соколовъ.

Во все времена сраженія о. Никифоръ принималъ участіе въ текущихъ событияхъ.

Еще утромъ 4-го августа, въ виду множества раненыхъ на Королевскомъ бастіонѣ, Паскевичъ потребовалъ туда священника. Посланный нашелъ въ Одигитріевской церкви о. Никифора, служившаго молебень.

Поручивъ сыну своему Костѣ носить за ними св. воду, а самъ взявъ Св. Дары и повѣшивъ на грудь икону Богоматери, о. Никифоръ отправился немедленно на бастіонъ и здѣсь исполнялъ свой пастырскій долгъ, окропляя св. водою воиновъ, исповѣдуя и пріобщая раненыхъ и умирающихъ. На его глазахъ здѣсь было убито два солдата и ранено

¹⁾ По неспособности къ наукамъ онъ отданъ былъ преосвященнымъ Парѳеніемъ въ часовое мастерство. Слѣдавшись потомъ соборнымъ ключаремъ, устроилъ соборные часы. Погребенъ возлѣ собора, за алтаремъ.

²⁾ Отсюда икона была отправлена чрезъ Болдино, Вязьму, Гжатскъ, Колоцкій монастырь, Можайскъ, Рузу, Воскресенскъ, Новый Іерусалимъ и Москву—въ Ярославль. Обратно—чрезъ Тверскую губернію и городъ Бѣлый. Въ Смоленскъ прибыла 24-го декабря въ вечеру, а въ соборѣ поставлена 25-го декабря до обѣдни.

адромъ въ ногу артиллерійскій капитанъ, а онъ остался цѣлъ и нѣвредимъ. Онъ обошелъ всѣхъ засѣвшихъ въ крѣпостномъ рву солдатъ, ободряя ихъ и угѣшная. Генералъ Паскевичъ на бастонѣ горячо благодарила о. Никифора и занесъ его имя въ свою записную книжку.

Насталъ второй день боя подъ Смоленскомъ, и самый тяжелый день — 5-го августа.

Отслуживъ литургію, пишетъ о. Никифоръ, въ дневникѣ, «я пошелъ къ Королевской крѣпости, исповѣдывать и пріобщать раненыхъ. Пройдя Молоховскія ворота и Шеиновъ проломъ (по прикрытыму пути), я дошелъ до Никольскихъ воротъ, что исполнилъ до третьаго часу ¹⁾. Придя домой, нашелъ домашнихъ въ смертномъ страхѣ, ибо съ восточной и южной стороны неслись пули, ядра и бомбы. Въ домѣ нашелъ крышу, пробитую въ двухъ мѣстахъ, а одно ядро въ крыльцѣ, которымъ пробито двѣ стѣны, а двѣ оцарапало и рикошетомъ чуть не убило родную тетку Екатерину, которая только-что сидѣла тамъ, гдѣ прошло ядро ²⁾.

«Опасаясь быть въ домѣ съ дѣтьми, пошли въ церковь, гдѣ нашелъ прихожанъ; имъ для безопасности совѣтовалъ стоять, близъ стѣнъ, а самъ предъ образомъ Спасителя сталъ править «молебное пѣніе». Едва кончилъ, какъ влетѣла въ церковное окно бомба и лопнула; черепьями побила стекла и стѣны, а духомъ поломало крилосы, меня же сильно толкнуло въ алтарь, между тѣмъ стоявшаго со мной рядомъ лѣкарскаго ученика (подошедшаго исповѣдываться) ушибло доскою отъ крилоса».

Сынъ о. Никифора разсказываетъ, что въ этотъ моментъ всѣ пали на землю, а они, дѣти, громко заплакали, будучи увѣрены, что отецъ ихъ убить. Когда же дымъ немного разсѣялся, они увидѣли отца, стоявшаго въ алтарѣ въ облакахъ дыма, но цѣлаго и нѣредимаго. Со слезами стали они просить отца уходить изъ города, говоря, что больше ни минуты не останутся въ немъ, посреди такихъ ужасовъ.

«Послѣ сего, разсказываетъ о. Никифоръ, распрошавшись съ прихожанами, взявъ дѣтей, хотѣлъ выдти изъ города, но, удерживаемый престарѣлой матерью и совѣтомъ прихожанъ, недоумѣвалъ». Слезы дѣтей наконецъ осилили сыновнѣе чувство о. Никифора къ матери, и онъ рѣшился идти. Забравъ съ собой кое-что изъ одежды и навьючивъ узлами дворовую женщину свою, семью о. Никифора, стараясь прикрывать головы узлами, вышла изъ дому по направлению къ Днѣпру.

¹⁾ Впослѣдствіи полки, наступавшіе 5-го августа на Никольскія ворота, рассказывали, что они видѣли передъ стѣнами священника, проходившаго по рядамъ русскихъ солдатъ.

²⁾ Столбъ съ засѣвшими въ немъ ядромъ не особенно давно былъ убранъ при ремонтѣ дома настоящею его обитательницей А. И. Жуковою.

Проходя мимо собора, рѣшили зайти туда, чтобы помолиться въ послѣдній, быть можетъ, разъ въ жизни.

Съ общаго совѣта и послѣ слезныхъ просьбъ драхлой матери, въ виду недостатка денегъ и неимѣнія подводы для бѣгства, рѣшено было остаться въ соборѣ, гдѣ, на обширныхъ хорахъ, свободно можно было нѣкоторое время укрываться отъ непріятелей. Изъ высокихъ круглыхъ оконъ соборныхъ смотрѣли дѣти о. Никифора на городъ: онъ виденъ былъ весь какъ на ладони и, словно вѣтромъ, былъ весь объяты пламенемъ.

«Оставя мать и дѣтей въ соборѣ, о. Никифоръ поспѣшилъ въ свою церковь, гдѣ, собравъ церковныя вещи и снявъ оклады съ мѣстныхъ иконъ, спряталъ подъ церковною крышею. Отсюда вернулся онъ въ соборъ, но съ большою опасностью: не было шага, чтобы мимо не пролетѣла пуля, или не стукнуло въ стѣну ядро.

«Въ это время происходилъ второй штурмъ города. Ядрами поражало бѣгущихъ жителей, многіе изъ которыхъ спѣшили укрываться въ своихъ храмахъ¹⁾). Въ 9 часовъ канонада сразу смолкла на всѣхъ пунктахъ. Послѣ адскаго грохота пушекъ, въ теченіе цѣлаго дня наступила зловѣщая тишина, ужасъ которой только усиливался трескомъ горящихъ зданій и заревомъ пожаровъ. Пламя пожара, при тихой ночи, поднималось къ небу высокимъ столбомъ, надъ которымъ клубились огромныя тучи дыма. Горѣть также весь городъ, не исключая и замѣшанья.

«Зрѣлище пожара было настолько зловѣщѣ, что жители сравнивали его съ свѣтопреставленіемъ и спѣшили уходить изъ города, чтобы не погибнуть въ бушевавшемъ пламени.

Въ полночь подъ 6-е августа Дохтуровъ получилъ приказаніе оставить городъ. За два часа до разсвѣта войска тихо вышли и увезли съ собою чрезъ объятыя пламенемъ улицы свою артиллерию. Пости, находившіеся въ Смоленска, отступили въ тишинѣ. 1-я артиллерійская батарейная рота капитана Глухова, уходя, взяла съ собою изъ Воротной церкви Чудотворный образъ Одигитріи, присланый въ 1602 г. въ Смоленскъ Борисомъ Годуновымъ къ освященію устроенной имъ городской стѣны. Раненые по возможности были вывезены. Входы въ городъ заграждены.

6-го августа, въ день Спасо-Преображенія, чуть свѣтъ въ соборѣ

¹⁾ Нѣкоторые авторы рассказовъ о 1812 годѣ говорятъ, будто во время канонады вечеромъ 5-го августа, во всѣхъ церквяхъ шла всенощная наканунѣ Спасова дня. Это извѣстіе едва-ли достовѣрно: все духовенство уѣжало уже изъ города, а въ соборѣ, гдѣ оставалось 3 священника, службы не было, какъ видно изъ дневника Мурзакевича.

прискакалъ казакъ и объявилъ: «кто хочетъ уходить, бѣжалъ бы! Мостъ зажигаютъ!»

Началось страшное смятение: жители бросились уходить изъ города, наскоро забирая свои пожитки. Отчаяніе овладѣло всѣми: теперь всѣмъ стало ясно, что раньше власти скрывали отъ народа и о чёмъ боялись раньше и подумать, а именно, что городъ будетъ отданъ непріятелю безъ сопротивленія. Въ страхѣ толпились горожане у моста, единственного пути къ выходу, а солдаты при этомъ торопили ихъ, угрожая зажечь мостъ. Многіе бросали взятые съ собой запасы, матери искали своихъ затерявшихся дѣтей, дѣти родителей; крики и плачъ наполняли воздухъ. Нѣсколько полковъ нашихъ стояли въ Заднѣпровья противъ моста и при бродахъ. Въ такомъ положеніи ожидали разсвѣта. А мимо полковъ тянулись повсюду несчастные жители, спасаясь, не зная сами куда, не зная, что будетъ съ ними далѣе.

Едва зяялась заря, какъ передовые отряды французовъ, осторожно оглядываясь среди зловѣщаго безлюдья и затишья, стали входить въ Молоховскія и Никольскія ворота.

Въ 8 ч. утра вѣхалъ въ городъ чрезъ Никольскія ворота и самъ Наполеонъ. Онъ оставался временно на Спасской улицѣ, въ домѣ сенатора Каховскаго, послѣ проданномъ Меклашевскимъ для классовъ Смоленской семинаріи¹⁾.

Отдохнувъ здѣсь (памятникомъ его пребыванія осталась тарелка съ буквой N, хранящаяся въ Смоленскомъ музѣѣ), Наполеонъ, по словамъ о. Якова Соколова, осматривалъ иѣкоторыя части города, начиная отъ Спасской церкви и до Богоматерской. Послѣдняя была только-что отремонтирована и расшиrena, но еще не освящена. Наполеонъ вѣль втащить на ея балконъ двѣ пушки и наводилъ ихъ самъ по нашей заднѣпровской батареѣ, мѣтко поражавшей французовъ, занятыхъ на водкой моста²⁾. Потомъ, выйдя изъ церкви, вѣль поставить 4 орудія на соборномъ земляномъ валу для обстрѣливанія отступавшихъ русскихъ. Въ полдень Наполеонъ перѣхалъ въ домъ гражданскаго губернатора на Блоны.

Его гвардія расположилась на Блоны подъ березовыми аллеями; архивныя бумаги служили солдатамъ постелью, а не вывезенные въ суматахъ губернскія и уѣздныя карты—занавѣсками отъ знойного солнца.

Зять Наполеона, неаполитанскій король, Іоахимъ Мирать, останово-

¹⁾ Дневникъ Васильева. Здѣсь потомъ помѣщалось мужское духовное училище, а теперь квартира ректора семинаріи.

²⁾ „У башни Тищевскаго“, нынѣ Чумакова. Остатки этого моста, въ видѣ торчащихъ изъ воды свай, уцѣлѣли и до сихъ поръ.

вился въ недавно отстроенныхъ каменныхъ въ два этажа архіерейскихъ покояхъ. Онь первый посѣтилъ соборъ со своею свитою. Его слуги, отбивъ двери Предтеченской церкви (на архіерейскомъ дворѣ), стали грабить архіерейскую ризницу. Это было около полудня. Блюститель архіерейского дома, заштатный бізюковскій архимандріть Іосифъ, въ страхѣ прибѣжалъ въ соборъ и просилъ обитателей его прийти къ нему на помощь. Но никто не рѣшался идти на вѣрную смерть. Тогда о. Никифоръ Мурзакевичъ со своими двумя малолѣтними дѣтьми вызвался идти, чтобы попробовать спасти хоть часть церковнаго имущества. За нимъ послѣдовали двое консисторскихъ писцовъ—Воронковъ и Залѣсскій. Прибѣжалъ въ ризницу, они увидѣли тамъ непріятелей въ малиновыхъ мундирахъ съ бархатными обшлагами и воротниками, которые были обложены золотымъ галуномъ. Они перочинными ножами спарывали съ саккосовъ золотые галуны и съ нападальниковъ у омофоровъ малиновый бархат и жемчугъ. Другое рылись въ комодахъ¹⁾). По полу были разбросаны ободраннныя архіерейскія ризы и мѣдные деньги. Прибѣжавшіе попробовали было отнимать у нихъ вещи, но они указывали имъ на свои ножички и затѣмъ на шею, давая понять, къ чему поведеть непрошенное вмѣшательство въ ихъ занятіе. Мурзакевичъ бросился къ архіерейскимъ покоямъ, пробился во внутреннія комната, но, не заставъ здѣсь Мюрата, обратился по-латыни чрезъ переводчика къ князю Понятовскому, прося его прекратить грабежъ и дозволить забрать священные вещи и скрыть ихъ. Понятовскій послалъ съ Мурзакевичемъ своего чиновника, познанскаго плацъ-коменданта Александра Аксаментовскаго, который, «учтивымъ» образомъ поговоря съ французами, выслалъ ихъ изъ ризницы и Предтеченской церкви. Отецъ Никифоръ съ своими спутниками стали собирать разбросанныя вещи и деньги и переносить ихъ въ соборъ. Такимъ образомъ они перенесли св. иконы, антиквари, шишакъ и туфли св. мученика Меркурія, 21 пару архіерейскихъ облаченій, утварь Предтеченской и Апостольской церквей и вещи, приготовленныя къ освященію Надворотной Богоматерской церкви, и много другихъ различныхъ сокровищъ и архіерейскую библіотеку. Денегъ было перенесено 73 мѣшка мѣдными пятаками. Все это спрятано было въ кладовую Успенскаго собора.

Затѣмъ Мурзакевичъ снова вернулся въ архіерейскій домъ и, найдя Мюрата, просилъ его не трогать собора и церквей и дать къ собору «военную задогу» отъ мародеровъ. «Благодареніе Богу—успѣль: карауль приставили»²⁾.

¹⁾ „Ізслѣдованіе о чудотв. иконѣ Одигитрії“, рукопись епархіальной библіотеки (изъ собранія рукоп. П. А. Васильева).

²⁾ Въ своемъ дневнике Мурзакевичъ приписываетъ это распоряженіе Мюрату, а въ „Описаніи иконы Б. М. Одигитрії“—вице-королю итальян-

Многіе жители, узнавъ объ этомъ, переселились въ соборъ со своимъ имуществоомъ и тѣснились въ немъ около двухъ недѣль, пока не полученъ былъ приказъ французскаго правительства—расходиться по своимъ домамъ.

Въ тотъ же день, 6-го августа, Мурзакевичъ, узнавъ о томъ, что французы захватили до 50 человѣкъ русскихъ, убѣжавшихъ изъ города, и заперли ихъ въ Одигитріевской церкви, отправился къ французскимъ властямъ и отпросилъ нѣкоторыхъ пѣтнниковъ, въ томъ числѣ вознесенского протоопона о. Поликарпа Звѣрева, старого солдата Иванова и мѣщанина Ивана Олецкаго.

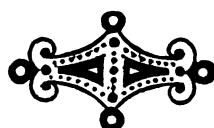
Обитатели собора, какъ въ первый день, такъ и въ слѣдующіе, питались ржанымъ черствымъ хлѣбомъ, яблоками, сливами и грушами, на которыхъ въ тотъ годъ былъ особенный урожай.

Приставленный 6-го августа къ собору карауль стоялъ сначала на крыльцѣ у входа; но на другой день солдаты размѣстились въ срединѣ собора, на широкомъ ступенчатомъ архіерейскомъ амвонѣ. Тутъ они спали и играли въ шашки, а пищу варили на чугунномъ полу у западныхъ дверей.

Нѣкоторые французскіе солдаты, взобравшись на соборную колокольню и удивляясь величинѣ колоколовъ, потѣшились звономъ въ нихъ, хотя этотъ звонъ выходилъ очень безобразный, вродѣ набатнаго.

И. И. Орловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

скому Евгению Богарнѣ; историку же Наполеона—Сегюрь—самому Наполеону. Вполнѣ возможно, что Мурзакевичъ, не знавшій въ лицо никого изъ нихъ, говорилъ съ самимъ Наполеономъ, но вѣроятнѣе, что Сегюрь намѣренно приписалъ эту бесѣду съ о. Никифоромъ Наполеону, желая показать его великодушіе и доброту.

Записки Э. И. Стогова.

V ^{1).}

По пути изъ Охотска въ Кронштадтъ.—Быть якутовъ, тувусовъ и чукчей.—Г. Якутскъ.—Поязда въ Кяхту.—Китайскій обѣдъ.—Троицкосавскъ.—Юакинъ Бичуринъ.—Г. Иркутскъ.—Положеніе солдатъ и каторжныхъ.

ъ Охотскъ предстояла надобность послать корабль въ Ситху, а это до 6.000 миль сквернаго плаванія. Я такъ полюбилъ тихій и маленький Тигиль, что мнѣ грустно было и подумать не прозимовать еще хотя разъ въ Тигилѣ. Съ трудомъ отказался я отъ непріятной экспедиціи и ушелъ въ Тигиль. Кажется, весь городъ выѣхалъ на устье встрѣтить меня; радость всѣхъ жителей была не притворная. На устьѣ я сдѣлалъ для всѣхъ баль, т. е. вышли полфунта чаю и полведра водки, съѣли много пряниковъ и орѣховъ. Въ Тигилѣ повторилась прошлогодняя жизнь: каждый день отмѣчался совершенно безмятежнымъ спокойствіемъ, тихими удовольствіями и ни малѣйшей непріятностью. Зимой явились коряки, уже старые друзья. Осень была бурная, капитанъ-лейтенантъ Захаровъ потерпѣлъ кораблекрушеніе въ устьѣ рѣки Большой. Весною я получилъ предписаніе: идти въ Большерѣцкъ, забрать спасенный грузъ и команду, грузъ отвезти въ Петропавловскую гавань, а команду въ Охотскъ. Предчувствіе не обмануло меня, я весною прощался съ Тигилемъ навсегда. Забравъ все съ разбившагося корабля, отправился въ гавань; туманъ меня преслѣдовалъ. Въ гавани сдалъ грузъ и отправился въ Охотскъ. Тамъ строился новый корабль «Камчатка», на который я и былъ назначенъ командиромъ. Весною я

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1903 г.

получилъ приказаніе возвратиться въ Кронштадтъ, на мое мѣсто прѣѣхалъ Бутаковъ. Отправляясь изъ Питера, Бутаковъ былъ у бывшаго начальника Камчатки—Станицкаго и просилъ его дать ему наставлениѳ, какъ жить и быть въ томъ краю?

— Почтеннѣйший,—сказалъ ему Станицкій,—въ Европѣ считается первымъ политикомъ Каподистрія. Если онъ первый, то конечно второй политикъ Эразмъ Ив. Стоговъ, совѣтую вамъ дѣлать все то и такъ же, какъ онъ.

На основаніи словъ Станицкаго, Бутаковъ и обратился ко мнѣ съ просьбою поучить его, какъ жить и быть. Прощаюсь съ краемъ, я не имѣлъ въ памяти ни одного горькаго о немъ воспоминанія. Помню, перѣѣзжая въ лодкѣ черезъ рѣку, мое воображеніе нарисовало мнѣ счастливое и тихое прошедшее и картину будущаго, полнаго обмана, коварства, лицемѣрія, лжи, зависти и проч. Будущее представлялось мнѣ какою-то бурей, взамѣнъ свѣтлого прошедшаго, и я расплакался истерически.

Изъ Охотска я поѣхалъ на обратныхъ лошадяхъ, которыхъ привозили разныя тяжести; я заплатилъ за нанятыхъ мною лошадей по 5 р. ассигнац. за 1.000 слишкомъ верстъ. Пространство до Якутска проѣзжается въ 25 дней. Удивительные люди, эти погонщики-якуты! У нихъ нѣтъ ни одной народной пѣсни, но якутъ Ѳдетъ и цѣлый день поетъ; я любопытствовалъ знать, что же онъ поетъ? Якутъ видить хорошее дерево и импровизуетъ: «вотъ ты дерево красиво, но ты стояши здѣсь безъ всякой радости, еслибы ты росло около моей юрты, я бы въ хороший день привезъ мою милую, мы сѣли бы подъ твою тѣнь и маловались и цѣловались, и ты поняло бы свою пользу, а то растешь въ пустынѣ, ни себѣ, ни другимъ не приносишь пользы, прощай, дерево, я о тебѣ болѣе не вспомню». Якутъ проѣзжалъ дерево и пѣснѣ конецъ; хорошая лужайка, ручеекъ, озерко и проч., все, что видить якутъ, для всякаго предмета импровизуетъ пѣсню. Для всѣхъ пѣсенъ—одинъ мотивъ.

Якуты—народъ полудикий, но добрый, кроткій, услужливый; живутъ они своими стадами лошадей и коровъ, кумысъ—ихъ пища и лакомство. Якутъ не прочь украсть лошадку или корову, но рѣдко бываетъ, чтобы хозяинъ не нашелъ вора по слѣду, даже по городскимъ улицамъ; якутъ не потеряетъ слѣда украденной скотины—искусство, едва вѣроятное. Якутъ болѣзней, кажется, никакихъ не знаетъ: худѣеть отъ недостатка пищи, почернѣеть, сморщится, согнется, но, дождавшись весны, а съ ней кумыса, тотъ же якутъ дѣлается толстъ, морщины пропадаютъ, выпрямляется — узнать нельзя. Якуты очень долговѣчны. Хотя они считаются христіанами, но настоящая вѣра ихъ—шаманство и идолопоклонство. Якутскій шаманъ—есть колдунъ и лѣкарь. Много Ѳсть—составляетъ славу якута, и такие Ѳдоки называются: батыры (богатыри).

Никакой праздникъ не обходится безъ батыря, и въ этомъ отношеніи есть индивидуумы удивительные. На одной свадьбѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ призванный батырь сѣлъ: цѣлаго жаренаго дикаго гуся, хорошую часть телятины, курицу и послѣ того, снявъ верхнее платье, сѣлъ пе-редъ каминомъ и ковшемъ пилъ топленое масло. Онъ выпилъ полтора пуда и только потому, что болѣе не было, во время ъды и питья онъ разсказывалъ объ удивительныхъ подвигахъ батырей—его отцѣ, дѣдѣ, о своихъ подвигахъ обжорства. Я смотрѣлъ и удивлялся.

Я заговорилъ объ якутахъ, не прѣхавши еще въ Якутскъ, но такъ пришлось. Дорога между Охотскомъ и Якутскомъ—это гористая пустынья, достояніе кочующаго тунгуса. Но что такое тунгусъ? Перваго тунгуса я увидѣлъ на рѣкѣ Ленѣ, въ Олекмѣ, на постоянномъ дворѣ. Это былъ маленькаго роста человѣкъ, съ широкой костью, съ кривыми ногами, лицо широкое, носъ едва замѣтенъ, глаза черные, тонко чуть-чуть прорѣзанные, волосы черные, длинные и жесткие. Это былъ совер-шенно дикий человѣкъ, чистой монгольской породы. Говорилъ онъ съ трудомъ, пискливыми голосомъ, похожими на крикъ птицы. Онъ при-шелъ въ гости и принесъ шкуры бѣлокъ, соболей, лисицъ. Разумѣется, онъ напьется и все отдастъ русскому задаромъ, получить въ долгъ порохъ и свинецъ и отправится въ лѣсъ, куда глаза глядять. Одежда его состоять изъ шкуръ, почти не выдѣланныхъ. Тунгуса называли старикомъ, но у него не было ни сѣдыхъ волосъ, ни усовъ, ни бороды. Меня сильно заинтересовалъ этотъ первый экземпляръ, и я старался привлакать его.

- Есть ли у тебя жена?—спросилъ я.
- Нѣть и не было.
- Отчего?
- Я бѣденъ; на что мнѣ жена, жена нужна богатому.
- Гдѣ ты живешь?
- Гуляю.
- Гдѣ гуляешь?
- Не знаю; вездѣ: въ лѣсахъ и на тундрахъ.
- Въ какой сторонѣ?
- Не знаю; сегодня здѣсь, а завтра въ Колымѣ или на Амурѣ.
- Видишься ты съ другими тунгусами?
- Какъ же, видаюсь; я иду и тунгусъ идетъ; я его вижу, и онъ меня видитъ, я пойду своею дорогой, онъ своей.
- О чёмъ же вы говорите?
- О чёмъ говорить тунгусу, мнѣ и ему нечего говорить.
- Не бываетъ ли тебѣ скучно?
- Зачѣмъ скучно, тунгусъ сѣть—не скучно, тунгусъ голоденъ—надобно добыть пищу,—не скучно, гуляю.

Тунгусъ сидить всегда на полу, сложивъ ноги на крестъ; наступить ночь, онъ, какъ сидитъ, такъ и склонится на бокъ и спить, скорчась.

— Тебѣ не страшно въ лѣсу одному? — спросилъ я.

— Чего страшно, лѣсъ большой; медвѣдю не страшно и мнѣ не страшно.

— Служалось тебѣ встрѣчаться съ медвѣдемъ?

— Какъ же, случалось. Да вотъ шель я сюда, кушать было нечего, оставалась только бѣлка, да послѣдняя пуля въ винтовкѣ, а еще было далеко. Я развелъ огонь и стала жарить бѣлку, слышу, лаетъ моя собачка на звѣря, посмотрѣла, а ко мнѣ идетъ на заднихъ лапахъ пребольшущій медвѣдь, злой, съ пѣной у рта. Я легъ за колоду, нацѣлилъ ружье и выждалъ; когда онъ подошелъ ко мнѣ близко, я выстрѣлилъ, медвѣдь упалъ, собачка обнюхала и начала теребить его; я посмотрѣла, медвѣдь глядитъ во всѣ глаза, значитъ, умеръ. А ты помни, — прибавилъ онъ наставительно, — когда будешь стрѣлять, то если медвѣдь упадетъ и закроетъ глаза, то онъ притворяется, — не подходи.

— Скажи мнѣ, что ты думалъ, когда цѣлилъ въ медвѣда? вѣдь у тебя былъ послѣдній зарядъ, думалъ ты что или нѣтъ?

— Тунгусъ всегда думаетъ, и я думалъ: я тебя убью, то я тебя сѣмъ, а не убью, то ты меня сѣшь, — какъ не думать, — думалъ.

— Ты откуда пришелъ?

— Гулялъ. Какъ убилъ медвѣда, то мѣсяцъ юль его и пришелъ сюда.

— Гдѣ ты гулялъ?

— Зимой былъ въ Колымѣ, лѣтомъ былъ недалеко отъ Гижиги.

— Какъ ты знаешь дорогу?

— Дорога вездѣ; тунгусъ все знаетъ.

— А гдѣ тебѣ лучше?

— Везде хорошо; лучше, гдѣ больше звѣра.

— Тебѣ хотѣлось жениться?

— Зачѣмъ жениться, я сирота, бѣдный; дѣвка дорого стоять, колыма нѣтъ, одному лучше.

— Служалось тебѣ голодать?

— Какъ же, случалось, восемь дней не юль ничего; весна худо, иду къ морю, тамъ много корумъ.

— Ты крещеный?

— Какъ же, 10-ть лѣтъ, какъ крестился.

— Бываешь въ церкви?

— Одинъ разъ былъ, какъ крестился; попъ далъ рубашку и пять фунтовъ табаку, церковь далеко, ходить нѣтъ времени.

Весь этотъ разговоръ шель съ помощью хозяина, тунгусъ худо понималъ, но еще труднѣе выражался. Это былъ первый видѣнный

мною тигъ; послѣ, въ Охотскѣ, я много имѣлъ знакомыхъ тунгусовъ—всѣ на одинъ ладъ.

Въ концѣ марта въ Охотскѣ тунгусы поставили 4—5 своихъ юртъ на берегу моря. Катерина Карловна (супруга Ушинского), я, Ленже и кто-то еще въ хороший день пошли пѣшкомъ къ нимъ въ гости. Подошли къ первой юртѣ, она была крайне бѣдна, прикрыта сплошной березовой корой. Тунгусы живутъ по одиночкѣ и юрты очень малы; въ юртѣ никого не было, имущества почти никакого. Вторая юрта—тоже пуста, но мы увидѣли на тропинкѣ что-то движущееся, черное. Мы пошли навстрѣчу и что же увидѣли? Ребнокъ, какъ мать родила, одинъ ползть по снѣгу, при морозѣ градусовъ 18-ть. Мы къ нему, онъ остановился, склонить зубенки и ворчать сердито, какъ собака. Мы отошли, а онъ торопливо поползъ. Пришли за мальчишкой въ юрту, тамъ была старуха, она голаго ребенка зарыла въ теплую золу, дала ему кусокъ жира; онъ съ удовольствиемъ сосалъ и жиръ мѣшался съ золою. Старуха сказала, что всѣ мужчины на охотѣ за тюленями на льду, а женщины пошли въ городъ къ знакомымъ. Тунгусъ двухъ дней не проживетъ на одномъ мѣстѣ; каждый день, хотя на сажень, но переставить свою юрту. Проклиная своего сына, тунгусъ говорить: «чтобы ты жилъ три дня на одномъ мѣстѣ, какъ гнѣютъ русскіе».

Тунгусъ шаманъ и идолопоклонникъ, но впрочемъ, считаются всѣ христіанами. Есть тунгусы оленные и пѣши. Нѣть сомнѣнія, прежде всѣ тунгусы были съ оленями, но разныя неудачи лишили ихъ оленей, и образовались тунгусы пѣши. Тунгусы не живутъ родами, какъ коряки, жизнь по одиночкѣ содѣйствовала обѣднѣнію многихъ тунгусовъ. Мнѣ не случилось видѣть двухъ семействъ вмѣстѣ, всегда: мужъ, жена, одинъ и рѣдко два ребенка. Наступаетъ утро, мужъ говоритъ женѣ, чтобы она кочевала вонъ въ ту сторону.

— Вонъ та сопка, вершина которой видна, должна остаться у тебя нальво; дойдешь къ вечеру до рѣчки, и поставь юрту, а я тебя найду.

Мужъ становится на лыжи, ружье за спину и пошелъ въ противную сторону. Жена собираетъ свою бѣдную юрту на небольшія салазки, сама надѣваетъ лучшее свое платье и уборы, сажаетъ за спину ребенка, становится тоже на лыжи, и при помощи ламки тянетъ за собою салазки. Если есть собачка, то подпрашаетъ и ее, а если двѣ собачки, то ей легко. Снѣгъ глубокъ, морозъ жестокъ, иногда мятель, тунгуска никогда не была въ этой сторонѣ, но это для нея все равно: она идетъ по указанію. Она обходить сопку съ правой стороны, останавливается у рѣки, становить свою бѣдную юрту, разводить огонь и хорошо, если можетъ что пойти, а нѣть, терпѣливо ждать мужа. Приходить мужъ, и если охота была счастлива, жена готовить кушанье,

а несчастлива охота, не принесь мужъ ничего, ложатся голодные съ надеждою на завтра. Завтра—то же, чтò сегодня, и такъ каждый день, цѣлую жизнь. Попробуй отнять эту грустную жизнь у тунгуса, дай ему довольство, онъ и жена умрутъ съ тоски.

Наступаетъ весна—худшее время для тунгусовъ, рѣки разливаются, таявшіе снѣга наполняютъ долины водою, тунгусъ заранѣе приближается къ берегу моря и превращается въ рыболова: промышляетъ тюленей, морскихъ утокъ.

Тунгусъ добръ, услужливъ; имѣть что, угостить радушно, но какъ азіатецъ вспыльчивъ и истителенъ. Каждый тунгусъ умѣетъ все сдѣлать для себя и не нуждается въ чужой помощи. Когда счастлива охота, тунгусъ ёсть цѣлый день и спить, пока не сѣсть всего, даже и по-томъ онъ съ удовольствіемъ спить дней пять не ёвши. Пять дней не ёсть для тунгуса не голодъ, на шестой день онъ подумаетъ о пищѣ и поднимется на промыселъ. Добытъ медвѣдя или пару тюленей, онъ опять ёсть и спить, запасовъ никакихъ и никогда тунгусъ не имѣть.

Красота тунгуски состоять въ томъ, чтобы какъ можно меныше быть лобъ, глаза какъ щелочки, прорѣзанныя бритвой, чѣмъ меныше носъ, тѣмъ красивѣе; чѣмъ шире лицо, тѣмъ милѣе. Онъ маленькаго роста, широкой кости, видна сила въ мускулахъ. Одѣваются тунгуски, какъ мужчины: тарбасы, мѣховые штаны, нагрудникъ, шитый бисеромъ, и сверхъ всего кожаный кафтанъ, не сходящійся на груди, поясъ малахай мѣховой.

Теперь скажу иѣсколько словъ о чукчахъ. Они одѣваются сколько можно эффектно, и все платье шьется такъ, чтобы оно представляло толстаго человѣка, широко, пышно. Свободныя минуты, какъ дома, такъ и въ дорогѣ, чукчи посвящаютъ точенію своихъ пальмъ, копій, стрѣль и всякую минуту готовы на войну. Чукчи не подходятъ къ русскимъ селеніямъ, они живутъ близъ Берингова пролива. Это воинственный, и храбрый народъ; у нихъ болѣе всего уважается сила, какъ у корякъ краснорѣвіе. Чукчи, одинъ разъ въ годъ, выходятъ на рѣку Анадырь, верстахъ въ 300, 400 отъ Гижиги. Казаки и куницы изъ Гижиги выѣзжаютъ туда же, и тамъ происходитъ мѣновая торговля. Въ старые годы, довѣрчивые русскіе не принимали мѣръ осторожности, и чукчи не упустили случая напасть на нихъ. Съ тѣхъ порь русскіе поставили тамъ избушку съ амбразурами и какія-то допотопныя ржавыя двѣ пушечки. Передъ вооруженнымъ становъ русскіе кладутъ кучками свои товары и уходятъ. Чукчи не воры и чужаго не возьмутъ. Они приносятъ свой товаръ и, соображая цѣну, противъ русскаго товара кладутъ свой: куница, песцовъ, лисица, соболей и моржовую кость. Положить онъ свой товаръ и уйдетъ. Русскій подходить и если находить выгоднымъ мѣну, то береть товаръ, и тогда послѣ приходить чукча и береть

русскій товаръ. Если же русскій купецъ не доволенъ товаромъ чукчи, то его не трогаетъ, а чукча либо прибавляетъ своего товара, а если находить невыгоднымъ, то уносить свой товаръ, и тѣмъ дѣло кончается. Послѣ окончанія торга, начинается угощеніе съ обѣихъ сторонъ. Чукчи любятъ водку, но стыдятся быть пьяными. Они садятся кружкомъ, пьютъ водку и молчатъ,—присутствія разума не теряютъ. Чукчи устраиваютъ праздникъ со стрѣльбою въ цѣль, съ борьбою, бороться— страсть чукчей. Всегда находятся молодые казаки, молодцы—побѣдители. Чукчи не скрываютъ своего удивленія и почтенія къ побѣдителю и особенно его угощаютъ, дѣлаютъ ему подарки. На Анадырь приходитъ половина чукчей торговать, другая половина ходить въ Колыму, и тамъ такая же ярмарка.

Но пора намъ въ Якутскъ.

Этотъ областной городъ имѣлъ тогда 5 т. жителей, одинъ каменный домъ, купца Колесова. Якутскъ на великолѣпной рѣкѣ Ленѣ, до 7 верстъ шириной. Въ немъ двѣ недѣли лѣтомъ не заходитъ солнце. Морозы бываютъ до 40 и 44°. Послѣдній морозъ сопровождается густѣшимъ туманомъ, совершенною тишиною и если собрать духъ въ груди и разомъ дунуть въ воздухъ, то слышится легкій трескъ. Земля въ Якутскѣ не протаиваетъ болѣе полуаршина, и покойники тамъ всѣ нетѣлѣны. Я ъѣлъ пятилѣтнюю говядину, хранившуюся въ погребахъ. Въ 44° мороза я для опыта прошелъ двѣ версты въ холодной шинели, въ холодныхъ сапогахъ, холодной фуражкѣ и не чувствовалъ холода. Тишина. Сѣверная сіянія.—великолѣпнѣе быть не могутъ, какъ въ Якутскѣ, и описать это изумительное зрѣлище невозможно. Первое, что поражаетъ всякаго пріѣзжаго въ Якутскъ, это то, что на улицѣ, въ домахъ, на обѣдахъ, балахъ не услышишь русскаго слова, и всѣ русскіе говорять всегда языккомъ якутовъ. Это мода. Когда я приходилъ вечеромъ въ гости, мнѣ ставили московскаго варенья на 18 и даже на 22 тарелочкахъ. Посреди варенья становилась замороженная сырая стерлядь: ее ъѣдѣть сырную, нарѣзанную тонкими ломтиками, съ солью и перцемъ. Это очень странно, но за то и очень вкусно. Сырую, мороженную стерлядь я предпочиталъ всѣмъ вареньямъ, это очень похоже на устрицы, но только несравненно вкуснѣе. Якутскъ отстоитъ отъ Иркутска, кажется, болѣе 3 т. верстъ, и сообщеніе только по рѣкѣ Ленѣ. Въ Якутскѣ, кажется, не растетъ ни одной огородной овощи и конечно— никакого хлѣба,—послѣдній привозится мукою изъ Иркутска. Странный способъ транспорта по Ленѣ: дѣлаются изъ досокъ четыреугольные ящики, грузятся всякой всячиной и такъ пускаются съ вершины рѣки до Якутска. Ящикъ плыветъ около 3 т. верстъ, почти безъ всякаго управления, развѣ оттолкнуть отъ берега, когда прижметь вѣтромъ, и все благополучно. Такова благодатная рѣка Лена; нѣтъ ни пороговъ, ни

каменьевъ—это Сибирская Миссисипи. Другая странность: якуты еще не выдумали колесъ, и всѣ тяжести лѣтомъ перевозятъ на волахъ санями. Ягутъ управляетъ волами, сидя на одномъ изъ нихъ. При мнѣ уже стали появляться у богатыхъ купцовъ дрожки, но этотъ экипажъ на лошадяхъ кажется очень опаснымъ дамамъ, и онъ не рѣшился проѣхаться на лошади. Въ праздникъ купчиха въ шелкѣ и бриллиантахъ, съ украшениями изъ золота и жемчуга, сидитъ весьма важно на дровняхъ, и ягутъ, сидя на волѣ, везетъ богатую госпожу въ церковь. Въ Якутскѣ дома необыкновенно теплы, мороза въ 40° не чувствуешь. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ я замѣтилъ въ зимнихъ рамкахъ вставлены двойные стекла, такъ что зимою защищаются отъ наружного холода три стекла. Въ Якутскѣ много богатыхъ купцовъ, торгующихъ на большія суммы. Живутъ вообще весело, и гостепріимство въ нравахъ всѣхъ жителей; бываютъ частые обѣды, а еще чаще вечера съ танцами. Якуты — очень добродушный народъ, любятъ жить по одночкѣ; юрты ихъ деревянныя, вместо стеколъ пластина льду. Посреди юрты вѣчно горить чуваль (каминъ). Богатство ягутъ состоитъ въ табунахъ лошадей и коровъ. Кумысъ дѣлаютъ превосходно, и лучшаго я нигдѣ не пивалъ. Въ Якутскѣ я видѣлъ деревянную древнюю крѣпость съ архивомъ рапортовъ, писанныхъ на берестѣ. Дождавшись зимняго пути, я поѣхалъ вверхъ по Ленѣ въ Иркутскъ.

Иркутскъ—столица Восточной Сибири, тамъ живеть генералъ-губернаторъ. Иркутскъ какъ городъ—очень хорошъ, много богатыхъ купцовъ и каменныхъ домовъ. Купцы въ Иркутскѣ не носятъ бородъ, одѣты во фракахъ по послѣдней модѣ; кареты, коляски, выписанная мебель, библиотеки — не рѣдкость. Жены купцовъ одѣваются по парижскимъ картикамъ. Въ Иркутскѣ есть адмиралтейство, и начальникомъ его въ то время былъ лейтенантъ Ивановъ.

Мнѣ захотѣлось зимой побывать въ Кяхтѣ. Кахта—слобода, но слобода единственная въ мірѣ. Въ Кяхтѣ никто не имѣть права жить, кромѣ купцовъ первой гильдіи. Купцы въ Кяхтѣ почти всѣ были мнѣ знакомы; я сдѣлалъ многимъ визиты. Обычай такой, что при входѣ въ домъ подаютъ рюмку вина, потомъ чай, происходитъ непрерывный разговоръ, а за тѣмъ, по уходѣ гостя, купецъ посыаетъ ему на квартиру ящичекъ въ 2—4 фунта отличного чая въ подарокъ. Такъ сдѣлавъ визитовъ десятокъ, я нашелъ дома порядочный запасъ чая, чему былъ очень радъ, такъ какъ купить чая въ Кяхтѣ нельзя—не продаютъ. Кяхта отдѣляется деревянною стѣною отъ Маймачина, въ которомъ нѣтъ ни одной женщины, таковъ законъ Китая. Власти китайскія разсудили такъ: мы хотимъ жить въ дружбѣ съ русскими, а исторія учить, что всѣ ссоры и войны происходили изъ-за женщинъ, а потому и запретили женщинамъ пребывать въ Маймачинѣ. Мнѣ хотѣ-

лось съесть китайский обѣдь; мой знакомый Вася Басинъ доставилъ мнѣ это удовольствіе. Его пріятель, богатый китаецъ, пригласилъ насть на обѣдь особымъ билетомъ на кускѣ пунцовой шелковой матеріи, такого размѣра, что изъ куска могъ выйти халатъ. Обѣдь былъ на маленькихъ, низенькихъ лакированныхъ столикахъ, при чёмъ за каждый садилось 4 человѣка, а всѣхъ гостей было 16-ть. Кушанья подавались въ небольшихъ полоскательныхъ чашкахъ. Прежде всего подали конфектъ очень разнообразныхъ, вкусно сдѣланныхъ изъ фруктовъ и изъ ягодъ; потомъ слѣдовали разные соусы, изъ каракатицъ и китовыхъ вшей, морская капуста, что все очень вкусно. За соусами слѣдовали холодная кушанья: пряная, острыя, жирные, и затѣмъ свиная кожа; она была бѣла, какъ снѣгъ, нарѣзана тоньше турецкаго табаку и таяла во рту. Потомъ пошли жаркія: тутъ было и мясо собачки, до котораго охотники китайцы, и дорогие кусочки ласточкиныхъ гнѣздъ и проч. Послѣднее блюдо было очень вкусно; затѣмъ подали на каждый столикъ кипящій самоваръ, въ которомъ варились какая-то пряная зелень и кореня, потомъ необыкновенно тонко нарѣзанное сырое мясо фазана, каждый бралъ кусочекъ мяса, опускалъ въ кипятокъ и съѣдалъ; это очень вкусно. Я забылъ сказать, что хозяинъ принималъ насть съ соблюдениемъ этикета: присѣдалъ до полу; проводя въ столовую, просилъ сѣсть, при чёмъ особая вѣжливость хозяина состоить въ томъ, чтобы надуть гости и заставить его сѣсть прежде себя. Въ половинѣ обѣда хозяинъ пригласилъ гостей встать и потрястились, чтобы уложилась паша и чтобы гость могъ поболѣе сѣсть. Я считалъ кушанья, и оказалось ихъ 96 перемѣнъ; кажется, можно быть сыту, ъвши и по чайной ложечкѣ. Обѣдь былъ вкусенъ, но очень жиренъ, и я почувствовалъ изжогу. Китайцы предложили мнѣ сѣсть разваренного риса со столовую ложку, и я избавился отъ нея. Кухня у китайцевъ — совершенство; ихъ пирожки съ вараньемъ—неподражаемы, тѣсто таетъ во рту, но приготовляются они безъ масла. Вообще, у китайцевъ все дѣлается совершеніе европейцевъ, но разница въ томъ, что Европа совершенствуется, а китайцы нѣсколько тысячи лѣтъ остаются неподвижны. На мои глаза, все, что дѣлаютъ китайцы—превосходно. Столярная работа ихъ неподражаема, работа изъ цѣнныхъ камней—невѣроятное терпѣніе. Я видѣлъ ящики для храненія женскихъ уборовъ, весь сдѣланный изъ одного куска бѣлаго мрамора.

Не буду описывать наружность китайца, кому они неизвѣстны по картинкамъ, а картинки вѣрны. Китай держится почитаніемъ, почти богочестіемъ предковъ и безусловнымъ повиновеніемъ родителямъ. Всякий китаецъ трудолюбивъ, терпѣливъ, дальновиденъ, уменъ, и самый умный купецъ нашъ въ ученики ему не годится.

Простившись съ хитрыми и кроткими узкоглазыми китайцами и не

мѣшай миллионерамъ мечтать о барышахъ, я съ порядочнымъ грузомъ чая и покупками китайскихъ рѣдкостей перѣхалъ въ Троицкосавскъ. Это городъ, какъ всѣ большие уѣздные города; въ немъ много богатыхъ жителей, всѣ трудятся и хитрятъ около контрабанды. Главное лицо въ городѣ — директоръ таможни, черезъ руки которого переходятъ миллионы, и порядочные проценты прилипаютъ къ его рукамъ. Въ то время въ Троицкосавскѣ жилъ пріѣзжій изъ Петербурга, д. с. сов. баронъ Шилингъ фонъ-Канпштадтъ. Это необычайно толстый человѣкъ съ большими связями, ученый, весельчакъ, отличный говорунъ, знаяшій всю аристократію столицъ Европы. На него смотрѣли какъ на какую-то загадку. Тамъ же и въ то же время жилъ другой знаменитый человѣкъ: монахъ Іоакинфъ Бичуринъ, посланный въ Пекинъ архимандритомъ нашей тамъ миссіи. Бичуринъ былъ молодъ, закутылъ, промоталъ все, даже церковные сосуды. Его вызвали изъ Пекина и разжаловали въ монахи, но такія лица не пропадаютъ. Бичуринъ оказался глубокимъ знатокомъ китайского языка и литературы, и его сдѣлали преподавателемъ въ школѣ Троицкосавска — китайского языка. Бичуринъ много переводилъ съ китайского, и извѣстна его война съ первою знаменитостью въ Европѣ, считающимся авторитетомъ въ китайской грамотѣ — француозомъ Клапротомъ. Бичуринъ вышелъ изъ этой войны не только побѣдителемъ, но и доказалъ, что Клапротъ едва-ли зналъ азбуку китайского языка, чтѣ и сдѣлало славу Іоакинфа. Однажды вечеромъ пришелъ я къ Шилингу, который сидѣлъ за столомъ съ какимъ-то по-помъ и толковали, разсмотривая какую-то китайскую книжку. Этотъ вечеръ сблизилъ меня съ барономъ, чтѣ мнѣ очень пригодилось, какъ сказано будетъ послѣ.

Баронъ былъ человѣкъ чрезвычайно любезный, очаровательный, рассказамъ его не было конца.

Въ Иркутскѣ два баталіона на армейскомъ, а не гарнизонномъ положеніи; съ нѣкотораго времени, стали часто повторяться убийства, совершаemыя солдатами. Въ праздничный день, послѣ полдня въ часу 3-мъ, лѣтомъ, я шелъ по Широкой улицѣ лѣваго тротуара, а на правомъ тротуарѣ, наравнѣ со мною, шла разряженная дѣвушка — мѣщеночка. Навстрѣчу ей шелъ бравый унтер-офицеръ; встрѣтясь съ дѣвушкою, унтеръ обнялъ, поцѣловалъ, она вскрикнула, и онъ осторожно положилъ ее на тротуаръ. Дѣвушка была мертвa, унтеръ всадилъ ей въ сердце ножъ по рукоятку, повернулся спокойно и пошелъ назадъ. На улицѣ никого кромѣ меня не было; то время было чаепитія. Я пошелъ за унтеромъ, онъ обыкновеннымъ молодецкимъ ходомъ прошелъ на гауптвахту и объявилъ, что онъ убилъ какую-то дѣвушку. Я подробно доложилъ генералу-губернатору; онъ тревожно сказалъ:

— Такіе случаи повторяются часто, не можетъ быть, чтобы не было

какой-нибудь тайной побудительной причины, дураки батальонные никакъ да ничего не откроютъ, я попрошу вѣсль взять это дѣло въ свои руки и доискаться тайны.

Назначенъ я былъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи. Унтеръ-офицеръ красавецъ, большаго роста, грамотенъ, онъ оказался гвардейцемъ изъ взбунтовавшагося Семеновскаго полка. Ему было подъ 40 лѣтъ, но нельзя дать болѣе 30-ти, поведенія отличного. Онъ былъ совершенно спокойенъ, не засирался, о побужденіи своемъ къ убийству говорилъ: такъ, захотѣлось и убить; убиль того или другаго—все равно, встрѣтилась она, убилъ ее. Я вышелъ изъ казармы съ намѣреніемъ убить кого-нибудь такъ, безъ всякой причины, хотѣлось убить и убилъ. Добиться большаго не было никакой возможности. Былся, былся—ничего не добился. Не давала мнѣ спать тайна этого происшествія. Позвалъ я унтера въ адмиралтейство, безъ свидѣтелей говорилъ съ нимъ, какъ сть развитымъ человѣкомъ, пустилъ въ ходъ всю діалектику, но краснорѣчие и логика моя не имѣли успѣха; тогда я приказалъ хорошо накорять унтера. На другой день опять за краснорѣчіе наединѣ, выказалъ мое участіе къ нему, даже уваженіе къ его уму, напиралъ на его честолюбіе, самолюбіе и, наконецъ, стыдилъ его тѣмъ, что онъ считаетъ меня дуракомъ, и, кажется, подобными доводами, прорвалъ плотину его скрытности; мой красавецъ, разъ начавши говорить, высказался и объяснилъ мнѣ такъ:

Люди, сдѣлавшіе уголовное преступленіе, граждански казненные — благоденствуютъ, а я честный солдатъ—страдаю. Каторжный выходитъ на работу въ полушибкѣ, въ теплой мѣховой шапкѣ, въ теплыхъ рукавицахъ, въ теплыхъ штанахъ и сапогахъ, а я, честный солдатъ, приставленный смотрѣть за ними: въ холодной шинели, въ холодномъ киверѣ, въ полной формѣ, съ ружьемъ—бью цѣлый день ногу обѣ ногу холодными сапогами. Варнакъ (каторжный) приходитъ въ свою казарму, ему даютъ щи съ говядиною, кашу, онъ ложится на постель съ одѣяломъ и подушкой. Я, солдатъ, прихожу въ казарму и ёмъ пустыя щи или пустую кашицу, я долженъ чистить ружье и всю амуницію, ложусь на голыя нары и одѣваюсь той же холодной шинелью. На другой день, если я не въ караулѣ, то встаю до свѣта и готовлюсь на ученье, опять забыну и мучаюсь, опять утѣшаюсь постной кашицею. Я знаю, буду наказанъ кнутомъ 10—15 ударами, да вѣдь это одинъ разъ потерплю, но за то остальная жизнь въ довольствѣ. Наши многіе перешли въ каторжные, и всѣ имъ завидуютъ, а попасть въ каторжные безъ убийства нельзя—вотъ я и убилъ.

Составилъ я подробную записку отъ своего лица, а не отъ комиссіи и по-далъ Лавинскому. Онъ былъ крайне удивленъ добытою правдою, сю минуту составилъ донесеніе государю и, приложа мою записку, послалъ казацкаго офицера курьеромъ.

Умнѣе всѣхъ министровъ при императорѣ Николаѣ I былъ Канкринъ, въ его вѣдѣніи были всѣ горные заводы, а слѣдовательно и каторжны. Канкринъ въ заводскомъ хозяйствѣ умѣлъ найти посторонніе источники, не уменьшающіе дохода казны; вотъ эти-то доходы Канкринъ постепенно употреблялъ на улучшеніе быта каторжныхъ и, какъ отличный хозяинъ, устроилъ каторжныхъ—комфортабельно. Государь, получивъ донесеніе отъ Лавинскаго, собралъ министровъ и далъ имъ на рассужденіе ненормальное положеніе солдата съ положеніемъ каторжнаго. Положено было немедля уничтожить всѣ улучшенія для каторжныхъ, чтѣ и было исполнено. Преступленія каторжныхъ увеличились, но и желанія солдатъ быть каторжными—прекратились.

Жизнь моя въ Иркутскѣ текла весьма пріятно. Генераль-губернаторъ меня особенно ласкалъ, у значительныхъ чиновниковъ и у богатыхъ купцовъ я пользовался общимъ уваженіемъ, должность была не только не отяготительна, но даже весьма пріятна. Какъ командиръ отдѣльной части, почти никому не подчиненный въ Иркутскѣ—я дѣлалъ, что хотѣлъ, ѣхалъ—куда хотѣлъ, никто не касался меня; но все-таки меня тянуло въ общий центръ морской службы—въ Кронштадтъ. Въ Петербургъ звалъ меня и отецъ. Обжившись въ Охотскѣ, я написалъ родителямъ о своемъ житѣ-бытѣ. Помню, я употребилъ выраженіе: полагаю, родителямъ любопытно знать откровенный разсказъ о сынѣ, котораго они знали еще ребенкомъ, и рассказывая о всѣхъ привычкахъ и мелочахъ моей жизни, я употребилъ выраженіе: хотя не часто, но скромно и тихо дѣлю время съ небольшимъ числомъ друзей. За эти два выраженія: «любопытно родителямъ» и «не много друзей», я получилъ отъ отца огромную тетрадь—полную самой жестокой брані, какъ смѣлъ я родителей называть любопытными. Отецъ писалъ, что онъ имѣлъ въ жизни одного только друга, и когда онъ умеръ, то полгода пролежалъ больнымъ и до сего времени уйтиться не можетъ. Изъ всего этого онъ видѣть, что я пустая и глупая голова, что человѣкъ безъ характера и что онъ потерялъ всякую надежду въ томъ, что когда-нибудь выйдеть изъ меня порядочный человѣкъ. Мать писала ласково. Читая письмо, я прослезился и, по понятію моему, не былъ виноватъ противъ отца; но я былъ бессиленъ противъ его гнѣва и, читая письмо утопившагося камина, бросилъ его въ огонь и съ этой минуты пять лѣтъ не писалъ отцу. Въ этотъ промежутокъ я получилъ письмо отъ матери, которая писала ко мнѣ секретно и умоляла просить прощенія у отца. Я не послушалъ матери и не писалъ. Однажды я получилъ свернутую на уголокъ записку изъ сѣрой бумаги, въ которой было написано: «Государь мой, долгомъ считаю увѣдомить, что ваша мать, а моя жена умерла и погребена въ Колодскомъ монастырѣ. Доброжелающій Иванъ Стоговъ». Я перекрестился и положилъ за-

писку, въ которой не названъ сыномъ. Не помню, сколько лѣтъ послѣ того я не писалъ къ отцу. Вдругъ получаю отъ него ласковое письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что вновь женился на Ляпуновой, и отъ нея льстивое письмо. Я расхохотался и рѣшился написать ласковое и почтительное письмо отцу, какъ-будто не было прошедшаго, а къ ма-
чихѣ написалъ самое льстивое, поэтическое письмо, и съ этого време-
ни началась моя переписка съ отцомъ безъ браніи. Онъ постоянно звалъ
меня въ Золотилово.

Лавинскій просилъ государя уволить его изъ Сибири, гдѣ онъ про-
жилъ 13-ть лѣтъ. Императоръ Николай отвѣчалъ: «Если я могу найти
равнаго вамъ по способностямъ, то гдѣ я найду равнаго вамъ по опы-
тности», и ласково просилъ еще послужить, присыпать ему табакерку съ
своимъ портретомъ, осыпанную бриллиантами въ 30.000 р. Лавинскій
остался еще на годъ. Я собиралсяѣхать въ Россію, предполагая, что
уѣдетъ Лавинскій, но онъ, оставшись, оставилъ и меня.

VI.

Бунтъ иркутского архіепископа Иринея.—Переводъ Стогова въ Петербургъ.—
Особенности путешествія.—Встрѣча съ родными.—А. О. Позднѣевъ.—Прибы-
тие въ Петербургъ въ 1833 году.—Первна встрѣчи.—Представленіе кн. А. С.
Меншикову.—Характеристика кназа.

Въ Иркутскѣ былъ цѣлый рядъ добрыхъ и кроткихъ архіеписко-
повъ, распустившихъ духовенство до безобразія. Государь приказалъ
назначить въ Иркутскѣ архіепископа твердаго и строгаго. Синодъ
назначилъ Иринея изъ Пензы, и тамошнее духовенство долго служило
благодарные молебны за избавленіе отъ него.

Онъ былъ средняго роста, брюнетъ съ правильными чертами лица,
прекрасными черными выщипанными волосами и удивительно увлекатель-
нымъ голосомъ. Онъ самъ называлъ себя уроженцемъ Черногоріи и по
наружности нельзя было дать ему болѣе сорока лѣтъ. Во всѣхъ его
поступкахъ выражалась пылкая южная природа. Служилъ онъ удиви-
тельно: самая простая молитва «Во имя Отца и Сына» произносилась
имъ такъ, что вызывала необыкновенное благоговѣніе. Но за то во
время служенія онъ былъ весьма строгъ съ духовенствомъ. Требованія
его со служащими съ нимъ были безмѣрны: за ошибки, за малѣйшее
несоблюденіе въ одеждѣ, за неостановленіе при чтеніи на запятой,—

протопопы, попы, діаконы, чтецы ставились на колѣна и били поклоны; почти ни одной службы не проходило безъ взысканія. Избалованное прежнимъ архипастыремъ духовенство трепетало, сдавалось въ солдаты или посыпалось на монастырскія черныя работы.

Въ Иркутскѣ много церквей, и богатое купечество чванилось угожденіемъ владыкѣ. Въ праздники архіерей не имѣлъ заботы о завтракѣ. По установленному порядку, купечество въ его палатахъ хлопотало о роскошномъ угоженіи иссорилось между собою при решеніи вопроса, кому угождать. Ириней былъ строго разборчивъ въ выраженіи ему почитанія, требовалъ занимателнаго разговора и самъ не стѣснялся въ выраженіяхъ; если что не понравится, то наговорить укоризнъ и хозяину и гостямъ.

Богатѣйший купецъ Сибиряковъ упросилъ меня быть у него на обѣдѣ въ день престольного праздника въ его приходѣ. Не любилъ я этихъ безконечныхъ и жирныхъ купеческихъ обѣдовъ, но къ Сибирякову побѣжалъ. Посадили меня въ головѣ стола противъ Иринея. Я заговорилъ о великомъ значеніи приличія и соблюденія торжественности въ храмѣ и будто къ слову похвалилъ увлекательный голосъ архіерея и прочувствованныя имъ слова молитвъ. Все это видимо понравилось, и Ириней развеселился. Я тогда хорошо помнилъ Библію, начитался вольтеровщины, и мнѣ легко было занимать Иринея. Купцы были въ восторгѣ, что владыка былъ весель и не унижалъ ихъ сарказмами и колкостями. Благодарностей мнѣ было цѣлый коробъ. Сибиряковъ въ умиленіи прислалъ мнѣ въ подарокъ великолѣпный, яхонтового цвета, китайскій халатъ съ драконами. Послѣ этого, гдѣ только престольный праздникъ, тамъ богатый купецъ-прихожанинъ пріѣзжалъ просить меня обѣдать. Ириней любилъ поболтать о запретномъ, но конечно не нарушая важности своего сана, и самъ признавался мнѣ, что, при его пылкости, для отвращенія обуревающихъ его страстей носилъ фантанели на обѣихъ рукахъ. Духовенству было не подѣ силу переносить строгость владыки, и вотъ противъ него составилась коалиція. У генераль-губернатора была своя церковь и превосходные пѣвчие изъ казаковъ. Постоянные наговоры протопопа генераль-губернаторской церкви, преувеличенные до крайности рассказы о строгости Иринея, доходящей до странности, охладили Лавинскаго къ владыкѣ. Въ Иркутскѣ не было ни одного мѣста для гулянья, а между тѣмъ на берегу Ангары было большое порожнее мѣсто, на которомъ стояла церковь. Все мѣсто около церкви засадили кустарниками, сдѣлали дорожки, и вышло хорошо. Ириней по капризу возсталъ противъ устройства этого публичнаго гулянья, завелъ переписку о неприличіи гулянья около храма Господня. Эта переписка росла и довела его до ссоры съ губернаторомъ. Духовенство воспользово-

валось ею, и явились протесты духовенства: о неприличныхъ выраженияхъ Иринея во время служения. Въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней генераль-губернаторъ Лавинскій пріѣхалъ въ церковь въ особомъ мундирѣ, шитомъ золотомъ и установленномъ генераль-губернаторамъ для важности, когда они принимали китайскихъ посланниковъ, сидя подъ портретомъ государя. Служилъ обѣдню, конечно, владыко, и, по совершении таинствъ, священникъ выходя изъ алтаря съ книжкою для прочтения: «Благославляю, благословляющаго Господа»—по принятому обычаю, сдѣлалъ поклонъ генераль-губернатору. Только священникъ поклонился, какъ Ириней вернулъ его и спросилъ: кому онъ кланялся?

— Ты кланялся златому тельцу,—сказалъ онъ,—тогда какъ присутствуетъ въ церкви намѣстникъ Христа—на колѣна и сто поклоновъ!

Ириней произнесъ это очень громко, церковь была полна народомъ. Лавинскій отправилъ курьера съ донесеніемъ о поступкахъ Иринея, а послѣдній послалъ своего, съ заявлениемъ о притѣсненіи народа и о гнилой мукѣ, смѣшиваемой съ пескомъ и въ такомъ видѣ выдаваемой войску.

На донесеніе Лавинскаго послѣдовало высочайшее повелѣніе: Свѣноду вызвать Иринея въ Петербургъ, а генераль-губернатору озабочиться о спокойномъ путешествии архиепископа и для услугъ его дать на время пути одного изъ чиновниковъ особыхъ порученій. Указъ Свѣнода былъ печатный. Основываясь на законѣ, состоявшемся при Екатеринѣ, что если кто усомнится въ подлинности указа государева, тотъ имѣть право требовать повторенія, съ приложеніемъ печати, Ириней не призналъ указа настоящимъ и отказался исполнить его до повторенія.

Междудѣмъ, экипажъ для Иринея былъ приготовленъ, и чиновникъ Голубевъ командированъ для услугъ ему. Было ли то простое воскресеніе или праздникъ—не помню, но Голубевъ рано утромъ явился къ Иринею. Голубевъ былъ огромнаго роста, головою выше Иринея.

— Удачно выбрали такого молодца,—сказалъ Ириней;—у тебя довольно силы, чтобы дорогую задушить меня, а послѣ сказать, что я самъ себя убилъ,—это хороший способъ отѣлаться отъ меня. Если гражданское начальство писало противъ меня, то и я писалъ противъ гражданского начальства. Теперь я стою съ нимъ на одной доскѣ, и насть разсудить высшая власть, а потому я не считаю нужнымъ входить въ какія-либо сношенія съ гражданскимъ начальствомъ, а чтобы ты, моло-децъ, не могъ исполнить тайного порученія, то пойдемъ со мною.

Онъ взялъ Голубева крѣпко за руку и привезъ на унтеръ-офицерскій караулъ у воротъ города на выѣздѣ, гдѣ приказалъ арестовать его. Умный унтеръ отказалъ. Тогда архиерей повелъ Голубева на *

главную гауптвахту, вызвать карауль и объявить, что онъ, не подчиняясь гражданскому начальству, отдается подъ охрану начальства военнаго, и приказалъ арестовать Голубева, какъ злоумышлявшаго на него. Не разобравшій дѣла офицеръ арестовалъ Голубева. Правитель канцеляріи генераль-губернатора Кабратъ, случайно ъхавшій мимо, вздумалъ уговаривать Иринея, а тотъ и его приказалъ взять подъ арестъ. На эту исторію наѣхалъ я и, узнавши въ чемъ дѣло, поспѣшилъ къ Лавинскому и доложилъ ему. Лавинскій, надѣвъ вицъ-мундиръ и звѣзды, пошелъ со мною на гауптвахту, где Ириней разглагольствовалъ съ собравшимся народомъ, рассказывалъ о своихъ отношеніяхъ къ гражданской власти и что онъ не можетъ довѣрять этой власти, а отдается подъ защиту власти военной и всего народа, за которыхъ онъ заступникъ передъ государемъ. Онъ говорилъ народу громко съ увлечениемъ; волосы его были растрепаны. Лавинскій растерялся и, обратившись ко мнѣ, сказалъ одно слово: «привезите!» Времени терять было нельзя; видимо Ириней пошелъ на проломъ и рѣшился произвести народный бунтъ. Я сѣлъ на свои дрожки и поѣхалъ къ коменданту Покровскому. Онъ выслужился изъ кантонистовъ, дѣлалъ всѣ кампаніи, былъ известный рубака, дослужился до чина генераль-маиора, имѣть пропасть орденовъ русскихъ и иностранныхъ, всѣ ордена получилъ съ младшихъ степеней. Какъ видно, былъ храбрецъ, имѣть 15-ть ранъ, но и на самого храбраго нападаетъ иногда трусость—Покровскій струсили и говорилъ, что онъ боленъ.

— Я знаю, что вы больны,—сказалъ я рѣзко,—но я отвезу васъ мертваго; надѣвайте мундиръ, а не то и такъ повезу!

Покровскій надѣлъ мундиръ, сѣлъ на мои дрожки, и мы отправились. Дорогой, онъ меня опрашивалъ, что ему тамъ дѣлать? Я совѣтовалъ, чтобы онъ рѣшительно взялъ Иринея подъ свое покровительство и, высказавъ увѣренность въ его правотѣ, пригласилъ бы архіерея возвратиться въ свои кельи. Ириней все еще съ жаромъ проповѣдывалъ народу, который покрылъ всю площадь. Пока Лавинскій сказалъ нѣсколько словъ коменданту, я подошелъ къ Иринею и сказалъ ему шепотомъ, что онъ играетъ въ глупую игру. Тутъ подошелъ коменданть и взялъ его подъ свое покровительство и повелъ домой. Лавинскій и всѣ присутствовавшіе пошли за ними. Лишь только Ириней вошелъ въ свои комнаты, какъ явился коротенький, пузатый, съ короткими ногами и руками прокуроръ. Ириней обратился къ нему съ протестомъ, говорилъ добрыхъ полчаса съ жаромъ, но прокуроръ (жалѣю, забылъ его фамилію), выставивъ ножку впередъ, не шевельнуль глазомъ, не сказалъ и полслова, а стоялъ, какъ статуя. Ириней пересталъ говорить и отошелъ, прокуроръ повернулся на одной ножкѣ и тоже отошелъ. Не встрѣчая ни въ комъ участія,

Ириней пріунылъ, сталъ молчаливъ и понялъ, что дѣло его проиграно. Между прочимъ, къ монастырю или его дому, привели роту солдатъ. Мы все отправились къ Лавинскому, составили тамъ актъ всему происшествію и подписали, кажется, 130 человѣкъ служащихъ свидѣтелей; этотъ актъ съ курьеромъ былъ посланъ прямо къ государю.

Наступила зима. 6-го декабря былъ балъ у Лавинского. При на-
чалѣ бала, Лавинскій, серьезно проходя мимо, сказалъ:

— Идите въ кабинетъ, прикажите никого не пускать, займите гостей и распорядитесь, чтобы они были довольны.

Спустился я внизъ, въ кабинетъ, и нашелъ тамъ по-дорожному еще въ шубахъ трехъ человѣкъ. Я пригласилъ ихъ раздѣться, напоилъ чаемъ, узналъ въ пріѣхавшихъ флигель-адъютанта Гогеля, подполковника жандармовъ Брянчанинова и фельдѣгера капитана Иностранцева. Они пріѣхали по дѣлу Иринея, которое было принято въ Питерѣ весь-
ма серьезно. Спустя часъ, пришелъ и Лавинскій. Тутъ объяснилось, что Гогель привезъ собственноручный реескрипты Лавинскому, съ по-
велѣніемъ: отправить Иринея подъ надзоромъ Брянчанинова, какъ сказано въ указѣ Сунода. Въ послѣднемъ говорилось, что по разстрой-
ству умственныхъ способностей, архіепископъ Ириней помѣщается въ Прилуцкомъ монастырѣ, чѣмъ около Вологды, на дьячковскую вакансію.

Балъ шелъ на верху, а въ кабинетѣ уговаривались, какъ завтра объявить Иринею. Прибывшіе оставались секретомъ для всего Иркут-
ска и, кажется, имъ приказано было выѣхать въ городъ ночью.

На другой день, около 11-ти часовъ утра, собрались къ генераль-
губернатору всѣ старшіе чины Иркутска въ мундирахъ и отправи-
лись къ Иринею. Онъ принялъ прибывшихъ безъ смущенія. Флигель-
адъютантъ Гогель, въ присутствіи архіепископа, подалъ Лавинскому запе-
чатанный конвертъ съ реескриптомъ, который громко и прочиталъ Лавин-
скій, стоя. Потомъ, тотъ же Гогель подалъ запечатанный указъ Сунода. Все шло чинно, и Ириней не показывалъ тревоги. У дверей стоялъ фельдѣгерь Иностранцевъ. Ириней спокойно спросилъ: а это кто сто-
ить у дверей? Ему сказали, что это присланъ фельдѣгерь, для заготов-
ленія лошадей въ пути его. Ириней расхохотался и сказалъ:

— Полноте играть комедію наряженыхъ, вы, сочиняя комедію, забыли по формѣ нарядить фельдѣгера. Г-нъ фельдѣгерь, почему у васъ чер-
ное перо въ шляпѣ, у васъ по формѣ должно быть бѣлое перо! И этого маскарада не умѣли сочинить, ступайте все, довольно для меня забавы,
идите и дайте мнѣ покой.

Тогда только мы взглянули и увидѣли, что дѣйствительно перо въ
шляпѣ было черное; онъ объяснилъ, что свое бѣлое перо потерялъ дорогою,

а въ Иркутскъ—нѣть бѣлыхъ перьевъ, то онъ и взялъ у пѣхотнаго офицера. Но каковъ же Ириней? Каково присутствіе духа, какая смѣлая черта характера! Но тутъ Брянчаниновъ, почти саженнааго роста, видя наглость Иринея, что-то шепнулъ ему на ухо, тогда архіерей поблѣднѣлъ и покорился, просилъ показать ему подпись государя на рескрипціи, съ благоговѣніемъ сложилъ руки на груди и поцѣловалъ подпись.

Глухой, теплый и покойный возокъ быль готовъ скоро. Ночью Брянчаниновъ усадилъ Иринея, заперъ дверцы на ключь и взялъ его себѣ въ карманъ. По дорогѣ, запрещено было подходить къ возку, и Брянчаниновъ ни шагу не отступалъ отъ Иринея.

Лавинскій въ концѣ лѣта сказалъ мнѣ по секрету, что онъ около Рождества пойдетъ въ Питеръ и не вернется въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ собственно мнѣ жить было хорошо, но человѣкъ не однимъ хлѣбомъ сытъ бываетъ. Отецъ мой видно постарѣлъ, смягчился, звалъ къ себѣ, да и мнѣ хотѣлось окунуться въ омутъ столичной сути. У Лавинскаго я быль аккредитованъ, какъ пріятель; могу сказать, любимъ имъ, но пріѣдеть новый генераль-губернаторъ, какъ сойдусь съ нимъ, опѣнить ли онъ меня,—еще бабушка на-двое сказала. Всѣ эти соображенія рѣшили меня проситься о переводѣ въ Европу, чтѣ я и учинилъ, перекрестясь. Надѣясь на переводѣ въуваженіи долголѣтней моей службы въ Сибири, я занялся устройствомъ зимней повозки на 6.500 верстъ. Корабельные мастеровые сстроили мнѣ крытую и щегольскую повозку; она вся скрѣплена была болтами на винтахъ; вместо подрѣзей положены были цѣльныя полосы желѣза—помѣстительна, какъ корабль.

Въ позднюю осень пріѣхалъ на смѣну мнѣ лейтенантъ Николай Ву-
ковичъ Головинъ, я сдалъ ему адмиралтейство въ два дня. Выпалъ
первый снѣгъ, я съ сожалѣніемъ простился съ спокойною и довольною
жизнью въ Иркутскѣ, одѣвалъ всѣмъ визиты, благодарили за хлѣбъ за
соль. Лавинскій далъ мнѣ прощальный обѣдъ, приказалъ мнѣ явиться
къ нему въ Питеръ. Нагрузилъ я свой сухопутный корабль: соболями,
лисицами, бобрами, дареными чаемъ и, улегшись въ повозкѣ, отправился
въ путь. Что сказать о дорогѣ? Въ Сибири рѣки—какъ рукава, горы
упираются въ небо, долины не имѣютъ границъ, какъ горизонтъ моря,
лѣса—это неизвѣстные океаны. Выгоднѣе всего бхать на вольныхъ:
подѣлѣжаешь къ селу, у околицы встрѣчаютъ десятокъ и болѣе мужи-
ковъ, одѣтыхъ по-дорожному, сидѣть на коренныхъ лошадахъ въ хо-
мутахъ, выбирай любого; плата за тройку—5-ть коп. ассигн. на версту,
везутъ великолѣпно. Выбравъ мужика, подѣлѣжаешь къ его дому, са-
моваръ готовъ, рыбы, дичины, сметаны, меду—кушай, сколько душѣ
твоей угодно, хозяева не возьмутъ ни копѣйки.

Изъ Иркутска въ Москву я пріѣхалъ въ 17-й день, полагаю, курьеръ скорѣе не проѣдетъ. Отецъ мой былъ въ Москвѣ, онъ такъ обращался моему пріѣзу, что съ нимъ сдѣлалось дурно до обморока; но отъ радости, говорить, не умираютъ, поѣхали въ Золотилово. Въ двухъ съ половиною verstахъ отъ Золотилова находится монастырь Колодской Божией Матери; я зашелъ на могилу матери, и тутъ я до того расплакался, что меня сняли съ могилы безъ памяти. Съ тѣхъ поръ я ни на одну могилу близкихъ мнѣ не хожу, потому что не могу на могилѣ управлять своими чувствами. У меня были два брата во флотѣ, лейтенанты, и четыре сестры дѣвицы, всѣ родились безъ меня. Сестры бросились меня цѣловать, но когда я, шутя, сказалъ, что братецъ ихъ скоро пріѣдетъ, а я—его товарищъ, онѣ ударились въ слезы: можно ли сдѣлать такой проступок—цѣловать чужаго человѣка? Насилу утѣшилъ ихъ. Какъ-то я упомянулъ слово чортъ, онѣ всѣ поблѣднѣли, какъ полотно, и поглядѣли со страхомъ на печку, не вылезетъ ли онъ, такъ какъ имъ всегда говорили, что чортъ живеть за печкою, вотъ какая патріархальность въ Золотиловѣ! Разгружая повозку, я просилъ свѣсить кладь, оказалось 40 пуд. Привезъ молодыхъ медвѣдей на шубу отцу, сестрамъ по лисьему и бѣличьему мѣху, осетровъ отцу и подарилъ ему повозку, которая дошла безъ починки. Всѣ были счастливы и довольны, особенно чванился шубою мой отецъ, а того не знать, что о медвѣдѣ въ Камчаткѣ вытираютъ ноги, и у меня былъ коверъ на полу во всю комнату, во въ Золотиловѣ завидовали отцу. Въ Золотиловѣ я прожилъ мѣсяцъ и отправился изъ Москвы на долгихъ въ Питеръ. Во время пребыванія въ Золотиловѣ всякий день пріѣзжали какіе-то родные, но кто они, я не зналъ и, даря каждому и каждой какую-нибудь вещицу изъ Екатеринбургскихъ камней, я не досчитался около 300 штукъ.

Въ Москвѣ не видѣть знакомаго два дня — посыпаютъ узнать о здоровье и охають, узнавъ о смерти его. Въ Питерѣ не видѣть знакомаго годъ, и никто не вспомнить; скажутъ: умеръ—отвѣтать: то-то его давно не видѣть, и болѣе ни слова. Вотъ разница между Москвою и Питеромъ.

Въ Москвѣ жилъ въ отставкѣ Алексѣй Осиповичъ Поздѣевъ, онъ былъ моимъ корпуснымъ офицеромъ. Довольно необыкновенному моему имени я обязанъ, что меня почти всѣ называли не по фамиліи, а просто Эразмъ. Однажды, я очень заѣхалъ и, будто по неспособности къ наукамъ, перешелъ въ Артиллерійскій классъ (морская артиллерія гораздо ниже флота). При проходѣ по классамъ дежурнаго офицера, учитель вызывалъ обыкновенно бойкаго ученика. Я былъ вызванъ къ доскѣ и отвѣчалъ очень бойко. Поздѣевъ обратилъ вниманіе и спроилъ: Какой это классъ? Ему отвѣчали: Артиллерійскій.

- Какъ же ты, Эразмъ, попалъ сюда?
- По неспособности къ наукамъ, Алексѣй Осиповичъ.
- Вотъ какъ! Я не зналъ, явись-ка въ дежурную.

Я явился, и онъ отлично выскъ мена. Если бы не Поздѣевъ, то карьера службы моей была бы другая. Я многое припомнилъ и поѣхалъ къ почтенному благодѣтелю. Онъ былъ уже старикъ, извѣстенъ глубокою ученостю и какъ глава масоновъ въ Москвѣ. Поздѣевъ имѣлъ свой домъ у Сухаревой башни, быть холостъ, принялъ меня съ болѣшою радостью въ комнатѣ, полной масонскихъ знаковъ.

Москва вообще мнѣ не понравилась: это какой-то беспорядочный го-родъ. Высшее общество состоитъ изъ беззубыхъ противниковъ прави-тельства, безцѣльно болтающихъ и много кушающихъ. Лучше бы хотѣлъ жить въ Иркутскѣ, чѣмъ въ Москвѣ.

Изъ Москвы я ѻхалъ самыемъ скромнымъ образомъ, останавливался на постоянныхъ дворахъ, пилъ, ѻль съ ямщиками, хотѣлъ пожить жизнью русскаго народа и видѣть гомерическіе обѣды. Трудно вѣрить, что съѣдаются русскіе люди. лхалъ 10 дней на однѣхъ лошадяхъ.

Питеръ—это омуть политической жизни, Питеръ—піявка Руси: онъ поглощаетъ труды народа и возвращается только крайне необходимое. Изъ Питера, какъ изъ солнца, вытекаютъ лучи свѣта и тепла во всѣ концы громаднаго царства. Въ Питерѣ кипитъ жизнь одного дня, завтра забывается сегодня, всякий ловить, что можетъ поймать; пропустилъ моментъ, не поймалъ, мѣсяцы и годы не дождешься. Въ Питерѣ нѣть родныхъ и друзей; тамъ каждому до себя и только для себя. Въ Питерѣ громадные дома, памятники, люди—но все такъ хо-лодно и люди безучастны, какъ дома и памятники. Умѣй сдѣлаться необходимымъ, умѣй выдвинуться изъ толпы—на тебя обратятъ вни-маніе, и тогда хватай, лови, пока не остыло вниманіе; отодвинулся на задній планъ, ты забыть, ты не существуешь, твоё мѣсто занято, и его не возвратишь.

Оставилъ я Питеръ чуть не юношою. Ласкавшая меня болѣе всѣхъ Анна Петровна Бунина давно умерла, братъ ея давно въ отставкѣ, со-шелъ со сцены общественныхъ забавъ; аристократы поумирали, про-жились и разѣхались въ оставшіяся непроданными съ аукціона дере-вни, и тамъ, забытые свѣтомъ, доканчивали жизнь, услаждаясь вос-поминаніемъ своего значенія. Питеръ былъ для меня новымъ горо-домъ, и я вѣржалъ въ него новымъ человѣкомъ въ 1833-мъ году на масляницѣ.

Живя въ Камчаткѣ, я такъ одичалъ, что не зналъ даже, что могу послать деньги прямо въ Опекунскій совѣтъ, а полагалъ, что для того

надо быть лично въ совѣтѣ. Поэтому накоплявшіяся деньги, время отъ времени, я высыпалъ къ Бунину, прося его положить въ совѣтъ, и, въ разное время, высыпалъ 20-ть тысячъ рублей. Явясь къ Бунину прежде столь блестящему, нашелъ его бѣднымъ старикомъ. Безъ меня онъ успѣлъ жениться, нажитъ четырехъ дочерей и овдовѣть, промотался, былъ безъ должности, перебивался, дѣмая долги. Увидѣвъ меня, онъ непрітворно обрадовался, и не мудрено, онъ зналъ меня ребенкомъ и юношой, а теперь видѣлъ возмужалымъ штабъ-офицеромъ. Послѣ первыхъ изліяній, я просилъ его отдать мнѣ билеты на мои деньги. Бунинъ вышелъ въ другую комнату, вывелъ ко мнѣ четырехъ малолѣтнихъ дочерей и сталъ съ ними предо мной на колѣна, сознаваясь, что по крайней необходимости—мои деньги всѣ издержалъ. Комедія была эффектна, но мнѣ отъ того было не легче; кончилось тѣмъ, что Бунинъ далъ мнѣ заемныя письма, которыхъ и теперь валяются у меня, а 20-ть тысячъ, сбереженные моими лишеніями, прошли. Бунина я могъ бы преслѣдовать, но чтѣ я могъ получить съ нищаго? При томъ же, память моя рисовала, что Бунинъ былъ благотворною причиной того, что я могъ нажитъ эти деньги, что еслибъ не Бунинъ, то, вѣроятно, я зачахъ бы писцомъ уѣзднаго суда въ Можайскѣ.

Бунинъ хотя и впалъ въ ничтожество, но старыхъ связей не прервалъ. Онъ познакомилъ меня въ нѣсколькихъ порядочныхъ домахъ, у вице-губернатора Желѣзнова, у адмираловъ стариковъ, у нѣсколькихъ частныхъ лицъ, которыхъ я теперь и фамилии забылъ. Важно было попасть мнѣ въ какое-нибудь общество, а тамъ я самъ проложилъ себѣ дорогу и сумѣлъ не быть лишнимъ. Женщины всегда и вездѣ были моими любимыми твореніями, съ ними у меня всегда шло ладно, съ ними я былъ всегда любезенъ, всегда начиналъ со старухъ и переходилъ къ молодымъ. Всѣ меня ласкали и прославляли.

Осмотрѣвшись и экипировавшись прилично, явился я въ морской инспекторскій департаментъ. Тамъ удивились, что я такъ долго ни къ кому не являлся по службѣ, и хотѣли сдѣлать изъ этого исторію; но я притворился одичавшимъ, забывшимъ служебные порядки. Помню, принялъ участіе во мнѣ директоръ департамента, контр-адмиралъ Лермонтовъ. Онъ потребовалъ, чтобы и завтра же явился къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, тогда бывшему морскимъ министромъ. Я зналъ, что отъ первого впечатлѣнія у князя будетъ зависѣть мое будущее во флотѣ; лучше скажу, я еще въ Иркутскѣ и въ дорогѣ много обѣ этомъ думалъ. Не скажу, чтобы я совершенно спокойно вошелъ къ князю. Бездна анекдотовъ и разсказовъ о немъ составили смутное понятіе въ моей головѣ обѣ его свѣтлости, но я держался пословицы моего отца «Богъ не выдастъ, — свинья не сѣсть».

Князь жилъ въ домѣ на Английской набережной. Кабинетъ его былъ въ большой комнатѣ, по стѣнамъ которой стояло много отдельныхъ столовъ, заваленныхъ бумагами. Послѣ я узналъ, что каждый столъ былъ назначенъ особому управлению, такъ какъ князь много имѣлъ должностей: онъ былъ генераль-губернаторъ Финляндіи, главнокомандующій всѣхъ войскъ, тамъ расположенныхъ, участвовалъ во многихъ комитетахъ и проч. и проч. Эта гениальная голова переходила отъ стола къ столу и равно легко занималась самыми разнообразными предметами.

Князь былъ съ меня ростомъ, обстриженъ подъ гребенку, ни усовъ, ни бакеновъ не было. Одѣть онъ былъ въ старый форменный сюртукъ—безъ эполетъ и всегда застегнутъ. Онъ скорѣе былъ худощавъ; глаза живые, голубые, почти никогда не смотрѣлъ на говорящаго, слушалъ очень внимательно. Лишь только я вошелъ, князь поднялся со стула у одного изъ столовъ и лѣниво подошелъ ко мнѣ. Первое, чѣмъ поразило меня—постоянная непрѣятная улыбка князя, никогда не сходившая съ его лица. Я сказалъ, что прибылъ изъ Камчатки. Онъ отвѣтилъ, что помнить, какъ я долго служилъ тамъ, и что я былъ въ Иркутскѣ. Память князя была изумительна, онъ не могъ забыть никакой мелочи—это былъ цѣлый архивъ и дипломатіи и исторіи всего свѣта, человѣкъ очень острый. Я стоялъ передъ княземъ и излагалъ ему мои проекты, которыхъ я подготовилъ нѣсколько, напримѣръ: объ уничтоженіи адмиралтейства въ Иркутскѣ и флотилии на Байкалѣ и проч. Князь слушалъ меня со вниманіемъ, разматывалъ меня, какъ клубокъ, держа крѣпко въ рукахъ нитку; я опасался не удовлетворить его, — тогда вся моя затѣя пойдетъ прахомъ. Поэтому я придумалъ замолчать на довольно интересномъ мѣстѣ; князь, тоже помолчавъ, сказалъ:

- Продолжайте, я васъ слушаю.
- Не могу, ваша свѣтлость.
- Отчего?
- Вы очень умны, и я чувствую свое ничтожество. Я въ жизни не говорилъ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы.
- Ну, я буду молчать, а вы говорите.
- Не могу, ваша свѣтлость, у меня совершенно пусто въ головѣ, я никогда не испыталъ подобного состоянія, извините, я не могу болѣе говорить съ вами, я столько лѣтъ не видалъ глубоко ученыхъ людей.
- Ну, я вижу, что вы одичали; поживите въ Петербургѣ, ходите ко мнѣ по четвергамъ пить чай, прощайте.

Сошло съ рукъ лучше, чѣмъ я ожидалъ; ловкая лесть никогда не измѣняла мнѣ. Мнѣ нужно было пожить въ Питерѣ, чего я и достигъ, и достичь того, что обратилъ вниманіе князя. По четвергамъ я ходилъ къ

князю на чай, у него бывали только его адъютанты—все юноши и еще два, три юных мичмана. Кроме двух чашек чая мы ничего не получали. Князь был прост в обращении, шутил с мальчишками, дразнил их и без церемоний говорил: «прощайте!»

Прошло больше месяца, а я живу в Питерѣ, хотя мой экипажъ был въ Кронштадтѣ, куда я боялся окунуться, какъ въ мутный омутъ. Прихожу разъ въ департаментъ. Тогда былъ построенъ великолѣпный пароходъ «Александрия» для государыни. Въ департаментѣ мнѣ показали, что князь своею рукою назначилъ меня командиромъ парохода. Я сообразилъ, что эта служба не по мнѣ, и прямо сказалъ директору, что не хочу такого назначения. Онъ мнѣ замѣтилъ, что всякий сочтетъ за счастіе быть командиромъ такого прекраснаго парохода, и что теперь перемѣнить уже нельзя. Я тутъ же, въ департаментѣ, написалъ къ князю, благодарили его за назначеніе, но просилъ его уволить меня. Директоръ упрашивалъ не посыпать письма, потому что не было примѣра, чтобы кто осмѣился такъ писать къ князю. Я, напротивъ, просилъ директора подать мое письмо, думая, что иногда дерзость даетъ успѣхъ, особенно у такого человѣка, какъ князь. И действительно, прочитавъ письмо, князь улыбнулся и сказалъ: «вишь, камчадалъ!»

Не помню, черезъ сколько времени позвалъ меня князь и сталъ продолжать вопросы, именно съ того пункта, на которомъ я замолчалъ первый разъ. Я поговорилъ немножко, но опять признался, что мнѣ очень трудно говорить съ нимъ.

— Ну, такъ какъ же намъ объясниться?—спросилъ онъ.

— Дозвольте, ваша свѣтлость, мнѣ написать,—отвѣчалъ я.

— А, такъ вы литераторъ?

— Нѣть, ваша свѣтлость, но, писавши, я буду свободенъ отъ вашихъ глубоко логическихъ вопросовъ.

— Хорошо, пишите, только не стихами, въ нихъ я ничего не понимаю.

Проекты у меня были готовы еще прежде. На другой день я принесъ порядочную тетрадь къ князю. Тутъ я видѣлъ, какъ изумительно быстро онъ читаетъ, почти безъостановочно перевертывалъ листъ за листомъ и, кажется, остался доволенъ.

Прочитавъ, онъ со своею всѣмъ извѣстною улыбкою, сказалъ мнѣ:

— Ни я, ни вы, мы не можемъ хорошо понять пользы вашего предположенія, а знаете ли вы Совѣтъ адмиралтейства?

— Нѣть.

— Такъ я вамъ скажу; тамъ сидѣть первые мудрецы, это собраніе умнѣйшихъ головъ, они все знаютъ. Завтра, я пошлю къ нимъ вашу записку на обсужденіе; что они скажутъ, того уже никто не перемѣнить. Явитесь завтра въ Совѣтъ, да не робѣйте.

На другой день я явился въ Совѣтъ и нашелъ тамъ: Головина и Васильева, знакомыхъ мнѣ по Камчаткѣ. Оба узнали меня, приняли ласково, какъ знакомаго, и спросили: чего я хочу? Я откровенно сказалъ, что хочу пожить въ Питерѣ. Совѣтъ сдѣлалъ постановленіе: разсмотрѣть въ очередь проекты Стогова, но, для необходимыхъ объясненій, предписать ему не отлучаться изъ Петербурга, а для жительства выдать департаменту билетъ. Вотъ какъ ловко и удачно устроились мои служебныя дѣла. Мнѣ не хотѣлосьѣхать въ Кронштадтъ, а жить въ Питербургѣ болѣе недѣли—не позволялось.

Какъ же устроилась моя жизнь въ Питерѣ? Соболей, лисицъ, бобровъ я продалъ, и оказалось у меня болѣе 20.000 руб. ассигнаціями. Я рѣшилъ: за постъ и дѣту въ удовольствіяхъ, живя въ Сибири, выпить полную чашу доступнаго наслажденія. Я былъ каждый день въ театрѣ, и тутъ памятная мнѣ удача. Разъ прихожу взять билетъ, продающей говорить:

- Только остались билеты въ заднихъ рядахъ.
- Дѣлать нечего, пожалуйте.
- Какъ прикажете васъ записать?

Я сказалъ свою фамилію.

— Позвольте васъ спросить: не родственникъ ли вамъ Стоговъ, капитанъ артиллеріи?

- Да, родственникъ.
- Ахъ, батюшка, такъ позвольте намъ счастіемъ своими.
- Душевно радъ. И подалъ руку.
- Такъ позвольте вашъ билетъ. Вотъ вамъ во второмъ ряду, да когда угодно быть вамъ въ театрѣ, то всегда можете получить даровой билетъ.

Я еще пожалъ плутовскую руку и, любезно благодаря, принялъ предложеніе. Конечно, мнѣ не нужно объяснять, что никакого родственника Стогова я не зналъ и не встречалъ. Эта глупая штука пригодилась мнѣ болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Пріѣхала въ Питеръ тогдашняя европейская знаменитость, трагическая актриса, Вань-Гагенъ. Заволновался Питеръ. Помню, первая пьеса шла: «Донъ-Карлосъ», трагедія Шиллера. За мѣста въ театрѣ платили вдесятеро. Хотя я и не понималъ ничего по-нѣмецки, но нельзя было не посмотреть на знаменитость и на публику. Я нашелъ себѣ мѣсто въ ложѣ сибирскаго откупщика Пономарева, хорошаго моего приятеля. Въ день представлѣнія, вечеромъ, я пью чай у директора департамента Лермонтова и вижу, что всѣ страшно суетятся. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ уже два дня хлопоталъ достать ложу въ театрѣ и не могъ. Время подходилоѣхать въ театръ, надежды потеряны. Я подумалъ, дай попробую воспользоваться покровителемъ.

ствомъ родственника: написалъ саму ласковую записку и просилъ роднаго не отказать въ какой-нибудь ложѣ и приложилъ деньги. Каково же было удивленіе, когда возвратившійся курьеръ привезъ билетъ на помру, а на запискѣ было написано: «для роднаго послѣдняя». Это показалось всѣмъ чѣмъ-то магическимъ; жена Лермонтова чуть не цѣловала меня, а мужъ клялся, что все для меня сдѣлаетъ, и сдѣлалъ, какъ видно будеть послѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Запрещеніе устраиватъ императору встрѣчи.

Рескрипти новгородскому гражданскому губернатору Обольянинову.

1-го сентября 1801 г. Чудово.

Хотя передъ настоящимъ путешествиемъ моимъ объявлено было по всемѣстно приказаніе, чтобы по дорогѣ ни встрѣчъ для меня, ниже другихъ особыхъ приготовленій, излишнюю тягость обывателей составляющихъ, не было; однако же не избѣжалъ я неудовольствія видѣть зажженные по обѣимъ сторонамъ дороги огни. Каковая иллюминація продолжалась на цѣломъ 16-ти верстномъ разстояніи къ Чудову и сколько сама по себѣ была бесполезна, столь наипаче тягостна жителямъ, къ ней употребленнымъ, а въ селеніяхъ даже подвергала опасности пожара. Давая вамъ предварительно знать, что подобныя распоряженія, вопреки воли моей учиненные, для меня не угодны, я требую, чтобы оныхъ тотчасъ отмѣнены были не только въ губерніи, вамъ порученной, но чтобы вы извѣстили о семъ и сосѣднюю, Тверскую, дабы и тамъ равномѣрно никакихъ излишностей не было, а иначе начальники губерній будутъ въ томъ отвѣтствовать неминуемо.

Къ біографіи Н. М. Языкова.

Годы студенчества.

1.

Въ концѣ 1822 года, послѣ нѣсколькихъ неудачъ въ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, прибылъ въ Дерптъ для приготовленія къ университетскому экзамену девятнадцатилѣтній юноша Н. М. Языковъ. Онъ уже съ успѣхомъ началъ печатать стихотворенія въ журналахъ, чо въ своемъ домашнемъ кругу чувствовалъ и держалъ себя не привыкшъ къ самостоятельности подросткомъ. Въ семьѣ дотого пріучили его къ строжайшему и безпрекословному подчиненію старшимъ, что даже въ выборѣ для него учебныхъ заведеній соображались не съ личными его наклонностями, а съ примѣромъ его старшихъ братьевъ. Отсюда, конечно, и происходили его постоянныя школьныя неудачи, къ которымъ онъ наконецъ привыкъ дотого, что ни мало имъ не смущался.

При необыкновенномъ добродушіи юнаго поэта и величайшемъ отвращеніи его къ серьезнымъ заботамъ, онъ и не думалъ тяготиться такой строгой зависимостью, считая ее для себя необходимой, чтѣ и было справедливо, потому что странная система воспитанія убила въ немъ всякое стремленіе къ самостоятельности. Онъ нисколько не старался скрывать своего легкомысленнаго, почти дѣтскаго отношенія къ жизни и къ тѣмъ учебнымъ занятіямъ, которыхъ требовали отъ него хотя малѣйшаго напряженія. Охотно читая многія историческія сочиненія и произведенія русской и иностранной литературы, онъ чистосердечно признавался въ нелюбви къ геометріи. «Дѣлать нечего: скрѣпляюсь духомъ и черчу геометрическія фигуры... Сколько стиховъ отняла у ме-

ня богиня чисель и прочаго математического!.. Но Богъ съ ней: я думаю, она и сама не рада бесѣдоватъ съ человѣкомъ, который не радъ ей».

Откровенный юноша держалъ себя на распашку и не маскировалъ своей лѣни и беспечности, которыми зарекомендовали себя до такой степени, что всѣ, кто его зналъ, единодушно сходились въ томъ, что ему необходима самая заботливая опека. Всей душой привязавшися къ нему студентъ Свербеевъ, у которого онъ временно пріютился послѣ отѣзда братьевъ на родину, настоятельно высказывалъ убѣжденіе, что предоставлять ему свободу очень опасно. Къ счастью, онъ и не стремился къ ней, и когда послѣ отѣзда Свербеева за границу, ему представился случай воспользоваться ею, онъ сильно тяготился своимъ не-простроеннымъ положеніемъ и былъ въ восторгѣ, когда счастливая звѣзда выручила его изъ затрудненія: дерптскій лекторъ русского языка и журналистъ Воейковъ, редакторъ «Новостей Литературы», оцѣнивъ поэтическій талантъ Языкова и желая имѣть его сотрудникомъ, пригласилъ его въ Дерптъ. Этотъ проектъ былъ съ радостью принять и одобренъ на родственномъ совѣтѣ въ виду тогдашней высокой репутаціи Дерптскаго университета, и оставалось поскорѣе осуществить его. Но не такова была натура юнаго эпикурейца, чтобы спѣшить исполненіемъ задуманнаго, и прошло еще не мало времени до отѣзда его въ Дерптъ.

II.

Съ дерптскимъ періодомъ жизни Языкова справедливо соединяютъ представленіе о самой безшабашной и разгульной жизни. Поэтому счи-таемъ не лишнимъ разсказать о томъ, что онъ далеко не сразу вошелъ во вкусъ студенческаго разгула и даже сначала отзывался о немъ съ рѣзкимъ и нескрываемымъ порицаніемъ, такъ что совершившееся въ немъ внезапное превращеніе въ распущенаго бурша можетъ быть объяснено единственno крайней неустойчивостью и нетвердостью его характера.

Сперва это просто былъ юноша жизнерадостный, веселый, беспечный, большой охотникъ поболтать и повеселиться въ обществѣ, острый на языкъ, но безъ малѣйшей желчи. Его рѣзкія сужденія, облеченные въ забавную юмористическую форму и искрашіяся молодымъ игри-вымъ остроуміемъ, поражали мѣткостью и неожиданностью, а такъ какъ, при своемъ мягкому и добродушному характерѣ, онъ никого не хотѣлъ задѣвать, то ничто не мѣшало любоваться блестящимъ фейервер-комъ его дешевой, но не ядовитой шутливости. Особенно было въ его обычай выставлять на видъ всякую фальшь и приподнятый тонъ; такъ,

прочитавъ въ одной изъ біографій И. И. Дмитріева напыщенную фразу: «Симбирскъ отличался всегда передъ прочими губернскими городами успѣхами въ общежитіи и свѣтской образованности», Языковъ, находя забавнымъ такое реторическое заявленіе о своемъ родномъ городѣ, не удержался отъ восклицанія: «ежели это правда, то что же за дрянь эти прочіе губернскіе города!»... Легкомысленность многихъ его суждений до нѣкоторой степени скрашивалась его находчивостью и рѣдкой начитанностью; при томъ онъ былъ, несомнѣнно, весьма даровитъ и мастеръ вести живую и занимательную бесѣду, въ которой всегда свѣтился большой природный умъ. Благодаря указаннымъ свойствамъ, онъ чрезвычайно легко сходился съ людьми, особенно съ такими же молодыми и беспечными, какъ онъ самъ, и незамѣтно и быстро умѣлъ привлекать ихъ къ себѣ. При такихъ задаткахъ изъ него могъ бы выдти, пожалуй, человѣкъ серьезный и полезный, съ благотворнымъ вліяніемъ на другихъ, если бы онъ вѣ-время получилъ лучшее направленіе; но съ другой стороны несомнѣнно, что уже съ самаго начала у него было много данихъ и для той самой роли, которая вскорѣ выпала ему среди дерптской молодежи, откуда онъ могъ почерпнуть столько же хорошаго, сколько и дурнаго, если бы несчастный, неустойчивый характеръ его не далъ перевѣса именно наименѣе желательнымъ вліяніямъ. Но пока онъ привезъ съ собой отголоски иного круга и иныхъ впечатлѣній.

III.

Въ посѣданіе мѣсяцы своей петербургской жизни Языковъ до самозабвенія предавался театру. Его впечатлительная, увлекающаяся душа была исполнена благоговѣнія къ корифеямъ сцены, Карагыгину и Семеновой, и, можетъ быть, потому-то именно ему и не хотѣлось скоро оставить столицу. Въ его первыхъ дерптскихъ письмахъ особенно ярки и свѣжіи слѣды петербургскихъ театральныхъ впечатлѣній. Между прочимъ онъ сильно волновался однажды слухомъ о заключенії (будто бы по доносу извѣстнаго генерала Милорадовича) тогдашняго кумира молодежи, В. А. Карагыгина за то, что онъ, не замѣтивъ по разсѣянности проходившаго мимо своего бывшаго начальника, экодиректора Шаховского, не подошелъ къ нему навстрѣчу. Но особенно занимали Языкова разные анекдоты и забавные приключения, которые онъ любилъ передавать въ юмористическомъ видѣ. Такъ онъ писалъ однажды: «Недавно въ театрѣ случилось непріятное приключение съ С*.; онъ пришелъ въ кресла, исполненный Бахуса, и завелъ такую хлопотню (апплодированіе) руками и такой крикъ изустный, что его на другой день отправили въ крѣпость святыхъ Петра и Павла. При семъ

случаѣ онъ публично и даже неблагопристойно разбранилъ въ театрѣ одного чиновника министерства инквизиціи и, какъ говорятьъ, за это будеть впередь до повелѣнія высочайшаго подъ спудомъ».

Таковъ былъ Языковъ до переселенія своего въ Дерптъ; воѣ мысли его были прикованы къ театру, любимымъ его времяпровожденіемъ было посѣщеніе знакомыхъ домовъ и радушный пріемъ гостей у себя, но онъ пока не успѣлъ отвыкнуть отъ семейнаго режима и его совсѣмъ не тануло тогда къ пирушкамъ и вакханалиямъ.

IV.

Первое время по пріѣздѣ въ Дерптъ, Николай Михайловичъ чувствовалъ тоску одиночества и сильно тяготился чуждой обстановкой, по обыкновенію ожидая выхода изъ затрудненій отъ своихъ старшихъ братьевъ. Полтора мѣсяца въ сильнейшемъ беспокойствѣ посыпалъ онъ къ нимъ письмо за письмомъ, прося совѣтовъ, какъ поступить съ собой, какую напечь квартиру; умолялъ, чтобы къ нему пріѣхала мать. Тутъ въ первый разъ, оставшись безъ привычнаго руководительства, нашъ юноша вкусили горечи житейскихъ заботъ и чувствовалъ себя какъ ракъ на мели. Прежде регламентировали каждый его шагъ—и вдругъ бросили въ самое трудное время. Всѣ письма упорно оставлялись безъ отвѣта, какъ послѣ объяснилось, потому, что старшій братъ, Петръ Михайловичъ, известный минералогъ, только что избранный въ почетные члены Московскаго общества испытателей природы и задумавшій жениться, съ одной стороны былъ усиленно поглощень учеными трудами, а съ другой—предстоявшей свадьбой. Не зная, какъ возвратить себѣ попеченія неожиданно прекратившаго переписку брата, Языковъ такъ писалъ Петру Михайловичу: «Не стану упрекать васъ, любезнѣйшій братецъ, въ неответѣтности на письма мои, ибо теперь совершенно увѣрился въ напрасности такого труда. Не стану просить васъ писать хотя понемногу, ибо недѣйствительность многихъ прошений по сей части убѣждаетъ, что вы не умилостивились бы и тогда, когда бы я втрое болѣе потерялъ крови, досаду на ваше Единому Всевѣдцу постижимое молчаніе. Богъ да разсудить насть въ семъ случаѣ, и надѣюсь, что на вѣсахъ правды я получу преимущество: на моей сторонѣ лежитъ огромный пукъ писемъ, а на вашей только одно письмо, если можно назвать симъ именемъ каталогъ сѣмья».

До какой степени томительное ожиданіе удручило юношу, видно изъ его отчаянныхъ сѣтованій на невыносимость неопределеннаго положенія; онъ съ горечью ропщетъ между прочимъ на то, что, пріискавая себѣ квартиру, онъ всюду высматриваетъ афиши на столбахъ, но все-таки

не знать, на что рѣшиться, «ибо», прибавляетъ онъ, «не имѣю чести знать, что вы думаете, когда молчите».

Приведенные строки достаточно рисуютъ растерянность Языкова, совсѣмъ не обрадовавшагося тому, что слѣпой случай, на первыхъ же порахъ его дерптской жизни, предоставилъ ему ту самую свободу, которую для него считали такой опасной и гибельной, и которой онъ самъ боялся больше огня. Но вскорѣ, благодаря рекомендациіи Воейкова, ему удалось помѣститься у почтеннаго профессора Борга, который отъ души полюбилъ веселаго и общительнаго юношу, сразу ставшаго въ его семействѣ пріятнымъ домашнимъ человѣкомъ. Будучи поженъ Языкову практикой въ нѣмецкомъ языкѣ, Боргъ, въ свою очередь, нашелъ неоцѣненный кладь въ своемъ молодомъ другѣ, помогавшемъ ему въ изученіи русской литературы. Послѣднюю Боргъ зналъ уже хорошо для иностранца, но желалъ усовершенствовать свои познанія въ этой области и получше овладѣть русскимъ языкомъ. Но главное, Языковъ, при своихъ хорошихъ средствахъ, не затруднялся выписывать русскія книги изъ Петербурга, а въ тѣ времена въ Дерпѣ было чрезвычайно трудно доставать ихъ, не исключая даже расходившейся тѣда въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ «Исторіи государства Россійскаго».

V.

Едва свалилась съ плечъ Языкова забота обѣ устройствѣ въ чуждомъ городѣ, какъ его настроеніе снова начинаетъ дышать беззаботнымъ ликованіемъ, не смотря даже на то, что нѣкоторое время все еще чувствовалось порой, что сообщительный юноша тяготится незнаніемъ нѣмецкаго языка, вслѣдствіе чего, даже по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ прїзыва, онъ признавался, что нравы дерптскіе ему мало извѣсты. Пока онъ ограничивался тѣмъ, что присматривался къ нимъ со стороны и съ свойственнымъ ему лукавымъ добродушіемъ подмѣчалъ слабыя стороны нѣмцевъ и относился къ нимъ юмористически.

По поводу посыщенія нѣсколькихъ рекомендованныхъ ему Боргомъ семействъ Языковъ замѣтилъ: «Главная черта здѣшнихъ жителей— трубки и пиво». Подшучивалъ онъ и надъ некрасивыми дерптскими девушкиами:

„По чести, попрекнуть нельзя
Красавицъ здѣшнихъ недостаткомъ:
У каждой изъ носу, друзья,
Два носа выкроишь съ остаткомъ“.

Но ему нравилась скромность замужнихъ женщинъ: «Мнѣ особенно нравятся нѣмецкія жены: они чрезвычайно любятъ мужей своихъ и всеѣ хорошія хозяйки; образованы, веселы».

*

Поселившись у Борга, Языковъ, казалось, попалъ въ надежные руки, но это обстоятельство только напрасно усыпало блитительность братьевъ. На первыхъ порахъ онъ былъ въ великому восторгѣ отъ своихъ хозяевъ и не безъ самодовольствія писалъ: «Я здѣсь живу по-нѣмецки; мнѣ очень нравится эта жизнь, и не опасаюсь скучи, не смотря на малое число знакомыхъ». Очень возможно, что, при гибкости оного характера и чрезвычайной привязанности, Языкову хотя отчасти удалось бы втянуться въ скромную трудовую жизнь почтенной нѣмецкой семьи, которой интересы были ему не чужды. Въ домѣ Борга Языковъ съ упоенiemъ предавался чтенiu Шиллера, особенно его «Донъ Карлоса». Однажды онъ писалъ одному изъ братьевъ: «Торжественно и радостно объявляю тебѣ—что бы ты думалъ? Вѣрю, какое-нибудь новое произведение неугомонной музы твоего поэта-молокососа? Нѣтъ! Вѣрю, вступленіе въ университетъ? Нѣтъ!.. Чѣмъ же? А вотъ въ чемъ дѣло: это стоять дороже, это важнѣе, пріятнѣе и восхитительнѣе для меня всѣхъ моихъ настоящихъ и прошедшихъ произведеній, всѣхъ возможныхъ вступленій въ университетъ, всѣхъ степеней ученыхъ... Это... это... я читаю «Донъ Карлоса»! «Донъ Карлоса»!

Итакъ дѣло пошло хорошо, но на бѣду Боргъ былъ страшно заваленъ служебными обязанностями, такъ что молодому поэту скоро пришлось съ грустью убѣдиться, что, не смотря на жизнь въ нѣмецкомъ семействѣ, практика въ языкахъ все-таки подвигается туго, такъ что приходилось убивать время въ ежедневныхъ упражненіяхъ съ же-ной Борга въ пикетъ и другія карточныя игры исключительно ради разговора. И вотъ, вмѣсто приготовленій къ экзамену, онъ, по своему пылкому темпераменту, началъ увлекаться «этой женщиной хорошей и тѣлесно и нравственно».

Пришлось подумать о пріисканіи себѣ новой квартиры. А тутъ какъ нарочно одинъ знакомый нѣмецъ, желая самъ поучиться по-русски, предложилъ Языкову поселиться вмѣстѣ въ интересахъ взаимнаго обученія.

Рѣшивъ такимъ образомъ перейти отъ Борга на отдѣльную квартиру и устроиться независимо, Николай Михайловичъ, какъ всѣ слабохарактерные люди, напускаетъ на себя развязность и категорически заявляетъ братьямъ, что въ его годы уже поздно охранять его профессорскимъ надзоромъ отъ увлечений и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнѣйшимъ образомъ каестся, что можетъ «лишь съ неувѣренностью распорлагать своими дѣйствіями, постоянно опасаясь какихъ-нибудь препятствій, всегда возможныхъ для того, который, можетъ быть, еще не зависитъ отъ своей воли». Уже тогда на свое пребываніе въ Дерптѣ Языковъ смотрѣлъ, по собственному сознанію, какъ на скучную времененную станцію, необходимую для пріобрѣтенія привычки къ труду. «Еда-ли»—пишетъ онъ—«я останусь въ Дерптѣ цѣлые три или четыре

года: я пріѣхалъ сюда почти не затѣмъ, чтобы учиться (что можно было бы и дома, еслибъ не...); мнѣ нужно гораздо болѣе научаться учиться».

VI.

Сдѣлавшись студентомъ, Николай Михайловичъ сгоряча рѣшилъ погрузиться съ головой въ занятія науками и литературой, а къ неработающимъ студентамъ относился съ почти нескрываемымъ презрѣніемъ. Въ своихъ письмахъ онъ мѣтко и язвительно характеризуетъ слабыя стороны академической жизни. Между прочимъ однажды онъ такъ отзывался о своихъ коллегахъ: «здѣсь студенты живутъ очень весело; занимаются больше танцами и фантами, и часто звонь ихъ внутренней колокольни заглушаетъ профессорскія лекціи». Въ непривлекательномъ видѣ рисуетъ онъ нравы студентовъ, передавая съ насмѣшкой разные случаи, происходившіе въ студенческой «мусѣ» (такъ называлось отдѣленіе клуба). Объ одномъ отрекомендованномъ Войковымъ студентѣ въ качествѣ дѣльного и полезнаго товарища онъ съ неудовольствіемъ замѣчаетъ, что «балы—его факультетъ», о другихъ говорить, что «танцы вытряхиваютъ умъ изъ ихъ головы», а за себя радуется, что ему, какъ поэту, въ числѣ другихъ льготъ, позволяли не танцевать. Съ пренебреженіемъ относится даже къ такимъ невиннымъ развлеченіямъ, какъ танцы, нашъ поэтъ усердно погружался въ чтеніе нѣмецкихъ поэтовъ, а также Гораций, Кальдерона, Тибула, Сафо и проч. И все это воспринималось воей душой, съ горячимъ упоеніемъ поэта и эстетика по натурѣ. Убѣжденный въ необходимости изученія иностранныхъ языковъ для расширенія своего литературнаго образования, онъ не оставлялъ занятій даже греческимъ языкамъ, за который принялъ по совѣту Жуковскаго, считавшаго незнаніе этого языка важнымъ проблѣмъ въ собственномъ образованіи.

Но при крайне недисциплинированномъ характерѣ, при иеумѣніи устранить препятствія и привычкѣ всегда плыть по теченію, Николай Михайловичъ не былъ въ состояніи долго выдержать назначенный себѣ режимъ и отрѣшившись отъ соблазновъ окружающей жизни; скоро и незамѣтно онъ впалъ въ противоположную крайность. Сперва только для необходимаго освѣженія онъ изрѣдка и равнодушно заглядывалъ на вечера и маскарады, явно пренебрегая условными требованіями мѣстнаго студенческаго кодекса, чѣмъ, при своей несдержанной откровенности, рисковать, можетъ быть, вызвать неудовольствіе цѣлой корпораціи или навлечь на себя дузль, если бы многое не прощалось ему за его поэтическій талантъ. Но вотъ мало-по-малу въ силу общительного характера онъ сблизился кое-съ-кѣмъ изъ товарищей, сталъ къ нимъ привѣтливъ и ласковъ, съ непостижимой быстротой, объяс-

няемой только баснословной безхарактерностью, въ немъ совершился крутой переходъ отъ иронически-недержанного отношенія къ товарищамъ къ постоянному и дѣятельному участію въ ихъ же кружкахъ и кутежахъ. Талантъ и литературная слава привлекали къ нему поклонниковъ и создали ему оригиналную роль пѣвца свободныхъ студенческихъ гимновъ. Къ нему стали собираться въ множествѣ и проводить цѣлныя ночи въ разгуль. Девизомъ были провозглашены пѣсни, вино и свобода. Гостепріимный хозяинъ, упоенный волшебнымъ обаяніемъ молодого веселья и окруженный роемъ прославляющихъ его въ торжественномъ ликованіи удалихъ буршей, не стѣсненный при томъ материальными средствами, широко распахнулъ двери для веселыхъ гостей, толпящихся около его тріумфальной колесницы. Николай Михайловичъ уже не примирается съ такой жизнью—онъ очарованъ и упоенъ и забылся въ чаду пищественныхъ тостовъ и вакхической поэзіи. Стоило ему только единий шагъ сдѣлать въ этомъ скользкомъ направленіи—и все пропало: возвратъ на колею благоразумія, на которой онъ и раньше едва могъ держаться, сдѣлался для него невозможенъ. И вотъ оказался пропущеннымъ критический моментъ, котораго не предусмотрѣли его заботливые братья, надѣявшіе всегда направлять его по своему благоусмотрѣнію и не подозрѣвавшіе самой ошибочности данного ему направленія, и трагически оправдалась извѣстная пословица объ излишней попечительности. Казалось, даровитому юношѣ суждено было въ жизни явиться яркимъ, прекраснымъ свѣтиломъ и подобала ему завидная доля избранника. Удачно составилъ онъ себѣ прекрасно обдуманный планъ ученія, и нужно было спѣшить его выполнить. Но рано избалованная своего фаворита литературная слава, постоянное восхваленіе увлекающейся молодежью пріучило поэта возлагать обширныя надежды на будущее, не думая о томъ, что съ каждымъ днемъ невозвратно уходитъ время для ихъ осуществленія.

Впрочемъ не совсѣмъ безъ пользы оставался Языковъ такъ долго (1822—1829 г.) въ Дерптѣ. Онъ съ увлеченіемъ слушалъ нѣкоторыя лекціи и относился къ нимъ съ живымъ интересомъ. Въ то время исполнявший обязанности ректора профессоръ исторіи Эверсъ воодушевлялъ своими лекціями слушателей; Языковъ также восторгался ихъ простотой, убѣдительностью и ясностью, а главное—замѣчательнымъ даромъ профессора изображать caractery. Больше всего его приводили въ восхищеніе чтенія Эверса о Годуновѣ, изложенія безъ эффектовъ, но талантливо и ярко. Подъ впечатлѣніемъ этихъ лекцій, сильно дѣйствовавшихъ на воображеніе молодого поэта, Языковъ съ великимъ нетерпѣніемъ ждалъ выхода соответствующихъ томовъ исторіи Карамзина, предвида, что изображеніе такой замѣчательной личности должно выйти особенно блестящимъ изъ подъ-пера знаменитаго исторіографа.

VII.

Со времени вступления въ университетъ Николай Михайловичъ былъ признанъ наконецъ взрослымъ въ семейномъ кругу: онъ уже получиль нѣкоторую возможность располагать собой въ вопросахъ домашняго устройства, но эта свобода касается только мелочей; въ остальномъ продолжается въ полной мѣрѣ зависимость отъ братьевъ, по-прежнему за-вѣдывавшихъ его денежными дѣлами, и очень часто, по небрежности или, напротивъ, въ силу сознательнаго намѣренія удержать неблагородзумнаго молодого человѣка отъ лишнихъ расходовъ, тugo удовлетворявшихъ его постоянныя просьбы. Такое положеніе вещей сохранилось уже навсегда и въ значительной степени объясняется тѣмъ, что имѣніе братьевъ не было раздѣлено до самой смерти Николая Михайловича. Онъ продолжаетъ совѣтоваться съ братьями о каждомъ своемъ шагѣ и ничего не предпринимаетъ безъ ихъ согласія, продолжая въ то же время давать обстоятельный отчетъ въ своихъ поступкахъ и образѣ жизни.

Но въ чёмъ же въ такомъ случаѣ заключалась нѣкоторая свобода, предоставленная нашему студенту? Съ виѣшней стороны перемѣна была замѣтна: даже къ старшему брату, Петру, Николай Михайловичъ относился теперь въ письмахъ какъ къ равному и обращался къ нему на ты; самый тонъ писемъ изъ сдержанно-почтительнаго переходитъ въ свободный и дружескій. Мало того: теперь уже въ качествѣ взрослаго его привлекаютъ къ заботамъ о воспитаніи младшей сестры, Праксевы Михайловны, которую онъ вѣжно любилъ и называлъ ласковымъ именемъ: «Пируши»¹⁾. На короткое время онъ горячо принялъ къ сердцу эти заботы; совѣтовать сестрѣ прочесть исторію Карамзина, стихотворенія Жуковскаго, комедію Грибоѣдова «Горе отъ ума» и убѣдительно говорилъ о значеніи труда, горячо признаваемаго имъ въ теоріи. Онъ даже упрекалъ старшихъ братьевъ за недостаточную заботливость о сестрѣ. Но такое рвение продолжалось только, пока ему льстила новая роль и пока онъ принималъ за высокую и чуть ли не за незаслуженную честь участіе въ семейныхъ заботахъ. Сначала ему не вѣрилось, ему было странно и дико, что наконецъ и его удостоили небывалой чести, признавая его за зрѣлаго человѣка, имѣющаго право голоса въ серьезныхъ вопросахъ. Въ концѣ концовъ искреннія, но запоздалыя попытки поставить его голосъ на надлежащую

¹⁾ Въ семье Языковыхъ существовало обыкновеніе давать другъ другу прозвища: Александръ Михайловичъ прозвывался Дюкъ, Николай Михайловичъ—Вессель, Праксевы Михайловна—Пикотъ и Пируша, Катерина Михайловна (впослѣдствіи Хомякова)—Котель.

степень авторитетности въ вопросахъ семейнаго совѣта не привели къ положительнымъ результатамъ...

А между тѣмъ, повторяемъ, этотъ юноша былъ уже всѣми признаный поэтъ, сотрудничества котораго настойчиво добивались журналы, до такой степени дорожа его подписью, что у него просили разрѣшенія выставить ее, если онъ почему-нибудь затруднялся въ этомъ; а Воейковъ выманивалъ у него стихи даже чарами своей жены и злоупотреблялъ его именемъ, подписывая подъ непринадлежащими ему стихотвореніями намекающіе на него инициалы...

VIII.

Въ концѣ 1829 года Языковъ рѣшился наконецъ разстаться съ Дерптомъ, не добившись диплома и потерявъ почти даромъ много лѣтъ. Онъ задумалъ переселиться въ Москву для того, чтобы, въ серьезной и трудолюбивой семье Елагиныхъ, въ милой и уютной обстановкѣ, доверить свое сильно затянувшееся университетское образование. Но было уже поздно, чтѣ онъ и самъ сознавалъ. Черезъ нѣсколько времени по приѣздѣ въ Москву, онъ писалъ: «не знаю, буду ли дѣлать то, для чего я въ Москвѣ, но навѣрно стану писать стихи, а это все-таки больше, нежели ничего не дѣлать», а въ слѣдующемъ письмѣ безъ стѣсненія замѣчаетъ: «Вотъ что мнѣ хочется сдѣлать съ самимъ собой: отложить попеченіе объ экзаменѣ, потому что, кажется, пора назвать глупыми толки о немъ и сборы къ нему и опредѣлиться куда-нибудь, хоть въ архивъ, примѣрно на годъ, прожить этотъ годъ въ стихописаніи, а потомъ, получивъ чинъ, переселиться въ деревню, въ глушь за-волжскую и вести жизнь тихую, трудолюбивую и, следствѣнно, благородную и прекрасную». Наконецъ, онъ безъ обиняковъ говоритъ, что, отправляясь въ Москву, уже питалъ надежды собственно на свои успѣхи въ поэзіи, а не въ наукахъ, оправдывая себя тѣмъ, что ему важнѣе всего «уединиться и писать, писать, писать», потому что для него «въ мірѣ нѣть и не должно быть спасенія кромѣ своихъ стиховъ».

Само собой разумѣется, что и новая, во всѣхъ отношеніяхъ въ высшей степени благопріятная обстановка не помогла Языкову сосредоточиться на наукахъ, и онъ все продолжалъ возвлаждать большія надежды на перемѣнку виѣшнихъ условій: то онъ мечтаетъ освободиться отъ развлекающей семейной суетолоки и, нанявъ другую квартиру, обрѣсти полное уединеніе и на свободѣ предаться труду, то съ наступленіемъ весны его тянетъ за городъ, «чтобы удалиться отъ всякихъ отношеній къ суетамъ міра»... Но все это, конечно, ни къ чему не привело, и дѣло кончилось возвращеніемъ на родину безъ диплома.

Намъ остается прибавить, что было бы крайне ошибочно предполагать въ Языковѣ въ его студенческіе годы будущую его религіозность и славянофильство. Онъ шутливо сообщалъ напримѣръ о томъ, что гово-вѣль про forma и что профессоръ Переvoщиковъ, подумавъ, что онъ это «дѣлалъ отъ сердца и ума», благодарила его. Съ другой стороны, не смотря на искреннее и задушевное сочувствіе роднымъ обычаямъ и старинѣ, Языковъ ни въ какомъ случаѣ не могъ называться тогда славянофиломъ. Онъ безусловно признавалъ превосходство Запада передъ Россіей, а сравнивая русскую литературу съ иностранными, считалъ ихъ несомнѣмыми величинами, при чемъ рѣшительное предпочтеніе отдавалъ литературѣ нѣмецкой. «Какъ мало»—говорилъ онъ—«наше великое въ современной литературѣ какъ ничтожно значительное и тупо возвышенное, а если взглянуть на нее, зная Гёте и Шиллера—мы пигмеи передъ ними, а если думаемъ иначе, то или потому, что не знаемъ ихъ, или не знаемъ себя, или состояніе истинной поэзіи». Таково было сужденіе о нѣмецкой литературѣ «будущаго славянофила по родству»¹).

О политическомъ вольнодумствѣ Языкова въ молодости, крайне поверхностномъ и не серьезному, не считаемъ нужнымъ говорить.

Въ Шенрокъ.

---

¹) Для объясненія такого крайняго взгляда не лишнее замѣтить, что Языковъ, какъ это ни странно въ поэтѣ, не умѣлъ цѣнить Пушкина и относился съ полнымъ неодобрѣніемъ къ „Борису Годунову“ и еще больше къ историческімъ трудамъ Пушкина. („Пушкинъ только и говорить, что о Петре, котораго не возлюбляетъ. Онъ много, дескать, собралъ и еще соберетъ новыхъ свѣдѣній для своей исторіи, открыть, сообразить, освѣтилъ и проч.“). Сказкамъ Пушкина онъ предпочиталъ сказки Жуковскаго, а о занятіяхъ его народными пѣснями выражается такъ: «онъ, кажется, хвастаетъ». Невыгодно отзывается Языковъ и о пребываніи Пушкина въ Москвѣ: „Пушкинъ сегодня отправляется въ Петеръ. Между нами будь сказано, онъ пріѣзжалъ по дѣламъ не чисто литературнымъ, а для картежныхъ сдѣлокъ и находился въ обществѣ самому мерзкому“. Наконецъ, о повѣстяхъ Бѣлкина онъ выражается такъ: „Выстрѣль“ и „Барышня-крестьянка“ лучше прочихъ, а прочія не стоять письма, а тѣмъ паче печати“. Такое постоянно недружелюбное отношение Языкова къ Пушкину и его произведеніямъ, при наилучшихъ вышнихъ знакахъ расположения, остается тѣмъ болѣе непонятной загадкой, что Языковъ, повидимому, совсѣмъ не былъ способенъ къ двуличности и лицемѣрію.

Увѣковѣченіе памяти князя Репнина.

Указъ императора Александра I Правительствующему Сенату.

12-го июля 1801 г.

Въ ознаменованіе отличнаго нашего уваженія къ воинскимъ и гражданско-подвигамъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Репнина, въ память добродѣтелей его и любви къ отечеству, коими и въ миръ, и войнѣ, и на службѣ, и въ уединеніи до самаго конца жизни своей былъ онъ преисполненъ, и во свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но, живя въ признательности всеобщей, преходятъ изъ рода въ родъ, согласно желанію его, ближнимъ его родственникамъ и намъ самимъ извѣстному, соизволяемъ, чтобы родной его внукъ, отъ дочери его рожденный, полковникъ князь Николай Волконскій принялъ фамилію его, и отнынѣ потомственно именовался княземъ Репнининымъ; да родъ князей Репниныхъ столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ не угаснетъ, но обновясь пребудетъ навсегда съ имянемъ и примѣромъ его въ незабвенної памяти россійскаго дворянства.

Марина Мнишекъ и шахъ Аббаасъ II.

В

ть своей статьи, помещенной въ февральской книжкѣ «Русской Старинѣ», о. П. Пирлингъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о судьбѣ Марины Мнишекъ послѣ майскаго погрома 1606 года. Нельзя однако не пожалѣть, что почтенный авторъ не воспользовался богатымъ матеріаломъ для биографіи и характеристики злополучной развѣнчанной царицы, помѣщеннымъ въ «Актахъ историческихъ» и въ «Памятникахъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей»¹).

I.

Въ началѣ апрѣля 1613 года бояре, по присланному изъ Ярославля государеву указу, снарядили для поимки Заруцкаго съ Маринкою ополченіе: сузdalское, тульское, владимирское и рязанское, подъ общимъ начальствомъ боярина князя Ивана Никитича Одоевскаго. Начальниками отдельныхъ ополченій были: князь Романъ Петровичъ Пожарскій, князь Григорій Васильевичъ Тюфякинъ, Иванъ Васильевичъ Измайлова и Миронъ Андреевичъ Вельяминовъ²). Между тѣмъ воровскіе казаки, покидавши Заруцкаго и присягавши молодому царю, показывали въ разспросѣ, что «Заруцкій-де хочетъ идти въ Казилбаши (Персію), а Маринка-де съ нимъ идти не хочетъ, а зоветъ его съ собою въ Литву».

¹) Изд. подъ ред. проф. Н.И. Веселовскаго. Спб. 1892—1898, томы I—III.

²) Русская хѣтопись по Никонову списку, изд. 1772 г., ч. VIII, стр. 204—205.

Одоевскій съ войскомъ настигъ Заруцкаго подъ Воронежемъ; «и бывшу бою, не возмогша его одолѣть, и многую шкоду подъяша отъ него въ людехъ; онъ же, переправясь Донъ, съ Маринкою пойде степью къ Astrakhani»¹⁾.

Овладѣвъ, съ помощью ногайского мурзы Иштерека, Astrаханью, Заруцкій провелъ здѣсь всю зиму 1613—1614 г., производя насилия надъ городскимъ населеніемъ. Въ числѣ другихъ онъ казнилъ окольничаго и воеводу князя Ивана Дмитріевича Хворостинина; взялъ изъ Троицкаго монастыря серебряное паникадило, изъ которого сдѣлалъ себѣ, между прочимъ, стремена. Грамоты свои онъ издавалъ отъ имени «государя царя и великаго князя Дмитрея Ивановича всея Руссіи, и отъ государыни царицы и великой княгини Марини Юрьевны всея Руссіи, и отъ государя царевича и великаго князя Ивана Дмитріевича всея Руссіи»²⁾.

Марина въ то же время, опасаясь бунта, «къ завтrenямъ въ колокола рано благовѣстить и звонить не велѣла..., а говорить отъ звону-де сынъ полошается»³⁾). Тогда же она устроила себѣ домовую католическую церковь, которую 28-го августа 1613 г. освятилъ одинъ изъ трехъ состоявшихъ при ней монаховъ, августинецъ Николай Мело⁴⁾.

Изъ приведенного титула видно, что Заруцкій принялъ на себя роль мужа Марини, кѣмъ онъ и былъ de facto въ описываемый пе-ріодъ смуты.

Собираясь выступить, весною 1614 г., въ походъ подъ Самару и подъ Казань, Заруцкій взялъ аманатовъ у Иштерека⁵⁾ и отправилъ осенью 1613 года къ персидскому шаху Аббасу II посольство съ просьбою о помощи, съ Яковомъ Глядковымъ во главѣ. Въ составъ посольства вошли: терскій годовальщикъ Иванъ Даниловичъ Хохловъ, astrаханскій подьячій Богданъ Накрачевъ Корогашъ, astrаханскій толмачъ Федъка Ивановъ, прозвищемъ Бондырь, стрѣльцы разныхъ приказовъ: Иванъ Филиппевъ, Микула Даниловъ, Григорій Ивановъ, Сергій Ивановъ и др., всего до 20 человѣкъ⁶⁾. Вмѣстѣ съ посольствомъ⁷⁾, отправленъ былъ къ шаху и находившійся тогда въ Astrахани персидскій купчина Хаджи-Муртаза, котораго Марина привела къ

¹⁾ Новый лѣтописецъ, изд. Ен. Оболенскаго. 1853 г., стр. 162.

²⁾ А. И., т. III.

³⁾ А. И., т. III, 412 стр.

⁴⁾ „Русск. Ст.“ 1903, февр., стр. 255—256.

⁵⁾ А. И., т. III, 411 стр.

⁶⁾ Веселовскій. „Памятники“ т. II, 366—367, 366; т. III, 18 и А. И. т. III, 412.

⁷⁾ Веселовскій. „Памятники“ т. III, 1.

шерти, чтобы онъ просилъ отъ ея имени у шаха денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ. «А умысель и приказъ весь быть тайно одному вору—Якушку Глядкову»¹).

Съ дороги послы жаловались Маринѣ: «въ Дербени-деи имъ дали 20-ти человѣкомъ къ шаху ѿхать только 5 ишековъ (ословъ), и какъ-деи будемъ у шаха, и мы-деи рады вашимъ дѣломъ промышляти»²).

Въ Баку Хаджи-Муртаза зажился, а Иванъ Хохловъ и Яковъ Глядковъ, не дожидаясь его, двинулись съ посольствомъ дальше и, прибывъ къ шаху, подали ему грамоты отъ Марини. Глава посольства Яковъ Глядковъ, валившись въ ногахъ у шаха, слезно молилъ его дать имъ на литовскихъ людей вспоможеніе: «ближія своеї думы», человѣкъ съ 500 денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ³). Глядковъ добавилъ, что, если шахъ не поможетъ имъ теперь же, то «съ Москвы-де будетъ рать и Астрахань-де осадять и изъ Астрахани-де насть не выпустатъ».

Въ благодарность за помощь, Глядковъ, отъ имени Заруцкаго, обѣщалъ шаху сдать ему Астрахань⁴).

Шахъ благосклонно выслушавъ посольство, согласился дать Заруцкому «денежные казны двѣнадцать тысячъ тюменей, а тюмень по шты рублевъ, и хлѣбные запасы многіе», и приказалъ отвезти все это въ Астрахань своему кречетнику Пулунъ-беку. Впоследствіи терскому воеводѣ Петру Петровичу Головину удалось провѣдать стороною, что шахъ Аббасъ замышлялъ послать съ Пулунъ-бекомъ, отрядъ отборнаго войска, численностью въ 500 человѣкъ, дабы съ помощью ихъ и приверженцевъ Заруцкаго «всѣхъ побити и Астраханью завладѣти, а на Теркѣ городъ каменой поставить и посадити на Теркѣ Ивашку Заруцкаго», «а литовку Маринку было ему (шаху) у себя держати на постелѣ»⁵).

II.

Прошло мѣсяца два. Уже готовились, по приказанію шаха Аббаса, хлѣбные запасы и казна для Заруцкаго, когда вдругъ, въ началѣ 1614 года, прибылъ изъ Баку въ Испагань Хаджи-Муртаза.

¹) Веселовскій. „Памятники“, т. III, 2.

²) А. И., т. III, 412.

³) Веселовскій. „Памятники“, III, 3 и III, 53.

⁴) Веселовскій. „Памятники“, т. II, 348.

⁵) Тамъ же, 347—348 и 352.

Еще въ Астрахани Муртаза говорилъ «многимъ добрымъ людемъ»: «Посылаютъ-де воръ Ивашко Заруцкой и Маринка пословъ воровскими обычаемъ, и шахъ-де Астарахань не возьметъ и людей воинскихъ въ Астарахань не пришлетъ, тѣмъ-деи шахъ съ Московскимъ государствомъ не ссорится, и казны-де имъ не дастъ же»¹⁾.

Явившись шаху въ тайной аудиенціи, Хаджи-Муртаза, по его словамъ, представилъ Аббасу II грамоту астраханского воеводы окольничаго князя Ивана Дмитревича Хворостинина, который убѣждаль шаха ни въ чёмъ не давать вѣры воровскому посольству и сообщалъ о вступлении на царство Михаила Феодоровича²⁾. Отъ себя Муртаза будто-бы прибавилъ, что русская земля «стала вся въ одиначество», а бунтуютъ лишь Астрахань да Терекъ, и что Астрахань не устоить, какъ придется сверху московская рать³⁾. Шахъ Аббасъ спрашивалъ о Маринѣ, «какова она лицомъ и сколько хороша, молода или стара, и была ли онъ (Муртаза) у неѣ у руки, и горячи ли у неѣ руки, и что дала ему, Муртазѣ, на отпуске». На это Муртаза отвѣчалъ, что «у руки-деи у неѣ на отпуске былъ и за руку принялъ, и рука-де у неѣ горяча, и какъ ево литовка Маринка изъ Астрахани отпустила, и ему дала на отпускѣ двѣ скляницы вина». Вина Муртаза не пиль, а взялъ съ собою. Шахъ велѣлъ ему принести это вино, отвѣдалъ самъ, а пьючи говорилъ: «топоре-деи пью вино, а впередъ видать ли-деи мнѣ еѣ самое у себя?»⁴⁾.

Муртазѣ, какъ богатому купцу, ведшему обширную торговлю съ Астраханью, было весьма невыгодно ссорить шаха съ Москвою. Поэтому можно, повидимому, не сомнѣваться въ справедливости вышеизложенныхъ показаний Муртазы, данныхъ въ декабрѣ 1614 г. въ Москвѣ думному дьяку Петру Третьякову.

Какъ бы то ни было, Аббасъ II не послалъ Заруцкому помощи, пословъ его задержалъ, и, отправляясь войной на Грузію, оставилъ Ивана Хохлова въ Ганжѣ (теперь—Елизаветполь), а Якова Глядкова взялъ съ собою. Возвращаясь изъ Грузіи, шахъ весною 1614 г. послалъ Глядкова съ кречетникомъ своимъ Пулуни-бекомъ въ Астрахань проповѣдать, «что въ Астарахани дѣтца»⁵⁾. Съ ними же, какъ показывалъ впослѣдствіи Глядковъ, шахъ послалъ «къ Маринѣ въ даръ 4 бархаты черныхъ, 2 меляка золотыхъ, 3 камки золотныхъ, а къ Ивашку Заруцкому—иноходецъ да саблю булатную, да покровецъ конной нарядной»⁶⁾.

¹⁾ А. И. т. III, 412.

²⁾ Веселовский. «Памятники», т. III, 24.

³⁾ Тамъ же, т. II, 357—358.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, 351.

⁵⁾ Тамъ же, т. III, 3.

⁶⁾ Тамъ же, т. III, 3.

Пулунъ-беку велико было ваять въ Астрахани «для поспешенія» у персидскихъ купцовъ 2.000 рублей и дать эти деньги Маринъ и Заруцкому, «покамъста большая отъ него, отъ шаха Баса (Аббаса), казна придется въ Асторохань»¹⁾.

Придя въ Дербентъ, послы узнали отъ присланного туда къ караваннымъ головамъ терского стрѣльца Семена Шушерина, что Астрахань очищена отъ воровъ и свободна для персидскихъ торговыхъ людей. Поэтому послы дальше не пошли, а остались въ Дербентѣ, ждать дальнѣйшихъ распоряженій шаха²⁾.

Когда вѣсть о пораженіи Заруцкаго отрядомъ Василія Даниловича Хохлова пришла въ Персію, Иванъ Хохловъ съ товарищи 29-го іюля 1614 г. въ Ганжѣ присягнуль на вѣрность молодому царю, а шахъ Аббасъ немедленно отправилъ Хаджи-Муртазу съ грамотою и дарами къ царю Михаилу Феодоровичу³⁾.

Но уже около Астрахани, въ августѣ 1614 г., Муртаза встрѣтилъ казанскаго сына боярскаго Ивана Брехова, Ѳакавшаго посломъ къ шаху съ порученiemъ занять денегъ для веденія войны съ Польшею, и потребовать выдачи Ивана Хохлова съ товарищи. Хохловъ былъ выданъ и привезенъ въ Москву, гдѣ «сидя за приставомъ животъ свой мучилъ», пока 12-го іюля 1615 года не былъ прощенъ за заслуги брата, Василія Даниловича Хохлова, освободившаго Астрахань отъ мятежниковъ⁴⁾.

Въ декабрѣ 1614 г. прибылъ въ Москву Хаджи-Муртаза; онъ объяснилъ дѣйствія шаха тѣмъ обстоятельствомъ, будто послѣдній, думая, что Литва завладѣла Московскими государствомъ, хотѣлъ помочь Заруцкому и Маринѣ, «не вѣдая ихъ воровства». Нельзя допустить, чтобы такое объясненіе показалось удовлетворительнымъ; да и, вообще, Муртазѣ не слишкомъ вѣрили: когда онъ сталъ бить челомъ о возвратѣ шаховыхъ товаровъ, отнятыхъ у него, Муртазы, въ Астрахани мятежниками, думный дьякъ Третьяковъ отвѣчалъ: «И того подлинно какъ вѣдать: тѣ товары у него иманы сильно (насильно), или онъ астороханцовъ ссужалъ на вспоможеніе противъ государя и Московскаго государства людей?... Да въ тѣхъ товарахъ ему отказалъ⁵⁾.

Однако шахъ Аббасъ не потерялъ надежды на возвратъ своихъ товаровъ и даже спустя три года, 6-го ноября 1618 г., говорилъ на аудіенціи русскому послу князю Михаилу Петровичу Баратинскому:

¹⁾ Тамъ же, т. II, 388.

²⁾ Тамъ же, т. II, 346—347 и III, 4.

³⁾ Тамъ же, т. III, 55 и III, 4.

⁴⁾ Тамъ же, т. III, 25 и III, 57—58.

⁵⁾ Тамъ же, т. III, 36.

«Въ смутное время (я) Астарахань перекормилъ и пшено къ нимъ посыпалъ, а о томъ некоторыми дѣлы не помыслилъ, что мнѣ Астарахань взяти и Астараханью владѣти»¹⁾.

Впрочемъ, когда до шаха дошелъ слухъ, будто «литовской король Московскимъ государствомъ завладѣлъ», то Аббасъ II едва не засадилъ государевыхъ пословъ въ темницу. На ихъ счастье 21-го мая 1619 г. прѣѣхалъ къ посламъ терскій сынъ боярскій Первый Лукинъ съ хорошими вѣстями о положеніи дѣлъ²⁾.

III.

Г. Пирлингъ затрудняется рѣшить, какова была участіе Марины Мнишекъ. Въ настоящее время возможно категорически сказать, что Марина не была утоплена, какъ о томъ гласитъ сохранившееся среди польскихъ бернардиновъ преданіе, и какъ утверждалъ польскій писатель Юліанъ Нѣмцевичъ, по извѣстію котораго Марину свезли на Ураль и тамъ утопили въ проруби; Марина не была и сожжена живою, какъ говорятъ испанскіе источники, исходящіе отъ бывшаго при ней кармелита Ивана-Фаддея.

Подъ сильнымъ конвоемъ Заруцкій и Марина съ сыномъ, которому шелъ четвертый годъ, были въ концѣ іюля 1614 г. привезены въ Москву и заключены въ тюрьму.

Семену Протопопову, посланному въ Астрахань для встрѣчи извѣстнаго намъ Хаджи-Муртазы, велѣмо было въ наказѣ отъ 12-го октября 1614 г. отвѣтить на вопросъ персидскаго посла, что «Ивашка Заруцкого и Маринку съ сыномъ, для обличенія ихъ воровства, привезли въ Москву, и въ животе ихъ воленъ Богъ да государь: животъ ли имъ велить дати, или ихъ, по ихъ злымъ дѣломъ, велить казнити»³⁾.

Но уже въ наказѣ посламъ Федору Исаковичу Левонтьеву и дьяку Богдану Тимоѳееву, отъ 29-го мая 1616 года, велѣно отвѣтить на вопросъ шаха о судьбѣ Марины, ея сына и Заруцкаго: «По своимъ злымъ дѣламъ Ивашко Зарутской и Маринкинъ сынъ казнены».

Буквально то же находимъ и въ наказѣ князю Михаилу Петровичу Барятинскому, отъ 23-го мая 1618 г.⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, т. III, 434—435.

²⁾ Тамъ же, т. III, 389.

³⁾ Тамъ же, т. III, 8.

⁴⁾ Тамъ же, т. III, 218 и 338.

Можно даже определить, когда, приблизительно, были казнены Заруцкий и сынъ Марины. Такъ какъ предполагалось, что въ маѣ 1616 г. шахъ не зналъ еще объ участіи ихъ, то вѣроятно казнь ихъ произошла послѣ отѣзда въ Персію шахова посла Хаджи-Муртазы, отъ которого не укрылось бы столь важное событие. Хаджи-Муртаза выѣхалъ изъ Москвы на Коломну 13-го іюля 1615 года. Слѣдовательно, Заруцкій былъ посаженъ на колъ, а сынъ Марины, пятилѣтній Ивашко, повѣшеннъ — между 13-мъ іюля 1615 года и 29-мъ мая 1616 года¹⁾.

Въ обоихъ вышеупомянутыхъ посольскихъ наказахъ совершенно обходится молчаніемъ предполагаемый вопросъ шаха о судьбѣ Марины. Значить ли это, что и она была казнена одновременно съ сыномъ и Заруцкимъ? Едва-ли.

Московскому правительству не было надобности скрывать отъ шаха Аббаса казнь Марины. Естественнѣе предположить, что участіе ея была иная: еще до послѣ казни Заруцкаго и Ивашка, она была перевезена въ Коломну, и тамъ въ одной изъ башенъ «умерла съ тоски по своей волѣ», какъ сообщали русскіе посы попольскому правительству. У Иванчина-Писарева («Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду», 137—138) есть прямое указаніе на башню, где умерла, по преданию, Марина Мишиекъ.

Если и преждевременно произносить окончательный приговоръ надъ Мариной, то нельзѧ не прийти теперь же къ тому выводу, къ которому пришелъ еще велиcantь Пушкинъ: «у нея была только одна страсть — честолюбіе, но до такой степени сильное, бывшое, что трудно себѣ представить... Попробовавъ царской власти, упоенная пустымъ призракомъ, (она) распутничаетъ, переходя отъ авантюриста къ авантюристу, постоянно готовая предаться кому бы то ни было, лишь бы онъ могъ подать ей надежду на тронъ... Она борется съ войной, нищетой, позоромъ и въ то же время сносится съ польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе»²⁾.

По мнѣнию великаго нашего поэта, Марина была «самою странною изъ всѣхъ хорошенъкихъ женщинъ», и при томъ едва-ли не самою несчастною — прибавимъ отъ себя.

Георгій Синюхаевъ.

¹⁾ Русская лѣтопись по Никонову списку, изд. 1772 г., ч. VIII, стр. 213 въ Новый лѣтописецъ, изд. Оболенского, стр. 167.

²⁾ Письмо къ Н. Н. Раевскому отъ 30-го января 1829 г.

Объ оставленіи цензора С. Н. Глинки въ маіорскомъ чинѣ.

Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Сенату.

6-го іюля 1828 г. № 8960.

Г. товарищъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества отъ 28-го минувшаго іюня сообщилъ мнѣ, что бывшій министръ народнаго просвѣщенія г. адмиралъ Шишковъ ходатайствовалъ объ оставленіи цензора московскаго цензурнаго комитета маіора Глинку на службѣ въ настоящемъ его чинѣ, который, какъ полученный имъ при увольненіи изъ военной службы, со вступленіемъ вновь на службу ему не слѣдовалъ, объясняя, что цензоръ Глинка заслуживаетъ сего по состоянію его въ маіорскомъ чинѣ 27 лѣтъ и по литературнымъ трудамъ, коими пріобрѣлъ онъ доволиную известность въ ученомъ свѣтѣ.

По докладу о семъ государю императору, его величество высочайше повелѣть соизволилъ: по уваженіямъ представленнымъ г. адмираломъ Шишковымъ, оставить цензора Глинку на службѣ въ настоящемъ чинѣ маіора.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупля къ тому, что объ ономъ, какъ увѣдомляетъ меня г. генераль-адъютантъ графъ Чернышевъ, сообщено отъ него г. министру народнаго просвѣщенія.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

VII¹⁾.

Вмѣшательство въ дѣла цензуры министровъ и главноуправляющихъ.—Пеписка по гальванопластикѣ. — Статья „Свѣтящіся червячки“. — Письмо Н. С. Мордвинова по поводу статьи объ А. С. Шишковѣ. — Статьи академика Кеппена „О письменныхъ сношеніяхъ“ и Хомакова, „О сельскихъ условіяхъ“. — Письма А. С. Пушкина къ М. П. Ногодину.—„Комары“ Ф. Булгарина. — Надзоръ за описаніемъ прощальныхъ обѣдовъ и театральными критиками; за статьями о Польшѣ и по крестьянскому вопросу. — Предложеніе объ изданіи русскаго журнала за границею.

тиошенія къ журналамъ органовъ власти, т. е. министровъ и вообще влиятельныхъ лицъ тогдашней эпохи, выражались стремлениемъ каждого изъ этихъ все болѣе и болѣе имѣть въ кругу своей сферы влиянія на нашу журналистику. Съ течениемъ времени требование каждого вѣдомства, чтобы всякая журнальная статья, хотя бы въ самой отдаленной мѣрѣ касающаяся этого вѣдомства, являлась, до напечатанія, на его просмотръ, привело, наконецъ, къ тому, что вместо одной цензуры у насъ было ихъ уже нѣсколько десятковъ.

Такъ, въ 6-й и 7-й книжкахъ «Сына Отечества» 1833 года, Даль напечаталъ «Описаніе моста, наведенного на рекѣ Вислѣ». Генералъ-маіоръ Слатвинскій, завѣдывавшій переправою у моста, прислалъ свои замѣчанія и возраженія на его статью въ газету «Инвалидъ», но редакція ему въ напечатаніи ихъ отказала, а вслѣдъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1903 года мартъ.

затѣмъ (7-го декабря) военный министръ, графъ Чернышевъ, объявилъ высочайшее повелѣніе: «чтобы о современныхъ военныхъ событияхъ помѣщаемы были въ журналахъ и вѣдомостяхъ лишь официальная реляціи, при чёмъ строго воспрещено военнымъ начальникамъ собственныя свои письменныя повѣстований и неминуемыя почти на то возраженія давать гласными въ публичныхъ листахъ, чтобъ тѣмъ менѣе можетъ быть дозволено низшимъ офицерамъ». Вслѣдовіе того, Чернышевъ просилъ Уварова приказать, чтобы «всѣ статьи о современныхъ военныхъ событияхъ, до напечатанія оныхъ въ какомъ бы то ни было сочиненіи, журналѣ или газетѣ, въ Россіи издаваемыхъ, предварительно были представляемы на его, Чернышева, разсмотрѣніе».

Въ одну изъ первыхъ книгъ «Библіотеки для чтенія» 1834 года назначалась статья: «Изъ журнала служившаго на бригѣ «Меркурій», въ день сраженія 14-го мая 1829 года». Это была копія съ записки флигель-адъютанта Казарскаго, геройски отстоявшаго, въ морскомъ сраженіи, свой бригъ противъ двухъ большихъ турецкихъ кораблей, одного въ 110-ть, а другаго въ 74 пушки. Эта статья, какъ содержащая въ себѣ разсказъ о современныхъ событияхъ, была пропровождена къ начальнику главнаго морскаго штаба, князю Меншикову, который 18-го сентября 1834 года доставилъ, въ отвѣтъ, мнѣніе морскаго ученаго комитета. Здѣсь высказывалось, что статья Казарскаго не можетъ быть напечатана, по слѣдующимъ соображеніямъ: она никѣмъ не подпісана и не скрѣплена, а потому неѣть удостовѣренія въ ея вѣрности оригиналу, между тѣмъ какъ описываемое тутъ происшествіе не только примѣчательное, но чрезвычайное.

Въ рукописи 42 раза помянуто о капитанѣ Казарскомъ въ третиѣ лицѣ, и расточено множество ему похвалъ: значитъ, не самъ Казарскій сочинилъ записку; посторонній же человѣкъ долженъ бы быть представить доказательства того, какимъ образомъ онъ видѣлъ и зналъ многое изъ описаннаго. Сверхъ того, если статья должна напечататься (съ измѣненіями), то необходимо прибавить свѣдѣнія о томъ, что именно предпринялъ начальникъ русскаго флота, получившій донесеніе отъ фрегата «Штандартъ», обѣ отчаянномъ положеніи Казарскаго, потому что, — говорилъ ученый комитетъ: — «послѣ таковаго донесенія, конечно, адмиралъ принялъ бы какія-либо мѣры для спасенія брига», или же необходимо сказать, что «адмиралъ былъ въ совершенной невозможности подать помощь» (въ запискѣ было сказано, что, получивъ означенное донесеніе, адмиралъ ничего не сдѣлалъ, а только сказалъ: «очень хорошо»). Согласно съ этимъ сообщеніемъ князя Меншикова, Уваровъ запретилъ печатать статью въ «Библіотекѣ».

20-го августа 1835 г., министръ двора, князь Волконскій, жаловался на № 61 петербургскаго журнала: «Magazin lelehrender und angenehmer Unterhaltung», говоря, что тутъ издатель дозволилъ себѣ выраженія нескромныя и даже дерзкія, не только о нашихъ актерахъ, но даже о дѣйствіяхъ самой дирекціи; почему онъ и просилъ распорядиться, чтобы въ томъ журналѣ статьи о театрахъ были сколь возможно скромнѣе, или даже вовсе и не дозволять ихъ. Уваровъ тотчасъ же велѣлъ сдѣлать внушеніе цензору, пропустившему неприличныя порицанія противъ актера Дамыѣ, но впрочемъ отозвался министру двора, что въ той статьѣ онъ не нашелъ ничего оскорбительнаго для театральной дирекціи.

15-го апрѣля того же года, графъ Бенкendorфъ указалъ на то, что въ 1-мъ томѣ «Современника» помѣщена статья: «Долина Ажитугай», сочиненная султаномъ Казы-Гиреемъ, корнетомъ лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полу-эскадрона. Бенкendorфъ указывалъ на то, что высочайшимъ повелѣніемъ 1834 года предписано, чтобы какъ военные, такъ и гражданскіе чиновники не иначе предавали печати литературные произведенія свои, оригинальныя и переводы, какого бы рода они ни были, какъ по предварительному разрѣшенію директоровъ департаментовъ, начальниковъ штабовъ и генераль-интендантовъ; означенная же статья не была представлена предварительно ни на разсмотрѣніе его, графа Бенкendorфа, ни на разсмотрѣніе начальника его штаба Уваровъ отвѣчалъ, что впредь это будетъ исполняться, но что означеннаго высочайшаго повелѣнія цензурному вѣдомству объявлено не было.

Въ октябрѣ военное министерство потребовало, чтобы запрещено было журналамъ («С.-Петербургскіи Вѣдомостямъ», «Сыну Отечества» и «Сѣверной Пчелѣ») печатать выписки изъ высочайшихъ приказовъ, какъ-то: о производствѣ генераловъ, назначеніи въ генералъ и флигель-адъютанты и объявленія высочайшихъ благоволеній по арміи, флоту и другимъ воинскимъ управлѣніямъ, такъ какъ право на помѣщеніе этихъ извѣстій по высочайшему указу 21-го декабря 1815 года предоставлено исключительно газетѣ «Инвалидъ».

Такое требование найдено было министромъ народнаго просвѣщенія уже слишкомъ притязательнымъ, и онъ отвѣчалъ графу Чернышеву, что просимое распоряженіе о неперепечаткѣ изъ высочайшихъ приказовъ онъ сдѣкалъ, но вмѣстѣ «надѣется, что военный министръ и самъ признаетъ, что за этимъ распоряженіемъ, охраняющимъ права «Русскаго Инвалида», другія изданія не могутъ, однако же, быть лишены возможности заимствовать потому извѣстія сего рода изъ «Инвалида», съ указаніемъ источника, подобно тому, какъ эта газета сама почерпаетъ разныя статьи изъ другихъ изданій, и эти заимствованія допу-

скаются § 16-мъ высочайше утвержденного 8-го января 1830 г. мнѣнія Государственного Совѣта о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей.

14-го апрѣля 1837 года, вице-канцлеръ графъ Нессельроде не дозволилъ печатать, въ «Современникѣ», статью подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о графѣ Каподистріи и о нѣкоторыхъ современныхъ проишествіяхъ», на томъ основаніи, что «тутъ находятся многія мѣста, касающіяся до новѣйшихъ политическихъ отношеній Россіи къ иностраннымъ державамъ, и при томъ не совсѣмъ благопріятные о нѣкоторыхъ изъ нихъ отзывы. Описаныя въ рукописи проишествія были извлечены изъ сочиненія Стурдзы («Исторія XIX столѣтія»), а онъ находился подъ начальствомъ адмирала Чичагова, состояль при графѣ Каподистріи и былъ употребляемъ по дипломатической части; слѣдовательно, имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ секретныхъ и политическихъ дѣлахъ тогдашняго времени; по симъ обстоятельствамъ, означенная статья будетъ принята, безъ сомнѣнія, въ чужихъ краяхъ за офиціальную и можетъ произвести тамъ излишнія толкованія о тогдашнихъ дѣйствіяхъ русского правительства, а при томъ будетъ даже оскорбительна для нѣкоторыхъ державъ».

23-го октября графъ Бенкендорфъ писалъ, что въ № 240 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатана статья о покушеніи на жизнь короля французскаго. Находя неприличнымъ помѣщать подобная извѣстія въ вѣдомостяхъ, особенно правительствомъ издаваемыхъ, которая расходится въ столь большомъ количествѣ между среднимъ классомъ людей, графъ просилъ принять мѣры къ предупрежденію печатанія такихъ «статей, которые, не принося никакой пользы, могутъ быть вредны въ своихъ послѣдствіяхъ».

При этомъ онъ полагалъ не излишнимъ «поставить на видъ редакторамъ журналовъ, что извѣстный имъ духъ нашего правительства могъ бы уже ихъ вразумить, какія статьи могутъ быть допускаемы въ журналы ихъ и какія неприличны для передачи во всеобщее свѣдѣніе». Но графъ Протасовъ (исправившій тогда, временно, должность министра народнаго просвѣщенія) отвѣчалъ, что, по правиламъ цензурнаго устава, та статья пропущена въ печать министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Въ этомъ же году происходили любопытныя пререканія между цензурными и другими вѣдомствами по поводу новоизобрѣтенной въ то время гальванопластики, и того, что о ней предназначалось къ печатанію въ журналахъ. Профессоръ Якоби и ремесленникъ Гамбургеръ спорили о первенствѣ своемъ въ этомъ изобрѣтеніи, и въ № 236 «Сѣверной Пчелы» была напечатана статья въ пользу Якоби.

Вице-президентъ академіи художествъ, графъ Толстой, стоявшій за Гамбургера (такъ какъ онъ посредствомъ гальванопластики воспроизвелъ его медальоны изъ войны 1812 года), написалъ опроверженіе; но, не надѣясь почему-то на помѣщеніе своей статьи въ «Библіотекѣ для чтенія» (также стоявшей за Гамбургера), обратился къ графу Бенкендорфу съ просьбою на высочайшее имя о дозвolenія ему напечатать ту статью, такъ какъ «цензура объявила ему, что она считаетъ себя не въ правѣ пропустить его отвѣта къ напечатанію». Графъ Бенкендорфъ, съ своей стороны, 10-го ноября 1839 г. передалъ просьбу Толстаго министру народнаго просвѣщенія, говоря, что «отвѣтъ сей написанъ въ выраженіяхъ самыхъ умѣренныхъ и содержитъ краткое и ясное изложеніе фактовъ и опытовъ профессора Якоби и Гамбургера». «Вмѣстѣ съ симъ, прибавляя даѣте графъ Бенкендорфъ, дошло до моего свѣдѣнія, что цензоръ Корсаковъ, руководствуясь письменнымъ предписаніемъ своего начальства, не допускаетъ выхода въ свѣтъ нынѣшняго номера «Библіотеки для чтенія», пока въ немъ не будетъ помѣщена статья Гамбургера съ письмомъ его къ профессору Якоби, напечатаннымъ въ означенномъ № 236-мъ «Сѣверной Пчелы». «Находя съ своей стороны, что можно запрещать книги, или останавливать выходъ ихъ только тогда, когда въ нихъ помѣщены статьи, по содержанію своему противныя цензурѣ, но требовать, чтобы въ книгѣ непремѣнно было помѣщено то, чего издатель не желаетъ, и останавливать ея выпускъ по несогласію на то издателя—совершенно противно уставу о цензурѣ, я нужнымъ считаю сообщить о семъ вамъ, покорѣйше прося доставить мнѣ по сему предмету надлежащія свѣдѣнія, для доклада о томъ его величеству». По поводу этого запроса потребовано было министерствомъ народнаго просвѣщенія объясненіе отъ Петербургскаго цензурнаго комитета, и предсѣдатель его, князь Дондуковъ-Корсаковъ, 12-го ноября отвѣчалъ, что статья графа Толстаго не была представляема ни въ цензурный комитетъ, ни къ цензорамъ журнала «Библіотека для чтенія», ниже къ нему, князю Дондукову, а потому и не могла быть запрещена для напечатанія. «Нынѣ же, продолжалъ князь, прочитавъ ее со вниманіемъ, нахожу вообще, что она не можетъ быть напечатана, какъ заключающая не только личность, но и доносъ на профессора Якоби въ похищеніи чужаго изобрѣтенія и употребленіи для опытовъ чужихъ слѣпковъ и медальоновъ противъ воли и безъ вѣдома хозяина (графа Толстаго); и потому, если бы она и была дѣйствительно ко мнѣ представлена, то была бы мною запрещена. Кромѣ того, она подала бы поводъ къ такой полемикѣ, которая, по силѣ высочайшихъ повелѣній, въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ не допускается, и которая относится до предмета, подлежащаго особому разбирательству. Что касается до выхода въ свѣтъ XI номера «Библіотеки для

ченія», то я считаю долгомъ объяснить, что, найдя неприличнымъ появление статьи о «Гамбургеротипѣ» въ предшествовавшемъ numerѣ этого журнала, написанной рѣзкимъ тономъ и опровергающей совершенно всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія объ открытіи профессора Якоби, и тѣ опыты, которые онъ удостоился дѣлать въ присутствіи государя императора въ главной обсерваторіи, я, за таковой непростительный пропускъ, въ первомъ засѣданіи цензурного комитета сдѣлалъ строжайшій выговоръ цензорамъ... а отъ редактора потребовалъ помѣщенія, въ слѣдующей книжкѣ журнала, письма Гамбургера, напечатанного въ № 236 «Сѣверной Пчелы»... Хотя и нѣтъ ничего опредѣлительного въ цензурномъ уставѣ о правѣ цензурного начальства къ принужденію журналиста печатать документы, изобличающіе ихъ ложные разсказы или искаженные факты, но я полагалъ и полагаю это не только справедливымъ, но даже необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда журналистъ переходитъ че-резъ границы круга дѣйствій, для него опредѣленныхъ. Мы живемъ, благодаря Бога, въ Россіи, гдѣ журналисты еще не управляютъ общимъ мнѣніемъ, и гдѣ всякая съ ихъ стороны попытка къ усиленію ихъ влиянія должна быть, я думаю, не только останавливаема, но и наказываема уменьшеніемъ довѣрія публики къ ихъ разсказамъ. Къ сей категоріи принадлежалъ редакторъ «Библіотеки для чтенія», который самовольно лишилъ профессора Якоби чести изображенія, за которое онъ удостоился высочайшаго вниманія, и провозглашалъ права Гамбургера, правительствомъ еще не признанныя; ибо, по моему мнѣнію, не черезъ посредство журналовъ сей послѣдній и его покровители должны были искать защиты правъ, но у самого высшаго правительства, которое ограждаетъ права всѣхъ и каждого». По всѣмъ этимъ уваженіямъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ просилъ «ходатайства» исправляющаго должностнаго министра народнаго просвѣщенія, графа Протасова, объ утвержденіи его мѣры относительно «Библіотеки для чтенія», потому что, говорилъ онъ, «уклоненіе этого журнала отъ возложенной мною на него обязанности поставило бы меня въ совершенную невозможность управлять сею вѣренною мною частью и принимать на себя дальнѣйшую ответственность по дѣламъ цензуры».

Сообразно съ этимъ, графу Толстому было предоставлено обратиться съ своею статью обыкновеннымъ порядкомъ въ цензуру. Онъ исполнилъ предложеніе и при этомъ писалъ попечителю С.-Петербургскаго округа, что если главное управление цензуры не согласно будетъ на напечатаніе его статьи, то дальнѣйшее ходатайство по сему дѣлу онъ предоставляетъ самому себѣ и будетъ просить кого слѣдуетъ о наряженіи формальной комиссіи для изслѣдованія сущности предмета. Статья была разсмотрѣна Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, который

нашель, что она, хотя бы даже написана была въ выраженияхъ гораздо умѣренѣйшихъ, не можетъ и не должна быть дозволена: 1) потому что правительству достовѣрно извѣстно, что изобрѣтеніе гальванопластики принадлежитъ одному Якоби, въ распоряженіе котораго, по высочайшему повелѣнію, на опыты по сemu предмету отпускается изъ казны до 14.000 рублей въ годъ; 2) что Гамбургеръ, ищущій теперь права на соперничество въ открытии Якоби, самъ публично отклонилъ отъ себя (въ «Сѣверной Пчелѣ» № 236) честь, принадлежащую Якоби; 3) что если графъ Толстой имѣеть какія-либо притязанія къ Якоби по нарушенію правъ собственности, то дѣло это подлежитъ не цензурному, а судебному разбирательству; 4) что, допустивъ статью графа Толстого въ журналъ, цензурѣ трудно будетъ, по крайней мѣрѣ безъ несправедливости, не допустить и опроверженія на эту статью, чтд можетъ уже вывести и непремѣнно выведетъ спорящія лица за черту, которую ограничивается всякое преніе, дозволяемое предписаніями высшаго начальства. Главное управлѣніе утвердило это мнѣніе, и статья графа Толстого въ печати не появлялась.

Въ ноябрѣ 1840 г. графъ Бенкендорфъ писалъ графу Протасову, что въ № 241 «Сѣверной Пчелы» напечатана статья подъ заглавиемъ: «Зубные врачи», гдѣ осмыкаются довольно обиднымъ образомъ занимающіеся уже много лѣтъ въ С.-Петербургѣ зубнымъ врачеваніемъ братья Вагенгеймы¹⁾). Получивъ отъ сихъ послѣднихъ жалобу на сию статью и признавая ее съ своей стороны неблаговидною, онъ просилъ предписать цензору не пропускать на будущее время подобныхъ статей, заключающихъ личность и вредную насмѣшку, а самъ сдѣлалъ замѣчаніе издателю «Сѣверной Пчелы». Желаніе графа Бенкендорфа было исполнено, но Вагенгеймы еще не остались тѣмъ довольны, и, по ихъ ходатайству, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ просилъ министра народнаго просвѣщенія, чтобы означенное удовлетвореніе за нанесенное зубнымъ врачамъ Вагенгеймамъ оскорблѣніе, по невниманію цензоровъ Крылова и Корсакова къ своимъ обязанностямъ, было сдѣлано извѣстнымъ публикѣ посредствомъ той же газеты, где напечатана была означенная статья. Министръ, однако, отвѣчалъ, что на это онъ не согласенъ, «ибо дѣлать гласнымъ,透过儿 газеты, распоряженіе правительства въ отношеніи къ цензорамъ находить несомнѣнѣмъ съ тѣмъ довѣріемъ, какимъ чиновники сіи должны пользоваться при исполненіи трудныхъ и многосложныхъ своихъ обязанностей».

¹⁾ Въ этой статьѣ было, между прочимъ, сказано: „Заглянувъ въ объявленія нашей полицейской газеты, забываешь и Journal des Débats, и Парижъ, и французскіе экспрѣзы; да и на что все это, когда гений изобрѣ-

4-го января 1841 года, графъ Бенкендорфъ писалъ Уварову, что въ 43-мъ томѣ «Библіотеки для чтенія», въ отдѣленіи «Смѣсь», обращаеть на себя особенное вниманіе статья «Свѣтящіеся червячки». «Нельзя видѣть безъ негодованія, говорилъ графъ Бенкендорфъ, какой оборотъ даетъ господинъ сочинитель этой статьи выраженію, употребленному въ программѣ одного изъ дворянскихъ собраній, и до какой степени онъ презираетъ приличiemъ и нравственnoю сторонoю дворянства для того, чтобы только сказать красное слово! Выходка эта не должна и не можетъ быть скрыта отъ государя императора, и не постигая, какъ можетъ быть допущена у насъ къ напечатанію подобная статья, я полагаю, что сочинитель оной долженъ быть подвергнутъ строжайшему наказанію, кромѣ воспрещенія печатать статьи свои, а цензоръ—выговору, ежели еще не большему взысканію; но, желая имѣть предварительное мнѣніе ваше, покорнѣйше прошу удостоить меняувѣдомлениемъ по сemu предмету, дабы я, основываясь на ономъ, могъ сдѣлать мой всеподданнѣйший докладъ его величеству».

Статья, на которую указывалъ графъ Бенкендорфъ, состояла въ извѣстіи объ изолѣданіяхъ натуралистовъ Форстера и Одуэна надъ свѣтящимися червячками. Тутъ сообщались очень серьезные научные факты о сіяніи этихъ червяковъ, независимомъ отъ ихъ воли и состоящемъ въ связи съ половыми отравленіями. Но, по всегдашнему своему обыкновенію, редакторъ «Библіотеки», Сенковскій, въ серьезное дѣло счелъ приличнымъ вставить остроту на счетъ Петербургскаго дворянскаго собранія и одной неловкой фразы изъ его печатной программы.

«Одинъ монпельерскій натуралистъ (говорилось въ концѣ этой статьи) взялъ ночью самку *Lamprugidis postilus* и черезъ окно выставилъ ее на ладони въ садъ: спустя нѣсколько минутъ, прилетѣлъ къ ней самецъ, какъ кажется съ тою же цѣлью, для какой, по словамъ печатной

татель такъ усердно надѣлилъ дарами своими рядъ нашихъ зубныхъ врачей Вагенгеймовъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько Вагенгеймовъ, зубныхъ врачей въ Петербургѣ! На каждой улицѣ, на каждомъ шагу—кондитеръ Беранжеръ и зубной врачъ Вагенгеймъ!.. и посмотрите, какъ эти гг. Вагенгеймы изобрѣтательны. Г. Валленштейнъ и другіе пишутъ обыкновенно, что получили изъ-за границы то-то и то-то; но Вагенгеймы, напротивъ, большею частью, все изобрѣтаютъ сами! Но что же дѣлать?—спросятъ читатели: какое спасеніе отъ зубной боли? Лучше всего, чтобы зубы не болѣли—вырвать всѣ до одного, а потомъ просить единаго отъ г. г. Вагенгеймовъ вставить искусственные, которые естественностью цвѣта и прочностью своею лучше натуральныхъ... Если возможно дать какое-либо облегченіе въ страданіяхъ отъ зубной боли, то его дастъ вамъ г. Валленштейнъ, который обѣщаетъ менѣе всѣхъ, чтобы не быть похожимъ на дантистовъ всего міра. Жительство его: у Полицейского моста, домъ Котомина».

программы, учреждено и С.-Петербургское) дворянское собрание, т. е. для соединенія лицъ обоихъ половъ. Лишь только эти наследники исполнили программу почтенного собрания, свѣтъ самки тотчасъ погасъ. Другой натуралистъ, еще болѣе любопытный, убѣдился какъ нельзя лучше, при помощи микроскопа, что у свѣтящихся червячковъ сияютъ не тѣла, и только тѣ части, безъ которыхъ любовь была бы загадкою: онъ примѣтилъ, что *clitellum* бываетъ тогда у нихъ чрезвычайно развитый и что источникъ свѣта заключается именно въ веществѣ, покрывающемъ его».

Всѣдствіе отношенія графа Бенкендорфа, было потребовано объясненіе отъ Сенковскаго, который написалъ, что, по его приказанію, эта статья, вовсе имъ не одобрена, была перепечатана съ измѣненіями, но, къ сожалѣнію, по неопытности переплетчика, въ первыхъ ста экземплярахъ не вставили перепечатки, и такимъ образомъ роздано здѣсь въ городѣ около сотни экземпляровъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они должны быть. Хотя цензура ничего не помарала въ статьѣ о червячкахъ, однако жъ, когда онъ, Сенковскій, получилъ изъ типографіи чистые листы, то примѣтилъ, что переводчикъ включилъ въ нее неумѣстную шутку на счетъ какого-то собранія, и тотчасъ распорядился о неизданіи статьи въ такомъ видѣ; если же это случилось, то вопреки его желанію. Конечно, такому объясненію никто не могъ вѣрить потому, что всякий зналъ за автора статьи самого Сенковскаго; но дѣло, само по себѣ, не представляло никакой важности и не заключало въ себѣ никакого дѣйствительного оскорблѣнія дворянскому собранію, и потому Уваровъ воспротивился излишнимъ требованіямъ графа Бенкендорфа и самъ вошелъ къ государю императору съ докладомъ, гдѣ изложилъ дѣло въ весьма снисходительномъ видѣ, и прибавилъ, что редактору Сенковскому и цензорамъ Крылову и Ольдекопу даны строгіе выговоры. На это послѣдовала, 6-го января 1841 года, высочайшая резолюція: «Впредь быть осторожнѣе». На томъ дѣло и кончилось.

28-го августа, адмираль Н. С. Мордвиновъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ письмомъ, въ которомъ говорилъ: «Ал. Сем. Шишковъ покойный другъ мой и предмѣстникъ вашего высокопревосходительства принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ воспоминаніе бессмертно за слугами отечеству, и самъ государь императоръ почтилъ его погребеніе своимъ присутствіемъ. Между тѣмъ, въ одномъ повременномъ изданіи (на которое обратилъ я вниманіе только потому, что оно называется «Отечественными Записками»), сверхъ многихъ нелѣостей, служащихъ къ развращенію вкуса, ума и нравственности возрастающаго поколѣнія, какъ-то, что «граждани состоятъ въ сознаніи граждани» («Отеч. Зап.» № 8, критика, стр. 31), я нашелъ, къ удивленію, дерзкій

отзыvъ объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ, что «никто» не слушалъ даже и тѣхъ его замѣчаній, которыя были дѣльны, что онъ не понималъ, что славянскія и вообще старинныя книги могутъ быть предметомъ изученія, «но отнюдь не наслажденія», что, наконецъ, «онъ думалъ, что дамы не люди» (1841, № 7, іюль, критика, стр. 7). Безъ сомнѣнія, такого отзыва не допустилъ бы сдѣлать о себѣ цензоръ, пропустившій сіи строки; до какой же степени могутъ быть терпимы подобныя выходки тогда, какъ правительствомъ воспрещаются всякія личности, я съ глубокимъ прискорбiemъ оставляю на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства, но тѣмъ не менѣе почитаю долгомъ обратить ваше вниманіе на журналъ, колеблющій коренное основаніе благоустройства: согласныя съ вѣрою понятія о нравственности и уваженіе къ личности гражданина и человѣка».

Уваровъ по этому увѣдомленію ограничился замѣчаніемъ цензору.

29-го октября, главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, князь А. Н. Голицынъ, жаловался Уварову на статьи академика Кеппена, напечатанные въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ заглавиемъ: «О письменныхъ сношеніяхъ». Онъ былъ столько же недоволенъ указаніемъ многочисленныхъ недостатковъ русской почты (медленность, неисправность, неудобства отправленія и страхованія и т. д.), сколько и указаніемъ мѣръ къ устраниенію этихъ недостатковъ (понижение обременительной страховой платы, ежедневный приемъ писемъ по всему государству, приемъ писемъ на всѣхъ станціяхъ, заведеніе всюду почтовыхъ ящиковъ, необходимость хорошихъ окладовъ для уничтоженія произвола и недобросовѣтности станціонныхъ смотрителей); и потому, выписавъ все, казавшееся ему въ статьяхъ Кеппена непозволительнымъ, онъ писалъ: «Изъ сихъ немногихъ выписокъ ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите непростительную смѣость, какую позволилъ себѣ г. Кеппенъ входить то въ разборъ коренныхъ почтовыхъ законовъ, то въ осужденіе дѣйствій почтоваго управления, не зная ни видовъ высшаго правительства, по коимъ оно дѣйствуетъ такъ или иначе, не зная и того, что можетъ быть и что уже предпринято къ вящему улучшенію части сообразно способамъ государственныхъ финансъ. Самый уже предметъ разсужденія, въ томъ видѣ, какъ онъ наложенъ Кеппеномъ, не есть академический ученый, но чисто административный; публичное же порицаніе частнымъ человѣкомъ какой-либо отрасли государственного управления, гдѣ всѣ законы истекаютъ отъ самодержавной власти, есть явленіе совершенно новое, несообразное съ духомъ нашего правленія. Это попытка того либерального духа Западной Европы, который стремится подвергать дѣйствія правительствъ контролю свободного книгопечатанія. Какъ лицо государственное, ваше высокопревосходительство, безъ сомнѣнія, согла-

ситесь, что, допустивъ первый шагъ въ этомъ открывашемся вновь поприщѣ публичнаго осужденія дѣйствій почтовой администраціи, можно ожидать за тѣмъ осужденій системъ налоговъ, финансовъ, просвѣщенія, законовъ и всего. Въ той же самой статьѣ есть уже намеки и на другіе предметы, напримѣръ, о состояніи ямщиковыхъ говорится, что это «не на вѣчныя времена». Ободрясь симъ примѣромъ, другой скажетъ, что крѣпостное или иное какое состояніе должно также измѣниться. Готовый принять отъ всякаго благомыслящаго и опытнаго человѣка мнѣніе на пользу части, высочайше мнѣ вѣренной, я не могу, однако же, допустить журнального преподаванія наставленій и тѣмъ менѣе порицанія. По сему обращаюсь къ вамъ съ покорѣйшемо просьбою: 1) сдѣлать академику Кеппену замѣчаніе за неправильность и дерзость его сужденій, а допустившихъ напечатаніе статьи подвергнуть взысканію; 2) предписать, чтобы цензура не позволяла перепечатывать оной въ другихъ журналахъ, 3) впредь всѣ статьи о почтовой части, которыхъ могли бы быть предназначены къ напечатанію, сообщать предварительно на мое усмотрѣніе».

Тщетно, послѣ того, Кеппенъ въ длинномъ рапортѣ представлялъ вице-президенту академіи, князю Дондукову-Корсакову, въ свое оправдавіе и въ подтвержденіе своей статьи, множество научныхъ и официальныхъ фактovъ, прибавляя, что онъ не былъ бы достоинъ званія статистика, если бы въ этомъ отношеніи не слѣдовалъ за успѣхами почтовыхъ и другихъ подобныхъ заведеній и не сталъ сличать ихъ съ учрежденіями другихъ странъ и съ потребностями отечества». Князь Дондуковъ находилъ, что эти объясненія не только не оправдываютъ Кеппена, но даже не совсѣмъ умѣстны, такъ что онъ «не рѣшился бы представить ихъ въ настоящемъ видѣ министру, если бъ самъ Кеппенъ лично не просилъ его о томъ». Уваровъ, съ своей стороны, нашелъ также объясненія Кеппена неудовлетворительными потому, что онъ, «какъ ученый, не понялъ предѣловъ своей науки, а какъ писатель не соблюль своиъ обязанностей, и что, переступая за предѣлы разсужденій теоретическихъ, онъ вдался въ печатное сужденіе о правительственныхъ постановленіяхъ и административныхъ распоряженіяхъ»; за все это ему и данъ былъ строгій выговоръ. Непремѣнному секретарю Академіи поставлено на видъ, что онъ, зная о содержаніи статьи Кеппена, не предварилъ о томъ начальство; наконецъ Академіи наукъ предписано представлять на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія всѣ назначенные для печати сочиненія ея сочленовъ, которыхъ будутъ касаться непосредственно предметовъ какой-либо вѣтви государственного управлениія.

9-го июля 1842 г. графъ Бенкendorфъ секретно просилъ Уварова уведомить его, для доклада государю, была ли имъ, Уваровымъ, разрѣшена статья Хомякова: «О сельскихъ условіяхъ», напечатанная

въ № 6 «Москвитянина»? «Къ сему вопросу, говорилъ онъ, я побуждаюсь тѣмъ, что въ настоящое время, когда обнародование высочайшаго указа 2-го апрѣля, о договорахъ помѣщиковъ съ крестьянами, произвело повсемѣстное впечатлѣніе, котораго характеръ не вездѣ еще положительно опредѣленъ, я нахожу, что подобная статьи, какъ бы онъ ни были благонамѣренны, не должны быть допускаемы въ печать цензурою безъ предварительного, просвѣщенаго разсмотрѣнія и особаго разрѣшенія вашего высокопревосходительства собственно, тѣмъ болѣе, что онъ касаются до распоряженій правительства». Уваровъ отвѣчалъ, что хотя статья эта, до напечатанія, и не была представлена на его разрѣшеніе, но онъ и теперь не находится, чтобы она требовала какой-либо особой мѣры, потому что она благонамѣрна и не представляетъ ничего непозволительного. Когда же, вскорѣ послѣ того, смоленскій помѣщикъ Волковъ написалъ возраженіе на статью Хомякова, то министръ не дозволилъ печатать его и циркуляромъ предписалъ всѣмъ цензурнымъ комитетамъ не допускать въ печать какъ вообще статей по этому предмету, такъ и статей, разбирающихъ статью Хомякова.

Въ ноябрѣ, графъ Бенкендорфъ указывалъ Уварову на письма Пушкина къ Погодину, напечатанныя въ № 10 «Москвитянина», и на нѣкоторыя мѣста изъ «Комаровъ» Булгарина. «Какъ въ письмахъ Пушкина, говорилъ онъ, встрѣчаются неприличные выходки противъ публики, литературы, цензуры и частнаго лица г. Полеваго, то позвольте изложить вамъ мое мнѣніе, что ежели издатели «Москвитянина», печатая въ журналѣ свою эти письма, имѣли намѣреніе познакомить публику съ настоящими качествами г. Пушкина, въ такомъ случаѣ цѣль ихъ истинно похвальна, но не менѣе того цензоръ не имѣлъ права и не долженъ былъ пропускать къ печатанію неприличной браны, столь нетерпимой правительствомъ. Даѣте, какъ «Комары» г. Булгарина также исполнены личностей, грубыхъ намековъ и даже ругательствъ, то г. цензоръ, при разсмотрѣніи этой книги, также обязанъ былъ поступить съ большою осторожностью, и тѣмъ еще болѣе, что современные всякихъ рода изданія явно доказываютъ, до какой степени господа сочинители, увлекаясь страстью, или непріязнью, не хотятъ понимать, что ихъ литературная война ни мало не можетъ быть занимательна для читателей, и сколько ихъ неприличные выраженія оскорбляютъ образованную публику».

Мѣста, которыми остался въ такой мѣрѣ недоволенъ графъ Бенкендорфъ, были слѣдующія:

I. Письма Пушкина къ Погодину. «Публика наша глупа, но не должно ее морочить». — «У насъ критика, конечно, ниже даже и самой публики, не только самой литературы». — «Вообще пишу много про себя, а печатаю по неволѣ и единственно для денегъ: охота

являться передъ публикою, которая варь не понимаетъ, чтобъ..... дураки ругали варь потому шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ только что не.... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ». — «Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ кромѣ двухъ стиховъ. Скажите это господину, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его высокородія такие стихи! Покажите ему это письмо, и попросите его высокородіе отъ моего имени впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе». — «Недавно прочель я въ журналѣ сравненіе между мной и П.....; оба-де морочутъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой по одному тому своей исторіи..... Н. воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ.... вымыть есть съ его стороны..... ство».

II. Комары. Всякая всячина Булгарина. «Ну, а этотъ водевилъстъ (намекъ на автора водевиля «Петербургскія квартиры»)¹⁾, котораго вы показывали мнѣ въ театрѣ, когда играли его пьесу «Собачьи конуры», гдѣ онъ вывелъ на сцену прежнихъ своихъ кормильцевъ и представилъ ихъ ворами и разбойниками... Въ немъ вѣрно душа какого-нибудь ужаснаго звѣрька... напротивъ душа сказочного осла! Вы думаете, что онъ золь—онъ просто глупъ, и какъ осель лягаетъ тѣхъ, которые его кормятъ и чистятъ скребницей».

Уваровъ сдѣлалъ внушеніе Московскому и Петербургскому цензурнымъ комитетамъ, а графа Бенкендорфа благодарили за указаніе.

5-го февраля 1843 г., графъ Бенкендорфъ писаль, се кретно, князю Ширинскому-Шихматову (временно исправлявшему должность министра народнаго просвѣщенія) про напечатанное въ № 25 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» письмо изъ Твери, подъ именемъ тамошняго помѣщика Николая Невѣдомскаго, о данныхъ дворянствомъ и купечествомъ Тверской губерніи прощальныхъ обѣдахъ въ честь и признательность бывшему начальнику губерніи, дѣйств. статс. сов. Болговскому. «Письмо это, говориль графъ Бенкендорфъ, помѣщено съ нѣкоторою неосторожностью, ибо г. Болговской уволенъ отъ должности губернатора, не по собственному желанію, но по распоряженію правительства, и, слѣдовательно, напечатанная въ офиціальной газетѣ статья, съ изыясненіемъ похвалы и признательности къ нему жителей, показываетъ, такъ сказать, видъ оппозиціи противъ правительства». Три дня спустя, министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, также писаль Уварову, се кретно же, про эту статью, указывая на то, что бывшій губернаторъ выставленъ тамъ образцомъ истиннаго благороднаго начальника, и сказано, что ему принесена отъ дворянства благо-

¹⁾ Кажется, Кони.

дарность за управление губернию, между тѣмъ какъ этотъ губернаторъ неоднократно подвергался высочайшимъ выговорамъ за беспорядки по управлению губернией и, вслѣдствіе того, уволенъ отъ губернаторской должности безъ просьбы. «Принимая въ соображеніе, что статьи, печатаемыя въ газетахъ по таковымъ предметамъ, могутъ часто не соотвѣтствовать распоряженіямъ и видамъ правительства», Перовскій просилъ всѣ подобныя статьи допускать въ печать не иначе, какъ послѣ предварительного разсмотрѣнія ихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Согласно этимъ двумъ сообщеніямъ, дано было предписаніе, чтобы на будущее время всѣ статьи съ описаніемъ празднествъ въ честь губернскихъ чиновниковъ, особенно при ихъ увольненіи, были печатаемы не иначе, какъ послѣ предварительного разсмотрѣнія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

15-го ноября, министръ двора, князь Волконскій, требовалъ, для доклада государю императору, свѣдѣнія, кѣмъ сочинена и по чьему дозволенію напечатана, въ № 25 «Сѣверной Пчелы», безъ разрѣшенія министерства двора, статья объ оперѣ «Норма», заключающая въ себѣ неприличное сравненіе этого представленія съ посвѣщеніемъ звѣринца. Князь Ширинскій-Шихматовъ отвѣчалъ, что статья написана Булгаринымъ, а пропущена цензорами Корсаковымъ и Очкінимъ, на основаніи ст. 12-й цензурного устава, такъ какъ тутъ не было говорено ни объ игрѣ, ни о пѣніи артистовъ въ «Нормѣ», а было только замѣкъ, что авторъ ничего не можетъ сказать объ этомъ представленіи. Что же касается до слѣдующаго затѣмъ извѣстія о звѣринцѣ, гдѣ авторъ имѣть будто бы болѣе наслажденія, чѣмъ въ оперѣ, то цензоры не могли видѣть здѣсь никакого сравненія звѣринца съ оперой; въ простомъ же сближеніи этихъ разнородныхъ предметовъ, особенно въ статьѣ подъ заглавіемъ «Всякая всячина», видѣть только недостатокъ вкуса въ авторѣ. А на основаніи статей 13-й и 15-й ценз. уст., цензора не могутъ запрещать беззредной шутки и не имѣютъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя. Къ этому князь прибавлялъ, что министерству народнаго просвѣщенія никогда не было сообщено распоряженіе, чтобы статьи о театральныхъ представленіяхъ, печатаемыя въ «Сѣверной Пчелѣ», предварительно разматривались въ министерствѣ двора, а потому ни цензурный комитетъ, ни министерство народнаго просвѣщенія не имѣли возможности наблюсти за исполненіемъ этого. Наконецъ, Ширинскій-Шихматовъ просилъ князя Волконскаго представить государю императору на разрѣшеніе вопросъ: должна ли цензура, послѣ дозвolenія такихъ статей министерствомъ двора, разматривать ихъ съ своей стороны обыкновеннымъ порядкомъ, или обязана позволять ихъ безъ дальнѣйшаго цензурованія, не подлежа уже никакой ответственности за со-

держаніе ихъ? Князь Волконскій, оставшись при своемъ маѣніи объ оскорбительности сопоставленія, въ статьѣ «Сѣверной Пчелы», театра со звѣринцемъ, 19-го ноября сообщилъ князю Ширинскому-Шихматову, что государь императоръ повелѣлъ сдѣлать Булгарину строжайшій выговоръ «за неприличную статью объ оперѣ «Норма», въ которой хотя и не разбирается ни игра, ни пѣніе, но говорится весьма рѣзко не въ пользу артистовъ, и сверхъ того допущено крайне неприличное сравненіе императорскаго театра съ звѣринцемъ». «Вмѣстѣ съ симъ, продолжалъ князь Волконскій, его величеству угодно, чтобы издатели всѣхъ журналовъ и газетъ, где дозволяется помѣщать статьи объ императорскихъ театрахъ, не иначе печатали оныя, какъ по предварительномъ моемъ разсмотрѣніи, и чтобы таковыя статьи представлялись ко мнѣ принятымъ порядкомъ, чрезъ III-е отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи, за подпись сочинителей ихъ, не начальными только литерами, а всѣми словами. Послѣ того, тѣ статьи должны быть подвергаемы разсмотрѣнію обыкновенной цензуры, на общихъ правилахъ».

Въ декабрѣ 1843 года, кievскій генераль-губернаторъ Бибиковъ жаловался министру внутреннихъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и министру народнаго просвѣщенія, на нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ въ пользу Польши. Исторія этого дѣла была слѣдующая. Два польскіе писатели, графъ Ржевускій и Грабовскій (по отзыву Бибикова люди «совершенно благонадежные»), говорили въ своихъ сочиненіяхъ о безумствѣ желанія возстановить Польшу; объ обязанности всякаго честнаго человѣка быть усерднымъ подданнымъ государя; о томъ, что бывшая Польша, съ своимъ правленіемъ, всегда была жертвою партій и интригъ, всегда страдала подъ игомъ вѣшнихъ беспокойствъ, или междуусобій и разбоевъ, что Україна, Волынь, Подолія, Литва—отчины князей Рюрикова дома, всегда были русскія; что большая часть поляковъ юго-западнаго (Кievскаго) края никогда не были поляками, ибо такихъ фамилій въ настоящей Польшѣ не было; что писатели эти, выставляя смѣшныя стороны закоренѣлыхъ заблужденій поляковъ, стараются открыть имъ настоящее направленіе, по которому они должны слѣдовать для собственнаго счастья, и т. д. Въ № 64 варшавской газеты «Dziennik Krajowy» напечатана была критика противъ этихъ сочиненій Ржевускаго и Грабовскаго. Она укоряла ихъ за ихъ образъ мыслей и правила, и тутъ было, между прочимъ, сказано, что «подобными сочинителямъ писать легко и безопасно, потому что они, держась стороны побѣдителей, и сами должны оставаться побѣдителями и что надеждающаго разбора книгамъ ихъ быть не можетъ, ибо одинъ разъ, и то съ трудомъ, критика эта удается, но въ другой разъ, конечно, уже некому будетъ отвѣтить сочинителямъ за критиковъ».

Статья эта произвела въ западныхъ губерніяхъ большое впечатлѣніе и, по распоряженію намѣстника царства Польскаго, газета «Dziennik Krajowy» была запрещена. Въ это самое время кіевскій генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на нѣсколько статей въ русскихъ журналахъ, которыя, по его мнѣнію, обнаруживали образъ мыслей запрещенной газеты и вообще неблагонамѣренныхъ поляковъ. Почему онъ и составилъ подробнную записку объ этихъ статьяхъ и передалъ ее, при вѣсма сѣкретномъ сообщеніи, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, выказавъ при этомъ, что «сочинители должны быть подвергнуты отвѣтственности, со строгимъ запрещеніемъ возмущать впредь подобными выходками спокойствіе края, гдѣ всѣ благомыслящіе стремятся къ цѣли, давно уже указанной волею государя императора—къ нравственному сланію края сего съ Великороссіей». Замѣченныя статьи были схѣдующія: 1) Взглядъ на литовское законодательство и литовскіе статуты, статья, напечатанная въ 1841 г. въ «Юридическихъ Запискахъ» (издаваемыхъ въ Москвѣ профессоромъ Рѣдкинымъ) и написанная профессоромъ Московскаго университета Даниловичемъ (тѣмъ самымъ, замѣчаль Бибиковъ, о которомъ упоминается въ одномъ польскомъ заграничномъ сочиненіи, какъ главный поборникъ польского дѣла). «Статья эта, продолжалъ генералъ-губернаторъ, хотя и написана осторожно, но польский духъ, проникающій ее всю, проглядываетъ вездѣ и во всемъ ея изложеніи. Выказать прочность и пользу соединенія Литвы съ Польшою, единство у обоихъ народовъ латинскаго исповѣданія съ первыхъ временъ ихъ христіанства, слабость русскихъ элементовъ, входившихъ въ составъ Литовскаго княжества и, наконецъ, высокое достоинство законоположеній, заключающихся въ Литовскомъ статутѣ—вотъ цѣль автора и предметъ статьи его». 2) Три статьи въ «Библіотекѣ для чтенія» (январь, февраль и апрѣль 1843 г.), написанныя Сенковскимъ. Двѣ первыя написаны по поводу выхода въ свѣтъ «Исторіи Малороссіи», Н. Маркевича. «Здѣсь критикъ, предавшись всѣмъ порывамъ польской злобы противъ малороссіянъ, нападаетъ на нихъ за ихъ восстаніе противъ тиранствъ Польши, оправдываетъ или отвергаетъ злодѣйства поляковъ въ Юго-Западномъ краѣ и старается оклеветать Малороссію въ отношеніи къ Россіи. Тонъ всей статьи наглъ, грубъ и оскорбителенъ. По этому уже одному, чтеніе ея производить на всякаго русскаго впечатлѣніе чрезвычайно непріятное».

«Нѣть сомнѣнія, восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ Сенковскій, что если бы казачество было уничтожено въ концѣ XVI-го столѣтія, Малороссія, Россія и человѣчество чрезвычайно много выиграли бы отъ этого». «Этимъ возгласомъ, замѣчаль генералъ-адъютантъ Бибиковъ, Сенковскій выражаетъ сожалѣніе, что Россія и Малороссія не подчинились

Польшѣ и ея республиканскимъ формамъ. Кроме того, замѣчательно время, которое Сенковскій опредѣляетъ для уничтоженія казачества: конецъ XVI-го столѣтія есть именно время начатія уніи, для которой казачество было такимъ непреоборимымъ препятствиемъ. Далѣе, генераль-губернаторъ говорилъ, что, послѣ этихъ двухъ статей, редакторъ «Библіотеки для чтенія» напечаталъ третью статью, гдѣ, ободренный безнаказанностью, уже несравненно смѣлѣ и откровеннѣе выражается въ пользу Польши, въ опроверженіе понятій, утверждаемыхъ въ малороссийскихъ губерніяхъ правительствомъ и новымъ русскимъ направлѣніемъ воспитанія юношества. Эта статья написана по поводу романа г. Кулѣша: «Михайло Чернышенко». Здѣсь Сенковскій высказывалъ необычайные вещи въ родѣ слѣдующихъ: «Въ XIII стол. вся Малороссія, исключая Киевъ, была чистая степь. Монголы превратили прежнее великое княжество въ безлюдную пустыню и пасли на немъ свои стада. Когда литовцы оттеснили татарскіе улусы и заняли Киевъ, они получили во владѣніе страну, почти вовсе необитаемую. Прежнее народо-населеніе было совершенно истреблено или разогнано. Литовцы уже начали населять эту пустыню людьми, выведенными изъ своихъ областей, изъ пинскихъ болотъ, изъ Сѣверной Волыни и изъ Червленной Руси: эти-то переселенцы принесли съ собою въ Малороссію и тотъ языкъ, который нынѣ извѣстенъ подъ названіемъ малороссийскаго. Литва почитала этотъ край своею колоніею, и совершило справедливо. Это была литовская колонія, и при томъ военная колонія для защиты новыхъ границъ отъ татаръ. Литовскіе дворяне получили здѣсь пустыя земли, съ условіемъ приводить сюда часть своихъ холопей, строить замки и села... Когда Литва соединилась съ Польшею и хозяйственнымъ образомъ уступила ей Волынь и Червленную Русь, польскіе дворяне на тѣхъ же условіяхъ переводили сюда своихъ крестьянъ, и сами основывали среди ихъ свое пребываніе. Въ то же время, на островахъ Днѣпра и въ самой глубинѣ степей, составилось скопище изъ бѣглцовъ литовскихъ и польскихъ, которые покидали своихъ законныхъ владѣльцевъ и новые поселенія, чтобы жить своей головой» и т. д.

Приведя эти и многія другія выписки изъ указанныхъ выше статей, генераль-губернаторъ Бибиковъ дѣлалъ слѣдующее общее заключеніе: «Русскимъ обитателямъ южныхъ предѣловъ своего отечества нужно и возможно привести въ забвеніе злонамѣренное и натянутое ученіе польскихъ историковъ: польскія историческія книги становятся здѣсь частью-часу менѣе доступны и должны, наконецъ, сдѣлаться рѣдкими. Польская партія не можетъ не предвидѣть этого слѣдствія. Поэтому-то поляки и рѣшились приѣхнуть къ органу нашихъ periodическихъ изданій, дабы, оградивъ себя русскимъ языкомъ отъ строгости цензуры, сохранить, спасти отъ забвенія идеи польской народности и положить *

ими препятствіе нравственному сліянію здѣшнихъ губерній по царскому слову его императорскаго величества: «Въ одно тѣло, въ одну душу».

Вслѣдствіе этого сообщенія, Уваровъ 31-го декабря 1843 г. предписалъ, «весьма секретно», Петербургскому и Московскому цензурнымъ комитетамъ дать выговоръ цензорамъ, пропустившимъ тѣ статьи, и впредь представлять на его усмотрѣніе, послѣ цензорскаго одобренія, всѣ статьи, касающіяся до исторіи и политическихъ отношеній Западнаго края имперіи и возвращенныхъ отъ Польши губерній; а генералъ-адъютанту Бибикову принесъ покорнѣшую благодарность за сообщеніе замѣчаній на тѣ неосмотрительныя статьи. Вслѣдъ за тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ Уварову высочайшее повелѣніе: «за помѣщеніе въ двухъ журналахъ извѣстныхъ двухъ статей, подвергнутъ виновныхъ отвѣтственности и напечатать въ тѣхъ же самыхъ журналахъ опроверженіе, извлеченное изъ сочиненій польскихъ писателей Ржевускаго и Грабовскаго»; но Уваровъ въ январѣ 1844 года вошелъ къ государю императору со всеподданѣйшимъ докладомъ, гдѣ изложилъ ходъ дѣла и свои распоряженія, а въ заключеніе просилъ дозволенія отнести къ генералъ-адъютанту Бибикову о доставленія вышеозначенныхъ возраженій, такъ какъ тамъ на мѣстѣ (въ Киевѣ) всего удобнѣе можно судить, что въ тѣхъ статьяхъ производить наиболѣе неблагопріятное впечатлѣніе на жителей края, и особенно требуетъ опроверженія, тѣмъ болѣе, что статьи были напечатаны уже годъ тому назадъ, и сочиненія Ржевускаго и Грабовскаго министерству народнаго просвѣщенія неизвѣстны. Сверхъ того, онъ упомянулъ, что возраженія на статьи «Библіотеки для чтенія» были уже напечатаны, въ 1843 году, въ «Москвитянинѣ». На этотъ докладъ 5-го января послѣдовала высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Но по сообщеніи этого генералъ-адъютанту Бибикову, послѣдній отозвался, секретно, что всего удобнѣе было бы пригласить Сенковскаго взять на себя трудъ составленія опроверженія и приготовить для «Библіотеки для чтенія», въ настоящемъ духѣ и характерѣ нашей исторіи, статьи, которыхъ опровергали бы всѣ навѣты польскіе, напечатанные прежде. Уваровъ съ этимъ не согласился и всеподданѣйшимъ докладомъ просилъ дозволенія, для составленія здѣсь статей съ опроверженіями, выждать, когда къ тому представится удобный по-водѣ, тѣмъ болѣе, что чрезъ это нужно будетъ привести снова на память статьи, которыхъ напечатаны почти годъ тому назадъ, и изъ которыхъ одна уже опровергнута въ «Москвитянинѣ». Государь императоръ изъявилъ на то свое согласіе, и на этомъ дѣло остановилось. Но Бибиковъ, не видя появленія возраженія въ «Библіотекѣ», напоминаль о томъ Уварову; и когда послѣдній сообщилъ ему высочайшую

резолюцію, то Бибиковъ прислалъ статью, сочиненную, по его распоряженію, въ Кіевѣ, предоставляемую при этомъ министру народнаго просвѣщенія «дать ей, по его усмотрѣнію, болѣе изящный, если возможно, видъ». Статья тотчасъ же была помѣщена въ «Бібліотекѣ для чтенія».

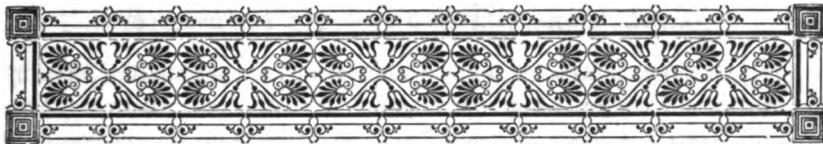
25-го апрѣля 1844 г. графъ Орловъ писалъ Уварову, что изъ различныхъ источниковъ, изъ Москвы, онъ получилъ одинъ и тѣ же извѣстія, что статья «Освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ», напечатанная въ № 42—45 «Московскихъ Вѣдомостей», произвела въ публикѣ самое неблагопріятное впечатлѣніе. А такъ какъ главная, непріятная мысль, говорилъ начальникъ III-го отдѣленія, замѣтна у многихъ та, будто бы подобныя статьи печатаются не безъ намѣренія и не безъ отдаленныхъ видовъ самого правительства, то московскій военный генералъ-губернаторъ призналъ даже нужнымъ имѣть по этому предмету совѣщеніе съ московскимъ попечителемъ, графомъ Строгановымъ. Хотя въ статьѣ сей всѣ разсужденія относятся собственно до негровъ французскихъ и англійскихъ колоній, но некоторые выраженія оной, напримѣръ, «невольничество противно законамъ нравственности, оно развращаетъ и господина и раба: первого тѣмъ, что даетъ ему надъ невольникомъ безотвѣтственную, безпрерывно гнетущую власть, какую человѣкъ не въ правѣ имѣть надъ подобными себѣ созданіемъ—послѣдняго тѣмъ, что уподобляетъ его скоту, замѣтная въ немъ всякую разумную дѣятельность страхомъ плети и слѣпымъ повиновеніемъ»,—могутъ дѣйствительно дать поводъ приписывать этой статьѣ смыслъ болѣе обширный, и не до однихъ негровъ относящейся. Поэтому графъ Орловъ просилъ Уварова дать цензорамъ, на случай печатанія впередъ подобныхъ статей, самое правильное направленіе и поставить ихъ въ обязанность избѣгать такихъ статей, которые могутъ быть принятаемы вообще къ крѣпостному быту людей, дабы осторожнымъ выборомъ подобныхъ разсужденій могли быть прекращены чеосновательные толки и то неправильное мнѣніе, что само правительство съ намѣреніемъ допускаетъ такія статьи къ напечатанію». Министръ внутреннихъ дѣлъ жаловался Уварову, се кресто, на ту же самую статью. Уваровъ отвѣчалъ обоимъ вѣдомствамъ, что сдѣлалъ надлежащее распоряженіе на счетъ осторожности цензуры, а въ отношеніи своемъ къ графу Орлову прибавилъ еще, что уже и прежде цензурному вѣдомству неоднократно было предписано не дозволять къ печати статей и разсужденій, относящихся къ крѣпостному состоянію крестьянъ въ Россіи.

Наконецъ, въ заключеніе обзора постояннаго вмѣшательства разныхъ вѣдомствъ въ журналистику слѣдуетъ привести еще одинъ любопытный фактъ: это возникшій, въ концѣ 1844 года, вопросъ объ учрежденіи русской журналистики за границей. 6-го ноября графъ Ор-

ловъ писалъ Уварову, что надворный советникъ Делакроа, состоящий на службѣ правителемъ канцелярии курляндскаго губернатора, предлагає издаватъ въ Германіи журналъ подъ названіемъ «Россія», гдѣ предполагаетъ помѣщать выписки изъ нашихъ periodическихъ изданій, равно и опроверженія статей, появляющихся въ иностранныхъ газетахъ на счетъ Россіи. Уваровъ отвѣчалъ, что «нельзя не отдать полной справедливости похвальнымъ намѣреніямъ Делакроа, но дѣйствительно принести пользу можетъ это предпріятіе тогда только, когда будетъ имѣть успѣхъ несомнѣнныи; въ противномъ случаѣ, кажется, благовиднѣе не приступать къ тому, особенно при участіи самого правительства, которое не можетъ остатся совершенно незамѣченнымъ. При нынѣшнемъ расположениіи умовъ въ чужихъ краяхъ въ отношеніи къ Россіи, должно, однако, усомниться, чтобы г. Делакроа успѣхъ преодолѣть всѣ трудности, которыя его предпріятіе встрѣтить неизбѣжно въ непріязни и ослѣпленіи противъ Россіи. Въ письмѣ своемъ г. Делакроа не объясняеть, гдѣ и какимъ образомъ предполагается учредить редакцію журнала. Ежели, согласно съ прежнимъ его планамъ, въ Митавѣ, то едва-ли главная цѣль изданія будетъ достигнута за отдальностью мѣста, ибо опроверженія лишь тогда могутъ быть дѣйствительны, когда слѣдуютъ немедленно за появленіемъ первого извѣстія; запоздалыя возраженія только будутъ возобновлять прежнія впечатлѣнія, уже отчасти загладившіяся и затихшія. При томъ г. Делакроа не указалъ ни на одно имя, которое пользовалось бы авторитетомъ въ литературномъ мірѣ, и котораго участіе ручалось бы за успѣхъ предполагаемаго изданія. «Въ заключеніе, говорилъ Уваровъ, предоставляю собственному благоусмотрѣнію вашему решить: въ какой мѣрѣ благовидно правительству содѣйствовать изданію, въ чужихъ краяхъ, журнала, назначенаго исключительно на защиту Россіи отъ несправедливыхъ извѣстій о ней, а самъ ограничусь повтореніемъ мысли моей, что гораздо лучше вовсе не приступать къ подобному дѣлу, чѣмъ подвергаться всѣмъ невыгодамъ неудачнаго предпріятія». Послѣ этого отзыва, предположеніе Делакроа не имѣло никакого дальнѣйшаго хода.

(Продолженіе сходитъ).

Четыре письма Владимира Федосеевича Раевского къ сестрѣ его В. Ф. Поповой.

(Съ примѣчаніями Владимира Раевского).

1.

15-го декабря 1859 г.

Письмо твое, яблоки и вишни для Саши ¹), любезный, безцѣнныи другъ мой Вѣра Федосеевна, я получилъ. Благодарю тебя отъ души. Яблоки и груши буду беречь, чтобы достало на годъ. Я привыкъ употреблять ихъ какъ питье, вместо лимонаду, и, размочивши, дѣлаю яблочникъ, до котораго я былъ большой охотникъ съ дѣтства.

Надежда Федосеевна ²) прислала Сашѣ свой портретъ и дѣтей своихъ внучковъ, и рубашечки для дѣтей Вѣрочки.

Любовь Федосеевна ³) прислала извлеченіе ихъ новой духовной, изъ которой я понять только то, что, если она умретъ, имѣніе ⁴) должно поступить мнѣ, но я распоряжаться имъ не имѣю права; если я умру, то имѣніе должно поступить Сашѣ, и, наконецъ, тогда только это имѣніе должно поступить мнѣ или Сашѣ, если я или дочь моя будемъ вести себя честно, добродорядочно и почтительно въ отношенія ея и мужа ея. Не понимаю, что это все значить?

Кажется, я поступилъ съ вами и вель себя какъ добрый братъ, какъ честный человѣкъ, какъ другъ вашъ... Къ чему же эти если, отчужде-

¹) Дочь В. Ф., нынѣ умершая.

²) Бердлева. Дочь ея, Зинаида Николаевна, славилась своимъ недюжиннымъ образованіемъ, художественными талантами и замѣчательною красотою. Была замужемъ за харьковскимъ губернаторомъ А. С. Траскинымъ. Нынѣ умершая.

³) Веригина.

⁴) Хворостянка, Курской губ., Старооскольскаго уѣзда.

ніе другихъ дѣтей моихъ отъ меня, униженіе Юлія, котораго я такъ люблю. Не вызовъ ли это на оскорблениe?

Я васъ люблю, я вамъ это выразилъ, но дѣтей моихъ я люблю болѣе всего и знаю ихъ очень хорошо. Юлій, можетъ быть, нескроменъ, увлекается иногда, беззаботенъ, разсѣянъ, но всѣ свои недостатки онъ выкупаетъ добрымъ сердцемъ, честными наклонностями, развитиемъ благородства мыслей и дѣла. Зачѣмъ было въ духовной письменно клеймить его. Скажу тебѣ рѣшительно, что такая духовная не только не дѣлаетъ мнѣ никакого удовольствія, но въ основаніи оскорбляетъ меня.

Да и что изъ такой юридически невозможной духовной? Ну, если мы всѣ помремъ наоборотъ? т. е. я прежде, потомъ Саша, а потомъ уже Веригина? Повторяю еще разъ, что я не понялъ хорошо, о чёмъ идетъ дѣло въ этой духовной. Бѣдная Александра Федосеевна, сколько глупостей надѣлала она при жизни!

Юлій хотѣлъ ѻхать къ вамъ и, вѣроятно, уже былъ. Напиши мнѣ, что онъ дѣлалъ? Долго ли пробылъ? Что дѣлаетъ Анна Васильевна? ¹⁾ Я ей писалъ три письма, а, кажется, она получила только одно.

Кланяйся отъ меня Любиму Ивановичу и Софѣ ѡедоровнѣ и ѡедору Петровичу ²⁾ и прекраснымъ дѣтямъ его.

Александръ Васильевичъ также кланяйся и поблагодари за всегдашнее ея расположение ко мнѣ.

Мы живемъ по прежнему. Зима у насъ теплая, снѣгу много, но р. Ангара, на которой Олонки ³⁾, еще не стала, а (уже?) 15-е декабря. Прощай, другъ мой, не забывай любящаго тебя всѣмъ сердцемъ брата.

Іоасафу Александровичу ⁴⁾ усердно кланяюсь и по полученіи письма отъ него буду писать.

Съ новымъ годомъ всѣхъ васъ поздравляю.

2.

23-го декабря 1861 г.

Вотъ, наконецъ, мой добрый и безцѣнныи другъ мой, Вѣра ѡедосеевна, предъ тобою и Вадимъ, сынъ твоего брата... Я отправилъ его до Москвы на весьма благонадежныхъ рукахъ. Остальное онъ самъ тебѣ расскажетъ.

Описывать сына я не буду.

Способностей у него много. Учился и понимаетъ все хорошо. Любить говорить много, это фамильный порокъ и наследственный до из-

¹⁾ Мухортова, теперь Гаевская, племянница И. А. Попова.

²⁾ Ф. П. Волковъ, помѣщикъ Новооск. у., теперь умершій.

³⁾ Село Иркутской губ., где жилъ В. ѡ.

⁴⁾ Поповъ, мужъ Вѣры ѡедос.

вѣстныхъ лѣтъ и опыта. Тебѣ и Іоасафу Александровичу ввѣряю я родительскую власть надъ нимъ.

Здѣсь гимназія такъ дурна, что воспріимчивая натура только испортиться можетъ; хотя и во всѣхъ общественныхъ училищахъ направлѣніе было одно и то же, но хуже нашей гимназіи, конечно, не было. Необходимость только заставила меня вести дѣтей по этому заразительному и вредному переходу, чтобы имѣть послѣ этой порчи право на лучшую будущность. Теперь вся жизнь его и будущность зависить отъ васъ. На ваше благоразуміе и любовь всѣ надежды мои.

Онъ уже вашь. Увижу ли я его? Богу только извѣстно... 33 года жилъ и устраивалъ я мое гнѣздо, и вотъ: Саша, Вѣра, Юлій, Миша и, наконецъ, Вадимъ оставили меня и мать¹⁾, и свой родимый кровъ. При моей болѣзни любви къ дѣтямъ, тяжело, очень тяжело и больно. Но этой жертвы требуетъ отъ меня та же любовь къ нимъ. Мне жить не долго, а они начинаютъ только жить. Изъ жестокаго и долговременнаго опыта я вынесъ убѣжденіе, что человѣкъ можетъ быть покойнъ только тогда, когда онъ желаетъ добра и дѣлаетъ его не изъ тщеславія, а вслѣдствіе необходимости или желанія дѣлать его своимъ однороднымъ. Слѣдственно, я не думаю о дѣтяхъ моихъ только тогда, когда сплю... Но и во снѣ часто вижу то того, то другаго. Въ сны я привыкъ видѣть въ дѣтяхъ моихъ весь міръ; за оградою моего дома я встрѣчалъ чуждыхъ для меня, какъ бы другаго міра людей.

И вотъ, при концѣ жизни, заживо передо мною пустыня...

Не долго пробылъ я у васъ. Но вы видѣли и поняли, что не корысть, не расчеты, не сожалѣніе о моемъ прошедшемъ, а одна чистая, искренняя любовь къ роднымъ сестрамъ звала меня на родину²⁾, чтобы увидѣть ихъ, обнять, поклониться праху отца и матери и потомъ со слезами, горькими слезами проститься съ ними на всегда.

Недавно ты пробудила было во мнѣ свѣтлую мысль, надежду кончить жизнь мою вблизи отъ васъ, на той же землѣ, гдѣ жили отецъ, дѣдъ, прадѣдъ наши! Но ты современемъ поймешь, какъ искусно и безбожно Вѣнѣцъ уничтожить минутное увлеченіе къ добру жалкой жены своей... Сначала онъ увеличилъ цѣну, потомъ придумалъ какую-то статью (?), которую скорѣе послать онъ самъ, нежели я или кто-либо изъ моихъ близкихъ.

Съ почтою ты получишь поясненіе на эту нехитрую выдумку. Бѣдная и жалкая эта Любовь Фед.

Мой сынъ будетъ залогомъ моей самой искренней, самой чистой, неизмѣнной любви къ вамъ и довѣрія какъ къ тебѣ, такъ и любезному

¹⁾ Евдокія Моисеевна.

²⁾ Курская губернія.

брату Иоасафу Александровичу. Прощайте. Обнимаю, цѣлую тысячу разъ и благословляю васъ на жизнь покойную, счастливую и долговѣчную.

Знакомымъ кланяюсь.

3.

11-го января 1864 г.

Давно не писалъ я къ тебѣ, безцѣнныи и милый другъ мой, Вѣра Федосеевна. Я ожидалъ отвѣта на письма мои. Но, кажется, ты лѣнишься писать. Отъ Вадима также давно не имѣю писемъ, онъ совершенно насъ забылъ: и къ маменькѣ, и къ братьямъ не пишетъ. Я прошу о перевода Миши сюда, не знаю, уважутъ ли просьбу мою по случаю войны; онъ получилъ анненскую саблю за храбрость и поручикъ. Юлій произведенъ въ ротмистры, но перевода до сихъ поръ нѣтъ.

У насъ ничего особеннаго нѣтъ.

Если Мишу переведутъ, я приказаю ему заѣхать къ вамъ.

Получила ли Анна Васильевна мою карточку? ничего не знаю. Мнѣ пишутъ изъ Москвы, что Вадимъ учится хорошо. Я ему послалъ мою карточку. Недавно прочелъ я въ газетахъ о смерти моихъ близкихъ товарищѣй: Батенькова, мнѣ присланъ и портретъ его, завѣщанный передъ смертью; онъ 20 лѣтъ просидѣлъ въ крѣпости; Турчанинова, крестнаго отца Юлія; онъ ботаникъ и умеръ въ Харьковѣ, и Александра Ник. Муравьеву; онъ былъ такъ же въ ссылкѣ, но умеръ сенаторомъ. Стало быть, и я на очереди... 28-го марта мнѣ пойдетъ семидесятый годъ. А жизнь моя прошла, какъ тебѣ известно, не на балахъ и пирахъ, и не многимъ назначено такъ много испытаний, труда и лишений. И, если я вынесъ изъ подъ этого гнета не утраченныи силы, то, конечно, исключениемъ такимъ я обязанъ только Богу!

Время идеть, и пребываніе мое у васъ мнѣ чудится, какъ сонъ, какъ давно прошедшее.

Прощай, любимый и добрый другъ мой. Не забывай брата твоего, который встрѣтилъ въ тебѣ сестру и друга.

Люби моего Вадима. У васъ нѣтъ дѣтей, да будетъ онъ сыномъ вашимъ. Иоасафа Александровича также прошу о немъ. Онъ васъ очень любить, это я знаю.

Обнимаю и цѣлую васъ тысячу разъ.

Всѣмъ знакомымъ усердно кланяюсь.

Дочь моя Саша пишетъ, что В-на не высылаетъ ей денегъ; отчего это?

4.

21-го июля 1865 г.

Письмо твое, безцѣнныи, несравненный и добрый другъ мой, Вѣра Федосеевна, съ письмомъ отъ Вадима отъ 3-го іюня я получилъ. Долго не получая отвѣта на письма мои, я уже испугался...

Послѣ несчастныхъ случаевъ со мною, я сдѣлался недовѣрчивъ и всегда ожидаю и тревожусь, не отдавая себѣ отчета, почему я вижу или предполагаю только одно печальное или дурное. Можетъ быть, такое настроеніе и пройдетъ, если Миша, сынъ мой, возвратится, если дѣла мои пойдутъ лучше, если дѣти мои будутъ счастливы.

Переходъ Вадима въ Харьковскую гимназію нисколько меня не опечалилъ. Я очень доволенъ, что вы такъ рѣшили. Здоровье для молодаго человѣка необходимо, а сколько у насъ гибнетъ едва блеснувшихъ талантовъ отъ недостатковъ, ранней издергки жизни и вреднаго вліянія атмосферы, особенно петербургской,—московскій воздухъ легче.

Я думаю, вы увидите Мишу. Полѣкъ переходить въ Малороссію, и, если его не переведутъ, онъ хочетъ подать въ отпускъ. Да не мѣшало, если бы Саша перевела эти 2.000 рублей на меня. Дѣла мои совершенно разстроились, и я вошелъ въ долгъ, хотя незначительный, но я не приымѣ, и это меня сильно беспокоитъ.

Валерій¹⁾ служить при зятѣ моемъ Ефимовѣ и не требуетъ отъ меня ничего. Вадимъ вашъ, но за Соничку я долженъ платить. Она превосходно играетъ на фортепіанахъ и очень много утѣшаетъ меня своими необыкновенными успѣхами. Директриса, превосходная женщина и начальница, ее очень любить, и Соничкѣ остается только два года въ институтѣ. Она вся въ нашу фамилію и похожа съ Сашей.

Саша вышла замужъ! Это меня очень удивило и не обрадовало. Здѣсь она по выбору могла бы выйти, но это замужество отѣлило ее совершенно отъ родины, родныхъ и вообще отъ семейства и надежды возвратиться къ намъ. Мужъ ея лѣкарь, имѣть мать и сестеръ на рукахъ, сдержитъ ихъ изъ жалованья, моложе далеко Саши, и вотъ причина, по которой я боюсь за будущность ея.

У насъ былъ неурожай, и хлѣбъ доходилъ ржаной до одного рубля и 20 коп. за пудъ, пшеничный до 1 р. 50 к., крупа ячневая 2 р. пудъ; а въ этомъ году засуха, но повредила только яровыя.

Интереснаго у насъ ничего нѣтъ.

Къ Іоасафу Александровичу я писалъ, но не получилъ отвѣта. Я

¹⁾ Сынъ В. Ф., здравствуетъ по нынѣ.

люблю и уважаю его за его расположение чисто родственное къ намъ.

Что милая и добрая Настенька? почему не пишеть ко мнѣ? очень жалѣю, если она больна.

Прощай, мой милый и безцѣнныи другъ.

Кланяйся всѣмъ, кто помнить меня. Пиши чаще, для здоровья моего это полезно. Отъ Натальи Гавриловны ¹⁾ давно не имѣю писемъ, жива ли она? Прощай, еще разъ цѣлую тебя.

Вадиму буду писать.

Сообщилъ Владимиръ Раевскій.

---

¹⁾ Двоюродная сестра В. О.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаєва.

XXXVI¹⁾.

Литературная дѣятельность В. А. Панаєва.—Участіе его въ „Современникѣ“.—Мысль объ изданіи журнала въ Парижѣ на французскомъ языке.—Статья В. А. Панаєва въ защиту Тьера.—Знакомство съ Луи-Бланомъ.—Переговоры съ нимъ объ изданіи журнала.—Банкетъ въ память провозглашенія во Франціи первой республики.—Рѣчь на немъ В. А. Панаєва въ пользу сербовъ.—Вопросъ объ изданіи журнала „L'homme Libre“.—Неблаговидные поступки Луи-Блана.—Отказъ Панаєва отъ участія въ журналѣ.—Процессъ его съ Луи-Бланомъ.

Xоти, какъ видно изъ моихъ воспоминаній, моя жизнь проходила въ инженерной дѣятельности, но въ душѣ меня влекло къ дѣятельности литературной, по вопросамъ соціальнымъ, экономическимъ и политическимъ. Еще въ 1858 году, когда уже начиналось облегченіе цензурныхъ условій, я началъ уговаривать редакторовъ «Современника» Ив. Панаєва и Некрасова, начать издавать ежедневную газету и готовъ былъ взять на себя руководить означенными выше вопросами. Въ то же время, я предсказывалъ имъ, что если не оснуетя серьезный политический органъ, то Москва задавить «Современника». Въ началѣ 1858 г., я написалъ въ видѣ образца моихъ взглядовъ, статью: Община, которая появилась въ мартовской книжкѣ «Современника».

Въ томъ же, въ 1858 году, я написалъ и издалъ брошюру на французскомъ языке о политическихъ вопросахъ подъ заглавиемъ «La Sainte alliance des peuples», характеризующую мои политические взгляды. Кроме того, я въ томъ же году издалъ на французскомъ языке неболь-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1903 г.

шую брошюру, по поводу жгучаго тогда вопроса, поглотившаго всѣхъ и вся, подъ заглавiemъ: «Emancipation de serfs en Russie, и наконецъ въ томъ же году я издалъ обширную брошюру на русскомъ языкѣ, которая появилась въ Лондонѣ: это V книжка голосовъ изъ Россіи, съ проектомъ освобожденія крестьянъ, впослѣдствіи напечатанная здѣсь, цѣлкомъ, въ типографіи II отдѣленія Собственнай его величества канцеляріи.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ очевидно слѣдуетъ, что мое предложеніе редакторамъ «Современника», о томъ, что я быль бы готовъ взять на се-бя руководство по вопросамъ политическимъ, экономическимъ и со-циальнымъ, въ той газетѣ, которую бы они предприняли, не было словомъ, выпущеннымъ мною на вѣтеръ.

Со смертью Панаева «Современникъ» скоро погибъ, и Некрасовъ явился редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ».

Въ 1865 году я сталъ вновь убѣждать Некрасова приняться за изданіе ежедневной газеты. Но онъ тогда отговаривался тѣмъ, что необходимость ежедневнаго труда ему не подъ силу.

Когда въ 1868 г., я закончилъ свою инженерную дѣятельность, и когда у меня явился капиталъ нѣсколько болѣе 400.000 руб., остав-шихся у меня отъ подряда, я предлагалъ Некрасову войти въ компа-нію и внести, съ своей стороны, извѣстный капиталъ; но въ это вре-мя Некрасовъ чувствовалъ, что здоровье его плохо, и мое предложе-ніе осталось безъ послѣдствій.

Междудѣйствіе, за нѣсколько лѣтъ у меня скопилась груда статей, написанныхъ по разнымъ вопросамъ, экономическимъ, которыхъ впо-лнѣ соответствовали правительственной цензурѣ, но не проходили чрезъ цензуры редакторскія, которыхъ составляютъ извѣстные кружки, и во мнѣ подготовлялась мысль искатьъ, наконецъ, свободы слова, вѣтъ моей родины, и я задумалъ основать журналъ на французскомъ языкѣ.

Всѣ вышепизложенные обстоятельства подходили къ выполненію этой мысли. Само собою разумѣется, я избралъ для этого дѣла Парижъ.

Въ Парижъ я пріѣхалъ въ то время, когда послѣ, можно сказать, диктаторства Тьера, президентомъ былъ уже Макъ-Магонъ, и въ данное время настала эпоха всеобщихъ выборовъ. Я началъ съ того, что опубли-ковалъ сочувственную статью Тьери; статья эта такъ понравилась его сторонникамъ, что они напечатали ее въ 50.000 экземплярахъ, расклеили частью по улицамъ Парижа и часть разослали по разнымъ городамъ провинціи.

Я приведу здѣсь эту статью, въ переводѣ.

Тьерь, какъ единственный для избранія депутатъ во Франціи, при первой баллотировкѣ.

«Франція никогда не находилась въ такомъ критическомъ и торже-

ственномъ моментѣ, какъ нынѣ. Избиратели держать въ своихъ рукахъ спасеніе или гибель своей страны, и можно даже сказать, что самое существованіе Франціи зависитъ отъ предстоящихъ выборовъ.

«Если припомнить всѣ революціи, внезапные государственные удачи, безпрерывно сменявшіеся въ продолженіе долгаго времени, если припомнить борьбу, происходившую въ послѣдній парламентѣ, невольно можно сказать себѣ, что гибельно будетъ продолжать идти тѣмъ же путемъ, и что прежнія политическія доктрины отжили свое время.

«Гибельно совершилъ хотя бы единую ошибку—воскликнулъ Тьеръ, обращаясь къ правительству Наполеона III. Съ такимъ точно воскликаніемъ можно обратиться теперь непосредственно къ французскому народу.

«Надо, чтобы каждый французъ убѣдился, что несчастія послѣдней войны явились не къ уничтоженію Франціи, а къ ея пробужденію. Разъ пробужденная Франція должна выбрать одну изъ слѣдующихъ дорогъ: или встать во главу всѣхъ націй, взявъ иниціативу новой жизни, настойчиво требуемой человѣчествомъ, или слѣдовать по старой дорогѣ, чтобы обратиться въ ничтожество. Надобно, чтобы отнынѣ Франція не мечтала болѣе о войнѣ, чтобы не мечтала болѣе о возмездіи, влекущемъ потоки крови; но чтобы она выставила новое знамя, имѣющее надпись: «Благоденствіе всѣхъ», благоденствіе, которое не можетъ быть достигнуто безъ доктрины вѣры въ добро. Она принесетъ дѣйствительную свободу, т. е. порядокъ, который разовьетъ производительный трудъ, чтѣ и создастъ благоденствіе, а благоденствіе расширить и возвысить образованіе; совокупленіе всѣхъ переименованныхъ элементовъ обусловить непобѣдимую силу, предъ которой преклоняется всѣ націи.

«Вопросъ не заключается въ томъ, чтобы основать то или другое правительство, а въ томъ, чтобы войти въ новую эру. Въ нравственныхъ элементахъ, а не въ политикѣ, надо искать сущность настоящаго вопроса.

«Принципъ, на которомъ виждется вообще политика и всѣ учрежденія—есть и едовѣріе. Надо измѣнить этотъ принципъ и замѣнить его другимъ: Довѣріемъ и вѣрою въ добро.

«Отбросимъ теперь общія мѣста и обратимся къ фактамъ.

«Франція находится теперь на краю пропасти. Эту пропасть вырыли различныя политическія партіи. Вѣдь политическія партіи согубили Польшу, онѣ погубятъ и Францію, если она не заставить ихъ умолкнуть.

«Да не будетъ царство партій! Надо отнынѣ, чтобы всѣ избиратели стремились къ одной общей цѣли: къ воцаренію честности, разумности и дѣйствительной свободы, т. е. такой, которая дозволить ка-

жому гражданину пользоваться всѣми своими натуральными правами. Утопія! скажутъ вамъ. Необходимость крайняя и неизбѣжная, отвѣтите вы: что міръ изнемогъ отъ принциповъ противоположныхъ. Оставьте кричать людей, которые ссылаются на утопію, когда приходится осуществлять истины, до того времени не практиковавшіяся или заброшенныя. Эти крики есть продуктъ посредственности, неспособности или дурныхъ инстинктовъ. Эти люди безъ «вѣры въ добро» составляютъ несчастіе міра и задерживаютъ всякий прогрессъ.

«Идите решительно, безъ колебаній къ идеалу правды и добра. Будьте увѣрены, что непоколебимая вѣра въ правду и добро естественно приведетъ къ господству свободы, разума, общаго благо-денствія и образованія.

«Есть ли возможность избѣжать борьбы партій? Конечно, иѣть, но избиратели могутъ привести ихъ къ молчанию, образуя единственную партію патріотовъ, а чтобы свершить это, есть средство самое простое.

«Это средство состоить въ томъ, чтобы создать нового Вашингтона, выбирая при первой баллотировкѣ во всѣхъ конскрипціяхъ Тьера.

«Какія будуть послѣдствія этой торжественной демонстрації? Всякій легко ее пойметъ. Эта демонстрація укажетъ, что избиратели желаютъ импозировать прежде всего партіямъ политику патріотизма. Маршалъ, президентъ республики, пойметъ, въ своемъ благоразуміи, что онъ долженъ обратиться къ испытанному патріотизму Тьера, дабы онъ снизошелъ принять вице-президентство совѣта, на которое онъ можетъ согласиться лишь подъ условіемъ полной свободы въ политикѣ.

«Этой законной демонстраціей Франція укажетъ путь, которому должны слѣдовать различные партіи, и что главное ея желаніе довѣрить направленіе своей политики человѣку, который далъ столько доказательствъ своего благоразумія, своихъ способностей государственного мужа, своей любви свободы, своей политической честности, своей опытности и своего безграницаго патріотизма.

«Но могутъ сказать вамъ, что нація импозируетъ себѣ, въ такомъ случаѣ, нравственную диктатуру? Грустно будетъ, если подобная идея найдетъ сильный отголосокъ во Франціи въ настоящую минуту.

«Если Франція не наложитъ нравственного тормоза на партіи, она погибнетъ. Этотъ нравственный тормозъ олицетворяется нынѣ въ одномъ человѣкѣ, который приобрѣлъ великоеуваженіе и громадное вліяніе не только во Франціи, но во всемъ свѣтѣ.

«Пока, такъ называемые либералы не поймутъ, что разумъ стоитъ выше количества, пока не признаютъ известныя права индивидуального разума въ политикѣ, какъ они допускаютъ его въ наукѣ, и пока они не предоставятъ ему свободу, до тѣхъ поръ имъ не достигнуть действительной свободы.

«Съ другой стороны пока такъ называемые консерваторы не признаютъ, что нація должна имѣть право контролировать серьезно и дѣйствительно правительство, пока не поймутъ, что порядокъ есть послѣдствіе абсолютной свободы слова, они не достигнутъ ни устойчивости правительства и никакого соціального принципа.

«Если большая часть избирателей не вотирутъ при первой баллотировкѣ въ пользу Тьера, Франція докажетъ лишь недостатокъ своего политического такта и можетъ потерять уваженіе въ глазахъ всего свѣта, по своей неблагодарности. Неблагодарность это безнравственность. Безнравственность это признакъ декадентства.

«Декадентство это гибель!

«Раздумайте же, избиратели, и поступите по соображеніи. Франціи нужень Вашигтонъ, надо, чтобы она создала его. Безъ этого она подпадеть подъ режимъ Бонапарта и Бурбона.

«Изложенное здѣсь мнѣніе высказано иностранцемъ, который никогда не видаль Тьера и не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ. Это мнѣніе истекаетъ изъ собственного убѣжденія».

Въ это-то время я встрѣтилъ въ Парижѣ лондонскаго знакомаго Таландье. Онъ сталъ часто приходить ко мнѣ, и ему я открылъ свое намѣреніе издавать еженедѣльный органъ на французскомъ языкѣ, гдѣ бы я могъ свободно проводить свои мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомить Францію съ Россіей, такъ какъ она не имѣла другаго органа, кроме официальнаго «Journal de St.-Petersbourg» и полуофициальнаго безцвѣтнаго «Le Nord»; следовательно, французы не имѣли понятія о Россіи. Довольно сказать, что самые образованные люди Франціи на каждомъ шагу вопрошали меня—говорить ли въ обществѣ на русскомъ языкѣ, есть ли у насъ своя литература, а изъ исторіи не вѣдали даже о Петре Великомъ и о его роли въ Россіи. Словомъ сказать, появленіе предположеннаго мною органа обѣщало нѣкоторый успѣхъ. Я разсчитывалъ, что при 1.500 подписчикахъ еженедѣльный журналъ покрывалъ бы расходы, а въ случаѣ недоимки, я имѣлъ капиталъ въ запасѣ, и потому могъ протянуть дѣло года три, а затѣмъ, если онъ пріобрѣтеть какое-нибудь значеніе, то тогда перейти къ изданію ежедневнаго журнала.

Мое намѣреніе приводило въ восторгъ Таландье, но онъ сталъ уговаривать меня не расходовать напрасно деньги на изданіе еженедѣльнаго журнала, а лучше войти въ компанію съ политической величиной, имѣющей громкое имя, и тогда сразу приступить къ изданію ежедневнаго журнала.

— Я побесѣдую съ Луи-Бланомъ,—сказалъ онъ.—Какъ вамъ известно, онъ жаждеть издавать ежедневную газету.

Черезъ нѣсколькоъ дней, Таландье пріѣхалъ ко мнѣ и повезъ меня въ Версаль, гдѣ въ то время засѣдала палата, и познакомилъ меня съ Луи-Бланомъ. Луи-Бланъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ Парижъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его для бесѣдъ относительно изданія журнала. Мы перебрали всѣ вопросы, которые могли представить разномысліе. Когда коснулось до вопроса философскаго, я заявилъ, что я христіанинъ и признаю высшую нѣвѣдомую намъ Силу, т. е. Бога. Тогда Луи-Бланъ сказалъ: такъ думалъ тоже и Вольтеръ. Переговоривъ о всѣхъ вопросахъ нравственнаго свойства, явилась полная возможность къ соглашенію. Тогда Луи-Бланъ перешелъ къ вопросу материальному.

— Сколько вы думаете ассигновать на изданіе журнала? — спросилъ онъ.

— Я ассигновалъ на это 100.000 фр.

Луи-Бланъ, подумавъ нѣсколько, сказалъ:

— Для основанія журнала нужно не менѣе 150.000 фр., но разъ вы ассигнуете 100.000, можно организовать общество на акціяхъ, и остальные деньги внесутъ мои друзья, и потому я надѣюсь сыскать компаньоновъ среди ихъ.

Послѣ этого я рѣшилъ поѣхать на нѣсколько недѣль по дѣламъ въ Петербургъ.

Вскорѣ, недѣли черезъ двѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я получилъ отъ Таландье письмо, при которомъ онъ приложилъ уже уставъ предполагаемаго общества, составленный нѣкоторыми предполагавшимися акціонерами, котораго самъ Луи-Бланъ не одобрилъ и сказалъ, что — «лучше подождемъ возвращенія Панаева». Я нашелъ этотъ уставъ положительно неудовлетворительнымъ и потому не только не отвѣтилъ на письмо, но по возвращеніи въ Парижъ не извѣстилъ никого о моемъ прибытии.

Я на лѣто поселился въ Celle St. Cloud, рядомъ съ Буживалемъ, гдѣ жила ш-те Viardot и давала уроки моей дочери.

Внезапно явился ко мнѣ нѣкій M. Salles съ карточкой отъ Луи-Блана, какъ его секретарь, и заявилъ, что Луи-Бланъ желалъ бы возобновить со мной переговоры объ образованіи акціонерного общества для изданія журнала. На слѣдующій день онъ привезъ мнѣ отъ Луи-Блана билетъ для входа на банкетъ, дающійся каждый годъ 21-го сентября, въ память провозглашенія первой республики въ концѣ прошедшаго столѣтія, прибавивъ при этомъ, что никогда никакой иностранецъ не присутствовалъ на этихъ банкетахъ, но что Луи-Бланъ дѣлаетъ для меня исключеніе.

Вслѣдствіе такой любезности, я поѣхалъ къ Луи-Блану, и съ нимъ начались переговоры о составленіи новаго, подходящаго для нась устава.

Между тѣмъ, я заявилъ Луи-Блану и Таландье, что я, какъ русскій, желаю высказать слово, на банкетѣ, по поводу борьбы, которая происходит въ Сербіи съ турецкимъ гнетомъ, на которую явилась масса русскихъ добровольцевъ, на счетъ пожертвованій, сыплющихся изъ Россіи, и которая руководится русскимъ известнымъ генераломъ, и тѣмъ вызвала сочувствіе къ этой борьбѣ французовъ.

— Какая прекрасная мысль! — сказали оба они въ одинъ голосъ. — Действительно, намъ непростительно, что мы ничтѣмъ не выразили симпатіи къ этой борьбѣ, когда даже Англія открыла подписку, во главѣ которой явился Гладстонъ.

Я набросалъ конспектъ моей рѣчи и повезъ его къ Таландье. Прочитавъ ее, онъ сказалъ:

— Превосходно, но надо показать учредителямъ банкета содержание вашей рѣчи.

И Таландье повезъ меня къ одному изъ учредителей, патрону (шефу) мастеровъ бронзового производства (имя его забыть, назову его X.). Мы застали его въ рабочей блузѣ; X. тотчасъ удалился и явился черезъ нѣсколько минутъ во фракѣ. Узнавъ о цѣли нашего посѣщенія, онъ прочиталъ мой проектъ, пришелъ въ восторгъ и воскликнулъ:

— Да! это со стороны французовъ большое упущеніе, что мы до сихъ поръ молчали и не выразили никакой симпатіи къ благородной борьбѣ за свободу, когда даже Англія существенно заявляетъ свое сочувствіе. Это пробѣль, и удивляюсь печати, что она не подняла этого вопроса. Непремѣнно произнесите, прошу васъ, на банкетѣ вашу рѣчь, и назначаю вамъ слово первому.

Я отвѣтилъ ему, что ни за что не выступлю первымъ ораторомъ.

X. возразилъ мнѣ, сказавъ, что онъ даетъ мнѣ совѣтъ въ моихъ интересахъ, что послѣ известныхъ ораторовъ, какъ Луи-Бланъ и Намель, обратить вниманіе слушателей на мою рѣчь будетъ трудно, а рѣчь моя, затрогивая серьезный вопросъ, должна быть произнесена непремѣнно.

Я категорически настаивалъ, что я не выступлю первымъ ораторомъ.

Тогда X. взглянула на списокъ, въ которомъ были у него записаны ораторы.

— Мы, учредители, назначили для банкета только шесть рѣчей, а ваша явится 7-ю; впрочемъ, я вычеркну одного оратора.

Тогда вмѣшался въ разговоръ Таландье и сказалъ: — вѣдь это будетъ обида для него.

Таландье относился къ X. съ тономъ особеннаго почтенія, подобно тому, какъ подчиненный относится къ начальству. Надо замѣтить, что патроны, или шефы рабочихъ играютъ первостепенную роль, при избрании депутатовъ въ палату.

Обратясь ко мнѣ, Х. сказалъ:

— Пріѣзжайте ко мнѣ въ 5 часовъ, я пойду съ вами, введу васъ въ залу и укажу вамъ мѣсто на банкетѣ.

Къ означенному времени я пріѣхалъ съ однимъ русскимъ, Свирскимъ. Надо разсказать теперь, кто былъ этотъ Свирскій. Онъ былъ студентомъ Петербургскаго университета, человѣкъ особенно музыкальный, и посѣщалъ насъ, какъ аккомпаніаторъ моей дочери для пѣнія. Курса онъ не кончилъ и сталъ давать разные уроки дѣтямъ.. Потомъ онъ поступилъ гувернеромъ въ семейство, которое уѣхало въ Парижъ. Между тѣмъ Свирскій заболѣлъ и лишился мѣста. Тогда я предложилъ ему помѣститься на лѣто у насъ на дачѣ. Когда возобновились разговоры съ Луи-Бланомъ обѣ изданіи журнала, Свирскій пожелалъ пристройтись къ этому дѣлу, объявивъ, что онъ возьметъ 10 акцій. Тогда я познакомилъ его съ Луи-Бланомъ и доставилъ Свирскому билетъ на предполагаемый банкетъ.

Учредитель Х. пойхалъ съ нами и, прия въ залу, указалъ мнѣ мѣсто за почетнымъ предсѣдательскимъ столомъ, рядомъ съ Луи-Бланомъ. Какой-то господинъ, пришедшій съ дамой, снялъ мою шляпу, положилъ ее на другое мѣсто и сѣлъ съ дамой, и потому я избралъ мѣсто на краю стола. Луи-Бланъ еще не являлся. Учредитель Х., замѣтивъ меня на краю стола, сказалъ мнѣ:

— Я указалъ вамъ другое мѣсто, зачѣмъ же вы пересѣли?

— Пришелъ какой-то господинъ съ дамой и сѣлъ на указанное вами мѣсто,—отвѣтилъ я.

— Это невѣжество,—сказалъ онъ и обратился къ этому господину; оказалось, что это былъ братъ Луи-Блана съ женой.

— Прошу васъ пересѣсть на другую сторону, это мѣсто указано было мною оратору, который будетъ говорить рѣчъ. Братъ Луи-Блана съ женою тотчасъ же повиновались учредителю Х., и онъ посадилъ меня на прежнее мѣсто.

Послѣ трехъ рѣчей учредитель Х. неожиданно вызвалъ меня, тогда какъ я ожидалъ говорить шестымъ, т. е. послѣднимъ.

Отчѣть обѣ этомъ банкетѣ былъ напечатанъ отдельной брошюрою, и я приведу здѣсь въ дословномъ переводѣ ту часть, которая касается моей рѣчи.

«Гражданки и граждане!

«По поводу дня, который вы празднуете сегодня, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на нѣсколько минутъ на то, что совершается нынѣ въ Франціи, потому что я рассматриваю день 21-го сентября, какъ праздникъ не только французовъ, но всего человѣчества.

«Вы празднуете сегодня 84 годовщину торжественного дня, который въ прошедшемъ столѣтіи двинулъ соціальную жизнь на новый путь,

и это съ такою силой, что до сихъ поръ мы идемъ этимъ толчкомъ, даннымъ всему свѣту. Эта сила заключается въ идеяхъ и принципахъ людей этой эпохи.

«Съ того времени Франція прошла черезъ многочисленные и потрясающіе кризисы; но надо надѣяться, что они не будутъ болѣе повторяться, потому что опыты, сдѣланные во всѣхъ направленіяхъ, черезъ чурь уже полны. Можно, следовательно, разсчитывать, что на этотъ разъ республика будетъ окончательной.

«Но, граждане, мнѣ кажется, что не слѣдуетъ увлекаться иллюзіями. Французская республика еще молода, очень молода, между тѣмъ какъ враги многочисленны, и сверхъ того, она едина въ Европѣ, ибо Швейцарія не играетъ въ политикѣ значительной роли.

«Эти соображенія приводятъ къ сознанію необходимости избрать политику, которая не пренебрегала бы ничѣмъ, чѣмъ могло бы дать Франціи поддержку нравственную или материальную.

«Междуда тѣмъ, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на вопросъ, который разрѣшается теперь на Востокѣ.

«Для тѣхъ, кто нѣсколько знакомъ съ исторіей и съ современными фактами, и имѣютъ политический умъ, для тѣхъ, говорю я, не остается сомнѣнія, что господство турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ близится къ своему концу. И если по непредусмотрительности, или недостатку смѣлости, или малой ловкости дипломатіи, это господство не исчезнетъ немедленно, оно не замедлитъ рухнуть въ самомъ непродолжительномъ будущемъ.

«Немыслимо, чтобы цивилизованный міръ терпѣль бы долѣе такую нелѣпость, такую аномалию, чтобы высшій принципъ склонился передъ низшимъ, безнравственнымъ и падшимъ; чтобы народы, друзья цивилизациі, были подчинены расѣ растѣнной и дикой. Это оскорбл枚ніе человѣческой совѣсти, человѣческаго разума и правъ человѣка.

«Я утверждаю, что паденіе, въ скоромъ будущемъ, господства турокъ на Балканскомъ полуостровѣ явится фактомъ неизбѣжнымъ. Такимъ образомъ, порождается вопросъ, что въ политическомъ смыслѣ представить этотъ полуостровъ послѣ турецкаго владычества? Какъ народы, тамъ проживающіе, устроятся?

«Каждый, какъ вамъ извѣстно, устраиваетъ въ мысляхъ будущность этихъ странъ по своему усмотрѣнію. Существуетъ по этому предмету множество проектовъ, множество предположеній, которыхъ, по большей части, совершенно произвольны. И на этотъ предметъ я и позволью себѣ обратить ваше особенное вниманіе.

«Съ моей точки зренія, я нахожу и полагаю, что я не ошибаюсь, что народы, обитающіе на Балканскомъ полуостровѣ, послѣ паденія турецкаго владычества, явятся приблизительно въ такомъ положеніи,

какъ Франція послѣ паденія Наполеона III, т. е. не смотря на всевозможныя комбинаціи, большинство различныхъ народностей Балканскаго полуострова по силѣ вѣщей должны будуть придти къ организаціи республикъ, съ тою разницей однако, что они должны образовать федерацію, на подобіе соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки.

«И такъ, является вѣроятіе, что Французская республика можетъ имѣть въ будущемъ вторую сестру въ Европѣ, и сестру уважительныхъ размѣровъ. Слѣдовательно, надо всѣми мѣрами способствовать появленію въ свѣтѣ новаго государства республиканскаго.

«Высказавъ это, мнѣ кажется, что истинные республиканцы не должны упускать случая выразить свои симпатіи усиливъ многострадальныхъ славянскихъ народовъ, которые находятся нынѣ въ борьбѣ противъ варварства турокъ, съ тою цѣлью, чтобы завоевать себѣ свободу. И не только соображенія политического свойства, сейчасъ мню высказанаго; но того требуетъ духъ человѣчности, который долженъ вызвать выраженіе симпатій.

«Надѣюсь, что я не ошибаюсь въ чувствахъ, которыя васъ воодушевляютъ по этому предмету, я беру смѣость предложить выразить симпатію сказаннымъ народамъ въ адресѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Французскіе республиканцы, собравшіеся сегодня, чтобы праздновать торжественный день 21-го сентября 1792 г., пользуются случаемъ, чтобы выразить свои симпатіи тѣмъ небольшимъ группамъ славянскихъ народовъ—слабыхъ числомъ, но сильныхъ духомъ,—которые возстали, чтобы попрать варварскій деспотизмъ и завоевать свободу, борясь противъ врага, въ десять разъ сильнѣйшаго. Мужайтесь и стойте упорно—будущность близка отъ васъ».

Банкетъ давался въ семейной залѣ St.-Mandé, по этому случаю всѣ деревянныя перегородки были сняты, образовавъ какъ бы длинный сарай; присутствующихъ было до 800 человѣкъ. Трибуна помѣщалась на одномъ концѣ залы. Я говорилъ громко, вполнѣ и размѣренно, такъ что на противоположной сторонѣ было слышно каждое слово. При каждой остановкѣ послѣ периода рѣчи раздавался громъ единодушныхъ и восторженныхъ рукоплесканій.

Окончивъ рѣчь, я не успѣлъ еще сойти съ трибуны, какъ многіе подходили ко мнѣ и благодарили за рѣчу, подошелъ и Луи-Бланъ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Поздравляю васъ, вы имѣли колоссальный успѣхъ, я никакъ не ожидалъ этого.

Но я замѣтилъ, что въ глазахъ его блеснула искорка зависти.

Сойдя съ трибуны, я тотчасъ же пошелъ садиться въ мой фіакръ, вмѣстѣ съ Свирыскимъ; меня окружили и сопровождали аплодисментами,

и нѣсколько человѣкъ поѣхали за мною. Такъ какъ зало St.-Mandé находилось въ предмѣстіи, то до дому было очень далеко. По дорогѣ, я заѣхалъ въ кафе, чтобы утолить жажду, и, сѣвъ за столъ на тротуарѣ, я спросилъ бокаль пива. Многіе французы вслѣдь за мною тоже остановились и окружали меня, интересуясь свѣдѣніями о Россіи. Я удовлетворилъ ихъ любопытство и поѣхалъ домой.

Между тѣмъ друзья Луи-Блана приготовили уже другой уставъ акціонерного общества для изданія журнала: «L'homme Libre», съ капиталомъ въ 150.000 фр., который долженъ былъ образоваться изъ разбора 150 акцій по 1.000 фр. каждая. Вслѣдь за тѣмъ созвано было собраніе для прочтенія устава и подписки на количество акцій, которое беретъ каждый акціонеръ. Чтобы имѣть большинство голосовъ, я объявилъ, что подпишусь на 80 акцій. Двое изъ друзей Луи-Блана, которые заявляли прежде, что они возьмутъ 60 акцій, при此刻ъ подписки попятались и подписались только на 20 акцій, а остальные 50 акцій были разобраны друзьями Луи-Блана по одной акціи каждый. Въ этомъ собраниѣ присутствовалъ Свирскій, который не считался другомъ Луи-Блана и которому конечно ничего не осталось. Тутъ же въ собраниѣ въ присутствіи Луи-Блана и всѣхъ присутствующихъ Свирскій обратился ко мнѣ и просилъ уступить ему 10 акцій и внести за нихъ деньги, которая онъ вышлетъ изъ Петербурга, куда онъ уѣзжаетъ мѣсяца на два, и выдалъ мнѣ довѣренность на право пользоваться 10-ю голосами. Тогда же былъ назначенъ редакторъ журнала Hamel и хозяйственными дѣлами одинъ изъ друзей Луи-Блана, нѣкій Gardarin, оказавшійся впослѣдствіи «рванымъ ноздрями». Директоромъ, по уставу, являлся самъ Луи-Бланъ. Для отвѣтственнаго редактора былъ нанятъ за 3.000 фр., тоже другъ Луи-Блана съ обязанностью, если явится въ томъ необходимости, сидѣть по тюрьмамъ и пр. Подобныхъ господъ называются въ Парижѣ—*homme de paille*.

Когда все было слажено, Луи-Бланъ позвалъ меня къ обѣду. Я въ свою очередь пригласилъ его къ обѣду. Къ этому обѣду я пригласилъ редактора Hamel, Talandier, Ив. Сергеевича Тургенева и пригласилъ также сына Viardo, полагая, что Тургеневъ поинтересуется познакомиться съ Луи-Бланомъ, и онъ обѣщалъ пріѣхать. Но утромъ до назначенаго обѣда, я получилъ отъ Тургенева письмо, которое въ буквальной точности привожу здѣсь.

Понедѣльникъ утромъ.

«Любезнейший Валеріанъ Александровичъ, заранѣе прошу вашего извиненія въ небольшой непріятности, которую я принужденъ вамъ причинить: — я не могу придти сегодня къ вамъ обѣдать и съ полной откровенностью скажу вамъ почему.

«По моему твердому убѣженію, журналъ, затѣваемый Луи-Бланомъ,

не имѣть никакихъ шансовъ успѣха, и вы потеряете до послѣдняго сантима всѣ деньги, которыхъ дадите ему въ ссуду. Въ честности и таланты Луи-Блана я сомнѣваюсь менѣе, чѣмъ кто бы то ни былъ. Я увѣренъ, что онъ самъ твердо надѣется на успѣхъ своего предпріятія; что онъ не журналистъ, никогда ничего подобнаго ему не удавалось—да и наконецъ всѣ мѣста заняты. *Republique fran aise, Rappel et Droit de L'homme* представляютъ всѣ оттѣнки республиканско-соціалистического направленія—сколько другихъ журналовъ было предпринято, чтобы стать на ихъ мѣсто—и всѣ перелопались, какъ мыльные пузырьки. Та же участь ожидаетъ несомнѣнно и журналъ Л.-Блана.

«Имѣя такого рода убѣжденіе, какое было бы мое положеніе въ отношеніи его сегодня? Оспаривать его—невозможно и не ловко въ вашемъ присутствіи, соглашаться съ нимъ запрещала бы совѣсть. Я предположитъ сдѣлать маленькую невѣжливость и не сдержать данного слова, въ надеждѣ, что вы извините меня, вникнувъ въ изложенія мною причины моего поступка.

«Послѣднее мое вамъ увѣщеніе, если ничего еще не рѣшено окончательно—откажитесь, или, по крайней мѣрѣ, уменьшите сумму: она во всякомъ случаѣ пропала.

«Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъуваженіи и сочувствіи.

И. Тургеневъ.

P. S. T. Biard проситъ также извинить своего сына: онъ слишкомъ еще не опытенъ и молодъ, чтобы присутствовать на политическомъ обѣдѣ».

Всѣ позванные стѣхались, и мнѣ было, конечно, досадно, что Тургеневъ не явился, ибо я всѣхъ предупредилъ о встречѣ съ Тургеневымъ, которымъ, конечно, всѣ интересовались.

Письмо было искренне, и получи я его двѣ недѣли ранѣе, когда я сообщилъ Тургеневу о моемъ намѣреніи сойтись съ Луи-Бланомъ для изданія журнала, я, конечно, измѣнилъ бы свое намѣреніе и избавился бы отъ большихъ непріятностей, которыхъ испыталъ впослѣдствіи, и также отъ большихъ материальныхъ потерь.

Но въ то время, когда я получилъ выше приведенное письмо, было уже поздно отказаться; и потому журналъ сталъ издаваться.

Первую плату за 80 акцій, т. е. 27.000 фр., я тотчасъ же внесъ въ банкъ. Акционерное общество не было еще въ то время утверждено закономъ. Деньгами, внесенными мною въ банкъ, общество пользовалось по выдаваемымъ мною чекамъ. Когда же общество было утверждено, и по этому уставу требовались всѣ взносы дѣлать черезъ нотариуса, то г. Gardagin письменно и словесно нѣсколько разъ просилъ меня поскорѣе перевести мои деньги изъ банка на имя общества.

За правильностью взноса денегъ долженъ быть слѣдить Gardarin, но оказалось влѣсльствіи, что ни одинъ акціонеръ изъ друзей Луи-Бланя не внесъ еще ни копѣйки, за исключеніемъ одного румына Сагада.

Междѣ тѣмъ, для редакціи было нанято большое роскошное помѣщеніе. Въ залѣ помѣщался громадный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на которомъ должны были раскладываться всѣ газеты и журналы. Съ одной стороны зала помѣщался большой кабинетъ Луи-Бланя, а съ другой—комната для главнаго редактора. Ежедневно, къ 6-ти часамъ, являлось человѣкъ 12 такъ называемыхъ частныхъ редакторовъ, по разнымъ отдѣламъ; они садились за общий столъ и принимались за вырѣзки изъ журналовъ, которыхъ тутъ же наклеивались на бумагу, и къ этимъ вырѣзкамъ приписывалось нѣсколько строкъ. Въ 6-ть же часовъ приходили наборщики въ числѣ 25 человѣкъ съ корректоромъ. По мѣрѣ того, какъ тотъ или другой редакторъ оканчивалъ свою компиляцію, онъ отсыпалъ ее внизъ къ наборщикамъ. Къ 12-ти часамъ весь журналъ былъ уже набранъ, и въ особыхъ ящикахъ отправлялся въ типографію, и появлялся въ 7 часовъ утра.

Къ 8-ми часамъ приходилъ Луи-Бланъ изъ Версаля. Тогда всѣ эти псевдо-редакторы вставали и становились въ струнку, а Луи-Бланъ торжественно, не поклонившись даже никому, проходилъ въ свой кабинетъ. Такую дисциплину я встрѣчалъ только, во времена моей молодости, у нась въ канцеляріяхъ, при появленіи директоровъ канцелярій или департаментовъ.

Обыкновенно я самъ приносилъ свои статьи въ редакцію, часу въ восьмомъ. Статьи мои я писалъ на отдѣльныхъ маленькихъ листочкахъ, съ одной стороны. Эти листочки поступали моментально въ наборъ и раздавались наборщикамъ. Черезъ полчаса мы приносили уже пропрѣренную корректуру, и тогда я подписывалъ одобреніе для печати.

Передъ изданіемъ журнала я заявилъ Луи-Блану, что мною заготовлена программа для журнала, которая обнаруживала бы направление его. Луи-Бланъ нашелъ ее превосходной и сказалъ, что она конечно должна появиться въ первомъ же номерѣ. Междѣ тѣмъ, въ вышедшемъ первомъ номерѣ моя программа не появилась, а на мѣсто ея была напечатана статья Луи-Бланя, водянистая, съ громкими безсодер-жательными фразами и общими мѣстами. Прошло четыре дня, моя программа все-таки не появилась, тогда я послалъ эту программу въ «Independence Belge», въ Брюссель, гдѣ оповѣщалось о появленіи въ Парижѣ нового органа. Программа эта и была тамъ напечатана, но случай этотъ обнаружилъ миѣ манеру дѣйствій Луи-Бланя, его характеръ и нравственный его критеріумъ.

Издание журнала шло своимъ чередомъ и продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ это время я написалъ много статей, которыхъ Луи-Бланъ печаталъ, хотя и поморщивался, ссылаясь на то, что мои статьи не нравятся Гамбеттѣ, предъ политическимъ значеніемъ котораго онъ сильно преклонялся, и даже, можно сказать, принижался, разсчитывая занять его мѣсто въ палатѣ.

Но когда я перевелъ мои деньги на общество, Луи-Бланъ тотчасъ же прекратилъ печатаніе моихъ статей и выкинуль нахальный, не позовительный для порядочнаго человѣка фортель, приведшій къ рѣшительному разрыву моихъ отношеній къ журналу. Исторію этихъ отношеній я изложилъ въ моей брошюрѣ, тогда же изданной и озаглавленной: *Louis Blanc et Pathfinder*, которая появилась при слѣдующемъ предисловіи, обращенномъ къ моимъ соотечественникамъ и друзьямъ.

«Главной побудительной причиной моихъ трудовъ, писалъ я, было достигнуть возможности основать журналъ, предназначенный для ознакомленія европейскихъ народовъ съ Россіей, и позволить себѣ высказывать свободно мои мнѣнія по вопросамъ экономическимъ, политическимъ и философскимъ, мнѣнія, приобрѣтенные изъ долгаго опыта и изъ многихъ отношеній съ разными людьми, встрѣчавшимися въ теченіе моей жизни.

«Чтобы достигнуть этой цѣли, надо было избрать для журнала языкъ, наиболѣе распространенный нынѣ въ Европѣ, который безспорно есть языкъ французскій.

«Нѣкоторые лица, изъ друзей Луи-Блана, узнавъ о моемъ намѣреніи, задумали свести меня съ нимъ, дабы мы могли переговорить объ основаніи журнала.

«Понятно, надо было намъ взаимно узнатъ, можемъ ли мы сойтись на различныхъ вопросахъ, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ.

«При многихъ свиданіяхъ, Луи-Бланъ и я, мы перебрали всѣ важные вопросы. И я, чтобы вполнѣ ознакомить его съ моими взглядами, вручалъ ему мои брошюры и статьи на французскомъ языкѣ, и, въ концѣ концовъ, онъ сказалъ, что согласуется со всѣми моими взглядами, кроме моего мнѣнія объ организаціи единственной подати сообразно капиталу. Были тоже нѣкоторые неважныя разногласія относительно философскихъ вопросовъ, при чёмъ, по этимъ вопросамъ или по вопросу о подати, онъ предложилъ допустить полемику между нами въ самомъ журнале.

«Разъ явилось согласіе относительно главныхъ общихъ вопросовъ, я поставилъ слѣдующія условія:

1) Чтобы журналъ не былъ бы журналомъ партіоннымъ и одностороннимъ.

2) Чтобы онъ далъ широкое мѣсто общию вопросамъ и имѣть корреспондентовъ въ главныхъ политическихъ центрахъ Европы.

3) Чтобы онъ относился симпатично къ русскому народу и къ славянскому вопросу, который заключается въ эманиспациіи всѣхъ христіанъ отъ мусульманского ига, и

4) Я оставлять за собой право публиковать въ этомъ журналѣ всѣ мои статьи безъ малѣйшаго измѣненія со стороны редакціи, подъ однимъ лишь условіемъ моей подписи и допускай замѣчанія или возраженія въ самомъ журнале.

«Когда Луи-Бланъ принялъ всѣ эти условія относительно меня, я рѣшился подписьаться на 80 акцій, изъ общаго ихъ количества 150 акцій по 1.000 ф. каждая,— и журналъ былъ основанъ.

«Но съ первыхъ же дней его появленія, журналъ обнаружилъ свои партіонные взгляды и выразилъ отсутствіе симпатій къ Россіи и къ славянству, и сверхъ того мои статьи стали подвергаться невозможной редакторской цензурѣ.

«Я заявилъ мою претензію Луи-Блану, но она осталась безъ результата, и тогда я былъ вынужденъ обратиться письменно къ наблюдательному совѣту журнала, о намѣреніи выѣтъ изъ числа акціонеровъ; въ это время я имѣлъ еще полную возможность возвратить значительную долю внесенныхъ мною денегъ.

«Это письмо понудило Луи-Блана подтвердить свои отношенія ко мнѣ письменно.

«Дѣйствительно, въ продолженіе трехъ недѣль, мои статьи проходили безъ редакторской цензуры, но это продолжалось не долго.

«По случайности, я, въ это время, могъ еще вступить въ обладаніе значительной части внесенного мною капитала. Но какъ только я потерялъ возможность возвратить свои фонды, дѣло приняло иной оборотъ: моя статья, сообщенная Луи-Блану, тотчасъ послѣ истеченія означенныхъ трехъ недѣль, была не только не принятa, но онъ предложилъ мнѣ по трактуемому вопросу подписать другую, имѣ составленную, какъ бы она исходила отъ меня.

«Послѣ такого дерзкаго поступка, который явился посягательствомъ на мою свободу и на мое достоинство, какъ человѣка и публициста, я конечно порвалъ всѣ мои отношенія къ журналу.

«Такимъ образомъ, я дѣлаю известнымъ моимъ соотечественникамъ и друзьямъ, чтобы оправдаться въ ихъ глазахъ, что, несмотря на исключительное мое участіе въ основаніи журнала «*L'homme Libre*», они не могутъ возлагать на меня отвѣтственности за журналъ, который я рассматриваю какъ журналъ мало серьезнаго, пропитанный насквозь партіонными тенденціями, и который не относится искренно ни къ Россіи, ни къ славянству, ни къ христіанству. Я употребилъ всѣ средства, чтобы

лишить журналъ моей поддержки въ-время, т. е. тотчасъ же, какъ онъ обнаружилъ свой характеръ, но мнѣ не дали никакого окончательного отвѣта. Я оставляю за собой право публиковать впослѣдствіи брошюру, озаглавленную: *Louis-Blanc et Pathfinder*¹⁾, съ цѣлью подтвердить это письмо подлинными документами».

10 декабря, 1877.

Означенная брошюра заключала всѣ подлинные документы, съ нужными поясненіями, съ подробностями, и напечатана тотчасъ послѣ прекращенія всѣхъ моихъ отношеній къ Луи-Блану, занявъ до 140 страницъ.

При обществѣ было назначено наблюдательный совѣтъ, предсѣдателемъ которого избрали меня, но я отказался, предоставивъ это званіе Talandier.

Когда явилось столкновеніе съ Луи-Бланомъ, я письменно заявилъ совѣту, что выхожу изъ журнала, потому, что Луи-Бланъ нарушаетъ нашъ договоръ, который не внесенъ въ уставъ лишь по требованію самого Луи-Блана, сославшагося на то, что въ уставѣ нельзя помѣщать права и обязанности между акціонерами; но этотъ договоръ хорошо былъ извѣстенъ всѣмъ членамъ совѣта, и я потребовалъ созвать общее собраніе акціонеровъ, на которомъ намѣревался поставить вопросъ о ликвидациіи журнала. Тогда Луи-Бланъ, съ которымъ я прервалъ всѣ сношенія, желая удержать меня, прислалъ письмо Talandier съ разными увѣртками и просилъ сообщить это письмо мнѣ, гдѣ онъ утверждалъ, что онъ исполнитъ свои обязательства передо мною что впредь будетъ исполнять ихъ. Это письмо я напечаталъ въ поименованной брошюре.

Между тѣмъ, общее собраніе не назначалось, и только, послѣ неоднократныхъ моихъ писемъ, оно было, наконецъ, назначено. Я явился въ собраніе и прямо поставилъ вопросъ о ликвидациіи дѣлъ общества. Предсѣдатель совѣта произнесъ рѣчь, въ которой признавалъ основательной мою претензію, и заключилъ ее тѣмъ, что, въ виду выбытія главнаго акціонера, который, въ сущности, и создалъ органъ, общество должно ликвидировать свои дѣла. Когда этотъ вопросъ пустили на голоса, который по уставу долженъ быть решаться большинствомъ, а какъ я имѣлъ 80, а остальные акціонеры 70 голосовъ, то я былъ увѣренъ, что дѣло разрѣшится просто. Но въ это время секретарь журнала и въ то же время личный секретарь Луи-Блана объявилъ въ собраніи, что у меня только 70 голосовъ, а на 10 голосовъ Свирскаго онъ только-что получиль отъ него довѣренность изъ Петербурга.

Это уже было верхъ мошенничества.

---

¹⁾ Луи-Бланъ не желалъ, чтобы я подписывалъ свое собственное имя, и просилъ избрать псевдонимъ. Я избралъ, Pathfinder, имя героя, дѣйствующаго въ 6-ти романахъ Купера.

— Развѣ вы не знаете — сказалъ я, — что деньги внесены за 10 акцій Свирскаго мною, и что на эти акціи онъ выдалъ мнѣ довѣренность еще два мѣсяца тому назадъ? Тогда секретарь Луи-Бланъ, Salles, вынулъ свою довѣренность и предъявилъ ее собранію.

— Какимъ образомъ вы получили довѣренность? — спросилъ я Салля.

— Я написалъ Свирскому, — отвѣчалъ онъ, — письмо въ Петербургъ, уведомляя его, что предстоитъ общее собраніе акціонеровъ и что нужна отъ него довѣренность на 10 акцій, и потому онъ прислалъ мнѣ довѣренность.

Я пришелъ въ недоумѣніе и, обратясь къ Луи-Блану, сказалъ:

— Развѣ вы не видѣли моей довѣренности, которую Свирскій выдалъ мнѣ при васъ?

— Да! — отвѣтилъ онъ, — но довѣренность, выданная Саллю, послѣ вашей, и потому имѣть законную силу.

Нахальный образъ дѣйствія Луи-Блана до глубины сердца поразилъ меня, и сверхъ того, при этомъ выступилъ на помошь ему, братъ его, Charle Blanc, художественный критикъ, и сталъ говорить мнѣ дерзости.

Возмущенный всѣмъ, я немедленно вышелъ изъ собранія, и, когда спускался съ лѣстницы, нѣкоторые господа показывали мнѣ кулаки.

Надо было вывести дѣло на чистую воду, и я немедленно написалъ письмо Свирскому въ Петербургъ, обязывая его прислать телеграмму, которая возстановляла бы мои права на 10 акцій. Черезъ нѣсколько дней получена была слѣдующая отъ него телеграмма:

«Предсѣдателю наблюдательного совѣта журнала: «*L'homme Libre*».

«Введенный въ заблужденіе письмомъ г. Salles, я ему послалъ довѣренность на 10 голосовъ. Я уничтожаю эту довѣренность и заявляю вамъ, что все записанное на мое имя принадлежитъ господину Панаеву, который внесъ деньги за эти акціи. Свирскій».

Въ то время, когда дѣло еще не выяснилось, я получаю форменное извѣщеніе о назначеніи новаго общаго собранія акціонеровъ, съ приглашеніемъ присутствовать на ономъ.

Тогда я обратился къ адвокату Думерку, объяснилъ ему все дѣло и сказалъ, что, вслѣдствіе наглости поступковъ этой шайки, я не намѣренъ идти туда.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ — идите туда, иначе вы дадите оружіе противъ себя. Не заботьтесь о томъ, что вамъ могутъ быть сдѣланы непріятности, только пригласите съ собою officier du gouvernement, и эти господа въ присутствіи этого officier будутъ тихи, какъ овцы.

Я такъ и поступилъ, и когда явился со мною officier, и заявилъ, что онъ пришелъ, чтобы оградить г. Панаева отъ дерзостей, которыхъ онъ испыталъ въ прошедшемъ собраніи, то всѣ перетрусили и даже Луи-Бланъ

разыгралъ роль Лазаря. Собрание было созвано, чтобы постановить выпустить еще 50 акций, конечно съ цѣлью лишить меня въ будущемъ большинства голосовъ. Въ это время не было еще получено телеграммы оть Свирского, и следовательно я имѣлъ только 70 голосовъ, какъ и всѣ остальные акционеры; но по уставу значилось, что въ случаѣ равенства голосовъ, вопросъ решается въ пользу той стороны, къ которой пристанетъ предсѣдатель. Такъ этотъ вопросъ и былъ утвержденъ. Само собою разумѣется, что это была одна проформа, такъ какъ и бывшіе акціонеры ни одной копѣйки не вносили.

Послѣ моего ухода, журналъ издавался еще нѣсколько недель, пока не израсходовали деньги, мною внесенные, а потомъ издание прекратилось.

Хотя я развязался съ журналомъ, но почтенный Луи-Бланъ предъявилъ ко мнѣ искъ, потребовавъ уплаты денегъ по слѣдующимъ взносамъ за акціи. Необходимо было взять адвоката, и я обратился къ тому же Думерку, о которомъ упомянуль выше. Надо сказать, что судебныа дѣла во Франціи ведутся черезъ *a v o p e*, который обязанъ подготавливать дѣло адвокату для судоговоренія. Число аюонѣ очень ограничено, напримѣръ, въ Парижѣ было въ то время только 13 человѣкъ. Мѣста эти покупаются за громадныа деньги, а адвокаты разсматриваются, какъ бескорыстные защитники правосудія; еслибы онъ заключилъ письменную сдѣлку съ клиентомъ, то былъ бы отвѣтственъ передъ закономъ, потому сдѣланъ былъ словесный договоръ объ уплатѣ Думерку 2.000 ф. Но въ то же время, онъ направилъ меня къ своему аюонѣ, который потребовалъ отъ меня 300 ф. для предварительныхъ расходовъ.

Вскорѣ послѣ этого, я уѣхалъ мѣсяца на 4 съ семействомъ въ Ниццу. Тамъ я получилъ письмо оть Думерка, извѣщавшаго меня, что дѣло въ полномъ ходу, и что онъ подалъ встрѣчный искъ къ Луи-Блану, хотя онъ не былъ на то уполномоченъ мною, что дѣло о вторичномъ взносѣ, конечно, кончится въ мою пользу, тѣмъ болѣе, что въ данную минуту общество уже не существуетъ, и просилъ объ уплатѣ ему условленныхъ 2.000 ф.

Я неотлагательно послалъ ордеръ по телеграфу въ банкъ Гинсбурга въ Парижѣ, гдѣ лежали мои деньги, и въ то же время написалъ письмо Думерку, которымъ извѣщалъ его, что Гинсбургъ по его, Думерка, требованію уплатитъ ему деньги.

Когда, мѣсяца черезъ два, я вернулся въ Парижъ и собирался уже возвратиться въ Петербургъ, я пришелъ въ контору Гинсбурга для производства разсчета, гдѣ мнѣ подали счетъ, въ которомъ значилось, что Думерку уплачено два раза по 2.000 фр.

— Какимъ образомъ? — спросилъ я.

— Мы послали по вашему телеграфическому ордеру тачкасъ на квар-

тиру Думерка, адресъ котораго значился въ вашемъ ордерѣ. Недѣлю спустя, Думеркъ самъ явился въ контору и предъявилъ другой вашъ ордеръ.

— Я другаго ордера вамъ не давалъ, а извѣщалъ Думерки, что онъ получить деньги отъ Гинсбурга по его, Думерка, требованію; мое письмо было только извѣщеніе, а не ордеръ банку.

— Пожалуйте завтра въ контору и объяснитесь съ самимъ Гинсбургомъ.

Когда я увидалъ на другой день Гинсбурга и объяснилъ ему дѣло, онъ сказаълъ, что это недосмотръ конторы и приказалъ выдать мнѣ немедленно деньги.

Каковъ же поступокъ адвоката Думерка?

Я представилъ Гинсбургу всѣ документы для предъявленія суду; этотъ поступокъ являлся наглымъ обманомъ, за который Думеркъ могъ быть лишенъ правъ состоянія. Гинсбургъ поблагодарилъ меня за эти документы, но сказалъ, что онъ не обратится къ суду.

— Съ этими господами адвокатами ссориться опасно, лучше пускай пропадутъ деньги,—сказалъ онъ.

Между тѣмъ, трибуналъ первой инстанціи, не смотря на то, что общества въ данную минуту уже не существовало, присудилъ меня къ обязанности вторичнаго взноса денегъ по акціямъ. Пришлось обратиться къ другому адвокату, который оказался болѣе порядочнымъ человѣкомъ. Онъ произнесъ на судѣ блестящую и убийственную для Луи-Бланы рѣчь. Многія газеты напечатали ее цѣликомъ, и едва-ли не послѣ того престижъ Луи-Бланы, какъ шефа своей партіи, значительно падъ; онъ не появлялся болѣе ораторомъ въ палатѣ и вскорѣ умеръ. Такъ, въ концѣ концовъ, кончились мои отношенія къ Луи-Блану, и моя идея изданія журнала въ Парижѣ рухнула.

(Продолженіе съѣдуетъ).

**Дурия постройка Одесского чумного карантинного квартала
и ея послѣдствія.**

Предложеніе министра юстиціи—Правительствующему Сенату.

4-го іюля 1828 г., № 8794.

Статсь-секретарь Муравьевъ объявилъ Комитету гг. Министровъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

Государь императоръ въ нынѣшнее присутствіе свое въ городѣ Одессѣ, и къ удивленію его величества изволилъ самъ лично видѣть, что такъ-называемый тамъ чумный кварталь, два года назадъ тому выстроенный, не только выстроенъ дурно, но даже угрожаетъ паденіемъ: сводъ надъ окномъ совершенно провалился, стѣны вездѣ въ трещинахъ, столь отверстыхъ, что руку въ нихъ проложить можно. Его величество, лично осмотрѣвши таковую худобу сего строенія, изволить находить, что оная не могла произойти иначе, какъ отъ небреженія, или явно дурнаго намѣренія завѣдывающаго и производившихъ сіе строеніе: корпуса инженеровъ путей сообщенія генераль-маюра Потье, маюра Гаю и капитана Морозова, и потому высочайше повелѣваетъ: 1) маюра Гаю и капитана Морозова, арестовать, отдать подъ военный судъ при резервныхъ баталіонахъ 3-го пѣхотнаго корпуса и дѣло сіе тамъ кончить безъ очереди, нарядивъ въ оный судъ за ассесора одного штабъ-офицера корпуса путей сообщенія; 2) на имѣніе генераль-маюра Потье, маюра Гаю и капитана Морозова наложить запрещеніе; 3) новороссийскому генераль-губернатору, графу Воронцову предписать, чтобы сей чумный кварталь быть сломанъ и на мѣсто онаго построенъ новый, надлежаще прочный, произведя сю разломку прежняго и возведеніе новаго на счетъ имѣнія оныхъ Потье, Гаю и Морозова, которое и продать съ публичнаго торга, если доходъ съ онаго для того не будетъ достаточно; 4) о таковомъ его величества высочайшемъ соизволеніи, въ надлежащую заботливую осторожность другимъ, объявить по всѣмъ вѣдомствамъ. Государю императору угодно, чтобы Комитетъ Министровъ сдѣлалъ свои неуклонныя распоряженія къ приведенію въ исполненіе таковой его величества воли.

По положенію Комитета гг. Министровъ для объявлений: о семъ высочайшемъ повелѣніи въ осторожность по всѣмъ вѣдомствамъ имѣеть честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя къ тому, что къ исполненію онаго сообщено отъ Комитета по принадлежности главноуправляющему путями сообщенія и министру внутреннихъ дѣлъ.

Россія и папскій престолъ.

1580—1601 гг.

VII ¹⁾.

Баторій въ Ригѣ. — Желаніе его восстановить католичество въ Ливонії. — Надежды Потсевина на успѣхъ католической пропаганды въ Россіи. — Отправление русскаго посольства въ Венецию и Римъ. — Пріемъ его папою Григоріемъ XIII.

S

ъ то время, какъ Потсевинъ велъ съ Іоанномъ богословскіе споры и обсуждалъ политическіе вопросы, Баторій отправился въ Ригу, чтобы воспользоваться плодами своихъ побѣдъ и заняться дѣлами Ливонії, обладаніе которой было ему обеспечено Ямъ-Запольскимъ миромъ.

Три дня спустя послѣ Стефана Баторія, 6-го (15-го) марта прибылъ въ Ригу Петръ Скарга, знаменитый польскій проповѣдникъ и горячій борецъ за католическую вѣру, бывшій въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ многими изъ приближенныхъ короля.

Рига была уже въ то время значительнымъ торговымъ городомъ, который, до введенія въ краѣ реформаціи, въ 1525 г., имѣлъ своего архіепископа, свой капітуль, свой кафедральный соборъ и монастыры, но въ 1582 г. въ немъ не осталось и слѣдовъ католической вѣры, не было ни католическихъ священниковъ, ни монаховъ, и даже почти вовсе не было католиковъ, если не считать трехъ старыхъ монашечокъ, жившихъ одиноко въ богатомъ нѣкогда монастырѣ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1903 г.

Баторій, какъ онъ самъ говорилъ Петру Скаргѣ, пріѣхалъ въ Ригу главнымъ образомъ съ цѣлью возстановить католическую вѣру. Была какъ разъ Страстная недѣля. Желая служить для жителей примѣромъ благочестія, король, окруженный блестящей свитою, по два раза въ день отправлялся въ церковь, которая была отобрана у лютеранъ, присутствовалъ при богослуженіи, участвовалъ въ церковныхъ процессіяхъ, цѣловалъ крестъ, слушалъ проповѣди. Скарга, по его повелѣнію, утромъ и вечеромъ говорилъ проповѣди на польскомъ языке, а Мартинъ Латерна, сопровождавшій его, совершаляръ службу на латинскомъ языке. Церковь была всегда такъ переполнена молящимися, что это поражало протестантovъ.

Но иль удивленіе смѣнилось тревогою, когда король выразилъ желаніе возвратить католикамъ древній соборъ; это намѣреніе вызвало сильное волненіе среди лютеранъ, которые энергично запротестовали противъ него. Тогда Баторій, оставивъ имъ соборъ, рѣшилъ отобрать у нихъ церковь св. Іакова, которая была не такъ велика и не такъ красива, какъ соборъ, но за то вокругъ нея была пустошь, на которой можно было построить коллегію. Этотъ проектъ снова взволновалъ протестантovъ, которые ненавидили іезуитовъ; однако король не обратилъ на это вниманія и рѣшилъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, вызвать въ Ригу нѣсколько человѣкъ іезуитовъ и поручить имъ открыть школы.

15-го (24-го) апрѣля пріѣхалъ въ Ригу Поссевинъ и тотчасъ приступилъ къ составленію отчета о своей поѣздкѣ для представленія его генералу іезуитскаго ордена, Клавдію Аквавивѣ. Не обманывая себя несбыточными надеждами и не считая возможнымъ обращеніе Иоанна Грознаго въ католическую вѣру или заключеніе немедленно союза Россіи съ Римомъ, Поссевинъ все же высказалъ въ своемъ донесеніи надежду, что ему удалось подготовить къ этому путь. Десятильгнєе неремиріе, которое давало возможность постояннаго общенія православныхъ съ католиками, было, по его мнѣнію, благопріятнымъ условіемъ для пропаганды католицизма среди славянъ. Не дальновидный Поссевинъ не подозрѣвалъ, что московскій царь былъ совершенно иныхъ взглядовъ и что въ душѣ онъ остался по-прежнему непримиримымъ врагомъ короля польскаго и католической церкви, и, тотчасъ по заключеніи перемирия, отправилъ въ Англію своего послана для того, чтобы склонить королеву Елизавету къ союзу противъ Баторія. Посоль этотъ отзывался въ Лондонѣ съ величайшимъ презрѣніемъ о папѣ Григоріѣ XIII.

Но король польскій былъ доволенъ посредничествомъ Поссевина и высказалъ это въ своихъ письмахъ къ пагѣ, кардиналу Фарнезе, къ епископу шлоцкому, къ Клавдію Аквавивѣ и другимъ лицамъ; всѣ эти письма преисполнены похвалъ по адресу Поссевина.

Своему племяннику, Андрею, Баторій писаль, что Поссевинъ «достоинъ не только его благоволенія, но и его признательности», а канцлеру Замойскому, что во время своихъ бесѣдъ съ Поссевиномъ онъ убѣдился въ его «благочестіи и глубокой преданности».

Послѣ кратковременной остановки въ Ригѣ, Поссевинъ долженъ былъ отправиться, какъ было условлено съ Ioannomъ, вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ въ Венецію и Римъ. Въ составѣ этого посольства находились: Яковъ Молвяниновъ, Василій Тишинъ, переводчикъ Збаровскій и нѣсколько второстепенныхъ лицъ. Послу были даны полномочія къ австрійскому императору, къ дожу и къ папѣ. Онъ долженъ былъ увѣрить ихъ въ готовности царя воевать вмѣстѣ съ ними противъ турокъ.

Странное зрѣлище должны были представлять эти московскіе послы, которые отправились въ Римъ подъ предводительствомъ іезуита. Для Поссевина, разумѣется, они были не особенно пріятными спутниками и доставили ему не мало хлопотъ и непріятностей.

Повидавшись въ Варшавѣ съ королевою и папскимъ нунціемъ, Поссевинъ отправился на сутки въ Вылборжъ, близъ Петрокова, резиденцію примаса Станислава Кариковскаго. Щедрый архіепископъ подарилъ ему на прощанье двѣ кареты, обитыя краснымъ сукномъ и запряженныя каждая четверкою лошадей, въ которыхъ онъѣхалъ со своими спутниками до Праги. Въ исходѣ юля 1582 г. посольство прибыло въ Аугсбургъ, гдѣ происходили засѣданія сейма. Императоръ Рудольфъ бытъ озабоченъ въ то время вопросомъ о войнѣ съ Турцией и воспользовался прїѣздомъ Поссевина, чтобы выхлопотать чрезъ него у папы денежную поддержку. Іезуитъ, въ свою очередь, постарался собрать самыя точныя свѣдѣнія о положеніи Австріи и склонить императора къ тому, чтобы онъ приѣхалъ къ посредничеству папы въ своихъ недоразумѣніяхъ съ Баторіемъ. Поссевинъ придавалъ этому величайшее значеніе. Очень довольный достигнутымъ успѣхомъ, онъ отправился далѣе, въ Инспрукъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ ерцгерцогомъ Фердинандомъ, а затѣмъ въ Тарентъ, Верону, Виченцу, Падую и Венецію, куда онъ прибылъ со своими спутниками 23-го юля (1-го августа). На слѣдующій день совершился ихъ торжественный вѣзѣдъ въ столицу дожей, а два дня спустя Поссевинъ былъ приглашенъ на засѣданіе Собѣта Десати, гдѣ онъ доложилъ дожу о перемиріи, заключенномъ между Москвою и Польшею, и о разрѣшеніи, данномъ московскимъ царемъ венеціанскимъ купцамъ и ихъ священникамъ посѣщать Москву.

26-го юля (4-го августа) была назначена аудіенція московскому послу, на которой не обсуждались никакіе политическіе вопросы; весь интерес сосредоточился на великолѣпныхъ соболяхъ, присланныхъ царемъ, которые вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно тайно отъ посла, были проданы

ны съ публичнаго торга; только двѣ соболиные шкуры были оставлены для племянницы дожа; всѣ остальныя пошли на украшенія нарядовъ богатыхъ и изящныхъ венецианокъ.

По мѣрѣ того, какъ посольство приближалось къ Риму, отношенія Поссевина и его спутниковъ становились все больше и больше натянутыми. Русскіе при ближайшемъ знакомствѣ много потеряли въ его мнѣніи: высокомѣрные, дерзкіе, въ высшей степени недовѣрчивые, злопамятные, предававшіеся всякаго рода излишествамъ, они съ трудомъ могли бытьдержаны въ должностныхъ границахъ. Въ Польшѣ и Германіи Поссевинъ запиралъ ихъ на ночь на ключь. Вспоминая объ Иоаннѣ, онъ, подобно Герберштейну, не могъ рѣшить, жестокость ли царя была виною грубости русскихъ или же дикие нравы народа создали грознаго царя.

По отзыву Поссевина, его сотрудники болѣе походили на животныхъ, чѣмъ на людей. Первое крупное недоразумѣніе произошло между ними въ Падуѣ. Плотно покушавъ и изрядно выпивъ, русскіе дипломаты отправились на поиски такъ любимыхъ москвитянами башнъ. За ними слѣдовали гурьбою студенты-поляки, которые, видя, въ какомъ они были состояніи, выслушивали ихъ и отпускали по ихъ адресу разныя остроты. Эта прогулка могла бы кончиться очень печально, если бы двѣнадцать алебардщиковъ, посланныхъ властями, не пришли на выручку русскаго посольства и не привели его обратно домой.

Въ Венеціи приключилась новая бѣда: русскіе уничтожили въ теченіе нѣсколькихъ дней до пятисотъ дынь и огурцовъ, которые они усердно заливали кипрскимъ и мушкатнымъ виномъ. Подъ палящимъ небомъ Италии, въ августѣ мѣсяцѣ, подобная невоздержность имѣла самыя печальные послѣдствія. Но русскіе приписали свою болѣзнь другой причинѣ и утверждали, что въ Венеціи вода была для нихъ очень вредна. Однако, строгая діета дала имъ возможность скоро оправиться.

14-го (23-го) августа Молянинову было вручено вмѣстѣ съ обычными подарками отвѣтное письмо дожа къ Иоанну. Дожъ благодарилъ царя за дозволеніе венецианскимъ купцамъ торговать въ Москвѣ и выражалъ готовность даровать русскимъ такія же льготы въ Венеціи, но о лигѣ противъ турокъ не упоминаль ни слова.

На слѣдующій день посольство выѣхало изъ Венеціи въ Болонью, гдѣ по случаю его прїѣзда были закрыты всѣ лавки, и кардиналъ Чези устроилъ имъ великолѣпный пріемъ.

Далѣе посольство ѻхало не спѣша, останавливаясь во всѣхъ городахъ, которые ему приходилось проѣзжать. Это было сдѣлано по повелѣнію папы, который боялся, что сѣверяне будутъ страдать въ Римѣ отъ лѣтнихъ жаровъ, и потому приказалъ задержать ихъ въ до-

рогъ какъ можно долѣе. Они прибыли въ Римъ только въ половинѣ сентября.

Вѣчный городъ быть почти пустъ, такъ какъ большинство его жителей находилось еще на дачахъ. Самъ Григорій XIII и его секретарь отсутствовали и возвратились въ Римъ только 7-го (16-го) сентября, чтобы принять посольство въ торжественной аудиенціи. По слухамъ отсутствія многихъ придворныхъ, обычный строгій этикетъ былъ на этотъ разъ оставленъ и въ залѣ была допущена посторонняя публика, которой собралось такъ много, что кардиналы едва пробрались изъ своихъ мѣста. Папа, вмѣсто трона, сидѣлъ на простомъ креслѣ. По этому поводу церемоніймейстеръ былъ въполномъ отчаяніи и жаловался на то, что золотой вѣкъ миновалъ и что старинные обычая болѣе не соблюдаются— явный признакъ упадка.

Странное поведеніе и манеры московского посла смущали всѣхъ; Поссевину пришлось употребить самыя энергичныя мѣры для того, чтобы заставить его преклонить колѣна передъ папою и поцѣловать его туфлю. Что касалось собольей шапки посла, то, снимая ее по требованію Поссевина, онъ всякий разъ тотчасъ надѣвалъ ее обратно съ самыми заносчивыми видомъ.

Какая-то неловкость, сдѣянная Тишинымъ, вывела посла изъ себя до того, что онъ въ присутствіи папы далъ ему здороваго тумака по спинѣ. Венеціанскій посланикъ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены, не могъ прийти въ себя отъ изумленія.

Поѣзда посольства въ Тиволи окончилась скандаломъ. Кардиналь д'Эсте устроилъ имъ въ своей виллѣ истинно царскій приемъ, но самъ не вышелъ къ нимъ, въ чёмъ ему не пришлось раскаяться. Прелестный фасадъ его дворца и чудныя фрески, украшившія домъ, не привлекли вниманія русскихъ, они были равнодушны къ живописному мѣстоположенію виллы и къ красотѣ стольніхъ кипарисовъ, украшившихъ садъ, на за то сдѣлали честь угощенію и такъ усердно предались возвліяніямъ, что придворные были совершенно поражены и послѣ этого высшее общество рѣшило не принимать ихъ, и ни одинъ изъ иностранныхъ пословъ не постыдилъ ихъ.

Зас московскимъ посломъ быть даже учрежденъ строгій надзоръ, ему позволялось видѣть только известныхъ лицъ, онъ могъ выходить только по неотложной надобности и то въ сопровожденіи конвоя. Вообще Молвяниновъ велъ себя, какъ истый варваръ, и навлекъ этимъ на себя презрѣніе черни, которая кидала камни въ его окна.

Опасаясь, чтобы посолъ не сказалъ въ Римѣ чего-нибудь лишняго и не испортить отношеній къ папѣ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ, Иоанъ въ инструкціи указалъ ему подробно, что слѣдовало говорить. Напримѣръ, если бы его спросили, называлъ ли царь папу вол-

комъ, то ему велѣно было отвѣтить, что онъ этого не слыхалъ; если бы рѣчь зашла о непріятномъ случаѣ, происшедшемъ въ Кремль у церкви, онъ долженъ былъ сказать, что онъ ничего не видѣлъ и знаетъ только, что Поссевину было оказано въ Москвѣ болѣе почета, нежели посланъ султана и императора. Но заботливость Иоанна оказалась напрасною: въ Римѣ никто и не думалъ провѣрять то, что происходило въ Кремль.

Что касалось переговоровъ съ московскимъ посломъ, то они ограничились простымъ обмѣномъ мыслей, такъ какъ Молянинову не было дано никакихъ полномочий и отъ него нельзя было ничего добиться. А самъ царь въ письмѣ къ папѣ писалъ только о своихъ надеждахъ на будущее. Поэтому и святому отцу оставалось лишь поздравить его съ заключенiemъ перемирия, посовѣтовать ему не нарушать его и готовиться исподоволь къ походу противъ турокъ. Въ этомъ смыслѣ Григорій XIII и писалъ Иоанну, Стефану Баторію и Замойскому.

Русские остались не особенно довольны своимъ пребыванiemъ въ Римѣ; они были удивлены тѣмъ, что папа не пригласилъ ихъ къ столу, тогда какъ Поссевину была оказана царемъ эта честь; имъ казалось, что достоинство царя было оскорблено тѣмъ, что Григорій XIII не преклонялъ голову, произнося имя Иоанна; наконецъ, подарки, полученные посломъ, казались ему слишкомъ ничтожны, и денегъ, выданныхъ имъ на путевые издержки, было, по его мнѣнию, недостаточно. Вообще относительно денегъ удовлетворить русскихъ было очень трудно.

7-го (16-го) октября 1582 г. посольство выѣхало изъ Рима на Вѣну и 25-го ноября (4-го декабря) прибыло безъ особыхъ приключеній въ Варшаву; Поссевинъ остался при дворѣ Баторія, а московское посольство направилось въ Кремль.

VIII.

Положеніе Поссевина въ вопросѣ о католичествѣ въ литовско-русскихъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ.—Князь Константина Острожскаго и его сношенія съ Поссевиномъ.—Введеніе нового календаря.—Вопросъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы.—Кончина Иоанна Грознаго и вступленіе на престолъ Федора Иоанновича.—Посылка русскихъ пословъ въ Польшу.—Мечты Баторія о завоеваніи Московскаго государства.—Порученіе, данное имъ Поссевину.—Прибытіе русскихъ пословъ.—Свиданіе ихъ съ Поссевиномъ.—Продолженіе перемирия.

По возвращеніи въ Польшу, передъ Поссевиномъ открылось новое, обширное поприще дѣятельности. Успѣхъ, увѣнчившій его дипломатическую миссію въ Москву, создалъ ему славу искуснаго дипломата;

папа облекъ его своимъ полнымъ довѣріемъ и поставилъ его въ совершенно исключительное положеніе. Помимо денегъ на путевые издержки и полное содержаніе, Григорій XIII давалъ ему ежемѣсячно сто экю на личныя надобности его и его двухъ спутниковъ; на него былъ возложенъ главный надзоръ за католическими семинаріями и школами, которые основывались на сѣверѣ и западѣ Европы и получали щедрыя субсидіи изъ Рима; кромѣ того, папа далъ ему дипломатическія порученія къ разнымъ европейскимъ дворамъ и главное поручилъ ему уладить споръ, возникшій между Баторіемъ и австрійскимъ императоромъ Рудольфомъ II изъ-за земель, отнятыхъ послѣднимъ у Трансильваніи.

Лично Потсевина интересовалъ болѣе всего вопросъ о соединеніи церквей въ тѣхъ литовско-русскихъ земляхъ, которые были присоединены къ Польшѣ, но по составу населенія и религії сохранили связь съ Москвою. Хотя высшій классъ, приходя въ соприкосновеніе съ болѣе развитыми и дѣятельными поляками, утрачивалъ мало-по-малу свои национальные черты и переходилъ въ католическую вѣру, но простой народъ, крестьяне и мѣщане, подвергавшіеся страшной эксплоатациіи со стороны магнатовъ и евреевъ, свято хранили православную вѣру и русскій языкъ.

Такимъ образомъ между этими двумя классами населенія создавалась мало-по-малу рознь, которую можно было бы устранить, установивъ единство вѣры и языка; но для того, чтобы религіозная реформа проникла въ массу населенія, она должна была бы идти рука объ руку съ соціальной реформой, которая облегчила бы гнетъ, тяготѣвшій надъ низшимъ классомъ. Но подобная реформа была не по силамъ Польшѣ XVI-го вѣка.

Потсевинъ, со своей стороны, интересовался исключительно догматической стороной вопроса и для достижения своихъ цѣлей постарался войти въ сношенія съ княземъ Константиномъ Острожскимъ, который по своему происхожденію, богатству и вліянію занималъ выдающееся мѣсто среди диссидентовъ и магнатовъ. Его владѣнія представляли собою цѣлое маленькое государство съ тридцатью пятью городами и мѣстечками, съ 671 деревней, не считая земель, розданныхъ имъ церквамъ и монастырямъ. Доходы этого королька доходили до громадной по тому времени цифры десяти миллионовъ золотыхъ, что составляло 1.800.000 рублей на наши деньги; онъ былъ окруженнъ многочисленными и изысканными дворомъ, во главѣ которого стоялъ маршалъ,—человѣкъ, принадлежавшій къ высшему дворянству. По политическимъ убѣжденіямъ князя Острожского считали сторонникомъ Польши, такъ какъ онъ поднялъ оружіе противъ Москвы и разорилъ Сѣверскую область. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ такъ искусно ла-

вироваль между Римомъ и Византіей, что та и другая сторона разспичивала на его поддержку. Православный по рожденію, вѣчно окруженный греческими монахами и епископами, князь Константинъ основывалъ въ Острогѣ школу и типографію, живо интересовался дѣлами церкви, переписывался съ восточными патріархами, отвѣчалъ въ почтительныхъ выраженіяхъ на папскія посланія, обращался даже къ папскімъ нунціямъ въ Германіи и Польшѣ, прося ихъ о посредничествѣ у императора для устройства нѣкоторыхъ дѣлъ въ Богеміи.

На Поссевина, когда тотъ постыль его и завелъ съ нимъ рѣчь о единеніи церквей, князь произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе. Нѣсколько времени спустя послѣ этого князь Острожскій самъ отправился въ Краковъ, где находился тогда Поссевинъ, и со слезами на глазахъ долго говорилъ съ нимъ о сліяніи русскихъ и грековъ съ Римомъ, высказавъ, что это была его излюбленная мечта. На другой день къ Поссевину явился отъ него посланный съ просьбою дать князю записку о различіи церквей, представленную нѣкогда Поссевиномъ Іоанну IV. Передъ отѣздомъ изъ Кракова князь Константинъ выразилъ желаніе не только имѣть подлѣ себя богослововъ, знакомыхъ со славянскими напѣчіями, но даже созвать въ Острогѣ нѣчто въ родѣ собора. Находя это преждевременнымъ, Поссевинъ совѣтовалъ ему избѣгать слишкомъ шумныхъ манифестацій, но заявилъ, что въ этомъ желаніи виденъ перстъ Божій.

Князь Острожскій завелъ съ іезуитомъ переписку, подариль ему экземпляръ славянской біблії, напечатанной въ его типографіи, и такъ какъ славянскій шрифтъ, который употреблялся въ Римѣ, былъ очень плохъ, то князь предложилъ послать въ Италію партію опытныхъ рабочихъ для отлитія пунсоновъ и, если понадобится, для корректуры оттисковъ. Такимъ образомъ представлялся случай завязать постоянныя сношенія съ Римомъ и познакомить русскихъ людей съ Западомъ, но кардиналь Санторіо, отъ которого это зависѣло, отклонилъ предложеніе князя Острожскаго. Излюбленной темой, которой касались въ своей перепискѣ Поссевинъ и Острожскій, былъ вопросъ о единеніи церквей. Планы князя были въ этомъ отношеніи весьма обширны, они обнимали славянъ, грековъ, Византію и Москву, и въ нихъ игралъ большую роль вопросъ о народномъ образованіи.

Совершившееся въ это время введеніе григоріанскаго календаря доставило Поссевину и князю Острожскому новую пищу для оживленаго обмѣна мыслей.

Въ 1581 г. былъ поднятъ вопросъ о томъ, что прежде, нежели измѣнить календарь, необходимо было опросить объ этомъ мнѣнія русскихъ, грековъ, молдаванъ и валаховъ, но это не было исполнено; папа обратился по этому поводу съ запросомъ только къ константинополь-

скому патріарху Іеремії II, который пользовался въ Римѣ большими уваженіемъ, такъ какъ, благодаря его твердости, реформація не про никла на Востокѣ; онъ былъ извѣстенъ, какъ врагъ протестантовъ, и относился болѣе сочувственно къ католикамъ.

Желая заручиться согласіемъ Іеремії II на введеніе нового календаря, Григорій XIII послать къ нему въ Константинополь для переговоровъ Л. Челлини, который былъ принятъ патріархомъ весьма любезно. Переговоры шли успѣшно; казалось даже, что обѣ стороны придутъ къ соглашенію, какъ вдругъ въ Константинополѣ узнали о папской буллѣ; перемѣна календаря стала совершившимся фактомъ; патріархъ рѣшилъ, что надъ нимъ посмѣялись, и круто измѣнилъ свои рѣчи; Челлини возвратился въ Римъ, ничего не добившись, а въ ноябрѣ мѣсяца 1582 г. въ Константинополѣ былъ созванъ соборъ, осудившій новый календарь. Князь Острожский былъ извѣщенъ о томъ съ объясненіемъ причинъ, собственоручнымъ письмомъ патріарха.

Патріархъ, конечно, не предвидѣлъ, какая судьба ожидала его письмо и въ чьи руки оно попадетъ. Князь Острожский передалъ его Поссевину, прося перевести и написать на него опроверженіе, такъ какъ онъ одобрялъ введеніе нового календаря. Баторій уже выразилъ согласіе ввести его въ Польшѣ, и отказъ со стороны православныхъ могъ послужить яблокомъ раздора.

Поссевинъ, хорошо знакомый съ этимъ вопросомъ, написалъ длинное возраженіе на двѣнадцати страницахъ, отъ имени князя, которое было послано въ Константинополь и Римъ.

Такимъ образомъ всѣ старанія Поссевина ввести среди славянъ григоріанскій календарь и вызвать сліяніе славянъ съ Римомъ не привели въ то время ни къ чему; онъ только подготовилъ почву къ совершившемуся въ 1595 г. великому событию — введенію унії, чему князь Острожский тщетно старался противодействовать. Возлагая на Поссевина весьма разнообразныя порученія, папа имѣлъ въ виду главнымъ образомъ поддержать въ Европѣ миръ и склонить державы дѣйствовать совместно противъ Турціи. При этомъ для него было очень важно заручиться содѣйствіемъ Баторія.

Въ принципіѣ король польскій раздѣлялъ взгляды папы на необходимость воевать съ турками; болѣе того, онъ былъ увѣренъ, что походъ удачается успѣхомъ, если его поведутъ энергично. Поэтому онъ одинъ изъ всѣхъ европейскихъ монарховъ отвѣтилъ на предложеніе папы совершенно серьезно и согласно съ его желаніемъ, обѣщавъ Григорію XIII сорокъ или пятьдесятъ тысячъ человѣкъ войска подъ условіемъ денежнай субсидіи и содѣйствія австрійскаго императора и нѣмецкихъ принцевъ.

Въ началѣ 1584 г. въ Римѣ началась усиленная дѣятельность для

подготовлениі лиги противъ Турціи. Григорій XIII хотѣлъ поднять противъ нея весь Востокъ; въ Европѣ особенно усердно работали дипломаты, но этотъ вопросъ затрагивалъ слишкомъ много личныхъ, чисто эгоистическихъ разсчетовъ, у всѣхъ и каждого было слишкомъ много заднихъ мыслей, чтобы можно было до чего-нибудь договориться: Венеція боялась за свою торговлю съ Востокомъ, король испанскій вооружался противъ Англіи и возобновлялъ перемиріе съ турками, самъ Баторій подъ вліяніемъ текущихъ событий былъ готовъ примириться съ врагомъ христіанского міра; только одинъ папа былъ непоколебимъ и готовъ на всякия жертвы.

Между тѣмъ, въ Москвѣ произошло событие первостепенной важности, послужившее сигналомъ къ внутреннимъ смутамъ и раздорамъ, и которое не могло не отразиться на внѣшнихъ сношеніяхъ Московскаго государства.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1584 года скончался Іоаннъ Грозный, и на престоль вступилъ его второй сынъ Феодоръ, котораго покойный царь тщательно охранялъ отъ взора иностранцевъ; по крайней мѣрѣ Поссевинъ, не смотря на настоятельный просыбы, ни разу не видѣлъ его. Іоаннъ не хотѣлъ, чтобы иностранецъ видѣлъ этого болѣзненнаго юношу съ блуждающимъ взоромъ, съ блѣднымъ лицомъ и непріятнымъ голосомъ, вѣчно улыбавшагося и растеряннаго.

Вѣсто Феодора управлялъ, какъ извѣстно, его шуринъ, умный, энергичный и безграницно честолюбивый Борисъ Годуновъ, въ которомъ многіе видѣли будущаго царя. Такъ какъ болѣзненный Феодоръ, не имѣвшій дѣтей, не могъ прожить долго, то, въ случаѣ его кончины, единственнымъ потомкомъ Рюрика остался бы царевичъ Димитрій, сосланный въ Угличъ, который, какъ полагали многіе дальновидные люди, могъ сдѣлаться жертвою честолюбиваго царедворца. Въ Польшѣ все это было хорошо извѣстно. Сапѣга, пріѣзжавшій въ Москву для обмѣна плѣнныхъ, слышалъ тамъ всѣ эти толки.

Возвратившись въ Польшу, онъ объявилъ королю о скоромъ пріѣздѣ двухъ русскихъ пословъ, изъ коихъ одинъ будетъ посланъ Феодоромъ, а другой боярами, для того, чтобы скрѣпить, а въ случаѣ надобности возобновить десятилѣтнее перемиріе, заключенное въ 1582 г.

Замойскій сообщилъ эти вѣсти Поссевину, которому пришлось поэтому оставить свое уединеніе и принять снова дѣятельное участіе въ событияхъ.

Поссевинъ находился въ это время въ Прагѣ, откуда онъ поспѣшилъ написать въ Римъ, сообщая, во-первыхъ, о тайномъ намѣреніи Баторія, воспользовавшись перемѣнною царствованіемъ, овладѣть Смоленскомъ и нѣкоторыми другими русскими провинціями и, во-вторыхъ, высказалъ мысль, что моментъ былъ самый подходящій, чтобы послать

Феодору и боярамъ, его ближайшимъ союзникамъ, папскія посланія. Поссевинъ даже набросалъ ихъ вчериѣ: тутъ были и сожалѣнія по поводу кончины Иоанна, и увѣренія въ дружбѣ, и надежда, что дружескія отношенія, существовавшія между Москвою и папскимъ престоломъ, упрочатся и впредь.

Въ этомъ смыслѣ были написаны въ Римѣ два папскихъ посланія, которые были препровождены Поссевину въ Прагу, но, чтобы не возбудить подозрѣній Баторія, къ нимъ не было приложено золотой печати и не посыпалось никакихъ подарковъ.

Въ Польшѣ шли въ это время иного рода приготовленія.

Въ августѣ мѣсяцѣ, въ Люблинѣ были созваны сенаторы для обсужденія отвѣтствъ, которые надлежало дать русскимъ посламъ. Поссевинъ также прибылъ въ Люблинъ. Король ожидалъ его съ нетерпѣніемъ, чтобы сообщить ему о новыхъ планахъ, зародившихся въ его умѣ. Для того, чтобы уничтожить турокъ и овладѣть Византіей, онъ считалъ необходимымъ завоевать прежде Москву.

Со смертью Иоанна перемиріе, заключенное съ нимъ, считалось недѣйствительнымъ. Москва была окружена со всѣхъ сторонъ алчными и грозными сосѣдями, ее раздирали внутреннія смуты, и король польский считалъ себя имѣющимъ особыя права на наслѣдие Иоанна и не хотѣлъ, чтобы его упредили другіе. Онъ считалъ возможнымъ завоевать Москву въ три года, а затѣмъ, съ помощью грузинъ, черкесъ и персовъ, идти на Константинополь и водрузить польское знамя на берегахъ Босфора.

Но для этого прежде всего нужны были деньги, которыхъ у Баторія не было. Сеймъ не утверждалъ новыхъ налоговъ, и потому оставалась одна надежда на папу. Баторій просилъ Поссевина написать Григорію XIII, а затѣмъ самому отправиться въ Римъ съ просьбою о субсидіи. Съ этой цѣлью онъ далъ іезуиту письма къ папѣ, дожу, къ великому герцогу Тосканскому и кардиналу Фарнезе, протектору Польши.

Порученіе, данное Поссевину, ставило его въ высшей степени щекотливое положеніе. При дворѣ короля польского былъ нунцій, которому могло быть непріятно предпочтеніе, оказываемое іезуиту, но Баторій заявилъ решительно, что онъ не хочетъ иного посредника въ своихъ сношеніяхъ съ папою, кромѣ Поссевина, хорошо знакомаго съ московскими порядками.

Совершенно новый и неожиданный планъ Баторія произвелъ въ Римѣ большое смятеніе. Онъ ставилъ верхъ дномъ всѣ планы, выработанные престарѣлымъ папою съ такимъ трудомъ; для осуществленія замысла короля пришлось бы выработать новый планъ дѣйствій, опѣшить, не жалѣть денегъ и проявить огромную дѣятельность. Дѣло

представлялось труднымъ, и на Поссевина стали въ Римѣ коситься, его находили слишкомъ смѣшнымъ, неспокойнымъ.

А между тѣмъ варшавскій нунцій сообщалъ въ своихъ депешахъ, что Баторій будетъ просить у папы денежной помощи, присовокупляя въ видѣ комментарія, что сеймъ вѣроятно не утвердитъ налоговъ и что королю придется вести войну на свои средства. Кардиналъ, которому онъ писалъ, понялъ этотъ намекъ и поспѣшилъ написать Поссевину, что хотя папа и одобряетъ планы Баторія и готовъ поддержать ихъ, но что онъ предпочитаетъ отложить решеніе вопроса до сейма 1585 г. Онъ просилъ Поссевина не прѣважать въ Италію по своему собственному почину, предоставить веденіе переговоровъ нунцію Болоньетти. Что же касалось столъ страстно желаемыхъ королемъ денежныхъ субсидій, то кардиналь писалъ откровенно, что средствъ папы едва хватало на обыденные расходы и что не слѣдовало разсчитывать ни на Венецію, ни на Флоренцію, гдѣ деньги расходуются съ благоразумной осторожностью.

Этотъ отвѣтъ былъ написанъ вскорѣ и посланъ съ тѣмъ же курьеромъ, который привезъ письма Поссевина. Въ непродолжительномъ времени кардиналь обѣщалъ писать подробнѣе, но письмо замедлило, и это поставило Поссевина въ самое затруднительное положеніе, такъ какъ ему было необходимо дать королю категорический отвѣтъ до начала сейма, чтобы онъ зналъ, какъ держать себя на немъ.

Не дождавшись болѣе обстоятельного отвѣта, Поссевинъ передалъ, наконецъ, Баторію 26-го октября (5-го ноября) о сочувствіи папы его планамъ и, стараясь оправдать колебанія и промедленія папскаго престола, упомянулъ обѣ его огромныхъ трактахъ и сказалъ, что папа одѣлаеть все отъ него зависящее: само собою подразумѣвалось, что пустая казна не могла дать многаго.

Предвида, что ему придется отвѣтчать на возраженія, которыхъ могли быть сдѣланы на это, Поссевинъ представилъ одновременно Замойскому записку, въ которой онъ излагалъ всю трудность задуманнаго королемъ предпріятія.

Канцлеръ отвѣтилъ ему пространнымъ письмомъ, въ которомъ онъ обсуждалъ сказанное Поссевиномъ по пунктамъ и дѣлалъ на нихъ свои возраженія.

Эта записка, начертанная первымъ лицомъ республики, въ которой онъ изображалъ истинное положеніе страны, была послѣднимъ словомъ польской политики и поэтому заслуживаетъ особаго вниманія.

По словамъ Замойскаго, главною цѣлью короля польскаго должно быть спасеніе христіянства, защита Польши и даже Германіи отъ ислама, ибо, въ случаѣ вторженія турокъ, Европѣ угрожала гибель; единственнымъ средствомъ преградить имъ путь было завоевать Москву. «Простой военной прогулки, одного страха, внушаемаго польскимъ именемъ, бу-

деть достаточно,—писалъ онъ,—для того, чтобы завоевать страну, истощенную войною и обуреваемую анархией. Но король польскій, предпочитая окончить дѣло мирнымъ путемъ, требуетъ только уступки завоеванныхъ у него провинцій, а затѣмъ предложить соединять обѣ страны подъ однимъ скіпетромъ и, только въ случаѣ отказа со стороны русскихъ, объявить имъ войну, которая продлится не болѣе двухъ лѣтъ и увѣличается успѣхомъ.

«Но если эта цѣль благородна,—писалъ канцлеръ,—если Московское государство слабо, то достаточно ли, въ свою очередь, сильна Польша и достаточно ли она богата, чтобы начинать новую войну; умиротворены ли ея политическія партіи, нѣть ли у Баторія опасныхъ соперниковъ и, если онъ уѣдетъ временно изъ Польши, не нападутъ ли на республику враждебные ему сосѣди?» Всѣ эти вопросы не вызывали у Замойскаго и тѣни сомнѣнія. Внутреннее состояніе Польши не внушало ему ни малѣйшей тревоги: оно таково же, говорилъ онъ, какъ и во время Ягеллоновъ; измѣнились люди, но нравы остались тѣ же. Сеймы по-прежнему будутъ шумны и бурны, но власть правительства достаточно сильна и большинство поляковъ довольно патріотично, чтобы не бояться никакой опасности. Даже въ случаѣ войны нѣть повода опасаться возмущенія; у враговъ короля, по живописному выражению канцлера, «кошельки затянуты паутиной», и они бросаются на воздухъ болѣе словъ, нежели имѣютъ зерна для посѣва; въ случаѣ восстанія, ихъ плохо укрѣпленные замки и дурно охраняемыя имѣнія сдѣлаются добычей нападающаго, поэтому они не рискнутъ подать къ тому повода.

На основаніи этихъ соображеній, Замойскій находилъ, что Польша смѣло могла объявить Москвѣ войну, тѣмъ болѣе, что ея отношенія къ прочимъ державамъ были вполнѣ успокоительныя; а что касалось Турціи, то Замойскій, забывая, что главною цѣлью Баторія было уничтожить ее, писалъ, что турки не только не будутъ препятствовать походу на Москву, но напротивъ того будутъ содѣйствовать королю и что еще Селимъ II предлагалъ Сигизмунду-Августу подкрѣпленіе въ 30.000 человѣкъ, если онъ объявить войну московскому царю.

Выяснивъ свой взглядъ со стороны принципіальной, Замойскій перешелъ къ денежному вопросу. Провинціи съ русскимъ и литовскимъ населеніемъ утверждать налоги, говорилъ онъ въ своей запискѣ; если же поляки на это не согласятся, то король поведетъ войну на свой счетъ или на счетъ своихъ союзниковъ. Папа и тѣ монархи, кои дадутъ ему деньги на войну, могутъ контролировать произведенныя расходы.

Замойскій ожидалъ, что деньги такъ и полются въ королевскую казну; поэтому онъ обсуждалъ даже вопросъ, какое сдѣлать изъ нихъ употребленіе въ случаѣ, если бы войны не пришлось вести, т. е. если бы царь добровольно уступилъ требуемыя Баторiemъ провинціи. На

эти деньги можно будетъ построить церкви и школы въ присоединенныхъ къ Польшѣ земляхъ, писалъ канцлеръ, и построить крѣпости въ Трансильваниѣ, которая есть ключъ къ Европѣ со стороны Востока.

Въ этой запискѣ невольно высказалась тайная мысль канцлера; турки были только предлогомъ; истинной жертвой должна была быть Москва. Поссевинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять этого, и слишкомъ самоувѣренъ, чтобы не льстить себя надеждою, что ему удастся направить дѣло такъ, какъ ему хотѣлось, удовлетворивъ всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ лицъ. Каковы ни были виды Поссевина на будущее, но въ 1584 г. онъ былъ рѣшительно на сторонѣ Баторія и, стараясь расположить въ его пользу папу, писалъ въ Римъ, что «счастливое стеченіе обстоятельствъ позволяетъ королю польскому лѣгть самые обширные планы и разсчитывать на корону, еще болѣе блестящую, нежели корона Ягеллоновъ».

Всѣ эти доводы и посланное въ Римъ собственноручное письмо короля къ Григорію XIII не могли пройти безслѣдно и хотя папа, конечно, не измѣнилъ своей политики по желанію Баторія, однако онъ счѣлъ нужнымъ смягчить первоначальный отвѣтъ, посланный имъ королю польскому, и одинъ изъ кардиналовъ писалъ Поссевину, по приказанію папы, что «его святѣйшество отнюдь не хочетъ давать советы королю, или обсуждать вопросъ о томъ, хорошо или худо начинать войну, что онъ вполнѣ полагается на рѣшеніе короля, зная, что онъ со свойственной ему осторожностью приметъ самое благое рѣшеніе».

Что касалось субсидій, о которыхъ просилъ Баторій, то папа вѣлья передать ему, что онъ не считаетъ удобнымъ ходатайствовать объ этомъ у дожа или у великаго герцога Тосканскаго, и даже не считаетъ желательнымъ, чтобы Поссевинъ прїѣзжалъ въ Римъ, дабы никто не могъ заподозрить, что его святѣйшество принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Но король могъ бы послать кого-либо изъ своихъ довѣренныхъ лицъ, чтобы войти въ переговоры съ означенными правителями, и если они выразятъ готовность оказать ему свое содѣйствіе, то его святѣйшество, со своей стороны, готовъ будетъ помочь ему. Поручая Поссевину передать все это королю лично, кардиналъ присовокуплялъ, что Поссевину нѣтъ надобности прїѣзжать по этому дѣлу ни въ Римъ, ни въ Италию, ибо такова воля его святѣйшства.

Изъ этого письма ясно видно, что папа отнюдь не желалъ гибели Москвѣ, ибо иначе онъ, конечно, выказалъ бы болѣе усердія къ этому дѣлу и лучше воспользовался бы представившимся, быть можетъ, единственнымъ, случаемъ.

Новый отвѣтъ папы былъ принять Поссевиномъ съ благодарностью; онъ видѣлъ въ немъ внушеніе свыше, быть вполнѣ доволенъ и писаль

8-го (17-го) ноября 1584 г. Баторію, что поспѣшать лично сообщить ему рѣшеніе папы.

Но его свиданіе съ королемъ польскимъ состоялось лишь въ исходѣ января 1585 г. во время сейма.

По мѣрѣ того, какъ земскіе депутаты появлялись въ Варшавѣ, становилось все болѣе и болѣе очевидно, что Польша страстно желала мира и боялась новой войны, противъ которой сеймъ высказался открыто.

Не встрѣтивъ содѣйствія со стороны поляковъ, Баторій долженъ былъ еще болѣе цѣнить сочувствіе папы. И дѣйствительно, какъ видно изъ сообщеній Поссевина, король и канцлеръ были весьма довольны отвѣтомъ, полученнымъ изъ Рима. Но такъ какъ Баторію было необходимо сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и не идти открыто наперекоръ ему, то ему все-таки пришлось примѣниться къ обстоятельствамъ. Хотя онъ и былъ вполнѣ убѣжденъ въ плачевномъ состояніи Московскаго государства и могъ разсчитывать на помощь короля шведскаго, предлагающаго ему свой союзъ, но онъ рѣшилъ остановиться на полумѣрахъ и потребовать только у царя обратно Смоленскъ и Тверь.

Между тѣмъ къ открытию сейма прибыли въ Варшаву представители царя Феодора Ioannовича, князь Троекуровъ и Михайло Безнинъ; при нихъ состоялась секретаремъ тотъ самый польскій шляхтичъ Заборовскій, который исполнялъ эту обязанность при Молвяниновѣ, во время его поѣздки въ Римъ. Имъ было приказано сдѣлать все возможное для сохраненія мира, въ которомъ Москва сильно нуждалась, послѣ такого царствованія, какимъ было царствование Ioanna Грознаго, и въ виду столь опаснаго противника, какъ Баторій.

Были ли посламъ даны какія-либо инструкціи относительно папскаго престола—не известно, но они вступили тотчасъ по приѣздѣ въ сношенія съ Поссевиномъ. Его положеніе было довольно странное; онъ ходатайствовалъ въ Римѣ за Баторія, а въ Польшѣ то поощрялъ его планы, то старался сдерживать его; въ своихъ же бесѣдахъ съ русскими послами онъ многое скрывалъ отъ нихъ и разсчитывалъ сохранить съ ними дружескія отношенія, заставивъ ихъ въ то же время подчиниться его требованіямъ.

Въ то время онъ уже не такъ увлекался мыслю о войнѣ Баторія съ Москвою; участіе Ливонії также внушила ему сомнѣнія, такъ какъ захватченіе ея Польшею не принесло особенной пользы церкви.

— Я боюсь,—сказалъ онъ однажды королю со своей обычной откровенностью,—чтобы благодаря вашимъ побѣдамъ аrianство и безвѣріе не проникло туда, гдѣ до этихъ поръ была только ересь. Не лучше ли было бы устроить сначала дѣла Ливонії, а затѣмъ уже строить новые планы?

Эти слова произвели впечатление на короля; онъ обѣщалъ здѣло обдумать вопросъ прежде, нежели прибѣгнуть къ денежному займу. Поссевинъ надѣялся даже, что «изъ уваженія къ его святѣйшеству всѣ денежнныя обязательства Польши будутъ отсрочены и что перемиріе будетъ продолжено еще на два года». Онъ разсчитывалъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы заняться религиозной пропагандою въ Московскомъ государствѣ.

Свиданіе Поссевина съ послами было въ высшей степени дружественное. Они приняли папское посланіе, предназначавшееся для царя Феодора Ioannovicha, съ изыяненіемъ благодарности, и просили Поссевина ходатайствовать у короля о продленіи перемирія и о решеніи не скончаемаго вопроса обѣ обмѣнѣ плѣнныхъ.

Баторій охотно принялъ посредничество своего всегдашняго сторонника, обсудить вмѣстѣ съ нимъ программу предстоявшихъ переговоровъ, принялъ во вниманіе его совѣты, и такимъ образомъ при участіи Поссевина было заключено съ Москвою новое перемиріе.

Любопытно, до какой степени Поссевинъ увлекался надеждою ввести въ Россію католичество. Послѣ своихъ переговоровъ съ Троекуровымъ и Безнинымъ, которые весьма мало понимали въ этомъ вопросѣ, онъ уже высказываетъ въ своихъ письмахъ самыя радужныя надежды.

Но важнѣйшіе пункты переговоровъ были для всѣхъ тайною. Какъ утверждаютъ русскіе источники, Баторій говорилъ русскимъ посламъ тотчасъ по ихъ приѣздѣ, что онъ согласится заключить даже десятилетнее перемиріе, если царь возвратить Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, Смоленскъ и Сѣверскъ; къ этому онъ присовокупилъ слѣдующія грозныя слова:

— Отецъ Феодора не хотѣлъ меня знать, но ему пришлось познакомиться со мною; то же будетъ и съ сыномъ.

Тотчасъ по заключеніи перемирія, Троекуровъ и Безнинъ были приглашены къ канцлеру Замойскому, который сказалъ имъ слѣдующее:

— Вамъ извѣстны права Польши на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ съ округами; вамъ извѣстно, что такъ какъ перемиріе окончилось, то мы были бы въ правѣ требовать этихъ земель. Но миролюбивый образъ дѣйствій слѣдуетъ всегда предпочитать насилию. Самое вѣрное средство изѣжать насилия и даже заключить съ нами вѣчный союзъ состоить въ томъ, чтобы вашъ великий князь принялъ наши условия. Вы видите, что онъ серьезно боленъ: слѣдовательно, вы не можете разсчитывать на то, что у него будетъ преемникъ и что спокойствіе страны будетъ обеспечено. При подобныхъ обстоятельствахъ Россія легко можетъ сдѣлаться добычею турокъ, татаръ и другихъ народовъ, и поэтому мы предлагаемъ вамъ, въ случаѣ, если вашъ великий князь умретъ, не оставивъ потомства, начать переговоры съ нами, чтобы присоединить Московское госу-

дарство къ Польшѣ, по примѣру великаго княжества Литовскаго, что вполнѣ удобно въ виду близкаго сосѣдства и общности языка.

Можно себѣ представить изумленіе московскихъ пословъ, которымъ было предписано держаться буквально данныхъ имъ инструкцій, когда они очутились лицомъ къ лицу съ такими серьезными вопросами, которые имъ приходилось рѣшить самостоителльно. Строго соблюдая данный имъ приказъ, они скромно отвѣтили, что не могутъ позволить себѣ отступленіе отъ обычаевъ, но что если Баторій пришлетъ своихъ пословъ въ Москву, то имъ будетъ оказанъ самый хороший приемъ.

Такимъ образомъ, благодаря стечению обстоятельствъ, восторжествовала выжидательная и миролюбивая политика. Война была отложена, главнымъ образомъ, по недостатку денежныхъ средствъ, и дипломатія открывалась широкая дѣятельность: надобно было успокоить взъолнованные умы, упрочить между обоими народами дружественные отношенія и примирить ихъ интересы. Поссевинъ понималъ это, и въ его умѣ уже зарождались новые планы, какъ вдругъ его дѣятельность была неожиданно прервана.

31-го января (9-го февраля) 1585 г., въ тотъ самый день, когда Стефанъ написалъ ему любезную записочку, въ которой увѣрялъ его, что онъ будетъ всегда желаннымъ гостемъ въ Варшавѣ и что ему приготовлено на выборъ три комнаты, онъ получилъ неожиданно изъ Рима приказаніе оставить дворъ и удалиться въ Брауншбергскую іезуитскую коллегію, и тамъ, вдали отъ Польши, отъ Германіи и Швеціи, заниматься писаніемъ писемъ, распространеніемъ книгъ и руководствъ для миссионеровъ.

Чѣмъ же было вызвано это приказаніе папы? Духовное званіе плохо вѣжется съ политикой, и хотя Поссевинъ занимался въ послѣдніе годы дипломатіей по особому повелѣнію папы, но все же это могло имѣть для религіи самая непріятныя послѣдствія. Между императоромъ Рудольфомъ и Баторiemъ существовало тайное соперничество; относительно Москвы они были самыхъ противоположныхъ взглядовъ и вели споръ изъ-за нѣсколькихъ десятинъ земли въ Венгрии; удовлетворить обоихъ монарховъ было совершенно невозможно, и для іезуитского ордена, который имѣлъ свои школы въ Австріи и въ Польшѣ, безпристрастіе было необходимымъ качествомъ. Поссевинъ и старался быть безпристрастнымъ, но недоброжелательство и зависть преслѣдовали его со всѣхъ сторонъ и его дѣйствія подвергались самой строгой критикѣ. Единственнымъ средствомъ снять съ себя всякое подозрѣніе было отказаться отъ политики. Генералъ іезуитского ордена, Аквавива, одаренныйъ большою проницательностью, рѣшилъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ энергично. Онъ отправился къ папѣ, изложилъ ему всѣ обстоятельства дѣла и потребовалъ, чтобы Поссевинъ былъ отозванъ. Никто не предвидѣлъ въ то время, что его удаленіе отъ дѣлъ будетъ весьма непродолжительно.

IX,

Отправлениe Баториемъ посольства въ Москву.—Неудача въ переговорахъ и возобновленіе ихъ въ Гроднѣ въ 1586 г.—Значеніе Бориса Годунова.—Кончина папы Григорія XIII и вступленіе на престолъ Сикста V.—Желаніе Баторія овладѣть Москвою.—Появленіе Поссевина вновь на дипломатической сценѣ.—Письма его разныимъ лицамъ.—Сношенія Баторія съ Римомъ.—Ложный слухъ о кончинѣ Феодора Ioannovича и о томъ, что русскіе желаютъ, чтобы на московскій престолъ вступилъ эрцгерцогъ австрійскій.—Поѣзда Поссевина въ Римъ и переговоры его съ Сикстомъ V.—Кончина Стефана Баторія.—Впечатлѣніе, которое она произвела на Поссевина.—Избраніе короля польскаго.—Соперничество эрцгерцога Максимилиана и Сигизмунда.—Пораженіе Максимилиана.—Договоръ, заключенный между Австріей и Польшей.

Слова, сказанныя Троекуровымъ въ отвѣтъ на предложеніе Баторія соединить Польшу и Москву подъ однимъ скіпетромъ, были приняты королемъ польскимъ къ свѣдѣнію. Московскій посолъ, признавъ свою несостоятельность въ рѣшеніи подобнаго вопроса, подалъ ему мысль обратиться непосредственно къ самому царю, и король рѣшилъ въ началѣ 1586 г. послать въ Москву для переговоровъ преданнаго ему каштеляна минскаго Гарабурду.

Выборъ былъ удаченъ: Гарабурда свободно говорилъ по-русски и имѣлъ связи въ Кремль, куда онъ посыпался неоднократно съ дипломатическими порученіями. Онъ же подписаль Ямъ-Запольское перемиріе.

Странная превратность судьбы! Въ 1573 г. тотъ же Гарабурда предлагалъ Ioannу IV или его сыну польскій престолъ, никѣмъ не занятый по смерти Сигизмунда-Августа, но тогда главенство между союзными державами должно было принадлежать Москвѣ; теперь же шла рѣчь о сліяніи обоихъ народовъ подъ скіпетромъ Польши.

Переговоры начались съ обсужденія второстепенныхъ вопросовъ.

Гарабурда жаловался на обиды, чинимыя въ Москвѣ литовскими купцами, коихъ тамъ считали шпіонами, и обращались какъ съ таковыми. Онъ требовалъ освобожденія нѣмецкихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Ливоніи, чего безуспѣшно добивался Поссевинъ еще въ 1582 году.

Въ Кремль имѣли обыкновеніе на жалобы отвѣтчать жалобами; поэтому бояре, въ свою очередь, говорили, что Баторій возвратилъ только самыхъ простыхъ плѣнныхъ, мужиковъ и стрѣльцовъ, оставивъ у себя всѣхъ болѣе значительныхъ лицъ; что касалось лифляндцевъ, то бояре утверждали, что ихъ даже нельзя считать плѣнными, таѣ какъ одни изъ нихъ будто бы поступили на царскую службу, а другие торговали въ Москвѣ, поэтому о возвращеніи ихъ не могло быть и рѣчи.

Начало не предвѣщало ничего доброго, но Гарабурда, умудренный опытомъ, не унывалъ и, чтобы не слишкомъ озадачить бояръ, онъ предложилъ имъ принять исходную точкою переговоровъ сохраненіе *statu quo*, т. е. чтобы обѣ стороны сохранили тѣ земли, коими они владѣли въ тотъ моментъ.

— Если мы будемъ требовать какихъ-либо провинцій,—сказалъ литовскій посолъ,—очевидно, ихъ никто не уступить добровольно, и ихъ придется вырвать другъ у друга съ оружіемъ въ рукахъ; пусть лучше каждый довольствуется тѣмъ, чѣмъ онъ владѣеть въ настоящее время, пусть братъ ничего не требуетъ отъ брата. Дай Богъ, чтобы оба монарха жили еще долгіе годы, но, въ случаѣ кончины одного изъ нихъ, вопросъ о престолонаслѣдіи возникнетъ самъ собою и его можно будетъ решить слѣдующимъ образомъ: если Баторій умретъ, не оставивъ потомства, то пусть Польша и Литва будутъ присоединены къ Москвѣ, составивъ одно государство подъ скипетромъ царя; если же, напротивъ того, Феодоръ умретъ раньше бездѣтнымъ, то пусть Москва будетъ присоединена къ Польшѣ и Литвѣ подъ скипетромъ Баторія. Это братское слияніе славянскихъ народовъ составить эпоху въ исторіи, и сама судьба решить будущее обѣихъ странъ.

Слыша эти рѣчи, бояре только покачивали головою. Могли ли они, вѣрноподданные московскаго царя, обсуждать заблаговременно вопросъ объ его кончинѣ? Они откровенно высказали Гарабурдѣ свое сомнѣніе въ успѣхѣ переговоровъ, но высшее духовенство и боярская дума увидѣли въ этомъ предложеніи средство затянуть переговоры, чemu въ Москвѣ были всегда рады. Но самъ Гарабурда былъ виноватъ въ томъ, что бояре уклонились вскорѣ отъ переговоровъ съ нимъ.

Коснувшись еще разъ вопроса о слияніи славянскихъ народовъ, онъ заявилъ, что, въ случаѣ кончины Баторія, Польша сохранить полную свободу дѣйствій, тогда какъ Москва, лишившись царя, будетъ обязана присоединиться къ Польшѣ. Въ сущности это и была мысль Баторія, который не допускалъ ни въ какомъ случаѣ главенства своей соперницы Москвы, но для бояръ это былъ, конечно, отличный предлогъ вознегодовать и окончательно отказаться отъ обсужденія этого вопроса.

Бояре, въ свою очередь, предложили вести переговоры о другомъ, по ихъ словамъ, болѣе важномъ предметѣ, а именно продолжить перемиріе для того, чтобы имѣть возможность заключить вѣчный миръ. Гарабурда, со своей стороны, на это не согласился. Ему было необходимо добиться положительного результата: либо решить принципіально вопросъ о соединеніи двухъ странъ подъ одной верховной властью, либо выговорить какую-либо значительную территоріальную уступку. Въ виду этого онъ заявилъ боярамъ, что если дѣло пойдетъ такъ и далѣе, то Баторій не довольствуется ни Смоленскомъ, ни Сѣверскомъ, и русскимъ придется уступить ему Новгородъ и Псковъ. На это ему отвѣтили съ большимъ достоинствомъ, что царь никогда не откажется отъ своихъ вотчинъ и не уступить ни пяди земли; вмѣстѣ съ тѣмъ бояре сказали требовательному послу, что Россія уже не та, какъ была прежде, и что полякамъ придется отстаивать вскорѣ не только Ливонію и Полоцкъ, но и Вильну.

Гарабурда выѣхалъ изъ Москвы 21-го (30-го) апрѣля 1586 г., ничего не добившись; впрочемъ, было рѣшено, что въ Польшу снова будутъ отправлены послы для возобновленія переговоровъ, на благоприятный исходъ которыхъ не было впрочемъ никакой надежды.

На обратномъ пути, Гарабурда заболѣлъ въ Гродно во спасеніемъ легкихъ и умеръ, успѣвъ впрочемъ дать королю отчетъ въ своей поѣздкѣ.

Вотъ что писалъ, на основаніи этого отчета, Баторій Поссевину: «дѣла идутъ въ Москвѣ все хуже; Щелкаловъ и Годуновъ захватили власть въ свои руки, но противъ нихъ образовалась сильная партія; большинство русскихъ желаетъ сліянія съ Польшей; вся Москва пришлетъ пословъ для обсужденія этого вопроса».

Заблуждался ли Баторій, говоря это, или же его посланный былъ обманутъ и король говорилъ только съ его словъ? Какъ бы то ни было, король выводилъ изъ этого заключенія, что Москвѣ нуженъ царь, который удовлетворилъ бы желанія народа; а въ Москвѣ ожидали въ то же время, что поляки предложатъ польскую корону царю.

Новосильцевъ, посланный въ Прагу съ извѣстіемъ о вступленіи на престольѣ Щеодора Ioannovicha, имѣлъ свиданіе съ примасомъ Польши Станиславомъ Карниковскимъ, который сказалъ ему, что онъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ того момента, когда два славянскіе народа соединятся подъ властью московскаго царя; плохое состояніе здоровья Баторія, котораго въ Польшѣ, по его словамъ, всѣ ненавидѣли, давало надежду, что это время наступить скоро.

Такимъ образомъ желанія русскихъ и поляковъ были діаметрально противоположны.

Въ исходѣ 1586 г. въ Гродно начались новые переговоры. Представителемъ Щеодора Ioannovicha явился князь Троекуровъ.

Съ той и съ другой стороны были сдѣланы тѣ же самые предложения, какъ и прежде, съ тою лишь разницей, что они сопровождались насмѣшками и сарказмами.

— Мы предлагаемъ вамъ хлѣба,—говорили поляки,—а вы бросаете въ насъ камни.

Когда Троекуровъ сталъ требовать Ливонію, ему отвѣчали:

— Этого слишкомъ мало, требуйте всѣ литовскія земли и возьмите ихъ съ оружиемъ въ рукахъ.

Когда поляки настоятельно требовали отвѣта, русскіе сослались на то, что имъ надобно созвать Боярскую Думу и что на то потребуется не мало времени.

— Это одна формальность,—возражали поляки,—у васъ воля царя законъ.

У Троекурова на все былъ готовъ отвѣтъ, его не испугали ни угрозы войны, ни упреки въ симпатіи къ Австріи, ни призракъ Турціи, которымъ поляки страшали его.

Въ то время въ Москвѣ восходила звѣзда Годунова, поэтому русскіе воспряли духомъ и стали смѣлѣ. Съ тѣхъ порь какъ онъ управлялъ государствомъ именемъ Феодора Ioannovica, въ странѣ началъ возвращаться порядокъ; прекратились кровавыи и самовольныи казни и конфискаціи имуществъ, усилились сношенія съ иноземными державами; возмущеніе, вспыхнувшее на берегахъ Волги, было быстро усмирено, на ея берегахъ воздвигались новыи крѣпости.

Поляки долго не могли сломить упорство Троекурова; имъ такъ и не удалось прийти къ какому-либо соглашенію; было рѣшено только отсрочить перемирие на два мѣсяца съ тѣмъ, что на слѣдующій годъ сѣдутся новые послы, которые будуть продолжать прерванные переговоры.

Между тѣмъ 1-го (10-го) апрѣля 1585 г. скончался папа Григорій XIII; его мѣсто заступилъ Сикстъ V, человѣкъ въ высшей степени безпристрастный и справедливый, характера твердаго и непреклоннаго, поставившій себѣ цѣлью возвратить папской власти ея прежній блескъ и достигшій этого въ короткій періодъ своего пятилѣтнаго управленія, благодаря своей изумительной энергіи и дѣятельности.

Перемѣна, происшедшая въ Римѣ, была благопріятна для короля польскаго, къ которому новый папа видимо относился сочувственно. По крайней мѣрѣ Виргiliй Кресчензі, римскій дворянинъ, состоявшій на службѣ короля польскаго, писалъ королю, что Сикстъ V, бесѣдуя съ кардиналомъ Медичи, выразился: что лиги, во главѣ которыхъ стоять многіе монархи, не достигаютъ цѣли; и, положивъ руку на грудь, какъ бы для того, чтобы произнести блязву, присовокупилъ, что онъ вмѣстѣ съ прочими монархами охотно далъ бы Баторію миллионъ въ годъ, чтобы онъ освободилъ христіанскій міръ отъ призрака Турціи.

Между тѣмъ Баторій не оставлялъ своихъ плановъ, и хотя онъ велъ переговоры съ Москвою, но его по-прежнему неотступно преслѣдовала мысль о завоеваніи Московскаго государства; но для этого, какъ мы уже говорили, у него не доставало денегъ. Надобно было заставить папу расщедриться, и, конечно, никто не могъ добиться этого легче, нежели Поссевинъ, однако ему надобно было прежде всего завоевать довѣріе нового папы.

Король взялся устроить это и велѣлъ передать кардиналу Рустикуччи всѣ документы, касавшіеся плановъ относительно завоеванія Москвы, выработанныхъ при Григоріѣ XIII. Поссевинъ тотчасъ исполнилъ это порученіе и, предвидя, что этотъ шагъ могъ вызвать удивление кардинала, поспѣшилъ объяснить ему побужденія, руководившія въ этомъ случаѣ королемъ польскимъ, сославшись на вышеупомянутый разговоръ папы съ кардиналомъ Медичи и на появление въ Варшавѣ турецкаго посла, который наводилъ справки относительно сооружаемыхъ въ послѣднее время крѣпостей и относительно желанія русскихъ избрать царемъ эрцгерцога австрійскаго.

«Появление турецкаго посла чрезвычайно встревожило Баторія,— писать Поссевинъ;—король думаетъ, что турки замышляютъ походъ противъ Москвы. Напуганный этимъ, онъ готовъ сдѣлать все возможное, чтобы предотвратить эту опасность, такъ какъ завоеваніе Москвы турками усилило бы ихъ могущество и они могли бы овладѣть всѣмъ бассейномъ Днѣпра и даже Вислы».

Въ сущности все это было только повтореніемъ на новый ладъ излюбленной мысли Баторія: «помогите мнѣ завоевать Москву, иначе сю завладѣютъ турки».

Личныя соображенія Баторія заставляли его представить папѣ будущее въ мрачныхъ краскахъ и пугать его воинственными замыслами турокъ, а между тѣмъ, нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 26-го октября (5-го ноября) онъ самъ препроводилъ Поссевину, подъ величайшимъ секретомъ, переводъ турецкаго посланія къ «князьямъ, баронамъ (?) и боярамъ великаго княжества Московскаго», въ которомъ не было и намека на что-либо подобное. Напротивъ того, турки, узнавъ о неспособности царя Феодора Ioannовича, предлагали русскимъ избрать на его мѣсто кого-либо изъ своей среды, или хотя бы самого Баторія, суля имъ за это обеспеченіе торговыхъ сношеній, союзъ съ татарами и дружеское расположение Порты. Это посланіе изобличаетъ короля во лжи и бросаетъ на него неблаговидную тѣнь.

Отославъ письмо къ кардиналу Рустикуччи, Поссевинъ взялся 15-го (24-го) января 1586 г. снова за перо и сообщилъ генералу о. Аквавивѣ въ пространномъ письмѣ о страстномъ желаніи Баторія завоевать Москву, чтѣ, по его словамъ, могло имѣть самыя благотворныя послѣдствія для распространенія на Востокѣ католической вѣры; затѣмъ Поссевинъ выражалъ желаніе пріѣхать для устройства этого дѣла въ Римъ.

Король поддержалъ просьбу Поссоевина и со своей стороны написалъ о. Аквавивѣ 13-го (22-го) февраля и просилъ его, въ знакъ особаго расположенія къ нему, Баторію, разрѣшить Поссевину эту поѣздку, обѣщая ему за это свое королевское благоволеніе.

Курьеры, везшіе эти письма, встрѣтились по пути съ посланнымъ папы, веашимъ посланіе Сикста V къ Феодору Ioannовичу.

Въ то время какъ въ Польшѣ только и думали о войнѣ, въ Римѣ всѣ желанія клонились къ сохраненію мира, и папа, извѣщающая «государя всія Россіи, великаго князя Московскаго, Новгородскаго, Смоленскаго, Владимірскаго, царя Казанскаго и Астраханскаго и великаго князя многихъ другихъ земель» о своемъ вступленіи на папскій престолъ, вспоминалъ въ своемъ посланіи о Ямъ-Запольскомъ перемирии, заключенномъ при содѣйствіи Григорія XIII, и выражалъ надежду и желаніе сохранить съ царемъ впередъ самыя дружескія отношенія.

Можно себѣ представить затруднительное положеніе Поссевина,

когда онъ получалъ это папское посланіе съ просьбою передать его по назначению. Онъ очутился такимъ образомъ среди двухъ огней, какъ человѣкъ ловкий, не отсыпая письма, полученного изъ Рима, онъ взялся за перо, чтобы объясниться съ Аццолино, который завѣдывалъ въ то время въ Римѣ иностранными дѣлами.

«Правила этикета требуютъ,—писалъ онъ,—чтобы папское посланіе было вручено царю особымъ посольмъ. Въ Москвѣ строго соблюдается этотъ обычай, вмѣстѣ съ письмами должны быть присланы подарки.

«Въ настоящее время въ Кремль находится Гарабурда, гдѣ онъ вѣдеть переговоры о присоединеніи Московскіи къ Польшѣ. Что сказали бы король польскій и какія онъ могъ бы воззять подозрѣнія, если бы папа вошелъ неожиданно въ непосредственныя сношенія съ самимъ царемъ? Весьма возможно, что Стефанъ Баторій вступить тогда въ сношенія съ султаномъ, съ англійскою королевою и съ протестантскими принцами, которые дѣлаютъ ему блестящія предложения, а это будетъ на руку еретикамъ, которые утверждаютъ, что королю не только не слѣдуетъ разсчитывать на папу, но что ему надобно опасаться его нерѣшительной политики.

«Враги Бориса Годунова убѣдительно просятъ короля польскаго явиться какъ можно скорѣе въ Москву во главѣ его арміи; такимъ образомъ посланіе папы къ Феодору Ioannовичу можетъ сдѣлать положеніе весьма затруднительнымъ».

Остальное Поссевинъ обѣщалъ передать изустно, такъ какъ Баторій былъ намѣренъ послать его въ Римъ, какъ только будетъ получено разрѣшеніе отъ генерала іезуитскаго ордена.

Что касается Стефана Баторія, то онъ рѣшилъ войти непосредственно въ сношенія съ папою и съ этой цѣлью послалъ въ исходѣ марта 1586 г. въ Римъ своего племянника, кардинала Андрея Баторія, которому онъ далъ подробныя инструкціи и приказалъ сообщить папѣ подъ секретомъ всѣ его намѣренія.

Инструкціи, полученные Андреемъ Баторіемъ, были написаны въ видѣ рѣчи, которую кардиналъ долженъ былъ произнести передъ папою отъ имени короля. Прежде всего онъ долженъ былъ высказать въ ней пожеланіе, чтобы папа возобновилъ славныя традиціи Лепантской битвы¹⁾, и сказать, что король польскій по первому его знаку съ радостью пожертвуетъ жизнью на защиту церкви и истинной вѣры. Затѣмъ онъ долженъ былъ просить денежной помощи для веденія войны съ Москвою; это былъ самый главный пунктъ, на который кардиналъ не долженъ былъ жалѣть краснорѣчія и убѣжденій. Если поляки не овладеютъ Кремлемъ, горе будетъ Европѣ, говорилось въ рѣчи; если же на пре-

¹⁾ Пораженіе турокъ соединеннымъ флотомъ Испаніи, Венеціи и Италіи въ 1571 г.

столъ Мономаха вступить католический монархъ, то соединеніе русскихъ съ Римомъ совершился безпрепятственно, грузины и кавказскіе горцы возобновятъ сношенія со своимъ духовнымъ пастыремъ, союзъ съ персами удвоитъ ихъ военные силы, Каспійское море сдѣлается славянскимъ озеромъ, и явится стратегическая база для дѣйствій противъ турокъ. Ихъ можно будетъ окружить желѣзнымъ кольцомъ и на всегда сломить ихъ силы. Что касается денежныхъ средствъ, необходимыхъ для этого предпріятія, то ихъ надобно будетъ распределить поровну между папою и королемъ польскимъ.

Баторій дѣлалъ такой разсчетъ: если русскія не присоединятся добровольно къ Польшѣ, то, двинувъ на Москву армію въ 24.000 человѣкъ, можно будетъ завоевать Московское государство въ три года; таковы были секретныя инструкціи, данныя кардиналу Андрею.

Едва успѣль онъ уѣхать изъ Варшавы со своими спутниками, Радзивилломъ и Соликовскимъ, архіепископомъ Львовскимъ, какъ въ Римъ полетѣло къ кардиналу Аццолино письмо Поссеинина, который провелъ цѣлыхъ полтора мѣсяца въ секретныхъ совѣщаніяхъ съ королемъ и снова былъ охваченъ жаждою дѣятельности. Онъ сообщилъ Аццолино все, что король говорилъ ему, и просилъ его не принимать никакого решенія до его приѣзда въ Римъ.

Четыре дня спустя, 27-го марта (6-го апрѣля) Поссеининъ послалъ кардиналу Аццолино шифрованную депешу. Наканунѣ онъ получилъ отъ Баторія записку, относительно московскихъ дѣлъ, кончавшуюся слѣдующимъ страннымъ образомъ: и т. д. и т. д. и т. д.

«Я получилъ отъ короля всего нѣсколько строкъ,—писалъ Поссеининъ,—но такъ какъ онѣ начертаны имъ собственноручно, то это доказываетъ, какъ близко онъ принимаетъ дѣло къ сердцу. Къ тому же эти три и т. д. и т. д. очень таинственны». Въ подтвержденіе этого Поссеининъ приводить рядъ вопросовъ, по поводу которыхъ король поручилъ ему переговорить лично въ Римѣ; эти вопросы касались Швеціи, Даніи, Венгрии, реформъ которыхъ предполагалось ввести въ Польшѣ, положенія папскихъ нунціевъ, возстановленія католицизма въ Саксоніи, и т. д.

Обширная программа, выработанная королемъ и Поссеининомъ во время ихъ продолжительныхъ совѣщаній въ Гродно, требовала, разумѣется, личныхъ объясненій съ папою, и Поссеининъ страстно желалъ отправиться въ Римъ.

Король энергично поддерживалъ его и писалъ собственноручно по этому поводу не только папѣ, но и венеціанскому дожу, великому герцогу Тосканскому, кардиналу Фарнезе, кардиналу Андрею Баторію, наконецъ отцу Аквавивѣ.

Но отвѣты изъ Рима получились не такъ скоро, какъ хотѣлось Баторію и не столь благопріятномъ смыслѣ. По разсчету короля, Поссеининъ долженъ былъ выѣхать въ Римъ уже 6-го (15-го) апрѣля; между

тѣмъ только 7-го (16-го) числа было получено письмо Аквавивы, который писалъ, что еще никакого рѣшенія не принято. Два дня спустя Аццолино писалъ Поссевину, что онъ можетъ пріѣхать въ Римъ, но безъ разрѣшенія папы, а по своей собственной инициативѣ. 24-го мая было получено еще одно письмо отъ кардинала, написанное въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, но въ которомъ онъ все-таки не получилъ приказанія ѿхать въ Римъ.

Положеніе было довольно натянутое. Наконецъ, въ первыхъ числахъ августа, Баторій сообщилъ Поссевину, томившемуся въ ожиданіи извѣстій въ Познани, что онъ получилъ желаемый отвѣтъ изъ Ватикана, куда, какъ онъ писалъ Поссевину, ему «не только дозволено пріѣхать, но гдѣ его ожидаютъ съ нетерпѣніемъ», и онъ благословлялъ его въ путь. Нѣсколько дней спустя въ Познань прибылъ другой курьеръ, отъ варшавскаго нунція съ извѣщеніемъ о дозвolenіи Поссевину пріѣхать въ Римъ.

Но отъ генерала Аквавивы все еще не было ни строчки, онъ по-прежнему упорно молчалъ. Въ душѣ Поссевина происходила жестокая борьба; онъ не рѣшался ѿхать, не получивъ дозволенія отъ генерала іезуитскаго ордена, но настоящія Баторія, письма папы и Аццолино одержали верхъ, и онъ выѣхалъ въ Римъ, не дождавшись этого разрѣшенія. Дѣйствительно, медлить долѣе было невозможно, ибо въ то время, какъ Баторій лелеялъ воинственные замыслы противъ Москвы, Габсбурги собирались пустить въ ходъ противъ нея всѣ свои дипломатическія способности. Ходившіе въ Польшѣ слухи о плохомъ состояніи умственныхъ способностей Феодора Ioannовича проникли въ Прагу, гдѣ вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе о кончинѣ царя и о томъ, будто русскіе горятъ желаніемъ избрать ему въ преемники ерцгерцога австрійскаго. Императоръ Рудольфъ принялъ этотъ слухъ за правду и предложилъ корону своему брату Матвѣю; другой его братъ, Максимилианъ, также выразилъ желаніе вступить на московскій престолъ, но споръ между братьями за обладаніе имъ еще не былъ рѣшенъ, когда Рудольфъ получилъ изъ достовѣрного источника извѣстіе, что царь Феодоръ еще живъ, что у него есть законные наследники и что Баторій мечтаетъ о завоеваніи Московскаго государства. Этого было достаточно, чтобы императоръ отказался отъ своихъ плановъ, но его братья настаивали на томъ, чтобы въ Москву былъ отправленъ посолъ для переговоровъ съ боярами.

Всѣ эти обстоятельства вѣроятно не были извѣстны Баторію, иначе онъ вѣрѣлъ бы Поссевину спѣшить какъ можно скорѣе въ Ватиканъ, а Поссевинъ ѿхалъ не спѣша и прибылъ въ Римъ только въ первыхъ числахъ сентября 1586 г.

Папа Сикстъ V, подобно своимъ предшественникамъ, былъ заклятымъ врагомъ ислама и съ самаго вступленія своего на папскій престолъ былъ занятъ мыслью о походѣ противъ Турціи, но, какъ человѣкъ

практичный, онъ былъ противъ лиги монарховъ, которая давала всегда обильную пищу интригамъ и соперничеству. Онъ желалъ найти человѣка, способнаго выполнить эту задачу, если ему будетъ оказано къ тому содѣйствіе.

— Если такой человѣкъ найдется—говорилъ онъ,—то у насъ готово для него три миллиона, а когда эта сумма истощится, мы дадимъ ему еще.

Весьма естественно, что смѣлый и энергичный Баторій, давно уже мечтавшій о походѣ противъ невѣрныхъ, былъ для папы самымъ подходящимъ человѣкомъ.

Переговоры, происходившіе въ Римѣ между Потсевиномъ и Сикстомъ V, хранились ото всѣхъ въ глубокой тайнѣ; въ нихъ были посвящены только самыя довѣренныя лица папы, но по окончаніи ихъ папа послалъ королю польскому 24.000 зек.

Относительно Турціи желанія Сикста и Баторія вполнѣ совпадали, и это пособіе предназначалось конечно на походъ противъ Турціи, ибо, относительно Москвы, дѣло обстояло иначе.

Сикстъ V хотѣлъ остаться вѣрнымъ традиціямъ Клемента VII, который примирилъ Василія III съ Сигизмундомъ I, и Григоріемъ XIII, бывшаго посредникомъ между Баториемъ и Ioannomъ; поэтому онъ потребовалъ, чтобы Потсевинъ отправился снова въ Москву и постарался прежде всего предотвратить войну и примирить соперниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ 11-го (20-го) ноября 1586 г. папа послалъ два письма: одно Феодору, другое Баторію. Въ письмѣ къ царю онъ писалъ, что Баторій поклялся завоевать обратно всѣ земли, принадлежавшія нѣкогда Литвѣ и Польшѣ, и прежде всего взять обратно Смоленскъ, Новгородъ и Псковъ. «Не лучше ли было бы поэтому пощадить христіанскую кровь,—писалъ онъ,—и прийти ко взаимному соглашенію». Въ томъ же родѣ были даны совѣты Баторію. «Если шагъ, сдѣланный нами въ Кремлѣ, не увѣнчается успѣхомъ,—присовокуплялъ папа въ письмѣ къ королю,—то намъ будетъ удобнѣе оказать содѣйствіе вашимъ планамъ».

Переговоры были окончены въ Римѣ въ первыхъ числахъ декабря 1586 г., и Потсевинъ тотчасъ же уѣхалъ въ сопровожденіи вновь назначенного въ Варшаву нунція, архіепископа неаполитанскаго, Аннibalа Капуйскаго. Папа же Сикстъ V, со своей обычной сдержанностью, сказалъ венецианскому посланнику лаконически, что архіепископъ посланъ имъ въ Варшаву, а Потсевинъ въ Москву, «чтобы сдѣлать тамъ все отъ него зависящее».

— А если бы была возможность сдѣлать больше,—присовокупилъ онъ,—то мы сдѣлали бы это охотно для блага христіанской вѣры».

По пути оба посланные заѣхали въ Венецию. 10-го (19-го) декабря Аннibalъ Капуйскій получилъ у дожа аудіенцію, во время которой они обмѣнялись любезностями, предлагали другъ-другу взаимныя услуги, но о дѣлѣ не было сказано ни слова. На слѣдующій день, былъ при-

нять дожемъ Поссевинъ, и достойно удивленія, что этотъ всегда краснорѣчивый ходатай за лигу противъ Турціи, облеченный Баториемъ полномочіями, на этотъ разъ также не обмолвился ни словомъ о лигѣ. Онъ ограничился сдѣланымъ въ присутствіи всѣхъ собравшихся заявленіемъ, что ёдетъ въ Москву и что возложенная на него миссія касается интересовъ вѣры и союза христіанскихъ монарховъ. На официальный запроcъ сенатора Вальero о важныхъ дѣлахъ, на которыхъ намекалъ въ своемъ письмѣ Баторій, Поссевинъ отвѣталъ, что готовъ дать всеѣ разъясненія, какія отъ него потребуютъ, но что ему нечего болѣе говорить.

Такъ же неясны и неопределены были и письменные отвѣты, посланные дожемъ папѣ и королю польскому; онъ въ нихъ совершенно умалчивалъ о туркахъ.

Въ первыхъ числахъ января 1587 г., въ Римѣ было получено извѣстіе о неожиданной кончинѣ Стефана Баторія. Онъ охотился въ лѣсахъ въ окрестностяхъ Гродно, какъ вдругъ 28-го ноября (7-го декабря) съ нимъ сдѣлался приступъ лихорадки и онъ слегъ въ постель; на слѣдующую ночь съ нимъ былъ обморокъ, онъ упалъ и расшибъ себѣ лицо, затылокъ и колѣно. Но все-таки ничто не предвѣщало серьезной опасности; доктора предсказывали скорое выздоровленіе больнаго; между тѣмъ 3-го (12-го) декабря короля не стало; ему было всего 54 года.

«Во вторникъ вечеромъ,—писалъ венеціанскій посланникъ дожу 1-го (10-го) января 1585 г.,—прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ о кончинѣ короля польскаго. Когда кардиналъ Баторій извѣстилъ объ этомъ папу, то его святѣйшество былъ глубоко опечаленъ и не могъ удержаться отъ слезъ. Въ среду утромъ его святѣйшество съ глубокой скорбью отправился въ консисторію и заявилъ собравшимся, что его сердце преисполнено печали и грусти по поводу кончины великодушнаго, храбраго короля Стефана.

— Онъ былъ великодушенъ потому, что всегда стремился къ великимъ и возвышеннымъ цѣлямъ,—сказалъ папа,—и еще недавно составлялъ смѣлые планы; онъ былъ храбръ потому, что никакая опасность, никакое несчастіе не могли отвлечь отъ его предпріятій и умѣрить его рвение. Что касается, его преданности католической вѣрѣ, то о ней свидѣтельствуетъ его образъ дѣйствій, и въ особенности рѣчъ, произнесенная имъ на сеймѣ, которая показываетъ, какъ онъ былъ твердъ въ этомъ отношеніи. Сказавъ, что онъ будетъ всѣми силами защищать католическую вѣру во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, король обнажилъ мечъ и воскликнулъ: «съ однимъ этимъ мечомъ, если бы даже все остальное измѣнило намъ, мы защитимъ христіанскую вѣру!» и, обернувшись къ своей груди смертоносное острѣ, онъ присовокупилъ: «если бы намъ угрожала опасность измѣнить передъ смертью католической вѣрѣ, то мы скорѣе лишили бы себя жизни, нежели погубили бы свою душу».

— Итакъ,—присовокупилъ папа,—мы лишились монарха, на которого мы возлагали большія надежды.

Такъ разлетѣлись въ прахъ грандіозные проекты, выработанные въ Римѣ. Приходилось отказаться отъ мысли о крестовомъ походѣ противъ турокъ и отъ надежды видѣть польскихъ орловъ, парящихъ надъ византійскими мечетями; всѣ мечты о завоеваніяхъ были погребены выѣтѣ съ военнымъ геніемъ и изумительной энергией Баторія.

Поссевинъ былъ въ Тиролѣ, когда до него долило печальное извѣстіе о кончинѣ короля; оно было подтверждено ему въ Инспрукѣ герцогомъ Баварскимъ, до которого еще раньше дошли слухи о волненії умовъ, происходившемъ въ Польшѣ. Баторій былъ слишкомъ крутъ и самовластенъ, чтобы не вооружить противъ себя весьма многихъ; ему приписывали намѣреніе уничтожить избирательное право и сдѣлать престолъ наследственнымъ; это еще болѣе увеличило число недовольныхъ. Смерть избавила монарха отъ многихъ разочарованій, но можно было предвидѣть, что съ его кончиною разыграются политическія страсти, такъ долго сдерживаемыя его желѣзною рукою. Надобно было дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Поссевинъ рѣшилъ не отправлять до поры до времени письма, предназначенный въ Москву. Пока всѣ его мысли были заняты избраниемъ нового короля. Отъ этого зависѣло будущее, поэтому онъ счѣлъ себя въ правѣ подсказать кардиналу Аццолио тѣ мѣры, которыя, по его мнѣнію, надлежало принять. Онъ совѣтовалъ ему послать въ Польшу какъ можно скорѣе кардинала Радзивилла, который, какъ старѣйший изъ литовскихъ сенаторовъ, по своему официальному положенію и своимъ родственнымъ связямъ, могъ имѣть огромное вліяніе на выборы. Затѣмъ Поссевинъ совѣтовалъ прислать нунцію безъимянныя папскія посланія, которая онъ могъ бы раздать по своему усмотрѣнію, чѣмъ также могло принести дѣлу не малую пользу; такимъ образомъ, можно было бы соблюсти единство дѣйствій и руководить выборами.

Весь поглощенный этими мыслями, Поссевинъ отправился въ Вѣну, куда онъ думалъ проѣхать болѣе короткимъ путемъ чрезъ Зальцбургъ, но глубокіе снѣга заставили его измѣнить путь и ему пришлось ѿѣхать чрезъ Богемію.

Въ Прагѣ онъ узналъ много нового. Австрійскіе и шведскіе принцы имѣли самые серьезные шансы получить на выборахъ большинство голосовъ.

Однимъ изъ кандидатовъ на польский престолъ былъ әрцгерцогъ Максимианъ, гросмайстеръ тевтонскаго ордена, который предполагалъ, получивъ разрѣшеніе отъ произнесенной имъ клятвы, вступить въ бракъ съ дочерью короля шведскаго, примирить Замойскаго со Зборовскими и явиться покровителемъ религіи. Одушевленный этими добрыми намѣреніями, братъ австрійскаго императора просилъ Поссевина поддержать

его, но іезуитъ отвѣчалъ, что будеть дѣйствовать безпристрастно, и совѣтовать герцогу положиться на волю Прovidѣнія и говориться съ остальными тремя эрцгерцогами, поставившими свою кандидатуру. Поссевинъ вполнѣ понималъ всю трудность своего положенія, а также и то, что не было никакой возможности удовлетворить всѣ партіи, поэтому онъ рѣшилъ на время удалиться отъ политическихъ дѣлъ и 13-го (22-го) января просилъ у генерала Акававы позволеніе отправиться въ какое-нибудь уединенное мѣстечко и провести тамъ бурное время выборовъ.

Но события упредили его желанія. Сиксъ V далъ варшавскому нунцію самыя точныя указанія относительно избрания нового короля польскаго. Главнымъ и самымъ существеннымъ условіемъ этого избрания было, чтобы король былъ католикъ, а изъ католиковъ папа отдавалъ предпочтеніе эрцгерцогамъ австрійскимъ, и между ними эрцгерцогу Эрнесту. Поэтому нунцію было приказано поддержать въ тайнѣ его кандидатуру и, чтобы заручиться въ его пользу голосами, нунцію было даже разрѣшено обѣщать деньги на войну съ Турцией.

Но надобно полагать, что вторая часть этихъ инструкцій не была известна Поссевину, ибо онъ до конца жизни былъ убѣжденъ въ томъ, что Сиксъ V приказалъ своему представителю дѣйствовать безпристрастно, безо всякой задней мысли. Это убѣжденіе отразилось на образѣ дѣйствія Поссевина, чѣмъ сторонники эрцгерцога были сильно встревожены; жалобы Габсбурговъ дошли до Рима. 28-го марта (6-го апрѣля) кардиналъ Монтальто, по приказанію папы, подтвердилъ варшавскому нунцію, чтобы онъ дѣйствовать такъ, какъ ему было приказано, и выѣхать съ тѣмъ писать Поссевину, что ему придется немедленно оставить Польшу, такъ какъ онъ внушаетъ недовѣріе посланникамъ австрійского императора. Доволыный полученнымъ приказаніемъ, которое согласовалось съ его собственнымъ желаніемъ, Поссевинъ тотчасъ отправился въ Падую, где занялся литературною работой и составилъ, между прочимъ, свой обширный трудъ «Bibliotheca selecta».

Въ то время, какъ онъ предавался столь мирнымъ занятіямъ, въ Польшѣ происходила ожесточенная борьба партій, въ которой ставкою была корона Ягеллоновъ. Не говоря уже о скромныхъ претензіяхъ ближайшихъ родственниковъ Баторія, престолъ оспаривали три великия иноземныя державы: Москва, Австрія и Швеція.

Какъ только Стефанъ скончался, въ Кремль вспомнили о его планахъ славянія двухъ славянскихъ народовъ. Въ Польшѣ литовская партія склонялась къ избранию Феодора и совѣтовала боярамъ не жалѣть золота, чтобы обеспечить себѣ побѣду; но русскіе держались иной политики, они не скучились на обѣщаніе въ будущемъ, но до выборовъ не давали избирателямъ ни полушки. Очевидно, ихъ должна была постигнуть неудача, ибо ни внутренняя автономія, ни обѣщаніе дѣйствовать совмѣстно противъ турокъ и никакія торговая выгоды не могли соблаз-

нить людей, желавшихъ прежде всего продать свои голоса. Помимо этихъ мелочныхъ расчетовъ непреодолимымъ препятствиемъ являлась разница въ религии; большинство польскихъ католиковъ никогда не согласилось бы имѣть православнаго короля, а царь Феодоръ Ioанновичъ не предполагалъ менять вѣру.

Гомолинскій, секретарь короля, обратился въ это время къ Поссевину съ вопросомъ, кого избрать, Сигизмунда шведскаго или Феодора Ioанновича. «Сигизмундъ католикъ, а по отношенію къ кандидатамъ католикамъ іезуиты должны быть вполнѣ беспристрасны,—отвѣчалъ Поссевинъ. Что касается Феодора, то поддерживать избраніе православнаго принца, не способнаго управлять самостоятельно, было бы равносильно предать церковь и посягнуть на свободу націи, такъ какъ королевская власть смѣнилась бы тираннической олигархией».

Однако литовцы не унывали, и между Польшей и Кремлемъ проходилъ оживленный обмѣнъ писемъ, но всѣ эти старанія не имѣли успѣха: въ решительный моментъ голоса раздѣлились между Австріей и Швеціей.

10-го (19-го) августа 1587 г. на польскій престолъ былъ избранъ Сигизмундъ, которого энергично поддерживали королева Anna и Замойскій. Къ несчастію для Польши многочисленная и неугомонная партия Зборовскихъ не хотѣла признать себя побѣжденной и, не признавая избраніе Сигизмунда, присудила три дня спустя 13-го (22-го) августа корону своему собственному кандидату, ерцгерцогу Максимилиану. Тогда возбужденіе умовъ въ Польшѣ достигло крайнихъ предѣловъ, и споръ могъ быть разрешенъ только силой оружія. Максимилианъ вскорѣ собралъ войско и явился съ нимъ подъ стѣны Krakова, где онъ понесъ 15-го (24-го) ноября пораженіе. Когда Сигизмундъ, къ которому болѣе благоволила судьба, бытъ принять поляками восторженно и возложилъ на свою главу корону Ягеллоновъ, то его соперникъ въ отчаяніи отступалъ въ Силезію, куда Замойскій преслѣдовалъ его форсированнымъ маршемъ, перешелъ границу и одержалъ надъ нимъ решительную побѣду. 15-го (24-го) января 1588 г. Максимилианъ отдалъ побѣдителю свою шпагу и призналъ себя его пленнымъ.

Это неожиданное извѣстіе повергло въ величайшее смущеніе всѣхъ австрійскихъ и испанскихъ Габсбурговъ. Вдовствующая императрица австрійская, мать пленнаго, была въ отчаяніи; король испанскій Филиппъ II былъ готовъ отомстить за него съ оружіемъ въ рукахъ, и они оба обратились къ папѣ съ просьбою заступиться за Максимилиана. Сиксъ V былъ поставленъ этимъ въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ съ другой стороны Сигизмундъ, уже вступившій на престолъ, и который считался ревностнымъ католикомъ, также просилъ у папы поддержки и увѣрялъ его въ своей преданности. Сиксъ V рѣшилъ прибѣгнуть къ полумѣрѣ и послать въ Варшаву своего легата,

аккредитовавъ его не у Сигизмунда, но у всѣхъ заинтересованныхъ партій и поручивъ ему умиротворить Польшу. Эта блестящая, но трудная задача была возложена имъ на протектора республики Александра Фарнези, но кардиналъ, въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ и слабаго здоровья, отклонилъ отъ себя эту честь и предпочелъ остаться въ Римѣ. Тогда выборъ папы палъ на кардинала Альдобрандини, который и принялъ это назначение. Онъ хотѣлъ окружить себя людьми свѣдущими, знакомыми со славянскими дѣлами, и просилъ о назначеніи ему въ помощники Поссевина, не предполагая, что онъ можетъ встрѣтить въ этомъ отказъ. Аквавива рѣшительно былъ противъ этого назначенія и представилъ ему столь вѣсіе мотивы своего отказа, что кардиналу поневолѣ пришлось ограничиться перепискою съ Поссевиномъ, который, живя въ Падуѣ, внимательно слѣдила за событиями, происходившими въ Польшѣ, и по просьбѣ о. Аквавивы послалъ нунцію книги и записки, касающіяся польскихъ дѣлъ, которыхъ могли служить ему руководствомъ. Письма, какъ бы они ни были обстоятельны, не могли замѣнить личные совѣты Поссевина. Альдобрандини понималъ это и долго негодовалъ на о. Аквавиву за его отказъ; впрочемъ, успѣшное окончаніе его миссіи изгладило впослѣдствіи это непріятное впечатлѣніе.

Вначалѣ образъ дѣйствія Сигизмунда не внушалъ легату особенной надежды на успѣхъ его миссіи. Робкій и нерѣшительный, онъ едва отваживался высказать свое мнѣніе и ссылался во всемъ на Замойскаго, который въ свою очередь ссылался на сенатъ и требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Максимилианъ отказался отъ своихъ притязаній на престолъ. Съ другой стороны, австрійскій императорскій дворъ старался затянуть дѣло, чтобы скрыть свою слабость; въ виду этого легатъ рѣшился, наконецъ, самъ отправиться въ Прагу, где послѣ долгихъ переговоровъ было рѣшено, что въ Бейтенѣ, подъ предсѣдательствомъ легата, соберется смѣшанная комиссія изъ 20 членовъ— поляковъ и австрійцевъ. Скучные переговоры, прерываемые бурными сценами, продолжались болѣе полугода, но такъ какъ императоръ не былъ въ состояніи воевать, то пришлось заключить миръ. Обѣ договаривающіяся стороны приняли посредничество папы, и Максимилианъ изъ уваженія къ Сиксту V отказался отъ короны.

Это рѣшеніе, коимъ было пощажено самолюбіе побѣжденныхъ и придавалось особое значеніе посредничеству папы, было какъ бы продиктовано самимъ Поссевиномъ и напоминало Ямъ-Запольскій миръ. Сигизмундъ обязался возвратить свободу эрцгерцогу, а австрійцы должны были очистить польскую территорію; обѣ державы сохранили свои прежнія границы. Сикстъ V, постоянно занятый мыслью объ уничтоженіи Турціи, потребовалъ, чтобы въ договорѣ была включена статья, въ силу которой Австрія и Польша обязывались не включать въ дого-

воры, заключаемые ими съ Турцией, такихъ статей, которыхъ могли бы нанести ущербъ ихъ взаимнымъ интересамъ. Эта статья носила въ себѣ зародышъ союза двухъ христіанскихъ державъ противъ ихъ общаго врага на Босфорѣ; вся тягость ея пала на Рудольфа II, который, предпочитая дружбу русскихъ полякамъ, не задумался бы пожертвовать интересами послѣднихъ, при заключеніи договоровъ съ турками. Политические виды пражского двора были гораздо менѣе обширны и менѣе безкорыстны, нежели виды папы, поэтому императоръ принялъ предложенные имъ условія съ большими сожалѣніемъ.

Извѣстіе о заключеніи договора было получено въ Римѣ 22-го (31-го) марта 1589 г. въ страстию пятницу. Видя въ этомъ событии благодѣяніе Всевышняго, папа, не смотря на святой день, немедленно извѣстилъ объ этомъ кардиналовъ, предложивъ имъ возблагодарить Бога за успѣшное окончаніе дѣла.

Изъ всего сказанного можно заключить, что папы въ дѣлахъ вѣцкой политики непрестанно руководствовались одной той же мыслью и стремились къ одной и той же цѣли — уничтоженію Турецкой имперіи и поэтому, когда Баторій, гордый своими побѣдами, высказалъ папѣ свои воинственные намѣренія противъ Турции, то папа согласился поддержать ихъ, хотя бы эти замыслы коснулись «попутно Москвы».

По смерти доблестнаго короля положеніе измѣнилось, но намѣренія Сикста остались тѣ же, теперь онъ хотѣлъ соединить Австрію съ Польшой для борьбы съ исламомъ. Такова истинная точка зрѣнія, дающая возможность правильно судить объ отношеніяхъ Сикста V къ славянскимъ державамъ.

В. Тимоющукъ.

(Продолженіе следуетъ).

высшаго учреждениј. Павель I поручил графу постройку Казанского собора въ 1801 году, которой онъ посвятилъ съ полнѣйшимъ рвениемъ послѣднія десять лѣтъ своей жизни. 15-го сентября 1811 г. соборъ былъ освященъ. Въ этотъ день графу былъ пожалованъ титулъ дѣйствительного тайного советника 1-го класса. 27-го сентября 1811 года онъ скончался, съ честью послуживъ своей родинѣ, двумъ императрицамъ, Елизаветѣ и Екатеринѣ, и двумъ императорамъ, Павлу и Александру I.

Вторая глава отведена воспитанію графа Павла Александровича и его наставнику Жильберу Ромму. Графъ П. А. Строгановъ родился въ Парижѣ 7-го (18-го) июня 1772 года (а не въ 1774 г., какъ значится на надгробной надписи). Эту дату авторъ устанавливаетъ изъ писемъ графа, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ, где ясно указывается, что самъ графъ П. А. называлъ 1772-й годъ годомъ своего рожденія. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда родители его возвратились, въ 1779 г., въ Россію. Воспитаніе его было поручено французу Ромму, съ которымъ было заключено договоръ.

Третья глава обнимаетъ собою періодъ времени съ 1801 по 1805 г. (эпоха реформъ). Въ это время дѣятельность графа П. А. Строганова проявилась въ томъ, что въ запискѣ, доложенной императору Александру 9-го мая 1801 г., онъ предложилъ учредить пегласный комитетъ. Работы этого комитета должны были оставаться втайне, чтобы не возбуждать преждевременного любопытства и толковъ среди общества. Императоръ одобрилъ почти все, выраженное графомъ въ запискѣ, и комитетъ собрался въ первый разъ 24-го июня того же года. Предсѣдательствовалъ самъ государь. Вопросу о предоставлении власти Сенату посвящено было несколько засѣданій, въ которыхъ читались, между прочимъ, и проекты графа П. А. Строганова. Въ дальнѣйшемъ изложеніи очерчена дѣятельность графа по разнымъ вопросамъ, возбужденнымъ въ комитетѣ, а именно: народного просвѣщенія, дѣлъ крестьянскихъ, по роли дворянства, по учрежденію министерствъ, а также по роли товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Въ разсужденіяхъ о народномъ просвѣщеніи графъ Строгановъ предлагалъ образовать французскихъ учебныхъ заведеній, именно систему заведений для общаго образованія, къ которымъ должна примыкать дальнѣйшая ступень—заведеній для специальнаго образования. Особенный интересъ графъ П. А. выказалъ къ дѣламъ крестьянскимъ, где его сужденія часто сходились съ мыслями императора Александра. Въ своихъ взглядахъ графъ шелъ безусловно впереди всѣхъ своихъ современниковъ, особенно нападая на крѣпостное право и доказывая, что «дворянъ нечего бояться». По словамъ Н. К. Шильдера, «изъ всѣхъ советниковъ Александра графъ П. А. Строгановъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу этого великаго дѣла (улучшенія быта крестьянъ) и привелъ къ заключенію, что, если во всемъ этомъ вопросѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостнаго состоянія». Сопровождая государя въ кампанію 1805 г., графъ П. А. Строгановъ

былъ свидѣтелемъ Аустерлицкаго погрома. Здѣсь онъ впервые попалъ въ огонь и очень увлекся военными событиями, где случайно ему пришлось быть свидѣтелемъ геройства нашихъ войскъ при неумѣломъ дѣйствіи союзныхъ штабовъ. Вероятно, съ этого времени уже запала у него тайная мысль предаться всецѣло военному поприщу, на которое черезъ два года онъ и перешелъ окончательно.

Вскорѣ послѣ Аустерлицкаго сраженія императоръ Александръ приказалъ графу П. А. Строгановуѣхать въ Лондонъ съ дипломатическимъ порученіемъ. Описанію Лондонской миссіи отведена четвертая глава. И на чужбинѣ,—говорить авторъ,—графъ П. А. «высоко держалъ знамя русской чести и жизненныхъ интересовъ Россіи. Не онъ повиненъ въ томъ, что его дипломатическая усилія не увенчались заслуженнымъ успѣхомъ. Читая его лондонскія реляціи, убѣждаясь, что императоръ Александръ не ошибся въ своемъ выборѣ, посыпая его въ Лондонъ, на смѣну графа Воронцова».

Въ пятой, послѣдней, главѣ говорится о военной дѣятельности графа П. А. Строганова (1807—1814 г.) поль его кончинѣ. Еще до получения перевода на военную службу, графъ поступилъ волонтеромъ въ отрядъ Платова, имѣ чинъ тайного советника и будущи сенаторомъ. Первымъ боевымъ подвигомъ графа было лихой набѣгъ у рѣчки Алле (между Гуттигатомъ и Алленштейномъ). Смѣшанный отрядъ подъ его командой атаковалъ обозы корпуса маршала Даву. Непріятель оставилъ на полѣ битвы до 300 раненыхъ и убитыхъ; остальная часть французскаго отряда была взята въ пленъ—гуттигатскій комендантъ, полковникъ Мурье, 46 офицеровъ, 491 нижний чинъ и весь обозъ. Кавцелярія маршала Даву, его экипажъ и вещи сдѣлались добычею русскихъ. Описанъ дальнѣйшую дѣятельность графа Строганова на военномъ поприщѣ, авторъ говоритъ: «Жизнь и дѣятельность графа П. А. Строганова представляютъ много поучительного и оригинального. Сынъ одного изъ первыхъ вѣльможъ вѣка Екатерины II, единственный наследникъ богатѣйшаго состоянія, воспитанникъ анархиста Ромма, другъ императора Александра I, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, боевой генералъ и участникъ всѣхъ войнъ съ 1807 по 1814 г.,—Строгановъ умеръ въ цѣлѣ силь, 43 лѣтъ отъ рода (въ 1817 г.). Онъ оставилъ по себѣ прекрасную память—хорошаго, доступнаго, благороднаго человѣка. Желаніе француза—воспитателя вполнѣ осуществилось, и графъ Строгановъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Чистая, прямая душа Павла Александровича, никогда не боявшаяся сказать правду въ глаза, даже сильнымъ мѣра сего, рѣзко отличала его отъ современниковъ. Полная отзывчивости къ нуждамъ ближнаго, добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, любовь къ родинѣ, безъ всякихъ громкихъ фразъ,—были отличительными чертами его характера». Какъ семьянинъ, графъ Павель Александровичъ былъ образцовымъ мужемъ и нѣжнымъ отцомъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подпischиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинарлинга** (бывшій Мель и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событияхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣкѣ.—III. Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и светскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе быт русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣтствъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подпischавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подпischики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присыпаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстного почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніемъ и измѣненіемъ; признанные неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присыпаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIV-й.

МАЙ

1903 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Виталий Николаевич Троцкий. (Биография, очеркъ).
В. Т. Судейкина... 241—259
- II. Пять писемъ И. А. Аксакова къ К. Ф. Головину. 261—266
- III. Записки Н. Г. Залѣтова.
Сообщила Н. Длусская. 267—289
- IV. Изъ прошлаго. Затишье.
П. Д. Паренсова... 291—302
- V. Письмо П. Пирлинга о
Маринѣ..... 303—305
- VI. Записки Э. И. Стогова... 307—330
- VII. Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ
измѣнѣ въ 1812 г., И. И. Орловскаго..... 331—349
- VIII. Посыпка Тадеуша Вылесинскаго въ Петербургъ.
въ 1830—1831 гг. Г. А. Воробьевъ..... 351—361
- IX. Празднованіе столѣтія
Петербурга. Сообщилъ
В. Срезневскій... 363—378
- X. Цензура въ царствованіе
императора Николая I-го. 379—396
- XI. Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ.
Сообщ. И. А. Бычковъ. 397—415
- XII. Книгнія Д. Х. Ливенъ и
ея переписка съ разными
лицами..... 417—442
- XIII. Россія и лапскій пре-
столъ. 1580—1601 гг. Из-
влеченіе изъ сочиненія
- XIV. П. Пирлинга. (Окончан.).
В. В. Тимошукъ ... 443—466
- XV. Изъ дневника П. Г. Ди-
кова..... 467—478
- XVI. Записная книжка "Русской
Старинѣ": Замѣчаніе Се-
нату. Высочайший указъ
министру юстиціи. 29-го
июля 1821 г. (стр. 260).—
П. А. Валуевъ о Петрѣ
Великомъ. Письмо П. А.
Валуева къ А. Г. Трой-
ницкому. 10-го марта
1864 г. Сообщилъ Г. А.
Тройницкій (290).—
Изъ старинныхъ обычаевъ
въ гор. Саратовѣ. Сообщ.
А. Н. Михѣ (306).—
Маршрутъ для путеше-
ствия М. М. Сперанскаго.
Письмо графа М. С. Во-
ронцова М. М. Сперан-
скому. 28-го мая 1823 г.
(350).—Послѣдствія по-
сещенія столицы для
двухъ евреевъ. Сообщилъ
Алексѣй Мердеръ
(362).—Площадь Рус-
ская публичная библиотека
(416).—Современное сти-
хотовореніе на кончину
императрицы Маріи Фео-
доровны (479—480).
- XVII. Библіографич. листокъ.
(на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНИЕ: Портретъ Виталия Николаевича Троцкаго.

Принимается подписка на "Русскую Старину" изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества "Общественная Польза",
Большая Польская, № 39.

1903.

V-я книга "Русской Старины" вышла 1-го мая 1903 года.

Бібліографіческий листокъ.

Главное Инженерное Управление. Ч. I. Царствование Императора Александра I. Вып. I-й. Инженерное управление и его средства. Исторический очеркъ (в томъ VII „Столѣtie Военного Министерства“, 1802 — 1902). Спб. 1902 г. in 4° д. 4+LXXXIV+314+163+6+2 и 54 иллюстраціи, портреты, рисунки, чертежи).

Составителемъ книги является воен. инж. ген.-м. И. Г. Фабриціусъ. Издание это юбилейное — роскошное, въ типографскомъ и художественномъ отношеніяхъ. Въ «введеніи» уложилась история инж. вѣдомства, за XVII в., отъ Петра I до Александра I; въ кн. I—III разсмотрѣна история образования центрального (главного) инж. управления, съ вопросами его ученой, учебной, техническо-хозяйственной и дѣлопроизводственной частей въ царствование императора Александра I.

Въ приложеніяхъ приводятся документы и, между ними, раскринты императора Павла инж.-ген. фонъ-Сухтелену.

Кромѣ уже известныхъ материаловъ, составитель пользовался и преимущественно первоисточниками, извлекая ихъ изъ правительственныеыхъ и частныхъ архивовъ; какъ нѣкоторые документы, такъ и многие гравюры и чертежи впервые появляются изъ недръ мало-доступныхъ и цѣнныхъ коллекцій (напр. П. Я. Дашикова). При широкой программѣ и краткотѣ времени (менѣе 2-хъ лѣтъ) ген. Фабриціусъ съ помощниками подполк. Е. О. Поповымъ и пор. Г. С. Габаевымъ пришлось много, неутомимо поработать, дабы обязательно кончить работу къ концу прошаго года; весь трудъ — два выпуска и на-дняхъ ожидается въ второй выпускъ этой книги.

Къ сожалѣнію, спѣшность работы сказалась въ нѣкоторыхъ недочетахъ и просмотрахъ книги, въ научномъ и литературномъ отношеніяхъ. Однако, трудъ ген. Фабриціуса безусловно интересенъ и не для военного читателя и долженъ быть отнесенъ къ историческимъ изслѣдованіямъ и отмѣчаться нами, помимо его официального значенія.

Благодаря живому изложению «Очеркъ» читается легко. Дѣятельность лицъ, поработавшихъ на пользу администраціи, ученаго и учебнаго и инженернаго дѣла, а въ томъ числѣ и первого генераль-инспектора по инженерной части его императорскаго высочества великаго князя Николая Павловича — представлена полно, на основаніи многихъ новыхъ данныхъ.

Л. В. Евдокимовъ.

Тюмень въ XVII столѣтіи. Собрание материаловъ для истории города съ „введеніемъ“ и заключительной статьею прив.-доц. П. М. Головачева: „Экономический бытъ Тюмени въ XVII в.“, съ приложениемъ плана старинной Тюмени и 2 видовъ Благовѣщенского собора начала XVII в. Александровскимъ тюменскимъ реальнымъ училищемъ удостоено преміи имени Н. М. Чукмадина. Изд. А. И. Чукмадиной. Весь сборъ съ изданія поступить на про-свѣтительныя и благотворительныя цѣли. Москва. 1903 г.

Исторія Сибири, какъ известно, не отличается богатствомъ и разнообразiemъ выѣзжихъ проявленій, драматизмомъ событий, вытекающимъ изъ столкновенія какихъ-либо равносильныхъ идеиныхъ началъ, почему и представляется малую выѣшнюю занимательность. Какъ исторія области, не преслѣдовавшей задачъ выѣшней политики и сталкавшейся только съ разрозненными и слабыми инородцами, какъ исторія страны крайне молодой, безъ запутанныхъ вопросовъ, завѣщанныхъ прошлымъ, — вся исторія эта заключается, главнымъ образомъ, въ изложеніи того, въ какихъ направленияхъ разселялись въ Сибири новые пришельцы и откуда они являлись, какъ приспособились къ новымъ условіямъ жизни, въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ подчинились общему экономическому и государственному строю Московской Руси XVII в.¹⁾.

Исторія Тюмени, какъ и всѣхъ безъ исключения сибирскихъ городовъ, совершение не разработана до настоящаго времени; немногія исторические данные, разбросанные въ нѣкоторыхъ томахъ «Дополнений къ Актамъ Историческихъ», II и VIII т.т. «Русской Исторической Библіотеки», I т. «Памятниковъ сибирской исторіи XVII в.», въ Полномъ Собраний Законовъ, — до такой степени скучны и неполны, что не могутъ быть положены въ основу исторического изслѣдованія. Свѣдѣнія о Тюмени XVII в. въ общихъ

¹⁾ Г. Словцовъ во «введеніи» къ своему «Историческому обозрѣнію Сибири» такъ характеризуетъ исторію этой окраины: «Исторія страны невеселой, зимуя среди пестрыхъ правовъ и обычаевъ, безъ мечтай славы, безъ проявленій генія, безъ побѣдъ, безъ политики; исторія, не выдавшая у себя великихъ мѣра, кроме великихъ изгнаниковъ его, наследовавшая вместо Эллорскихъ храмовъ одинъ курганы или непрочитанные на утесахъ писанцы».

ВИТАЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

ТРОЦКІЙ.

и изъ языка и смысла. да до сихъ поръ въ этомъ краѣ не забыли
„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1903 г., т. CXIV. МАЙ.

Виталій Николаевич Троцкій.

(Біографіческий очеркъ).

евятаго мая 1901 года скончался въ Вильнѣ командующій войсками Виленского военного округа и генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, генералъ-адъютантъ Виталій Николаевичъ Троцкій.

По характеру, по дѣйствіямъ, по выработанной и примѣненной къ Сѣверо-Западному краю системѣ управлениія, онъ заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ обыкновенно удѣляется пе-чатью дѣятелямъ провинціальной администрації.

Разумѣется, кругъ дѣятельности провинціального администратора менѣе обширенъ, нѣтакъ увлекателенъ, какъ лицъ, занимающихъ мѣста въ центрѣ, такъ какъ преслѣдуемые ими интересы строго областнаго характера, и поэтому нѣть достаточныхъ основаній, чтобы выдвинуться, особенно когда такія лица дѣйствуютъ въ спокойное, тихое время, когда самая работа носить свой мало замѣтный характеръ. Не такова, однако, дѣя-тельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Надо знать немногого края, чтобы убѣдиться въ особенностяхъ его строя и оцѣнить сопряженныя съ его управлениемъ трудности. При подобныхъ условіяхъ работа такихъ дѣя-телей, какъ Виталій Николаевичъ Троцкій, говорить за себя; онъ только вошелъ въ дѣло и сталъ шире ставить и разрабатывать вопросы, какъ смерть престъкла дѣятельность этого выдающагося представителя рус-ской администрації.

Сѣверо-Западный край въ силу историческихъ и этнографическихъ условій представляетъ много особеностей, рѣзко его выдѣляющихъ отъ другихъ частей Россіи. И до сихъ поръ въ этомъ краѣ не забыли

прошлаго: его напоминают названия, костелы, рѣзко-выдѣляющіеся архитектурною формою, одежда и весь бытъовый складъ жизни населенія. Этнографический характеръ населения пестрый, и среди него русские не успѣли пріобрѣсти экономического и культурного преобладанія, и на этой окраинѣ въ настоящее время ведутъ борьбу за самостоятельность русскіе, поляки, литовцы, нѣмцы, евреи.

Каждая изъ этихъ національностей стремится усилиться на счетъ другихъ, и со стороны лицъ, стоящихъ во главѣ управлѣнія, помимо другихъ качествъ, требуется много такта, знанія, чтобы, не раздражая пустыми и безцѣльными мѣрами, съумѣть объединить всѣ національности на почвѣ одного преобладающаго интереса. Здѣсь борьба идетъ и будетъ длиться долго. Вопросъ идетъ не о порабощеніи одной національности другою, а о созданіи общаго благополучія и объединенія не только на политической, но и на культурно-экономической почвѣ, могущей сильнѣе сплотить сознаніемъ общности интересовъ разновѣрное и разноплеменное населеніе края.

Вся, почти полувѣковая, служба Виталія Николаевича (13-го августа 1901 г. исполнилось 48 лѣтъ службы) протекла на окраинахъ: въ Туркестанскомъ краѣ, где онъ достигъ положенія военного губернатора и командующаго войсками Сыръ-Дарынской области, на Кавказѣ въ качествѣ начальника окружнаго штаба и, наконецъ, завершилась въ Сѣверо-Западномъ краѣ. На этихъ окраинахъ и выработался глубоко симпатичный типъ русскаго администратора, спокойнаго, доброжелательнаго, гуманнаго ко всѣмъ безъ различія національностямъ и, что особенно важно, русскаго человѣка¹⁾.

Послѣднее свойство кладетъ рѣзкій отпечатокъ на всю его дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Будучи человѣченъ, благожелателенъ ко всѣмъ²⁾, Виталій Николаевичъ компромиссовъ не допускалъ и твердо,

¹⁾) Окраины бѣдны русскими людьми, и поэтому тамъ въ борьбѣ за національное преобладаніе несравненно сильнѣе развивается національное чувство, чѣмъ, между прочимъ, сказывается даже въ такихъ мелочахъ, какъ пощертованія на русское дѣло. На окраинѣ русскій человѣкъ гораздо отзывчивѣе, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ, где совершенно не чувствуется гнетъ инородца.

²⁾) Прописходили и курьзы. Къ Виталію Николаевичу обратился старикъ-еврей, знаяшій его болѣе сорока лѣтъ назадъ, когда онъ стоялъ въ Гродненской губерніи съ полкомъ, съ просьбою походитьствовать о приемѣ его единственнаго внука въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Виталій Николаевичъ направилъ его ко мнѣ. Ввалился въ кабинетъ еврея съ воплями. Разголосивъ въ чёмъ дѣло и сдѣлавъ необходимыя справки, я сказалъ еврею, что разъ генераль-губернаторъ выразилъ желаніе помочь ему, то все будетъ сдѣлано.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ приема внука въ одно изъ высшихъ

не уклоняясь, велъ линію, что именно въ этомъ краѣ необходимо. По со-
знанію самихъ поляковъ, ничто для нихъ такъ не гибельно, какъ отсут-
ствіе опредѣленности и твердости лицъ, стоящихъ во главѣ управлениія.

Виталий Николаевичъ родился 19-го декабря 1835 г. въ принадлежа-
щемъ его отцу хуторѣ близъ села Волосковцы, Сосницкаго уѣзда, Чернигов-
ской губерніи, гдѣ дѣды и прадѣды его, въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ,
владѣли землею и одинъ изъ его предковъ былъ полковникомъ Запо-
рожскаго войска въ 1710 г. «Я казакъ», впослѣдствіи не разъ говорилъ
мнѣ Виталий Николаевичъ.

Отецъ его участвовалъ въ отечественной войнѣ и, тяжело раненый
въ сраженіи подъ Дрезденомъ, выйдя въ отставку, поселился на родномъ
хуторѣ. Тамъ же впослѣдствіи и женился. Въ степяхъ благодатнаго юга
родился Виталий Николаевичъ. Южная, степная, ровная природа, съ ея
прозрачнымъ воздухомъ и ароматомъ степей, оказывала на него большое
вліяніе, и Виталий Николаевичъ на всю свою жизнь сохранилъ любовь къ
хутору; смотрѣть на него, какъ на святыню, и, при малѣйшей возможности,
наѣзжалъ туда или же отсыпалъ семью изъ Туркестана, Кавказа... Не
разъ мнѣ приходилось слышать отъ него, что ему достаточно пробыть
два-три дня на хуторѣ, и всякое нездоровье исчезнетъ. Сюда манила
природа и простота малороссійской жизни. Я живо припоминаю, съ ка-
кимъ умиленіемъ онъ передавалъ мнѣ о простотѣ жизни хуторянина.

— По смерти моего отца, рассказывалъ мнѣ Виталий Николаевичъ, раз-
биная оставленныя имъ бумаги, нашелъ его дневникъ, гдѣ значилось
слѣдующее: «сегодня сынъ мой Виталий, генераль-маіоръ свиты его величества,
кавалеръ ордена Св. Георгія 3-й степени и начальникъ штаба,
увидавъ свиней въ саду, схватилъ колъ, побѣжалъ за ними и выгналъ
ихъ вонъ». Старикъ, ветеранъ отечественной войны, видимо, былъ
очень пораженъ, что такой важный человѣкъ, какъ его сынъ, не посты-
лся самъ схватить колъ и выгнать свиней изъ сада.

На девятомъ году маленькаго Троцкаго отдали въ первый Москов-
ский кадетскій корпусъ, откуда вышло не мало видныхъ дѣятелей на-
шего времени. Здѣсь Виталий Николаевичъ пробылъ до получения офи-
церскаго чина, почти никуда не выходя, и здѣсь-то, въ обстановкѣ кор-
пуса, онъ усвоилъ товарищескій духъ. При условіяхъ воспитанія того

учебныхъ заведеній, старикъ-еврей приходитъ ко мнѣ въ канцелярію благо-
дарить и, понизивъ голосъ, спрашиваетъ, не можетъ ли онъ быть и мнѣ полез-
нымъ, не имѣю ли я какой просьбы къ нему. И даже большую, отвѣтилъ я.
Видимо старика это заинтересовало и, придвигнувшись ближе, онъ вопроси-
тельно и пытливо сталъ на меня смотрѣть.

— Прошу и васъ относиться къ моимъ единовѣрцамъ такъ же благожела-
тельно, какъ и мы къ вамъ; больше просить мнѣ васъ не о чёмъ. Послѣ этого
неожиданнаго отвѣта еврея такъ и огрызнулся.

времени, родители не баловали своихъ дѣтей письмами; родители Троцкаго въ этомъ отношеніи исключения не составляли и, видимо, далеко не всегда сообщали ему новости домашней жизни.

— Какая рѣзкая разница въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми и въ системѣ воспитанія, въ мое время и теперь,—не разъ говорилъ мнѣ Виталий Николаевичъ. Въ присылаемыхъ письмахъ разъ, два въ годъ мнѣ не сообщали, что дѣлается дома, между тѣмъ какъ-то отецъ приписалъ въ письмѣ: ты все шлешь поцѣлуи сестрѣ, а она умерла два года тому назадъ.

Въ корпусѣ Виталий Николаевичъ учился хорошо, но, по окончаніи курса, за молодость былъ оставленъ еще на годъ въ томъ же классѣ.

«Тяжело было отстать отъ товарищей», передавалъ мнѣ Виталий Николаевичъ. Директоръ корпуса, почтенный В. П. Желтухинъ, принялъ во мнѣ горячее участіе и просилъ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній генераль-адъютанта Я. И. Ростовцева посодействовать моему выпуску въ офицеры. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я былъ представленъ Я. И. Ростовцеву, а за тѣмъ начальнику военно-учебныхъ заведеній, государю наследнику цесаревичу, впослѣдствіи императору Александру II, и онъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Да какой же онъ офицерь, это совсѣмъ мальчикъ».

Судьба Троцкаго опредѣлилась, и онъ остался еще на годъ въ корпусѣ.

Московскій кадетскій корпусъ, какъ и всѣ вообще учебныя заведенія Москвы, оставилъ пріятныя воспоминанія въ бывшемъ пятнадцати. Что же касается до товарищѣй, Виталий Николаевичъ до конца жизни сохранилъ дружескія, теплые отношенія съ большинствомъ своихъ однокашниковъ, неизмѣнно пользуясь ихъ расположениемъ иуваженіемъ. Онъ сохранилъ благоговѣнное уваженіе и къ памяти бывшаго директора корпуса В.П. Желтухина, вдову которого, недавно скончавшуюся ветхую старушку, считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ посѣщать каждый пріѣздѣ въ Петербургъ. Вообще Виталий Николаевичъ помнилъ хорошо всѣхъ, кто ему оказалъ какое-нибудь вниманіе, и старался въ свою очередь отплатить, помогая имъ или ихъ дѣтямъ, внукамъ и т. д. Разъ, дѣло касалось необходимости оказать кому-либо добро, онъ не смотрѣлъ на национальность, старался сдѣлать все, что только могъ.

По успѣхамъ¹⁾ молодой Троцкій, по выходѣ изъ корпуса, могъ получить назначеніе въ гвардію, но, за неимѣніемъ вакансіи, былъ на-

¹⁾ Изъ письма известнаго туркестанскаго генераль-губернатора К. П. Кауфмана къ Троцкому 1876 г. 23-го июня: «отвыкъ писать по-немецки, да и вы, я думаю, въ корпусѣ болѣе 3 баловъ не заслуживали изъ этого труднаго, хотя и хорошаго языка». В. Н. былъ въ корпусѣ фельдфебелемъ.

значень (13-го августа 1853 г.) поручикомъ въ Егерскій, нынѣ пѣхотный его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича Казанскій полкъ, стоявшій въ то время въ Москвѣ.

Какъ передавалъ Виталий Николаевичъ, ему нравилась стоянка въ Москвѣ, гдѣ онъ уже провелъ 8 лѣтъ въ корпусѣ; но вскорѣ открылись военные дѣйствія въ Турціи, и 11-го января, при лютыхъ морозахъ, онъ выступилъ съ полкомъ въ походъ сначала въ Крымъ, а въ дорогѣ настѣгло распоряженіе полку направить въ Молдавію и Валахію къ Бендерамъ, а оттуда опять въ Крымъ. Повидимому, въ полку молодой поручикъ Троцкій вскорѣ съумѣлъ себя зарекомендовать съ хорошей стороны, такъ какъ на походѣ былъ назначенъ командующимъ ротою. Вскорѣ молодому Троцкому пришлось испытать не только походную жизнь, но и побывать въ огнѣ. Казанскій полкъ участвовалъ въ неудачномъ для настѣ Альминскомъ сраженіи 8-го сентября 1854 г. Командиръ полка, батальонные командиры и большинство офицеровъ были убиты или ранены

— Ваше благородіе! — сказалъ ему барабанщикъ, всѣ офицеры убиты, ранены; вы старшой.

— Ну, такъ стань за мной и барабань — соберемъ батальонъ, и такимъ образомъ восемнадцати-лѣтній Троцкій вывелъ изъ огня батальонъ, чѣд доставило ему первую боевую награду.

Много лѣтъ прошло и въ 1900 г., при празднованіи двухсотлѣтнаго юбилея Казанскаго полка, вспомнили объ этомъ боевомъ эпизодѣ В. Н. и государю императору было угодно зачислить Троцкаго въ Казанскій полкъ, о чёмъ его величество лично сообщилъ офицерамъ, присутствовавшимъ въ Бѣлостокѣ, на вокзалѣ, при его проѣздѣ. Вниманіе государя страшно обрадовало старого казанца, и онъ говорилъ объ этой милости съ величайшимъ умиленіемъ.

Казанскій полкъ послѣ Альминского сраженія оставался въ Крыму на Инкерманскихъ высотахъ и въ окрестностяхъ Севастополя до 8-го марта 1855 года, когда перешелъ въ Севастопольскій гарнизонъ. Какъ передавалъ В. Н., онъ вполнѣ втянулся въ походную жизнь. Лишенное удобствъ пребываніе въ Крыму, соединенное съ постояннымъ ожиданіемъ призыва въ Севастополь, видимо, нисколько не тяготило молодаго поручика; къ тому же счастье ему благопріятствовало, такъ какъ онъ, несмотря на участіе въ дѣлѣ, не былъ ни раненъ, ни контуженъ.

«Какъ-то, разсказывалъ онъ, сидѣлъ я въ башѣ на полкѣ; что это была за баша въ землянкѣ, можете себѣ представить — какъ появился ординарецъ командира полка и сообщилъ, что онъ меня требуетъ къ себѣ. Тогда командовалъ полкомъ полковникъ Гастфордъ, а я былъ полковымъ адъютантомъ. Я сейчасъ же направился къ нему, и онъ мнѣ передалъ содержаніе полученной изъ Петербурга бумаги, въ которой

сообщалось о моемъ переводе въ Л. Гв. Егерскій полкъ, и спросилъ меня, какъ я думаю поступить. Я отвѣчалъ, что теперь не такое время, чтобы военные могли уходить и я хочу остаться. Онъ вполнѣ одобрилъ рѣшеніе и, съ своей стороны, высказалъ намѣреніе помочь мнѣ устроить это, прикомандировавъ къ полку. Но на другой день рано утромъ меня вновь потребовалъ къ себѣ и сказалъ: «изъ-за васъ, молодой человѣкъ, я не спалъ цѣлую ночь. Меня мучила мысль, что, содѣйствуя вашему остаться въ полку, я, быть можетъ, буду причиной вашей смерти. Посмотрите, что дѣлается вокругъ. Уѣзжайте». Я сталъ было возражать, но полковникъ и слушать не хотѣлъ и настойчиво потребовалъ моего отѣзда, чтѣ я сдѣлалъ въ марта 1855 года».

По прїѣздѣ въ Петербургъ, молодому Троцкому не долго пришлось пользоваться удовольствіями столичной жизни: Л. Гв. Егерскій полкъ, въ составѣ офицеровъ котораго онъ находился, былъ призвануть къ границѣ и расположился сначала въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, а затѣмъ передвинутъ въ Сувалкскую губернію.

Пребываніе въ раннѣй молодости въ Сѣверо-Западномъ краѣ, рѣзко отличающемся отъ остальной Россіи по этнографическому и религіозному составу населенія, въ составѣ котораго преобладаютъ поляки и литовцы, познакомило молодаго поручика съ бытовыми особенностями края, гдѣ впослѣдствіи ему пришлось быть генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками. По заключеніи мира полкъ, въ 1856 г., двинулся въ Москву на коронацію. Такія путешествія не проходять безслѣдно для способныхъ людей: они знакомятъ ихъ съ бытовыми условіями жизни населенія, сближаютъ съ солдатами и развиваютъ пытливость и наблюдательность.

Въ этотъ періодъ своей жизни, молодой Троцкій поѣхалъ къ отцу на хуторъ, и эта поѣздка имѣла важныя послѣдствія. Его старшій братъ, тоже военный, указывая на пустоту жизни офицеровъ того времени, рекомендовалъ ему для расширенія образованія поступить въ Академію генерального штаба, и молодой поручикъ покинулъ родныхъ съ твердымъ намѣреніемъ послѣдовать совѣту старшаго брата. «Направляясь въ Петербургъ, я, говорилъ В. Н., встрѣтилъ однополчанина и, разговаривая съ нимъ, узналъ, что и онъ ёдетъ съ такою же мыслью, какъ и я— и это еще болѣе укрѣпило меня въ моемъ намѣреніи. И мы въ одинъ и тотъ же годъ поступили въ Академію». Здѣсь Троцкому пришлось познакомиться съ двумя молодыми полковниками, съ которыми онъ сохранилъ добрыя отношенія на всю жизнь и къ которымъ питалъ чувствоуваженія,— Н. Н. Обручевымъ и М. И. Драгомировымъ.

Академію онъ окончилъ въ 1860 г., что совпало съ эпохой реформъ, рѣзко измѣнившихъ вѣкамъ сложившійся строй.

Будучи по убѣжденіямъ националистомъ, онъ навсегда сохранилъ гуманность къ лицамъ низшихъ классовъ населенія, и эта черта сказы-

валась въ его дѣйствіяхъ по управлению. Будучи строгимъ законникомъ и, въ необходимыхъ случаяхъ, сторонникомъ крутыхъ мѣръ, онъ въ то же время участливо относился къ крестьянамъ.

По окончаніи Академіи, ему пришлось нести службу офицера генерального штаба, а съ 1863 по 1866 г. онъ былъ помощникомъ редактора «Русскаго Инвалида». «Русскій Инвалидъ» въ то время былъ газетою литературною и политическою, имѣвшою обширный кругъ читателей. Здѣсь помѣщали живыя, бойкія статьи, и Троцкому пришлось не мало писать ихъ по польскому вопросу, что облегчалось нѣкоторымъ знакомствомъ съ Западною окраиною. В. Н. съ удовольствиемъ вспоминаетъ о томъ времени, когда ему пришлось въ редакціи встрѣчаться съ многими молодыми литераторами. Трехлѣтняя работа въ редакціи также не прошла безслѣдно для развитія В. Н.: онъ втянулся въ литературные и политическіе интересы и на всю жизнь сохранилъ большое уваженіе къ наукѣ и знанію, на что вполнѣ указываетъ его, въ бытность генераль-губернаторомъ, настойчивая переписка съ министромъ народнаго просвѣщенія о необходимости развитія школъ и вообще культурныхъ условій въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ наиболѣе важныхъ факторовъ политическаго объединенія этой окраины съ внутренними губерніями. А какую борьбу пришлось выносить изъ-за школы съ католическими епископами, высказавшими готовность выйти на помощь школѣ при одномъ условіи, если она будетъ передана имъ! О значеніи народной школы въ жизни крестьянства очень реальфно онъ высказалъ дворянству Ковенской губерніи на данномъ послѣ объѣзда Ковенской губерніи въ честь его обѣдѣ губернскимъ предводителемъ дворянства П. А. Столыпиномъ.

Посѣщая всѣ встрѣчавшіяся на пути школы, Виталій Николаевичъ не могъ не убѣдиться, какъ ихъ мало сравнительно съ потребностями населенія, и какъ мало сдѣлано нашою администрациєю въ этомъ отношеніи именно въ той губерніи, где русской рѣчи почти не слышно и где русскіе едва-ли составляютъ 2%, всего населенія. Между тѣмъ школа имѣеть для литовцевъ практическое значеніе для прохожденія военной службы; знакомство дѣтей съ русскимъ языкомъ служить наилучшимъ проводникомъ русской культуры.

На-ряду съ этимъ Виталія Николаевича поразилъ и другой фактъ: отвѣты арестантовъ при посыпленіи тюремъ. При опросахъ, за что сидѣть, нерѣдко приходилось слышать: убиль отца, брата, и т. д. Въ известной мѣрѣ смягчить нравы можетъ конечно школа, и В. Н., дѣясь своими впечатлѣніями, вынесенныммыми изъ двухъ-недѣльного объѣзда губерніи на лошадяхъ, обратился къ присутствующимъ съ горячею рѣчью, прося прийти на помощь просвѣщенію народа.

Въ 1866 г. произошла перемѣна въ служебной дѣятельности Виталія Николаевича. Онъ рѣшился покинуть Петербургъ и вѣхать въ Турке-

станскій край, какъ кажется, по предложенію генерала Романовскаго. И теперь, послѣ многихъ лѣтъ водворенія въ Туркестанскомъ краѣ русской гражданственности, проведенія желѣзныхъ дорогъ и т. п., въ русскомъ обществѣ имѣется мало свѣдѣній объ этой, въ высшей степени, интересной окраинѣ, а въ то время почти ничего не имѣлось. Служившіе же въ краѣ разсказывали прямо нѣчто невѣроятное.

— Предполагая бѣхать въ Туркестанскій край, передавалъ Виталій Николаевичъ, я пошелъ къ одному полковнику генерального штаба, ранѣе служившему въ краѣ, разспросить его объ условіяхъ тамошней жизни, и тотъ наговорилъ большихъ страховъ и между прочимъ указалъ на скорпіоновъ, фалангъ, ядовитыхъ змѣй, кишащихъ въ домахъ и т. п. Представьте же себѣ, смысь говорилъ мнѣ В. Н., за 17 лѣтъ жизни въ краѣ я, при частыхъ походахъ, поѣздкахъ по краю, только и видѣлъ двухъ скорпіоновъ—изъ нихъ подъ подушкою одного!

Невѣдомый край, тяжелыя, слишкомъ рѣзко отличающіяся отъ европейскихъ условій жизни, видимо, смущали В. Н., и онъ, не рѣшаясь бѣхать, пошелъ посовѣтываться къ Н. Н. Обручеву, а тотъ въ отвѣтъ перекрестилъ его, повернувъ лицомъ къ двери и сказалъ:—«Съ Богомъ».—Такого сердечнаго участія В. Н. не забылъ до послѣднихъ дней.

Нѣкоторые изъ петербургскихъ товарищѣй сожалѣли о Троцкомъ; но судьба была въ его пользу: именно здѣсь, въ Туркестанскомъ краѣ, Виталій Николаевичъ составилъ себѣ и боевое имя, окончательно сформировалъ свой характеръ и здѣсь же нашелъ свое семейное счастіе...

Виталій Николаевичъ прибылъ въ Туркестанскій край въ тотъ періодъ, когда русскіе должны были, во избѣженіе грабежей хивинцевъ, кокандцевъ и др., пріять мѣры къ упроченію своего вліянія. Вся эта, раскинутая на огромномъ пространствѣ, окраина управлялась въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ изъ Оренбурга, гдѣ находилось управление генераль-губернатора. До сихъ поръ эта окраина не получила достаточной оцѣнки, между тѣмъ несомнѣнно, что это одна изъ богатыхъ и наиболѣе интересныхъ частей Россіи съ совершеніемъ своеобразнымъ населеніемъ, скорѣе и легче всего могущимъ подвергаться нашему вліянію. Незадолго до прїезда въ край В. Н. Троцкаго, М. Г. Черняевъ взялъ Ташкентъ. Поводомъ къ дальнѣйшимъ нашимъ завоеваніямъ было стремленіе обеспечить спокойное развитіе гражданственности отъ набѣговъ хивинцевъ. По прибытіи къ мѣсту новаго служенія, Виталій Николаевичъ былъ назначенъ исполняющимъ должность начальника штаба въ Туркестанской (частіи Сыръ-Даринской) области и вскорѣ принялъ участіе во взятіи штурмомъ Ура-Тюбе и Джизака.

Между тѣмъ, съ образованіемъ Туркестанскаго генераль-губернаторства въ 1867 г., былъ назначенъ генераль-губернаторомъ генераль-

адъютантъ К. П. Кауфманъ, не долго бывшій послѣ М. Н. Муравьева генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края.

Мѣстные служащіе предсказывали В. Н., что, съ пріѣздомъ нового начальника послѣдній его выживетъ, поводомъ къ чему служила произведенная имъ ревизія дѣйствій одного изъ полковыхъ командировъ, имѣвшаго значительныя связи. Случилось совершенно обратное,—К. П. Кауфманъ, на первыхъ порахъ по пріѣздѣ, относившійся къ Троцкому съ предубѣжденіемъ и недовѣрчиво, поручилъ ему сдѣлать работу о Туркестанскомъ краѣ и Виталій Николаевичъ, какъ уже успѣвшій ознакомиться съ краемъ, представилъ ее въ теченіе краткаго времени. Повидимому, представленная имъ работа въ значительной степени опредѣлила его отношеніе къ Кауфману, хорошо понимавшему, что безъ привлечения способныхъ и честныхъ людей управлять краемъ нельзѧ.

Вскорѣ у В. Н. сложились наилучшія отношенія съ Кауфманомъ, и онъ быстро совершилъ свою служебную карьеру. Послѣдовательно онъ занималъ должность начальника областнаго штаба, а въ 1869 г. былъ назначенъ и. д. помощника командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области. Вскорѣ, по распоряженію командующаго войсками, былъ назначенъ начальникомъ штаба экспедиціоннаго отряда въ Шехризабскую экспедицію и участвовалъ въ штурмѣ и взятіи съ боя г. Китабы. Принималъ участіе и въ покореніи Кульджинскаго ханства.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ серьезно изучалъ край и принималъ дѣятельное участіе въ мѣстномъ отдѣленіи географическаго общества.

В. Н. работалъ быстро; прочитанное и изложенное усваивалъ скоро и вообще работалъ легко, и это осталось за нимъ до самаго послѣднаго дня его жизни и, что болѣе важно въ человѣкѣ, занимающемъ высокій постъ, онъ какъ бы не обращалъ вниманія на мелочи, а схватывалъ суть вопроса. Не могу при этомъ не остановить вниманія на высказывающемъ — въ нѣкоторыхъ кругахъ — мнѣніи весьма почтенными людьми, будто онъ былъ человѣкомъ лѣнивымъ. Не говоря уже о личныхъ впечатлѣніяхъ, основанныхъ на ежедневномъ служебномъ общеніи съ В. Н., вотъ что передавалъ мнѣ бывшій его помощникъ, генераль-отъ-инфanterії П. Т. Перлакъ, занявшій послѣ него мѣсто начальника штаба Кавказскаго военнаго округа: «я принялъ штабъ послѣ В. Н. и дѣла нашелъ въ большомъ порядке. В. Н. не только самъ работалъ, но—что самое главное въ начальникѣ—умѣлъ подбирать себѣ выдающихся со-трудниковъ и поэтому дѣла у него шли хорошо».

Въ 1872 г. Виталій Николаевичъ былъ командированъ въ Москву для редакціи сборника «Русскій Туркестанъ» и представлениія государю-императору военнаго отдѣленія на выставкѣ Туркестанскаго отдѣла. Въ то время это была крупиая и интересная новость для русскихъ. Здѣсь на выставкѣ съ нимъ произошелъ такой эпизодъ: государь Ал-

ксандръ II, обозрѣвавъ выставку, напечь, что манекенъ туркестанскаго солдата одѣтъ не по формѣ, и выразилъ неудовольствіе на незнаніе формъ. Выраженіе неудовольствія государемъ императоромъ подѣйствовало на В. Н. угнетающимъ образомъ. Присутствовавшій при этомъ наслѣдникъ цесаревичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ III, такъ передавалъ мнѣ В. Н., что-то шепнулъ московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову и затѣмъ, проходя мимо меня, крѣпко пожалъ мнѣ руку, а генералъ-губернаторъ, кн. В. А. Долгоруковъ, подошелъ и пригласилъ меня на бывшій у него вечеръ, гдѣ весь этотъ непріятный случай разъяснился.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года (1872) В. Н. уже вѣль на рекогносцировку отрядъ къ г. Токмаку; зима же прошла въ подготовительныхъ работахъ къ знаменитому хивинскому походу.

Въ этомъ походѣ В. Н. явился въ отвѣтственной роли начальника полеваго штаба отряда, дѣйствовавшаго противъ Хивы, во главѣ кото-раго стоялъ генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ. Хивинскій походъ, по справедливому замѣчанію В. Н., представляетъ блестящую страницу въ исторіи русскихъ войскъ по тѣмъ трудностямъ, которыхъ были соединены съ нимъ; здѣсь приходилось бороться съ самыми сильными врагами—среднеазіатскою природою, безконечными песками и безводиемъ. Всѣранѣе предпринимавшееся степные походы кончались неудачно, и, разумѣется, опытъ ихъ долженъ быть послужить исходной точкой при обсужденіи и выработкѣ плана похода. Этому походу посвящено цѣлое сочиненіе, изданное подъ редакціей Виталія Николаевича. Впослѣдствіи онъ передавалъ мнѣ, что у насть вообще мало знали о Хивинскомъ походѣ. Между тѣмъ когда кто-то изъ его знакомыхъ, въ бытность въ Берлинѣ, сдѣлалъ визитъ одному изъ принцевъ, то оказалось, что тамъ военные по картамъ слѣдили за всѣми движеніями нашего отряда. Въ виду неудачъ, постигнувшихъ ранѣе русскія войска, приходилось быть очень осторожными, особенно въ снаряженіи и въ обезпеченіи отряда водою¹⁾). Въ походѣ все шло гладко, хорошо, но потомъ произошелъ такой эпизодъ: при движеніи отряда къ Халата (переходъ 60—70 в.) не было веды и не предвидѣлось возможности удовлетворить потребности отряда, и такъ слагалось неудачно, что былъ моментъ, когда начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ, опасаясь полной неудачи, былъ въ отчаяніи. Троцкій, какъ начальникъ штаба, предложилъ ему планъ, съ указаніемъ способовъ выйти изъ затрудненій, при чемъ указывалъ на необходимость высказать съ большою твердостью начальникамъ отдельныхъ частей о неуклонномъ выполненіи плана во всѣхъ подробностяхъ.

— Насъ—передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ—созвали на совѣтъ

¹⁾ Вода было немного, такъ что при перевалахъ у командующаго отрядомъ „былъ клубъ съ чаемъ“.

въ падатку среди голой, мертвой пустыни, гдѣ на единственномъ стулѣ сидѣлъ начальникъ отряда, командующій войсками. Онъ началъ было читать, но отъ волненія не могъ и поручилъ мнѣ, и я, тогда молодой, полный силы, высказалъ непремѣнную и твердую волю генераль-адьютанта Кауфмана, и дѣло было спасено. Даромъ для меня походъ не прошелъ, и о многихъ сторонахъ моей дѣятельности во время похода узнали въ Петербургѣ, разумѣется, не отъ меня, и я за этотъ походъ былъ осыпанъ милостями.

По возвращеніи въ Россію К. П. Кауфмана очень торжественно встрѣчали, особенно же въ Москвѣ. Видимо, торговый классъ или, вѣрѣ же, «всероссійское купечество» съумѣло взвѣсить и оцѣнить будущность сдѣланныхъ приобрѣтений въ Азіи. Въ 1873 г., предъ выступленіемъ въ походъ, В. Н. былъ назначенъ начальникомъ штаба Туркестанского округа и уже въ качествѣ такового получилъ знакъ отличія военного ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-го класса, 26-го ноября 1875 года «въ воздаяніе отличного мужества и храбрости, обазанныхъ свиты нашей генераль-маюромъ генеральского штаба начальникомъ штаба Туркестанского военного округа, Виталіемъ Троцкимъ при взятіи 1-го октября сего года нашими войсками, подъ личнымъ сго предводительствомъ, города Андіжана». Въ Кокандской экспедиціи 1875—76 года слабый отрядъ въ 1.400 человѣкъ взялъ штурмомъ подъ начальствомъ генерала Троцкаго г. Андіжанъ, защищаемый 70 т. непрѣятелемъ, не считая 15 т. кара-киргизовъ, расположенныхъ виѣ города.

Продолжительное пребываніе въ Туркестанскомъ краѣ, видимо, стало тяготить Виталія Николаевича и побудило егоѣхать въ Петербургъ и искать другаго назначенія виѣ Туркестана. Въ это время у него были нелады съ К. П. Кауфманомъ. Дѣло дошло до того, что Виталій Николаевичъ рѣшилъ покинуть службу. Съ этой цѣлью въ 1876 г. Виталій Николаевичъ значительный періодъ времени провелъ въ Петербургѣ и былъ занятъ составленіемъ исторіи Хивинскаго похода. Повидимому, отношенія между командующимъ Туркестанскимъ округомъ и начальникомъ его штаба значительно измѣнились. Переписка между ними не носила оживленного характера, и на письмо Троцкаго отъ 23-го июня 1876 г. послѣдовалъ ответъ 14-го ноября, въ которомъ Кауфманъ совѣтовалъ придать описанію похода большую живость и занимательность; считалъ это даже необходимымъ.

Не смотря, однако, на натянутыя отношенія, К. П. дѣлился со своимъ начальникомъ штаба новостями края и въ одномъ изъ писемъ сообщаетъ ему свои впечатлѣнія о поѣздкѣ въ Фергану. Фергана произвела на него самое хорошее впечатлѣніе. «Михаилъ Дмитріевичъ (Скобелевъ) — пишетъ онъ — занимается серьезно своимъ дѣломъ; вникаетъ во все, учится, трудится, но любить только одно военное дѣло.

Онъ любить страшно—онъ ничего больше не любить, какъ только военное дѣло».

«Скобелевъ сдѣлалъ молодецкую экспедицію въ Алайскія горы. Онъ обошелся безъ драки—это была военная прогулка»... «Войска славныя съ прекраснымъ духомъ».

«Еще забыть сказать вамъ, что Скобелевъ высказалъ мнѣ желаніе быть начальникомъ штаба. Вы знаете, что это и моя была мысль, если обстоятельства такъ сложатся, что вамъ нельзя будетъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Я не далъ ему положительного отвѣта, но сказалъ ему, что радъ буду такому начальнику штаба, какъ онъ, если В. Н. не возвратится.

«До свиданія. И Богъ знаетъ, когда увидимся».

Изъ этого письма ясно видно, что Троцкій рѣшился уйти и поставилъ объ этомъ въ извѣстность своего ближайшаго начальника. Но, видимо, это не такъ легко было сдѣлать.

Виталій Николаевичъ продолжалъ жить въ Петербургѣ, занимаясь описаніемъ Хивинскаго похода.

«На-дняхъ я получилъ телеграмму отъ военнаго министра,—пи-салъ ему К. П. Кауфманъ, что Скобелевъ по высочайшему повелѣнію долженъѣхать въ Петербургъ немедленно для отправленія въ дѣйствую-щую армію».

«Войны вѣдь не будетъ!»—прибавляется Кауфманъ¹⁾.

Вскорѣ послѣ получения этого письма, судьба Виталія Николаевича была рѣшена, но не такъ, какъ ему хотѣлось—ему пришлось вернуться въ Туркестанъ. Произошло все это, по словамъ Виталія Николаевича, такъ: его вызвалъ военный министръ Д. А. Милютинъ и предложилъѣхать въ Туркестанъ; видя нежеланіе В. Н., онъ прибавилъ: «Впро-чемъ, вамъ будетъ дана аудіенція государемъ, и вы узнаете отъ него».

При представленіи государю Виталія Николаевича онъ сказалъ ему слѣдующее:

— Мнѣ Милютинъ передалъ, что ты не хочешьѣхать въ Турке-станъ, но ты это долженъ сдѣлать. Я тебѣ приказываю. Такимъ обра-зомъ Виталію Николаевичу вновь пришлось вернуться въ край, но уже военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Сырь-Дарыинской области. Этотъ послѣдній періодъ его жизни прошелъ исключительно въ работахъ административного характера, и Виталію Николаевичу приходилось совершать поѣздки верхомъ по тысячу верстъ въ Каза-линскъ и другія мѣста стоянки войскъ.

Въ періодъ службы и при постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ младшими офицерами и солдатами сложилось у Виталія Николаевича то доброжелательное сердечное отношеніе, которое онъ проявлялъ къ

¹⁾ Письмо Кауфмана отъ 6-го февраля 1877 г. изъ Ташкента.

нимъ и впослѣдствії. Не разъ онъ мнѣ рассказывалъ о тяжелыхъ условіяхъ жизни армейскаго офицера.

— Ёду я верхомъ въ Казалинскъ тысячу verstъ съ начальникомъ штаба и денщикомъ. Вдали виднѣется точка; подъѣзжаемъ—смотрю офицеръ съ молодою женой на верблюдовъ за 1.000 verstъ ёдетъ на мѣсто стоянки. Надо испытать такой способъ передвиженія, чтобы понять тяжелую жизненную обстановку.

И основанная на знакомствѣ съ бытомъ и духомъ туркестанскимъ заботливость и участливость къ меньшимъ людямъ осталась у Виталия Николаевича до конца жизни. Такое же отношеніе проявлялось къ нимъ и М. Д. Скобелевъ, признавая за Туркестаномъ хорошую боевую школу.

«Немногого осталось въ строй туркестанцевъ», писалъ Скобелевъ В. Н. Троцкому¹⁾ и, говорю вамъ это смѣло, не ударило лицомъ въ грязь.

«Когда мы прибыли въ Кишеневъ, на всѣхъ настъ смотрѣли какъ-то вопросительно. Теперь все измѣнилось: и свыше, и въ массѣ начинаютъ интересоваться Туркестаномъ въ смыслѣ боевой школы для офицеровъ.

«Въ бою, на переправѣ масса убитыхъ солдатъ съ туркестанскими Георгіевскими крестами и хивинскими медалями въ особенности, поразили всѣхъ участвовавшихъ; въ полкахъ, теперь, на войнѣ нашими солдатами не нахваляются. Какъ я счастливъ, что могу вамъ все это сообщить....

«Представьте себѣ, какъ я счастливъ: А. Н. Куропаткинъ у меня начальникомъ штаба».

Въ 1883 году В. Н. Троцкій былъ назначенъ начальникомъ штаба Кавказскаго военнаго округа.—Пробывъ на Кавказѣ 6 лѣтъ, В. Н. всегда съ большимъ удовольствиемъ вспоминалъ службу съ княземъ Дундуковымъ-Корсаковымъ.

Съ мѣста начальника штаба Виталий Николаевичъ получилъ назначеніе корпуснымъ командиромъ въ Битебскъ; здѣсь онъ былъ недолго, такъ какъ вскорѣ былъ переведенъ помощникомъ командующаго войсками Киевскаго военнаго округа.

Въ материальномъ, однако, отношеніи послѣ Кавказа, какъ мнѣ приходилось слышать отъ Виталия Николаевича, въ Киевѣ ему приходилось тяжело, и онъ не разъ говорилъ, что Киевъ, при дороживаніи жизни, совершенно подточилъ его материальные средства.

Въ 1895 г. Виталий Николаевичъ былъ назначенъ командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа, и здѣсь при объѣздахъ войскъ ему пришлось больше познакомиться съ особенностями мѣстной жизни.

Вильна городъ своеобразный: и до сихъ поръ носить обликъ не-русскаго города, не смотря на величественные православные храмы,

¹⁾ Письмо Скобелева 14-го августа 1877 г., дни Шипилъ, къ В. Н.

какъ Св. Духовъ монастырь, Свято-Троицкій, Николаевскій соборъ и другіе, и постановку двухъ памятниковъ М. Н. Муравьеву и бюста Пушкина въ скверѣ.

Русское общество здѣсь состоитъ изъ пришлыхъ, постоянно мѣняющихся чиновниковъ; польское же держится особнякомъ. Евреи, какъ и повсемѣстно, живутъ обособленіемъ жизнью.

Какъ командающій войсками округа, охватывающаго девять губерній, Виталій Николаевичъ обратилъ вниманіе на ихъ боевую подготовку. Дѣятельно объѣзжалъ войска, производилъ смотры и особенное вниманіе обратилъ на довольство солдатъ и медицинскую часть. Если солдатъ сытъ и находится въ хорошихъ гигієническихъ условіяхъ,—отъ него и требовать можно.

Миѣ не разъ, при поѣздкахъ, приходилось слышать отъ В. Н., что въ продолженіе сорока лѣть службы и постояннаго общенія съ войсками у него сложился опредѣленный взглядъ на необходимость привѣтли-ваго, доброжелательнаго отношенія ко всѣмъ служащимъ,—и это лежало въ основаніи его дѣйствій.

— Когда командающій ругаетъ войска,—говаривалъ мнѣ Виталій Николаевичъ,—это послѣднѣе дѣло. У насъ такъ много начальствъ, стремящихся къ проявленію своей энергіи, что высшему начальству слѣдуетъ прибѣгать къ такимъ средствамъ въ крайнихъ случаяхъ.

За подготовкою войскъ слѣдили особенно соѣди нѣмцы и нерѣдко указывали на успѣхи, достигнутые обученіемъ войскъ въ край. Работа была провѣрена на Бѣлостокскихъ маневрахъ 1897 г., где были сосредоточены двѣ арміи: одна оборонялась, другая изъ Варшавы наступала. При этомъ, какъ передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ, «когда государь обращался ко мнѣ во время маневровъ, я ему разсказывалъ все вполнѣ откровенно и указывалъ на нѣкоторыя упущенія и погрѣшности моей арміи».

Послѣ маневровъ—это было 27-го августа 1897 г., государь благодарили Троцкаго за прекрасный порядокъ и пожаловалъ ему званіе генераль-адъютанта.

Осеню этого года Виталій Николаевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, где въ это время ходило много слуховъ о предстоящемъ назначеніи его на разныя высокія административные посты. Слухи оправдались—онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края. При представленіи государь спросилъ, знакомится ли онъ съ краемъ. Виталій Николаевичъ отвѣтилъ, что, помимо разныхъ сочиненій, онъ знакомится съ бывшими дѣятелями Сѣверо-Западнаго края И. П. Корниловымъ и друг., отъ которыхъ получаетъ полезныя указанія и т. п.

Вступая въ управлѣніе этою своеобразною окраиною, Виталій Николаевичъ многаго не зналъ; какъ честная натура, онъ не претендовалъ на это, сознавая, что при занятіяхъ это придется само собою.

Свою программу онъ ясно выразилъ въ простыхъ, вылившихся у него словахъ при пріемѣ чиновъ въ Вильнѣ.

Способъ же осуществленія программы выработался при дальнѣйшемъ изученіи края и его особенностей, не только путемъ докладовъ и бумагъ, но разговоровъ и совѣщаній съ помѣщиками, посыпано по краю чиновниковъ особыхъ порученій для разслѣдованія по разнымъ дѣламъ и, наконецъ, личныхъ обѣзводъ края. За періодъ, протекшій со временеми смерти г. губернатора Оржевскаго произошелъ эпизодъ, вызванный ксенозомъ Рымейко въ Шавляхъ, послужившій толчкомъ ко многимъ правонарушеніямъ со стороны католического духовенства и доставившій не мало непріятныхъ дней Виталию Николаевичу.

Если вообще трудно представить очеркъ дѣятельности мѣстнаго дѣятеля, какъ охватывающій массу мелочныхъ будничныхъ случаевъ и явлений, то тѣмъ труднѣе сдѣлать это мнѣ, какъ ближайшему сотруднику по гражданской части покойнаго Виталия Николаевича, и при томъ говорить о томъ, что было такъ недавно. Поэтому я ограничусь исключительно краткимъ указаніемъ началь, которыми руководился генералъ-губернаторъ.

Вскорѣ послѣ назначенія Виталия Николаевича генералъ-губернаторомъ, я задалъ ему вопросъ—о программѣ.

Какъ человѣкъ честный и умный, никогда не стыдившійся признаться въ томъ, чего онъ не знаетъ, Виталий Николаевичъ отвѣтилъ: «когда я откланился государю, ему было угодно мнѣ сказать: «Я желаю чтобы въ краѣ было хорошо», и въ настоящее время знакомясь съ краемъ и его исторіей; необходимо выработать, какъ подойти къ осуществленію этой мысли.—Это дѣло наше».

Сѣверо-Западный край издревле край русскій, на что указываетъ и этнографическій его составъ, его населеніе: белоруссы, малоруссы составляютъ значительный процентъ мѣстнаго населенія. Высшее сословіе нынѣ католической вѣры, было православное, и оно созидало въ краѣ храмы, монастыри (напр. Супрасльскую обитель).

Съ введеніемъ уніи, постепенно совершился процессъ перехода родовитыхъ семействъ въ католичество. Быть можетъ, отчасти въ этомъ кроется причина той религіозной страсти и нетерпимости, которую обнаруживаютъ мѣстные католики. Среди нашихъ слоевъ, благодаря преобладанію среди нихъ религіозныхъ интересовъ, и до сихъ поръ идетъ борьба о преимуществѣ православной и католической вѣры, не рѣдко обостряемая нетерпимымъ по его требованіямъ католическимъ духовенствомъ.

Дворянство и духовенство проходятъ одну и ту же школу, а церковь объединяетъ всѣхъ, и сама религія приобрѣтаетъ политический характеръ. Несомнѣнно, это кладетъ особый отпечатокъ на всѣ отношенія мѣстнаго населенія къ русской власти въ краѣ. Отсюда стрем-

леніє католиковъ поддержаніе престижъ костела, какъ виѣшняго символа Польши, и характерною чертою населенія являются нерѣдко крупные взносы католиковъ на постройку костеловъ, перестраиваемыхъ отчасти подъ сильнымъ воздействиемъ ксендзовъ.

Въ духовно-религіозной области преобладаетъ католическое духовенство и, вѣрное католическимъ традиціямъ, не упускаетъ власти изъ своихъ рукъ и принимаетъ всѣ мѣры къ удержанію вліянія на народъ и, разумѣется, при религіозности населенія, оно оказываетъ сильное вліяніе на крестьянъ католического вѣроисповѣданія.

Независимо отъ польской, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ выросла новая политическая партія, во главѣ которой идутъ молодые литовцы, добивающіеся мирныхъ путемъ укрѣпленія литовскаго національного самосознанія. Сила и значеніе этой партіи заключается въ стремлении къ упроченію литовскаго языка. Евреи занимаютъ въ краѣ свое особое положеніе; какъ извѣстно, они, по ихъ симпатіямъ, склоняются къ русскимъ, и это понятно; при преобладаніи русской власти они несравненно легче чувствуютъ себя съ русскими, чѣмъ съ другими національностями, и этимъ объясняется охотное усвоеніе ими виѣшней русской культуры и языка.

Этимъ основнымъ группамъ населенія Сѣверо-Западнаго края, изъ коихъ каждая имѣть свою исторію, національность, религію и съумѣла за потерей политической самостоятельности захватить соотвѣтствующее мѣсто въ области экономической жизни, мы долгое время противупоставляли наше чиновничество и только начиная съ гр. М. Н. Муравьевы русскую школу, какъ вносящую русскую культуру, и затѣмъ, пока не-большую, группу русскихъ землевладѣльцевъ.

Замѣчательно, послѣ сильнаго подъема польского національного самосознанія, благодаря дѣятельности попечителя Виленскаго округа, бывшаго въ то же время товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ князя Адама Чартырскаго, съумѣвшаго дать Виленскому университету выдающихся руководителей, какъ Янъ Снядецкій и др., до эпохи гр. Муравьевы мы боролись въ этомъ краѣ исключительно узко-полицейскими мѣрами. Предполагая упрочить русское земледѣліе, съ 1830 по 1863 г. создали два маіората и этимъ ограничили мѣры по возвращенію русскаго землевладѣнія! Полезности экономическо-культурныхъ мѣръ въ то время не сознавали — послѣдствія непримѣненія ихъ сказываются во всемъ складѣ жизни и по настоящее время.

Не смотря на медленный неувѣренный ходъ краевой политики, не смотря на постоянныя колебанія и отклоненія отъ принятыхъ началъ, въ краѣ достигнуты нѣкоторые успѣхи, въ смыслѣ упроченія русскаго вліянія. Увлекаться этимъ нельзя — на-ряду упрочивается и противуположное вліяніе другихъ національностей.

Вотъ тѣ условія, при которыхъ приходится дѣйствовать въ краѣ.

Несомнѣнно, за протекшій съ 1863 г. періодъ успѣхъ, въ смыслѣ укрѣпленія въ краѣ русской народности, сдѣланы, хотя и не соотвѣтственны затраченнымъ усилиямъ. Какъ и во всѣхъ отрасляхъ управлениія, нѣть традицій, и потому каждому дѣятелю приходится вырабатывать на уставившейся основѣ свою программу, упуская изъ виду дѣятельность его предшественниковъ.

Задача каждого государственного дѣятеля заключается въ стремлѣніи къ объединенію, сближенію национальностей на культурно-экономической почвѣ населенія, тѣсно прикрученного къ Россіи политически. И, разумѣется, та система и можетъ достигнуть прочныхъ успѣховъ, въ основѣ которой положена такая здоровая, нормальная мысль.

Средствомъ достижениія—улучшеніе экономического положенія мѣстнаго населенія и проведеніе улучшений въ мѣстную администрацію; содѣствіе къ упроченію учрежденій, связывающихъ русскихъ, и облегченія къ упроченію русскаго элемента въ экономической области. Русская школа, русскій языкъ и культура,—вотъ основанія нашей политики, при условіи соблюденія строжайшей законности и справедливости по отношенію къ мѣстному населенію.

Въ этихъ видахъ генераль-губернаторомъ было обращено вниманіе на дѣятельность мировыхъ посредниковъ, какъ должностныхъ лицъ, наиболѣе близко стоящихъ къ крестьянскому дѣлу. Такое вниманіе къ ихъ дѣятельности имѣло тѣмъ болѣе основаній, что по доходившимъ свѣдѣніямъ ихъ дѣятельность особою настойчивостью и усердіемъ не отличалась. Высказавъ свои взгляды въ циркулярахъ, генераль-губернаторъ, по прошествіи нѣкотораго времени, сталъ посыпать по краю чиновниковъ особыхъ порученій для знакомства на мѣстѣ съ разными сторонами ихъ дѣятельности и для выясненія, въ какой степени и какъ проводятся высказанныя имъ правила въ его циркулярахъ. Съ этого началась большая внутренняя мало замѣтная для постороннихъ работа, безпрерывно тянувшаяся до его смерти, и она осталась не безпользною для мѣстного населенія и была отмѣчена польскою заграничной печатью. Особенное вниманіе обращалось на аграрные отношенія крестьянъ.

Другое большое мѣсто края, мѣщанская управы, — доставили много работы. Они нуждаются въ большомъ надзорѣ, и едва-ли этотъ видъ самоуправляющаго общества не подлежитъ серьезнѣй реформѣ. Въ видахъ обнаруживаемыхъ безпорядковъ въ управлениі ихъ генераль-губернаторъ постоянно посыпалъ на ревизію и если не много было сдѣлано, то не его вина—причины лежать глубже.

Петръ Великій сказалъ: полиція душа гражданственности. И дѣйствительно задачи администраціи, съ усложненіемъ современной жизни, сдѣлались гораздо шире и ея дѣйствія направляются къ подъему народнаго

благосостоянія, которое зависить не только отъ личныхъ условій каждого, но и отъ общественныхъ условій, въ извѣстной степени, создаваемыхъ мѣстною администрациєю. Съ этою цѣлью было обращено внимание на борьбу съ конокрадствомъ, сильно подтасчивающимъ благосостояніе крестьянъ, и на устройство и улучшеніе крестьянскихъ кредитныхъ учрежденій. Въ волостныхъ кассахъ находилось около $\frac{1}{2}$, милл. р. частью разобранныхъ, частью помѣщенныхъ въ $\%$ бумаги, слѣдовательно, совершенно не выполнившихъ той роли, ради которой были основаны кассы; между тѣмъ населеніе нуждается въ кредитѣ, потому было обращено внимание на приведеніе ихъ въ должный видъ; приняты мѣры къ огражденію населенія отъ поборовъ, и т. д.

Не касаясь другихъ мѣръ, имѣющихъ узко мѣстное значеніе, необходимо указать, что намѣченныя цѣли могутъ быть наилучше осуществлены при подборѣ не только честныхъ, но и образованныхъ лицъ, и при упроченіи ихъ положенія путемъ уничтоженія фаворитизма въ назначеніяхъ.

Если подборъ хорошаго состава служащихъ и выполненіе при ихъ содѣйствіи мѣръ, направляемыхъ къ народному благу, составляетъ задачу правительственной политики въ краѣ, то другую сторону составляетъ проведеніе культурныхъ мѣръ, направленное къ мирному, спокойному воспитанію народа въ школѣ, и привлеченіе мѣстныхъ дѣятелей къ объединенію на почвѣ культуры. На эту сторону В. Н. было обращено особенное внимание. Были принимаемы всевозможныя мѣры путемъ посѣщеній школъ, сношеній съ попечителемъ учебного округа, съ католическимъ духовенствомъ и т. п., къ постановкѣ русской школы на подобающую высоту. Высказывалось стремленіе воспользоваться тою культурною силою, которую представляетъ напрѣдъ педагогической персональю и т. д.

Вообще Виталій Николаевичъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы съ достоинствомъ безъ насилия сдѣлать все, что клонится къ культурному преуспѣянію русскихъ въ краѣ. Всецѣло ему принадлежитъ починъ постановки памятника великому Пушкину въ Вильнѣ¹⁾), устройство Муравьевскаго музея. На обѣдѣ по поводу открытия памятника М. Н. Муравьеву, онъ официалярно поднялъ вопросъ о постановкѣ въ Вильнѣ памятника Екатеринѣ Великой, какъ виновницѣ возвращенія русскихъ областей и, послѣ доклада государю, пригласилъ извѣстнаго художника Антокольского (виленскаго уроженца) составить проектъ, и это была послѣдняя крупная работа Антокольского. Ею, какъ онъ и предчувствоvalъ, завершилось его художественное творчество.

Заслуга Виталія Николаевича заключается въ мирномъ, спокойномъ введеніи необходимыхъ мѣръ, не прибѣгая къ рѣзкимъ ограниченіямъ,

¹⁾ Дѣдъ А. С. Пушкина, арабъ Ганапбаль, былъ крещенъ въ Вильнѣ въ Пятницкой церкви.

а стоя на почвѣ закона. Въ настоящее время о многихъ мѣрахъ не удобно говорить—это было такъ недавно. По мѣрѣ силы Виталий Николаевичъ горячо преслѣдовалъ достижение культурно-экономическихъ задачъ—эта почва, на которой только и мыслимо объединеніе разнородныхъ элементовъ, политически крѣпко связанныхъ съ общимъ нашимъ отечествомъ; неумолимая смерть пресѣкла его дѣятельность именно въ тотъ моментъ, когда болѣе опредѣленно выяснились цѣли, выработаны средства и были намѣчены болѣе широко задачи для будущаго.

Работать съ Виталиемъ Николаевичемъ было очень приятно. Не ограничиваясь установленнымъ для докладовъ временемъ, онъ не стѣснялъ и принималъ по дѣламъ во всякое время. Нерѣдко приходилось приносить массу докладовъ по вечерамъ, по возвращенію его изъ поѣздокъ по военному округу, и онъ никогда не выказывалъ на малѣйшаго неудовольствія, хотя чувствовалъ страшную усталость. Находясь въ общемъ съ такими людьми, какъ К. П. фонъ Кауфманъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ и др., онъ научился отличать мишуру и не разъ мнѣ говорилъ:

-- Я всегда готовъ уйти. У меня на глазахъ было примѣръ К. П. Кауфмана, передававшаго, какъ и почему его убрали изъ Вильны.

Въ управлениі держался строго опредѣленныхъ началъ, которыхъ могутъ быть сведены къ слѣдующей формулы: успѣхъ русскаго дѣла достичимъ, когда администрація будетъ держаться законности въ дѣствіяхъ и при проведеніи въ жизнь культурно-экономическихъ началъ.

Доброта Троцкаго была большая; онъ готовъ былъ просить и хлопотать за людей даже мало знакомыхъ. Ему не разъ приходилось писать письма къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, особенно С. Ю. Витте, всегда съ глубокимъ вниманіемъ относившемуся къ его просьбамъ. Помощь оказывалъ онъ и изъ экстраординарныхъ суммъ, но разумно: давать на образованіе и затѣмъ на предпріятія русскаго характера (братства, церкви, благотворительные общества и пр.).

Виталий Николаевичъ былъ цѣльный характеръ, выработанный въ суровой школѣ стараго корпуса, а затѣмъ жизнь, проведенная въ провинціи, гдѣ гораздо легче прослѣдить достоинство и недостатки каждого, развила въ немъ осторожность, наблюдательность и распознаваніе людей, и ту простоту въ обращеніи, которая прѣнѣла всѣхъ сталкавшихся съ нимъ. Онъ былъ одинаковъ и съ высшими и съ низшими.

Отвѣтственная работа, добросовѣстное отношеніе къ исполненію лежащихъ обязательствъ подорвала крѣпкій организмъ Виталия Николаевича. Не думалось, что смерть такъ близка, когда онъ въ апрѣлѣ 1901 г. поѣхалъ дѣлать смотры войскъ въ Сувалкскую и осмотрѣть учрежденія въ Гродненской губерніи. Онъ—неутомимый, жаловался на какую-то усталость. По возвращеніи въ Вильну, онъ заболѣлъ, а 9-го мая умеръ этотъ умный, спокойный, доброжелательный и полезный государственный дѣятель.

В. Т. Судейкинъ.

Замѣчаніе Сенату.

Высочайший указ министру юстиціи.

29-го іюля 1821 г.

«Усмотрѣвъ изъ доклада вашего о произшедшихъ въ Общемъ Собраний Правительствующаго Сената беспорядкахъ, по дѣлу о бывшемъ вице-губернаторѣ Крыжановскомъ, что нѣкоторые сенаторы дозволяютъ себѣ въ мнѣніяхъ своихъ оговаривать предложения оберъ-прокуроровъ и министра юстиціи тогда, когда судьямъ закономъ воспрещено и между собою заходить другъ противъ друга въ недѣльные голоса, Я поручаю вамъ объявить сенаторамъ Мою волю, что естьли Я желаю, чтобы они при рѣшеніи дѣлъ излагали свои мнѣнія свободно, не стѣсняясь ничѣмъ и основывая сужденія свои единственно на существѣ дѣла и на прямомъ разумѣ законовъ, то не могу допустить, чтобы они оговаривали предложения оберъ-прокуроровъ и министра юстиціи. Таковыя дѣйствія, не имѣя никакой существенной цѣли, противны порядку и не вмѣстны съ достоинствомъ верховнаго судилища, а потому каждый сенаторъ, по выслушаніи дѣла, изложивши свое мнѣніе, когда при несогласіи оберъ-прокурора, или министра юстиціи, дано будетъ предложеніе,—обязанъ объявить только, что онъ согласенъ съ тѣмъ предложеніемъ, или остается при своемъ мнѣніи. — Дѣло же о Крыжановскомъ перевести къ разсмотрѣнію въ Общее Собрание Правительствующаго Сената Санктпетербургскихъ Департаментовъ и рѣшить тамъ безъ очереди и немедленно».

Пять писемъ И. А. Аксакова къ К. Ф. Головину¹⁾.

1.

17-го января 1884 г. Москва.

Я сдалъ ваше первое «письмо»²⁾ въ типографію, съ тѣмъ, чтобы уже въ корректурѣ сдѣлать мои исправленія и примѣчанія, и въ этомъ видѣ послать корректуру къ вамъ, такъ какъ Д. И. Воейковъ³⁾ извѣстилъ меня, что вы желаете ее видѣть. Думаю, что первое письмо сократить удобно: вы два раза возвращаетесь къ оцѣнкѣ и анализу писателей, изъ коихъ о некоторыхъ, право, достаточно упомянуть и одинъ разъ. Мне казалось бы также, что нужно бы ограничиться суммарною оцѣнкою, не входя въ подробности произведения. Иное дѣло, еслибы вы передавали вполнѣ содержаніе романа и, такъ сказать, знали съ нимъ незнакомаго читателя. Это имѣло бы свое значеніе и на будущій разъ, при разборѣ текущей литературы это, можетъ быть, полезно было бы и сдѣлать: это избавляеть читателя отъ труда читать самому плохое произведеніе,—возбуждая въ то же время желаніе съ произведеніемъ хорошимъ познакомиться лично и поближе. Но вы въ вашемъ письмѣ содержанія не передаете, а предполагая въ читателѣ полное знакомство съ произведеніемъ, говорите, такъ сказать, намеками, упоминаете о частностяхъ мало понятныхъ тому, кто сочиненія

¹⁾ Печатаемыя здѣсь письма И. А. Аксакова къ Константину Федоровичу Головину, съ которыми онъ никогда не встрѣчался, были вызваны тѣмъ, что послѣдній въ 1884 году велъ въ журналѣ «Русь» литературно-критический отдѣлъ. Потомъ за отѣздомъ К. Головина за границу сотрудничество его въ «Руси» прекратилось. Р е д.

²⁾ Критическія статьи К. Ф. Головина печатались подъ заглавиемъ «Письма изъ Петербурга о современной литературѣ».

³⁾ Покойникъ Д. И. Воейковъ, братъ извѣстнаго ученаго А. И. Воейкова, послужилъ посредствующимъ звеномъ между И. А. Аксаковымъ и К. Ф. Головинымъ, и переписка завязалась, благодаря ему.

самъ не читаль. А таковыхъ—легионъ. Я самъ, грѣшный человѣкъ, Гаршина никогда не читаль, «народниковъ» не читаю вовсе—тошнить, но «Волконскую барышню» Эртеля прочель случайно, двѣ части. «Найденыша»¹⁾ прочли пока очень не многіе (я не читаль).

Возводить «Гуттаперчеваго мальчика» и «Клару и Миличъ»²⁾ въ «жемчужины»—охъ! не слишкомъ ли это много? Это бездѣлушки работы мастера. Но въ первой есть при томъ нечто произительно фальшивое, диссонансъ съ точки зрѣнія искусства. Въ Тургеневской «Пѣсни торжествующей любви» есть также что-то противное въ томъ, что женщина нравственная, добродѣтельная, любящая мужа, подвергается противъ воли и безъ сознанія изнасилованію (*c'est le mot*), и дѣлается беременною,—и это называется «торжествомъ любви!» Еще проще можно было бы дать усыпительный порошокъ!. Въ «Кларѣ Миличъ» фантастическое въ томъ, что умершая сходитъ и совершаетъ соитіе съ влюбленнымъ. Все это въ сущности очень грубо, хотя и въ золотой оправѣ.

Мнѣ кажется, вы вообще мало принимаете во вниманіе дѣйствительно переходное состояніе нашего общества, и именно послѣ соціального переворота 19-го февраля 1861 г. и другихъ реформъ. Старый быть потрясенъ, новый еще не сложился. Типы не успѣваютъ образоваться и слагаться: только-что вы занесли на него руку,—глядь! онъ уже измѣнился,—отчего и происходитъ, что быто-описательный романъ нашихъ дней похожъ на полицейскую рѣляцію и также кратковѣченъ. Таковы романы Маркевича и К° со всѣми ихъ нагилястами. У Достоевскаго, по крайней мѣрѣ, это психологический этюдъ.—Новые элементы вторгаются въ общество, и именно честолюбивый элементъ разночиннический,—это отражается и въ литературѣ,—это та соціальная борьба, при которой искусство не въ авантажѣ.

Мнѣ кажется также, вы слишкомъ много даете значенія французскому роману и отождествляете съ его судьбой судьбу русскаго реализма. У насъ онъ имѣть совсѣмъ самостоятельное бытіе. Съ конца 40-хъ годовъ французское вліяніе въ искусствѣ у насъ почти совсѣмъ исчезаетъ. Вы не упоминаете о Гоголѣ, рѣзкою гранью раздѣлившемъ въ литературѣ двѣ эпохи, и внесшемъ къ намъ потребность правды въ искусствѣ, той правды, потребность въ которой вѣмецъ не ощущаетъ и до сихъ поръ,—но которая понятна соотечественникамъ Шекспира, Диккенса и Теккерея... Конечно, правда въ искусствѣ это не одно и

¹⁾ Неоконченный романъ графа Е. А. Саліаса, по первымъ своимъ главамъ обѣщавшій стать выдающимся произведеніемъ.

²⁾ Гуттаперчевый мальчикъ — повѣсть Григоровича, напечатана въ „Нивѣ“, а Клара Миличъ—послѣдняя повѣсть Тургенева, появившаяся въ „Вѣсти. Евр.“ въ самый годъ смерти автора.

то же, что грубый реализмъ нашихъ дней, особенно реализмъ французскій. Истинный реализмъ не мыслить безъ идеалистической подкладки. Затѣмъ вы не принимаете въ соображеніе историческую роковую законность отрицательного направленія въ интеллигенціи нашего отечества. Наша литература начинается сатирами Кантемира. Это именно потому, что положительно-реальными идеалами мы бѣдны, а отрицать есть что: фальшь нашей культуры, фасадность нашего существованія, тепличность нашего развитія, отчужденность нашего просвѣщенія отъ національной основы. Мы въ поискахъ за самими собою. У насъ искривлено самое орудіе сознанія.

Письма ваши не только умы, но и остроумны, и я охотно даю имъ мѣсто, но сожалѣю только, что они поверхностны, какъ будто не замѣчаютъ болѣе глубокихъ, историческихъ мѣстныхъ причинъ, обуславливающихъ ходъ нашей литературы. Высшее произведеніе искусства общечеловѣчно, но оно всегда есть созданіе національного гenія. Шекспиръ—прежде всего англичанинъ, Гёте—немецъ. А намъ необходима еще эманципація національного духа... По вашимъ же письмамъ судя, выходитъ, будто мы находимся въ совершенно нормальномъ состояніи, и все обстоитъ благополучно въ нашемъ внутреннемъ народномъ духовномъ мірѣ. Простите за откровенность, васъ глубокоуважающей Ив. Аксаковъ.

2.

30-го января 1884 г.

Посылаю вамъ, многоуважаемый Константина Федоровичъ, корректуру съ моими сокращеніями и измѣненіями, а на всякий случай и оригиналъ. Если вы, какъ мнѣ сдается, не согласитесь на такое искаженіе вашего подчинника, то дайте мнѣ знать, я тогда возвращу и второе письмо. Предметъ—литература—отраженіе общественной мысли, направленіе умовъ и сердцъ величайшей важности, соприкасается съ существеннѣйшими убѣжденіями редакціи, а мнѣ кажется, вы его трактуете слишкомъ поверхностно и не объясняете надлежащимъ образомъ причину разлада литературного оркестра. Этотъ разладъ имѣть свой законный *raison d'être*, и именно въ русской жизни, которой весь строй не нормаленъ. Вашъ Ив. Аксаковъ.

3.

30-го января 1884 г.

Ваша статья въ томъ видѣ, въ какомъ вы ее видѣли, но съ восстановленіемъ строкъ (возстановленіе которыхъ вы желали, хотя съ очень небольшимъ сокращеніемъ)—тискается въ составѣ всего № 3 и къ 1-му февралю выйдетъ. Я, признаться сказать, не ожидалъ вашего

согласія на мои измѣненія и сокращенія,—этимъ и объясняются мое письмо, которое, повидимому, васъ смутило. Я сдалъ теперь набирать ваше второе письмо, которое въ корректурѣ со своими замѣчаніями также пришло вамъ. Вопросъ о литературѣ и литературныхъ направленихъ—это вѣдь не то, что вопросъ о золотой рентѣ, или о достоинствѣ картинъ Верещагина, или Маковскаго. Тутъ (т. е. въ области литературныхъ направлений) вопросъ соприкасается съ вопросомъ о существенійшихъ принципахъ, и согласитесь—тутъ не можетъ редакція предоставить сотруднику полную свободу. Если сотрудникъ станетъ, напримѣръ, отрицать христіанство, а я его признаю, зачѣмъ же я своимъ изданіемъ буду служить его отрицательной проповѣди? Такова отчасти и область литературной критики. Публика не станетъ говорить: «К. О. Головинъ то-то утверждаетъ», а скажетъ: «критикъ газеты или «Русь» проводить такую-то мысль, утверждаетъ то-то»... Этимъ я только хочу объяснить вамъ мою ревнивость, какъ редактора, къ чистотѣ и опредѣленности направленія моего изданія въ существенійшихъ вопросахъ. Надѣюсь, впрочемъ, что у насъ до такого разлада не дойдетъ.

Я не полагаю, чтобы было удобно напирать на происхожденіе авторовъ и указывать, что они-де разночинцы. Это можно лишь въ такомъ случаѣ, когда они сами становятся на сословную точку зрѣнія... Вѣдь и отецъ русской литературы—Ломоносовъ, былъ мужикъ, а не дворянинъ. Объяснять тенденціозность въ искусствахъ только этимъ—не вѣрно. Позвольте замѣтить вамъ это по опыту, и потому, что я видѣлъ и пережилъ.

Отрицательное направленіе взяло верхъ и должно было взять, по недостатку, по бѣдности положительныхъ идеаловъ въ самомъ русскомъ обществѣ, въ русской жизни... Вѣдь въ наше время языческое отношение къ искусству не возможно.

Da mals war nichts heilig als das Schöne, но вѣдь для грека Schön былъ и плутъ Одиссей («хитроумный»), и многое такое, чтò со временемъ человѣкъ назоветъ гнуснымъ порокомъ. Въ мірѣ христіанскомъ искусство уже не можетъ быть тою «свѣтлою классической бо ги и е ю», о которой вы говорите въ концѣ втораго письма. Дань идеаль нравственный, вѣчно достигаемый, но не достижимый, и человѣчество не успокоится въ вѣчномъ стремлѣніи, конечно:

Meine Ruh' ist hin!

Вашъ Ив. Аксаковъ.

4.

5-го февраля 1884 г.

Посылаю вамъ, многоуважаемый Константинъ Федоровичъ, корректуру, прошу васъ, въ случаѣ согласія на мои измѣненія и мои редак-

торскія примѣчанія, немедленно мнѣ ее возвратить. Измѣненій въ сущности очень мало... Бросать людямъ въ глаза слово «разночинецъ» какъ бы въ укоръ я признаю неудобнымъ, да и несправедливымъ, хотя и не отрицаю разночинническихъ вожделѣній, въ сущности фальшивыхъ, такъ какъ дворянство теперь въ жизни не подаетъ къ нимъ повода. Но то, что теперь,—не то, чтѣ было встарь, и что я самъ еще помню изъ временъ моего дѣтства. Вашъ Ив. Аксаковъ.

5.

2-го марта 1884 г. Москва.

Многоуважаемый Константинъ Федоровичъ.

Думаю, что вы даже не удивились отсутствію въ 5 № вашей статьи. Я и получиль ее сравнительно поздно, да и она столь объемиста, что не только о помѣщеніи ея въ 5 № нечего было и думать, но и самое чтеніе ея должно было отложить. Я и прочелъ ее лишь выпускская №. Я затрудняюсь помѣстить ее въ этомъ видѣ. Почти двѣ-трети ея посвящены Тургеневу,—первая треть трактуетъ о произведенияхъ, вовсе не стоящихъ упоминанія и которая слѣдуетъ «замолчать», какъ теперь стали выражаться. Но остальная двѣ-трети хотя и толкуютъ только о Тургеневѣ, однако же не представляютъ какого-либо специального критического о немъ этюда, а носятъ какой-то случайный характеръ.

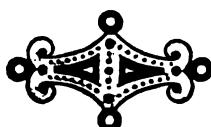
Вы встались въ полемику съ Григорьевымъ. Говоря откровенно, эта полемическая часть довольно слаба. Мало того, вашъ конецъ вовсе не сходится съ началомъ. По поводу полемики о Тургеневѣ вы начинаете за здравіе и сводите за упокой. Эта заупокойная часть самая лучшая и самая вѣрная, на мой взглядъ, во всей вашей статьѣ, и такъ какъ она есть финальный аккордъ, то этотъ аккордъ мигомъ заглушаетъ всѣ ваши предшествовавшія защитительныя мелодіи и вариации на тему о великому и необычайномъ значеніи Тургенева, какъ художника. Это великое и необычайное значеніе, иначе—художественная стихія въ Тургеневѣ обречена была узкости и ограниченію вслѣдствіе его личнаго отрицательнаго отношенія къ Россіи. Человѣкъ, которымъ вы его характеризуете въ концѣ вашей статьи, не способенъ быть глубоко пахать въ русской почвѣ. Ему доступны были по преимуществу явленія русского общества, именно того, которое само есть постоянно образующееся или преходящее историческое явленіе русской жизни и само чуждо родной землѣ.

Поэтому типы Тургенева дѣйствительно схвачены мѣтко, но, какъ говорить Григорьевъ, души въ нихъ нѣть, но не по винѣ Тургенева,

а потому, что типы эти не индивидуальные. Базаровъ—тиль общественной аномалии, имѣющей свое историческое *raison d'être*, но черезъ 25 лѣтъ имѣющей стать почти совсѣмъ непонятными. Если бы однако-же Тургеневъ не былъ своего рода узкій доктринеръ, западникъ, для котораго Россія только сфинксъ и пр., то онъ могъ бы оттѣ же самый типъ захватить глубже, или, какъ Достоевскій, показать тотъ процессъ искаженія, которому подвергается живая индивидуальная душа въ тискахъ напяленного ею на себя типа нигилиста или иного типа общественного характера.

Что касается вообще до отрицательности и положительности въ искусствѣ, то послѣдняя ужъ никакъ не выражается ни Штольцомъ, ни Троекуровымъ. Эти Штольцы и Троекуровы не многимъ лучше фонъ-Визинскаго Стародумова или Здравомыслова. Положительныхъ типовъ въ жизни русского общества почти и не существуетъ. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, чтобы въ душѣ самого автора были положительные идеалы. Хоть бы идеалы только. А у русского западника-либерала таковыхъ по отношенію къ Россіи не имѣется. И потому Тургеневъ поражаетъ бѣдностью идеаловъ. Религія ему совершенно чужда, всѣ принципы нравственности низведены на степень неосмыслившихъ побужденій (*Triebе*),—въ міровое призваніе Россіи онъ не вѣрить, все его credo крайне тоще, мысли творческой въ немъ не было, горизонты тѣсны; въ своей родной странѣ онъ не видаль даже того, что открыто глазу француза де-Вогюе, котораго разсказы въ переводахъ, помѣщенному въ «Руси», вамъ рекомендую.

Итакъ въ вашей статьѣ о Тургеневѣ я сочувствую только финалу и финалу готовъ дать мѣсто, но отдать его трудно. Вотъ почему я и возвращаю вамъ ваши тетради. Этотъ мой поступокъ, надѣюсь, не лишитъ меня вашего сотрудничества на будущее время. Я слышалъ, что вы уѣзжаете за границу. Чужіе края подлежать русской ревизіи, ея до сихъ поръ не было. Вашъ Ив. Аксаковъ.

Записки Н. Г. Залѣсова.

— IV ').

Холера 1848 года. — Исчезновение начальства. — Майдель и Содальский. —
Служба во время холеры.

есна 1848 года началась рано, и сразу пошли жары, если не ошибаюсь, уже въ маѣ мѣсяцъ достигавшіе 30°. Духота въ стѣнахъ крѣпости была неимовѣрная, но мы ходили и учились, затянутые въ сукно и съ неизмѣнной каской на головѣ, о другомъ костюмѣ и думать было нечего, такъ какъ тогда малѣйшее отступленіе отъ формы влекло жестокое наказаніе. Такъ жили мы потихоньку, когда начали доходить до Оренбурга неясные слухи о появлѣніи въ Россіи холеры, говорю неясные по той причинѣ, что въ то благословенное время единственными органами печати для насъ служили «Русскій Инвалидъ» и «Сѣверная Пчела», сообщавшія самыя краткія новости и часто безъ точнаго указанія мѣста дѣйствія, но и эти печальные газеты доходили въ Оренбургъ черезъ 16 дней по выходѣ, а весной въ распутицу черезъ мѣсяцъ и болѣе.

Въ настоящее время эпидемія въ родѣ холеры утратили уже отчасти свой острый характеръ, и паника, производимая ими, далеко не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какъ бывало въ старые годы. Желѣзныя дороги, телеграфы задолго еще до появленія болѣзни въ извѣстномъ мѣстѣ

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

успѣютъ не только познакомить жителей съ ея характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и даютъ имъ время свыкнуться съ мыслью о приближающейся опасности, а слѣдовательно и встрѣтить ее съ болѣшимъ хладнокровiemъ; наконецъ, сама медицина, все болѣе и болѣе знакомясь съ эпидеміями, не теряется уже, какъ прежде, при появленіи болѣзни, и почти сразу принимаетъ радикальный противу ея мѣры. Не то было въ 1848 г., когда эпидемія упадала среди какого-нибудь населенія, какъ сидѣть на голову и когда многіе медики не только не оказывали надлежащей помощи страждущимъ, но нерѣдко сами прятались отъ болѣзни, не зная, какъ спрavitься съ нею.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ мысль о близкой опасности намъ вовсе не приходила въ голову, когда разъ въ концѣ мая или началѣ июня, не помню хорошошенько, принесли мнѣ приказъ немедленно явиться въ казармы, гдѣ я узналъ, что баталіонъ чрезъ полчаса выступаетъ въ лагерь за 3 версты отъ города, въ бараки бывшаго Уфимскаго казачьяго полка, на Маячной горѣ; причиной такого спѣшного выхода была появившаяся въ городѣ холера. Черезъ полчаса мы дѣйствительно выступили въ томъ, въ чемъ были; баталіонъ шелъ какъ-то разбродѣ, начальство казалось растеряннымъ, на улицахъ встрѣчались вытянутые лица—словомъ, ясно было, что холера застала всѣхъ врасположъ и всѣ сразу перепугались. Придя въ лагерь, мы вступили въ деревянные старые бараки, которые не были даже порядочно отремонтированы, и потому часть солдатъ должна была расположиться на землѣ, а мы, молодые офицеры, вовсе не получили помѣщенія, провѣда первую ночь безъ ѳды и сна, и только спустя сутки навязли на собственный счетъ у киргизъ кибитки, въ которыхъ и расположились по нѣскольку человѣкъ. На другой день прихода настѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, вывели въ 6 часовъ утра на шереножное ученіе. Солнце пекло уже сильно, и мы принялись за ружейные приемы, когда вдругъ стала разыгрываться эпидемія между солдатами. То въ той, то въ другой шеренгѣ почти внезапно блѣднѣть человѣкъ, черезъ минуту ружьевались изъ рукъ, и затѣмъ онъ падалъ въ страшныхъ конвульсіяхъ съ почернѣвшимъ уже лицомъ. Эти первыя жертвы холеры были поражены ѿ такъ сильно, что ихъ едва успѣвали доносить до бараковъ, какъ они умирали. Ученые принуждены были прервать и донесли объ этомъ начальству, которому однако же до такой степени было тяжело помириться съ мыслью о совершенномъ отдыхѣ войскъ, что только на третій день, когда число жертвъ холеры страшно увеличилось—разрѣшено прекратить всѣ строевые занятія.

Баталіоны, находясь въ лагерѣ, и безъ ученій несли тяжелую службу. При жарѣ, достигавшей 40 и болѣе градусовъ, помѣщаясь на горѣ, лишеннай всякой зелени и тѣни, вдали отъ воды, войска должны

были черезъ двое сутокъ, а ииогда и черезъ одинъ, ходить въ городъ для карауловъ, чтѣ составляло взадъ и впередъ около 7 верстъ, а на мѣновой дворъ—до 10, конвоировать арестантовъ, назначавшихся для рытья могилъ, и помогать лазаретной прислугѣ при уходѣ за больными и уборкѣ мертвыхъ.

Къ концу іюня эпидемія достигла ужасающихъ размѣровъ. Не только военный госпиталь на 300 человѣкъ, градскія больницы, но и большая часть огромнаго зданія каравань-сарай, отведенаго подъ заболѣвающихъ, были переполнены холерными. Кроватей, бѣлья и другихъ госпитальныхъ вещей на такое число, разумѣется, взять было неоткуда, и потому большая часть страждущихъ валялась на полу, въ коридорахъ, сбняхъ, сараїхъ, въ той одѣждѣ, въ которой была доставлена въ госпиталь, а какъ одѣжда эта мгновенно начкалась и перемѣнить ее было нечѣмъ, то больной даже съ легкими приступами холеры, въ самомъ скромъ времени, переходилъ въ безнадежное состояніе. Вообще на удленіе нечистотъ и освѣженіе воздуха не было средствъ.

Съ развитіемъ холеры Оренбургъ постигли и другія несчастія; исчезло вдругъ высшее начальство, сократились доктора, пропало духовенство. Корпусный командиръ повезъ свое семейство въ лѣтнюю свою резиденцію, на такъ называемую кочевку въ Башкирію за 120 верстъ отъ города, откуда, кажется,ѣздили еще въ Уфу, и потому первое время, холеры его въ Оренбургѣ не было; начальникъ дивизіи отправился инспектировать инвалидныя команды, заболѣлъ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ обыкновенною болѣзнию и вызвалъ къ себѣ на смѣну бригаднаго командира, чтѣ при тогдашнихъ сообщеніяхъ заняло много времени. Единственный человѣкъ, начавшій было энергически распоряжаться въ городѣ, комендантъ генераль Лифляндсь, заболѣлъ самъ холерой и вскорѣ умеръ; отъ той же болѣзни скончался и директоръ Неплюевскаго корпуса И. М. Марковъ, въ холерѣ же лежалъ нашъ баталіонный командиръ маіоръ Лепехинъ.

Въ разгарѣ болѣзни, докторовъ не было возможности дозваться, горожане положительно были брошены на волю Божію и лѣчились одними домашними средствами, изъ коихъ главное составляла перцовка. Часть военныхъ медиковъ сразу отправилась на тотъ свѣтъ, другіе же до такой степени были обременены военными больными, что о частной практикѣ не могли и думать; были однако же и такие, у которыхъ своихъ пациентовъ было не много, но они все-таки къ постороннимъ ни за что неѣхали и даже сами рапортовались больными. Гражданскіе врачи тоже исчезли, и только какъ единственное отрадное исключение изъ всего докторскаго персонала Оренбурга составлялъ молодой гражданскій врачъ, прозванный населеніемъ Ангеломъ-хранителемъ,—докторъ Майдель. Онъ день и ночь разъѣзжалъ по больнымъ, не отказывая просьбѣ

даже самого послѣдняго бѣдняка, и сплошь лѣчили недостаточныхъ людей на собственный счетъ. Истомленіе доходило до такой степени, что, прописавъ рецептъ въ одномъ мѣстѣ, онъ тутъ же засыпалъ на нѣсколько секундъ, пока его не будили крики посыльныхъ, сѣдовавшихъ за нимъ изъ дома въ домъ, чтобы позвать къ другимъ страдальцамъ.

Одновременно съ докторами какъ бы скрылось и духовенство. Каждый процентъ дѣйствительной болѣзnenности и смертности былъ между этими лицами, не знаю, но фактъ тотъ, что населеніе города въ самый разгаръ холеры было со вершено лишено возможности получить исповѣдь и причастіе. Къ счастію, и здѣсь явился второй Майдель—это 70 лѣтній протоіерей военного Петропавловскаго собора—Содальскій. Этотъ почтенный старецъ, не смотря на жаръ и свои лѣта, день и ночь разъѣжалъ со Святыми Дарами по больнымъ. Помнятся мнѣ и теперь длинныя, простыя дороги въ одну лошадь, на которыхъ развозили Содальскаго два солдата-причетника, держа его подъ руки; помню его кроткое, въ высшей степени красивое для старика лицо и его развѣвающіеся сѣдыѣ волосы, такъ какъ онъ, везя Св. Дары, изъ почтенія къ нимъ или за суетою забывалъ надѣвать шляпу. Истомленіе отца Содальскаго доходило еще до большей степени, чѣмъ Майделя: стариkъ дремалъ, когда его везли, а входя въ домъ, просилъ окачивать себя холодной водой и, только освѣжившись, принимался за послѣднее напутствіе. Сколько знаю, подвиги этихъ лицъ, особенно Содальскаго, не обратили вниманія начальства; дѣйствія ихъ даже не проникли въ тогдашнюю печать, но благодарность оставшихся живыми горожанъ, которыми они подали помощь, существуетъ въ сердцахъ ихъ, какъ мнѣ известно, до сихъ поръ и конечно сойдетъ съ ними въ могилу.

Я говорилъ уже, что мы жили въ лагерь по 3, 4 человѣка въ кибиткѣ. Не смотря на всѣ ужасы холеры, молодость брала свое, и мы постоянно находились въ веселомъ настроеніи духа, чтò конечно лучше всего спасало отъ страшной болѣзни, тѣмъ болѣе, что мы не принимали никакихъ предохранительныхъ мѣръ и только въ воду для питья добавляли краснаго вина.

Служба въ лагерь день отъ дня становилась труднѣе, ибо численность наша, за смертью и болѣзњю нѣсколькихъ старыхъ офицеровъ, уменьшилась. Обыкновенно въ 6 часовъ утра мы выступали изъ лагеря въ полной парадной формѣ въ городской караулъ; съ приближеніемъ къ госпиталю и караванъ-сараю воздухъ становился все тяжелѣе, а со входомъ въ крѣпость мы попадали въ какую-то въ высшей степени удушливую, разгоряченную атмосферу. Городъ представлялъ совершенную пустыню; не только все, что могло уѣхать вдали, исчезло, но даже лица, не имѣвшія права по служебнымъ обязанностямъ отлучаться, и тѣ, пользуясь общимъ разстройствомъ высшей администраціи, разбре-

лись по соседиамъ деревнямъ и хуторамъ. На улицахъ—никого, кромъ посыльныхъ съ лѣкарствами или людей служащихъ; ставни въ домахъ закрыты во избѣжаніе жара, а въ нѣкоторыхъ и отъ поголовной смерти хозяевъ и прислуги; кое-гдѣ на тротуарахъ встрѣтится валяющейся въ судорогахъ холеры прохожій, котораго некому прибрать и отъ котораго сторонятся всѣ здоровые люди. Наконецъ, достигаешь гауптвахты и вступаешь въ караулъ; солдатъ начинаетъ припекать немилосердно; часовые валяются и безпрерывно приходится ихъ смыть, а тутъ еще какъ нарочно захваченные на улицѣ холерою прохожіе кое-какъ доползаютъ до той же гауптвахты и Бога-ради просить отправить ихъ на квартиры или въ госпиталь. Часамъ къ 8 вечера выйдешь на платформу посидѣть на воздухѣ. Проходящихъ является болѣе, но отъ нихъ не легче; то и дѣло слышишь, что заболѣлъ такой-то, умеръ такой-то, нѣть возможности поймать ни одного доктора, мертвые по суткамъ и болѣе валяются веприбранными, некому дѣлать гробовъ, нѣть лошадей, чтобы отвозить умершихъ и т. д.

Стоять однако же на главной гауптвахтѣ и у Сакмарскаго вѣзда было еще сносно; офицерскія комнаты были прохладны, находясь въ подвальномъ этажѣ, и при томъ эти караулы отстояли сравнительно не-далеко отъ госпиталей.

Не то было, когда доставалось идти на мѣновой дворъ или въ тюремный замокъ.

При назначеніи на эти посты офицеры обыкновенно прощались, какъ передъ смертью, съ караульнымъ начальникомъ, въ виду весьма слабой надежды увидать его на другой день. До мѣноваго двора приходилось дѣлать отъ лагеря до 5 верстъ въ одинъ конецъ; до обѣда тамъ еще бывали таможенные чиновники и кое-какой народъ, хотя по случаю холеры торговля почти вовсе прекратилась, но съ трехъ часовъ дворъ этотъ представлялъ совершенную пустыню и въ немъ оставались только сторожа и караульные. Заболѣвшіе холерой конечно не могли здѣсь разсчитывать на какую-либо помощь; отвезти ихъ въ госпиталь было не на чемъ, и проходили сутки и болѣе прежде, чѣмъ присыпалась подвода, чтобы отправить страдальца. При такой обстановкѣ на офицера и караульныхъ находила какая-то тоска, особенно съ наступленіемъ ночи, когда запирались ворота, и если бы не протяжные крики «слушай» часовыхъ на бастіонахъ, то мѣновой дворъ смѣло можно было принять за мертвый домъ. Сюда рѣдкоѣздили дежурные по карауламъ, а о рундахъ мы и не слыхали, такъ что не съ кѣмъ было даже вѣсть послать въ городъ, если бы случилось заболѣть; но еще ужаснѣе считалось назначеніе въ городской тюремной замокъ, оправданіемъ чего можетъ служить подробное описание, какъ проводился здѣсь караульный день и что встрѣчали офицеры въ продолженіе

почти мѣсяца, когда свирѣпствовала особенно сильная холера въ городе.

Оренбургскій тюремный замокъ въ то время состоялъ изъ каменного съ высокими стѣнами 4-хъ-угольнаго зданія, внутренность котораго дѣлилась особою стѣною на двѣ неровныя половины. Въ одной большой было расположено 9 или 10 казематовъ для русскихъ арестантовъ, мужчинъ и женщинъ, въ другой же, меньшей, помѣщались казематы для киргизъ. Въ русской половинѣ имѣлся посреди небольшой дворъ,—въ азиатской же никакой площадки не было. Лицевая сторона замка была двухъ-этажная: внизу находились комнаты для караула и офицера, а вверху помѣщалась лазаретъ и квартира смотрителя. Весьма понятно, что если въ настоящее время наши тюрьмы представляютъ грязь и заразу, то въ 1848 году онѣ отличались такою тѣснотою, смрадомъ и безобразiemъ, что непривыкшій человѣкъ конечно могъ задохнуться, войдя въ любой изъ казематовъ, особенно каторжныхъ арестантовъ, которые тутъ же и испражнялись. Число заключенныхъ несколько не сообразовалось съ помѣстительностью зданія, мытье бѣлья производилось тутъ же, между мужскою и женскою половинами и въ продолженіе дня не было никакого разобщенія.

Съ первыхъ дней холеры въ замкѣ открылась смертность, достигшая вслѣдствія ужасныхъ размѣровъ. Она однако же не очистила зданія, ибо на сѣмью умершихъ безпрерывно поступали новые живые субъекты и если при нормальному состояніи замокъ представлялъ заразу, то можно судить, что было тамъ въ холеру, при обильныхъ изверженіяхъ арестантовъ.

Вступивъ часовъ въ 7 или 8 утра въ карауль, новый офицеръ приступалъ къ повѣркѣ заключенныхъ, для чего и входилъ внутрь замка на площадку, но первое, что ему представлялось—это были уложенные рядкомъ на землѣ вдоль стѣнъ казематовъ тѣла умершихъ, такъ что каждый изъ насть принималъ отъ старого караульнаго офицера столько-то живыхъ и столько-то мертвыхъ арестантовъ, о чёмъ и вносилось во всѣ рапорты. Тѣла эти не были обмыты, одежда не перемѣнена; лежали они съ искривленными и почернѣвшими лицами. Разложеніе труповъ шло самымъ быстрымъ образомъ, особенно на жгучемъ солнцѣ, и своимъ смрадомъ они наполняли всю внутренность замка. Чтобы объяснить такую приемку живыхъ и мертвыхъ, нужно припомнить, что хотя при замкѣ и былъ лазаретъ, но весьма небольшой, и потому онѣ съ первыхъ же дней наполнился холерными, затѣмъ остальныхъ больныхъ слѣдовало отправлять въ госпиталь, но въ разгарѣ эпидеміи они всегда успѣвали умереть, прежде чѣмъ были исполнены всѣ обрядности, требовавшіяся для ихъ отправки, ибо тутъ распоряжались два разныхъ вѣдомства: ордонансъ-гаузъ и полиція. Главною, конечно, задержкою въ

вывозъ мертвыхъ изъ замка былъ недостатокъ лошадей въ градской полиціи, на обязанности которой тогда лежала поставка повозокъ подъ заболѣвающихъ гражданскихъ арестантовъ. Сколько помню, при полиціи состояли для этой цѣли особья лошади, но потребность въ нихъ для разныхъ лицъ и надобностей въ городѣ до такой степени была велика, что считали небольшой бѣдой, если тѣлья какого-нибудь негодая поваляется въ замкѣ не сколько лишнихъ дней. Напрасно мы жаловались дежурнымъ по карауламъ, а они доносили въ ордонансъ-гаузъ, ио распоряжаться было некому. Комендантъ умеръ, плацъ-маиръ лежалъ больной, а высшаго строеваго начальства въ городѣ не было. Сосчитавъ живыхъ и мертвыхъ, офицерь входилъ въ казематы, наполненные страшнымъ смрадомъ, для осмотра арестантскаго имущества, чтобы убѣдиться, иѣтъ ли въ немъ ножей, подпилковъ и т. п. желѣзныхъ вещей, могущихъ служить для убийства или побѣга. Окончивъ эту процедуру, измученный морально, въ одаждѣ, пропитанной всѣми возможными міазмами, онъ отправлялся наконецъ въ свою комнату составлять начальству рапортъ о благополучномъ пріемѣ, но и здѣсь не было покоя. Карапульному начальнику приходилось безпрерывно писать донесенія о болѣзни или смерти солдата или арестанта и заниматься ихъ отправкою, если на счастіе присыпалась откуда-нибудь лошадь; кромѣ того отдыху его мѣшала тогдашняя форма и пріѣзы дежурнаго по карауламъ и плацъ-адъютантовъ, хотя эти господа во дворъ не входили, а посмотрѣвъ черезъ форточку внутрь замка и спросивъ, все ли благополучно, старались скорѣе удрать подальше. Вечеромъ бывало отправляясь опять считать заключенныхъ, осматривать ихъ и снова ведешь счетъ живымъ и мертвымъ, при чемъ часть живыхъ назначаешь подъ особымъ конвоемъ на кладбище для рытья могиль и похоронъ умершихъ въ госпиталяхъ. Посылка преступниковъ въ темныя оренбургскія ночи для работъ за городъ дѣлалась тогда, какъ говорили, во избѣженіе дурнаго вліянія на жителей отъ нигребенія той массы умершихъ, какая свозилась по ночамъ на кладбище, но странно было хлопотать обѣ удаленіи дурныхъ впечатлѣній, когда въ то же время обезображеніе трупы валились зачастую на улицахъ города безъ всякой помощи или уборки. Вожденіе арестантовъ по ночамъ, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось катастрофой: однажды часть ихъ, воспользовавшись темнотою, сдѣлала побѣгъ, за что впослѣдствіи конвойнаго унтер-офицера и трехъ рядовыхъ отдали подъ судъ и первого разжаловали, а послѣднихъ прогнали сквозь строй; за то преступниковъ, послѣ побѣга, стали уже посыпать на кладбище днемъ.

Наконецъ, наряды окончены, казематы заперты, часовые на своихъ мѣстахъ, располагаешься въ караульной комнатѣ по-домашнему, такъ какъ известно, что никто ночью не пріѣдетъ въ замокъ, да и пріѣхать

некому, хочешь отдохнуть какъ слѣдуетъ; не тутъ-то было. Едва задремаешь въ креслѣ, какъ старшій унтеръ-офицеръ толкаетъ въ плечо и говорить: «Ваше благородіе, такой-то рядовой заболѣлъ—отправки просятъ» или: «арестантъ умеръ въ казематѣ, вытащить надо»; если же нѣть заболѣвшихъ, то, въ свою очередь, шумъ и стукъ по лѣстницѣ въ лазаретѣ, которая проходила мимо самыхъ дверей караульной комнаты, все равно не дадутъ уснуть покойно. На этой лѣстницѣ шло постоянное тасканіе арестантовъ взадъ и впередъ... Вверхъ шли подъ конвоемъ вновь заболѣвшіе, если были тамъ мѣста; внизъ тащили умершихъ, при чемъ лазаретная прислуга, не смотря на приказаніе, спускала ихъ по-просту, т. е. взявъ за голову или руку, волокла внизъ, при чемъ ноги трупа бились о каждую ступеньку. Такимъ образомъ, только дождавшись разсвѣта, вздрогнешь немножко; часовъ съ шести начинаешь уже ждать съ нетерпѣніемъ смыны и, обойдя съ новымъ караульнымъ офицеромъ всѣ казематы, торопишься поскорѣе въ лагерь.

Повѣрь я свой впечатлѣнія, я долженъ откровенно сказать, что мнѣ случалось впослѣдствіи дѣлать подъ жгучимъ солнцемъ въ сыпучихъ пескахъ безводные тяжелые походы, день и ночьѣздить, не слѣзая съ коня, стоять подъ непріятельскимъ огнемъ, но ни откуда, рѣшительно, я не выходилъ съ такимъ нравственнымъ и физическимъ истомленіемъ, какъ послѣ сутокъ, проведенныхъ въ караулѣ въ Оренбургскомъ тюремномъ замкѣ, и только Богъ да молодость сохранили меня отъ эпидеміи.

Спустя недѣли двѣ по выходѣ въ лагерь, мнѣ вздумалось навѣстить некоторыхъ городскихъ знакомыхъ и взглянуть на сестру. Какъ теперь помню, я побывалъ въ трехъ домахъ, но вездѣ неудачно: въ одномъ я засталъ лишь дѣтей—отца и мать унесла уже холера; два другихъ были наглухо забиты, и только какой-то прохожій объяснилъ мнѣ, что жильцы одного дома уѣхали въ деревню, а въ другомъ по-головно перемерли: и господа, и прислуга. Пришелъ къ сестрѣ. Ходъ къ ней вѣль черезъ кухню, и при первомъ шагѣ въ домъ я наткнулся на страшную картину: положивъ голову на порогъ, распростертая на полу, съ запекшемся пѣной у рта, валялась кухарка, женщина среднихъ лѣтъ. При моемъ проходѣ, она слабыми движениями руки показала на ротъ, я понялъ, что ее томитъ жажда, и принесъ ковши воды, положивъ туда изъ случившагося у меня пузырька штукъ 40 мятыхъ капель. Питье видимо освѣжило больную, она съ благодарностью посмотрѣла и закрыла глаза; впослѣдствіи женщина эта выздоровѣла и положительно считала меня своимъ спасителемъ. Изъ кухни дверь вела въ маленькую переднюю, гдѣ на широкой лавкѣ ложала блѣдная, истомленная горничная, дѣвушка лѣтъ 18, а въ слѣдующей комнатѣ къ закрытыми ставнями сидѣла и сама сестра.

Сестра и ея мужъ несказанно мѣй обрадовались; за эти двѣ недѣли они страшно похудѣли, осунулись, жаловались на совершение отсутствіе аппетита и передали, что уже дней десять, какъ питаются только однимъ чаемъ и не видѣть никого изъ постороннихъ, кромѣ соѣдки-солдатки, приносящей имъ разъ въ день воду и хлѣбъ, и при этомъ, конечно, рассказывающей такія страсти о холерѣ, что они едва не сошли съ ума. Изъ дальнѣйшихъ объясненій оказалось, что съ кухаркой была холера, но потомъ перешла въ какую-то другую болѣзнь, лишившую эту женщину силъ, что же касается горничной, то съ ней вышелъ весьма странный случай. Заболѣвъ сильной холерой, она, въ безнадежномъ состояніи, была отвезена въ караванъ-сарайскій госпиталь; ее свалили на полъ въ какомъ-то коридорѣ, гдѣ въ страшныхъ судорогахъ корчились уже десятки другихъ больныхъ; затѣмъ она лишилась чувствъ и не знаетъ, долго ли находилась въ такомъ состояніи; когда же очнулась, была ночь и страшная тишина; попробовала она приподняться, но ее давило что-то очень тяжелое, а рядомъ все было мокро. Дождавшись первыхъ лучей солнца, она съ ужасомъ увидѣла, что находится въ каменномъ сараѣ, и что съ одной стороны вплоть къ ней лежали полѣнницей покойники, а на нее положена мертвая старуха. Собравъ всѣ силы, какія только можетъ придать отчаяніе, горничная кое-какъ вылѣзла изъ-подъ своей страшной ноши и ползкомъ дотащилась до выхода; утренній воздухъ освѣжилъ ее и придалъ силы, тогда она побреда къ городу; къ счастію, ее подсадилъ въ телѣгу проѣзжій крестьянинъ, гдѣ она опять лишилась чувствъ. Затѣмъ вѣроятно мужичекъ поможилъ ее на тротуаръ, такъ какъ, придя въ себя, она очуталась на одной изъ близкихъ къ своему дому улицъ, откуда уже и приползла домой. Рассказъ горничной можно было принять за вполнѣ достовѣрный, ибо во время сильнаго разгара эпидеміи такіе случаи бывали нерѣдко, и многихъ заболѣвшихъ послѣ сильнаго припадка холеры принимали за умершихъ и зачастую относили въ сарай для покойниковъ, чтобы очистить мѣсто новымъ пациентамъ. Утѣшивъ и ободривъ на сколько возможно сестру, я оставилъ ей пузырекъ съ мятными каплями и на прощанье обѣщалъ навѣщать каждую недѣлю, чѣмъ она осталась очень довольна.

V.

Появленіе начальства.—Пожары.—Разборъ одѣжды.—Возвращеніе въ городъ.—Зимнія занятія офицеровъ.

Время шло, стало наконецъ появляться начальство, возвратился корпусный командиръ и поселился въ какомъ-то домикѣ въ зауральской *

рошъ; пріѣхалъ начальникъ дивизіи и занялъ двѣ комнатки вверху на дачѣ Шапошникова (нынѣ Короваева) вблизи нашего лагеря. Съ появлениемъ высшихъ лицъ, хотя и не въ городе, откуда-то стали выползать и второстепенные чины: показался плацъ-маоръ, увидали мы и командира 2-го баталіона, подполковника Чигира, занявшаго между дачей Шапошникова и нашимъ лагеремъ одинъ изъ офицерскихъ бараковъ казачьей артиллериі. Между тѣмъ холера не переставала уносить жертвы, и въ одинъ прекрасный день я получилъ приказаніе вступить въ исправленіе должности баталіонного адъютанта и казачея и, съдовательно, носить ежедневно начальнику дивизіи рапорти о числѣ больныхъ и умершихъ въ баталіонѣ.

Замѣчательно, что въ то время, когда у насъ въ баталіонахъ свирѣпствовала холера, у стоящихъ рядомъ въ лагерѣ артиллериистовъ-казаковъ болѣзnenіость была весьма незначительна, а у кадетъ всего 3 или 4 умершихъ, чтѣ показывается, что и при хорошемъ довольствіи можно было значительно сберечь солдатъ, когда начальникъ заботился о хорошей пищѣ людей и поддержкѣ между ними бодрого духа и опрятности. Дѣйствительно, когда въ нашемъ лагерѣ царствовала гробовая тишина, у сосѣдей казаковъ и кадетъ постоянно раздавались пѣсни, музыка, и несся веселый крикъ разныхъ игръ, которыми они занимались при всякомъ удобномъ случаѣ.

Къ бѣдствіямъ холеры присоединилась вскорѣ другая невзгода для бѣдныхъ жителей Оренбурга, вѣроятно по пословицѣ, что бѣда одна не приходить. Невыносимый жаръ, отсутствіе дождей, беспорядокъ въ хозяйствѣ и въ присмотрѣ за огнемъ въ особенности, причиненный въ каждомъ домѣ холерой—все это послужило къ появлению пожаровъ. Вскорѣ по возвращеніи корпуснаго командира, произошелъ довольно сильный пожаръ въ казачьемъ форштадтѣ, а какъ средства полиціи были ничтожны, жителей, по слухамъ холеры, явилось для тушенія мало, то вся надежда на прекращеніе огня сосредоточилась на войскахъ, которые однако же прибыли весьма поздно, за что присутствовавшій на пожарѣ Обручевъ страшно разбранилъ войсковыхъ начальниковъ.

Прошло съ недѣлю, и разъ, часа въ четыре послѣ обѣда, мы уви-дѣли изъ лагеря сильный дымъ въ старой слободкѣ; не было сомнѣнія, что тамъ начинался большой пожарь. Только лишь мы вѣдѣли людямъ одѣваться, какъ прибѣжалъ ординарецъ съ приказаніемъ баталіонному адъютанту явиться немедленно къ начальнику дивизіи. Прицѣпивъ полусаблю, я бѣгомъ направился на дачу Шапошникова, гдѣ по какой-то боковой лѣсенкѣ взобрался на мезонинъ, но, войдя въ пріемную, не-вольно остановился. По комнатѣ изъ угла въ уголъ, расхаживалъ или, лучше сказать, бѣгалъ начальникъ дивизіи, въ одномъ бѣльѣ съ страшно

встревоженнымъ лицомъ; тутъ же, прижавшись къ стѣнѣ, стоялъ лакей, держа въ рукахъ генеральское платье.

— Горить?—подскочилъ ко мнѣ съ вопросомъ генералъ, страшно вращая глазами.

— Горить, ваше превосходительство.

— Горить, горить,—передразнилъ меня начальникъ дивизіи, сдѣлавъ гримасу. И безъ тебя знаю, что горить, а люди посланы?

— Сейчасъ собираются.

— Какъ собираются, что же ты смотрѣлъ? И генералъ чуть не съ кулаками налетѣлъ на меня. Баталіонный командиръ боленъ, а ты спиши, да я тебя вонъ выгоню, въ солдаты разжалую!—кричалъ онъ въ изступленіи съ пѣной у рта и потомъ, точно вспомнивъ что-то, бросился въ другую комнату. Черезъ мгновеніе онъ летѣлъ уже назадъ, бормоча: Боже, Боже мой, какъ горить, а людей нѣть. Что скажетъ корпусный командиръ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ изнеможеніи, опустился на диванъ.

Прошла минута, и генералъ, схвативъ себя за волосы, крикнулъ лакею: «Давай одѣваться, я самъ пойду, самъ», но едва онъ успѣлъ надѣть шаровары, какъ весь пыль его прошелъ,—онъ заговорилъ слабымъ голосомъ: «нѣть, рѣшительно не могу, я боленъ... докторъ запретилъ», и потомъ, обратясь ко мнѣ, добавилъ съ ласкою: «ты видишь... я не въ состояніи, бѣги къ подполковнику Чигири и скажи, что я недоровъ». Уходя, я еще слышалъ голосъ генерала, повторявшаго: «Боже мой, какъ горить-то»...

Здѣсь въ первый разъ мнѣ удалось видѣть, какъ человѣкъ, неоднократно отличавшійся въ сраженіяхъ, можетъ растеряться и даже струсить, попавъ между двухъ огней, при другой обстановкѣ жизни. Всѣ мы знали, что болѣзнь генерала, если она только существовала, никакъ не мѣшала ему выѣзжать и была самая обыкновенная, но также хорошо было всѣмъ извѣстно, что онъ очень боялся заразительности холеры и, наравнѣ съ нею, корпуснаго командира. Очутясь такимъ образомъ между холерою и Обручевымъ, онъ не зналъ, что дѣлать, пока наконецъ любовь къ жизни не пересилила боязни грознаго начальника.

На обратномъ пути, я передалъ исправлявшему должность бригаднаго командира, подполковнику Чигири, стоявшему на крыльцѣ своей дали, приказаніе генерала и затѣмъ, отойдя насколько шаговъ въ направлѣніи лагеря, встрѣтилъ одного юнкера—своего корпуснаго товарища, съ которымъ и поздоровался по-дружески. Но только успѣлъ сказать насколько словъ, какъ слышу голосъ Чигири:

— Эй, прaporщикъ, какъ вы смѣете такъ здороваться съ нижнимъ чиномъ и позволяете ему стоять въ фуражкѣ! Я васть, сударь, заморю

на гауптвахтѣ. Ступайте прочь, а ты, братъ, закричалъ Чигирь юнкеру, грозя кулакомъ,—пошелъ подъ арестъ!

Такъ возвратился я въ лагерь, получа двѣ невѣжественныхъ нахлобучки, но тогда это было въ порядкѣ вещей.

Сколько помню, въ юлѣ мѣсяцѣ холера стала значительно утихать, появились выздоравливающіе, а у нѣкоторыхъ она начала переходить въ тифъ; въ городѣ отслужили съ водосвятіемъ молебенъ, обошли съ хоругвями крѣпостные валы, и народъ появился на улицахъ. Я не имѣю подъ рукою цифры жертвъ, но полагаю, что немного ошибусь, если скажу, что холера уничтожила около половины всего населенія Оренбурга, считая и войска. По крайней мѣрѣ по всѣмъ имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ она, за исключеніемъ еще одного какого-то пункта въ южной Россіи, нигдѣ не свирѣпствовала такъ, какъ въ Оренбургѣ. Всякій согласится, что цифра этой страшной смертности несомнѣнно была бы гораздо менѣе, если бы были вѣ-время приняты хотя какія-нибудь рациональныя гигієническія мѣры и была бы оказана надлежащая медицинская помощь заболѣвшимъ, но повторяю вновь: о гигієнѣ тогда никто не думалъ, а врачебныя средства почти исключительно сосредоточивались въ одномъ докторѣ Майдель.

Опасность миновала, войска стали готовиться къ выступленію изъ лагеря, когда случай привелъ нѣкоторыхъ изъ насъ столкнуться еще разъ съ оставившею Оренбургъ эпидеміей. Дѣло въ томъ, что солдаты отправляли въ госпиталь караванъ-сарай, въ той одеждѣ, въ которой они заболѣвали, а хоронили неизвѣстно въ чёмъ; только съ прекращеніемъ холеры, отъ каждого баталіона по нѣсколько офицеровъ съ капитенармусами получили приказаніе отправиться въ караванъ-сарай разобрать по баталіонамъ и ротамъ оставшіяся послѣ умершихъ вещи. Прибывъ на мѣсто рано утромъ, мы нашли солдатскую одежду, преимущественно шинели, наваленную грудами вдоль стѣны, окружающей зданіе, и немедленно приступили къ разборкѣ. Шинели и мундиры оставались въ томъ видѣ, какъ ихъ снимали съ умершихъ, т. е. выпачканные разными изверженіями, и хотя они лежали на открытомъ воздухѣ, тѣмъ не менѣе, когда тронула эту массу и стали разворачивать платье, чтобы убѣдиться, какой части оно принадлежитъ, насъ обдало такими міазмами, что съ нѣкоторыми сдѣлалась дурно, и только съ великимъ трудомъ и томлениемъ мы окончили кое-какъ свою работу къ вечеру. Замѣчательно, что не только командиры частей, даже высшее начальство не подумали продать или сжечь эту одежду, напротивъ, она, какъ показанная въ отчетахъ исключено на умершихъ, доставила порядочную прибыль баталіоннымъ командирамъ, и безъ того впрочемъ получавшимъ огромные барыші отъ постройки одежды и вообще отъ всего баталіоннаго хозяйства.

Съ переходомъ въ городъ вмѣсто отдыха началось наверстываніе того, что было пропущено въ холеру, и подтягиванье распустившихся, какъ тогда говорили, во время двухмѣсячнаго бездѣлья, войскъ. Ученыя пошли утромъ и вечеромъ безъ перерыва; стали готовиться къ смотрамъ, и милая палка съ начальническимъ кулакомъ безъ устали загуляли по солдатскимъ спинамъ и лицамъ. Офицерство обругивалось, безъ очереди посыпалось въ карауль и наполняло гауптвахты; словомъ, все вошло въ свою обычную колею, и снова стало все благополучно; прошла гроза, смерть перестала пугать своимъ призракомъ, и начальство съ азартомъ привялось за обычную роль грознаго инспектора, какъ бы стараясь строгостями изгладить изъ памяти подчиненныхъ воспоминаніе о своей трусости и бездѣятельности въ холеру. Начались слѣдствія, взысканія за нераспорядительность во время холеры, того или другаго лица, конечно, изъ маленькихъ чиновъ; кое-кого расцепили, а другихъ смѣнили, въ томъ числѣ и нашего добряка, баталіоннаго командира маюра Лепехина, на мѣсто котораго былъ назначенъ изъ арміи подполковникъ Сварчевскій. Послѣ долгой муштровки смотры, наконецъ, были сданы благополучно, особенно подполковникомъ Чигиремъ, баталіономъ котораго корпусный командиръ остался отмѣнно доволенъ, и затѣмъ мы перешли къ обыкновеннымъ зимнимъ занятіямъ, сначала на дворѣ, а съ наступленіемъ холодовъ—въ казармахъ и манежѣ.

Потянулась грустная жизнь: ученыя, парады, разводы съ грубостью начальства, недостатокъ содержанія (прапорщикъ за вычетами на библиотеку, офицерскій капиталъ и проч., получалъ тогда въ третью пять-десять съ чѣмъ-то рублей),—вотъ что наполняло нашу службу въ Оренбургѣ, и единственнымъ средствомъ отдыха отъ всѣхъ этихъ дразнь оставалось чтеніе, благо дивизіонная библиотека находилась подъ рукою. Библиотека начала составляться нѣсколько лѣтъ назадъ при штабѣ дивизіи на деньги, вычитавшіяся у офицеровъ изъ жалованья, и въ мое время помѣщалась въ казармахъ 3-го баталіона. Не знаю, сколько платили въ нее высшіе чины, но съ прапорщиками вычитали по два рубля въ треть, и за исключеніемъ сочиненій Михайловскаго - Данилевскаго, Лукьяновича о кампаніи 1828—1829 годовъ въ Турціи, въ библиотекѣ не было ни одного военнаго изданія, считая въ томъ числѣ и учебныя военные руководства, но зато она была наполнена всевозможными повѣстями и романами, особенно же бывшими тогда въ модѣ сочиненіями Дюма, Сю, Феваля и др. На иностранныхъ языкахъ не было ни одной книги. Всѣ офицеры зачитывались тогда, чуть не до сумасшествія «Вѣчнымъ жидомъ», «Монте-Кристо» и т. под., а изъ русскихъ произведеній, кроме Загоскина и Лажечникова, страшнѣйший фуроръ производилъ Лермонтовъ своимъ «Героемъ нашего времени», ибо рѣдкій изъ

офицеровъ не находилъ въ себѣ иѣкотораго сходства съ Печоринымъ или не желалъ бы подражать ему. Начинали также почитывать и Гоголя, но какъ-то иерѣшительно, цѣня его исключительно, какъ юмориста. Изъ стихотвореній читали того же Лермонтова, Пушкина, Грибоѣдова, Козлова, особенно Бенедиктова, стихи котораго: «Кудри дѣвы чародѣйки», и «Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи», Языкова вся моладежь знала наизусть; старики же напротивъ декламировали Давыдова: «Бурцевъ, ёра забіяка». Но къ чему была особенная страсть у тогдашнихъ офицеровъ, даже женатыхъ—это къ непозволительнымъ сочиненіямъ, какого бы то ни было содержанія, общаго или политическаго; почти у каждого была тетрадь непозволительныхъ стиховъ Боркова, Пушкина и пр., которые хранились, какъ драгоценность, и списывались другъ у друга; у болѣе же развитыхъ людей имѣлись тетрадки съ поэмами Рыльева и стихотвореніями, подобными извѣстному тогда «Спору Польши съ Россіей»: «Сбирайтесь, слуги и вассалы, на кроткій господина зовъ».

Ежегодно осенью, всѣ офицеры собирались въ библіотеку, подъ предсѣдательствомъ Чигири, чтобы рѣшить, какія книги выписать на будущій годъ. Обыкновенно сначала утверждался тотъ списокъ книгъ, которыя выбиралъ самъ Чигири, затѣмъ—назначали уже офицеры, останавливаясь почти всегда на романахъ и въ рѣдкихъ случаяхъ на сочиненіяхъ обѣ охотѣ. Таковъ былъ въ то время запасъ печатныхъ свѣдѣній, которыми мы могли пополнять свое образованіе изъ нашей библіотеки, но спасибо и за это; все же лучше было провести время за романами, чѣмъ въ пьянствѣ и карточной игрѣ, какъ это дѣлали многіе изъ старыхъ офицеровъ.

Въ Дворянскій клубъ хотя иѣкоторые изъ насъ и являлись, но только для того, чтобы смиренно постоять въ залѣ, ибо, какъ я уже говорилъ, съ нами мало кто танцевалъ; даже изъ офицеровъ, носившихъ другой мундиръ, всякий, какого бы онъ ни былъ чина, считалъ возможнымъ отворачиваться и смотрѣть на «гарнизонъ», какъ тогда звали линейные батальоны, чутъ не съ презрѣніемъ; одни только казаки и отчасти топографы не пренебрегали нами.

Въ продолженіе зимы были два или три бала у Обручева, и одинъ у нашего дивизіоннаго начальника, имѣвшаго тогда двухъ взрослыхъ дочерей-невѣстъ. Я ничего не зналъ о послѣднемъ балѣ, когда разъ вечеромъ принесли ко мнѣ изъ батальона книгу приказовъ и, просматривая ее, я прочиталъ: «поручику и прапорщику такимъ-то завтрашняго числа, въ 9 часовъ вечера, прибыть въ квартиру его превосходительства начальника дивизіи въ мундирахъ безъ шарфовъ». Недоумѣвая, что бы это значило, я только на другой день узналъ, что поименованные офицеры «назначаются» на балъ къ генералу Толмачеву, и то только

потому, что умѣютъ танцевать польку. По веснѣ и подполковникъ Чигирь далъ роскошный балъ, на которомъ присутствовало все начальство, не исключая Обручева; сюда тоже были назначены только тѣ офицеры, которые хорошо танцевали польку.

VI.

Перовскій и оренбургскія дамы.—Ксендзъ Зеленко.—Командировка въ Бугульму.—Сергіевскія воды.—Возвращеніе въ Оренбургъ.—Зима съ 1849 на 1850 годъ.

Упомянувъ выше обѣ оренбургскихъ балахъ, нельзя пройти молчаниемъ и тогдашняго дамскаго общества Оренбурга.

При предмѣстникѣ Обручева, Перовскомъ, человѣкѣ холостомъ, любившемъ хорошенькихъ женщинъ, для оренбургскихъ дамъ было открыто обширное поле интригъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ расположение красиваго корпуснаго командира. Чтобы извинить отчасти юристы дамъ за такія поползновенія, надо составить себѣ предварительное понятіе о томъ, какое значеніе имѣлъ тогда для Оренбургскаго края главный его начальникъ. Если въ настоящее время внутри Россіи генералъ-губернаторъ окруженнъ особымъ почетомъ, и блескомъ, пользуется большою властью надъ подчиненными и средствами привлекать ихъ къ себѣ, то что же слѣдуетъ сказать о главномъ начальнике, дѣйствовавшемъ на далекой окраинѣ въ старые годы, облеченному, по самой удаленности страны, чрезвычайною властью и имѣвшемъ въ безотчетномъ распоряженіи громадныя денежныя и материальные средства. Такой начальникъ, если только онъ хотѣлъ, могъ вполнѣ играть роль султана въ своей области. Достаточно было, не говорю почерка пера, но слова его, чтобы карьера подчиненного была сразу уничтожена, или наоборотъ довольно было простаго приказанія, прихоти, чтобы какому-нибудь лицу немедленно отпустилась изъ состоящихъ въ распоряженіи начальника средствъ болѣе или менѣе значительная сумма. А блестящіе балы Перовскаго, попасть на которые для людей, живущихъ въ захолустї, развѣ не было особымъ счастіемъ, а роскошные подарки, которые онъ со всему свѣтскою любезностью подносилъ дамамъ, пользовавшимся даже самыми незначительными его вниманіемъ, не составляли притягательной силы? Къ этому надо добавить казенные помѣщенія, дрова и сѣно, которыя онъ раздавалъ по произволу, и при томъ, напримѣръ, дрова за самую ничтожную цѣну, чтобъ при недостаткѣ хорошихъ квартиръ въ Оренбургѣ и дороговизнѣ тошлива играло значитель-

ную роль въ жизни служащихъ. Словомъ, отъ главнаго начальника, такъ сказать, зависѣла вся нравственная и материальная обстановка подчиненнаго.

Понятенъ будетъ послѣ этого и тотъ образъ жизни, который вело большинство хорошеныхъ дамъ высшаго оренбургскаго общества; онъ веселились до упаду на балахъ Перовскаго, дома жили привольно, благодаря его же милостямъ и въ силу этого и прекрасной его наружности только и хлопотали о томъ, чтобы сойтись съ нимъ поближе. Къ сожалѣнію, желающихъ было много, а избранныхъ мало, и потому многія удовлетворились тѣмъ, что отдали свои симпатіи кому-либо изъ близкихъ Перовскому лицу изъ той блестящей толпы свѣтской молодежи, которую привезъ онъ съ собою изъ Петербурга. Но разъ почувавшій свободу конь, какъ говорять, несется далѣе, такъ было и здѣсь ко времени приѣзда въ край Обручева: половина молодыхъ дамъ изъ высшаго круга была уже замѣшана въ разныx интригахъ.

Аскетъ по жизни, имѣя жену юную женщину, весьма сдержанную нѣмку, Обручевъ ужаснулся распущенности оренбургскаго общества, напоминавшей ему вѣроятно времена Людовика XV, и сразу захотѣлъ повернуть его на болѣе нравственную дорогу. Напрасно однако онъ устраивалъ свои вечера съ самою простою обстановкою, отличаясь особымъ вниманіемъ дамъ, пользовавшихся безукоризненной репутацией, и не пускалъ въ домъ тѣхъ, которыхъ слишкомъ явно вели интриги—ничто не помогало; напротивъ, давленіе его произвело какъ бы противное дѣйствие, и въ мое время большая часть молодыхъ замужнихъ женщинъ высшаго круга, имѣвшихъ хотя тѣнь красоты, вела довольно свободную жизнь.

Независимо отъ баловъ въ Оренбургѣ тогда изрѣдка устраивались благородные спектакли обществомъ бѣдныхъ, предсѣдательницей кото-раго состояла супруга генерала Обручева, и ближайшимъ ея помощни-комъ и распорядителемъ мѣстный ксендзъ Зеленко, личность въ своемъ родѣ весьма замѣчательная.

Ксендзъ Зеленко былъ сосланъ въ Оренбургъ за какія-то преступле-нія еще при Перовскомъ, но какъ послѣдній весьма снисходительно относился къ ссыльнымъ, то ксендзу не только вскорѣ позволили отправлять службу, но и сдѣлали дивизіоннымъ капелланомъ 22-й дивизіи. Воспитанникъ іезуитовъ, человѣкъ, одаренный большимъ умомъ, неимо-вѣрию терпѣливостью въ достижениіи своихъ цѣлей, заскакивавшій у всѣхъ и каждого, со всѣми ласковый и обходительный, Зеленко уже при Перовскомъ пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла края, прикрывая свои дѣйствія маской благотворительности и помощи всѣмъ людямъ безъ различія религіи и національности. Онъ съ утра до ночи разъѣзжалъ по городу на своей неизмѣнной рыжей лошадкѣ съ просьбами

за какое-нибудь лицо, и для оренбургского жителя показался бы тотъ день необыкновеннымъ, въ который онъ не увидѣлъ бы на улицѣ ксендза.

Вступивъ въ управление краемъ, Обручевъ отнесся ко всѣмъ сосланнѣмъ полякамъ весьма строго; послѣдовали разныя ограниченія ихъ свободной жизни, и казалось, такая же участіе ожидала и Зеленко, но хитрый ксендзъ восторжествовалъ и тутъ. Всѣмъ извѣстно, что жены главныхъ начальниковъ въ провинціи чрезвычайно любятъ братъ на себя, хотя бы не имѣли ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ,—роль попечительницъ бѣдныхъ того края, которымъ управляетъ мужъ; такъ было и здѣсь. Но супруга генерала Обручева слишкомъ высоко была поставлена, чтобы лазить по грязнымъ лачужкамъ и удостовѣряться въ бѣдности просителя, ея первы не выносили вида разныхъ страданій, которымъ преимущественно подвергается бѣдное человѣчество; наконецъ, она сама не могла производить лично всѣхъ выдачъ и собирать деньги, не знала, какъ вести счеты и пр., а потому на первыхъ же порахъ ей понадобился человѣкъ, который сумѣлъ бы все это сдѣлать и вмѣстѣ съ тѣмъ вселить въ бѣдныхъ городскихъ жителяхъ убѣжденіе, что ангеломъ-хранителемъ ихъ служить исключительно супруга главнаго начальника. Для подобныхъ условій подходящимъ лицомъ въ Оренбургѣ только и могъ быть одинъ Зеленко, пользовавшійся уже и прежде репутацией общаго благодѣтеля, и потому выборъ генеральши, конечно, остановился на немъ; она взяла его въ секретари по дѣламъ бѣдныхъ, сдѣлавъ въ то же время милостыне-раздавателемъ. И не такихъ людей, какъ супруга Обручева, Зеленко умѣлъ прибрать къ рукамъ, а здѣсь съ неопытной женщиной дѣло шло еще успѣшнѣе; пользуясь служебными сношеніями съ генеральшей, имѣвшей сильное влияніе на крикуну мужа, Зеленко вошелъ въ милость и къ послѣднему и такимъ образомъ получилъ возможность еще болѣе влиять на дѣла администраціи подъ покровомъ той же маски безкорыстного благодѣтеля человѣчества. Значеніе его дошло до того, что къ нему стали постоянно обращаться съ просьбами не только бѣдные или искашившіе мѣста чиновники, но даже военные и крестьяне. Такъ, я помню офицеры одной изъ казачьихъ батарей, стоявшей въ Бугурусланѣ или Стерлитамакѣ, побили кого-то изъ служащихъ тамъ и вообще устроили въ мѣстномъ клубѣ публичный скандалъ; они тотчасъ же обратились съ письмомъ къ Зеленко, прося замять эту исторію, и дѣйствительно дѣло кончилось пустяками. Но, работая для всѣхъ, ксендзъ не упускалъ изъ виду и главной своей цѣли—быть прежде всего добрымъ католикомъ и помогать своимъ. Его стараніями выстроенъ въ Оренбургѣ хорошенъкій костелъ съ особымъ домикомъ для священника, и по подпiskѣ заведенья прекрасный органъ; при его же участіи стали миловаться сосланные поляки

и понемногу втиратъся на разныя военные и гражданскія мѣста въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ.

Безобразный лицомъ до отвращенія, Зеленко тѣмъ не менѣе имѣлъ огромное вліяніе на женщины и если не соблазнялъ открыто перейти въ католичество, то несомнѣнно владѣлъ душою и помысломъ многихъ православныхъ своихъ почитательницъ. Такъ хозяйка его, вполнѣ русская женщина, вдова казачьяго офицера, у которой онъ жилъ лѣтъ 25 и дочь которой, вѣрнѣе свою, онъ же выдалъ замужъ за офицера изъ сосланныхъ поляковъ, боготворила своего постоянльца. Всѣмъ известна была также его дружба съ одною замужнею богатою барыней въ Илецкой Защитѣ, два сына которой воспитывались въ мѣстномъ кадетскомъ корпусѣ. Зеленко души не слышалъ въ этихъ мальчикахъ, и по странной игрѣ случая они имѣли разительное сходство съ ксендзомъ.

Когда холера такимъ образомъ дѣлала свое дѣло въ Оренбургѣ вымирая, жизнь губерніи вообще и Башкирии въ частности шла своею чередою, не обращая никакого вниманія на бѣдствіе, постигшее центральный пунктъ администраціи. Башкиры по-прежнему воровали лошадей, считая это вполнѣ законнымъ, таскали чужой лѣсъ, принимая его за свой. Какъ дѣти природы и свободы, они находили вполнѣ естественнымъ удрать изъ грязныхъ вонючихъ тюрьмъ въ родныя свои степи и за эти поступки точно также по-прежнему массами шли подъ военный судъ, нисколько не сознавая своей вины.

Завязанные грѣховодники аудиторишки, притихшіе было передъ страхомъ смерти, проводивъ теперь холеру, съ жадностью бросились вознаграждать потерянное время, и дѣятельность въ военно-судныхъ комиссіяхъ загорѣлась съ небывалою силой. Немедленно послѣдовало распоряженіе пополнить всѣ военно-судные комиссіи недостававшими въ нихъ членами, т. е. командировать туда строевыхъ офицеровъ. Въ Оренбургѣ выборъ начальства палъ на меня и товарища моего по корпусу—Бунина, и мы въ сентябрѣ мѣсяца—два совершенно неопытныхъ и въ жизни и въ службѣ юноши, отправились въ г. Бугульму, въ тамошнюю комиссію судить и наказывать бѣдныхъ башкиръ.

Пробывъ нѣсколько дней по дорогѣ въ Белебѣй, я поспѣшилъ по томъ въ Бугульму. Презусомъ комиссіи тогда былъ капитанъ изъ фельдфебелей Плюснинъ (его звѣль впослѣдствіи въ форте Казацкъ тигръ), старикъ до неимовѣрности ограниченный и едва умѣвшій подписать свою фамилію, воротилъ же всего дѣла состоять аудиторъ изъ писарей Северянинъ Тимофеевичъ Дубайловъ (впослѣдствіи оберъ-аудиторъ Оренбургскаго казачьяго войска), личность не глупая, но до такой степени искусная во взяткахъ, что не было, кажется, того оборванца-голыша башкира, съ котораго онъ не ухитрился бы взять хоть что-нибудь. Съ первыхъ же заѣданій мы съ Бунинимъ убѣдились, что

помочь правдѣ дѣла не можемъ и, скрѣпляя сенченціи, будемъ противу всякаго желанія прикрывать чужое мошенничество. Что же оставалось намъ дѣлать: проситься вонъ—нельзя, мы только лишь прибыли, донести начальству, но кто бы повѣрилъ тогда двумъ прaporщикамъ, да развѣ и подъ силу намъ было бороться съ правильно и твердо организованной шайкой мошенниковъ-аудиторовъ. На этомъ основаніи мы рѣшили до поры, до времени ходить въ комиссию только для подписи фамиліи и совершенно устранить себя отъ всякаго сближенія съ презумсіемъ и аудиторомъ, но и эти господа не дремали. Видя наше отчужденіе, они втихомолку донесли въ Оренбургъ, что мы службою не занимаемся, ведемъ себя неприлично и вообще не радивы, и только благодаря застушничеству нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ и родныхъ это представленіе не имѣло для насъ особо дурныхъ послѣствій, но за то подобная подлость еще болѣе укрѣпила во мнѣ мысль выбраться на другую дорогу въ службѣ.

Наступила весна 1849 года, въ воздухѣ запахло войною, и изъ нашихъ баталіоновъ послали нѣсколько офицеровъ для пополненія армейскихъ войскъ, а затѣмъ начали отправлять и безсрочно отпускныхъ ижинихъ чиновъ. Въ маѣ мѣсяца я заболѣлъ, и медикъ мнѣ посовѣтовалъ проситься на Сергіевскія минеральные воды, куда обыкновенно отправляли всѣхъ офицеровъ, страждущихъ золотухой и ревматизмомъ.

Въ Сергіевскъ я пріѣхалъ ночью, прямо въ госпиталь, но какъ тамъ все спало и некому было указать помѣщенія и свободной кровати, то я провелъ эту ночь въ приемной комнатѣ на лавкѣ; на другой же день меня помѣстили въ офицерскую палату, прописали питье сѣрной воды и приемъ утромъ и вечеромъ горячихъ ваннъ.

Мѣстность, окружающая минеральные источники, отличается замѣчательною живописностью, а тѣнистый паркъ, расположенный при р. Сургутѣ, служить прекраснымъ мѣстомъ для прогулокъ больныхъ, но за то источники до такой степени пропитаны сѣррою, что запахъ ея слышится верстъ за 12 отъ Сергіевска, не говоря уже о самомъ мѣстечкѣ. Въ палатѣ, въ которую меня положили, насъ оказалось шесть человѣкъ: два казачьихъ артиллериста, комиссаріатскій офицерь и два аудитора, неизвѣстно почему принимавшіе горячія ванны; остальные офицеры только числились въ госпиталѣ, а жили на вольныхъ квартирахъ.

Жизнь наша текла очень однообразно, не смотря на то, что на Сергіевскихъ водахъ проводили время не такъ, какъ теперь. Тогда была пора, боярская пора, когда крѣпостное право царило еще въ полной своей неприкосновенности и когда самый маленький помѣщикъ считалъ долгомъ сорить деньги безъ разбору. Ёздить въ то время за границу, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и затруднительности полу-

ченія паспорта, рѣшались немногіе, а потому помѣщики по преимуществу проводили лѣто на какихъ-либо ближайшихъ къ нимъ минеральныхъ водахъ. Въ этомъ отношеніи Сергіевскъ, лежащій не вдалекѣ отъ Волги, между губерніями Оренбургскою, Самарскою, Казанскою и Симбирской, гдѣ сосредоточивались крупные землевладѣльцы, представлялъ именно желанный пунктъ для нашего дворянства и наполнялся посѣтителями въ продолженіе курса до такой степени, что не оставалось ни одной свободной лачужки, не говоря уже о дачахъ. Независимо отъ сосѣднихъ жителей, сюда много стекалось больныхъ даже изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, напр. Нижнаго, Владимира и Москвы, а коммерческие дома высыпали постоянно на воды свои магазины, въ которыхъ съ особою бойкостью шла торговля дамскими модными вещами и нарядами. Богатые помѣщики ближайшихъ губерній пріѣзжали обыкновенно цѣлымъ дворомъ: за недѣлю или за двѣ до ихъ прибытія, являлась толпа прислуги, мебель, экипажи, и все это везлось на крестьянскихъ подводахъ, которые въ то же время доставляли фуражъ, масло, яйца и всякую другую потребность для жизни господь; многіе имѣли даже на водахъ собственныя дачи.

Для развлеченія публики кромѣ оркестра, игравшаго ежедневно утромъ и вечеромъ около минеральныхъ источниковъ, служилъ весьма хорошій по составу труппы театръ, еженедѣльные танцевальные вечера въ вокзалѣ, балы, задаваемые богатыми помѣщиками, и наконецъ пикники на такъ называемомъ Голубомъ озерѣ, замѣчательномъ глубиною и прозрачностью своей бирюзового цвѣта воды. Какъ водится, во время сезона шли здоровая попойка, проигрывались и приобрѣтались картами состоянія, мѣнялись на собакъ дѣвки, случались подчасъ скандалы, драки, но всего чаще здѣсь между молодежью завязывались тѣ узы, которыхъ послѣ сезона завершались бракомъ.

Я часто ходилъ на танцевальные вечера, куда съѣзжалась масса публики; живо тутъ возникали мимолетныя знакомства, весело и долго шли танцы; кромѣ того, мнѣ разъ удалось попасть и на большой частный балъ къ извѣстному тогда своимъ гостепріимствомъ богатому помѣщику и откупщику—Стобеусу. Возможно блестящая на водахъ обстановка бала и любезность хозяина доставили каждому изъ гостей много удовольствія, а для любителей выпивки это былъ сущій рай, ибо для нихъ была поставлена въ саду особая палатка, въ которой каждый могъ требовать сколько угодно всякаго вина и гдѣ весь вечеръ шампанское лилось рѣкою.

Во время пребыванія моего на водахъ туда пріѣзжалъ начальникъ Казанской комиссаріатской комиссіи, въ вѣдѣніи котораго состоялъ тогда Сергіевскій госпиталь; но его инспекція, при господствѣ въ то время взятки, нисколько не улучшила скучнаго нашего содержанія;

завернуль также и генералъ Обручевъ съ женою; онъ обошелъ палаты и казенные ванны, покричалъ вездѣ, какъ сльдуетъ, и затѣмъ, дни три еще гулялъ на водахъ въ казачьемъ мундирѣ на распашку, съ Владимирской лентою по бѣлому жилѣту. Главное же вниманіе водного общества сосредоточивалось совсѣмъ на другомъ. Телеграфовъ не было, и потому листки «Инвалида», сообщавшіе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Венгрии, съ жадностью читали вездѣ, такъ какъ, независимо отъ национального чувства, почти у каждого посѣтителя былъ въ арміи родной или знакомый. Всѣ восторгались тогда смѣлостью полковника Хрулева, критиковали дѣйствія Паскевича и славили Ридигера, при чемъ однако же большинство судей отличалось крайне плохо знаніемъ географіи и преспохойно считали Трансильванию, Молдавію и Валахію за Венгрию. Удивляться впрочемъ этому нечего; географію у настѣплохо знали и позже. Я хорошо помню, въ 1853 году, одного начальника дивизіи, который, получивъ отъ пріятеля письмо о движениіи Перовского въ Хиву, какъ называли многіе тогда походъ его на Сыръ-Дарью, и занятія имъ крѣпостцы Акъ-Мечети (нынѣ г. Перовскъ), на другой день сѣхавшимъ къ нему по случаю праздника гостямъ объявили о побѣдѣ русскаго оружія и, помня только, что мѣсто, куда пошелъ Перовский, носить короткое название, поздравилъ торжественно всѣхъ присутствовавшихъ со взятиемъ Уфы.

По возвращеніи изъ Сергиевска, я пробылъ въ Бугульмѣ до ноября мѣсяца и затѣмъ былъ переведенъ въ Оренбургъ. Въ этотъ годъ корпусный командиръ устроилъ линейнымъ батальонамъ и казакамъ маневры, форсировали переправу черезъ Ураль, атаковали уральскую рощу. Это, сколько знаю, была первая попытка въ такого рода занятіяхъ въ Оренбургскомъ корпусѣ, и войска были очень благодарны за нее генералу Обручеву. Здѣсь кстати замѣтить, что у тогдашняго нашего начальства былъ крайне своеобразный взглядъ на образованіе войскъ, особенно офицеровъ, отъ которыхъ кромѣ изученія устава рѣшительно ничего не требовали и даже какъ будто боились, когда у нихъ являлось желаніе пополнить свои познанія. Такъ было со мною.

Природа, а потомъ болѣзнь въ корпусѣ надѣлили меня небогатымъ здоровьемъ, впалою грудью и слабостью ногъ, тѣмъ не менѣе я не пропускалъ ни одного ученія, зналъ уставъ и вообще исправно несъ службу и прекрасно вѣль себя. Чего бы, казалось, болѣе, но, къ сожалѣнію, вышло не такъ. Прослуживъ два года и заявивъ желаніе готовиться къ экзамену въ военную академію, я просилъ освободить меня отъ нѣкоторыхъ обязанностей службы, и этого было довольно, чтобы на меня возвѣглись гоненія. Старые офицеры начали сторониться, говоря мнѣ, какъ бы въ шутку: вы ученые, куда намъ съ вами тягаться, а баталіонный командиръ, подполковникъ Сварчевскій, при всякомъ случаѣ язвительно

смѣялся надо мною передъ фронтомъ. Такъ зимию занимаясь почти каждый день съ офицерами осьмиriadнымъ ученьемъ, салютовкой на церемониальномъ маршѣ, Сварчевскій требовалъ, чтобы при пальбѣ взводами въ командѣ офицеровъ непремѣнно слышна была гармонія, т. е. въ то время, когда оканчивается команда предъидущаго ввода, начиналась бы въ то чѣмъ ей послѣдующая, при салютовкѣ же на тихомъ шагу, чтобы колѣно вытягивалось въ струнку, а грудь колесомъ. Я не могъ исполнить ни того, ни другаго; по недостатку музыкального слуха, гармоніи, какую требовалъ баталіонный командиръ, не выходило; больныя же ноги и впалая грудь, при всѣхъ усиліяхъ, не могли быть выправлены, поэтому, каждый разъ, крича на меня, Сварчевскій съ усмѣшкой произносилъ: «Еще въ академію собирается, а ногу вытянуть не умѣть», или, обращаясь съ замѣчаніемъ къ кому-нибудь изъ старыхъ офицеровъ, говорилъ: «Мы, братъ, съ тобой, въ академію не идемъ, мы должны знать уставъ». Подобнаго же рода взглядъ на мое желаніе учиться высказало и высшее начальство, когда разъ я былъ дежурнымъ по баталіону на Пасху, въ тотъ день, когда въ казармы долженъ былъ прїѣхать корпусный командиръ. Собралось все начальство, явился Обручевъ, и я, какъ слѣдуетъ по уставу, отрапортовалъ ему, а начальникъ дивизіи назвалъ мою фамилію; корпусный командиръ, къ удивленію всѣхъ, стоялъ молча и суровыми глазами осматривалъ меня съ головы до ногъ. Второстепенные командиры, не зная, что дѣлать, переминались съ ноги на ногу, я растерялся; наконецъ, Обручевъ заговорилъ: «Хорошъ, очень хорошъ; развѣ такъ стоять, а гдѣ у тебя грудь? Это онъ собирается въ академію?», и на утвердительный мой отвѣтъ захохоталъ, повторяя: «хорошъ академикъ, очень хорошъ» и потомъ, обратясь къ начальству, добавилъ уже на ходу: «Прошу выучить мнѣ его». Досталось же тогда мнѣ бѣдному: распекъ меня начальникъ дивизіи, побрилъ бригадный и разругалъ баталіонный.

Зима прошла у насъ въ такихъ же занятіяхъ, какъ и въ минувшемъ году. Обращеніе баталіоннаго командира Сварчевскаго съ офицерами день ото дня становилось грубѣе и дерзче. Раздраженію его конечно не мало способствовало то обстоятельство, что онъ не сошелся съ начальникомъ дивизіи и самъ испытывалъ много непріятностей, доведшихъ его впослѣдствіи до сумасшествія. Общественные удовольствія шли тоже по-прежнему: избранная публика веселилась въ клубахъ, на балахъ у начальства и у себя на дому.

Изъ вѣнчанийъ обстоятельствъ, интересовавшихъ общество и вѣ сколько нарушившихъ его обыкновенную жизнь я могу указать только на четыре: во-первыхъ, благородные спектакли. Представленій состоялось вѣ сколько; ихъ дали послѣ Пасхи и, дѣйствующими лицами были

адъютанты, офицеры генерального штаба, инженеры и дамы высшаго круга. Изъ числа игравшихъ оказалось весьма много людей, способныхъ къ сценѣ и отличавшихся несомнѣннымъ талантомъ. Такъ въ драматическихъ роляхъ выдался болѣе другихъ адъютантъ Обручева, Габбе, а въ легкихъ опереткахъ родственница одного инженерного офицера ш-elle Винтеръ. Вообще спектакли были новинкою и принесли много удовольствія оренбургскому обществу, за что оно исключительно обязано супругѣ генерала Обручева, при содѣйствіи которой только и можно было устранить обыкновенные, въ провинції, пререканія дамъ при раздачѣ ролей; вторымъ былъ прїездъ зимой для наблюденія за наборомъ мѣстнаго землевладѣльца, флигель-адъютанта, Тимашева ¹⁾), котораго приглашали на всѣ балы съ цѣлью посмотретьъ, какъ танцуетъ онъ польку, а Обручевъ измучилъ до послѣдней степени, возя его по всѣмъ заведеніямъ и карауламъ, чтобы показать существующіе у него порядки; третьимъ были дѣйствія и работы на Аральскомъ морѣ и Сырь-Дарьѣ морскихъ офицеровъ, капитанъ-лейтенанта Краббе ²⁾ и лейтенанта Бутакова. Молодой, образованный А. И. Бутаковъ много положилъ труда и здоровья на изслѣдованіе Аральского моря и образованіе Аральской флотилии; Краббе же ухаживалъ за барынями, рыскалъ верхомъ и прїезжалъ единственно для получения награды; и въ 4-хъ, привозъ въ Оренбургъ, служившій тогда однимъ изъ главныхъ мѣсть ссылки, малороссийскаго поэта Шевченко. Съ послѣднимъ мнѣ удалось познакомиться, хотя, къ сожалѣнію, не на долго, ибо Обручевъ, найдя пребываніе его въ Оренбургѣ почему-то не безопаснымъ, отправилъ Шевченко въ заброшенный въ пустыню Александровскій фортъ, куда даже офицеровъ посыпали въ видѣ особаго наказанія.

Сообщ. Н. Н. Длусская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Впослѣдствіи управлявшій морскимъ министерствомъ.

П. А. Валуевъ о Петре Великомъ.

Въ 1864 г. въ газетѣ «День» (№ 2 и 3; 11-го и 18-го января) была напечатана статья И. Бѣляева Русское Общество при Петре Великомъ, въ которой рѣзко порицались образъ жизни и преобразовательная дѣятельность Петра Великаго. Вслѣдъ за тѣмъ, газета «Вѣсті» (№ 6, 9-го февраля) помѣстила у себя статью М. М. Новости «Дня», въ которой старалась выяснить заслуги Петра для Россіи.

П. А. Валуевъ считалъ нужнымъ, чтобы въ «Сѣверной Почтѣ» была помѣщена статья, въ которой бы опровергалось мнѣніе «Дня» и развивались мысли «Вѣсті» и, очевидно, по поводу проекта такой статьи написалъ А. Г. Тройницкому помѣщаемое вслѣдъ за симъ письмо. Въ «Сѣверной Почтѣ» мы не нашли указываемой статьи, а письмами А. Г. Тройницкаго къ П. А. Валуеву мы не располагаемъ, и потому намъ остается неизвѣстнымъ, кѣмъ написана была статья, вызвавшая письмо П. А. Валуева.

Письмо П. А. Валуева къ А. Г. Тройницкому.

10-го марта 1864 г.

По моему мнѣнію, статья написана хорошо, но не дописана и не доработана. Не дописана,—потому что не развита главная, мною указанная мысль, что Petri gratia sumus quod sumus et ut sumus. Это сказано, но не развито.—Напримѣръ, нѣть ни слова о томъ, что Петръ вывелъ женщинъ изъ теремовъ и тѣмъ создалъ у насъ семью и ввелъ насъ въ христіанскій европейскій міръ.—Пушкинъ сказалъ, что Петръ Великій на берегахъ Невы «прорубилъ окно въ Европу».—Настоящее окно прорублено въ теремахъ. Вся цивилизація не мыслима безъ женскаго элемента; вся гражданственность не возможна безъ материинскаго элемента.—Далѣе нѣть взгляда не нынѣшній составъ Россіи, на ея историческое призваніе аггломерації элементовъ чуждыхъ (sine qua non терроріальна величія),—и на невозможность исполненія этого призванія безъ сближенія съ Европою.—Нѣть сравненія (и патетичнаго) судебъ нашихъ съ тѣми судьбами, которыя постигли бы насъ, когда бы не было Петра.—Нѣть указанія на явно провиденціальное значеніе Петра въ нашей исторіи, и т. п.

Недоработана,—потому что мало рельефностей, которыхъ при подобномъ тезисѣ не трудны, нѣть point d'orgue въ концѣ, хотя явно неудобно кончить подобную статью выпискою; даже не выставлены guillemetts съ боку, чтобы яснѣе обозначить, что взято изъ «Вѣсті».

Передаю на судъ вашъ опытъ вставки во 2-й alinѣа. Весь вашъ Валуевъ.

Сообщ. Г. А. Тройницкій.

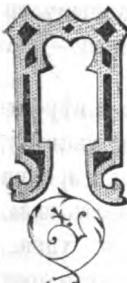
ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминанія офицера генерального штаба.

Затишье.

III ^{1).}

Отдыхъ въ Бухарестѣ.—Болѣань.—Доктора.—Госпиталь Бранковань.—Ушаковъ и Савиновъ.—О наградахъ.—Баронъ Стуартъ.—Князь Горчаковъ.—Баронъ Фредерикъ.—Разговоръ съ экс-сенаторомъ.

ервое время пребыванія моего въ Бухарестѣ я, въ полномъ смыслѣ слова, отыхалъ оть трудовъ и утомленія войны ²⁾. Тутъ я понялъ вполнѣ значеніе словъ: «что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ», въ томъ смыслѣ, что, не вкусивши горькаго, не познаешь сладкое.

Что кажется важнаго и необычайнаго въ томъ, чтобы каждый вечеръ, ложась спать, раздѣться и лечь въ чистыя простыни? Что за особенное наслажденіе, вставши утромъ и хорошо помывшись, вытереть досуха руки, напиться не торопясь кофе, потомъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль, 1903 г.

²⁾ Въ 1883 году, находясь на службѣ въ Вильнѣ, начальникомъ штаба 2-го армейского корпуса, меня постигла жестокая болѣзнь, послѣдствіе контузій, длившаяся безъ малаго четыре года, изъ коихъ два года я провелъ въ Парижѣ, куда меня увезли буквально на рукахъ. Профессоръ Шарко, меня пользовавшій, опредѣлилъ происхожденіе болѣзни такъ: les contusions, les travaux et les fatigues de la guerre (контузіи, труды и утомленіе войны).—П. П.

позавтракать и пообѣдать какъ слѣдуетъ съ ножемъ, вилкой, салфеткой, начать съ супа и кончить сладкимъ блюдомъ, да еще потомъ выпить кофе и въ добавохъ ко всему никуда не торопиться, не бѣжать, не скакать? А между тѣмъ давно лишенный всѣхъ этихъ прелестей, всегда впроголодь, съ массой дѣла на рукахъ, дѣла, котораго, кажется, никогда не передѣлаешь, съ спонами и буркой вмѣсто теплой и чистой постели, я, въ Бухарестѣ, съ невыразимымъ наслажденіемъ пользовался всѣми прелестями комфорта, вплоть до чистой салфетки за столомъ.

Но тутъ, среди этихъ удобствъ и наслажденій, очень скоро появилось то, что называется *la détente des nerfs*, о значеніи котораго много говорилъ мнѣ тотъ же профессоръ Шарко. Кругой переходъ отъ крайне напряженной мозговой дѣятельности и физической работы на воздухѣ, отъ постояннаго возбужденія всей нервной системы—къ теплой комнатѣ, къ полному бездѣйствію и покою, казавшимся мнѣ верхомъ благополучія, весьма скоро отразился на моемъ здоровыи. Появилась прежде всего лихорадка, сначала маленькая и только по временамъ, потомъ все чаще и сильнѣе, затѣмъ появились боли: то тутъ, то тамъ, что-то даетъ себя чувствовать, ломить и наконецъ вмѣсто ожидаемаго отдыха и возстановленія израсходованныхъ силъ, явилось, при полномъ физическомъ покоѣ—общее утомленіе. Увеличивавшееся, весьма быстро прогрессируя, недомоганіе заставило вспомнить о врачебной наукѣ, и я рѣшился обратиться къ кому-нибудь изъ румынскихъ докторовъ, знакомыхъ съ местными условіями и заболѣваніями. Мнѣ рекомендовали румынскую знаменитость доктора Каландеро, который былъ, кажется, главнымъ врачомъ всей румынской арміи и лучшаго Бухарестскаго госпитала—Брайкованъ.

Докторъ Каландеро оказался очень любезнымъ человѣкомъ и вѣроятно весьма опытнымъ врачомъ. Прослушавъ мой разсказъ и постукавъ гдѣ слѣдовало, онъ прямо спросилъ меня, есть ли у меня достаточно времени, чтобы лѣчиться; я отвѣтилъ, что нѣтъ, что меня могутъ вызвать назадъ въ армію ежедневно. Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Каландеро—хина. Я поинтересовался узнать, что слѣдовало бы принимать, располагая достаточнымъ временемъ? Оказалось—мышьякъ, но на это надо было не менѣе 3—4 недѣль для постепенного увеличиванія пріемомъ и затѣмъ послѣдовательного уменьшенія ихъ. Остановились на хинѣ. Никогда не тяготясь лѣкарствами, я свободно глоталъ Каландеровскую хину, но сдѣлалъ большую ошибку: жилъ по-прежнему, безъ всякаго режима. Естественно, что такое иелегальное соединеніе, какъ хина и жизнь, ни къ чему хорошему не привели. Кто-то изъ знакомыхъ румынъ посовѣтовалъ бросить Каландеро, говоря, что онъ уже устарѣлъ, и направилъ меня къ восходящей медицинской звѣздѣ Бухареста, доктору Поповичу.

Поповичъ очень внимательно меня осмотрѣлъ, нашелъ, что его коллега

не вполнѣ усвоилъ себѣ состояніе моего организма и моего недомоганія, и прописалъ ту же хину, только въ другомъ соединеніи. Cela passera, cela passera; ил реи de geros et tout sera dit¹⁾.

Воспользовавшись моимъ знакомствомъ съ Каландеро, посѣтилъ я Бранкованскій госпиталь, имъ управляемый, въ которомъ нѣсколько палатъ было устроено нашимъ раненымъ. Мнѣ говорили, что тамъ лежитъ мой корпусный товарищъ и большой приятель, полковникъ Петръ Александровичъ Ушаковъ, лейбъ-драгунъ, при объявлѣніи войны перешедшій въ Вознесенскій уланскій полкъ. Я нашелъ Ушакова въ весьма удрученномъ состояніи. Умница, замѣчательно способный, кончившій по I-му разряду инженерную академію и только изъ каприза, получивъ на экзаменѣ въ академіи генерального штаба изъ какого-то предмета 11, а не 12—вышедшій изъ оной, не окончивъ курса, отличный кавалеристъ и симпатичнѣйший человѣкъ, Ушаковъ былъ сильно раненъ въ Рущукскомъ отрядѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 29-го юня 4-й эскадронъ Вознесенскаго уланскаго полка, подъ его начальствомъ, былъ высланъ изъ д. Сидикой черезъ д. Каракасанъ-кій для рекогносцировки дороги въ д. Церковну. У д. Чайиркій онъ увидѣлъ турецкій транспортъ и тотчасъ атаковалъ его прикрытие, укрывшееся подъ защиту повозокъ. Однимъ изъ первыхъ былъ сильно раненъ Ушаковъ, и вслѣдъ за нимъ быль убитъ другой офицеръ эскадрона, молодой и отличный штабсъ-ротмистръ Литвиновъ, мой ученикъ въ учебномъ кавалерійскомъ эскадронѣ, теперешняя офицерская кавалерійская школа. Эскадронъ отошелъ назадъ, Ушаковъ съ двумя оставшимися при немъ уланами былъ отрѣзанъ отъ своихъ, а затѣмъ сбился съ дороги. Командиръ полка, полковникъ Коровиченко, узнавъ о бѣдѣ, постигшей 4-й эскадронъ, пошелъ на выручку съ тремя эскадронами, произвелъ нѣсколько атакъ на транспортъ, но успѣха не имѣлъ и Ушакова не отыскалъ. Уже поздно ночью присоединился Ушаковъ съ сопровождавшими его уланами къ отряду. Благодаря особынному счастію, не были они замѣчены турками въ лѣсу въ то время, когда, блюжая болѣе 10-ти часовъ, отыскивали дорогу. Уланы, рядовые Франчакъ и Тотулай, не покинули Ушакова, а находились при немъ безотлучно, не смотря на то, что онъ, считая плѣнъ или гибель неизбѣжными, настойчиво уговаривалъ ихъ бросить его и спасаться. Трудно, конечно, описать все, что пережили они въ лѣсу, куда доносились крики турокъ, гдѣ они могли быть ежеминутно открыты; къ довершенію ужаса этого положенія присоединилась еще жажда и тяжкая рана, полученная Ушаковымъ. Шуля прошлась вдоль руки отъ кисти до локтя, исковеркавъ на своемъ пути кость и раздробивъ поверхность ея на мелкие куски и осколки. Эти осколки, по мѣрѣ отдѣленія ихъ отъ главной кости,

¹⁾ Пройдеть, пройдеть; немногого покоя, и все кончится.

производили постоянное нагноение, то тамъ, то тутъ, и подвергали несчастного Ушакова постоянными операциями и разрывами нарызовъ, при чемъ часто вынимались еле уловимые микроскопические кусочки и никогда нельзя было знать, что это конецъ или будетъ еще. Можно себѣ представить, какъ дѣйствовали на организмъ и на душевное состояніе раненаго эти нескончаемые разрывы и дезинфекцированіе, эта постоянная пытка. И все-таки человѣкъ живетъ надеждой; надѣясь, что выйдетъ же когда-нибудь послѣдняя косточка, Ушаковъ не соглашался на ампутацію руки. Конечно, на это рѣшеніе вліяло предположеніе докторовъ, что когда кончится отдѣленіе костей и прекратятся постоянные нарызы, то, при пособіи медицины, начнется наростаніе не кости, конечно, а мозоли и будетъ все-таки рука; ампутація же кончить все сразу. Ушакову было всего 34 года, онъ имѣлъ хорошія средства, жизнь еще, казалось, предстояла большая.... и онъ ждалъ исцѣленія. Ничто не помогло; промучившись года полтора, безуспѣшно отыскивая средства заглушить страданія, онъ, полный силъ, жажды жизни — калѣка съ постоянными, несносными болями, въ припадкѣ отчаянія, покончилъ съ собой въ декабрѣ 1878 года въ Петербургѣ.

Какъ уже сказано выше, я засталъ Ушакова въ мрачномъ настроении и страдающимъ. Но, не смотря на всю тяжесть своего положенія, Ушаковъ горчился тогда очень тѣмъ, что уже наступалъ сентябрь, а онъ не получилъ еще обѣщанной награды.

По поводу поздняго полученія награды въ послѣднюю войну нашу съ турками, о чемъ я говорилъ уже раньше ¹⁾ и что вызывало большое неудовольствіе и даже ропотъ офицеровъ и солдатъ, не могу не привести здѣсь интересное сопоставленіе. Въ отечественную войну, 1812 года, награды, даже малымъ оберъ-офицерскимъ чинамъ, выходили очень быстро: черезъ четыре и даже три недѣли послѣ совершенія отличія, а между тѣмъ въ то время рабочія силы военныхъ канцелярій были гораздо слабѣе, не было скоропечатныхъ машинъ, гектографовъ, копировальныхъ прессовъ, даже стальныхъ перьевъ не было, не говорю уже о желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ. Въ послѣднюю войну нашу съ турками полученіе награды черезъ 6—8 мѣсяцевъ по совершеніи отличія лицами, гораздо выше поручика и штабсъ-капитана, было явленіемъ зауряднымъ, не смотря на весьма малый разстоянія отъ мѣстъ сраженій до главной квартиры ²⁾.

¹⁾ Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ. Стр. 443.

²⁾ „Русскій Инвалидъ“. 1903 г. № 25. Къ материаламъ по истории русского генерального штаба. П. Паренсовъ.

Въ томъ же госпиталѣ, но въ другой палатѣ, лежалъ сильно раненый подъ Ловчей, кажется, на вылетъ въ грудь, съ поврежденіемъ легкихъ, офицеръ гвардейской конной артиллеріи Саввиновъ, прибывшій на войну въ конвой его величества и отличившійся еще при взятіи Тырнова отрядомъ генерала Гурко. Саввиновъ очевидно умиралъ, цвѣть лица его былъ изжелта-блѣдный, не той блѣдностью, которую я подмѣтилъ у Рядинскихъ, Нагловскаго и Добровольскаго, людей здоровыхъ, а нормальной (если можно такъ выразиться), болѣзнейной блѣдностью уходящаго человѣка. Не смотря на ясные, очевидные признаки надвинувшагося и близко стоящаго конца, молодой, здороваго сложенія и красивый Саввиновъ, такъ же, какъ и Ушаковъ, хотѣлъ жить, нервничаль и сердился на окружающую обстановку, бранилъ госпиталь, хотя госпиталь былъ идеальной чистоты и въ отличномъ порядкѣ, банилъ докторовъ, не умѣющихъ, по его словамъ, лѣчить, хотя доктора были русскіе и изъ лучшихъ, и все повторялъ раздраженнымъ голосомъ: «Поскорѣй бы отсюда—въ Россію, домой. Тамъ быстро поправлюсь». Но онъ не поправился и умеръ.

Встрѣтился я въ Бухарестѣ и съ прежними знакомыми. Милѣйший баронъ Стуартъ былъ опять въ большихъ хлопотахъ, но уже другого свойства. Высшая политика (*la haute politique*) отъ него отошла, такъ какъ въ Бухарестѣ на лицо была наша высшая дипломатическая сила, самъ канцлеръ, а за Дунаемъ были Гамбургеръ и Нелидовъ, но взамѣнъ политическихъ передрягъ у него были домашнія заботы, весьма хлопотливыя и барона сильно беспокоившія: въ его домѣ жилъ канцлеръ князь Горчаковъ съ безотлучнымъ его спутникомъ, состоявшимъ при немъ барономъ Фредериксомъ. Стуартъ и Фредериксъ весьма тяготились постояннымъ лицезрѣніемъ князя, требовавшаго неуклоннаго ихъ присутствія, въ особенности послѣдняго. Отъ нечего дѣлать, князь по вечерамъ усердно посѣщалъ многочисленныя маленькие театрики въ увеселительныхъ садахъ столицы Румыніи—Бухареста, этого *petit Paris*. Баронъ Стуартъ, хорошо знавшій Бухарестъ и его жителей, обязанъ былъ сопровождать князя въ этихъ экскурсіяхъ въ качествѣ свѣдущаго человѣка, но все же иногда ускользалъ отъ этой обязанности, а бѣдный Фредериксъ долженъ былъ находиться безотлучно, сердился и повторялъ, пожимая плечами: «*c'est un mariage impossible!*» Князь Горчаковъ былъ замѣчательно находчивъ, остроуменъ и своими рассказами, а въ особенности острыми и быстрыми *reparties* приводилъ въ восторгъ румынъ и румынскихъ дамъ.

Встрѣчалъ я также много старыхъ знакомыхъ-румынъ; всѣ они тогда относились ко мнѣ очень любезно; о послѣдовавшей по Саит-Стенфансому миру урѣзкѣ части Бессарабіи, отошедшей отъ Румыніи и возвращенной Россіи, тогда еще рѣчи не было: не было сдѣлано еще

этого sacrilège, offense à la nation, offense au droit, noire ingratitudo¹⁾ и отношения съ румынскимъ обществомъ были превосходныя. Но, конечно, характеръ интеллигентіи остался прежній. На углу улицы Подъ-Могоши, у самаго Hôtel Boulevard повстрѣчался я какъ-то съ однимъ знакомымъ мнѣ ex-Sénateur, или ex-ministre, фамилію которого точно не помню, но, конечно, съ неизбѣжнымъ окончаніемъ на «яно», «ано» или «ско»²⁾. Надо замѣтить, что вообще въ южныхъ балканскихъ государствахъ, а также и въ Румыніи, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ правительства и представителей націи въ палатахъ и сенатѣ (гдѣ таковой есть), а также вслѣдствіе присущаго маленькимъ народамъ большаго тщеславія, можно встрѣтить массу лицъ не у дѣль, но чѣмъ-то прежде бывшихъ, и вотъ является большое количество эксъ-депутатовъ, эксъ-сенаторовъ и эксъ-министровъ. Это эксъ-званіе непремѣнно пропечатывается на визитной карточкѣ, а въ разговорѣ, желая снискать расположение или выказать особую пріятно-щекочущую любезность, слово эксъ надо выпустить, и при томъ такъ, нечаянно, какъ будто для краткости; бывшимъ министру, посланнику или сенатору крайне пріятно, если, забывая его настояще ненахожденіе у дѣла, какъ бы игнорируя эту ошибку всегда несправедливаго, измѣнячиваго правительства, къ нему обратятся, титуляя excellence, отдавая такимъ образомъ должную дань его дѣйствительнаго превосходства и стойности, въ даниое время неоцѣненныхъ неблагодарнымъ отечествомъ; такая дань, признаніе дѣйствительной стойности и заслугъ встрѣчена будетъ съ тайнымъ восторгомъ, соединеннымъ съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ выраженіемъ тайной надежды на будущія, лучшія времена, какъ бы желая сказать: «cela passera, ces mauvais temps. Notre tour viendra, nous reviendrons...»

Вотъ такого-то эксъ не у дѣль изъ консерваторовъ-аристократовъ, бѣлыхъ, такъ какъ у власти стояли тогда либералы—красные, я и повстрѣчалъ; очень любезно разговорились—конечно о войнѣ, погоревали о прошломъ, заглянули немножко въ будущее и когда я высказалъ въ общихъ моихъ взглядахъ нѣкоторую долю пессимизма, столь понятного и извинительного послѣ всѣхъ «ужасныхъ дней», мой собесѣдникъ съ неподражаемымъ аплюсомъ, увѣренностью въ правотѣ своего воззрѣнія, добродушно-снисходительно, но ужасно для меня обидно-покровительственно, положивъ мнѣ руку на плечо, сказалъ: «mais allons donc, nous sommes avec vous»...

¹⁾ Святотатство, оскорблениe націи, оскорблениe права, черной неблагодарности (за услугу и содѣйствіе подъ Плевной). П. П.

²⁾ Большинство румынскихъ фамилій кончаются на „яно“ и „ано“, какъ напр. Братіано, Фалькоано, Когальничано, Сланичано, или на „ско“, какъ—Флореско, Вокареско, Бибеско, Солеско и т. д.

Въ былое время, особенно до войны, я навѣрное раскипятился бы, весьма вѣроятно отвѣтилъ бы съ горячностью, можетъ быть даже рѣзко оборвалъ бы нахала, но тутъ я ничего такого не сдѣлалъ. Думаю, что это иное отношеніе происходило вслѣдствіе всего со мной въ посѣдніе время происшедшаго,—и путешествія, подъ охраной заптій, на улицахъ Рущука, и несчастной для меня Грозульской исторіи ¹⁾), незабываемыхъ Зеленыхъ горъ и всѣхъ трудныхъ положеній и «ужасныхъ дней»; думаю, что тутъ совершился уже во мнѣ, незримо для меня, но ощутительно во вѣшнихъ проявленіяхъ, тотъ нравственный переломъ, который является у человѣка при окончательномъ переходѣ въ зрѣлость, наступающую не вслѣдствіе вступленія въ извѣстные годы, по счету лѣть отъ роду, а вслѣдствіе пройденнаго жизненнаго пути, вслѣдствіе пережитаго.

Я сказалъ, что этотъ переломъ уже совершился, но еще не совершился вполнѣ; много еще предстояло впереди такого, чтобы онъ совершился совсѣмъ. Предстояло еще быть сильно контуженнымъ, больнымъ,ѣхать назадъ отъ Органіе до Богона въ теченіе многихъ дней, въ особой повозкѣ для раненыхъ, изобрѣтенной графомъ Сологубомъ, лежа на спинѣ, почти безъ возможности двигаться;ѣхать назадъ, когда всѣ шли впередъ и при томъ шли не къ пораженію, а къ побѣдѣ и славѣ; предстояло еще въ освобожденной Болгаріи лѣзть изъ кожи и бороться за русскіе и славянскіе интересы, защищая ихъ отъ вожделѣній близайшаго къ намъ Запада, потерпѣть на этомъ поприщѣ полное личное фіаско, вернуться домой опальными, заподозрѣнными, страшно даже вымолвить,—въ революціонномъ и соціалистическомъ направлениі и только черезъ шесть лѣть послѣ этого кризиса получить утѣшеніе, видя, что мои взгляды на положеніе Болгаріи при первомъ ея князѣ, повлекшіе за собой вначалѣ, какъ я уже сказалъ, полное мое личное крушеніе, въ концѣ концовъ восторжествовали, получивъ одобреніе съ высоты престола великаго императора Александра III, повернувшаго въ 1886 году нашу политику въ Болгаріи именно на тотъ путь, который я дерзаль указывать въ 1879—1880 году.

Все это и многое другое пришлось еще пройти, чтобы дойти, наконецъ, до того умиротвореннаго состоянія, при которомъ, не смотря на появляющіеся иногда и теперь пасмурные дни, обрѣтается сила искать и находить, посреди кажущагося непрогляднаго мрака—свѣтлый лучъ надежды въ торжество милости, добра и правды, тотъ лучъ, который умѣряетъ тревогу жизни и не даетъ изсякнуть ни вѣрѣ, ни мужеству.

Экс-сенаторъ меня колънуль, и болно колънуль; болно потому, что я-то вѣдь зналъ, что мы «убѣдительно» просили ихъ перейти

¹⁾) Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ Гл. VII, VIII и XIV.

Дунай и помочь намъ подъ Плевной, а главное—зналь, что онъ, этотъ хвастливый сановникъ, тоже все это знаетъ¹⁾ и знаетъ также, что мнѣ это извѣстно, а потому и бахвалится; но когда прошло первое болевое ощущеніе этого укола, я только посмотрѣлъ на высокаго, упитаннаго, наряднаго собесѣдника моего и вичего не отвѣтилъ: мнѣ стало жалко человѣка въ его напыщенномъ и ходульномъ ничтожествѣ.

IV.

М. Д. Скобелевъ и А. Н. Куропаткинъ въ Бухарестѣ.—Торжественное прибытіе военныхъ трофеевъ въ Бухарестъ.—Тылъ арміи.—Генералы Дрентельнъ и Черкесовъ.

Одновременно со мной въ Бухарестѣ проживали М. Д. Скобелевъ и А. Н. Куропаткинъ, помѣстившіеся въ Hôtel Broft. Заходя къ нимъ я не помню, чтобы засталъ Алексѣя Николаевича не за работой; какъ теперь вижу, идя по коридору, нальво, довольно просторная комната, между окнами столъ, и спиной ко входу сидить хозяинъ этого помѣщенія, всегда пишущій, а кругомъ масса бумагъ, испещренныхъ всевозможными почерками и графами. Уже тогда собирались имъ и приводились въ порядокъ материалы для будущей книги: «Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева. Ловча и Плевна». Скобелевъ жилъ въ томъ же коридорѣ напротивъ, занимая, конечно, большее помѣщеніе. Одно время онъ сильно прихворнуль. Онъ былъ назначенъ начальникомъ 16-й пѣхотной дивизіи, въ составъ которой входили прославившіеся подъ его начальствомъ полки: Владимірскій и Сузdal'скій на Зеленыхъ горахъ, Казанскій подъ Ловчей и доблестный Углицкій полкъ, такъ сильно пострадавшій въ бесплодныхъ попыткахъ нашего центра, направленныхъ на Омаръ-бей-табію.

Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Бухарестѣ, Михаиль Дмитріевичъ былъ, между прочимъ, занятъ организацией будущаго обѣденного стола для себя, своего штаба, ординарцевъ и служебныхъ гостей. Онъ купилъ великолѣпный фургонъ съ лошадьми, въ которомъ предстояло возить кухню, посуду и провизію. Однажды вечеромъ, показывая мнѣ этотъ шикарный фургонъ, стоявшій на дворѣ гостиницы Брофтъ, Скобелевъ хотѣлъ представить мнѣ свое приобрѣтеніе въ совершенно законченномъ видѣ и послалъ за лошадьми, находившимися на другомъ

¹⁾ Румыны опубликовали нашу секретную телеграмму, въ которой изложена была эта просьба.

П. П.

дворѣ; я упрашивалъ его не беспокоить себя, вѣря его словамъ, что и лошади и сбруя хороши, но когда Скобелевъ что-нибудь задумалъ, то оно должно было быть исполнено. Зажгли фонари, какие-то факелы, привели лошадей въ румынскихъ плаяхъ съ бубенчиками и запрягли. Но покуда бѣгали за лошадьми и запрягали ихъ, непосѣда Скобелевъ уже соскучился ожиданіемъ и какъ только запряжка была кончена—ушелъ. За все это онъ заплатилъ, конечно, бѣшеные деньги, но за то его штабъ могъ быть спокойнымъ относительно желудка. Впослѣдствіи, на той же Рыжей горѣ у Брестоваца, я видѣлъ у Михаила Дмитріевича и обѣденный шатеръ, купленный, вѣроятно, тоже въ Бухарестѣ.

Вообще Скобелевъ относился весьма внимательно къ желудку войскъ; такъ, 29-го августа, по полученніи диспозиції генерала Зотова о штурмѣ 30-го августа, отдавъ въ свою очередь диспозицію по вновь сформированному его отряду, Скобелевъ дополнилъ ее приказомъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «начальникамъ частей озабочиться, чтобы къ 1 часу по полудни ¹⁾ всѣ войска получили обѣдъ, или, по крайней мѣрѣ, воду, сухари и по фунту варенаго мяса», и мы видѣли, что 30-го августа, передъ боемъ для овладѣнія третьимъ гребнемъ, сузальцы, въ десятомъ часу утра, Ѳли горячую кашу, которую угостили и меня ²⁾.

Въ Букарестѣ всѣ знали Скобелева; репутація бѣлаго генерала уже упрочилась, и появленіе его на улицахъ всегда замѣчалось.

Выше я сказалъ, что въ то время, до поднятія щекотливаго вопроса о Бессарабіи, румыны относились къ намъ очень любезно; мы платили имъ тѣмъ же. Какъ образецъ нашей изысканной любезности, приведу случай, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго былъ самъ Скобелевъ.

Послѣ взятія 30-го августа Гривицкаго редута государь императоръ подарилъ румынскій арміи два турецкихъ орудія, тамъ взятыхъ. Ихъ отправили въ Бухарестъ и быль назначенъ парадъ войскамъ для торжественнаго вступленія ихъ въ городъ. Улицы разукрасились флагами и гирляндами, погода стояла чудесная. Шествіе съ орудіями направилось мимо дворца, по улицѣ Подъ-Могошо: впереди орудійшли нѣсколько наиболѣе отличившихся румынскихъ солдатъ и съ ними маоръ Полеско, украшенный нашимъ Георгіемъ. Естественно, что смотрѣть на такое торжество вышелъ весь Бухарестъ; окна и балконы были наполнены зрителями и зрительницами, а толпы ликующаго и восторженного народа запрудили улицы, оставляя свободной только небольшую дорожку для торжественнаго шествія. Въ числѣ зрителей на

¹⁾ 30-го августа.

²⁾ «Русская Старина» 1902. Декабрь. «Ужасные дни». Гл. IV.

трутuarъ стоялъ и Скобелевъ. Увидѣвъ Попеско съ Георгіемъ, онъ быстро подошелъ къ нему, отрекомендовался, и шествіе на минуту пріостановилось. Скобелевъ, въ очень любезныхъ выраженіяхъ, по-французски, воздалъ похвалу доблестному поведенію Попеско и просилъ его сдѣлать ему, Скобелеву, честь помѣняться крестами. При остановкѣ шествія толпа придвигнулась къ орудіямъ, многіе ближайшіе слышали разговоръ и перевели остальнымъ, что у русскихъ военныхъ существует обычай братанія храбрыхъ, символомъ которого служить обмѣнъ крестомъ. Картина была очень красива; только высокій, видный Скобелевъ, какъ всегда одѣтый щегольски, подавлялъ своей мощной, блестящей фігурой маленькаго, черниавенькаго маіора Попеско. Хотя все это длилось не долго, но все же надо было время главнымъ дѣйствующимъ лицамъ снять кресты, обмѣняться ими и опять надѣть ихъ, такъ что ближайшіе зрители, а также тѣ, которые были въ окнахъ и на балконахъ, могли разсмотретьъ все происходящее. Громкіе аплодисменты и восторженные крики раздались въ многотысячной толпѣ, и Скобелевъ, бывшій генералъ, завоевалъ симпатіи румынъ, а Попеско, конечно, плавалъ въ блаженствѣ при такой очевидной оцѣнкѣ его подвига, да еще кѣмъ—самимъ Скобелевымъ и при томъ на глазахъ у всей столицы.

Въ то время въ Бухарестѣ мы играли роль, и весьма естественно, сами, съ свойственнымъ всѣмъ славянамъ, а намъ въ особенности, добродушіемъ, сердечно относились къ нашимъ *frères d'armes*. Тѣ изъ насъ, которымъ приходилось въ то время бывать въ румынскомъ обществѣ, въ румынскихъ салонахъ, не могли достаточно нахваливаться любезностью представителей этого общества; дамы были до крайности любезны. Но знайное южное солнце, вліяніе пальщихъ лучей кото-раго на мозги человѣка такъ мѣтко, талантливо и съ такимъ добродушнымъ юморомъ описано Альфонсомъ Доде въ его дивныхъ характеристикахъ обитателей города Тарасконъ¹⁾, и тутъ сыграло большую роль. Немного спустя послѣ оваций Скобелеву, примѣрно мѣсяца черезъ два, 5-го декабря 1877 года, при отѣздѣ нашего государя изъ арміи въ Россію, въ Яссахъ, на стѣнѣ станціи желѣзной дороги, ведущей въ Россію, была наклеена огромная лубочная картина, рисованная красками, на которой было изображено: стоять колѣнопреклоненный Османъ-паша и почтительно подаеть свою саблю князю Карлу, благосклонно ее принимающему. Подпись гласила: «Побѣдитель Плевны. 28-го ноября 1877 г.».

Насъ на этой картинѣ не было.

Такъ какъ на станціи, кромѣ румынской полиціи, были и наши же-

¹⁾ A. Dodet. Tartarin de Tarascon.

лѣзнодорожныя команды и жандармы, то картину успѣли сорвать за нѣсколько минутъ до проѣзда государя.

Извѣстно, что во всѣхъ воюющихъ арміяхъ тылъ—больное мѣсто. Едучи изъ Дуная въ Бухарестъ, я, проѣздомъ, видѣлъ часть его, но видѣлъ преимущественно часть санитарную, гдѣ работа кипѣла и большаго мѣста еще не было. Въ санитарной части я видѣлъ картины—по духу, аналогичныя съ тѣми, которыя я видѣлъ и въ бою. Основной тонъ этихъ картинъ: самоотверженіе и страданіе, страданіе раненыхъ и самоотверженное ихъ терпѣніе и покорность судьбѣ, самоотверженная работа докторовъ, санитаровъ, сестеръ милосердія и страданія ихъ, когда работа была не подъ силу, по количеству ея, или когда усилия ихъ и искусство не приводили къ счастливому исходу, когда изъ-подъ усталыхъ, окровавленныхъ рукъ ихъ уносили трупъ или калѣку. Но въ Бухарестѣ тылъ былъ другой. Въ санитарной части тылъ былъ страждущій, скорбный, а въ Бухарестѣ тылъ былъ пирующій¹⁾.

Въ канцеляріяхъ тыла, конечно, шла работа и большая; типъ нашихъ да и всесвѣтныхъ канцелярій перенесся, понятно, и сюда. Были олимпійцы, рѣшители вопросовъ всяческаго снабженія, властно принимавшіе доклады, полагавшіе резолюціи: «исполнить», «отказать», «доложить»; эти больше сидѣли по домамъ, въ хорошихъ квартирахъ. Были скромные труженики, сидѣвшіе не по домамъ, а въ «присутствіи», представлявшіе разныя соображенія и писавшіе доклады въ нѣсколько страницъ, на которыхъ потомъ властной рукой полагалась одна изъ вышеупомянутыхъ резолюцій; были просители, быль, конечно, и израиль. Очень много израиля,—пѣлый народъ. Но не въ канцеляріяхъ надо было видѣть тылъ—большой тылъ; чтобы его увидѣть, надо было пойти вечеромъ въ увеселительные сады, въ кафе-шантаны, а потомъ къ Брофту въ отдѣльные кабинеты.... Тамъ былъ настоящій тылъ и при томъ тылъ пирующій, ликующій.

Интересно было проімѣдить отношеніе войскъ къ тылу и обратно. Строевые войска относились къ тылу безусловно враждебно; конечно, многое было преувеличено; подъ влияніемъ напряженныхъ первовъ, многое въ этомъ отношеніи достигало до размѣровъ, не соотвѣтствовавшихъ истинѣ, но въ общемъ была несомнѣнная враждебность, и этому, конечно, много помогалъ вездѣсущій и царящій израиль, начиная съ его представителей, королей, и кончая мелкими агентами пресловутаго товарищества продовольствія, перевозокъ, транспортовъ и разныхъ поставокъ, подрядовъ, комиссіонерствъ, агентствъ, имъ же имя—легіонъ. Тылъ,

¹⁾ Говорю это вообще, помня, что нѣтъ правила безъ исключений.

въ свою очередь, конечно, въ лицѣ главныхъ єго заправиль, смотрѣть на строй съысока. Казалось, что они думаютъ: что въаша работа?.... вотъ посмотрите, что у насъ дѣлается, какова наша работа.... Вы вѣдь одно только и умѣете намъ предъявлять: «подай», да «пришли», а мы все это должны предусмотрѣть, подготовить, «подать» и «прислать». Что вы безъ насъ? Вы и воюете-то неважно, а кушать требуете.—Помилуйте, возражаетъ строй: а смерть, смерть ежечасная, ежеминутная?—Смерти, государь мой, никто не минуетъ; а вы вотъ, вы и безъ пуль смерть-то увидите, если мы не «предусмотримъ», да своевременно не «пришлемъ».

Выходило какъ будто и вѣрно; но на бѣду вспоминается садикъ, фонарики и гирлянды на жалтѣвшихъ уже деревьяхъ, столы, сильно и даже весьма сильно уставленные, и разухабистая шансонетка: «Voyez par-ci, voyez par-là».... а за рѣшеткой сада, опять—всевидящій, всевѣдущій,—услужливый израиль.

Какимъ гигантамъ на фонѣ этого низа стоять глава тыла, доблестный, безупречный Александръ Романовичъ Дрентельнъ! Всѣ знавшіе этого высокопочтенного человѣка, конечно, съ сердечнымъ чувствомъ уваженія скажутъ, его вспоминая: «миръ его праху»....

Упомянувъ обѣ А. Р. Дрентельнѣ, нельзя обойти молчаниемъ его ближайшаго сотрудника, почтеннѣйшаго генерала Черкесова, бывшаго у него начальникомъ штаба; но что могли они сдѣлать въ этой многотысячной, разнокалиберной арміи тыла, по существу дѣла своего связанныаго съ гешефтомъ!

П. Паренсовъ.

Письмо П. Пирлинга о Маринѣ.

И

нтересная статья г. Синюхаева «Марина и шахъ Аббасъ II», напечатанная въ апрѣльской книгѣ «Русской Старины», даетъ мнѣ поводъ къ обмѣну мыслей съ ея авторомъ и съ нашими общими читателями.

Г. Синюхавъ жалѣеть, что въ статьѣ «Марина Миншѣкъ послѣ майскаго погрома» («Русская Старина» февраль 1903), я не воспользовался «богатымъ материаломъ для біографіи и характеристики злополучной развѣнчанной царицы, помѣщеннымъ въ «Актахъ историческихъ» и въ «Памятникахъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей».

Какъ бы относительно ни было по своему существу понятіе о богатствѣ, однако же есть тѣмъ, что приведенные источники содержать «богатый» материалъ для жизнеописанія Маринѣ, согласиться никакъ нельзя. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прочесть статью г. Синюхаева. Тѣмъ не менѣе, при скучности извѣстій о Маринѣ, и этотъ материалъ имѣть важное значеніе, и упускать его изъ виду конечно не слѣдуетъ.

Вотъ почему въ III томѣ моего сочиненія *La Russie et le Saint Siège*, стр. 388, и есть ссылка на «Акты историческіе». Повторять ее въ февральской статьѣ, написанной преимущественно попольскимъ и испанскимъ источникамъ, казалось мнѣ излишнимъ. Ближайшую цѣлью было сообщить кое-что новое и мало извѣстное. Не вѣчно же возвращаться къ тѣмъ же самыми цитатамъ и утомлять читателей скучными повтореніями. Но если придерживаться «Актовъ историческихъ», то зачѣмъ не исчерпнуть все, что они содержать? Здѣсь до меня доходитъ очередь пожалѣеть, что г. Синюхавъ ссылается только на одинъ документъ «дополненій III-го тома» и не обращаетъ вниманія на восемь

документовъ самого III-го тома (стр. 23—30 № 23—30), хотя они относятся къ той же эпохѣ. Такой пропускъ остается для меня загадкой.

Что касается памятниковъ проф. Н. И. Веселовскаго, то я действительно ими не воспользовался, и здѣсь приношу повинную, благодаря г. Синюхаеву за указание, и при первомъ случаѣ пополню эту пропѣль. По правдѣ сказать, я кругомъ виноватъ, ибо имѣлъ «Памятники» въ моемъ распоряженіи. Только одно обстоятельство можетъ до нѣкоторой степени служить извиненіемъ. Именно «Памятники» изданы такъ, что въ нихъ трудно разобраться, и, при отсутствіи справочныхъ таблицъ, чтобы найти нѣсколько строкъ о Заруцкомъ и Маринѣ, надо прочесть II-й и III-й томы цѣликомъ.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на возведенные упреки, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторая замѣчанія.

Г. Синюхаевъ упоминаетъ о томъ, что Заруцкій издавалъ свои грамоты отъ имени «государя царя и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Руссіи, и отъ государыни царицы и великой княгини Маринѣ Юрьевны всея Руссіи, и отъ государя царевича и великаго князя Ивана Дмитріевича всея Руссіи». Изъ этого титула выводится «что Заруцкій принялъ на себя роль мужа Маринѣ, кѣмъ онъ и былъ *de facto* въ описываемый періодъ».

Признаюсь, что не вижу, какъ одно слѣдуетъ изъ другаго, принятіе роли мужа *de facto* изъ титула Дмитрія Ивановича. Всѣдѣ за испанскими источниками, которые здѣсь кажутся достовѣрными, я полагаю, что Заруцкій былъ мужемъ Маринѣ не только *de facto*, но и *de jure*. Но титулъ здѣсь ни при чемъ. Почему признавать Заруцкаго мужемъ только *de facto*, а не *de jure*, я не понимаю.

Далѣе говорится, что я затрудняюсь рѣшить, какова была участъ Маринѣ. Это совершеяно вѣрно. И врядъ ли найдется историкъ, который бы здѣсь не призадумался.

Г. Синюхаевъ утверждаетъ, что въ настоящее время «возможно категорически сказать», что Марина не была ни утоплена, ни сожжена живою.

На чѣмъ же основывается это категорическое утвержденіе?

Во-первыхъ, на молчаніи московскаго правительства. Въ отвѣтъ на запросъ шаха Аббаса II, оно заявило, что Заруцкій и Маринкинъ сынъ казнены, а о самой Маринѣ не обмолвилось ни полсловомъ. Доказательство чисто отрицательного свойства, изъ котораго, какъ мы все знаемъ, ничего нельзѧ вывести.

Во-вторыхъ, на сообщеніи русскихъ пословъ польскому правительству, что Марина умерла въ Коломнѣ «съ тоски по своей волѣ». Но такое сообщеніе невозможно принять безконтрольно, ибо скрывать казнь Маринѣ отъ поляковъ было выгодно для русскихъ.

Въ-третьихъ, на преданіи о башнѣ въ Коломенѣ, гдѣ умерла Марина. Здѣсь опять-таки простое преданіе, не изслѣдованное, на сколько мнѣ известно, и научно не обработанное.

Нѣть, съ такимъ фактамъ, какъ участіе Маринѣ, слѣдуетъ обходиться осторожно. Вѣдь московское правительство откровенно заявляло на счетъ Заруцкаго, Маринѣ и ея сына, что «въ животе ихъ воленъ Богъ, да государь: животъ ли имъ велить дати, или ихъ, по ихъ злымъ дѣломъ, велить казнити». Значитъ, вопросъ о казни Маринѣ стоялъ на очереди. Какъ онъ быть разрѣшены, мы навѣрно не знаемъ. Потому «категорически» утверждать что-либо, пожалуй, еще преждевременно. Лучше было бы приступить къ провѣркѣ коломенскаго преданія, которое можетъ привести къ раскрытию истины. Впрочемъ, на основаніи кратическаго сравненія, я вовсе не отрицаю, что утопленіе или сожженіе гораздо менѣе правдоподобны, чѣмъ казнь или пѣненіе.

Наконецъ, коснусь и приведенного г. Синюхаевымъ мнѣнія Пушкина. Не скрываю отъ себя, что почитатели великаго поэта — а чи-сломъ они легіонъ — вѣроятно забросаютъ меня камнями, но изъ любви и уваженія къ исторіи подвергаюсь этой опасности. Итакъ, мнѣніе Пушкина, по недостатку свѣдѣній, въ виду тогдашняго состоянія науки, могло быть толькоaprіорное. Скажу больше, по тѣмъ же причинамъ, оно не полно и даже несправедливо. Нельзя утверждать, что Марина распутничала, переходя отъ авантюриста къ авантюристу. Напротивъ, она каждый разъ заботилась о вступленіи въ законный бракъ, и надо удивляться, что молодая, красива, страстная женщина съумѣла, среди отчаянной вольницы, оберечь свое нравственное достоинство. Да и честолюбіе у ней было совершенно своеобразное. Оно развивалось на дѣтско-наивной почвѣ и вдохновлялось убѣждениемъ своего права на русскій престолъ. Кромѣ того въ сердцѣ ея глубоко таилось чувство религиозности. Тѣмъ и красень обликъ Маринѣ, что въ ней какъ-то примираются самыя явныя противорѣчія. Однимъ взмахомъ пера, безъ исторического откровенія, никакой геній не обрисуетъ изумительной Маринѣ.

Смутное время еще не выдало всѣхъ своихъ тайнъ. Многое еще не разработано. Въ данномъ случаѣ можно пожелать, чтобы присяжные ориенталисты пересмотрѣли персидскіе источники для сравненія ихъ съ русскими.

П. Пирлингъ.

Изъ старинныхъ обычаевъ въ городѣ Саратовѣ.

«Мѣщанская дѣвушка въ городѣ Саратовѣ (въ концѣ XVIII и на-
чала XIX столѣтій) идетъ за водою на Волгу, какъ говорится «въ
пухъ разряженая». Тутъ молодые парни, женихи присматрива-
ются на нее и часто находять въ ней свою суженую.

«Бывшій саратовскій комендантъ Вильгельмъ Антоновичъ Кабрить (скончавшійся въ 1800 г. въ Саратовѣ), не терпя бумажныхъ жалобъ, разбиралъ распри и обиды жителей на словахъ и прекращалъ ихъ въ самомъ началѣ. Изъ множества слушаевъ вотъ одинъ, разсказанный оче-видцемъ: одна дѣвушка несла съ Волги ведра воды на коромыслѣ. На-
встрѣчу ей шелъ по-тогдашнему щегольски одѣтый приказно-служитель, который сказалъ ей что-то непріятное. Она какъ будто не слыхала, что онъ сказалъ; потомъ приказный подошелъ къ ней очень близко и оскорбилъ ругательнымъ словомъ. Послѣ того приказный толкнулъ ее и вышибъ изъ рукъ коромысло съ ведрами. Это происходило днемъ, въ виду многихъ постороннихъ людей и недалеко отъ домика ея матери, которая видѣла все это изъ окна. Старушка не перенесла оскорбле-
нія, безвинно причиненного ея дочери, покоившей мать на старости. Она принесла жалобу коменданту. Вильгельмъ Антоновичъ, выслушавъ ее благосклонно, тотчасъ приказалъ привести къ себѣ обидчика. Уличен-
ный свидѣтелями, онъ сознался и сталъ на колѣни предъ комендантомъ.

— Ты виновенъ не предо мной: проши прщенія у обиженнай,—сказ-
алъ Кабрить.

— Мы прощаемъ его,—сказали мать и дочь.

Но приказный не хотѣлъ взглянуть на нихъ.

— Добрые вы люди, истинно благородные и при своей бѣдности. А ты,
щеголь, поступилъ низко и дерзко, да и не хочешь передъ ними изви-
ниться. Послѣ этого мнѣ будетъ стыдно, если я не окажу справедливости.

Онъ велѣлъ принести коромысло съ ведрами и, въ сопровожденіи
квартального надзирателя, приказному отправиться съ ними на Волгу,
почерпнуть воды и принести на то мѣсто, гдѣ сдѣлана обида, и тогда
дать ему знать.

Обращаясь къ старухѣ и дѣвушкѣ, Кабрить сказалъ: «вы и сви-
дѣтели должны быть на мѣстѣ происшествія».

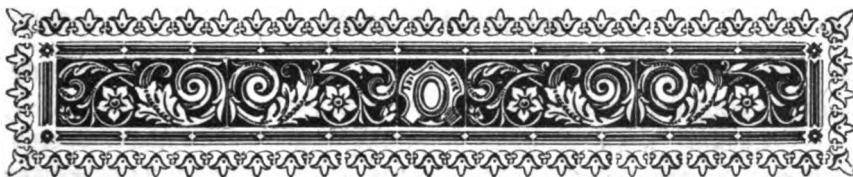
Старуха и дочь остались у коменданта.

Приказный принесъ ведра воды и стоялъ подъ коромысломъ, въ
кругу народа. Комендантъ медлилъ болѣе часа и, наконецъ, съ стару-
хой и ея дочерью въ коляскѣ прибылъ на мѣсто. Вышедши изъ эки-
пажа, онъ подвелъ старуху и дочь ея къ приказному и сказалъ: «Гдѣ
займы, тутъ и расплата. Поставь ведра и поклонись обиженнай». Ви-
новатый долженъ былъ повиноваться начальнику.

— Теперь вызвиты,—сказалъ онъ и уѣхалъ.

Дѣвушка взяла ведра и понесла ихъ домой, а обидчикъ съ большимъ
стыдомъ тоже отправился въ свое мѣсто.

Сообщ. А. Н. Минъ.

Записки Э. И. Стогова.

VII¹⁾.

Переходъ Э. Стогова въ жандармы.—Американецъ Добель и его супруга.—Л. Дубельтъ.—Графъ А. Бенкендорфъ.—Его характеристика.—Назначеніе Стогова въ Симбирскъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ.—Симбирское общество.—Исторія съ губернаторомъ З—мъ.—Новый губернаторъ Жирковичъ

хорошо знать, что рано или поздно, а мнѣ придется отправиться въ Кронштадтъ, чего мнѣ крайне не хотѣлось. Пере-бирая разныя службы, я нашелъ, что въ жандармахъ болѣе жалованья, и рѣшился искать перевода. Я высказалъ мое желаніе знакомому мнѣ барону Шиллингу; онъ выслушалъ и ничего не сказалъ, но на другой день я получилъ приглашеніе отъ Дубельта, будто бы желавшаго знать о положеніи дѣлъ въ Американской компаніи. Среди разговора онъ ловко предложилъ мнѣ служить вмѣстѣ. Я удивился, но изъявилъ согласіе. Государь былъ тогда на конгрессѣ въ Мюнхен-грецѣ. Князь Меншиковъ былъ уланъ куда-то тоже съ дипломатическимъ порученіемъ.

Дубельтъ спросилъ меня, не будетъ ли препятствія отъ флотскаго начальства? Я отвѣчалъ, что пока нѣтъ Меншикова, то не будетъ, а Меншиковъ не пуститъ. Мнѣ данъ былъ конвертъ къ исправлявшему должность морского министра Моллеру съ вопросомъ: нѣтъ ли препятствія о переводѣ меня въ корпусъ жандармовъ. Вотъ тутъ-то и помогъ мнѣ упоминаемый мною билетъ на ложу въ театръ. Директоръ департамента Лермонтовъ прямо объявилъ мнѣ, что у него есть при-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

казъ отъ кназя, чтобы въ его отсутствіе не допускать никакой перемѣны съ офицерами флота, но тутъ же прибавилъ:

— Я помню, какъ много вамъ обязанъ, и далъ вамъ слово. Завтра же будетъ посланъ отвѣтъ графу Бенкендорфу о согласіи на переводъ, и вы сами послѣ узнаете, какъ много я для васъ сдѣлалъ.

На другой же день, Дубельть съ ежедневнымъ курьеромъ отправилъ докладъ о моемъ переводѣ на утвержденіе государя. Только успѣли отдать въ высочайшемъ приказѣ о моемъ переводѣ, какъ возвратился кназь Меншиковъ. Тогда строился въ Архангельскѣ фрегатъ по новой методѣ Стефенса. Лермонтовъ спрашивалъ: кого прикажетъ кназъ назначить командиромъ? Кназъ написалъ: Стогова изъ Камчатки. Лермонтовъ сказалъ:

- Этого нельзя.
- Что же, развѣ умеръ?
- Нѣть, онъ переведенъ въ корпусъ жандармовъ.
- Кто его выпустилъ? Я далъ вамъ приказъ безъ меня никакихъ перемѣнъ не дѣлать.

Адмиралъ Моллеръ помимо меня получилъ бумагу и далъ согласіе.

— Охъ, мнѣ этотъ гнилой! онъ готовъ всѣхъ распустить. А въ приказахъ не отдано?

— Приказы уже вышли.—Что же не обѣщали ему крестъ, что ли? По какой причинѣ онъ пошелъ въ жандармы?

— Онъ говорилъ, что во флотѣ ему ожидать нечего; что товарищи его живутъ хуже казаковъ.

Кназъ толстѣйшей чертой похоронилъ меня.

Узнавъ все это, мнѣ очень было жаль, что я оставилъ флотъ. Назначеніе командиромъ на такой фрегатъ показало мнѣ, что я былъ на отличномъ счету у кназя.

И такъ, совершилось: я жандармъ, т. е. нравственный полицей-мейстеръ.

Утромъ я являлся въ штабъ въ формѣ жандарма, а остальной день ходилъ во флотскомъ мундирѣ. Съѣздила въ Кронштадтъ, похвастать кавалерийской формой; товарищи и всѣ были удивлены моимъ переходомъ и завидовали.

Мы съ Дубельтомъ скоро сдѣлались друзьями; онъ тогда былъ еще полковникъ и начальникъ штаба, часто бывалъ безъ денегъ и занималъ у меня по 300—400 рублей, но насть сблизило преглупое обстоятельство. Американецъ Добель былъ въ Китаѣ комиссіонеромъ какого-то богатаго торгового дома. Нашъ корабль, подъ командою Крузенштерна, первый разъ зашелъ въ Китайскую гавань. Туземцы сильно притѣсняли Крузенштерна, и корабль чуть не подвергся аресту. Добель оказалъ важные услуги Крузенштерну, а за услугу просилъ рекомен-

даций у русского правительства. Добель, бывшаго тогда въ большой славѣ, пригласили въ Питеръ и назначили консуломъ на Филиппинскихъ островахъ и на всемъ Восточномъ океанѣ. Отправился Добель въ Камчатку берегомъ; проѣзжая Тобольскъ, будучи въ гостяхъ у полицеемейстера, онъ увидѣлъ дѣвушку, подающую чай. Добель говорилъ мнѣ, что онъ былъ вдовъ, первая жена была красавица, и онъ страстно ее любилъ; какъ же онъ былъ пораженъ, увидѣвъ въ дѣвушкѣ свою любимую жену—сходство было поразительное. Добель, узнавъ, что дѣвушка крѣпостная и ей 16 лѣтъ, предложилъ купить ее, и съ него ловкій полицеемейстеръ взялъ будто бы 10 тысячъ руб. Добель женился, и изъ Дашишки сдѣлалась—Дарья Андреевна. На Филиппинскихъ островахъ въ Манилѣ, онъ воспиталъ свою жену, она говорила по-испански—какъ аристократка, манеры получила превосходныя, но съ ею выросла, какъ добрый grenadier, такъ что я въ трехугольной шляпѣ былъ ниже ея. Однажды Добель получилъ заказъ отъ извѣстнаго безсчетнаго миллионера американца Аристронга—купить соболей въ Камчаткѣ. Аристронгъ надѣялся быть монополистомъ въ русскихъ владѣніяхъ Восточного океана. Добель поселился въ Петропавловской гавани; я зимовалъ тамъ же, и дома наши были рядомъ. Познакомившись, Добель очень полюбилъ меня и, предполагая во мнѣ знаніе свѣта и приличий, просилъ меня быть наставникомъ Дарьи Андреевны, — я охотно согласился. Дарья Андреевна очень выросла, но не подурѣла, она была огромна, но пропорциональна и прекрасна. Манеры ея были настоящей аристократки, одѣвалась съ большими вкусомъ. Рикордъ говорилъ, что она на испанскомъ языкѣ и по-англійски говорила превосходно, но лишь только заговорить по-русски — мужикъ-мужикъ, выговоръ сибирскій: «пошто пошелъ, не проѣдайся, экой озорникъ» и тому подобное. Въ этой красивой женщинѣ были двѣ особы: испанка и англичанка — очень приличны, а русская — нестерпимо груба и даже глупа. Я скоро сдѣлался ея другомъ. Добель привезъ съ собою прикащикоў-американцевъ, и русские торговцы надували ихъ. Кончилось тѣмъ, что цѣлый корабельный грузъ товаровъ улетучился, а Добель соболей не получилъ. Я засталъ Добеля въ Петербургѣ въ плохихъ дѣлахъ, онъ устарѣлъ, денегъ нѣть и ничего впереди. Съ Дарьей Андреевной моя старая дружба возобновилась. Я уже былъ жандармомъ, но долго еще ходилъ въ флотскомъ платьѣ. Былъ концертъ въ домѣ Николая Ивановича Гречи, былъ тамъ и Добель съ женою. Случайно, я сѣлъ какъ разъ сзади Дарьи Андреевны, по старому знакомству; когда всѣ внимательно слушали музыку, она шалила со мною. Кончился концертъ, всѣ встали, кто-то ушипнулъ мнѣ лѣвую руку выше локтя, да такъ болѣно, что я съ трудомъ удержался отъ крика. Смотрю, это Дубельть. Я думалъ, что онъ съ ума сошелъ:

маленькие его глаза горятъ, какъ угольки, самъ красный, воспламененный, задыхается.

— Что съ вами, зачѣмъ такъ болѣю ушишнули?

— Молчи, пойдемъ къ амбразурѣ окна.

Онъ приступилъ ко мнѣ съ разпросами: кто та дама, которая шалила со мною? Какъ я съ нею знакомъ? Давно ли? и проч. Тутъ же признался мнѣ, что онъ лучшей красавицы не видалъ во всю жизнь, что онъ просто влюбленъ въ нее страстно. Оказалось, что этотъ не большаго роста человѣчекъ можетъ любить только большаго роста женщинъ, и чѣмъ выше, тѣмъ онъ ему привлекательнѣе, но Дарья Андреевна была гигантъ между женщинами и, правда, очень хороша. На другое утро Дубельть признался, что онъ не спалъ всю ночь, передъ нимъ стояла Дарья Андреевна. Онъ, какъ друга, просилъ меня познакомить его съ нею и за то онъ цѣлую жизнь будетъ мнѣ слуга.. Такой человѣкъ, какъ Дубельть, быть мнѣ очень нуженъ; я видѣлъ, что онъ пойдетъ далеко, скрѣпить дружбу съ нимъ было не только нужно, но и очень для меня важно. Я далъ ему слово хлопотать по этому дѣлу. Взявши за глупость, я рѣшился и поступать глупо. Въ тотъ же день, не заставъ Добеля дома, я въ спальнѣ упалъ на колѣна передъ Дарьей Андреевной и вотъ нашъ разговоръ:

— Ты чево дурачишься? — спросила она.

— Я, сударыня Дарья Андреевна, самый покорный проситель.

— Это что еще выдумай; пошелъ, не дури, прощалыга.

Я приставалъ и просилъ.

— Да что тебѣ надѣть, вѣрою какое-нибудь дурачество?

Я рассказалъ ей откровенно положеніе дѣла и какъ мнѣ нуженъ Дубельть, и что онъ устроить судьбу ея мужа. Положено было встрѣтиться на другой день у Мордвинова на обѣдѣ. Дубельть быть въ восторгѣ, цѣловалъ меня и обѣщалъ заслужить.

Я долженъ быть получить назначеніе въ одну изъ губерній — штабъ-офицеромъ, но мнѣ еще хотѣлось пожить въ Питерѣ. Дубельть помѣстилъ меня при графѣ Бенкендорфѣ по особымъ порученіямъ. Какъ-то Дубельть захворалъ и приказалъ мнѣ идти съ портфелемъ къ графу, для доклада и подписи бумагъ. Докладъ сошелъ хорошо. Графъ постоянно называлъ меня Стокгофъ — я не противорѣчилъ, у иѣмца выгодно быть нѣмцемъ. Много разъ я занималъ должность Дубельта при приемахъ графа и входилъ въ роль дѣльца, а узнавши графа — смѣло лгалъ — чего не зналъ, и шло хорошо.

Быть у меня двоюродный братъ, Вася Семеновъ; онъ быть тогда цензоромъ, и у него часто собирались литераторы; я бывалъ на этихъ любопытныхъ вечерахъ въ морской формѣ. Вася даже не зналъ, что я жандармъ. Тогда быть диктаторомъ русской словесности Осипъ Ива-

нович Сенковский. Онъ издавалъ журналъ «Библіотеку для чтенія», журналъ гремѣлъ, онъ былъ во всѣхъ домахъ и во всѣхъ рукахъ. Въ одинъ вечеръ у Васи собралось человѣкъ 6 писателей, которымъ онъ съ горемъ объявилъ, что имѣть великодѣшную, небывалую въ русской литературѣ вещь, но не смѣть пропустить, а не пропустить—преступленіе. Его просили прочитать. Вася былъ замѣчательный чтецъ, онъ вынесъ тетрадь и началъ читать: «Большой выходъ у Сатаны», Сенковскаго. При чтеніи этой пьесы, всѣ приходили въ восторгъ: языки, сравненія, обороты — все было неслыханно. Восхищаніемъ, удивленіемъ, похваламъ не было конца, никакая мѣста перечитывались два —три раза съ равнымъ восхищеніемъ. Вася объявилъ, что пьесу эту онъ пропустить не смѣть: всѣ возстали противъ него,

— Это преступленіе,—говорили слушатели,—это грабежъ литературы, это убийство таланта, это святотатство; лучше лишиться мѣста, чѣмъ погубить такой перлъ литературы.

Долго судили и рѣдили, что дѣлать. Вася рѣшилъ: отнести завтра эту вещь для просмотра графу Бенкендорфу, и если онъ дозволить, то никто не будетъ отвѣтчать. При этомъ Вася надѣялся на содѣйствіе Дубельта.

По утру я былъ въ приемной графа и распоряжался просителями вмѣсто большаго Дубельта. Входить Вася съ тетрадью, подходитъ ко мнѣ и спрашивается:

— Гдѣ Леонтий Васильевичъ Дубельтъ?
 — Я вмѣсто него къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ я.
 Насилу узналъ меня Вася, даже поблѣднѣлъ.
 — Что это значить, Эразмъ?
 — Ничего, я вмѣсто Дубельта, и только.
 — Я ничего не понимаю.
 — И понимать нечего, буду у тебя, объясню. Я знаю, ты принесъ статью, хорошо, я помогу, чѣмъ могу.

Вышелъ графъ; онъ зналъ Васю, который представилъ ему статью и сказалъ, что въ ней ничего нѣтъ, но можетъ быть задѣть кто-либо изъ велиможъ, отношеній которыхъ онъ тонко не знаетъ. Бенкендорфъ передалъ мнѣ тетрадь и приказалъ положить у него на столъ, а Вася приди чрезъ недѣлю. Я положилъ статью подъ старыя бумаги и привалилъ ихъ прессъ-папье.

Надобно хотя немного познакомить читателя съ Бенкендорфомъ, о которомъ ходило много рассказовъ по поводу его забывчивости. Гр. Бенкендорфъ жилъ въ Большой Морской, въ той же улицѣ остановился французскій посланикъ дома черезъ четыре. Графъ пошелъ пѣшкомъ отдать визитъ посланику, но его не было дома. Графъ хотѣлъ отдать визитную карточку, но не нашелъ ея въ карманѣ. Тогда графъ говорить

швейцару: запиши меня, ты меня знаешь? Швейцарь былъ новый, отвѣтъ: Не могу знать, какъ прикажете записать? Графъ вспоминалъ, вспоминалъ и никакъ не могъ вспомнить своей фамиліи. Досадуя на себя, пошелъ домой, обѣщаю прислать карточку. По дорогѣ встрѣтилъ его гр. Орловъ и, сидя на дрожкахъ, закричалъ: Гр. Бенкендорфъ! Послѣдній обрадовался, будто что-то нашелъ, махнулъ рукой Орлову и, повторяя про себя: «Гр. Бенкендорфъ», вернулся къ посланнику и записался. Этотъ анекдотъ повторялъ весь Питеръ, и зналъ о немъ государь.

Бенкендорфъ былъ лично храбрый человѣкъ, но въ администраціи понималъ мало. Графъ былъ добрѣйшее существо, и я не знаю ни одного случая, кому бы онъ сдѣлалъ зло. Развѣ онъ былъ отчаянно боленъ; съѣхалась вся знать къ графу изъ участія, прїѣхалъ и государь. Выходя изъ комнаты графа, государь обратился къ присутствовавшимъ и сказалъ:

— Вотъ умираетъ человѣкъ, который никогда ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими изъ васъ помирилъ. Я хочу, чтобы вы все знали это; а у самого государя были слезы.

Графъ былъ щеголь, всякое утро парикмахеръ убиралъ немногіе его волосы. Съ 9-ти часовъ утра зала его была уже полна просителемъ. Въ 10-ть часовъ, онъ, по-домашнему, въ сюртукѣ безъ эполетъ, выходилъ и выслушивалъ каждого просителя; съ дамами былъ чрезвычайно вѣжливъ. Случилось, что дама, для большаго убѣжденія, стала на колѣна, и я видѣлъ, какъ графъ задрожалъ, измѣнился въ лицѣ и бросился поднимать,—онъ не могъ выносить униженія женщины. Обойдя просителей, онъ собиралсяѣхать во дворецъ, а между тѣмъ временемъ набирались новые просители. Въ 11 или половинѣ 12-го выходилъ графъ въ мундирѣ, опять обходилъ всѣхъ просителей, выслушивалъ и принималъ просьбы. Зная графа, мы хорошо знали всю бесполезность пріемовъ его. Онъ слушалъ ласково просителя—ничего не понимая; прошенія онъ никогда, конечно, уже не видалъ; но публика была очень довольна его ласковостію, терпѣніемъ и уговарительнымъ словомъ. Просьбы разрѣшались въ штабѣ и въ III отдѣленіи. Зная обязанности графа, приступительно ему было не входить въ распоряженіе управления, онъ долженъ былъ подробно знать все, что вчера говорилось и дѣжалось во всей Россіи.

А что статья «Большой выходъ у Сатаны»?

Да ничего, какъ я положилъ подъ бумаги и прессъ-папье, такъ она и лежала.

Черезъ недѣлю приходить Вася къ графу за статьею, графъ приказалъ прийти еще чрезъ недѣлю. Когда пришелъ Вася по окончаніи назначенаго срока, то графъ пригласилъ его въ кабинетъ, а мнѣ приказалъ подать статью и стать откровенно спрашивать, въ чемъ онъ сомнѣвается.

Вася указалъ на самыя пустыя и невинныя мѣста, графъ прослушалъ и написалъ на послѣднемъ листѣ: «можно печатать. Графъ Бенкендорфъ». Я засыпалъ пескомъ, и статья вышла. Шуму много было въ Питерѣ, обратилъ на нее вниманіе и государь, но сошло все благополучно.

Заболтавшись, забылъ упомянуть, что еще до перевода я, какъ штабъ-офицеръ флота, обязанъ былъ при разводѣ явиться къ государю. Императоръ Николай I былъ верхомъ—что за красавецъ, что за молодецъ, нельзя не любоваться! Насъ, послѣ развода, являлось человѣкъ 30-ть, я стоялъ изъ послѣднихъ на лѣвомъ флангѣ. Развода и войскъ продѣлокъ я почти не видалъ, потому что все смотрѣли на истинно русскаго царя. Насъ перекликаль комендантъ, а богатырскій конь переступалъ только на одного человѣка—и ни разу не сбился. Дошла очередь и до меня.

— Капит.-лейтенантъ Стоговъ изъ Камчатки,—сказалъ комендантъ.

— Долго вы тамъ были?—спросилъ императоръ съ привлекательной улыбкой.

— 12 лѣтъ, ваше величество.

— Скучно тамъ было вамъ?

— Нѣтъ, государь, тамъ много службы и тамъ русское царство.

Николай милостиво поклонился.

Петербургская жизнь мнѣ надѣла; наступила зима, и я объяснилъ Дубельту о моемъ желаніи уѣхать изъ Питера и говорилъ искренно. Онъ совѣтовалъ не оставлять виднаго мѣста, даже хотѣлъ хлопотать о прибавкѣ мнѣ столовыхъ, но я рѣшительно хотѣлъ разстаться съ Питеромъ. Дубельть просилъ меня подумать недѣлю, но и чрезъ недѣлю я говорилъ то же. Тогда, по дружбѣ, онъ далъ мнѣ списокъ всѣхъ губерній и сказалъ: «выбирай, если занято мѣсто—переведу». Надѣяясь спискомъ я порядочно подумалъ, смѣщать другихъ—было не въ моихъ правилахъ. Подумалъ было обѣ Иркутскѣ, такъ много мню любиломъ, но тамъ не было уже Лавинскаго, при томъ же тамъ приходилось образовать должность, потому что никогда не было тамъ жандарма; болѣе всего остановило меня короткое знакомство со всѣми, а мнѣ не хотѣлось становиться въ неловкія отношенія, которыхъ могли случиться. Перебираю губерніи: въ одиой были родные, въ другой товарищи. Симбирская губернія была вакантна, и тамъ никого не было, ни родныхъ, ни знакомыхъ. На этой губерніи я нарисовалъ якорь и подалъ Дубельту. Онъ удивился, что я выбралъ глушь, совѣтовалъ Москву; но я уперся на Симбирскѣ, куда скоро былъ назначенъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, я спросилъ графа Бенкендорфа, въ чёмъ будеть состоять моя прямая обязанность? Онъ отвѣчалъ:

— Утирай слезы несчастныхъ и отврашай злоупотребленія власти, и тогда ты все исполнишь.

— Общество играет въ запрещенные игры — въ карты, долженъ ли я мѣшаться?

— А ты не любишь играть?

— Нѣтъ.

— Ты не богатъ, но можешь проигрывать въ банкъ до 5 рублей; но не долженъ позволять грабить, обыгрывать молодежь и хранителей казенныхъ суммъ. Ты долженъ быть любымъ и необходимъ въ обществѣ. Если не любить жандарма, то онъ бесполезенъ. Въ крайнемъ случаѣ будь рѣшилъ и смыль, а въ спокойное время... влюбляйся.

Пріѣхалъ я въ Симбирскъ, кажется, 8-го января 1834 г. и, вступивъ въ должность, дѣйствовалъ самостоятельно и самъ за все отвѣчалъ. Въ Симбирскѣ я былъ по праву первымъ, и мое слово имѣло вѣсъ и значеніе. Моей ширмой были въ Петербургѣ Дубельть и графъ Бенкендорфъ.

Симбирскъ отъ Москвы болѣе 700 верстъ, а отъ Петербурга до 1.500 верстъ. Въ Симбирскѣ я былъ довѣренное лицо отъ государя, отъ моего такта зависѣла моя сила, т. е. общественное довѣріе и уваженіе, безъ этого я пустая кукла, марionетка. Довѣріе и уваженіе къ жандармскому мундиру въ Симбирскѣ было разрушено. Передо мной былъ полковникъ Масловъ, типъ старинныхъ полицейскихъ. Онъ хотѣлъ быть сыщицомъ, ему казалось славою рыться въ грязныхъ мелочахъ и хвастать знаніемъ семейныхъ тайнъ. Онъ искалъ случая ко всякому пріѣзжать, всѣхъ страшалъ, дѣлалъ исторіи, хотѣлъ властноватъ страхомъ и всѣмъ опротивѣль. Онъ хотѣлъ быть страшнымъ и достигъ общаго презрѣнія. Жена его любила щеголять знаніемъ всѣхъ сплетень и хотѣла имѣть влияніе на городскихъ дамъ и была такъ дѣятельна, что для помощи мужу осматривала предварительно рекрутъ. Такимъ образомъ я явился къ обществу, предубѣжденному къ жандармскому мундиру, олицетворявшему идею доносчика и несноснаго приидоры даже въ частной жизни. Симбирское дворянство многочисленно и богато, жило въ губернскомъ городѣ, потому что столица была далеко. Дворянство положило, чтобы избѣгнуть непріятностей, какія имѣли отъ Маслова, удалить его преемника отъ общества. Съ первыхъ дней моего пріѣзда, наслушавшись о поступкахъ предмѣстника, я понялъ, что довѣріе и уваженіе мнѣ нужно завоевывать. Я зналъ по опыту, что тотъ не находитъ любви, кто ее ищетъ. Общая любовь и довѣріе заслуживаются нравственною правдою, уваженіемъ общественныхъ условій и неприкосно-венностию семейнаго домашняго быта. Въ то время въ Симбирскѣ былъ губернаторъ З—ій, вотъ этого нельзя миновать, не объяснивъ, потому что сношенія мои упирались въ одного только губернатора. З—ій былъ внукъ извѣстной статсь-дамы, служилъ въ Преображенскомъ полку и былъ въ отставкѣ капитаномъ. 14-го декабря 1825 г., во время возму-

щенія на Сенатской площади, онъ явился ко дворцу. Государь иѣсколько разъ посыпалъ Якубовича образумить бунтовщиковъ и убѣдить ихъ, чтобы покорились. Якубовичъ шелъ къ мятежникамъ и З—ій за нимъ. Такъ было иѣсколько разъ, и З—ій, перевязавъ себѣ ногу платкомъ, прихрамывалъ, будто ударили его по ногѣ. Государь видѣлъ все это, не забылъ усердія З—го и сказалъ великому князю Михаилу Павловичу:

- Спроси его, чего онъ хочетъ?
- Желаю быть губернаторомъ,—отвѣчалъ, не задумываясь, З—ій.
- Не много ли будетъ?—замѣтилъ великий князь.
- Для государя все возможно.

И вотъ З—ій губернаторъ въ Симбирскѣ; я слышалъ это отъ него самого. Онъ былъ очень недуренъ собой, образованъ для гостиной, имѣлъ кроткую жену, малолѣтнюю дочь и любилъ хвастаться побѣдами надъ женщинами...

Когда я явился къ нему, онъ спросилъ меня:

- Съ какимъ намѣреніемъ вы сюда пріѣхали?
- Содѣйствовать возвышенію власти вашего превосходительства.
- Какие ваши планы?
- Я еще ничего не знаю.
- Имѣете знакомыхъ?
- Никого.
- Если вы намѣрены искренно содѣйствовать мнѣ, то чего вы требуете отъ меня?
- Только личнаго ко мнѣ уваженія, и когда мнѣ нуженъ будетъ скреть, то сохранить его, и тогда только я буду вамъ полезенъ.
- Это такъ не много, что я не только даю вамъ честное слово, но считаю прямую своею обязанностью исполнить.
- Мнѣ болѣе ничего не нужно.
- Я долженъ вамъ сказать, что со мною не сошлись здѣшніе дворяне, я бы желалъ поправить наши отношения—помогите мнѣ.
- Хорошо, но вы знаете, что я секретный человѣкъ и, какъ сказали, могу быть полезенъ только тогда, когда мои дѣйствія будутъ оставаться въ секрѣтѣ.
- Буду иѣть, какъ раба, какъ могила.—Но что же вамъ угодно, чтобы я сдѣлалъ для васъ?
- Я прошу вашего молчанія.
- Вы, господа жандармы, любите много писать.
- При данныхъ вами обѣщаніяхъ, я даю вамъ слово показывать вамъ все, что буду писать въ Петербургъ, но до тѣхъ поръ, пока вы будете исполнять свои условия.
- Мнѣ ссориться съ вами не выгодно: у васъ иѣть огорода, а вы всегда можете бросить камень въ мой огородъ.

— Мы ударили по рукамъ и простились.

Я сдѣлалъ визитъ князю Б—ву, который былъ уже седьмое трехъ-лѣтіе губернскимъ предводителемъ дворянства. Первымъ ко мнѣ пріѣхалъ Борисъ Петровичъ Бестужевъ, отставной лейтенантъ начала столѣтія. Старикъ, узнавъ, что я служилъ во флотѣ, не утерпѣлъ не повидаться и упросилъ къ себѣ на балъ. Я не подошелъ ни къ одному помѣщику и не хотѣлъ знать властей. Я подсѣлъ къ влиятельнымъ старушкамъ, игралъ съ ними въ бостонъ, будто нечаянно у нѣкоторыхъ стеръ ремизы и сталъ пріятнымъ игрокомъ. На молодыхъ я и глазомъ не повелъ. Старухи съ первого же вечера заговорили, что я премилый человѣкъ, хотя и въ голубомъ мундирѣ. Посредствомъ диктаторской власти старухъ, я познакомился почти во всѣхъ домахъ, имѣющихъ значеніе, постепенно сближался съ мужчинами, но не дѣлалъ никому визита, чтобы не называться.

У меня былъ начальникъ команды, капитанъ Подгорный, ему было за 60 лѣтъ, и онъ зналъ всѣ сплетни въ Симбирскѣ; онъ посвятилъ меня во всѣ подробности симбирской жизни.

Вотъ первое происшествіе.

Въ Симбирскѣ были двѣ сестры, старая престарыя дѣвицы Дмитриевы, онѣ были родныя сестры знаменитаго тогда поэта Ивана Ивановича Дмитріева, который былъ сдѣланъ министромъ юстиціи. Сестры такъ возгордились братомъ министромъ, что не находили себѣ достойныхъ жениховъ и состарились дѣвицами; одна имѣла свой домъ на Покровской улицѣ, а другая на Московской, такъ по улицамъ ихъ и называли. Онѣ жили уединенно и не принадлежали къ обществу и все потому что братъ министръ. Ждали государя, надобно было покрасить дома. Является къ нимъ мужиковатый частный приставъ и требуетъ выкрасить дома.

— Какъты смѣешь насъ беспокоить,—говорили ему старушки,—развѣ не знаешь, что нашъ братецъ министръ?

— Какъ не знать,—отвѣчалъ частный приставъ, знаю; да вотъ и у меня дядя царь Соломонъ, однако, что приказываютъ, то долженъ исполнять.

Зная этихъ чваныхъ дѣвицъ, находчивость частного пристава, который никого не зналъ важнѣе царя Соломона, очень смѣшила.

У этихъ дѣвицъ была еще сестра замужемъ и, умирая, оставила двухъ дѣвочекъ. Старухи взяли на воспитаніе каждая по племянницѣ. Дѣвочки выросли въ совершенномъ уединеніи. Старухи хотѣли, чтобы и онѣ остались дѣвицами, и тогда обѣщали оставить имъ значительное свое состояніе. Дѣвочки выросли въ дѣвицъ невѣсты. Пріѣхали въ отпускъ два лихія гусара: Митюнинъ, другаго не помню, молодцы, но бѣдняки. Сначала видались въ окнахъ, ходя около домовъ, потомъ дѣ-

вочки пробрались тайно въ маскарадъ благороднаго собрания; тамъ гу-
сары объяснились, дѣвочки позволили увезти себя. Назначенъ былъ ве-
черъ, губернаторъ покровительствовалъ говорившимся и упросилъ меня
не мѣшать счастью молодежи, публика тоже желала успѣха. Схватились
старухи своихъ племянницъ, а ихъ и слѣдъ простыль. Онѣ обратились
ко мнѣ и умоляли спасти ихъ племянницъ, предполагая, что онѣ увезены
насильно. Я принялъ ихъ просьбу очень серьезно, при старухахъ при-
казалъ командирю команда привезти ко мнѣ живыхъ или мертвыхъ и
послалъ команду въ противную сторону отъ тѣхъ мѣсть, гдѣ онѣ вѣн-
чались. Старухи были въ восторгѣ, и вѣнчаться не помѣшили. Публика
понимала мою продѣлку и находила, что Масловъ не такъ бы поступилъ.
Видно, говорили про меня въ городѣ, что это совсѣмъ хороший человѣкъ.

Въ Симбирскѣ были два либерала, Тургеневъ и Оржевитиновъ, они-
то и были начальниками всѣхъ начальствій противъ губернатора
и стояли во главѣ недовольныхъ. Во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ
есть непремѣнно центръ, откуда расходятся мнѣнія и причины, какъ ра-
діусы. Познакомясь съ этимъ центромъ, я нашелъ въ нихъ мягкихъ
людей, съ которыми легко можно было помириться, и тогда обществен-
ному неудовольствію конецъ.

Я видѣлъ возможность прекратить скору и отправился къ губерна-
тору.

- Васъ здѣсь не любить,—сказалъ я.
- Это правда.
- Какая причина?
- Право, не знаю.
- Быть главной властью и быть не любимымъ—непріятно.
- Непріятно, да что же дѣлать?
- Я скажу вамъ средство, отъ васъ зависить помириться съ обще-
ствомъ.
- Пожалуйста, я на все согласенъ.
- Вы дѣйствительно не знаете причинъ?
- Честное слово не знаю.
- Тургеневъ и Оржевитиновъ главные ваши враги; пригласите ихъ,
вы съумѣете смягчить; объяснитесь и помиритесь, тогда все общество по-
вернется къ вамъ лицомъ.
- Очень вамъ благодаренъ, вы дѣйствуете, какъ мой другъ!
- Но надѣюсь, вы обо мнѣ не упомяннете, мой успѣхъ въ секрѣтъ.
- Будьте покойны, я помню ваши условія.
- З—й пригласилъ къ себѣ Тургенева и Оржевитинова и сказалъ
имъ:
- Господа! мы имѣемъ между собою неудовольствіе, это дѣло наше,
скажите пожалуйста, для чего вы мѣшаете между нами жандарма? Я

долженъ вамъ сказать, что жандармъ присланъ для моихъ услугъ, меня оскорбляетъ то, что порядочные люди мѣшаются съ жандармами. Вы, можетъ быть, вчера высказали ему о причинахъ своего неудовольствія; а сегодня онъ обязанъ быть доложить мнѣ о томъ. Будемъ, господа, порядочными людьми, можемъ имѣть неудовольствіе, но не будемъ унижать себя, мѣшаясь съ жандармами.

Каковъ молодецъ! На другой день, видясь съ Тургеневымъ, я замѣтилъ неудовольствіе и высказалъ ему, какъ З—й упросилъ меня помирить его съ обществомъ, а я по добротѣ своей, желая общаго согласія, кажется, сдѣлалъ ошибку. Я попросилъ Тургенева извинить мою неопытность, но вмѣстѣ и довѣрилъ, что губернаторъ горько поплатится за свою дерзость.

На другой день я отправился къ губернатору.

— И такъ вы губернаторъ,—сказалъ я,—а я жандармъ. Вы не утерпѣли и не сохранили въ тайнѣ секрета.

З—й все понялъ.

— Языкъ мой—врагъ мой,—отвѣчалъ онъ;—кругомъ виноватъ!

— Помните, что у меня огорода нѣтъ, а у васъ столько огородовъ, куда на брось камень, попадешь въ вашъ огородъ!

— Не будемъ ссориться, я виноватъ, прошу прощенія; больше этого не будетъ.

Тутъ пристала страдалица жена его съ просьбой простить.

— Такъ и быть,—сказалъ я,—этотъ разъ не въ счетъ, забудемъ; но въ другой разъ не забудемъ!

— Душою и сердцемъ—согласенъ!

Вскорѣ повторился другой подобный случай.

Былъ въ Симбирскѣ Петръ Петровичъ Бабкинъ, еще при Екатеринѣ II вышедший въ отставку капитаномъ Семеновского полка. Къ нему прѣѣхалъ изъ Петербурга сынъ его. Я сказалъ З—му можно, что сынъ Бабкина бранить его да и старикъ поддакиваетъ. Губернаторъ не утерпѣлъ, позвалъ къ себѣ Бабкина-отца и высказалъ ему то же, что и Тургеневу, зачѣмъ онъ мѣшаетъ жандарма. Тогда я составилъ записку, въ какомъ отношеніи я нашелъ губернатора съ обществомъ дворянъ и что, желая быть полезнымъ, я пробовалъ дѣйствовать, но губернаторъ парализовалъ мои дѣйствія и чуть не поставилъ меня въ фальшивое положеніе. Я описалъ болтливость З—го и какъ онъ клялся и просилъ прощенія, какъ я согналъ на Бабкина для пробы, и опять попался губернаторъ. Я просилъ шефа жандармовъ имѣть эту записку какъ материалъ и что скоро надѣюсь имѣть фактъ, который избавитъ Симбирскъ отъ З—го.

Пришелъ я къ нему и сказалъ:

— Я далъ вамъ слово показывать, что напишу графу Бенкендорфу,—извольте читать.

Прочитавъ, онъ поблѣдѣлъ и сказалъ:

— Вы такъ писать не можете!

— Отчего?

— Я буду жаловаться на васъ.

— Тамъ лучше, скорѣе объяснятся ваши дѣйствія.

— Вы не пошлете.

Я позвалъ жандарма, запечаталъ письмо у губернатора и приказалъ отнести на почту.

Я все зналъ, что творилось въ Симбирскѣ, но никто не зналъ, что я знаю, и потому принимали меня радушно. Попадались чиновники во взяткахъ, возьметъ и съ того и съ другаго, а сдѣлаетъ, разумѣется, для одного,—другой жалуется. Я никогда не дѣлалъ исторій, позову къ себѣ въ кабинетъ, мылю, мылю ему голову, настращаю очень сильно и прикажу возвратить обиженному. Жизнь моя въ Симбирскѣ устроилась по моему желанію, я былъ любимымъ членомъ общества, вѣрили, что я не мелочной доносчикъ, но, вмѣсть съ тѣмъ, вѣрили, что я затронуть меня очень опасно; я прощать не умѣлъ, но никого и не трогалъ. Никто меня не чуждался, я могъ смѣло входить въ кабинетъ генерала и въ кабинетъ отставнаго прaporщика, какъ пріятель.

За мнѣ оставалось неисполненное слово, данное мнѣ Тургеневу и Оржевитинову, да и обѣщаніе гр. Бенкендорфу на счетъ З—скаго, котораго я презиралъ, но съ которымъ наружно было въ добрыхъ отношеніяхъ.

З—скій, какъ я говорилъ, былъ не дуренъ собою, воспитанія—пустаго, но блестящаго для гостиной—ловокъ и находчивъ, но до удивленія легкаго характера; любилъ сплетни, мѣшался въ семейныя дразги и хотѣлъ играть роль всезнающаго. Стараясь быть посредникомъ въ дворянскихъссорахъ и оправдывая одну сторону, создавалъ себѣ враговъ изъ другой стороны и, съ теченiemъ времени, нажилъ себѣ вражду всего дворянства. Онъ былъ неутомимый волокита и выражался передо мною такъ:

— Успѣть въ интрижкѣ и не разсказать, это все равно, что имѣть Андреевскую звѣзду и носить ее спрятанно въ карманѣ.

Дѣлами онъ совершенно не занимался; бывало, при мнѣ подписывается сотню бумагъ—ни одной не читая. Я однъ разъ спросилъ его, какъ это онъ подписываеть, не читая.

— Пробовалъ читать всѣ бумаги—отвѣчалъ онъ—и совершенно ничего не понять; увѣрился, что читаю ли я бумаги или не читаю,—результатъ одинъ, такъ лучше подписывать, не читая.

По дѣламъ, я бы могъ много вредить ему, но это казалось мнѣ мелочнымъ, я хотѣлъ капитально похоронить его и выжидалъ. Въ 12-ти верстахъ отъ Симбирска жилъ князь Б—въ, бывшій, какъ я оказалъ, седьмое трех-

льте губернскимъ предводителемъ. Онъ прежде былъ богатъ, но прожилъ на предводительствѣ, и у него осталось только 250 душъ, да пять взрослыхъ дочерей и маленький сынъ. Не знаю или не помню, зачѣмъ жилъ въ Симбирскѣ князь Д—нъ, чистый азиатецъ, черный, съ огромными глазами, говорилъ сквозь зубы, страгаясь подъ гребенку, всегда былъ щегольски одѣтъ, корчилъ какъ только могъ—Байрона; тогда много было Байроновъ—это было въ модѣ. Быть холостъ, жить весьма скромно, быть принять вездѣ, ему было за 30-ть лѣтъ. Слышалъ я давно о волокитствѣ З—го за старшой дочерью кн. Б—ва; рассказывали, какъ З—скій наряжался старухою (онъ былъ не дурной актеръ) и ходилъ на свиданіе къ княжнѣ, теперешней невѣстѣ кн. Д—на, а она въ мужской одеждѣ тоже ходила на свиданіе къ З—скому. Жилъ въ Симбирскѣ полковникъ графъ Т—ой, онъ числился по министерству иностранныхъ дѣлъ, быть холостой, знакомства почти не имѣлъ, но быть приятелемъ З—му и другомъ кн. Д—ну. Губернаторъ, по своему обычая, не могъ не разсказать Т—му о своемъ мнимомъ успѣхѣ у дочери Б—ва.

Наступали выборы дворянства. На выборы являлось до 350 дворянъ, а выборы безъ шума и скандала никогда не проходили, непремѣнно поссорятся въ залѣ выборовъ, но ничего—своя семья. Замѣчено, если собаки грызутся и никто имъ не мѣшаетъ, то онѣ одна другой вреда не сдѣлаютъ, такъ и ссорамъ дворянъ не надобно мѣшать—скоро помирятся. Передъ самыми выборами, кн. Д—нъ посватался за старшой дочерью кн. Б—ва. Предполагаемая свадьба была уже не секретъ въ Симбирскѣ. Вдругъ графъ Т—й разсказываетъ кн. Д—ну о бывшей интригѣ З—скаго съ княжной. Азиатская кровь Д—на заклокотала, Ѳдетъ къ Б—ву и отказывается. Кн. Б—въ едва устоялъ на ногахъ, а княжна не устояла, обмороки, истерика—пошла писать. Кн. Д—нъ успѣлъ страстно влюбиться въ книжну и, въ неистовствѣ своемъ, поклялся, при всей публикѣ, надавать пощечинъ З—скому. Между тѣмъ Б—въ, убитый, какъ осрамленный отецъ, рѣшился на выборахъ пожаловаться всему дворянству. Хотя громко объ этомъ не говорили, но по секрету знали все объ этой исторіи, и мнѣ тайно сообщено было, что многіе, погорячѣ, съязжаются и сговариваются, какъ только кн. Б—въ пожалуется, то высѣчь губернатора.

За два дня до выборовъ, я передалъ З—скому о намѣреніи Б—ва, кн. Д—на и всего общества дворянъ. Онъ струсилъ, растерялся, говорилъ о самоубийствѣ, но такие люди не убиваютъ себя, и кончилъ тѣмъ, что просилъ моей защиты и покровительства. Я потребовалъ письмо отъ него о затруднительномъ положеніи, и тогда, говорилъ я, по данной мнѣ инструкціи я возьму дѣло на свою отвѣтственность и даже обѣщаю уладить такъ, что все затихнетъ. Надобно было видѣть малодуш-

наго этого человѣка, какъ онъ обрадовался, какъ подличалъ передо мною. Письмо ко мнѣ объясняло всѣ обстоятельства дѣла, и З—кій отдавалъ подъ мою защиту санъ губернатора. Онъ даже боялся, что Д—нь ворвется въ его домъ и раздѣлается съ нимъ по-азіатски, и потому для охраненія его, какъ губернатора, я далъ ему двухъ жандармовъ.

День былъ почтовый, я просилъ почтмейстера Лазаревича задержать отправленіе почты, написалъ очеркъ предшествовавшихъ дѣль З—скаго, потомъ весь мой разговоръ съ ними отъ слова до слова, такъ, какъ пишутся комедіи, и заключилъ тѣмъ, что просилъ шефа жандармовъ не беспокоиться, такъ какъ имѣю довольно силы прекратить это дѣло безъ скандала. Вотъ наступила минута, когда я долженъ былъ выйти на сцену, какъ власть абсолютная. Противъ губернскаго предводителя, противъ всей массы дворянства и противъ буйства Д—на, я долженъ былъ защитить не З—скаго, а санъ губернатора, представителя власти государя. Это былъ прямой мой долгъ. Не умѣя я отвратить скандала съ З—скимъ, я не достоинъ бы быть называться жандармомъ. Я цѣлый день употребилъ на повѣрку имѣемыхъ свѣдѣній и на собираніе возможныхъ подробностей. Вечеръ я употребилъ на страшаніе З—скаго, который до того струсилъ, что разсказалъ все своей женѣ и признался ей во всемъ. Эта бѣдная женщина плакала и прошила защитить ея мужа.

Поздно вечеромъ, дали мнѣ знать, что кн. Б—въ сочинилъ рѣчъ къ дворянамъ, въ которой просить защиты, какъ оскорблѣнныи отецъ и какъ предводитель дворянства 21 годъ.

Наступилъ день открытія выборовъ. Въ 6 часовъ утра я уже былъ въ кабинетѣ Б—ва. Князь, удивленный, спросилъ:

— Чему я обязанъ такому раннему посѣщенію?

— Вы, князь, намѣрены сегодня говорить рѣчъ и жаловаться дворянству на З—го?

— Кто вамъ это сказалъ? Можетъ быть, это не правда, да и какое вамъ дѣло до того?

— Что это правда, то вы, вчера, въ этомъ кабинетѣ читали приготовленную рѣчъ тремъ помѣщикамъ, а что мнѣ есть дѣло, такъ я, не имѣя иужды защищать З—го, обязанъ не допустить до публичнаго оскорблѣнія губернатора, какъ высшую власть въ губерніи, поставленную императоромъ.

— Вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ!

— Знаю, даже болѣе, чѣмъ вы, иначе, я не былъ бы жандармъ.

— Вы молоды, вы не отецъ, не можете чувствовать оскорблѣнія, въ своихъ дѣтяхъ.

— Я сынъ моихъ родителей и братъ моихъ сестеръ, а болѣе—я

честный и благородный человѣкъ; я не только могу чувствовать ваше оскорблѣніе, но глубоко проникаюсь горестью отца.

— Если такъ, то вы не должны вступаться за мерзавца.

— Да я и не думалъ заступаться за З—го, а не могу допустить до оскорблѣнія губернатора и долженъ положительно сказать вамъ, князь, что вы не будете говорить рѣчи противъ губернатора передъ дворянами.

— Какъ вы можете мнѣ запретить?

— Я съ тѣмъ пришелъ и не выйду отсюда, не запретивъ вамъ говорить.

— Какъ это?

— Если вы не откажетесь отъ своего намѣренія, то я, на основаніи данной мнѣ государемъ инструкціи, арестую васъ, и вы, до рѣшенія государя, не выйдете изъ этого кабинета. Подумайте, князь, куда вы ведете все дворянство? Оно, въ порывѣ первыхъ чувствъ, сдѣлаетъ преступление противъ начальника губерніи, чего государь ни оставить, ни оправдать не можетъ, а вы будете главнымъ виновникомъ. Ваше справедливое оскорблѣніе только огласится на всю Россію, тогда какъ я знаю истину и знаю, что это пустое хвастовство глупаго человѣка и можетъ быть все поправлено въ тишинѣ.

— Если вы знаете все, какъ говорите, то оскорблѣніе не можетъ быть поправлено, вы знаете, что кн. Д—нъ отказался отъ женитьбы.

— Знаю все подробно и знаю, что и вы, и князь Д—нъ, и ваша прекрасная дочь—всѣ получать достойное удовлетвореніе.

— Какое ручательство вашимъ словамъ?

— Мое честное и благородное слово, которому я не измѣнялъ во всю мою жизнь.

— Молодой человѣкъ, вы много берете на себя; помните: вы отвѣтите передъ оскорблѣннымъ отцомъ.

— Знаю, что тутъ все ложь и глупость. Дѣло скандаломъ не поправите, а я, сочувствуя вамъ сердцемъ и душою, беру на себя и ручаюсь, что все дѣло выяснится къ спокойствію вашему и общему. Я приму всю вину на себя, если не будутъ всѣ удовлетворены. Вѣрьте, князь, вамъ остается либо довѣриться мнѣ, либо быть арестованнымъ и подвергнуться большой отвѣтственности.

Князь говорилъ длинный и краснорѣчивый монологъ, и у старика вытекла не одна слеза. Я далъ ему высказаться, не противорѣчилъ, сочувствовалъ ему, но потребовалъ отказа говорить рѣчъ.

— Какое вамъ нужно удостовѣреніе?—спросилъ онъ.

— Ваше честное слово, князь, и крошечная записочка, что вы ни слова не скажете о З—мъ въ собраніи.

Князь рѣшился послушаться меня, далъ мнѣ честное слово и кро-

шечную записочку, что говорить рѣчи не будетъ. Долго еще князь говорилъ, умолялъ меня сдержать свое слово и, наконецъ, сказалъ:

— Минъ кажется, что вы, въ благородномъ своемъ порывѣ, взяли дѣло не по своимъ силамъ.

— Подождите, князь,—увидите; не всегда громъ гремитъ изъ большой тучи.

Съ тѣмъ мы и разстались.

Я заѣхалъ къ З—му съ предложеніемъ, не лучше ли ему сказатьсь болынть, но онъ уже предупредилъ меня и далъ предложеніе открыть выборы предсѣдателю казенной палаты. Тогда поѣхалъ я къ князю Д—ну.

Выходитъ ко мнѣ князь, съ плотно обстриженой головой, воротнички à l'enfant, какъ Байронъ на портретѣ, съ трубкой, и прѣдить сквозь зубы—англичанинъ да и только!

— Чему я обязанъ, что вы пожаловали ко мнѣ?

— Князь, прежде всего здравствуйте и позвольте сѣсть; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Обстановка слишкомъ проста: во всю комнату простой крашеный столъ, около такая же голая скамейка, точно въ бѣдной школѣ; на скамейкѣ мы и усѣлись.

— Вы, князь, огорчены и очень раздражены изъ-за глупой лжи, дошедшей до вѣсти.

Князь какъ-то засопѣлъ, сжалъ чубукъ такъ, что у него хрустнули пальцы; странно сопѣвши, придвигался ко мнѣ. Молчать, не можетъ или не рѣшается сказать слово. Я спокойно посовѣтовалъ не придвигаться такъ близко, а то намъ неудобно говорить. Азія немногого утихла, и князь сквозь черные зубы процѣдилъ:

— Желалъ бы я знать, какое вы имѣете право мѣшаться въ чужія дѣла?

Я разсмѣялся и сказалъ: Жандармы для того и учреждены, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла. Вы сердитесь, князь, а, узнавъ мои намѣренія, вы не отвергнете моего участія.

— Я не имѣю нужды ни въ чьемъ участіи!

— Дѣло-то въ томъ, что я имѣю необходимость принять участіе въ вашемъ дѣлѣ.

— Позвольте узнать, какая вами необходимость соваться въ мои дѣла?

— Вы, князь, намѣрены разбить рожу З—му публично?

— Ну, что же вами за дѣло?

— До рожи З—го мнѣ совершенно нѣтъ дѣла, но его рожа принадлежитъ губернатору, вотъ это и перемѣняетъ видъ дѣла. Моя обязанность устранить всякое публичное оскорблѣніе власти, поставленной

государемъ; я пришелъ доложить вамъ: пока З—й губернаторомъ, вы не исполните своего намѣренія.

— Кто можетъ остановить меня?

— Я, князь, затѣмъ и пришелъ къ вамъ.

— Какимъ это образомъ?

— Я прошу васъ, пока З—й губернаторомъ, не оскорблять его, въ чёмъ и прошу вашего честнаго слова!

— А если я вамъ слова не дамъ?

— Я вынужденъ буду арестовать васъ.

Опять засопѣлъ и процѣдилъ:

— Какъ? что вы сказали, арестовать меня?

— Да, князь, я не могу поступить иначе и, какъ мнѣ ни непріятно это, но я исполню, такова моя обязанность.

— Вы не посмѣете этого сдѣлать!

— А вотъ увидите, князь, даю честное слово—сдѣлаю!

— Кто дать вамъ право?

— Секретная инструкція, высочайше утвержденная!

— Вы не понимаете моего оскорблѣнія и не можете понять.

— Я вамъ сказалъ, что я все знаю подробно; думаю, что и сочувствовать вамъ могу, чтõ вы и увидите.

— Въ чёмъ же ваше сочувствіе? Какъ вы поймете, что этотъ п... изъ счастливаго человѣка сдѣлалъ меня несчастнымъ?

— Прошу васъ выслушать меня безъ раздраженія. Прежде всего скажу вамъ, что вы будете счастливы!

— Я вамъ не вѣрю и вижу, что вы ничего не знаете.

— Эхъ, почтенный мой князь, какой же я былъ бы жандармъ, если бъ не зналъ всего; только публикѣ не известно, что я все знаю, а я знаю болѣе вашего.

— Можете вы мнѣ сказать, что вамъ известно?

— Очень охотно: малодушный хвастунъ З—й считалъ гордостью для себя похвастать интригой сть прекрасной и уважаемой дѣвушкой передъ графомъ Т—мъ; послѣдній, какъ вполнѣ благородный и честный человѣкъ, счелъ долгомъ предупредить васъ. Тутъ правы и Т—ой и вы, князь. Презрѣнно виноватъ З—й. Я радъ возможности удостовѣрить васъ честнымъ моимъ словомъ, что З—й солгалъ: ничего подобнаго не было.

— Какъ вы можете знать и ручаться?

— Князь, еще повторю: я жандармъ!

— Но позвольте, вы сами дворянинъ и можете быть въ моемъ положеніи; спрашиваю васъ, не имѣю ли я права наказать его?

— Вашего права я не отвергалъ и не отвергаю, но согласитесь, какое же вамъ удовлетвореніе, если вы красивой рукой будете бить... кого же?—З—го! Меня бы не удовлетворила подобная месть!

— Я убью этого подлеца, но прежде оскорблю его публично.

— Вы этого не сдѣлаете, пока онъ губернаторомъ, я не могу допустить того. Но предположимъ, вы надаете оплеухъ, вы убьете З—го, поправить ли это дѣло? Невинная дѣвушка все-таки будетъ оскорблена.

— Я отмщу ему.

— Пожалуйста, не сердитесь, вы отмстите свою обиду, но вѣдь это азиатскій эгоизмъ, тутъ дѣло не о васъ, а надобно возстановить честь невинной благородной дѣвушки, надобно подумать объ ея страданіи,— по-моему, вотъ о чёмъ надобно подумать.

— Если вы все знаете, то должны знать, что я надѣялся быть счастливымъ мужемъ на всю жизнь, и проклятый, подлый человѣкъ все разрушилъ. Вы холодный зрителъ, вы не можете чувствовать глубокаго чувства горести, что чувствую я.

— Согласенъ, князь, можетъ быть, у меня кровь медленнѣе движется, чѣмъ у васъ, но все-таки, я думаю не о васъ, а о невинной прекрасной дѣвушкѣ. Болтовня не пристанетъ къ невинному ангелу, но условія общества таковы, что и сама невинность требуетъ очищенія.

— Чего же я могу желать и что сдѣлать по-вашему?

— Вотъ это дѣло, мой почтенный князь; спокойно обсудивъ, можно найти разумный исходъ. Вы мнѣ сдѣлали вопросъ, а я спрошу васъ: какого вы хотите удовлетворенія?

— Что же вы можете сдѣлать?

— Все, что вы хотите!

— Ну, а если бы я потребовалъ, чтобы онъ сознался, что солгалъ?

— Только-то, князь?

— Мнѣ и этого будетъ довольно.

— Я съ вами согласенъ, что тѣ же скверныя уста, которыхъ извергнули хулу, должны клятвою опровергнуть и сознаться публично во лжи.

— Какой же способъ этого достигнуть?

— Я беру на себя дать вамъ такое удовлетвореніе. Я обѣщаю вамъ, что онъ при васъ напишетъ, что онъ солгалъ и что если болтнеть одно слово, то безъ претензій, гдѣ бы ни было, дозволить вамъ разбить свою рожу.

— Этого вы не можете исполнить!

— Ну, тогда, князь, гнѣвъ вашъ будетъ на мнѣ.

— Вы не шутите?

— Нѣтъ, не шучу.

— Вы много рискуете!

— Нисколько, но будете ли вы довольны тогда?

— Какъ же это можетъ быть?

— З—й вамъ поклянется при свидѣтеляхъ, что онъ все согласъ, похвасталъ.

— Я бы хотѣлъ письменнаго подтвержденія этихъ словъ.

— Извольте, князь, я и это для вѣсть сдѣлаю, довольны ли вы будете тогда?

— А вы ручаетесь за исполненіе?

— Ручаюсь честнымъ словомъ, но и вы дайте честное слово, что пока онъ будетъ губернаторомъ, вы не оскорбите его.

— Хорошо, я буду совершенно доволенъ, но если вы не исполните, тогда у меня разсчетъ будетъ съ вами.

— Хорошо, князь, и такъ, дайте мнѣ честное слово и маленьку записечку, что вы не будете бить по рожѣ губернатора.

— Извольте.

— Прощайте, князь, не много терпѣнія, я все устрою скоро, вѣрьте мнѣ.

Въ моемъ планѣ было напугать З—го до крайней степени, чтѣ я и учинилъ.

Пошелъ я къ З—му и увѣдомилъ его, что князь Б—въ не будетъ жаловаться дворянамъ. Сколько было радости, благодарности даже черезчур! Но, зная легкомысленную натуру З—го, я нарисовалъ цѣлый адъ мести князя Д—на и говорилъ, что не ручаюсь за его отчаянную рѣши-
мость.

— Да, я знаю,—говорилъ З—й—у него кинжалъ всегда готовъ. Батюшка, помогите, я по гробъ буду вамъ благодаренъ.

— Погодите, что могу, то сдѣлаю. Прощайте, мнѣ сегодня необходимо сѣѣздить въ уѣздъ по дѣлу.

— Какъ же вы бросите меня на жертву! мнѣ необходимо будетъ выйти изъ дома... дикарь... кинжал!

— Вотъ какъ мы сдѣляемъ: я прибавлю вамъ двухъ жандармовъ, которымъ вы послѣ заплатите; выходить не совсѣмъ, скажитесь больными, а еще лучше прикажите поставить себѣ дюжину піявокъ: это сдѣлается совсѣмъ известно, и болѣзнъ будетъ прилична.

— Охотно принимаю вашъ совсѣмъ.

Я уѣхалъ въ уѣздъ. Возвратясь, нашелъ моего губернатора въ постѣлѣ. Еще болѣе я настращалъ его княземъ Д—номъ. По моему описанію, это былъ крокодилъ, пантера! Въ нѣсколько дней, я до того деморализовалъ моего З—го, что онъ впалъ въ отчаяніе. Наступилъ моментъ: все, что я хотѣлъ, могъ сдѣлать съ З—мъ. Публика догадывалась, со всѣхъ сторонъ сыпались ко мнѣ вопросы, но успѣхъ могъ быть тогда, когда дѣло было въ однѣхъ моихъ рукахъ, безъ посторонняго участія; публика могла испортить весь эффектъ. З—й ужасно обрадовался, когда я взялъ на себя прекратить все дѣло съ нѣко-

торыми пожертвованиями съ его стороны. Онъ соглашался на все безусловно. Я предложилъ ему свиданіе съ княземъ Д—номъ вечеромъ. З—й долженъ написать подъ диктовку князя письмо и вручить ему лично.

Въ 9 часовъ вечера, князь былъ одѣтъ по послѣдней модѣ во фракѣ, З—й въ халатѣ исполнялъ роль больнаго. Большой круглый столъ въ гостиной былъ поставленъ недалеко отъ дверей спальней жены; я поставилъ З—го около стола со стороны и близъ дверей—на случай ретирады; на столѣ письменный приборъ. Привѣтъ князя Д—на и поставилъ его на діаметръ противъ З—го, а самъ сталъ въ серединѣ между нихъ. Оба молчать. Я сказалъ З—му:

— Князь желаетъ продиктовать письмо — угодно вамъ написать?

— Охотно исполню все!

— Князь, извольте диктовать.

Послѣ: «Милостивый государь», князь диктовалъ, процѣживая сквозь зубы:

«Дошедшія до вѣсъ слова, сказанные мною о княжнѣ Б., совершенно ложны и если я сказалъ, то утверждаю клятвою, что я солгаль. Клятвою утверждаю, что ничего подобнаго не было и вездѣ, всегда готовъ подтвердить это. Если-жъ я осмѣлюсь повторить мою ложь или безъ особагоуваженія произнести имя княжны, то даю право князю Д—ну, вездѣ и во всякое время, бить меня по лицу, какъ бѣзчестнаго человѣка.

Комическая сторона этой сцены выразилась тѣмъ, что когда диктовалъ князь, то, поглядывая на меня, улыбался и подмигивая показывалъ на пишущаго З—го,—понятно говорилъ: какой дуракъ! Когда же З—й передалъ письмо князю Д—ну и тотъ внимательно читалъ, то З—й улыбаясь подмигивалъ мнѣ и тоже выражалъ глазами: какой дуракъ! А что я думалъ, стоя между ними? позвольте умолчать!

Князь Д—нь, прочитавъ письмо, положилъ въ карманъ и, съ поклономъ, молча ушелъ. Вѣдная страдалица-жена З—го мучилась во все время не меньше мужа. По уходѣ князя, я очутился въ роли благодѣтельного генія,—благодарности, чуть не молитвы за спасеніе отъ бѣдъ и напастей. Князь Д—нь совершенно удовлетворился. Князь Д—нь объяснился съ княземъ Б—вымъ и съ ожившей для радостей невѣстой.

Всѣ счастливы, довольны, но конецъ-то вышелъ трагическій. Я написалъ подробное донесеніе шефу обо всемъ этомъ происшествіи, и вотъ, чрезъ три недѣли—указъ объ увольненіи губернатора З—го и высочайшее повелѣніе «в предѣ никуда не опредѣлять». Мой кредитъ высоко поднялся въ Симбирскѣ.

Бывшій губернаторъ З—й горько плакалъ и жаловался, что онъ не

знает причины, по которой лишился места, что онъ такъ бѣденъ, что не знаетъ, какъ выѣхать и вывезти семейство (у него была одна дочь, которая была женою брата П** и умерла оставив красавицу дочь). Откупщикъ Бенардаки подарилъ ему карету. Добряки дворяне собрали деньжонокъ и поручили Бенардаки отдать З—му отъ своего имени. Уѣхалъ онъ безъ проводовъ.

Какъ ни бужу свою память, не могу добиться отъ нея воспроизведенія момента съ подробностями, какъ явился губернаторъ Жиркевичъ въ Симбирскъ, и думаю, едва-ли солгу, сказавъ, что никто этого не зналъ; какъ тогда, такъ и теперь, не съмъ объяснить: пѣшкомъ пришелъ или прїѣхалъ Жиркевичъ? Днемъ или ночью? Какъ-то всѣ вдругъ узнали, что новый губернаторъ занимается дѣлами. Говорили въ обществѣ о Жиркевичѣ такъ, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ Симбирска и какъ будто онъ давно уже губернаторомъ. Всезнайки разсказывали: когда спросили его, когда онъ позволить представиться чиновникамъ? — онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ беспокоиться, я съ господами служащими познакомлюсь, занимаясь вмѣстѣ дѣлами». Въ губернскомъ городѣ всѣ знаютъ, кто что есть, о прїѣзжемъ извѣстно — богатъ, бѣденъ, скученъ, веселъ, играетъ ли, танцуетъ ли, даже хорошо ли говорить по-французски, и проч. О Жиркевичѣ я не слыхалъ ни одного вопроса, никто не интересовался, и почти не упоминалась фамилія; просто говорили — губернаторъ. Я куда-то ъздилъ; возвратясь, немедля явился къ новому губернатору. Въ залѣ два чиновника съ кипами бумагъ; я просилъ доложить, отвѣчали: не приказано, и указали на отворенную дверь въ кабинетъ. Губернаторъ у стола, уложенного бумагами, на двухъ стульяхъ — дѣла. Только я вошелъ, Жиркевичъ всталъ навстрѣчу мнѣ. Онъ былъ больше средняго роста (вершковъ восьми); правильное и, можно сказать, красивое лицо, но не только серьезное, почти суровое выраженіе; темнорусые волосы приглажены по-военному; въ форменномъ штатскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы — видна привычка къ военной формѣ. Жиркевичъ былъ сухаго сложенія, но не худъ; поклонъ, движенія мнѣ напоминали воспитаніе въ корпусѣ; говорилъ скоро, какъ-то отрывисто. Пригласилъ сѣсть. Думаю, захотеть знать о губерніи, обѣ обществѣ... Ничуть не бывало, хоть бы слово спросилъ, а отъ кого же и узнать, какъ не отъ жандарма! Странное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Жиркевичъ. Онъ вѣжливъ, но очень молчаливъ; всѣ вопросы его касались только лично меня. Я попробовалъ сказать шутку — онъ не слыхалъ; я хотѣлъ заинтересовать его серьезнѣмъ — онъ не обратилъ вниманія. Откланившись, я рѣшительно не могъ составить себѣ понятія о характерѣ Жиркевича.

Жиркевичъ скоро отдалъ мнѣ визитъ, и опять странность — пѣшкомъ, тогда какъ въ Симбирскѣ и мѣщане не ходили, а ъздили; я не сказался дома; на карточкѣ просто: Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.

Зашелъ къ Жиркевичу вечеромъ—читаетъ и подписываетъ бумаги; около стоять правитель канцелярии Раевъ. Жиркевичъ отпустилъ Раева, сказавъ: «я бумаги къ вамъ пришлю». Ну, думаю, теперь разговоримся. Жиркевичъ, все въ форменномъ застегнутомъ сюртуке, былъ очень вѣжливъ, говорилъ о погодѣ, мѣстоположеніи города—сухая исторія! Я коснулся было общественной жизни, что дворяне любятъ веселиться и привыкли, чтобы участвовалъ съ ними губернаторъ. Онъ отвѣчалъ, что какъ спрятится съ дѣлами то и онъ не прочь раздѣлить общее удовольствіе. Но такъ и не справился! Я рассказалъ какой-то анекдотъ думая сорвать улыбку—разсказать мой прошель мимо! Видаясь по разнымъ случаямъ съ Жиркевичемъ, я всегда заставалъ его за бумагами и составилъ о немъ себѣ понятіе, что это человѣкъ дѣла. Онъ всегда былъ какъ-то сдержанъ, очень вѣжливъ, но малѣйшая несправедливость, плутовство по дѣламъ—выводили его изъ себя; вспыхивъ, онъ уже не зналъ границъ гнѣва. Много ходило рассказовъ по городу, какъ онъ, забывшись, гнался до крыльца за совсѣмъ. Мошенники для него теряли личность, но за то и боялись его чиновники!

Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его дѣятельности, его безкорыстія; онъ отдался весь, безъ остатка, полезному служебному труду. Жиркевичъ былъ ходачій законъ. Узнавши его, я готовъ былъ поклониться ему, но, къ сожалѣнію, видѣлъ, что онъ не по дому пришелся въ Симбирскѣ. Мои сношения съ нимъ были прекрасны, но сухи.

Я заговаривалъ съ дворянами, какъ бы губернатора завлечь въ общество? Миѣ отвѣчали: «Зачѣмъ? Онъ пріѣзжай, долженъ самъ искать въ насы; не想要, пусть будетъ губернаторомъ, мы ему не мѣшаемъ и не нуждаемся въ немъ».

На послѣднихъ выборахъ, губернскій предводитель, князь Б—въ, отказался, и на его мѣсто выбрали отставнаго генераль-маиора Бестужева; онъ былъ старый холостякъ, веселонравивый, часто впадающій въ роль буффа.

Почиталъ я Жиркевича и очень любилъ генерала Бестужева, но вотъ случай, поставилъ меня въ затрудненіе: были парадныя похороны уважаемой особы; лѣтній день превосходный, весь городъ высыпалъ проводить гробъ въ монастырь. Въ Симбирскѣ въ общемъ употребленіи: на длинныхъ, тонкихъ дорогахъ устроены очень низко дрожки, на нихъ могутъ сѣсть семь, восемь человѣкъ. На такихъ дрожкахъ или городовомъ тарантасѣ, сѣли: Жиркевичъ, Бестужевъ и я—между ними посрединѣ. Народъ толпился около важныхъ лицъ. Надобно разсказать бывшій передъ тѣмъ случай. Былъ архитекторъ и въ то же время небольшой помѣщикъ Симбирска. Какая-то казенная постройка или починка поручена архитектору; обыкновенно: смѣта, справочная цѣна. Архитекторъ не разсчиталъ, что ему придется имѣть дѣло съ Жир-

кевичемъ. Обычная увѣренность специалистовъ—что тамъ смыслить губернаторъ! Жиркевичъ сразу поймалъ не на одной плутнѣ и еще бы ничего, но архитекторъ упорно заспорилъ; Жиркевичъ вспыхнулъ, вышелъ изъ себя, и архитекторъ дѣйствіемъ вылетѣлъ изъ кабинета и изъ дома. Архитекторъ, какъ помѣщикъ, принесъ жалобу губернскому предводителю. Сначала мыѣхали почти молча, Бестужевъ очень скромно сказалъ:

— Ваше превосходительство, вы на-дняхъ очень неосторожно выгнали здѣшняго помѣщика.

— Кого это?

— Архитектора.

— Онъ мошенникъ, воръ.

— Этотъ мошенникъ все-таки дворянинъ, помѣщикъ, такъ нельзя поступать.

— Мошенникъ, воръ,—не имѣть званія, я выгналъ подлеца и выгнаю всякаго вора.

— Если такъ будете поступать съ дворянами, то къ вамъ придутъ всѣ дворяне!

— Я прикажу баталіону выгнать ихъ!

Вижу, закипѣлъ Жиркевичъ, дошло до крупнаго, народъ окружаетъ плотно; я рѣшился войти въ свои права и, не смотря ни на котораго, сказаль: Ваши превосходительства, господинъ губернаторъ и господинъ губернскій предводителъ! На основанії секретной инструкціи, высочайше утвержденной, прошу прекратить разговоръ, унижающій главныя власти; здѣсь не мѣсто, васъ окружаетъ народъ!

Замолчали оба мои пріятели и молча доѣхали до могилы. Послѣ съ обоми я не коснулся этого случая.

Честный и ретиво-трудолюбивый Жиркевичъ не могъ понравиться симбирскому дворянству, которое было гордо, богато, независимо и дружно. Дворянство привыкло видѣть въ губернаторѣ члена общества, не мѣшаю ему быть губернаторомъ. Жиркевичъ не могъ отදлиться отъ службы; какъ онъ для общества, такъ и оно для него, не существовало.

Весьма часто я писалъ къ шефу, что Жиркевичъ феноменъ между губернаторами, но въ Симбирскѣ онъ пришелся не по дому. Писалъ, что Жиркевича достанетъ управлять тремя губерніями, стоять за его благородную честность, неутомимость, но, какъ губернаторъ, въ Симбирскѣ онъ совершенно нелюбимъ дворянствомъ, которое можетъ уважать губернатора, но когда онъ стоитъ въ головѣ общества и дѣлить съ ними удовольствія. Жиркевича убрали.

(Продолженіе схѣдуетъ).

Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году.

III ^{1).}

Възжая 12-го августа изъ Смоленска, Наполеонъ назначилъ начальникомъ Смоленской губерніи, или интендантомъ, ген. Виллебланша. Должность военного губернатора исполнялъ сначала Коленкуръ, потомъ Жомини (впослѣдствіи перешедшій на русскую службу), а обязанности комиссара по продовольственной части—Сіовъ.

13-го августа велѣно было жителямъ выходить изъ собора и располагаться по уцѣлѣвшимъ домамъ. Переселился въ свой домъ и о. Никифоръ. Хотя нужда въ пропитаніи доходила до того, что не брезгали и остатками отъ французскихъ боенъ, тѣмъ не менѣе о. Никифоръ съ своими сыновьями, Костей и Иваномъ, ежедневно до самаго Успенія, ходилъ къ русскимъ раненымъ, за городомъ, на кирпичныхъ заводахъ, и носилъ имъ воду, овощи и яблоки. Благодаря этому, нѣкоторые изъ нихъ выздоровѣли, а одинъ—вахмистръ Никитинъ, остался въ Смоленскѣ и служилъ при военномъ госпиталѣ на Казанской улицѣ, сохранивъ до самой смерти горячую признательность о. Никифору за спасеніе ему жизни. Свободному доступу Мурзакевича повсюду способствовали, кромѣ его священнической одежды, и его энергія, доходившая до дерзости, передъ которой отступали невольно непріятели, а самое главное—благородство его поступковъ и человѣколюбивый характеръ его дѣйствій и хлопотъ, предъ чѣмъ не могли не преклоняться съ уваженiemъ французы.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

Иначе поступали многіе священники, переодѣвшиіся въ крестьянскую одежду и приходивши въ Смоленскъ на базарь для покупки припасовъ. Ихъ выдавала робость и неувѣренность всѣхъ движений, которая давала поводъ французамъ заподозрѣвать въ нихъ переодѣтыхъ казаковъ и причинять имъ непріятности...

14-го августа въ Солдатской слободѣ вспыхнули пожары. Между прочимъ сгорѣла и деревянная Всесвятская церковь, возлѣ которой въ мартѣ 1789 г. былъ похороненъ строптивый грузинскій царевичъ, Александъръ Багратовичъ¹⁾. Эта церковь уцѣлѣла, когда вокругъ нея кипѣло сраженіе и неслись мимо ядра и гранаты, а теперь, оставленная, какъ и вся смоленскія церкви, безъ присмотра, погибла въ пламени.

Уцѣлѣвшія отъ ядеръ и пожара церкви были обращены французами или въ госпитали и тюрьмы, или просто въ конюшни. Поэтому служба во многихъ изъ нихъ не могла совершаться, и никогда не совершалась до 15-го августа. Въ этотъ день въ соборѣ, въ 1-й разъ послѣ 5-го числа, ударили въ колоколъ. Такъ какъ за неимѣніемъ просфоръ обѣдни нельзя было служить, то отслужили «часы», или вѣрнѣе: «обѣдницу». Велика была радость русскихъ, услышавшихъ знакомый благовѣстъ соборного колокола! Храмъ не могъ вмѣстить желающихъ помолиться въ немъ, тѣмъ больше, что не всѣ еще обитатели его разошлись по домамъ. Когда, по окончанію обѣдницы, соборные звонари затрезвонили, французы останавливались и съ удивленіемъ слушали стройный трезвонъ, выражая свои похвалы искусству звонарей.

15-го августа интендантомъ Виллебланшемъ былъ организованъ въ Смоленскѣ муниципалитетъ для завѣдыванія городскими дѣлами. Помѣщался онъ въ зданіи городового магистрата возлѣ Одигитріевской церкви и состоялъ изъ 8 членовъ, приневоленныхъ къ службѣ довольною откровенными угрозами.

Мэромъ, или городскимъ головою, былъ назначенъ статскій совѣтникъ Ярославцевъ, генеральныи секретаремъ—учитель гимназіи Ефремовъ, а членами—колл. асс. Рутковскій, кушцы—Чапа, Брунь и колл. асс. Узелковъ; комиссарами по продовольствію города и надзору за порядкомъ Рагулинъ, помощникъ консисторскаго секретаря, Николай Великановъ, Ключаревъ и Павловъ; семинаристъ Звѣревъ назначенъ былъ писцомъ, а дворянине—Рейнеке и Санхо-Ляшевичъ—переводчиками²⁾.

¹⁾ Эта церковь потомъ не была восстановлена, кладбище вокругъ нея было застроено обывательскими домами, и только желѣзный крестикъ обозначалъ мѣсто ея алтаря. Стараніями преосв. Никанора, б. еп. смол., въ 1898 г. было, наконецъ, приступлено къ постройкѣ здѣсь каменной церкви.

²⁾ Утвержденіе историка г. Смоленска, Никитина, будто на французской службѣ были лишь „люди безъ имени“, такимъ образомъ, невѣрно. Что не

Валы и неохотны были служебныя дѣйствія «муниципальныхъ» чиновниковъ. 15-го (27-го) сентября интендантъ писалъ членамъ муниципалитета: «Государи мои! Къ крайнему прискорбію, нужно мнѣ вѣсль упредить, что не могу быть доволынмъ нерачительностю вашею къ службѣ вашего отечества. Сего утра въ половинѣ 9 часа не находилось въ муниципалитетѣ никого изъ членовъ, даже самого мэра. Никто не трудится съ усердіемъ. Я увѣдомляю вѣсть, хотя это и съ прискорбіемъ моимъ будеть соединено, что если это продолжится, то принужденъ буду употребить строгія мѣры! Затѣмъ, какъ члены муниципалитета, имѣете вы совершенно въ законной власти всѣхъ жителей; поэтому, господамъ Рейнеке, Коховскому и Санхо-Ляшевичу слѣдуетъ въ засѣданіи сдѣлать строгій выговоръ и предостеречь ихъ, что съ ними можетъ послѣдовать нѣчто непріятное. Имѣю честь быть съ моимъ почтеніемъ... Р. Виллебланшъ».

Очевидно, что всѣ старанія ввести въ городѣ правильное теченіе жизни и порядокъ не удавались французскому начальству. Не одни русскіе были тому причиной. Само французское начальство, напримѣръ, не могло или не хотѣло остановить грабежи французскихъ войскъ.

Особенно отличались своими насилиями, чинимыми жителямъ, поляки и баварцы. Они грабили дома и поджигали ихъ намѣренно. Имъ подражали нѣкоторые негодяи и изъ русскихъ, которымъ французы оказывали покровительство.

7-го сентября французы торжественно праздновали въ Смоленскѣ занятіе Москвы. Это празднество произвело на русскихъ тяжелое впечатлѣніе. Угнетала неизвѣстность будущаго и безотрадное настоящее. Жители притихли и сидѣли по своимъ домамъ. Надъ городомъ словно нависло уныніе. «Тишина и рѣдкіе пожары»,—кратко записалъ Мурзакевичъ подъ 10-мъ сентября.—Цѣны на все вздорожали. Булка сѣмьшпаннаго съ отрубями хлѣба въ 15 ф. вѣсомъ стоила отъ 2¹/₂, до 4 рублей; фунтъ хлѣба 5 коп., говядины—12 к., чарка водки—25 к. Хлѣбъ и картофель составляли почти единственную пищу жителей, да и ихъ не всегда можно было достать. За неимѣніемъ же ихъ, употребляли всякую зелень, чтѣ отзывалось на здоровье. Эти лишенія, постоянная тревога и неизвѣстность будущаго въ домѣ Мурзакевича вызвали новую утрату: 10-го сентября умерла его старушка-мать, которой такъ и не довелось увидѣть освобожденія родной земли отъ непріятелей. О. Ни-

одни „разночинцы“ служили французамъ, видно изъ списка лицъ, служившихъ по губерніи. Всѣхъ ихъ было 49 чел., всѣ они были приневолены къ службѣ, и хотя служили, что называется „изъ-подъ палки“, но по изгнанію французъ были преданы суду, но прощены по манифесту 30-го авг. 1814 г.; но не всѣ дождались его, сидя по тюрьмамъ.

кифоръ скончалъ ее возлѣ своей Одигитріевской церкви; и еще печальнѣе стало въ его домѣ: теперь онъ былъ совсѣмъ одинокъ—ни жены, ни матери.

Въ это время обѣдни, хотя и рѣдко, но служились, кромѣ Одигитріевской церкви, въ Вознесенскомъ монастырѣ и разъ въ Спасской церкви. Въ соборѣ служба совершилась рѣдко за отсутствіемъ священниковъ, такъ какъ остававшійся тамъ соборный священникъ о. Василій Щировскій былъ боленъ. 2-го октября онъ умеръ, и соборъ остался безъ хозяина. Тогда жившій раньше въ соборѣ близюковскій архимандритъ Иосифъ, драхлый старецъ, передалъ съ вѣдома прот. Звѣрева ключи отъ собора о. Никифору, который упросилъ французскихъ властей вывести изъ собора караулъ, нарушавшій святость мѣста. Просьба энергичнаго священника, уже известнаго французскому начальству по его прежнимъ сношеніямъ съ нимъ, была уважена, и караулъ былъ удаленъ изъ собора, и къ запертymъ на замокъ его дверямъ былъ приставленъ одинъ часовой.

12-го октября явились къ Мурзакевичу французы и пригласили его, отъ лица коменданта слѣдовать за ними въ Спасскую церковь, гдѣ содержались русскіе пленники. Въ числѣ послѣдникъ находился отставной подполковникъ Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ, владѣлецъ сельца Дягилева, Духовщинского уѣзда. Онъ былъ арестованъ по обвиненію въ избѣженіи французскихъ солдатъ. Дѣло было такъ¹⁾). Крестьяне Энгельгардта, возбужденные слухами, распространявшимися агентами Наполеона о волѣ, отказались работать на него, въ то время какъ всѣ сосѣдніе крестьяне оставались спокойными. Энгельгардтъ пригласилъ стоявшаго въ Порѣчскомъ уѣздѣ казачьяго сотника съ его казаками — образумить крестьянъ. Тѣ исполнили свое дѣло и удалились. Тогда озлобленные крестьяне донесли смоленскому губернатору, будто Энгельгардтъ заставляетъ ихъ убивать французовъ. Доносъ не подтвердился, и Энгельгардтъ былъ отпущенъ съ миромъ. Чтобы отомстить клеветникамъ, онъ повторилъ надъ ними экзекуцію при помощи тѣхъ же казаковъ. На этотъ разъ крестьяне придумали болѣе вѣрное средство избавиться отъ своего помѣщика. Они убили и закопали въ его саду двухъ мародеровъ, а затѣмъ снова донесли въ Смоленскъ на своего помѣщика. Найденные трупы послужили главною уликою противъ Энгельгардта; онъ былъ взятъ подъ стражу и посаженъ въ Спасскую церковь. Здѣсь просидѣлъ онъ около двухъ недѣль. Наполеонъ на донесеніи о его дѣлѣ наложилъ краткую резолюцію: «разстрѣлять!»

Когда сообщили этотъ приговоръ Энгельгардту и велѣли готовиться къ смерти, онъ, зная Мурзакевича, какъ образованнаго человѣка и

¹⁾ Рассказъ прот. Иоанна Никиф. Мурзакевича.

дѣльного священника, просилъ французское начальство призвать его къ нему, чтобы передать ему свою послѣднюю волю и получить отъ него религиозное утѣшениѳ и напутствованіе Св. Дарами.

Въ теченіе двухъ дней предъ казнью о. Никифоръ ходилъ къ Энгельгарду въ его тюрьму и бесѣдовалъ съ нимъ по долгому пастыря. Наконецъ, настало 15-е октября, день казни. Утромъ о. Никифоръ въ послѣдний разъ былъ приглашенъ въ Спасскую церковь для сопровожденія несчастнаго Энгельгардта къ мѣсту казни. Взявъ съ собою необходимыя ризы и богослужебныя книги, о. Никифоръ съ двумя дѣтьми, Константиномъ и Иваномъ, учениками семинаріи (и раньше сопровождавшими его въ тюрьму), отправился около 11 ч. дня въ Спасскую церковь. Въ алтарѣ увидѣли они Энгельгардта, который сначала замѣтно смущался при ихъ появленіи, но потомъ бодро поздоровался съ о. Никифоромъ и сказалъ, что онъ призвалъ его, чтобы вручить ему «иѣ-которыя записки». Тутъ же онъ просилъ о. Никифора проводить его на казнь, а послѣ нея отпѣть по немъ проводъ и предать его тѣло землѣ по-христіански.

Присутствовавшій при этомъ польскій полковникъ Костенецкій, вынувъ изъ-за пазухи полбутилки водки, предложилъ Энгельгардту выпить; когда же тотъ отказался, Костенецкій насильно влилъ ему въ ротъ нѣсколько глотковъ. Не ъвшій ничего около двухъ дней Энгельгардтъ отъ этого, замѣтно, охмыгъль. Костенецкій выразилъ сожалѣніе по поводу жестокаго и неправильнаго приговора, замѣтивъ, что еслибы онъ въ то время былъ въ Смоленскѣ, то настоятель бы на безпристрастномъ разслѣданіи, и тогда участь Энгельгардта была бы не такова. Поблагодаривъ его за учтивость, Энгельгардтъ сказалъ, что ему смерть не страшна, и требовалъ лишь вести его скорѣе на мѣсто казни. Дорогою онъ все время молчалъ, идя впереди съ опущеною головою и заложенными назадъ руками.

У Малаховскихъ воротъ къ печальному шествію присоединился отрядъ солдатъ. Выйдя изъ воротъ и пройдя по крѣпостному рву за вторую башню (направо), кортежъ остановился. Энгельгардту стали читать приговоръ.

Не дослушавъ его, онъ вскричалъ по-французски: «Полно вратъ, пора перестать! заряжайте скрѣй и стрѣляйте, чтобы не видѣть мнѣ больше разоренія моего отечества и угнетенія моихъ соотечественниковъ». Когда хотѣли завязать ему глаза, онъ не позволилъ, говоря: «прочь! хочу видѣть свою смерть!» Потомъ попрощался онъ съ о. Никифоромъ, его дѣтьми и членомъ муниципалитета, Федоромъ Прокофьевичемъ Рагулинскимъ, которому вручили свое духовное завѣщаніе, а

о. Никифору двѣ записки на получение спрятанныхъ въ Дягилевъ вѣщей въ благодарность за послѣднее утѣшніе¹⁾.

Отецъ Никифоръ сквозь слезы сказалъ Энгельгардту: «Павелъ Ивановичъ! перекрестись и скажи: «Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!». Энгельгардтъ сталъ молиться, повторяя эти слова. Раздался залпъ. Изъ 18 зарядовъ, двѣ пули попали въ грудь, и одна въ животъ. Энгельгардтъ упалъ на правое колѣно, потомъ навзничь и, имѣя силу поднять глаза и руки къ небу, сталъ кончаться. Такъ какъ дыханіе еще въ немъ длилось, то одинъ изъ солдатъ, зарядя ружье, выстрѣлилъ ему въ високъ, и тогда онъ скончался.

О. Никифоръ надѣлъ ризу и сталъ пѣть проводъ, а сынъ его, вставъ съ земли, дѣтскимъ голоскомъ вторилъ ему: «Господи, помилуй», плача и глотая слезы.

Рагулинъ распоряжался въ это время копаніемъ могилы. Не успѣлъ о. Никифоръ окончить проводъ, какъ солдаты бросились на трупъ Энгельгардта, раздѣли его донага ибросили ничкомъ въ яму, глубиною не больше $\frac{3}{4}$ аршина; а окровавленную его одежду и обувь тотчасъ же подѣлили между собою.

Переданное Энгельгардтомъ письмо къ своей матери о. Никифоръ потомъ вручилъ ей лично, согласно просьбѣ покойнаго, а женѣ его написалъ въ декабрѣ письмо, гдѣ, прося ее отпустить вины покойнаго предъ нею, подробно описалъ послѣдніе часы его жизни.

Еще подробнѣе описаны они сыномъ Мурзакевича, Иваномъ, на котораго зрѣлице казни произвело такое сильное впечатлѣніе, что и въ глубокой старости онъ не могъ вспоминать о ней безъ содроганія²⁾.

Во 2-й половинѣ октября начинается обратное прохожденіе непріятельскихъ войскъ черезъ Смоленскъ. Для продовольствія ихъ Наполеонъ предписалъ губернатору Жомини приготовить въ Смоленскѣ запасы муки и хлѣба и занять подъ магазины уцѣлѣвшія церкви. Губернаторъ остановилъ свое вниманіе на соборѣ, куда предположено было помѣстить 30.000 кулей хлѣба.

19-го октября Мурзакевичъ получилъ чрезъ муниципалитетъ тре-

¹⁾ Кромѣ этого, по духовному завѣщанію о. Никифоръ получилъ въ 1820 г. пять крѣпостныхъ душъ, записанныхъ по 7-й ревизіи за роднымъ братомъ его, капитаномъ Иваномъ Энгельгардтомъ.

²⁾ Женою покойнаго на мѣстѣ его кончины былъ поставленъ небольшой каменный памятникъ, который по повелѣнію имп. Николая 1-го замѣненъ массивнымъ чугуннымъ. Въ 1885 г. валъ, прикрывавшій ровъ, былъ срытъ, мѣстность спланирована, и памятникъ былъ приподнятъ надъ могилою, и теперь стоять не во рву, а на площадкѣ. Дума постановила разбить здѣсь скверъ, но это такъ и осталось благимъ намѣреніемъ.

бование отъ губернатора — доставить ему ключи отъ собора. Предчувствуя недобroe, о. Никифоръ не далъ ключей, а на завтра, 20-го окт., отправился съ протодіакономъ Рудаковымъ въ соборъ, чтобы, на всякий случай, спрятать находившіяся тамъ вещи. Но стоявшій на крыльцѣ часовой не допустилъ ихъ къ дверямъ. Тогда Мурзакевичъ пошелъ къ коменданту Трибо и кригсъ-коммиссару Сіову просить, чтобы разрѣшили входъ. Комендантъ выдалъ ему входной билетъ.

Затѣмъ пошли къ военному губернатору Жомини съ просьбой — не трогать соборъ. Тотъ объяснилъ, что это не отъ него зависитъ: такова воля Наполеона. Тѣмъ не менѣе соборъ не былъ тотчасъ же занять подъ магазинъ, а чрезъ недѣлю не было уже въ этомъ и надобности, такъ какъ въ Смоленскъ прибылъ самъ Наполеонъ, а за нимъ следовала въ беспорядкѣ и его армія.

Кригсъ-коммиссарь Сіовъ и интенданть Виллебланшъ 25-го октября привезли къ себѣ Мурзакевича и сначала советовали, а потомъ стали и требовать, чтобы онъ встрѣтилъ Наполеона съ наличнымъ городскимъ духовенствомъ насколько возможно торжественнѣе.

Отказаться отъ этой тажелой обязанности — значило навлечь на себя и на городъ кару; а принять ее — и того хуже: это значило бы оказаться измѣнникомъ своему государю, уронить себя въ глазахъ согражданъ и подвергнуться потомъ суду и строгому наказанію.

Въ концѣ концовъ, о. Никифоръ рѣшился, рискуя всѣмъ своимъ будущимъ, встрѣтить Наполеона, чтобы спасти родной городъ и его храмы отъ разоренія.

Увѣдомивъ протопопа Звѣрева и о. Якова Соколова (больше въ городѣ не было священниковъ), онъ утромъ 27-го октября пошелъ въ соборъ, взялъ тамъ ризы и крестъ и съ подошедшими двумя священниками отправился къ Днѣпровскимъ воротамъ, гдѣ уже ожидало Наполеона въ полномъ составѣ все городское французское начальство. Продрогнувши на холодахъ, Мурзакевичъ и его два сослуживца, съ разрѣшеніемъ начальства, разошлись по домамъ. Отецъ Поликарпъ сказалъ: «Наполеона не будетъ!»

Въ этотъ день Наполеонъ, дѣйствительно, не прибылъ въ Смоленскъ.

На другой день, 28-го октября, о. Никифоръ былъ приглашенъ къ больному мѣщанину, Ивану Короткому, жившему у Днѣпровскихъ воротъ, отслужить молебенъ. Взявъ съ собою черствую просвиру для больного, а сыну Ивану поручивъ нести ризы, о. Никифоръ отправился въ путь. Погода была настоящая зимняя: морозъ доходилъ до 12%, при сильномъ вѣтре. Дорога по улицѣ была покрыта снѣгомъ, который настолько былъ притоптанъ проходившими солдатами, что обратился въ зеркальную поверхность.

Перейдя верхнюю базарную площадь (нынѣ «Сѣнную»), о. Никифоръ съ трудомъ сталъ спускаться съ горы мимо присутственныхъ мѣстъ къ Троицкому монастырю. Между монастыремъ и соборною горою въ то время былъ «сухой ровъ», черезъ который перекинутъ былъ мостъ.

Не успѣлъ о. Никифоръ дойти до монастыря, какъ къ нему подъѣхалъ французскій жандармъ и сообщилъ, что идетъ Наполеонъ. Растревавшись отъ неожиданности, о. Никифоръ крикнулъ сыну: «Давай ризу». Кое-какъ успѣлъ онъ надѣтъ на себя эпитрахиль, и въ этотъ моментъ подошелъ къ нему военный губернаторъ Жомини, знавшій его лично, и сказалъ по-латыни: «Ecce Napoleon». О. Никифоръ торопливо снялъ съ головы шапку и, поднявъ глаза, увидаль возлѣ самого себя Наполеона. Взглянувъ на растерявшагося священника, стоявшаго безъ шапки, съ эпитрахилю на груди и съ просфорою въ рукахъ, Наполеонъ спросилъ его: «Pope?» — «Tакъ!» отвѣчалъ о. Никифоръ по-латыни и сунулъ ему въ руку просфору. Наполеонъ, не глядя и не останавливалъ, передалъ ее какому-то генералу и прослѣдовалъ дальше¹⁾.

За Наполеономъ тащилась подъ гору карета, запряженная четверицей врядъ; спереди и сзади кареты были привязаны ржаные снопы. Самъ Наполеонъ былъ одѣтъ въ сѣрий фризовый сюртукъ, въ собольей шапкѣ съ синимъ бархатнымъ верхомъ съ кистью. Генералы также были въ фризовыхъ сюртукахъ. Всѣ они шли пѣшкомъ. Такъ распорядился самъ Наполеонъ еще за нѣсколько верстъ отъ Смоленска. «Ему казалось, говорить маркизъ Пасторе, что по гололедицѣ онъ будетъ идти пѣшкомъ быстрѣе и увѣренѣе, чѣмъ его лошади, падавшія на каждомъ шагу. Окружающіе почли долгомъ послѣдовать его примѣру²⁾. По словамъ фонъ-Зукова, особенно трудно было всходить на обледенѣвшую соборную гору: офицеры и генералы шли кто на ципочкахъ, кто вывертывая ноги, какъ маленькия дѣти, только-что начиная ходить, а нѣкоторые даже пробирались на четверенькахъ³⁾. Таково было «вступленіе» въ Смоленскъ побѣдителя Европы!

Въ Смоленскѣ Наполеонъ остановился въ губернаторскомъ домѣ и никого къ себѣ не принималъ первое время. Узнавъ, что въ городѣ заготовлено мало запасовъ для арміи, онъ пришелъ въ бѣшенство и приказалъ разстрѣлять комиссара Сюва. Непріятныя вѣсти со всѣхъ сторонъ о пораженіяхъ и разстройствѣ арміи заставили его забыть объ этомъ приказаніи, и Сювъ избѣжалъ казни.

А положеніе французской арміи было ужасное. До Смоленска сол-

¹⁾ «Всего этого, замѣчаетъ въ дневникѣ о. Никифоръ, никто не видѣлъ» вѣроятно, потому, что никто не ожидалъ въ этотъ день и часъ Наполеона.

²⁾ Записки маркиза Пасторе. «Р. Архивъ» 1900 т. № XII, 534.

³⁾ «Истор. Вѣстникъ» 1901 г. юль, 295.

даты шли, преодолѣвая препятствія, въ надеждѣ, что въ Смоленскѣ они отдохнуть на теплыхъ квартирахъ и поѣдѣть сытно. Каково же было ихъ отчаяніе, когда они узнали, что Смоленскъ разоренъ и пустъ. Добываніе продовольствія сопровождалось грабежами и междуусобною воиною между бывшими союзниками.

30-го октября польские солдаты напали на Одигитріевскую церковь, разбили дверь и стали грабить спрятанные здѣсь церковныя и обывательскія вещи. О. Никифоръ, услыхавъ шумъ, прибѣжалъ сюда и сталъ отнимать ихъ. Поляки избили его почти на смерть, порубили саблею по головѣ, а одинъ ударили шпорою въ бокъ. Полуживой онъ былъ отнесенъ въ свой домъ, но крѣпкая натура вынесла эти побои, хотя была надломлена ими. Оказалось, что на грабежъ навѣгъ поляковъ ихъ полковникъ Костеицкій, который таѣ сочувствовалъ невинному Энгельгардту, и который самъ же въ это самое утро посовѣтовалъ Мураакевичу перепратить вещи въ другое мѣсто. Ему нужно было только разузнать, гдѣ будуть спрятаны эти вещи. Къ счастію, вещи, спрятанные раньше подъ колокольню, въ томъ числѣ и серебряная риза съ иконами Одигитріи, остались цѣлы отъ грабежа.

Четыре дня прожилъ Наполеонъ въ Смоленскѣ. 1-го ноября на Покровской горѣ за Диѣпромъ появились въ виду города наши казаки, и это произвело на французовъ переполохъ. Запасы въ городѣ всѣ уже были истреблены, со всѣхъ сторонъ получались самыя неблагопріятныя извѣстія. «Приходилось, говорить Пасторе, покинуть Смоленскъ».

2-го ноября показалась на Покровской горѣ и русская армія, а вечеромъ того же дня Наполеонъ выступилъ изъ Смоленска съ своею гвардіею къ г. Красному, отдавъ приказаніе Даву и вице-королю задерживать русскихъ и, выходя изъ Смоленска, взорвать городскія башни, хотя въ городѣ оставалось множество французскихъ больныхъ и раненыхъ солдатъ.

Покидая городъ, непріятель поджигалъ его въ разныхъ мѣстахъ, а въ полночь 5-го ноября были взорваны и девять крѣпостныхъ башенъ изъ числа тридцати. Въ ту же ночь сгорѣла городской магистратъ, а въ 7 часовъ утра того же 5-го ноября Смоленскъ былъ занятъ русскими войсками.

Послѣдній отрядъ французовъ въ 400 человѣкъ съ 3 пушками, заѣвшій въ Авраміевскомъ монастырѣ, ушелъ чрезъ Никольскія ворота, оставилъ монастырь полуразрушеннымъ, семинарскую библіотеку выброшенную на дворъ, а семинарскія зданія разоренными. Въ залѣ диспутовъ, гдѣ лежали раненые, потомъ нашли на стѣнѣ нарисованную углемъ картину осады Смоленска, которую семинарское начальство приказало стереть.

И такъ ровно три мѣсяца Смоленскъ находился во власти непрія-

теля. За это время о. Никифоръ лишился двухъ дочерей и самъ послѣ перенесенныхъ тревогъ, и лишений, и побоевъ чувствовалъ себя очень плохо. Еще хуже было его душевное состояніе. Припоминалась встрѣча съ Наполеономъ, и являлось опасеніе, какъ бы не подвергнуться за это отвѣтственности.

IV.

Съ 6-го ноября начинаютъ возвращаться въ Смоленскъ представители власти и «люди съ именемъ», изъ которыхъ одни предъ наступленіемъ французовъ внушили всѣмъ бодрость и принимали подписки о «невыѣздѣ», а другіе давали эти подписки, и тѣмъ не менѣе первыми подали примѣръ бѣгства при приближеніи непріятеля къ Смоленску.

Среди наличныхъ священниковъ прот. Васильевъ оказывался старше всѣхъ; поэтому онъ, по прибытіи въ Смоленскъ, явился къ занявшему городъ маюру Горихвостову, который велѣлъ ему оповѣстить всѣхъ городскихъ священниковъ, чтобы они 7-го числа прибыли къ нему для выслушанія высочайшей воли. Когда на слѣдующій день духовенство собралось, Горихвостовъ объявилъ ему, чтобы всѣ священноцерковнослужители были при своей должности, распоряжаться же духовенствомъ, «за небытностью старшихъ духовныхъ начальниковъ», назначилъprotoiereю Васильеву.

7-го ноября прот. Васильевъ съ четырьмя наличными священниками встрѣчалъ, по порученію Горихвостова, у Днѣпровскихъ воротъ вступавшую въ Смоленскъ русскую армию, которая при колокольномъ звонѣ направилась къ собору для служенія благодарственного молебна.

10-го ноября у Малаховскихъ воротъ торжественно встрѣчена была духовенствомъ и народомъ надворотная икона Божіей матери Одигитрія, три мѣсяца сопутствовавшая нашимъ полкамъ и возвращенная въ Смоленскъ изъ города Краснаго командиромъ 1-й батарейной роты Вельяминовымъ. При многочисленномъ стечениіи народа и звонѣ колоколовъ ее несли чреезъ весь городъ и поставили въ тепломъ соборѣ, гдѣ она и прежде стояла.

Въ городѣ понемногу вводился порядокъ. На улицахъ убирали мертвыхъ тѣлъ, которыхъ сначала таскали въ Днѣпръ, а потомъ стали складывать въ скирды за казанскимъ проломомъ и сжигать. Для предупрежденія заразы на улицахъ, жгли костры навозу и мазали дегтемъ ворота обывательскихъ домовъ.

Въ то же время, на основаніи ходившихъ по городу слуховъ, возвра-

тившіяся власти начали производить разслѣдованіе о лицахъ, служившихъ непріятелю.

16-го ноября протоіерей Васильевъ получилъ отъ временно исправлявшаго должность поліцеймейстера майора Мельникова слѣдующее отношеніе:

«До свѣдѣнія моего дошло, что при завоеваніи французскими войсками здѣшняго города, въ соборной ризницѣ осталось много вещей, принадлежащихъ собору, и мѣдныхъ денегъ 20.000 рублей, изъ которыхъ французскія войска уплачивали за забранные медикаменты вольному аптекарю Мего, изъ чего и полагаю, что ризница та и въ ней принадлежалія до церкви вещи, равно и означенныи деньги, есть въ цѣлости (?); о чёмъ для вѣрнѣшаго донесенія начальству прошу ваше протоіерейство меня увѣдомить,—все ли то есть въ цѣлости; въ противномъ же случаѣ, у кого все то было на рукахъ, и куда употреблено, также не оставить безъ увѣдомленія».

Этотъ документъ и былъ ближайшимъ поводомъ къ началу официальнаго дѣла обѣ измѣнѣ Никифора Мурзакевича.

Васильевъ отвѣчалъ Мельникову, что дѣло это касается не его, а поліціи, и назначилъ депутатомъ съ духовной стороны самаго неблагонадежнаго изъ городскихъ священниковъ — Якова Соколова. Самъ же, ничего не осмотрѣвъ, не взялъ даже ключей отъ собора и кладовыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ у протодіакона Рудакова, а другой у Мурзакевича. Потомъ онъ взялъ ключъ у Рудакова, а отъ Мурзакевича ключъ былъ истребованъ только 17-го декабря и то не Васильевымъ, а петровловскимъ протоіереемъ Еленевымъ, членомъ консисторіи.

Такое начало не предвѣщало Мурзакевичу ничего хорошаго. Слухи о назначеніи въ Смоленскъ для приведенія въ порядокъ разореной епархіи члена Св. Синода Феофилакта, архіепископа рязанскаго, еще больше удручили его, такъ какъ Феофилактъ пользовался славой строгаго и безсердечнаго человѣка. Сослуживцы, которые и раньше недоброжелательно относились къ о. Никифору, начали удаляться отъ него, какъ отъ зачумленнаго: имъ онъ представлялся теперь государственнымъ преступникомъ, судьба котораго уже была предрешена, и имѣть знакомство съ которымъ казалось дѣломъ опаснымъ.

18-го декабря консисторія потребовала отъ Мурзакевича подпиську о невыѣздѣ изъ города. 19-го числа прибылъ въ Смоленскъ архіепископъ Феофилактъ (Русановъ). Ему было поручено Св. Синодомъ устройство епархій, разоренныхъ непріятелемъ (Смоленской, Могилевской, Минской и Калужской). Это былъ человѣкъ крутаго нрава, «грозный и немилостивый судія».

Изъ резолюцій и отношеній Феофилакта на имя преосвященнаго

смоленского Иринея ¹⁾ видно, что это былъ чловѣкъ рѣзкій, энергичный, но самовластный и грубоватый. Кроткаго Иринея-затворника оиь своимъ указаніями и распоряженіями, соединенными съ выговорами, довелъ до того, что тотъ, какъ увидимъ, подалъ въ отставку и удалился въ Киевскій Михайловскій монастырь ²⁾.

19-го декабря ѡеофилактъ прїѣхалъ въ Смоленскъ, а 20-го Мурзакевичъ записалъ въ свое мѣсто дневникъ:

«Потребованъ къ синодалу по доносу николаевскаго протопопа Алексія Васильева. Рассказалъ откровенно все, со мною случившееся.

— Зачѣмъ встрѣчалъ Наполеона?

Отвѣчалъ:

— Чтобы спасти храмы Божіи: первосвященникъ іудейскій Іоддай встрѣчалъ язычника Александра Македонскаго, а папа Левъ Святый—Аттилу у вратъ Рима, угрожавшаго граду разореніемъ».

Ревнителя не по разуму начальство предало уголовному суду.

24-го декабря ѡеофилактъ запретилъ священническое служеніе Мурзакевичу, прот. Звѣреву и свящ. Якову Соколову.

Въ тотъ же день день ѡеофилактъ писалъ Иринею: «Рекомендую вашему преосвященству отъ священника Мурзакевича немедленно отобрать объясненіе, какія онъ имѣлъ побужденія отъ бывшаго здѣсь французскаго правительства принять на себя порученіе касательно храненія ключей отъ собора, ризницы и кладовыхъ? кроме принадлежащаго архіерейскому дому и собору не хранилось ли тогда въ оныхъ и французское имущество? Въ какое именно время принялъ онъ на себя сное порученіе? что именно въ сихъ кладовыхъ теперь находится? Для освидѣтельствованія чего безъ отлагательства употребить ректора и префекта семинаріи при депутатѣ отъ градской полиціи. Сверхъ того развѣдать: не былъ ли священникъ Мурзакевичъ и иные, а особенно помощникъ консисторскаго секретаря, употребляемы отъ помянутаго правительства и въ другія дѣла? Самъ онъ, Мурзакевичъ, сознавался предо мною, что съ духовными, которыхъ имянъ не упомню, выходилъ навстрѣчу французскому императору Наполеону въ церковномъ облаченіи и съ крестомъ, и поднесъ ему просфору».

24-го декабря епископъ Ириней предписалъ консисторіи: учинить вопросные пункты священнику Мурзакевичу, полицеимейстру Мельникову, Великанову и всѣмъ тѣмъ духовнымъ особамъ, которые показаны будутъ въ отвѣтѣ священника Мурзакевича; особенно же Мурзакевича въ консисторіи обстоятельно допросить; а въ разницѣ, соборѣ

¹⁾ Преосв. Ириней возвратился въ Смоленскъ 20-го декабря 1812 г., въ другой день по прибытии ѡеофилакта.

²⁾ „Смол. Епарх. Вѣдомости“ 1884 г., 156.

и кладовыхъ освидѣтельствовать черезъ консисторію при депутатѣ отъ полиції.

На второй день праздника, 26-го декабря, Мурзакевичу были предъявлены слѣдующіе вопросные пункты: 1) когда городъ Смоленскъ былъ занятъ французами, то отъ французского правительства поручены ли были вамъ ключи отъ собора и кладовыхъ? 2) Говорили ли вы протоіерою Васильеву, что въ соборѣ и кладовыхъ находится много вещей и 72 мѣшка, т. е. 1.750 руб. мѣдью? и оныя вещи и деньги соблюдены ли вами въ цѣлости и гдѣ нынѣ находятся, и по чьему именно препорученію приняли вы ихъ въ ваше смотрѣніе, и почему о количествѣ мѣдныхъ денегъ въ мѣшкахъ не отвѣчали вы протоіерою Васильеву? 3) Какія имѣли вы побужденія принять отъ французского правительства на храненіе ключи отъ собора, ризницы и кладовыхъ? 4) Не хранилось ли въ оныхъ и французское имущество? 5) Какого мѣсяца и числа приняли вы означеннное препорученіе? 6) Были ли вы и иные, а особенно Великановъ, употребляемы французскимъ правительствомъ и въ другія дѣла? 7) Выходили ли вы наавстрѣчу французскому императору Наполеону въ церковномъ облаченіи и со крестомъ? и буде вы таковую церемонію дѣлали, то съ какими именно духовными особами? И противъ всѣхъ вышеописанныхъ пунктовъ вы, священникъ Мурзакевичъ, покажите самую истину по священству и самой должности присяжной».

На всѣ эти пункты Мурзакевичъ далъ слѣдующіе собственноручные отвѣты ¹⁾:

1) Когда г. Смоленскъ былъ занятъ французскими войсками, то отъ французского правительства ему ключей отъ собора и кладовыхъ препоручено не было, а имѣль оные ключи тогда соборный священникъ Василій Щировскій, который нынѣ находится въ мертвыхъ, о чёмъ свѣдущи смоленской градской Ильинской церкви протоіерей Поликарпъ Звѣревъ, Спасской церкви священникъ Яковъ Соколовъ, помощникъ консисторскаго секретаря Николай Великановъ и повытчикъ консисторскій, губернскій секретарь Федоръ Каменецъ.

2) Когда протоіерей Васильевъ у него, священника Мурзакевича, спрашивалъ, что осталось ли въ соборной ризницѣ много вещей, собору принадлежащихъ, и 20.000 руб. мѣдныхъ денегъ, то онъ, священникъ Мурзакевичъ, извѣстилъ его, что собору принадлежащихъ и смоленскихъ гражданъ вещей имѣется много, а денегъ мѣдныхъ не 20.000, но 72 мѣшка, въ которые мѣшки насыпаемы были мѣдныя деньги изъ архіерейской ризницы и изъ архіерейской казначейской кладовой имъ,

¹⁾ «Дѣло о священникахъ Мурзакевичъ, Соколовъ и Звѣревъ», въ Архивѣ консистории 1812 года № 50.

Мурзакевичемъ, консисторскимъ коллежскимъ регистраторомъ Петромъ Воронковымъ и лишеннымъ діаконства Уланомъ Залѣскимъ, но въ мѣшкахъ сіи насыпали изъ нихъ каждый столько денегъ, сколько кто могъ перенести въ соборную ризницу; а сколько именно находилось въ тѣхъ мѣшкахъ денегъ, онъ знать не можетъ, которые мѣшки поручаемы были въ смотрѣніе, подъ присмотромъ его, соборному священнику Василию Щировскому; во время каждого перенесенія отложено было, сверхъ оныхъ 72 мѣшковъ, для переносчиковъ 25 руб., изъ которыхъ ему, Мурзакевичу, дано 5 руб. на пропитаніе отъ священника Щировского, а остальная деньги получила самъ онъ, Щировский, крестовый іеромонахъ Амвросій и регистраторъ Воронковъ, поскольку же числомъ, онъ, Мурзакевичъ, неизвѣстенъ; которыя деньги перенесены ими были въ соборъ для лучшаго соблюденія, ибо разница архіерейская и казначейская кладовая были отбиты французами и разграблены. И послѣ того же переноса денегъ французскій кригсъ-комиссаръ, кроме означенныхъ 72 мѣшковъ, выдалъ на пропитаніе по мѣшку мѣдныхъ денегъ прежде ему, Мурзакевичу, а священнику Щировскому послѣ; а сколько счетомъ было въ тѣхъ мѣшкахъ, онъ, Мурзакевичъ, не знаетъ, ибо мѣшокъ сей и по сіе время лежитъ въ соборѣ подъ хорами. По удаленіи же французовъ изъ Смоленска, онъ вместо 72 мѣшковъ нашелъ при протодіаконѣ Рудаковѣ 73 мѣшка, изъ числа коихъ псаломщикамъ соборнымъ Михаилѣ Лысикову, Игнату Морозову и Ивану Попову выдано по 10 руб. каждому, а всѣхъ 30 рублей. Остальная затѣмъ деньги 72 мѣшка и соборный ризницы вещи находятся и нынѣ въ соборной ризницѣ, почему нынѣ въ соборной ризнице находится, съ выданнымъ ему мѣшкомъ, денегъ мѣдныхъ 72 мѣшка.

3) По наступлениіи въ Смоленскъ французовъ завѣдалъ отъ собора, ризницы и кладовыхъ ключами священникъ Василий Щировскій, а когда онъ, Щировскій, умеръ, то по погребенію его въ октябрѣ мѣсяцѣ, по совѣту умершаго архимандрита Іосифа и Ильинской церквиprotoіерея Поликарпа Звѣрева, принялъ онъ, Мурзакевичъ, отъ сына священника Щировского, отставнаго солдата Сергія Щировского, ключъ отъ собора, который ноября 1-го числа взять у него, священника, въ домъ его французскимъ интендантомъ де-Виллеблайже и бывшимъ съ нимъ Смоленской гимназіи учителемъ Николаемъ Ефремовымъ; а 3-го числа того ноября, при выходѣ французовъ изъ Смоленска, французскимъ комиссаромъ принесены къ нему, Мурзакевичу, въ домъ означенный соборный ключъ и отъ соборной ризницы¹⁾ или кладовой два ключа; а 5-го ноября, онъ, Мурзаке-

¹⁾ Ризница соборная помѣщается въ особомъ отдѣленіи храма, при входѣ, направо отъ западныхъ дверей; почему владѣющій однимъ ключемъ отъ собора не могъ проникнуть въ ризницу, если не имѣть ключа и отъ нея.

вичъ, одинъ ключъ отъ ризницы отдалъ соборному протодіакону Андрею Рудакову, съ которымъ онъ, Мурзакевичъ, при вышеписанныхъ соборныхъ причетникахъ рассматривали ризницу и подбирали разбросанное французами серебро (на поляхъ карандашемъ приписано: «въ лому») и, сосчитавши мѣшкы съ мѣдными деньгами, онуу ризницу замкнули двумя замками, изъ коихъ одинъ ключъ взялъ онъ, Мурзакевичъ, а другой протодіаконъ Рудаковъ. Послѣ отъ протодіакона Рудакова взять ключъ протоіереемъ А. Васильевымъ, а отъ него, Мурзакевича, по болѣзни его, истребовали (и переданъ) ключъ 17-го декабря присутствующему протоіерою Якову Еленеву.

4) Кромѣ принадлежащаго архіерейскому дому и собору французского имущества въ оныхъ ничего не хранилось, и онъ о томъ никакого свѣдѣнія не имѣлъ и не имѣть.

5) Отъ французского правительства онъ, свящ. Мурзакевичъ, никакого препорученія не принималъ, кромѣ, какъ выше значить, полученные имъ отъ соборной ризницы ключи, которые принесены ему съ ключемъ соборнымъ, у него воября 3-го числа взятыми.

6) Онъ, Мурзакевичъ, отъ французского правительства въ другія дѣла употребляемъ не былъ, также и иные были ль употребляемы, не знаетъ, но точно слышалъ, что помощникъ конюисторского секретаря, губернскій секретарь Николай Великановъ, былъ употребляемъ французскимъ правительствомъ въ какія-то дѣла, и его, Великанова, руки получилъ записку, что въ его, Мурзакевича, домѣ ставится на квартиру полковникъ Доріо.

7) Онъ, Мурзакевичъ, при первоначальномъ занятіи французами Смоленска, находился въ Смоленскѣ, но тогда навстрѣчу французскому императору Наполеону ни онъ и никто изъ духовенства не выходилъ; а когда Наполеонъ ретировался изъ Москвы чрезъ Смоленскъ, то комиссары французовъ привуждали его встрѣтить Наполеона, почему онъ, Мурзакевичъ, съprotoіереемъ Поликарпомъ Звѣревымъ и свящ. Яковомъ Соколовымъ стояли 26-го числа октября¹⁾ у Днѣпровскихъ воротъ съ ризами въ рукахъ и со крестомъ для встрѣчи, но въ тотъ день онъ, Наполеонъ, въ Смоленскѣ не прїѣжалъ, а на завтраГе, т. е. 27-го числа (28-го), онъ, Мурзакевичъ, встрѣтилъ Наполеона нечаянно одинъ на Троицкомъ мосту и поднесъ ему, Наполеону, просвиру; облаченія же на немъ, Мурзакевичѣ, тогда не было, а былъ въ рукахъ одинъ эпітрахиль и требникъ; каковую церемонію онъ принужденъ быть одѣвать потому, что тѣ же французскіе комиссары угрожали ему, Мурзакевичу, смертю въ (грозили) разрушить храмы Божіи, какъ они сдѣлали въ Москве, а

¹⁾ Мурзакевичъ ошибается: это было 27-го, какъ и въ дневнике у него записано.

когда онъ, Мурзакевичъ, повелѣнную встрѣчу выполнилъ, то тогда отъ Успенского собора караулъ французскій снять не было, и тѣмъ соблюдены оба собора; въ доказательство чего, что къ собору было приставленъ караулъ, то по занятіи Смоленска российскими войсками 20-го егерскаго полка офицеромъ Прокофьевымъ одинъ французскій часовой въ пленъ взяты.

Спрощенные священники Поликарпъ Звѣревъ и Яковъ Соколовъ подтвердили показаніе Мурзакевича относительно встрѣчи Наполеона. При этомъ Соколовъ добавилъ, что тогда же узналъ, что Мурзакевичъ «имѣть тѣсную связь съ французскимъ правительствомъ, по какой причинѣ онъ, Соколовъ, отъ него, Мурзакевича, съ того времени удалялся и никакого сношенія съ нимъ не имѣть, соблюдая вѣрооподданническую къ российскому престолу присягу».

Упоминаемый въ показаніи Мурзакевича помощникъ консistorскаго секретаря, Николай Великановъ, былъ ли онъ употребляемъ отъ французскаго правительства въ какія-либо должности, 26-го декабря 1812 года отвѣчалъ:

«Я, губернскій секретарь, Николай Великановъ, былъ и нынѣ есть вѣрооподданный рабъ государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому. А оставался въ Смоленскѣ во время нашествія французовъ по такимъ причинамъ: 1) Что о выѣздѣ изъ Смоленска жителямъ я ни отъ свѣтскаго, ни отъ духовнаго начальства приказанія не слыхалъ. 2) Россійское воинство во время уже сраженія подъ Смоленскомъ увѣяло обывателей, что Смоленскъ врагамъ отданъ ни подъ какимъ видомъ не будетъ. 3) Въ то самое время жена моя была больна ежедневною лихорадкою, кою она страдала недѣль 20; и при томъ есть у меня малолѣтній сынъ, шести лѣтъ, то мнѣ отбыть изъ Смоленска, оставилъ ихъ безъ присмотра, весьма прискорбно и даже невозможно было. 4) Самый недостатокъ не позволялъ мнѣ нанять подводу, да и сыскать оной въ тогдашнее время уже было негдѣ, а пѣшихъ вести жену больную и сына малолѣтняго не можно было. А между тѣмъ 6-го числа августа французы Смоленскъ заняли, и кого застали въ Смоленскѣ изъ жителей, всѣхъ тѣхъ заарестовали, и уже уйти изъ Смоленска сдѣлалось не можно, потому что французы распространились повсюду. Во время же плененія находился я при своемъ домѣ, который хотя и цѣлъ остался, но во многихъ частяхъ поразоренъ, и имѣніе все хорошее—одежда, хлѣбъ, посуда разграблены, кромѣ оставшагося одного сюртука фризоваго, женской ветхой шубы, книга и образовъ на стѣнахъ да маловажныхъ мелочныхъ вещей, коихъ французы не брали. Я же употребляемъ былъ въ работу ежедневно возить и носить на себѣ воду, бить скотину на мясо, вытаскивать паддину; изъ лазарета выволакивалъ мертвыхъ французовъ и въ лазаретъ больныхъ, очищалъ

мерзости французовъ и во всякия трудныя и гнусныя работы былъ употребляемъ со изнуренiemъ моего здоровья и неоднократно быть бить, да и повсечасно ожидалъ себѣ, равно женѣ и сыну, смерти, которая по тогдашнимъ обстоятельствамъ казалась неизбѣжною.

«А 9-го числа октября мѣсяца прислано мнѣ отъ интенданта повелѣніе о бытіи мнѣ въ муниципалитетѣ на мѣстѣ уволенаго члена Желтовскаго.

«А кто ему для сего рекомендовалъ меня, и почему, мнѣ неизвѣстно, ибо онъ меня не зналъ, равно и я его нигдѣ и никогда не видывалъ; и я не только не искалъ сего, но по полученіи мною того повелѣнія старался, какъ бы отбыть отъ того; но, видя, что мнѣ не принять сей должности не можно было, потому что неповинующемся предложала необходимая смерть, жизнь же для всякаго дорога, то я и явился въ муниципалитетъ противу желанія моего принужденно и обѣщанія на то и присяги не даваль, и служилъ при ономъ двѣ только недѣли. Должность же моя состояла въ томъ, что показывалъ квартиры по присыпаемымъ отъ коменданта цидулкамъ, изъ коихъ одну, присланную о квартирѣ на собственный мой домъ, для усмотрѣнія при семъ представляю. Такожде и въ домѣ священника Мурзакевича полковникъ Доріо да и другіе были квартирою ставлены тоже по присланнымъ отъ комендантомъ цидулкамъ.

«А по прошествіи двухъ недѣль, по причинѣ неоднократныхъ на меня нападеній отъ французовъ сдѣлался я боленъ и пробыть въ болѣзни, страхѣ и трепетѣ и въ ожиданіи себѣ, женѣ и сыну смерти, Солѣе недѣли; а затѣмъ, съ 4-го на 5-е ноября и Смоленскъ обратно отъ французовъ отобранъ. Приверженности къ французамъ никакой я не имѣлъ, ибо я, вѣдавши прежде, что въ Авраміевскомъ монастырѣ, въ церкви сохранено церковное сокровище, не только французскому начальству, но и никому изъ обывателей смоленскихъ того не объявилъ, чтобы разграблено или похищено не было, которое и сохранено, и уже по прибытіи настоятеля вынуто оное вмѣсть и со мною во всякой цѣлости».

На вопросъ: были ль поручены французскимъ правительствомъ ключи отъ собора и кладовыхъ Мурзакевичу, или ихъ имѣлъ у себя соборный свящ. Вас. Щировскій, Великановъ отвѣчали: «Когда Смоленскъ былъ занятъ французами, то я съ 6-го даже до 15-го числа августа никуда не ходилъ изъ дома, также и въ соборѣ по то число не былъ, и потому не знаю, препоручало ль французское правительство ключи отъ собора и кладовыхъ свящ. Никафору Мурзакевичу, или онъ имѣлъ тогда свящ. Щировскій,—и того не знаю. А 15-го числа, на Успеніе Божіей Матери, по звону въ соборѣ, въ 1-й разъ пришелъ

я изъ дому въ соборъ и видѣлъ, что часы отправлялъ свящ. Щировскій, а не Мурзакевичъ».

Одинъ изъ «консисторскихъ», коллежскій регистраторъ Петръ Воронковъ, на которого ссылался Мурзакевичъ, показалъ, что «по занятіи французами Смоленска, свящ. Мурзакевичъ и онъ, Воронковъ, съ лишеннымъ дьяконства Ульяномъ Залѣскимъ, насыпали изъ архіерейской ризницы и изъ архіерейской казначейской кладовой въ мѣшки мѣдные деньги, которыхъ до приходу ихъ были разбросаны на полу, а по сколько въ тѣхъ мѣшкахъ было денегъ счетомъ, не знаетъ, ибо сыпали безъ счету, и сколько числомъ мѣшковъ, не упомнить; и оные мѣшки съ деньгами относили въ соборъ и препоручали свящ. Щировскому, а по переносѣ оныхъ денегъ, получилъ онъ, Воронковъ, отъ Щировскаго 6 рублей мѣдныхъ денегъ, а насыпку въ мѣшки распоряжалъ въ кладовой свящ. Мурзакевичъ, который и самъ также носилъ мѣшки. Онъ, Воронковъ, вышеозначенныя деньги переносилъ завѣдомо архіерейского дома казенныхъ денегъ по поводу тому, чтобы оныя, яко казенные, были соблюдены, къ чему пригласилъ его свящ. Мурзакевичъ».

Губернскій секретарь консисторіи, повытчикъ, Федоръ Каменецъ показалъ, что «онъ знаетъ, что, по занятіи французами Смоленска, за вѣдывалъ соборомъ свящ. Щировскій, а послѣ смерти Щировскаго за вѣдывалъ соборомъ и кладовыми свящ. Мурзакевичъ, а кто ему сіе препоручилъ, онъ. Каменецъ, не извѣстенъ».

Протодіаконъ Андрей Рудаковъ, по его словамъ, былъ, по изгнаніи французовъ, въ соборѣ въ кладовой тогда, когда ону отпиралъ свящ. Мурзакевичъ, у коего были и ключи, къ чему и его, Рудакова, пригласилъ онъ, и тогда же, онъ, Мурзакевичъ, считалъ мѣшки съ деньгами мѣдными, коихъ числомъ было 73 мѣшка, изъ числа коихъ онъ, Мурзакевичъ, выдалъ псаломщикамъ Михаилу Лысикову, Игнату Морозову и Ивану Попову по 10 р. каждому, а всѣмъ 30 р., а почему и для чего выдалъ, про то онъ, протодіаконъ, не знаетъ. По выходу же изъ кладовой онъ, Мурзакевичъ, замкнулъ двумя замками, изъ коихъ одинъ ключъ взялъ онъ, Мурзакевичъ, а другой отдать ему, Рудакову, который ключъ взялъ у него іеромонахъ Павелъ по приказанию протоіерея Васильева, и по снятіи съ кладовой тѣмъ ключемъ замка замкнулъ казначейскую кладовую съ солью».

Псаломщикъ Лысиковъ и пономарь Поповъ подтвердили, что по удаленіи французовъ Мурзакевичъ самъ выдавалъ имъ по 10 р. мѣдью въ зачетъ жалованья; а пономарь Морозовъ добавилъ, что это было сдано имъ безъ всякой его, пономара Морозова, просьбы.

Такимъ образомъ, изъ опроса свидѣтелей видно, что показанія Мурзакевича совершенно справедливы и что на него никакимъ образомъ не можетъ падать подозрѣніе въ похищении казенныхъ денегъ.—Теперь

является вопросъ: откуда взялась цифра 20.000 руб., будто бы хранившихся въ соборѣ.—Спросили у Мельникова, кто ему сказалъ обѣ этой цифре? Онъ отвѣчалъ, что ему сообщилъ аптекарь Мего, который заявлялъ, что ссылка на него, Мельникова, «несправедлива»: «Я никогда ему ни о чёмъ не давалъ знать, да и самъ ничего не зналъ; а во время бытности его (Мельникова) въ (моей) квартирѣ со спасскимъ священникомъ (т. е. Яковомъ Соколовымъ) по слабости моего здоровья, я г. Мельникову пересказывалъ, что непріятельскими войсками сильно забрали у меня медикаментовъ тысячу на двадцать, и въ послѣднюю ночь предъ выходомъ непріятеля принесли какіе-то французы къ живущему въ моемъ домѣ жены моей отцу, Шпальдингу, ключи и объявляли, что они отъ соборного погреба, и чтобы получили тамъ за медикаменты деньги; но тѣсть мой прогналъ ихъ съ ключами, ибо хотѣлъ лучше все потерять, а не брать такой заплаты. Болѣе же я ничего съ нимъ, Мельниковымъ, не говорилъ, что самое показалъ по сущей справедливости».

Пока шелъ допросъ причастныхъ къ дѣлу лицъ, консисторія назначила коммиссію для освидѣтельствованія содержимаго соборной ризницы. 29-го декабря 1812 г. эта коммиссія нашла въ ризницѣ денегъ 1.738 р. 54 к., да еще мѣшокъ, выданный французскимъ коммиссаромъ Мурзакевичу, съ 42 р. 86 к., котораго Мурзакевичъ такъ и не трогалъ; всего же мѣдной монеты найдено 1.781 р. 40 к.

Кромѣ того, въ ризницѣ найдены вещи, принадлежащія Надворотной церкви: Новая риза Богоматери безъ каменьевъ и жемчуга, и двое царскихъ вратъ; одна половинка серебряныхъ вратъ изъ теплого собора въсомъ 1 пудъ, и серебра въ лому 1 пудъ 7 ф.

Свящ. Мурзакевичемъ было представлено 7 ф. серебра въ лому, купленного имъ у французовъ за 13 р.; и серебряная риза (въ 8 ф.) съ образа Одигитріи, находившагося въ Одигитріевской церкви.

«А сверхъ того, читаемъ въ актѣ, въ той же ризницѣ стороннее имѣніе, состоящее изъ Россійскихъ книгъ, одежи разной, заячихъ мѣховъ и пуховиковъ; французскихъ же вещей въ оной ризницѣ не оказалось». Большинство книгъ принадлежали Мурзакевичу; а вещи, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ одежда и посуда, разныемъ лицамъ.

И. И. Орловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Маршрутъ для путешествія М. М. Сперанского.

Письмо труфа М. С. Воронцова—М. М. Сперанскою.

28-го мая 1823 г. С.Петербургъ.

Милостивый государь Михайло Михайлович! Къ крайнему моему сожалѣнію, заѣхалъ я въ домъ вашего превосходительства вчера, возвращаясь съ Каменнаго острова въ 10 часовъ, т. е. полчаса послѣ отѣзда вашего.

Я желалъ лично отдать вамъ приложенный маршрутъ и еще старайся уговорить васъ по оному расположить поѣздку вашу. По сей дорогѣ вы увидите лучшую часть Киевской губерніи, край не уступающей красотою и часто богатствомъ лучшимъ частямъ Европы и совершенно различной со смежною частью той же губерніи. Дальше вы увидите губернскій городъ Екатеринославъ. Пройхавъ славные по дѣламъ малороссийскихъ и запорожскихъ казаковъ, города Черкасы и Чигиринъ, дальше вы увидите главный Днѣпровскій порогъ (Ненасытинской), губернскій городъ Херсонъ, гдѣ похороненъ основатель Новороссійскаго края князь Потемкинъ; Николаевъ, столица Черноморскаго флота и по стараіямъ Грейга удивительно подвигающійся впередъ, и потомъ Одессу. По сей дорогѣ вы увидите (тутъ уже мой интересъ) два имѣнія наши: въ Киевской губерніи Мошины, красивые Днѣпромъ, лѣсами и горами, а въ Херсонской губерніи—Новую Воронцовку, куда отъ юна 1822 до апрѣля 1823-го переселилось 2.000 душъ, все охотники, по собственному желанію и на собственномъ иждивеніи.

Письмо сіе, можетъ, будеть въ Черниговѣ еще прежде васъ, мы же скоро за онимъ въ сіѣдѣ будемъ, и я тогда на словахъ повторю увѣренія того истиннаго почтенія и совершенной преданности, съ коими осталось вашего превосходительства покорнѣйший слуга.

Посылка Тадеуша Вылежинского въ Петербургъ въ 1830—1831 г.¹⁾.

Обстоятельства, предшествовавшія поѣздкѣ Вылежинскаго въ Петербургъ.—Личность и дѣятельность Хлопицкаго.—Вылежинскій.—Нѣсколько словъ о немъ.—Инструкція Хлопицкаго Вылежинскому.—Разговоръ послѣдняго съ генераломъ Шембекомъ.—Вылежинскій въ Петербургѣ.—Пріемы у Дибича.—Свиданіе съ А. Х. Бенкendorфомъ.—Вылежинскій у ген. Чернышева.—Аудіенція у государя.—Послѣднее свиданіе съ Чернышевымъ.

Въ началу декабря 1830 г. почти всѣ связи Царства Польскаго съ Имперію были уже порваны. Оставалось ожидать вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы Царства. Необходимо было подготовить народъ къ предстоявшей борьбѣ. Отсутствіе твердой власти съ одной стороны, а съ другой—начавшая поднимать голову анархія въ клубахъ Патріотического общества побудили временное правительство созвать сеймъ, а генералу Йосифу Хлопицкому, какъ государственному человѣку, который пользовался всеобщимъ довѣріемъ, предоставить неограниченную военную власть. Хлопицкій, по совѣту своихъ почитателей, не удовольствовался этимъ, но самъ, еще до собранія сейма, 5-го декабря, провозгласилъ себя диктаторомъ, т. е. неограниченнымъ правителемъ народа. Чрезвычайные обстоятельства вполнѣ оправдывали соединеніе власти въ одномъ лицѣ. Поэтому гро-

¹⁾ «Szesna艣cie dni z mego ycia, czyli relacja z podróy do Petersburga podczas rewolucji polskiej z roku 1830—31» (Biblioteka Warszawska, II—III 1903).

мадное большинство народа встрѣтило диктатуру Хлопицкаго съ величайшою радостью; студенты же, подъ начальствомъ профессоровъ, образовали почетную стражу для охраны диктатора¹). Такимъ образомъ, Хлопицкій всю отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ Польшѣ взялъ на себя.

Хлопицкій былъ одинъ изъ боевыхъ польскихъ офицеровъ старой наполеоновской гвардіи, пользовался репутациєю самого способнаго генерала и вообще такимъ довѣріемъ, что съ самаго начала революціи всѣ смотрѣли на него, какъ на единственнаго человѣка, который могъ бы быть руководителемъ восстания. Но Хлопицкій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Какъ старый, честный воинъ, онъ былъ врагомъ тайныхъ заговоровъ и народного восстания. Онъ совсѣмъ не вѣрилъ въ возможность освобожденія Польши и возвращенія ей юго-западныхъ земель и если принялъ верховную власть, то только для того, чтобы установить внутренній порядокъ и примирить Польшу съ ея законнымъ государемъ²).

Хлопицкій рѣшилъ возобновить переговоры съ русскимъ правительствомъ и съ этой цѣлью отправилъ въ Петербургъ кн. Ф. К. Любецкаго и гр. Я. Езерскаго.

Любецкій съ Езерскимъ уже нѣсколько дней проживали въ Петербургѣ, ожидая дальнѣйшихъ инструкцій Хлопицкаго. Послѣдній рѣшилъ послать къ нимъ такое лицо, которое сумѣло бы обстоятельно посвятить ихъ во всѣ подробности того, что произошло въ Варшавѣ и въ Царствѣ, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы исполнить свою миссію безъ риска быть арестованымъ въ дорогѣ. Для этой цѣли диктаторъ рѣшилъ воспользоваться услугами офицера, который не принималъ ни малѣйшаго участія въ революціи и находился въ войскахъ великаго князя.

Тадеушъ Вылежинскій какъ разъ отвѣчалъ этимъ требованіямъ.

Вылежинскому въ то время шелъ тридцать шестой годъ. Родомъ онъ происходилъ изъ Подолія. Воспитывался въ Виленскомъ университѣтѣ. Въ 1812 г. поступилъ въ военную службу Варшавскаго княжества и въ томъ же году лишился правой руки.

Вылѣчившись отъ этой раны, въ 1813 г. онъ снова поступилъ въ военную службу въ Краковѣ, подъ знамена кн. Іосифа Понятовскаго, получилъ чинъ подпоручика и участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ въ нѣмецкихъ земляхъ. Въ 1814 г. произведенъ въ капитаны и получилъ крестъ Почетнаго Легіона. Въ 1827 г. его зачислили въ

¹⁾ D-r Anatol Lewicki «Dzieje narodu polskiego», W. 1899, 423.

²⁾ Тамъ же, 423; Рус. біогр. слов., изд. Императ. рус. ист. общ., СПБ. 1901, 338.

гвардейскій конно-егерскій полкъ, а въ 1817 г. произвели въ подполковники. Вылежинскій былъ авторомъ нѣсколькихъ сочиненій, появившихся въ свѣтъ впослѣдствіи.

21-го декабря Вылежинскаго пригласили къ диктатору. Хлопицкій приказалъ ему немедленноѣ ходить въ Петербургъ, вручилъ депешу на имя кн. Любецкаго и напутствовалъ слѣдующими словами:

— Если увидите императора, то говорите съ нимъ со всею почтительностью, какая подобаетъ монарху. На всѣ его вопросы отвѣчайте чистую правду. Сами видите—каково наше положеніе. Разскажите, что у насъ творится. Держитесь сущей правды, которой государь въ правѣ отъ васъ требовать. Если бы императоръ пожелалъ имѣть свѣдѣнія относительно войска—представьте ихъ ему, не скрывая ни малѣйшихъ подробностей.

Простишись съ Хлопицкимъ, Вылежинскій вышелъ въ смежный залъ. Здѣсь онъ засталъ за чаемъ бригаднаго генерала Шембека съ нѣсколькими офицерами главнаго штаба.

Ген. Шембекъ очень долго съ нимъ бесѣдовалъ. Просилъ его, при удобномъ случаѣ, передать его разговоръ императору. Узвѣрилъ его, что онъ совсѣмъ не хотѣлъ революціи. И если первый во главѣ своего полка вступилъ въ Варшаву, то только потому, что иначе не могъ поступить: собственные его солдаты, возбужденные агитаторами, въ случаѣ отказа, могли его разстрѣлять. По выражению ихъ лицъ онъ видѣлъ, что ничего другаго сдѣлать не въ состояніи. Полковникъ Вонсовичъ также поручалъ Вылежинскому засвидѣтельствовать, насколько старшіе офицеры сторонились революціи. Окружающіе повторяли болѣе или менѣе то же самое, такъ что можно было убѣдиться, что главные представители арміи, вопреки собственной волѣ и только въ виду опасности, отдавали себя на волю волнъ народнаго моря.

28-го декабря, въ 8 час. вечера, Вылежинскій прибылъ въ Петербургъ.

Послѣ непродолжительного отдыха его допустили къ фельдмаршалу Дибичу. Въ кабинетѣ послѣдняго онъ встрѣтился съ ген.-отъ-инфантеріи гр. Толстымъ. Вылежинскій видѣлъ раньше Дибича, но никогда съ нимъ не разговаривалъ. По его описанію, это былъ человѣкъ небольшаго роста, полныи, безобразной наружности, необычайно живой въ разговорѣ и въ движеніяхъ, постоянно ерзавшій въ креслахъ, легко-мысленный, но въ сущности очень добрый, хорошо ознакомленный съ положеніемъ дѣлъ во всей Европѣ, особенно же въ Польшѣ. «Передъ нимъ лежалъ на столѣ «Ежегодникъ польской арміи», въ которомъ онъ, очевидно, искалъ мою фамилію. Всталъ, поздоровался со мною и предложилъ сѣсть».

Начался разговоръ. Дибичъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что на

сеймъ, когда разсуждали о диктатурѣ Хлопицкаго, никто не вспомнилъ о своемъ монархѣ. Не удовлетворило Дибича и замѣчаніе Вылежинскаго, что на сеймѣ не было промолвлено ни одного слова противъ государя. И только, когда Вылежинскій началъ рассказывать о дѣятельности диктатора, о томъ, что это человѣкъ положительный и справедливый, пользуется довѣріемъ народа, позакрывалъ уже клубы и что въ этомъ отношеніи страна должна быть ему въ высшей степени благодарна, такъ какъ онъ оградилъ ее отъ анархіи и волненій,—фельдмаршаль, слушая, съ удовольствіемъ притопывалъ ногою и повторялъ:

— Хорошо! Очень хорошо!

Въ общемъ, разговоръ на этотъ разъ не былъ продолжительнымъ. Дибичъ спѣшилъ къ государю доложить о прибытіи Вылежинскаго.

На другой день Дибичъ снова принялъ Вылежинскаго.

Начиная бесѣду, фельдмаршаль предупредилъ собесѣдника, что, какъ старый солдатъ, онъ будетъ говорить съ полнотою откровенностью. Дибичъ признался, что онъ былъ въ числѣ противниковъ дарованія Царству Польскому конституції.

— Но коль скоро императоръ Александръ, этотъ добродѣтельнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, непремѣнно на этомъ настаивалъ, то мы принуждены были замолчать, желая Польшѣ всего лучшаго отъ предоставленныхъ ей благъ свободныхъ установлений. Получили вы конституцію. Сознаться надо, что не всегда ее уважали. Но это происходило уже не по винѣ государя, который старался быть деликатнымъ въ отношеніи старшаго брата. Этотъ же послѣдній давалъ столько поводовъ къ неудовольствію!... Во всякомъ случаѣ это не можетъ оправдывать революціи, такъ какъ, помимо всего, въ Царствѣ Польскомъ больше было хорошаго, нежели дурнаго.

Депеши, которая привезъ Вылежинскій къ князю Любецкому, государь вскрылъ самъ. Дибичъ объяснилъ это обстоятельство тѣмъ, что государь очень разгневанъ на Любецкаго.

— Человѣкъ, который служилъ въ нашей арміи, который съ нами дѣлалъ кампаніи, русскій, котораго государь назначилъ министромъ въ Польшѣ—и этотъ Любецкій теперь хочетъ разыгрывать роль послы!.. Наконецъ, если что и было дурнаго въ Польшѣ, то Любецкій тоже виноватъ въ этомъ. Онъ, будучи министромъ государя, долженъ былъ строго охранять конституцію, думать о счастіи края, предупреждать зло, откуда бы оно ни проистекало.

Теперь, когда революція уже фактъ совершившійся, сеймъ, по мнѣнію Дибича, долженъ быть поступить совсѣмъ иначе. Онъ долженъ быть собраться,—какъ это и сдѣлалъ,—но, не поддаваясь вліянію мятеожниковъ, написать государю: всепресвѣтлѣйшій государь, хотя мы и не имѣли права собираться, пока нась не созвоветъ монархъ,

но исключительные обстоятельства насть къ тому принудили. Намъ необходимо было рѣшить вопросъ о томъ, какая форма правлениія наиболѣе была бы подходяща при настоящемъ положеніи вещей, и, вотъ, мы установили диктатуру генерала Хлопицкаго. Нынѣ же, когда порядокъ уже восстановленъ, осмѣливаемся просить ваше императорское величество, законного нашего обладателя, войти въ плачевное наше положеніе и простить несчастный край, подтвердивъ неприкосновенность нашихъ правъ и конституціи. Между тѣмъ сеймъ, вместо этого, признаетъ революцію дѣломъ языка и зла, не вспоминаетъ о государѣ, приносить благодарность инициаторамъ восстанія и готовится къ войнѣ. Даѣте Дибичу обратить вниманіе на неравенство военныхъ силъ обѣихъ сторонъ. Поляки могутъ имѣть регулярнаго войска самое болѣшее 52 баталіона пѣхоты. Между тѣмъ, въ арміи его, Дибича, въ первой линіи будетъ 72 баталіона, да столько же во второй; если же бы оказалось 144 баталіоновъ недостаточно, то къ нимъ прибавятъ еще. Сверхъ того, Дибичъ располагалъ 156 эскадронами кавалеріи, не считая казаковъ, и 40 орудіями.

О польскомъ войскѣ Дибичъ отозвался такимъ образомъ:

— Войско ваше—храбро и хорошо обучено, но нашъ, русскій солдатъ легче переносить труды, дурное продовольствіе, длинные переходы и всѣ недостатки кампаніи, словомъ, выносливѣе на войнѣ. О вашемъ войскѣ—продолжалъ фельдмаршаль—я былъ самаго лучшаго мнѣнія и не столько о солдатахъ и младшихъ офицерахъ, сколько о старшихъ военачальникахъ, закаленныхъ въ кампаніяхъ, которыхъ они дѣлали съ Наполеономъ. Я былъ высокаго понятія объ ихъ способностяхъ. Но когда я убѣдился, что они не сумѣли удержать подчиненныхъ въ надлежащемъ повиновеніи, не въ состояніи были поддержать порядокъ, съ тѣхъ поръ, сознаюсь, я измѣнилъ прежнее о нихъ мнѣніе.

Обращаясь затѣмъ къ разговору о войнѣ, фельдмаршалъ замѣтилъ:

— У васъ нѣтъ ни порохового завода, ни селитряной копи, ни лигнитаго двора, словомъ, ничего того, что во время войны является насущною потребностью... Хлопицкій былъ хорошимъ бригаднымъ генераломъ, дрался въ Испаніи и на другихъ поляхъ сраженія со славою, но всегда, какъ младшій офицеръ, никогда не командовалъ цѣлою арміею, и я неувѣренъ, чтобы онъ могъ оказаться хорошимъ военачальникомъ... Правду сказать, я мало знаю генерала Хлопицкаго, но онъ маѣтъ представляется человѣкомъ холоднымъ, черезчуръ разсчетливымъ, тогда какъ я—горячъ и пылокъ... Императоръ Николай—молодъ, но обладаетъ твердымъ характеромъ, уступокъ дѣлать не любить, да, наконецъ, ему и не годится ихъ дѣлать. Тѣмъ не менѣе онъ желалъ бы окончить это дѣло полюбовно и безъ кровопролитія.

Дальше разговоръ коснулся манифеста, предписывавшаго польской арміи отступить къ Плоцку. Фельдмаршалу сдавалось, что Хлопицкій

будеть въ силахъ исполнить волю государя, выраженную въ манифестѣ. А когда Вылежинскій сталъ разъяснять, что въ случаѣ отдачи подобнаго приказанія ни одинъ полкъ его не послушался бы, Дибичъ замѣтилъ, что если бы Хлопицкій имѣлъ намѣреніе покончить дѣло безъ войны, то могъ бы намъ написать, что ему нужно время, что весь брестскій трактъ освободить невозможно, что нужно хотя бы немногого войска для защиты Варшавы и т. д. и все можно бы было уладить. Дибичъ успокоилъ Вылежинскаго увѣреніемъ, что вел. кн. Константина не вернется въ Варшаву и что, по всему вѣроятію, онъ самъ останется главнокомандующимъ.

— Ручаюсь,—прибавилъ онъ,—что вы были бы мною довольны. Я управилъ бы хорошо. Строго держался бы конституції, никогда ее не нарушилъ бы, развѣ лишь въ одномъ пунктѣ,—касательно свободы печати; этого не будете имѣть, впередъ вамъ говорю, это вещь вредная, раздражающая только умы.

Въ заключеніе фельдмаршалъ далъ понять, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что русское войско вступить въ предѣлы Царства Польскаго въ видахъ охраны края и наблюденія за польскимъ войскомъ, которое не заслуживаетъ довѣрія. На это Вылежинскій отвѣтилъ, что польскій народъ никогда не подчинится требованіямъ манифеста и что при такихъ условіяхъ дѣло никогда не дойдетъ до соглашенія. Дибичъ согласился съ тѣмъ, что если поляки не примутъ условій манифеста, то безъ войны дѣло не обойдется.

30-го декабря Вылежинскаго вызвали къ генералу (впослѣдствіи графу, А. Х.) Бенкендорфу.

Генералъ əтотъ,—пишетъ Вылежинскій,—человѣкъ очень пріятный, съ изысканными манерами, весьма предупредительный въ обращеніи, считается любимцемъ государя, благороднѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ въ Имперіи.

Бенкендорфъ не скрывалъ того удивленія, какое вызвало въ немъ восстаніе въ Царствѣ Польскомъ.

— Посмотрите на Галицію,—сказалъ онъ.—Развѣ она не несчастнѣе васъ? Нѣтъ тамъ ни народнаго представительства, ни конституції, ни войска, ни польскихъ чиновниковъ, ни даже польского языка, да сверхъ того обременена податями¹⁾). То же самое и великое княжество Познанскное, политическое и материальное положеніе котораго столь далеко отъ благосостоянія Царства!.. Сравните себя съ Литвою, съ Волынью и съ другими польскими провинціями, состоящими подъ русскимъ правленіемъ,—что за громадная разница! Въ какихъ счастливыхъ во всѣхъ

¹⁾) Такъ было дѣйствительно до 1849 г. Существующую въ настоящее время конституцію Галиція получила въ 1861 г.

отношенияхъ условіяхъ вы находились! А однако всѣ прочія части Польши держать себя спокойно. Только въ одномъ Царствѣ Польскомъ, гдѣ полякамъ было лучше всего, вспыхнула революція. Подумайте только, какъ вашъ край процвѣталъ!—чужестранцы дивились. Населеніе увеличивалось, налоги не были чрезмѣрны, управлялись вы сами, всѣ отрасли промышленности, земледѣліе и фабричное производство развивались превосходно, города росли, вся Польша представляла собою подобіе драгоценнаго камня, на который приятно было смотрѣть. Была одна бѣда—дѣйствительно: вел. кн. Константина тормозилъ намѣренія государя, но надо было немнго потерпѣть. Рѣшено отозвать вел. князя, и тогда для полнаго своего счастія вы ни въ чемъ уже не нуждались бы и стали бы счастливѣйшимъ народомъ на свѣтѣ.

Государь, по увѣренію Бенкендорфа, очень огорченъ революцію. Особенно оскорбило его поведеніе арміи, которую онъ любилъ. Онъ такъ надѣялся на польскую армію, что, насколько ему (Бенкендорфу) извѣстны отношенія къ Франціи,—предназначилъ ее въ авангардъ, который долженъ быть предупредить русскіе полки въ случаѣ движенія послѣднихъ во Францію.

— Не сомнѣваюсь,—прибавилъ Бенкендорфъ,—что польское войско сражалось бы доблестно. Государь не можетъ торговаться съ поляками. Для этого у него нѣть ни малѣйшаго основанія. Если въ Царствѣ Польскомъ и было что-либо дурное, то было не по его, государя, винѣ и оставаться такъ не могло. Въ настѣнное время онъ не можетъ склониться на уступки, иначе, что бы сказали остальные его подданные? Одна надежда на благородный и великодушный характеръ государя, на то, что онъ не стѣснитъ положенія поляковъ. Если же, однако, Царство будетъ усмиreno оружіемъ, къ чему, повидимому, и клонится дѣло, то въ такомъ случаѣ поляки останутся въ большомъ накладѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ приведенного разговора Вылежинский сидѣлъ уже у генерала Чернышева ¹).

Чернышеву онъ прямо заявилъ, что прїехалъ въ Петербургъ безъ всякаго законнаго разрѣшенія, взявъ на себя миссію правительства, которое государь не признаетъ.

Здѣсь онъ узналъ, что императору, однако, угодно было войти въ его положеніе и ему оставленъ выборъ или остататься въ Петербургѣ или воротиться въ Варшаву. Вылежинскій, какъ человѣкъ осторожный, боясь раздражить своего монарха, офицеромъ и подданнымъ котораго онъ былъ, заявилъ, что ему остается лишь съ почтеніемъ выслушивать приказанія монарха и что онъ подчинится всему, чего отъ него желаютъ.

¹) Александръ Ив. Чернышевъ съ 1827 г. управлялъ военнымъ министерствомъ.

При этомъ онъ обратилъ внимание Чернышева на то, что если онъ не вернется въ Варшаву, то будетъ считаться дезертиромъ или измѣникомъ, а быть тѣмъ, или другимъ, онъ, разумѣется, не желаетъ. Кромѣ того, онъ оставилъ въ Варшавѣ опасно-большаго отца безъ всякихъ средствъ къ существованію, выѣхавъ въ дорогу столь поспѣшно, что не могъ позаботиться о судьбѣ старика.

Выслушавъ это, Чернышевъ посовѣтовалъ Вылежинскому написать къ нему письмо, въ которомъ выразить чувства вѣрноподданнической преданности къ государю и изложить все тѣ обстоятельства, которыя требуютъ возвращенія его въ Варшаву.

Письмо, конечно, тотчасъ же было написано. Спустя немного времени, Чернышевъ вручилъ Вылежинскому отвѣтъ государя слѣдующаго содержанія:

«Въ Вылежинскомъ я нашелъ чувства храбраго и лояльнаго воина и доброго поляка. Исполнивъ свою обязанность, онъ сдѣлалъ то, что могъ. Вѣрю его честному слову, вѣрю, что всегда будетъ слѣдоватъ ему и присягѣ. Чтобы доказать это—назначаю его своимъ адъютантомъ и вручу ему депеши, которыя онъ отвезетъ въ Варшаву. Затѣмъ, можетъ заняться отпомъ и, когда устроитъ судьбу старца—пусть вернется комуѣ куда и когда ему будетъ угодно».

Передавъ отвѣтъ государя, Чернышевъ сказалъ Вылежинскому:

— Вѣроятно, вамъ будетъ пріятно лично засвидѣтельствовать государю благодарность за его милость. Мой фельдъегерь отвезетъ васъ во дворецъ.

Вылежинскаго доставили въ Аничковскій дворецъ.

Вотъ, какъ онъ описываетъ наружность императора Николая. Государь—высокаго роста, черты лица прекрасны, полны выраженія, но суровы; въ обращеніи холоденъ.

Разговоръ живо перешелъ на польскія дѣла. Императоръ не ожидалъ революціи въ Польшѣ.

— Вѣдь вамъ же хорошо было! Конституцію, которую я засталъ, я уважалъ и хранилъ безъ измѣненія. Пріѣхавъ въ Варшаву на коронацію, я сдѣлалъ столько добра, сколько можно было сдѣлать. Быть можетъ, и было что-либо нехорошее, но я тутъ ни при чемъ. Надлежало войти въ мое положеніе и имѣть ко мнѣ довѣріе. Я желалъ, чтобы все было хорошо, и желаніе свое въ концѣ-концовъ осуществилъ бы... Наконецъ, я не могу оправдать революціи, нападенія на домъ моего брата съ намѣреніемъ лишить его жизни... Что касается генерала Рожнецкаго, на котораго повсюду жалуются, то я давно его знаю и никогда онъ не пользовался моимъ расположenіемъ¹⁾. Знаю, что это совершен-

¹⁾ Рожнецкій—начальникъ тайной полиції. Его, по словамъ Зеланда („Воспом. о польск. восст. 1830—31 г.“ въ Рук. Ст. за 1892 г.), вся нація не-навидѣла (IX, 516).

ный негодяй и если остался на своемъ посту, — следовало его взять...

Тутъ императоръ пожалъ плечами, давая тѣмъ понять, что виноватъ въ этомъ великий князь.

— Ваши газеты, о чёмъ бы ни писали, все страшно преувеличиваютъ.

Переходя къ вспышкѣ мятежа, государь выразилъ свое недовольство образомъ действій вел. кн. Константина.

— Если бы я тамъ былъ въ то время, то ручаюсь, что дѣла приняли бы другой оборотъ. Въ такихъ обстоятельствахъ следуетъ употребить противъ черни картечъ. Это—непріятная и печальная необходимость, но и единственное средство, которое можетъ отвратить большія впослѣдствіи бѣдствія.

Государь выразилъ свое высокое недовольство тѣми польскими генералами и начальниками частей, которые позволили себѣ поддаться вліянію своихъ подчиненныхъ и агитаторовъ, забыть о своихъ собственныхъ обязанностяхъ, соединиться съ мятежниками и встать во главѣ послѣднихъ.

— Напримѣрь, Шембекъ,—сказалъ государь,—котораго я такъ любилъ. Онъ не только соединился съ мятежниками, но своимъ вступлениемъ въ столицу во главѣ полка далъ примѣръ цѣлой арміи, потянувшись за собою вѣрные до тѣхъ поръ полки и принудивъ моего брата къ отступленію. И это тотъ самый Шембекъ, который поклялся великому князю не вступать въ Варшаву, а ожидать его дальнѣйшихъ приказаний.

Вылежинскій позволилъ замѣтить, что Шембекъ искренно желалъ оставаться вѣрнымъ, но прочель на лицахъ своихъ солдатъ, что въ случаѣ отказа—они его разстрѣляютъ.

Государь продолжалъ:

— Ему следовало пожертвовать собою. Слѣдовало позволить себя убить, какъ поступилъ Гауке или Трембицкій, съ которымъ онъ находился въ такой тѣсной дружбѣ. Почему онъ такъ не поступилъ? Къ чему ему было всматриваться въ лица своихъ солдатъ?.. Скажите ему, что я удивляюсь, что онъ еще живъ и что такого срама отъ него не ожидалъ.

Далѣе императоръ увѣрялъ, что онъ не желалъ бы прибѣгать къ строгости, что онъ увѣренъ, что партия людей разсудительныхъ въ народѣ одержитъ побѣду, признаетъ свою вину и вернется на путь обязанностей.

— Но я—прибавилъ государь,—желаю совершенного, безусловнаго подчиненія. Вспомните, что я польский король, король законный и такимъ всегда останусь! Повторите это въ Варшавѣ, а сами поступайте такъ, какъ находите нужнымъ.

На это Вылежинский сказалъ, что для него ничего другаго не остается, какъ только оплакивать несчастіе, постигшее его родину.

— Тутъ нужны неслезы,—замѣтилъ ему государь,—а стараніе убѣдить поляковъ. Что касается меня, то я люблю своихъ подданныхъ, и никакая ради ихъ жертва для меня не тяжела, когда дѣло идетъ объ ихъ счастіи. Передайте также полякамъ, что я доволенъ тѣмъ, что революцію вызвали чужія, заграничныя вліянія. Мои русскіе подданные страшно возмущены и злы на вѣсть и хотѣли бы вамъ сдѣлать какъ можно больше вреда. Съ трудомъ приходится мнѣ ихъ сдерживать. Но пока я царствую, я сумѣю настоять на своемъ, заставить уважать мою волю и ей подчиняться. Поляки въ этомъ отношеніи могутъ быть совершенно спокойны.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ Хлопицкому, и государь сказалъ:

— Сожалѣю, что имъ не воспользовались въ польскомъ войскѣ. Но когда я вступилъ на престолъ, то засталъ его уже уволеннымъ изъ дѣйствительной службы. Нисколько не сожалѣю, что онъ провозгласилъ себя вождемъ безъ моего разрѣшенія, такъ какъ онъ возвратилъ страну желаемый порядокъ. Спрашивается: что онъ будетъ дѣлать дальше? Понимаю, что въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ поручать вамъ письма ко мнѣ. Но не даль ли онъ вамъ какого-либо устнаго ко мнѣ порученія? Не велѣлъ ли передать мнѣ, какъ я долженъ на него смотрѣть? и на сколько на него могу надѣяться?

Когда Вылежинский отвѣтилъ на это, что никакого порученія отъ Хлопицкаго не получалъ, что иначе онъ имѣлъ бы честь уже передать его, государь воскликнулъ:

— Удивительное дѣло!.. Задача его прекрасна. Но какъ онъ ее выполнить? Это вопросъ. За свой поступокъ онъ не понесетъ наказанія, если все кончится благополучно. Онъ можетъ возвратить своей отчизнѣ благосостояніе, можетъ избавить ее отъ многихъ бѣдствій, можетъ пріобрѣсти славу и благодарность своего народа и государя при условіи, если пойдетъ хорошей дорогой, дорогой чести. Посмотримъ, что онъ дальше сдѣлаетъ и не дастъ ли себя свести съ ума.

За тѣмъ государь спросилъ Вылежинскаго, что онъ думаетъ относительно манифеста и допускаетъ ли возможность, что всѣ возвратятся на путь совиновенія и порядка, не заставляя прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ?

Вылежинский, ободренный милостивымъ обращеніемъ государя, отвѣтилъ прямо, что, на сколько онъ знаетъ, поляки останутся глухими къ словамъ монарха.

Государь на это замѣтилъ:

— Ежели вы полагаете, что они не пожелаютъ добровольно подчиниться, то остается одно средство, къ которому я долженъ буду при-

бѣгнуть, какъ императоръ всероссийскій и какъ король польскій. Одинъ только выстрѣлъ съ вашей стороны, и я уже ни за что не отвѣчаю. Скажите обѣ этомъ въ Варшавѣ.

Отпустская Вылежинскаго, государь обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Поклонитесь вашему отцу и поздравьте его отъ меня, что онъ имѣть такого сына.

По окончаніи аудіенціи у государя Вылежинскій снова былъ у Чернышева. Генераль вспомнилъ опять о Шембекѣ, называлъ поступокъ его ужаснымъ. Относительно польскихъ дѣлъ припомнилъ, что уваженіе, которымъ пользуется Польша, является результатомъ попеченія о ней Россіи, и сожалѣлъ, что въ Царствѣ Польскомъ не могли понять государя. Прощаясь, Чернышевъ совѣтовалъ Вылежинскому какъ можно скорѣе выѣхать изъ Петербурга, что тотъ и не замедилъ исполнить.

Въ заключеніе прибавимъ, что Вылежинскій въ 1831 году вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника. Умеръ онъ въ Варшавѣ въ 1844 году.

Г. А. Воробьевъ.

Послѣдствія носѣнія столицы для двухъ евреевъ.

Зимою 1844—45 годовъ въ С.-Петербургъ прибыли два еврея «съ плакатными паспортами, но безъ тѣхъ особыхъ видовъ за подписью мѣстныхъ губернаторовъ, коими евреи должны быть снабжены, когда отлучаются по законнымъ причинамъ въ общій черты ихъ осѣдлости».

Его императорское величество, по всеподданѣйшемъ о семъ докладѣ, высочайше повелѣть соизволить: помянутыхъ евреевъ, въ примѣръ другимъ, отдать въ рекрутъ, а въ случаѣ неспособности къ военной службѣ—отослать въ арестантскія роты на 5 лѣтъ.

Еврейскія общества поставлены о семъ въ извѣстность особыми объявленіями.

Сообщилъ Аленѣй Мердеръ.

Празднованіе столѣтія Петербурга¹⁾.

Г

лизъ устья обширной Невы, изливающейся въ пространство Варяжского понта, внутри непроходимыхъ Ингерманландскихъ лѣсовъ до 1702 года существовали глубокія болота. Дикие звѣри и хищныя птицы имѣли тамъ свои жилища. На желтыхъ иловатыхъ пескахъ, близъ рѣкъ и моря лежащихъ, не видно было слѣдовъ ходящаго человѣчества. Трудолюбивые земледѣльцы не потѣля здѣсь надъ тяжкими плугами и боронами. Молодая поселянка, украшенная цвѣтами, своими острыми серпами тогда не пожинали тутъ позлащенныхъ класовъ. Стройные снопы и огромные скирды не обременяли здѣшнихъ болотъ своею тяжестью. Пастухи и пастушки, горяя страстью любви, не сидѣли подъ тѣнью пихтъ и березъ и не укрывались отъ горячаго зноя солнечнаго. Невинныя ихъ овечки не рѣзвились, бѣгая по зеленой муравѣ, близъ прозрачныхъ источниковъ. Свиры и флейты молодыхъ пастуховъ не повторяли своего пріятнаго эха внутри здѣшнихъ дремучихъ лѣсовъ. Свиры медведи наводили тогда здѣсь ужасъ на звѣрей и птицъ своимъ ревомъ. Злые волки обагряли землю кровью, растерзывая на части боязливыхъ зайцевъ. Бѣлые олени, ходившіе близъ ручьевъ, гордились огромностію своихъ вѣтвистыхъ роговъ. Филины и совы своимъ страннымъ крикомъ наводили здѣсь ужасъ на всю природу.

¹⁾ По рукописи „Памятникъ столѣтію Санктпетербурга или Описаніе торжества и церемоній, совершившихся въ сей Россійско-Императорской столицѣ, по случаю благополучно окончившагося первого столѣтія отъ заложенія сей резиденціи, съ присовокупленіемъ о прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи жителей, церквей, дворцовъ и коммерціи“. Авторъ описанія неизвѣстенъ.

Златое солнце своими цѣлебными лучами, за густотою деревъ, слабо согрѣвало замерзающихъ змievъ, лежавшихъ въ каменныхъ разсыпахъ. Сребряная луна и пурпуровая Аврора хотя часто взирали на сиѣ непроходимыя мѣста, но и то, какъ думается, съ измѣнившимися лицами. Глубокіе савги въ сихъ сѣверныхъ пустыняхъ долгое время блистали своею чрезвычайною бѣлизною. Сильные морозы свирѣпствовали тамъ сверхъ 197-ми градусовъ по Делилову термометру. Ужасные бури и вѣтры были столь сильны, что исторгали изъ корней огромные дерева.

Но когда отецъ отечества мечемъ блеснуль предъ цѣльмъ свѣтомъ и когда онъ своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ въ 1702 году за-воевалъ у шведовъ крѣпость Нотеборгъ, тогда потомки Мосоховы и дѣти дѣтей подданныхъ Рюриковыхъ, увѣнчанные дубовыми вѣнками, на холодныхъ мѣстахъ Ингерманландіи отъ великихъ трудовъ успо-коилися. На кудрявыхъ еляхъ и зеленыхъ игловатыхъ соснахъ повѣсили свои мечи, обагренные кровью враговъ, побѣженныхъ при Ладогскомъ озерѣ. При гордыхъ березахъ и пихтахъ, на утесистыхъ при-горкахъ повергли ружья и притупленные о кости шведовъ птицы и стрѣлы. Хрустальная струи журчащихъ по камнямъ источниковъ уто-или ихъ великую жажду. Разсѣявшись по лѣсамъ, собирали бруслику и клюкву, которая хотя мало, но уменьшила ихъ чрезмѣрную алчность. Утруженныя ихъ ноги прохладились болотною мокротою и холодною росою. Черный потъ лицъ и тѣль омыла широкая Нева своею чистою водою.

Петръ Первый, россійскій царь, а потомъ бывшій императоръ, по завоеваніи Нотеборга, что выѣхъ Шлиссельбургъ, въ 1703 году взять крѣпость Ніеншанцъ, которая существовала при истокѣ Охты въ Невскія воды. Для совершенного утвержденія своего владѣнія въ Ингерманландіи и другихъ завоеванныхъ земляхъ на острову Невы, осно-валъ крѣпость 16-го мая 1703 года. Сію крѣпость въ честь своего ан-гела святаго апостола Петра и дабы имя сіе для Россіи оставить без-смертнымъ, назвалъ онъ Санктпетербургомъ. Спустя малое время за-ложенъ былъ шанцъ на другомъ островѣ той же рѣки. Отъ имени ар-тиллеріи капитана Василя Карчмина, получилъ онъ название Василь-евскимъ островомъ. Сей капитанъ, имѣя команду въ шанцахъ, полу-чалъ отъ государя письма съ надписью: «къ Василю на островъ».

Сказанныя два укрѣпленія сначала служили защитою устьевъ Невы. Но побѣдитель Карла, осмотрѣвъ устья сея рѣки, морскіе заливы и островъ Регузари, въ своей великой душѣ почувствовалъ дѣйствіе свя-щенного восторга.

«Какое множество лѣсовъ!» сказалъ онъ своимъ чиновникамъ, слѣ-довавшимъ за нимъ. «Рѣка великая и море обширное, ведущее въ

концы всея вселенныя. Кареагенская Диана на таковомъ же мѣстѣ основала свое царство; красивые Амстердамъ и Венеція на таковыхъ же болотистыхъ мѣстахъ удивляютъ многихъ путешественниковъ своими каналами. Желаю, повторилъ онъ, желаю, дабы флотъ подобный Енееву отагошацъ бунтующуюся стихію Балтійского моря. Трудолюбивые россияне на учрежденныхъ мною въ послѣствіи времени верхвяхъ будуть строить ежегодно по пяти сто-пушечныхъ кораблей. Россійскіе мореходцы, оставя Архангельскъ, пусть ѿдѣять отсюда за прямыми кореньями и сокровищами въ отдаленные острова южнаго океана. Индійцы и персіяне изъ Каспійскаго моря будуть пріѣзжать на Неву съ богатыми своихъ земель произведеніями. Голкондскіе алмазы и рубины, ширванскій и испаганскій шелкъ чрезъ всю почти Россію начнутъ привозиться сюда посредствомъ водянной коммуникаціи. Ока, Волга, Волховъ и другія обширныя рѣки принесутъ на сіи мѣста моихъ земледѣльцевъ изобилія рогъ. Хочу, дабы царство преемниковъ Рюриковыхъ не претерпѣвало болѣе бѣдствій отъ гордыхъ жителей обширной Москвы. Стрѣлецкіе бунты, грабежъ Кремля и по сіе время, мечтаясь въ моемъ умѣ, приводятъ въ содраганіе. Желаю свой позлащенный тронъ пренести на сіе мѣсто. Здѣсь удались я отъ шуму каменной Москвы. Пусть блестящія короны и порфиры украшаютъ здѣсь россійскихъ царей; они и отсюда могутъ раздавать законы многимъ миллионамъ своихъ подданныхъ. Союзство съ просвѣщенными государствами меня плѣняетъ. Англичане, голландцы, датчане и нѣмцы будутъ здѣсь продавать свои, а покупать моихъ подданныхъ товары. На семъ мѣстѣ россияне, чрезъ прибыль коммерціи, соберутъ сокровища подобныя Крезовому и Мидовому. Желаю, дабы священные жертвеники стояли вѣчно на сихъ дикихъ мѣстахъ. Пусть огромные храмы и шпиши своими позлащенными верхами подъѣзжающимъ къ здѣшнимъ портамъ мореходцамъ служать вмѣсто лучезарного солнца. Бальзамическое благованіе, отъ курящагося еиміама происходашее, пускай распространяется по отлогимъ берегамъ рѣки и моря».

Аейнская Паллада, стѣтущая неутѣшно о разрушеніи Лицеума и Темпы, безъ сомнѣнія оставила Парнасъ и сошла помочь Петру въ его намѣреніи! Сего ревностнаго къ отечеству Агезилая обнимала она дружески и въ свои чудесныя объятья заключила невидимо. Священнымъ своимъ вдохновеніемъ заставила его говорить и разсуждать въ самомъ себѣ слѣдующее:

«О царь, нанесший страхъ гордому Стокгольму и кичливому Абову! Если ты желанія Минервы исполнишь въ точности, то имя твое прославится во всей вселенной, то имя твое пребудетъ во вѣки бессмертнымъ. На семъ мѣстѣ заложи ты городъ и перенеси сюда свое сокровище, корону, скіпетръ и державу. Тебѣ известно, что Пеціле и При-

такеумъ совершенно разрушены, и науки, тамъ процвѣтавшія, приходять уже въ забвение: воздвигни ты на сихъ мѣстахъ таковыя академіи! При нихъ будуть мой Парнасъ и Геликонъ, а новая Кабура Нева приметъ въ себѣ источники Аганиппе, Кастанъ и Ипокрены.

«О побѣдитель Карл! Если ты любишь мудрость и просвѣщеніе, если ты сю любовь въ своеемъ храбромъ сердцѣ питаешь не можно, то музъ охотно оставятъ Либертъ и Пимплу. Онъ въ новопостроеномъ тобою городѣ пожелаютъ жить вѣчно, онъ пожелаютъ умереть вмѣсть съ упраздненiemъ твоихъ академій».

Великій государь, утвердивъ себя въ безпрепятственномъ владѣніи сихъ завоеванныхъ странъ, рѣшился основать столицу при устьѣ Невы, которую, заложивъ, назвалъ по крѣпости Санктпетербургомъ. Желая имѣть смотрѣніе надъ строеніемъ крѣпости, построилъ для себя голландскій домикъ, который, какъ отецъ санктпетербургскихъ домовъ, сохраняется и по нынѣ на берегу Невы. До 1706 года крѣпость состояла изъ земляныхъ валовъ въ фигуру шестиугольника, но во ономъ году начали пристройивать къ ней шесть каменныхъ бастіоновъ. Въ 1714 году заложенная тамъ церковь окончена строеніемъ 1733 году во время владѣнія россійскимъ императоромъ императрицы Анны Ioannovны.

Деревянное Адмиралтейство, гдѣ нынѣ находится каменное, построено Первымъ Петромъ 1705 года. Валами и рвами, одѣтыми камнемъ, окружено оно съ 1711 по 1718 годъ. Каменные магазейны и мастерские дома построены въ 1727 году, а украшено башнею по повелѣнію Анны Ioannовны спустя послѣ постройки магазейновъ въ седьмое лѣто.

Сначала опредѣлено было построить городъ на Санктпетербургскомъ острову. Здѣсь вместо болотного кустарника явились въ скорости цѣлые улицы красивыхъ домовъ. Правительствующій Сенатъ, военная и прочія коллегіи; посланники и консулы европейскихъ государствъ имѣли тогда здѣсь пребываніе въ деревянныхъ домахъ, похожихъ на мазанки. 1710 года построена здѣсь деревянная церковь Святыхъ Троицы, подлѣ которой былъ первый питейный домъ, посвящаемый иногда знатными особами; въ томъ же году былъ построенъ и мытный дворъ на берегу Невы рѣки.

Послѣ Санктпетербургскаго острова государь опредѣлилъ Васильевскій островъ для города. Императоръ намѣренъ былъ по подобію Амстердама провести отъ востока къ западу два судоходные канала и пересѣчь оные 12-ю меньшими, простирающимися отъ юга къ сѣверу. Однако жъ исполненіе онаго намѣренія не соотвѣтствовало желаніямъ государя. Дворянство обязано было, по соразмѣрности своего стяженія, строить на острову деревянные или каменные дома, почему еще до

кончины императора находилось на ономъ 109 каменныхъ и 354 деревянныхъ домовъ. Царица Прасковья Федоровна и князь Меншиковъ построили себѣ на семъ острову дворцы, изъ коихъ первый нынѣ принадлежитъ Академіи наукъ, а послѣдній сухопутному кадетскому корпусу. Въ 1722 году построена здѣсь таможня съ каменными для неї амбарами, находившимися прежде у Троицкой пристани, также и государственная коллегія.

Въ 1721 году возъимѣло строеніе Выборгской стороны свое начало. Въ 1726 году совершила каменная морская, также и сухопутная госпиталь, а въ 1733 году и церковь Самсона-Страннопріимца.

Выстраиваніе Литейныхъ частій началось также въ 1711 году построеніемъ деревянного литейного дома. Вокругъ онаго были дома артиллерійскихъ служителей, къ которымъ мало-по-малу и другіе пристраивались. Нынѣшній литейный домъ построенъ повелѣніемъ Анны Ioannovны 1733 года.

Въ адмиралтейскихъ частяхъ построилъ Петръ Великій уже въ 1711 году каменный зимній дворецъ на нынѣшней Милліонной, въ которомъ онъ и императрица Екатерина Первая жительствовали. Въ 1713 году началось строеніе домовъ на Невской преспективѣ; въ семь же году построены монастырь св. Александра Невскаго деревянный, а въ 1715 году вместо деревянныхъ возведены каменные въ ономъ строенія. Въ 1715 году построены въ первой Адмиралтейской части гостинный дворъ на подобіе мазанокъ. Въ 1736 году умножился гостинный дворъ, находящійся въ 3-й Адмиралтейской части. Въ 1716 году заложены галерный дворъ и въ 1718 году Милліонная улица. Въ 1759 году въ 3-й Адмиралтейской части вместо деревянного начали по частямъ выстраивать каменный гостинный дворъ. Въ 1721 году построенъ Императорский конюшенный дворъ во 2-й Адмиралтейской части. Въ 1725 году лишилась сія новая столица своего основателя.

Во времія царствованія Аны Ioannовны въ 1736 году окончена нѣмецкая каменная церковь святаго Петра. Въ 1732 году учредила она императрица сухопутный кадетскій корпусъ. Въ 1734 году построена по повелѣнію ея церковь Казанскія Богоматери. Въ 1736 году выгорѣла кромѣ гостинного двора также Большая и Малая Морскія улицы, обитаемыя морскими офицерами и матрозами, и вместо выгорѣвшихъ деревянныхъ строеній возведены потомъ каменные дома. Для адмиралтейскихъ служителей построены были деревянные дома на болотномъ мѣстѣ, находящемся между устьями Фонтанки и Мойки. Сія новая часть города названа была по нѣмецкому имени Kolonie, то есть селеніе, а посіѣ перемѣнена отъ простолюдиновъ Коломною.

Повелѣніемъ императрицы Елизаветы Петровны построена въ 1743 году церковь св. Николая Чудотворца. Въ 1746 году заложенъ подъ

дворца, въ которомъ она, будучи великою княжною, жительствовала, Воскресенскій монастырь каменный. Въ 1748 году построила Аничковъ дворецъ. Въ 1754 году заложенъ императорскій Зимній дворецъ, который оконченъ былъ не прежде, какъ по кончинѣ сея императрицы въ 1762 году.

Лѣвый берегъ Невы начали одѣвать тесаннымъ дикимъ камнемъ въ 1764 году, то есть въ царствование Екатерины Вторыя; начавшись у литеинаго дома, окончено сіе украшеніе въ концѣ галернаго двора въ 1787 году. Въ сіе время начали также отдѣливать Екатерининскій каналъ и одѣвать оба берега онаго тесаннымъ дикимъ камнемъ, которое строеніе канала кончилось въ 1790 году. Въ 1764 году начато строеніе Мраморнаго дворца, которое окончено въ 1783 году. Въ 1768 году положено государынею основаніе Исакіевскія церкви. Въ 1778 году сдѣлана желѣзная ограда Лѣтняго сада съ столбами изъ тесанаго дикаго камня. Въ 1780 году начали одѣвать берега Фонтанки камнемъ, что и окончено въ 1789 году. Въ 1785 году приведенъ къ окончанію заемный, а въ 1788 году ассигнаціонный банкъ и Академія художествъ.

Близъ Санктпетербурга поселены въ скорости разныхъ селенія. Тамъ на осушенныхъ рвами лугахъ пасутся нынѣ многія тысячи упитанныхъ тельцовъ. Пресыщенные коровы ревутъ томно, желая освободиться отъ множества млечка, ихъ отягощающаго. Невинныя овечки, бѣлымъ руномъ запутавшіяся за кустарники, блеютъ, желая, дабы остригли длинную ихъ шерсть. На удобренныхъ пашняхъ поселенные колонисты и выведенные изъ Россіи крестьяне пожинаютъ уже плоды своихъ трудовъ и наполняютъ ими большія житницы. Они, нѣкогда находясь на пашняхъ и пожиная позлащенные класы, пѣвали слѣдующую идиллію:

Сколько Богъ въ Россіи благъ!..
 На болотистыхъ лугахъ,
 Гдѣ вода и тина были,
 Гдѣ скотъ, люди не ходили,
 Тамъ хлѣбъ сѣмъ нынѣ, жнемъ
 И въ скирды снопы кладемъ.
 Даже сѣмъ лѣнико сѣмъ!
 О златое наше время!
 Нашъ къ тому стремится духъ,
 Кто заложилъ Петербургъ!
 Мы къ нему пыаемъ вѣчно,
 Любимъ вѣкъ Петра сердечно,
 Любимъ вѣкъ его душой,
 Онъ любви достопочтъ той!
 Да здравствуютъ его потомки въ роды,
 Ихъ будетъ счесть столѣтія, не годы!

Какое похвальное намѣреніе! Какое доброе начало! Сегодня отъ заложенія Санктпетербурга миновало только сто лѣтъ; но сей городъ уже подобенъ Вавилону или Парижу. Когда въ 1794 году считалось здѣсь разныхъ 75 церквей, то нынѣ, безъ сомнѣнія, имѣется онъхъ до 150. Когда въ томъ же году было деревянныхъ и каменныхъ до 6 тысячъ домовъ, то чрезъ девять лѣтъ они уповательно умножились до 10 тысячъ. Поелику число жителей въ декабрѣ мѣсяцѣ 1792 года щиталось 202.857 человѣкъ, не полагая военно-служащихъ, то нынѣ чрезъ десять съ половиною лѣтъ онъхъ чаятельно умножились до 350.000, а если присоединить сюда полки, то, безъ сомнѣнія, составить болѣе 550.000 жителей сея огромная столица. Изъ чего открывается, что обывателей вообще кромѣ войскъ всѣхъ въ Санктпетербургѣ болѣе Стокгольма 282-мя тысячами, болѣе Лисабона 290-ю, а Мадрида, Берлина и Рима 195-ю тысячами.

Огромный императорскій Зимній дворецъ есть изъ числа наилучшихъ дворцовъ въ свѣтѣ. Окружность его состоитъ изъ 1.600 футовъ англичанскихъ, а высота 10 сажень. Тысячи миѳологическихъ статуй и вазовъ, на карнизахъ сего дворца стоящихъ, являются его едва-ли не великолѣпнѣе Помпеева амфитеатра; нѣтъ ни одного въ поэзіи Марса, Аполлона, Ахиллеса и Геркулеса, который бы на онъхъ не былъ изображенъ. Въ восточной части дворца есть богатая мраморная парадная лѣстница, по которой ходятъ послы и знатныя особы для аудиенціи. Достойный примѣчанія алмазъ, имѣющій въсю 194 краты, купленный за 450.000 рублей, хранится въ тамошнемъ Эрмитажѣ; онъ въ 1774 году купленъ у грека Сарфаца Екатериною Второю и украшаетъ императорскій скіпетръ. Не упоминая о здѣшнихъ неоцѣненныхъ сокровищахъ, можно сказать, что украшенія сего дворца изъ числа украшеній превосходныхъ въ Европѣ.

Императорскій Мраморный дворецъ, строившійся 12 лѣтъ, обложенъ финляндскимъ и сибирскимъ весьма твердымъ и прочнымъ мраморомъ. Кровля его покрыта мѣдью, а карнизы убрани вазами, урнами и другими украшеніями. Половина двора употреблена на воздушный или виноградный садъ, сдѣланный, въ примѣръ садамъ вавилонскимъ, на сводахъ. Парадная лѣстница, богатыми статуями и вазами украшеннай, сдѣлана изъ сѣраго мрамора. Стѣны въ нѣкоторыхъ комнатахъ уbraneы лазуритомъ и яшмою. Во всѣхъ оконницахъ вставлены зеркальные стекла съ фасетами; рамки же всѣ мѣдные, позолоченные. Въ среднемъ ярусѣ находятся большиe балконы съ мѣдными, крѣпко позлащенными балюсами. Вотъ каково огромно и драгоценно построеніе Великія Екатерины!

Наружный видъ Михайловскаго замка есть видъ и картина прерѣдлагаго зданія. Мраморныя колонны, мраморомъ уbraneыя стѣны и множество статуй и вазовъ, на карнизахъ стоящихъ, умножаютъ его красоту

и великолѣпіе. Позлащенные верхи шпиля и церкви, воздымааясь гордо и блестая во отдаленности, кажутся верхами золотого Неронова дома. Фарнезскій Геркулесъ и Флора, держащая въ рукѣ вѣночкъ, отлитые изъ мѣди на литьномъ академіи художествъ дворѣ, стоять при входѣ въ сей дворецъ на лѣстницѣ. Каналы, его окружающіе, обложены тесаннымъ камнемъ и обнесены желѣзными рѣшетками. Виновникъ императорскаго въ Россіи титула на каменномъ пьедесталѣ, убранномъ мраморомъ, представленъ сидящимъ на конѣ, стоящемъ на трехъ ногахъ.

Свято-Троицкій Александро-Невскій монастырь построенъ въ 1713 г. Петромъ Великимъ деревянный, а въ 1715 году каменный. Съ 1724 года хранятся здѣсь мощи благовѣрнаго князя Александра изъ монастыря Городица, что на Волгѣ, сюда принесенныя. Императрица Елизавета Петровна сдѣлала для сихъ мощей драгоцѣнную раку. Гробница, гербъ, балдахинъ, пирамиды, оружія и знамена выработаны изъ нѣсколькою пудью литаго серебра. Екатериною Второю даны къ сей гробницѣ покровъ и балдахинныя занавѣсы бархатныя съ богатымъ шитьемъ. Сею же государынею сооружена тамъ въ 1790 году церковь, длиною 35. шириной 20, а вышиною до карнизовъ 8 саженъ. Тамошній колоколь, имѣющій вѣсу 800 пудъ, привезенъ сюда изъ Иверскаго монастыря, что у Новагорода, въ 1724 году. Жемчугъ, гранаты и бразильскіе топазы украшаютъ златые вѣнцы святыхъ иконъ, а златоглавомъ, парчею и бархатомъ покрыты престолъ и жертвенникъ. Митрополитскіе митры и кресты блестяще здѣсь алмазами, изумрудами и хризолитами; аналои церковные убраны атласомъ и пукетомъ. Надгробныя надписи, надгробные монументы и доски, изъ серебра, мѣди и мрамора сдѣланные, достойны же примѣчанія.

Мраморная церковь святаго Исаакія, заложенная Екатериною Второю въ 1767 году, имѣеть стѣны, покрытыя снизу дикимъ камнемъ, а вверху полированнымъ финляндскимъ и сибирскимъ мраморомъ разнаго цвѣта. Внутри стѣны и столбы покрыты прекраснымъ мраморомъ разныхъ цвѣтовъ, а поперемѣнно также сибирской яшмою и багровикомъ. Окружность сей церкви полагается въ 150, а вышина въ 25 саженъ.

Сколько ни обширна вселенная, сколько ни великолѣпны резиденции европейскихъ и азиатскихъ государствъ, но нигдѣ нѣть таковыхъ драгоценныхъ каналовъ, каковы въ Санктпетербургѣ! Ни одинъ въ свѣтѣ императоръ кромѣ Великаго Екатерины не отважился доселе употребить миллионы денегъ, дабы берега рекъ и каналовъ обложить тесаннымъ камнемъ! Для нихъ кажется чрезмѣрно дорого, что здѣшніе мосты и берега рекъ и каналовъ остановлены желѣзными и чугунными перилами. Позлащенные жарко шпиля и верхи мостовъ для нихъ кажутся излишнею пышностью. Они не повѣрять, что за каждый каменный столбъ, въ оградѣ Лѣтняго сада стоящий, заплаченъ по 50 рублей. Они усмѣются,

если ихъ будуть увѣрять, что каждый тесаный камень въ квадратную сажень величиною, украшающей набережную Невы, стоитъ для Россіи по 2 имперіала. Желавшая бессмертной для Россіи славы Великая Екатерина, дабы украсить свою столицу, не щадила никакихъ сокровищъ. О премудрая Екатерина! твои щедроты на украшение Санкт-петербурга излитыя въ сердахъ россіянъ остались вѣчно! Усердные наши потомки въ честь твоего Россіи благодѣянія воздвигнутъ тебѣ великій монументъ.

Если всѣ огромныя зданія Санктпетербурга исчислить здѣсь подробнѣо, то должно употребить годичное время! Если описать обстоятельно множество церквей, императорскихъ дворцовъ, садовъ, казенныx строеній и обывательскихъ домовъ, то надоно симъ заниматься двугодовое время! Я, не имѣя силъ сіе исполнить, съ восторгомъ скажу: О новая столица! хотя ты воздвигнута на глубокихъ болотахъ, внутри непроницаемыхъ лѣсовъ, но ты черезъ сто только лѣтъ сдѣлалась изъ числа великолѣпнѣйшихъ резиденцій въ свѣтѣ!

Величайшій памятникъ или монументъ россійскому первому императору, воздвигнутый Екатериной Второю, по своей огромности достоинъ удивленія. Поставленная подъ намъ гора имѣть тяжести болѣе 3 миллионовъ фунтовъ, длиною она 53, шириной 21, а вышиною 17 футовъ, и когда везена была 400 человѣками на мѣдныхъ саняхъ, то каждый день подвигалась впередь по 200 саженъ. На сей горѣ представлена герой на конѣ, попирающій великаго дракона. Металловый составъ сдѣланъ изъ запрудной мѣди съ присовокупленіемъ нѣсколько олова и цинка, всего вѣсомъ 44.041 россійскихъ фунтовъ, употребленного же ради равновѣсія въ заднюю часть лошади желѣза было 10.000 фунтовъ; величина монарха имѣть въ высоту 11, а лошади 7 футовъ. Изображеніе сего памятника значить слѣдующее: подножіе, то есть гора дикаго камня, есть образъ препятствій, кои государю преодолѣть надлежало, бодрый его конь означаетъ неутомимые подвиги, онъ попираетъ змія зависти. Простое народное одѣяніе приличествуетъ каждому времени и можетъ представить простоту его распоряженій; съдѣло есть кожа побѣжденаго льва; все же положеніе съ распростертю благотворителью рукою къ Невѣ, академіи и крѣпости можетъ означать силу на морѣ и на сухомъ пути, просвѣщеніе и торговлю, яко предметы, имѣ предположенные. Лѣвою рукою держитъ коня крѣпко за узду, дабы непремѣнно удержать его на вершинѣ горы, который, поднявъ переднія ноги, желаетъ соскочить съ горы. А можно и то думать, что сія лошадь значитъ слава, которая весьма скоро бѣжитъ и подобно быстрому коню прославляется въ свѣтѣ; гора значитъ вершина чести, на которую онъ, взошедъ, если бы разумомъ, то есть рукою, коня за узду не удержанъ, то бы упалъ въ ровъ безславія. На всѣ расходы для сего монумента употреблено 424.610 р.

Съ адмиралтейской стороны на горѣ начертано вставленными бронзовыми буквами: «Петру Первому Екатерина Вторая лѣта 1782». А съ сенатской стороны то же самое на латинскомъ языкѣ: «Petro Primo Catharina Secunda. Anno MDCCCLXXXII».

Каменный обелискъ, россійскому фельдмаршалу графу Румянцову воздвигнутый, подобенъ обелискамъ, бывшимъ нѣкогда въ Египтѣ. Онъ составленъ не болѣе какъ изъ четырехъ камней, а вышина его подлагается, если не ошибаюсь, въ 25 сажень. Средана его снизу обложена разноцвѣтнымъ мраморомъ, а около всего изображены военныя оружія и знамена. На вершинѣ сего обелиска стоитъ большой позлащенный шаръ съ сидящимъ на немъ позлащеннымъ же орломъ, который съ распушчеными крыльями, какъ бы на-лету, садится на обелискъ. Шаръ значитъ земля, поелику видъ земли нашей есть шару подобный, что доказывается восхожденіемъ и захожденіемъ солнца. Орелъ предсталяетъ славу Румянцева и храбрость, по кагульской побѣдѣ распространившуюсь во всѣ части свѣта; онъ же, сидящій на вершинѣ шара съ распушчеными крыльями, знаменуетъ тоже храбрость и славу, которая, вознесшись выше земли, парить къ облакамъ или къ небу. На нижней части обелиска сдѣланъ гербъ сего графа, украшенный лаврами, а въ срединѣ его бронзовыми вставленными литерами изображена надпись: «Румянцева побѣдамъ».

Красивы монументъ, италійскому и римскому князю, россійскому генералиссимусу и графу Суворову воздвигнутый, своею искусною фігурою достоинъ похвалы. Сей россійскій Геркулесъ представленъ въ рыцарскомъ одѣяніи съ панциремъ на груди, величиною съ пьедесталомъ не менѣе 7 сажень. Онъ отлитъ, какъ видно, изъ тѣди желтаго или золотаго цвѣта, а пьедесталъ украшенъ красивымъ краснымъ и другого цвѣта мраморомъ. Десницаю держа обнаженный мечъ, какъ бы угрожаетъ истребить природу россійскихъ непріятелей. Лѣвою рукою и въ ней имѣющимся щитомъ съ изображеніемъ герба россійскаго двуглаваго орла защищаетъ онъ двѣ короны и скипетръ, лежащіе на престолѣ. Сie значитъ, что побѣдоноснымъ россійскимъ войскомъ защищилъ и возвель онъ на троны италіанскихъ королей, изгнанныхъ французами изъ ихъ столицъ. Издержки, на сей монументъ употребленныя, простираются до 25.000 р. На срединѣ пьедестала два позлащенныхъ генія держать гербъ, а на немъ представлены знамена и оружія, украшенные лаврами. Въ срединѣ герба бронзовыми литерами изображено: «Князь италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій, 1801 года».

Нѣть силы изъяснить словами
Красу твою, Санктпетербургъ!
Златыми блещешь ты шпилями,
Какъ ясный въ небѣ солнца кругъ.

Сто лѣтъ, какъ въ мірѣ ты явился,
 Но какъ Пекинъ распространился.
 Сто лѣтъ тебѣ, какъ заложенъ,
 Но ты огромными церквами,
 Но ты обширными дворцами,
 Какъ Цареградъ распространенъ!
 Ты крѣпости своей стѣнами
 Бояться весь принудилъ свѣты!
 Петра бессмертного дѣлами,
 Имѣя рѣдкій монументъ,
 Имѣя горды обелиски,
 Ты славишь стороны Россійскіе!
 Ерасуйся вѣкъ, столичный градъ!
 Ликуй въ восторгѣ, веселися
 И о Петрѣ къ Творцу молися,
 Чтобъ онъ вошелъ въ Эдемскій садъ.

Петръ Великій при заложеніи города имѣть особливое вниманіе на торговлю. Городъ его долженствовалъ быть знатайшою пристанью привозимымъ и вывозимымъ товарамъ для всей имперіи. Санктпетербургъ, не взирая на короткое лѣто и посредственно глубокій фарватеръ, имѣть преимущества предъ Архангельскимъ городомъ въ разсужденіи климата и положенія. Уже въ 1703 году прїѣхалъ первый голландскій корабль въ устье Невы, и императоръ, съ великою радостію принялъ сей корабль, одарилъ прещедро. Въ 1736 году прїѣхало въ Санктпетербургъ 272, а въ 1791 г.—1.038 кораблей изъ всѣхъ европейскихъ государствъ да изъ Америки 37. Почему можно заключить, что нынѣ приходящихъ кораблей увеличилось до 3 тысячъ.

Англичане изъ Ямайки, Лондона и Бермуда везутъ сюда сахаръ, цитроны и померанцы; бочки ихъ насыпаны виноградомъ, гранатами и винными ягодами; ящики ихъ наполнены имбиремъ, лавровымъ листомъ и хлопчатою бумагою; туки ихъ набиты тонкими сукнами, казимирами и канифасами. Владѣтели рѣкъ Рона и Сейна изъ Парижа, Иль-де-Франса и Мартиники доставляютъ сюда камлотъ, штамедь, сахаръ и кофей; вкусные вина шампанское, бургундское и ратафей привозятъ они тысячами боченковъ; множество какао, отъ нихъ получаемаго, доставляетъ почти всей Россіи превкусный шоколадъ. Мадридскіе и кадикоскіе жители, владѣтели Мексики, Бразиліи и Кубы привозятъ на своихъ корабляхъ ананасы, мастику и бальзамъ; деревянное масло, корица и са-рацинское пшено ихъ употребляется въ Россіи съ великою пользою; квасцы ихъ, селитра и сюрма развозятся въ Макарьевскую, Ирбитскую и Коренскую ярмарки; лимоны, апельсины и финики ихъ наполняютъ многие магазейны санктпетербургскіе и московскіе; канарскія птички, ими привозимыя, своимъ трелистымъ, нѣжнымъ пѣніемъ почитаются превосходными въ Россіи птицами; золото, алмазы и хризолиты ихъ

украшают церкви и императорскія регалии. Венеціане изъ Венеціи, Триеста и Архипелагскихъ острововъ прѣѣзжаютъ въ сю резиденцію съ винами, изюмомъ и черносливомъ; въ сундуки, ими привезенные, наложено златоглаву, парчи и штофу; чемоданы ихъ наполнены пукетомъ, атласомъ и шелковыми поясами; алый и голубой бархатъ, разноцвѣтные плисы и гризеты, ими доставляемые, продаются по всѣмъ Россійской имперіи городамъ. Итальянцы изъ Ливорны, Генуи и Кремоны везутъ въ Санктпетербургъ тафту, шелковые чулки, перчатки и платки; корабли ихъ нагружены мраморомъ, яшмою и агатомъ; клавикорды, фаготы и флейты ихъ для россійскихъ музыкантовъ превосходный инструментъ; фортепіаны, клавикорды, цитры, гобои и скрипки ихъ развозятся по всей Сибири даже до Енисейскихъ и Анадырскихъ водъ. Голландцы изъ Амстердама и Батавіи везутъ сюда смоквы, сандаль, эбеновое и пальмовое дерева; кульки ихъ набиты корицею, гвоздикою и перцемъ; шкатулки ихъ насыпаны бриліантами, яхонтами, изумрудами и жемчугомъ.

Когда бы Великий Петръ не заложилъ здѣсь города, когда бы не было построено Санктпетербургъ, то не обогатилось бы россійское купечество. Таможенные доходы, за привозъ сюда заморскихъ товаровъ ежегодно собираемые, не составили бы въ годъ 100 пудъ золота и 4.000 пудъ серебра кромѣ ассигнацій. Въ 1787 году пошлина въ столицѣ и Кронstadtѣ состояла 3.910.006 рублей, слѣдовательно по числу увеличенія привоза иностранного товара нынѣшняго года должно быть пошлины до 6-ти миллионовъ рублей. Въ 1789 году привезено иностранныхъ товаровъ на 15.371.104 р. и сверхъ того ефимками и другимъ серебромъ 248 пудъ 19 фунтовъ, да золота 10 фунтовъ, цѣною на 245.898 р.; а если сего лѣта привозъ противъ онаго хотя удвоить, то сумма привезенныхъ въ Россію чрезъ Санктпетербургъ товаровъ должна простираться до 35 миллионовъ рублей. Обширная Нева и красивый каналъ Екатерининъ и рѣчки Фонтанка и Мойка не имѣютъ почти свободнаго мѣста, гдѣ бѣ пройти баркамъ, полубаркамъ и водовикамъ со множествомъ внутреннихъ россійскихъ продуктовъ и металловъ. На сей рѣкѣ и обширныхъ каналахъ стоитъ вседневно отъ двухъ до трехъ тысячъ судовъ, желающихъ освободиться отъ тяжести своихъ товаровъ. Въ 1791 году было въ приходѣ въ Санктпетербургъ барокъ 3.600, полубарокъ 1.000 и водовиковъ 800. Нынѣ же если умножить вдвое, то ихъ должно приходить до 10,000 всѣхъ вообще. Россійскихъ товаровъ вывезено за море въ 1786 году на 13.360.011 р., а въ 1787 на 16.860.799 рублей, то нынѣ, чрезъ 15 лѣтъ, должно думать, что вывозъ россійскихъ товаровъ простирается до 40 миллионовъ рублей. Исчислить всѣ богатства и выгоды, отъ построенія Санктпетербурга Россіи послѣдовавшія, не имѣю

я силь, не имъю я способовъ! Пусть желающій описать это обстоятельнѣе, но и онъ найдеть въ томъ немалое затрудненіе.

Съ волнами синія воды,
Катись сокровище сюды,
Оставь Бразилію, Голкондъ,
Слыши въ Варажскій хладный pointъ!
Пускай купцы вдѣсь богататся!
Пускай довольными творятся
Чресть прибыли своихъ торговъ,
При множествѣ заботъ, трудовъ.

Когда приспѣлъ день столѣтія отъ заложенія Петромъ Великимъ крѣпости 16-го мая 1703 года, тогда въ сіе же самое число, то есть 16-го мая 1803 года, началось въ Санктпетербургѣ торжество столѣтія. О предположенной церемоніи объявлено было особо напечатанными афишками, разосланными по 11-ти города частамъ.

Предвѣстіе торжества былъ голландскій ботикъ, выставленный на линейномъ корабль близъ монумента Петра I-го на Невѣ. Сей голландскій вооруженный ботикъ, вселившій въ Петра Великаго охоту учредить флотъ, нареченъ потомъ дѣдомъ всего морскаго россійскаго флота. Царь Алексѣй Михайловичъ построилъ сіе судно въ 1668 г. въ Москвѣ для прогулки по Волгѣ и назвалъ его «Орломъ». Петъ Алексѣевичъ возобновилъ онъ и вооружилъ снова, къ чemu самъ и начало положилъ. Онъ приказалъ перевести сіе судно изъ Москвы въ Санктпетербургъ въ 1723 году и съ великимъ торжествомъ плыть къ Кронstadtу. Близъ сей крѣпости встрѣченъ онъ былъ флотомъ, изъ 22-хъ кораблей тогда состоявшимъ, причемъ и самъ императоръ начальствовалъ однимъ кораблемъ и спустилъ флагъ на ономъ.

Сенатскій балконъ, на коемъ императрица Екатерина Вторая присутствовала 7-го августа 1782 года при открытии Петру Великому монумента, и въ сіе время для присутствія высочайшей фамиліи былъ украшенъ алымъ бархатнымъ покрываломъ съ богатою золотою бахромою. Для лучшаго и безпрепятственнаго смотра почетнымъ зрителямъ, на валу Адмиралтейства построены нарочно возвышенныя мѣста противъ Петровской площади.

Для совершенія Богу благородственнаго молебствія назначена была мраморная с. Исаакія церковь. Она окружена была обмундированными кадетами, морскаго и инженерного корпусовъ, кадеты же 1-го корпуса составляли линію на Петровской площади отъ Исаакіевскаго до Невскаго моста. Лейбъ-гвардіи три полка стояли въ три шеринги во фронтъ отъ площади Дворцовой до площади Исаакіевской. Сенаторы изъ Сената шествовали стройно во внутренность сея церкви въ парадныхъ своихъ

мундирахъ, шитыхъ золотомъ, къ нимъ присовокупились россійскій генералитетъ, какъ военный, такъ и статский, и министры многихъ европейскихъ державъ. Духовенство въ драгоцѣнныхъ священныхъ одеждахъ, по своему обыкновенію, совершало литургію.

Сія огромная церковь въ сіе время вмѣщала въ себѣ одно знатное дворянство, духовенство и купечество. Курящійся єнимамъ наполнялъ весь храмъ ароматическимъ благовониемъ. Драгоцѣнныя священные одежды, множество зажженныхъ свѣчей и люстры умножали великолѣпіе сей мраморной церкви. Не лишие же будетъ, если я молитвы нѣкоторыхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, въ тайнѣ произносимыя, изъясню въ ниже слѣдующихъ стихахъ:

О ты! Творецъ небесъ, Творецъ стихій, свѣтиль,
Велики милости на градъ Ты сей изилъ!
Чрезъ сто лѣтъ Ты его содѣяла Вавилономъ
И тысячи племенъ возвзвалъ, чтобы жить во ономъ.
Мы жертвы приносить въ честь святости Твоей
Воздвигли въ городѣ до двухъ сотъ алтарей.
Съ усердьемъ истиннымъ и съ добрыми сердцами
Тебѣ, о Боже нашъ! мы куримъ єнимами.
Къ Тебѣ единому любовью горимъ,
Къ Тебѣ, о Господи! желанія стремимъ.
Богатство наше, честь и слава съ красотою,
О праведный судья! прахъ, пепель предъ Тобою.
Повѣрь, о Господи! что силы столько пѣтъ,
Чтобъ благости Твои, исчисля, всѣ воспѣтъ.
Какъ капли въ океанѣ изъ облакъ опущена,
Такъ предъ Тобою мы и вся сія вселенна!
Усыши, о Боже нашъ! моленій теплыхъ гласъ
И испросли Твои всѣ благости на насть.

Богато убранный церемоніймейстеръ на красивомъ конѣ ѿхалъ впереди императорской фамиліи; чепракъ и узда его коня, шитые золотомъ, умножали великолѣпіе сей процессіи. За нимъ ѿхали пятнадцать драгоцѣнныхъ придворныхъ каретъ, вызолоченныхъ жарко, а ихъ везли 100 красивыхъ лошадей, убранныхъ въ разноцѣтные шелковые хомуты и узды. Въ первыхъ каретахъ ѿхали камергеры, за ними штатсь-дамы и флерины, а послѣ сихъ въ наидрагоцѣнѣйшихъ каретахъ же слѣдовали и высочайшія особы въ приличныхъ толикуму торжеству одѣждахъ.

Когда его императорское величество императоръ Александръ Павловичъ, императрицы Елизавета Алексѣевна и Марія Феодоровна со всею высочайшою фамиліею прибыли въ Исаакіевскую церковь, тогда россійскимъ митрополитомъ и прочимъ духовенствомъ отпѣть благодарственный Господу Богу молебенъ. При возглашеніи многолѣтія трелистые съ крѣпостей и кораблей выстрѣлы своимъ страшнымъ

шумомъ потрясали землю и колебали воду. Повторенія выстрѣловъ изъ ружей и пистолетовъ уподоблялися грому, звучащему во отдаленности, и о радости празднующихъ извѣщали отдаленные ингерманландскія селенія.

По выходѣ изъ церкви императорская фамилія въ препровожденіи генералитета съ великою церемоніею отправилась въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ на покрытыхъ бархатомъ балконахъ находилась до самаго окончанія сего торжества. Украшенный съдинами старецъ, знавшій лично императора Петра Перваго, ъздила на лошади вокругъ его монумента.

Кровли домовъ, окны и балконы обременены были великимъ множествомъ любопытныхъ зрителей, а на возвышенныхъ мѣстахъ, построенныхъ нарочито, стояла почетная нація россійскихъ обоего пола особъ. Площади Исаакіевская, Петровская, Невскій мостъ и улицы были почти непроходимы отъ множества людей средняго состоянія и черни.

Звукъ литавръ и трубъ были знакомъ приближенія войскъ къ монументу виновника толь славнаго торжества. Его императорское величество Александръ Павловичъ, командая полками, приближаясь къ памятнику, салютовалъ предъ нимъ своею шагою, а потомъ остановился при монументѣ и, оставивъ лошадь, присутствовалъ здѣсь для принятия почести на правой сторонѣ, пока прошли всѣ войска.

Его императорское высочество Константина Павловичъ, герцогъ, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры, приближаясь къ монументу Великаго Петра и взирая на него и императора Александра, своими шагами салютовали же. Унтеръ-офицеры и штандартъ-юнкеры, ъдущи на коняхъ, при первомъ приближеніи къ основателю Санктпетербурга, преклоняли свои знамена. Маршировавшіе подъ ружьемъ и ъхавшіе на лошадяхъ воины на монументъ первого россійского императора взирали съ видомъ, исполненнымъ благодарности.

Сія церемонія продолжалась при шумѣ литавръ и трубъ 80 минутъ. Лейбъ-гвардія Преображенскій и Семеновскій полки маршировали на передъ, Измайловскій и Гранодирскій слѣдовали за ними, а Павловскій, Литовскій и Тенгинскій полки шли послѣ сихъ скорымъ шагомъ. Наконецъ, слѣдовали Кавалергардскій и Лейбъ-Конный полки, а за ними ъхали эскадроны лейбъ-гусаровъ и лейбъ-казаковъ, которые своимъ скорымъ маршемъ окончили сю деликатную процессію. Когда атмосфера покрылась темною завѣсою ночи, тогда подобное солнцу свѣтило своимъ величественнымъ блескомъ разгоняло ужасный мракъ ночной темноты. Это блисталъ величайшій факель зажженный на верху градской башни, имѣющей вышины 140 футовъ англійскихъ! Иллюминованный вокругъ монументъ Петра Великаго представлялъ тогда чрезвычайно прелестное зрѣлище. Ботикъ, построенный до начала

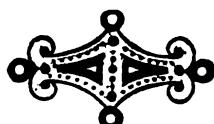
столѣтія, какъ дѣдъ россійскаго флота, быль поставленъ на линейномъ кораблѣ, украсенъ разноцвѣтными флагами и освѣщенъ различными огнями.

Плавающіе корабли и шлюпки съ засвѣщенными огнями въ фонаряхъ дѣлали по Невѣ искусные маневры, а въ отдаленныхъ мѣстахъ иллюминованные крѣпость и Петра Великаго дворецъ, построенный первый въ Санктпетербургѣ, своими огнями свѣтились, какъ множество кометъ, свѣташихся по атмосфѣрѣ. Въ одномъ мѣстѣ Адмиралтейскія ворота съ изображенными на нихъ Нептунаами имѣли на себѣ огни, представляющіе вѣнцы, а во многихъ мѣстахъ валы были освѣщены въ видѣ полуциркулей и квадратовъ. Огромные щиты, горѣвшіе во многихъ мѣстахъ Санктпетербурга, имѣли вензели съ именемъ виновника толико важнаго торжества.

Металлическая съ позлащенными верхами ограда дворцового Лѣтнаго сада на каменныхъ столбахъ имѣла по великому вожженному свѣтилу. Она, иллюминированная во многихъ мѣстахъ, свои блестящіе лучи преломляла о сильныя волны бунтовавшейся Невы. Длинныя и густыя сего сада аллеи и широкіе пруды, украшенные огнями, представляли тогда прелестнѣшую картину. Сей прекрасный садъ, нерѣдко посѣщаемый публикою, въ сей день или ночь, наполненъ быль многими тысячами почетныхъ обоего пола особъ. Пріятная гармонія императорской музыки приглашала всѣхъ успокоиться подъ сводами кудрявыхъ деревъ изъ мягкой муравѣй. Здѣсь все дышало радостію, все казалось удовольствіемъ! Спокойствіе нарушалъ одинъ зефиръ, летавшій по кустамъ и деревамъ. Различные цвѣты, испускавшіе отъ себя бальзамическое благовоніе, услаждали обоняніе всѣхъ веселящихся. Многіе люди, наслаждаясь удовольствіемъ, начали было забывать, что они смертныя человѣки.

О великий день столѣтія! день торжества и веселія Санктпетербурга! останься ты вѣчно въ нашей памяти незабвеннымъ. Останься ты незабвеннымъ и въ слабыхъ памяткахъ юныхъ россіанъ. Пусть сіи дѣти своимъ дѣятіемъ возвѣстятъ всю важность бывшей церемоніи! Пускай они имъ скажутъ, какъ богато и великолѣпно праздновано торжество первого столѣтія отъ заложенія Санктпетербурга.

Сообщилъ В. Среиневскій.

Цензура въ царствование императора Николая I.

VIII ^{1).}

Предоставление министрамъ права быть цензорами статей, относящихся до ихъ вѣдомствъ.—Докладъ Уварова о правительственныехъ изданіяхъ.—Попытка графа Строганова отстранить влияние министровъ на цензуру.—Колыбельная пѣсня Н. Некрасова.—Цензура отдѣльныхъ книгъ.—Сочиненія А. Мицкевича.—Книга академика Велланского „Животный магнитизмъ“.—Стихотвореніе Лермонтова „Послѣднее новоселье“ въ переводѣ на французскій языкъ.—Книги: „Продѣлки на Кавказѣ“, „Турусы на колесахъ“ и „Двадцать лѣтъ царствованія императора Николая I“, Лебедева.—Вопросъ о печатаніи Корана въ Казани.

ъ теченіемъ времени вмѣшательство министровъ въ дѣла цензуры постепенно увеличивалось, и съ 1845 г. они получаютъ право быть цензорами всего того, чтѣ писалось обѣ ихъ вѣдомствахъ. Первый примѣръ тому подалъ графъ Клейнмихель. 14-го февраля 1845 года онъ писалъ Уварову, что въ № 25 «Полицейскихъ Вѣдомостей» напечатана статья о Петербургско-Московской желѣзной дорогѣ и потому перепечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», «Русскомъ Инвалидѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». По розыскамъ источника, служившаго основаніемъ этой статьи, оказалось, что она извлечена изъ изданнаго г. Пушкаревымъ въ 1844 году «Описанія Российской Имперіи». Разсмотрѣвъ это сочиненіе и найдя въ немъ ошибки и несообразности въ описаніи сухо-

¹⁾ См. «Русскую Старину» апрѣль 1903 года.

путныхъ и воданыхъ сообщеній, графъ Клейнмихель испросилъ высочайшее повелѣніе, чтобы «всѣ свѣдѣнія, относящіяся до главнаго управлѣнія путей сообщенія и публичныхъ зданій не иначе дозволялось печатать, какъ по предварительному сношенію съ графомъ Клейнмихелемъ и по полученіи его одобренія». Нѣсколько мѣсяцѣвъ спустя, 28-го декабря, графъ Клейнмихель велѣлъ своей особенной канцеляріи потребовать свѣдѣнія: по какому случаю безъ его вѣдома и на какомъ основаніи, вопреки высочайшему повелѣнію, дозволено было, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Бегрову отлитографировать «Тетрадь фасадовъ православныхъ церквей, составленныхъ архитекторомъ Морганомъ»? На это, по приказанію Уварова, было отвѣчено, что къ числу свѣдѣній, относящихся до путей сообщенія и публичныхъ зданій и указанныхъ упомянутымъ высочайшимъ повелѣніемъ, нельзя относить фасады церквей, принадлежащіе къ области изящныхъ искусствъ, а потому цензура не въ правѣ была распространять высочайшее повелѣніе на художественное изданіе архитектора Моргана, такъ какъ вообще она дозволяетъ эстампы и рисунки по воѣмъ другимъ вѣтвямъ изящныхъ искусствъ, если они не противны общимъ цензурнымъ правиламъ. Графъ Клейнмихель этимъ не удовольствовался и 4-го марта 1846 г. сообщилъ Уварову новое высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣ вообще планы, фасады, чертежи и рисунки по части строительной и путей сообщенія, представляемые въ цензуру, для печатанія были предварительно разсмотриваемы въ главномъ управлѣніи путей сообщенія и публичныхъ зданій, и тѣ только печатались, которые главно-управляющимъ путями сообщеній будутъ одобрены».

Всльдь за тѣмъ, но выйглавноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ генераль-адютантъ Адлербергъ, по поводу предпринятаго однимъ частнымъ лицомъ изданія «Алфавитъ городамъ и мѣстамъ, состоящимъ на главныхъ трактахъ отъ С.-Петербурга до Москвы», находя, что подобныя изданія должны быть дѣлаемы не частными людьми, а почтовымъ вѣдомствомъ, просилъ Уварова, чтобы на будущее время всѣ сочиненія, до почьти относящіяся, не дозволять печатать безъ предварительного просмотра ихъ въ почтовомъ департаментѣ. «Эта предосторожность, говорилъ онъ, необходима для того, чтобы не подвергнуть публику тѣмъ недоразумѣніямъ, кои легко могутъ послѣдовать отъ ошибокъ, которыхъ никакой частный человѣкъ не имѣть возможности избѣгнуть».

Военный министръ, князь Чернышевъ, 18-го января 1847 года писалъ Уварову, что государь императоръ, по докладу его, высочайше повелѣлъ, чтобы всяко го рода критическія статьи или книги, издаваемыя частнымъ лицомъ и относящіяся до сочиненій, принятыхъ съ разрѣшениемъ начальства въ руководство въ какомъ-либо военно-учеб-

номъ отношеній и касающіяся собственно военнаго образованія, сверхъ обыкновенного дозволенія цензуры гражданской, были печатаемы не иначе, какъ по предварительному разсмотрѣніи и одобреніи военно-цензурнымъ комитетомъ.

Министръ двора, князь Волконскій, въ качествѣ президента комиссіи о построеніи Исакіевскаго собора, писалъ 5-го декабря министру народнаго просвѣщенія, что печатаемы въ журналѣ «Artiste» статьи объ Исакіевскомъ соборѣ, и особенно о тамошней живописи, не соответствуютъ существу дѣла, а потому просилъ, чтобы всѣ статьи о строеніи того собора, назначаемы для журналовъ, были предварительно сообщаемы на разсмотрѣніе предсѣдателствующей имъ, княземъ Волконскимъ, комиссіи. Разсмотрѣніе статей этого рода ваяль на себя членъ комиссіи, герцогъ Лейхтенбергскій.

Но едва-ли не самымъ любопытнымъ примѣромъ ревности, съ которой отдельныя министерства заботились въ это время о своемъ ближайшемъ участіи въ цензурномъ дѣлѣ, можетъ служить слѣдующій случай. 29-го мая 1847 г., Уваровъ входилъ со всеподданѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія: «По 18 § цензурнаго устава, казенные мѣста могутъ издавать повременныя сочиненія, по сношенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Большая часть журналовъ, издаваемыхъ отъ казенныхъ вѣдомствъ, разсматриваются общею цензурою. «С.-Петербургскія Полицейскія Вѣдомости» возникли, «Русскій Инвалидъ» преобразованъ, по новому плану, безъ предварительного свѣдѣнія министерства. Своими чисто литературными статьями оба эти журнала сами входятъ и вовлекаютъ другія газеты и журналы въ критическія и полемическія сужденія, иногда о предметахъ, не подлежащихъ ихъ разбирательству. Такъ какъ они издаются независимо отъ общей цензуры, то эта послѣдняя почти не можетъ, не подвергаясь упреку въ пристрастной несправедливости, останавливать въ другихъ журналахъ вызванныя первыми возраженія и замѣчанія. Обязанность цензуры удерживать литературныя иренія въ предѣлахъ скромности становится неисполнимою, и водвореніе единства дѣйствий цензуры и общаго направлениія, столь необходимаго въ настоящемъ времени, оказывается невозможнымъ».

Для отвращенія этихъ неудобствъ, Уваровъ находилъ необходимымъ, не касаясь официальныхъ статей, печатаемыхъ въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» и «Инвалидѣ», прочія статьи литературнаго и ученаго содержанія подчинить общей цензурѣ; на что онъ и испрашивалъ высочайшее повелѣніе. Государь императоръ написалъ на докладѣ: «Согласенъ»; министерство внутреннихъ дѣлъ ничего на это не возразило; но военное министерство осталось недовольно такою новою мѣрою, принятою противъ него, и управлявшій этимъ мини-

стерствомъ, графъ Аддербергъ, 4-го юля написалъ Уварову, что государь императоръ, по докладу его, высочайше повелѣлъ: статьи литературного и ученаго содержанія, предназначенные для напечатанія въ «Инвалидѣ», разматривать, по-прежнему, въ военно-цензурномъ комитѣтѣ и уже потомъ передавать въ общую цензуру.

Противъ такихъ требованій и захватовъ возвысился одинъ голосъ внутри самой правительственной сферы. Попечитель Московскаго учебнаго округа, графъ С. Г. Строгановъ еще 1-го марта 1845 года писалъ Уварову, что при точномъ исполненіи новыхъ высочайшихъ повелѣній о непечатаніи ничего, относящагося до вѣдомствъ путей сообщенія, почты, а также до театровъ, Кавказскаго края, обязанныхъ крестьянъ и по другимъ времененнымъ мѣрамъ правительства, безъ разрѣшенія тѣхъ специальныхъ вѣдомствъ, онъ замѣтилъ на опытѣ, что писатели наши до крайности стѣсняются цензурою въ изданіи своихъ сочиненій, и тѣмъ самымъ нерѣдко благонамѣренныя и полезныя для общей образованности статьи остаются ненапечатанными, или выходятъ въ свѣтъ совершенно несвоевременно, особенно въ периодическихъ изданіяхъ. А потому онъ просилъ Уварова доложить государству императору, не угодно ли будетъ его величеству дозволить ему, графу Строганову, лично, какъ предсѣдателю Московскаго цензурнаго комитета и въ извѣстной степени понимающему цѣль правительства въ его распоряженіяхъ, разматривать подобныя, непропускаемыя цензурою статьи и представлять въ министерства и главныя управленія только тѣ изъ нихъ, которыя, по своему содержанію, не должны быть допущены къ печатанію безъ одобренія вышшаго начальства каждого вѣдомства. «Само собою разумѣется, говорилъ въ заключеніе графъ Строгановъ, что въ такихъ случаяхъ я обязанъ буду руководствоваться и общими правилами цензурнаго устава».

На этомъ представлениі находится, въ дѣлѣ, слѣдующая служебная отмѣтка: «Г. министръ призналъ неудобнымъ входить съ представлениемъ объ этомъ дѣлѣ».

Такимъ образомъ попытка графа Строганова не увенчалась успѣхомъ; и министры продолжали отстаивать данное имъ право вмѣшательства.

13-го февраля 1846 года графъ Орловъ жаловался Уварову на стихотвореніе Н. Некрасова «Колыбельная пѣсня», напечатанное въ «Петербургскомъ Сборникѣ»¹⁾. Сочиненіе подобнаго рода, писалъ на-

¹⁾ Колыбельная пѣсня
(подражаніе Лермонтову).

Спи, пострѣль! пока безвредный,
Баюшки-баю!

чальникъ III-го отдѣленія, по предосудительному своему содержанію не должно бы одобряться къ печатанию; «почему онъ просилъ принять мѣры для предупрежденія случаевъ, подобныхъ настоящему. Уваровъ велѣлъ объявить выговоръ цензору. Но попечитель Петербургскаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ послѣдний довести до свѣдѣнія министра, что «Колыбельная пѣснь» пропущена въ печать съ разрѣшеніемъ его, Мусина-Пушкина. Министръ казалось, говорилъ онъ, что въ ней осмѣивался порокъ, распространяющійся, къ несчастію, въ Россіи, и на искорененіе котораго нѣть другаго средства, какъ нравственный бичъ». А потому онъ отнесъ къ самому себѣ выговоръ министра.

Таково было участіе разныхъ министровъ и другихъ правительственныхъ лицъ въ русской журналистикѣ съ 1833 по 1848 годъ. Выданіе ихъ на судьбы отдалено печатавшихся книгъ и изданій было гораздо менѣе значительно какъ по небольшому вообще числу выходившихъ въ это время книгъ, такъ и потому, что большая ихъ часть не представляла такихъ, какъ журналы, предметовъ современныхъ и животрепещущихъ. При всемъ томъ и здѣсь встрѣчалось не одно любопытное явленіе.

Приведемъ иѣкоторыя. Такъ, еще 11-го июля 1834 года, военный

Тускло смотрѣть мѣсяцъ мѣдный,
Въ колыбель твою.

Стану сказывать не сказки,
Правду проюю.

Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю!

* * *

По губерніи раздался
Всѣмъ отрадный крикъ:
Твой отецъ подъ судъ попался,
Явныхъ тьма уликъ!
Но отецъ твой, плутъ известный,
Знаетъ роль свою.
Спи, пострѣль, покуда честны!

Баюшки-баю!

* * *

Подростешь и міръ крещеный
Скоро самъ поймешь,
Купишь фракъ темнозеленый,
И перо возьмешь.
Скажешь: «я благонамѣренъ,
За добро стою!»
Спи, твой путь грядущій вѣренъ!
Баюшки-баю!

* * *

министръ изъявилъ согласіе на печатаніе «Жизни генераль-лейтенанта князя Мадатова», но съ тѣмъ, чтобы сдѣланы были въ рукописи всѣ указанныя министромъ измѣненія, такъ какъ авторъ слишкомъ преувеличиваетъ военные подвиги князя Мадатова, сами по себѣ значительные и потому совершенно не требующіе такихъ украшеній. Князь Мадатовъ большою частью дѣйствовалъ съ малыми отрядами, находясь въ составѣ большихъ армій, а не отдельно, исключая нѣкоторыхъ экспедицій противъ горцевъ, и потому въ его жизнеописаніи должно показать, какъ хорошо онъ умѣлъ выполнять даваемыя ему высшимъ начальствомъ (генералами: Ермоловымъ, Паскевичемъ) порученія. Между тѣмъ въ настоящемъ сочиненіи почти всѣ его дѣйствія выставлены особо, какъ будто онъ самъ распоряжался ими, по собственному произволу. Сверхъ того, военный министръ требовалъ, чтобы изъ сочиненія было исключено неудачное дѣло генераль-маиора Пестеля, а равно и сказанное, кажется не безъ умысла, въ концѣ, послѣ описанія подвиговъ князя Мадатова, что генераль-адъютантъ Паскевичъ взялъ у князя Мадатова отрядъ и отдалъ его генераль-маиору Панкратьеву, а ему приказалъ отправиться въ Тифлисъ.

Будешь ты подъячій съ виду,
И подменъ душой,
Провожать тебя я выйду
И махну рукою!
Въ день привыкнешь ты картиною
Спину гнуть свою.
Спи, пострѣль, пока невинный!
Баюшки-баю!

* * *

Тихъ и кротокъ, какъ овечка,
И крѣпенекъ лбомъ,
До хорошаго мѣстечка
Доползешь ужомъ
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю!

* * *

Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ,
И вдругъ станешь баринъ важный:
Русскій дворянинъ,
Заживешь... и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою,
Спи, чиновникъ мой прекрасный!
Баюшки-баю!

Уваровъ предписалъ Петербургскому цензурному комитету поступить по указаніямъ графа Чернышева.

6-го сентября 1834 г., князь Варшавскій писалъ Уварову, что при разсмотрѣніи, по его приказанію, книгъ, изданныхъ въ царствѣ Польскомъ во время мятежа и послѣ онаго, особенное вниманіе обратили на себя стихотворенія извѣстнаго польского поэта Адама Мицкевича, напечатанныя въ Петербургѣ въ 1829 году и перепечатанныя сперва въ Парижѣ и Краковѣ, а потомъ въ 1833 году въ Варшавѣ. «Не говоря уже, писалъ князь, о помѣщенномъ въ тѣхъ стихотвореніяхъ посланіи къ Лелевелю, гдѣ сей главнѣйший крамольникъ называетъ исправителемъ сердецъ и просвѣтителемъ умовъ юношества, и гдѣ излиты всѣ чувства приверженности иуваженія къ нему всѣхъ его читателей, замѣчательна поэма Мицкевича «Валенродъ». Поэма сія исполнена намековъ, какимъ образомъ поляки, подъ личиною покорности, должны пить скрытую ненависть противъ власти, правомъ оружія надъ ними утвердившейся (т. е. противъ державы русской), показывая притворную преданность, втайне замышлять месть и предательство. Содержаніе и цѣль сего сочиненія подробно описаны въ найденномъ въ дѣлахъ въ бозѣ почивающаго государя цесаревича рапортѣ д. т. сов. Новосильцова. Справедливость изложенныхъ въ этомъ рапортѣ заключеній подтвердилаась вполнѣ послѣдними событиями въ Польшѣ. Къ сему присовокупить можно слѣдующее: бывшій попечитель Краковскаго университета, отставной генераль-маіоръ графъ Залускій, въ объясненіи своемъ комитету мятежниковъ, рассматривавшему дѣйствія разныхъ лицъ, въ подтвержденіе патріотизма своего и содѣйствія къ восплемененію умовъ и приготовленію молодыхъ людей къ восстанію, приводилъ главнѣйшимъ доказательствомъ то, что по распоряженію его перепечатана была въ Краковѣ и распространена въ публікѣ, до мятежа, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, поэма «Валенродъ». Сочиненія Мицкевича, напечатанные съ дозволенія петербургской цензуры, перепечатаны въ Варшавѣ на томъ же основаніи. Но духъ сихъ сочиненій таковъ, что ихъ распространять не должно».

На это Уваровъ поспѣшилъ отвѣтить, что стихотворенія Мицкевича напечатанныя въ 1829 году, не только не будуть впредь перепечатываться, но что и ввозъ иностранныхъ изданій ихъ строго воспрещены имъ, Уваровымъ. Спустя 5 лѣтъ, военный министръ писалъ съ секретно Уварову (11-го апрѣля 1839 года), что производимыя о тайныхъ обществахъ изслѣдованія подали поводъ къ заключенію, что участники ихъ получали изъ Одессы привозимыя тайно изъ-за границы возмутительные сочиненія. При обыскахъ въ Одесскихъ книжныхъ лавкахъ такихъ книгъ не отыскано, и только въ одной изъ нихъ найдено 21 экземпляръ сочиненій Мицкевича на польскомъ языке, дозволенныхъ нашою

цензурой въ 1829 году. Государь императоръ находя, что, по измѣнившимся съ того времени обстоятельствамъ, такого рода книги подлежали бы болѣе разборчивому и строгому пересмотру, поручилъ сообщить о томъ министру народнаго просвѣщенія. Уваровъ съ секретно же поспѣшилъ отвѣтить, что распоряженіе о сочиненіяхъ Мицкевича сдѣлано еще въ 1834 году, но теперь онъ подтвердилъ о томъ же циркулярами всѣмъ цензурнымъ комитетамъ.

2-го мая 1838 г. статья-секретарь Мордвиновъ, за отсутствіемъ графа Бенкendorфа и по его порученію, писалъ секретно Уварову, что въ «Евангеліяхъ», напечатанныхъ въ Вильнѣ и содержащихъ, между прочимъ, также евангѣлія на дни покровителей короны Польской и великаго княжества Литовскаго, не прибавлено даже при этомъ слова «бы въ нихъ», каковое заглавіе можетъ дать всякому изъ поляковъ понятіе о существованіи короны польской и княжества Литовскаго отдельно отъ Россіи, и министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, по этому предмету, что въ отвращеніе, по возможности, распространенія вредныхъ сужденій, особенно между легковѣрными въ западныхъ губерніяхъ, не излишне было бы постановить, чтобы свѣтская цензура въ Литвѣ имѣла строгое, бдительное вниманіе за издаваемыми тамъ вновь и перепечатываемыми книгами, даже и духовнаго содержанія, такъ какъ по закону ни одна книга не можетъ быть дозволена къ напечатанію безъ окончательного разрѣшенія цензуры свѣтской. Уваровъ предписалъ это, секретно, попечителю Бѣлорусскаго учебнаго округа.

Въ 1840 году знаменитый столько же своею ученостью, сколько и эксцентричностью мыслей академикъ Велланскій желалъ напечатать свое сочиненіе «Животный магнитизмъ», но не получилъ на то разрѣшенія отъ Петербургскаго цензурнаго комитета, на основаніи мнѣнія цензора, профессора Куторги. Велланскій передѣлалъ рукопись и снова получилъ отказъ. Тогда онъ пожаловался на цензора цензурному комитету. Въ «объясненіи» своемъ отъ 22-го февраля 1843 года, которое мы приводимъ цѣлкомъ, по крайней его любопытности, онъ писалъ: «На донесеніе цензора Куторги честь имѣю объясниться предъ комитетомъ на пункты, которыми оно опорочено. Сначала цензоръ бламируетъ самый предметъ сочиненія, называя его фантастическимъ произведеніемъ, употребляемымъ мечтателями и шарлатанами для обмана въ медицинской практикѣ, которая, по скандалезнымъ ея исторіямъ, возбраняется во всѣхъ странахъ, и цензоръ полагаетъ, что пропускъ сочиненія о семъ предметѣ долженъ зависѣть какъ отъ общей цензуры, такъ и отъ медицинского начальства. Но животный магнитизмъ, составляющій предметъ моего сочиненія, г. Куторгѣ вовсе неизвѣстенъ, и онъ мнѣніе свое основываетъ только на предразсудкахъ, сообщенныхъ ему превратнымъ сужденіемъ людей, не имѣющихъ истиннаго понятія о магнитизме. Жи-

вотный магнитизмъ не есть фантастическое произведение, а находится действительно въ природѣ, и столько же принадлежитъ животному организму, сколько минеральный магнитизмъ свойственъ магниту и желѣзу. Натуральный сонъ человѣка есть магнитное состояніе, наводимое вліяніемъ земной планеты, какъ общаго космического магнита. Но это состояніе въ человѣкѣ измѣняется и дѣлается болѣзнью, известною подъ именемъ сомнабулизма, который не что другое есть, какъ болѣзньенное сновидѣніе, коего виды и формы въ количественномъ и качественномъ отношеніи неисчислимы, и по столь обыкновеннымъ явленіямъ каждому наблюдателю известны. Животный магнитизмъ есть важнѣйшій предметъ физиологии и патологіи, находящихся еще въ скучномъ положеніи и для которыхъ онъ составляетъ труднѣйшую задачу, непостигаемую въ эмпирическомъ ученіи медицины. Посему многіе врачи, не имѣющіе теоретическаго понятія о магнитизмѣ, считаютъ его ничтожнымъ, а иѣкоторые, убѣждаясь очевидными и разительными явленіями сомнабулизма, лѣчить его эмпирическимъ способомъ, перенимаемымъ у простолюдиновъ, которые, по врожденному имъ свойству, часто животнымъ магнитизмомъ исцѣляютъ весьма тяжкія болѣзни къ изумленію и стыду ученыхъ медиковъ. Занимавшись 45 лѣтъ теоретическимъ и практическимъ изученіемъ медицины и бывъ 32 года профессоромъ физическихъ и врачебныхъ наукъ въ Императорской медико-хирургической академіи, я знаю основательно предметъ, изложенный въ моемъ сочиненіи, и столь несправедливое обѣ ономъ мнѣніе г. Куторги считаю дерзкимъ и для меня оскорбительнымъ. Сочиненіе мое написано съ благою цѣлью и искреннимъ желаніемъ доставить истинную пользу онymъ моимъ соотечественникамъ, занимающимся физическими и психическими науками, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ просятъ меня убѣдительно обѣ изданія онаго; и я могу не обинуясь сказать, что, кроме меня, никто изъ русскихъ медицинскихъ писателей не въ состояніи издать основательнѣйшаго и подробнѣйшаго сочиненія о животномъ магнитизмѣ, которое въ немощномъ состояніи поврежденного моего зрѣнія стояло мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и усилий. Между тѣмъ г. Куторга, руководствуясь духомъ школьнай противной секты, старается сдѣлать плоды трудовъ моихъ тщетными. Онъ даетъ произвольное и ложное толкованіе моему сочиненію и въ донесеніи своемъ показываетъ частныя выраженія, которыя въ рукописи вовсе не содержатся, либо излагаетъ цѣлыя мѣста превратно и съ текстомъ несходно. Въ донесеніи своемъ показываетъ онъ, что будто бы въ исторіи магнитизма я утверждалъ, что древніе религіозные обряды языческіе и прорицанія оракуловъ совершились посредствомъ магнитизма. Но это утверждаетъ древняя исторія египтянъ и грековъ. Слѣдующія выраженія: «лѣченія религіоз-

ныя временъ и народовъ христіанскихъ, изгоненіе демоновъ (exorcismus), врачеваніе предметами, принадлежащими благочестивымъ мужамъ, напр. ключомъ св. Губерта и плеваніемъ, совершились не иначе, какъ посредствомъ магнитизма» въ книгѣ моей находятся. Приведеніе текста изъ Ветхаго Завѣта, гдѣ упоминается о душевозбудительномъ дѣйствіи музыки, возбуждающей также и животный магнитизмъ, цензоръ считаетъ непозволительнымъ, но цензурнымъ уставомъ не запрещено приводить изъ св. Писанія тексты для подтвержденія истины естественныхъ происшествій. Положеніе мое: «духъ человѣческій есть высочайшее существо земного міра» считается онъ законо-преступнымъ; но надобно быть совершенно несвѣдущимъ въ антропологии, чтобы сего положенія не признать истиннымъ. Въ другихъ мірахъ, можетъ быть, находятся совершенійшія существа, а на землѣ нѣтъ творенія совершеніе человѣка. Св. Августинъ писалъ о сомнамбулизмѣ католического монаха; а приводить его тексты во свидѣтельство не запрещено. О заклинаніи духовъ, произведившемся (въ римскомъ Колизѣ) сицилійскимъ духовнымъ лицомъ, повѣствуетъ Беневенто Челлини въ исторіи своей жизни. Сіе заклинаніе совершилось посредствомъ животнаго магнитизма, произведенаго въ присутствовавшихъ при томъ людяхъ разными куреніями. Замѣченіи цензоромъ на многихъ страницахъ II тома предосудительныхъ мѣстъ вовсе нѣть, и тамъ не утверждается возможность говорить на невѣдомыхъ языкахъ посредствомъ магнитизма, а еще опровергается оная. Въ § 191 написано: возможность сомнамбуловъ говорить на чужомъ языке зависитъ отъ ихъ дальносвѣдѣнія въ прошедшемъ времени, гдѣ языкъ, позабытый въ бдящемъ состояніи, приходитъ вновь на память сомнамбулу. Мѣсто изъ житія одного католического святаго іезуита Орландини, приводимое цензоромъ, на стр. 349 не находится, а тамъ сказано: Орландини разсказываетъ, что болѣзновавшій смертельно іезуита не умеръ, покуда не дать ему позволенія его наставителю, которому повиновался онъ безусловно. Первую исторію лѣченія болѣзни животнымъ магнитизмомъ въ С.-Петербургѣ цензоръ считаетъ непозволительной, потому что въ ней, какъ онъ говоритъ, безпрестанно перемѣшаны призыванія имени Божія съ манипуляціями магнитизированія. Но сія исторія есть самая важная по ея вѣрности и точности въ лѣченіи сомнамбула, продолжавшемся 5 мѣсяцевъ, при которомъ присутствовали многіе врачи и любопытные наблюдатели и въ числѣ которыхъ часто находился и я. Журналъ лѣченія въ каждую сессию былъ писанъ весьма вѣрно, и сомнамбуль, въ высшихъ степеняхъ сомнамбулизма, часто говорилъ къ магнитизировавшей его особѣ о помощи и благости Божіей. Въ заключеніе своего донесенія цензоръ говоритъ, что краткое его

изложение уже ясно показываетъ сущность и направление разсмотрѣнаго имъ сочиненія; измѣнить это направление исключенiemъ показанныхъ мѣстъ невозможнo. Но изъ всѣхъ мѣстъ, замѣченныхъ цензоромъ въ моемъ сочиненіи, ни одно не подлежитъ цензурному запрещенію, и несправедливость его сужденія очень явственна. Онъ старается представить сочиненіе мое предосудительнымъ въ отношеніи къ христіанской религіи; однако ложными притязаніями не можетъ въ немъ доказать никакого злонамѣренія».

Но цензурный комитетъ остался при своемъ мнѣніи о невозможности дозволить печатаніе сочиненія Велланскаго. Тогда этотъ послѣдній обратился въ главное управлениe цензуры, съ просьбой дозволить ему печатать его сочиненіе, такъ какъ онъ чувствуетъ несправедливость комитета, согласившагося съ пристрастнымъ мнѣнiemъ цензора Куторги, имѣющаго школьную ненависть къ философскимъ понятіямъ его, Велланскаго. «На поприщѣ ученаго міра, говорилъ въ заключеніе Велланскій, подвизаюсь я 60 лѣтъ, былъ 32 года профессоромъ физическихъ и врачебныхъ наукъ въ медико-хирургической академіи и въ теченіе 40 лѣтъ издалъ много переводовъ и собственныхъ сочиненій, которыхъ всѣ печатались съ дозвolenіемъ цензуры, не находившей въ нихъ ни одного слова непозволительного. Нынѣ, приближаясь къ исходу жизни моей и находясь въ немощномъ положеніи зрѣнія, могу ли я издавать въ свѣтъ что-либо непозволительное и предосудительное? Твердо наѣюсь, что разсматривающій сочиненіе мое умно и безпристрастно найдетъ въ немъ благую прѣмъ и непрітворное намѣреніе доставить пользу любителямъ физическихъ и психическихъ наукъ, и принести посильную дань моему отечеству, покровительствовавшему меня въ юности и призрѣвшему въ старости». Главное управлениe цензуры отправило книгу эту на заключеніе духовной цензуры (чего Велланскій просилъ еще въ 1840 году, черезъ графа Бенкендорфа), и наконецъ это дѣло разрѣшилось тѣмъ, что графъ Протасовъ, не входя въ какія бы то ни было подробности, сообщилъ 17-го марта 1844 года Уварову, что Петербургскій духовный комитетъ нашелъ невозможнымъ одобрить сочиненіе Велланскаго къ напечатанію.

4-го января 1843 года, графъ Бенкендорфъ писалъ Уварову, по поводу стихотворенія Лермонтова «Послѣднее новоселье», переведеннаго на французскій языкъ и имѣющаго появиться (по словамъ «Отечественныхъ Записокъ»), въ непродолжительномъ времени, въ книгѣ: «Morceaux choisis de la poésie russe, traduits par M. M.»¹), что считаетъ

¹⁾ Какъ известно, въ „Послѣднемъ новосельѣ“ говорится о перенесеніи тѣла Наполеона I, въ 1840 году, съ острова Св. Елены въ Парижъ. Переволь былъ сдѣланъ княземъ Мещерскимъ.

неприличнымъ изданіе подобной пьесы и не соотвѣтственнымъ отношеніямъ нашимъ къ иностраннымъ державамъ. Сильныя выходки подлинника противъ Франціи усилены переводчикомъ до неприличной браны. При свободѣ книгопечатанія во Франціи, русское правительство не можетъ оскорбляться частыми непріязненными отзывами французскихъ писателей, но всякия выходки русскихъ сочинителей противъ иностранныхъ державъ разсматриваются цензурой, и тѣмъ уже принимаютъ, нѣкоторымъ образомъ, официальный характеръ. Кромѣ того, переводы г. М. обличаютъ переводчика въ совершенномъ незнаніи французского языка и французского стихосложенія¹⁾, а потому, если г. М. имѣеть въ виду ознакомить Францію съ нашей отечественной литературой, то не только не достигаетъ предположенной цѣли, но даже наносить явный вредъ, искажая извѣстнѣйшихъ нашихъ сочинителей". Уваровъ предписалъ Петербургскому и Московскому цензурнымъ комитетамъ принять мнѣніе графа Бенкendorфа въ руководство и соображеніе на будущее время.

26-го мая 1844 года, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генераль-маиръ Дубельть, сообщилъ Уварову, что въ напечатанномъ въ С.-Петербургѣ, сочиненіи Хамаръ-Дабанова: «Продѣлки на Кавказѣ», является много сомнительныхъ мѣсть, которая не должны бы быть передаваемы читающей публикѣ, а какъ книга эта находится уже въ продажѣ, то онъ просить обратить на нее особенное вниманіе. Вслѣдствіе этого, всѣ нераспроданные еще экземпляры сочиненія Хамаръ-Дабанова были отобраны изъ типографіи и отъ книгопродавцевъ, а журналамъ запрещено помѣщать разборы его и отрывки изъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ народного просвѣщенія, находя, что означенное сочиненіе наполнено изображеніями, представляющими въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ дѣйствія начальственныхъ лицъ на Кавказѣ, и заключаетъ въ себѣ подробности частной и служебной жизни, которая не должны быть передаваемы читающей публикѣ, потребовалъ отъ цензора Крылова, одобравшаго въ Москвѣ эту книгу къ напечатанію, объясненія. Но Крылову не привелось дать требуемаго объясненія: онъ былъ вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ начальникомъ III-го отдѣленія, при чемъ, въ видѣ особой милости, по ходатайству московскаго попечителя, графа С. Г. Строганова и самого ministra, а въ особенности принимая во вниманіе родильное состояніе жены Крылова, этому послѣднему было дозволено прїѣхать не подъ присмотромъ. Въ іюль же

¹⁾ Противъ этого мѣста графъ Уваровъ сдѣлалъ на отпошениіи графа Бенкendorфа отмѣтку карандашемъ: „Весьма справедливо“. Въ „Отечеств. Запискахъ“ было сказано (Бѣлинскимъ), что переводчикъ владѣеть значительнымъ талантомъ для этого рода труда.

послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, чтобъ цензора Крылова, за одобреніе къ напечатанію книги «Продѣлки на Кавказѣ», отставить отъ должности цензора, и, сверхъ того, въ примѣръ другимъ, по состоянію его профессоромъ и, деканомъ при Московскомъ университѣтѣ, арестовать при университѣтѣ на 8 дней; что же касается до сочинительницы книги, Логиновой (писавшей подъ псевдонимомъ «Хамаръ-Дабанова»), то учредить за нею полицейскій надзоръ, и какъ по дошедшемъ свѣдѣніямъ, у нея изготовлено еще много рукописей для напечатанія, то на сочиненія ея обратить особенно бдительное вниманіе.

27-го марта 1846 года графъ Орловъ съ секретно писалъ Уварову: «Получено мною свѣдѣніе, что напечатанная, въ недавнее время, въ Москвѣ, брошюра: «Турусы на колесахъ», принадлежа къ народнымъ разсказамъ, признана въ публикѣ явнымъ пасквилемъ, ибо объясняютъ, что напечатанное на стр. 15-й: «пришла правда отъ Воскресенія въ Кодошахъ» означаетъ домъ бывшаго градскаго головы Шестова, который находится въ томъ приходѣ, и который названъ по имени его «дѣдушкой Андреемъ»; на той же и 16-й стр. слова: «а то всякий Иванъ смотрить только въ свой карманъ» относять къ Московскому оберъ-полицеймейстеру Лужину, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за тѣмъ идетъ рѣчь о «Левушкѣ, забушенной головушкѣ, который махнулъ отъ сѣвера на югъ», въ чёмъ видятъ ясное намѣреніе злословить генерала Цинскаго, уѣхавшаго на югъ въ Херсонскую губернію. Далѣе, изъ словъ: «кто съ темной ночи оброкъ бралъ» выводятъ общія мысли о бранть-маюрахъ, а подъ выражениемъ: «записного плута оправдалъ» — разумѣютъ дѣло купца Соловова, произведенное бывшимъ полицеймейстеромъ Брянчаниновымъ. Между тѣмъ, слышны отзывы и о томъ, что цензоръ Зерновъ, который просматривалъ означенную брошюру, будучи человѣкомъ отличныхъ правиль и благонамѣренныхъ, пропустилъ ону, безъ сомнѣнія, потому что не зналъ всѣхъ отношений и не могъ отличить въ разсказѣ, испещренномъ поговорками, намеки на лица отъ пустыхъ и обыкновенныхъ рѣчей. Уваровъ удовольствовался тѣмъ, что съ секретно обратилъ на эту брошюру вниманіе московскаго попечителя и съ секретно же уведомилъ о томъ графа Орлова.

5-го мая 1846 года, военный министръ писалъ Уварову, что онъ получилъ, по высочайшему повелѣнію, отъ начальника III-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи, сообщеніе о томъ, что до свѣдѣнія государя императора дошло о приготовленномъ къ выпуску въ свѣтъ сочиненіи чиновника провіантскаго департамента, Лебедева, подъ заглавиемъ: «Двадцать лѣтъ царствованія императора Николая». Хотя это сочиненіе было уже пропущено гражданскою и военною цензурою (съ нѣкоторыми частными измѣненіями и поправками),

но теперь предсѣдатель военно-цензурного комитета, генералъ - лейтенантъ Михайловскій-Данилевскій, отозвался, что не слѣдовало бы давать позволенія на напечатаніе сочиненія Лебедева, потому что оно написано слогомъ неправильнымъ, сбивчиво, безъ знанія дѣла и рѣптильно недостойно своего высокаго предмета, а потому необходимо запретить выпускъ его въ свѣтъ, истребить напечатанные экземпляры и остановить, буде есть возможность, объявленія. Признавая все это правильнымъ, военный министръ уведомилъ о томъ графа Орлова, для все-подданнѣйшаго доклада, а между тѣмъ запретилъ по военному министерству на будущее время представлять прамо въ цензуру сочиненія историческія, безъ разрѣшенія высшаго начальства. Какъ было изложено выше, Уваровъ не разъ находилъ возможнымъ и уместнымъ запретить, вопреки закону, печатаніе сочиненія изъ-за недостатковъ слога и изложенія; но, на этотъ разъ, онъ того не пожелалъ, и за отсутствиемъ графа Орлова тотчасъ же написалъ генералу Дубельту, что § 15 цензурного устава не дозволяетъ цензорѣ входить въ сужденіе о слогѣ или ошибкахъ автора въ литературномъ отношеніи, если смыслъ и содержаніе не подлежатъ запрещенію по цензурнымъ правиламъ. Это постановленіе основано на томъ, что заключенія о достоинствѣ слога совершенно личныя; а въ настоящемъ случаѣ, всѣ цензуревшия рукописи (какъ въ гражданской, такъ и въ военной цензурѣ) не нашли въ ней, при чтеніи, столь разительныхъ литературныхъ недостатковъ, чтобы она подлежала запрещенію. Поэтому онъ, Уваровъ, не можетъ согласиться на предлагаемую, со стороны военного министерства, мѣру чрезвычайной строгости въ отношеніи къ книгѣ Лебедева. Вмѣсто пользы, такая мѣра принесеть вредъ, возбудивъ толки о сочиненіи, не имѣющемъ, можетъ быть, особыхъ достоинствъ, какихъ можно бы пожелать этому творенію по предмету его, но безъ сомнѣнія далеко не столь вредномъ и опасномъ, какимъ стали бы выставлять его по истребленію экземпляровъ. При томъ, по § 152 устава, издатель одобренной и потомъ запрещенной книги имѣть право на удовлетвореніе за убытки. Это взысканіе должно пасть на дозволившихъ книгу цензоровъ. «Я не могу, говорилъ въ заключеніе Уваровъ, признать виновнымъ цензора ввѣренного мнѣ министерства, тѣмъ болѣе, что онъ одобрилъ рукопись по полученіи отзыва военно-цензурного комитета, что препятствія къ изданію сочиненія не находится. Такимъ образомъ, ответственность пала бы на военно-цензурный комитетъ, но и его дѣйствія г. военный министръ признаетъ правильными. Покорнѣйше прошу ваше превосходительство о доведеніи до высочайшаго свѣдѣнія о семъ мнѣніи моемъ, при докладѣ отзыва военного министра». Но дѣло, котораго нельзѧ было, такимъ образомъ, затушить путемъ цензурнымъ, получило свое окончаніе другимъ путемъ: 13-го мая генералъ Дубельтъ сообщилъ Уварову, что книгопродавецъ

Поляковъ, издатель «Двадцатилѣтія», добровольно изъявилъ согласіе прекратить печатаніе этой книги, отказываясь отъ всѣхъ правъ на изданіе, и потому онъ, Дубельть, просилъ Уварова приказать, чтобы первые листы книги, уже отпечатанные, были немедленно доставлены въ III-е отдѣленіе, и чтобы наборъ слѣдующихъ листовъ быть тотчасъ разобранъ. Уваровъ отвѣчалъ, что эти распоряженія относятся къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. На другой же день, 14-го мая, Дубельть снова писалъ Уварову, по повелѣнію наслѣдника цесаревича, что если онъ, министръ, признаетъ сочиненіе Лебедева достойнымъ своего высокаго предмета, то не угодно ли ему будетъ предварительно отнести, на основаніи § 9 цензурнаго устава, къ управляющему министерствомъ двора, для исходатайствованія высочайшаго повелѣнія на изданіе сочиненія Лебедева. Но Уваровъ отвѣчалъ, что указанное постановленіе не относится къ дѣлу, потому что имѣеть въ виду только извѣстія, сообщаемыя въ газетахъ и журналахъ объ особыхъ императорской фамиліи, что же касается до самаго изданія, то послѣ отказа издателя Полякова печатать книгу, министерству народнаго просвѣщенія не предстоитъ уже болѣе никакого дѣйствія, такъ какъ съ его стороны исполнено все, что требовалось для охраненія правъ издателя. Всльдѣ за тѣмъ, 7-го іюня состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы «на изданіе всякихъ сочиненій, въ коемъ описываются событія, относящіяся до его императорскаго величества и особъ августейшей фамиліи, исправлять высочайшее соизволеніе чрезъ министра императорскаго двора». Но министръ двора нашелъ, что это постановленіе, распространяя свое дѣйствіе не на одни только изданія повременные, но и на отдельныя книги, можетъ породить недоразумѣнія, всльдѣствіе коихъ и всѣ историческія сочиненія, большую частью обширныя, будутъ присыпаемы нацензуру министра двора, который не имѣеть для того ни времени, ни средствъ, и вынужденъ будетъ просить объ опредѣленіи къ себѣ особыго цензора, содержаніе коего повлекло бы къ напрасной издержкѣ, и потому представлять на высочайшее усмотрѣніе мнѣніе, что 9-я ст. XIV т. Св. законовъ (пресвѣт. прецупл.) можетъ быть пополнена, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы кромѣ статей, помѣщаемыхъ въ газетахъ и журналахъ объ особѣ императорскаго величества и членахъ императорской фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и съѣздахъ, доставляемы были цензурными комитетами на разсмотрѣніе министра императорскаго двора только выписки изъ книгъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ описывается какое-либо событіе или разсказывается анекдотъ, до особы царствующаго императора или членовъ августейшей фамиліи относящіеся. Государь императоръ 10-го іюля высочайше утвердилъ это предположеніе.

Въ заключеніе изложимъ относящееся къ этому же періоду немаловажное, съ государственной точки зреінія, дѣло о печатаніи магометан-

скихъ духовныхъ книгъ. 4-го юля 1845 г., министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, съ секретно сообщилъ Уварову любопытныя подробности касательно печатанія въ Казани Корановъ. «Всѣдствіе сообщенныхъ мною оберъ-прокурору Св. Синода предположеній казанскаго военнаго губернатора, писалъ онъ, касательно предупрежденія отпаденій крещеныхъ татаръ въ магометанство, графъ Протасовъ нынѣ увѣдомилъ меня, что онъ представлялъ на высочайшее усмотрѣніе соображенія по настоящему предмету Св. Синода, а также собранныя на мѣстѣ свѣдѣнія, заключающіяся между прочимъ въ томъ, что недавно начали печатать въ Казани, на татарскомъ языке, Коранъ и другіе магометанскіе учебники. Въ типографіи Шевича въ 1841—42 годахъ отпечатано 20.000 экземпляровъ, а въ 1843 и 1844 около 200.000; сколько же напечатано въ типографіи Ракельзайовыхъ — неизвѣстно. Продажа этихъ книгъ производится въ Казани изъ книжной лавки, а по большой части на ярмаркахъ Нижегородской и Ирбитской, и съ этого именно времени, къ которому относится начало печатанія Корана и другихъ магометанскихъ книгъ въ такомъ огромномъ количествѣ, отпаденіе новокрещеныхъ татаръ стало возрастать быстро. На этомъ докладѣ государю императору благоугодно было 16-го юна собственоручно написать, что печатаніе Корана и другихъ мусульманскихъ духовныхъ книгъ можно запретить.

Управлявшій въ то время Казанскимъ учебнымъ округомъ, ректоръ Казанскаго университета Лобачевскій, секретно поспѣшилъ протестовать противъ фактовъ, изложенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. «Число 20.000 экземпляровъ за 1841—42 г. преувеличено, писалъ онъ, а число 200.000 за 1843 и 1844 даже невозможно. Вообще свѣдѣнія, доставленныя министру внутреннихъ дѣлъ, неосновательны. Объ этомъ предметѣ можетъ лучше судить Казанскій университетъ, хорошо знакомый во всѣхъ отношеніяхъ съ обычаями и требованіями Востока. Печатныя книги въ употребленіи на Востокѣ болѣе 150-ти лѣтъ. Народъ вначалѣ смотрѣлъ на такое нововведеніе неохотно, но мало-по-малу привыкъ и прельстился дешевизной. Правительство, съ своей стороны, тому способствовало. Въ 1717 году главный константинопольскій муфтій, Абдулла Эфендій, издалъ приговоръ, что по правиламъ вѣры печатаніе книгъ не только не воспрещается, но должно почитаться добрымъ дѣломъ. Къ этому приговору султанъ Ахмедъ-Ханъ присоединилъ манифестъ. Такъ началось книгопечатаніе сначала въ Константинополѣ, потомъ въ Египтѣ и Персіи. Алкоранъ не только печатается у мусульманъ, но даже литографируется. Самые строгіе богословы не чуждаются печатнаго Корана, а напротивъ говорятъ, что, по правиламъ ихъ ученія, печатное, какъ всегда болѣе вѣрное, заслуживаетъ предпочтенія. Печатаніе Корана теперь уже до того увеличилось, что сдѣжалось промыш-

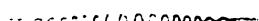
ленистю въ христіанскихъ странахъ. Мусульмане боятся, чтобы съ одной стороны небрежная печать, а съ другой чрезвычайная дешевизна не повредила тому уваженію, которое должно быть ими питаемо къ книгѣ законовъ и вѣры. По указу сената 3-го октября 1800 года, въ Казани при гимназіи учреждена типографія исключительно для печатанія Корана, и только уже впослѣдствіи она сдѣлалась типографіей для печатанія на всѣхъ языкахъ. Печатный Коранъ университетской типографіи составляетъ замѣтную статью торговли, преимущественно съ Бухарой. Онъ возвуждаетъ соперничество за границей до того, что въ Лейпцигѣ принялись за изданія, желая взять перевѣсъ красивымъ шрифтомъ, лучшей бумагой и болѣе подручной книжкой. На сторонѣ университетской типографіи выгодаы заключаются въ близости сношеній, въ посредничествѣ татаръ и въ приобрѣтенной известности. Шевицъ и Ракельзановы, постигая эти выгодаы, завели собственную типографію въ Казани. Слѣдствіемъ этого была дешевизна на печатаніе и большое число изданій, хотя далеко не въ такомъ количествѣ, какъ доведено до сведения министра внутреннихъ дѣлъ. Итакъ, для сохраненія въ обычаяхъ установленныхъ правилъ вѣроисповѣданіямъ нѣть никакого по-вода къ ограниченію въ изданіяхъ печатнаго Корана. Ограничение это со стороны правительства должно быть на тѣхъ же началахъ, которыхъ при терпимости вѣроисповѣданія будуть признаны необходимыми какъ для раввинизма, такъ и для магометанства и для всего иновѣрія, съ нѣкоторымъ исключительнымъ покровительствомъ для христіанства, особенно для господствующаго въ отечествѣ. Съ этой цѣлью ограниченіе будетъ достаточно и вмѣстѣ для правительства полезно, когда правъ печатанія духовныхъ иновѣрческихъ книгъ предоставлено будетъ однѣмъ казеннымъ типографіямъ, наприм. университетской въ Казани. Съ такимъ дозволеніемъ плата за печать можетъ нѣсколько возвыситься, сколько допустить должно, чтобы не уступить въ соперничествѣ съ изданіемъ за границей. Доходъ университетской типографіи, которой положеніе теперь довольно скучное, чрезъ то увеличится. Магометанизмъ, не пользуясь явнымъ поощреніемъ ко вреду христіанства, будетъ за всѣмъ тѣмъ пользоваться вѣротерпимостью».

Въ отвѣтъ на это, Уваровъ написалъ ректору Казанского университета, что признаетъ за лучшее оставить это дѣло покуда въ прежнемъ положеніи, не принимая никакихъ особыхъ или новыхъ мѣръ. Изъ-за этого возникла вскорѣ потомъ длинная переписка между министромъ внутреннихъ дѣлъ, протестовавшимъ противъ непринятія министерствомъ народнаго просвѣщенія мѣръ, предписанныхъ высочайшимъ повелѣніемъ, и Уваровымъ, выставлявшимъ на видъ потребности магометанского народонаселенія, пользы государства, прежняя распоряженія правительства, не утративши силу, и старавшимся примѣнить высочайшее

повелѣніе къ однѣмъ частнымъ типографіямъ. Дѣло это получило, наконецъ, окончательное свое разрѣшеніе лишь въ 1849 году, по разсмотрѣніи его комитетомъ министровъ. Комитетъ находилъ, что «число ежегодно печатаемыхъ въ Казани экземпляровъ Корана и другихъ магометанскихъ духовныхъ книгъ вовсе не такъ значительно, какъ предполагалось сначала. При томъ Коранъ всегда печатается на арабскомъ, прочія же книги на турецкомъ или персидскомъ, и только весьма небольшая ихъ часть на татарскомъ языкахъ. По удостовѣренію казанскаго военнаго губернатора и тамошняго епархіального начальника, арабскій языкъ непонятенъ для татаръ, изъ коихъ весьма немногіе знаютъ и татарскую грамоту. Поэтому комитетъ не могъ раздѣлять мнѣнія казанскаго преосвященнаго, что печатаніе въ Казани Корана и другихъ магометанскихъ духовныхъ книгъ не могло имѣть существеннаго вліянія на отпаденіе новокрещенныхъ татаръ изъ православія въ магометанство. Обращаясь за симъ къ предположенію совершенно воспретить печатаніе въ Казани Корана и вообще духовныхъ книгъ, комитетъ не могъ не принять во вниманіе объясненій, какъ министра народнаго просвѣщенія, такъ и казанскаго военнаго губернатора, что въ настоящее время отпускъ сихъ книгъ за границу составляетъ значительную статью въ нашей торговлѣ, преимущественно съ Бухарой, и что, съ принятиемъ предположенной мѣры, не только прекратится сія торговля книгами и перейдетъ въ руки англійскихъ торговыхъ компаний на Востокѣ, но безъ сомнѣнія Алкоранъ и другія магометанскія духовныя книги, составляя необходимую потребность для мусульманъ, жительствующихъ въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ, Оренбургской, Казанской, Таврической и другихъ губерніяхъ, будуть, путемъ контрабанды, изъ-за границы водворяены въ Россіи. Такимъ образомъ, воспрещеніе печатать въ Казани Коранъ и другія магометанскія духовныя книги не только не уменьшитъ случаевъ отпаденія крещеныхъ татаръ изъ православія въ магометанство, но будетъ вредно по своимъ послѣдствіямъ, усиливъ вліяніе иностранцевъ на Востокѣ».

По всѣмъ этимъ причинамъ, комитетъ 11-го октября 1849 года положилъ дозволить по-прежнему печатаніе въ Казани, какъ въ университетской, такъ и въ частныхъ типографіяхъ, Корана и другихъ магометанскихъ духовныхъ книгъ, обставивъ, впрочемъ, это дѣло особыми цензурными правилами. Государь утвердилъ это предположеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ^{1).}

IV. Письма А. С. Стурдзы^{2).}

1.

7-го октября 1829.

Позвольте хилому, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Василий Андреевич, посыпти въась если не лично, по крайней мѣрѣ данію уединенныхъ занятій его. Вотъ экземпляр Ручной книги моей, или 'Ег҃хефѣбовъ³⁾), на греческомъ. Примите этотъ скромный подарокъ съ любовью. При немъ оглавление на русскомъ языке, изъ котораго вы усмотрите планъ, содержаніе, порядокъ мыслей и цѣль книги.

Если бы переводъ русскій былъ оконченъ и исправленъ⁴⁾, то кстати было бъ поднести онъ великому князю Александру Николаевичу.

Въ южной Россіи, Греціи, Молдавіи и Валахіи трудъ мой принять съ утѣшительнымъ для меня ободреніемъ душъ христіанскихъ. Увидимъ, что вы скажете о скелетѣ моей книги. Совершенная праздность моя со дня прибытія въ столицу⁵⁾ заставила написать введеніе въ книгу о

¹⁾ См. „Русскую Старину“, сентябрь 1902 г.

²⁾ Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

³⁾ 'Ег҃хефѣбовъ тобъ бѣзъодѣбъо христіано, вышедшее въ свѣтъ въ Петербургѣ, въ 1828 году.

⁴⁾ Русскій переводъ 'Ег҃хефѣбовъа, подъ заглавиемъ „Ручная книга православнаго христіанина“, былъ изданъ въ 1830 году; онъ исполненъ Спиридономъ Юрьевичемъ Дестунисомъ († 1848), извѣстнымъ переводчикомъ Платарха и византійскихъ историковъ.

⁵⁾ А. С. Стурдза находился въ составѣ дипломатической канцелярии, сопровождавшей императора Николая Павловича въ турецкомъ походѣ 1828—29 г.г. (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 245).

воспитаніи, и, чтобы не совсѣмъ раззнакомиться съ русскимъ языкомъ, эти строки написаны по-русски. Брошенное на бумагу отдаю вамъ на судь; ибо вы не мечтаете о воспитаніи, а занимаетесь имъ.

Простите. Объ васъ можно смѣло сказать: да дастъ ти Господь по сердцу твоему! Къ несчастію, это благословеніе, обращаемое не въ попадъ на многихъ, дѣлается проклятиемъ. До свиданія. А. Стурдза.

2.

14-го іюня 1835 г. Пріютъ близъ Одессы.

Благодарю васъ отъ души, почтеннѣйший Василій Андреевичъ, за дружеское, выполненное мыслей и чувства, любезное письмо ваше ¹⁾). Вы правы; мы всѣ видимъ и слѣдимъ гибельныя заблужденія сего вѣка—но не умѣемъ прокладывать для современниковъ прямаго пути, ведущаго къ изящному, къ истинѣ. Признаюсь вамъ: если бы не упованіе на Бога, надлежало бы впасть въ уныніе и отчаяніе ²⁾). Но замѣтьте, что даже въ бѣснующейся Франціи подіѣ Гюго, Жаненя, Дюканжа, Дюмаса ³⁾ и имъ подобныхъ, являются Lamartine, S-te Beuve, Drouïeau, Silvio Pellico, юные провозвѣстники воскресающаго христіянства. О Германіи теперь говорить нечего. Она вздумала умничать; и читающая въ ней публика, отметаясь истинной славы народной, восхищается твореніями Бёрна и Гейна ⁴⁾). А матушка Россія все еще не можетъ отстать отъ закоренѣлой привычки рабски подражать и запоздалыми парофразами воскрешать недостойное забвеніе въ сферѣ словесности иноземной.

Вручитель сего письма, маіоръ Карузо, пріятель мой, отличный молодой офицеръ, взялся вручить при письмѣ моемъ и рукопись моихъ

¹⁾ Это письмо Жуковскаго, отъ 29-го мая 1835 года, напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 387—389.

²⁾ Въ этомъ письмѣ Жуковскій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Направленіе нынѣшней литературы и въ особенности французской для меня ненавистно. Дерзкій материализмъ въ ней царствуетъ. Читая новые французскіе романы (впрочемъ, я ихъ не читаю: прочитавъ нѣкоторые, я рѣшился не брать въ руки ничего, что является въ свѣтѣ подъ фирмой Бальзаковъ, Жаненей и братіи), пугаешься не ихъ содержанія, а самихъ авторовъ..... Но куда ведутъ нынѣшніе путеводители? Куда придешь вслѣдъ за ними? Къ стремнистой безднѣ, ни впередъ, ни назадъ: остается въ нее кинуться и погибнуть..... Всѣ дранные французскіе водевили, всѣ отвратительныя мелодрамы Дюмасовъ и Дюканжей повсюду переводятся, и все это слушаетъ публика, отъ ложь до рапіка“.

³⁾ Т. е. Дюмѣ.

⁴⁾ Т. е. Гейне.

сказаній¹⁾). Прошу и умоляю вѣсть, прочитавъ оную и, если одобрите, поднесши для прочтенія великому князю, надеждѣ земли Русской, въ лицѣ потомковъ нашихъ—не сообщать этой книжки никому; но изыскивать средства къ возвращенію мнѣ моего труда. Одно смиренное желаніе доставить пользу и удовольствіе е(го) в(ысочеству) и вамъ побудили меня выпустить изъ рукъ манускриптъ, приговоренный въ неизвѣстности знатоками министерства иностранныхъ дѣлъ. Послѣ этой послѣдней поѣздки пусть сказанія мои скроются опять въ уголокъ, въ которомъ, авось! созрѣютъ и дополнятся они для потомства!

Не знаю, пригодилась ли къ чему-нибудь вамъ извѣстная и Деступисомъ переведенная книга моя: Ручникъ православнаго христіанина? Смѣю также обратить вниманіе ваше на слѣдующія истинно поучительныя творенія, которыхъ е(го) в(ысочество) особенно теперь могъ бы прочесть съ великою пользою для ума и сердца:

Жизнь св. апостола Павла, архимандрита Иннокентія²⁾.

Того же: Страстная седмица.

Исторія имперіи византійской³⁾, соч(иненіе) Lebeau.

Mémoires tirés des rapports d'un homme d'état. 8 томовъ въ 8. Лучшее руководство къ изученію современной политической исторіи.

Я слышу, что Бажановъ⁴⁾, духовникъ е(го) в(ысочества), человѣкъ достойный своего званія. Дай Господь, чтобы въ немъ теплилась священная искра любви ко Христу и къ ближнему.

Простите, почтенѣйший Василій Андреевичъ. Жалѣю и болѣю о судьбѣ нашего альманаха⁵⁾, который впрочемъ имѣлъ блестательный успѣхъ и сбыть: у насъ, т. е. провинциальный. При случаѣ возьмемъ назадъ свое, поблагодаривъ спасиваго Смирдина⁶⁾ за сохраненіе въ цѣлости

¹⁾ Рѣчь идетъ о рукописномъ сочиненіи Стурдзы „Очеркъ изъ исторіи XIX-го столѣтія“, написанномъ въ 1833 году, содержащемъ въ себѣ изложеніе событий, произошедшихъ въ Россіи съ 1769, и заканчивающемся описаніемъ убіенія графа И. А. Каподистрія въ 1831 г. (см. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 184) — Въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ за 1864 годъ напечатанъ отрывокъ изъ этого труда Стурдзы, подъ заглавиемъ: „Воспоминанія о жизни и дѣятельности графа И. А. Каподистрія, правителя Греціи“.

²⁾ Это сочиненіе знаменитаго нашего проповѣдника Иннокентія (впослѣдствіи архіепископа херсонскаго) вышло въ свѣтъ въ 1826 г., а его „Страстная седмица“ была напечатана первымъ изданіемъ въ Киевѣ въ 1835 г.

³⁾ Извѣстная Histoire du Bas-Empire.

⁴⁾ Василій Борисовичъ, протоицесвітеръ (р. 1800 † 1883).

⁵⁾ Изданного въ Одессѣ въ 1834 г. съ благотворительной цѣлью (см. „Русскую Старину“ 1902 г., май, стр. 389, примѣч. 5-е) и продажа котораго въ Петербургѣ была поручена Смирдину.

⁶⁾ Александра Филипповича, петербургскаго книгопродавца.

всѣхъ экземпляровъ. Всѣ мои кровные съ признательностью поручаютъ себя вашей памяти. Человѣкъ Божій, тестъ мой Гуфелан(д)ъ¹⁾ здравствуетъ, но болѣе и болѣе слабъ глазами—и прозрѣваетъ въ блаженную вѣчность. Собираемся къ нему на будущій годъ, аще Богъ повелить.

Вѣрьте нелестной любви и преданности моей. А. Стурдза.

P. S. Паки и паки прошу: берегите мои сказанія и возвратите мнѣ ихъ во время благопотребно. Книга не подъ печатью, потому что мѣшаешь этому здѣшняя черта порт-франко. Но вручитель скроменъ и надеженъ. Да возвратится убо ко мнѣ чадо мое чрезъ г. Карузо или иначе. А. С.

3.

25-го апрѣля 1836 г. Одесса.

На два письма ваши, отъ 4-го и 13-го апрѣля²⁾, я отвѣчаю второпяхъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ; но грусть и заботы, неразлучныя съ поѣздкою въ синюю даль, не мѣшаютъ мнѣ чувствовать глубокую къ вамъ благодарность. Искренность и справедливость вашихъ замѣчаній на мою книгу³⁾ я умѣю цѣнить, какъ явленіе рѣдкое въ сферѣ взаимныхъ безпрерывныхъ обаяній. Но признаюсь, что, со всѣмъ тѣмъ, я долго колебался: отдать ли сказанія мои, правдивыя и умѣренныя въ сравненіи съ тѣмъ, что ежедневно пишутъ противъ Россіи, отдать ли, говорю, трудъ совѣтный мой на усѣбновеніе⁴⁾? Мысль о христіанскомъ Аристидѣ, какъ вы назвали незабвеннаго Каподистрию, эта мысль, одна, и вами выраженная, побѣдила всѣ сомнѣнія и борьбу отеческаго сердца—авторскаго. Вотъ опять вамъ странствующая рукопись моя: буди по глаголу твоему. Но мнѣ некогда сдѣлать списокъ, и я цѣликомъ вручаю Жуковскому правдивую повѣсть о Каподистрии. Конечно, издавая въ Россіи и по-русски разсказъ о возстаніи Грекіи и подвигахъ мученика за нее, мы будемъ говорить предъ публикою болѣе равнодушною, нежели враждебною. Все, что онъ сдѣлалъ для Россіи, останется для нея тайною. Но я исполню священный долгъ, и могу исполнить его и на французскомъ языкѣ, за границею

¹⁾ Извѣстный врачъ, профессоръ и писатель Христофоръ-Вильгельмъ Гуфеландъ (Hufeland, р. 1762 † 1836); на его дочери Елизавѣтѣ былъ женатъ Стурдза.

²⁾ Напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 389—392.

³⁾ См. выше, стр. 399, прим. 1-е.

⁴⁾ Жуковскій находилъ, что сочиненіе Стурдзы въ полномъ видѣ по разнымъ причинамъ не можетъ быть отдано въ печать, но что отрывокъ изъ него, начиная съ описанія возстанія Грекіи, касающійся до одной Грекіи и ея президента, долженъ быть напечатанъ (см. „Русскую Старину“ 1902 г. май, стр. 390).

если вы это одобрите. Отвѣчайте мнѣ въ Берлинъ, чрезъ посредство доброго А. И. Миллера¹⁾). Между тѣмъ, прошу васъ, прикасайтесь смѣло къ моему тексту. Отсѣкайте лишнія слова, замѣняйте лучшими, не измѣняющими сущности событий. Я думаю, что можно и должно, почти въ то же время, издать отрывокъ мой и въ Современникѣ²⁾), и особою книжкою. Для меня приятно, скажу даже, лестно, явиться въ столбцахъ журнала, издаваемаго А. С. Пушкинымъ. Слава великаго подвижника лу-чами своими сольется съ славою великаго нашего поэта, какъ все свя-тое, выспреннее сочетавшееся съ изящныиъ. Но всего для меня дороже, чтобы вы, почтеннѣйший Василий Андреевичъ, были издателемъ этого отрывка; а современемъ, быть можетъ, и всего манускрипта, когда у насъ образумятся и поймутъ, что пора нашу молодежь ознакомить съ истинною политическою исторіею Россіи въ наше время. Извините меня въ томъ, что я взваливаю на васъ такія хлопоты. Введеніе къ повѣсти о возстаніи Грекіи заключается въ общемъ введеніи къ полному сочи-ненію. Тамъ указалъ я на происшествія, издали предуготовившия ве-ликій взрывъ 1821 года. Въ дополненіе прилагаю здѣсь надгробное слово мое незабвенному, въ которомъ представлены главныя черты прекрасной жизни. Вамъ представляю, по недостатку времени, изъ сихъ свѣдѣній слить одно цѣлое; или же трудъ мой хранить у себя завѣтною тайною дружбы, дочитать великому князю; сообщить, если захотите, одному Пуш-кину, или современнемъ, выписать назначаемое вами къ напечатанію, возвратить книгу, въ цѣломъ объемѣ ея, мнѣ или сестрѣ, графинѣ Эдлингъ. Я знаю, кому ввѣраю свое чадо. Если дойдетъ до печати, не отвергайте нѣкоторыхъ выражений библейскихъ, свойственныхъ моему слогу: заботы лукаваго дна, побѣждать благимъ злое и т. д.

Я ёду отсюда чрезъ Силезію въ Берлинъ для свиданія съ тестемъ³⁾ и полученія его благословенія себѣ, дочери и внучкѣ⁴⁾). Но разстаюсь съ матушкою⁵⁾ и стражду внутренно. Изъ Берлина думаю побывать на водахъ, оттуда сѣздиТЬ въ Швейцарію всмотрѣться на людей и на сильные Альпы; на зиму воротиться въ Берлинъ; а весною, если Богъ благословить, направлю путь обратно въ Россію, югомъ или сѣверомъ,

¹⁾ Хорошаго знакомаго Стурдзы, Александра Ивановича Миллера, слу-жившаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (о немъ см. тамъ же, стр. 389—390, прим. 5).

²⁾ Какъ это предлагалъ Стурдзъ Жуковскій въ письмѣ отъ 13-го апрѣля 1836 г. (см. тамъ же, стр. 392).

³⁾ Гуфеландомъ.

⁴⁾ Марія Александровна, вышедшей въ 1838 году замужъ за князя Евге-ния Григорьевича Гагарина.

⁵⁾ Мать А. С. Стурдзы была рожденная княжна Мурузи.

не знаю того доселѣ. Напутствуйте меня сердечною мольбою братолюбія христіанскаго и не забудьте увѣдомить меня или сестру объ участіи моихъ сказаній, коихъ подлинникъ да хранится у васъ одного. Обнимая васъ съ чувствомъ нестарѣющей преданности. А. Стурдза.

P. S. Я увижуясь съ Сѣвериномъ. Я желаю, чтобы мое имя сопровождало разсказъ о послѣдніхъ годахъ жизни Каподистріи.

4.

Октября 23-го (ноября 3-го) 1836 г. Берлинъ.

Пользуюсь случаемъ благопріятнымъ, чтобы о себѣ напомнить вамъ, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ. Письмо мое изъ Берлина, пущенное въ маѣ, конечно до васъ дошло. Теперь, послѣ долгаго странствованія по южной Германіи и Швейцаріи, до самой подошвы Монблана, испивъ горькую чашу (я разумѣю кончину тестя моего, старца Гуфеланда—вашего друга—), мы опять очутились здѣсь и, вѣроятно, проведемъ цѣлую зиму, дѣлясь печалью о невозвратной потерѣ и святыми воспоминаніями съ сестрами жены моей, съ нѣжными дѣтьми отпѣшшаго ко Господу. Старецъ весною такъ былъ бодръ духомъ и даже тѣломъ, что, по вѣроятностямъ близорукаго ума смертныхъ, можно было смыло надѣяться провести съ нимъ зиму; зиму, обѣщавшую столько духовной пользы, столько невыразимыхъ чистыхъ наслажденій дочери, и внучкѣ, и мнѣ грѣшному. Все это рушилось! Послѣ 28-дневной тяжкой болѣзни праведникъ предалъ духъ свой Богу 13-го (25-го) августа. Скорбная вѣсть застала насъ въ Бернѣ, къ отрадѣ нашей, подъ братскими кровомъ Сѣверина. Онъ и добрая его супруга ¹⁾ пеклись о женѣ моей, плакали съ нею и со мною; однимъ словомъ, они утѣшили насъ, какъ одна лишь искренняя дружба умѣеть утѣшать. Объ васъ, разумѣется, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, помину было довольно. Близъ Шильонскаго замка мы съ умиленіемъ взглянули въ Вернѣ на домъ, въ которомъ вы провели зиму ²⁾, любуясь прелестными видами Женевскаго озера и тишиною волшебныхъ береговъ его.

Сѣверину очень хочется побывать на родинѣ. Согласитесь, что, послѣ десятилѣтней разлуки ³⁾ съ святою Русью, это желаніе его справедливо. Онъ просилъ позволенія прибыть въ Петербургъ съ наступленіемъ зимы. Не знаю, что государь рѣшилъ.

¹⁾ Вторымъ бракомъ Д. П. Северинъ былъ женатъ на баронессѣ Мольтке.

²⁾ Въ 1832—33 гг.

³⁾ Д. П. Северинъ уѣхалъ изъ Россіи въ 1826 году, бывъ назначенъ наимѣнѣйшимъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи.

Вы найдете при письмѣ моемъ нѣсколько печатныхъ и рукописныхъ словъ о Гуфеландѣ. Послѣдніе стихи его, въ простонародномъ слогѣ, заключающіе въ себѣ главныя правила его Макробиотики¹). Ко дню его рождения отпечатали было эти стихи. Ему хотѣлось въ этотъ самый день раздать друзьямъ по экземпляру, шута. Но тогда старецъ уже лежалъ, поверженный на одръ послѣднаго земнаго искушения; а все-таки, лежа въ постели, роздать своеручно книжечки присутствовавшимъ, сохрания и въ эту минуту безоблачную тишину и кротость души свѣтлой и вѣриой. Для меня Гуфеландъ былъ идеаломъ христіанина и ученаго. Знаю, что и для васъ такъ же. Потому-то и рѣшился я послать вамъ эти мелочи, но сула лучшее. Ибо въ бумагахъ покойника найдена жизнь его, имъ самимъ написанная²). Его послѣднее твореніе, которое онъ самъ назвалъ послѣднимъ, бесѣду со мною: *Enchiridion medicum, Vermächtniss einer 50-jährigen Erfahrung*³), въ 6 мѣсяцевъ, печатается третьимъ изданіемъ. Покойный, въ завѣщаніи своемъ, выбралъ себѣ эпитафию изъ Евангелия подъ чугуннымъ крестомъ. По волѣ его же, опуская тѣло въ могилу, пѣли хоромъ любимый гимнъ его: *Jesus meine Zuversicht*⁴!—О немъ можно сказать то, что гласитъ Св. Писаніе о праведникахъ: прѣдеѣ благодѣтельство у я!

¹) Извѣстное сочиненіе Гуфеланда „Makrobiotik oder die Kunst das menschliche Leben zu verlängern“ вышло первымъ изданіемъ въ 1796 г.—Напечатанные въ 1836 г. стихи, о которыхъ говорится въ письмѣ Стурдзы, носятъ слѣдующее заглавіе: „Lebensregeln. Eine Makrobiotik in Merkversen“.

Вотъ, для примѣра, два наставленія изъ этого стихотворенія:

Das Wasser ist der beste Trank,
Es macht furwahr dein Leben lang,
Es kühlt und reiniget dein Blut
Und giebt dir frischen Lebensmuth.

(Переводъ: Вода — лучшее питье; она дѣйствительно дѣлаетъ твою жизнь долго, она освѣжаетъ и очищаетъ кровь и даетъ тебѣ веселое расположение духа).

Willst immer froh und heiter sein,
Denk' nicht: „Es könnte besser sein“,
Arbeite, bet', vertraue Gott,
Und hilf den Nächsten aus der Noth.

(Если ты постоянно хочешь быть радостнымъ и веселымъ, то не думай: „Обстоятельства могли бы сложиться лучше“, работай, молись, довѣрься Богу и помогай ближнему въ нуждѣ).

²) Эта автобіографія Гуфеланда напечатана въ журнаѣ „Deutsche Klinik“ за 1863 годъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 106, прим. 2-е).

³) Вышло въ свѣтъ въ Берлинѣ въ 1836 году и выдержало нѣсколько изданій.

⁴) Т. е. Иисусъ мое упованіе.

Скажите, что дѣлается съ моимъ отрывкомъ ¹⁾? Будеть ли онъ напечатанъ, или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ «Современникъ». И при этомъ скажите мнѣ доброе словцо о себѣ, о своемъ житьѣ-бытьѣ. Воскресите меня въ дружеской памяти Д. Н. Блудова. Въ моей онъ живъ, и жить въ ней не перестанетъ. Генераль-адъютантъ Сумароковъ ²⁾, и другъ и родственникъ мой, взялся доставить вамъ мое письмо. Если онъ изъявить вамъ желаніе прочесть мой исторический трудъ, то повѣрьте ему онъ, рукою въ руку, съ тѣмъ, чтобы онъ возвращенъ былъ вамъ. Любите любящія вы и прамите сердечный привѣтъ привязанности и дружбы неизмѣнной. А. Стурдза.

5.

(Вѣроятно, въ концѣ 1836 или въ 1837 г.)

Почтеннѣйший Василій Андреевич!

Вручитель сихъ строкъ, старый товарищъ мой по службѣ и другъ, ст(атскій) сов(ѣтникъ) Александръ Ивановичъ Миллеръ, береть на себя трудъ принять изъ рукъ вашихъ, и беречь, и доставить потомъ ко мнѣ историческую рукопись мою ³⁾, давно уже, безъ сомнѣнія, прочтеннную вами. Разумѣется, не торопя васъ; но, какъ скоро книга эта сдѣлается не нужна, благоволите пригласить къ себѣ доброго Александра Ивановича и оную ему вручить, все равно, что мнѣ самому. А когда удастся, со свойственною прекрасной душѣ вашей искренностію, изреките судъ строгій надъ трудомъ моимъ, тѣмъ zweckmässiger ⁴⁾, что разсказать мой, лежа въ ящикѣ, можетъ быть мною дополненъ и исправленъ. Не о чемъ мнѣ теперь бесѣдовать съ вами. Изъ-за укромнаго уголка моего, виѣ Одессы, на крутомъ берегу Чернаго моря, я мало заглядываю въ міръ вѣнчаній и охотнѣе прислушиваюсь къ шуму волнъ голубыхъ съ бѣлымъ узоромъ, нежели къ треволненіямъ большаго, политического свѣта. Поручаю вашему вниманію слѣдующія книги, давно, можетъ быть, вамъ извѣстныя:

1) Allgemeine Geschichte der christlichen Religion u(nd) Kirche, von

¹⁾ Воспоминаніями о графѣ Каподистріі.

²⁾ Генераль-адъютантъ (впослѣдствіи членъ Государственного Совѣта и съ 1856 года графъ) Сергій Павловичъ Сумароковъ (р. 1791 † 1875) былъ женатъ на Александрѣ Павловнѣ Маруцци.

³⁾ См. выше, стр. 399, прим. 1-е.

⁴⁾ Т. е. цѣлесообразнѣе.

Neander¹); 2) *Leçons tirées de la parole de Dieu, par Moulinié²*); 3) Жизнь св. апостола Павла и Страстную Седмицу, превосходная творенія архимандрита Иннокентія; 4) *Volupté, par S-te Beuve³*).

Съ душевнымъ почтеніемъ и любовию вамъ преданный А. Стурдза.

6.

19-го августа 1840 г. Пріютъ.

Посылаю къ вамъ, почтенійшій Василій Андреевичъ, скудный умственный гостинецъ; но который, по новости предмета, можетъ быть, и займетъ васъ. Прочитавъ эти Письма о должностяхъ священаго сана⁴), не угодно ли будетъ передать ихъ Дмитрію Николаевичу⁵) для прочтения. Добрые помѣщики не признаются ли полезнымъ снабдить книжкою моюю своихъ приходскихъ, въ особенности молодыхъ сельскихъ священниковъ?

Бью членомъ о нашемъ товарищѣ, почтенномъ, бѣдномъ и глубокоученомъ старцѣ Никовулосѣ⁶), о которомъ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ⁷) и я ходатайствуемъ, именемъ Общества исторіи и древностей.

Я знаю Никовулоса, и уважаю и люблю его, ровно 18 лѣтъ. Всѣ обстоятельства, въ письмѣ нашемъ изложенные, точны. Старцу семидесять лѣтъ; ученость его изумительна; благочестіе и злополучіе прімерны. Помогите намъ и ему. Мы ожидаемъ сестру⁸) обратно во-свояси со дня на день. Пора! Безъ нея мы осиротѣли. Какъ часто въ письмахъ своихъ упоминала она объ васъ. Похоронили же вы моего почтен-

¹) Это сочиненіе извѣстнаго историка церкви Августа Неандера (р. 1789 † 1850) вышло первымъ изданіемъ въ Гамбургѣ въ 1825—1830 гг.

²) Сочиненіе швейцарскаго пастора и литератора Charles-Etienne-François Moulinié (р. 1757 † 1836): „*Leçons de la parole de Dieu sur les points les plus importants de la foi chrétienne*“ вышло въ свѣтъ въ Женевѣ въ 1821—26 гг. въ пяти томахъ.

³) Это сочиненіе С.-Бёва вышло въ свѣтъ въ 1834 году.

⁴) Вышли въ Одессѣ въ 1840—41 гг. и затѣмъ выдержали нѣсколько изданій.

⁵) Бладову.

⁶) Одесский археологъ Александръ Федоровичъ Панагіодоръ-Никовуль († 1848, на 85 году отъ роду), обладавшій громадными познаніями въ древней греческой литературѣ и археології. О немъ см. некрологъ Г. Соколова въ „Запискахъ Одесского Общества исторіи и древностей“, т. III, Одесса. 1853, стр. 518—521.

⁷) Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ (р. 1788 † 1844), тогдашній попечитель Одесского учебнаго округа и президентъ Одесского Общества исторіи и древностей.

⁸) Графиню Р. С. Эдлингъ.

наго о. Меглинского. Для знавшихъ его безвременная смерть праведника составляетъ потерю невозвратимую.

Простите, любезный! Василій Андреевич; не хочу отнимать у васъ время длиннымъ провинциальнымъ письмомъ и заключаюувѣреніемъ въ моей душевной преданности. А. Стурда.

7.

28-го марта 1849 г. Одесса.

Большое спасибо отъ меня Сѣверину¹⁾ за пересылку къ вамъ моихъ строкъ о русской Одиссѣи,—чѣмъ выманилъ онъ у васъ любезное и дорогое письмо отъ 10-го марта н. с.²⁾, мною отъ васъ только-что полученнное. Я никакъ не чаялъ такой награды за высказанное мною мнѣніе о вашемъ труде. Какъ заштатный писатель и усталый путникъ юдоли земной, не могу довольно надивиться и нарадоваться вашей дѣятельности, умственной и сердечной, почтенѣйшій Василій Андреевич! Е-то Вяземскій такъ превосходно изобразилъ въ образцовыхъ своихъ стихахъ³⁾. Но, признаюсь, друзья и почитатели ваши, въ томъ числѣ и я, невольно завидуемъ исключительной дружбѣ вашей съ старцомъ Омиромъ. Подъ сѣнью знакомыхъ мнѣ каштановыхъ деревъ, вы бесѣдуете съ величавою тѣнью и стараетесь забыть мрачную существенность современную. Благо же вамъ и русскому слову, которое подъ вашимъ перомъ усваиваетъ себѣ вѣчно-юную древность міра первобытнаго. Однако и настоящее, и святая Русь не теряютъ своихъ правъ; вы для нея работаете, и, безъ сомнѣнія, возвратитесь въ ея предѣлы. Для этого нужно здоровье супругъ вашей, предметъ единодушныхъ, небезкорыстныхъ желаній. Вѣдь сатанинские визги, о коихъ вы упоминаете, очень пронзительны: они непремѣнно выживутъ васъ оттуда⁴⁾. Первое

¹⁾ Въ письмѣ своемъ къ Д. П. Северину, отъ 17-го (29-го) ноября 1848 г., Жуковскій просилъ его увѣдомить Стурду о томъ, что ему будетъ доставленъ изъ Петербурга экземпляръ переведенной Жуковскимъ Одиссеи, и что онъ просить Стурду сообщить ему свое мнѣніе объ его, Жуковскаго, переводѣ (см. „Русский Архивъ“ 1900 года, сентябрь, стр. 43).

²⁾ Напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 393—396.

³⁾ Въ известныхъ стихахъ по случаю празднованія 29-го января 1849 года пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Жуковскаго (см. Полное собрание сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IV , Спб. 1880 , стр. 331—334).

⁴⁾ Въ письмѣ отъ 10-го марта н. с. изъ Баденъ-Бадена Жуковскій писалъ Стурду, между прочимъ, слѣдующее: „Обстоятельства загнали меня въ Баденъ-Бадень. Здѣсь, пользуясь уединеніемъ и стараясь заткнуть уши отъ сатанинскаго визга нашего времени, я снова принялъ за переводъ Одиссеи“ (см. „Русскую Старину“ 1902 года, май, стр. 395). Въ Баденѣ вскорѣ, дѣйствительно, вспыхнула революція, и Жуковскій перѣѣхалъ въ Страсбургъ (см. „Русский Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 47).

порученіе ваше ¹⁾) при семъ исполнюю, сколько могу, справившись предварительно съ греческимъ подлинникомъ Одиссея, съ латинскимъ буквальнымъ переводомъ и съ огромнымъ комментариемъ Евстаѳія ²⁾).

Второй наказъ вашъ: заговорить вслухъ о вашемъ исполненскомъ трудѣ душевно желаю выполнить, но за успѣхъ не ручаюсь. Послѣ дѣльныхъ статей Шевырева ³⁾ мудрено сказать что-нибудь новое и твердое. Къ тому же досуга у меня все менѣе и менѣе, по мѣрѣ упадка зрѣнія и тѣлесныхъ силъ. Вы сами видите, что я двигаюсь на умственныхъ костыляхъ и едва успѣваю додѣлывать то, что мнѣ задано свыше. Церковныя события на Востокѣ вызвали меня на поле духовной борьбы; кое-какіе переводы отняли у меня немало времени, а остатокъ принадлежитъ домашнимъ заботамъ и попеченіямъ о душѣ. Однимъ словомъ: духъ во мнѣ еще бодръ, но плоть немощна. Солнце на закатѣ косвенными своими лучами обыкновенно набрасывается на стезю нашу огромную тѣнь. Слава Богу за то, что добираюсь до ночлега еще не одинокой, но съ милыми мнѣ спутниками. Вы съ такимъ сердечнымъ участіемъ упоминаете о женѣ моей, дочери и внукахъ, что мнѣ очень хочется представить ихъ вамъ, хотя заочно, называвъ каждого по имени. Старшему изъ нихъ Григорію ⁴⁾ 9 лѣтъ, второму — Анатолію 4 года, третьему — Юрію 3 года. Долго имть ждать, пока удостоятсяч итать изящные созданія вашего генія, вашей души; до тѣхъ поръ надѣюсь представить вамъ лично этихъ малютокъ. Но теперь взаимно познакомьте и вы меня съ вашею домашнею общиной, къ которой посылаю издали сердечный привѣтъ.

Еще словцо о вашемъ Рустемѣ и Зорабѣ: давно никакая поэма не подѣствовала на меня такъ глубоко, такъ умилительно. Восточная поэзія, за исключеніемъ одной священной, не очень нравилась мнѣ. Но вашъ персіанинъ въ русской одеждѣ, вашъ Фирдусси открылъ взору моему міръ совершенно новый, богатый не одними вымыслами фантазіи, но и сокровищами глубокаго чувства ⁵⁾). Приписываю кое-что и своею

¹⁾ Сообщить переводъ 97-го и 98-го стиховъ XVI пѣсни Одиссея, которыхъ Жуковскій, по его словамъ, „не понималъ ни въ подстрочномъ переводе, ни въ переводѣ Фосса, ни въ другихъ переводахъ“ (см. „Русскую Страну“ 1902 г., май, стр. 395).

²⁾ Евстаѳія, архіепископа солунскаго (XII вѣка), комментарій на всего Гомера, выдержавшій съ XVI вѣка нѣсколько изданій; въ томъ числѣ одно изданіе вышло въ Лейпцигѣ въ 1825—30 гг.

³⁾ Рядъ статей С. П. Шевырева о переведенной Жуковскимъ первой части Одиссеи напечатанъ въ „Москвитянинѣ“ 1849 года, Критика и библиографія, № 1, стр. 41—48; № 2, стр. 49—53; № 3, стр. 91—117.

⁴⁾ Этому старшему внуку А. С. Стурдзы разрѣшено было именоваться княземъ Гагаринъ-Стурдзою.

⁵⁾ До этихъ словъ письмо писано не рукою Стурдзы.

рукою, чтобы вы не сочли меня духомъ безплотнымъ или шепчуши мъ издали призракомъ. Берегу свѣтъ очей моихъ, годъ отъ году болѣе мерцающей: а все-таки на Господа надѣюсь, что станетъ еще этого свѣта на с виданіе съ вами въ дальнемъ мірѣ! Желаю вамъ и на чужбинѣ провести свѣтлые дни сіи съ внутреннимъ возврѣніемъ на Спасителя нашего, если не удастся вамъ побывать въ штутгартскомъ храмѣ, у плащаницы Его! Обнимаю васъ братски. Вамъ преданный А. Стурдза.

P. S. Ищу слuchaевъ, и авось найду, чтобы доставить къ вамъ печатаемый въ южной Франціи переводъ мой Филарета Московскаго ¹⁾, да: *Le double parallèle* ²⁾ и т. д.

Къ письму приложенъ сдѣланнныи Стурдзою переводъ стиховъ 91 — 104 XVI пѣсни Одиссеи:

Одиссеи пѣснь XVI-я.

Одиссей, въ видѣ скитальца, выслушивъ опасеніе Телемаха, избѣгающаго даже встрѣчи съ женихами матери своей Пенелопы, негодуетъ на него за робость, какъ видно по связи цѣлаго разсказа, и съ нѣкоторымъ извиненіемъ возражаетъ ему, не безъ упрека, въ слѣдующихъ стихахъ:

ст. 91—104. «О милый мой (если только дозволено мнѣ отвѣтствовать), внимая тебѣ, терзается во мнѣ сердце, слушая то, что вы говорите о томъ, какъ буйно ведутъ себя женихи въ палатахъ наперекоръ тебѣ и твоему сану. Скажи же мнѣ, не самъ ли ты поддаешься имъ? Или чернь, враждую на тебя въ собраніяхъ народныхъ, увлекается вѣща-ніемъ божества? Или ты винишь въ томъ братьевъ своихъ, на которыхъ всякихъ полагается, какъ на поборниковъ себѣ, когда возгорится великая народная распрыя? Пусть бы я былъ, какъ ты, молодцомъ и въ порывѣ твоего гнѣва, или сыномъ знаменитаго Одиссея, или наконецъ имъ са-мимъ послѣ долгаго странствія (въ чемъ судьбина надежду подаетъ), да нашла бы на мою голову бѣда отъ иноземца,—о сколько бы я надѣлалъ зла этимъ обидчикамъ, зашедши въ чертогъ Одиссея, сына Лаертова!».

Очевидно, что неузнанный Одиссей съ умысломъ здѣсь упоминаетъ о братьяхъ Телемаха, чтобы вѣрнѣе скрыть отъ него—кто онъ таковъ ³⁾.

¹⁾ Этотъ переводъ словъ митрополита Филарета (*Oraisons funèbres* и т. д.) вышелъ въ свѣтъ въ 1849 году.

²⁾ О брошюрѣ Стурдзы *Le double parallèle* см. ниже, въ письмахъ отъ 2-го декабря 1849 года.

³⁾ Письмо имѣть слѣдующій адресъ: A son excellance monsieur B. Jou-
cowsky, conseiller priv  de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, chevalier de
plusieurs ordres etc. Allemagne, à Baden-Baden, maison Kleinmann. Почтовые
штемпели: 1) Одесса 28-го марта 1849; 2) Baden, 21 Apr. 49.

8.

2-го (14-го) декабря 1849 г. Одесса.

Любезнѣйший Василій Андреевич¹⁾.

При письмѣ молчальника Сѣверина обрадовала меня нечаянная находка—дружеское и вмѣсть важное письмо ваше отъ 3-го (15-го) ноября²⁾, изъ-подъ каштановыхъ аллей и дубравъ Бадена. Оно не только утѣшило меня, но и вмѣсть съ тѣмъ заставило призадуматься; ибо вы задаете мнѣ трудъ, давно уже мною совершенный, но весьма недавно напечатанный въ Аениахъ. Имя ему: *Le double parallèle, ou l'église en présence de la paix et de la réforme du XVI siècle*³⁾. Не будь этого труда, и я тотчасъ принялъ бы за дѣло изъ послушанія и любви къ вамъ. Но требуемое вами изложеніе уже написано,—вы увидите, по какому случаю, извѣстно уже въ Россіи и на Востокѣ, хотя доселѣ на Западѣ о немъ помину нѣтъ. Итакъ я отправляю къ вамъ одинъ или два экземпляра черезъ Петербургъ и Франкфуртъ, пока найду здѣсь надежнаго попутчика для пересылки вамъ моихъ за-душевныхъ убѣжденій. Мнѣ удалось втѣснить ихъ въ 72 страницы; согласитесь, что это нисколько не огромно въ сравненіи съ обширностю предмета, мною разбираемаго. Изъ этого числа страницъ не болѣе 40 заключаютъ отвѣтъ на вопросы испытующей души христіанской. Благослови Господи скучный трудъ сей, который повидимому оставилъ донъянѣ подъ спудомъ безгласности и безплодія! Ужъ подлинно единъ возвращаій Богъ; а наше дѣло—сѣять и поливать, и докапываться до сокровища, не унывая. Вы какъ-то предположили во мнѣ, почтенѣйший Василій Андреевичъ, нескромное любопытство. Нѣтъ, для кого бы то ни было, чѣмъ бы ни увѣнчалось желаніе вашего доброго сердца, я радъ услужить вамъ, чѣмъ только могу, передавая вамъ голосъ истины въ замѣнъ тѣхъ пѣнительныхъ звуковъ изящнаго, которыми вы такъ щедро и радушно надѣляете настъ, современниковъ, и потомство. Изящное и истина суть родные, стремящіеся къ воссоединенію. Отнимите средостѣніе зла,—и они опять составятъ одно цѣлое. Вы упоминаете о другихъ книгахъ о томъ же предметѣ; превосходнѣе, полнѣе и лучше всѣхъ: Камень вѣры Стефана Яворскаго. Укажу вамъ также на новое сочиненіе: *Études philosophiques sur le christianisme*.

¹⁾ Только обращеніе письма писано рукою самого Стурдзы; затѣмъ же текстъ письма писанъ не его рукою.

²⁾ Напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 396—397.

³⁾ Издано въ Аениахъ въ 1847 году.

ніште, раг Auguste Nicolas¹⁾, 4 тома. Совѣтую вамъ въ добавокъ выписать изъ Парижа или изъ Петербурга мой французскій перевоь словъ преосвященнаго Филарета²⁾, какъ начатокъ выспренняго ученія нашей Церкви. Если не ошибаюсь, вы уже имѣете мой перевоь 1-ой седмицы Иинокентія³⁾ и мои *Études religieuses*⁴⁾. Не говорю здѣсь о многихъ современныхъ произведеніяхъ русской почвы, коими въ отсутствіе ваше обогатилась наша духовная литература. Кстати о вашемъ отсутствії; долго ли намъ еще ожидать вашего возвращенія на родину? Вы сами признаетесь, что въ омутѣ мудрено прожить вѣкъ свой; конечно, Господня земля и исполненіе ея, но въ порядкѣ творенія каждому существу назначено свое мѣсто, каждому свѣтилу указана точка восхожденія и заката. Вы расшевелили меня вашимъ письмомъ, и полузвячій другъ вашъ разговорился. Ждите отъ меня писемъ различными путами, а до тѣхъ поръ примите съ любовью то, чѣмъ я богатъ и радъ на первый случай.

Одинъ за другимъ получиль я оба тома вашей Одиссеи; за первый я уже благодариль васъ отъ души, отвѣчая вамъ на спросъ объ одномъ стихѣ, еще въ то время, когда вы трудились надъ XIX пѣснію. Во 2-й томъ я заглядываю урывками, потому что не могу долго читать безъ посторонней помощи. Настаетъ для меня пора учиться разучиваться отъ всего земнаго. Однако помню Одиссею и люблю еще столько, что могу искренно сказать вамъ: вы угадали и превосходно усвоили намъ красоты ея и удачно боролись съ несовершенствомъ русскаго экзаметра, который по свойству языка никогда не поравняется съ греческимъ и латинскимъ. Отозваться о вашемъ трудѣ во всеуслышаніе я потому не рѣшился, что многіе сказали многое объ немъ. Справедливыхъ цѣнителей мнѣ на старости лѣтъ не перешеголять, а порицателей не переспорить.—Опять⁵⁾ обращаюсь къ главному предмету нашей бесѣды. Въ Лейпцигѣ вы найдете нѣмецкій переводъ Писемъ о богослуженіи Восточной Церкви⁶⁾, прекраснаго сочиненія А. Н. Муравьевъ, verdeutscht E. Муральдомъ⁷⁾. А изъ Петербурга совѣтую выписать

¹⁾ Служилъ во Франціи по судебному вѣдомству. Это сочиненіе выдержало нѣсколько изданій.

²⁾ См. выше, стр. 408, прим. 1-е.

³⁾ Première semaine de la quadragésime. Этацъ переводъ изданъ въ Парижѣ въ 1846 г., а затѣмъ въ Петербургѣ въ 1848 году.

⁴⁾ Въ русскомъ перевоѣ: „Христіанскія бесѣды историческія и нравственныя“ (Одесса. 1848).

⁵⁾ Съ этихъ поръ и до конца письмо писано рукою А. С. Стурдзы.

⁶⁾ Briefe über Gottesdienst der morgenlndischen Kirche (Leipzig. 1838).

⁷⁾ Т. е. переведенные на нѣмецкій языкъ Эдуардомъ Муральдомъ (въ теченіе многихъ лѣтъ былъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки).

иѣменскій же переводъ П р о с т р а н и го катехизиса Филаретова¹⁾, который переведенъ мною по-гречески²⁾, извѣстенъ уже всѣмъ единовѣрцамъ нашимъ на Востокѣ. По совершенству и полнотѣ свѣтлаго изложения истинъ спасительныхъ не было и нѣть равнаго ему подъ солнцемъ. Православныя літургіи св. Іоанна Златоуста, св. Василия Великаго и св. Григорія Двоеслова, всѣ три переведены по-иѣменски и напечатаны нашими русскими священниками. Великопостный канонъ св. Андрея Критскаго въ французскомъ переводахъ только что отпечатанъ въ Вѣнѣ, трудами іерея при посольствѣ о. Михаила Раевскаго³⁾ по желанію великой княгини Елены Павловны.

Отъ меня же, любезнѣйшій Василий Андреевичъ, примите еще въ этомъ пакетѣ, кромѣ: *Le double parallèle*, мой переводъ літургіи Златоустаго и одинъ отискъ достопамятнаго, мало кому извѣстнаго доселѣ отвѣта нашихъ патріарховъ на воззваніе Пія IX къ восточнымъ христіанамъ. Изъ него вы усмотрите, каково и подъ ярмомъ злочестивыхъ мнимое невѣжество св. матери нашей, Церкви Православной!.. Вяземскій⁴⁾ въ Византіи съ сыномъ⁵⁾ и невѣсткою—но тоскуетъ по родинѣ. Муравьевъ⁶⁾ снова путешествуетъ по Востоку и пишетъ дальне, согрѣвающее души. Читали-ль вы его: *Грузію и Арmenію*⁷⁾—трудъ изящный и основательный?.. Не стану исчислять здѣсь произведенія не менѣе важнаго, новѣйшія, духовныхъ лицъ. Пріѣдете во-свойси—такъ зачитаетесь. Не забудьте межъ тѣмъ достать моего перевода 31 слова святителя московскаго, подъ заглавіемъ: *Oraisons funèbres, homélies et discours de monseigneur Philarète, métropolite de Moscou, traduits par A. de St(ourdza). Paris et Genève, 1 vol. in 8, chez Cherbuliez et Tronchet, libraires, или же St.-P(étersbourg) chez Bellizard, Hauer, Issacof etc.*

Обнимаю васъ заочно братскимъ цѣлованіемъ. Благодать Христова да осѣняетъ присно васъ и вашихъ кровныхъ! А. Стурдза.

¹⁾ *Ausführlicher christlicher Katechismus der orthodox-katholischen griechischen Kirche;* былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1840 году.

²⁾ Напечатанъ въ Москвѣ въ 1839 году.

³⁾ Впослѣдствіи протоіерея Михаила Федоровича Раевскаго (р. 1811 † 1884), въ теченіе 42 лѣтъ бывшаго настоятелемъ посольской церкви въ Вѣнѣ. Переводъ канона св. Андрея Критскаго былъ изданъ въ 1849 году.

⁴⁾ Князь Петръ Андреевичъ.

⁵⁾ Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій въ то время занималъ должность младшаго секретаря посольства въ Константинополѣ.

⁶⁾ Андрей Николаевичъ.

⁷⁾ Вышло въ свѣтъ въ 1848 году.

9.

2-го декабря 1849 г. Одесса.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ, не медля нисколько, я приступаю къ исполненію желанія, изъявленнаго вами въ письмѣ отъ 3-го (15-го) ноября. Пишу къ вамъ подробнѣе, отчетливѣе черезъ Петербургъ, и посланіе мое въ отвѣтъ на призывъ дружбы вашей окутано печатными приложеніями. Надѣюсь, что пакетъ мой до васъ дойдетъ посредствомъ посольства нашего во Франкфуртъ на Майнѣ. А разгадка моихъ распоряженій въ угодность вамъ слѣдующая: по случаю посланія Пія IX къ восточнымъ христіанамъ и отвѣта нашихъ патріарховъ, рѣшился я издать въ Аєинахъ небольшое обозрѣніе подъ назв(аніемъ): «Le double parallèle, ou l'église en présence de la papauté et de la réforme du XVI siècle». Во второмъ сравненіи все заключено, что вы только желать можете— все стройно изложено, высказано въ какихъ-нибудь 70 страницахъ съ указаніемъ при томъ на источники. Заказъ съ вѣше опредѣлилъ страннѣмъ образомъ урокъ, заданный вами мнѣ; такъ что я, не лѣнясь, могу представить вамъ трудъ готовый и, смию сказать, зрѣлый!

По сему признаку дивной въ путяхъ Своихъ благодати Христовой смию сказать вамъ съ твердымъ улованіемъ слова пророка-царя: Да дастъ ти Господь по сердцу твоему и весь свѣтъ твой исполнитъ. О прочемъ не говорю здѣсь. Ссылаюсь на длинное письмо мое и посылку, путемъ нашей столицы отправляемыя. Но если встрѣтится иной попутчикъ отсюда, то непремѣнно перешлю вамъ свой Параллель прямѣе. Въ Петербургѣ книжка моя продаєтся у Беллизара. C'est la vérité réduite à sa plus simple expression; et il a fallu que j'eusse 58 ans pour l'emboiter dans ce peu de pages¹⁾.

Простите, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ—до радостнаго свиданія въ отчизнѣ земной и—небесной! Любите попрежнему любящаго васъ и преданнаго вамъ сердцемъ А. Стурдза.

За Одиссею спасибо; объ ней пишу подробнѣе въ особой грамотѣ.

10.

13-го (25-го) февраля 1850 г. Одесса.

Получивъ дорогое письмо ваше отъ 3-го (15-го) ноября прошлаго года, любезный и многоуважаемый Василій Андреевичъ, я, нисколько не

¹⁾ Это истина, выраженная наиболѣе простымъ образомъ, и, только прожив 58 лѣтъ на свѣтѣ, я могъ изложить ее на столь маломъ числѣ страницъ.

медиа, исполнилъ ваше желаніе и 2-го декабря отозвался вамъ чрезъ посредство Сѣверина, а, спустя два дня, отправилъ въ Петербургъ съ моимъ зятемъ¹⁾ тотъ самый трудъ, вами заданный, но мною прежде написанный, какъ бы по предчувствію. Это—брошюра на французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Le double parallèle» и пр.—именно то, что вамъ надобно. Изъ столицы пакетъ мой отправленъ былъ во Франкфуртъ, съ обычнымъ курьеромъ, для пересылки оттуда къ вамъ. Если мой конвертъ не залился въ Берлинѣ или во Франкфуртѣ, по неизрѣности канцеляріи,—то надѣюсь, что усердное мое приношеніе давно уже въ вашихъ рукахъ. Между тѣмъ признаюсь, что въ настоящемъ случаѣ безконечное «авось» для меня тягостно. Пишу къ Сѣверину и къ Феофилу Гагарину²⁾ во Франкфуртъ съ тѣмъ, чтобы выгѣдать на конецъ участіе моей посылки; да и вѣсъ убѣдительно прошу: получили-ль вы ее или нѣть,—все-таки увѣдомьте. Хвалится нашъ гордый вѣкъ быстрымъ улучшеніемъ всѣхъ удобностей жизни. Но, видно, подъ словомъ «жизнь» нынче разумѣютъ промышленность и роскошь. Внѣ сего волшебного круга всякое сообщеніе мыслей такъ же трудно, какъ бывало въ старину. Почта не берется пересылать пакеты и книги по прямой дорогѣ безъ хлопотъ и мимо заставъ и мытарствъ, которыми затрудняется обмѣнъ душевныхъ и умственныхъ убѣжденій. Какъ бы то ни было, разрѣшите, прошу вѣсть, немногими строками мое недоумѣніе. Ради и впредь стараться, только бы вы не винили меня по невѣдѣнію въ оплошности, тогда какъ я напротивъ скорѣ и ретивѣ въ исполненіи завѣтовъ довѣрія и дружбы, для меня драгоцѣнныхъ. Воззваніе мое начертано моимъ сердцемъ и умомъ, хотя и не мою рукою. Я берегу тусклый свѣтъ очей своихъ и доживаю вѣкъ свой въ полувидѣніи всего виѣшняго—и такимъ образомъ разстаюсь съ вещественнымъ міромъ постепенно. Опять милость Божія! Выписали-ль вы мой французскій переводъ словъ Филарета Московскаго изъ Женевы, или изъ Парижа? Простите—братски обнимаю вѣсть. Преданный вамъ отъ души А. Стурдза.

11.

3-го (15-го) апрѣля 1850 г. Одесса.

Мудрено отвѣтчать, какъ хотѣлось бы сердцу благодарному и умиленному, на безцѣнное, задушевное письмо ваше ко мнѣ³⁾, почтенійшій

¹⁾ Княземъ Евгениемъ Григорьевичемъ Гагариномъ.

²⁾ Къ князю Феофилу Григорьевичу Гагарину (р. 1820 † 1853), младшему секретарю посольства во Франкфуртѣ.

³⁾ Это письмо, отъ марта 1850 года, напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., юнь, стр. 579—584.

и любезнѣйшій Василій Андреевичъ. Чего нѣть—въ этой полуисповѣди, какъ вы ее называете? А я—и ветхъ, и усталъ, и полузрячъ, и озабоченъ близкимъ переездомъ отсюда на праздники въ Манзырь¹⁾), за Днѣстъ, въ этотъ оазисъ, созданный посреди татарскихъ степей, христианскими трудами сестры моей²⁾), туда, где все доселѣ дышеть и отзывается ея благотворнымъ присутствіемъ. Не отпразднуете ли и вы Пасху въ Стутгардѣ, вмѣсть съ Горчаковымъ³⁾?)

Я радъ, что всѣ мои посыочки до васъ дошли и вамъ полюбились. Господь да благословитъ всякое слово истины и жизни, хотя бы исходило изъ устъ, подобно моимъ, недостойныхъ. Лучь небесный не оскверняется прикосновеніемъ къ земному илу. Вы изъявляете желаніе приблизиться къ намъ грѣшнымъ. И какъ бы это было для насъ хорошо, отрадно. А. Н. Муравьевъ, на обратномъ пути изъ Востока, пробылъ здѣсь десять дней—и какъ утѣшительна была для меня его искренность и поучительная бесѣда. Чтѣ, если бы и вы были вмѣсть съ нами? Какой цѣлебный обмынь мыслей и чувствъ наполнилъ бы этотъ десятодневъ, въ нынѣшнее время такъ рѣдкій. Муравьевъ созрѣлъ для св. Церкви и св. Руси: его постоянство въ подвигахъ истинно примѣрно. Однако боюсь, что ему дадутъ перезрѣть и что послѣ него отпечаткомъ свѣтлаго ума и души благочестивой останутся только его дорогія сочиненія. Опять повторяю: мнѣ теперь недосугъ отвѣтить въполнѣ, досыта, на содержаніе вашего письма. Откладывать однакоже не хочу. Прилагаю здѣсь списокъ книгъ о нашей Церкви, разумѣется не полный, чтобы не преступить вашей заповѣди. Примолвлю еще, что вамъ надобно приобрѣсть для себя и дѣтей: Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ, издаваемыя уже семь лѣтъ сряду въ Москвѣ, подъ надзоромъ митрополита Филарета. И текстъ отцевъ, и прибавленія превосходны. За семь лѣтъ вы заплатите 35 руб. серебромъ, а на восьмой 1850 подпишитесь. Грѣшио православному семьянину не имѣть этого духовнаго сокровища, гдѣ отъ году возрастающаго. Въ немъ теперь помѣщается св. Ефремъ Сиринъ, котораго вы очень полюбите. Въ прибавленіяхъ найдете извѣстія о проповѣдіи Евангелия въ русской Америкѣ—столь плодоносной. Совѣтую вамъ также выписать послѣднее въ 3-хъ томахъ изданіе словъ Филарета Московскаго: это рудникъ чистаго и глубокаго богоныслія, коему подобнаго нѣть ни на какомъ языкѣ. Сдѣлайте мнѣ и себѣ милость: выпишите еще двѣ книжечки: Иисусъ Христосъ на Голгоѳѣ, или Семь словъ Спасителя на крестѣ⁴⁾—и вы усладитесь въ глубинѣ

¹⁾ Майоратное имѣніе князей Гагариныхъ-Стурдэ.

²⁾ Графини Р. С. Эдлингъ († 1844).

³⁾ Князь А. М. Горчаковъ, въпослѣдствіи канцлеромъ, а въ то время нашимъ посланникомъ въ Штутгартѣ.

⁴⁾ Вышла въ Казани въ 1849 г. и затѣмъ имѣла нѣсколько изданій.

души. Позвольте еще назвать вамъ брошюру епископа Анатолія: *Иисусъ Христосъ, оправданіе наше¹⁾*—и дѣй жизни: Тихона Воронежскаго²⁾ и св. Димитрія Ростовскаго³⁾, послѣднее сочиненіе Горскаго, Много въ нихъ здравой пищи для сердца. Въ Петербургѣ у Гауера и Крашенинникова продаются *Wegweiser zum Himmelreich*, переводъ сказаний Иннокентія, апостола алеутовъ⁴⁾). Но письмо мое сдѣлалось каталогомъ. Мои Письма о должностяхъ св.(ященнаго) сана и Ручную книгу правосл(авнаго) христ(ианина) вы, кажется, имѣете.

Невѣдомый археологъ, пославшій вамъ свой трудъ о Воспорѣ Киммерийскомъ—по почтѣ, точно, здѣсь; имя ему: Антонъ Балтазаровичъ Ашикъ, блюститель Керченскаго музея, человѣкъ почтенный⁵⁾). Я объяснилъ ему причину нашего невольнаго молчанія. Отзовитесь ему въ утѣшеніе⁶⁾). Простите, почтеннѣйший другъ и братъ во Христѣ. Обнимаю васъ заочно, благодарю снова за письмо ваше и привѣтствую васъ радостію великаго дня Воскресенія Господня. А. Стурдза.

Помните ваши обѣщанія. Какъ бы хотѣлось заглянуть въ вашъ переводъ св. Евангелія⁷⁾.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Брошюра епископа могилевскаго Анатолія († 1872) „Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ наше оправданіе, или покаянное воспоминаніе уничиженія и крестныхъ страданій Спасителя“ вышла въ свѣтъ въ Кіевѣ въ 1848 году.

²⁾ Тихонъ I, епископъ воронежскій (Москва. 1844).

³⁾ Этотъ трудъ, отчасти принадлежащий извѣстному ученому, ректору Московской духовной академіи, протоіерею А. В. Горскому († 1873), изданъ въ Москвѣ въ 1849 году, подъ заглавіемъ „Святый Димитрій, митрополитъ ростовскій“

⁴⁾ Этотъ переводъ „Указанія пути въ царствіе небесное“protoіерея Иоанна Венiamинова (преосвященнаго Иннокентія Камчатскаго) изданъ въ Одессѣ въ 1848 году.

⁵⁾ А. Б. Ашикъ († 1854), съ 1832 по 1852 г. бывшій директоромъ Керченскаго музея. Его трудъ „Воспorskое царство съ его палеографическими и надгробными памятниками“, изданный въ Одессѣ въ 1848—49 г.г., былъ давно посланъ Жуковскому, отъ которого авторъ не имѣлъ никакого увѣдомленія о полученіи книги.

⁶⁾ Написанное, вслѣдствіе этого, благодарственное письмо Жуковскаго къ А. Б. Ашику, отъ 3-го (15-го) октября 1850 г., изъ Баденъ-Бадена, напечатано въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“, томъ VIII, Спб. 1873, столбцы 567—568. Два письма Стурдзы къ Ашику, по поводу посыпи Жуковскому помянутаго труда Ашика, см. тамъ же, столбцы 564—565.

⁷⁾ Этотъ переводъ Жуковскаго изданъ въ Берлинѣ въ 1895 году.

Плоцкая Русская публичная библиотека.

Плоцк—североизападная окраина Привислинского края—еще послѣ 60 годовъ истекшаго столѣтія насчитывала въ себѣ очень ограниченное количества русскаго населенія, состоявшаго исключительно изъ семейств чиновниковъ, привлекаемыхъ сюда лишь нѣкоторыми преимуществами службы. Но съ 70 годовъ, когда приливъ русскихъ въ эту далекую окраину Русскаго государства значительно увеличился, среди нихъ началась ощущаться необходимость удовлетворить нѣкоторыя религиозныя, нравственные и умственныя потребности.

Первыми и самыми дорогими дѣломъ для русского здѣшняго человѣка была забота устройства Православнаго храма, гдѣ бы затерянные среди чуждой религии и языка русскіе въ молитвѣ ко Всевышнему исполнили религиозный завѣтъ своихъ отцовъ и укрѣпили бы дѣтей своихъ въ правилахъ Православной вѣры.

Послѣ сооруженія храма въ Плоцкѣ въ 70 годахъ возникаетъ мысль объ устройствѣ Русской публичной библиотеки.

Первая попытка къ осуществленію этой мысли предпринята была бывшимъ соѣтникомъ Плоцкаго Губернскаго Правленія Н. Н. Клириковымъ, но вслѣдствіе отсутствія денегъ дѣло это подвигалось туда, и лишь съ 1881 г. библиотека была открыта. Благодаря теплому содѣствію бывшаго тогда плоцкимъ губернаторомъ Толстого, для библиотеки было отведено въ стѣнахъ Губернскаго Правленія бесплатное помѣщеніе съ отопленіемъ, пожертвованы книги, а также начали поступать русскія періодическія изданія и газеты въ обмѣнъ на „Плоцкія Губернскія Вѣдомости“. Въ 80 годахъ библиотека значительно пополнилась книгами, пожертвованными разными лицами, въ числѣ коихъ были варшавскіе генераль-губернаторы П. П. Альбединскій и фельдмаршалъ Гурко. Кроме того, съ 1884 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ исходатайствована ежегодная правительственная субсидія библиотекѣ въ размѣрѣ 300 руб. При основаніи библиотеки капиталъ ея равнялся лишь 620 руб. 53 коп., между тѣмъ какъ къ 1-му января 1903 года въ библиотекѣ числилось книгъ и періодическихъ изданій 2.102 въ 4.722 томахъ на сумму 6.612 руб. 1 коп. Членовъ состояло 47; мѣсячныхъ подписчиковъ 24. Въ настоящее время эта библиотека—самая обширная и самая лучшая въ гор. Плоцкѣ.

Огромно культурное значеніе этого скромнаго учрежденія! Почти вѣтъ ни одного изъ членовъ русскаго мѣстнаго общества, который бы не пользовался этой библиотекой. Почти каждый вечеръ здѣсь можно въ читальнѣ встрѣтить и русскаго священника, и чиновника, и отставнаго военнаго, и усскаго купца.

Помимо этой библиотеки въ городѣ почти невозможно достать русскую газету или журналъ, за исключеніемъ ограниченного количества №№ Варшавскаго Дневника, имѣющаго значеніе официального русскаго печатнаго органа въ Привислии. Но при постоянно увеличивающемся приливѣ въ этотъ край русскихъ людей, при возрастающей все болѣе и болѣе въпольской интелигенціи потребности въ русской книгѣ благодаря возникновенію общихъ государственныхъ, экономическихъ и научныхъ интересовъ, Русская публичная библиотека требуетъ пополненія путемъ выписки большаго количества книгъ и журналовъ, которое при ограниченныхъ средствахъ библиотеки не можетъ быть осуществлено.

Остается разсчитывать на помощь извѣнѣ, изъ далекой родины, отъ отцовъ, братьевъ, дѣдовъ, родичи коихъ—скромные, незамѣтные труженики въ тиши дѣлаютъ свое маленькоѣ дѣло, способствуя проведенію въ жизнь на этой далекой окраинѣ общегосударственныхъ задачъ и интересовъ. Поэтому всякое пожертвование на библиотеку деньгами или книгами, какъ насыщна необходимость для русскаго здѣшняго населенія, было бы принято здѣсь съ признательностью.

II.

(Чиновники особыхъ порученій при плоцкомъ губернаторѣ Полетика).

КНЯГИНА Д. Х. ЛИВЕНЬ

И ЕЯ ПЕРЕПИСКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ.

II¹⁾.

Участіе Кн. Ливенъ въ политическихъ вопросахъ.—Ея сочувствіе къ грекамъ.—Письма къ брату А. Х. Бенкendorфу.—Положеніе Россіи и Англіи передъ турецкой воиною 1828—1829 г.г.

Д

исьма княгини Ливенъ, относящіяся къ первымъ годамъ, прожитымъ ею въ Англіи, не представляютъ особеннаго интереса; молодая женщина ограничивается въ нихъ передачею разныхъ мелкихъ эпизодовъ своей свѣтской жизни, своихъ свѣтскихъ успѣховъ, даетъ только краткія характеристики лицъ, съ которыми она сталкивалась въ великосвѣтскихъ салонахъ Лондона, и только изрѣдка, вскользъ касается политики и внутренней жизни Англіи, которая мало интересовали ее въ то время, когда она была еще очень молода.

Но четырнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ Англіи въ близкомъ со-прикосновеніи со всѣмъ, что было въ ней выдающагося, воспитали ея умъ и сужденіе, а съ 1818 г., подъ вліяніемъ ея знакомства и сближенія съ такимъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ, каковъ былъ Меттернихъ, она начала интересоваться политикой и съ годами все болѣе и болѣе увлекалась ею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обжавшись въ Англіи, она привязалась къ этой странѣ и, по мѣрѣ сближенія съ ея государственными людьми, начала интересоваться ея внутренней жизнью, общественными дѣлами и даже

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1903 г.

принимать въ нихъ своими интригами до извѣстной степени активное участіе, поэтому ея переписка пріобрѣтаетъ съ годами значительный интересъ; въ ней постепенно обрисовываются совершенно определено характеръ и политические взгляды, этой умнѣйшей и тактичнѣйшей женщины дипломата, которымъ придавали значеніе такие, напримѣръ, выдающіеся люди Англіи, какъ лордъ Грей, бывшій въ теченіе десяти лѣтъ членомъ оппозиціи и четыре года главою кабинета, съ которымъ Ливенъ состояла, какъ мы уже знаемъ, съ 1823 г. въ постоянной перепискѣ. Обнародованная въ Лондонѣ въ 1880 г., эта переписка составила три объемистыхъ тома.

Въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія Европа была свидѣтельницей весьма важныхъ политическихъ событий; въ Греціи началась война за независимость, которая привела къ вмѣшательству державъ и къ русско-турецкой войнѣ; въ Португалии происходила ожесточенная борьба за обладаніе престоломъ, которая также вызвала постороннее вмѣшательство; происходили волненія и въ другихъ странахъ.

Всѣхъ этихъ событий, которые представляли не мало заботъ для дипломатіи, Ливенъ касалась въ своихъ письмахъ къ брату и къ лорду Грею, не ограничиваясь одною передачею фактовъ, но высказывая въ нихъ свои сужденія и внося въ свои отзывы ту страсть, которая была отличительной чертою ея характера; конечно, она могла ошибаться въ своихъ приговорахъ, но ея заключенія всегда интересны. Высказываемыя ею догадки и предположенія зачастую оправдывались событиями, и это служить доказательствомъ того, что она была хорошо освѣдомлена и вѣрно судила о настроеніи общества и правящихъ сферахъ.

Достигнувъ того возраста, когда личные успѣхи и увлеченія отошли на второй планъ (въ 1826 году Ливенъ было уже 40 лѣтъ), она, какъ натура страстная и увлекающаяся, предалась всею душою политикѣ, которая отнынѣ сдѣлалась ея страстью до такой степени, что ея политические взгляды и симпатіи вліяли даже на ея личныя отношенія и отзывы. Величие и блескъ Россіи и ея монарха, передъ возвышеннымъ характеромъ котораго она преклонялась, сдѣлались ея кумиромъ, и она не щадила въ своихъ опѣнкахъ тѣхъ лицъ, которыхъ она ранѣе превозносila, если они, по ея мнѣнію, дѣйствовали во вредъ Россіи.

Такая судьба постигла ея отношеніе къ Меттерниху. Лѣбопытно отмѣтить, что пока она была предметомъ всѣхъ ея думъ и мечтаний, пока она вела съ нимъ интимную и страстную переписку, она старательно избѣгала всякаго упоминанія о немъ въ своихъ письмахъ,

словно боясь выдать себя и показать, чѣмъ былъ для нея этотъ человѣкъ.

Но когда годы и разлука ослабили ея чувства къ нему, когда послѣ Веронского конгресса между ними произошелъ окончательный разрывъ, и она убѣдилась, съ теченiemъ времени, что политика Меттерниха была направлена противъ Россіи, то она стала безпощадна въ своихъ отзывахъ о немъ и не жалѣла яда, чтобы изобразить его въ самыхъ черныхъ краскахъ, и онъ также не могъ безъ злости и горечи упоминать о ней.

Подобная же участь постигла, какъ увидимъ, и ея отношенія къ герцогу Веллингтону; такимъ образомъ въ болѣе зрѣлыхъ годахъ отношеніями Ливенъ къ людямъ и къ политическимъ дѣятелямъ, въ особенности, руководило отношеніе этихъ людей къ Россіи; эта особенность составляла характерную черту Ливенъ, которую необходимо отмѣтить.

Какъ припомнить, вскорѣ по возвращенію императора Николая Павловича, супругъ княгини Ливенъѣздилъ въ Петербургъ, откуда онъ вернулся горячимъ поклонникомъ молодаго императора.

Вскорѣ по возвращеніи князя, въ августѣ мѣсяцѣ 1826 г., Ливены перѣѣхали въ Брайтонъ, гдѣ находился въ то время англійскій министръ иностраннѣній дѣль, Каннингъ, съ которымъ нашъ посланникъ долженъ былъ обсудить подписанный въ апрѣль мѣсяцѣ того же года въ Петербургѣ герцогомъ Веллингтономъ, съ одной стороны, Нессельроде и княземъ Ливеномъ, съ другой, протоколъ, который Англія, совмѣстно съ Россіей, намѣрена была представить Портѣ по дѣламъ Грекіи.

Для обсужденія этихъ дѣлъ и дальнѣйшаго образа дѣйствій державъ по отношенію къ Грекіи и Турціи еще покойнымъ императоромъ Александромъ I была созвана въ Петербургѣ конференція, результатомъ которой и былъ вышеупомянутый протоколъ.

Дѣлая предположенія относительно возможныхъ событій ближайшаго будущаго, Ливенъ писала своему брату 6-го (18-го) января 1827 г. изъ Брайтона:

«Мы находимся тутъ потому, что министръ иностраннѣній дѣль здѣсь.

«Такъ какъ Брайтонъ не нравится нашимъ коллегамъ въ такой степени, какъ намъ, и они не предвидѣли, что Каннингъ будетъ тутъ то они не имѣли уважительнаго предлога переселиться сюда; это дѣлаетъ наше пребываніе здѣсь еще болѣе пріятнымъ. Сюда вскорѣ ожидаютъ короля. Такимъ образомъ мы пробудемъ здѣсь до начала засѣданій парламента.

«Испанія дѣлаетъ шаги, одинъ нелѣпѣе другаго; это придаетъ смѣлость португальскимъ инсургентамъ, такъ что войска королевы-пра-

вительницы скоро не будутъ въ состояніи дать имъ отпоръ. Тогда Англія сочтеть своевременнымъ вмѣшаться въ дѣла Португаліи и, слѣдовательно, должна будеть воевать съ Испаніей, которая занята въ настоящее время французскими войсками. Такимъ образомъ двѣ націи-соперницы очутятся лицомъ къ лицу, и хотя французскій кабинетъ будеть держать себя, быть можетъ, вполнѣ корректно, но кто предугадаетъ, къ чѣму можетъ привести это столкновеніе въ будущемъ? Сознаюсь, что все это только одни мрачныя предположенія съ моей стороны; хотя я рѣдко вижу вещи въ черномъ цветѣ, но въ настоящую минуту все кажется мнѣ подернутымъ черной завѣсой.

«Смерть герцога Іоркскаго (скончался 5-го января нов. ст. 1827 г.) составляетъ для Англіи событие необычайной важности; ея армія лишилась лучшаго изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ главнокомандующихъ; король потерялъ въ немъ вѣрноподданнаго и преданнаго друга и совѣтника, а главное, Великобританія лишилась въ немъ наслѣдника престола и человѣка всѣми уважаемаго».

«Г. Каннингъ опасно боленъ,—писала княгиня двѣ недѣли спустя (письмо изъ Брайтона 27-го января (8-го февраля) 1827 г.),—и весьма возможно, что онъ не остается живъ. Многіе радуются этому, но я не принадлежу къ числу этихъ лицъ. Это человѣкъ богато-одаренный и честный.

«Онъ вовсе не якобинецъ, это единственный членъ англійского кабинета, который относится къ Россіи хорошо, даже очень хорошо. Онъ противникъ австрійской политики и враждебенъ Турціи.

«Съ другой стороны, нельзя не пожалѣть о неосторожности его рѣчей. Человѣкъ, который увлекается тщеславiemъ и успѣхомъ до такой степени, что придаетъ своимъ словамъ значеніе, которое не согласуется съ его намѣреніями, не есть государственный человѣкъ. Я сожалѣю обѣ этомъ, но мы имѣемъ поводъ любить Каннинга, и поэтому всѣ остальные соображенія не особенно вліяютъ на меня.

«Засѣданія парламента возобновились; не знаю, что будетъ, если и возникнетъ какой-нибудь важный вопросъ, такъ какъ Каннингъ, если онъ даже поправится, долго еще не будетъ въ состояніи заниматься дѣлами.

«Я надѣюсь, что безъ него не будутъ затронуты ни вопросы иностранной политики, ни вопросы, касающіеся католической церкви.

«Въ дипломатіи наступило полное затишье; мой мужъ останется въ Брайтонѣ до выздоровленія Каннинга. Король также пробудетъ здѣсь еще несколько недѣль.

«Прошу васъ передать графу Нессельроде, что мои чувства къ нему неизмѣнны, хотя я и не пишу ему; я чувствую, что мои письма наскучили ему. Скажите ему, что насъ уважаютъ, насъ боятся и что

всѣ признаютъ, что Европѣ приходится имѣть дѣло съ кабинетомъ, который умѣеть поддержать свое достоинство и свои желанія. Такъ и надобно, чтобы смотрѣли на Россію Меттернихъ и Каннингъ по-прежнему искренно ненавидѣть другъ друга¹); первый не можетъ переварить нашей дружбы съ Англіей; это не по вкусу и многимъ другимъ; что касается меня, то я вижу въ этомъ новое доказательство пользы нашего сближенія».

Англійскимъ кабинетомъ управлялъ въ то время малоспособный лордъ Ливерпуль.

Въ концѣ февраля 1827 г. въ Лондонѣ стало извѣстно, что онъ безнадежно боленъ и лежитъ, разбитый параличомъ. Возникъ вопросъ, кто будетъ первымъ министромъ Англіи?

«Это вопросъ одинаково важный для внутренней и для вѣнчаной политики Англіи²), обѣ партіи ведутъ дѣятельную борьбу, но, по всей вѣроатности, победа будетъ ие на сторонѣ оппозиціи.

«Вчера Каннингъ возвратился въ Лондонъ, онъ поправляется, но еще слабъ. Мы остаемся здѣсь еще нѣсколько дней, но вернемся въ городъ къ рѣшительному моменту, который, какъ всѣ полагаютъ, настанетъ не позже будущей недѣли. Извѣстія, получаемыя изъ Португалии, хороши въ томъ смыслѣ, что войска королевы-регентши нанесли пораженіе инсургентамъ и оттѣснили ихъ за границу, но съ другой стороны дурно, что эти инсургенты, отъ которыхъ надѣялись окончательно отдѣлаться, оттѣснивъ ихъ въ Испанію, где ихъ предполагали обезоружить, появляются вновь съѣзж-обмундированные и вооруженные. Это исторія Антея, который пріобрѣталъ новыя силы всякий разъ, какъ онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ матерью-землею. Но эта игра не можетъ продолжаться безконечно; и терпѣнію, какъ и всему вообще, бываетъ конецъ».

«Здѣсь (въ Лондонѣ) всѣхъ интересуетъ³) теперь вопросъ о томъ, кто будетъ первымъ министромъ на мѣсто лорда Ливерпуля».

Въ числѣ кандидатовъ называли Пилля, Батюрста, Веллингтона и Каннинга. Пилль и Веллингтон не хотѣли виги, противъ Каннинга былъ король и тори.

«Мое мнѣніе,—писала Ливенъ,—что его мѣсто займетъ Каннингъ, но, разумѣется, до послѣдней минуты нельзѧ ничего сказать навѣрное».

¹) Каннингъ, считая главною задачею своей политики миръ и спокойное развитіе культурныхъ силъ Англіи, впервые поставилъ на твердую почву политику невмѣшательства, главнымъ актомъ которой былъ выходъ Англіи изъ Священнаго Союза, чѣдѣ и было причиною непримирамъ вражды къ нему Меттерниха.

²) Письмо Ливенъ къ брату отъ 17-го февраля (1-го марта) 1827 г.

³) Письмо 4-го (16-го) марта 1827 года.

Она судила въ этомъ случаѣ, какъ показало время, правильнѣе нѣкоторыхъ государственныхъ людей Англіи; между прочимъ, Грэй, съдившій съ интересомъ за борьбою партій, которая происходила въ Лондонѣ, изъ своего деревенскаго уединенія (онъ жилъ въ это время не удаляясь въ свое мѣсто имѣніи Гоуикъ), обращаясь къ нашей посланницѣ съ просьбою сообщить ему о перипетіяхъ этой борьбы и о ея предположеніяхъ о томъ, кому будетъ поручено сформировать кабинетъ, писалъ:

«Какой будетъ результатъ ссоры нашихъ кошекъ и собакъ... Кто въ этомъ случаѣ будетъ премьеромъ? Я утверждаю: только не Каннингъ».

Исполнная просьбу лорда, Ливенъ отвѣчала ему 5-го (17-го) марта:

«Я сообщу вамъ, что говорятъ, затѣмъ скажу то, что знаю, и, наконецъ, то, что я думаю».

«Говорять, что крайніе торіи питають большія надежды. Они желаютъ удалить Каннинга и самимъ управлять. Лордъ Лодердалль, какъ передаютъ, убѣждаетъ даже ториевъ въ томъ, что у нихъ есть всѣ способности для подобнаго дѣла, въ особенности, если только они изберутъ его (т. е. Лодердалля) своимъ главою.

«Я знаю, что король не сообщалъ еще своихъ желаній на этотъ счетъ никому изъ своихъ министровъ. Вопросъ будетъ обсуждаться въ теченіе праздниковъ Пасхи. Каннингъ относится къ этому спокойно и пассивно; герцогъ Веллингтонъ остается невозмутимъ и совершенно безпристрастнымъ.

«Я думаю, что управлѣніе не можетъ идти далѣе впередъ безъ Каннинга, и что онъ останется или главою кабинета, или руководящимъ геніемъ правительства».

Ливенъ не только была всепрѣло на сторонѣ Каннинга, но употребила свое влияніе на короля, чтобы добиться его назначенія.

Различіе взглядовъ Грэя и Ливенъ относительно Каннинга вытекало изъ противоположнаго пониманія и оцѣнки его внешней политики. Какъ известно, главная заслуга и особенность его иностранной политики заключалась въ томъ, что онъ разорвалъ связи съ традиціями Священнаго Союза, и въ противоположность Кэстлри и Веллингтону отрѣшился отъ рабскаго подчиненія Меттерниху и былъ въ своей политикѣ его противникомъ. Въ этомъ смыслѣ и надо было понимать слова княгини Ливенъ, когда она называетъ Каннинга «искреннимъ другомъ Россіи». Каннингъ оказывалъ нравственную и материальную помошь грекамъ и привѣтствовалъ образованіе самостоятельныхъ государствъ въ Южной Америкѣ. Грэй не вѣрилъ въ освободительный начала политической системы Каннинга; для него Каннингъ являлся политическимъ авантюристомъ, узурпаторомъ, присвоившимъ себѣ защиту политической свободы — это наслѣдие аристократическихъ фамилій Англіи.

Ливенъ же вѣрила въ искренность убѣждений Каннинга и уважала его способности.

Предсказания русской посланницы оправдались. 10-го апрѣля того же года король поручилъ Каннингу составить кабинетъ.

Въ своемъ преклоненіи передъ этимъ государственнымъ дѣятелемъ Ливенъ выражается снисходительно о королѣ, котораго она въ глубинѣ души презирала, но которому ставила въ заслугу то, что онъ далъ власть Каннингу.

«Король пользуется прекраснымъ здоровьемъ, онъ наслаждается своимъ красивымъ и оригинальнымъ павильономъ¹), хорошимъ столомъ, своей трескучей музыкой и своей толстой маркизой²), которая уже немнога прискучила ему. Мы обѣдали на-дняхъ у него съ министрами, которыхъ онъ не видалъ уже два мѣсяца, даже герцога Веллингтона».

«Когда король назначилъ Каннинга премьеромъ, то Каннингъ предложилъ своимъ бывшимъ сотоварищамъ остаться на ихъ постахъ; въ отвѣтъ на это они всѣ подали въ отставку. Парламентъ одобряетъ назначеніе Каннинга, но торіи-аристократы возмущены этимъ, и всѣ высшіе придворные и правительственные чины выходятъ въ отставку. Герцогъ Веллингтонъ подалъ къ тому примѣръ, отказавшись отъ званія главнокомандующаго.

«Кабинетъ не можетъ быть составленъ окончательно ранѣе, чѣмъ черезъ нѣсколько дней, но изъ кого бы Каннингъ его ни составилъ, онъ уже придалъ своему министерству болѣе умѣренный тонъ, который одобряется большинствомъ.

«Король весьма опечаленъ всѣмъ происходящимъ; твердость, выказанная имъ въ этомъ случаѣ, заслужила ему сочувствіе страны. Я не одобряю крайней нетерпимости, выказанной въ этомъ случаѣ фельдмаршаломъ, и считаю недостойнымъ съ его стороны еще болѣе увеличивать затруднительное положеніе короля и правительства».

Перемѣна министерства дала Ливенъ случай высказать довольно рѣзкое сужденіе о политическихъ дѣятеляхъ Англіи.

«Борьба партій здѣсь въ полномъ разгарѣ, — писала она³); — положеніе Каннинга весьма затруднительно. Оппозиція многочисленна, въ ней много людей съ именемъ и богатыхъ, но, къ счастью, нѣть людей талантливыхъ; однимъ словомъ, все это люди довольно ограниченные. На его сторонѣ всѣ способные люди, которые держать себя доступно, умѣренно и честно. Здѣсь никогда еще не разыгрывалось

¹) Домъ, построенный въ Брайтонѣ.

²) Фаворитка короля, маркиза де-Коннингамъ.

³) Письма къ А. Х. Бенкендорфу 7-го (19-го) апрѣля и 8-го (20-го) мая 1827 г.

такой комедіи, какъ въ настоящее время. Смѣшино сказать, что въ Англіи существуютъ политические дѣятели—это неправда. Здѣсь есть только люди, желающіе сохранить свои мѣста, и другіе люди, желающіе занять ихъ. Въ сущности здѣсь только и существуютъ эти двѣ партіи. Они приоравляютъ свои принципы къ обстоятельствамъ, и поэтому нѣть никакого повода бояться слова «радикаль» точно такъ же, какъ нѣть причинъ гордиться названіемъ «крайняго торія». Физіономія человѣка опредѣляется занимаемымъ имъ мѣстомъ, а не сущностью дѣла; въ настоящую минуту мы склоняемся на сторону виговъ, а немногого по-года мы и совсѣмъ будемъ вигами. Герцогъ Девонширскій принималъ большое участіе въ этихъ интригахъ и сплотилъ обѣ партіи. Лордъ Морпетъ (Morpeth), столь прославившійся въ Москвѣ своими танцами, будетъ, вѣроятно, играть видную роль. Лордъ Герфордъ ёдетъ въ іюнь мѣсяцѣ въ Петербургъ¹⁾. Онъ задается тщеславнымъ желаніемъ окружить себя еще болѣшимъ блескомъ, нежели герцогъ Девонширскій. Не знаю, какъ это ему удастся. Михаилъ Воронцовъ все еще здѣсь, точно такъ же, какъ Станиславъ Потоцкій. Послѣдній ёсть и танцуетъ, а первый дѣлаетъ визиты, толкуетъ обѣ англійской политикѣ и веселится».

Выходъ герцога Веллингтона изъ состава кабинета, когда главою его былъ назначенъ Каннингъ, вызвалъ, какъ мы видимъ, крайнее неодобреніе Ливенъ; съ этихъ поръ ея отзывы о немъ становятся все болѣе и болѣе враждебны, и нападки учащаются; со временемъ она будетъ произносить имя этого человѣка, котораго она называла нѣкогда « вполнѣ достойнымъ» и «благороднѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ», не иначе, какъ съ насмѣшкою и озлобленіемъ. Она не могла простить ему того, что онъ былъ противникомъ политики Каннинга, принималъ сторону Турціи противъ Россіи и былъ послѣдователемъ враждебной Россіи политики Меттерниха.

Отказавшись отъ званія главнокомандующаго, Веллингтонъ, который самъ былъ однимъ изъ кандидатовъ въ премьеры, повелъ энергичную борьбу съ Каннингомъ и довелъ свою безцеремонность въ этой борьбѣ до того, что онъ осуждалъ тѣ мѣры правительства, за которыхъ онъ подавалъ голосъ, когда былъ министромъ.

«Герцогъ Веллингтонъ продолжаетъ относиться въ намъ (т. е. къ Россіи) враждебно,—писала Ливенъ 23-го мая (5-го іюня) 1827 г.,—онъ

¹⁾ Маркизъ Герфордъ былъ назначенъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1827 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Петербургъ для поднесенія императору Николаю I ордена подвязки. Когда былъ поднятъ вопросъ о поднесеніи императору этого ордена, то Каннингъ писалъ лорду Ливерпулю, что лично онъ противъ этого, но что придется послѣдовать примѣру Франціи. (Каннингъ—Ливерпулю 25-го апрѣля 1826 г.)

этимъ очень повредилъ своей репутаціи. Его поведеніе дурно, коварно и принесетъ вредъ странѣ. Цѣль, которую онъ преслѣдуется открыто.—Это поставить въ затруднительное положеніе своего противника и свергнуть его. Но Каннингъ останется у власти. Король видимо рѣшилъ поддержать его, и вотъ случай, когда король можетъ многое сдѣлать въ Англіи»

Въ то время, къ которому относятся приведенные выше письма княгини Ливенъ, борьба за независимость, которую греки вели уже въ теченіе семи лѣтъ, съ перемѣнами съчастіемъ, имѣя на своей сторонѣ симпатій Россіи и Западной Европы, вступила въ новый фазисъ.

Послѣ побѣдъ, одержанныхъ надъ турками предводителями греческихъ повстанцевъ, Колокотрони и Мавромихали, положеніе грековъ сдѣлалось опаснымъ, когда Ибрагимъ-паша, сынъ Ал-и-паші египетскаго высадился въ Морей (1825), завоевалъ ее и опустошилъ страшнымъ образомъ. А когда, наконецъ, въ августѣ 1826 г., Решидъ-паша взялъ штурмомъ Аѳину, то великія державы: Англія, Франція и Россія рѣшили вмѣшаться въ дѣла Гречіи. Австрія держала сторону Турціи, и Меттернихъ, съ самаго Веронскаго конгресса (1822 г.), протестовалъ противъ «безумной» и революціонной политики державъ и, какъ обыкновенно полагаютъ, поощрялъ Порту не обращать вниманія на требование греками автономіи и противиться совмѣстному давленію Россіи и западныхъ державъ. При его поддержкѣ турки чувствовали себя достаточно сильными, чтобы не уступить.

Передъ вмѣшательствомъ державы сочли нужнымъ определить свои дальнѣйшія дѣйствія предварительно международнымъ актомъ, но интриги, коими сопровождалась перемѣна министерства въ Англіи, и послѣдовавшая за этимъ болѣзнь Каннинга задержали обсужденіе вопроса. Однако 24-го іюня (6-го июля) 1827 г. въ Лондонѣ была, наконецъ, подписана конвенція, въ которой было решено настаивать на немедленномъ заключеніи перемирія между Портсомъ и греками; она была предъявлена Порту 4-го (16-го) августа, ровно не дѣлю спустя послѣ кончины Каннинга, который былъ душою этого соглашенія.

Уже въ концѣ іюля Каннингъ былъ при смерти. Его болѣзнь вызвала со стороны Ливенъ, которая такъ высоко цѣнила и уважала его слѣдующія глубоко прочувствованныя строки къ Грею ¹⁾.

«Въ то время, какъ я пишу, быть можетъ, Каннингъ покинулъ этотъ міръ. Я думала, хотя и не увѣрена, въ томъ, что вы, не смотря на различіе политическихъ взглядовъ, пожалѣете о жизни человѣка, столь даровитаго и преждевременно угасшаго. У него было доброе сердце. Его недруги воспояютъ побѣдный гимнъ. Было бы смѣшино, если бы и вы примишли участіе въ этомъ хорѣ».

¹⁾ Письмо отъ 26-го іюля (7-го августа) 1827 г.

На другой день послѣ того, какъ были начертаны эти строки, 27-го іюля (8-го августа), Каннинга не стало.

«Мы лишились Каннинга,—писала Ливенъ брату¹), сообщая о его кончинѣ,—я говорю «мы» потому, что его утраты въ самомъ дѣлѣ касается насть лично, помимо тѣхъ крупныхъ интересовъ, которые будуть затронуты этимъ событиемъ. Я говорю также «мы», какъ русская, такъ какъ онъ былъ искреннимъ другомъ и союзникомъ Россіи. Послѣ него... ну что же поживемъ, увидимъ! Всѣ искренно горюютъ о немъ, даже его враги превозносятъ его теперь, когда его не стало. Въ Англіи быть другаго столь гениальнаго человѣка. Торговый людъ въ отчаяніи, народъ въ слезахъ, всѣ тѣ, кои не раздѣляютъ взглядовъ Меттерниха, въ отчаяніи. Никто не знаетъ, что будетъ дальше, и всѣ высказываютъ самыя мрачныя предположенія. Весьма вѣроятно, что мы вернемся къ старому режиму, хотя это можетъ вызвать только разстройство.

«Передайте мой привѣтъ графу Нессельроде и скажите ему: «Nun wird die Wirthschaft wieder anfangen» (опять заварится каша)».

Смерть Каннинга,—либеральная или, какъ ее называли Меттернихъ и Веллингтонъ,—«безумная революціонная» политика котораго встрѣтила сочувствіе среди либераловъ Европы и Англіи,—вызвала въ нихъ самыя горестныя чувства.

Вскорѣ послѣ кончины Каннинга, въ половинѣ августа 1827 г., въ Лондонѣ прїѣхалъ Каподистрія²), избранный правителемъ Гречіи. Онъ прїѣхалъ съ цѣлью заручиться поддержкой англійскаго кабинета на томъ трудномъ и ответственномъ посту, на который его призывало рѣшеніе отечественаго народнаго собранія.

Такое обращеніе къ Англіи со стороны Каподистрія было шагомъ вполнѣ естественнымъ. Не сочувствуя демагогическимъ стремленіямъ своихъ патріотовъ, Каподистрія желалъ найти легальную точку опоры для установления будущихъ отношеній Гречіи къ Турціи въ томъ международномъ актѣ, который былъ подписанъ Россіей, Англіей и Франціей въ Лондонѣ 24-го іюля (6-го августа) 1827 г. Онъ однако ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ Англіи, гдѣ онъ уже не засталъ въ живыхъ Каннинга, Каподистрію встрѣтили холодно, ему дали понять, что здѣсь не желали поддерживать русское вліяніе въ Гречіи и что даже отчасти эта цѣль и имѣлась въ виду при заключеніи упомянутаго договора, имѣвшаго задачею предупредить войну между Россіей и Турціей. Въ Англіи не вѣрили въ искренность намѣреній Каподистріи. Напррасно Ливенъ старалась убѣдить Грея, что Каподистрія, какъ горячай и просвѣщенный

¹) Письмо отъ 29-го іюля (10-го августа) 1827 г.

²) Извѣстный русскій и греческій государственный дѣятель, р. 1776 г., умеръ въ 1831 г.

патріотъ, имѣть въ виду прежде всего интересы своего отечества. Грэй скептически относился къ увѣреніямъ княгини и выражалъ лишь одно желаніе видѣть Грекію независимою. Питая платонической симпатія къ грекамъ и презрѣніе къ туркамъ, Грэй былъ противникомъ рѣшительныхъ мѣръ, въ особенности, если бы таковы исходили отъ петербургскаго кабинета.

По смерти Каннинга не успѣли разыграться интриги, происходившія при назначеніи его главою кабинета, такъ какъ король немедленно ввѣрилъ кабинетъ лорду Годричу, при которомъ герцогъ Веллингтонъ снова занялъ постъ главнокомандующаго.

Управлѣніе Годрича отличалось нерѣшительностью, и онъ не долго удержался у власти. «Мы не принимаемъ здѣсь никакихъ рѣшений, наами руководить робость и осторожность,—писала Ливенъ 8-го (20-го) октября 1827 г. брату;—нельзя осуждать за это министерство, такъ какъ его положеніе затруднительно. Я надѣюсь на ходъ событий, который восторжествуетъ надъ всякой осторожностью. Министерство будетъ вынуждено предпринять что-нибудь, если турки будутъ по-прежнему поступать, какъ глупцы и ихъ патронъ Меттернихъ также. Я пришла къ убѣждѣнію, что Меттернихъ—человѣкъ умный, умеръ, ибо въ его поведеніи нѣтъ ни капли ума.

«Кабинетъ и всѣ его члены держатся такихъ политическихъ принциповъ, которые вполнѣ соответствуютъ нашимъ желаніямъ, ибо они ненавидятъ Австрію.

«Мысль о Португалии преслѣдуется министровъ даже во снѣ; въ настоящее время они ни о чёмъ болѣе не думаютъ, они боятся относительно ея какой-нибудь коварной продѣлки Меттерниха.

«Герцогъ Веллингтонъ относится ко мнѣ холодно. Онъ не можетъ простить мнѣ того, что я предпочла ministra, дружески расположеннаго къ грекамъ, ministру, сочувствовавшему туркамъ. Король возвратилъ герцогу его постъ, но не свою благосклонность, ибо со временемъ назначенія главнокомандующимъ онъ видѣлъ короля не болѣе получаса.

«Королю не нравятся его дружественные отношенія къ крайнимъ торіямъ. Въ настоящее время герцогъ ведетъ особенную дружбу съ австрійскимъ посланникомъ».

Во время министерства Годрича державы, руководствуясь постановленіями лондонскаго договора, предъявили Турціи требованіе предоставить Грекіи самостоятельность, на началахъ вассальной зависимости, а когда султанъ отвѣталъ на это требованіе высокомѣрнымъ отказомъ и Ибрагимъ-паша, получивъ подкрепленіе изъ Египта, получилъ приказаніе разорить Морею, то союзный флотъ вступилъ въ Наваринскую бухту и адмиралы предложили Ибрагимъ-пашѣ прекратить его враждеб-

иная дѣйствія. Его отказъ повелъ къ битвѣ, въ которой турецко-египетскій флотъ былъ совершенно истребленъ.

При извѣстіи о гибели турецкаго флота, которое произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе, въ Англіи мнѣнія раздѣлились; одни выражали желаніе, чтобы адмиралу Кодрингтону быть сдѣланъ строгій выговоръ за то, что онъ нарушилъ миръ съ Турціей; другіе хотѣли, чтобы Россія одна дала Грекіи независимость; иные склонялись къ тому, чтобы дозволить союзному флоту продолжать начатыя имъ дѣйствія.

Въ лондонскомъ обществѣ многіе говорили открыто, что совпаденіе прибытія русскаго адмирала съ началомъ непріязненныхъ дѣйствій не было случайностью и что политика Россіи клонилась къ тому, чтобы поссорить окончательно Великобританію съ Турціей и этимъ воспользоваться. Это логически приводило къ заключенію, что избеніе грековъ, вызвавшее вмѣшательство союзного флота, было дѣломъ интригъ Россіи; наконецъ, иные утверждали, что воинственное настроеніе Турціи поощрялось въ тайнѣ Австріей.

Къ числу этихъ лицъ принадлежала княгиня Ливенъ, которая съ восторгомъ привѣтствовала извѣстіе о побѣдѣ, одержанной надъ Турціей.

«Да здравствуеть Наварино!—восклицала она ¹⁾,—мы въ восторгѣ, англійское правительство нѣсколько напугано, а французское недовольно. Что касается Австріи, то, само собою разумѣется, она взбѣшена и взволнована. Англійская публика кичится этимъ дѣломъ; потопленіе и сожженіе судовъ и убийства—во вкусѣ англичанъ. Народъ не задумывается о причинахъ этого событія. Оппозиція выражаетъ неудовольствіе и спрашиваетъ: по какому праву это сдѣлано.

«Мы играемъ въ руку Россіи, которая одна извлечетъ изъ этого выгода, говоритъ она; наши министры неспособны, мы думаемъ, что Россія проведеть ихъ». Другіе говорятъ: «Мы хотѣли бы знать, по крайней мѣрѣ, что достанется на нашу долю. Для Англіи безуміе сражаться изъ-за чувствъ; что намъ греки? Турки всегда были нашими вѣрными союзниками».

«Король согласенъ со мною, что наваринское сраженіе дѣло рукъ Меттерниха. Онъ довѣряетъ императору (Николаю) и вѣрить въ его честность».

Грей, узнавъ о Наваринской битвѣ, выразилъ свое сожалѣніе по поводу этого событія. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ взглядъ торіевъ, называвшихъ наваринское дѣло «прискорбнымъ событіемъ».

Въ то время какъ въ Англіи кабинетъ Годрича колебался, не зналъ, какой держаться политики, и хотѣлъ отложить решеніе до тѣхъ поръ, пока не будутъ получены отъ Кодрингтона болѣе точныя извѣстія.

¹⁾ Письмо А. Х. Бенкендорфу 4-го (16-го) ноября 1827 г.

Франція выразила согласіе на то, чтобы Россія заняла Придунайскія княжества и оказала давленіе на Порту.

«Наши дѣла въ Парижѣ идутъ отлично,—пишетъ Ливенъ 5-го (17-го) декабря 1827 г.,—наши друзья и враги поражены этимъ; очевидно, что и тѣ и другіе порядкомъ боятся насъ.

«Я писала вамъ въ свое мѣсто послѣдніемъ письмѣ о толкахъ насчетъ вѣроятныхъ послѣдствій Наваринскаго сраженія. Съ тѣхъ порь эти толки постоянно возрастають. О Греціи говорять мало, всѣ говорятъ о Россіи, и только о Россіи, и по открытии парламента на насъ посыпется цѣлый градъ браніи; т. е. министрамъ придется выслушать, что они глупы, такъ какъ они вѣрятъ нашимъ словамъ и нашимъ увѣреніямъ. Все это входить въ тактику оппозиціи, а министры спрягаютъ тѣмъ временемъ глаголь «дрожать».

«Лордъ Грей, самый грозный изъ членовъ оппозиціи, пощадить насъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ. Я дѣлаю все возможное, чтобы привлечь его на нашу сторону: всѣ мои доводы сводятся къ той истинѣ, что «вы не можете помѣшать нашему могуществу; примкните же къ намъ, выказавъ полное довѣріе къ прямотѣ императора; это—струна, на которой вы всегда можете играть съ успѣхомъ; поэтому нѣть повода къ боязни».

«Меттернихъ упалъ въ мнѣніи общества такъ низко, какъ нельзя было ожидать. Его интриги въ Константинополѣ не составляютъ уже ни для кого тайны, и онъ проявилъ въ нихъ такъ много злобы и коварства и сдѣлалъ столько промаховъ, что никто не пытается даже защищать его».

Это письмо еще не было отправлено, какъ въ Лондонѣ произошелъ министерскій кризисъ: первошательный и безхарактерный Годричъ поѣдалъ въ отставку. Его паденіе было для Англіи ближайшимъ послѣдствіемъ Наваринскаго сраженія и ускорилося тѣмъ, что король долженъ былъ дать награды за дѣло, которое кабинетъ не одобрилъ.

Адмиралъ Кодрингтонъ получилъ за него отъ императора Николая Георгіевскій крестъ при собственноручномъ любезномъ письмѣ.

«Адмиралъ Кодрингтонъ писалъ герцогу Кларенсскому и отозвался въ свое мѣсто письмѣ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ о храбрости русскихъ солдатъ и очень дружески объ адмиралѣ Гейденѣ. Герцогъ говорилъ мнѣ,—писала Ливенъ¹),—что братъ и соотечественникъ не могъ бы выразиться теплѣе. Между нами, герцогъ Кларенсскій гордится Наваринскимъ сраженіемъ, но въ душѣ онъ сочувствуетъ туркамъ. Трудно поверить, до какой степени раздѣляютъ его образъ мыслей. Дѣло въ томъ, что они не видаютъ яснаго представленія о восточномъ вопросѣ».

Послѣ выхода въ отставку Годрича въ началѣ 1828 г. король по-

¹) Письмо А. Х. Бенкендорфу отъ 5-го (17-го) января 1828 г.

ручилъ сформировать кабинетъ герцогу Веллингтону, старому знакомому австрійскаго канцлера. Власти достигли такимъ образомъ, по выражению Меттерниха, «любезные торії».

«Какъ я слышу,—писалъ Грей княгинѣ Ливенъ 4-го (16-го) января,—Эстергази (австрійскій посланникъ) сошелъ съ ума отъ радости. Онъ бѣгаєтъ по городу, подобно бѣшеной кошкѣ».

«Герцогъ Веллингтонъ—первый министръ,—писала, въ свою очередь. Ливенъ брату 8-го (20-го) февраля 1828 г.,—герцогъ Веллингтонъ преданъ Австріи. Онъ предпочитаетъ плутни князя Меттерниха честности императора Николая. Прекрасно, но наше положеніе таково, что мы можемъ не тревожиться этимъ. Онъ обязанъ въ точности выполнить конвенцію; онъ долженъ подчиниться этому».

Тотъ фактъ, что лордъ Дудлей, подписавшій лондонскую конвенцію, оставался министромъ иностраннѣхъ дѣлъ, былъ ручательствомъ, что дѣло пойдетъ не такъ, какъ хотѣлось друзьямъ турокъ. Величайшая уступка, сдѣланная этимъ господамъ, заключалась въ томъ, что въ королевской рѣчи, произнесенной при открытии парламента, Наваринская битва была названа «событиемъ совершенно неожиданнымъ для его величества» и было сказано, что онъ «глубоко сожалѣлъ о томъ, что это несчастіе постигло морскія силы бывшаго союзника Англіи».

Между тѣмъ, положеніе дѣлъ обострилось вслѣдствіе появленія гатти-шерифа султана, призывающаго правовѣрныхъ къ оружію, хотя онъ объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что готовъ вести переговоры, но не иначе, какъ при посредствѣ Австріи.

«Въ этомъ разгадка загадки,—писала Ливенъ¹⁾,—Меттернихъ, хотѣть быть хозяиномъ положенія. Но глупы будутъ тѣ, кои поддадутся его интригамъ.

«Единственно, что для меня ясно, это то, что австрійскій кабинетъ винтируетъ. Онъ хочетъ руководить политикой Дивана, чувствуя себя обиженнымъ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ обошлись безъ него; онъ хочетъ отомстить за это и вернуть свое утраченное значеніе».

Послѣ появленія гатти-шерифа посланники великихъ державъ выѣхали изъ Константинополя, и Россія потребовала, чтобы союзники выполнили Лондонскую конвенцію, заявивъ, что, въ противномъ случаѣ, она будетъ дѣйствовать одна. Французское правительство сразу выразило намѣреніе дѣйствовать энергично и блокировать Константинополь. Въ англійскомъ кабинетѣ мнѣнія раздѣлились. Веллингтонъ упорно возставалъ противъ какихъ бы то ни было враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ «бывшему союзнику», и Кодрингтонъ, по его настоянию, былъ отзванъ.

¹⁾ Письмо къ Грею 21-го ноября (3-го декабря) 1827 г.

Хотя княгина Ливенъ и писала, что образъ дѣйствій Англіи ее «не тревожить», но на самомъ дѣлѣ онъ волновалъ ее; вмѣстѣ съ тѣмъ ея враждебное отношеніе къ герцогу Веллингтону усиливалось и проявлялось не только по поводу событий на Востокѣ, но и относительно разныхъ вопросовъ внутренней политики Англіи, которые стояли на оче-реди во время его управлѣнія кабинетомъ. Русская посланница не про-щала Веллингтону того, что онъ былъ противъ политики и видовъ императора Николая, и не упускала случая нанести ему ударъ; она возбуждала противъ кабинета страсти, самолюбія, соперничества, льстила противникамъ ministra, старалась отвлечь отъ него друзей, посыпать раздоръ въ той партіи, которая его поддерживала; однимъ словомъ, ослѣпленная своей злобою, она вышла изъ того безразличія, которое присущивало ея дипломатическому положенію.

По словамъ князя Эстергази, участіе, которое она принимала въ ин-тригахъ противъ англійского кабинета, сослужило хорошую службу цѣлямъ русской политики.

«Она дѣйствовала съ величайшей наглостью,—писалъ Чарльзъ Гре-виль въ іюнѣ слѣдующаго года,—воспользовавшись своимъ вліяніемъ у короля, чтобы вредить министерству Веллингтона. Ея антипатія къ Веллингтону постоянно возростала съ тѣхъ поръ, какъ они пссори-лись въ то время, когда Канингъ достигъ власти; она была тогда очень невѣжлива (*malhonnête*) съ герцогомъ, чтобы добиться расположенія нового ministра въ интересахъ своего двора, которому она сослужила въ этомъ случаѣ хорошую службу,—какъ говорилъ Эстергази».

Интрига противъ Веллингтона и опасаясь противодѣйствія съ его стороны видамъ Россіи и какъ бы желая разсѣять свои опасенія на этотъ счетъ,—Ливенъ писала брату 8-го (20-го) февраля 1828 г.:

«Англія не можетъ предпринять ничего враждебнаго противъ насъ; какой предлогъ могла бы она найти къ тому? Мы не дадимъ ей этого предлога. Да и что она можетъ сдѣлать? Ничего. Сомнительно, чтобы англійскій народъ принесъ жертвы, хотя бы ради вопроса чести: со вре-мени открытия парламента въ общественномъ мнѣніи замѣчается силь-ный поворотъ въ нашу пользу, всѣ ораторы говорили за насъ... Всѣ съ горячностью говорили въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, всѣ восторгаются терпѣніемъ, снисходительностью и умѣренностью импера-тора, всѣ довѣряютъ его слову, и, кромѣ того, англійское правительство не могло забыть, что въ 1792 г. министерство Питта было свергнуто вигами за то, что оно хотѣло поддержать Турцію противъ Россіи ¹).

¹) Ливенъ ошибается: министерство Питта не было свергнуто въ 1792 г., но въ марта мѣсяца 1791 г., во время русско-турецкой войны, Питтъ пред-лагалъ Пруссіи и Голландіи вступиться вмѣстѣ съ Великобританіей и при-нудить Россію заключить миръ. Парламентъ поддержалъ его, но это предло-

За послѣднее время у насъ оказалось нѣсколько достойныхъ друзей; самый полезный изъ нихъ—принцъ Леопольдъ. Трудно повѣрить, съ какой горячностью онъ защищаетъ наши интересы. Мы имѣемъ и другихъ друзей въ кабинетѣ, но ихъ держать въ страхѣ деспотъ Веллингтонъ. Онъ даетъ понять, что онъ глава, а какъ долго онъ будетъ имъ, сказать трудно.

«Какъ бы то ни было, Россія сильна довѣріемъ, которое внушаетъ ея монархъ, и его волей, которая поддерживается всѣмъ ея могуществомъ. Мы можемъ благодарить Бога за то, что Онъ послалъ намъ такого монарха».

«Я хотѣла бы уснуть,—продолжаетъ она,—и узнать, проснувшись, что наши войска уже выступили въ походъ и что они быстро идутъ впередъ»... Возлагая всѣ свои надежды на императора, Ливенъ находила, что честь и достоинство Россія требовали дѣйствовать быстро и энергично, чтобы Европа не могла помѣшать этому своими «интригами и соображеніями».

«Гатти-шерифъ султана и вызовъ, брошенный имъ Европѣ, не произвели на фельдмаршала ни малѣйшаго впечатлѣнія,—писала еще Ливенъ¹⁾—онъ не хочетъ войны, поэтому войны не будетъ. Его упорство и его глупость могутъ причинить не мало зла; тѣмъ хуже для Англіи».

Настойчивость, съ какою Ливенъ постоянно возвращается къ вопросу о событияхъ на Востокѣ, и страсть, съ которой она говоритъ объ этомъ, были до нѣкоторой степени отголоскомъ той борьбы, которая происходила въ правительственныхъ сферахъ Англіи передъ турецкой войною, и рисуетъ состояніе умовъ въ этой странѣ въ тотъ тревожный для дипломатіи моментъ.

«Здѣсь никто не понимаетъ, какихъ взглядовъ держится правительство; одни находятъ его слишкомъ либеральнымъ, другіе—слишкомъ преданнымъ политикѣ Меттерниха, но всѣ недовольны, и всѣ относятся къ нему съ недовѣріемъ».

«Австрія торжествуетъ; настала ея очередь руководить дѣлами; наше положеніе тѣгостно, но хвастовство никогда не можетъ застрашать меня. Я ожидаю событій спокойно; достоинство Россіи въ рукахъ императора, скѣдовательно, оно—въ хорошихъ рукахъ».

«Англія трусить; она боится идти съ нами, боится быть противъ насъ и считаетъ самымъ безопаснымъ держаться золотой середины, положеніе благородное—для насъ оно безвредно, это главное».

женіе испугало всѣхъ, и Питтъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія взялъ назадъ угрозу о вмѣшательствѣ, чтѣ подорвало его репутацію въ Англіи и за границею.

¹⁾ Письмо А. Х. Бенкendorфу 16-го (28-го) февраля 1828 г.

«Англичане, ожидавши чудесъ отъ твердости Веллингтона, убѣждаются мало-по-малу въ томъ, что онъ дѣйствуетъ во всемъ выжидательно ¹⁾».

«Его очень тревожитъ положеніе Франціи; общественное мнѣніе взволновано, оно требуетъ, чтобы правительство приняло участіе въ войнѣ.

«Австрія подталкиваетъ Веллингтона, но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы онъ зашелъ чересчуръ далеко.

«Важное рѣшеніе, принятое нашимъ императоромъ, было громовымъ ударомъ для Веллингтона, на общество оно произвело волшебное дѣйствіе и вызвало только два чувства: съ одной стороны страхъ, съ другой—удовольствіе. Повторяю, на нашей сторонѣ всѣ развитые люди, въ томъ числѣ слѣдуетъ особенно упомянуть о лордѣ Голландѣ. Онъ каѳается въ своихъ прежнихъ ошибкахъ, ничего не хочетъ слышать о Турціи и только выражаетъ желаніе, чтобы она была изгнана изъ Европы. Онъ бытъ бы доволенъ, если бы императоръ дошелъ до Константина и поступилъ бы съ нимъ по своему усмотрѣнію, чтобы Россія имѣла портъ на Средиземномъ морѣ,—онъ преклоняется передъ императоромъ, и ставить его умъ выше всѣхъ его качествъ и стыдится жалкой политики Англіи».

«Я нескончанно рада, что война съ Персіей окончилась ²⁾; вы не можете себѣ представить, сколько страха она возбуждала здѣсь. Они (англичане) уже представляли себѣ, что мы дошли до Индіи.

«Мы все-таки еще имѣемъ нѣсколько друзей въ англійскомъ кабинетѣ (одинъ изъ нихъ лордъ Пальмерстонъ, братъ г. Темпля, повѣренного въ дѣлахъ въ Петербургѣ) и несравненно болѣе въ обществѣ; король также расположенъ къ намъ. Онъ питаетъ лично весьма дружественные чувства къ императору и вполнѣ довѣряетъ его честности.

«Многіе обращались ко мнѣ здѣсь съ вопросомъ, могутъ ли волонтеры участвовать въ нашемъ походѣ. Лордъ Грей, напримѣръ, очень бы хотѣлъ, чтобы его сынъ отправился въ нашу армію.

«Я по истинѣ горжусь тѣмъ, что я русская, и испытываю отъ этого каждый день новое удовольствіе, такъ какъ со мною только и говорять о предпринятомъ нами дѣлѣ, а наша роль въ немъ такъ прекрасна и ясна. Но мнѣ приходитъ зачастую на умъ одно сравненіе. До сихъ поръ мы сражались съ турками, имѣя небольшія арміи и мечтая о большихъ завоеваніяхъ; нынѣ же мы имѣть большую и великолѣпную

¹⁾ Письмо къ А. А. Бенкендорфу 16-го (28-го) марта 1828 г.

²⁾ 28-го февраля 1828 г. Россіей былъ заключенъ миръ съ Персіей.

армію и не преслѣдуемъ никакихъ честолюбивыхъ цѣлей. Это есть истинное величіе.

Франція, рѣшившая принять участіе въ войнѣ, нѣсколько замедлила посылкою войскъ въ Грецію, подъ давленіемъ англійскаго правительства.

«Донесенія французскихъ дипломатовъ, полученные изъ Петербурга, нѣсколько напугали настѣ,—писала Ливенъ 7-го (19-го) мая,—а Веллингтонъ и К° радостно закаркали. Но вслѣдъ затѣмъ была получена декларациѣ, что Россія, оставленная союзниками, будетъ одна настаивать на выполненіи договора, «сообразуясь только со своими собственными интересами и будетъ дѣйствовать такъ, какъ она найдетъ нужнымъ».

«Веллингтонъ въ очень дурномъ настроеніи духа, и не мудрено, ему придется уступить, это единственный для него выходъ. Лордъ Пальмерстонъ (кабинетъ министръ или нашъ министръ) сказалъ мнѣ: «Въ сущности, для тѣхъ, кто, подобно мнѣ, вѣрить слѣпо вашему императору, или для тѣхъ, кто не довѣряетъ ему, остается одно—а именно высказать ему довѣріе и дѣйствовать сообразно съ этими».

«Въ какое глупое положеніе поставили себя Англія и Австрія! Ихъ интриги велись весьма искусно; они вышли изъ хитро сплетенной ими паутины, покрытыя славою. Но одного слова императора было достаточно, чтобы разсѣять ихъ по вѣтру. Какое внушительное для Евроы зрѣлище представить императоръ во главѣ своего войска, которое онъ двинулъ съ великой и благородной цѣлью».

«Герцогу Веллингтону,—замѣчаетъ саркастически русская посланница,—пришлось сдѣлаться либераломъ подобно тому, какъ Сганарель сдѣлался врачомъ въ комедіи Мольера¹).

Палата общинъ не довольствуется болѣе обскурантными теоріями. Во всѣхъ дѣлахъ внутренней политики правительство должно руководствоваться въ своихъ мѣропріятіяхъ просвѣщенными принципами, иначе оно не удержится у власти,—между тѣмъ Веллингтонъ жаждеть прежде всего остататься первымъ министромъ; а Ливенъ, съ своей стороны, выражала желаніе «свернуть ему шею»²).

Въ Англіи говорили «будто г-жа Ливенъ дѣйствительно сказала что-то королю о перемѣнѣ министерства и что король отвѣчалъ ей, что если бы его посланникъ въ Петербургѣ вздумалъ критиковатъ дѣйствія императора во внутренней политикѣ, то онъ немедленно отзоваль бы его»³.

Личные отношенія Ливенъ и Веллингтона въ это время были та-

¹⁾ Врачъ по неволѣ.

²⁾ Письмо къ А. Х. Бенкендорфу, 16-го (28-го) марта 1828.

³⁾ Croker Papers, 423.

ковы, что, встрѣчаясь въ обществѣ, они старательно избѣгали разговора о вопросѣ, который болѣе всего интересовалъ обоихъ, и слово «Турція» никогда не произносилось ими. «Если я когда-нибудь нарушу молчаніе,—говорила Ливенъ,—я увѣрена, что мы подеремся».

Лордъ Веллингтонъ платилъ ей тѣмъ же, хотя онъ и считалъ долгомъ появляться въ ея салонѣ и даже иногда подолгу бесѣдовалъ съ нею наединѣ.

Объ отношеніи Веллингтона къ Ливенамъ и къ Россіи лордъ Пальмерстонъ писалъ 23-го марта (4-го апрѣля) 1828 г. своему брату въ Петербургъ:

«Очевидно, герцогъ хотѣлъ разрыва съ Россіей, онъ относится къ ней, лично, весьма непріязненно. Онъ жестокоссорился съ Ливенами и не доволенъ приемомъ, который былъ оказанъ ему въ Петербургѣ. Много разныхъ мелочей возстановили его противъ Ливеновъ. Г-жа Арбетнотъ и леди Джерси, которыхъ имѣютъ на него вліяніе, ненавидятъ Ливенъ... Г-жа Ливенъ поступила неосторожно въ прошломъ году, когда во главѣ кабинета стала Каннингъ, и слишкомъ явно выражала свое удовольствіе по поводу отставки герцога; она была въ извѣстной степени даже невѣжлива по отношенію къ нему».

Мѣсяцъ спустя, 26-го апрѣля (8-го мая) онъ писалъ снова:

«Герцогъ относится съ особыеннымъ нерасположеніемъ къ Россіи, я полагаю, болѣе изъ личнаго чувства, нежели изъ видовъ политики*.

«Относительно нашего дѣла (въ парламентѣ) до сихъ поръ не было сказано ни слова,—писала Ливенъ брату 7-го (19-го мая) 1828 г. Но палаты должны, наконецъ, высказаться.

«Король, въ общемъ, относится къ намъ хорошо; если бы онъ могъ, то онъ сдѣлалъ бы все для насъ, но Веллингтонъ упрямъ, какъ оселъ. Однако онъ уступаетъ, когда ему угрожаетъ потеря мѣста. Между прочимъ, я писала вамъ, кажется, что я никогда не говорю съ нимъ о нашихъ дѣлахъ, изъ опасенія, что мы вѣпимся другъ другу въ волосы. Едва успѣла я тогда окончить письмо, какъ между нами произошла страшнѣйшая сцена, которую я тотчасъ записала; если я найду это описание, то я пришлю его вамъ. Оно покажетъ вамъ его доброжелательство къ Россіи и всю логичность его разсужденія. Онъ и въ этомъ случаѣ говорить какъ по обыкновенію: «это такъ потому, что я это говорю».

Самостоятельный и твердый образъ дѣйствій русскаго императора заставилъ смолкнуть его враговъ¹). Княгиня Ливенъ торжествовала.

¹) Пальмерстонъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ брату отъ 8-го мая, говоря о настроеніи членовъ кабинета, писалъ: „Элленборо еще болѣе враждебенъ (Россіи), нежели герцогъ; Абердинъ преданъ Австріи; а Батурстъ про-

«Веллингтонъ, писала она, полновластный министръ, Веллингтонъ врагъ Россіи—сталъ вдругъ оговорчивъ. Что за причина? Онъ стучался во всѣ двери, направо и налево—и никто не выказывалъ желанія напасть на насть. Его покинула даже его добрый другъ Меттернихъ, ибо, чтобы предпринять что-либо, нужны средства, Англія же не дастъ ему ни одного шиллинга. Всѣ члены оппозиціи на нашей сторонѣ.

«При томъ осложненія, угрожающія Португаліи, несравненно опаснѣе для Англіи, нежели восточные дѣла. Все это свалилось на герцога сразу и отъ, подобно арлекину, сдѣлаетъ пируетъ и то, что было черно вчера, будетъ бѣльмъ сегодня. Это достойно сожалѣнія, можно сказать низко, но это великолѣпно. Всѣмъ нашимъ врагамъ одинъ за другимъ пришлось смириться; противъ насть хотѣли образовать грозную коалицію; нынѣ Европа на колѣняхъ передъ нами.

«Образъ дѣйствій англійского кабинета достоинъ смѣха. Онъ всячески доказалъ свою непослѣдовательность и нелѣпость. Веллингтонъ во всеуслышаніе возставалъ даже противъ мысли о посыпкѣ къ намъ уполномоченнаго.

«Никогда,—утверждалъ онъ торжественно,—никогда мы не поддержимъ незаконныя дѣйствія Россіи присутствіемъ нашего посланника.

«Но Меттернихъ послалъ Гомбурга и вдругъ, трахъ! отсюда посыпается Гейтесберри!!

«*Jamais* (никогда) Веллингтона намъ знакомо, его словарь французскаго языка долженъ быть безподобенъ.

«Веллингтонъ съумѣлъ пріобрѣсти вліяніе англичанъ, но въ чемъ кроется его сила, я не знаю. Съ недѣлю послѣ перемѣны министерства всѣ были сильно возбуждены противъ этого кабинета, который хочетъ управлять государствомъ. Если послушать ихъ, то кабинетъ не могъ удержаться и двухъ дней.

«Веллингтонъ только посмѣялся надъ этимъ, онъ принялъ вызывающій видъ, и всѣ испугались. При всемъ своемъ ничтожествѣ, онъ хитръ, онъ льстить крайнимъ торіямъ; а еще болѣе льстить либераламъ.

«По истинѣ народъ нетрудно обмануть; это невольно приходить на умъ, когда видишь, что нація, которую всѣ считаютъ такой благоразумной и разсудительной, становится игрушкой такого посредственнаго ministra.

«Образъ дѣйствій Веллингтона, который, не смотря на то, что онъ былъ членомъ кабинета, подписавшаго лондонскій договоръ и заявилъ

тивникъ Россіи и Австріи. Всѣ они были бы очень рады отヂваться отъ конвенціи, которую они ненавидятъ. Герцогъ находится, какъ я полагаю, въ перепискѣ съ Меттернихомъ, чтобы вести свою прежнюю игру, медлить и колебаться».

себя продолжателемъ политики Канинга, уклонился отъ всякаго вмѣшательства въ пользу Греціи, а равно его дѣйствія въ португальскомъ вопросѣ не только вызвали неудовольствіе въ Англіи, но также неодобрение и критику за границею; его политика изолировала Великобританію и ослабила ея голосъ въ европейскомъ концертѣ».

III.

Впечатлѣніе, произведенное на Европу первыми успѣшными дѣйствіями Россіи въ Турціи.—Сочувствіе Англіи.—Неудачный исходъ кампаніи 1829 г.—Перемѣна политики Англіи.—Скорбь Ливенъ.—Недоброжелательство Веллингтона къ Россіи.—Интриги Меттерниха.

Первые успѣшные дѣйствія русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ, взятие Гирсова и Кюстенджи и паденіе Браилова, послѣ чего вся Добруджа фактически была въ рукахъ русскихъ, произвели въ Европѣ впечатлѣніе благопріятное для Россіи.

«Герцогъ Веллингтонъ держитъ себя теперь со мною болѣе вѣжливо и дружественно,—писала Ливенъ 10-го (22-го) августа 1828 г. Быть можетъ, онъ пойдетъ въ этомъ новомъ направлѣніи такъ же далеко, какъ и въ противоположномъ. Я не берусь рѣшить, поступаетъ ли онъ такъ по убѣжденію или же онъ вынужденъ къ тому обстоятельствами.

«Король относится къ намъ лучше, чѣмъ когда-либо. Онъ долго говорилъ со мною на-дняхъ, и вся сущность разговора сводилась къ похваламъ императору. «Я вполнѣ довѣряю ему во всѣхъ отношеніяхъ, сказалъ онъ, и говорю тѣмъ, кто старается вселить мнѣ недовѣріе къ нему: Обѣщаю вамъ, что я перестану довѣрять императору Николаю, когда онъ обманетъ меня, а до тѣхъ поръ позвольте мнѣ по-прежнему вѣрить ему. Король былъ въ восторгѣ отъ того, какъ императоръ высказался о дѣлахъ Брауншвейга¹⁾. Онъ очень озабоченъ этими дѣлами и въ разговорѣ со мною провелъ параллель между образомъ дѣйствія императора и Меттерниха и, обратясь къ нѣкоторымъ лицамъ, стоявшимъ тутъ же, сказалъ громко по-англійски: «Ничто не можетъ быть великолѣпнѣе и честище, какъ образъ дѣйствій императора Николая, и ничего не можетъ быть такъ низко и подло. (rascally), какъ поведеніе Меттерниха». Спросите своихъ друзей, чѣмъ означаетъ слово «rascally» по-англійски, и вы поймете, что онъ выразился очень рѣзко. Веллингтонъ стоялъ тутъ же и, вѣроятно, слышалъ это замѣчаніе».

¹⁾ Герцогъ Брауншвейгскій Карлъ, принявшій власть въ 1823 г., относился враждебно къ конституції, данной Брауншвейгу опекуномъ его, принцемъ-регентомъ, въ 1820 г., чѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе подданныхъ; броженіе, происходившее въ странѣ, разразившись въ сентябрѣ 1830 г. бунтомъ. Герцогъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ.

Ливенъ отмѣчала съ удовольствіемъ всякий знакъ сочувствія къ Россіи, особенно знаменательный во время войны.

«Въ день рожденія короля,—писала она 14-го (26-го) августа,—во дворецъ не было приглашенъ Эстергази (австрійскій посланникъ), который заболѣлъ отъ досады, видя предпочтеніе, оказываемое Россіи, между тѣмъ какъ Австрію игнорируютъ».

«Вы не можете себѣ представить, до какой степени здѣсь всѣ недовольны похвальбами французскихъ газетъ по поводу экспедиціи въ Морею,—читаемъ въ другомъ письмѣ [этъ 10-го (22-го) августа].—Но Англія по истинѣ достойна того презрѣнія, съ какимъ всѣ относятся къ ней».

«Въ мартѣ мѣсяцѣ¹⁾) герцогъ Веллингтонъ сказалъ нѣсколькоюмъ дипломатамъ въ Лондонѣ: «Если Франція пошлетъ въ Морею хотя бы одного солдата, я объявлю Франціи войну». А въ іюлѣ онъ согласился на посылку туда 20.000 человѣкъ!»

«Что сдѣлала Англія для Гречії? ²⁾ или, лучше сказать, что она сдѣлала во вредъ Гречії? Въ концѣ концовъ могущественная и богатая Англія не дастъ ни одного шиллинга, ни одного человѣка и будетъ вынуждена предоставить всю честь другимъ. Двоедушіе и безсиліе составляютъ отличительные свойства англійского правительства, прямота и сила составляютъ отличительные черты нашего правительства».

Торжество, доставленное нашей посланницѣ первыми успѣхами русскаго оружія, было, къ сожалѣнію, непродолжительно; кампанія 1828 г. была начата, какъ извѣстно, съ недостаточными силами. Попытка взять Шумлу—ключъ къ Балканамъ, оказалась не по силамъ русской арміи, жестоко изнуренной болѣзнями. Ея усилія были отчасти вознаграждены взятиемъ Варны [28-го сентября (10-го октября)], которая сдалась послѣ продолжительной осады.

За день до этого события Ливенъ, до глубины души опечаленная ходомъ событий и жаждавшая извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, писала брату [27-го сентября (9-го октября) 1828 г.]:

«Вокругъ меня все мрачно. Наши дѣла идутъ плохо. Весьма естественно было предположить, что такъ какъ англійское правительство уступило только подъ вліяніемъ страха, то оно сдѣлается непреклоннымъ, какъ только удача перестанетъ сопутствовать намъ. Къ несчастію, это и случилось теперь. Мне кажется, что я вижу тяжелый сонъ, когда я слышу, что нашъ великий императоръ и наша армія вынуждены остановиться передъ горстью варваровъ и что Европа начинаетъ сомнѣваться въ могуществѣ Россіи. Я не понимаю, что это значитъ.

¹⁾ Письмо къ Грею 6-го августа 1828 г.

²⁾ Письмо къ А. Х. Бенкендорфу 10-го (22-го) августа.

«Веллингтонъ возвратился къ своему прежнему недоброжелательству, или, лучше сказать, недоброжелательство, которое онъ скрывалъ только по необходимости, проявляется теперь безъ стѣсненія. Какъ бы то ни было, мы можемъ быть довольны тѣмъ, что положеніе дѣлъ въ Англіи таково, что она не можетъ думать о войнѣ. Однако, я убѣждена, что если бы не дѣла въ Ирландії ¹⁾), то она обнажила бы мечь противъ насъ въ тотъ самый день, когда было получено извѣстіе, что императоръ рѣшилъ блокировать Дарданеллы. Тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе въ этомъ случаѣ на нашей сторонѣ».

«Хотя бы только это затруднительное положеніе разрѣшилось благополучно для насъ, т. е. если бы мы могли вынудить Константинополь къ сдачѣ голодомъ и заставить султана просить у насъ мира, все было бы хорошо; но если побѣда не будетъ на нашей сторонѣ, то намъ надобно опасаться, каждую минуту, мишенія Англіи за то, что, по ея мнѣнію, мы провели ее въ этомъ случаѣ.

«Пріѣздъ маленькой королевы португальской въ Англію ²⁾ дѣлаетъ положеніе еще болѣе запутаннымъ. Какъ бы то ни было, ея пріѣздъ съ одной стороны есть оскорблѣніе для Австріи, а съ другой—большое замѣшательство для Англіи. Въ этомъ отношеніи это весьма кстати. Австрія относится къ намъ по-прежнему гнусно; ея восторгъ (по поводу неудачи русскихъ войскъ) бѣсить меня, тѣмъ болѣе, что мы никогда не дѣлали ей ни малѣйшей непріятности.

«Король по-прежнему живо интересуется всѣмъ происходящимъ у насъ и вѣрить только благопріятнымъ для насъ извѣстіямъ.

Двѣ недѣли спустя [13-го (25-го) октября 1828 г.] Ливенъ писала брату, что она имѣла продолжительное свиданіе съ Веллингтономъ наединѣ и что онъ говорилъ съ нею «очень сдержанно и дружелюбно».

«Говоря о блокадѣ Дарданелль, онъ сказалъ, что императоръ имѣлъ полное право объявить ее; что онъ (Веллингтонъ) не обращаетъ вниманія на газеты и на крики публики, что на него нападутъ въ парламентѣ, но что онъ съумѣеть отстоять то, что онъ сказалъ мнѣ. Онъ высказалъ мнѣ большое сожалѣніе по поводу неудачи нашихъ дѣйствій, присовокупивъ, что «къ войнѣ надобно всегда относиться

¹⁾ Въ Ирландії происходила въ это время агитациа въ пользу эманципаціи католиковъ.

²⁾ Малолѣтняя королева, донна Марія, выѣхала изъ Бразиліи ранѣе, нежели было получено извѣстіе о томъ, что престолъ захватилъ ея дядя, донъ Мигуэль. Объ этомъ узнали, когда судно, на которомъ она плыла, было въ Гибралтарѣ, и тогда ея приближенные рѣшили отвезти ее въ Англію, а не въ Вѣну, какъ предполагалось вначалѣ. Она прибыла 12-го (24-го) сентября въ Фальмутъ, гдѣ ее привѣтствовали королевскимъ салютомъ и встрѣтили находившіеся въ Англіи португальской и бразильской посланники.

серъезно, и что очевидно мы начали кампанію съ слишкомъ слабыми силами». Затѣмъ онъ коснулся своего положенія и сказалъ, что никогда еще положеніе первого министра Англіи не было такъ прочно. Я посмѣялась немножко надъ его товарищами-министрами. Онъ согласился со мною, смѣясь, что онъ составилъ кабинетъ изъ людей ограниченныхъ (странные самолюбіе!).

«Онъ много говорилъ со мною о дѣлахъ Португалии. Онъ возмущенъ прѣѣздомъ королевы, считая это дѣломъ интриги.

«Все то, что говорять о нась австрійцы, въ высшей степени оскорбительно, но отъ этого кабинета и отъ «сейдовъ» Меттерниха можно ожидать всего. Возвращаясь къ посѣщенію Веллингтона, скажу, что оно произвело на меня впечатлѣніе, какъ будто онъ старался провести меня, говоря о дѣлахъ въ такомъ спокойномъ и примирительномъ тонѣ. Я убѣждена въ его недоброжелательствѣ къ намъ.

«Въ Англіи общество и пресса относятся къ намъ весьма недоброжелательно. Если бы кампанія, которую мы ведемъ, была успѣшна, то всѣ были бы на нашей сторонѣ и недоброжелатели были бы вынуждены смолкнуть, но при настоящемъ положеніи дѣль толкамъ нѣть конца».

Когда, послѣ неудачи подъ Шумлою, русскія войска были вынуждены снять осаду Силистрія и перейти обратно Дунай, то Меттернихъ хотѣлъ воспользоваться этимъ неблагопріятнымъ исходомъ нашей кампаніи 1828 г. и принудить Россію заключить миръ съ Турцией. Онъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ англійскому кабинету и рѣшилъ добиться содѣйствія Пруссіи, склоняя Англію сдѣлать въ томъ же смыслѣ предложеніе Франціи. Но Пруссія отказалась дѣйствовать противъ Россіи; Франція также не хотѣла воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ.

Княгиня Ливенъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Грею раскрываетъ фальшивую игру меттерниховой политики.

«Осенью 1828 года, прежде чѣмъ сдалась Варна, австрійскій кабинетъ, преувеличивая—какъ ему это угодно было назвать—наши бѣдствія, обратился къ англійскому правительству съ предложеніемъ войти въ соглашеніе съ Франціей съ цѣлью принудить Россію заключить миръ. Австрійскій кабинетъ предполагалъ, что русская армія дезорганизована, ресурсы ея истощены, и потому было бы весьма полезно воспользоваться существовавшимъ положеніемъ дѣль. Австрія бралась привлечь на свою сторону Пруссію и поручила Англіи сообщить указанный планъ Франціи и вести съ нею объ этомъ переговоры. Герцогъ Веллингтонъ соглашался съ мнѣніемъ Меттерниха, что моментъ былъ самый удобный, и поэтому немедленно открыть переговоры съ французскимъ кабинетомъ. Но французское правительство отвѣтило, что оно никогда не вступить въ обязательства, имѣющія въ виду предпи-

сывать законы Россіи. Сверхъ того, король прибавилъ, что его честь не позволила бы ему поддерживать даже мысль о подобномъ проектѣ, и въ такое время, когда армія императора терпѣла временные неудачи—Пруссія дала отвѣтъ, что она никогда не станетъ дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи. Вотъ каковы,—прибавляетъ Ливенъ,—настоящіе факты этого дѣла, и я воздерживаюсь отъ комментаріевъ, но вы не можете сомнѣваться, что я думаю по этому поводу».

16-го (28-го) ноября 1828 г. Ливенъ писала брату, злорадствуя по поводу отпора, оказанного Англіи французскимъ правительствомъ:

«Англія относится къ намъ нисколько не лучше, чѣмъ прежде; на нее постоянно старается повлиять Австрія, но благодаря этому она обожглась совершенно для нея неожиданно. Въ тотъ моментъ, когда настъ постигло «бѣдствіе», какъ здѣсь принято говорить, Австрія хотѣла сопротивляться, чтобы погубить настъ, а великоодушная и благородная Англія сочла моментъ для этого самыи благопріятныи, ибо въ Парижѣ были совершенно иного мнѣнія и дали ей серьезный отпоръ; вмѣстѣ съ тѣмъ она видѣла, что мы возрождаемся изъ пепла, и ей совѣтно, что она такъ обманулась. По крайней мѣрѣ, впредь она не поверить такъ легко, что у насъ нѣть болѣе арміи для веденія войны, и не будеть съ такой готовностью следовать безразсудной ненависти Меттерниха къ Россіи.

«Съ Веллингтономъ я болѣе не пускаюсь въ разсужденія, даю ему высказаться и слушаю его; такимъ образомъ я имѣла возможность обнаружить его враждебность къ намъ и его преданность Меттерниху. Иной разъ онъ дѣлаетъ попытку заставить меня высказаться, выражая сожалѣніе по поводу того, что мы не продолжаемъ кампанію зимою. «Какъ это жаль (говорить онъ), вы могли бы уничтожить турокъ; вамъ бы слѣдовало идти вдоль по берегу къ Андріанополю» и тому подобное. Затѣмъ онъ увѣряетъ меня, что армія Витгенштейна была уничтожена подъ Шумлюю. Въ августѣ онъ ручался головою, что намъ никогда не взять Варны.

«Англійское правительство считаетъ себя сильнымъ потому, что никто не нападаетъ на него. Герцогъ Веллингтонъ сказалъ мнѣ на-дняхъ, со своей обычной хвастливостью: «я самый популярный изъ всѣхъ бывшихъ въ Англіи министровъ; повѣрьте мнѣ, я очень силенъ».

«Какой печальный сегодня день,—писала Ливенъ 19-го ноября (1-го декабря) 1828 г.;—я припоминаю, что князь Меттернихъ писалъ мнѣ въ тотъ день, когда имѣ было получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра: «Романъ оконченъ—начинается исторія». Это было сказано остроумно и правильно.

«Я въ отчаяніи по поводу того, что мы сняли осаду Силистріи¹⁾.

¹⁾ Письмо къ А. Х. Бенкendorфу 3-го (15-го) декабря 1828 г.

Это произведет самое неблагоприятное для насъ впечатлѣніе во всѣхъ столицахъ Европы, въ особенности здѣсь, гдѣ дерзость газетъ не имѣть границъ; я бы дорого дала, чтобы однимъ прыжкомъ перепрыгнуть къ веснѣ такъ, чтобы мы могли заставить весь свѣтъ заговорить о насъ въ другомъ тонѣ».

Не смотря на то, что англійскій кабинетъ съ его главою былъ въ высшей степени враждебенъ Россіи, король по-прежнему былъ «любезенъ и внимателенъ» къ русской посланницѣ и «доброжелателенъ» къ ея монарху. «Онъ много говорилъ со мною объ императорѣ,—писала Ливенъ,—и видимо весьма доволенъ вниманіемъ его величества, который прислалъ ему модель одной изъ пріемныхъ комнатъ въ Скалглѣ. Онъ помѣстилъ ее на почетное мѣсто въ своей продолговатой галлерѣ. Малахитовая ваза, присланная ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нашей доброй императрицей, составляетъ главное украшеніе лучшей изъ его гостиныхъ. Онъ, очевидно, очень старался помѣстить эти предметы на видъ; по истинѣ нельзѧ было быть любезнѣе».

«Въ Лондонѣ всѣ взволнованы неожиданной отставкой вице-короля Ирландскаго¹⁾). Разумѣется, это событие первостепенной важности; католики смотрѣли на него, какъ на своего защитника, и его отѣѣздъ наѣлаетъ много шума, если только не будетъ имѣть еще худшихъ послѣдствій.

«Маленькая португальская королева очаровательное дитя, какъ всѣ члены австрійского дома, но гораздо красивѣе ихъ.

«Король говорить о ней съ величайшимъ участіемъ и восхищается ею. Повидимому, португальскіе эмигранты выражаютъ желаніе быть отправлены въ Терцейру¹⁾, но англійское правительство этого не разрѣшаетъ имъ. Это очень странно, такъ какъ въ Терцейрѣ всѣ преданы дониѣ Маріи».

Съ наступленіемъ зимы 1828 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, Россія стала усиленно готовиться къ дальнѣйшему продолженію военныхъ дѣйствій въ Турціи, предполагая возобновить ихъ съ начала весны. Меттернихъ, желая помѣшать торжеству Россіи, снова предложилъ свое посредничество, но потерпѣлъ по-прежнему неудачу.

«Я припоминаю,—писала по этому поводу Ливенъ 19-го (31-го) декабря 1828 г.,—что лордъ Кастьри имѣлъ обыкновеніе называть иногда Меттерниха «политическимъ арлекиномъ», и это выходило недурно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Лордъ Англезе былъ отозванъ вслѣдствіе разногласія во взглядахъ съ герцогомъ Веллингтономъ по отношенію къ католикамъ Ирландіи. Wellington Letters, v. 244.

²⁾ Одинъ изъ Азорскихъ острововъ.

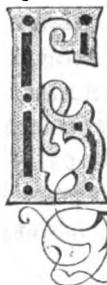

Россія и папскій престолъ.

1580—1601 гг.

IX ^{1).}

Отправление папою Климентомъ VIII аббата Комоловича въ Москву.—Инструкція, ему данная къ разнымъ иностраннымъ дворамъ.—Свиданія Комоловича съ кн. Острожскимъ и Замойскимъ.—Экспедиція Ябловицкаго въ Крымъ.—Неудача въ желанії Комоловича поднять Польшу противъ Турціи.

лижайшіе преемники Сикста V не имѣли времени помышлять объ организації похода противъ турокъ, такъ какъ въ короткій промежутокъ съ 1590 по 1592 гг. на папскомъ престолѣ смѣнилось три папы: Урбанъ VII, Григорій XIV и Иннокентій IX.

Продолжателемъ политики Сикста V явился Климентъ VIII^{2),}, бывшій архіепископъ неаполитанскій Ипполітъ Альдобрандини, который, какъ мы знаемъ, былъ посланъ Сикстомъ V въ Польшу послѣ кончины Стефана Баторія. Неизвѣстно, былъ ли онъ въ то время посвященъ папою въ его планы относительно Московскаго государства, но съ его вступлениемъ на папскій престолъ сношенія Ватикана съ Москвою замѣтно оживились, хотя въ началѣ Клиmentъ VIII не зналъ, какія надежды можно было возлагать на юнаго московскаго царя. Всѣ доходившіе до него слухи о набожномъ и благочестивомъ Феодорѣ Ioannовичѣ внушали ему сомнѣніе на счетъ его воинственныхъ наклонностей,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, апрѣль 1903 г.

²⁾ Занималъ папскій престолъ съ 1592—1605 гг.

онъ не зналъ, что думать о немъ, наводилъ справки и писалъ, между прочимъ, кардиналу Мадруччи, своему легату при австрійскомъ дворѣ:

«Говорять, будто Феодоръ глупъ и предпочитаетъ звонъ церковныхъ колоколовъ сигнальному рожку».

По всей вѣроятности, легатъ отвѣчалъ въ успокоительномъ тонѣ, такъ какъ Климентъ VIII, которого очень занимала мысль о походѣ противъ турокъ и который проявлялъ усиленную дипломатическую дѣятельность, разсыпая эмиссаровъ во всѣ страны Европы и Азіи, рѣшилъ отправить своего послана и въ Москву.

Выборъ паль этотъ разъ не на итальянца, а на славянина, аббата Комуловича, который былъ ранѣе визитаторомъ латинскихъ церквей въ Европейской Турціи.

Это былъ человѣкъ не столь ловкій и изворотливый, какъ Пессевинъ, но одаренный здравымъ смысломъ, характера открытаго, безкорыстный и честный; онъ умѣлъ заставить себя слушать, пріобрѣсти вліяніе и вести переговоры. Вся дѣятельность этого неутомимаго и энергичнаго аббата была направлена къ тому, чтобы свергнуть иго турокъ и оттеснить ихъ въ глубь Азіи.

По пути въ Москву, Комуловичъ долженъ былъ побывать съ этой же цѣлью въ Трансильваніи, Придунайскихъ княжествахъ и Польшѣ.

Въ исходѣ 1593 г. всѣ приготовленія къ его путешествію были окончены. О цѣли его поѣздки никому не было известно, даже его спутникамъ она была открыта только по выѣздѣ ихъ изъ Италии. Напрасная предосторожность: такъ какъ еще 24-го сентября (2-го октября) венеціанскій посланникъ, Паоло Паруга, провѣдавъ тайну до мельчайшихъ подробностей, донесъ дожу, что аббатъ Александръ Комуловичъ будетъ, вѣроятно, скоро посланъ въ Москву. Самъ царь,—писалъ онъ,— недостаточно «здравъ разумомъ», чтобы вести переговоры, но разсчитываетъ, «что бояре и вельможи» заинтересуются походомъ противъ турокъ, такъ какъ слышно, что они сильно желаютъ войны.

Комуловичъ выѣхалъ изъ Рима въ ноябрѣ, не подозрѣвая того, что дожъ былъ уже предупрежденъ объ его поѣздкѣ; между тѣмъ, онъ долженъ былъ остановиться въ Венеціи, не для того, чтобы вести переговоры съ дожемъ, но чтобы войти въ тайныя сношенія съ албанцами, которые, горя желаніемъ свергнуть турецкое иго, обращались съ просьбою о поддержкѣ къ венеціанскому дожу, къ королю испанскому, къ императору австрійскому и къ папѣ. Комуловичу вѣрѣно было сблизиться съ ними, обнадежить ихъ въ поддержкѣ папы и подать имъ мысль отправить для переговоровъ посланство въ Римъ.

Изъ блестящей, жизнерадостной Венеціи аббатъ отправился въ Трансильванію съ ея высокими, мрачными горами, вѣковыми лѣсами и почти всегда пасмурнымъ небомъ. Извѣстно, какъ дорожилъ этой

провинціей Стефанъ Баторій, мечтавшій сдѣлать ее оплотомъ противъ Турціи.

Въ январѣ 1594 года, когда туда прибылъ Комуловичъ, воеводою трансильванскимъ бытъ Сигизмундъ Баторій, племянникъ покойнаго короля польскаго. Внутренне раздоры, волновавши это княжество, создали ему весьма затруднительное положеніе; въ этой маленькой странѣ существовали политическія партіи, между которыми происходила ожесточенная борьба; одни были на сторонѣ Австріи, другіе на сторонѣ Турціи; были и такие честолобцы, которые хотѣли свергнуть Сигизмунда и занять его мѣсто. Что касалось самого Сигизмунда, то онъ предавался у себя, въ горахъ, такимъ же мечтамъ, какія папа лелѣялъ въ Ватиканѣ, и такимъ образомъ, въ то самое время, какъ Комуловичъ выѣхалъ изъ Рима для пропаганды крестового похода, туда прибылъ отъ имени Сигизмунда съ подобнымъ же проектомъ испанскій іезуитъ Альфонсъ Карилло, духовникъ и другъ молодаго трансильванскаго воеводы.

Въ виду чрезвычайного возбужденія умовъ, царствовавшаго въ Карлсбургѣ, главномъ городѣ Трансильваниі, Комуловичу было необходимо дѣйствовать весьма осторожно. Поэтому онъ окружилъ себя величайшей тайною и имѣлъ у князя всего только двѣ секретныя аудіенціи. Сигизмундъ открылъ ему свои планы: поддерживая для вида дружескія отношенія къ султану, онъ предполагалъ сформировать къ веснѣ многочисленное войско, ввѣрить начальство надъ нимъ Балтазару Баторію и, опираясь на союзъ съ австрійскимъ императоромъ, напасть на турокъ.

Неудивительно, что когда Комуловичъ изложилъ князю планы папы Климента VIII, то онъ встрѣтилъ съ его стороны полное сочувствіе.

Вопросъ о походѣ противъ Турціи обсуждался также на сеймѣ, открывшемся въ началѣ февраля, но, болѣе осторожно и сдержанно, дабы не слишкомъ напугать приверженцевъ турокъ.

На одномъ изъ послѣднихъ совѣщаній было рѣшено держаться образа дѣйствій соответствующаго видамъ папскаго престола, а 14-го (23-го) числа того же мѣсяца, отецъ Карилло, только-что возвратившійся изъ Италіи, отправился въ Прагу съ черновымъ проектомъ договора.

Прощаясь съ Комуловичемъ, Сигизмундъ извинялся, что онъ не имѣлъ возможности чаще бесѣдовать съ нимъ; но Комуловичъ и безъ того торжествовалъ, и его пылкому воображенію уже рисовалось христианское войско на пути къ Византії, и онъ мечталъ, что въ слѣдующемъ году, послѣ рѣшительной кровавой битвы, турки будутъ изгнаны изъ Европы.

Однако радость его была непродолжительна. Уже въ началѣ марта кардиналъ Андрей Баторій, принимавшій участіе во всѣхъ перегово-

рахъ, отправилъ Клименту VIII письмо, въ которомъ, разсыпаясь въ похвалахъ Комуловичу иувѣряя папу въ своемъ искреннемъ къ нему расположениіи и преданности, онъ высказывалъ большія опасенія.—Война съ Турціей была,—по его словамъ,—очень опасна, и на императора австрійскаго нельзя было положиться.

Между тѣмъ относительно Трансильваніи распространились самые тревожные слухи; противъ князя образовалась сильная оппозиція; два двоюродныхъ брата воеводы, Балтазаръ и Стефанъ, стали во главѣ недовольныхъ, которые требовали отреченія Сигизмунда. Князь подавилъ восстаніе, обагривъ страну потоками крови; Балтазаръ и главные руководители восстанія были обезглавлены; другіе, менѣе виновные, сосланы; ихъ имущество конфискованы въ пользу казны. Въ концѣ года, когда спокойствіе въ странѣ было восстановлено, сеймъ оказался говорчівымъ и одобрилъ союзъ съ Австріей.

Когда слухъ о кровавыхъ казняхъ, совершенныхъ по повелѣнію Сигизмунда, дошелъ до Рима, то въ Ватиканѣ были поражены жестокостью молодаго воеводы,—ему было въ то время не болѣе 22 лѣтъ, однако выраженное имъ желаніе имѣть у себя представителя папскаго престола, въ качествѣ руководителя и совѣтника, было удовлетворено.

Аббать Комуловичъ уѣхалъ изъ Трансильваніи незадолго до вышеупомянутыхъ кровавыхъ событий. Въ исходѣ марта онъ перѣхалъ границу Моздавіи и отправился въ Яссы, гдѣ провелъ два дня, въ секретныхъ совѣщаніяхъ съ молдавскимъ воеводою.

Папское посланіе, предъявленное ему Комуловичемъ, произвело на воеводу огромное впечатлѣніе; онъ обѣщалъ присоединиться къ лигѣ противъ турокъ и даль аббату отъ себя письма къ казакамъ, къ польскому канцлеру и къ московскому царю. Готовность, выраженная молдавскимъ воеводою, была не безъ разсчета; онъ самъ желалъ получить отъ папы помошь противъ татаръ, поэтому пріѣздъ Комуловича былъ для него весьма кстати. Но нѣсколько недѣль спустя, изъ переписки съ воеводою, Комуловичъ убѣдился, что на него нельзѧ было разсчитывать; человѣкъ нерѣшительный и непостоянный, онъ могъ каждую минуту измѣнить своимъ союзникамъ, не быть въ состояніи принять никакого твердаго рѣшенія.

Переговоры, веденные Комуловичемъ въ Трансильваніи и Молдавіи, все-таки увѣнчались успѣхомъ; онъ еще не доѣхалъ до Польши, какъ въ ноябрѣ мѣсяца 1594 г. между Сигизмундомъ Баториемъ и воеводами молдавскимъ и валахскимъ было заключено соглашеніе, въ силу котораго эти три маленькия государства рѣшили дѣйствовать совмѣстно противъ ненавистнаго имъ турецкаго султана. Это извѣстіе произвело на Диванъ потрясающее впечатлѣніе. Положеніе Турціи было критическое: турецкое войско, сосредоточенное въ Венгріи, требовало уплаты

жалованья, угрожая въ противномъ случаѣ неповиновеніемъ начальству; чтобы поднять духъ войска, султанъ Мурадъ рѣшилъ сыпать золото пригоршнями и приказалъ развернуть знамя пророка; оно было торжественно перенесено изъ Дамаска въ Константинополь, откуда отрядъ въ тысячу янычаръ сопровождалъ его въ Венгрию; при видѣ этого знамени, турки воодушевились.

Тогда императоръ австрійскій Рудольфъ II и король польскій Сигизмундъ, въ виду предстоявшей войны, которая могла принять грандиозные размѣры, заключили союзъ для совмѣстной борьбы съ турками.

Договоромъ, заключеннымъ 16-го (25-го) января 1595 г., были признаны права Сигизмунда Баторія на Трансильванію, и договоръ этотъ былъ распространенъ за Молдавію и Валахію.

Такимъ образомъ, стараніями Комуловича осуществилось желаніе папы Клиmentа VIII, который мечталъ о союзѣ Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи съ австрійскимъ императоромъ. Но на этомъ и окончились дипломатические успѣхи Комуловича; всѣ его дальнѣйшія попытки привлечь къ участію въ лигѣ казаковъ, Польшу и Москву были неудачны.

До него ни одинъ папскій посолъ не появлялся среди храбрыхъ, воинственныхъ, но своеобразныхъ казаковъ, съ которыми даже императоръ Рудольфъ велъ переговоры, какъ съ самостоятельной державою, когда онъ склонялъ ихъ въ 1594 г. поднять оружіе противъ турокъ.

Въ инструкціяхъ, данныхъ Комуловичу изъ Рима, ему было приказано, не открывая своихъ намѣреній въ Польшѣ, обѣщать казакамъ 12 тысячъ флориновъ, какъ только они вступятъ на турецкую землю. Подобная рѣча дѣйствительно могла лучше всего быть понята на берегахъ Днѣстра и Дона.

Въ исходѣ марта Комуловичъ прибылъ въ Каменецъ. Казаки были въ это время въ походѣ; ихъ отсутствіе дало ему возможность ознакомиться съ той почвой, на которой ему предстояло дѣйствовать. Въ его инструкціяхъ было сказано, между прочимъ, что князь Константина Острожского хорошо знаетъ казаковъ и можетъ быть ему полезенъ своими совсѣмъ.

Поэтому Комуловичъ отправился къ нему, вручилъ ему посланіе Клиmentа VIII и подтвердилъ обѣщаніе папы поддержать у австрійскаго императора его просьбу о денежной помощи. Старикъ, хитрый какъ лисица, искусно лавировалъ между Римомъ и Византіей, но пре-слѣдовалъ въ дѣйствительности только свои эгоистическія цѣли. Онъ отвѣчалъ Комуловичу увѣреніями въ своемъ искреннемъ желаніи уничтожить Турцію; изъ его словъ выходило, что вотъ-вотъ онъ двинется противъ турокъ и татаръ лично, во главѣ своего войска; онъ немед-

ленно разослал гонцовъ, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, гдѣ находились казаки.

Прекрасное впечатлѣніе, вынесенное Комоловичемъ изъ первого свиданія съ княземъ Острожскимъ, было непродолжительно; онъ подмѣтилъ вскорѣ, что старикъ легко переходить изъ одной краиности въ другую. «Этотъ человѣкъ,—писалъ онъ,—не есть избранникъ Божій».

Сношенія съ Острожскимъ на этомъ окончились. Переговоры Комоловича съ Замойскимъ также не привели ни къ какому результату. Его осторожность ни къ чему не послужила; хотя онъ дѣлалъ видъ, что пріѣхалъ только посовѣтоваться съ канцлеромъ и заявилъ ему, что папа не хочетъ создавать никому затрудненій, что мысль о лигѣ возникла сама собою, но канцлеръ упорно ограничивался одними уклончивыми отвѣтами. Отсутствіе короля было для него въ этомъ случаѣ удобнымъ предлогомъ, но подъ рукою онъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу пріѣзда Комоловича и отзывался о немъ, какъ о турецкомъ шпionѣ.

Озлобленный противъ Замойскаго, Комоловичъ рѣшилъ искать другаго союзника и улечь Польшу въ войну помимо ея воли.

Случай къ тому представился неожиданно. Татары, поданные турецкаго султана, совершили кровавый набѣгъ на Подолію и Венгрію. Жители этихъ мѣстностей оказали имъ весьма слабое сопротивленіе, и кардиналъ Андрей Баторій, описывая эти бѣдствія своему коллегѣ кардиналу Санъ-Джіорджіо, вспоминалъ съ грустью о Стефанѣ Баторіи и горевалъ о томъ, что его неѣть на свѣтѣ, чтобы защитить Польшу. «Надобно строго наказать татаръ,—писалъ онъ,—и отрѣзать имъ путь къ отступленію». Комоловичъ ухватился за эту мысль и рѣшилъ осуществить ее при помощи Николая Яжловицкаго (Jazlowiecki), старосты Снятинскаго, который сочувствовалъ его планамъ и внушалъ ему самыя горячія симпатіи.

Яжловицкій пользовался въ Польшѣ славою храброго и опытнаго воина, былъ человѣкъ весьма вліятельный и заклятый врагъ Замойскаго. На сеймѣ 1587 г., гдѣ особенно рѣзко проявилось соперничество партій, Замойскій одержалъ верхъ надъ партіей Зборовскихъ, къ которой принадлежитъ Яжловицкій, и королемъ польскимъ былъ избранъ тогда его кандидатъ, шведскій королевскій принцъ. Люди рѣдко прощаютъ подобнаго рода побѣды.

Комоловичъ, во время своихъ поѣздокъ, имѣлъ случай познакомиться и бесѣдовать съ Яжловицкимъ. Подкупленный его прямотою и откровенностью, его воинственными наклонностями, его желаніемъ сразиться съ турками, онъ рѣшилъ воспользоваться имъ для великихъ цѣлей христіанского мира и поспѣшилъ заключить съ Яжловицкимъ настоящій договоръ.

Какъ припомнить, папа назначилъ двѣнадцать тысячъ флориновъ, казакамъ на военные издержки, если они пойдутъ противъ турокъ; начальникомъ этой экспедиціи могъ быть Яжловицкій, слѣдовательно, не было ничего легче, какъ организовать за деньги вооруженные банды.

Въ архивахъ князя Боргезе, въ Ватиканѣ, хранится латинскій текстъ договора, заключеннаго Комуловичемъ и Яжловицкимъ,—двумя заклятыми врагами турокъ. Вотъ переводъ этого любопытнаго документа.

«Данъ 30-го августа 1594 г. по Р. Х. въ Сарафії (Sarafia). Мы, Николай Яжловицкій, староста Снятинскій, узнавъ отъ достопочтеннаго отца Александра Комуловича, аббата Ноискаго, что святѣйшій отець Климентъ VII, папа римскій и намѣстникъ Христа, хочетъ ограничить набѣги татаръ, которые наносятъ страшный вредъ христіанскимъ арміямъ, вознамѣрились исполнить благочестивое желаніе его святѣйшества и поэтому предлагаемъ свои услуги и съ помощью Божией обѣщаемъ въ слѣдующемъ три мѣсяца либо разорить земли татаръ, либо атаковать и преслѣдовывать ихъ войска по возвращенію ихъ изъ Венгрии, возлагая упованіе на Бога и на благословеніе нашего святѣйшаго отца.—А если его святѣйшество пожелаетъ продолжать войну и дастъ необходимыя на это средства, то мы готовы на все и постараемся помѣшать татарамъ атаковать снова христіанскоѣ войско или прийти на помошь туркамъ. Въ свидѣтельство чего подписываемъ съ приложениемъ собственной нашей печати и т. д.».

Читая этотъ документъ можно подумать, что онъ написанъ самодержцемъ, располагавшимъ по своему усмотрѣнію войною и миромъ.

По заключенію этого договора, Комуловичъ сдѣлалъ немедленно первый взносъ въ десять тысячъ флориновъ. Яжловицкій, съ своей стороны, сдержалъ слово; позабывъ свою злобу, онъ представилъ планъ похода Замойскому, который, какъ канцлеръ, не далъ ему ни совѣта, ни разрѣшенія начинать походъ, но, какъ польскій дворянинъ, пожелалъ предпріятію всякаго успѣха и даже обѣщалъ, что въ немъ приметъ участіе одинъ изъ его племянниковъ. Племянникъ Замойскаго въ походѣ не участвовалъ, но письмо, данное къ нему канцлеромъ, сослужило Яжловицкому службу. Вооружившись этимъ документомъ, староста соизволъ своихъ сотоварищѣй по оружію, навербовалъ наемныхъ солдатъ и вошелъ въ сношеніе съ малороссійскимъ гетманомъ Наливайкою и полковникомъ Лободою, которые привели ему до шести тысячъ казаковъ съ береговъ Днѣпра. Какъ только маленькоѣ войско было сформировано, Яжловицкій послѣшиль выполнить свой смѣлый планъ: идти форсированнымъ маршемъ, напасть врасплохъ на Крымъ, воспользоваться отсутствіемъ татаръ, ушедшихъ къ Карпатамъ и разорить до- тла это разбойничье гнѣздо.

Предприятие окончилось весьма печально. Въ окрестностяхъ Был-города Лобода и Наливайко измѣнили свой планъ и направились съ главными силами своего отряда вмѣсто Крыма въ Валахію. Эту перемѣну, нанесшую роковой ударъ Яжловицкому, приписываютъ письму, полученному Наливайко отъ Рудольфа. Вмѣсто того, чтобы напасть на татаръ, Яжловицкому пришлось отступить, такъ какъ съ жалкими остатками войска продолжать походъ было невозможно. Староста вернулся домой въ полномъ отчаянія; расходы на снаряженіе войска поглотили все его состояніе; обремененный долгами и удрученный горемъ, онъ сошелъ вскорѣ преждевременно въ могилу.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этой трагической развязки Комоловичъ возобновилъ въ Краковѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1594 г., свои дипломатические переговоры съ поляками. Замойскій втайне относился къ нему по-прежнему враждебно, но Комоловичъ не падалъ духомъ и выработалъ вмѣстѣ съ нунціемъ Маласпина проектъ лиги, который онъ намѣревался представить на утвержденіе сейма.

Оба представителя папы были того мнѣнія, что Польша, одна, не могла вести войны ни съ турками, ни съ татарами; доказательствомъ того служила безнаказанность набѣговъ крымского хана; а для того, чтобы Польша примкнула къ лигѣ, о которой мечталъ Сикстъ V, ей необходимо было дать денегъ хотя бы только для того, чтобы увлечь ее въ общее движение. Когда не было денегъ, не было и польского войска; «пусть папа раскошелится, пусть онъ дастъ для начала хоть сто тысячъ флориновъ, а въ будущемъ обѣщаетъ больше, тогда сеймъ вотируетъ, быть можетъ, лигу противъ Турціи», таковъ былъ въ двухъ словахъ отвѣтъ поляковъ.

Другою мѣрою, лестною для національного самолюбія, могло быть назначеніе въ Польшу легатомъ кардинала, который былъ бы уполномоченъ говорить отъ имени папы въ рѣшительномъ тонѣ, какъ объ этомъ неоднократно писалъ въ Римъ Комоловичъ.

Открытие сейма въ Краковѣ было назначено на 28-е января (6-го февраля) 1595 г. Въ пригласительныхъ письмахъ, разосланныхъ сенаторамъ, говорилось о войнѣ съ Турціей въ такихъ выраженіяхъ, которые вызвали одобрение со стороны нунція; король выражавший желаніе начать войну; но Замойскій и нѣкоторые другиемагнаты предпочитали сохранить оборонительное положеніе, и такъ какъ папа не подкупилъ голоса, то предсказанія благоразумныхъ людей сбылись: сеймъ высказался за поддержаніе мира съ Турціей. Комоловичъ не могъ повлиять на робкихъ и боязливыхъ депутатовъ, а сидѣвательно, и на рѣшеніе сейма, такъ какъ неотложная надобность заставила его ускорить свой отъездъ на сѣверъ.

Х.

Мнимое завѣщаніе Иоанна Грознаго.—Австрійскіе эрцгерцоги, какъ претенденты на русскій престолъ.—Положеніе дѣлъ въ Швеціи.—Прибытие Комуловича въ Москву.—Отношенія Россіи къ Турціѣ.—Характеристика Феодора Иоанновича.—Переговоры Комуловича.—Прибытие въ Москву австрійскаго посла.—Возвращеніе Комуловича въ Польшу.—Отправление папою Климентомъ VIII посольства въ Польшу.—Кончина Феодора Иоанновича и вступленіе на престолъ Бориса Годунова.—Польское посольство въ Москвѣ.—Заключеніе перемирия на 20 лѣтъ.—Отношенія между Россіею, Польшею и папскимъ престоломъ.

Конечной цѣлью поѣздки Комуловича была Москва. Но прежде, не зели отправиться туда, онъ долженъ былъ согласовать свои дальнѣйшія дѣйствія съ видами австрійскаго императора, который преслѣдовалъ по существу одинакія цѣли съ папою, хотя вѣрь въ то же время съ московскими боярами тайные переговоры относительно престолонаслѣдія.

Мы уже упоминали о томъ, что въ 1586 г. два австрійскихъ эрцгерцога мечтали о коронѣ Мономаха. Два года спустя, въ 1588 г., въ Прагѣ появился иѣзук Лука Паули, сынъ иѣмѣцкаго пѣннаго, который сообщилъ императору Рудольфу II, что бояре, съ Борисомъ Годуновымъ во главѣ, недовольные правлѣніемъ Феодора, желали видѣть на престолѣ эрцгерцога Максимилиана, который имѣлъ на него право въ силу необнародованнаго завѣщанія Иоанна Грознаго.

Рудольфъ II, повѣривъ Паули, сообщилъ о томъ австрійскимъ и испанскимъ габсбургскимъ принцамъ и послалъ въ Москву своего уполномоченнаго Николая Варкоча, поручивъ ему розыскать таинственное завѣщаніе.

Разумѣется, Варкочъ ничего подобнаго не нашелъ, но донесъ императору, по возвращеніи изъ Москвы, что въ Россіи относятся къ иѣмѣцамъ очень сочувственно. Изъ словъ Бориса Годунова, сказанныхъ ему въ одну изъ послѣднихъ аудіенцій, можно было даже понять, по его увѣренію, что какъ только Максимилианъ вступить на польскій престолъ, онъ получить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и московскую корону. Самъ Феодоръ Иоанновичъ, по словамъ Варкоча, не желалъ иного наслѣдника, кромѣ эрцгерцога.

Когда Максимилианъ, послѣ пораженія, нанесеннаго ему Замойскимъ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ видовъ на Польшу, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ оставилъ и надежду на московскій престолъ, но вскорѣ новые набѣги татаръ на Венгрию и надобность въ деньгахъ возбудили въ немъ желаніе отыскать завѣщаніе Иоанна Грознаго.

Въ 1593 г. Варкочъ вторично отправился на поиски за этимъ за-

вѣщаніемъ, которые также не привели ни къ чему; зато онъ привезъ извѣстіе, что московскіе бояре выразили желаніе, чтобы въ Москву былъ присланъ какой-нибудь юный 14—18 лѣтній эрцгерцогъ, котораго они возведутъ на престолъ, если царь Феодоръ скончается, не оставивъ мужскаго потомства. Что касалось лиги противъ турокъ, то въ Москвѣ обѣщали дать на походъ деянье съ тѣмъ, чтобы въ апрѣлѣ 1594 г. въ Кремль съѣхались для совѣщаній по этому поводу уполномоченные Австріи, Испаніи и папы.

Желаніе московскихъ бояръ вполнѣ соотвѣтствовало видамъ Ватикана и давало Комуловичу, посланному для переговоровъ въ Москву, надежду на успѣхъ. Неожиданныя смуты, возникшія въ это время въ Швеціи, заставили его ускорить свой отѣзду изъ Праги.

По смерти шведскаго короля Іоанна III, ему наслѣдовалъ его сынъ Сигизмундъ, избранный, послѣ кончины Стефана Баторія, королемъ польскимъ. Тогда дядя его, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, сдѣлалъ попытку захватить корону, и такъ какъ Сигизмундъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Швецію, то это повело къ многолѣтней борьбѣ, которая окончилась въ 1604 г. побѣдою Карла.

Въ 1594 г. борьба была въ самомъ разгарѣ. Въ это время разнесся слухъ, что московскій царь хотѣлъ заключить миръ со Швеціей. Это повергло польскаго нунція въ большое затрудненіе: помѣшать заключенію мира значило погубить лигу, а содѣйствовать ему значило повредить Сигизмунду, такъ какъ силы Карла Зюдерманландскаго были бы удвоены, если бы ему не угрожала опасность со стороны Москвы.

Нувцій придумалъ слѣдующій выходъ изъ затруднительного положенія: онъ рѣшилъ содѣйствовать всѣми силами заключенію мира между царемъ и Сигизмундомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добиться того, чтобы въ мирномъ договорѣ не было упомянуто имени герцога Карла; такимъ образомъ, этотъ договоръ былъ бы безмолвнымъ признаніемъ законныхъ правъ Сигизмунда, а, въ случаѣ его сверженія съ престола, онъ могъ бы считаться недѣйствительнымъ. Устроить это было поручено Комуловичу, который и послѣдний отправился въ Москву, чтобы не упустить благопріятнаго къ этому момента.

Онъ везъ царю изумрудный крестъ, украшенный греческой надписью, и четки изъ горнаго хрустала. Въ инструкціяхъ, полученныхъ Комуловичемъ изъ Рима, ему повелѣвалось прежде всего заботиться о лигѣ и о церковной унії, а затѣмъ поддержать требованія австрійскаго императора, который просилъ царя удержать татаръ, оуставшихъ своими набѣгами Венгрию, и помочь ему деньгами. За это Рудольфъ II обѣщалъ, съ своей стороны, признать его царскій титулъ и не мѣшать ему завоевать Константинополь.

Кромъ того, Комоловичу велѣно было дать царю совѣтъ порвать связь съ восточными патріархомъ, подданными сultана, покупавшимъ свою митру у мусульманъ. Это соотвѣтствовало тайнымъ помысламъ Бориса Годунова, который хотѣлъ, чтобы у православной церкви былъ свой собственный самостоятельный глава, патріархъ, который могъ бы благословить его впослѣдствіи на царство.

Подробности переговоровъ, происходившихъ въ Москвѣ, неизвѣстны, но зная, какими принципами руководствовался въ своей политикѣ тогдашній правитель Московскаго государства, можно догадываться о томъ, въ какомъ духѣ они велись.

Послѣ царствованія Иоанна IV, Россія нуждалась въ покой и мирѣ; надобно было дѣйствовать искусно, чтобы удержать стѣленныя имъ завоеванія, не подавая повода къ войнѣ. Годуновъ, правившій именемъ Феодора Ioannovicha, не только не думалъ отказываться отъ Казани и Астрахани, но укрѣплялъ линію Дона и Терека и подготовлялъ исподволь присоединеніе Грузіи, что могло повести со временемъ къ войнѣ съ Турцией.

Между тѣмъ въ 1584 г. въ Константинополь былъ отправленъ посолъ, объявить сultану о вступленіи на престолъ Феодора Ioannovicha, напомнить ему о добрыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Ioannomъ III и Баязетомъ, Василіемъ и Сулейманомъ, Ioannомъ IV и Селимомъ, возобновить торговые договоры и обратить вниманіе сultана на вѣротерпимость царей, доказательствомъ коей служили мечети, сооружаемыя въ самомъ центрѣ страны, въ Касимовѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1592 г., царь Феодоръ и Годуновъ выразили сultану свое удовольствіе по поводу того, что имъ удалось отклонить воинственные предложения императора австрійскаго, папы, Испаніи, Польши и Персіи, которые поклялись уничтожить полумѣсяцъ; турки отвѣчали въ томъ же тоиѣ, посыпали въ Москву своихъ чаушей, но, не довѣряя словамъ, требовали болѣе вѣскихъ доказательствъ дружбы со стороны Московскаго государства.

Съ татарами Годуновъ поладилъ очень скоро: «готовится страшная война, писалъ онъ имъ; соединенные силы западныхъ державъ пойдутъ на Константинополь, мнѣ предлагаются въ добычу Крымъ, но я заранѣе отказываюсь отъ него и предпочитаю быть съ вами въ добрыхъ отношеніяхъ». Благодаря этой хитрости, ему удалось заключить въ 1593 г. съ татарами миръ.

Такова была официальная политика Годунова, а въ тайнѣ онъ посыпалъ Рудольфу деньги и драгоценные мѣха и поощрялъ его къ войнѣ противъ турокъ.

Съ недавними соперницами Россіи, со Швеціей и Польшей, Годуновъ старался поддержать мирные отношенія. Шведы, которые

страдали въ то время оть внутреннихъ междуусобий, раздѣляли эти миролюбивыя стремленія. Обѣ державы не спѣшили обнажить мечь, хотя ихъ войска стояли наготовѣ и могли каждую минуту вступить въ бой; но это была лишь демонстрація, имѣвшая цѣлью ускорить переговоры и добиться болѣе выгодныхъ условій мира, который и былъ, наконецъ, заключенъ 9-го (18-го) мая 1595 г. на почвѣ взаимныхъ уступокъ. Особой статьей этого договора была обеспечена русскимъ свободоа сношеній съ западными державами черезъ Швецію, при чёмъ эта привилегія распространялась и на купцовъ, врачей и ремесленниковъ.

Успокоенный относительно шведской границы, Годуновъ не нарушалъ также перемирія, заключеннаго въ 1591 г. съ Польшой, хотя въ тайнѣ онъ возбуждалъ противъ нея Австрію.

Въ то время, какъ онъ велъ въ главныхъ чертахъ, такимъ образомъ, вицѣнюю политику Россіи, въ его головѣ созрѣвали замыслы на будущее, вполнѣ оправдываемые неспособностью и недолговѣчностью слабаго и болѣзненнаго Феодора Ioанновича, у которого не было прямого наследника.

Полная несостоятельность Феодора, какъ правителя, засвидѣтельствована современниками. Одинъ изъ нихъ, Флетчеръ, такъ описываетъ препровожденіе времени царя. Уже въ четыре часа къ нему явился духовникъ съ крестомъ и образами, чтобы благословить его помолиться вмѣстѣ съ нимъ и призвать на него благословеніе святыхъ, память которыхъ чтилась въ тотъ день. Затѣмъ царь посыпалъ освѣдомиться о здоровье царицы, которая помышдалась въ отдѣльныхъ покояхъ, потому они отправлялись вмѣстѣ къ заутрени. Въ девять часовъ утра онишли въ другую церковь къ обѣднѣ; богослуженіе не мѣшало бесѣдѣ и дѣла смиѳшивались съ молитвою. Вскорѣ послѣ обѣдни подавался обѣдъ, послѣ котораго полагался отдыхъ или, лучше сказать, трехчасовой глубокой сонъ. Остальное время дня, за исключеніемъ вечерни, посвящалось невиннымъ развлеченіямъ; карлики и шуты увеселяли царя и царицу пѣснями и танцами; вышивальщицы и золотыхъ дѣлъ мастера показывали имъ свои произведенія; для разнообразія устраивался время оть времени бой медвѣдей. День оканчивался ужиномъ и молитвами, которыя читались снова духовникомъ.

Неудивительно, что при такомъ образѣ жизни Феодоръ не могъ исполнять обязанностей своего царскаго сана. Къ тому же здоровье его мало-по-малу слабѣло. Единственная его дочь скончалась въ колыбели, а его братъ Димитрій погибъ таинственнымъ образомъ въ Угличѣ въ 1591 г. Династія Рюриковичей угасала. На ступеняхъ престола стоялъ на стражѣ Годуновъ, котораго самые недальновидные люди подозревали въ желаніи овладѣть короной.

Какой результатъ могли имѣть при этихъ условіяхъ переговоры съ

папскимъ посломъ? Лично ему было оказанъ въ Москвѣ самый превосходный приемъ; купцамъ, которые, какъ водится, сопровождали Комуловича, были предоставлены всевозможныя льготы; не были забыты и обычные соболя, которые ему было поручено отвезти папѣ, но эти любезности ни къ чему не обязывали. Неизвѣстно, обсуждался ли съ нимъ вопросъ о вѣрѣ и о единеніи съ Римомъ, но въ этомъ можно усомниться, такъ какъ подобный вопросъ вызвалъ бы, конечно, сильное противодействіе со стороны русскихъ; къ тому же возбуждать его было неудобно въ такой моментъ когда Годунову былъ нуженъ патріархъ, который провозглашалъ бы его царемъ.

Что касается политики, то переговоры ограничились простымъ обмѣномъ мыслей: Годуновъ выразилъ обычное желаніе, чтобы въ Москву съѣхались послы западныхъ державъ для обсужденія вопроса о лигѣ; относительно Швеціи, онъ высказалъ Комуловичу свои намѣренія, но это не помѣшало ему заключить съ нею миръ въ томъ смыслѣ, какъ онъ хотѣлъ.

Николай Варкочъ, посланный въ Москву императоромъ Рудольфомъ вслѣдъ за Комуловичемъ, могъ похвастать болѣшимъ успѣхомъ; онъ добился для своего монарха денежной субсидіи въ 150 тысячъ флориновъ, которые были выданы, впрочемъ, не деньгами, а драгоценными мѣхами; эти мѣха были выставлены напоказъ во дворцѣ въ Прагѣ и проданы ганзейскими купцами.

Такъ какъ донесеніе Варкоча съ отчетомъ о его побѣдѣ утрачено, то нѣтъ данныхыхъ, на основаніи которыхъ можно было бы утверждать, что именно говорилось въ Москвѣ между нимъ и боярами по животрепещущему вопросу о престолонаслѣдіи и посылки въ Кремль эрцгерцога, о чёмъ ему разрѣшено было начать переговоры. Комуловичъ, выѣхавший изъ Москвы 13-го (22-го) мая въ Вильно, не подозрѣвалъ, вѣроятно, этихъ тайнъ.

По приѣздѣ въ Вильно, ему представилось новое, трудное и обширное поприще дѣятельности. Нунцій возложилъ на него обязанность объѣхать обширную Литовскую епархію, которая оставалась пять лѣтъ безъ пастыря.

Населеніе этой мѣстности было грубо и невѣжественно, дѣти не-крещены, приходы не имѣли священниковъ или священники не знали мѣстнаго нарѣчія.

Комуловичъ энергично принялъ за дѣло и прежде всего счѣль нужнымъ позаботиться объ образованіи духовенства, на что, по его просѣбѣ, было ассигновано десять тысячъ флориновъ. Значительная сумма была также ассигнована на возобновленіе собора, пришедшаго въ ветхость, и на увеличеніе благолѣпія богослуженія. Вообще Комуловичъ оставилъ о себѣ въ Вильнѣ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ дѣя-

тельномъ, энергичномъ и безкорыстномъ. Къ сожалѣнію, донесенія, которыя посылались имъ въ Римъ, также утрачены, а въ нихъ, безъ сомнѣнія, заключалось не мало любопытныхъ свѣдѣній.

Не смотря на свою плодотворную дѣятельность въ Литвѣ, Комуловичъ пробылъ тамъ недолго; ему пришлось, по повелѣнію папы, въ скоромъ времени отправиться опять въ Москву.

Не смотря на неудачу всѣхъ предыдущихъ переговоровъ, Климентъ VIII не оставлялъ мысли объ организаціи похода противъ Турціи, и съ этой цѣлью имъ былъ посланъ въ іюнь мѣсяца 1595 г. въ Польшу кардиналъ Кастани, который проявилъ большую дѣятельность въ Краковѣ и Варшавѣ и дважды посыпалъ своего секретаря Ваноцци къ всемогущему польскому канцлеру. Итальянскій дипломатъ былъ пораженъ всѣмъ видѣніямъ въ Польшѣ.

Замосцье, основанное канцлеромъ недавно, приняло уже видъ изящнаго укрѣпленного города, въ немъ появилась великолѣпная церковь, академія, школы, библіотека, наполненная рѣдкими книгами и рукописями, замокъ съ обширными конюшнями; городъ былъ обнесенъ рвомъ и валами. Самъ канцлеръ произвелъ на него весьма благопріятное впечатлѣніе: высокаго роста, стройный, онъ держалъ себя съ большими достоинствами, свободно говорилъ по-латыни и отзывался о папѣ и королѣ съ большими почтеніемъ. Ваноцци широко воспользовался польскимъ гостепріимствомъ; пиры продолжались не менѣе четырехъ часовъ; подъ звуки музыки подавались изысканныя блюда и дорогія вина; сервировка стола сверкала золотомъ и серебромъ.

Аудіенціи, данныя Ваноцци Замойскимъ, не уступали продолжительностью пирамъ, но не имѣли желаемаго результата.

— Польша, говорилъ Замойскій, не можетъ одна помѣриться силами съ Турціей, а для того, чтобы организовать лигу, пришлось бы возвратиться къ планамъ Сикста V.

Новый же проектъ папы былъ основанъ на союзѣ Польши и Австріи, на которую канцлеръ не возлагалъ никакихъ надеждъ.

Не успѣвъ ничего добиться въ Польшѣ, папа рѣшилъ сдѣлать еще одну попытку въ Москвѣ и какъ только Комуловичъ окончилъ обѣздъ своей Литовской епархіи, на него была возложена новая миссія къ царю Феодору Ioannovichу.

18-го (27-го) мая 1596 г. нунцій Маласпина препроводилъ ему въ Вильну паспортъ, тысячу флориновъ на путевые издержки и письмо короля Сигизмунда III къ Феодору Ioannovichу.

Ему велѣно было ходатайствовать въ Москвѣ о томъ, чтобы были прекращены набѣги татаръ, выяснить вопросъ о намѣреніи царя принять участіе въ лигѣ противъ Турціи; и въ случаѣ его не желанія примкнуть къ ней, могутъ ли Польша и Швеція, начавъ войну съ

Турцій, быть увѣрены, въ томъ, что имъ не угрожаетъ опасность со стороны Москвы; если царь выразитъ желаніе участвовать въ лигѣ, то Комуловичу вѣльно было сказать ему, что съѣздъ пословъ, по дальности разстоянія, не можетъ происходить въ Кремль; онъ долженъ быть напомнить ему обѣщанія относительно Швеціи и такъ какъ мирный договоръ съ нею еще не былъ ратифицированъ, то склонить царя нарушить договоръ, въ случаѣ, ежели шведы возстанутъ противъ Сигизмунда III, и, наконецъ, коснуться вопроса объ уніи, принятой на Брестскомъ соборѣ.

Комуловичъ такъ же, какъ и въ первую поѣздку, долженъ быть дѣйствовать во всемъ согласно съ видами Австріи и дажеѣхать вмѣстѣ съ посломъ Рудольфа, Авраамомъ Донаю. Къ счастью для Комуловича, они не поѣхали вмѣстѣ, и онъ избѣгнулъ такимъ образомъ непріятностей, которая постигли австрійского посланника въ Литвѣ; а съ иимъ случилось слѣдующее приключение.

Въ Польшѣ разнесся слухъ, будто Дона везетъ Феодору знаки королевскаго достоинства; сношенія австрійскаго императора съ Москвою придавали єтимъ слухамъ нѣкоторую долю вѣроятія. Такъ какъ въ Польшѣ издавна вѣрили въ мнимое желаніе московскихъ царей возложить на свою главу корону западной державы, то Сигизмундъ III повѣрилъ и этому слуху и отдалъ строгое приказаніе задержать посланаго, который и былъ арестованъ въ Юрьевѣ, не смотря на предъявленныя имъ охранныя граматы; ему пришлось употребить не мало энергіи, чтобы добиться разрѣшенія продолжать путь.

Въ исходѣ августа 1597 г. снова распространился тревожный слухъ: литовскій канцлеръ Сапѣга утверждалъ, что Дона уже поднесъ Феодору корону, что новый король изгналъ изъ Москвы польскихъ купцовъ, произвелъ смотръ войскамъ и послалъ на границу значительныя силы.

Эти свѣдѣнія были ложны, но они такъ взволновали умы, что папскому легату, кардиналу Кастані, и варшавскому нунцію съ трудомъ удалось успокоить поляковъ. Ихъ положеніе было тѣмъ болѣе затруднительно, что въ то время, какъ всѣ волновались, король упорно молчалъ; нунцій думалъ, что Дона обманулъ его, и жаловался, что онъ не посвященъ въ эти тайные происки. Наконецъ, король далъ аудіенцію Сапѣгѣ и нунцію и заявилъ имъ, что онъ твердо рѣшилъ не допускать коронованія Феодора, но что онъ будетъ дѣйствовать осторожно.

Въ Польшѣ успокоились окончательно только по возвращеніи Доны изъ Москвы, когда оказалось, что всѣ эти слухи были невѣрны.

Впрочемъ, и Комуловичъ испыталъ въ пути не менѣе треволненій, нежели австрійскій посланникъ. Онъѣхалъ вмѣстѣ съ виленскимъ каноникомъ Бульпато, и съ ними случилось недоразумѣніе въ Оршѣ, куда они прибыли въ исходѣ марта 1597 г. Комуловичъѣхалъ изъ Литвы, а

на вопросъ, откуда онъ ёдетъ, говорилъ, что онъ ёдетъ по порученію папы; русскіе не допускали мысли, чтобы посланный папою могъ ёхать изъ Вильны; не довѣряя его словамъ, они отнеслись къ нему крайне нелюбезно, даже грубо и, не смотря на полученные изъ Москвы приказанія, едва не уморили несчастнаго дипломата въ Оршѣ голodomъ, на что онъ жаловался самому царю въ письмѣ изъ Смоленска.

«Болѣзнь задержала меня въ Вильно,—писалъ онъ,—но я нахожусь въ постоянной перепискѣ съ папою; я везу посланіе отъ Климента VIII съ «полнымъ титуломъ», какого Поссевинъ не могъ добиться отъ Григорія XIII. Если бы поляки это подозрѣвали, то они не пропустили бы меня».

Маленькая хитрость, къ которой прибегнулъ Комуловичъ, упомянувъ о титулѣ, не имѣла ожидаемаго успѣха; ему былъ оказанъ въ Кремль самый холодный приемъ. Его не только держали, по обыкновенію, въ совершенномъ одиночествѣ, но русскіе были съ нимъ даже сдержаннѣе, нежели въ первый его прїездъ. Дона утверждалъ даже, что такъ какъ Комуловичъ ѿхалъ изъ Вильны и не могъ предъявить никакихъ офиціальныхъ документовъ, то его сочли въ Москвѣ просто-на-просто шлюномъ.

Сжалившись надъ нимъ, Дона замолвилъ за него слово, и тогда только положеніе несчастнаго аббата сдѣлалось болѣе спокойно. Поляки приписывали враждебное отношеніе къ Комуловичу со стороны русскихъ Брестской уніі, въ коей его считали однимъ изъ самыхъ усердныхъ дѣятелей.

Помимо этихъ маловажныхъ подробностей, о пребываніи Комуловича въ Москвѣ въ 1597 г., не сохранилось никакихъ свѣдѣній; имѣются только два письма Феодора къ Клименту VIII, на основаніи которыхъ можно судить о результатѣ его миссіи.

Царь высказываетъ въ этихъ письмахъ непоколебимое желаніе, чтобы послы западныхъ державъ сѣхались на совѣщаніе въ Москву; дальность разстоянія, по его словамъ, ничего не значила; свои права на эту уступку царь доказывалъ тѣмъ, что онъ отвлекъ татаръ отъ Венгрии, и что онъ постарался двинуть персовъ противъ турокъ.

Денежная субсидія, данная имъ Рудольфу, подорвала дружественные отношенія царя къ султану, писалъ Феодоръ Иоанновичъ; тѣмъ не менѣе, онъ обещалъ быть щедрымъ и впредь, лишь бы императоръ согласился на сѣздъ посланниковъ. Относительно Швеціи царь выказывалъ по-прежнему воинственные замыслы: «Она не соблюдаетъ условій договора,—писалъ Феодоръ;—намъ не возвращены наши города и крѣпости; война между нами неизбѣжна, кровь будетъ пролита, и за нее будутъ отвѣтственны клятвопреступники».

Въ этомъ же родѣ были даны отвѣты Аврааму Донѣ, при чёмъ царь

горько жаловался на Рудольфа II, говоря, что онъ болѣе склоненъ получать отъ него деньги и мяха, нежели организовать съездъ пословъ въ Кремль. Въ общемъ, если не считать денегъ, данныхъ императору по ходатайству Варкоча, то все это были только одни громкія слова и обѣщанія.

Также малоуспѣшны были хлопоты кардинала Кастані въ Польшѣ; удрученный этимъ, онъ писалъ 27-го марта (5-го апрѣля) 1597 г. въ Римъ, что онъ выѣзжаетъ вскорѣ обратно въ Италию.

Въ концѣ того же года Комоловичъ возвратился въ Варшаву, гдѣ онъ пробылъ до сейма 1598 г. Вторичная поѣздка въ Москву разсѣяла послѣднія заблужденія славянскаго дипломата, такъ недавно еще мечтавшаго о союзѣ двухъ славянскихъ державъ.

Неудача переговоровъ, возложенныхъ на Авраама Дону, не застала императора австрійскаго отказаться отъ своихъ плановъ. Дона не имѣлъ полномочій для организаціи лиги противъ турокъ, потому ему не удалось выхлопотать денежной субсидіи; русскіе не хотѣли дать денегъ до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны не подпишутъ договоръ, и не сдавались ни на какія убѣжденія.

Поэтому Рудольфъ II рѣшилъ еще разъ отправить въ Кремль послана, давъ ему болѣе обширныя полномочія. Выборъ палъ снова на Дону.

Этотъ разъ его инструкціи были измѣнены: въ Австріи отказались отъ мысли посадить на престолъ Мономаха эрцгерцога; тамъ поняли, наконецъ, что московская корона предназначалась для другихъ, и Австрія помирилась съ этимъ. «По всѣмъ дѣйствіямъ и поступкамъ Бориса Годунова», говорилось въ инструкціяхъ, въ составленіи которыхъ, вѣроятно, принималъ участіе самъ Дона, можно понять, что этотъ бояринъ надѣется достигнуть престола самъ или посадить на него своего сына и въ виду этого желаетъ заключить союзъ съ Австріей. Донъ было разрѣшено сказать ему, по секрету, что если престолъ перейдетъ къ нему или къ его сыну, то онъ можетъ разсчитывать на дружбу Габсбурговъ.

Но обычнаѧ медлительность Австріи была причиной, что этотъ дальновидный шагъ не былъ сдѣланъ своевременно. Курьеръ, посланный съ письмомъ къ Годунову, былъ задержанъ по пути поляками; второму курьеру, посланному вслѣдъ за нимъ, удалось перейхать границу, и онъ сообщилъ изъ Пскова важную новость о кончинѣ Феодора Ioannovича и о вступленіи на престолъ Бориса Годунова.

Такимъ образомъ инструкціи, данные Дону, оказались несвоевременны; въ виду совершившагося въ Москвѣ событія, приходилось дѣйствовать иначе.

Достигнувъ власти, Борисъ Годуновъ выказалъ себя во многихъ

отношенияхъ человѣкомъ болѣе передовыемъ, нежели его современники, монархи другихъ славянскихъ державъ.

Онъ смотрѣлъ съ завистью на Западъ и на его цивилизацію. Не имѣя возможности сооружать школы, такъ какъ противъ этого было духовенство, опасавшееся свѣта просвѣщенія, онъ рѣшилъ выполнить планъ, подсказанный Ioannu Грозному Поссевиномъ, и который былъ впослѣдствіи принять Петромъ Великимъ, а именно: онъ рѣшилъ послать за границу молодыхъ людей для обученія наукамъ. Нѣсколько человѣкъ было послано имъ въ Любекъ, въ Англію, Францію и Австрію; но эта первая попытка окончилась полной неудачей; ни одинъ изъ этихъ молодыхъ людей не возвратился на родину. Кромѣ того, онъ вызвалъ изъ-за границы рабочихъ, ремесленниковъ, купцовъ, военныхъ врачей и послѣднимъ оказывалъ особое вниманіе и почести. Англійскіе и нѣмецкіе купцы пользовались при немъ такими привилегіями, какихъ не имѣли русскіе торговцы, а военныхъ наѣхало изъ-за границы такъ много, что изъ нихъ были составлены цѣлые роты.

Въ глазахъ такого горячаго поклонника всего иностранного дипломатическія сношенія должны были имѣть особенно важное значеніе. И дѣйствительно, Борисъ Годуновъ дорожилъ ими, тѣмъ болѣе, что честолюбіе заставляло его искать для своихъ дѣтей брачныхъ союзовъ среди представителей западныхъ королевскихъ фамилій. Но зато сношенія съ Римомъ не имѣли цѣли въ его глазахъ, онъ не видѣлъ отъ нихъ никакой материальной пользы, а въ религіозные споры предпочталь не вмѣшиваться. Польскіе іезуиты очень скоро имѣли случай убѣдиться въ этомъ.

Получивъ отъ Бориса Годунова извѣщеніе о вступленіи на престолъ, король польскій, согласно обычая, отправилъ въ Кремль, во второй половинѣ 1600 г., посольство, чтобы поздравить его отъ имени короля. На это посольство были возложены и нѣкоторыя болѣе важныя порученія. Во главѣ его находился литовскій канцлеръ, Левъ Сапѣга. Его имя само по себѣ было цѣлой политической программой. Онъ зналъ Москву, куда онъ ёздилъ при вступленіи на престолъ Феодора Ioанновича, и имѣлъ совершенно ясные и опредѣленные взгляды на всѣ вопросы, которые ему предстояло обсуждать. По рожденію кальвинистъ, онъ принялъ въ 1586 г. католическую вѣру и сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ея послѣдователей; поэтому онъ горячо привѣтствовалъ Брестскую унію и былъ бы радъ, если бы она распространилась на всю Россію. По желанію Сапѣги, вмѣстѣ съ нимъ было послано въ Москву два іезуита, изъ коихъ одинъ былъ прекрасный проповѣдникъ.

За мѣсяцъ до отѣзда въ Москву эти іезуиты отправились въ имѣніе Сапѣги, въ Бѣлоруссію, гдѣ они подготовлялись къ своей мис-

сіонерской дѣятельности среди русскихъ. Канцлеръ и его семейство, служа примѣръмъ благочестія, присутствовали каждый разъ при богослуженіи и слушали проповѣди. День рождества Пресвятой Богородицы былъ отпразднованъ въ Могилевѣ съ особенной торжественностью, послѣ чего они отправились въ путь и 7-го (16-го) октября прибыли въ Москву, гдѣ ихъ ожидало большое разочарованіе.

Не смотря на всѣ старанія іезуитовъ и на поддержку со стороны Сапѣги, они не могли не только приступить къ своей місіонерской дѣятельности и къ обсужденію вопросовъ, касавшихся религіи, но даже вступить въ какое-либо общеніе съ русскими. Они были обречены на полное одиночество. Борисъ Годуновъ отнесся къ нимъ подозрительно; такъ что имъ пришлось отказаться отъ всякой внѣшней дѣятельности и ограничиться исполненіемъ своихъ духовныхъ обязанностей среди членовъ посольства, какъ писалъ объ этомъ о. Мартинъ генералу Аквариву изъ Полоцка 30-го марта (8-го апрѣля) 1601 г., присовокупляя съ грустью, что все сказанное Поссевиномъ въ его «Moscovia» совершенно вѣрно, что русскіе питаютъ къ католикамъ непримиримую ненависть, что они глубоко предубѣждены противъ папы и упорно держатся своихъ взглядовъ, не поддаваясь никакимъ убѣжденіямъ.

Всѣ попытки къ сближенію съ русскими, сдѣянныя самимъ Сапѣгою, окончились также неудачно. Онъ привезъ въ Москву проектъ договора, состоявшій изъ двадцати трехъ или четырехъ пунктовъ, который напоминалъ, во многихъ отношеніяхъ, обширный планъ Баторія, клонившійся къ славію поляковъ съ русскими. Сапѣгою былъ поднять въ Москвѣ вопросъ не только о свободѣ торговли, выдать преступниковъ, покушкѣ и продажѣ имѣній, обѣ облегченіи браковъ между русскими и поляками, о сооруженіи церквей и территоріальныхъ уступкахъ, но въ то же время обсуждался вопросъ о новомъ порядкѣ престолонаслѣдія, который долженъ былъ привести неизбѣжно къ польскому владычеству. Во всемъ этомъ ясно проглядывала задняя мысль Сигизмунда; онъ хотѣлъ слить Московское государство съ Литвой и подготовить путь къ новой Люблинской унії. Но съ Борисомъ Годуновымъ подобные замыслы не могли имѣть удачи; достигнувъ власти, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы упрочить на вновь приобрѣтенному престолу свою династію.

Въ Кремльѣ польское посольство было принято холодно. За послами былъ учрежденъ бдительный надзоръ, ихъ изводили безконечными проволочками; они долго не могли получить аудіенціи. Борисъ отговаривался болѣзни. Сапѣга очень скоро понялъ уловку Годунова, онъ угрожалъ Польшѣ союзомъ съ Швеціей, а Швеціи союзомъ съ Польшей, съ цѣлью добиться съ той и съ другой стороны наиболѣе выгодныхъ условій при заключеніи мира. Поляки скоро убѣдились въ томъ, что

программа, намѣченная ими, была слишкомъ обширна и что не стоило затрагивать многие вопросы; поэтому они требовали слѣдующіе три пункта: свобода торговли, включая въ это приобрѣтеніе недвижимой собственности; сооруженіе латинскихъ церквей въ особыхъ случаяхъ; наконецъ, уступка Польшѣ нѣкоторыхъ земель.

Но и эти, значительно ограниченные требования показались боярамъ чрезмѣрными. Они отвѣчали на нихъ уклончиво, тѣмъ болѣе, что Сапѣга упорно отказывался дать Годунову царскій титулъ. Видя, что поляки хотѣли расширить сношенія съ Москвою, Борисъ Годуновъ поставилъ себѣ задачею воспрепятствовать этому, и чѣмъ больше поляки старались добиться этого, тѣмъ менѣе онъ выказывалъ готовности поддержать ихъ.

Что касалось сооруженія латинскихъ церквей, то Годуновъ отвѣчалъ Сапѣгѣ отказомъ, точно такъ же, какъ Иоаннъ IV—Поссевину. Онъ боялся, по его словамъ, чтобы это нововведеніе не вызвало ереси среди народа. Это нравилось его приближеннымъ. Разсказываютъ даже, будто однажды, когда онъ громко защищалъ православіе, одинъ бояринъ, вставъ, сказалъ, что это говорить не земной монархъ, а что его устами говорить небесный ангелъ. Мысль о добровольной уступкѣ нѣкоторыхъ земель была отвергнута съ негодованіемъ. Бояре предпечти бы обеспечить себя отъ возможности войны въ близкомъ будущемъ, выяснивъ вопросъ о Ливоніи, принадлежавшей Польшѣ, которую хотѣли овладѣть шведы, и которую были бы че прочь приобрѣсти русскіе.

Польские дипломаты имѣли случай убѣдиться въ томъ, что въ московскомъ правительствѣ произошла большая перемѣна. Царь Борисъ уже не походилъ на прежняго говорчивааго и услужливааго боярина Годунова. Онъ даже былъ уже не тотъ человѣкъ, какъ въ первые дни своего царствованія. Онъ былъ всепѣло поглощенъ заботою объ упроченіи своей династіи и, желая обеспечить престолъ своему сыну, относился безпощадно ко всему и ко всѣмъ; всѣ тѣ, кто возбуждали въ немъ малѣйшее подозрѣніе, безжалостно приносились въ жертву, его жестокость изумляла даже людей, жившихъ въ царствованіе Иоанна Грознаго. Впрочемъ, Борисъ остался вѣренъ старинной дружбѣ, связывавшей его съ Сапѣгою; онъ отнесся къ нему гораздо снисходительнѣе, нежели онъ отнесся бы ко всякому другому, и не хотѣлъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, которыхъ бояре совѣтовали ему употребить, чтобы побѣдить упорство канцлера.

7-го (16-го) марта 1601 г. Левъ Сапѣга, сообщая изъ Можайска польскому нунцію Рангони свои московскія впечатлѣнія, писалъ, что онъ уѣхалъ изъ Москвы глубоко разочарованный, и вынесъ изъ своего пребыванія въ Кремль самые тѣгостныя личныя воспоминанія. Вниманіе, оказанное ему Годуновымъ, было отрицательного свойства. Съ нимъ не обходились сурово, но онъ жаловался на то, что его держали въ тѣсномъ

заключеніи, и писалъ, что единственнымъ его утѣшениемъ въ Москвѣ была мысль о Богѣ. «Я принялъ на себя эту миссію,—писалъ онъ,—единственно съ цѣлью сблизить московитовъ съ Польшею и Литвою и заключить прочный миръ для того, чтобы распространить здѣсь истины вѣры и человѣко любія, но меня никто не хотѣлъ слушать. Всѣ наши старанія рушились вслѣдствіе упорства и невѣжества русскихъ, и я не имѣю никакой надежды, что этотъ народъ вступить когда нибудь въ лоно истинной церкви, хотя для Бога нѣть ничего невозможнаго».

Въ русскихъ источникахъ не говорится о плохомъ обхожденіи, которому подвергались послы, но упоминается о томъ, что между ними и боярами происходили горячіе и оживленные споры, доходившіе до бранія. Не смотря на это, все же было заключено на двадцать лѣтъ перемиріе, утвердившее *statu quo*.

Для ратификаціи договора отправились въ Вильно въ январѣ мѣсяца 1602 г. бояринъ Михаилъ Салтыковъ и дьякъ Афанасій Власьевъ. Вопросъ о титулахъ вызвалъ здѣсь вновь нескончаемыя пререканія: Годуновъ настаивалъ на царскомъ титулѣ, а Сигизмундъ III на титулѣ короля польскаго и шведскаго. Относительно этого обѣ стороны ни до чего такъ и не могли договориться; каждый остался при своемъ.

Русские послы во многихъ отношеніяхъ вызвали удивленіе нунція Рангони. Ихъ дорогая и великолѣпная одежда не соответствовала ихъ грубымъ манерамъ. Когда гордые польскіе шляхтичи, страстно любившие бурные сеймы и шумные выборы, говорили имъ о прелестяхъ свободы, то они ложились плечами, плевали на полъ въ знакъ презрѣнія и отвѣчали: «какая тамъ свобода! какая тамъ свободы!»

Между тѣмъ политическая атмосфера Польши была до того проникнута мыслью о необходимости союза съ Москвою, планы Баторія были такъ заманчивы, что самъ Замойскій, этотъ старый испытанный въ бояхъ воинъ, увлекался мечтою о великой славянской монархіи; онъ не думалъ уже о войнѣ съ Москвою, но мечталъ о брачномъ союзѣ и, какъ утверждаетъ нунцій Рангони, проводилъ мысль о бракѣ овдовѣвшаго въ то время Сигизмунда съ дочерью Бориса Годунова. Если бы этотъ планъ осуществился, то потомокъ Вазы и дѣвушка татарскаго происхожденія, соединясь брачными узами, рѣшили бы вѣковую задачу, надъ которой столь многіе дипломаты трудились безплодно.

Несговорчивый въ дѣлахъ политики и въ дѣлахъ религіи, Годуновъ умѣлъ быть любезенъ и даже предупредителенъ, когда не затрагивали его насущныхъ интересовъ. Два папскихъ посла, прибывшіе въ Москву вслѣдъ за Салтыгомъ, проѣздомъ въ Персію были приняты любезнѣе его: съ ними обошлись несравненно лучше, чѣмъ съ польскими іезуитами.

Поводомъ къ посылкѣ этихъ пословъ въ Персію послужило слѣдующее обстоятельство:

Было время, когда папы неоднократно, но безуспешно предлагали персидскимъ шахамъ заключить союзъ для борьбы противъ турокъ; теперь же персидскій шахъ, по своей собственной инициативѣ, предложилъ европейскимъ державамъ соединиться и идти противъ общаго врага.

Въ 1599 г. имъ было отправлено съ этой цѣлью посольство въ Польшу, Германію, Англію, Испанію, Венецію и Римъ. Климентъ VIII счелъ долгомъ не уклоняться отъ переговоровъ и послалъ въ Персию для совѣщаній съ шахомъ Аббасомъ своихъ представителей: свѣтскаго донъ Діего Энрикезъ Миранду и духовнаго Франческо Дакоста. Самый удобный путь на Востокъ былъ черезъ Москву. Какъ припомнимъ, Поссевинъ выхлопоталъ у Иоанна IV для миссіонеровъ право свободнаго проѣзда въ Персию, чѣмъ ви одинъ изъ нихъ до тѣхъ поръ не воспользовался. Пробывъ въ Москву 15-го (25-го) августа 1601 г. съ письмомъ отъ императора Рудольфа, Миранда и Дакоста были представлены Борису австрійскимъ посланникомъ, какъ миссіонеры, ѿхавшіе въ Персию для проповѣди Евангелія.

Португальцы провели въ Москвѣ около десяти дней и не нахвалились Годуновымъ и его сыномъ. На аудіенціи они пришли въ восторгъ отъ величественной осанки монарха и отъ его внушительной наружности.

Годуновъ далъ имъ вторую аудіенцію, посыпалъ къ нимъ ежедневно своихъ приближенныхъ освѣдомляться объ ихъ здоровыи и принялъ личное участіе въ устройствѣ ихъ путешествія до Астрахани, дабы исполнить этимъ, какъ онъ говорилъ, желаніе папы и императора, своего брата. Португальцы были очарованы его любезнымъ и милостивымъ пріемомъ.

«По истинѣ, — писалъ Дакоста изъ Москвы нунцію Рангони 28-го августа (6-го сентября) 1601 года, — царь не могъ сдѣлать болѣшаго, и никто не выказалъ намъ столько благоволенія и почести, какъ этотъ монархъ и его сынъ. Нашъ святѣйшій отецъ долженъ благодарить его за то, что онъ принялъ насъ, по его просьбѣ, такъ милостиво и съ такой отмѣнной любезностью».

Миранда шелъ еще дальше и видѣлъ въ любезности царя несомнѣнное доказательство его расположенія къ папѣ.

Это заключеніе было одѣлано, конечно, слишкомъ поспѣшно: въ царствованіе Феодора Иоанновича, бояринъ Годуновъ не выказывалъ особынаго желанія сблизиться съ Римомъ; достигнувъ власти, царь Борисъ также уклонялся отъ сношеній съ папою: религія мало интересовала его. Внѣшніе знаки любезности и даже услуги, оказанныя папскими послами, доказывали только хитрость опричника, достигшаго царскаго престола.

Изъ сдѣланного обзора отношеній, существовавшихъ между пап-

скимъ престоломъ и Москвою въ XVI вѣкѣ, вытекаетъ, что политикою папского престола руководилъ принципъ единства церкви; ея идеаломъ могъ быть только союзъ Востока съ Западомъ, а главною цѣлью, которую преслѣдовала папская дипломатія послѣ завоеванія Константино-поля султаномъ Магомедомъ II въ 1453 году, была война съ турками. Преемники папы Урбана II, который поднялъ Европу противъ ислама и послалъ въ Святую землю закованныхъ въ латы рыцарей, видѣли, что Турція угрожала христіанскому миру, захватывала у него земли, преслѣдовала его вѣру, и они призывали монарховъ и европейскіе народы къ защитѣ креста противъ полумѣсяца; поэтому, всякий разъ когда обстоятельства сближали Кремль съ Ватиканомъ, былъ ли то бракъ Зои съ Ioannomъ III или перемиріе, заключенное Ioannomъ IV съ Стефаномъ Баториемъ, переговоры о текущихъ событияхъ никогда не заслонили неизмѣнной заботы папъ о религіозномъ единеніи Московскаго государства съ Римомъ, и о союзѣ съ нимъ противъ турокъ.

И такъ какъ въ этомъ большемъ частью была замѣшана Польша, то, понятно, что папы старались упрочить миръ между нею и Москвою, чтобы противопоставить Турціи. Тѣсно сплоченное и, по возможности, однородное войско. Хотя они болѣе сочувствовали полякамъ, но ихъ не пугало и главенство въ союзѣ Россіи, ни ея поступательное движеніе къ Константинополю, лишь бы была возстановлена духовная связь Москвы съ Римомъ.

Въ Кремль вѣковыя традиціи, пустившія въ странѣ глубокіе корни, замѣняли принципъ. Русская церковь, подчиненная съ самаго начала византійскому патріарху, носила восточный отпечатокъ. Глава государства, хотя онъ не считался фактически главою церкви, вмѣшивался самовластно въ сферу дѣятельности духовенства, решалъ авторитетно вопросы, превосходившіе его компетентность, и распоряжался, по своему благоусмотрѣнію, духовной іерархіей. Вести переговоры съ папою, признать его главенство, значило бы унизить свою свѣтскую власть и даже унизить себя въ глазахъ невѣжественной толпы. Надѣ этими опасеніями могли бы восторжествовать только высшія богословскія соображенія, но московскіе цари были имъ чужды. Они, вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ своего народа, вѣрили слѣпо въ то, во что вѣрили ихъ отцы, и смотрѣли на католиковъ, какъ на еретиковъ, даже какъ на язычниковъ; далѣе этого ихъ кругозоръ не шелъ.

Мысль о походѣ противъ турокъ также не могла увлечь бывшихъ данниковъ монголовъ. Ихъ не прельщали кровавые лавры, они не посыпали объ отомщеніемъ за предковъ Софіи Палеологъ или объ освобожденіи братушковъ отъ турецкаго ига. Воинственный призывъ, раздававшійся на Западѣ, вызывалъ со стороны Москвы только обманчивыя обѣщанія и платоническое одобрение. Въ то время московскіе цари были все-

цѣло поглощены одною заботою: собрать разрозненные клочки русскихъ земель, образовать обширную монархію на развалинахъ удѣльныхъ княжествъ, возвратить потомкамъ Владимира Святаго блескъ и величіе первыхъ дней и создать такимъ образомъ ту могучую Россію, которая обнимаетъ своими исполинскими руками Европу и Азію, и будущее величіе которой они, быть можетъ, не предугадывали.

Такимъ образомъ, когда папы вступали въ переговоры съ московскими царями, при этомъ сталкивались два совершенно различныхъ міра, у которыхъ не было ничего общаго въ идеяхъ, стремленияхъ и средствахъ. Каждый изъ нихъ жилъ своей особой жизнью, летялъ свой идеаль, быть окружены иной атмосферой. Прощасть, отдѣлавшая Ватиканъ отъ Кремля, была тѣмъ болѣе глубока, чѣмъ менѣе папы и цари знали другъ-друга. Въ совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, къ которымъ присоединились закоренѣлые предразсудки, заключалась главнымъ образомъ тайна тѣхъ проволочекъ, недоразумѣній и препонъ, коими отмѣчены сношения Россіи съ папскимъ престоломъ въ XVI в., хотя въ Римѣ не теряли изъ вида нарождавшейся на Сѣверѣ обширной имперіи и старались поддержать съ нею постоянныя сношения съ цѣлью такъ или иначе подчинить ее своей духовной власти.

В. Тимошукъ.

Изъ дневника П. Г. Дивова.¹⁾

1807 годъ.

Января 25-го. Маркизъ Н. (Месмонъ?) показалъ мнѣ письмо, въ которомъ министръ Будбергъ сообщаетъ ему, что государь поручилъ графу Потоцкому редактированіе «Сѣверной газеты», въ виду того, что Будбергу некогда заняться ею.

Января 26-го. На другой день графъ Потоцкій самъ пріѣзжалъ ко мнѣ переговорить объ этомъ и просилъ моего содѣйствія.

Я отвѣтилъ ему, что беру на себя всѣ материальныя хлопоты, но, впрочемъ, не отказываюсь и доставлять ему материалы, какіе будутъ у меня въ рукахъ.

Января 29-го. Я ѿзидѣлъ объясняться съ министромъ, который сказалъ мнѣ, что графъ Потоцкій самъ предложилъ свои услуги, но что по отношенію меня все остается по-прежнему. Я спросилъ его, нужно ли сохранять тѣ статьи, которыя не будутъ пропущены цензурою. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, если только въ нихъ не сообщаются факты. Я передалъ его превосходительству предложеніе совѣтника Леванды принять на себя редактированіе «Сѣверной газеты» на русскомъ языкѣ. Министръ обѣщалъ испросить на это соизволеніе его величества.

Сегодня разнесся слухъ, что его величество отправляется къ армії. Многіе очень осуждаютъ это, а я говорилъ открыто, что по моему мнѣнію будетъ очень хорошо, если его величество поселится въ Вильно, ибо это ускорить военные дѣйствія, въ которыхъ ему не слѣдуетъ однако принимать непосредственнаго участія.

Января 30-го. Говорятъ по секрету о пораженіи, понесенномъ генераломъ Эссеномъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, январь 1903 г.

Февраля 3-го. Получено извѣстіе о пораженіи французской арміи подъ Прейсишъ-Эйлау. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе въ обществѣ. Но кто могъ бы повѣрить, что графиня Ливенъ, воспитательница великихъ княжень, сдѣала все возможное, чтобы уменьшить значение этой побѣды, попросивъ Бенкендорфа, только-что приѣхавшаго изъ арміи, говорить объ этомъ дѣлѣ, какъ о самой пустяшной побѣдѣ.

Причиною озлобленія лифляндской партіи противъ генерала Бенигсена было увольненіе графа Буксгевдена. Очень жаль, что человѣкъ, спасающій Россію отъ величайшаго бѣдствія, такъ плохо вознаграждается тѣми, коимъ слѣдовало бы однимъ изъ первыхъ превозносить его до небесъ.

Февраля 8-го. Говорять, что его императорское величество, желая разстроить интригу лифляндцевъ противъ храбраго генерала Бенигсена, приказалъ послать полковника Бенкендорфа, приѣхавшаго съ этой цѣлью изъ арміи, съ наградами, назначенными за сраженіе при Прейсишъ-Эйлау. Я былъ нескончально обрадованъ этимъ.

Февраля 16-го. Я получилъ приказаніе выпустить въ свѣтъ «Сѣверную газету».

Февраля 21-го. Я былъ у министра Будберга, чтобы сказать ему, что въ архивахъ не находится документовъ относительно Каролинскихъ острововъ, и, пользуясь случаемъ, просилъ его сказать мнѣ свое мнѣніе о Меркелѣ. Онъ рветъ и мечеть противъ этого писателя и отказался поддержать его просьбу о назначеніи его редакторомъ одного периодического изданія, выходящаго пъ Ригѣ. Видя его озлобленіе, я хотѣлъ дать понять ему, что мнѣ извѣстна причина его непріязни. Поэтому я сказалъ: «Говорить, будто онъ написалъ сочиненіе, направленное противъ лифляндскаго дворянства». Онъ прервалъ меня съ жаромъ, и сказалъ:

— Это сочиненіе меня не касается; дворянство можетъ само постоять за себя, но это писатель безнравственный, онъ смѣется надъ религіей; я даже намѣренъ преслѣдоватъ его, если онъ не откажется отъ своихъ принциповъ; только въ такомъ случаѣ я сдѣлаю что-нибудь для него.

Я обѣщалъ передать это Меркелю.

Отъ Будберга я поѣхалъ къ князю Чарторыйскому, которому рассказалъ о затрудненіи съ Меркелемъ. Онъ пожелалъ мнѣ успѣха въ возвращеніи этой заблудшой овцы на путь истинный, затѣмъ мы говорили о разныхъ текущихъ событияхъ, и я сказалъ ему, что графъ Морковъ пишетъ мнѣ, что онъ поздравилъ императора съ тѣмъ, что у него есть хорошая шпага въ лицѣ Бенигсена и хорошее перо въ лицѣ редактора «Замѣчаній на посланіе Бонапарта Сенату». Князь спро-

силь меня, гдѣ графъ, не уѣхалъ ли онъ въ Летичевъ. Я отвѣчалъ: нѣтъ, онъ въ Москвѣ. Мнѣ показалось, что эта близость его къ столицѣ не нравится князю Чарторыйскому.

Марта 3-го. Въ тотъ же день статѣ-секретарь Юдинъ передалъ мнѣ отъ имени его величества, что я напрасно покровительствую Меркелю, что онъ объяснялся по этому поводу съ государемъ и показалъ ему одно мѣсто въ сочиненіяхъ Меркеля, въ которомъ онъ осмѣиваетъ религию. Признаюсь, я не ожидалъ отъ Будберга такой низости и хотя онъ преслѣдуется Меркеля яко бы изъ-за его нападковъ на религию, но въ сущности онъ истигъ ему за книгу, написанную противъ лифляндцевъ.

Марта 9-го. Я былъ у генерала Сухтелена, съ которымъ мы бесѣдовали о текущихъ событияхъ. Озлобленный противъ Будберга, генераль отозвался о немъ не особенно лестно, въ особенности о служащихъ въ его канцелярии, какъ напр. о Жерве и Шредерѣ, утверждая, что они подкуплены Франціей. Онъ показалъ мнѣ записку, перехваченную будто бы въ Тешенѣ послѣ Аустерлицкаго сраженія, въ которой всѣ наши министры, занимавшіе свои посты въ 1803 г., изображены не въ особенно лестныхъ краскахъ. Эту записку приписываютъ Лесепсу; затѣмъ мы говорили о нашихъ укрѣщеніяхъ, и я совѣтовалъ ему приступить къ сооруженію согласно утвержденному плану укрѣпленій въ Пинскѣ, въ Брестѣ и Ковно.

Въ тотъ же день я имѣлъ довольно продолжительную бесѣду съ секретаремъ капитула Россійскихъ орденовъ Чижовымъ по поводу комиссіи законоў, которая составлена исключительно изъ лицъ, совершенно не знающихъ русскаго языка. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ уже обратилъ на это вниманіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами, коихъ не назначили въ эту комиссію, и сообщилъ по секрету, что по пріѣздѣ изъ Японіи Резанова они, т. е. Чижовъ, Безакъ, Познякъ, Богдановъ, Стражевъ, люди все порядочные, не подкупные, заботясь о благѣ страны, рѣшили взяться за это дѣло энергично. Я сказалъ Чижову, что я присоединюсь къ нимъ и надѣюсь, что дѣло удастся уладить въ желаемомъ смыслѣ.

Марта 11-го. Появился указъ, коимъ объявлено о распущеніи милиціи и о преобразованіи ея въ дѣйствующую армію въ составѣ 200 тысячъ человѣкъ.

Марта 16-го, суббота. Императоръ уѣхалъ въ армію. Да напрavitъ Господь его путь и да внушить онъ ему все, что можетъ послужить къ благу его народа и къ славѣ его подданныхъ.

Мая 25-го. Отслуженъ молебень по случаю взятія Анапы; публики было весьма мало.

Іюня 8-го. Отслуженъ молебень и стрѣляли изъ пушекъ по слу-

чаяю побѣды, одержанной подъ Гейльсбергомъ, но радость была омрачена печальнымъ извѣстіемъ, что наше правое крыло опрокинуто при Фридландѣ и что Бонапартъ овладѣлъ Кёнигсбергомъ. Эта ужасная вѣсть опечалила дворъ до того, что назначенный обѣдъ былъ отмѣненъ.

Іюля 5-го. Императоръ пріѣхалъ въ ночь съ 4-го на 5-е. На слѣдующій день былъ отслуженъ молебенъ, но публика не выказала особынной радости. Это сближеніе съ Наполеономъ, послѣдовавшее послѣ того, какъ его такъ жестоко поносили, и то обстоятельство, что императоръ принялъ орденъ Почетнаго Легіона и далъ Наполеону Андреевскую ленту, огорчило старайковъ военныхъ такъ, что молебствіе прошло довольно холодно.

Августа 9-го. Его величество далъ аудіенцію тайному совѣтнику Чапкому, арестованному кіевскімъ генераль-губернаторомъ Кутузовыи, по подозрѣнію въ возмущеніи умовъ въ Волынской губерніи въ пользу французовъ. До назначенія аудіенціи Чапкому былъ данъ высочайшій рескрипти, коимъ онъ признанъ невиннымъ; по словамъ Чапкаго, его величество извинился передъ нимъ на этой аудіенціи за произошедшее недоразумѣніе, приписавъ его тогдашнимъ обстоятельствамъ и сказавъ, что онъ позаботится о наказаніи губернатора Панкратьева, который донесъ на него. Очень хорошо, что императоръ не поддался внушеніямъ князя Чарторыйскаго, который ходатайствовалъ черезъ Новосильцева о примѣрномъ наказаніи губернатора для удовлетворенія Чапкаго, который хотѣлъ отомстить Панкратьеву.

Августа 15-го. Въ ночь съ 14-го на 15-е число скончался скоропостижно графъ Васильевъ, министръ финансовъ; я былъ этимъ глубоко опечаленъ, въ интересахъ государства, и употребилъ всевозможное стараніе, чтобы на его мѣсто былъ назначенъ Голубцовъ, дабы въ министерство не проникли любители новизны.

Августа 22-го. Объявлено объ увольненіи въ отпускъ Будберга для восстановленія его здоровья и о назначеніи временно управляющимъ дѣлами графа Салтыкова; но это объясненіе, сдѣланное не въ должномъ порядкѣ, носитъ печать времени и тѣхъ людей, коимъ поручено, къ сожалѣнію, управление дѣлами.

Августа 31-го. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ графъ Николай Румянцевъ, коему я послалъ поздравительное письмо. Онъ ничего не отвѣтилъ мнѣ.

Сентября 3-го. Графъ Румянцевъ поручилъ мнѣ написать статью о датскихъ дѣлахъ для помѣщенія ея въ «Петербургской газетѣ». Зная вкусъ графа, я изобразилъ англичанъ самыми черными красками. Онъ сказалъ мнѣ, что я понялъ его, но такъ какъ его ве-

личество полагаетъ, что слѣдуетъ быть сдержаннѣмъ, то я долженъ исключить слишкомъ рѣзкія мѣста, чѣд я и сдѣлалъ.

Сентября 5-го. Поговаривають о разныхъ перемѣнахъ въ администраціи и въ особенности о сосредоточеніи власти въ лицѣ князя Лопухина, это совершенно не въ духѣ тѣхъ лицъ, кои создали министерства.

Сентября 13-го. Говорять о столкновеніи, произшедшемъ между главнымъ казначеемъ Голубцовыимъ и довѣреннымъ лицомъ императора Поповыимъ¹⁾), вслѣдствіе того, что Поповъ вздумалъ вмѣшиваться въ дѣла финансіи. Императоръ приказалъ Попову составить отчетъ за 1806 г., вмѣстѣ съ Голубцовыимъ; послѣдній отказался отъ этого, сказавъ, что онъ и одинъ справится съ этимъ. На другой день, послѣ этого столкновенія, государь помирилъ обоихъ сановниковъ, но Голубцовъ все же одержалъ верхъ.

Сентября 15-го. Говорять, будто бывшій генераль-прокуроръ Беклемешовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать объ уничтоженіи министерствъ; что онъ представилъ проектъ, въ которомъ онъ совѣтуетъ императору сосредоточить все управление внутренними дѣлами въ рукахъ одного лица, а именно князя Лопухина. Говорятъ, будто императоръ отклонилъ этотъ проектъ и поручилъ графу Кочубею написать на него опроверженіе. Однимъ словомъ, говорять, что императоръ дозволенъ учрежденіемъ министерствъ.

Сентября 30-го. Его величество уѣхалъ въ Витебскъ въ сопровожденіи Сперанскаго и Жерве. Этотъ странный выборъ секретарей такъ же неправильнъ, какъ и все остальное. Рассказываютъ, что наканунѣ государь сдѣлалъ строгій выговоръ Новосильцову, по поводу одной статьи, помѣщенной въ «Петербургской газетѣ», въ которой оправдывается дуэль, произшедшая между двумя гвардейскими офицерами. Новосильцову сдѣлалось дурно, и придворные предсказываютъ его паденіе.

Октября 5-го. Я ѿздѣли къ главному казначею Голубцову и бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ и объ интригахъ, которыя ведутся противъ него, не назывъ однако никого. Онъ сказалъ мнѣ по этому поводу, что ему известно, что Гурьевъ старается занять его мѣсто и что его столкновеніе съ Поповыимъ, личнымъ секретаремъ императора, было не болѣе какъ продѣлкою съ его стороны. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что государь высказалъ въ разговорѣ съ нимъ желаніе увеличить налоги для покрытия чрезвычайныхъ расходовъ; и что онъ представилъ его величеству все неудобство обременять страну налогами, въ особенности послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ ею для мили-

¹⁾ Василиемъ Степановичемъ.

ці; его величество промолчалъ, но на другой разъ снова высказалъ въ разговорѣ мысль о необходимости увеличить налоги; тогда главный казначей сказалъ ему, что онъ исполнить приказаніе его величества, и съ этой цѣлью былъ учрежденъ комитетъ, въ составъ котораго вошли: Гурьевъ министръ удѣловъ, гр. Румянцевъ министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Завадовскій министръ народнаго просвѣщенія и главный казначей. Дай Богъ, чтобы этотъ новый налогъ не вызвалъ ропота.

Октября 10-го. Его величество вернулся изъ своей поѣздки въ Витебскъ весьма довольный порядкомъ, найденнымъ въ войскахъ.

Октября 17-го. Я представилъ гр. Румянцеву записку, по по-воду сообщеннаго въ газетахъ извѣстія о возстановленіи во Франціи масонскихъ ложъ, высказавъ въ ней, что этотъ предметъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія правительства, что не слѣдуетъ никогда разрѣшать ложи въ Россіи, ибо Франція могла бы воспользоваться этимъ, чтобы внести раздоръ въ Россію.

Октября 25-го. Статскій совѣтникъ Жерве прѣѣзжалъ ко мнѣ во второмъ часу по порученію гр. Николая Румянцева сказать, что его императорское величество поручаетъ мнѣ напечатать тайно декларацию противъ Англіи. Я въ восторгѣ отъ этого, но сожалѣю, что это не было сдѣлано въ 1801 г., по смерти императора Павла.

Ноября 9-го. Мнѣ было приказано явиться ко двору, чтобы получить приказанія министра внутреннихъ дѣлъ. Его превосходительство объявилъ мнѣ, въ присутствіи прочихъ министровъ, что его величество повелѣлъ мнѣ составить церемоніаль похоронъ грузинской царицы Даріи, скончавшейся сегодня, и которая будетъ похоронена на счетъ казны.

Ноября 15-го. Совершено погребеніе царицы. Въ домъ покойной грузинской царицы собрались къ 10¹/₂, часамъ ихъ величества, обѣ императрицы, императоръ, духовенство, придворные и великія княгини. Послѣ краткой литіи тѣло было поставлено на траурную колесницу. Отъ Владимірской до Александро-Невского монастыря стояли шпалерами войска, коими командовалъ великий князь. Когда выносили тѣло, ихъ величества были вынуждены обождать и поэтому вернулись въ переднюю, где они простояли довольно долго; никто изъ присутствовавшихъ не подумалъ предложить имъ кресла. Войдя въ переднюю, я послѣшилъ сдѣлать это. Императрица Елизавета сказала вдовствующей императрицѣ: сядемте; она отвѣчала, что не хочетъ садиться; въ это время доложили, что кареты поданы.

Ноября 23-го. Въ городѣ поговариваютъ о томъ, что наши войска будутъ посланы въ Индію, и что съ этой же цѣлью будетъ разрѣшено пропускъ нѣсколькимъ тысячамъ французского войска.

1808 годъ.

Января 14-го. Я узналъ сегодня о назначении гр. Аракчеева военнымъ министромъ и очень этому былъ радъ, считая его способнымъ занимать этотъ постъ.

Января 20-го. Гр. Румянцевъ приглашалъ меня къ себѣ, чтобы сказать мнѣ, что его величество, восхищаясь слогомъ Сперанского, поручилъ ему перевести англійскую декларацію и замѣтки изъ «Moniteur»-а. Я былъ очень радъ этому, но пожалѣлъ о томъ, что эту декларацію не хотять напечатать по-русски.

Февраля 3-го. У меня былъ Вейдемейеръ и сообщилъ по секрету, что приказано написать декларацію о вступленіи нашихъ войскъ въ Финляндію. Мнѣ показалось, что это порученіе было для него очень затруднительно, и я предложилъ ему выдать изъ архива печатный экземпляръ деклараціи, сдѣланной главнокомандующимъ гр. Пушкинымъ въ 1788 г.

Февраля 11-го. Графъ Румянцевъ пригласилъ меня, чтобы поручить мнѣ напечатать декларацію противъ Швеціи, которую онъ мнѣ прочелъ. Я нашелъ, что она хорошо написана, безъ лишнихъ словъ.

Февраля 12-го. Гр. Румянцевъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а генералъ Будбергъ уволенъ въ отставку, но въ ущербъ для дѣла императоръ предоставилъ ему (Румянцеву) также завѣдывать министерствомъ торговли (коммерціи).

Февраля 20-го. Получено извѣстіе о взятіи Гельсингфорса, при чёмъ шведы потеряли около 100 человѣкъ, русские столько же.

Марта 3-го. Во вторникъ по обыкновенію обѣдали у меня генералъ Пфуль. Перекинувшись со мною нѣсколькими незначительными фразами, онъ сказалъ, что предположено преобразовать армію по плану, представленному имъ императору. Я сказалъ ему, что мнѣ это извѣстно, и я слышалъ, что гр. Аракчеевъ серьезно занять этимъ, и что самъ императоръ составляетъ планъ реорганизаціи арміи, который Аракчеевъ выдаетъ за свой трудъ. Я совѣтовалъ ему не говорить объ этомъ. Къ тому же, сказалъ я, можно быть увѣреннымъ, что дѣло удастся, колѣ скоро тѣ лица, отъ коихъ оно зависитъ, убѣждены, что полезное нововведеніе есть ихъ собственное изобрѣтеніе.

Марта 13-го. Я послалъ министру иностранныхъ дѣлъ послѣднія записки о шведской войнѣ, а именно объ атакѣ Свеаборга генераломъ Грейтомъ и принцемъ Нассаускимъ. По поводу первыхъ графъ сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ обо мнѣ императору, и что его величество отвѣчалъ ему, что ему некогда читать ихъ, но что ихъ слѣдуетъ сообщать гр.

Аракчееву. Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ меня (если правда, что это было сказано).

Марта 16-го. Генералъ Спренгпортенъ возвратился изъ Финляндіи, ничего не успѣвъ сдѣлать съ гр. Буксгевденомъ, къ которому онъ былъ назначенъ въ совѣтники.

Я послалъ гр. Румянцеву планъ Карлскроны и секретную записку о безнравственности представленій кукольного театра, на которомъ изображается искушеніе св. Антонія.

Марта 19-го. Гр. Румянцевъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы прочитать новую декларацию противъ Швеціи, и велѣлъ мнѣ напечатать ее. Я поблагодарилъ за подарокъ, сдѣланный Россіи, къ которой онъ хотѣлъ присоединить Финляндію. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ надѣется, что все пойдетъ хорошо.

Получено извѣстіе о взятіи Вазы.

Марта 21-го. Оберъ-полицеймейстеромъ назначенъ генералъ Балашовъ на мѣсто Эртеля.

Апрѣля 19-го. Французамъ-эмигрантамъ дано знать черезъ полицію, чтобы они не носили ордена св. Людовика. Это распоряженіе вызвало осужденіе со стороны людей наиболѣе умѣренныхъ.

Апрѣля 24-го. Получено извѣстіе о сдачѣ Свеаборга со всѣмъ флотомъ, состоявшимъ изъ 100 шлюпокъ и 7 фрегатовъ. Это извѣстіе доставило всѣмъ большое удовольствіе.

Апрѣля 27-го. Императоръ повелѣлъ отслужить молебствіе въ Исаакіевскомъ соборѣ и петербургскому гарнизону отдать честь статуѣ Петра Великаго.

Въ этотъ день ожидали большихъ наградъ, но только одинъ Мухановъ произведенъ въ оберъ-шталмейстеры.

Апрѣля 30-го. Скончалась дочь императора, великая княжна Елизавета; она не перенесла прорѣзыванія зубовъ. Мнѣ было приказано составить церемоніаль погребенія, но на другой день гр. Румянцевъ объявилъ мнѣ волю императора, чтобы не было никакого церемоніала.

Мая 6-го. Графъ пригласилъ меня и маркиза Месмона и сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ относительно нѣсколькоихъ статей «Сѣверной Газеты» и велѣлъ намъ приносить по вторникамъ черновики статей для просмотра.

Июня 21-го. Я бывалъ по обыкновенію каждыя двѣ недѣли у гр. Румянцева и представлялъ ему для просмотра статьи для «Сѣверной Газеты». Г. Месмонъ счѣль себя въ правѣ искажать смыслъ офиціальныхъ сообщеній; видя, что графъ какъ будто одобряетъ его дѣйствія, онъ передѣлалъ цѣлую реляцію графа Буксгевдена, уже просмотрѣнную и одобренную его величествомъ, и до такой степени исказилъ всѣ сообщаемые въ ней факты, что напр. въ томъ мѣстѣ, где сказано, что гр.

Денисовъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство 1.500 человѣкъ, онъ написалъ 15.000. Я написалъ графу, что такъ дѣло не можетъ вестись, что я прошу его приказать чиновникамъ его канцелярии посыпать маркизу Месмону всѣ документы, по которымъ онъ могъ бы держать корректуру, и предписать ему не дѣлать самовольныхъ поправокъ.

Іюля 16-го. У молодой императрицы былъ первый вечерній пріемъ, на который было приглашено 25 кавалеровъ; всѣ очень хвалили ея любезное обхожденіе, но говорили, что это новое явленіе при дворѣ (такъ какъ у императрицы въ теченіе семи лѣтъ не было пріемовъ) вызоветъ неудовольствіе вдовствующей императрицы.

Іюля 18-го. Въ городѣ говорятъ о предстоящей войнѣ, и будто на большомъ совѣтѣ, происходившемъ 17-го числа этого мѣсяца, графъ Строгановъ энергично говорилъ противъ Франціи, и большинство членовъ присоединилось къ его мнѣнію; одинъ только гр. Румянцевъ и морской министръ Чичаговъ были другаго мнѣнія. Въ тотъ же день вечеромъ, въ Эрмитажѣ, царская фамилія, вопреки обыкновенію, не оказала никакой любезности французскому посланнику; императоръ не сказалъ ему ни слова; однимъ словомъ, сильно поговариваются о новомъ разрывѣ съ Франціей. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Румянцевъ неожиданно уѣхалъ вечеромъ въ Парижъ. На время его отсутствія портфель ministra порученъ его товарищу гр. Салтыкову; а всѣ дѣла, касающіяся торговли, повѣльно вносить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Униженіе, испытываемое нами по поводу этой посылки, довершилось всѣ тѣ униженія, какія мы уже испытали.

Сентября 1-го. Наканунѣ отъѣзда императора для свиданія съ Наполеономъ, я былъ у гр. Салтыкова, на которого возложено управление министерствомъ иностранныхъ дѣлъ на время отсутствія гр. Румянцева. Я прочиталъ ему статьи, написанные для «Сѣверной Газеты»; мнѣ показалось, что онъ очень боится возбудить неудовольствіе французовъ, и я предложилъ ему, для его успокоенія, составлять нашу газету исключительно изъ статей, заимствованныхъ изъ французскихъ газетъ, на что онъ согласился. Затѣмъ мы говорили о текущихъ событияхъ, и я сообщилъ ему о броженіи умовъ, обнаружившемся въ Могилевской губерніи, где главари этого движенія, желая замаскировать свои замыслы, стараются придать дѣлу такой видъ, какъ будто это крестьяне возстаютъ противъ дворянъ. Я попросилъ его сообщить обѣ этомъ князю Куракину и уѣхалъ опечаленный сознаніемъ, что у него (гр. Салтыкова) неѣтъ той смѣлости характера, какая требуется отъ человѣка, который руководить дѣлами при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Сентября 8-го. Я былъ у графини Ильинской, съ которой мы бесѣдовали о ея семейныхъ дѣлахъ. Затѣмъ она сказала мнѣ, что она

не одобряетъ поѣздку государя, и что великий князь, который былъ у нея наканунѣ своего отѣзда, сказалъ ей откровенно, что онъ этимъ весьма огорченъ. По этому поводу она совѣтовала великому князю, чтобы онъ остерегался козней Бонапарта, который ихъ надуетъ точно такъ же, какъ онъ надула короля испанскаго и прочихъ монарховъ. Его высочество отвѣтилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе относительно двоедушія Наполеона и что онъ надѣется, что его братъ будетъ съ нимъ осто- роженъ.

Сентября 8-го. Я совѣтовалъ гр. Салтыкову помѣстить въ газетахъ статью по поводу отѣзда государя, но онъ на это не рѣшился.

Сентября 11-го. Былъ въ казначействѣ за жалованіемъ Родофиль-нина и своимъ собственнымъ и уѣхалъ оттуда глубоко огорченный тѣмъ, что чиновники этого важнаго учрежденія не сдержаны въ своихъ рѣчахъ относительно нашего затруднительнаго финансового положенія и необходимости прибѣгнуть къ нѣкоторымъ денежнымъ операціямъ. Я понять, что мы находимся на краю пропасти вслѣдствіе злоупотребле-нія ассигнаціями.

Сентября 13-го. Генераль Кноррингъ сообщилъ мнѣ о томъ, что императоръ, по внушенію нѣкоторыхъ лицъ, хотѣлъ перейти въ Финляндію отъ оборонительного къ наступательному образу дѣйствій и что только благодаря ему этотъ планъ былъ оставленъ. Онъ прочелъ мнѣ замѣтку о нашихъ силахъ, написанную императоромъ собственноручно, въ которой говорилось, что мы располагаемъ 37 т. человѣкъ войска. Затѣмъ онъ обѣщалъ мнѣ дать прочесть свою записку по этому пред-мету, какъ только гр. Ливенъ возвратить ее.

Сентября 14-го. На обѣдѣ у статсъ-секретаря Драхенфельса, на который я былъ приглашенъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми служащими въ ми-нистерствѣ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь Броневскій сказалъ мнѣ, говоря о министрѣ иностранныхъ дѣлъ графѣ Румянцевѣ, что «этотъ человѣкъ способенъ на измѣну, судя по тому, какъ онъ посту-паетъ недобросовѣстно, скрывая отъ императора всѣ дѣла, которыхъ вы-зываютъ его неодобрение; что онъ сообщилъ французскому посланнику шифрованныя депеши; что онъ всячески заботится объ интересахъ Наполеона въ ущербъ Россіи и, наконецъ, что онъ достоенъ эшафота»¹⁾.

Октября 14-го. Вчера вечеромъ великий князь возвратился изъ Эрфурта, а сегодня ожидали императора, но онъ не прїехалъ.

По прїездѣ великаго князя, разнесся слухъ, что императоръ буд-детъ объявленъ королемъ польскимъ и будетъ короноваться въ Вар-шавѣ.

¹⁾ Характеристика эта вполнѣ невѣрная; интересна какъ выраженіе тог-дашнаго настроенія общества и ненависти его къ Наполеону. Ред.

Октября 16-го. Получено известіе, что графъ Румянцевъ послѣдовалъ за Наполеономъ въ Парижъ, и что графъ Толстой, отказавшійся отъ ордена Почетнаго Легіона, не вернется болѣе къ своему посту.

Октября 17-го. Былъ первый стѣздъ ко двору послѣ возвращенія императора. Во дворецъ съѣхалось весьма мало лицъ.

Октября 22-го. Получено известіе о кончинѣ ген.-лейт. князя Долгорукова, убитаго на рекогносцировкѣ. Государь отимъ чрезвычайно огорченъ и приказалъ отмѣнить спектакль, назначенный въ тотъ день при дворѣ. Это былъ весьма опасобный молодой генераль, подававшій большія надежды.

Ноября 6-го. Генераль Кноррингъ назначенъ главнокомандующимъ арміи въ Финляндіи на мѣсто графа Буксгевдена.

Ноября 8-го. Я былъ у графа Салтыкова, который сказалъ мнѣ, что графъ Румянцевъ не вернется и что онъ вызываетъ Бореля и Полакова въ Парижъ. Я замѣтилъ на это, что графъ не спѣшилъ вернуться изъ-за турецкихъ дѣлъ, опасаясь дѣйствій англо-турецкаго флота, направленныхъ противъ Крыма; онъ, вѣроятно, очень доволенъ тѣмъ, что его тутъ не будетъ въ первый трудныій моментъ.

Ноября 18-го. Императорская гвардія и всѣ военные, находящіеся въ столицѣ, дали празднікъ въ честь императора въ домѣ Кушелева. Была разыграна маленькая пьеса, устроена прекрасная иллюминація и баль, который продолжался до 3 часовъ.

Говорить о назначеніи генерала Спренгпортена финляндскимъ генераль-губернаторомъ. Я замѣтилъ, что это было очень не по сердцу генералу Кноррингу, который временно исполнялъ должность графа Буксгевдена, и который благодаря своимъ связямъ съ графинею Ливенъ и со всей лифляндской кликой старался погубить Спренгпортена въ умѣ императора, изображая его человѣкомъ опаснымъ на томъ посту, который ему хотѣть поручить.

Ноября 19-го. Князь Баратинскій, назначенный посланикомъ въ Минхенъ, съ которымъ я видѣлся ежедневно въ архивѣ, гдѣ онъ усердно занимается чтеніемъ документовъ, сказалъ мнѣ, что «всѣ министры готовы подать въ отставку, такъ какъ всѣми ими овладѣло чувство глубокаго разочарованія». Я отвѣчалъ ему, что это вполнѣ понятно, потому что ими овладѣла несчастная страсть къ нововведеніямъ и къ ниспроверженію существовавшаго въ администраціи порядка. Такъ какъ они встрѣчаютъ препятствія къ осуществленію своихъ желаній со стороны императора, который относится къ этимъ новшествамъ недовѣрчиво, то это ихъ и разочаровало. Надобно пожалѣть лишь о томъ, что эти господа не стараются содѣйствовать общему благу, а каждый стремится дѣйствовать по-своему, и это еще болѣе увеличиваетъ существующую между ними рознь.

Ноября 29-го. Графъ Салтыковъ сказаль мнѣ по секрету, что надобно узнать, можетъ ли австрійскій посланникъ идти во время церемоніала впереди германскихъ принцевъ и что этотъ вопросъ слѣдуетъ рѣшить какъ можно скорѣе, во избѣженіе какого-нибудь недоразумѣнія во время бракосочетанія великой княгини Екатерины Павловны.

Финляндская депутація имѣла счастье обѣдать во дворцѣ съ царской фамиліей.

Декабря 1-го. Ожидаютъ прїѣзда короля и королевы прусскихъ.

Декабря 7-го. Я передалъ графу Ал. Салтыкову замѣтку относительно появившейся въ Москвѣ публикаціи, въ которой какой-то французскій дворянинъ предлагаетъ русскимъ помѣщикамъ отдавать ему на воспитаніе своихъ дѣтей.

Декабря 26-го. День вѣзда въ Петербургъ короля и королевы прусскихъ. 46 батальоновъ солдатъ было разставлено шпалерами отъ Зимнаго дворца до Калинкина моста по Вознесенскому и по набережной Фонтанки. Короля привѣтствовали залпами изъ орудій, поставленныхъ при вѣздахъ въ городъ. Король ѻхалъ верхомъ, имѣя по лѣвую руку императора; за ними всѣ русскіе генералы и его свита. Затѣмъ слѣдовала придворная карета, запряженная восьмеркою лошадей, въ которой сидѣла королева и двѣ дамы ея свиты. Передъ ея каретою ѻхалъ экипажъ съ дежурными адъютантами, а позади ея слѣдовали три пустыя кареты. По прїѣздѣ во дворецъ королеву встрѣтили внизу у лѣстницы придворные кавалеры и дамы; обѣ императрицы встрѣтили ее на верху. Въ тотъ же день вечеромъ былъ сѣездъ въ Эрмитажъ и обѣдъ у вдовствующей императрицы.

Декабря 27-го. Обѣдъ у королевы, вечеромъ спектакль въ Эрмитажѣ.

Декабря 28-го. До обѣда королю и королевѣ представлялись всѣ военные, гражданскіе и придворные чины. Обѣдъ былъ сервированъ въ Эрмитажѣ; вечеромъ былъ концертъ и ужинъ въ покояхъ королевы.

Декабря 30-го. Мнѣ было приказано явиться ко двору и поручено написать брачный контрактъ великой княгини, чѣмъ я былъ занятъ до 2-го января,

Современное стихотворение на кончину императрицы Марии Феодоровны¹).

Внезапно ясный день заходитъ,
И мракъ объемлетъ цѣлый свѣтъ!
Се вѣсть ужасна переходить
Изъ устъ въ уста: Маріи нѣть!
Маріи нѣть, и вопль раздался:
Царица-мать на небесахъ!
Но образъ Ангельскій остался
Запечатлѣнъ во всѣхъ сердцахъ.

Тамъ, слышу я, соединяютъ
Всѣ сироты печальный гласъ:
О горе намъ! Они вѣщаютъ—
Не стало Матери у насть!
Здѣсь вижу пища и убога:
Они въ слезахъ идутъ во храмъ
И просить всеблагого Бога
Дать утѣшенье вхъ сердцамъ.

Ахъ! въ первый разъ еще Маріи
Не виатенъ вопль несчастныхъ сталъ.
Увы! не чувствуетъ Россіи
Она глубокую печаль.

Какъ Ангелъ кроткій, благотворный,
Она вкушаетъ сладкій сонъ,
Оставя навсегда міръ дольный
И украшенный Ею тронъ.

Но кто жъ Царица, кто замѣнить
Потерю тяжкую для насть?

¹) Стихотвореніе это написано воспитанницей Московскаго училища ордена Св. Екатерины Варварою Ивановною Чалѣевою, скончавшеюся въ 1830-хъ годахъ въ своемъ родномъ пытніи „Савино“ Костромской губерніи.

Кто нашу грусть, печаль умърить?
Увы! отрадной лучъ погасъ.

Въ тебѣ, въ тебѣ мы зрели Матерь,
Всѣ наши блага на земли;
Подъ сѣнью Твоей Создатель
Дасть намъ вкустъ счастливы дни!

Давно ль Ты насъ подъ кровъ призвала,
Благотворитель намъ была,
И разумъ намъ образовала,
И жизнь намъ новую дала?

Давно ль въ священномъ вертоградѣ
Сама Ты посѣщала насъ?
Давно ль за всѣ труды наградой
Намъ быль Твой взоръ, привѣтный гласъ?

И что жъ теперь! не узримъ болѣ—
Свою Царицу, нѣжну Мати!
И въ безутѣшной нашей долѣ
Къ кому теперь, къ кому взывать?

Мы будемъ жить лишь вспоминаньемъ
Твоихъ безчисленныхъ щедротъ,
Минувшихъ дней очарованьемъ...
Вотъ что осталось для сиротъ.

И имя славное Маріи,
Переходя изъ устъ въ уста,
Священно будетъ для Россіи,
Доколѣ бывутся въ насъ сердца.

сочиненияхъ по истории Сибири у Миллера, Словцова и Андреевича также отрывочные и неполны. Эта крайняя скучность объясняется не только отсутствием необходимыхъ подготовительныхъ работъ, но даже полнымъ неимѣніемъ сборниковъ историческихъ материаловъ, которые бы освещали тюменскую жизнь XVII вѣка.

Разматриваемый нами сборникъ материаловъ приходитъ на помощь этому печальному положенію.

Всѣ документы сборника взяты изъ архива министерства юстиции; тутъ помѣщены: Дозорная книга 1626 г.; она принадлежитъ къ числу «переписныхъ» и имѣть главными предметомъ не описание земель, а перечень населенія по дворамъ, лавкамъ и пр.; къ «дозорнымъ» эту книгу приближаютъ тѣ ея части, где описываются городскія укрѣпленія и подгородній уголь. Въ ней мы находимъ подробное описание главныхъ частей старинной Тюмени: «города», «острога», ямской слободы за Тюменкой, Преображенскаго монастыря, перечисленіе церквей и казенныхъ зданій. Дозорная книга 1700 г. даетъ подробное описание всего тюменского населенія въ этомъ году, съ перечисленіемъ, сколько пашни, скота, покосовъ, хлѣбного и денежного жалованья было у различныхъ слоевъ служилаго населенія Тюмени. Сравненіе обѣихъ дозорныхъ книгъ усиливаетъ до нѣкоторой степени ростъ этого города за три послѣднія четверти XVII стол.

Списокъ тюменской городовой 1696 г. представляетъ собою прекрасное дополненіе къ дозорной книге 1700 г.: въ немъ содержится не только подробное описание тюменскихъ укрѣпленій въ 1696 г., но история ихъ постройки и ремонта съ начала XVII в., и даются точныя свѣдѣнія о главныхъ тюменскихъ пожарахъ въ этомъ столѣтіи. Этотъ «списокъ» очень важенъ для вѣшней истории города.

Строенная книга тюменского яма 1630 г.— древнійший документъ этого рода и подробно изображаетъ условія службы «ямскихъ охотниковъ», «прибранныхъ» въ ямскую гонку за безборочную пашню и денежное жалованье.

Разговная книга 1633—1634 годовъ представляетъ собою иллюстрацію «гонебной» повинности тюменскихъ ямчиковъ и даетъ понятіе о характерѣ движения черезъ Тюмень и о степени его развитія.

Послужной списокъ тюменскихъ служилыхъ людей 1680 г. принадлежитъ къ послужнымъ спискамъ общаго типа:

онъ даетъ понятіе о всей службѣ и о служебныхъ отличіяхъ тюменскихъ служилыхъ людей.

Для истории экономической жизни значительную важность представляютъ таможенные книги, изъ которыхъ читатель познакомится почти со всѣми видами пошлины, которая ложились тяжелымъ бременемъ на населеніе и сильно замедляли быстроту торгового обращенія.

Расходные денежные документы 1684 г., давая понятіе о казенныхъ неокладныхъ расходахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ для потомковъ разныя бытовыя подробности. Такое же значеніе имѣютъ и хлѣбныя и соляные книги 1670—1679 гг., изъ которыхъ видно, кому, за что и при какихъ обстоятельствахъ выдавались хлѣбъ, соль, какъ неокладной, не предусмотрѣнной расходъ. На конецъ, пивный и винный книги 1700 г. даютъ понятіе объ условіяхъ, которыми сопровождались приготовленіе и торговля этими напитками, о количествѣ выпитаго и степени ответственности за педоники и разные упущенія.

Подлинный текстъ документовъ переданъ съ современной памъ пунктуацией и орографіей; старинное правописаніе оставлено лишь въ тѣхъ собственныхъ именахъ, относительно которыхъ не могло быть никакого недоразумѣнія; въ фамилияхъ оставлено старинное начертаніе. Нѣкоторые примѣры орографіи подлинниковъ и полного отсутствія пунктуаціи¹⁾ документовъ показываютъ, насколько затруднительно было бы не только чтеніе, но и воспроизведеніе буквальномъ въ орографическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ текста.

Въ концѣ книги помѣщены: статья прив.-доц. П. М. Головачева «Составъ населения и экономической бытъ Тюмени въ XVII в.», планъ Тюмени и два вида Благовѣщенскаго собора.

Въ виду симпатичной цѣли изданія (весь сборъ предназначенъ на просвѣтительныя и благотворительныя дѣла), и интереса впервые напечатанныхъ документовъ,— ему нельзя не пожелать самого широкаго распространенія.

Н. К-шъ.

¹⁾ Приводимъ примѣръ: «А всего въ мѣсяцѣ августѣ съ русскихъ товаровъ и съ лошадей и съ рыбъ и съ двора и съ бани и со всякой мелочи десятой и со служивыхъ людей по-рублевой пошлины и съ вѣчаго товара вѣсчія цудовой пошлины и съ судва посаженнаго и ячнія головщины и со скота пошерстнаго и роговаго собрано 577 р. 17 алтынъ съ деньговою» (стр. 123).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 Г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписька принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписька принимается: для **Городскихъ** подписьчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гт. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

1. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событияхъ русской истории, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣкѣ.—III. Жизнеописанія и материалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и светскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ истории русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитны, переписка и документы, рисующіе бытъ русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписанвшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписьчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присыпаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIV-й.

IЮНЬ.

1903 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Декабристы на Кавказѣ.
Е. Вейденбаумъ ..... 481—502
- II. Великий князь Александръ Павловичъ и А. А. Аракчеевъ. (Ихъ переписка).
Сообщилъ Н. Д. ..... 503—525
- III. Записки Н. Г. Зальцова.
Сообщ. Н. Н. Длусская. 527—542
- IV. Изъ воспоминаний бывшаго гвардейского офицера, Князя А. П. Вадольского ..... 543—551
- V. М. Р. Шидловский (по поводу оперы «Псковитянка»).
П. Д. Стремоухова. 553—554
- VI. Изъ воспоминаний Г. И. Мѣшкова. ..... 555—572
- VII. Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 г. (Оконч.).
И. И. Орловская. 573—582
- VIII. Письма императрицы Марии Феодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ.
Сообщ. В. В. Щегловъ. 583—601
- IX. П. А. Караганть и его ученики по сценѣ: Мартыновъ и Максимовъ. В. И. Шенрокъ. 603—623
- X. Встрѣча съ А. В. Сухово-Кобылинскимъ. К. Ходнева. 625—628
- XI. Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ. И. Кубасова. 629—642
- XII. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. 643—671
- XIII. Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами. ..... 673—696
- XIV. Графъ Рейзетъ въ Россіи въ 1852—1854 гг. (Извлеченіе изъ его воспоминаній). ..... 697—713
- XV. Записная книжка „Русской Старинѣ“: Подарокъ москвичей кн. Волконскому по случаю вступленія на престолъ императора Петра III. 30-го января 1762 г. (стр. 526). — Высочайший выговоръ за небрежность. 31-го января 1828 г. Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій (552). — Перемѣна политики съ Франциею въ 1801 году (602). — Учрежденіе сибирскаго комитета. 28-го июля 1821 г. (624). — Мистическое письмо Е. Головина — А. Х. Бенкendorфу. 18-го июня 1831 г. (672). — Письмо А. Н. Оленина къ М. М. Сперанскому 30 октября 1821 г. Сообщ. П. М. Майковъ (714—716).
- XVI. Библиографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНИЕ: Портретъ Священника Никифора Мурзакевича.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Поляцкая, № 39.

1903.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го июня 1903 года

Библіографіческий листокъ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша желѣзодорожная политика по документамъ архива Комитета Министровъ. Исторический очеркъ. Томъ 4-й. Составленъ кн. И. В. Чегодаевымъ, кн. Татарскимъ (гл. I—III) и Н. А. Кислинскимъ (гл. IV и V), подъ главною редакціею статьи-секретаря Куломаина. Изданіе Комитета Министровъ. С.-Петербургъ. 1902 г.

Четвертый томъ рассматриваемой нами книги состоится изъ пяти главъ.

Въ первой говорится о главныхъ административныхъ мѣрахъ по упорядоченію желѣзодорожного хозяйства за 1895—1902 гг. Къ числу такихъ мѣръ относится признаніе необходимости существованія, наряду съ казенными, частнаго желѣзодорожного хозяйства. По этому поводу высказывалось не мало различныхъ мнѣній; но, въ концѣ-концовъ, восторжествовало мнѣніе С. Ю. Витте, что частное желѣзодорожное хозяйство, при его современной постановкѣ и надлежаніемъ правительственный надзоръ, не только не можетъ служить поводомъ къ тѣмъ особымъ опасеніямъ, которыхъ высказывали государственнымъ контролеромъ, а, напротивъ того, существование этого хозяйства представляется немаловажнымъ выгоды отъ государственной точки зренія. Высказываясь въ пользу смысла желѣзодорожного строительства, С. Ю. Витте считаетъ наиболѣе цѣлесообразными строить распоряженіемъ казны или выкупать тѣ линіи, которые или не могутъ привлечь достаточно частныхъ капиталовъ, или же имѣть для правительства особо важное значение; напротивъ, частной инициативѣ должно быть предоставлено сооруженіе и эксплуатациіа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, где возможно разсчитывать на усѣбшее ея примѣненіе. Въ журналь Комитета, удостоившемся Высочайшаго утверждения 5-го мая 1897 г., противъ объясненіи статьи-секретаря Витте послѣдовала Высочайшая отмѣтка: «Вполнѣ раздѣляю этотъ взглядъ».

Другою весьма важною мѣрою было установление контрольного надзора за постройкою желѣзныхъ дорогъ на счетъ гарантированныхъ правительствомъ капиталовъ. Установленіе такого надзора было признано необходимымъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ 1883 г., при возведеніи въ Брестѣ центральной станціи для надобностей военнаго вѣдомства и при сооруженіи втораго пуги на Варшавско-Тeresпольской желѣзной дорогѣ. Затѣмъ, въ 1886 г. контрольный надзоръ былъ учрежденъ за сооруженіемъ пограничныхъ вѣтвей Ивангородско-Домбровской желѣзной дороги. Постепенное и систематическое расширение контрольного надзора въ области частнаго желѣзодорожного строительства продолжалось до 1891 г.; съ 1892 г. дальнѣйшее расширение контрольной дѣятельности прекратилось.

Къ особымъ мѣрамъ по установлению пра-

вительственного надзора за внутреннимъ хозяйствомъ некоторыхъ желѣзодорожныхъ обществъ—относится: 1) утвержденіе директоровъ правлѣнія общества Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ путей сообщенія, 2) включеніе въ составъ правлѣнія Перваго общества подъѣздныхъ желѣзныхъ путей въ Россіи директоровъ отъ правительства и 3) установленіе правительственного наблюденія за дѣлами общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги.

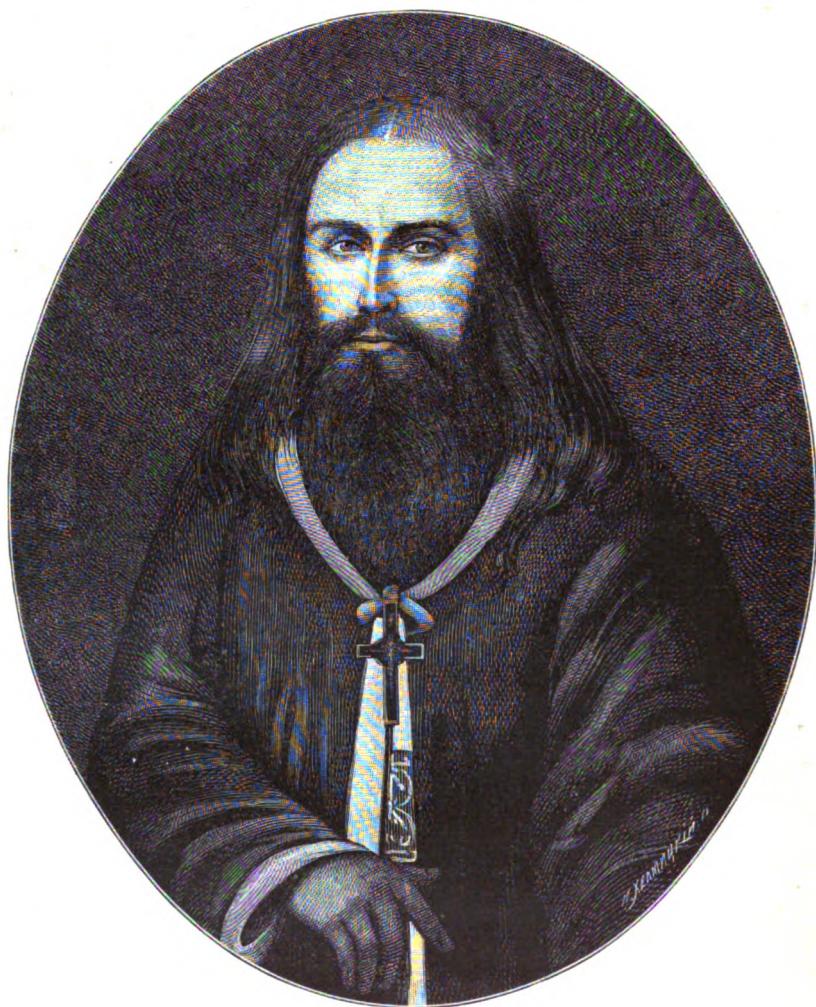
Во второй главѣ обозривается желѣзодорожное строительство за періодъ времени съ 1895 по 1902 гг. включительно, а въ слѣдующей говорится о выкупѣ въ казну желѣзодорожныхъ предпріятій за тотъ же періодъ времени.

Четвертая глава заключаетъ въ себѣ исторический очеркъ главнѣйшихъ мѣръ, принимавшихъ правительствомъ съ цѣлью водворенія въ Россіи изготавленія рельсовъ, подвижного состава и прочихъ желѣзодорожныхъ принадлежностей. Естественнымъ послѣдствіемъ развитія желѣзодорожнаго строительства обыкновенно является увеличеніе спроса на чугуѣ, — какъ первообразный въ металлургическомъ производствѣ продуктъ, изъ котораго, путемъ его дальнѣйшей переработки, получаются желѣзо и сталь, — главнѣйшия материалы, употребляемые въ дѣло при сооруженіи рельсовыхъ путей и снабженіи ихъ подвижнымъ составомъ. Въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ, а также въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки постройка желѣзныхъ дорогъ шла, поэтому, параллельно съ постепенно прогрессирующими оживленіемъ желѣзодѣятельной промышленности. Императоръ Николай I, которому наши желѣзныя дороги обязаны своимъ возникновеніемъ, съ дальновидностью истинно государственного человѣка предугадывалъ, какое значение для развитія отечественной желѣзопромышленности можетъ имѣть создание рельсовой сѣти, и лично прилагалъ старанія къ тому, чтобы положить начало такому развитію. Уже при сооруженіи первой изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ — Царскосельской — съ Высочайшимъ соизволеніемъ была сдѣлана попытка привлечь Уральские заводы къ поставкѣ желѣза на строившуюся линію. Попытка эта, однако, не имѣла успѣха.

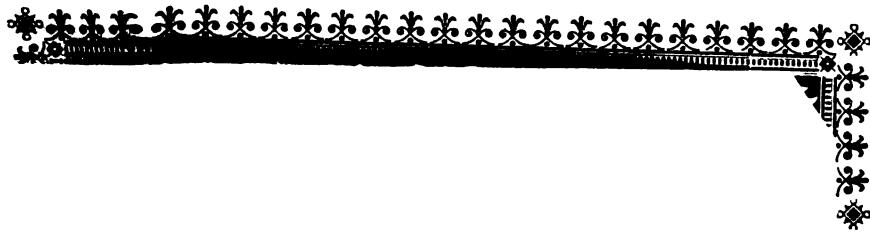
Желѣзная дорога отъ Петербурга до Москвы (Николаевская), по мысли Государя, была предположена къ постройкѣ изъ материаловъ исключительно русскаго издѣлія; но русскіе заводчики въ теченіе трехъ лѣтъ, могли поставить лишь 49.272 п. рельсовъ (вместо предположенныхъ первоначально 3.000.000 пудовъ).

Въ виду сильной потребности въ желѣзодорожныхъ принадлежностяхъ и несостоительности нашихъ заводовъ удовлетворить эту потребность, правительству не оставалось ничего иного, какъ разрывать всѣмъ образовавшимся желѣзодорожнымъ компаніямъ выписывать изъ

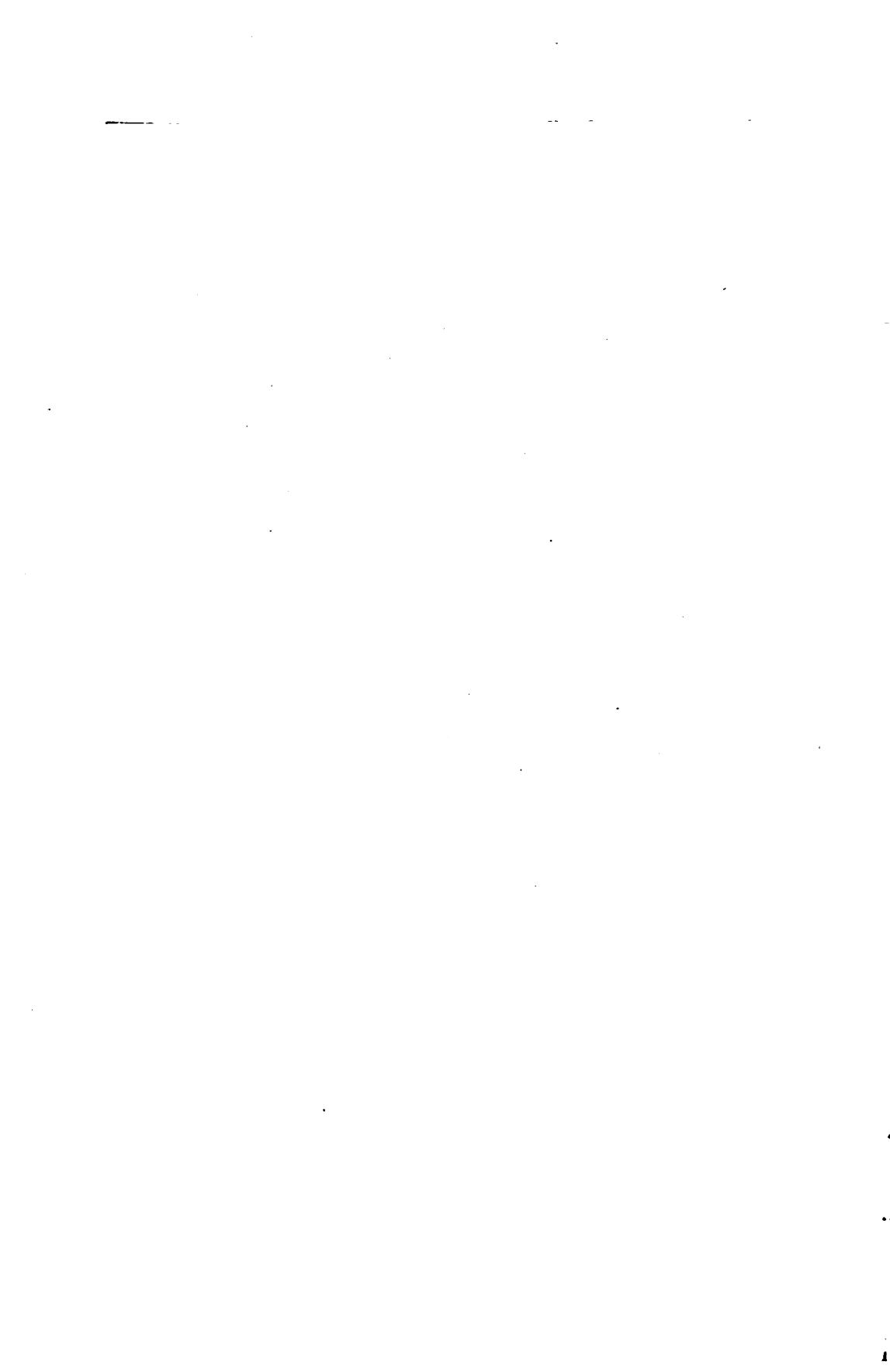
СВЯЩЕННИКЪ
НИКИФОРЪ МУРЗАКЕВИЧЪ.

же
,
лу
къ
ъ.
ѣ-
сь
р.
и»

а-
и-
б-
с-
и
ть
ъ

е
о
,
и.
»
иа

Декабристы на Кавказѣ¹⁾.

С

ъ русской исторической литературѣ накопилось теперь уже достаточно свѣдѣній о сибирской жизни «декабристовъ», лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ по дѣлу 14-го декабря 1825 года. Извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ служили разновременно рядовыми въ кавказскихъ войскахъ.

Но о пребываніи ихъ на Кавказѣ извѣстно весьма мало. Нѣсколько отрывочныхъ указаний на ихъ кавказскую службу сохранилось въ запискахъ Пущина, Гангбюрова, Розена, Лорера, Бѣляева и др. Статья А. Е. Розена, «Декабристы на Кавказѣ» («Русская Старина» 1884 г., февраль) не даетъ ничего, кромѣ неполнаго ихъ списка.

Предлагаемый очеркъ пополняетъ этотъ проблѣмъ материалами, заимствованными нами изъ официальныхъ документовъ. Должно признаться, что онъ далеко не исчерпываетъ о декабристахъ всѣхъ свѣдѣній, таящихся въ кавказскихъ архивахъ. Но при хаотическомъ состояніи этихъ хранилищъ очень важныхъ документовъ, при неимѣніи одного центральнаго кавказскаго архива,—полная разработка всѣхъ свѣдѣній о службѣ декабристовъ на Кавказѣ можетъ быть лишь дѣломъ будущаго.

Заглавіе нашего очерка не совсѣмъ точно: въ немъ идетъ рѣчь не объ однихъ только «декабристахъ» въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и о тѣхъ лицахъ, которыя, за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, были осуждены приговорами отдѣльныхъ военно-судныхъ комиссій. Затѣмъ въ нашъ очеркъ включены свѣдѣнія о «прикоcновенныхъ» къ этимъ обществамъ и о войсковыхъ частяхъ, отправленныхъ на Кавказъ за участіе въ происшествіи 14-го декабря 1825 года.

I.

Государственные преступники.

Осужденные приговоромъ верховнаго уголовнаго суда были раздѣлены, по степени вины и наказанія, на одиннадцать разрядовъ, не считая пяти человѣкъ, выдѣленныхъ судомъ въ особую категорію.

Виновные VIII разряда были приговорены къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе. Къ-этому разряду причисленъ, въ числѣ другихъ, флота лейтенантъ Борисъ Андреевичъ Бодиско.

IX разрядъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь. Сюда вошли: подпоручикъ гвардейскаго генераль-наго штаба графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, отставной штабсъ-ротмистръ Ахтырскаго гусарскаго полка Николай Оржицкій и подпо-ручикъ л.-гв. Измайловскаго полка Ниль Павловичъ Кожевниковъ.

X разрядъ составилъ одинъ л.-гв. Конно-піонернаго эскадрона ка-питанъ Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, присужденный къ лишенію чи-новъ, дворянства и гъ написанію въ солдаты до выслуги.

Наконецъ, послѣдній XI разрядъ составили осужденные къ лишенію только чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою. Въ этотъ разрядъ включены: мичманъ 24-го флотскаго экипажа Петръ Александровичъ Бестужевъ, прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады Алексій Васильевичъ Веденяпинъ, лейтенанты гвардейскаго экипажа: Федоръ Гавріловичъ Вишневскій, Епафродитъ Степановичъ Мусинъ-Пушкинъ и Николай Павловичъ Акуловъ; подпоручики л.-гв. Измайловскаго полка: Александръ Александровичъ Фокъ и Михаилъ Демьяновичъ Лаппа; по-ручикъ л.-гв. Финляндскаго полка Николай Романовичъ Цебриковъ.

Императоръ Николай I указомъ, даннымъ верховному уголовному суду 10-го юля 1826 года, измѣнилъ приговоръ по четыремъ послѣднимъ разрядамъ слѣдующимъ образомъ:

Борисъ Бодиско (VIII разряда), вместо ссылки на поселеніе, на-писанъ въ матросы.

Преступники IX разряда, по лишеніи чиновъ и дворянства, нали-саны въ солдаты въ дальние гарнизоны.

Виновныхъ по XI разряду повелѣно распределить на службу рядовыми въ дальнѣйшіе гарнизоны; но Николая Цебрикова, по важности вреднаго примѣра, поданного имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ рядовые безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства.

Такимъ образомъ, тринадцать человѣкъ были назначены на службу рядовыми въ отдаленные кавказскіе, сибирскіе и оренбургскіе гарни-

зоны. Отправление ихъ изъ Петербурга, съ фельдъегерями и жандармами, началось 21-го июля и окончилось 4-го августа 1826 года. На Кавказъ назначены двое: Оржицкій и Бодиско, получившій разрѣшеніе служить въ пѣхотѣ. Первый опредѣленъ въ Кизлярскій гарнизонный баталіонъ, второй—во Владикавказскій гарнизонный полкъ.

Всѣмъ разжалованнымъ, за исключеніемъ Цебрикова, было дано право выслуги. Но назначеніе ихъ въ гарнизоны значительно ограничивало возможность воспользоваться этой милостію, такъ какъ пребываніе въ гарнизонныхъ частяхъ, неспихъ исключительно внутреннюю службу, не давало почти никакихъ способовъ къ служебному отличію. Поэтому всѣ декабристы, обреченные тянуть солдатскую лямку въ отдаленныхъ гарнизонахъ, просили о переводе ихъ въ полевые полки на Кавказъ, гдѣ постоянно гремѣли боевые выстрѣлы въ той или другой части края.

Милость эта была дарована имъ 22-го августа 1826 г., въ день коронованія императора Николая Павловича. Именнымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ начальнику главнаго штаба, государь повелѣлъ: определенныхъ въ гарнизоны сибирскаго, оренбургскаго и кавказскаго корпусовъ рядовыхъ съ лишениемъ дворянства назначить въ полевые полки кавказскаго корпуса въ предѣлъ до отличной выслуги; написанныхъ въ гарнизоны безъ лишения дворянства — определить въ тѣ же полки, дабы могли загладить вину свою¹⁾.

Находившіеся въ оренбургскихъ гарнизонахъ Петръ Бестужевъ, Алексѣй Веденяпинъ, Вишневскій и Нилъ Кожевниковъ прибыли въ Грузію въ концѣ декабря 1826 г. Въ январѣ слѣдующаго года пріѣхали изъ сибирскихъ гарнизоновъ Акуловъ, Петръ Коновницынъ, Лаппа, Михаилъ Пущинъ, Фокъ и Цебриковъ. Послѣднимъ, въ апрѣль 1827 г., прибылъ Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ, оставшійся по случаю болѣзни въ Звѣриноголовскомъ баталіонномъ лазаретѣ.

Генералъ Ермоловъ назначилъ десять человѣкъ въ пѣхотные и егерскіе полки 21-ой пѣхотной дивизіи. По просьбѣ дежурнаго генерала главнаго штаба Потапова рядовой Оржицкій былъ определенъ, съ высочайшаго разрѣшенія, въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Ходатаемъ за Михаила Пущина и Петра Коновницына явился генералъ-адьютанть Паскевичъ, присланный въ концѣ августа 1826 г. въ Тифлісъ для командованія дѣйствующимъ корпусомъ въ персидской войнѣ: готовясь къ походу и нуждаясь въ людяхъ, знающихъ піонерную и квартирмейстерскую части, онъ выпросилъ у Ермолова назначеніе Пущина и Коновницына на службу въ 8-ой піонерный баталіонъ.

Къ этой же категоріи надо причислить еще портупей-юнкера Ивана

¹⁾ Отношеніе военнаго министра графа Татищева къ генералу Ермолову отъ 13-го сентября 1826 г., № 187.

Цвѣловского и старшаго адъютанта по квартирмейстерской части Евдокима Емельяновича Лачинова, принадлежавшихъ къ тайнымъ политическимъ обществамъ въ районѣ расположения второй арміи въ южной Россіи. По приговору военно-судныхъ комиссій они были разжалованы въ рядовые и опредѣлены въ полевые кавказскіе полки: первый въ 1826 г., второй въ 1827 г.

Персидская война (1826 — 28 гг.) дала разжалованнымъ желанный случай «загладить свою вину». Всѣ они стремились къ отличию, конечно, въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыхъ поставленъ рядовой солдатъ. Полковые командиры вполнѣ благожелательно отмѣчали въ своихъ донесеніяхъ ихъ заслуги, но сами не моглиничѣмъ наградить отличившихся. Корпусный командиръ не имѣлъ права на производство ихъ собственою властью въ унтер-офицеры, тогда какъ въ обыкновенномъ порядкѣ службы право это принадлежитъ даже полковому командиру. Всѣ наградные представленія о разжалованныхъ препровождались на высочайшее возврѣніе.

Важную, но негласную роль въ эту войну игралъ М. И. Пущинъ. Паскевичъ, выпросившій ему назначеніе въ пionерный баталіонъ, вполнѣ воспользовался его познаніями. По свидѣтельству А. С. Гангеблова, Пущинъ состоять при штабѣ дѣйствующихъ войскъ. Въ солдатской шинели, онъ распоряжался въ отрядѣ, какъ у себя дома. Онъ руководилъ мелкими и крупными работами, начиная отъ вязанія фашинъ и туровъ, отъ работы киркой и лопатой, до устройства переправъ и мостовъ, возведенія укрѣплений и т. д.¹⁾.

Занятія Пущина и его товарищѣ при штабѣ не понравились въ Петербургѣ. Графъ Дибичъ далъ это почувствовать Паскевичу письмомъ отъ 15-го октября 1827 года, въ которомъ сказано: «касательно обращенія особеннаго вниманія за поведеніемъ унтер-офицеровъ Дорохова¹⁾, Коновницына и Пущина, по высочайшему повелѣнію, честь имѣю сообщить вамъ, что его величество хотяувѣренъ, что вообще за всѣми разжалованными изъ офицеровъ по происшествію 14-го декабря 1825 г. приняты самые строгія мѣры на счетъ отправленія ими настоящей своей службы и наблюденія за ихъ поступками; но какъ можетъ быть, что по большому ихъ числу при вѣроятныхъ вами въ войскахъ и по обширности другихъ важнѣйшихъ занятій вашихъ вы не могли сами

¹⁾ А. С. Гангебловъ, Воспоминаніе декабриста. Москва, 1886, стр. 199, 200, 203, 207. Отзывъ Гангеблова подтверждается и другими свидѣтелями дѣятельности Пущина. Самъ Паскевичъ нерѣдко упоминалъ о немъ въ своихъ реляціяхъ.

²⁾ Руфинъ Ивановичъ Дороховъ, извѣстный въ свое время дуэлисмъ и буянъ, надѣлъ солдатскую шинель не за 14-ое декабря, а за „буйство въ петербургскомъ театрѣ, поединокъ и ношение партикулярной одежды“.

входить во всѣ подробности, къ симъ разжалованнымъ касающіяся, почему его величество желалъ бы знать: какъ они располагаются по квартирамъ и въ лагеряхъ, т. е. вмѣстѣ ли съ прочими нижними чинами, или совершенно отдѣльно отъ оныхъ? О чемъ я покорнейше прошу меня уведомить для доклада его величеству. При семъ честь имѣю присовокупить, что въ такомъ случаѣ, если означенные разжалованные располагаются по квартирамъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ нижнихъ чиновъ, сія мѣра полезна съ той стороны, что они тѣмъ лишены способовъ сообщать прочимъ нижнимъ чинамъ какія-либо вредныя внушенія; но его величество находить то неудобство, что они, не имѣя ни съ кѣмъ никакого сообщенія и живя только одни, могутъ съ болѣшою удобностью утверждать себя въ вредныхъ мѣніяхъ и иногда покушаться на какія-либо злыя намѣренія. Въ отвращеніе чего, его величество полагаетъ удобнѣйшимъ располагать ихъ по квартирамъ и въ лагеряхъ вмѣстѣ съ прочими нижними чинами, но съ препорученіемъ ихъ въ надзоръ надежныхъ старослужилыхъ унтеръ-офицерамъ, которые должны имѣть строгое и неусыпное наблюденіе за тѣмъ, чтобы они не могли распространять между товарищами какихъ-либо вредныхъ толковъ».

Паскевичъ отвѣчалъ на эти намеки письмомъ отъ 30-го ноября 1827 года. «За всѣми вообще офицерами и разжалованными за преступки»,—писалъ онъ Дибичу,—«со времени прибытія ихъ въ корпусъ, наблюдаемъ былъ строжайший присмотръ; послѣдніе, а въ числѣ ихъ Дороховъ, Коновницынъ и Пущинъ, причислены, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, въ полки и роты, гдѣ содержались совершенно наравнѣ съ прочими нижними чинами и подъ особеннымъ надзоромъ полковыхъ и ротныхъ командировъ, на коихъ я въ семъ случаѣ могъ надѣяться. Оные же всегда относились съ похвалою на счетъ поведенія, какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ, и ни малѣйший проступокъ съ ихъ стороны во время сей кампаніи не былъ доведенъ до свѣдѣнія моего. Во время блокады крѣпостей Сардаръ-абада и Эривань было мною дозволено всѣмъ офицерамъ и разжалованнымъ, желающимъ изгладить усердно службою прежнее свое поведеніе, находиться при открытіи траншей. Между ними Дороховъ, Коновницынъ и Пущинъ исполняли свой долгъ съ похвальною ревностью, поощряя прочихъ нижнихъ чиновъ своимъ примеромъ. При коронованіи рва подъ Эриванью они также находились на работахъ, производимыхъ подъ начальствомъ г.-м. Труэсона; а когда непріятель открывалъ на насъ сильный огонь, Дороховъ неоднократно убѣдительно просилъ генерала удалиться, представляя, что ему не слѣдуетъ подвергаться такимъ опасностямъ, и что здѣсь было ихъ мѣсто. Разжалованный за дуэль, Дороховъ былъ въ семъ случаѣ раненъ пулею въ грудь, одежда Коновницына пропитана тремя пулями. Воуваже-

ніе чего я дозволилъ первому отлучиться въ Тифлисъ для излѣченія раны, поручивъ его особенному надзору ген.-ад. Сипягина. Продолжая имѣть за всѣми высланными за проступки въ командуемый мною корпусъ строжайшій присмотръ, но соображаясь въ выше писанномъ съ истинною правдою, я долгомъ почелъ обо всемъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства».

За персидскую войну Пущинъ, Петръ Коновницынъ и Оржицкій были произведены въ офицеры; Петръ Бестужевъ, Вишневскій и Цебриковъ получили чинъ унтеръ-офицера и знакъ отличія военнаго ордена; въ унтеръ-офицеры произведены также Ниль Кожевниковъ, Лаппа и Енафродитъ Мусинъ-Пушкинъ.

Въ турецкую войну 1828—29 гг. число декабристовъ на Кавказѣ увеличилось. Къ этому времени нѣкоторые изъ осужденныхъ въ каторжныя и крѣпостныя работы отбыли свои сроки и вышли на поселеніе. Имъ было разрѣшено поступить на службу рядовыми въ кавказскіе полки. Дозвolenіемъ этимъ воспользовались Александръ Карловичъ Берстель, Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій), Владимира Сергеевичъ Толстой, Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ и Захарь Григорьевичъ Чернышевъ.

Въ кампанію 1828 года, ознаменованную взятиемъ турецкихъ крѣпостей Карса, Ахалкалакъ и Ахалциха, всѣ разжалованные служили таѣ же честно, какъ и въ персидскую войну: Акуловъ, Веденяпинъ и Фокъ, за штурмъ Карса, были произведены въ унтеръ-офицеры; Фокъ, трижды раненый въ дѣлахъ подъ Ахалцихомъ, получилъ еще и знакъ отличія военнаго ордена; неутомимый и дѣятельный Пущинъ, прорѣзленный въ грудь при штурмѣ Ахалциха, произведенъ въ подпоручики.

Награды эти были по истинѣ ничтожны въ сравненіи съ подвигами, описанными въ реляціяхъ отдѣльныхъ начальниковъ. Но Паскевичъ хотѣлъ выждать окончанія войны для испрошенія болѣшихъ милостей декабристамъ. «Вообще разжалованныхъ»,—писалъ онъ Дибичу ¹⁾,—«во всѣхъ сраженіяхъ употреблялъ я въ первыхъ рядахъ или въ стрѣлкахъ, и всегда тамъ, где представлялось наиболѣе опасности. Изъ нихъ одинъ убитъ и 7 ранено. Всѣ они вели себя отлично храбро, въ назначаемыя имъ мѣста шли совершенно съ доброю волею и съ желаніемъ заслужить вину свою кровью. Сверхъ того, о тѣхъ, кои рекомендуются въ прилагаемомъ спискѣ, запрашивалъ я особо полковыхъ командировъ на счетъ ихъ нравственности, и они отзвались, что совершиенно ручаются за ихъ поведеніе. Хотя таковыя заслуги разжалованныхъ по дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ и одобряемое поведеніе обращаютъ на нихъ вниманіе начальства, но я полагаю, что производство ихъ въ офицеры можно отложить до окончанія настоящей войны, развѣ въ продолженіе оной окажутъ примѣры отваги и храбрости».

¹⁾ Отъ 15-го іюля 1828 г., № 250.

Весною 1829 года военные действия возобновились. После разгрома турецкой армии въ Соганлугскихъ горахъ, Паскевичъ занялъ столицу Анатоліи Эрзерумъ. Война близилась къ концу. Въ Адріанополѣ велись переговоры о мирѣ. Разжалованные декабристы видѣли уже близкое осуществление своихъ надеждъ на производство въ офицеры. Въ это время случилось происшествіе, ничтожное само по себѣ, но имѣвшее для нихъ самыя тяжкія послѣдствія.

Командиръ Нижегородского драгунскаго полка Николай Николаевич Раевскій, начальствовавшій во время кампаниіи сводною кавалерійскою бригадою, отпросился въ отпускъ въ Тифлісъ. Сдавъ команду, онъ выѣхалъ въ послѣдніхъ числахъ августа изъ Эрзерума въ сопровожденіи своего адъютанта Исупова, маюра Семичева и 40 нижнихъ чиновъ драгунскаго и своднаго уланскаго полковъ.

Въ пограничное укрѣпленіе Гумры, нынѣшній гор. Александраполь, Раевскій прѣѣхалъ 4-го сентября и остановился на три дня для выдергиванія карантинного срока. Невольное сидѣніе это разнообразилось веселою бесѣдою за обѣдами и невинною игрою въ висть. Какъ человѣкъ общительный, Раевскій приглашалъ къ своему столу мѣстнаго коменданта маюра Аносова и карантиннаго врача Грошопфа или, въ русской передѣлкѣ, Грошева. Въ числѣ случайныхъ гостей и партнеровъ генерала былъ также адъютантъ начальника главнаго штаба графа Чернышева гвардіи штабсъ-ротмистръ Бутурлинъ. Онъ прїѣзжалъ въ Эрзерумъ за дешевыми отличіями, но прибылъ слишкомъ поздно, когда кампаниія была уже почти окончена. Паскевичъ, изъ угощенія вмѣтельному Чернышеву, далъ Бутурлину какой-то отрядъ казаковъ, наградилъ его владимирскимъ крестомъ и поручилъ доставить въ Петербургъ знамена, отбитыя у турокъ въ Гуріи. Съ этими трофеями Бутурлинъ и прибылъ 6-го сентября въ Гумринскій карантинъ, когда тамъ находился генералъ Раевскій. На другой день всѣ отправились въ дальнѣйшій путь послѣ веселаго обѣда. Изъ Тифліса Раевскій выѣхалъ въ Карагачь, штабъ-квартиру своего полка, а Бутурлинъ поскакалъ въ Петербургъ.

Черезъ шесть недѣль разразилась неожиданная гроза. Начальникъ главнаго штаба, по высочайшему повелѣнію, потребовалъ отъ Паскевича объясненій по поводу поѣздки Раевскаго. «Дошло до высочайшаго свѣдѣнія», — писалъ графъ Чернышевъ ¹⁾), — «что г.-м. Раевскій, возвращаясь изъ главнаго отряда въ Тифлісъ, имѣлъ съ собою большую свиту, въ коей находились принадлежавшіе къ злоумышленнымъ обществамъ: Чернышевъ, Ворцель и Карвицкій, равно Пашковъ и другіе. Въ Гумрахъ г. Раевскій давалъ обѣдъ въ палаткѣ, на которомъ присутствовали всѣ вышепоименованныя лица. Государь императоръ, предполагая, что

¹⁾ Отъ 29-го сентября 1829 г., № 603.

ваше сиятельство изволите еще находиться въ Азіатской Турці, высо-
чайше повелѣть мнѣ соизволить писать къ тифлисскому военному гу-
бернатору, дабы онъ произвелъ по сему предмету точнѣйшее и досто-
вѣрнѣйшее изслѣдованіе, и дозналъ: 1) по какой причинѣ г.-м. Раев-
скій, оставивъ дѣйствующій отрядъ, отправился въ Тифлис и имѣлъ
при себѣ большую свиту, въ коей находились и вышепоименован-
ные лица; и 2) почему лица сіи, вопреки строжайшимъ запрещеніямъ,
не находятся при своихъ полкахъ и командахъ, и что именно при-
чиною непростительного послабленія, что г.-м. Раевскій допускаетъ
ихъ къ столь короткому съ собою обращенію, что дозволяетъ имъ
быть даже при своемъ столѣ. Если же вы, милостивый государь,
возвратились уже къ сему времени въ предѣлы наши, то его вели-
честву угодно, дабы секретное изслѣдованіе сіе произведено было подъ
личнымъ вашимъ наблюденіемъ и о послѣдствіяхъ сего изслѣдованія
донесено его величеству въ собственный руки».

По распоряженію Паскевича начались обширные розыски и допросы,
въ результатѣ которыхъ оказалось, что въ конвой Раевскаго находи-
лись, изъ числа разжалованныхъ, рядовые Захаръ Чернышевъ, Ворцель,
Карвицкій и Квартано. Первый принадлежалъ къ декабристамъ, объ
остальныхъ надо сказать нѣсколько словъ.

Графъ Николай Станиславовичъ Ворцель, полковникъ польскихъ
войскъ, богатый помѣщикъ Киевской и Подольской губерній, магистръ
Геттингенского университета, за принадлежность къ польскимъ тай-
нымъ обществамъ, былъ лишенъ чиновъ и графскаго достоинства и
написанъ въ рядовые до выслуги. Приказомъ 7-го іюня 1829 года
опредѣленъ въ Бѣлогородскій уланскій полкъ.

Графъ Станиславъ Станиславовичъ Карвицкій, старикъ 60 лѣтъ,
тоже изъ богатыхъ помѣщиковъ Юго-Западнаго края, разжалованный
въ одинъ день съ Ворцелемъ и за такую же вину, служилъ въ Бори-
соглѣбскомъ уланскомъ полку.

Въ судьбѣ Николая Николаевича Квартано ни русскія, ни польскія
тайныя общества не играли никакой роли. Будучи офицеромъ пѣхот-
наго принца Вильгельма Прусскаго полка, онъ отпросился за границу
навѣстить своего отца, занимавшаго должность русскаго консула въ
одномъ изъ городовъ Испаніи. Въ то время шла борьба партіи гене-
рала Мина противъ абсолютизма короля Фердинанда VII. Пылкій Квар-
тано, забывъ о своемъ званіи русскаго офицера и объ окончаніи срока
отпуска, примкнулъ къ освободительному движенію и храбро сражался
подъ предводительствомъ Мина. Когда восстаніе было подавлено, Квартано
бѣжалъ въ Бразилию, потомъ долго скитался по Европѣ. Тоска
по родинѣ и стѣсненныя обстоятельства заставили его прибѣгнуть къ
покровительству великаго князя Михаила Павловича, находившагося

въ Вѣнѣ. Тотъ посовѣтовалъ ему вѣхать въ Петербургъ съ повинною. Квартано такъ и сдѣлалъ. Его посадили въ крѣпость и затѣмъ разрѣшили вступить вновь въ военную службу, но только нижнимъ чиномъ. Такимъ путемъ попалъ онъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Это былъ всегда веселый, добродушный и беззаботный человѣкъ, неистощимый рассказчикъ, остроумный и пріятный собесѣдникъ.

Раевскій, любившій веселую и непринужденную бесѣду, простой и привѣтливый въ обхожденіи, не склонялся вѣтъ службы отъ общества разжалованныхъ офицеровъ, какъ людей одинакового съ нимъ образованія и воспитанія. Естественно, что совмѣстная поѣздка и скучное сидѣніе въ карантинѣ сами по себѣ давали много поводовъ къ тѣсному общенію. Во время остановокъ разжалованные собирались въ палатѣ молодаго генерала и обѣдали вмѣстѣ съ нимъ. Такъ водилось на Кавказѣ и такое отношеніе къ разжалованнымъ вѣтъ службы казалось столь естественнымъ, что никому не приходило въ голову видѣть въ этомъ опасное колебаніе дисциплины или политическую неблагонадежность¹⁾. Паскевичъ не могъ не знать объ этомъ, но смотрѣлъ сквозь пальцы на послабленія, дѣлаемыя разжалованнымъ офицерамъ. Онъ самъ, когда было нужно, вступалъ съ ними въ непосредственный спорѣнія. Такъ, онъ держалъ при своемъ штабѣ рядового Пущина и давалъ ему служебныя порученія, вовсе не входившія въ кругъ его солдатскихъ обязанностей.

Но Паскевичъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ начальниковъ, которые берутъ на себя отвѣтственность за подчиненныхъ. Донесеніе его на высочайшее имя по дѣлу Раевскаго есть цѣлый обвинительный актъ, въ которомъ бросается тѣнь подозрѣнія и на декабристовъ, и на рядъ лицъ, не имѣвшихъ къ нимъ никакого отношенія, но непріятныхъ лично Паскевичу по той или другой причинѣ. Желаніе выгородить себя и сложить всю отвѣтственность на другихъ заставило Паскевича отречься отъ того, что самъ онъ годомъ раньше сообщалъ о поведеніи и образѣ мыслей разжалованныхъ офицеровъ.

«Поступокъ г.-м. Раевскаго,—писалъ онъ государю²⁾,—«сдѣлался мнѣ известенъ прежде полученія высочайшаго повелѣнія вашего император-

¹⁾ Объ одномъ изъ такихъ случаевъ было известно и государю Николаю Павловичу. Во время пребыванія Дибича въ Тифлісѣ, весной 1827 г., до свѣдѣнія его дошло, что Оржицкій, Пущинъ и Конованицынъ приглашались на офицерскіе обѣды. Оржицкаго онъ отправилъ въ штабъ полка, а командиру 8-го піонернаго баталіона замѣтилъ, что польза отъ службы Пущина и Конованицына нимало не должна выводить ихъ изъ состоянія, въ которое они поставлены единственно высочайшою милостью. Дибичъ донесъ объ этомъ государю, и происшествіе не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

²⁾ В. Потто, Исторія Нижегородскаго драгунскаго полка, III, 147.

скаго величества, и я не оставилъ его безъ вниманія, но только представилъ окончательное рѣшеніе онаго до возвращенія моего въ Тифлисъ, чтобы самому болѣе во всемъ удостовѣриться. Поступокъ этотъ, хотя злоумышленности и не обнаруживаеть, но тѣмъ не менѣе есть признакъ, что духъ сообщества существуетъ, который по слабости своей не дѣйствуетъ, но съ помощью связей между собою живетъ. Сие съ самого начала командованія моего здѣсь не было упущено отъ наблюдений моихъ, и я тогда же просилъ графа Дибича снабдить меня хоть нѣсколько другаго рода генералами, которые съ добрыми правилами соединили бы и способности; но, не получивъ ихъ, я долженъ быть дѣйствовать тѣми, какіе были, и по ихъ военнымъ дѣйствіямъ и способностямъ отдавать имъ справедливость. По множеству здѣсь людей сего рода, главное къ наблюденію есть то, чтобы они не имѣли пріѣжища въ лицахъ высшаго званія и, такъ сказать, пункта соединенія. Въ семъ отношеніи удаленіе отсюда г.-м. Сакена есть полезно; удаленіе г.-м. Раевскаго также, весьма полезно удалить и г.-м. Муравьевъ».

Письмо это, какъ справедливо замѣтилъ В. А. Потто, навсегда остается документомъ, чрезвычайно важнымъ для личной характеристики Паскевича. Дѣйствительно, если обвиненіе Раевскаго въ сочувствіи замысламъ декабристовъ еще имѣло вѣнчаній видъ правдоподобія, то указаніе на Сакена, Муравьевъ и даже Дибича можетъ быть объяснено только желаніемъ Паскевича изъ личныхъ видовъ повредить имъ въ мнѣніи государя. Для этого пустилъ онъ въ ходъ обвиненіе ихъ въ явномъ и злонамѣренномъ покровительствѣ лицамъ, участвовавшимъ въ заговорѣ 14-го декабря¹⁾.

Императоръ Николай Павловичъ, при всемъ расположениі и довѣріи къ своему «отцу-командиру», не внялъ, однако, его коварнымъ инсінуаціямъ. Онъ взглянулъ на дѣло исключительно съ точки зрѣнія нарушенія воинской дисциплины. Раевскому былъ объявленъ отъ высочайшаго имени строжайшій выговоръ и домашній арестъ при часовомъ на 8 дней²⁾. Всльдѣ за тѣмъ государь приказалъ перевестя его въ 5-ю уланскую дивизію.

¹⁾ Баронъ Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, впослѣдствіи графъ и членъ Государственнаго Совета, исполнялъ во время турецкой войны обязанность начальника штаба дѣйствующаго корпуса. Такую же должность занималъ въ персидскую кампанію Николай Николаевичъ Муравьевъ, бывшій впослѣдствіи главнокомандующимъ и намѣстникомъ на Кавказѣ. Испытавъ на себѣ мелочность, придирчивость и истительность Паскевича, оба при первой возможности оставили кавказскую службу и перешли въ Польшу подъ начальство Дибича.

²⁾ Рапортъ графа Чернышева графу Паскевичу отъ 10-го декабря 1829 г. № 739.

Арест генерала и, при томъ, георгіевскаго кавалера вызвалъ много толковъ въ кавказскихъ войскахъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что Раевскій сдѣлался жертвою доноса, и всѣ указывали на Бутурлина, гостепріимно принятаго генераломъ въ Гумринскомъ карантинѣ¹⁾). По общему мнѣнію, ударъ былъ направленъ собственно не противъ Раевскаго, а противъ декабриста Захара Чернышева, находившагося въ свитѣ генерала.

Для объясненія интриги необходимо припомнить, что начальникъ главнаго штаба А. И. Чернышевъ съ давнихъ порь навязывался въ ближайшее родство съ оберъ-штенкомъ графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, владѣльцемъ маіората въ 20.000 душъ крестьянъ. Наслѣдникомъ этого богатства былъ единственный сынъ графа Григорія графъ Захаръ Григорьевичъ. Когда молодой человѣкъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу декабристовъ, членъ слѣдственной комиссіи А. И. Чернышевъ, какъ разъказываютъ²⁾, счелъ полезнымъ для себя заявить лишний разъ о своемъ съ нимъ родствѣ. При допросѣ онъ обратился къ нему съ словами: «Comment, cousin, vous êtes coupable aussi?» Графъ Захаръ рѣзко возразилъ: «coupable peut-être, mais cousin jamais!».

Приговоръ верховнаго уголовнаго суда, присудившій Захара Чернышева къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и каторжнымъ работамъ, сдѣлалъ открытымъ вопросъ о будущемъ наслѣдникѣ маіоратныхъ имѣній. Претендентомъ выступалъ А. И. Чернышевъ. Извѣстны слова Ермолова по этому поводу. «Что же тутъ удивительнаго? одежда жертвы всегда и вездѣ поступала въ собственность палача».

Междѣ тѣмъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Сибири, Захаръ Чернышевъ получилъ разрѣшеніе поступить на службу рядовымъ въ одинъ изъ кавказскихъ полковъ. Турецкая война могла дать ему способъ къ отличию и восстановленію своихъ правъ, утраченныхъ по судебному приговору. Возможность этого, какъ утверждаютъ, не соотвѣтствовала видамъ А. И. Чернышева. На его счастіе подвернулась какъ разъ исторія съ генераломъ Раевскимъ. Получивъ донесеніе Бутурлина о гумринскомъ обѣдѣ, онъ быстро сообразилъ планъ дѣйствія для устраненія опаснаго конкурента на маіоратное наслѣдство. Поступокъ Раевскаго былъ представленъ государю, какъ событие первостепенной важности. Паскевичъ поддержалъ это представление своимъ завѣреніемъ, что ма-

¹⁾ Объ этомъ говорятъ единогласно служившіе тогда въ кавказскихъ войскахъ участники турецкой кампаніи А. С. Гангебловъ («Воспоминаніе», стр. 187), М. В. Юзефовичъ («Воспоминанія о Пушкинѣ» въ «Русск. Архивѣ» 1880 г.) и В. Андреевъ («Кавказскій Сборникъ», I, 89, 90, 92).

²⁾ М. В. Юзефовичъ, Воспоминанія о Пушкинѣ, 486, 487.

тежный духъ еще не угасъ въ разжалованныхъ декабристахъ, но таится въ нихъ подъ давлениемъ обстоятельствъ.

Результатъ этихъ коварныхъ внушеній не замедлилъ сказаться. Производство въ офицеры, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшееся декабристами, было отмѣнено¹⁾.

Такимъ образомъ, возможность возстановленія гражданскихъ правъ Захара Чернышева была, если не совсѣмъ устранина, то въ значительной степени ослаблена.

Графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ скончался въ 1830 г., и А. И. Чернышевъ предъявилъ свои права на открывшееся наследство, но они были отвергнуты Государственнымъ Совѣтомъ. Маюратъ выѣхалъ съ фамиліей графа Чернышева перешелъ къ И. Г. Кругликому, женатому на старшей дочери покойного, графинѣ С. Г. Чернышевой.

Кромѣ отказа въ наградахъ, разжалованныхъ декабристовъ постигла еще и другая, не менѣе тяжкая, невзгода. Послѣ окончанія войны, часть ихъ собралась къ зимѣ 1829—30 гг. въ Тифлісъ. Здѣсь имѣли они возможность видѣться другъ съ другомъ и бывать въ обществѣ людей образованныхъ. Послѣ исторіи Раевскаго они лишились этого утѣшенія: всѣхъ разжалованныхъ было приказано распределить по полкамъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы ни въ одномъ не числилось болѣе двухъ человѣкъ. А. А. Бестужевъ, жившій въ Тифлісѣ съ братьями Петромъ и Павломъ, попалъ въ линейный № 10 баталіонъ въ Дербентъ. Захарь Чернышевъ былъ переведенъ изъ Нижегородскаго драгунскаго въ 41-й егерскій полкъ, строившій Закатальскую крѣпость.

М. И. Пущинъ, разочаровавшись въ обѣщаніяхъ Паскевича, покинулъ службу на Кавказѣ. Справедливость требуетъ сказать, что не всегда Паскевичъ былъ виноватъ въ неисполненіи своихъ обѣщаній. Въ январѣ 1829 г. онъ ходатайствовалъ о награжденіи Пущина за штурмъ Ахалциха орденомъ св. Георгія 4-й степени, при чмъ рекомендовалъ его въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: «въ продолженіе всей осады Ахалциха подпоручикъ Пущинъ употребляемъ былъ для разбивки и устроенія батарей въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ всегда служилъ основною точкою, на которую направлялись колонны, и при сихъ случаѣхъ оставался неподвижнымъ подъ жесточайшимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ; въ самыхъ работахъ примѣромъ ободрялъ людей и всегда содѣйствовалъ успѣхамъ оныхъ. На приступѣ 15-го августа, при заложеніи дожемента и батарей въ самомъ пылу сраженія, исполняя ревностно свою обязанность, раненъ жестоко пулею въ грудь на вылетъ. Неизмѣнное усердіе, безпримѣрное мужество и спокойствіе духа под-

¹⁾ Графъ Чернышевъ графу Паскевичу отъ 17-го апреля 1830 г., № 2771.

поручика Пущина содѣлываютъ его достойнымъ всемилостивѣйшаго возврѣнія».

Высочайшаго соизволенія на эту награду не послѣдовало. Вмѣсто ордена храбрыхъ Пущину былъ данъ чинъ поручика. Тридцать лѣтъ спустя, именно 17-го декабря 1858 года, когда Пущинъ находился уже въ отставкѣ, императоръ Александръ II, освѣдомясь объ его подвигахъ подъ Ахалцихомъ, пожаловалъ ему заслуженный кровью георгіевскій крестъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ прибыли на Кавказъ съ поселеніемъ въ Сибири Александръ Осиповичъ Корниловичъ, Сергій Ивановичъ Кривцовъ, С. Палицинъ и содержавшійся въ Бобруйской крѣпости Дивовъ. Всѣ трое вступили на службу рядовыми. Въ 1837 году наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, путешествовавшій по западной Сибири, исходатайствовалъ у императора облегченіе участія ссыльно-поселенцевъ изъ декабристовъ. Имъ было разрѣшено покинуть Сибирь подъ условіемъ солдатской службы въ кавказскихъ войскахъ. Дозволеніемъ этимъ воспользовались Александръ Ивановичъ Вегелинъ, Николай Александровичъ Загорѣцкій, Константинъ Евстаѳьевичъ Игельстромъ, Владіміръ Николаевичъ Лахаревъ, Николай Ивановичъ Лореръ, Михаилъ Александровичъ Назимовъ, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, Александръ Ивановичъ Одоевскій, Андрей Евгеньевичъ Розенъ и Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ. Два года спустя прїѣхали изъ Сибири на Кавказъ братья Александръ и Петъръ Петровичи Бѣляевы, опредѣленные въ Кабардинскій пѣхотный полкъ. Наконецъ, послѣднимъ, уже въ концѣ царствованія Николая I, былъ переведенъ на Кавказъ Александръ Николаевичъ Сутгофъ.

Служба и судьба этихъ декабристовъ достаточно извѣстны по ихъ личнымъ воспоминаніямъ и по запискамъ ихъ сослуживцевъ.

А. Е. Розенъ подвелъ итоги пребыванію декабристовъ на Кавказѣ. По его счету, двадцать изъ нихъ были произведены въ офицеры, трое (Берстель въ 1836 г., Бестужевъ-Марлинскій въ 1837 г. и Лихаревъ въ 1840 г.) убиты въ сраженіяхъ, пятеро умерло отъ болѣзней.

Къ числу павшихъ въ сраженіи надо присоединить еще Дивова, скончавшагося въ 1840 г. отъ раны, полученной имъ въ экспедиціи на р. Фартангъ въ Малой Чечнѣ. Въ спискѣ умершихъ на Кавказѣ отъ болѣзней пропущенъ Розеномъ А. Н. Сутгофъ, скончавшійся въ Боржомѣ 14-го августа 1872 года. Прибывъ послѣднимъ на Кавказъ, онъ и покинулъ его послѣднимъ.

II.

Прикосновенные.

Кромъ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ и военно-судными комиссиями, по дѣлу декабристовъ было привлечено къ отвѣтственности много лицъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ тайнымъ обществамъ. Официально назывались они «кли-цами, кой прикосновены были къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, но, не бывъ преданы верховному уголовному суду, понесли исправительная наказанія».

Виновность этихъ лицъ, очевидно, не поддавалась точному определенію: въ спискахъ, противъ имени каждого, сказано только, что «быть прикосновенъ къ злоумышленнымъ сообществамъ». Нѣкоторые изъ подвергшихся наказанію даже не знали о своей прикосновенности и объясняли постигшую ихъ кару совѣтъ другими причинами.

Извѣстно, что самъ Ермоловъ, всего менѣе склонный къ либерализму, считался главою какого-то кавказскаго тайного общества¹⁾. Вслѣдствіе этого всѣ дѣйствія его подавали поводъ къ сомнѣнію. Въ февралѣ 1821 г. старшій адъютантъ штаба первой арміи, полковникъ Александръ Андреевичъ Авенаріусъ, по представлению Ермолова, получилъ на Кавказъ въ командование 41-й егерскій полкъ. Послѣ обнаруженія тайныхъ обществъ въ южной Россіи, явилось подозрѣніе въ принадлежности къ немъ Авенаріуса. Отсюда возникло предположеніе, что Ермоловъ просилъ о переводѣ его на Кавказъ, какъ единомышленника. Вслѣдствіе этого отъ Ермолова было потребовано объясненіе о причинахъ, побудившихъ его дать полкъ Авенаріусу. Онъ отвѣчалъ очень энергическимъ рапортомъ на имя военнаго министра. «Не сомнѣваюсь,—писалъ онъ²⁾,—что изъ уличенныхъ въ заговорѣ никто не покажеть, что было какое тайное общество въ корпусѣ, надъ коимъ начальство высочайше мнѣ ввѣрено, и потому полковникъ Авенаріусъ не здѣсь могъ принадлежать къ какому-либо изъ таковыхъ. Въ кавказскій корпусъ просилъ я о переводѣ его по наилучшей рекомендациѣ, и съ того времени, какъ онъ здѣсь, нахожу его офицеромъ усерднымъ, исполнителынмъ, безмолвнымъ и командиромъ полка изъ наилучшихъ. Ручаюсь смѣло, что не въ его свойствахъ быть членомъ какого-либо

¹⁾ Слухъ объ этомъ, пущенный въ ходъ извѣстнымъ А. И. Якубовичемъ, служившимъ на Кавказѣ, былъ принятъ за чистую монету членами тайныхъ обществъ въ Россіи. См. обь этомъ въ „Запискахъ декабриста С. Г. Волконскаго“, стр. 415, 416.

²⁾ Отъ 4-го марта 1826 г., № 7.

вредного общества, едва-ли такого, коихъ члены публиковались печатными списками. Не поручусь я за подозрительнаго».

Тѣмъ не менѣе, надъ Авенариусомъ, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ секретный надзоръ. Такому же наблюденію подвергся и командиръ 7-го карабинернаго полка полковникъ Н. Н. Муравьевъ¹⁾, который, «хотя поведеніемъ своимъ и усердіемъ къ службѣ не подавалъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ участваніи въ открытыхъ уже правительствомъ тайныхъ обществахъ, но потому единственно, что многіе изъ однофамильцевъ его оказались къ нимъ принадлежащими»²⁾.

Вскорѣ Ермолову пришлось вновь явиться въ роли подозрѣваемаго. Нѣкто капитанъ Колачевскій, въ письмѣ къ братьямъ своимъ, сообщалъ имъ, что влюбленъ въ дѣву горъ. Письмо, отправленное по почтѣ, попало въ руки Дибича. Дѣва горъ показалась ему подозрительною. Копія письма была препровождена къ Ермолову съ требованіемъ свѣдѣній о благонадежности Колачевскаго. Ермоловъ отвѣчалъ³⁾: «Дѣва горъ, о коей говорить Колачевскій, есть, какъ мнѣ известно, пригожая дѣвушка, въ которую онъ влюбленъ и старается получить ее въ супружество. По множеству соперниковъ совершиено на то не надѣется. Преодолѣніе затрудненій почитаетъ важнымъ успѣхомъ, и какъ надобно думать, прежде точнаго въ томъ удостовѣренія, не рѣшаются братьямъ объявить о томъ. Капитанъ Колачевскій, находящійся при военно-окружномъ начальникѣ г.-м. князѣ Мадатовѣ, хороший офицеръ и всегда былъ такого поведенія и нравственности, которая не навлекали ни малѣйшаго подозрѣнія. Выраженія въ письмѣ его насчетъ смѣны моей, конечно, неумѣстны, хотя, между родными братьями употребляемыя, не могутъ быть принимаемы въ уваженіе, особенно еще въ письмѣ, по почтѣ пересланномъ. Никакихъ вредныхъ замысловъ и предпріятій Колачевскій имѣть не можетъ, ибо таковые не были бы здѣсь допущены, и я позволю себѣ думать, что довольно ясны тому доказательства, ибо доселѣ ничего подобнаго здѣсь не произошло. Прошу покорнѣйше вѣсть доложить государю императору, что я весьма хорошо разумѣю обязанности мои удалять развратъ отъ моихъ подчиненныхъ, и всегда столько умѣль внушать уваженія къ власти, что не имѣль случая наказывать за несоблюденіе онаго. Меня можно обмануть, но, при малѣйшемъ сомнѣніи, не подъ моими глазами могутъ предприняты быть вредныя какія-либо начинанія».

Поэтическое название дѣва горъ, взятое изъ пушкинского «Кав-

¹⁾ Впослѣдствіи намѣстникъ и главнокомандующій на Кавказѣ.

²⁾ Предписаніе Ермолова г.-з. Вельяминову отъ 4-го марта 1826 г., № 8.

³⁾ Въ письмѣ къ Дибичу отъ 30-го мая 1826 г., № 26.

казского плѣнника», повлекло за собою отдачу влюблённого капитана подъ секретный надзор.

Во время пребыванія Дибича, весною 1827 г., въ Тифлисѣ, Ермоловъ имѣлъ съ нимъ объясненіе о своемъ образѣ мыслей. При этомъ онъ вновь указывалъ на то, что никто изъ окружающихъ его не былъ замѣшанъ въ заговорѣ. Кюхельбекера онъ выслалъ изъ Грузіи, отрекомендовавъ его князю Волконскому какъ вольнодумца, а Якубовичъ самъ оставилъ службу въ Кавказскомъ корпусѣ¹⁾.

Сообщая государю о своей бесѣдѣ съ Ермоловымъ, Дибичъ прибавилъ, что не сомнѣвается въ его искренности и откровенности. Но императоръ Николай Павловичъ былъ иного мнѣнія и навсегда сохранилъ чувство недовѣрія къ знаменитому проkonсулу Кавказа.

Большая часть «прикосновенныхъ» была сослана на Кавказъ. Гвардейцы поплатились переводомъ въ армейскіе и даже въ гарнизонные полки, безъ повышенія въ чинахъ. Нѣкоторые смещены на низшія должности.

За прикосновенность переведены на Кавказъ въ 1826 году:

Депрерадовичъ, корнетъ Кавалергардскаго полка, въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Шереметевъ, Николай Васильевичъ, поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, въ 43-й егерскій полкъ.

Волковъ, Владіміръ Федоровичъ, шт.-капитанъ л.-гв. Московскаго полка, въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Броке, Алексѣй Александровичъ, поручикъ того же полка, въ Миагрельскій пѣхотный полкъ.

Добринскій, поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка, въ 43-й егерскій полкъ. Въ дополненіе къ высочайшему приказу о переводе, Дибичъ увѣдомилъ²⁾ Ермолова, что государю императору угодно, чтобы Добринскому быть доставленъ случай заслужить свой проступокъ, а Волкова и Броке, какъ служившихъ въ гвардейскомъ полку, наиболѣе участвовавшемъ въ возмущеніи, имѣть подъ особеннымъ строжайшимъ наблюденіемъ.

Арцыбашевъ, корнетъ Кавалергардскаго полка, въ Таманскій гарнизонный полкъ.

Рынкевичъ, корнетъ л.-гв. Коннаго полка, въ Бакинскій гарнизонный полкъ.

Малютинъ, подпоручикъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ Севастопольскій пѣхотный полкъ.

¹⁾ Князь Щербатовъ, Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, II, 216.

²⁾ Отъ 5-го июня 1826 г., № 979.

Семичевъ, ротмистръ Ахтырского гусарского полка, въ Нижегородской драгунский полкъ.

Гангебловъ, Александръ Семеновичъ, поручикъ л.-гв. Измайлова- скаго полка, въ Владикавказскій гарнизонный полкъ.

Гудима, подпоручикъ того же полка, въ Дербентскій гарнизонный полкъ.

Вадковскій, подпоручикъ 17-го егерскаго полка, въ Моздокскій гар- низонный баталіонъ.

Микашевскій, Александръ Михайловичъ, подполковникъ 22-го егерскаго полка, въ 42-й егерскій полкъ.

Корсаковъ, Михаилъ Матвеевичъ, поручикъ л.-гв. Гренадерскаго полка, въ Куринскій пѣхотный полкъ.

Въ 1827 году:

Гвоздевъ, Александръ Николаевичъ, подполковникъ квартирмейст- ской части при штабѣ 1-й арміи. За необъявленіе извѣстныхъ ему обстоятельствъ о существованіи злоумышленного тайного общества выдержанъ четыре мѣсяца въ Бобруйской крѣпости и переведенъ въ 42-й егерскій полкъ.

Леманъ, Павелъ Михайловичъ, полковникъ Томскаго пѣхотнаго полка, въ Мингрельскій пѣхотный полкъ.

Бурцовъ, Иванъ Григорьевичъ, полковникъ и командиръ Колыван- скаго пѣхотнаго полка, выдержанъ 6 мѣсяцевъ въ Бобруйской крѣ- пости и переведенъ въ Тифлисскій пѣхотный полкъ подъ коман- ды младшаго.

Титовъ, поручикъ л.-гв. Кирасирскаго полка, въ Омскій гарнизон- ный баталіонъ и оттуда во Владикавказскій гарнизонный полкъ.

Коновницынъ, графъ, прaporщикъ, прикомандированный къ гвар- дейской конной артиллериі,—въ конно-артиллерійскую № 13 роту. Это—младший братъ Петра Петровича Коновницына, разжалованного въ рядовые. Ихъ родная сестра, графиня Елизавета Петровна, была замужемъ за декабристомъ Михаиломъ Михайловичемъ Нарышкинымъ.

Сухоруковъ, Василий Дмитріевичъ, сотникъ л.-гв. Казачьяго полка, высланъ подъ надзоръ въ Донское войско и затѣмъ назначенъ въ Грузію въ Донской казачий полковника Карпова полкъ.

Искрицкій, Демьянъ Александровичъ, подпоручикъ гвардейскаго генеральскаго штаба, въ Орскій гарнизонный баталіонъ и оттуда въ 42-й егерскій полкъ.

Бестужевъ, Павелъ Александровичъ, артиллериі прaporщикъ, въ Сухумскій артиллерійскій гарнизонъ.

Васильчиковъ, прaporщикъ Тверскаго драгунскаго полка, кор- нетомъ въ Серпуховскій уланскій полкъ.

Въ 1828 году:

Кожевниковъ, Андрей, подпоручикъ л.-гв. Гренадерского полка, въ Иркутский гарнизонный баталіонъ и оттуда въ 42-й егерской полкъ.

Жуковъ, шт.-ротмистръ гусарского принца Оранского полка, въ Архангелогородскій гарнизонный полкъ и оттуда въ Куринскій пѣхотный полкъ.

Въ 1829 году: Мусинъ-Пушкинъ, графъ, капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ Петровскій и оттуда въ Тифлисскій пѣхотный полкъ.

Въ 1832 году: Норовъ, Василій Сергеевичъ, капитанъ л.-гв. Егерского полка, долго содержался въ Бобруйской крѣпости и затѣмъ отправленъ на Кавказъ. Брать министра народнаго просвѣщенія Авраама Сергеевича Норова.

Всѣ прикосновенные состояли подъ строгимъ секретнымъ надзоромъ. Ближайшіе начальники были обязаны ежемѣсячно доносить объ ихъ службѣ и поведеніи начальнику главнаго штаба для доклада государю императору¹⁾. Перемѣщеніе, увольненіе въ отпускъ и вообще всякия служебныя измѣненія допускались не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія²⁾. Когда въ 42-мъ егерскомъ полку подполковнику Миклашевскому слѣдовало по старшинству получить баталіонъ, ему было въ этомъ отказано и даже не дозволено временно командовать баталіономъ.

Зачисленные въ гарнизоны получили вскорѣ разрѣшеніе принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ, Рывкевичъ былъ прикомандированъ на время персидской кампаніи къ Ширванскому пѣхотному полку съ тѣмъ, что если будетъ отличать себя по службѣ, то можетъ быть представленъ къ переводу въ этотъ полкъ. Гангебловъ, съ высочайшаго соизволенія, прикомандированъ къ Кабардинскому полку и т. д.

Всѣ прикосновенные вели себя такъ безукоризненно, что 20-го ноября 1828 г. было повелѣно прекратить ежемѣсячныя о нихъ донесенія, но продолжать тайный и бдительный надзоръ³⁾.

Многие между ними получили хорошее общее и специальное образованіе. Кавказская армія того времени очень нуждалась въ такихъ офицерахъ. Паскевичъ широко воспользовался ихъ познаніями и талантами. Бурцовъ и Искрицкій служили въ строю и въ то же время несли обязанности офицеровъ генерального штаба. Искрицкій составилъ во-

¹⁾ Военный министръ графъ Татищевъ Ермолову отъ 20-го и 28-го сентября 1826 г., №№ 7108 и 7195.

²⁾ Дежурный генералъ главнаго штаба Потаповъ Ермолову отъ 16-го декабря 1826 г., № 14553.

³⁾ Чернышевъ Паскевичу отъ 20-го ноября 1828 г., № 635.

енно-топографическое описание Ахалцихского и Эрзерумского пашалыковъ, сдѣлалъ съемку Боржомскаго ущелья, окрестностей Зивина, Милидюза и Эрзерума. Сотникъ Сухоруковъ, состоя при штабѣ, былъ правую рукою главнокомандующаго въ дѣловой перепискѣ. Паскевичъ, не отличавшійся красноречиемъ ни на словахъ, ни на бумагѣ, охотно пользовался его первомъ, подъ которымъ неясныя мысли дѣлались вразумительными и облекались въ красивую форму. Это тотъ самый Сухоруковъ, о которомъ такъ сочувственно говорить Пушкинъ въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ».

Упомянувъ о Пушкинѣ, необходимо замѣтить, что Семичеву обязана Россія спасеніемъ своего поэта отъ большой опасности. Во время перестрѣлки казаковъ съ турецкими наѣздниками, 14-го іюня 1829 г., Пушкинъ устремился противъ непрѣятельскихъ всадниковъ съ цикою, взятою имъ у убитаго казака. Семичевъ бросился за нимъ и едва вывелъ изъ передовой цѣпи.

Не смотря на ограниченія въ служебныхъ правахъ, истинныя заслуги «прикосновенныхъ» пробили себѣ путь къ отличіямъ. Въ турецкую кампанію Бурцовъ уже командовалъ Херсонскимъ grenадерскимъ полкомъ, получилъ георгіевскій крестъ за Карсъ и чинъ генерал-маіора за Ахалцихъ. Къ общему сожалѣнію всѣхъ кавказскихъ войскъ, турецкая пуля положила конецъ его блистательной карьерѣ 19-го іюля 1828 г. А. М. Микашевскій тоже получилъ въ командование 42-й егерскій полкъ, съ которымъ блистательно дѣйствовалъ подъ Карсомъ 23-го іюня 1828 г. Онъ палъ отъ лезгинской пули при штурмѣ Чумкескента въ Сѣверномъ Дагестанѣ 1-го декабря 1831 г. П. М. Леманъ, командуя 41-мъ егерскімъ полкомъ, заслужилъ георгіевскій крестъ за пораженіе турокъ при Каинлы и Милидюзѣ 19-го и 20-го іюня 1829 года.

Поѣздка на Кавказъ Бутурлина, имѣвшая такія, неблагопріятныя послѣдствія для декабристовъ, отразилась такимъ же образомъ и на судьбѣ одного изъ прикосновенныхъ, именно В. Д. Сухорукова. А. И. Чернышевъ имѣлъ противъ него какое-то неудовольствіе еще съ того времени, когда разрабатывалось положеніе обѣ управлениі Донскимъ войскомъ. На Кавказѣ Сухоруковъ получилъ за храбрость владимирскій крестъ и золотое оружіе. Эти отличія не спасли его, однако, отъ преслѣдованій всесильного начальника главнаго штаба. Вскорѣ послѣ проѣзда Бутурлина, у Сухорукова, по распоряженію изъ Петербурга, былъ произведенъ обыскъ, при чемъ въ бумагахъ его оказались записки о военныхъ дѣйствіяхъ кавказскихъ войскъ въ турецкую кампанію. Находкѣ этой было придано такое важное значеніе, что Чернышевъ, по высочайшему повелѣнію, запросилъ Паскевича: на какомъ основаніи состоять при немъ Сухоруковъ и почему находятся у него записки о войнѣ съ Турцией?

Паскевичъ поступилъ и въ этомъ случаѣ такъ же, какъ въ дѣлѣ Раевскаго. Онъ поспѣшилъ сдожить часть отвѣтственности на другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бросить тѣнь подозрѣнія на тѣхъ именно лицъ, услугами коихъ наиболѣе пользовался во время войны. Вотъ его отвѣтъ¹⁾ Чѣрнышеву: «Въ числѣ бумагъ, опечатанныхъ у сотника Сухорукова, находится историческое описание войны 1828 и 1829 гг., составленное имъ по моему приказанію. Употребленіе Сухорукова къ такому порученію, когда онъ, какъ извѣстно, замѣщанъ въ происшествіи 14-го декабря и находится подъ секретнымъ надзоромъ, не должно удивлять вѣсть, ибо въ одинаковомъ съ нимъ разрядѣ находились многіе, служившіе при мнѣ, какъ-то: г.-м. Бурцовъ, полковникъ Лемантъ, поручикъ Пущинъ, Искрицкій и полковникъ Вольховскій былъ въ замѣчаніи²⁾. Не имѣя другихъ, которые бы съ пользою употреблены быть могли, я, по малому числу людей въ семь корпусъ способныхъ, принужденъ былъ давать порученія мои сего рода чиновникамъ. Такимъ образомъ и Сухоруковъ употребляемъ былъ сначала г.-м. барономъ Остенъ-Сакеномъ по канцеляріи начальника штаба, а потомъ, годъ тому назадъ, я поручилъ ему составленіе историческихъ записокъ кампаніи 1828 и 1829 гг.».

Объясненіе это, не заключавшее въ себѣ ни одного слова въ защиту Сухорукова, рѣшило его судьбу. Чѣрнышевъ перевезъ его въ одинъ изъ донскихъ полковъ, стоявшихъ въ Финляндіи, гдѣ онъ и скончался въ сороковыхъ годахъ въ томъ же чинѣ сотника.

III.

Сводный гвардейскій полкъ.

Въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г. участвовали нижніе чины вѣкоторыхъ гвардейскихъ полковъ, увлеченные ложными утвержденіями своихъ офицеровъ. Наиболѣе виновные изъ нихъ были выгнаны изъ гвардіи и отправлены въ Выборгскую и Кексгольмскую крѣпости; остальные получили всемилостивѣйшее прощеніе. Во второй арміи, въ южной

¹⁾ Отъ 16-го января 1830 г. К. н. Щербатовъ, Біографія Паскевича, III, 328—330.

²⁾ Въ черновикѣ Паскевичъ приписалъ собственноручно: они оправдали довѣріе по службѣ, но многіе изъ нихъ не оставили прежнихъ мыслей. Но потомъ онъ вычеркнулъ эти коварныя слова.

Владимѣръ Дмитріевичъ Вольховскій, корпусный оберъ-квартирмейстеръ, блестательно выполнившій свои хлопотливыя и сложныя обязанности въ турецкую кампанію, не значился въ офицерскомъ спискѣ приконашенныхъ. Паскевичъ счелъ, однако, необходимымъ напомнить Чѣрнышеву, что Вольховскій былъ въ замѣчаніи по дѣлу декабристовъ.

России, ответственности подверглись нижние чины Черниговского пехотного полка.

Въ февралѣ 1826 г. изъ мятежныхъ ротъ л.-гв. Московскаго и Гренадерскаго полковъ, получившихъ прощеніе, былъ сформированъ сводный гвардейскій полкъ въ составѣ двухъ батальоновъ. По высочайшему повелѣнію онъ отправленъ на Кавказъ для участія въ горской войнѣ, чтобы «имѣть случай изгладить и самое пятно минутнаго своего заблужденія и запечатлѣть вѣриность свою къ законной власти при первомъ военномъ дѣйствіи»¹⁾). Такое же назначеніе получили нижние чины, исключенные изъ гвардіи и изъ Черниговскаго полка, но они подлежали распределенію по тѣмъ кавказскимъ полкамъ, «коимъ преимущественно предъ прочими предстояло усмирять горцевъ силою оружія»²⁾.

Сводный гвардейскій полкъ выступилъ изъ Петербурга 27-го февраля 1826 г. въ списочномъ составѣ 38 офицеровъ и 1.282 нижнихъ чиновъ, подъ командой л.-гв. Преображенскаго полка полковника Шипова. Маршрутъ былъ назначенъ ему до Рыбинска сухимъ путемъ, оттуда Волгою въ Астрахань и далѣе моремъ до Сладкоеричной или какой-либо другой пристани на сѣверо-западномъ берегу Каспійскаго моря.

Въ Рыбинскѣ, въ ожиданіи изготавленія судовъ, полкъ простоялъ съ 8-го апрѣля до 20-го мая. Въ Астрахань прибылъ онъ 3-го юля, но здѣсь произошла новая остановка за неимѣніемъ казенныхъ мореходныхъ судовъ. Астраханское русское купечество наняло на свой счетъ вольные суда за 13.105 руб. асс. Отъ сел. Харбалай, расположеннаго противъ Житнаго бугра, полкъ отбылъ 10-го юля и черезъ шесть дней, 16-го юля, высадился на кавказскій берегъ въ Шандруковской пристани.

Въ ожиданіи прибытія полка, генералъ Ермоловъ дѣялъ приготовленія для его размѣщенія. Онъ предполагалъ поставить гвардейцевъ для отдыха въ Кабардѣ, а зимою расквартировать по казачьимъ станицамъ на Кубани.

Вторженіе персіанъ въ Закавказье измѣнило неожиданно эти планы. Во время дневки въ станицѣ Калиновской на Тerekѣ, 26-го юля, полковникъ Шиповъ получилъ отъ Ермолова предписаніе слѣдовать по спѣшишно въ Грузію. Отъ станицы Екатериноградской полкъ повернулъ на югъ, на Военно-Грузинскую дорогу, которая въ половинѣ августа привела его въ Тифлисъ.

Черезъ мѣсяцъ гвардейцы совершили военную прогулку подъ предводительствомъ Ермолова. Побывавъ въ татарскихъ дистанціяхъ, области джарскихъ лезгинъ и въ Нухинскомъ ханствѣ, они возвратились

¹⁾ Приказъ по гвардейскому корпусу 17-го февраля 1826 г., № 22.

²⁾ Дѣбичъ—Ермолову отъ 7-го марта 1826 г., № 2333.

въ Тифлисъ въ декабрѣ 1826 года. Здѣсь видѣть ихъ начальникъ главнаго штаба Дибичъ. Онъ остался доволенъ полкомъ, нашелъ, что «люди сохранили совершенно гвардейскую выпрѣвку, хотя при дѣплоядахъ отстали отъ петербургской гвардіи».

Въ іюнѣ 1827 г. сводный полкъ, въ составѣ главныхъ силъ, выступилъ противъ персіянъ. Онъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Эриванью, первымъ вошелъ въ этотъ городъ послѣ его сдачи, затѣмъ былъ въ Тавризѣ и парадировалъ 8-го ноября 1827 г. передъ принцемъ Аббас-мирзою въ Дейкарганѣ, гдѣ велись предварительные переговоры объ условіяхъ мира.

Послѣ окончанія персидской войны гвардейцы получили разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ. Полкъ покинулъ Тифлисъ 7-го іюля 1828 года. Официальная «Тифлисскія Вѣдомости» (отъ 11-го іюля 1828 г., № 2) напутствовали его слѣдующими словами: «походъ, совершенный въ Персію полкомъ россійской императорской гвардіи, который, прибывъ изъ столицы сѣвера, вступалъ виѣсть съ побѣдоносными войсками кавказскаго корпуса въ столицу Адербиджана, содержалъ почетный караулъ у наследника иранскаго престола и доставилъ въ Грузію персидское золото—есть событие, достойное исторіи. Нынѣ полкъ сей провожаетъ куруры ¹⁾ и трофеи, приобрѣтенные россійскимъ оружіемъ во время послѣдней войны, между коими находятся: тронъ Аббаса-миры, назначенный къ помѣщенію въ Московскую оружейную палату, 7 пушекъ, вылитыхъ персидскими мастерами въ Тавризскомъ литейномъ дворѣ, во время управления русскими Адербиджанскою областью, и двѣ картины, взятыя въ Уджанскомъ замкѣ, изображающія побѣды Аббаса-миры. Но драгоценнѣе всѣхъ сокровищъ для ученаго міра есть Ардебильская библиотека, приобрѣтенная при взятіи ген.-адъютантомъ графомъ Сухтеленомъ города Ардебиля».

Въ числѣ офицеровъ сводного полка находился Аркадій Ивановичъ Майборода, бывшій капитанъ Вятскаго пѣхотнаго полка, приславшій императору Александру I въ Таганрогъ доносъ о существованіи тайного общества во второй арміи. Послѣ воцаренія Николая I онъ былъ переведенъ, за отличие по службѣ, тѣмъ же чиномъ въ л.-гв. grenадерскій полкъ. Впослѣдствіи Майборода перешелъ вновь въ армію, отправился опять на Кавказъ и командовалъ (1842 — 1844 г.) Апшеронскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Жизнь свою кончилъ онъ самоубійствомъ.

Е. Вейденбаумъ.

---

¹⁾ По туркманчайскому мирному договору, Персія обязалась уплатить Россіи десять куруровъ золотомъ (20 миллионовъ руб. сер.) въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ. Изъ нихъ около 7 куруровъ были взнесены при самомъ подписаніи договора.

Великій князь Александръ Павловичъ

и

A. A. АРАКЧЕЕВЪ¹⁾.

(Ихъ переписка).

1.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

23-го сентября 1796 г. С.-Петербургъ.

Алексѣй Андреевичъ! Маіоръ Купреяновъ пишеть мнѣ, что мое позволеніе нужно, касательно отставки капитана Зарембы, подпоручика Палицына и подпоручика Горяинова; но я не вижу, какъ оно можетъ быть надобно послѣ соизволенія его императорскаго величества. Впрочемъ, если оно потребно, то безъ сомнѣнія я позволяю.

Пользуясь симъ случаемъ, прошу васъ, Алексѣй Андреевичъ, если оно возможно, произвестъ изъ младшихъ унтеръ-офицеровъ въ унтеръ-офицеры: Алексѣя Иванова, Луку Левонтьева и Ивана Жукова, которые все три поведенія исправнаго, чѣмъ весьма меня одолжите.

Я не знаю такъ же, смѣю ли я напомнить его императорскому величеству о унтеръ-офицерѣ Крестьянѣ Бекманѣ, котораго онъ изволилъ говорить, что можно будетъ произвестъ въ офицеры за его доброе и исправное поведеніе. Оно бы весьма теперь кстати было, потому, что будетъ недостатокъ въ одномъ офицерѣ; а я вѣрно думаю, что онъ не хуже будетъ по крайней мѣрѣ Воронкова. Я бы весьма радъ быть знать на сіе ваше мнѣніе.

Пребываю впрочемъ вамъ на вѣкъ доброжелательнымъ, Александръ.

¹⁾ Въ то время баронъ Аракчеевъ.

2.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

1-го октября 1796 г. С.-Петербургъ.

Алексѣй Андреевичъ! имѣль я удовольствіе получить письмо ваше, я сожалѣю вѣсма, что маіоръ и офицеръ мой подвергаются наказаніямъ, особливо въ столь легкихъ вещахъ. Надѣюсь, что впредь будутъ рачительнѣе. Чувствительно васъ благодарю, Алексѣй Андреевичъ! за стараніе, которое вы приложили къ моей просьбѣ; мнѣ отмѣнно сіе лестно. Пребываю на вѣкъ вамъ доброжелательный Александръ.

3.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву¹⁾.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! сожалѣю душевно о твоей болѣзни и благодарю тебя искренно за письмо. Если у меня будетъ минута времени, то конечно зайду къ тебѣ.

4.

В. к. Александръ Павловичъ—гр. Аракчееву.

При семъ посылаю записку о выборѣ его императорскаго величества въ бригадѣ-маиоры. Соханскій, я думаю, и во снѣ не грезилъ того.

5.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! сдѣлай мнѣ одолженіе побудь тутъ, когда будуть спускать мой караулъ, чтобы они чего-нибудь не напутали; а я ѳду въ полкъ. Извини, что я тебя бездоколю. Государь приказалъ, чтобы полкъ былъ передъ дворцомъ въ 11-ть часовъ.

6.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Я тебѣ пріятную вѣсть скажу. Мнѣ не прежде выступать, какъ 5-го февраля или 7-го. У меня все готово къ 30-му января. Гренадерскія

¹⁾ Нижеслѣдующія четыре письма не имѣютъ датъ, но всѣ относятся къ 1796 году.

роты идуть всякая при своемъ баталонѣ. И такъ ты остаешься здѣсь до отѣзда въ Павловское и всѣ плацъ-адъютанты такъ же. Я виѣ себя отъ радости: только не говори объ этомъ.

7.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

2-го марта 1797 г.

Батюшка ваше императорское высочество, простите меня, если я смѣю обезпокоить васъ симъ моимъ письмомъ. Я въ немъ больше ничего не имѣю, какъ только хочу слышать и знать о вашемъ дражайшемъ здоровье, ибо приверженность моя и усердіе къ вашему императорскому высочеству останется до конца моей жизни.

Доношу вамъ, что я сего числа погребеніе графа Чернышева кончили, но только очень поздно окончилось, въ 2 ч. по полудни, стрѣляли очень дурно, а прочее было изрядно, но только грудь моя опять шалить и такъ я принужденъ отдыхать въ постели, что меня можетъ и задержать. Осмѣливаюсь, батюшка ваше высочество, напомнить о Гендельусѣ и пребываю на вѣки вашего императорского высочества наиусерднѣйший вѣрно подданный Алексѣй Аракчеевъ.

8.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

4-го марта 1797 г. Павловское.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ!

Получилъ вчера письмо твое, за которое чувствительно благодарю. Только жаль мнѣ видѣть, что ты недоволенъ своею грудью. Желаю искренно, чтобы она поправилась, и прошу тебя, побереги себя ради Бога. Когда тебѣ совсѣмъ свободно будетъ, то прїѣзжай сюда, мнѣ право скучно безъ тебя.

У насъ разводная ученья всякий день, и надобно справедливость отдать, что для столь короткаго времени отмѣнно хороши. Сравненія никакого нѣтъ ни съ лейбъ-grenaderами, ни съ кекзгольмскими. Они все дѣлаютъ; только видно, что люди замучены. Въ одномъ Павловскомъ госпиталѣ 80 человѣкъ больныхъ. Ружьемъ дурно дѣлаютъ; маршируютъ прекрасно. Федорову дана шпага, Ватковскому лента 1-го класса.

Вотъ вся наши вѣсти.

Сегодня мы были въ Царскомъ Селѣ и нашли караулы въ великой

неисправности. Офицеръ арестованъ и выключенъ изъ службы. Онъ изъ старыхъ нашихъ: Ландсбергъ. Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ! я жду тебя съ крайнимъ нетерпѣніемъ и пребываю на весь вѣкъ

Твой искренний и усердный Александръ.

9.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

7-го марта 1797 г.

Батюшка ваше императорское высочество, отъѣзжая отсюда сейчасъ, желаю и прошу Бога, чтобъ даровалъ вамъ здоровья и чтобы скрѣе я васъ могъ увидѣть. Вотъ одно мое желаніе, котораго я больше и на свѣтѣ не имѣю. Если я буду столь счастливъ, что на дорогѣ гдѣ-нибудь получу хотя одно слово, писанное вами, то я отъ радости и удовольствія, конечно, уже буду здоровъ во всю дорогу. Впрочемъ остаюсь на вѣки наивѣрнѣйший вамъ вѣрноподданный Аракчеевъ.

10.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

10-го марта 1797 г. Новгородъ.

Батюшка ваше императорское высочество, если я вамъ наскучилъ, то простите великодушно тому, который васъ обожаетъ. Въ Новгородъ прїѣхали, кажется, хорошо и весело. Васъ посланъ встрѣтить губернаторъ Митусовъ, человѣкъ очень добрый, честный, котораго конечно ваше высочество будетъ жаловать своею милостію. Донеся объ ономъ и желаю доброго здоровья, остаюсь на вѣки усердный вѣрноподданный Аракчеевъ.

11.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

12-го марта 1797 г. Волочекъ.

Батюшка ваше императорское высочество, милостивое ваше письмо я получилъ въ Вышнемъ Волочекѣ, оно меня столь много обрадовало, что я какъ бы онаго ни старался объяснить, но не въ состояніи. Теперь увѣдомлю васъ о нашемъ вояжѣ. Роты ваши grenадерскія очень хороши и въ Валдаѣ, и государь императоръ былъ доволенъ. Но здѣсь, въ Выш-

немъ Волочкѣ, прогнѣвался на капитана, а причина та, что дурно сдѣлали одинъ темпъ ружьемъ, а второе, что изволить говорить, для чего въ оной ротѣ много больныхъ, а послѣ я вамъ донесу лично все. Теперь послали меня въ Тверь въ ночь, и я ѿду туда, а тутъ оставилъ нарочно Аристова, дабы онъ посмотрѣлъ до конца отъѣзда. Прошу Всевышняго Бога, чтобы вы были здоровы и чтобы скорѣе я могъ васъ увидѣть, ибо я почитаю вашего высочества болѣе всего на свѣтѣ и остаюсь вашъ вѣрно-подданный и усердный Аракчеевъ.

Вы здѣсь увидите, ваше императорское высочество, дворянскаго предводителя г. Храповицкаго, человѣка рѣдкихъ достоинствъ, который, если будетъ удостоенъ разговора вашего высочества, то конечно оправдается мою смѣлость.

12.

А. Аракчеевъ—в. и. Александру Павловичу.

10-го апрѣля 1797 г. Москва.

Принося мою вѣрноподданную благодарность вашему императорскому высочеству за воспоминаніе обо мнѣ. Оно есть мнѣ первѣйшее утѣшеніе. Но о болѣзни моей доношу вашему императорскому высочеству, что она меня продержитъ долго и тѣмъ она мнѣ несноснѣе, что я лишаюсь видѣть вашего императорского высочества, но счастливъ и тѣмъ, что могу называться усерднымъ вѣрноподданнымъ Алексѣй Аракчеевъ. Батюшка, у васъ много слѣдственныхъ дѣлъ; рѣшите и окончите судьбу страждущихъ.

13.

А. Аракчеевъ—в. и. Александру Павловичу.

11-го апрѣля 1797 г. Москва.

Ваше императорское высочество, милость ваша ко мнѣ есть одно мое величайшее хѣкарство, и я, чтобы видѣть и быть у вашего высочества, то бѣжалъ бы сю минуту, но какъ я теперь не имѣю никакого дѣла, то и рѣшился полѣтиться, чтобы избавиться своего кашля, который мнѣ очень досаждаетъ.

Простите мнѣ милостиво, что я вчера напомнилъ вашему высочеству о дѣлахъ и былъ причиной вчерашняго вашего труда, послѣ сдѣланныхъ уже дневныхъ трудовъ, но милостивая вашего высочества душа, конечно, простить меня.

Я счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ, ибо смѣю называться усерднымъ вѣрноподданнымъ и преданнымъ Алексѣемъ Аракчеевымъ.

14.

А. Аракчеевъ—в. и. Александру Павловичу.

11-го апрѣля 1797 г. Москва.

Ваше императорское высочество. Вамъ извѣстно, какъ я преданъ вашему высочеству, то и осмѣливаюсь полученное письмо отъ г. генераль-адъютанта приложить къ вашему высочеству. Я съ удовольствіемъ оный вызовъ принимаю, ибо ваше высочество изволите быть и оное уже для меня велико, хотя я совсѣмъ бездѣльный человѣкъ буду.

Письмо, батюшка, Растопчина прикажите возвратить обратно ко мнѣ, а я предбуду на вѣки усердѣйшій вамъ вѣрноподданный Алексѣй Аракчеевъ.

15.

А. Аракчеевъ—в. и. Александру Павловичу.

22-го мая 1797 г. Kovno.

Батюшка, ваше императорское высочество, сколь много пріятно мнѣ было получить письмо черезъ князя Николая Васильевича и слышать отъ него, какъ вы обо мнѣ изволили отзываться; оное одному Богу будетъ извѣстно, и я увѣренъ, что Онъ ниспошлетъ оное къ вамъ и ваша милость ко мнѣ да будетъ милостью вѣчно.

Теперь увѣдомляю васъ, что оставленныя ващимъ высочествомъ дѣла по дивизиѣ у меня въ Вильнѣ и Ковиѣ мною всѣ обработаны, т. е. у всякаго дѣла написано на особливой бумажкѣ, что писать и теперь отправилъ въ Петербургъ къ Апрѣлеву, почему, по прїездѣ, батюшка, вашемъ и можете отъ него оныхъ спросить.

Нынѣ же полученные дѣла я, батюшка, въ скорости отдѣлаю и доставлю уже къ вашему высочеству прямо. Ахъ! какъ бы мнѣ пріятно было, чтобы я чаще получалъ отъ васъ таковыя дѣла, тогда бы я былъ спокоенъ и видѣлъ бы, что бѣдный Алексѣй не забыть и въ Литвѣ.

Я все боюсь, батюшка, чтобы Апрѣлевъ могъ вамъ угодить, ибо онъ еще молодъ, то и нужно его почаще понукать... Ахъ! если бы я могъ летать всякий день въ Павловскoe и дѣлать то, что угодно моему батюшкѣ Александру Павловичу.

Увѣдомляю васъ, что я еще въ Ковиѣ, и послѣ васъ съ ума было

сошелъ, полкъ ничего не знаетъ, маршируетъ очень дурно и ружьемъ дѣлаетъ также, словомъ сказать, все очень дурно. И такъ я цѣлый день учился съ утра до вечера, взявъ по 60 человѣкъ изъ роты и составя баталіонъ и теперь похоже на что-нибудь, но только скажу вамъ откровенно, что шефъ Г. добрый человѣкъ, но только не военный. А завтра я уже еду въ Вильну; не знаю, найду ли что, когда пріѣду обратно въ Ковно.

Если я столько буду счастливъ, что угодно будетъ писать вашему высочеству, то адресовать въ Вильну, ибо оттуда уже будетъ оныя комѣ доставлять съ нарочными.

Цѣлую ручку у вашего высочества, остаюсь вѣрный подданный вашъ Аракчеевъ.

16.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву ¹⁾.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я къ тебѣ не письмо пишу, а цѣлую грамоту, и надѣюсь, что ты простишь по дружбѣ, что я тебя безпокою въ недоумѣніи моемъ и снабдишь меня совѣтомъ. Я получилъ бездну дѣлъ, изъ которыхъ тѣ, на которыхъ я не знаю какія дѣлать решенія, къ тебѣ посыпаю, почитаю лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору. № 1-й. Отъ Мордвинова, который прописывается, что по неимѣнію аудитора, нельзя послать другаго офицера для приема жалованья. — Я думаю за лучшее предписать ему, чтобы онъ выбралъ изъunter-офицеровъ способнаго къ сей должности, представилъ бы обѣ немъ ко мнѣ, а покамѣсь отправилъ бы его для приема. № 2-й. О разныхъ командиро-ванныхъ у него людяхъ, о которыхъ я совсѣмъ не знаю, какое дать рѣ-шеніе и испрашиваю твоего совѣта.—№ 3-й. Глупые формулярные списки и наконецъ ихъ ротное, еще глупѣе, расписаніе, которое, я думаю, можно ему назадъ отослать съ приложеніемъ нашей формы. № 4-й. О стар-шинствѣ одного майора предъ другимъ, отъ него же, о которомъ, я думаю, надлежитъ и государю доложить: буду ждать твоего совѣта. № 5-й. О майорѣ отъ воротъ, о которомъ я не помню въ уставѣ ничего, а помнится положень капитанъ. Я думаю, и о семъ же надобно доложить государю. № 6-й. О образцѣ мундира его полку. Я удивляюсь, какъ ему не выданъ образецъ вмѣстѣ съ прочими отъ князя Долгорукова Кекзольмскаго полковника. Я не знаю такъ же, можно ли мнѣ безъ до-

¹⁾ Письмо это напечатано Н. К. Шильдеромъ въ приложениі (стр. 284) въ 1-му тому его труда „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствование“. Здѣсь оно помѣщается для полноты собранія писемъ.

кладу отпустить его офицеровъ для обмундированія въ Петербургъ; и что поэтому рѣшить, прошу тебя, снабди меня совѣтомъ. № 7-й и 8-й. Отъ Колюбакина изъ Шлиссельбурга, о неимѣніи совсѣмъ своего полка: о чѣмъ также не знаю, какъ рѣшить и спрашиваю твоего мнѣнія. № 9-й. Отъ Кобанова. № 10-й списокъ по старшинству, въ которомъ онъ показываетъ штабсъ-капитановъ выше капитановъ, и они у него выбраны въ самомъ дѣлѣ изъ старшихъ повидимому капитановъ, въ чемъ, я думаю, надобно ему растолковать надлежащій порядокъ. № 11-й. Глупое ротное расписаніе, въ которомъ онъ показываетъ много не явившихся офицеровъ. № 12-й. Дневной рапортъ по формѣ. № 13-й. Вѣдомость оunter-штабѣ отъ Ламберта, въ которой онъ показываетъ одного подпоручика при мнѣ. Я совсѣмъ не помню, кого онъ разумѣеть. № 14-й. Его же ротное расписаніе, въ которомъ показано въ подполковничей ротѣ пустое мѣсто подпоручика повидимому того же, котораго онъ числить при мнѣ. № 15-й. Отъ Бѣлозерскаго полка о причисленіи поповичей въ полкъ безъ позволенія моего, котораго, кажется, онъ могъ и ожидать; какъ ты думаешь? № 16-й. Изъ Нарвы отъ Тизенгаузена ротное глупое расписаніе. № 17-й. Списокъ по старшинству офицерамъ по формѣ. № 18-й. Его же рапортъ. № 19-й. Отъ военной коллегіи о лѣкарѣ Набокова полка, спрашиваю твоего совѣта. № 20-й. Отъ Буксгевдена о обозѣ его полку. Что ты обѣ ономъ думаешь? № 21-й. Отъ Салтыкова обѣ полотни фланскими. № 22-й. Указъ обѣ спискахъ. Я думаю, что сіе излишнее и посыпать, потому, что я подаю мѣсячный рапортъ, и такъ я могу и списки вмѣстѣ подавать, какъ ты думаешь? По счастію, мы рано прѣѣхали на ночлегъ, и я все успѣлъ кончить. Прочія бумаги я самъ разрѣшилъ, которыхъ конечно было вдвое столько же, если не болѣе. Прости мнѣ, другъ мой, что я тебя беспокою, но я молодъ и мнѣ нужны весьма еще совѣты: и такъ я надѣюсь, что ты ими меня не оставишь. Прощай, другъ мой! Не забудь меня и будь здоровъ. Александръ.

17.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

27-го мая 1797 г. Вильна.

Батюшка ваше императорское высочество! Прилагая у сего всѣ привычные отъ васъ бумаги, на которыхъ я написалъ и отвѣтъ, куда слѣдовало, только когда изволите подписать, то прикажите заномерить и оставить копіи. Всѣ вашего высочества назначенія справедливы, какъ изволите усмотрѣть изъ отвѣтств. Государю не нужно докладывать о маіорѣ отъ воротъ, ибо оно въ уставѣ есть на 146 страницѣ и она

вить должностъ чину не перемѣняеть. О образцовомъ мундирѣ я сдѣлалъ, чтобы дать знать Солтыкову; офицеровъ изъ Кронштадта отпускать безъ позволенія государя не можно. О томъ, что Колюбакинъ не имѣть еще своего полка, вашему высочеству надобно сказать императору. Ламберть показываетъ подпоручика адъютантомъ при себѣ, ибо вить онъ былъ инспекторомъ пѣхоты С.-Петербургской дивизіи. Объ офицерскихъ спискахъ я думаю вотъ что: оное сдѣлали господа генераль-адъютанты; и что они съ ними будутъ дѣлать? Со всей Россіи столько будетъ оныхъ списковъ и успѣютъ ли онѣ всякой мѣсяцъ ихъ прочитать. Однако уже лучше ваше высочество прикажите отъ себя всякой мѣсяцъ при рапортѣ готовить и отдавать.

Теперь дозвольте донести вашему высочеству о себѣ, что я, пробывъ въ Ковнѣ шесть дней, сдѣлалъ хорошее начало въ полку и нынѣ, пріѣхавъ обратно въ Вильну, учусь уже баталіонами, а первого числа поѣду въ Брестъ-Литовскій. Я нынѣ болѣе ничего не желаю, какъ только слышать о вашемъ высочествѣ, благополучно ли изволили доѣхать, и если я буду счастливъ получениемъ оного извѣстія, то я принесу Богу благодарность.

Не видя вашего высочества лично каждый день, желалъ бы хотя смотрѣть на портретъ вашего высочества, который бы я почиталъ дороже всего на свѣтѣ. Впрочемъ, прося о продолженіи высочайшей вашего высочества милости, пребуду на вѣки усердныи и первымъ вѣрноподданнымъ Аракчеевъ.

Я послалъ къ императору письмо, не изволите ли узнать, какъ оно будетъ принято.

18.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

1-го іюня (1797), городъ Гатчина.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! съ вчерашняго числа я получилъ три твоихъ письма, что меня весьма порадовало: первое отъ 22-го мая изъ Ковна; 2-е отъ 27-го мая изъ Вильны и 3-етого же числа, вмѣстѣ съ дѣлами, за обработываніе которыхъ тебя, любезный другъ, чувствительно благодарю. И скажу тебѣ, что мнѣ отмѣнно утѣшио видѣть, что ты меня не забываешь; во мнѣ же тебѣ нечего сумнѣваться. Я не перемѣнчивъ.

Я приказалъ снять со всевозможной точностью рисунки со всѣхъ повозокъ и тебѣ пришло, какъ скоро готовы будутъ.

При семъ препровождаю къ тебѣ бумаги Мелисина, которыя госу-

дарь мнѣ приказалъ къ тебѣ отослать, чтобы ты по мнѣнію своему отвѣты учинилъ. Я радъ очень видѣть, что я не одинъ прибѣгаю къ твоему мнѣнію.

У насъ новаго, что Архаровъ въ немилости и запрещено ему къ государю прямо адресоваться, а приказано все черезъ меня итти: что мнѣ навалило много работы, но благодаря Бога по-немногуправляюсь, что уже будетъ очень мудрено, то спрошу твоего совѣта, любезный другъ,

Жаль мнѣ очень, что Екатеринославскій полкъ тебѣ много хлопотъ надѣлалъ. За твое же стараніе благодарю и прошу тебя, что если тебѣ какая нужда будетъ, то пиши всегда ко мнѣ, я съ радостію буду ее исправлять. Прощай, другъ мой! будь здоровъ. Шиколадъ вскорѣ къ тебѣ пришлю, а если успѣю, то и сегодня, Александръ.

19.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

9-го июня 1797 г. Пружаны.

Батюшка ваше императорское высочество!.. Сколько я много обращался письму вашего высочества, оное одному Богу известно и благодарю Его Всевышняго, что Онъ даровалъ случай присыпкою оныхъ артиллерийскихъ бумагъ, и если Его есть святая воля ниспосыпать ко мнѣ свои милости, то я другихъ никакихъ не желаю, какъ только чаще слышать о дражайшемъ здоровье вашего высочества.

Бумаги я, батюшка, разсмотрѣлъ; онѣ справедливы и прилагаю объ нихъ два отвѣта, первый содержитъ только краткій отвѣтъ, а второй содержитъ и положеніе покупки оныхъ недостающихъ лошадей, но я боялся одно оное послать, ибо чтобы не сказали, что я хочу учить и умничаю, то и полагаюсь на милость и волю вашего высочества, который нужно, то и изволите подать.

О себѣ всеподданійше доношу, что я нынѣ въ Пружанахъ и дня черезъ три поѣду въ Брестъ-Литовскій въ Апперонскій полкъ. Егерскіе полки гг. подполковниковъ кн. Багратиона и Чубарова сами въ себѣ довольно хороши и скоро поняли, хотя ничего не знали, но нужно мнѣ, батюшка, егерскаго волторниста, о которомъ я въ другомъ письмѣ пишу нарочно, иногда нужно будетъ вамъ государю показать.

Я всегда, батюшка, увѣренъ въ себѣ былъ, что г. Архарова Богъ когда-нибудь да накажетъ. А что касается до трудовъ вашего высочества, то я, прося Бога, чтобы Онъ только подкрепилъ ваше здоровье, радуюсь, что отъ такого человѣка, каковъ г. Архаровъ, дѣла идутъ черезъ руки

вашего высочества, ибо конечно уже не будетъ никого несчастныхъ и государь нашъ императоръ ни въ чёмъ не прогнѣвается и не принужденъ будеть къ принужденному наказанию.

Прилагаю у сего письмо къ государю императору, которое конечно уже ваше высочество по своей милости изволите подать, избравъ хороший (случай?) и видя всякую минуту вашего высочества ко мнѣ милости, осмѣлился просить васъ приказать дать мнѣ знать, каково изволить принять мои бумаги г. и. и который мой отвѣтъ изволите подать.

Шеколадъ, батюшка, ваше высочество, получиль и не имѣю силь за всѣ ваши милости всеподданѣйше благодарить, но несчастливъ тѣмъ, что вы не изволили отписать о своемъ дражайшемъ здоровъ.

Впрочемъ препоручая себя въ милости вашего высочества и цѣлую ручки ваши, остаюсь на вѣки, называя себя смѣло и не зазорно предъ своею совѣстью вѣрнѣйшимъ вашимъ подданнымъ. Генераль-квартирмистръ и кавалеръ баронъ Аракчеевъ.

20.

В. и. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

6-го іюля 1797 г. Петергофъ.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! нѣсколько разъ сбирался тебя поблагодарить за послѣднее письмо твое, но всегда какая-нибудь помѣха отвлекала меня отъ сего для меня пріятнаго упражненія. Наконецъ рѣшился ночь на оное употребить и теперь, во второмъ часу ночи, къ тебѣ пишу. Завтра, другъ мой, ѿдѣмъ на море.

Желаю искренно, чтобы противный вѣтеръ принудилъ насъ скорѣе назадъ возвратиться.

Отвѣтъ твой и письмо на артиллерійскія бумаги очень полюбились государю и по снѣмъ посланы повелѣнія къ Мелесино. Я ему отдалъ долгій отвѣтъ, и короткаго не показывалъ. Ты мнѣ крайне не достаешь, другъ мой, и я жду съ большимъ нетерпѣніемъ той минуты, когда мы увидимся. Прощай, другъ мой! при семъ посылаю Егерскаго волторниста котораго ты просилъ. Александръ.

21.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

17-го іюля 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество. Въ должностъ коменданта вчерашняго числа я вступилъ.—Дай Боже, чтобъ я скорѣе могъ ра-

порть къ вамъ носить по-прежнему. Квартиры моего баталіона я осмотрѣлъ, которые сдѣланы очень дурно; во-первыхъ, духота страшная и во-вторыхъ, комнаты всѣ по одной сажени величиною, то я и дѣлаю нынѣ планъ, какъ оное поправить, и представлю къ вашему императорскому высочеству.

Испрашиваю вашей высочайшей милости: мой баталіонъ ходить въ полковой караулъ въ полкъ, но какъ мнѣ нужно въ моихъ квартирахъ имѣть свой караулъ, ибо уже и случилось, что ночью украли нѣсколько рубашекъ у солдатъ, то и позволить мнѣ оный учредить, а въ полкъ уже не ходить.

Изъ моего баталіона наряжаются офицеры по полку дежурными, но, какъ извѣстно вашему высочеству, разстояніе отъ моего баталіона до полка, то и сдѣлать высочайшую милость ко всѣмъ моимъ офицерамъ имѣть дежурство особо при своемъ баталіонѣ.

Цѣлую высочайшія ваши ручки, остаюсь вѣрноподданный баронъ Аракчеевъ.

22.

А. Аракчеевъ—в. и. Александру Павловичу.

19-го іюля 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество! Осмѣлился принести къ вашему императорскому высочеству первую мою просьбу, касающуюся уже именно до меня. Послѣ сломанныхъ домовъ, на которомъ теперь строятся экзерциргаузъ въ Милліонной, остались отъ оныхъ домовъ по Мойкѣ назади экзерциргауза флигели, а именно отъ Брюсова дому, отъ старого почтамта и отъ купленного въ казну Захарова дома; но какъ я квартиру имѣя во дворцѣ не имѣю конюшни, сараевъ и для жительства своихъ людей мѣста, то сдѣлайте высочайшую милость, батюшка, ваше императорское высочество, дождите государю императору, чтобы оные флигели мнѣ пожалованы были; они хотя теперь и переломаны, но я, употребя на поправку ихъ тысячу шесть, буду имѣть у себя уже маленький собственный домъ.

Ваша милосердая душа, конечно, мнѣ исходатайствуетъ отъ государя императора оную милость, ибо кромѣ вашего императорского высочества я никого не имѣю.

Генералъ-квартирмистръ и кавалеръ баронъ Аракчеевъ.

23.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

6-го августа 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество! Благодарю Бога и ваше высочество за высочайшее ваше письмо, которое всегда мнѣ дѣлаетъ величайшее утѣшеніе въ моихъ обстоятельствахъ. Я не смѣль писать, думая, дабы не прогнѣвать и не наскучить вашему высочеству, знаю, сколь много нынѣ заняты и безъ моихъ пустяковъ. Простите, мнѣ ваше императорское высочество, что я два раза въ небытность графа по дурдцкой своей охотѣ училъ разводы вмѣстѣ и въ оное время случился вашего высочества полкъ. Я болѣе обѣ немъ ничего не могу сказать, какъ только, что онъ очень хороши.

Здоровье ваше меня беспокоитъ болѣе всего, и я желалъ бы, чтобы Богъ представилъ вашему высочеству мою усердность въполномъ ея видѣ, тогда бы я былъ увѣренъ въ вашихъ ко мнѣ милостяхъ,

Пріѣздъ мой въ Павловскъ зависитъ отъ приказанія вашего высочества. Что я получилъ вчера съ нарочнымъ фельдъегеремъ, то прилагаю копію и остаюсь на вѣки вѣрнымъ вашимъ вѣноподданнымъ, баронъ Аракчеевъ.

24.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Сего 11-го августа 1797 г. Новгородъ

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Не хочу никакъ пропустить случай тебя поблагодарить за два письма, которыя я съ чувствительнымъ удовольствиемъ получилъ, и тебя увѣрить въ искренней моей привязанности и дружбѣ. Я слава Богу здоровъ и желаю, чтобы и ты таковъ же былъ. Прощай, другъ мой! не забывай старыхъ друзей. Но смотри ради Бога за Семеновскими.

25.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

11-го августа 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество! Видно мое такое счастіе, что мнѣ опредѣлено во всю жизнь мучиться; но не знаю, будеть ли мо-

*

ихъ силъ, чтобъ что-нибудь съ онымъ полкомъ сдѣлать, а я думаю, что онъ сдѣлаетъ, что я скоро умру. Войдите въ мое положеніе: какъ мнѣ можно будетъ взыскивать, ибо у меня три генералъ-маіора въ командѣ и я такой же, то можетъ ли тутъ быть хорошая субординація. То и отъ меня ваше императорское высочество изволите получить скоро просьбу объ увольненіи. Со всѣми сими скучами я очень радъ о вашемъ приемѣ и благодаришь за оное Бога. А въ отставку уже, батюшка, я за васъ пойду, ибо вамъ нельзя потому, что Семеновскій полкъ очень хороши и какъ вчeraсь учился вашъ баталіонъ, то я никогда и ничего лучше не видывалъ, а что сегодня будетъ, то обѣ этомъ завтра узнаете, а я вчeraсь съ Александромъ Михайловичемъ вашимъ обѣдалъ вмѣстѣ у меня. Ну ужъ баталіонъ вашъ на славу прекрасенъ. Я, батюшка, замучился съ артиллерію, ибо очень дурно и худо идетъ. Болѣе ничего не имѣю, какъ только цѣлую ваши обѣ ручки остаюсь на всю жизнь вѣрнѣйший вашъ вѣрноподданный баронъ Аракчеевъ.

26.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Августа 12-го 1797 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Генералъ-маіоръ Талызинъ просилъ меня его рекомендовать тебѣ: что я и дѣлаю съ отмѣнною охотою, потому что онъ человѣкъ отмѣнно хороший и офицерь рѣдкой справедливости.—Я прошу тебя, пріими его хорошенько и снабжай его нужными совѣтами, которые, я увѣренъ, онъ потщится исполнить съ обычною его ревностію, и чѣмъ ты отмѣнно меня одолжишь.

Пребываю на вѣкъ твой искренній Александръ.

27.

А. Аракчеевъ—в. к. Александрѣ Павловичу.

12-го августа 1797 г.

Батюшка ваше императорское высочество! Гдѣ ваше слово, тутъ я жертвую жизнью. Генералъ-маіора Талызина я принялъ хорошо и буду стараться его любить и учить, а что не хорошо, то поправлять, ибо я думаю ваше высочество изволить мнѣ оное позволить. Хочется, батюшка, очень знать о маневрѣ вашемъ въ разсужденіи васъ и цѣлую руку вашу, остаюсь вѣрный вашъ вѣрноподданный баронъ Аракчеевъ.

28.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву¹⁾.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! что тебѣ сдѣлалось? отпиши мнѣ подробнѣе о своемъ здоровыѣ. Мнѣ весьма грустно безъ тебя и еслибы не праздники, я бы къ тебѣ поѣхаль. Дѣла всѣ вчера кончили —въ Москвѣ.

29.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я пересказать тебѣ не могу, какъ я радъ, что ты съ нами будешь. Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладить нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женою, которую мнѣ, признаюсь, жаль покинуть.—Одно у меня беспокойство, это твоє здоровье. Побереги себя ради меня.

30.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! При семъ сообщаю рѣшеннія три дѣла, мѣсячный рапортъ и списокъ офицерамъ отъ Ватковскаго, рапортъ отъ генерала — отъ - инфантеріи Каховскаго объ генеральскомъ адъютантѣ, желающемъ служить въ Бѣлозерскомъ полку; отъ Свистунова изъ военной коллегіи сообщенія, касательно до ружей Павловскаго гренадерскаго полка и требование отъ Вязмитенова сторожа въ академію. Отъ Архарова три рапорта о полученіи моихъ орденовъ и печатныя копіи изъ военной коллегіи двухъ указовъ.

Впрочемъ, другъ мой, у насъ все благополучно. Сегодня только у у насъ не веселы. Получили извѣстіе, что свадьба съ шведскимъ королемъ совсѣмъ разорвалась. Я по счастію не выйду сегодня; насморкъ все меня мучить. Каковъ-то ты въ своемъ здравіи и скоро ли будешь къ намъ? Я въ отмѣнномъ нетерпѣніи тебя видѣть. Твой искренній Александръ.

¹⁾ Нижеслѣдующія письма, безъ датъ, относятся къ 1797 году.

31.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Какъ я радъ, что ты пріѣхалъ. Съ отмѣннымъ нетерпѣніемъ жду ту минуту, въ которую съ тобой увижуся.

32.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! письмо твое получиль, за которое чувствительно и благодарю. Касательно до полковаго караула, я напишу повелѣніе Голицыну о учрежденіи караула. Оный сдѣлай по твоему разсмотрѣнію. Прощай, другъ мой! будь здоровъ. Александръ.

•

33.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Государь мнѣ приказалъ дать знать Карпову, что онъ давичъ замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ офицеровъ темляки золотые съ чернымъ; то, чтобы они носили настоящіе темляки, если они имѣютъ офицерскіе чины, а ежели не имѣть кто офицерскаго чина, чтобы не носилъ темляка. Пожалуйста пошли обѣ этомъ ему дать знать.

34.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я такъ давно къ тебѣ писемъ не писаль, то не хочу пропустить сей случай, что за болѣзнию задержанъ дома.

У насъ чудеса дѣлаются. Тревога за тревогой, вчерашняя имѣла дурныхъ послѣдствія: два офицера преображенскіе были разжалованы въ солдаты, но послѣ, слава Богу, опять прощены.

Государь мнѣ также приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты изобрѣль, что удобнѣе будетъ присоединить: гвардейскій баталіонъ артиллерійской къ большому ученію всей артиллеріи, или особо Канабиху заставить сдѣлать въ Гатчинѣ для одного онаго баталіона.

Теперь, другъ мой, у меня есть моя просьба до тебя. Пожалуй пиши ко мнѣ, каковы бываютъ мои разводы и ученья и въ чёмъ ошибки и неисправности состоять? Я слышалъ, что Голицынъ не умѣлъ сдѣлать каре. Я обѣ ономъ уже писалъ Карсакову, чтобы впредь сего не случалось. Отпиши мнѣ о семъ приключеніи и пожалуй впредь муштруй ихъ хорошенько въ ученыхъ: чёмъ ты крайне обяжешь того, который на весь вѣкъ свой останется твоимъ истиннымъ другомъ и который желаетъ нетерпѣливо, чтобы ты прїѣхалъ въ Павловскъ. Александръ.

35.

В. и. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевич! Чувствительно тебя благодарю за письмо, а особливо за твою довѣренность, которая для меня весьма лестна; я надѣюсь, что ты увѣренъ въ полной моей къ тебѣ. Я боюсь, что это наговорилъ каналъ Ватковскій, которому я подобного не видывалъ.

Одно мнѣ непрѣтно было въ письмѣ твоемъ; это то, что ты боишься наскучить мнѣ своими письмами. Ты, я думаю, довольно долженъ быть увѣренъ, сколько они мнѣ пріятны. Итакъ я всегда тебѣ буду благодаренъ, когда въ свободный часъ ты мнѣ что-нибудь напишешь.

Еще я могу тебѣ попреку сдѣлать въ томъ, что ты не отвѣчалъ на мой вопросъ, касательно до ошибки въ строеніи каре. Я признаюсь тебѣ, что похвала, которую ты дѣлаешь о моемъ полку, походитъ немнога на критику. Итакъ, по дружбѣ, прошу тебя, объясни мнѣ подробнѣе о недостаткахъ и неисправностяхъ.

Завтра у насъ маневръ. Богъ знаетъ какъ пойдетъ? Я сомнѣваюсь, чтобы хорошо было. Я хромой. Въ проклятой фальшивой тревогѣ помяль опять ту ногу, которая была уже помята въ Москвѣ, и только что могу на лошади сидѣть; а ходить способу нѣть; и такъ я съ постели на лошадь, а съ лошади на постель. Ты говоришь, другъ мой, что отъ меня зависитъ прїѣздъ твой въ Павловское. Если такъ, прїѣзжай не отмѣнно какъ скорѣе. Пребываю на вѣкъ тебѣ вѣрнымъ другомъ Александръ.

36.

В. и. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Пожалуй, сдѣлай мнѣ одолженіе и отошли содержавшагося семеновскаго гренадера Стрелябина въ полковой онаго караулъ, чтобы тамъ его содержать и обѣ немъ не рапор-

товать, потому что онъ оставленъ только для одной справки, а другаго мушкатора Луку Леонтиева прикажи не прежде надъ нимъ экзекуцію дѣлать, какъ въ субботу, а содержать его подъ именемъ рядового генералъ-майора Колюбакина полку, въ который я его опредѣлихъ. Пребываю на вѣкъ твой искренній другъ Александръ.

37.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Съ крайнимъ сокрушеніемъ долженъ тебѣ сказать, что государь приказалъ тебѣ принять полкъ отъ Голицына, котораго отпустилъ въ отставку. Я говорю съ сожалѣніемъ потому, что ты этого боишся. Впрочемъ, для полка это отмѣнило хорошо, и я предвижу, что онъ перещеголяетъ всѣ наши. Теперь я долженъ твое желаніе исполнить и сказать тебѣ, что меня очень хорошо сегодня приняли и ничего о прошедшемъ не упоминали. Еще вчера миѣ милостивые отзывы были, чрезъ мою жену, такъ, какъ напримѣръ: чтобы я не сердился на него и тому подобныя. Впрочемъ, сіе не перемѣняетъ моего желанія итти въ отставку, но по несчастію мудрено, чтобы оно сбылось.

Отпиши мнѣ, каково училъ мой баталіонъ, да, пожалуй, ще шутя, а скажи сущую правду, безъ обиняковъ; это одна благодарность, которую я требую за пару штановъ, которую я подарилъ на твой баталіонъ.

Прощай, другъ мой! будь здоровъ и не забудь меня. Твой вѣрный другъ Александръ.

38.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я нѣсколько разъ собирался тебѣ писать, но всегда отвлекенъ былъ какой-нибудь помѣхой. Наконецъ, сегодня нашелъ случай.

Вчерашняго числа государь мнѣ отдалъ присланный отъ тебя счетъ о обмундированіи полка и приказалъ, чтобы я съ тобою списался, чтобы шить мундиры своими солдатами, что и убавитъ счетъ.

Я нашелъ, впрочемъ, цѣны отмѣнило дешевы, о чёмъ и донесъ государю. Въ осторожность тебя предъувѣдомляю, что однѣ пуговицы до-

роги и что мнѣ за 14 коп. портище дѣлаютъ. Ты отъ меня спроси у Путилова, онъ тебѣ скажеть, кто мнѣ ихъ дѣляетъ.

Я приказалъ Апрѣлеву вчерась тебѣ отписать, чтобы ты погодилъ дѣлать басонъ на нашивки и кисточки, потому что государь заказалъ другаго фасона для образца. На музыкантовъ, однако же, можно дѣлать.

Для уплаты за пуговицы уговорись съ купцомъ, чтобы онъ взялъ старья, которая гораздо больше.

У насъ, впрочемъ, довольно смироно идетъ. Я жду съ нетерпѣніемъ возвращенія въ городъ; тамъ чаше, другъ мой, будемъ вмѣстѣ.

Прощай, будь здоровъ, твой вѣрный другъ Александръ.

39.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Алексѣй Андреевичъ! Государю угодно, по моему докладу, чтобы выранжированныя юшади Кавалергардскаго полка были приняты въ Преображенскій полкъ и употреблены, которая годятся въ вычесы, а другія въ подъемныя: о чѣмъ уже отъ меня и писано къ Дотишану.

Черашняго числа ушелъ человѣкъ изъ его величества роты. Черговъ ко мнѣ приходилъ и спрашивалъ: что ему дѣлать? Такъ какъ сегодня ученья, то я боялся, если онъ доложить, чтобы государь не разсердился и тѣмъ бы испортилось ученье. Я ему говорилъ, чтобы онъ не докладывалъ; а тебя обѣ ономъ нарочно уведомляю для того, чтобы ты, если хочешь, можешь показать его въ дневномъ большомъ рапортѣ не ночующихъ изъ тѣхъ людей, которые остались въ Петербургѣ въ околодкѣ больными, или совсѣмъ обѣ немъ ничего не сказывать.

Прощай, другъ мой! будь здоровъ. Твой вѣрный другъ Александръ.

40.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Искренне сожалѣю, что ты нездоровъ, а особливо, что кровью харкалъ. Ради Бога побереги себя, если не для себя, то по крайней мѣрѣ для меня. Мнѣ отмѣнило пріятно видѣть твои расположенія ко мнѣ. Я думаю, что ты не сумнѣваешься въ моемъ и знаешь, сколь я тебя люблю чистосердечно. Александръ.

41.

В. и. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Государь приказалъ, чтобы по-прежнему ходило во внутренній караулъ два конной-гвардіи офицера, съ тѣмъ различіемъ, чтобы одинъ съ половиною людей, становился на старомъ мѣстѣ, а другой съ другой половиною, на мѣстѣ кавалер-гардовъ, и посты бы между ними раздѣлить, включая и кавалергард-ской посты.

Гренадерамъ стать на прежнемъ мѣстѣ возлѣ большой церкви, гдѣ зимою стояли; унтеръ-офицерскій посты предъ этой комнатой: что все и учредить завтра къ пріѣзду.

Встрѣчи никакой не надобно, гусаровъ поставить по-прежнему же возлѣ параднаго крыльца.

Фронтъ конной гвардіи, которая будетъ стоять въ кавалергардской, надобно поставить спиною къ новой стѣнѣ, между двухъ дверей, лицомъ къ той дирекціи, на которой они прежде стояли. Фронтъ же тѣхъ, которые возлѣ императрицы поставить, гдѣ самъ лучше изобрѣтешь.

Прощай, другъ мой! Будь здоровъ. Я съ нетерпѣніемъ жду тебя увидѣть и радуюсь отмѣнио, что по-старому часто вмѣстѣ будемъ. Твой вѣрный другъ Александръ.

42.

А. Аракчеевъ—в. и. Александрю Павловичу.

22-го марта 1798 г. Грузино.

Батюшка ваше императорское высочество! Простите меня, всемилостивѣйшій государь, что я осмѣлился беспокоить ваше императорское высочество, которое произошло отъ унынія моей души, а отъ оного и повезли меня отчаянно болыаго въ Вышній-Волочекъ.

Всемилостивѣйше пожалованную мнѣ государемъ императоромъ отставку получилъ и приношу рабскую мою благодарность; но беспокоюсь, дабы я предъ лицемъ государя императора не былъ неблагодарнымъ. Тѣмъ болѣе меня беспокоить, что отставка моя послѣдовала на другой день моего выѣзда изъ С.-Петербурга, которому отѣзду причина вашему императорскому высочеству извѣстна. Я хотѣлъ дать спокойствіе всѣмъ тѣмъ людямъ, которымъ непріятно было еще мое пребываніе

въ Петербургѣ. Откланяться же государю императору не осмѣлился, бывъ уже въ отпуску.

Объяснивъ все оное вашему императорскому высочеству, предаю себя въ единое покровительство вашего императорскаго высочества, увѣренъ будучи, что если нужно и мое оправданіе справедливо(е), то конечно ваше императорское высочество предъ государемъ императоромъ защитите меня. Всевышній Богъ да накажетъ меня нынѣ въ моей болѣзни, если я не былъ всегда усерденъ къ службѣ его императорскаго величества.

При всѣхъ моихъ нынѣшнихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, единое еще есть утѣшеніе, что смыю, повергаясь къ вашему императорскому высочеству, называться вѣрноподданнымъ. Баронъ Аракчеевъ.

43.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

7-го мая 1798 г. Валдай.

Любезный другъ, Алексѣй Андреевичъ! Подѣлжая къ Вышнему Волочку, душевно бы желалъ тебя увидѣть и сказать тебѣ изустно, что я такой же тебѣ вѣрный другъ, какъ и прежде. Признаюсь однако же, что я виноватъ предъ тобою и что давно къ тебѣ не писалъ; но ей-Богу отъ того произошло, что я не имѣлъ минуты для себя времени, и я надѣюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобы могъ усомниться на минуту обо мнѣ. Если же ты сіе сдѣлалъ, то по чести согрѣшилъ и крайне меня обидѣлъ, но я надѣюсь, что сего не было. Прощай, другъ мой! не забудь меня и пиши ко мнѣ: чѣмъ ты меня крайне одолжиши. Такъ же поболѣе смотри за своимъ здоровьемъ, которое, я надѣюсь, поправится, по крайней мѣрѣ, желаю онаго отъ всего сердца и остаюсь на вѣкъ твой вѣрный другъ Александръ.

44.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Богъ мнѣ даровалъ дочь и очень счастливо.

45.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

29-го июля 1798 г. Петергофъ.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я имѣю порученіе отъ государя тебѣ написать, что онъ имѣеть нужду до тебя, и чтобы ты пріѣхалъ къ нему. Я отмѣнио радуюсь сему слушаю, который мнѣ причинить веселіе тебя видѣть, чего уже я давно желаю. Исполнивъ волю государя, не остается мнѣ другаго, какъ пожелать тебѣ отъ искренняго сердца здоровья и хорошаго пути. Прощай, другъ мой! твой вѣрный другъ Александръ.

46.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

31-го августа 1799 г. Гатчина.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Искренно тебя благодарю за письмо твое и за поздравленіе, и если, что одно могло меня безшоконить, то конечно сомнѣніе, которое ты имѣешь обо мнѣ и котораго я никогда не заслуживалъ моему привязанностію къ тебѣ. Жаль мнѣ, что давно тебя не видалъ; но, зная причины, нахожу весьма нужно имѣть повиноваться. Прощай, другъ мой! Пребываю на всегда тебѣ искреній Александръ.

47.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

15-го октября 1799 г. Гатчина.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я не хотѣлъ прежде тебѣ отвѣтить, нежели исполню желаніе твое. Вчерась я говорилъ Васильеву объ лѣкарѣ, и онъ согласился его опредѣлить по-прежнему въ Ораніенбаумъ; а такъ какъ у меня тамъ уже есть одинъ, такъ онъ и будетъ оставаться въ твоемъ распоряженіи, и ты можешь его вести куда хочешь.

Я надѣюсь, другъ мой, что мнѣ нужны нѣтъ тебѣ при семъ несчастномъ случаѣ возобновлять увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ; ты

имѣлъ довольно опытовъ объ ней, и я увѣренъ, что ты и не сомнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится.

Я справлялся вездѣ о помянутомъ твоемъ ложномъ донесеніи, но никто обѣ немъ ничего не знаетъ, и никакой бумаги такого рода ни отъ кого совсѣмъ въ государеву канцелярію и не входило; а государь, призвавши Ливена, продиктовалъ ему самъ тѣ слова, которыхъ стоять въ приказѣ. Если что-нибудь было, то съ побочной стороны. Но я вижу по всему дѣлу, что государь воображалъ, что покража въ Арсеналѣ была сдѣлана по иностраннѣмъ наученіямъ. И такъ какъ уже воры сысканы, какъ уже, я думаю, тебѣ и известно, то онъ ужасно удивился, что обманулся въ своихъ догадкахъ. Онъ за мною тотчасъ прислалъ и заставилъ пересказать, какъ покража сдѣлалась; послѣ чего сказалъ мнѣ: «я былъ все увѣренъ, что это по иностраннѣмъ проискамъ». Я ему на это отвѣчалъ, что иностраннѣмъ мало пользы будеть въ пяти старыхъ штандартахъ. Тѣмъ и кончилось. Про тебя же ни слова мнѣ не говорилъ и видно, что ему сильныя внушенія на тебя сдѣланы, потому что я два раза просилъ за Апрѣлева, который и дѣла совсѣмъ съ тѣмъ не имѣлъ, но онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ согласиться, ни почему иному, кажется, какъ по тому, что Апрѣлевъ отъ тебя шелъ. Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ! не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается.

Александръ.

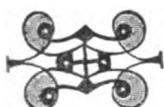
48.

В. и. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

12-го декабря 1799 г.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Чувствительно благодарю тебя за твое письмо и за поздравленіе меня съ рожденіемъ. Твоя дружба всегда для меня будеть весьма пріятна, и повѣрь, что моя не перестанетъ на вѣкъ. Я самъ боленъ. Когда же тебѣ получше будетъ, то прїѣзжай ко мнѣ; мнѣ крайняя нужда съ тобою видѣться и переговорить о довольно значущихъ вещахъ, касающихся до тебя.

Сообщ. Н. Д.

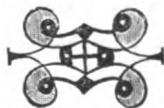
Подаронъ москвичей князю Волконскому по случаю привезенного имъ изъ вѣстія о вступленіи на престоль императора Петра III.

Указъ генераль-поручику и камергеру графу Ивану Воронцову.

30-го января 1762 г.

Съ высочайшимъ удовольствіемъ усмотрѣли мы, изъ всеподданѣйшихъ отъ васъ рапортовъ, что сходно съ волею нашою исполнили вы во всѣхъ частяхъ возложенное на васъ дѣло объявленія въ столичномъ нашемъ городѣ Москвѣ о благополучномъ нашемъ восшествіи на прародительской Всероссийскія имперіи престоль, обнадеживая васъ, что мы всегда склонны будемъ продолжать къ вамъ по мѣрѣ достоинствъ и усердія вашего всевысочайшее наше благоволеніе. Всемилостивѣйше повелѣваемъ мы еще и соизволяемъ, чтобы вы подаренные вамъ отъ московскаго духовенства и купечества, въ знакъ ихъ истинной радости, деньги 5.000 руб. для себя приняли и оными пользовались.

Записки Н. Г. Залъсова.

VII¹⁾.

Экзамены.—Отъездъ въ Петербургъ.—Поступленіе въ академію.—Стефанъ и Сухозанетъ.—Составъ курса.—Профессора.—Выпускъ и пребываніе въ образованныхъ войскахъ.—Отъездъ въ действующую армію.

Въ веснѣ я перешелъ жить на квартиру къ Аничкову²⁾, чтобы выѣсть съ нимъ готовиться въ академію, и мы поселились на небольшомъ чердакѣ, который онъ занималъ въ домѣ теста своего брата—бывшаго корпуснаго эконома Артемьева. Я просило было освободить меня отъ службы, но обѣ этомъ и слышать не хотѣли до тѣхъ поръ, пока директоръ Неплюевскаго корпуса полковникъ Щиловъ не выхлопоталъ о прикомандированіи меня къ корпусу въ качествѣ дежурнаго офицера. Обручевъ, встрѣчая насъ съ Аничковымъ въ обществѣ, очень былъ недоволенъ, что мы не во фронтѣ и велъ экзаменовать насъ со всею строгостью. Наконецъ, наступило время экзаменовъ. Предсѣдателемъ былъ оберъ-квартирмейстеръ Барамбергъ, впослѣдствіи директоръ военно-топографическаго депо, а членами капитаны Шульцъ и Гернъ (впослѣдствіи генераль-маиоры въ отставкѣ) и штабсъ-капитаны Ромишевскій (былъ потомъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи) и Макшеевъ (впослѣдствіи профес-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

²⁾ Впослѣдствіи генераль-маиору и профессору Академіи генерального штаба.

соръ академії). Экзаменовали насъ строго; Аничковъ былъ смѣлѣе меня, служба его была хороша, онъ былъ со всѣми экзаменаторами знакомъ; я же былъ приготовленъ хуже, забить службою и начальствомъ, а потому и болѣе робокъ. Въ результатѣ вышло, что оба мы экзаменъ выдержали, но Аничковъ гораздо лучше меня. Какъ бы то ни было, дорогая мечта моя отчасти исполнилась: я вырызался изъ ненавистной службы въ линейныхъ баталіонахъ и уѣзжалъ въ Петербургъ, а тамъ что Богъ дастъ; во всякомъ случаѣ, если бы не попасть въ академію, я рѣшилъ не возвращаться въ Оренбургъ. Въ іюль мѣсяцѣ я получилъ отправление. За мной прїѣхали братъ и мать, чтобы довезти до Белебея, тамъ я простился съ ними и отцомъ и, напутствуемый слезами и благословеніями, въ легкой повозкѣ помчался въ Петербургъ, полный страха и надеждь. Желая заблаговременно до экзаменовъ быть въ Петербургѣ, я ѿѣхалъ день и ночь, отчего моя повозка совсѣмъ разсыпалась, и я, продолжая путь на перекладной, нигдѣ не останавливалась, на 13 день послѣ выѣзда изъ Белебея, вѣзжалъ въ 11 часовъ ночи въ какой-то громадный городъ, освѣщенный (какъ мнѣ тогда казалось) фантастическими огнемъ фонарей и магазиновъ. Подорожную мою отобрали на заставѣ, другаго вида со мной не было, а въ Петербургѣ тогда только лишь послѣдовало приказаніе безъ вида никого въ номера не принимать.

Будь я опытенъ, я бы могъ сперва занять номеръ, а потомъ потолковать о видѣ, но я вездѣ на первый спрошь швейцара, гдѣ мой видъ, отвѣчалъ, что его нѣть, и меня никуда не пускали. Такъ странствовалъ я до 3-хъ часовъ ночи; ямщикъ отказался возить и сталъ выкладывать вещи мои на Невскомъ тротуарѣ. Слезы отчаянія на безпріютность мою въ такомъ городѣ стали уже прошибать меня, когда я увидѣлъ на крыльцѣ большаго зданія дремавшаго дворника и, растолкавъ его, спросилъ, не отдаются ли въ этомъ домѣ номера. Велика была моя радость, когда въ отвѣтъ услышалъ: «есть, батюшка, есть, пожалуйте», и ни слова о паспортѣ. Мигомъ я занялъ номеръ, разсчитался съ извозчикомъ, рухнулъ въ постель и проснулся только къ 6-ти часамъ вечера. Тутъ только я узналъ, что занимаю номеръ въ Пассажѣ.

Явясь въ канцелярію Академіи узнать о началѣ экзаменовъ и переговоривъ со встрѣтившимися тамъ офицерами, я къ ужасу увидалъ, что въ Оренбургѣ я многое училъ, чего не слѣдовало, и наоборотъ вовсе не читалъ тѣхъ руководствъ, которыхъ были излюблены профессорами академіи. Немедленно я бросился въ книжный магазинъ Крашенинникова и К°, забралъ тамъ нужные книги и тотчасъ же перебрался изъ дорогаго Пассажа въ какую-то мансарду на Пантелеимоновской улицѣ.

День и ночь я читалъ, на сколько доставало моихъ глазъ; наконецъ,

наступили экзамены, и къ 9-ти часамъ утра я пѣшкомъ добрался до академіи. Офицеровъ, желающихъ поступить въ академію, оказалось—30 и по большей части гвардейцы; изъ гарнизона же, какъ тогда называли линейные батальоны, явилось только два (я и Клугинъ). Надобно было видѣть, какъ насы осматривали не только гвардія, но и армія, сколько презрѣнія было въ этомъ взглѣдѣ, который въ то же время какъ бы говорилъ: «вы-то, несчастные, куда лѣзете?»

Предубѣждение экзаменаторовъ противу гарнизонного мундира, понятная робость моя, а главное неудачная подготовка къ экзамену по оренбургскимъ книгамъ были причиною, что первые экзамены у меня прошли весьма неудовлетворительно, и я написалъ уже къ отцу о своей неудачѣ.

Хожденіе каждый день пѣшкомъ оть Пантелеимона къ Николаевскому мосту и обратно весьма меня утомляло, а отъ безсонныхъ ночей страшило разболѣлись глаза; къ счастію, къ половинѣ экзаменовъ подѣхала изъ Оренбурга Аничковъ и сталъ по ночамъ читать мнѣ вслухъ руководства. Экзамены кончились, и я съ трепетомъ ожидалъ решения своей участіи; наконецъ, намъ прислали пріемный списокъ, и благодареніе Богу и вниманію ко мнѣ доброго вице-директора генерала Стефана я, хотя и послѣднимъ, но былъ принятъ; всего же насы поступило изъ 30 человѣкъ только 20. Я поспѣшилъ обрадовать этою вѣстью напуганныхъ моихъ родныхъ, и съ радости мы отправились съ Аничковымъ въ Малую Морскую въ бывшій тамъ трактирчикъ «Парижъ», где издержали на обѣдъ послѣдніе остававшиеся у насы въ карманѣ два рубля.

Съ поступленіемъ въ академію намъ пришлось встать къ ней поближе, и мы наняли двѣ комнатки въ подвальномъ этажѣ дома Розеншильдъ-Паулина на углу Средней Подьяческой улицы, у Харламова моста за 12 рублей въ мѣсяцъ. Столъ же брали изъ кухмистерской самый мерзостный за 6 рублей въ мѣсяцъ на брата; согрѣвали комнаты по большей части самоваромъ и только благодаря чаю не умирали съ голода.

Началось ежедневное хожденіе въ академію; я во весь годъ не пропустилъ ни одной лекціи и, имѣя подъ рукою необходимыя руководства, поправилъ свою репутацію на столько, что былъ переведенъ въ практическое отдѣленіе среднимъ изъ числа экзаменовавшихся офицеровъ. Въ теоретическомъ отдѣленіи тогда читали лекціи: известный П. С. Лебедевъ, А. П. Карцовъ, гроза академіи старикъ генералъ Болотовъ, Шульгинъ и другіе. Штабъ-офицерами нашими были Дитрихсъ и добрѣйший К. Ф. Багговутъ (потомъ гатчинскій комендантъ). Питаюсь воздухомъ, мы однако же не забывали развлечений и каждую копѣйку несли въ театръ, особенно въ Итальянскую оперу, занимая конечно за

50 коп. мѣста въ райкѣ. Тогда пѣли Гризи, Марио, Тамберликъ, Тамбурини, Персіани, Віардо и Демерикъ,—было кого послушать; въ Александринку же нась привлекала Каратыгинъ-трагикъ, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, Григорьевъ и красавицы-сестры Самойловы.

Главными начальниками въ академіи были тогда: вице-директоръ генералъ-майоръ Стефанъ и директоръ, безногій, генералъ-адъютантъ Сухозанеть. Венгерецъ родомъ, бывшій офицеръ австрійскаго генерального штаба, прославшій вмѣстѣ съ ѿрцъ-герцогомъ Іоанномъ Ваграмское сраженіе, Стефанъ былъ образованный, добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ. За свою доброту онъ даже былъ обойденъ нѣсколькими чинами; дѣло въ томъ, что товарищъ, съ которымъ онъ ъхалъ однажды въ командировку, побилъ дорогой станціоннаго смотрителя и, будучи женихомъ, уговорилъ Стефана принять этотъ грѣхъ на себя, увѣривъ, что все дѣло кончится только арестомъ, но посѣдствія оказались гораздо серьезнѣе.

Пугаломъ академіи былъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанеть. Деспотъ до мозга костей, онъ былъ назначенъ директоромъ академіи Императоромъ Николаемъ съ цѣлью школить хорошенъко будущихъ офицеровъ генерального штаба и не позволять имъ сильно умничать и либеральничать. Вѣчно болѣй, раздражительный, страшный картечникъ, Сухозанеть былъ помѣшанъ на мелочахъ и приходилъ въ академію только для распеканій. Мы по очереди являлись къ нему каждый день по вечерамъ съ рапортомъ и часа два всегда дежурили у него въ пріемной, пока онъ не высчится. Принималъ же онъ рапортъ чаще всего при выходѣ своемъ, чтобы сѣсть въ карету и ъхать играть въ карты. Въ такихъ случаяхъ за нимъ всегда несли небольшую шкатулку съ деньгами. Разъ помню, я былъ дежурнымъ въ скверный осенний день и, порядочно прогодши, пріѣхалъ къ Сухозанету съ рапортомъ. Въ пріемной горѣлъ въ каминѣ огонь, кругомъ мертвая тишина; я усѣлся на диванъ и, согрѣтый огонькомъ, крѣпко, крѣпко заснуль, какъ въ просонкахъ слышу громкій голосъ: «что съ тобой, ты боленъ?» Открываю глаза; передо мною Сухозанеть въ мундирѣ. Съ просонокъ я не могу встать, не могу найтись, что отвѣтить, но новый вопросъ: «ты боленъ?» спасаетъ меня, и я самыи слабымъ голосомъ говорю: «точно такъ, мнѣ дурно». — «Мундиръ разстегнуть, шарфъ, за докторомъ поскорѣе!» — кричитъ Сухозанеть прислугѣ и самъ уѣзжаетъ, а я, напившись холодной воды— тоже давай Богъ ноги. Счастье, что Сухозанеть не могъ и въ мысляхъ допустить такой дерзости со стороны офицера: спать на дежурствѣ, и потому самъ надоумилъ меня, какъ ему отвѣтить; иначе, конечно, меня сейчасъ же исключили бы изъ академіи съ самой дурной аттестацией.

Когда на другой день я откровенно рассказалъ объ этомъ про-

исшествіи нашему доброму Багговуту, такъ онъ присѣлъ даже отъ ужаса и нѣсколько минутъ не могъ сказать ни слова.

Требованіе чинопочитанія и дисциплины у такихъ людей, какъ Сухозанеть, доходило тогда почти до безумія. Разъ онъ пригласилъ къ себѣ окончившаго уже курсъ въ академіи конно-артиллерійскаго прапорщика на обѣдь и на другой день, призвавши его дежурнаго штабъ-офицера, обругалъ послѣдняго елико возможно, сказавъ ему при этомъ:

— Когда блаженной памяти графъ Аракчеевъ удостоилъ меня пригласить къ себѣ на обѣдь, то я, бывши прапорщикомъ гвардейской артиллериі, весь обѣдь просмотрѣлъ ему въ глаза, а вчера я, генераль-аншефъ (такъ любилъ называть себя Сухозанеть), позвалъ къ себѣ обѣдать армейскаго прапорщика, и что же, братецъ, онъ сдѣлалъ?.. Онъ весь весь обѣдь ёмъ! Нѣть, такъ служить нельзя, у тебя, братецъ, въ отдѣленіи нѣть никакой дисциплины...

Лѣто мы провели на Бронной горѣ на съемкѣ, а на зиму заняли новую квартиру у того же Харламова моста, въ домѣ Фохтса въ нижнемъ этажѣ. Въ практическомъ отдѣленіи мои занятія шли еще успѣшнѣе, и начальство академіи стало ко мнѣ очень благоволить. Въ практическомъ отдѣленіи читали у насъ лекціи полковникъ М. И. Богдановичъ и Д. А. Милютинъ (нынѣ графъ и фельдмаршалъ); послѣдній читалъ чрезвычайно увлекательно.

Слѣдующее лѣто мы опять провели на съемкѣ въ прелестномъ имѣніи Потемкина—Гостилицахъ, гдѣ Аничковъ познакомился съ будущей своей женой, дочерью управляющаго Потемкина—Крымовой.

Выпускной экзаменъ я сдалъ прекрасно, но, къ сожалѣнію, у меня не достало одного балла, чтобы получить чинъ за отличіе. Тогда баллы въ академіи ставились по особой системѣ, и полные баллы составляли цифру 470. Сильно горевалъ я по этому случаю, сочувствовали мнѣ и всѣ добрые мои товарищи, но пособить было нельзя. Наступилъ публичный экзаменъ. Съѣхался генералитетъ, пріѣхалъ военный министръ князь Чернышевъ, и начался экзаменъ. Меня вызвали изъ военной исторіи и стратегіи, и я отвѣчалъ такъ хорошо, что Чернышевъ не далъ мнѣ и кончить. На другой день утромъ неожиданно явился въ нашей бѣдной квартирѣ Багговутъ въ мундирѣ и, обнявъ меня, объявилъ, что Чернышевъ добавилъ мнѣ одинъ баллъ, и я получаю чинъ за отличіе.

По окончаніи курса насъ немедленно откомандировали въ образцовый войска, и мы сначала попали въ Павловскъ въ кавалерійскій полкъ. Окончившихъ курсъ офицеровъ оказалось всего 16 человѣкъ.

Въ минуту, когда я пишу свои записки, насъ остается на службѣ, спустя 23 года по выходѣ изъ академіи, ровно половина, то есть 8 человѣкъ.

Окончивъ экзаменъ, я покатилъ съ Аничковымъ въ Гостилицы, вы-

сваталъ ему невѣсту и затѣмъ съ Клугинымъ и Полторацкимъ поселился на одной квартирѣ въ Павловскѣ. Кавалерійскимъ полкомъ тогда командовалъ полковникъ Курдюмовъ; онъ, какъ и всѣ тогдашніе образцовые командиры, сѣѣть по фронту собаку, но дальше этого, конечно, не шелъ. Мы ходили каждый день на ученье, дежурили и къ веснѣ перебрались въ Царское Село, въ образцовую пѣшую батарею, которой командовалъ полковникъ Салтыковъ. Съ этою батарею перешли мы въ Красносельскій лагерь, тамъ нась перевели въ конную батарею подъ начальство полковника Милюкова. Этимъ лѣтомъ мы были въ качествѣ офицеровъ генерального штаба два раза на маневрахъ—на одномъ подъ командою Н. Н. Муравьевъ, а на другомъ подъ командою Ридигера. Мнѣ особенно осталось памятнымъ невозмутимое спокойствіе, съ которымъ Муравьевъ распоряжался на маневрахъ и встрѣчалъ императора Николая.

Въ августѣ нась перевели въ образцовый пѣхотный полкъ къ земному генералу Полешкѣ, который началъ намъ немедленно выпрашивать кости, дѣлать груди, тянуть ноги и проч. Строгости пошли большія, но мы терпѣли въ ожиданіи скорой перемѣны къ лучшему.

Еще въ началѣ 1853 года мы знали уже о недоразумѣніяхъ, возникшихъ у насъ съ Турцией, посыпѣ князя Меншикова и Непокойчицкаго въ Константинополь и вступленіи князя Горчакова въ княжества. Такъ тянулось время, когда въ половинѣ сентября Полешко получилъ приказаніе отобрать трехъ особенно знающихъ фронтъ офицеровъ и выслать немедленно въ Петербургъ. Выборъ палъ на Клугина, меня и Глиноецкаго. На другой день мы были уже у генераль-квартермистра Берга, а черезъ недѣлю тащились съ Клугинымъ въ Бухарестъ, въ распоряженіе князя Горчакова.

Бѣдный отецъ мой ждалъ меня нетерпѣливо въ отпускѣ; самъ я день и ночь рисовалъ себѣ картину свиданія съ моими стариками, и вотъ вмѣсто родивы пришлось увидать Витебскъ, Житомиръ, Яссы и Бухарестъ.

Въ отвратительнѣйший осенний день 23-го сентября мы выѣхали на перекладной изъ Питера и по невылазной грязи тянулись до Яссы. Здѣсь въ первый разъ увидали солнышко и въ началѣ октября прибыли въ Бухарестъ. Намъ отвели квартиру у какой-то старой боярыни Путкуляско, которая ежедневно являлась къ намъ браниться по-валахски за то, что мы ложимся позже 9 часовъ и много изводимъ дровъ на каминѣ. Мы, въ свою очередь, брали ее въ глаза на русскомъ языке, котораго она также не понимала ни слова, и изъ этой перебранки выходили всегда забавныя сцены, и мы отъ души хохотали. По прибытіи, меня сейчасъ взяли въ управление генераль-квартермистра, а Клугина командировали въ 12-ю дивизію къ Липранди. Вслѣдъ за нами приѣхали въ Бухарестъ еще Лавровъ и Мейendorфъ.

VIII.

Краткая характеристика главныхъ начальниковъ арміи.—Зима съ 1853 на 1854 годъ въ Бухарестѣ.

Главнокомандующимъ войсками на Дунаѣ состоялъ князь Горчаковъ. Высокаго роста, худой старикъ, Горчаковъ былъ высоко честный человѣкъ и недюжинный генералъ, но отнюдь не главнокомандующій.

Начальникъ штаба у Горчакова, какъ бы для контраста, по росту былъ колибри, генералъ-адъютантъ Коцебу. Весьма дѣятельный и способный канцелярскій чиновникъ, Коцебу былъ въ то же время человѣкъ безсердечный, эгоистъ съ головы до пятокъ и, забравъ вскорѣ Горчакова въ свои руки, дѣлалъ, что хотѣлъ въ арміи.

Генералъ-квартермистромъ былъ генералъ Бутурлинъ, бывшій конногвардейскій офицеръ, а потомъ адъютантъ Паскевича. Онъ имѣлъ весьма малое понятіе о своемъ дѣлѣ, но писать не дурно; Бутурлинъ былъ остроумный, веселый собесѣдникъ и дома ходилъ всегда одѣтый à l'empfant.

Дежурный генералъ Ушаковъ, креатура Паскевича, авторъ описанія его подвиговъ въ Азиатской Турціи, былъ весьма обыкновенный труженикъ.

Генералъ-интенданть Затлеръ, бывшій адъютантъ штаба артиллеріи Паскевича, интенданть его въ Венгерскую кампанію, всѣмъ обязанній фельдмаршалу, представлялъ единственно даровитую личность среди главнаго штаба арміи, ибо выжившаго изъ ума отъ старости начальника артиллеріи Сержпутовскаго и не имѣвшаго способностей начальника инженеровъ Бухмейера считать, конечно, нечего.

Бытописателемъ арміи, составителемъ всѣхъ реляцій былъ тоже креатура Паскевича еще съ Венгерской кампаніи подполковникъ Меньковъ.

Онъ состоялъ какъ бы соглядатаемъ при князѣ и постоянно доносилъ о всемъ Паскевичу, прямо отъ себя.

Среди такихъ лицъ, близкихъ Паскевичу, долженъ быть распоряжаться князь Горчаковъ, зная, что каждый его шагъ извѣстенъ въ Варшавѣ и что, не смотря ни на что, онъ все-таки подчиненъ и будетъ еще болѣе подчиненъ тому же Паскевичу. Мудрено тутъ было дѣйствовать и самому рѣшительному человѣку, а Горчакову тѣмъ болѣе, когда у него вся самостоятельность давно уже была убита фельдмаршаломъ.

Для полноты картины главной квартиры сюда надо еще добавить графа Орлова-Денисова, походнаго атамана арміи, человѣка не лишенаго смекалки, но большаго кутилу. У него каждый вечеръ производились попойки, тамъ наливался постоянно его закадычный другъ Меньковъ, предсѣдательствуя и ораторствуя въ этихъ собраніяхъ. Впослѣд-

ствія Меньковъ издалъ въ Лейпцигѣ особую книгу «Нѣмцы и Дунай», гдѣ упоминаетъ объ этихъ собранияхъ и бранить на чемъ свѣтъ Коцебу.

Я не буду описывать первыхъ шаговъ своей службы у Бутурлина, гдѣ, состоя помощникомъ Менькова по составленію журнала военныхъ дѣйствій, я въ то же время былъ помощникомъ адъютанта строеваго отдѣленія и вѣдалъ всю дислокацию арміи.

Вскорѣ по пріѣздѣ я такъ хорошо изучилъ дислокациоарміи и маршрутную карту княжествъ, что помнилъ ихъ наизусть и постоянно диктовалъ маршруты безъ карты забѣгавшимъ къ намъ ежедневно интенданскимъ чиновникамъ. Вѣроятно, это качество и моя скромность послужили къ тому, что Бутурлинъ сталъ меня вездѣ возить съ собой, хотя при его скупости я положительно едва не умиралъ съ голоду, разѣзжая съ нимъ въ его допотопной каретѣ. Такъ, въ январѣ мѣсяцѣ я побывалъ съ нимъ въ Бойлештахъ и подъ Калафатомъ, гдѣ первый разъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ Модловитой; затѣмъ весной 1854 г. я перешелъ подъ Силистрію, гдѣ участвовалъ въ траншейной войнѣ и въ отбитіи вылазки турокъ подъ руководствомъ нашего доброго полковника Герсанова (впослѣдствіи генераль-квартермистръ кн. Меншикова въ Крыму), за что и получилъ орденъ Анны 3-й степени съ мечами. Съ Бутурлинымъ я отступилъ отъ Силистріи и въ его же колымагѣ возвратился въ Россію на зимовыя квартиры въ Кишиневъ. Здѣсь однако же судьба сжалась надо мною. Бутурлинъ уѣхалъ съ Горчаковымъ въ Крымъ, а я остался въ штабѣ Лидерса.

Наша кампанія за Дунаемъ не повела ни къ чему рѣшительному, а тутъ еще появился Паскевичъ и напустилъ такихъ страховъ Австріей, что ничего не оставалось дѣлать, какъ убираться восвояси. Никакихъ выдающихся распоряженій Паскевича мы не видали, и даже самая контузія его подъ Силистрію, воспѣтая Меньковымъ, была не болѣе, какъ предлогомъ для его удаленія изъ арміи, ибо вовсе не была серьезна.

Въ продолженіе цѣлой зимы съ 1853 на 1854 годъ главная квартира князя Горчакова всего только два раза выѣзжала изъ Бухареста: въ Калафать и Браиловъ; остальное же время мы постоянно проводили въ пресловутой столицѣ Валахіи. Трудно найти другой городъ, расположенный на мѣстности болѣе безжизненной, чѣмъ Бухарестъ. Ни горки, ни порядочной рѣки, ни чистаго воздуха: грязь, вонь, нечистота во всѣхъ возможныхъ видахъ—вотъ, что поражало всякаго пріѣзжавшаго тогда въ Бухарестъ. На огромный городъ (слишкомъ 100 т. жителей), на столицу княжества, въ Бухарестѣ не было ни одной чистой и прямой улицы, не исключая и главной изъ нихъ Подъ-Могошой, на которой жилъ господарь Стирбей. Надобно было имѣть особенную способность примѣняться

къ мѣстности и жить въ городѣ по худой мѣрѣ года два, чтобы хоть сколько-нибудь познакомиться съ этимъ лабиринтомъ вонючихъ закопченныхъ улицъ и переулковъ. Отсутствіе всякой гармоніи въ размѣщеніи зданій, площадей и церквей невольно поражало съ первого взгляда. Единственнымъ общественнымъ гуляньемъ, куда обыкновенно, начиная съ 12 и до 3-хъ часовъ зимой и по вечерамъ лѣтомъ съѣзжалась валахская аристократія, было Киселевское шоссе, обыкновенное, какія у насъ въ Россіи тянутся на тысячу верстъ—обсаженное по бокамъ деревцами на разстояніи 2-хъ верстъ. Да и это мѣсто, где совершились румынскіе *parties de plaisir*, устроено весьма недавно на деньги, собранныя съ цѣлой Валахіи въ память управлявшаго въ 1829 году княжествомъ П. Д. Киселева (впослѣдствіи графа), даровавшаго валахамъ конституцію и пользующагося у нихъ огромною любовью и популярностью.

Кромѣ шоссе въ самомъ городѣ было два мѣста, куда иногда собиралась лѣтомъ публика: это Чюшмевджи и Вармбергъ—два весьма небольшихъ садика; въ послѣдній особенно привлекалъ публику скрипачъ и дерижеръ оркестра Вистъ. Вообще жизнь въ Бухарестѣ не могла похвальаться своимъ разнообразiemъ. Главнѣйшее развлечениe составляла конечно итальянская опера: представленія ея шли по три раза въ недѣлю въ новомъ довольно миленькомъ театрѣ. Въ труппѣ были довольно сносный баритонъ, басъ и одна примадонна-англичанка, пожилая женщина, но съ довольно еще свѣжимъ голосомъ. Удовольствіе слушать оперу стоило не дорого: всего три цванцигера. Быть тогда въ Бухарестѣ и маленькой балетъ, царицей которого слыла Эмилія Петровичъ. Замѣчательность этого балета состояла въ томъ, что всѣ танцы его представительницъ ничѣмъ не отличались отъ качканы, на что впрочемъ валашки отнюдь не жаловались.

Странную смѣсь эполеть русскихъ и валахскихъ, бородокъ и фраковъ представляла всегда итальянская опера. Въ буфетѣ слышалась бездна нарѣчій. Впослѣдствіи великимъ постомъ открылся и французскій театръ, но весьма грязный по своему помѣщенію и постоянному запаху чеснокомъ. Главнѣйшимъ же мѣстомъ для развлечений русскихъ и валаховъ служили маскарады: изъ нихъ даваемые въ Итальянскомъ театрѣ отличались нѣкоторой офиціальностью и считались за лучшіе; тутъ всегда собиралась изысканная публика, платя за входъ 3 цванцигера, но обыкновенно мужчины оставались въ театрѣ не болѣе какъ до 2-го часа, а потомъ отправлялись въ «*Hôtel de prince*» въ маскарады, даваемые ея содергателемъ. Тамъ публика вела себя совершенно безцеремонно, домино самая фантастическая, самая прозрачная являлись во всѣхъ видахъ; шампанское лилось рѣкой между офицерами, и каждая кадриль, каждая полька здѣсь была не что иное,

какъ самый отчаянный канканъ, кончавшійся тѣмъ, чѣмъ кончаются всѣ канканы. Изъ всѣхъ женщинъ, съ которыми преимущественно любила вести знакомство наша молодежь, особенное вниманіе тогда обращала одна дѣвушка Марица, очень недурная собой, обладавшая какою-то чарующею силой. Офицеры безумѣли отъ ея ласкъ. Сколькоихъ я зналъ молодыхъ и образованныхъ людей, которые едва не сходили по ней съ ума. Но не только юное поколѣніе теряло голову, даже старики и люди женатые не избѣгли ея вліянія. Генералъ-штабъ-докторъ арміи ходилъ отъ нея какъ помѣшанный. Родомъ венгерка, по несчастію семейному отвергнутая отцомъ, Марица, по увѣренію знатившихъ ее, принадлежала къ хорошему дому и носила по документамъ фамилію Comtesse d'Ail.

Что касается до другихъ общественныхъ удовольствій, то надоѣло сказать по правдѣ, что большіе вечера съ танцами были у валаховъ какъ-то не въ большомъ ходу—или, можетъ быть, общее безденежье бояръ было тому причиною. Въ продолженіе зимы было только два офиціальныхъ бала: одинъ данъ княземъ Горчаковымъ, а другой полномочнымъ комиссаромъ Россіи Будбергомъ для встрѣчи Нового года. Первый изъ этихъ баловъ отличался удивительной роскошью, и о немъ говорили почти цѣлый мѣсяцъ. Балъ былъ данъ въ домѣ военно-административного совѣта. Самый домъ и всѣ прилежащія къ нему строенія были великолѣпно иллюминированы, на лицевой сторонѣ его горѣль во весь вечеръ огромный брилліантовый вензель государя. Самый подъѣздъ былъ залитъ огнемъ; съ первой его ступени и до втораго этажа вились самые тонкіе роскошные ковры, окаймленные самыми рѣдкими экзотическими растеніями, наполнившими и самыя комнаты, тысячи люстръ, три оркестра музыки добавляли все это. Но самымъ лучшимъ украшеніемъ бала были конечно женщины. Все, что Валахія могла собрать и создать самого лучшаго и роскошнаго—все было на этомъ балѣ. Богатство костюмовъ доходило до сумасшествія. Золото и брилліанты блистали почти на каждой. Блонды, самый прозрачный газъ и тюль господствовали въ нарядахъ. Лифы у платьевъ были самые ужасные, ибо они только поддерживали, но не скрывали формъ женщинъ. Балъ съ великолѣпнымъ ужиномъ обошелся въ 3.000 червонцевъ; всѣхъ особы было до 400.

Не говоря о новыхъ интригахъ, завязавшихся съ нынѣшнимъ прибытіемъ русскихъ въ княжества, много было на этомъ балѣ людей, знакомыхъ еще по 1848 году. Вообще надо замѣтить, что прекрасныя валахскія дамы не отличаются слишкомъ строгой нравственностью; вотъ почему здѣсь счастливый бракъ въ томъ смыслѣ, какъ вообще принято это, составляетъ анахронизмъ. Очень часто можно было встрѣтить въ Бухарестѣ, что жена, пользуясь всѣми средствами содержанія

отъ мужа, живеть однако же въ особой половинѣ дома, принимаетъ, кого хочетъ, не обращая никакого вниманія на мужа.

IX.

Выходъ изъ княжества.—Стоянка въ Кишиневѣ и Одессѣ.

Перейдя Дунай, мы побрели къ границамъ Трансильвании, спустились затѣмъ къ Журжѣ и отсюда 15-го іюля отправились въсвойси, сжигая повременамъ свои корабли, т. е. запасы провіанта и фуражи, заготовленнаго съ избыткомъ по распоряженію фельдмаршала.

Простоявъ по дорогѣ двѣ съ половиною недѣли въ Фокшанахъ и уничтоживъ здѣсь значительное количество одобештскаго вина, главная квартира 4-го сентября послѣ великихъ трудовъ и боевыхъ подвиговъ благополучно перешла изъ Яссъ въ Скуляны къ родному очагу и расположилась затѣмъ въ Кишиневѣ.

Съ приходомъ въ Кишиневѣ собственно Дунайская кампанія окончилась, ибо все вниманіе далѣе обратилось на Крымъ. Туда, какъ въ бездонную бочку, начали двигаться отъ насъ подкѣпленія, туда полѣзли и всѣ наши авантюристы.

Наступилъ февраль 1855 года, грозная драма подъ Севастополемъ разыгрывалась все сильнѣе, а мы преспокойно проживали въ Кишиневѣ, куда наѣхала масса офицерскихъ женъ, и усердно посѣщали театръ и танцевальные вечера. Въ двадцатыхъ числахъ февраля жиды первые принесли намъ вѣсть о кончинѣ императора Николая, а чрезъ нѣсколько дней пришло и официальное обѣ этомъ сообщеніе. Вскорѣ князь Горчаковъ былъ переведенъ въ Крымъ, а я съ бренными остатками Южной арміи и вопреки просьбѣ князя Меншикова—прислать меня въ Крымъ—былъ оставленъ подъ командою Лидерса.

Недолго Лидерсъ просидѣлъ въ Кишиневѣ, любовныя дѣла влекли его въ Одессу. Тотчасъ явились на сцену разныя стратегическія причины, требовавшія этого перехода, и весною мы дѣйствительно перебрались въ столицу Новороссійскаго края. Тяжела была моя служба, ибо, какъ говорится, изъ огня я попалъ въ полымя. Отъ Бутурлина я перешелъ подъ команду генераль-квартирмейстера Глѣбова, въполномъ смыслѣ слова мужика, съ которымъ чуть не ежедневно пошли у меня столкновенія. Но время шло, союзники громили Севастополь, а мы въ Одессѣ устраивали смотры и парады для развлеченія Лидерса. Въ сентябрѣ мы потянулись въ Николаевъ на смотръ нового государя, гдѣ я выслушалъ кучу любезностей отъ генераль-квартирмейстера барона

Ливена, а затѣмъ поселились опять въ Одессѣ. Къ веснѣ Лидерсъ съ своими домочадцами отѣхалъ въ Крымъ, а къ намъ явился Сухозанеть съ княземъ Васильчиковыемъ и Козляниновыемъ. Время службы съ этими послѣдними было для меня самое отрадное во всю кампанію, ибо въ тогдашнее время рѣдко приходилось встрѣтить людей столь вѣжливыхъ, благородныхъ и такъ горячо относившихся къ своимъ подчиненнымъ, какъ князь Васильчиковъ и Козляничовъ. Подъ конецъ кампаніи появился снова у насъ Коцебу, въ качествѣ командира 5-го корпуса. Онъ усиленно сталъ звать меня съ собой въ Варшаву, общая чинъ капитана, но я положительно отъ этого отказался, за что и нажилъ въ немъ себѣ большаго врага. Весною 1856 года судьба еще разъ бросила меня подъ команду Лидерса, Непокойчицкаго и въ руки милаго Глѣбова, въ качествѣ начальниковъ 2-й арміи, но къ счастію не надолго; я послалъ уже письмо къ барону Ливену съ настоятельною просьбою о переводаѣ изъ Одессы.

X.

Переводъ изъ Одессы въ Оренбургъ. — Жизнь въ Белебеѣ. — Братья Тевкелевы. — Глумилинъ. — Прѣздѣ въ Оренбургъ. — Перовскій и его управление. — Женитьба.

Въ маѣ мѣсяцѣ состоялся приказъ о переводѣ моемъ въ Оренбургъ, и я немедленно сталъ готовиться къ отѣзду. Добрый Россіцкій (нашъ интенданть) подарилъ мнѣ на дорогу старенький тарантасъ, и я совершенно счастливый отправился откланиваться начальству. Глѣбовъ принялъ меня на этотъ разъ ласково и, официальнымъ предписаніемъ разблагодаривъ меня за службу, выхлопоталъ мнѣ у главнокомандующаго 150 руб. на путевые издержки. Пріемъ Непокойчицкаго, жившаго въ то время на дачѣ Картаци, былъ особенно любезенъ. Поблагодаривъ меня за службу, онъ сказалъ:

— Я всегда сочту за особое удовольствіе служить съ вами и если вы когда-либо вздумаете перейти къ намъ, пишите ко мнѣ; я всегда буду радъ вамъ.

Пообѣдавъ послѣдній разъ въ кругу добрыхъ товарищѣй въ «Европейской гостиницѣ», я на другой день рас простился съ моими сожителями Глиноецкимъ и Лаврентьевымъ¹⁾ и, провожаемый плачущимъ моимъ старшимъ писаремъ Назаровымъ, выѣхалъ 23-го мая 1856 года

¹⁾ Впослѣдствіи редакторъ „Военного Сборника“ и „Русского Инвалида“.

часа въ три послѣ обѣда черезъ Херсонскую заставу по дорогѣ въ Оренбургъ.

Я не помню въ жизни своей болѣе отраднаго чувства, какъ то, съ которымъ послѣ шестилѣтней разлуки и тяжкихъ трудовъ кампаніи возвращался къ роднымъ. Я чувствовалъ себя на свободѣ, и это сознаніе полнаго простора еще болѣе скрашивало мое положеніе, и безъ того представлявшееся въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Полной грудью я вдыхалъ свѣжій полевой воздухъ, и сердце было полно любовью ко всѣмъ и ко всему, а чудная майская природа еще болѣе поддерживала такое настроеніе. Ёздивши весь свой вѣкъ на перекладной, я теперь съ особыеннымъ наслажденіемъ покачивался въ казанскомъ тарантасѣ и незамѣтно добѣхалъ до Николаева. Здѣсь встрѣтивъ двухъ братьевъ Ризенкампфовъ,ѣхавшихъ въ отпускъ въ Петербургъ, я подвезъ ихъ до Кременчука, откуда, повернувъ на сѣверо-востокъ, направился уже одинъ въ свою дорогую Башкирию.

Миѣ предстояло сдѣлать до 3.500 верстъ по всевозможнымъ дорогамъ и, не смотря на это, я рѣшилъѣхать день и ночь. Быстро прокатилъ я до Бѣлгорода, гдѣ на станціи любовался гогартовскими картинаами, но отсюда, при поворотѣ на малый почтовый трактъ къ Пензѣ, пошла задержка въ лошадяхъ, на каждой станціи валялись въ повалку по нѣсколько человѣкъ офицеровъ, застрявшихъ тутъ за весьма малымъ исключеніемъ или вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, а чаще по случаю безпробуднаго кутежа.

Переваливъ въ Симбирскѣ черезъ Волгу, я уже началъ чувствовать себя какъ дома и черезъ три дня былъ въ Бугульмѣ, такъ много напомнившей мнѣ о лѣтахъ моей юности. Отсюда оставалось только 100 верстъ до Белебея, гдѣ жили мои старики, и я конечно немедленно пустился въ путь. Проѣхавъ еще засвѣтло мимо мѣста моей родины, заросшаго уже въ то время бурьяномъ, я часовъ въ 5 утра, когда благовѣстили къ заутренїѣ, вѣхалъ въ Белебей. Что было у меня на сердцѣ, трудно передать. Съ жаднымъ вниманіемъ всматривался я въ каждый уголокъ родной земли, въ каждого прохожаго, а ихъ было много на улицахъ—день былъ базарный. Наконецъ, я дома, стучу въ дверь, выходитъ отецъ, и мы замерли, обнявши другъ друга; вслѣдъ затѣмъ я бросился прямо въ спальню матушки; она испугалась отъ неожиданности и безмолвная отъ радости крѣпко прижала къ себѣ, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь вновь не отнялъ меня у нея. Только послѣ долгихъ риданій старушка едва-едва могла заговорить со мною.

Чистый, горный воздухъ Белебея, беззаботность послѣ тяжкихъ трудовъ, ласка родныхъ—все это такъ благодѣтельство подействовало на меня, что черезъ мѣсяцъ я стала замѣтно поправляться и даже полнѣть къ великой радости моей старушки. Большую часть времени я по-

свящаль на прогулки съ братомъ по прекраснымъ окрестностямъ Белебея и разъѣздамъ по роднымъ; въ промежуткахъ мы слушали новости отъ мѣстнаго почтмейстера, кажется по фамилии Ветошникова — бывшаго фельдъ-егеря, который вполнѣ былъ гоголевскимъ почтмейстеромъ, ибо, кромѣ газетъ, зачастую прочитывалъ и письма, въ чемъ искренно намъ сознавался. Брать служилъ тогда по выборамъ дворянства, а потому ему приходилось иногда заѣждать и къ мѣстнымъ тузамъ-помѣщикамъ, изъ коихъ однако же въ Белебеевскомъ уѣздѣ жили въ своихъ деревняхъ только Тевкелевы и Глумилины.

Тевкелевыхъ было, кажется, три брата; они были татары и владѣли большими имѣніями въ 3-хъ губерніяхъ. Старшаго Александра Петровича я зналъ давно; лихой когда-то гусарь и кутила Павлоградскаго полка. Теперь онъ былъ въ отставкѣ, съѣздилъ въ Мекку и, сдѣлавшись хаджи, облекся въ костюмъ муллы; впослѣдствіи онъ занялъ мѣсто уфимскаго муфтія. Второй братъ былъ когда-то командиромъ лейбъ-гвардіи Крымскаго эскадрона, вышелъ въ отставку подковникоемъ и женился на дочери Букей-хана, сестрѣ Чингизовъ. Третій братъ служилъ въ лейбъ-казакахъ. У Тевкелевыхъ была сестра, замѣчательная въ свое время красавица, она влюбилась въ губернера-француза Коко, бѣжалась съ нимъ, но, бывъ поймана до вѣнчанія, заявила, что желаетъ принять православіе и поэтому была помѣщена въ Уфимскій женскій монастырь; въ концѣ концовъ однако же она рѣшилась остатся магометанкой и впослѣдствіи возвращена братьямъ; послѣдующая судьба ея мнѣ не извѣстна.

Михаилъ Михайловичъ Глумилинъ былъ сынъ Михаила Васильевича Глумилина, друга моего отца, съ которымъ онъ началъ вмѣстѣ службу въ Уфимскомъ губернскомъ правленіи и жилъ на одной квартирѣ; впослѣдствіи Михаилъ Васильевичъ женился на Софѣ Тимоѳеевнѣ Аксаковой (о нихъ упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ своей семейной хроникѣ), сдѣлался богатъ, но, несмотря на это, сохранилъ до конца жизни доброе расположеніе къ бѣдному моему отцу. Михаилъ Михайловичъ Глумилинъ былъ женатъ на Леонтьевой, сестру которой Донаурову я зналъ очень хорошо, а двѣ младшихъ сестры Глумилина были замужемъ: одна за профессоромъ Бутлеровымъ, а другая за извѣстнымъ спиритомъ Юномъ. Въ Белебѣй я познакомился также съ пріѣзжавшимъ туда уфимскимъ губернаторомъ Потуловымъ, съ которымъ впослѣдствіи служилъ въ Вильнѣ, и съ двумя братьями Левашовыми, о старшемъ братѣ которыхъ Николаѣ я уже говорилъ прежде.

Въ началѣ сентября я съѣздилъ съ отцомъ на ярмарку въ Бугульму, чтобы повидаться съ родными и посмотреть на городокъ, гдѣ каждый уголъ былъ близокъ моему сердцу, а 21-го сентября выѣхалъ къ мѣсту службы въ Оренбургъ. Въ бытность въ Белебѣй старику отцу ужасно

хотѣлось меня женить на помѣщицѣ, и онъ указывалъ мнѣ на многихъ дѣвушекъ, но мнѣ такъ хорошо жилось на волѣ, что я рѣшительно отказался отъ брака, не подозрѣвая, что черезъ четыре мѣсяца женюсь самъ по своей охотѣ.

23-го сентября часа въ 4 послѣ обѣда я, послѣ 6-ти-лѣтней отлучки, подѣхалъ къ мѣсту моего воспитанія, Оренбургу, и съ понятнымъ замыраніемъ сердца всматривался въ каждую улицу, въ каждый домъ, какъ въ старыхъ добрыхъ знакомыхъ. Къ моему изумлению, городъ нисколько не измѣнился, только по манію волшебнаго жезла или лучше сказать по прихоти Перовскаго езиникъ около Караванъ-Сараи обширный паркъ, созданный на песчаной равнинѣ трудами башкиръ.

Я остановился у дяди своего, ветерана польской и турецкой кампаний, маюра Балагурова, служившаго тогда смотрителемъ госпиталя, и, отдохнувъ немногого, побѣхалъ съ теткою въ крѣпость, чтобы повидаться съ родными. Подѣзжая къ воротамъ, мы встрѣтили запряженную парой въ дышло огромную долгушу или по-оренбургски «карандасъ», на которой сидѣло нѣсколько дамъ и адютантовъ—это каталось семейство начальника штаба корпуса генерала Бутурлина. Посмотрѣвъ съ интересомъ на курьезный экипажъ, я побѣхалъ далѣе, не подозрѣвая, что въ числѣ другихъ на этой долгушѣ сидѣла тогда и будущая моя жена. Живо я устроился въ Оренбургѣ и нанялъ квартиру рядомъ съ институтомъ.

Оберъ-квартирмейстеромъ былъ тогда мой товарищъ по курпусу, полковникъ Дандевиль, принявшій меня какъ стараго коллегу по-родственному; отъ него я побѣхалъ къ Бутурлину. Олицетвореніе доброты и полной русской патріархальности, генералъ принялъ меня чуть не въ одной рубашкѣ, не зная, куда дѣваться отъ жара при своей страшной полнотѣ; я сразу почувствовалъ себя какъ дома и тотчасъ же познакомился съ его супругой, урожденной донской казачкой Власовой.

Прошло нѣсколько дней—былъ посланъ особый докладъ къ Перовскому, въ которомъ испрашивалось, когда ему будетъ угодно принять меня, и въ назначенный день и часъ я представль предъ корпуснымъ командиромъ. То, что я увидѣлъ, было уже одною тѣнью когда-то бывшаго красавца. Перовскій сидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, одѣтый въ фантастической, имъ же придуманный башкирскій сюртукъ, дышалъ тяжело и едва говорилъ. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ о Крымской кампаниѣ, онъ мановенiemъ рукіи отпустилъ меня такъ же сурово и сухо, какъ и принялъ. Перовскій помѣщался тогда въ бель-этажѣ губернаторскаго дома, а внизу жила родственница его, графиня Толстая, съ перезрѣлой дочерью, братъ которой, извѣстный Илюшка Толстой, былъ начальникомъ штаба Оренбургскаго казачьяго войска ¹⁾.

¹⁾ Впослѣдствіи начальникъ пограничной стражи и сенаторъ.

Правителемъ канцеляріи при Перовскомъ былъ тогда Кудрявцевъ (впослѣдствіи директоръ департамента министерства финансовъ), во всѣми дѣлами по гражданской части орудовали уфимскій губернаторъ, позже сошедшій съ ума Яковъ Ханыковъ, и предсѣдатель пограничной комиссіи, бывшій профессоръ Петербургскаго университета (впослѣдствіи начальникъ главнаго управлѣнія по дѣламъ печати) В.В.Григорьевъ. Послѣдній писалъ почти всѣ важныя бумаги Перовскому, который на старости лѣтъ до такой степени сдѣлался педантомъ въ служебной перепискѣ, что ни одной бумаги не оставлялъ безъ собственноручной правки. Всѣми военными дѣлами заправлялъ дежурный штабъ-офицеръ маіоръ Рейтернъ (брать министра финансовъ) и, признаться сказать, дѣлалъ по этой части все, что хотѣлъ. Командантомъ былъ тогда генералъ Ладыженскій—старый офицеръ генерального штаба, первый проникшій съ нашимъ духовною миссіею въ Китай и снявшій единственный въ свое время планъ Пекина.

Вскорѣ по прїездѣ въ Оренбургъ, я сталъ какъ свой среди радушной и доброй семьи Бутурлиныхъ, гдѣ мы всегда бывали съ товарищемъ по генеральному штабу—Лаптевымъ. Черезъ два мѣсяца я сдѣлалъ предложеніе старшей дочери Бутурлина, а въ январѣ 1857 года была наша свадьба. Женившись, мы поселились въ 2-хъ небольшихъ комнатахъ во дворѣ казеннаго дома, занимаемаго моимъ тестемъ, что было очень кстати, такъ какъ мы начали семейную нашу жизнь съ 16 рублями въ карманѣ. Каждое утро я работалъ въ штабѣ, гдѣ былъ старшимъ адьютантомъ, а вечера большую частью проводилъ въ бесѣдѣ съ тестемъ, человѣкомъ любознательнымъ и неистощимымъ рассказчикомъ. Большій жены заставила меня наступившою весноюѣхать на Сергіевскія минеральные воды, что было легко устроить, такъ какъ я въ то же время получилъ приказаніе заняться составленіемъ военно-статистического описанія Самарской губерніи.

Сообщ. Н. Н. Длуская.

(Продолженіе сѣдуетъ).

Изъ воспоминаний бывшаго гвардейскаго офицера.

Кончина императора Николая и восшествіе на престолъ Александра II.— Празднованіе столѣтія л.-гв. Гренадерскаго полка.— Крестьянская реформа.

Въ 1855 году я имѣлъ честь состоять полковымъ адъютантомъ л.-гв. Гренадерскаго резервнаго полка¹⁾). Въ этомъ году скончался императоръ Николай Павловичъ, и вступилъ на престоль бывшій главнокомандующій гвардейскими и гренадерскими корпусами наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Многія обстоятельства этихъ достопамятныхъ событій сохранились свѣжо въ моей памяти, и я желаю подѣлиться своими воспоминаніями какъ со всѣми интересующимися этимъ достопамятнымъ временемъ, такъ въ особенности съ близкими всегда моему сердцу, полковыми товарищами давно прошедшаго и настоящаго времени. Тогда праздновалось столѣтіе, а скоро, въ 1906 году, предстоитъ торжество 150-лѣтія нашего славнаго полка.

Въ четвергъ, 17-го февраля 1855 года, вся полковая семья наша собралась вечеромъ у полковаго казначея К... Часу въ 11-мъ подали мнѣ полученный въ канцеляріи экстренный конвертъ изъ штаба главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскими корпусами съ надписью: секретно, въ собственныя руки полковаго команда.

¹⁾ Съ выступленіемъ въ 1854 году гвардіи въ походъ къ западнѣмъ предѣламъ Имперіи въ 3-хъ баталіонномъ составѣ, въ Петербургѣ остались четвертые резервные баталіоны, которые, съ прибытіемъ безсрочно-отпускныхъ и новобранцевъ, были развернуты въ особые полки сперва двухбаталіоннаго, а къ зимѣ того же года трехбаталіоннаго состава, съ напменованіемъ ихъ резервными полками, съ назначеніемъ особыхъ командировъ полковъ, а также начальниковъ дивизій и команда гвардейскаго резервнаго корпуса, съ отдѣльными штабами, какъ дивизіонными, такъ и корпусными.

Я представилъ конвертъ бывшему адѣлью полковнику Б. П. Преженцову, который, прочтя въ сторонѣ бумагу и подозревавъ меня, объявилъ, что штабъ требуетъ немедленной присылки полковаго адъютанта. Мы оба были въ вполнѣшемъ недоумѣніи, чѣмъ могло вызвать такое экстраординарное требование въ ночное время; Б. П. Преженцовъ сказаъ мнѣ, что онъ спать не будетъ до моего возвращенія, какъ бы поздно оно ни послѣдовало; послѣ чего я незамѣтно вышелъ и отправился. Каково же было мое удивленіе, когда, по прибытіи въ штабъ, куда почти одновременно со мною прибыли адъютанты всѣхъ расположенныхъ въ Петербургѣ гвардейскихъ полковъ, начальникъ штаба, генераль-адъютантъ Витовтовъ объявилъ намъ, что императоръ опасно занемогъ, при чемъ пригласилъ наась идти съ нимъ въ Зимній дворецъ для получения предварительныхъ распоряженій и передачи ихъ въ полки. Придя во дворецъ, генералъ Витовтовъ оставилъ наась въ одной изъ залъ, а самъ направился дальше къ внутреннимъ покоямъ.

Теперь, по прошествіи полуവѣка, я хорошо помню о томъ поразительномъ впечатлѣніи, какое произвело на насъ это роковое извѣстіе. Какъ! государь, котораго мы всѣ видѣли полнымъ силъ и здоровья, за два дня, во вторникъ 15-го числа, въ Михайловскомъ манежѣ на отправленіи маршевыхъ баталіоновъ для укомплектованія дѣйствующихъ полковъ, вдругъ опасно занемогъ, и не какою-нибудь опасно болѣзнью, а простымъ гриппомъ. Тогда подъ этимъ наименованіемъ считался осложненный насморкъ съ кашлемъ, и никому въ голову не приходило, что при гриппѣ можетъ послѣдовать такой печальный исходъ.

Полные недоумѣнія, мы блуждали, въ угнетенномъ настроеніи духа, по тусклѣ освѣщенной залѣ дворца, едва переговариваясь иѣсколькими словами. Черезъ четверть часа возвратился Витовтовъ и передалъ намъ иѣкоторыя распоряженія для сообщенія въ полки съ приказаніемъ немедленно возвратиться. Былъ уже второй часъ ночи, когда мы разѣхались и передали печальную новость. Полковой командиръ нашъ до того былъ ю пораженъ, что едва могъ прийти въ себя. Къ 3 часамъ мы были опять во дворцѣ; второе приказаніе уже ожидало насъ; передавъ его въ полки, мы возвратились опять во дворецъ около 5 часовъ утра. Все, чѣмъ сообщалось, было совершенно секретно, и можно только сказать, что приказанія имѣли характеръ весьма тревожный; чувствовалось, что катастрофа приближается. Дворецъ все еще былъ мрачный, и никто не прїѣжалъ; изрѣдка только проходили мимо насъ смущенные особы царской фамиліи; но къ 6 часамъ начали собираться понемногу высокопоставленныя лица наши и дипломатического корпуса. Насъ, адъютантовъ, все еще не отпускали, и въ 8-мъ часу послѣдовало приказаніе служить молебны о здравіи императора въ полковыхъ манежахъ, а адъютантамъ опять возвратиться во дворецъ.

Около 10 часовъ утра 18-го февраля мы застали уже тамъ большое число лицъ, ежеминутно увеличивающееся. Наконецъ, въ началѣ втораго часа по полуодни распространялась по дворцу роковая вѣсть о кончинѣ императора. Что тогда произошло, трудно описать: всѣ потеряли головы; движение, суета страшная, многіе плакали, бросались даже въ кабинетъ покойнаго императора, и хотя никто этому не препятствовалъ, но тамъ царствовало полное благоговѣніе передъ спокойнымъ лицомъ почившаго, отъ котораго только-что отлетѣла рыцарская душа его.

Мы тотчасъ получили приказаніе, чтобы командиры полковъ прибыли во дворецъ для принесенія присяги новому императору. Когда я выѣзжалъ изъ дворца, то вся площадь была наполнена народомъ, и со стороны бывшей разводной площадки ¹⁾, между дворцомъ и адмиралтействомъ, раздавались шумные возгласы. Шумѣлъ народъ. Послѣ же слышалъ, что требовали доктора Мандта, лѣчившаго покойнаго императора. Спускаясь съ дворцовой лѣстницы и едва пробираясь черезъ толпу вновь прибывающихъ, я встрѣтилъ одного знакомаго камеръ-юнкера, который спросилъ меня о состояніи здоровья государя, и когда я отвѣтилъ, что его величество уже скончался, то не только знакомый мой, но и другіе, слышавшіе мой отвѣтъ, остановились, какъ громомъ пораженные; такъ всѣ были озадачены отъ полной неожиданности событія.

Передавъ послѣднее приказаніе, мы остались въ полкахъ, а часа черезъ два съ половиной, присягнувшій полковой командиръ возвратился изъ дворца и привелъ къ присягѣ полкъ.

Новое царствованіе началось!

Черезъ день, 20-го февраля, гвардейскимъ офицерамъ было приказано прибыть въ Зимній дворецъ къ часу дня; всѣ собраны были по полкамъ въ одномъ залѣ. Государь съ малолѣтнимъ наслѣдникомъ, покойнымъ Николаемъ Александровичемъ, вошелъ въ залъ и сказалъ, что прощается съ нами, какъ главнокомандующій, и встрѣчаетъ насъ, какъ императоръ. Долго онъ говорилъ и, наконецъ, прочиталъ выдержанку изъ завѣщенія императора Николая I-го, въ которомъ покойный въ особенно теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ за службу свою славную, вѣрную гвардію. Тутъ голосъ государя дрогнулъ, и на глазахъ его показались слезы. Его благородная, изящная наружность, необыкновенно трогательное выраженіе лица и звучный, мягкий, симпатичный голосъ до того наэлектризовали офицеровъ, что они пали на колѣни, замахали султанами, бывшими на прежнихъ каскахъ, и съ неумолкаемыми криками «ура!» бросились къ нему, а маленькаго наслѣдника подхватили на руки, такъ какъ около государя образовалась страшная тѣснота; возвратиться

¹⁾ Нынѣ садъ передъ Зимнимъ дворцомъ.

къ той двери, изъ которой вышелъ къ намъ, онъ уже не могъ; огромная толпа офицеровъ оттеснила его, и онъ едва могъ пробраться уже въ противоположную дверь зала. Минута была незабываемо-торжественная, въ которую выразилась вполнѣ та беспредѣльная любовь, какую умѣлъ внушить къ себѣ бывшій нашъ главный начальникъ, принимавшій тяжкое бремя царствованія въ ужасный моментъ, переживаемый Россіею, тѣснѣйшей всѣй Европой.

Не буду останавливаться на подробностяхъ довольно продолжительныхъ печальныхъ церемоній и самого погребенія усопшаго императора; все это достаточно известно. Замѣчу только, что особенно трогательно было видѣть на панихидахъ во дворцѣ и въ Петропавловскомъ соборѣ прощеніе вдовствующей императрицы съ нѣжно-любимымъ ею супругомъ и удрученное состояніе новаго императора.

Къ зимѣ 1855 года 2-я гвардейская резервная дивизія была передвинута въ Москву, гдѣ и оставалась до расформированія ея въ 1856-мъ году по окончаніи войны и коронаціонныхъ торжествъ.

30-го марта 1856 г. исполнялось столѣтіе со дня основанія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и за нѣсколько дней до этого числа императоръ Александръ II пожаловалъ въ Москву для присутствованія при юбилейномъ празднованіи полка. Вмѣстѣ съ его величествомъ прибылъ новый командиръ гвардейского резервнаго корпуса, генералъ-адъютантъ князь А. И. Барятинскій, будущій намѣстникъ Кавказа. Государь былъ особенно милостивъ и въ очень хорошемъ расположеніи духа, вѣроятно потому, что состоялось перемиріе подъ Севастополемъ.

Наконецъ наступилъ знаменательный для лейбъ-grenадеръ юбилейный день. Парадъ былъ назначенъ въ большомъ московскомъ манежѣ, куда къ 10^{1/2}, часамъ утра прибылъ полкъ со старыми боевыми знаменами, а вновь даруемыя стояли у церкви манежа. Я долженъ былъ явиться къ 12 часамъ во дворецъ и поздравить его величество—шефа нашего—съ исполнившимся столѣтіемъ полка. Представляющихся было очень много и между прочими отдѣльной группой стояли губернскій и уѣздные предводители московскаго дворянства. Въ пріемномъ залѣ былъ также кн. Барятинскій, который и поставилъ меня первымъ у двери, изъ которой его величество долженъ былъ выйти къ представляющимся. Вскорѣ государь вышелъ въ нашемъ мундирѣ и, на произнесенное мною поздравленіе съ днемъ совершившагося столѣтняго юбилея полка, изволилъ милостиво отвѣтить:

— Я тоже поздравляю и благодарю за службу,—при чёмъ удостоилъ меня обнятіемъ и поцѣлуемъ.

Государь началь пріемъ представляющихъся, и когда онъ подходилъ къ предводителямъ дворянства, то кн. Барятинскій приказалъ мнѣ бѣхать къ полку и объявить, что его величество сейчасъ прибудетъ въ

манежъ. Только-что я передалъ это приказаніе и, надѣвъ бывшій въ то время принадлежностю фронтовой формы нагрудный знакъ, сталь на свое мѣсто у музыки, какъ вскорѣ взошелъ государь и, обойдя фронтъ, приказалъ приступить къ церемоніи освященія новыхъ знаменъ, которую совершалъ преториесвітель Бажановъ. Отъ него, по окончаніи богослуженія, знамена принялъ колѣнопреклоненный командиръ полка и черезъ меня передалъ ихъ знаменщикамъ, съ которыми я обнесъ ихъ передъ фронтомъ полка при громогласномъ «ура!». Затѣмъ слѣдовало прохожденіе полка церемоніальнымъ маршемъ, и его величество, выразивъ полковому командиру полнѣйшую благодарность за парадъ, изволилъ отбыть изъ манежа. Въ тотъ же день былъ большой обѣдъ во дворцѣ, при чёмъ за царскимъ столомъ сидѣли, кроме министра императорскаго двора и корпуснаго нашего командира, исключительно офицеры полка: по правую сторону императора прежде служившіе, а по лѣвую—бывшіе въ то время въ составѣ полка по старшинству. Министръ двора и князь Барятинскій сидѣли противъ государя, а рядомъ съ послѣднимъ было назначено мѣсто полковому адъютанту; всѣ остальные, къ обѣду приглашенные, не принадлежащіе къ полку, какого бы ни были высокаго ранга, помѣщались за другими столами. Во время обѣда играла музыка нашего полка и играла очень хорошо. Когда государь узналъ, что музыканты учились всего одинъ годъ, то особенно благодарилъ ихъ. За обѣдомъ государь нѣсколько разъ изволилъ обращаться ко мнѣ съ вопросами по исторіи полка, которую я, конечно, предварительно хорошо прочиталъ и потому въ отвѣтахъ не затруднялся. Послѣ обѣда всѣ перешли въ сосѣдній залъ, гдѣ былъ поданъ кофе; государь обращался къ намъ съ милостивымъ разговоромъ и изволилъ сказать, чтобы мы имѣли въ виду предстоящей застой въ производствѣ, такъ какъ изъ двухъ полковъ составится одинъ, излишніе нижніе чины будутъ уволены въ безсрочный отпускъ, а офицеры всѣ поступятъ въ одинъ полкъ. Тогда я сказалъ, что мы служили въ войскахъ, когда въ томъ надобность была, а теперь, по окончаніи войны, вѣроятно многое тоже попросятся въ безсрочный отпускъ. На это государь отвѣтилъ:

— Вижу, куда ты собираешься,—и, отведя меня немного въ сторону, изволилъ спросить:—слышалъ ты, что я говорилъ сегодня московскимъ предводителямъ дворянства?

Я отвѣтилъ, что долженъ быть уѣхать къ полку, и потому мнѣ не удалось самому слышать, но что рѣчь его величества предводителямъ была настолько знаменательна, что я еще до обѣда узналъ о ней и преклоняюсь передъ мудрымъ начинаніемъ великаго монарха. Государь улыбнулся и сказалъ:

— Очень радъ за тѣхъ, кто сознаетъ необходимость предположенной мною реформы; поѣзжай и благословясь работай.

И такъ великое въ исторіи Россіи дѣло освобожденія крестьянъ впервые было провозглашено императоромъ въ мундирѣ л.-гв. Гренадерскаго полка. Глубоко соболѣзнуя теперь, что мнѣ не пришлось дослужить до права носить этотъ мундиръ.

Въ этотъ же день въ л.-гв. Гренадерскомъ полку появилось поэтическое привѣтствіе слѣдующаго содержанія:

Свершился нынѣ вѣкъ твоей достойной жизни,
Давно прославленный лейбъ-Гренадерскій полкъ!
Служилъ геройски ты возлюбленной отчинѣ,
И дѣлъ твоихъ восторгъ досель въ ней не умолкъ.

* * *

Едва родившійся во дни Елизаветы,
Ты съ юныхъ лѣтъ уже быть битвы властелинъ.
И, помня данные отечеству обѣты,
Съ врагами родины дралися, какъ исполнинъ!

* * *

И, славы полкъ, ты, взысканный Екатериной,
Стремительно леталъ во слѣдъ ея орловъ,
И не забыть Кагулъ твой мечъ неотразимый,
И помнить Измайлъ грузъ твоихъ штыковъ!

* * *

Но грянулъ страшный громъ двѣнадцатаго года,
И ты, закалевный въ губительныхъ бояхъ,
За русскій тронъ и славу русскаго народа
Дралися—и умиралъ на отческихъ поляхъ!

* * *

И русскій царь, нашъ Александръ Благословенный,
Отъ стѣнъ родной Москвы тебя въ Парижъ водилъ,
И,—съ нами русскій Богъ,—врагъ всюду побѣженный
Предъ нимъ вѣничанную главу свою склонилъ!

* * *

Свѣжа въ твоихъ сердцахъ могила Николая,
Великій путь тебѣ онъ къ славѣ указалъ,—
И маниемъ его, Балканы низвергая,
Ты лавры вѣчные подъ Варною стяжалъ!

* * *

Твой вѣкъ обиленъ былъ великими дѣлами,
И войска русскаго ты славу сохранилъ,
Взлелѣянный шестью державными царями,
Для нихъ ни жизни ты, ни крови не щадилъ!

* * *

Широкая лежить въ грядущемъ вамъ дорога
И свѣтится въ дали роскошная заря!
И то заря—надежда твердая на Бога
И благость нашего беззѣннаго царя!

* * *

Воспрянь же прежній духъ въ твоей груди широкой!
Сравниться съ предками усердіемъ горя,
И жизни не щади для смерти ты высокой,
За вѣру, родину и русскаго цара!

Этотъ геройскій духъ воспрянуль въ послѣднюю турецкую войну, при взятіи Горняго Дубняка, когда лейбъ-grenадеры, осыпаемые градомъ смертоносныхъ снарядовъ, съ распущенными знаменами шли, какъ на ученыи, неудержимо бросились на крѣпостные валы и, вспомоществуемые измайловцами и еще нѣкоторыми полками, овладѣли этимъ стратегическимъ пунктомъ.

Скоро послѣдовало отбытіе его величества изъ Москвы, а я, въ восторгѣ отъ милостивыхъ словъ, сказанныхъ мнѣ государемъ послѣ царскаго обѣда, испросилъ себѣ трехмѣсячный отпускъ. Отправясь въ свое имѣніе Костромской губерніи, я началъ присматриваться къ предстоящей дворянству дѣятельности, разсчитывая, послѣ коронаціонныхъ празднествъ и по расформированіи резервнаго полка, вѣхать въ безсрочный отпускъ и посвятить себя сельскому хозяйству и подготовленію къ предстоящей крестьянской реформѣ.

Возвратился я изъ отпуска въ Москву въ началѣ августа. 14-го числа къ вечеру ихъ величества прибыли для священнаго коронованія, остановясь предварительно въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ въ тотъ же день послѣдовала церемонія прибытія знаменъ для гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, вновь сформированныхъ изъ гвардейскихъ резервныхъ полковъ, а также для бывшихъ на западной границѣ трехъ баталіоновъ л.-гв. Гренадерскаго полка; 16-го числа происходило освященіе и раздача этихъ знаменъ. 17-го въ 3 ч. по полудни состоялся торжественный вѣздъ въ Москву ихъ императорскихъ величествъ; 20-го былъ парадъ на Ходынскомъ полѣ огромной массы гвардіи въ двойномъ противъ обыкновенного комплектѣ. Блистательный обрядъ священнаго коронованія совершился 26-го августа. Погода была великолѣпная, безоблачное небо и ни малѣйшаго вѣтра.

Два солнца взошло въ этотъ день надъ Москвою; одно обыкновенное свѣтило, весь міръ оживотворяющее, другое — наше русское свѣтило, даровавшее намъ своими благотворными преобразованіями новую свѣтлую жизнь, — нашъ незабвенный царь-освободитель Александръ II. Не поддается описанію тотъ торжественный моментъ, когда императоръ въ коронѣ и порfirѣ, со скипетромъ и державой, сопровождаемый своею блестящею свитою и иностранными чрезвычайными послами, поднялся на Красное крыльце Кремлевскаго дворца и съ верхней площадки троекратно поклонился присутствовавшимъ съ присущими ему сердечнымъ привѣтомъ и достоинствомъ высокоблагороднаго вѣнценосца. За тѣмъ слѣдовали обѣды и балы въ Грановитой па-

латъ, въ Александровскомъ залѣ дворца, у иѣсколькихъ иностранныхъ пословъ, въ дворянскомъ собраніи и торжественный спектакль, состоявшійся 30-го августа. Въ этотъ день нашъ полкъ занималъ караулы въ Москвѣ, а потому — и караулъ въ Большомъ театрѣ. На спектакль невозможно было попасть оберъ-офицеру, такъ какъ, при громадной массѣ лицъ высокопоставленныхъ, иностранныхъ посольствъ и придворныхъ, многіе полковники не получили билетовъ даже въ верхнихъ мѣстахъ; а потому я, съ разрѣшеніемъ полковаго командира, самъ себя нарядилъ въ театральный караулъ. Въ то время караульный офицеръ долженъ былъ во все время спектакля находиться, въ караульной формѣ съ каской на головѣ, въ серединѣ театральнаго зала, при среднемъ проходѣ въ партерѣ, а потому я хорошо видѣлъ все торжество этого вечера. Царская фамилія помѣщалась въ средней ложѣ; по обѣ стороны ложи бель-этажа были предоставлены иностраннымъ посламъ, которые соперничали другъ передъ другомъ своими блестящими мундирами и туалетами ихъ дамъ, буквально залитыми бриллиантами; въ особенности этой роскошью отличались ложи англійского и австрійского посольствъ. Французскій посолъ гр. Морни былъ еще холостымъ, и потому въ его ложѣ дамы отсутствовали. Представление состояло изъ оперы «Любовный напитокъ», съ Бозіо и Лаблашъ, и балета «Маркиантка», съ Ф. Чирито и Шеро.

Коронованій императоръ отбылъ въ Петербургъ, и приступлено было къ переформированію гвардейскихъ полковъ по мирному положенію въ трехбаталіонный составъ, при чемъ увольнялись домой всѣ старослужащіе нижніе чины, около трехъ тысячъ человѣкъ. На каждого слѣдовало приготовить отпускные документы и всѣ дѣла резервныхъ полковъ передать въ дѣйствующіе полки; все это было возложено на канцеляріи и адъютантовъ резервныхъ полковъ. Работы было много, трудились мы безъ отдыха и, не смотря на то, я только черезъ полтора мѣсяца могъ воспользоваться разрѣшеніемъ мнѣ безсрочнымъ отпускомъ и отправиться въ деревню къ новой дѣятельности.

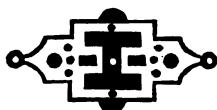
Два года прошли въ ожиданіи великаго переворота въ жизни Россіи. Между помѣщиками понемногу распространялись слухи о предположенной эмансираціи крестьянъ, но достовѣрного ничего не знали; иѣкоторымъ молодымъ дворянамъ, прѣѣхавшимъ изъ столицъ, была известна непреклонная воля государя къ уничтоженію крѣпостного права, но они не были уполномочены объявлять объ этомъ и потому ограничивались только общими разсужденіями по этому вопросу, проводя мысль о необходимости скорѣе приступить къ благому начинанію, и съ нетерпѣнiemъ ожидали разрѣшенія на это верховной власти. Такіе новые взгляды не нравились большинству помѣщиковъ съ установленными понятіями; они очень горячо и въ несдержаныхъ выраженіяхъ

порицали взгляды молодежи, которая, нужно отдать ей справедливость, въ большинствѣ слушаевъ старалась не раздражаться этими порицаніями, а спокойно и убѣдительно доказывать правоту своихъ стремлений на пользу меньшой братіи. Затѣмъ, послѣ долгихъ ожиданій, появился извѣстный рескриптъ государя генераль-губернатору Сѣверо-Западнаго края, генералъ-адъютанту Назимову, и высочайшее разрѣшеніе приступить къ обсужденію въ собраніяхъ дворянъ изрѣвшаго вопроса объ улучшениіи быта крестьянъ. Тогда пошли уже въ средѣ дворянъ открытые споры и даже распри съ постепеннымъ, впрочемъ, усиленіемъ партіи, сочувствующей предстоящей реформѣ.

Наконецъ наступило 19-е февраля 1861 года! Манифестъ монарха былъ объявленъ у насть въ Кинешемскомъ уѣздѣ, какъ и повсемѣстно въ имперіи, на 1-й недѣль великаго поста. Церкви были переполнены; всѣ съ благоговѣніемъ слушали чтеніе царскаго воззванія и при произнесеніи словъ: «Осени себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ», присутствовавшіе, какъ крестьяне, такъ и дворяне, перекрестясь, пали на колѣна, и послышались по всей церкви умилительныя рыданія.

Совершилось! Моментъ былъ потрясающій; Россія обновлялась! Народъ спокойно разошелся по домамъ, и великое дѣло началось. Только люди, все это видѣвшіе, которые жили самостоятельной жизнью до Александра II и послѣ него, могутъ достаточно опѣнить его мощную, благотворную дѣятельность на пользу Россіи.

Князь А. П. Вадбольскій.

Высочайший выговоръ за небрежность.

Циркуляръ управляющаго министерствомъ юстиціи прокурорамъ.

31-го января 1828 г.

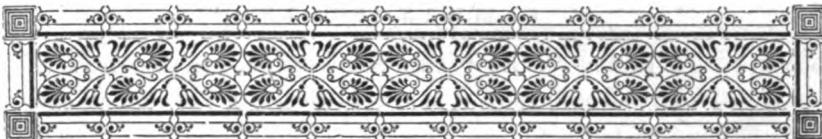
Государь императоръ изволилъ получить всеподданнѣйшій рапортъ московскаго губернскаго прокурора, объ арестантахъ, въ Москвѣ содер-жавшихся болѣе года, вложенный въ первоначальный листъ черно-ваго таковаго же рапорта.

Его величество повелѣть соизволилъ, за сю неосмотрительность московскаго губернскаго прокурора, сдѣлать ему выговоръ въ примѣръ другимъ.

Во исполненіе таковой монаршой воли, г. статьѣ-секретаремъ Му-равьевымъ мнѣ сообщенной, учинивъ московскому губернскому проку-рору высочайше повелѣній выговоръ, я даю объ оному знать всѣмъ губернскимъ прокурорамъ, для надлежащей съ ихъ стороны осмотри-тельности при исправленіи обязанностей службы.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

М. Р. Шидловскій

(по поводу оперы „Псковитянка“).

Б

ъ началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія начальникомъ главнаго управления по дѣламъ печати былъ свиты е. в. генераль-маиръ М. Р. Шидловскій.

Пользуясь безусловнымъ уваженіемъ близко знавшихъ его людей, М. Р. Шидловскій, въ офиціальныхъ и общественныхъ сферахъ не особенно располагалъ къ себѣ своей прямолинейностью и иногда чрезмѣрною горячностью; дѣйствія его часто подвергались рѣзкой критикѣ, при чемъ не скучились награждать его не совсѣмъ лестными для него эпитетами, по поводу его внѣшнихъ формъ, нѣсколько напоминавшихъ военную дисциплину временъ Николая I-го.

М. Р. Шидловскій былъ фанатикомъ долга; никакія побочныя обстоятельства и соображенія не могли заставить его отклониться отъ того, что онъ считалъ прямымъ и точнымъ указаніемъ служебныхъ обязанностей, и въ этомъ отношеніи онъ представлялъ собою характерный, по тому времени, типъ.

Разъ я былъ свидѣтелемъ такого случая. Въ засѣданіи совѣта ¹⁾, цензоромъ драматическихъ сочиненій докладывалось о поступившемъ въ цензуру либретто къ новой оперѣ Римскаго-Корсакова «Псковитянка». Въ виду нѣкоторыхъ ея сценъ (вѣче, народный бунтъ), цензоръ не находилъ удобнымъ допустить постановку этой оперы въ настоящемъ ея видѣ. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось и большинство членовъ совѣта, полагавшаго предоставить цензору предложить автору сдѣлать въ либретто нѣкоторыя исключенія и затѣмъ вновь внести его

¹⁾ Я былъ тогда членомъ совѣта главнаго управления по дѣламъ печати.

на обсуждение совета¹⁾). Но один из членовъ, гофмейстеръ Ф. М. Толстой (известный меломанъ и критикъ) горячо вступилъ за оперу и стала доказывать крайнюю, съ художественной точки зрѣнія, нежелательность какихъ-либо измѣненій или исключеній, при чемъ сослался на великаго князя Константина Николаевича, съ которымъ, какъ онъ говорилъ, онъ видѣлся наканунѣ и который живо интересовался этой оперой и желалъ сколь можно скорѣе видѣть ее на сценѣ, при чемъ добавилъ, что и императрица, какъ ему лично известно, принимаетъ въ ней живѣйшее участіе. Тутъ Шидловскій, рѣзкимъ движениемъ повернувшись къ Толстому, отчеканилъ ему такой отвѣтъ: «Ваше превосходительство! мы здѣсь сидимъ во имя закона и обязаны въ решеніяхъ нашихъ руководиться лишь соображеніями, внушаемыми исполненіемъ служебнаго долга, независимо отъ какихъ бы то ни было личныхъ вкусовъ и желаній,—откуда и отъ кого бы они ни исходили; и я счелъ бы себя въ отвѣтѣ передъ государемъ, еслибы когда-нибудь допустилъ малѣйшее отклоненіе отъ этого принципа, а ваше превосходительство я покорнѣйше просилъ бы не вносить въ наши дѣла обстоятельствъ, не подлежащихъ и не могущихъ подлежать нашему обсужденію».

Ф. М. Толстой сконфузился и болѣе не возражалъ.

Исторія эта въ тотъ же день стала известна въ Англійскомъ клубѣ, и злые языки не преминули разнести ее со всевозможными комментариями.

Вскрѣ послѣ этого Толстой оставилъ службу въ главномъ управлѣніи по дѣламъ печати; Шидловскій же назначенъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Что касается судьбы «Псковитянки», то окончательное разрѣшеніе на ея постановку состоялось уже при преемникѣ Шидловскаго, М. Н. Лонгиновѣ (кажется, въ 1872 г.), по исключеніи или измѣненіи авторомъ оперы некоторыхъ ея сценъ.

П. Д. Стремоуховъ.

---

¹⁾ Всѣдѣствіе сего докладъ цензора въ этотъ разъ не было включенъ въ журналъ засѣданія совѣта.

Изъ воспоминаний Г. И. Мѣшкова.

Пенза въ началѣ прошлаго столѣтія. Губернаторы кн. Г. С. Голицынъ и М. М. Сперанскій. — Посѣщеніе Пензы великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. — Губернаторъ Ф. П. Лубяновскій. — Епископы Иннокентій (Смирновъ) и Амвросій (Орнатскій). — Вступленіе войскъ въ Пензу. — Императоръ Александръ I въ Пензѣ въ 1824 году. — Канцелярскіе чиновники, ихъ жалованье и обычаи. — Провинціальные балы и увеселенія.

Въ наступленіемъ 1815 года, когда мнѣ пошелъ шестой годъ, матери моей вздумалось самой заняться свойственнымъ этому моему возрасту образованіемъ, т. е. она начала учить меня чтенію и письму. Оба эти занятія прашились мнѣ, такъ сказать, по сердцу; я съ восхищеніемъ думалъ о томъ времени, въ которое и я, какъ всѣ, буду читать книги. Старанія матери моей были успѣшны; когда, чрезъ полтора года, дальнѣйшее образованіе мое было передано нанятому учителю, я уже порадочно читаль, и въ этомъ отношеніи хлопотъ учителю было не много. Не смотря на протекшіе съ тѣхъ поръ 53 года, я какъ будто сейчасъ смотрю на资料 своего учителя: это былъ семинаристъ высокаго роста съ смуглымъ, серъезнымъ лицомъ, въ долгополомъ синемъ сюртукѣ фабричнаго сукна съ побѣжевшими швами. Тогда щеголей было меньше теперешняго. Звали его Иванъ Васильевичъ Иерихонскій. Видя мою охоту къ ученію, онъ и самъ занимался со мною охотно и въ тѣ четыре или пять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ былъ моимъ учителемъ, я все больше и больше получалъ пристрастіе къ чтенію. Достойный педагогъ, занимаясь со мною по три часа ежедневно, преподавалъ мнѣ катехизисъ Феофана Прокоповича, грамматику и ариѳметику Меморскаго; а въ послѣдній годъ своихъ со мною занятій началъ проходить со мною всеобщую исторію Шрекка и географію Пятунина. За всѣ эти труды онъ

получалъ такую плату, которая теперь покажется вичтожною и даже смѣшною, но тогда казалась изрядною: по пяти рублей ассигнациями въ мѣсяцъ. Платить за меня больше и дать мнѣ высшее образованіе отецъ мой не имѣлъ возможности; а сверхъ того ему казалось, что для той карьеры, которая мнѣ предназначалась, т. е. для гражданской службы, другихъ познаній не нужно было. Я учился охотно, а чтеніе сдѣгалось господствовавшею во мнѣ страстью, и я посвящалъ ему все мое время. Свойственныхъ тогдашнему моему возрасту игрушекъ у меня никогда не бывало; я обыкновенно просилъ отца и мать, чтобы, вмѣсто игрушекъ, покупали мнѣ книги съ картинками, или эстампы, разумѣется сузdalской гравировки, которые въ то время во множествѣ продавались ходившими по домамъ разнозначиками. Эти мои просьбы всегда удовлетворялись. Кромѣ того, жившая напротивъ нашего дома княжна Олимпиада Алексѣевна Чегодаева, бывшая съ нашимъ семействомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, въ день моего рождения и именинъ, дарила мнѣ каждый годъ по нѣсколько эстамповъ. Няня моя, очень меня любившая и только недавно умершая на 80-мъ году, также меня баловала въ этомъ отношеніи и часто дарила мнѣ по одному, или по два эстампа. Изъ нихъ у меня и теперь сохраняется коллекція портретовъ тѣхъ генераловъ, которые участвовали въ войнѣ 1812—1815 годовъ. Эта страсть къ книгамъ и эстампамъ такъ во мнѣ и осталась.

Съ сосѣдями своими родители мои были въ лучшихъ отношеніяхъ. Изъ нихъ я назову Бахметевыхъ, Василия Михайловича Сабурова и Алексея Николаевича Загоскина; у втораго были внуки, а у послѣдняго сыновья и дочери, возрастъ которыхъ подходилъ къ моему. Но самою большою радостью было для меня, ежели мать моя брала меня съ собою, отправляясь къ Кохамъ. Но что же это были за Кохи? Личности эти, какъ мнѣ кажется, заслуживають описанія, и я скажу о нихъ нѣсколько словъ. Федоръ Андреевичъ Кохъ, полковникъ еще Екатерининской службы, былъ въ то время, когда Пензенскою губерніе съ 1780 по 1796 годъ управлялъ генералъ-поручикъ Ступашинъ, нѣкоторое время комендантъ въ Пензѣ; онъ всегда былъ готовъ на рассказы о добромъ быломъ времени. Бывало, взмостясь къ нему на колѣни, рассказы эти слушалъ я съ большимъ удовольствіемъ и вниманіемъ, особо занимали меня семилѣтняя война и походы противъ турокъ. Оригиналенъ былъ его костюмъ: въ царствованіе Александра I, онъ все продолжалъ носить ту же форму Екатерининского времени, съ которой былъ уволенъ въ отставку. Въ свѣтлоzemленомъ долгополомъ мундирномъ сюртукѣ, подбитомъ краснымъ стамедомъ, въ короткихъ казимировыхъ бѣлыхъ штанахъ, въ башмакахъ, съ незавязанными чулками, въ колпакѣ и съ длинною тростью, похожею на нынѣшнія священническія, съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ на длинной лентѣ,

этотъ почтенный 83-хъ лѣтній ветеранъ гуляетъ, бывало, по Покровской улицѣ. Костюмъ его не измѣнялся и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заходилъ къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ; по крайней мѣрѣ, онъ много разъ бывалъ въ нашемъ домѣ одѣтымъ такимъ образомъ. Сестра его, дѣвица Христина Андреевна, была не многимъ моложе. По пѣ-мѣцкому обычай, она сама завѣдывала своею кухнею и сама же стряпала разные сладкіе пирожки и другія печенья. Они-то меня и тянули въ этотъ гостепріимный, патріархальный домъ, ежели не считать еще другаго, прибавочнаго удовольствія. У нихъ были двѣ маленькия, ученныя собачки; бывало, одну изъ этихъ собачекъ нарядять въ старинный, нарочно сшитый миниатюрный мундиръ, съ шляпкою и деревянною шпагою; другую въ роброндъ и фижмы. Въ этомъ нарядѣ, обѣ собачки, ходя на заднихъ лапкахъ, выдѣлывали уморительныя штуки, и я каждый разъ уходилъ отъ Коховъ съ большимъ сожалѣніемъ, потому что оба старика меня любили, баловали и кормили всячими сластями.

Къ воспоминаніямъ этой эпохи я долженъ отнести, во-первыхъ, то время, когда высланы были въ Пензу офицеры французскихъ войскъ, взятые въ пленъ во время отечественной войны, и потомъ, обратное сѣдованіе чрезъ Пензу на свои мѣста башкирскихъ войскъ. Въ обоихъ случаяхъ, домъ нашъ не остался безъ постояльцевъ, потому что квартирная повинность отводилась тогда въ Пензѣ натурою. Пленныхъ я едва помню; остался только въ памяти моей одинъ капитанъ, очень израненный. Я помню, что онъ носилъ на головѣ серебряную бляху, потому что былъ жестоко раненъ въ черепъ. Башкирскія войска я помню яснѣ, такъ какъ они проходили позже. У насъ квартировали пять или шесть нижнихъ чиновъ; но напротивъ нашего дома, у княжны Чего-даевой, квартировалъ ихъ полковникъ, котораго звали Мязить Матвѣевичъ. Не смотря на краткость пребыванія въ Пензѣ, онъ былъ у насъ нѣсколько разъ и когда собирался въ дальнѣйший путь, то подарилъ мнѣ лукъ и колчанъ со стрѣлами, которые и теперь у меня цѣлы. Между тѣмъ, квартированіе башкиръ въ нашемъ домѣ не обошлось безъ послѣдствій: чрезъ нѣсколько дней по выходѣ изъ Пензы, одинъ изъ этихъ башкиръ бѣжалъ съ дороги и, возвратясь сюда, явился на свою бывшую квартиру и объявилъ отцу моему, что ушелъ съ намѣреніемъ креститься. Не смотря на этотъ поводъ, побѣгъ все-таки остался побѣгомъ, и отецъ мой, хотя съ сожалѣніемъ, но долженъ былъ предать бѣглеца въ полицію. Чѣмъ кончилось это дѣло, я уже не знаю.

Въ Пензѣ въ это время былъ губернаторомъ дѣйствительный статский советникъ и камергеръ князь Григорій Сергеевичъ Голицынъ. Молодой, красавецъ собою, знатной фамиліи, богатый и образованный, онъ жилъ, какъ настоящій вельможа. Позднѣе я слышалъ, что, живя въ провинціи при существовавшей тогда на все дешевизнѣ, онъ, все-таки,

проживалъ здѣсь до 100 тысячъ рублей ежегодно; сумма огромная для того времени. И этому очень можно было повѣрить; балы, маскарады, благородные спектакли въ домѣ его сминались одни другими, зимою или лѣтомъ, это было все равно. Князь Голицынъ и жена его были въ давнишнихъ дружескихъ связяхъ съ мою крестною матерью, генеральшею Ступишиною; и это было поводомъ къ тому, что они, бывая часто въ домѣ г. Ступишиной, близко познакомились съ моими отцомъ и матерью и почтили ихъ своимъ добрымъ расположениемъ и вниманіемъ. На всѣ, бывавшіе въ домѣ князей Голицыныхъ праздники и удовольствія родители мои были постоянно приглашаемы, и князь всегда присыпалъ за ними экипажъ, такъ какъ у нихъ своего не было. Иногда отецъ и мать мои бывали у князей Голицыныхъ и запросто; при чемъ, по желанію княгини, мать моя брала съ собою и меня. Я знала наизусть нѣсколько строфъ тогда только-что вышедшей въ свѣтъ баллады Жуковскаго: «Людмила». Бывало, князь, посадивъ меня къ себѣ на колѣни, говорилъ: «ну, тезка, читай Людмилу!» И я читаль; а за то мнѣ всегда готова была награда въ видѣ конфектъ.

Въ марта 1815 года семейство наше увеличилось еще слѣдующимъ образомъ: У матери моей была младшая сестра, дѣвица Вѣра Федоровна Ложкина. Она воспитывалась въ Москвѣ, въ пансионѣ и, окончивъ свое образование, до 17 лѣтъ своего возраста жила въ Тамбовской губерніи, въ домѣ тамошней помѣщицы, Анны Ивановны Языковой. Мать моя просила отца выписать молодую дѣвушку сюда, чтобы жить вмѣстѣ. Я, какъ ребенокъ, ничего объ этомъ не зналъ; но въ одинъ день (это было въ воскресенье), когда отецъ куда-то отправился, а мать, бывшая на послѣднихъ дняхъ беременности, была у обѣдни, вдругъ во дворъ нашъ явился дорожный экипажъ, и вышедшая изъ него молодая, очень красивая, блокурая дѣвушка, вошедши въ комнаты, расцѣловала меня и брата моего и объявила, что она наша тетка. Вскорѣ отошла обѣдня, и мать моя возвратилась; но радость свиданія съ сестрою, послѣ долгой разлуки, едва не обошлась ей дорого. Тетка моя, желая сдѣлать матери сюрпризъ, спряталась за дверь; когда мать моя вошла въ комнату, тетка вдругъ бросилась ей на шею, и взволнованная испуганная этимъ мать упала безъ чувствъ. Дня черезъ три послѣ этого, 21-го марта, родилась сестра Агнѣя Ивановна, воспріемниками которой были тѣ же г.г. Ступишина и Бахметевъ и я, съ дѣвицею Марею Ефимовною Чемесовою. Мнѣ было 5, а кумъ моей 24 года отъ роду.

Родители мои, соображаясь съ своими средствами, жили скромно; поэтому, такое событие, какъ крестинный обѣдъ, представлялось мнѣ событиемъ необыкновеннымъ. Пріѣхали всѣ кумовья: г. Ступишина, въ возкѣ, въ шесть лошадей пугомъ, какъ она ѿзжала всегда, пользуясь

правомъ генеральства и съ своимъ костылемъ (она была хрома); г. Бахметевъ въ своеемъ сѣромъ фракѣ. Пришла и сосѣдка наша, княжна Чегодаева, въ неизмѣнной своей зеленой, атласной, съ высокою тульею, шляпкѣ, съ зеленымъ же перомъ. Такія шляпки носила одна только она; еще я видѣла только на старыхъ эстампахъ прошлаго столѣтія. Учтивостямъ генеральши къ княжнѣ и обратно не было конца; онѣ величали другъ друга сіятельствомъ и превосходительствомъ.

Уединенный, всегда спокойный образъ нашей семейной жизни нарушался иногда, впрочемъ очень рѣдко, тѣми случаями, когда генеральша Ступишина вздумаетъ, бывало, пріѣхать къ намъ вечеромъ, чтобы, въ партіи съ моимъ отцомъ и еще съ кѣмъ-либо изъ лицъ, ей близкихъ, поиграть въ бостонъ, до котораго она была большая охотница. Подобное посвѣщеніе, разумѣется, объявлялось заранѣе, и когда наставалъ торжественный день, Боже мой! что за суматоха поднималась въ нашемъ скромномъ убѣжищѣ! Зеркала, висѣвшіе на стѣнахъ эстампы: «Вертеръ и Шарлотта» за стеклами вымывались начисто, старые фамильные портреты въ гостиной, ломберные столы и незатѣйливая, обитая бѣлымъ съ голубыми полосами канифасомъ мебель освобождались отъ покрывавшей ихъ пыли и на два стола въ гостиной, въ ярко вычищенныхъ подсвѣчникахъ, церемоніально устанавливались четыре сальныя свѣчи. Лампы были тогда рѣдкостью; о стеаринѣ не имѣли еще понятія, а что касается до воска, то я, чрезъ нѣсколько даже лѣтъ, бывала на такихъ танцевальныхъ вечеряхъ, гдѣ все освѣщеніе состояло тоже изъ однихъ сальныхъ свѣчей!

Или, иногда, человѣкъ 10—12 изъ короткихъ знакомыхъ, все мужчины, собирались поиграть въ карточки. Бывали случаи, что засиживались до двухъ, или трехъ часовъ за полночь; но въ какую же игру играли эти господа? Въ свои козыри и на мѣдные деньги! Я помню, что одинъ разъ, когда мать моя и тетка были въ деревнѣ у г. Ступишиной, отецъ мой, не бывши никогда сторонникомъ поздняго сидѣнья и утомившись, оставилъ своихъ посѣтителей за карточными столами и, раздѣвшись, легъ спать. Кончивши игру, гости хватились хозяина; но онъ, уже въ колпакѣ, съ постели отвѣчалъ имъ: «я давно уже легъ, господа! Вы меня просто замучили!» Такова была простота нравовъ того времени, что эта выходка моего отца, которую теперь сочли бы обидою, была привѣтствована только однимъ громкимъ, дружескимъ смѣхомъ; гости разѣхались и разошлись безъ малѣшаго неудовольствія.

Весною и лѣтомъ мы пользовались еще другимъ удовольствіемъ. Домъ отца моего стоялъ на Нижней Покровской улицѣ; стоило, повернувшись изъ воротъ налево, перейти одинъ переулокъ, чтобы потомъ, по мосту чрезъ рѣку Пензу, перебраться въ поле. Это мы всѣ, и старшіе и младшіе, называли: «идти на поляну». Компания, которая отправля-

лась на эту прогулку, ежедневно, ежели погода была хороша, обыкновенно состояла человѣкъ изъ двадцати, а иногда и больше. Тутъ кромѣ собственного нашего семейства бывали двое моихъ дядей съ ихъ женами и сыномъ старшаго дяди, семейство Лазаревыхъ, Федоровыхъ, Бетюцкихъ и Рихтеръ. На полянѣ рѣзвостямъ не было конца: тутъ были и хороводы, и горылки. Бывало, возвратясь вечеромъ домой, ложишься спать съ мыслию: «какъ бы завтра повеселиться по-нынѣшнему!»

Наступаетъ бывало, праздникъ Свѣтлого Воскресенія. Въ пятницу на страстной недѣльѣ домъ нашъ принималъ уже праздничный видъ; въ субботу утромъ, обыкновенно подъ личнымъ надзоромъ моей матери, начинался процессъ окраски яицъ сандаломъ или шелкомъ. Но вотъ наступаетъ 10 часовъ вечера, и въ церквяхъ начинается благорѣсть «къ стоянью». Въ это время тѣ семейства, о которыхъ я упомянулъ выше, какъ объ участникахъ въ прогулкахъ, всѣ собирались къ намъ, съ тѣмъ, чтобы, не ложась спать, всѣмъ вмѣстѣ отправиться къ заутренѣ въ одну и ту же церковь. Меня, разумѣется, въ тѣсноту не брали, но вое, что я описалъ выше, тѣмъ не менѣе мнѣ памятно.

Утромъ 20-го октября 1816 г., по увольненіи князя Голицына отъ должности пензенскаго губернатора, пріѣхалъ въ Пензу преемникъ его, тайный советникъ М. М. Сперанскій.

Междѣ тѣмъ, пріѣздъ новаго губернатора, прежнее высокое его положеніе и, можно сказать, слава его имени занимали умы всѣхъ: всѣ и вездѣ о немъ разговаривали. Въ нашемъ домѣ также много о немъ говорили, потому что младшій изъ моихъ дядей, Сергій Ивановичъ, служилъ въ это время въ губернскомъ правленіи секретаремъ и, стало быть, ежедневно былъ свидѣтелемъ энергическихъ, благородныхъ и беспристрастныхъ распоряженій Сперанскаго. Этотъ сановникъ, узнавши дядю моего короче, почтилъ его полнымъ своимъ довѣріемъ и вскорѣ исходатайствовалъ ему орденъ св. Владимира 4-й степени,—отличie, въ то время рѣдкое, особенно ежели принять еще въ соображеніе молодость моего дяди, который имѣлъ тогда только 29 или 30 лѣтъ.

Безпрестанные разговоры и рассказы о Сперанскомъ возбудили во мнѣ желаніе его видѣть, и я не успокоился до тѣхъ поръ, пока отецъ мой не удовлетворилъ моей просьбы взять меня къ обѣднѣ въ соборъ, гдѣ, по праздникамъ, Сперанскій бывалъ обыкновенно. Благородная, величавая и выразительная его наружность и теперь у меня какъ будто предъ глазами: я живо помню его высокій ростъ, почти лишенную волосъ голову, его взглядъ, обыкновенно въ полъ-глаза, его низкіе всѣмъ поклоны, его синій, или иногда сѣрий фракъ съ двумя звѣздами на лѣвой сторонѣ и большой крестъ на шеѣ. Позднѣе Сперанскій былъ несолько разъ и у насъ въ домѣ.

Въ сентябрѣ Пенза удостоилась посѣщенія великаго кнізя Михаила Павловича, въ сопровожденіи генераль-лейтенанта Паскевича, впослѣдствіи знаменитаго фельдмаршала, кнізя Варшавскаго, графа Эриванскаго. Его высочество, бывъ встрѣченъ съ большою торжественностью, подѣхалъ прямо къ собору, гдѣ служба въ то время была только въ нижнемъ этажѣ, потому что отдѣлка верхняго только - что была начата, а старый соборъ, существовавшій съ 1700 года, за ветхостью, въ 1815 году, былъ разобранъ. Вечеромъ великий кнізь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ балъ, данный въ честь его собравшимся сюда дворянствомъ. Я видѣлъ и великаго кнізя и будущаго фельдмаршала; отецъ мой, отправляясь въ соборъ, взялъ и меня съ собою.

Протекли два года, и семейство наше увидѣло посреди себя новаго члена: 31-го мая 1819 г., наканунѣ Троицына дня, между вечернею и всенощною, родился братъ мой Владимира Ивановича, пятый ребенокъ моей матери. Здоровье ея было удовлетворительно; но на другой день вечеромъ, она была очень испугана пожаромъ, проишедшимъ въсосѣдней съ нашею, Верхней Покровской улицѣ. Въ Троицныѣ дни въ то время обыкновенно бывало народное гуляніе въ такъ называемой «Очкинскай рощѣ», перейдя рѣку Пензу, за городомъ. День былъ превосходный; отецъ мой, желая доставить удовольствіе мнѣ и брату Александру, отправился съ нами туда же; но каковъ же былъ нашъ ужасъ, когда, едва дошедши до мѣста, мы услышали набатъ и, сглянувшись, увидѣли, что пожаръ недалеко отъ нашего дома! Бѣгомъ возвратились мы домой, но, слава Богу, все кончилось благополучно: пожаръ скоро потушили, а испугъ моей матери прошелъ, къ счастію, безъ всякихъ для нея послѣдствій.

Въ началѣ того же мѣсяца губернаторъ Сперанскій, получивъ назначеніе генераль-губернаторомъ въ Сибирь, уѣхалъ изъ Пензы. Передъ отѣздомъ, онъ приглашалъ отца моего на службу туда же, предлагая должность совѣтника; но отецъ, имѣя въ то время на рукахъ много частныхъ дѣлъ, прибыль отъ которыхъ далеко превышала тогдашнее жалованье совѣтника и, бывши обремененъ большимъ семействомъ, что очень затруднило бы перѣѣздъ, благодарили генераль-губернатора, отклонивъ его предложеніе. Тогда Сперанскій пригласилъ служить въ Сибирь вышеупомянутаго моего дядю Сергея Ивановича; а онъ, не имѣя другаго семейства кромѣ жены, охотно согласился и въ началѣ слѣдующаго года, вслѣдствіе полученной имъ отъ Сперанскаго официаально бумаги, отправился, на первый случай, одинъ, въ Томскъ, гдѣ тотчасъ же получилъ мѣсто совѣтника съ производствомъ въ чинъ коллежскаго ассессора. Лѣтомъ отправилась къ нему и жена его, Александра Алексѣвна; тамъ оставались они до осени 1827 года. Довѣріе и благорасположеніе генераль-губернатора къ дядѣ

моему во все времена, пока этотъ послѣдній состоялъ подъ его начальствомъ, никакъ не измѣнился; доказательствомъ этому могутъ служить многія его письма къ моему дядѣ, которыхъ, по кончинѣ его въ 1859 году, я взялъ къ себѣ и доселѣ сохранилъ.

Сперанскій уѣхалъ изъ Пензы 7-го мая, дождавшись прибытія назначенаго ему преемникомъ дѣйствительного статского совѣтника Федора Петровича Лубяновскаго, съ которымъ издавна были въ дружескихъ отношеніяхъ.

Проводы уважаемаго начальника были торжественны. Дворянство и чиновники устроили для него прощальный завтракъ, въ домѣ купца Калашникова, на берегу Суры, гдѣ былъ готовъ паромъ для переправы, потому что, поенному времени года, река только-что вошла въ берега и устройство моста было еще невозможно. Отецъ мой, отправясь на берегъ, взялъ съ собою и меня; такимъ образомъ я, 9-ти лѣтній мальчикъ, былъ свидѣтелемъ отѣзда и проводовъ знаменитаго государственного сановника.

Около этого же времени престарѣлый нашъ епископъ Аѳанасій былъ уволенъ, по желанію его, на покой; преемникомъ ему назначенъ былъ извѣстный своею ученостю и краснорѣчіемъ Иннокентій (Смирновъ). Принявъ поставленіе въ этотъ санъ, преосвященный Иннокентій прїѣхалъ въ Пензу, какъ мнѣ помнится, или въ концѣ мая, или въ началѣ юна; но, къ сожалѣнію, жителямъ Пензы не долго пришлось увлекаться и наслаждаться краснорѣчіемъ новаго архипастыря и удивляться его святой жизни; прїѣхавши сюда уже сильно больнымъ, онъ скончался 10-го октября того же года 35-ти лѣтъ отъ роду. Я нѣсколько разъ видѣлъ его въ служеніи и одинъ разъ на экзаменѣ въ семинаріи; наружность его у меня въ свѣжей памяти. Тѣло его погребено въ склепѣ подъ соборомъ; надъ нимъ иждивеніемъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской поставленъ незатѣйливый памятникъ. Не смотря на протекшее съ тѣхъ поръ полустолѣтіе,уваженіе пензенскихъ жителей къ памяти почившаго такъ велико, что ни одинъ почти день не проходить и теперь безъ того, чтобы кто-либо изъ нихъ не просилъ отслужить надъ гробницѣю панихиды. Во многихъ домахъ, какъ и у меня, есть его портреты. На мѣсто его прїѣхалъ въ началѣ слѣдующаго года также извѣстный своими духовно-историческими сочиненіями преосвященный Амвросій (Орнатскій). Это былъ человѣкъ страннаго, строптиваго и неуживчиваго характера, не пользовавшійся потому пріязнью жителей, въ совершеннѣй контрастъ искренней любви и глубокому уваженію, которыми пользовался его предшественникъ...

Въ отсутствіе моей матери, въ октябрѣ, или въ ноябрѣ, теперь уже не помню хорошенъко, въ Пензенскую губернію прибыла для квартированія 5-я дивизія 2-го пѣхотнаго корпуса, подъ командою генераль-

лейтенанта Ивана Федоровича Эмме. Собственно въ Пензѣ расположился дивизионный штабъ и часть Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка, командиромъ котораго былъ полковникъ Александръ Андреевичъ Габбе, еще молодой человѣкъ. Но начальнику дивизіи было лѣтъ 70, или около того; генеральскій чинъ онъ получилъ, какъ въ послѣдствіи времени самъ мѣхъ говорилъ, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины Второй. Не смотря на свои лѣта, онъ былъ невѣроятно бодръ и пользовался крѣпкимъ здоровьемъ. Покрытый звѣздами и крестами, съ крашеными волосами, онъ на балахъ нерѣдко открывалъ танцы вальсомъ; а о кадриляхъ и экосезахъ и говорить уже нечего. Онъ оставилъ службу въ 1825 году; на мѣсто его поступилъ генераль-майоръ, въ послѣдствіи генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Юшковъ, а въ 1826 г., дивизія выступила изъ Пензенской губерніи.

Вступленіе въ губернію войскъ произвело здѣсь общее волненіе. До того, кромѣ внутренней стражи и проходившихъ воинскихъ команда, войскъ никакихъ и никогда здѣсь не бывало на постоянномъ квартирированіи. Жители (говоря вообще) любовались воинами и въ особенности grenaderами, которыхъ было въ каждомъ полку, кромѣ егерскихъ, по одному баталіону. И дѣйствительно, тутъ было чѣмъ любоваться. Молодцы собою, всѣ большаго роста, съ усами, въ киверахъ съ кутасами и витишкетами, съ высокими, почти аршинными сultanами, эти воины, изъ которыхъ одни сражались при Смоленскѣ и Бородинѣ, другіе видѣли Парижъ, при парадахъ и разводахъ казались «ходящимъ лѣсомъ». Высшій классъ общества интересовался офицерами, изъ которыхъ многіе были людьми богатыми и хорошо образованными, даже служившими прежде въ гвардіи, но переведенными въ армію вслѣдствіе извѣстныхъ безпорядковъ въ Семеновскомъ полку. Молодежь изъ служившихъ въ присутственныхъ мѣстахъ чиновниковъ, любясь на офицерскіе мундиры, шарфы съ кистями и брюки съ красными лампасами, сходила съ ума отъ желанія вступить въ военную службу; многіе и вступили, въ томъ числѣ двоюродный братъ мой Николай Алексѣевичъ, который, состоя въ гражданской службѣ и имѣя уже первый классный чинъ, поступилъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ юнкеромъ.

Наступившій затѣмъ 1824 годъ былъ ознаменованъ важнымъ для здѣшняго края событиемъ. Со временемъ основанія Пензы въ 1666 году, въ царствованіе царя Алексея Михайловича, городъ этотъ не былъ еще удостоенъ посѣщенія особъ коронованныхъ. Но въ этомъ году государю императору Александру Павловичу угодно было назначить Пензу сборнымъ пунктомъ для личныхъ смотровъ и маневровъ войскъ всего 2-го пѣхотнаго корпуса. Понятно, что и въ военномъ, и въ гражданскомъ вѣдомствѣ поднялась страшная суматоха; приготовленіямъ и распоряженіямъ не было конца. Дворянство предположило выстроить на *

Соборной площади, противъ корпусовъ присутственныхъ мѣсть, огромную деревянную, крытую желѣзомъ галлерею, намѣреваясь дать въ честь державнаго гостя балъ. Къ исполненію было приступлено тотчасъ же, и мѣсяца чрезъ два зданіе было готово. Въ немъ могло помѣщаться до 1.500 человѣкъ. Огромныя колонны украшали фасадъ. Между тѣмъ начали собираться понемногу войска; они состояли изъ 4-й, 5-й и 6-й пѣхотныхъ дивизій, въ каждой изъ которыхъ было по шести полковъ; изъ гусарской дивизіи, где были четыре полка: Изюмскій, Павлоградскій, Иркутскій и Елисаветградскій, и одной дивизіи артиллерійской. Командирами пѣхотныхъ дивизій были генераль-адъютанты Сипягинъ и Потемкинъ и генераль-лейтенантъ Эмме; гусарскою дивизіею командовалъ генераль-маіоръ Леонтьевъ; артиллерія была подъ командою генераль-лейтенанта Игнатьева. Корпуснымъ командиромъ былъ генераль-оть-инфanterіи князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, георгіевскій кавалеръ второй степени, родной племянникъ Суворова. Когда войска собрались, пріѣхалъ главнокомандовавшій 1-й арміею, графъ Сакенъ, съ начальникомъ главнаго штаба этой арміи, генераль-лейтенантомъ барономъ Толемъ (впослѣдствіи генераль-оть-инфanterіи и графъ) и начальникомъ артиллериі, генераломъ-оть-артиллериі, княземъ Яшвилемъ. Еще до прибытія государя, начались предварительные смотры и, такъ сказать, репетиціи маневровъ, хотя эти послѣдніе, какъ оказалось впослѣдствіи, ви къ чему не повели:—государю угодно было произвести маневры по собственному предначертанію и безъ предварительной для нихъ программы.

Велико и невиданно было для здѣшняго края количество собравшихся сюда войскъ, но въ самомъ городѣ оставались только корпусный и дивизіонные штабы; войска же были расположены вокругъ города лагеремъ, или помѣщались въ окрестныхъ селеніяхъ. Маневры, ученія, смотры и артиллерийская стрѣльба производились каждый день, чemu какъ нельзя больше благопріятствовала превосходная погода, какъ будто само Небо сочувствовало радости пензяковъ видѣть здѣсь обожаемаго монарха. Отецъ мой, а иногда и мать съ теткою, не пропускали случая быть зрителями этихъ воинскихъ упражненій, я съ братомъ Александромъ также были постоянными ихъ спутниками. Въ первый разъ мирные пензенскіе жители услышали, во время артиллерийскихъ занятій, свистъ пушечныхъ ядеръ; общественный садъ, о которомъ я упомянуль выше, былъ полонъ всякой почти день зрителями примѣрной защиты и взятія штурмомъ нашего города.

За нѣсколько дней до прибытія государя императора, жители города были зрителями церемоніи, также до тѣхъ поръ ими невиданной. Начальникъ гусарской дивизіи, генераль-маіоръ Леонтьевъ, умеръ послѣ кратковременной болѣзни; парадныя сопровождаемыя военными поче-

стами похороны его не могли не привлечь большинства жителей города. Тѣло покойного предположили было отпѣвать въ соборѣ; но преосвященный Амвросій, о характерѣ которого я упомянулъ выше, никакъ на то не согласился. По его понятіямъ, нельзя было внести покойника въ храмъ, готовившійся встрѣтить императора. Наступилъ день похоронъ, но пренія все еще продолжались; кончилось тѣмъ, что обѣдня, за которую происходилъ обрядъ погребенія, началась въ первомъ часу по полудни, и все-таки не въ соборѣ, а въ мужскомъ Спасопреображенскомъ монастырѣ. Торжественность обряда, при звукѣ военной музыки, при громѣ пушечныхъ и ружейныхъ выстреловъ, произвела на жителей большое впечатлѣніе.

Но время высочайшаго въ Пензу прибытія все приближалось. Государь долженъ былъ прибыть съ тамбовскаго тракта; согласно полученному распоряженію, слѣдовало, при самомъ вѣзѣ въ городъ, приготовить помѣщеніе, въ которомъ его величество могъ бы, остановясь на короткое время, смѣнить дорожное платье. Для этого, около самой тамбовской заставы былъ избранъ домъ г. Отто, теперь уже ие существующій, въ которомъ и были сдѣланы необходимыя улучшенія. У г. Отто доселѣ сохраняется кресло, служившее государю императору въ это время.

Губернаторъ Ф. П. Лубановскій принималъ, съ энергическою дѣятельностію, всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы, для слѣдованія его величества чрезъ губернию и для высочайшаго пребыванія въ Пензѣ все было въ лучшемъ, по возможности, порядкѣ. Предъ домомъ архіерейскимъ нужно было что-то исправить; съ просьбою о томъ губернаторъ отправилъ къ преосвященному Амвросію полицеймейстера коллежскаго совѣтника Путяту. Это былъ человѣкъуважаемый, но безобразный собою. Когда онъ передалъ преосвященному просьбу губернатора, присовокупивъ, что нечистота предъ домомъ не можетъ быть теперь допущена, преосвященный спросилъ его: «а куда же губернаторъ дѣнеть твоё-то безобразіе?»

Но вотъ наступилъ наконецъ ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ день прибытія государя императора. Это было 30-го августа, день тезоименитства его величества. Время, въ которое государь императоръ изволить прибыть въ этотъ день, опредѣлено не было; поэтому народъ началъ собираться къ тамбовской заставѣ съ раннаго утра, а нѣкоторые, большие запасливые и терпѣливые, пришли туда еще съ вечера, т. е. 29-го числа. Погода была превосходная; не смотря на предпослѣднее число августа, было тепло и ясно, какъ въ маѣ.

На соборной колокольнѣ пробило 8 часовъ по полудни. Площадь и обширное, ведущее съ южной стороны въ соборъ крыльцо были полны народомъ. Все и всѣ ожидали, смотря и слушая съ нетерпѣніемъ. Вла-

сти гражданскія, въ полномъ парадѣ и преосвященный, въ полномъ облаченіи, съ первенствующимъ духовенствомъ, ожидали высочайшаго прибытія на послѣдніхъ ступеняхъ крыльца. Графъ Сакенъ, хотя былъ Андреевскимъ кавалеромъ, имѣлъ на себѣ ленту Александровскаго ордена, потому что 30-го августа былъ кавалерскій его праздникъ. Предъ квартирою государя въ губернаторскомъ домѣ былъ почетный карауль.

Вскорѣ, какъ перекатъ грома, послышались крики: «ура!» Это было изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ народа, который буквально, можно сказать, наполнялъ все пространство, отдѣлявшее домъ г. Отто отъ собора, хотя тутъ разстоянія никакъ не меньше версты.

У собора встрѣтили его величество епархиальный преосвященный съ духовенствомъ и губернаторъ съ губернскимъ предводителемъ и всѣми чиновниками. Выслушавъ привѣтственную рѣчь преосвященнаго и приложась въ соборѣ къ св. иконамъ, государь изволилъ отправиться на квартиру; вышелъ изъ коляски къ караулу, на флангѣ котораго находились графъ Сакенъ, князь Горчаковъ, князь Яшивъ, всѣ генералы и штабъ-офицеры. У подъѣзда губернаторъ отрапортовалъ словесно о благосостояніи губерніи и поднесъ его величеству письменный о томъ рапортъ.

Всльдѣ за тѣмъ въ тотъ же вечеръ, имѣли аудиенціи графъ Сакенъ, нѣкоторые изъ генераловъ, и представлялись всѣ генералы, всѣ полковые командиры и командиры артиллерійскихъ бригадъ. Губернатору государь изволилъ отозваться въ самыхъ лестныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ.

На другой день, 31-го августа, въ 6 часовъ утра, государь, отслушавъ литургию въ приходской церкви Св. Петра и Павла, присутствовалъ на смотрѣ войскъ. По объѣздѣ ихъ, его величество объявило высочайшее благоволеніе и потомъ самъ лично удостоилъ командовать. Войска проходили церемоніальнымъ маршемъ. По возвращеніи на квартиру, представлялись государю епархиальный архіерей съ духовенствомъ и игуменъю Троицкаго женскаго монастыря. Затѣмъ губернаторъ представлялъ его величеству гражданскихъ чиновниковъ и губернского предводителя, который самъ уже представлялъ пензенское дворянство; наконецъ, губернаторъ представлялъ иногородныхъ дворянъ, Пензенское городское общество и депутатовъ отъ другихъ городовъ, съ хлѣбомъ и солью.

1-го сентября, также въ 6 часовъ утра, государь изволилъ отправиться на маневры. Съ одной стороны войска, превосходно одѣтыя, а съ другой, солны зрителей и множество экипажей составляли картину прелестную. Маневры продолжались 6 часовъ. Нижнимъ чинамъ за оба дня пожаловано по два рубля, по два фунта говядины и по две чарки вина на человѣка.

Къ обѣденному столу его величества въ этотъ день приглашены были всѣ генералы, всѣ командиры полковъ и артиллерийскихъ бригадъ, дѣйствительный тайный советникъ графъ Нессельроде, дѣйствительный статскій советникъ графъ Матусевичъ, статскій советникъ Северянъ, губернаторъ Лубяновскій, губернскій предводитель дворянства, генераль-маиръ Кишенскій, отставной генераль-маиръ Ланской и дѣйствительный статскій советникъ Аяненковъ.

2-го сентября, равнымъ образомъ въ 6 часовъ утра, государь изволилъ присутствовать у развода Невскаго пѣхотнаго полка; послѣ смотрѣль манежную ѿзду полковъ 2-й гусарскій дивизіи и, наконецъ, цѣльную стрѣльбу пѣхоты и артиллериі. Всѣ эти части удостоились высочайшаго одобренія; нижніе чины получили по рублю на человѣка, а пѣхотнымъ стрѣлкамъ назначено особенное денежное награжденіе.

Съ мѣста, где происходила цѣльная стрѣльба, государь изволилъ отправиться въ заведенія приказа общественнаго призрѣнія и въ тюремный замокъ. У дверей тюремной церкви приложился къ поднесенному священникомъ кресту, а въ больницѣ замка изволилъ съ особенностью подробностію разспрашивать двухъ, недавно наказанныхъ за преступленія и обѣ одной изъ нихъ женщинѣ далъ губернатору особое повелѣніе. Въ больницѣ приказа самъ отвѣтывалъ приготовленную для больныхъ пищу и вездѣ въ полной мѣрѣ одобрилъ чистоту и устройство.

Въ то же утро, государь, въ сопровожденіи губернатора, осматривалъ городъ, пожарный инструментъ, гимназію и временный госпиталь 2-го пѣхотнаго корпуса, одно отдѣленіе котораго помѣщалось въ Дворянскомъ домѣ.

Вечеромъ 2-го сентября, его величество удостоилъ высочайшаго присутствія балъ, данный дворянствомъ въ той галлерѣ, о которой я упомянула выше. Губернаторъ, губернскій и уѣздные предводители имѣли счастіе встрѣтить его величество у подъѣзда. Въ аванзалѣ государь императоръ былъ встрѣченъ супругами губернатора и губернского предводителя и, удостоивъ подать руку первой изъ нихъ, изволилъ войти въ залу и тѣмъ открыть балъ. Слѣдующею дамою его величества была супруга губернского предводителя; прочія дамы, съ которыми государь удостоилъ пройти польскій, всѣ были назначены заранѣе. Но тутъ встрѣтился особенный случай. Въ числѣ гостей была Софья Александровна Кушкина, урожденная Ребиндеръ, только недавно вышедшая замужъ за Андрея Андреевича Кушкина, который служилъ адъютантомъ при начальникѣ гусарской дивизіи. Красота этой молодой дамы была истинно изумительна. Государь, остановивши на ней свой взглядъ, изволилъ о ней спросить и, получивъ отвѣтъ, кто она такая, соблаго-

волиъ пройти польскій и съ нею¹⁾). Пробывши на балѣ болѣе полутора часа, его величество отправился на квартиру, изъявивъ губернскому предводителю и дворянству въ иностранныхъ выраженіяхъ признательность за угощеніе и назавъ пензенскій балъ вторымъ послѣ московскаго.

3-го сентября, также въ 6 часовъ утра, государь во второй разъ присутствовалъ на маневрахъ. Никакой предварительной диспозиціи объявлено не было, и никто изъ генераловъ не былъ предупрежденъ о распоряженіяхъ, какія его величеству угодно было сдѣлать. Государь самъ изволилъ командовать, и движенія войскъ, до самой минуты начатія ихъ никому неизвѣстныя, совершались съ быстротою и точностью. Нижнимъ чинамъ пожаловано опять по рублю, по фунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка.

Послѣ маневровъ, продолжавшихся болѣе шести часовъ, государь изволилъ быть на обѣдѣ, данномъ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ въ устроенной для того на горѣ, въ виду города, палатѣ. По окончаніи обѣда его величество отправился въ артиллерійскій лагерь, гдѣ, послѣ осмотра внутренняго устройства артиллериі, всѣмъ былъ совершенно доволенъ.

Высочайшее пребываніе въ Пензѣ и въ Пензенской губерніи означеновано было многими щедротами: во множествѣ были розданы драгоценныя подарки и денежныя пособія. Городу Пензѣ, для укрѣпленія берега рѣки, пожаловано 20.000 р. ассигнаціями.

Наканунѣ отѣзда его величества поздно вечеромъ имѣли счастіе получить: князь Горчаковъ осыпанную брилліантами табакерку съ портретомъ; баронъ Толь—Александровскій орденъ; губернаторъ Лубяновскій—Владимирскій орденъ 2-й степени.

4-го сентября въ 7 часовъ утра, государь изволилъ отправиться изъ Пензы по симбирскому тракту; въ городѣ Городищахъ изволилъ кушать и въ 5 часовъ по полудни былъ уже за границею Пензенской губерніи.

Съ отбытиемъ изъ Пензы его императорскаго величества, все пришло въ прежнюю колею, обѣ этомъ событий осталось одно только воспоминаніе, и теперь мало уже осталось ему современниковъ.

Въ числѣ лицъ, составлявшихъ въ то время свиту государя, былъ и нынѣшній генераль-фельдмаршалъ графъ Бергъ, въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба; князь Горчаковъ, впослѣдствіи намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, былъ оберъ-квартермистромъ 1-й арміи, въ чинѣ полковника.

Но я забылъ сказать, что въ день прибытія его величества въ Пензу, въ устроенной для бала галлерѣѣ былъ данъ дворянствомъ

¹⁾ Теперь во второмъ мужу Золотарева.

большой обѣдь, на который были приглашены весь генералитетъ и штабъ-офицеры. Во время тостовъ за здравіе государя императора и всей августейшей фамиліи, подвѣзенная артиллерія гремѣла безъ умолку. Постройка галлереи и всѣ издержки на этотъ обѣдь и балъ обошлись въ 70.000 рублей. Купечество также устроило балъ; для этого, бывшая въ городскомъ саду галлерея была нарочно перестроена съ перенесенiemъ на другое мѣсто. Государь удостоилъ принять и этотъ балъ; но когда всѣ собрались, прѣѣхавшій генераль-адъютантъ объявилъ, что вслѣдствіе полученія какихъ-то важныхъ бумагъ, требовавшихъ немедленнаго занятія, его величество быть не можетъ.

Между тѣмъ губернаторъ нашъ, О. П. Лубяновскій, видя меня въ обществѣ и, видно судя по моему росту, что я старѣе тѣхъ лѣтъ, какія имѣлъ действительно, какъ-то при свиданіи съ отцомъ моимъ спросилъ его, почему онъ не опредѣляетъ меня на службу? Отецъ воспользовался этимъ случаемъ и просилъ губернатора опредѣлить, вмѣстѣ со мною, и брата моего; но какъ ему было только 13 лѣтъ, то просилъ, чтобы онъ былъ только зачисленъ, а между тѣмъ было бы ему позволено продолжать ученіе; на что губернаторъ и изъявилъ согласіе. Это было въ послѣдніхъ числахъ мая 1825 г.; отецъ написалъ намъ просьбы, я обѣ переписалъ, братъ подписалъ (еще по линейкамъ) одну изъ нихъ, и мы всѣ трое отправились (помнится, это было 30-го числа) сперва въ церковь отслужить молебенъ, а оттуда къ губернатору. Просьбы наши были приняты, и 3-го июня мы оба опредѣлены въ штатъ губернскаго правленія копистами. Братъ остался дома, а я на другой же день отправился на службу.

По распоряженію секретаря, Герасима Макаровича Лысова, я поступилъ въ сенатскую экспедицію, гдѣ столонаачальникомъ былъ Петръ Леонтьевичъ Андреевъ, за мѣсяцъ предъ тѣмъ получившій первый классный чинъ. Наступили послѣднія числа мѣсяца, когда обыкновенно дѣлалась раскладка жалованья, и мнѣ, къ моему собственному и товарищамъ моимъ удивленію, за этотъ же мѣсяцъ положено жалованье десять рублей ассигнаціями, тогда какъ назначеніе жалованья новому канцелярскому служителю обыкновенно дѣлалось чрезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ службы и въ количествѣ болѣе ограниченномъ. Теперь окладъ этотъ, составляющій менѣе трехъ рублей серебромъ, показался бы ничтожнымъ и смѣшнымъ; но въ то время, когда и столонаачальники правленія получали только по 33 р. въ мѣсяцъ, а высшій окладъ канцелярскихъ служителей, и то уже давнишнихъ, составлялъ 20 р. въ мѣсяцъ,—такое ко мнѣ, молодому мальчику, вниманіе произвело въ товарищахъ моихъ волненіе и зависть. Но для меня это было все равно; я, признаюсь, не помнилъ себя отъ восхищенія, имѣя въ

своемъ распоряженіи такую сумму, пріобрѣтеніемъ которой былъ обязанъ собственно самому себѣ и своимъ трудамъ.

Во мнѣ было уже столько понятія, что я хорошо сознавалъ необходи-
мость доказать мое усердіе ближайшимъ начальникамъ и держать себя
на виду начальниковъ старшихъ. Я началь съ того, что трудился,
сколько былъ въ силахъ, бывая у должности неупустительно каждый
день и по утру и послѣ обѣда, между тѣмъ, какъ товарищи мои иногда
дозволяли себѣ не приходить, кто утромъ, кто вечеромъ. Оказывая
полное уваженіе старшему начальству, т. е. членамъ и секретарю, я
никакъ не позволялъ себѣ пропустить какой-либо торжественный день,
чтобы не побывать у всѣхъ съ поздравленіемъ, чтѣ дѣлали и другое,
старше меня. Теперь это почти вывелось и также покажется смѣш-
нымъ; но тогда, 75 лѣтъ назадъ, были другія понятія. Младшіе вовсе
не считали за стыдъ оказывать уваженіе старшимъ, какъ считаются
нынѣ, а я былъ въ очевидномъ выигрышѣ: усердіе мое къ службѣ хва-
лили и цѣнили, а старшіе начальники, видя мое къ нимъ уваженіе, и
сами всегда были ко мнѣ ласковы и привѣтливы. Отца и мать моихъ
это очень радовало, и первому часто приходилось слышать похвальные
о мнѣ отзывы.

Едва прошли двѣ недѣли послѣ перевода моего въ губернскую кан-
целярію, какъ Пенза была взволнована и приведена въ глубокую го-
ресть сперва частнымъ, а потомъ официальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ
государя императора Александра Павловича. Напрасно старался бы я
описать непрітворную, сердечную печаль всѣхъ и каждого, она была
тѣмъ глубже, что только съ небольшимъ годомъ назадъ мы видѣли его
посреди насы веселымъ, полнымъ благости и въ цвѣтущемъ здоровьѣ.
Роковое извѣстіе получено было съ курьеромъ, въ понедѣльникъ 7-го
декабря, утромъ, и тотчасъ же раздался съ соборной колокольни благо-
вѣстъ большого колокола, призывавшій къ слушанію панихиды по усоп-
шемъ вѣнценосцѣ и къ принесенію присяги императору Константину
Павловичу. Храмъ мгновенно наполнился рѣдавшимъ народомъ; горе
было общее. Началось богослуженіе; совѣтникъ губернскаго правленія,
Степанъ Михайловичъ Поповъ, которому поручено было читать указъ
Правительствующаго Сената, возвѣщавшій невозвратимую потерю, отъ
слезъ, едва быть въ состояніи окончить чтеніе. Затѣмъ, началась при-
сяга и подписаніе присяжныхъ листовъ. Всё это продолжалось очень
долго; потомъ всѣ разошлись, полные невыразимой печали.

Но неизповѣдимыя судьбы Всевышняго готовили для Россіи новую,
никѣмъ неожиданную перемѣну: чрезъ немногіе дни, еще въ декабрѣ же,
новый курьеръ привезъ высочайшій манифестъ о вступленіи на пре-
столъ государя императора Николая Павловича, а съ почтою получены
подробныя извѣстія о прискорныхъ событіяхъ 14-го декабря.

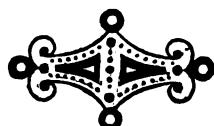
Годъ прошелъ незамѣтно; съ окончаніемъ годового траура по императорѣ Александрѣ Павловичѣ, общественныя удовольствія начались по-прежнему и, въ день тезоименитства императора Николая Павловича, 6-го декабря, я былъ на большомъ балѣ, данномъ губернаторомъ Любяновскимъ. Это было первое мое появленіе въ свѣтъ и съ того времени, одинъ разъ навсегда, я получилъ отъ губернатора приглашеніе на всѣ будущіе балы и танцевальные вечера въ его домѣ.

Балы тогдашніе не были похожи на нынѣшніе. Не было той роскоши въ нарядахъ, въ которой теперь свѣтскія дамы стараются, такъ сказать, перегнать одна другую; туалеты ихъ были не такъ затѣйливы; не было и существующаго теперь обыкновенія взаимно критиковать эти наряды. Собирались веселиться—и веселились. На балы приглашались къ 7-ми часамъ, тогда какъ теперь собираются въ 11. Конечно, и тогда къ 7-ми часамъ не собирались; но тѣ, которые прїѣзжали въ 8, заставали балъ уже начавшимся. Балы открывались обыкновенно польскимъ; затѣмъ слѣдовалъ неизбѣжный экосезъ. Потомъ начинались кадрили съ шеномъ; вальсъ, матралуръ, попури, вальсъ-козакъ, галопъ. Танцевали иногда мазурку, но никогда не больше, какъ въ четыре пары, ежели только находились лица, умѣвшія танцевать этотъ живописный танецъ. Тогда, около танцевавшихъ собирались всѣ присутствовавшіе, оставивъ карты, потому что и дѣйствительно было что посмотреть. Это былъ настоящій балетъ; плохо танцевавшіе не рѣшались въ немъ участвовать. Но я обыкновенно былъ въ числѣ танцевавшихъ; по большей части дамами моими были или младшая дочь губернатора, или его племянница. Все оканчивалось веселымъ котильономъ и по-томъ переходили къ ужину. За ужиномъ подавалось тогда и горячее, какъ за обѣдомъ: супъ и проч. Ужинали за однимъ столомъ; обыкновенія ужинать за отдѣльными столиками еще не было. Послѣ ужина танцевали иногда гроссфатеръ: тутъ рѣзвостямъ и бѣготнѣ конца не было. Подъ предводительствомъ первой пары, танцевавшіе весело мчались чрезъ всѣ открытые комнаты, не ограничивая себя одною бальною залою. Было не мыслимо, чтобы кто-либо изъ присутствовавшихъ молодыхъ мужчинъ позволилъ себѣ не танцевать; не пригласить къ танцамъ оставшуюся безъ кавалера даму считалось невѣжливостію. Но не одна только молодежь участвовала тогда въ танцахъ; отъ участія въ нихъ не отказывались и пожилые, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ на гг. Жедринскаго, Бровцына, Путяту, Полякова и другихъ, хозяева всегда разсчитывали. Между тѣмъ, каждому изъ этихъ господъ было за 50 лѣтъ; всѣ они были украшены орденами. Вообще—всякій, кто захочеть принять на себя трудъ сравненія двухъ эпохъ, тогдашней и нынѣшней, когда молодые люди щеголяютъ отказами отъ танцевъ и невниманіемъ къ дамамъ, предпочитая имъ карты или

бильярдъ,—согласится, что въ первую изъ этихъ эпохъ жили несравненно веселѣе, нежели живутъ теперь. Мыъ возражаютъ иногда теперь, говоря, что я сужу пристрастно и что въ старое, доброе время мыъ было веселѣе потому только, что я былъ тогда молодъ. Съ этимъ я никакъ не соглашусь; веселѣе было просто потому, что было веселѣе, и потому, что тогда, безъ всякаго сомнѣнія, умѣли веселиться лучше выѣшняго.

Бывало,—не говоря уже объ удовольствіяхъ большаго свѣта, моложедь обоего пола соберется въ которомъ-нибудь изъ знакомыхъ домовъ, на святки, въ маскарадныхъ костюмахъ. Чего тутъ не было? И маскарадъ, и танцы, и фанты, и гаданья. И опять здѣсь веселилась не одна только молодежь; люди серьезныхъ лѣтъ не считали себя стариками и не представляли изъ себя философовъ; они весело раздѣляли эти удовольствія, и даже сами ихъ заводили; молодымъ людямъ это нравилось и придавало имъ еще больше веселости. Спрашиваю: есть ли теперь что-либо подобное? О святочныхъ вечерахъ, маскарадахъ, гаданьяхъ, нѣть и помина; молодые люди, съ серьезными физіономіями, представляютъ изъ себя мыслителей, рѣшающихъ судьбы настоящей минуты и, что еще смѣшнѣе, думаютъ, что они таковы въ дѣйствительности. Прошло незабвенное, золотое, веселое время; прошло и больше не возвратится.

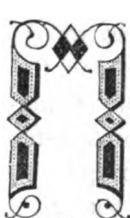
Но я заговорился, увлекшись воспоминаніями; старики обыкновенно любятъ говорить о тѣхъ дняхъ, которые, много лѣтъ назадъ, канули въ Лету, и не я одинъ бываю виноватъ въ этомъ отношеніи.

Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году.

V¹).

оказанія подсудимыхъ и приконосовенныхъ къ нимъ лицъ были представлены епископу Иринею, который, 15-го января 1813 года, препроводилъ ихъ съ своимъ мнѣніемъ на разсмотрѣніе архіепископа ѡеофилакта.

Ириней полагалъ: 1) священнику Мурзакевичу запретить священнослуженіе и удалить отъ церкви; 2) протопопу Звѣреву и священнику Соколову запретить только священнослуженіе и поступки ихъ вмѣстѣ съ поступками Великанова и Мельникова представить на разсмотрѣніе гражданскаго вѣдомства.

Мнѣніе еп. Иринея поражаетъ своею непослѣдовательностью и несправедливостью. Онъ вовсе не «принялъ въ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла», а только нѣкоторыя, и имъ даетъ совершенно ложное освѣщеніе; онъ не принялъ въ соображеніе ничего, что такъ или иначе клонится къ оправданію подсудимыхъ, и, наоборотъ, имѣлъ въ виду лишь тѣ обстоятельства, которыя можно было направить къ ихъ обвиненію.

Разсмотрѣвъ дѣло, архіепископъ ѡеофилактъ писалъ Иринею ²⁾:

«Преосвященнѣйшій владыко, любезный братъ о Христѣ! Согласенъ я съ мнѣніемъ вашего преосвященства (о томъ, что означенное дѣло подлежитъ разсмотрѣнію гражданскаго правительства); но поелику на-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

²⁾ 16-го января 1813 г. Дѣло дух. конс., л. 59-й.

рушение должности судится обыкновеннымъ порядкомъ, въ уголовной палатѣ, а для разбирательства тѣхъ, кои употреблялись французскимъ правительствомъ въ разныя порученія, учреждена въ Москвѣ, по высочайшему повелѣнію, особая комиссія, куда и главноуправляющему Смоленской губерніей, господину сенатору, калужскому гражданскому губернатору П. Н. Каверину, высочайше повелѣно отсылать всѣхъ таковыхъ, какого бы званія они ни были, то рекомендую вашему преосвященству учинить слѣдующее:

1) Губернского секретаря Н. Великанова нынѣ же препроводить къ его превосходительству Павлу Никитичу Каверину по-надлежащему, а поступокъ бывшаго смоленского полицеемейстера Мельникова представить разсмотрѣнію и поступленію по законамъ здѣшнему губернскому правленію.

2) О свящ. Мурзакевичѣ съ протопопомъ Звѣревымъ и св. Соколовымъ, о коихъ, какъ остающихся безъ наказанія, блазнится и духовенство, и публика, по отобраніи у нихъ граматъ и, если есть, указовъ, съ запрещенiemъ священнодействія и благословенія рукою и по взятіи подписки, чтобы до рѣшенія дѣла никуда они изъ города не отлучались, представить на главное благоусмотрѣніе Свят. Прав. Синода, помѣстивъ, между прочимъ, въ свое мѣсто представлениіи и сіе обстоятельство, что протопопъ Звѣревъ, хотя въ послужномъ спискѣ одобряется за прежніе годы, но и не малое падаетъ на него подозрѣніе по причинѣ связи его съ учителемъ смол. губернской гимназіи Ефремовымъ, который женатъ на его дочери и былъ генеральнымъ секретаремъ во французскомъ муниципалитетѣ, здѣсь существовавшемъ, за чтѣ онъ и содержится теперь подъ стражей».

На другой день, 17-го января, подсудимымъ было официально запрещено священнослуженіе, благословеніе рукою и отлучка изъ города, и взяты въ томъ подписки. Ставленническія граматы Мурзакевича и Соколова, по ихъ заявленію, были похищены вмѣстѣ съ прочими документами во время нашествія французовъ, а у Звѣрева вмѣстѣ съ указомъ о награжденіи скучью — сгорѣли при пожарѣ дома тогда же. О Великановѣ же полицеемейстеръ Цитреусъ еще до полученія распоряженія Феофилакта сообщилъ, что онъ 16-го января по утру взять полицеемъ прямо изъ присутствія консисторіи и отосланъ къ подполковнику Устьянцеву для содержанія съ подобными ему подъ карауломъ; дѣло же о немъ съ приложеніемъ двухъ французскихъ подлинныхъ «цидулокъ»¹⁾ отослано къ главноуправляющему Смол. губ. П. Н. Каверину, который

¹⁾ О квартирѣ въ его домѣ и о бытіи ему членомъ муниципалитета.

чрезъ губернатора, барона К. И. Аша, препроводилъ его въ Москву, въ комиссию для разбора дѣлъ обѣ измѣнѣй.

Дѣло же о встрѣтѣ Наполеона съ резолюцію Иринея и отзывомъ Феофилакта было отправлено 23-го января 1813 г. на разсмотрѣніе Святѣшаго Синода.

Въ началѣ іюня 1813 г. послѣдовалъ указъ Св. Синода, отъ 18-го мая, которымъ всѣ распоряженія Феофилакта по дѣлу Мурзакевича и его сослуживцевъ были утверждены. Епископу же Иринею предписывалось уведомить Синодъ о рѣшеніи по этому дѣлу гражданскаго начальства.

Междудѣмъ дѣло было передано въ смоленскую уголовную палату. Феофилактъ 7-го сентября уѣхалъ въ Могилевъ, а Иринею былъ перемѣщено въ Киевъ съ званіемъ епископа чигиринскаго и викарія кіевской митрополіи.

5-го сентября 1813 г. прибылъ вновь назначенный въ Смоленскъ епископъ Іоасафъ (Срѣтенскій), бывшій викарій новгородскій. «По виду суровый, по душѣ благій», — замѣчаетъ о немъ о. Никифоръ. Правиль онъ смоленскою епархией до 1821-го года и оставилъ по себѣ память «юриста, практико усвоившаго знаніе законовъ»¹).

При немъ дѣло Мурзакевича прияло благопріятный оборотъ.

Прежде всего, смоленская уголовная палата рѣшеніемъ своимъ отъ 24-го марта 1814 г. оправдала подсудимыхъ священниковъ.

Священникъ Никифоръ Мурзакевичъ, сказано въ постановлѣніи палаты, кромѣ подносу имъ Наполеону просвиры, также въ другомъ ни чемъ не доказанъ, и по сдѣланному, по предписанію палаты, смоленскимъ полицейскимъ правленіемъ изслѣдованію, оказалось: онъ, Мурзакевичъ, во время нашествія въ здѣшній городъ Смоленскъ непріятеля, находился при раненыхъ Россійскихъ офицерахъ и солдатахъ съ повѣшеннюю на шее его иконою Божіей Матери, и въ то же самое время, при разломаніи непріятелемъ архіерейскаго дома и ризницы, ону избавилъ отъ грабежа и оставилъ все въ цѣлости. А при выгнаніі непріятеля изъ Смоленска, когда вознамѣрились и Одигітровскую церковь также разграбить и снять колокола, не допустилъ и до онаго, за что былъ бить, дранъ за волоса и бороду.

Въ подносы же выписанной просвиры, почесть можно, послѣдовало не по чому иному, какъ изъ одной робости, и тогда, когда онъ несть для большого мѣщанина, по зову коего шелъ исповѣдывать и причащать его; за что и слѣдовало

¹) Истор.-стат. оп. см. еп., 143.

бы сдѣлать съ нимъ по подсудности, по правиламъ церковнымъ, какое-либо положеніе здѣшней духовной консисторіи, но, вмѣная ему выше-писанное и запрещеніе священнослуженія и удаленіе оть церкви съ начала производства о семъ дѣла, — также оставить свободнымъ¹⁾.

До рѣшенія уголовной палаты всѣ подсудимые оставались безъ мѣстъ и безъ содержанія. На представление епископа Іоасафа послѣдовалъ 8-го іюля 1814 года указъ Синода, чтобы бывшимъ подсудимымъ было разрѣшено священнослуженіе, и они были немедленно опредѣлены по церквамъ по усмотрѣнію Іоасафа. Архіерей потребовалъ отъ консисторіи справку объ имѣющихся на лицо въ Смоленскѣ свободныхъ священническихъ мѣстахъ.

Пока консисторія наводила справки о праздныхъ мѣстахъ, епископъ Іоасафъ получилъ отъ члена Св. Синода, Амвросія, митрополита новгородскаго, письмо, гдѣ онъ, по порученію Св. Синода, объявлялъ Іоасафу, чтобы онъ бывшихъ подъ судомъ протопопа и священикъ опредѣлилъ къ тѣмъ же церквамъ, гдѣ они и прежде были, а прикомандированнымъ во время ихъ «бытія подъ судомъ» священникамъ дать бы мѣста по своему усмотрѣнію.

Въ силу этого еп. Іоасафъ указомъ 26-го іюля приказалъ: опредѣлить священника Мурзакевича къ Одигитріевской церкви.

VI.

Такъ кончилось печальное дѣло объ измѣнѣ, въ которомъ больше всѣхъ досталось Мурзакевичу. Страданія, вынесенные имъ за это время, оставили на душѣ его тяжелый слѣдъ. Хотя страсть къ книжнымъ занятіямъ и не угасла въ немъ, и, окончивъ «Евангельскую исторію», онъ въ 1815 г. принялъ за составленіе «Жизни апостоловъ Петра и Павла», но прежней бодрости и ясности душевной онъ уже навсегда лишился.

Съ виѣшней стороны положеніе его, если не улучшилось, то и не измѣнилось: онъ сохранилъ уваженіе къ себѣ лучшихъ представителей общества. Новый архіерей Іоасафъ относился къ нему благосклонно.

Въ 1816 г. 17-го мая прибылъ въ Смоленскъ великий князь Николай Павловичъ. 18-го мая въ праздникъ Вознесенія, онъ слушалъ литургію въ соборѣ, потомъ посѣтилъ Воротнюю церковь, гдѣ передъ его прїездомъ возложили на чудотворный образъ Богоматери новую серебряную трехпудовую ризу. Послѣ обѣда онъ посѣтилъ школу кан-

¹⁾ Дѣло См. конс. № 50, л. 104—105.

тонистовъ на Казанской улицѣ и осматривалъ королевскій бастіонъ, гдѣ генералъ Паскевичъ разсказывалъ ему ходъ сраженія 5-го августа. Сюда же былъ вызванъ Паскевичемъ, на всякий случай, и о. Никифоръ, какъ историкъ г. Смоленска. И дѣйствительно, когда Николай Павловичъ спросилъ: «кто и когда эту крѣпость устроилъ», генералъ Кутузовъ указалъ на о. Никифора, говоря: «вотъ смоленскій историографъ; онъ это знаетъ».

Великій князь, подойдя къ Мурзакевичу, просилъ его надѣть шляпу и, самъ надѣвъ свою, спросилъ: «когда эта крѣпость устроена, кѣмъ и по какому случаю?» О. Никифоръ рассказалъ все подробно. Кто-то изъ генераловъ спросилъ о постройкѣ собора, и на это былъ данъ обстоятельный отвѣтъ.

Генералъ Паскевичъ оказалъ великому князю:

— Этотъ батюшка былъ здѣсь на батареѣ и со крестомъ и св. водою ободрялъ солдатъ, пріобщалъ раненыхъ и хоронилъ убитыхъ.

— Какъ могли вы тутъ подъ картечами упѣхнуть? — спросилъ великий князь.

— Онъ летали мимо моей шляпы, но меня не касались, — отвѣчалъ Мурзакевичъ. Для меня опаснѣе было 5-го августа быть въ шанцахъ, когда французы овладѣли офицерскою и солдатскою слободами и бросились въ шанцы въ штыки. Здѣсь я видѣлъ, какъ наши стрѣлки выгнали французовъ изъ солдатской слободы, а граждане со стѣны бросали на нихъ каменьемъ. Да и самого Наполеона я видѣлъ, на бѣломъ конѣ съ ватагою польскихъ улановъ разѣзжавшаго за Чортовымъ рвомъ.

— Этотъ батюшка, — замѣтилъ Кутузовъ, — «Смоленской исторіи» напечаталъ первую книгу, а теперь собираетъ записки и надѣется скоро вторую книгу издать.

— Скоро выдать не могу, — отвѣтилъ его выночеству Мурзакевичъ, — ибо въ книгахъ терплю нужду для усовершенствованія первого изданія о древностяхъ города; книги, какія при первомъ изданіи были, подарили въ кадетскій корпусъ, а другія разграблены.

Великій князь снялъ шляпу и сказалъ:

— Благодарю васъ покорно за ваше объясненіе. А вы, отецъ мой, благословите и помолитесь объ искренне любящемъ васъ¹).

Вѣроятно, въ это время о. Никифоръ познакомился съ генералъ-маіоромъ Ал. Александромъ Писаревымъ. Онъ былъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа и въ это время занимался собираниемъ материаловъ по истории 1812 года, которые и издалъ въ 1817 г. подъ заглавіемъ «Военные письма» (2 тома, Москва). 17-го іюля 1816 года Мурзакевичъ

¹) Изъ письма о. Никифора къ арх. Виктору.

по его приглашению былъ у него въ домѣ въ с. Шиловичахъ (недалеко отъ Смоленска), рассказывалъ ему о 1812 годѣ и такъ понравился ему, что между ними возникла задушевная переписка, главнымъ образомъ, по поводу историческихъ вопросовъ. Въ своихъ письмахъ Писаревъ называетъ о. Никифора: «почтенный мой іерархъ (?) и сообщаетъ о своихъ хлопотахъ по устройству судьбы его сочинений («Жизнь Иисуса», «Исторія откровенія») передъ княземъ Голицынымъ и т. п. Въ «Военныхъ письмахъ» Писаревъ подробно упоминаетъ о подвигахъ Мурзакевича въ 1812 г. и о его литературныхъ трудахъ.

Въ этомъ случаѣ онъ пользовался не только рассказами Мурзакевича, но и официальнымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ послѣднему генераломъ Паскевичемъ. Вотъ это свидѣтельство:

«Дано сіе Одигитріевской церкви въ г. Смоленскѣ священнику Никифору Мурзакевичу въ томъ, что дѣйствительно онъ, Мурзакевичъ, 1812-го года былъ при мнѣ во время сраженія подъ Смоленскомъ, 4-го августа на батареѣ въ королевскомъ проломѣ, окропляя св. водою и имѣя крестъ въ рукахъ, укрѣплять мужество солдатъ моихъ, сражавшихся храбро съ непріятелемъ, присутствуя самъ между стрѣлками; исповѣдывалъ раненыхъ и пріобщалъ Св. Тайнамъ; не щадя собственной жизни, былъ до конца сраженія подъ пулями и картечами съ малолѣтнимъ своимъ сыномъ. Я вмѣняю себѣ въ пріятѣйшую обязанность за столь похвальный поступокъ довести нынѣ до свѣдѣнія начальства, ибо на представленіе мое тогда къ бывшему командиромъ г. генералу-отъ-кавалеріи Раевскому о награжденіи его онъ ничего до сего времени не получилъ. Въ чёмъ за подписаніемъ и съ приложеніемъ герба моей печати свидѣтельствую. Ноября 3-го числа 1816 года».

Это свидѣтельство Паскевичъ, будучи въ Смоленскѣ въ слѣдующемъ 1817 году, взялъ у Мурзакевича для представленія преосв. Іоасафу при письмѣ своеимъ слѣдующаго содержанія:

«23-го іюля 1817 г. Преосвященный владыко! Командуя 26-ю пѣхотною дивизіею въ сраженіи 1812-го года 4-го августа въ Смоленскѣ и удерживая непріятеля, со стороны королевского пролома, отъ сильной непріятельской канонады и ружейного огня, я имѣлъ много раненыхъ и умирающихъ на мѣстѣ солдатъ, требовавшихъ тогда, по закону нашему, для исповѣданія и причащенія Св. Таинъ священника. По требованію моему явился тогда со крестомъ въ рукахъ Одигитріевской церкви священникъ Никифоръ Мурзакевичъ. Исповѣдуя и пріобщая Тайнами умирающихъ, примѣромъ своимъ ободряя стрѣлковъ и неустрашимо во все время былъ въ сраженіи съ 12 лѣтнимъ своимъ сыномъ, носившимъ за нимъ святую воду. Я въ то время представляя начальству о вознагражденіи его за столь примѣрный и похвальный поступокъ, но, прибывъ съ дивизіею мою въ Смоленскѣ, нашелъ, что помянутый священникъ до

сего времени не вознагражденъ. Представляя о семъ вашему преосвященству вмѣстѣ со свидѣтельствомъ, мною даннымъ ему, Мурзакевичу, осмѣливаюсь утруждать ваше преосвященство мою всепокорнѣйшею просьбою о представлениіи вашемъ высшему начальству его, Мурзакевича, за ревность къ отечеству и примѣрный поступокъ въ столь критическое время, бывшее въ 1812 году, къ награжденію, каковыхъ удостоились полковые священники, по высочайшему повелѣнію, въ подобныхъ случаяхъ. Вашего преосвященства, моего милостиваго архипастыря, покорнѣйший слуга, Иванъ Паскевичъ».

Послѣ этого преосвященный Іоасафъ сталъ еще благосклоннѣе относиться къ о. Никифору.

Въ слѣдующемъ году, по представлению Іоасафа, о. Никифоръ былъ награжденъ изъ Синода скуфью (это была тогда высшая награда духовенства).

Паскевичъ, вообще, относился къ о. Никифору весьма сочувственно, не разъ бывалъ у него въ домѣ, обѣща позаботиться объ его дѣяхъ.

О. Никифоръ по-прежнему не оставлялъ своихъ историческихъ занятій. Такъ, въ 1817 году онъ началъ собирать бумаги о 1812-мъ годѣ. Правитель канцелярии губернатора барона Аша, Андрей Ивановичъ Ивановскій, женатый на дочери Аша, самъ любитель отечественной исторіи, предоставилъ Мурзакевичу возможность выписывать документы изъ дома. По совѣту Мурзакевича Ивановскій ввушилъ губернатору мысль о напечатаніи и обнародованіи возванія ко всѣмъ сословіямъ губерніи съ приглашеніемъ разыскивать рукописи и памятники старины, описывать ихъ, особенно же записывать воспоминанія о 1812-мъ годѣ, и все это прислать губернатору.

Къ сожалѣнію, ни «благородное дворянство», ни «почтенное духовенство», ни «другихъ сословій особы» не отозвались на этотъ призывъ! Тѣмъ не менѣе Мурзакевичъ занялся описаніемъ 1812-года на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ, и въ 1820 году чрезъ старшаго своего сына Илью представилъ начало этого «Описанія» графу Н. П. Румянцеву. «Безъ помощи и пособія едва-ли я его въ окончаніе приведу», писалъ ему при этомъ о. Никифоръ. И дѣйствительно, «Описание 1812-го года» не было окончено, и даже въ спискѣ сочиненій Мурзакевича, приводимомъ въ автобіографіи его сына Николая, не упоминается.

Въ августѣ 1818 г. Мурзакевичъ получилъ первое письмо отъ графа Н. П. Румянцева, въ которомъ онъ благодарилъ о. Никифора за высланную имъ по его просьбѣ «Исторію Смоленска» и за сообщеніе свѣдѣній о найденныхъ въ городской стѣнѣ учителемъ гимназіи Еленевымъ бумагахъ Петра Великаго и его генераловъ. Съ этого времени начинается между о. Никифоромъ и Румянцевымъ дѣятельная переписка.

По порученію Румянцева Мурзакевичъ добываетъ свѣдѣнія объ авторѣ «Скиеской Исторіи», вяземскомъ священникѣ Лызловѣ¹⁾, просыпаетъ ему рукопись «Исторіи Смоленска» іеромонаха Шупинскаго (1780 г.) и свои архивныя выписки, также «Описаніе жизни мученика Меркурія» и сдѣланный имъ рисунокъ его шлема и туфлей, покупаетъ на базарѣ за 25 р. «Хронографъ»; копается въ архивахъ, ищетъ старинныхъ рукописей по монастырямъ и церковнымъ колокольнямъ,ѣздить за ними по уѣздамъ въ Дорогобужъ и Вязьму, въ Вяземскомъ магистратѣ отыскиваетъ 2 рукописи: «Вяземскія писцовые книги» 7102 (1594) и 7124 (1616) г. (Волконскаго и Шипилова); гдѣ-то находитъ рукопись временъ Алексея Михайловича съ перечисленіемъ помѣстій Смоленскаго собора и списками съ грамотъ Алексея Михайловича къ разнымъ смоленскимъ воеводамъ и архіепископу Сильвестру; затѣмъ,—описаніе крѣпостей города Вязьмы съ ихъ артиллеріею и т. д. Наконецъ, єдетъ въ Рославль описывать таможній «Воеводскій архивъ», причисленный къ уѣздному суду.

О. Никифоръ просилъ у графа разрѣшенія посвятить ему свой трудъ «Жизнь апостоловъ Петра и Павла». Румянцевъ отказался, выразивъ, что онъ съ удовольствіемъ принялъ бы посвященіе ему какого-нибудь труда по Смоленской исторіи. Точно также Румянцевъ отказался пожертвовать что-либо для семинарской библіотеки и на бѣдныхъ бурсаковъ, такъ какъ онъ «избралъ уже себѣ кругъ издержекъ, которыхъ гораздо превышаютъ его средства».

За то большимъ благодѣяніемъ было для о. Никифора ходатайство Румянцева предъ А. Ив. Тургеневымъ, директоромъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, объ опредѣленіи на службу при канцеляріи его старшаго сына.

Желая быть независимымъ въ судьбѣ своихъ дѣтей отъ духовныхъ собратій, онъ всѣхъ почти своихъ сыновей направилъ по свѣтской службѣ. Въ 1825 г. преосв. Іосифъ²⁾ даже изъявилъ ему неудовольствіе на то, что онъ чрезъ университетъ выводить своихъ дѣтей изъ духовнаго сословія. Въ 1828 г. епископъ Іосифъ, не получивъ отъ соборянъ на свои вопросы свѣдѣній о Чудотворной иконѣ Одигитріи, обра-

¹⁾ Эта исторія, написанная въ 1692 г., найдена была въ подлинникѣ Мурзакевичемъ въ консисторскомъ архивѣ, куда попала изъ библіотеки ректора Константина Соколовскаго. Напечатана была дважды Новиковымъ въ Москве въ 1776 г. и въ Петербургѣ въ 1787 г. Розысканія и разспросы Мурзакевича, по просьбѣ Румянцева, привели его къ убѣждѣнію, что Лызловъ былъ священникъ, а не стольникъ, какъ напечатано въ изданіи Новикова.

²⁾ Епископъ Іосифъ Величковскій переведенъ былъ изъ Архангельска на мѣсто Іоасафа, назначенаго бѣлорускимъ архіепископомъ. Правиль Смол. епархію съ 3-го іюля 1821 г. по 17-е февр. 1834 г. „Пастырь кроткій, но болѣзнейный“, говорить о немъ о. Никифоръ о своемъ дневнике.

тился къ о. Никифору. Въ теченіе трехъ лѣтъ о. Никифоръ пересмотрѣлъ и собралъ все, что было написано объ этой иконѣ у византійскихъ и русскихъ историковъ, и въ 1831 г. представилъ преосвященному рукопись подъ заглавіемъ: «Краткое историческое изслѣдованіе о чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы, называемой Смоленской»¹⁾.

Труды о. Никифора въ 1829 г. читалъ пріѣхавшій на ревизію семинаріи инспекторъ Петербургской академіи, архимандритъ Иннокентій, докторъ богословія (впослѣдствіи известный «Иннокентій Херсонскій») и одобрилъ ихъ, посовѣтовавъ только избѣгать славянізмовъ, т. е. совершенно обратное тому, что совѣтовали о. Никифору Трескинъ и другіе его критики. Ученый ревизоръ просилъ о. Никифора даже переписать для него копіи съ «Четвероевангелія», «Жизни апостоловъ» и «Изслѣдованія о Смоленской иконѣ».

Это «изслѣдованіе» было послѣднію цептою Мурзакевича, принесеною имъ церкви и родному городу. Уже въ 1832 г. онъ записывается въ дневникѣ: «Напало на меня бездѣйствіе отъ старости или дѣятельности; усталость и тупозрѣніе».

Меньше, чѣмъ черезъ два года, предчувствіе его оправдалось: преболѣвъ немного, онъ 8-го марта 1834 г. года тихо скончался на 65 году жизни. Наканунѣ смерти онъ переслалъ въ правленіе семинаріи 50 р. для больныхъ сиротъ-семинаристовъ и 100 томовъ книгъ въ училище дѣтей канцелярскихъ служителелей (устроенное въ 1830 г. въ д. Хлѣбникова у Свирской ц.).

Отпѣвали и провожали тѣло его 11-го марта ректоръ семинаріи Леонидъ и инспекторъ Германъ съ нѣсколькими городскими священниками. Гробъ опустили въ могилу на Окопскомъ кладбищѣ (на мѣстѣ «окоповъ» Шеина) возлѣ стѣнъ алтаря.

Умеръ о. Никифоръ одинокимъ, такъ какъ четыре сына его находились въ разныхъ мѣстахъ на службѣ: Илья—въ Петербургѣ, въ канцеляріи ministra народнаго просвѣщенія, Константина въ Тобольскѣ—врачомъ, Иванъ—въ Ригѣ полковымъ священникомъ, и Николай въ Одессѣ—преподавателемъ исторіи въ Ришельевскомъ лицѣї. Послѣдній одинъ только пріѣхалъ въ Смоленскъ въ маѣ мѣсяца и принялъ наслѣдство, заключавшееся въ пяти рукописяхъ: 1) Исторія Божественного откровенія (хранится въ городскомъ музѣѣ), 2) Псалтиръ на русскомъ языке (находится у старьевщика на базарѣ), 3) Житіе ап. Петра и Павла (въ епархиальной библіотекѣ), 4) Изслѣдованіе о чудотворной

¹⁾ Не издана. 2 экземпляра этого изслѣдованія хранятся въ епарх. библіотекѣ, въ собр. рукописей П. А. Васильева.

иконѣ Одигитріи (тамъ же) и 5) Списокъ изобрѣтателямъ (находится неизвѣстно гдѣ).

Денегъ послѣ покойнаго осталось 5.000 рублей ассигнац., скопленныхъ трудомъ и лишеніями въ теченіе долгой трудовой жизни и заключавшихся въ десяти билетахъ. Въ предсмертномъ письмѣ своемъ сыну о. Никифору писалъ: «Николай, ежели я умру, не видавшись съ тобою, скажи прочимъ, что, я съ 1826-го года ¹⁾ переставши вамъ помогать, самъ нужду терпѣмъ, а для васъ положилъ, сколько могъ, въ Смоленское общественное призрѣніе. По смерти, когда соберетесь, возьмите».

Деньги были раздѣлены поровну между сестрою и четырьмя братьями. Изъ книгъ часть взялъ Николай Никифоровичъ съ собою въ Одессу для проектированной его другомъ М. М. Кирьяковымъ Новороссійской библиотеки, а остальная, до 1.000 томовъ, передалъ родному городу для основанія городской публичной библиотеки ²⁾.

«Одно обстоятельство меня порадовало—говорить Николай Никифоровичъ въ своей автобиографіи,—это разсказъ о томъ, какъ полгорода провожало покойнаго отца моего на Окапское кладбище, и какъ, по отшествію его въ міръ лучшій, воздали должное уваженіе его дѣламъ и характеру прямому».

И. И. Орловскій.

---

¹⁾ Когда все дѣти были уже выведены на дорогу и послѣдній изъ нихъ, Николай, учился на второмъ курсѣ Московскаго университета.

²⁾ Городская библиотека, учрежденная въ 1856 г. при губерн. Ахвердовѣ подъ именемъ „Библиотеки статистич. комитета“, вся была раскрадена безъ остатка. Теперь книги съ ея штемпелемъ и наклеенными на крышки переплета „правилами“ продаются у старьевщиковъ на базарѣ. Тамъ же можно видѣть и Ролена, Шрекка и др. книги изъ библ. Мурзакевича. Остатки комитетской библиотеки въ 80 годахъ были переданы въ управу, помѣшившуюся на мѣстѣ нынѣшняго общественнаго собранія; часть ихъ сохранилась до учрежденія въ 1889 г. городской библиотеки, куда и поступила.

Письма императрицы Марии Федоровны къ великиимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ¹⁾.

Num. 27.

Ce Mercredi, 16 Juin 1815.

Mes bons amis, je ne puis vous écrire longuement ce soir, je souffre toute l'après-dîné d'un mal de tête hémorroïdal des plus forts, j'ai peine à ouvrir les yeux. Je l'attribue au mauvais temps que nous avons depuis deux jours: aujourd'hui la pluie n'a pas discontinueé. Bonsoir, mes enfants, le reste, s'il plaît à Dieu, à demain; je vous embrasse de tout mon cœur.

Ce Jeudi, 17 Juin.

Mon mal de tête m'a duré toute la nuit et toute la journée; je ne me suis soulagée que depuis les 4 heures, et de moment en moment cela va de mieux en mieux. Ce n'est que présentement que je peux prendre la plume en main pour jaser avec vous, mes bons amis. Le bruit court que c'est aujourd'hui que nous passons le Rhin; cette pensée peut-être a augmenté mon mal de tête, car celle de savoir le sang couler me donne une agitation inexprimable. Que Dieu veille sur l'empereur, sur vous deux et sur tous les nôtres. J'ai à reprendre ma narration d'avant-hier après le dîner. Nous étions entre nous à l'exception de notre bon comte Miloradovitch; nous avons donc promené en ligne et avons fait le chemin de Sla-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, апрѣль 1903 г.

venka qui nous a bien fait penser à vous, mes amis, et à l'heureux temps où vous leviez le plan de cette situation. La pluie nous a surprises, mais la société n'en a pas été dérangée, quoique nous ayons eu aussi des éclairs. Nous avons passé la soirée sur le balcon de mon petit cabinet rond, et les gazettes nous étant arrivées, nous avons lu la description du champ de Mars. Voilà donc cette misérable nation qui proclame de nouveau le monstre dont il y a un an elle brisait les statues et pendait l'effigie. En vérité la réflexion s'arrête et l'indignation la plus profonde remplit l'âme; mais malheureusement cette scène d'exaltation donne une impulsion aux esprits pour lui, qui rendra le combat encore plus sanglant. Mes nouvelles sur la journée d'hier sont, chers enfants, que M-r de Sipäguin est veou me dire adieu, il n'a pas voulu s'arrêter, ainsi j'ai pris congé de lui dans la matinée. Vous sentez que nous avons beaucoup parlé de vous. Sa manière de penser, de voir me paraît des plus estimables, et certainement c'est une société qui je vous recommande; il me paraît vous aimer beaucoup et s'intéresser de coeur et d'âme à vous. Nous avons jasé une bonne demi-heure, il m'a promis d'être toujours bien vrai, bien sincère vis-à-vis de vous; il m'a fait vos éloges, et m'a dit entre autre qu'il avait été bien charmé de voir à plusieurs occasions que vous n'étiez pas prêts à croire au mal que vous entendiez dire des individus, mais qu'au contraire que vous les défendiez. A dîner j'ai vu le colonel Taube qui est venu de Krasno Sello pour me dire adieu. Après le dîner je l'ai fait entrer chez moi, il m'a remis l'incluse pour vous, cher Michel, et nous avons pris congé après qu'il m'ait encore bien parlé de l'attachement qu'il vous porte. Le bon vieux Zagriaski nous est arrivé de la ville après que sa femme l'avait retenu ces 4 semaines; il m'a demandé de vos nouvelles et se porte bien. Le mauvais temps nous avait conférés en chambre, et nous avons joué. Le général de Klinger est aussi des nôtres; pour aujourd'hui j'ai vu le général Tatistchef nouvellement arrivé. Votre bon Miloradovitch nous a quittés ce soir, il reviendra Dimanche et veut passer votre fête, cher Nikoche, chez moi: voilà une aimable attention. Le lendemain il part pour joindre les colonnes. Le comte et la comtesse Kotschoubei ont été des nôtres. Le temps s'est remis au beau, mais ma mauvaise tête m'a peiné deux jours très peu; mais grâce à Dieu, je me sens beaucoup mieux ce soir. Je n'ai pas de grandes nouveautés à vous dire d'ici, à l'exception de celle que notre aimable comtesse Orloff a passé la journée d'hier chez nous et est partie pour Moscou après souper; le comte Miloradovitch était très triste et abattu, et l'est encore aujourd'hui. Toutes nos pensées sont tournées sur le Rhin, et nous voudrions deviner ce qui s'y passe. On dit ici que Eugène Beauharnais s'est enfui et ne retourne en France! Cela est-il vrai? Bon-

soir, chers enfants, je me sens fatiguée et termine ces lignes en vous embrassant bien tendrement.

Ce Vendredi, 18 Juin.

Je me sens bien aujourd'hui, mes bons amis, mon mal de tête étant passé, elle ne m'est que faible encore, mais elle me paraît très forte en la comparant à son état d'hier. Je me suis promenée à pied avec Annette, elle avait déjà fait une petite tournée, mais elle a voulu faire cette seconde avec moi. Nous avons philosophé, mais en tâchant cependant de rendre notre philosophie douce, bonne, indulgente et non pas âpre et rude. Je reviens à vos lettres, chers enfants, et ne puis assez vous répéter, cher Nikoche, combien vos jugements sur Alexandrine me charment. Ils sont ceux d'un être qui cherche le bonheur véritable dans son union, qui ne veut pas la baser sur la passion, mais sur un examen réfléchi des qualités de celle à qui il veut donner la main: c'est baser votre félicité et celle d'Alexandrine que de penser et d'agir ainsi. Tout ce que vous me dites de cette intéressante et aimable jeune personne m'assure qu'elle sera bien reçue, bien vue et bien aimée chez nous; j'en augure de même une grande dose de bonheur pour moi, et par celui dont elle vous fera jouir, et par le sentiment que j'espère qu'elle me portera; quant à moi je suis très disposée à l'aimer tendrement et vous assure, cher Nikoche, que je lui porte déjà le plus vif et tendre intérêt. Il me paraît que la dame qui est près d'elle ne vous plaît guère; je voudrais que le père eût la confiance de la confier à mes soins, il ne s'en repentirait pas, et ce serait d'un bien essentiel pour la jeune personne. L'empereur vous a-t-il parlé d'elle?—D'où vient, mes bons amis, que vous ne me dites mot du bon général Konovnitzin, ni de l'honnête Sakrefski? Sipäguin m'a dit hier qu'il lui a écrit et lui a parlé de vous avec ses anciens sentiments. Faites leur mes compliments à tous deux. Informez vous chez Sakrefski, s'il est vrai qu'on publie, ou qu'on publiera, une gazette militaire au quartier général (les gazettes l'annoncent); en ce cas priez le de me l'envoyer. Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf, mes compliments à vos messieurs. Le général Achverdof, qui vient dîner chez moi quand il veut, est venu hier, il a été très réjoui de vos bonnes nouvelles et de tant de tendresse accordée à notre bon général. J'ai vu Block hier qui m'apporta ces deux petites feuilles pour vous. Joseph se porte bien et apprend bien. Vos petits finnois sont toujours les mêmes, ils ne grandissent pas, mais se portent bien; ils sont très occupés autour de nos fortifications. Je les ai fait ranger en ordre de bataille et marcher, ils me paraissent n'avoir pas démerité. Vous ai-je dit déjà que le comte Golovkin est des nôtres? Sa santé est constamment mauvaise et le force même de rester des jours entiers

chez lui; c'est bien, bien dommage. Sa femme est toujours la même et paraît étouffer, avec cela elle a un bras d'une épaisseur considérable. Voilà en vérité toutes et toutes mes nouvelles; toutes pauvres qu'elles sont, je vous les dis. Hier soir j'ai reçu une lettre du prince Paul (Nikoche, il me paraît vous voir), qui m'annonce avoir reçu son congé, qu'il a grandement et grandement mérité; il avait quitté son corps et la Russie sans permission, même l'empereur y avait encore beaucoup d'indulgence et même de la bonté. Je suis charmée de ne plus le voir à notre table, car il faisait honte à notre famille! Adieu, chers enfants, mes chers amis, que Dieu vous guide et vous maintienne dans vos principes. Veillez sur vos liaisons, relisez mes instructions et rappelez vous de mes conseils, alors la bénédiction divine reposera sur vous comme la mienne. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous aime inexprimablement.

Marie.

Tâchez de vous informer où se trouve le corps d'Eugène; on m'a dit qu'il avait eu ordre de marcher.

Miloradovitch nous a parlé hier d'un infortuné qui l'est devenu par une perte qu'il a faite d'un argent qu'il devait porter, le même jour qu'il avait perdu son enfant; il l'a perdu de sa poche; ce bon Miloradovitch fait une collecte pour lui; j'ai cru vous faire plaisir de vous y faire contribuer et j'ai ordonné à Block de donner de chacun de vos sommes quatre cent roubles: n'est-ce pas que vous m'en remercierez, mes amis!

Среда, 16-го июня 1815 г.

(Переводъ). Добрые друзья мои, не могу много писать вамъ сегодня вечеромъ; я страдаю сегодня съ самаго обѣда сильнѣйшою головною болью геморроидальнаго свойства и едва могу открыть глаза. Я приписываю это дурной погодѣ, которая началась со вчерашняго дня; сегодня весь день не переставая шелъ дождь. Прощайте, дѣти мои, напишу еще, если Богу будетъ угодно, завтра. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Четвергъ, 17-го іюня.

Головная боль продолжалась у меня всю ночь и весь день; мнѣ стало легче только съ 4-хъ часовъ, и теперь съ каждою минутою становится все лучше и лучше. Только теперь я могла взяться за перо, чтобы поболтать съ вами, добрые друзья мои. Говорить, будто мы переходимъ сегодня Рейнъ; быть можетъ, мысль объ этомъ усилила мою головную боль, такъ какъ я страшно волнуюсь, когда думаю, что кровь будетъ

пролита. Да хранить Господь императора, вѣсъ обоихъ и всѣхъ нашихъ. Буду продолжать разсказъ о томъ, что мы дѣлали третьаго дня послѣ обѣда. Кромѣ нашего доброго гр. Милорадовича, у меня были только свои; мы катались въ линейкахъ по дорогѣ въ Славянку, которая очень напомнила намъ вѣсъ, друзья мои, и то счастливое время, когда вы снимали планъ этой мѣстности; наскѣ засталъ дождь, но это не разстроило нашей компании, хотя и сверкала молнія. Вечеръ мы провели на балконѣ въ моемъ маленькомъ кругломъ кабинетѣ; въ это время были получены газеты, и мы прочитали описание парада на Марсовомъ полѣ; итакъ, эта жалкая нація снова восторженно принимаетъ то чудовище, статуи которого она разбивала и портреты которого она вѣшала годъ тому назадъ.

По истинѣ, всякия разсужденія смолкаютъ, и душою овладѣваетъ величайшее негодованіе; къ несчастью, эта восторженная сцена склоняетъ снова умы въ сторону этого чудовища, вслѣдствіе чего сраженіе будетъ еще кровопролитнѣе. Относительно новостей вчерашняго дня могу вамъ сказать, дорогія дѣти мои, что Сипягинъ прѣѣжалъ проститься со мною, но не хотѣлъ оставаться, поэтому я простилась съ нимъ по утру. Вы чувствуете, что мы много говорили о васъ. Я нахожу его образъ мыслей, его взглядъ на вещи въ высшей степени заслуживающими уваженія и, разумѣется, совѣтую вамъ пользоваться его обществомъ; мнѣ кажется, что онъ очень любить васъ и искренно интересуется вами; мы прополтали добрыхъ полчаса; онъ обѣщалъ мнѣ быть всегда вполнѣ правдивымъ и искреннимъ по отношенію къ вамъ; хвалилъ васъ и сказалъ между прочимъ, что ему было очень пріятно видѣть при разныхъ слу-чаяхъ, что вы не расположены вѣрить всему дурному, что вамъ приходится слышать о разныхъ лицахъ, но что, напротивъ, вы защищаете ихъ. За обѣдомъ я видѣла полковника Таубе, который прѣѣжалъ изъ Краснаго Села проститься со мною; послѣ обѣда я пригласила его къ себѣ, онъ передалъ мнѣ прилагаемое при семъ письмо для васъ, дорогой Михаиль, и мы простились, послѣ того какъ онъ еще разъ говорилъ о своей преданности къ вамъ. Изъ города прѣѣжалъ добрый старикъ Загряжскій, котораго жена задерживала въ теченіе 4-хъ недѣль; онъ спрашивалъ о васъ; онъ здоровъ. По случаю дурной погоды мы не могли выйти изъ комнаты и занимались игрою. Съ нами провѣль время также генералъ Клингеръ; я видѣла сегодня Татищева, который только-что прїѣхалъ. Добрый Милорадовичъ покинулъ насъ сегодня вечеромъ; онъ вернется въ воскресенье и хочетъ провести у меня день вашего рожденія, дорогой Никошъ; это очень любезно съ его стороны. На слѣдующій день онъ уѣзжаетъ къ своей части. У насъ были также графъ и графиня Кочубей. Погода исправилась, но моя несчастная голова не давала мнѣ покоя два дня; сегодня вечеромъ,

благодаря Бога, я чувствую себя гораздо лучше. Я могу сообщить вамъ весьма мало новаго; скажу только, что наша милая графиня Орлова провела вчера день съ нами и послѣ ужина уѣхала въ Москву; гр. Милорадовичъ былъ очень грустенъ и убить и не повеселѣть до сихъ поръ. Всѣ наши мысли обращены къ Рейну, и намъ хотѣлось бы угадать, чтѣ тамъ происходитъ. Здѣсь говорять, будто Евгений Богарне бѣжалъ и не вернется во Францію. Правда ли это? Прощайте, дорогія дѣти, я чувствую себя утомленной и заканчиваю эти строки, нѣжно цѣлую васъ.

Пятница, 18-го іюня.

Сегодня я чувствую себя хорошо, добрые друзья мои, такъ какъ головная боль у меня прошла; я чувствую еще только нѣкоторую слабость въ головѣ, но, по сравненію съ вчерашнимъ, она значительно окрѣпла. Я гуляла пѣшкомъ съ Аннетой; она раныше одѣла малень-кую прогулку, но захотѣла еще пройтись со мною; мы философствовали, но старались, чтобы наша философія была спокойная, добрая, смиренная, а не грубая и рѣзкая. Возвращаюсь къ вашимъ письмамъ, дорогія дѣти мои, и не могу достаточно повторить вамъ, дорогой Никошъ, какъ я восхищена вашими разсужденіями обѣ Александринѣ. Это мысли человѣка, который ищетъ въ бракѣ истинное счастье, который не основываетъ его на страсти, а на зреломъ обсужденіи качествъ той, съ которой онъ хочетъ идти рука объ руку; думая и поступая такимъ образомъ, вы упрочите счастье свое собственное и Александрины. Все то, что вы пишете мнѣ обѣ этой интересной и милой девушкѣ, даетъ мнѣ увѣренность, что она встрѣтить у насъ радушный приемъ, ласку и любовь; это предвѣщаетъ мнѣ также, что, видя счастье, которое она вамъ доставить, и тѣ чувства, какія, я надѣюсь, она будетъ питать ко мнѣ, я буду также очень счастлива; что касается меня, то я готова нѣжно любить ее и увѣрю васъ, дорогой Никошъ, что я уже питаю къ ней живѣйшее и искреннее расположение. Мнѣ сдается, что дама, состоящая при ней, вамъ вовсе не нравится; я хотѣла бы, чтобы ея отецъ довѣрилъ ее моему попеченію, ему не придется въ этомъ раскаяться, и это принесло бы весьма существенную пользу для этой молодой особы. Говорилъ ли съ вами о ней императоръ?

Какимъ образомъ, добрые друзья мои, вы не пишете мнѣ ничего о добромъ ген. Коновницынѣ и о честномъ Закревскомъ? Сипягинъ говорилъ мнѣ вчера, что онъ писалъ ему и отозвался о васъ съ прежнімъ чувствомъ. Передайте имъ обоимъ мой привѣтъ. Справьтесь у Закревского, правда ли, что при главной квартирѣ издается или будетъ издаваться (какъ пишутъ въ газетахъ) военная газета; въ такомъ случаѣ попросите его высыпать ее мнѣ. Искренний привѣтъ папашѣ Ламсдорфу

и поклонъ вашимъ кавалерамъ. Ген. Ахвердовъ, который пріѣзжаетъ обѣдать ко мнѣ, когда ему вздумается, былъ у меня вчера; онъ былъ очень радъ слышать о васъ добрая вѣсти и о столь нѣжномъ отношеніи къ нашему добруму генералу. Я видѣла вчера Блока, который принесъ мнѣ эти два листочка для васъ. Госифъ здоровъ и хорошо учится. Ваши маленькие финляндцы все въ томъ же положеніи, они не ростуть, но здоровы; они дѣятельно возятся возлѣ нашихъ укрѣпленій. Я велѣла поставить ихъ въ боевой порядокъ и заставить маршировать; кажется, они не провинились. Писала ли я вамъ, что графъ Головкинъ у насъ? Онъ все недомогаетъ и даже вынужденъ иногда не выходить цѣлыми днями изъ своей комнаты; это очень, очень жаль; его жена все та же, она какъ будто задыхается; при томъ у нея очень толстыя руки. Вотъ и вся наши новости; какъ онъ ни скучны, но я сообщаю ихъ вамъ. Вчера вечеромъ я получила письмо отъ принца Павла (мнѣ казалось, Никошъ, что я васъ вижу), въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ, что онъ уволенъ отъ службы, чтѣ онъ вполнѣ, вполнѣ заслужилъ; онъ покинулъ свою отрядъ и Россію безъ разрѣшенія; императоръ отнесся къ нему даже слишкомъ милостиво и снисходительно. Я очень рада не видѣть его болѣе за нашимъ столомъ; это былъ позоръ для нашей семьи! Прощайте, дорогія дѣти, дорогіе друзья мои, да наставитъ васъ Господь и да утвердить Онъ васъ въ вашихъ правилахъ; стѣдите за тѣмъ, въ какомъ обществѣ вы будетеращаться, за вашими связями; перечитывайте мои наставленія и не забывайте моихъ совѣтовъ; тогда Божіе и мое благословеніе будутъ надъ вами. Цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца и неизъяснимо люблю васъ. Марія.

Постарайтесь узнать, гдѣ находится корпусъ Евгения; мнѣ сказали, что онъ получилъ приказаніе выступить.

Милорадовичъ разсказывалъ намъ вчера объ одномъ несчастномъ, потерявшемъ деньги, который онъ долженъ былъ снести въ тотъ день, когда у него умеръ ребенокъ; онъ выронилъ ихъ изъ кармана; добрый Милорадовичъ дѣлаетъ въ пользу его сборъ; я думала, что вамъ будетъ приятно принять въ немъ участіе, и приказала Блоку дать отъ каждого изъ васъ по четыреста рублей; не правда ли, вы поблагодарите меня за это, друзья мои?

Num. 28.

Ce 18 Juin 1815.

Je viens de terminer, mes bons amis, une grande lettre de 4 pages pour le courrier d'aujourd'hui, et vous trace du plus vite ces lignes par la poste, me flattant toujours que vous aussi vous vous servirez de cette voie stable et uniforme qui, si elle ne favorise pas la confiance, du moins

porte la consolation dans le coeur par l'assurance de la bonne santé de ceux que nous chérissons, et c'est déjà un bonheur véritable. Je ne sais rien encore de notre journée; je crois cependant que je ferai dîner au Pavillon des roses, qui est bien joli et bien en fleur. Le petit temple, qui doit mettre à l'abri le monument d'Alexandrine, est terminé et est devenu charmant comme tout ce qui s'exécute d'après les dessins de Rossi. La sole de verdure qui a pris la place de la tente turque est de même bien belle et embellit bien plus la place que ne le faisait la tente. Qu'il me tarde de vous voir, mes enfants, et juger de ces nouveautés et nous trouver ensemble. Il me paraît que je n'aurais alors plus rien à désirer au monde. Adieu, mes bons amis, portez vous bien, conservez vous toujours religieux, innocents, purs, restez ce que vous êtes par le caractère et les principes et vous me rendrez constamment la plus heureuse des mères. Je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes me bénédictons.

Marie.

Je me donne quelques moments de satisfaction, mes bons enfants, en vous traçant encore ce peu de mots avant de me coucher. Notre journée s'est passée bien solitairement et tristement. L'averse n'a pas cessé de la journée et nous en sommes à 4 degrés de chaud; tout nage autour de nous.

18-го июня 1815 г.

(Переводъ). Я только-что окончила, добрые друзья мои, большое письмо въ четыре страницы, которое отправила съ сегодняшнимъ курьеромъ, а теперь пишу вамъ наскоро эти нѣсколько строкъ по почтѣ и льщу себя надеждою, что и вы изберете эту надежный и простой путь, ибо, хотя онъ не благопріятствуетъ откровенности, но по крайней мѣрѣ приносить сердцу отраду, давая намъ увѣренность, что тѣ, коихъ мы нѣжно любимъ, здоровы; это уже есть истинное счастье. Я не знаю еще, какъ мы проведемъ день, но думаю, что я прикажу подать обѣдъ въ Розовомъ павильонѣ, который очень красивъ и весь въ цвѣту; маленький храмъ, который будетъ защищать памятникъ Александрины, оконченъ; онъ прелестенъ, какъ и все исполненное по рисункамъ Россі. Лужайка, разбитая на мѣстѣ турецкой палатки, также очень красива и несравненно болѣе украшаетъ мѣсто, нежели палатка. Какъ мнѣ хотѣлось бы поскорѣе увидѣть васъ, дѣти мои, осмотрѣть вмѣстѣ съ вами эти новыя сооруженія и быть вмѣстѣ съ вами. Кажется, мнѣ не останется тогда ничего желать. Прощайте, добрые друзья мои, будьте здоровы, будьте всегда религіозны, невинны, чисты, оставайтесь такими, какъ вы есть,

по характеру и нравственнымъ правиламъ, и я всегда буду счастливый-шюю изъ матерей. Цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и посыпаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Доставляю себѣ еще нѣсколько минутъ удовольствія, добрыя дѣти мои, написавъ вамъ еще нѣсколько словъ до отхода ко сну. Мы провели сегодняшній день очень одиноко и скучно. Весь день шелъ проливной дождь и у насъ всего 4 градуса тепла; вокругъ настъ все тонетъ въ водѣ.

Num. 29.

Ce 19 Juin 1815. Samedi.

Je vous ai écrit deux fois dans la journée d'hier, mes bons amis, aussi je n'ai pas commencé à vous écrire encore le soir et me suis réservé ce plaisir pour aujourd'hui. Ce matin à mon réveil j'ai eu la grande satisfaction de recevoir vos aimables lettres de Francfort: elles ont été une vraie surprise pour moi, car d'après la célérité de votre voyage que vous avez fait très célérement, je supposais que vous ne vous étiez pas arrêtés du tout à Francfort. Je vous remercie, mes bons amis, de penser à moi, et vous assure que c'est contribuer de beaucoup au bonheur de mes jours; car je n'éprouve plus de jouissance, ni de satisfaction, qu'au moment des nouvelles de mes enfants. Vous avez été bien réjouis en trouvant le bon général Konovnitzin à Francfort. Comment le trouvez-vous par sa santé? D'où vient, mes enfants, que M-r de Wincengerode, Tchernichef et Wolkonski s'arrêtent à Francfort? Je partage bien l'opinion de ces messieurs et crains comme eux que la lutte sera des plus fortes. Les gazettes disent Napoléon rendu à l'armée aux environs de Laon, pour pouvoir se transporter de là où il sera attaqué. En attendant il fait publier que ses négociations avec l'Autriche vont bon train. Son esprit de perfidie, de calomnie est constamment le même, cependant il me paraît que le parti jacobin est bien fort, et que sous ce rapport il joue grand jeu, car il pourra le renverser avant qu'il ne s'en doute, car peu à peu on voit remonter en scène les gens les plus tarés sous le rapport du jacobinisme. Je vous remercie, cher Nicoche, de l'envoi de la brochure qui me paraît très intéressante. Vous êtes bien aimable d'avoir encore pensé à moi sous ce rapport. Répondez moi, mes enfants, sur les trois paquets d'estampes des vues que vous m'avez envoyés par le courrier du 2 de Heidelberg. Soyez sans inquiétude, cher Nicoche, sur mon opinion sur la figure d'Alexandrine, je me la présente sous les traits les plus agréables; je trouve même la figure du petit médaillon rappeler beaucoup la mère, ainsi elle ne peut que plaire; croyez, cher Nicoche, que mon coeur est bien disposé à l'aimer, elle n'a qu'à vouloir l'être, et elle le sera autant que vous!—c'est tout dire.

Vous ne me dites rien, mes chers amis, de Marie; il paraît donc que vous vous êtes manqués, ce qui lui fera beaucoup de peine. Avez-vous vu du moins à Weimar ses enfants et le prince héritaire; comment trouviez-vous les petits? J'ai fait prier M-r de Markéwitch à venir dîner demain chez moi et lui ferai vos commissions pour les fusils pour les petits princes, fils du roi et fils de la princesse Guillaume. Après avoir répondu à tous les points de votre lettre, je vous parlerai de notre journée d'hier. Nous avons dîné au Pavillon des roses, par un très beau temps; après que nous nous étions levés de table, Golovkine nous dit qu'il était arrivé une scène tragique pendant le dîner: un loup a eu l'audace de se jeter sur une vache du troupeau, qui paissait tout près de la décoration de Gonzague et lui a arraché un morceau de sa queue; le petit garçon qui paissait le troupeau a accouru la défendre, mais la pauvre bête était toute ensanglantée. Chreitton, qui était chez nous, est allé l'inspecter et nous a rassuré sur ses morsures, mais il a exigé de la séparer, craignant que ce ne fût un loup enragé, mais cependant il paraît que cela ne l'est parce qu'il s'est enfui lorsque le garçon a crié après lui. Cette histoire a fait événement, et toute triste qu'elle est, nous a donné par ses incidents quelques moments de gaieté vu l'amabilité de Golovkine. Le soir nous nous sommes promenés à pied et avons soupé à la maison, ayant dû me ménager encore, mais grâce à Dieu je me suis sentie très bien le soir. Pour aujourd'hui j'ai la peine de voir mon cheval malade, on a dû le saigner, ainsi j'ai fait ma promenade à pied. A dîner nous avons eu le comte Arakchéef, il a été des nôtres toute la journée. Le temps du très beau s'est mis au froid, cependant nous avons été en ligne, mais la pluie nous a chassés, vers le soir il est survenu, quoi qu'il n'y avait que 9 degrés de chaud, un violent orage, qui nous a engagés après souper de rester encore ensemble, Annette, la comtesse, la Nélidof, et sachant que Nélébinski l'attendait pour profiter de sa voiture, nous l'avons fait entrer et nous avons jasé jusqu'à ce que l'orage soit fini; cela nous a mené très tard. Ainsi bonsoir, mes bons amis. Toute à vous de cœur et d'âme. Le reste à demain.

Ce 20 Juin. Dimanche.

Quel temps, mes enfants, on ne s'en fait pas d'idée: il serait affreux au mois de Novembre, ainsi jugez combien il nous le paraît en Juin. Depuis que je suis en Russie je n'ai pas vu de saison pareille, il fait sombre, gris comme au fond de l'automne, une pluie battante toute la journée, un vent glacial, et au moment que je vous écris ce soir seulement 6 degrés de chaud. Mon petit jardin nage, et on dit les chemins gâtés. Quelques personnes prétendent avoir vu des flocons de neige, je ne les ai pas vus, mais cela ne m'étonnerait pas. J'ai eu cependant à mon

grand étonnement assez de monde: le prince Lopukin, les deux princes Lobanof, M-r de Narischkin, Dmitri, Messieurs de Sablukof, Schakofskoi, le nouveau directeur Arsénief, Miloradovitch, Markéwitch, et Tschoglokoef et Dépréradovitch pour prendre congé; le comte Arakchéef était des nôtres depuis hier. Je me suis acquittée de vos commissions pour M-r Markéwitch, qui m'a dit que dans quelques semaines la chose serait faite. Pour la soirée tout le monde nous a quittés, il ne nous est resté que notre comte Miloradovitch, Jacques Lobanof et M-r de Narischkin qui tous repartent ce soir; le comte Miloradovitch va dire ses adieux à la ville et nous reviendra Mardi. Nous n'avons aucune nouvelle, mes bons amis, et il paraît que l'ignorance est partout la même, car on n'écrit rien même de Berlin, d'où les premières nouvelles nous arrivent toujours. J'ai oublié de nommer M-r de Kosodavlew au nombre des derniers; il n'a pas l'air d'avoir été si malade; il m'a dit qu'on ne lui marquait rien de nulle part. Les gazettes annoncent en tous caractères qu'il y a un mariage arrêté entre le duc de Berry et une archiduchesse d'Autriche: mon attente s'est donc parfaitement remplie, car j'étais persuadée qu'il se ferait, et que toutes les difficultés, qu'on a portées dans le temps à l'exécution du projet dont il a été question, étaient en grande partie causées par les manigances viennoises. Au reste que bien leur fasse. Comment peut on vouloir donner son enfant à ce jeune homme après tout ce qui vient de se passer en France, car si le bonheur et les circonstances l'y ramènent, il s'y trouvera constamment marchant sur un volcan qui peut à chaque moment l'engloutir, lui et toute sa famille. Annette pense parfaitement comme moi et n'a plus le moindre désir de cet établissement. Mais n'entendez-vous pas parler de l'autre? Pensez à moi que des relations de famille prévaudront aussi dans cette affaire, et que ce parti manquera tout de même à Annette. J'avoue que cette pensée m'atteint profondément et m'est un grand sujet de peine et d'inquiétude; mais la main de Dieu est toute puissante, et s'en rapporter à Sa volonté suprême est notre devoir. Vos 5 finnois sont venus en habit de fête me faire visite aujourd'hui. J'ai vu de même Joseph qui est arrivé hier de l'école avec les enfants de Villamof. Il m'a chargée de ses compliments et a voulu vous écrire. Il grandit et se porte bien. En repensant à votre lettre de Francfort je m'aperçois ne vous avoir pas répondu, cher Nikoche, sur l'article où vous me contez votre conversation avec ALEXANDRINE, dans laquelle elle vous a demandé pourquoi votre voyage d'Angleterre n'a pas eu lieu. Cette question me prouve, qu'il se peut, qu'elle soit inquiétée que ce projet ne puisse se reprendre, et cette inquiétude est en votre faveur, cher Nicoche, et prouve de l'intérêt pour vous. Cette explication ne vous fera pas peine. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien, veillez à votre conservation physique

et morale et ne m'oubliez pas. Je vous embrasse de toute, toute mon âme.

Ce Lundi, 21 Juin.

Mes chers amis, vous apprendrez en peu que Pavlovsk s'est mis à nager, la pluie battante continue, il fait un ouragan affreux, un froid glacial, tout est sous eau, et à une heure après-midi nous n'avions que 5 degrés de chaud. Il y a de quoi en prendre le spleen, et je vous assure que je n'en suis pas éloignée, car rien ne porte à la sérénité; mais je me travaille pour que du moins ma disposition triste ne paraisse à mon extérieur et ne me rende désagréable à la société. Je ne puis rien vous dire de nouveau ce matin, chers enfants. J'ai vu notre bonne Annette en tout, elle se porte bien, et la comtesse et moi nous étions à lui chanter ses éloges, à moraliser, philosopher. Dieu veuille la rendre heureuse et protège son union avec le pr(ince) d'O(range). Dites m'en tout ce que vous en apprendrez; j'en écris encore aujourd'hui à l'empereur. Veuillez l'Être Suprême lui accorder la jouissance de travailler à son bonheur. Pour vous mettre au courant de tous mes faits et gestes je vous dirai que je fais placer dans cette antichambre longue, qui précède mes appartements au bel étage et conduit aux grands appartements le beau dessin après Mengs que vous avez vu à la communauté. J'ai à coeur que vous restiez au courant de tout ce qui se fait chez moi. Adieu, mes bons amis. Je suis un peu inquiète pour «Такъ такъ» qui est assez indisposé en ville, et quoiqu'il ait eu la candeur de m'envoyer la relation de son indisposition, je vous avoue cependant, mes enfants, que je ne me sens pas à mon aise de vous la faire, et prendrai des phrases pour vous mettre au fait, de même que Rühl de ce qu'il souffre: à la suite des douleurs de coliques il a eu la même souffrance que le métropolite, après quoi on a trouvé des dépôts calcaires (phosphore acide). Le médecin suppose que c'est une matière goutteuse qui dépérit. Il s'est trouvé soulagé et est sorti en voiture, mais le temps ayant changé, il a pris froid et a de la fièvre. Voilà l'extrait de 7 pages. Mais pendant trois ou 4 jours ses souffrances à la façon métropolitaine ont été grandes. Il a appelé Zélinski, mais n'a pas eu besoin cependant de son secours. Si Rühl peut conclure quelque chose de ce que je vous dis, priez le qu'il dise son opinion. Kurakin m'a chargée de remettre le papier à Harry; lorsqu'il me le rendra je l'enverrai à Rühl. Mes amitiés au cher papa Lamsdorf, bien des choses au bon général Konovnitzin, et mes compliments à vos messieurs et aux braves militaires qui pensent à moi. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous recommande à Dieu dans tous les moments de la journée. Portez vous bien, conduisez vous bien, appliquez vous et rappelez vous des conseils de la plus tendre mère.

Je vous embrasse mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

19-го июня 1815 г., суббота.

(Переводъ). Я писала вамъ дважды вчера, добрые друзья мои, поэтому я не стала писать вамъ еще разъ вчера вечеромъ и оставила это удовольствіе на сегодня. Проснувшись сегодня утромъ, я имѣла удовольствіе получить ваши милые письма изъ Франкфурта; они были для меня настоящимъ сюрпризомъ, такъ какъ, судя по быстротѣ вашего путешествія, которое вы совершили съ большой скоростью, я полагала, что вы вовсе не останавливались во Франкфуртѣ. Благодарю васъ, добрые друзья мои, за то, что вы думаете обо мнѣ;увѣряю васъ, что вы этимъ очень услаждаете мнѣ жизнь; ибо я испытываю радость и удовольствіе лишь въ тѣ минуты, когда я получаю извѣстія о моихъ дѣтяхъ. Вамъ было очень пріятно встрѣтить во Франкфуртѣ доброго ген. Коновніцына. Какъ вы находите его здорово? Какимъ образомъ случилось, дѣти мои, что гг. Винцингероде, Чернышевъ и Волконскій остаются во Франкфуртѣ? Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе этихъ господъ и опасаюсь, такъ же точно, какъ и они, что война будетъ жестокая. Судя по газетамъ, Наполеонъ находится въ арміи въ окрестностяхъ Лаона, чтобы двинуться туда, где его атакуютъ. Между тѣмъ онъ приказалъ обнародовать, что его переговоры съ Австріей идутъ успѣшно. Присущій ему духъ коварства и клеветы остается неизмѣннымъ, но мнѣ кажется, что якобинская партія очень сильна, и что въ этомъ отношеніи онъ ведеть опасную игру, такъ какъ эта партія можетъ низвергнуть его въ то время, какъ онъ не будетъ и подозревать этого, такъ какъ мало-по-малу на сценѣ появляются люди наиболѣе извѣстные, какъ завзятые якобинцы. Благодарю васъ, дорогой Никошъ, за присланную брошюру, которая показалась мнѣ весьма интересной; какъ мило съ вашей стороны, что вы и обѣ этомъ подумали для меня. Отвѣтьте мнѣ, дѣти мои, относительно трехъ пакетовъ съ эстампами видовъ, присланныхъ вами съ курьеромъ, отправившимся 2-го числа изъ Гейдельберга. Будьте шокойны, дорогой Никошъ, относительно моего мнѣнія о наружности Александрины; я представляю себѣ черты ея лица самыми пріятными; я нахожу даже, что ея лицо, въ маленькомъ медальонѣ, очень напоминаетъ мать, слѣдовательно, она не можетъ не понравиться; вѣрьте, дорогой Никошъ, что я всѣмъ сердцемъ готова полюбить ее, ей стоитъ только захотѣть этого, и я буду любить ее такъ же сильно, какъ васъ! Этимъ все сказано.

Вы ничего не пишете мнѣ, дорогие друзья мои, о Марії; я заключаю изъ этого, что вы разѣхались съ нею, чѣмъ она будетъ очень огорчена. Видѣли ли вы, по крайней мѣрѣ, въ Веймарѣ ея дѣтей и наследника принца? Какъ вы нашли малютокъ? Я велѣла просить завтра къ обѣду г. Маркевича и передамъ ему ваше порученіе относительно ружей для маленькихъ принцевъ, сына короля и сына супруги принца Вильгельма.

*

Отвѣтивъ на всѣ пункты вашего письма, разскажу вамъ, какъ мы провели вчерашній день. Мы обѣдали въ Розовомъ павильонѣ, погода была прекрасная; когда мы встали изъ-за стола, Головкинъ сказалъ намъ, что во время обѣда произошелъ трагический случай; волкъ имѣть смѣость кинуться на корову, пасшуюся въ стадѣ около декораціи Гонзаго, и оторвалъ у нея кусокъ хвоста; маленький мальчикъ, пасшій стадо, побѣжалъ ей на помощь; несчастное животное было все окровавлено. Крейтонъ, который былъ у насъ, поспѣлъ взглянуть на нее и успокоилъ насъ относительно полученныхъ ѿ укусовъ, но приказалъ отдѣлить ее отъ стада, опасаясь, не быть ли волкъ бѣшеный; впрочемъ, кажется, этого не могло быть, такъ какъ онъ убѣжалъ, когда мальчикъ закричалъ на него. Этотъ случай былъ для насъ настоящимъ событиемъ, хотя довольно грустнымъ, но нѣкоторыя подробности его доставили намъ нѣсколько минутъ веселости, благодаря любезности Головкина.

Вечеромъ мы сдѣлали прогулку пѣшкомъ и ужинали дома, такъ какъ мнѣ надобно еще беречься, но благодаря Бога я чувствовала себя вечеромъ очень хорошо. Сегодня я была огорчена болѣзнью моей лошади; ей пришлось пустить кровь, поэтому я гуляла пѣшкомъ; къ обѣду пріѣхалъ Аракчеевъ и провелъ съ нами весь день; съ утра погода была прекрасная, но затѣмъ стало гораздо холоднѣе; несмотря на это, мы катались въ линейкахъ, но дождь загналъ насъ домой; вечеромъ была сильная гроза, хотя было всего 9 градусовъ тепла, вслѣдствіе этого мы и послѣ ужина сидѣли всѣ вмѣстѣ: Аннета, графиня и Нелідова; зная, что Нелединскій ожидалъ ее, желая воспользоваться ея каретою, мы попросили его войти и болтали до тѣхъ поръ, пока гроза не кончилась, и такимъ образомъ засидѣлись очень поздно. Итакъ прощайте, добрые друзья мои. Ваша всей душою и всѣмъ сердцемъ. Остальное до завтра.

Воскресенье, 20-го іюня.

Что за погода, дѣти мои, даже трудно себѣ представить; она была бы ужасна даже въ ноябрѣ, поэтому можете судить, какою она должна намъ показаться въ іюнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Россіи, я не видѣла подобного лѣта; темно, сѣро, какъ въ глубокую осень, цѣлый день идеть проливной дождь, дуетъ ледяной вѣтеръ, и сегодня вечеромъ въ ту минуту, какъ я пишу вамъ, всего 6 градусовъ тепла; мой маленький садикъ весь подъ водою; говорятъ, что дороги попорчены; нѣкоторые утверждаютъ, будто они видѣли хлопья снѣга, я ихъ не видѣла, но это меня не удивляетъ. При всемъ томъ, къ великому моему удивленію, у меня было довольно много гостей: кн. Лопухинъ, оба кн. Лобановы, Дмитрій Нарышкинъ, Саблуковъ, Шаховской, новый директоръ Арсеньевъ, Милорадовичъ, Маркевичъ, Чеглоковъ и Депрерадовичъ, которые

пріѣзжали проститься; гр. Аракчеевъ у насъ со вчерашиаго дня. Я исполнила ваше порученіе относительно г. Маркевича; онъ сказалъ мнѣ, что дѣло будетъ сдѣлано чрезъ нѣсколько недѣль. Къ вечеру всѣ разѣхались; у насъ остались только нашъ графъ Милорадовичъ, Яковъ Лобановъ и Нарышкинъ; всѣ они уѣзжаютъ сегодня вечеромъ; гр. Милорадовичъ ѳдетъ дѣлать прощальныя визиты въ городѣ и вернется во вторникъ. Мы не получаемъ никакихъ извѣстий, добрые друзья мои; повидимому, всѣ находятся въ такой же неизвѣстности, ибо даже изъ Берлина, откуда всегда получаются первыя вѣсти, ничего не пишутъ. Я забыла назвать еще г. Козодавлева; на мой взглядъ онъ быть не такъ боленъ; онъ сказалъ мнѣ, что ему ниоткуда ничего не пишутъ. Въ газетахъ говорятъ открыто о предстоящемъ бракѣ герцога Беррийскаго съ эрцгерцогиней Австрійской; слѣдовательно, мое ожиданіе оправдалось, ибо я была увѣрена, что этотъ бракъ состоится и что всѣ препятствія, которыми ставились нѣкогда къ осуществленію извѣстнаго проекта, были вызваны главнымъ образомъ коварствомъ Вѣнскаго двора. Впрочемъ, Богъ съ ними! Можно ли желать отдать свою дочь этому молодому человѣку послѣ всего, что произошло во Франціи, ибо если счастье и обстоятельства приведутъ его снова въ эту страну, то онъ будетъ тамъ ходить вѣчно на вулканѣ, который можетъ каждую минуту поглотить его и все его семейство. Аннета вполнѣ раздѣляетъ мои мысли и нисколько не желаетъ болѣе этого брака. Но не слыхали ли вы чего-нибудь о другомъ (молодомъ человѣкѣ)? Полагаете ли вы, такъ же какъ я, что въ этомъ дѣлѣ возьмутъ верхъ родственныя соображенія, и что эта партія все-таки будетъ не для Аннеты? Признаюсь вамъ, эта мысль сильно волнуетъ меня и причиняетъ мнѣ много горя и тревоги; но Господь все-могущъ, и нашъ долгъ—подчиняться Его всевышней волѣ. Сегодня были у меня ваши 5 финандовъ въ праздничныхъ платьяхъ. Я видѣла также Іосифа, который пріѣхалъ вчера изъ школы съ дѣтьми Вилламова; онъ просилъ меня передать вамъ поклонъ и хотѣлъ писать вамъ; онъ ростетъ и здоровъ. Думая о вашемъ письмѣ, полученному изъ Франкфурта, я припоминаю, что я не отвѣтила, дорогой Никошъ, на тотъ пунктъ, въ которомъ вы передаете мнѣ вашъ разговоръ съ Александриною, когда она спросила вѣсть, почему не состоялось ваше путешествіе въ Англію. Этотъ вопросъ доказываетъ мнѣ, что ее беспокоить, быть можетъ, мысль, что этотъ планъ можетъ снова возникнуть; эта тревога говорить въ вашу пользу, дорогой Никошъ, и свидѣтельствуетъ о ея расположениіи къ вамъ. Это объясненіе, конечно, не огорчитъ васъ. Прощайте, добрые друзья мои, спите спокойно, заботьтесь о вашемъ благополучіи физическомъ и нравственномъ и не забывайте меня. Цѣлую вѣсть отъ всей души.

Понедѣльникъ, 21-го юна.

Дорогіе друзья мои, вы услышите скоро, что Павловскъ поплылъ, проливной дождь льетъ безъ перерыва, свирѣпствуетъ страшная буря, вѣтеръ дуетъ леденящій, все залито водою и въ часъ дня у насъ было всего 5 градусовъ тепла; есть отъ чего сдѣлаться сплюну; увѣряю васъ, что онъ скоро нападеть на меня, такъ какъ ничто не располагаетъ къ спокойствію; но я употребляю всѣ усилия, чтобы мое грустное настроение не отражалось по крайней мѣрѣ на моемъ лицѣ и не дѣлало меня непріятной для окружающаго общества. Не могу сообщить вамъ сегодня утромъ ничего новаго, дорогія дѣти мои. Я видѣла только нашу добрую Аннету, она здорова, и мы вмѣстѣ съ графиней воспѣвали ей похвалы, морализировали, философствовали. Пошли ей Господь счастья и да благословить Онъ ея бракъ съ принцемъ Оранскимъ. Напишите мнѣ все, что вы услышите объ этомъ; я еще пишу сегодня по этому поводу императору. Да даруетъ ему Всевысшай возможность способствовать ея счастью. Чтобы вы могли знать все, чтѣ я дѣлаю, скажу вамъ, что я приказала помѣстить копію съ прекрасной картины Менгса, которую вы видѣли въ Смольномъ, въ длинной передней комнатѣ, которая находится передъ моими комнатами въ бель-этажѣ и ведеть въ большіе appartаменты; мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы знали все, чтѣ дѣлается у меня. Прощайте, добрые друзья мои. Я иѣсколько беспокоюсь за «Такъ таcъ», который довольно сильно болѣтъ въ городѣ; хотя онъ былъ настолько наивенъ, что прислалъ мнѣ описание своей болѣзни, но признаюсь, дѣти мои, мнѣ не особенно удобно передать вамъ это описание, и я попробую объяснить вамъ и Рюлю намеками, чѣмъ именно онъ страдаетъ: послѣ сильныхъ болей въ желудкѣ у него сдѣлалась та же болѣзнь, чтѣ у митрополита, послѣ чего у него оказались известковые отложенія (фосфорная кислота). Врачъ предполагаетъ, что это образованіе подагрическаго свойства, которое разсасывается; ему стало лучше, и онъ выѣзжаетъ въ каретѣ, но такъ какъ погода измѣнилась, то онъ простудился, и у него сдѣлалась лихорадка. Вотъ вкратцѣ то, что изложено имъ на семи страницахъ. Онъ страдалъ въ теченіе 3 или 4 дней такими сильными болями, какъ митрополитъ; онъ пригласилъ Зелинского, но ему не пришлось прибѣгнуть къ его помощи. Если Рюль можетъ вывести какое-нибудь заключеніе изъ того, что я пишу вамъ, то попросите его высказать свое мнѣніе. Курakinъ просилъ меня передать эту бумагу Гарри; когда онъ возвратитъ ее мнѣ, то я пошлю ее Рюлю. Мой привѣтъ дорогому папашѣ Ламсдорфу, поклонъ доброму ген. Коновницу и вашимъ кавалерамъ и молодцамъ военнымъ, которые вспоминаютъ обо мнѣ. Цѣлую васъ отъ всего сердца и всякую минуту молю

Господа, чтобы Онъ хранилъ васъ. Будьте здоровы, ведите себя хорошо, будьте прилежны и не забывайте совѣтовъ самой любящей изъ матерей.

Цѣлую васъ тысячу разъ и посыпаю вамъ свое благословеніе.
Марія.

Num. 30.

Ce soir du 21 Juin, Lundi, 1815.

Je me donne quelques moments de satisfaction, mes bons enfants, en vous traçant encore ce peu de mots avant de me coucher. Notre journée s'est passée bien solitairement et tristement. L'averse n'a pas cessé de la journée et nous en sommes à 4 degrés de chaud; tout nage autour de nous, et les fleurs de mon petit jardin ont la plus triste apparence. J'ai eu la satisfaction de voir M-r de Krusenstern arrivé depuis peu d'Angleterre; sa conversation si instructive est une véritable jouissance, et j'en ai éprouvé beaucoup en l'entendant parler sur l'Angleterre et sur l'état de prospérité dans lequel il l'a trouvée, qu'il me dit avoir singulièrement augmenté depuis son dernier voyage. M-r de Krusenstern soigne l'expédition que le comte Romanzof va faire faire autour du monde. Le vaisseau partira, à ce qu'il suppose, dans 15 jours ou trois semaines; c'est M-r Kotzebue qui en est le chef, M-r de Krusenstern l'estime beaucoup et fait grand cas de son mérite. Le vaisseau porte le nom de Rurik. Tous les instruments nécessaires à l'expédition ont été achetés par Krusenstern en Angleterre. C'est un beau voyage à faire qui me tenterait si j'étais homme. A propos de voyage, j'espère que vos chevaux sont arrivés, et j'espère de même que mes petits chirurgiens les ont précédés, car on leur a donné le conseil d'aller en avant à Francfort; marquez moi, mes amis, s'ils sont heureusement advenus et si Wylie les a pris sous sa protection. J'ai fait ces jours la lecture d'une brochure qui m'a beaucoup intéressée et que je vous recommande, mes enfants; elle a pour titre: «.....»¹⁾ et si vous réussissez à vous la procurer, faites en l'acquisition pour moi et envoyez la moi. Elle est à conserver et à lire; j'avoue que je suis d'accord avec ses principes sur bien et bien des points. Bonsoir, mes enfants, dormez bien; que Dieu vous bénisse comme je le fais.

Ce Mardi, 22 Juin.

La même intempérie d'hier existe encore aujourd'hui, et la pluie n'a pas cessé d'un instant, aussi suis-je menacée de bien des dommages dans mon jardin, l'eau est si haute que quoique toutes les digues soient ouvertes, l'eau passe en torrent à côté du grand pont, là où se trouve

¹⁾ Въ подлиннику въглавіе осталось не вписанымъ.

le pont de bois; l'île du monument d'Hélène est presque submergée; enfin que faire? Cette année est désagréable sous tous les rapports. Pas de courrier, mes enfants, raison de plus pour vous et pour moi à ne pas négliger la voie réglée de la poste. Disons dans nos lettres de belles choses aux maîtres de poste, appelons en à leur qualité de père ou de fils, et ils s'intéresseront à notre correspondance et la soigneront, ce qui leur vaudra la bénédiction divine. J'attends aujourd'hui le comte de Tolstoi et notre bon comte Miloradovitch: leur société me fera grand plaisir. Zagriaski m'a dit qu'il passerait la journée aux pieds de sa femme; je la passerai à m'occuper, à travailler, à penser à vous; je me dirai quelquefois que vous aussi penserez à moi, mes bons amis, et que naturellement nous élevons nos âmes à Dieu pour Lui demander notre prochaine réunion. Ainsi soit-il! Adieu, chers et bons enfants. Mes amis, je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes mes bénédictions. Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf; mille choses au bon(général) Konovnitzin, mes compliments à vos messieurs et à nos braves militaires qui pensent à moi. Прощайте, съ нами Богъ.

Marie.

Понедѣльникъ, вечеромъ, 21-го июня 1815 г.

(Переводъ). Доставляю себѣ нѣсколько минутъ удовольствія, добрая дѣти мои, набросавъ вамъ еще нѣсколько словъ прежде, нежели лечь спать; мы провели сегодняшній день очень одиночно и скучно. Весь день ліль проливной дождь, и у насъ всего 4 градуса тепла; вокругъ насъ все подъ водою, и цвѣты въ моемъ маленькомъ садикѣ имѣютъ самый печальный видъ. Я имѣла удовольствіе видѣть г. Крузенштерна, недавно пріѣхавшаго изъ Англіи; его поучительный разговоръ доставляетъ истинное наслажденіе, и я дѣйствительно наслаждалась, слушая его рассказы объ Англіи и объ ея цвѣтущемъ состояніи, которое, по его словамъ, значительно увеличилось со времени его послѣдняго путешествія. Г. Крузенштернъ занять устройствомъ кругосвѣтной экспедиціи, которую собирается предпринять графъ Румянцовъ. Корабль уйдетъ въ море, какъ онъ полагаетъ, недѣли черезъ двѣ или три; имъ командуется Коцебу, о которомъ Крузенштернъ отзывается съ большимъ уваженіемъ. Корабль называется «Рюрикъ». Всѣ инструменты, необходимые для экспедиціи, приобрѣтены Крузенштерномъ въ Англіи. Это чудесное путешествіе, которое очень соблазнило бы меня, если бы я была мужчиной. Кстати, о путешествіи; надѣюсь, что ваши лошади прибыли; надѣюсь также, что мои маленькие хирурги прибыли раньше ихъ, такъ какъ имъ совѣтовалиѣхать впередъ во Франкфуртѣ; напишите мнѣ, друзья мои,

благополучно ли они пріѣхали и взяль ли ихъ Вилье подъ свое покровительство. Я читала на-дняхъ брошюру, которая очень заинтересовала меня и которую я совѣтую вамъ прочесть, дѣти мои; она озаглавлена: «. . . . .»¹⁾, и если вамъ удастся достать ее, приобрѣтите ее для меня и пришлите мнѣ. Ее слѣдуетъ сохранить и перечитывать; признаюсь, я въ весьма многихъ отношеніяхъ согласна съ высказываемыми въ ней взглядами. Прощайте, дѣти мои, спите спокойно, да благословить васъ Господь такъ же, какъ я благословляю васъ.

Вторникъ, 22-го іюня.

И сегодня все еще продолжается такая же ненастная погода, какъ вчера; дождь не прекращался ни на минуту, поэтому моему саду грозятъ большія поврежденія; вода такъ высока, что хотя всѣ плотины открыты, но вода несется потокомъ возлѣ большаго моста, въ томъ мѣстѣ, где находится деревянный мостъ; островъ съ памятникомъ Елены почти весь подъ водою; но что же дѣлать? Этотъ годъ непріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Курьеровъ нѣть и нѣть, дѣти мои; тѣмъ болѣе мы должны пользоваться съ вами правильнымъ сообщеніемъ по почтѣ; будемъ хвалить въ нашихъ письмахъ почтмейстеровъ, будемъ взыывать къ ихъ отеческимъ и сыновнимъ чувствамъ, они заинтересуются нашей перепискою и позаботятся о ней, за что благословеніе Божіе будетъ надъ ними. Я ожидаю сегодня гр. Толстого и нашего добра го гр. Милорадовича; ихъ общество доставить мнѣ большое удовольствіе. Загряжскій сказалъ мнѣ, что онъ проведеть сегодняшній день у ногъ своей жены, а я буду заниматься, работать, думать о васъ, говоря себѣ время отъ времени, что и вы иногда вспоминаете обо мнѣ, добрые друзья мои, и что, само собою разумѣется, мы возносимъ къ Господу мольбы о томъ, чтобы Онъ скорѣе соединилъ насъ. Да будетъ такъ! Прощайте, добрыя и дорогія дѣти. Цѣлую васъ тысячу и тысячу разъ, друзья мои, и посылаю вамъ свое благословеніе. Мой нѣжный привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ добромъ ген. Коновницыну, вашимъ кавалерамъ и тѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, которые помнятъ обо мнѣ. Прощайте, съ нами Богъ.

Марія.

Сообщ. В. В. Щегловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Пропускъ въ подлиннике.

Перемѣна политики съ Франціею

Указъ с.-петербургскому военному губернатору генералу-отъ-инфантегрии Голенищеву-Кутузову.

27-го августа 1801 г.

На представлениѣ ваше о прибывшемъ сюда французѣ изъ провинции Альзаса, учителѣ словесныхъ наукъ Антуанѣ Иллингѣ, въ разрѣшеніе считаю нужнымъ дать всѣмъ знать, что по перемѣнившимся обстоятельствамъ сношеній Россіи съ Франціею, какъ его, такъ и другихъ соотчичей его должно принимать и содержать на томъ же точно основаніи, какъ и всѣхъ другихъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ свидѣтельствами о не подозрительномъ и добромъ поведеніи, не подвергая ихъ особынными обрядамъ, для сей націи на время только установленнымъ и теперь уже невмѣстнымъ.

П. А. Карагынъ и его ученики по сценѣ:

Мартыновъ и Максимовъ.

I.

Однимъ изъ младшихъ учениковъ князя А. А. Шаховскаго, пользовавшихся впослѣдствіи громкой извѣстностью и занявшихъ почетное мѣсто на сценѣ Александринскаго театра, былъ извѣстный острякъ и водевилистъ П. А. Карагынъ, братъ знаменитаго трагика. Это была также замѣчательно даровитая личность и при томъ изумлявшая необыкновеннымъ разнообразiemъ талантовъ. Уступая своему брату въ силѣ гenia и преклоняясь передъ его заслугами и славой, Петръ Андреевичъ имѣлъ, въ свою очередь, собственныя немалыя преимущества, впрочемъ менѣе блестящія и не столько обезпечивающія прочную память въ потомствѣ. Это былъ по преимуществу человѣкъ бойкаго ума и острого соображенія, обаятельный въ кругу сослуживцевъ и знакомыхъ, человѣкъ съ извѣстнымъ авторитетомъ и большимъ тактомъ, виртуозъ въ области тонкихъ и изящныхъ шутокъ и летучихъ мѣткихъ характеристикъ, по складу своего ума нападшій впрочемъ призваніе въ игриныхъ водевиляхъ и эфемерныхъ эпиграммахъ. О младшемъ Карагынѣ не даромъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ артистъ Нильскій, что «это былъ складъ всевозможныхъ дарованій», такъ какъ «помимо актерства, онъ успѣшино занимался литературой и художествомъ» и что «еслибы была возможность собрать всѣ стихотворенія, касавшіяся сцены, то составилась бы чудесная хроника русскаго театра за полвѣка его лучшей эры»¹⁾). Но, къ сожалѣнію, остроумный артистъ разбрасывалъ безъ оглядки блестки своего яркаго юмора, случайнымъ отраже-

¹⁾ „Исторический Вѣстникъ“, 1894, VI, 651.

ніемъ котораго являются теперь кое-какіе ходячіе анекдоты. Гораздо больше значенія имѣла его преподавательская дѣятельность въ театральномъ училищѣ, которой Александринская сцена обязана многимъ хорошимъ. На этомъ поприщѣ Каратыгинъ вмѣстѣ съ Сосницкимъ являются продолжателями Шаховскаго и Дмитревскаго.

Съ гораздо болѣшимъ правомъ можно считать Шаховскаго театральнымъ крестнымъ отцомъ младшаго Каратыгина, нежели его брата, знаменитаго трагика. Извѣстно, что послѣдній, прежде всего замѣченный и одѣненный Шаховскимъ, скоро подчинился, однако, иному влиянію и тѣмъ навсегда навлекъ на себя гнѣвъ своего прежняго патрона, который «былъ разгневанъ этой дерзостью и никогда не могъ простить ему такого оскорблѣнія» ¹⁾). Какимъ образомъ избѣгнуль такой участіи П. А. Каратыгинъ и почему онъ остался не только подъ ферулой, но и на попеченіи того же князя Шаховскаго, онъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ въ своихъ извѣстныхъ запискахъ и только ограничивается слѣдующимъ брошеннымъ вскорѣ замѣчаніемъ: «хотя братъ мой и сдѣлался ренегатомъ, выйдя изъ его студіи, но я, какъ воспитанникъ, принадлежать къ числу его учениковъ, онъ меня очень любилъ и ласкалъ; одно лѣто я даже провелъ у него на дачѣ» и проч. Полагаемъ, что кроме чисто виѣшней причины, заключавшейся въ томъ, что младшій Каратыгинъ обучался въ подвѣдомственномъ Шаховскому театральному училищѣ, здѣсь иногда имѣли значеніе также для Шаховскаго давнія отношенія его къ семье Каратыгинахъ и добровольно данное имъ обѣщаніе принять подъ свое покровительство способныхъ юношь, а для юнаго будущаго артиста — отѣздъ изъ Петербурга какъ Катенина, такъ и Грибоѣдова, оспаривавшихъ прежде у Шаховскаго влияніе на артистическое образованіе старшаго Каратыгина. При томъ, судя по всѣмъ даннымъ, уже въ эти ранніе годы Каратыгинъ младшій обнаруживалъ гораздо менѣе блестающихъ сценическихъ задатковъ, чѣмъ его братъ, и это снова могло служить причиной, такъ сказать, большей ординарности его карьеры. Хотя онъ сдѣлался замѣтенъ отчасти уже на школьнай сценѣ, какъ раньше на домашней сценѣ своего отца, но особенно не выдѣлялся изъ своихъ братьевъ и знакомыхъ. Но вотъ ему была поручена на публичномъ театрѣ, въ бенефисъ талантливаго комика Боброва, небольшая роль въ одной изъ пьесъ Коцебу. Само собою разумѣется, что это обстоятельство показалось ему тогда, а, пожалуй, и дѣйствительно было, настоящимъ событиемъ въ жизни. «Я былъ 13 лѣтній мальчишка», — говорить онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — мальчишку игралъ и быть въ полномъ восторгѣ». Развѣ два во времія исполненія имъ этой первой его роли, послышались рукоплесканія, за-

¹⁾) „Русская Старина“, 1873, т. VI, стр. 151.

ронившія въ дѣтской головкѣ смѣлныя надежды и побудившія начальство поручать ему отъ времени до времени роли мальчиковъ. Но никакого серьезнаго значенія эти успѣхи имѣть пока не могли; и юношу продолжали настойчиво обучать балетной премудрости и даже пѣнію, несмотря на отсутствіе голоса: ему даже «угрожала мрачная перспектива фигурантской службы». Проложить себѣ дорогу къ настоящему дебюту помогло ему наконецъ новое покровительство Шаховскаго, пожелавшаго доставить ему возможность выступить передъ большой публикой вмѣстѣ съ одной изъ своихъ лучшихъ ученицъ Дюровой; но такъ какъ молодой Каратыгинъ былъ въ данномъ случаѣ все-таки на второмъ планѣ, да и роль была дана ему незначительная, то, несмотря на громкіе успѣхи брата и на старанія влиятельного князя, онъ чутъ не остался въ тѣни. Тѣмъ не менѣе, можетъ быть не безъ помощи театральныхъ связей отца и брата, ему удалось скоро занять амплуа драматическихъ любовниковъ. Такимъ образомъ первые шаги его на избранномъ поприщѣ оказались въ сущности довольно заурядными. Но съ тѣхъ поръ (т. е. 1823 г.) Каратыгинъ второй началъ успешно трудиться на Александринской сценѣ рядомъ съ своимъ братомъ, безъ всякихъ правъ на сравненіе съ нимъ, но въ то же время, какъ актеръ несомнѣнно способный и умный, искренно любившій дѣло, съ вполнѣ самостоятельнымъ и почтеннымъ значеніемъ, а отнюдь не какъ ловкая посредственность, эксплоатирующая въ свою пользу отраженіе яркихъ лучей родственной славы.

Вопросъ о томъ, случайное ли стеченіе обстоятельствъ или самый характеръ призванія ограничили спекулическую карьеру младшаго Каратыгина преимущественно водевилями, не допускаетъ никакихъ колебаній: очевидно, талантъ его имѣлъ достаточный просторъ для развитія и даже проявлялъ себя довольно разнообразно, но родную сферу нашелъ онъ себѣ именно только въ водевиляхъ. Только тогда артистъ и почувствовалъ себя на настоящей дорогѣ, когда, по его собственнымъ словамъ, «судьба вытолкнула его на амплуа, болѣе подходящее къ его веселому характеру и способностямъ». Правда, послѣднее слово сопровождено у него въ запискахъ оговоркой: «можеть быть», но всякое сомнѣніе отпадаетъ въ виду предшествующаго его же собственнаго признанія: «въ общественномъ быту счастливымъ любовникамъ, конечно, многіе могутъ позавидовать, но счастливые любовники въ комедіяхъ и драмахъ—самыя несчастныя созданія; они каждый вечеръ повторяютъ свои стереотипныя объясненія въ любви, тянутъ безпрерывную канитель и надобѣдаютъ зрителямъ до тошноты своими приторными сластями». Эти слова позволяютъ предполагать и въ болѣе раннюю пору преобладаніе въ П. А. Каратыгинѣ трезвой разсудочной рефлексіи надъ необходимой для подобныхъ ролей стихіей безотчетнаго увлеченія.

Съ другой стороны, вся литературная дѣятельность Карапыгина младшаго, безъ сомнѣнія нисколько не стѣсняемая выѣшними условіями и не направляемая какой-либо случайностью, обращена была всегда исключительно на живые, остроумные водевили, пьесы и рассказы въ легкомъ сатирическомъ вкусѣ. Намъ неизвѣстны, правда, его ранніе литературные опыты, начинающіеся еще съ 1821 г., небольшія пьески, написанныя для домашней сцены театрального училища и заслужившія въ свое время одобреніе Грибоѣдова, но уже первое поставленное на настоящую сцену его произведеніе. «Знакомые незнакомцы», носить на себѣ всѣ отличительныя черты его авторскихъ пріемовъ и наклонностей: это былъ водевиль съ прозрачными намеками на современные лица и интересы дня. Онъ былъ озаглавленъ, «Знакомые незнакомцы», и, кажется, уже въ самомъ этомъ заглавіи заключалось легкое указаніе на скрытый смыслъ пьесы, ясно истолкованный затѣмъ особенно игрой артиста Рязанцева, явившагося на сценѣ двойникомъ Булгарина. Въ водевилѣ изображалась между прочимъ вражда послѣдняго съ Полевымъ, и это придало сюжету извѣстную пикантность. До представлѣнія и во время его авторъ находился въ крайне напряженномъ состояніи и переживалъ такимъ образомъ въ своемъ литературномъ дебютѣ тѣ же чувства и волненія, которыя были такъ знакомы ему по давнимъ театральнымъ дебютамъ. Теперь снова наступила роковая минута, и все, что въ ней относилось, навсегда и глубоко запало въ душу литератора-артиста. Послѣ нея его будущность опредѣлилась совершенно, и съ тѣхъ поръ не оставалось уже никакого сомнѣнія, гдѣ и въ чемъ искать успѣха и чему отдать свою дѣятельность.

Лучшей заслугой Карапыгина 2-го слѣдуетъ безспорно считать образованіе подъ его руководствомъ (въ качествѣ учителя театральной школы) таланта знаменитаго Александра Евстафьевича Мартынова, въ продолженіе почти тридцати лѣтъ служившаго блестящимъ украшеніемъ Александринской сцены.

II.

Мартыновъ былъ человѣкъ въ высшей степени замѣчательный и какъ актеръ, и какъ личность. Это была натура совершенно русская, и, вѣроятно, потому-то на сценѣ онъ всегда превосходно воспроизводилъ именно національные типы и былъ нѣсколько неестественъ и блѣденъ въ роляхъ иностранцевъ. Люди, близкіе къ покойному артисту, передаютъ множество любопытныхъ разсказовъ, характеризующихъ его не-

обыкновенную даровитость, соединенную съ безграничнымъ добродушиемъ и чрезвычайно привлекательной простотой и непринужденностью обращенія. Мартыновъ относился ко всѣмъ дружески и сердечно, и держалъ себя всегда на распашку. Естественность была его стихіей,— обстоятельство, безъ сомнѣнія, не оставшееся безъ вліянія на судьбу и на направленіе его артистического дарования. Понятно, что человѣкъ, съ раннихъ лѣтъ всосавшій въ плоть и кровь простоту, не могъ и на сценѣ явиться натянутымъ и холоднымъ декламаторомъ. Извѣстно, что Каратыгинъ 1-ый выступилъ на сцену въ переходное время отъ напыщенного ложноклассицизма къ новѣйшему реализму. Оттого талантливый артистъ никогда не могъ совершенно освободиться отъ эффектной торжественности, доставившей ему славу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послужившей главной причиной того прискорбнаго обстоятельства, что подъ конецъ своей дѣятельности онъ казался лишь блестящимъ представителемъ старой школы искусства. Каратыгинъ былъ въ своей сферѣ, когда ему приходилось изображать героевъ; тутъ онъ, какъ превосходный пластикъ, производилъ сильное впечатлѣніе и срывалъ громкія рукоплесканія; но чуть только приходилось ему выступать въ такъ называемыхъ роляхъ фрачныхъ и играть обыкновенныхъ людей, чуть надо было дѣйствовать на душу, а не плѣнить только взоры грязной картиностию позы, онъ уже чувствовалъ неловкость и прибѣгалъ по привычкѣ, но совершенно некстати, къ декламаціи—въ роли Чапскаго и къ порывистымъ жестамъ и размахиванію руками въ «Евгениѣ Онѣгінѣ».

Достоинство игры Мартынова заключалось, напротивъ, какъ разъ въ противоположномъ. Онъ являлся передъ зрителями безъ всякихъ претензій, самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ и передавалъ чувства изображеніемъ лица, былъ ли это купецъ, помѣщикъ, чиновникъ, или крестьянинъ и съ такимъ искусствомъ, что, казалось, нисколько не заботился объ игрѣ, но все давалось ему само собой, какъ будто ему ровно ничего не стоило являться передъ публикой въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ и именно каждый разъ тѣмъ лицомъ, которое онъ долженъ быть изображать. Конечно, это было совершенно ошибочное впечатлѣніе, и на самомъ дѣлѣ Мартыновъ много и упорно работалъ надъ своимъ талантомъ, но нельзя отрицать, что артистъ былъ всегда въ своей сферѣ во всѣхъ национальныхъ роляхъ и что ему въ самомъ дѣлѣ была присуща извѣстная доля той безопасноти генія, которую такъ художественно обрисовалъ Пушкинъ въ своемъ Моцартѣ. Если что вредило Мартынову, то развѣ только нѣкоторая наклонность къ три淄альности, воспитанная въ немъ пестрой труппой Александринскаго театра и поддерживаемая страстью къ апплодисментамъ. Но такъ было только вначалѣ.

Родился Мартыновъ 12-го июля 1816 года. Онъ былъ сынъ бѣднаго дворянина, служившаго въ качествѣ управляющаго имѣніемъ у знатной и богатой г-жи Сухозанетъ. Эта-то барыня и присовѣтовала, можетъ быть замѣтивъ въ мальчикѣ какіе-нибудь задатки его будущаго призванія, отдать его въ театральную школу. Раньше же Мартыновъ обучался въ какомъ-то пансионѣ, но вскорѣ былъ взятъ оттуда. Хотя такимъ образомъ какъ будто сама судьба указала мальчику ожидавшую его дорогу, но ему было суждено пройти къ избранной цѣли черезъ множество препятствій. Прежде всего какой-то служившій при театрѣ чиновникъ Гемнигъ сталъ почему-то противиться поступленію Мартынова въ театральное училище; по неизвѣстнымъ для настъ соображеніямъ онъ не только отклонилъ это поступление, но совѣтовалъ отдать мальчика именно въ Петропавловскую школу. И вотъ въ то самое время, когда уже предстояло такъ или иначе разрѣшить данный вопросъ, слѣдующий случай указалъ даровитому ребенку его настоящую дорогу.

Произошло это такимъ образомъ, по словамъ самого Мартынова, переданнымъ въ «Сѣверной Пчелѣ» въ годъ его смерти однимъ изъ пріятелей, г. А. С. ¹⁾.

«Мой отецъ—рассказываетъ Мартыновъ,—былъ управляющимъ у г-жи Е. А. Сухозанетъ. Она очень цѣнила его труды и любила меня, какъ забавнаго мальчика. Однажды у г-жи Сухозанетъ обѣдали гости, между которыми былъ и князь С. С. Гагаринъ, одинъ изъ четырехъ членовъ комитета, завѣдывавшаго въ 1827 г. театрами. За столомъ она рассказала гостямъ о маленькомъ своемъ фаворитѣ, и князь присовѣтовалъ отдать меня въ театральное училище. Въ то время тамъ, однако, вакансіи не оказалось. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ иду я по Дворцовой набережной и ѿмъ пряникъ. Вдругъ какой-то господинъ идетъ на встрѣчу: «чтѣ ты ѿшь, мальчикъ?».

— Пряникъ-съ...

— Брось, душа моя, желудокъ испортишь.

Я взялъ и бросилъ дорогое лакомство въ воду. Господину тому поступокъ мой понравился.

— Какъ тебя звать?

— Саша-съ.

— А фамилія твоя?

— Мартыновъ-съ.

— Не сынъ ли управителя Е. А. Сухозанетъ?

— Точно такъ-съ.

---

¹⁾ «Сѣверная Пчела», 1860, № 205.

«Господинъ этотъ, оказавшійся княземъ Гагаринъмъ, велѣлъ мнѣ къ нему явиться и черезъ три дня я бытъ опредѣленъ въ училище».

Князь Гагаринъ, бывшій прежде директоромъ театра и сохранившій тамъ связи и влияніе, дѣйствительно вскорѣ добился опредѣленія маленькаго Мартынова казенномокаштнымъ воспитанникомъ, но послѣдняго все еще ожидали новые испытанія. Въ бывшіе годы въ театральныхъ школахъ не существовало позднейшей специализаціи, и въ частности для драматическихъ артистовъ предварительной школой служилъ обыкновенно водевиль, на которомъ юные артисты первоначально развивали и упражняли свой талантъ.

Все это повторилось и въ юности Мартынова. Только-что взглянуль на него знаменитый балетмейстеръ Дидло, какъ онъ бытъ уже очарованъ его сложеніемъ, обѣщавшимъ искуснаго танцора; только успѣль онъ по своему обычай всесторонне осмотрѣть мальчика и ощупать ему грудь и ноги, какъ тотчасъ же намѣтилъ въ немъ жертву своей фанатической страсти къ балету и объявилъ, что «изъ этого тощаго вѣтрогона, при тщательнойдрессировкѣ, выйдетъ второй Дидло». Это бытъ уже не первый случай, когда страстно преданный своему дѣлу балетмейстеръ, какъ коршунъ на добычу, набрасывался на хорошо сложеннаго и одареннаго способностями ребенка. Во всякомъ случаѣ всѣ подобные факты ясно доказываютъ замѣчательную проницательность и энергию Дидло; невольно рождается вопросъ: почему же не находился никто больше въ штатѣ цѣлой театральной школы, кто бы предупредилъ хоть разъ Дидло въ данномъ отношеніи? Намъ кажется, что въ исторіи русскаго театра имя этого талантливаго балетмейстера должно навсегда сохранить свое значеніе отчасти и потому, что, какъ бы то ни было, многія яркія дарованія были открыты и указаны именно имъ, а уже потомъ по его указанію замѣчали ихъ другіе и тогда спѣшили обыкновенно перебить у него учениковъ. Большой частью смотрѣть на Дидло, только какъ на искуснаго балетмейстера по призванію и въ то же время какъ на суроваго, безпощадно - жестокаго муштровщика. Это, конечно, и справедливо и давно засвидѣтельствовано не только его учениками, но и всѣми вообще, кто только зналъ его. Но Дидло умѣлъ также превосходно опредѣлять и направлять способности, чтобъ чрезвычайно важно, хотя, какъ фанатикъ и человѣкъ крайне односторонній, могъ пользоваться этимъ своимъ даромъ только въ примѣненіи къ своей узкой и бесплодной специальности. Онъ самъ погруженъ бытъ всей душой въ батманы и цирюти и готовъ бытъ навязать ихъ каждому способному ребенку; онъ жилъ только балетомъ и для балета — и въ этомъ уже, конечно, заключалась непростительная его односторонность. Часто, вспоминая участіе Дидло въ признаніи какого-нибудь замѣчательнаго дарованія, приписывали ему и немалую заслугу, заклю-

чавшуюся въ образцовой выправкѣ артиста и въ сообщеніи ему ловкости и хорошихъ манеръ, столь необходимыхъ для каждого сценическаго дѣятеля. Но такъ же часто высказывалось противоположное убѣжденіе, будто бы Дидло не только не принесъ своими мастерскими уроками никакой существенной пользы такому-то артисту, но былъ даже вреденъ для него своей безтолковой и беспощадной муштровкой. Нужно, однако, согласиться, что изящество, свобода и непринужденность движений, если даже все это есть въ природѣ артиста, даются, все же, не сразу и не сами собой, а нуждаются въ известномъ упражненіи и что наконецъ самое умѣніе и искусство Дидло признать и оценить даровитость воспитанника значительно облегчало послѣднему дальнѣйшіе успѣхи, выдигая его на видный планъ и дѣлая предметомъ общаго вниманія. Нужно помнить, что даже и послѣ этой оценки и его любимцамъ часто приходилось еще долго съ трудомъ пробираться по сумрачнымъ дебрямъ закулиснаго лабиринта. Это соображеніе считаемъ нужнымъ высказать въ виду слишкомъ распространенныхъ и несолько несправедливыхъ, по нашему мнѣнію, обвиненій Дидло въ томъ, что будто бы онъ умѣлъ только немилосердно ломать ноги своимъ ученикамъ¹⁾.

На Мартынова Дидло, несомнѣнно, обращалъ большое вниманіе; онъ поставилъ его въ первую пару и предназначалъ его къ званію первого танцовщика. Спору нѣть, что большинство изъ наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ Дидло, а въ томъ числѣ и Мартыновъ, не могли удовлетвориться стать любезными сердцу своего учителя сильфами, зефирами и амурами и легко разставались съ ними при первой возможности, а потомъ охотно подсмѣивались надъ смѣшнымъ фанатизмомъ своего бывшаго тирана; но именно пройденный у него искусъ, вѣ-время окончившійся и замѣненный болѣе осмысленнымъ служенiemъ музамъ, едва-ли проходилъ совсѣмъ безъ пользы. Въ драматическомъ классѣ обратилъ вниманіе на Мартынова П. А. Карапыгинъ, и Гедеоновъ сталъ настойчиво совѣтовать Мартынову посвятить себя драматическому искусству. Но тутъ, какъ говорить Мартыновъ, «судѣ было угодно отодвинуть меня отъ моего призванія. Любя живопись еще въ домѣ Е. А. Сухозанетъ, я поступилъ въ ученье къ декоратору Канопи. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Канопи умеръ, и я оставилъ живопись²⁾). Впрочемъ подобныя отклоненія отъ призванія повторяются не разъ въ бiографiяхъ нашихъ замѣчательныхъ артистовъ, и они невольно наводятъ на мысль о томъ, какъ трудно бываетъ иногда вѣрно определить его въ раннемъ возрастѣ.

¹⁾ «Музыкальный Свѣтъ», 1876, и «Очеркъ исторіи русской сцены», Бураковскаго. Спб. 1877 г.

²⁾ «Сѣверная Пчела», 1860, № 205.

Любопытно то, что артистъ Брянскій, обучавшій Мартынова раньше Каратыгина 2-го, представляя послѣднему своихъ учениковъ, такъ отозвался о немъ: «Вотъ этотъ мальчуганъ учится у Конопи живописи и просится перейти въ драматический классъ; я заставилъ его выучить одну роль, прослушалъ его, но, кажется, лучше ему оставаться краскотеромъ: выговоръ у него дурной, голосъ слабый и, кажется, изъ него толку не будетъ»¹⁾). Кто же виноватъ, что даровитаго юношу лучше умѣлъ разгадать балетмейстеръ Дидло, нежели драматический актеръ Брянскій. Наконецъ, пора колебаний проходить, артистъ открываетъ свое настоящее поприще. Этимъ, однако, не кончаются безчисленныя препятствія на пути къ успѣхамъ и славѣ. Сначала юношѣ приходится долго сидѣть на незначительныхъ роляхъ, терпѣть нужду, выносить тяжелыя нравственныя испытанія. Еще въ школьныхъ спектакляхъ, благодаря покровительству Гедеонова, Мартыновъ сталъ выдвигаться и особенно съ большимъ успѣхомъ игралъ въ пьесѣ своего учителя Карапыгина «Знакомые незнакомцы». Потомъ, въ 1832 г., будучи воспитанникомъ, онъ дебютировалъ въ незначительномъ и пустомъ водевилѣ «Филатка и Мирошка», послѣ чего удостоился выпуска изъ школы съ низшимъ окладомъ жалованья. Уже въ послѣднее время пребыванія въ школѣ онъ съ жаромъ проходилъ комическія роли подъ руководствомъ новаго учителя, П. А. Карапыгина, который умѣлъ лучше Брянского понять и оцѣнить способности своего воспитанника. Но далеко было еще время настоящей сценической дѣятельности, а между тѣмъ Мартыновъ жестоко страдалъ отъ нужды и неимѣнья хорошихъ ролей. Если онъ съ честью выдержалъ и завоевалъ себѣ наконецъ достойное его таланта положеніе въ труппѣ, если его не загубила нужда, то причиной этого были врожденная доброта и благодушіе, несомнѣнно сильно облегчавшія прохожденіе тернистаго пути. Но сколько пришлось ему перенести прежде, чѣмъ сдѣлаться любимцемъ публики, показываетъ его собственный разсказъ о томъ, какъ, живя вмѣстѣ съ товарищемъ по школѣ, они чистили другъ другу сапоги и платье, какъ часто недоставало имъ денегъ даже на покупку сальной свѣчи, такъ что приходилось изучать роли при поэтическомъ свѣтѣ луны. Однажды, благодаря усиленной экономіи, Мартынову удалось купить новую пару платья; но когда онъ, возвратившись съ прогулки по Невскому проспекту, заснулъ крѣпкимъ сномъ, то, проснувшись, долженъ былъ убѣдиться, что платье его похищено, и ему пришлось снова щеголять въ изношенномъ сюртукѣ. А между тѣмъ въ юношѣ кипѣли силы, и онъ сознавалъ свое призваніе, будучи въ то же время обреченъ на безсрочное долгое терпѣніе. Положеніе сдѣжалось еще труднѣе, когда молодой

¹⁾ Вольфъ «Хроника С.-Петербургскихъ театровъ», т. I, стр. 32.

артистъ женился и семья его быстро росла, и все-таки, несмотря на явную благосклонность къ нему публики, ему предстояло еще отчаянно и упорно бороться съ нуждой.

Въ этотъ первый періодъ своей артистической дѣятельности Мартыновъ переигралъ множество водевильныхъ ролей, затѣмъ ему приходилось при тогдашнемъ репертуарѣ участвовать большей частью въ мелодрамахъ. Относительно водевилей возможно предположеніе, что они могли быть даже полезны для молодаго артиста, какъ школа—по крайней мѣрѣ такое мнѣніе о водевилѣ существуетъ у нѣкоторыхъ опытныхъ артистовъ: сыграть водевиль далеко не легко, и способностямъ артиста здѣсь всегда найдется извѣстное приложеніе—при томъ, конечно, условіи, чтобы водевиль не быть какой-нибудь ничтожной пошлостью. Но мелодрамы, по своей неестественности, могутъ только вредить или по меньшей мѣрѣ задерживать развитіе таланта. Какъ бы то ни было, черезъ все это надо было пройти, чтобы найти наконецъ свое мѣсто на сценѣ. Послѣднее было не легко для Мартынова еще и потому, что онъ всегда былъ совершенно чуждъ низкопоклонства, а между тѣмъ оно было почти необходимо въ театральной сферѣ, при чемъ угоджать надо было не только театральному начальству, но даже и Фаддею Венедиктовичу Булгарину, имѣвшему тогда большое вліяніе въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, а въ томъ числѣ даже и въ театрѣ, благодаря издаваемой имъ «Сѣверной Пчелѣ» и весьма не равнодушному къ самой подлой лести и подслуживанью. Дѣло въ томъ, что вліятельнымъ и почти единственнымъ органомъ, где печатались театральные отчеты и рецензіи, была тогда почти исключительно «Сѣверная Пчела», чрезвычайно любившая, чтобы артисты являлись къ ней на поклонъ въ редакцію, а такъ какъ «Пчела» никогда не имѣла удовольствія видѣть у себя въ редакціи Мартынова, то и предпочитала хранить о немъ гробовое молчаніе, какъ бы хороша ни была игра молодаго артиста. Само собой разумѣется, что долго продолжаться такъ не могло, и Мартыновъ при своемъ выдающемся таланѣ, хоть и поздно, былъ вознагражденъ за это намѣренное замалчиванье его заслугъ восторженными похвалами другихъ органовъ печати и постоянными аплодисментами публики, которые наконецъ заставили иныхъ опасаться, чтобы эти триумфы не отозвались вредно на игрѣ артиста. Въ своей статьѣ «И мои воспоминанія о театрѣ» Р. М. Зотовъ писалъ въ 1840 г.: «Мартыновъ сдѣлался нынѣ однимъ изъ любимѣйшихъ сюжетовъ. У него много комизма, и если онъ усовершенствуется, то будетъ очень хорошимъ артистомъ. Къ сожалѣнію, онъ впадаетъ часто въ неестественность и тривіальность.

«И это все происходитъ отъ неумѣреныхъ похвалъ журналистовъ и отъ страсти къ аплодисментамъ, которые погубили

столько талантовъ! Да спасеть его судьба отъ этого несчастія! Истинный комізмъ всегда соединенъ съ естественностью, чистымъ вкусомъ и благородствомъ: какъ бы низка ни была играемая роль,—но истинное искусство можетъ ее облагородить и украсить на сценѣ,—а малъшая привильность уронитъ ее еще больше. Г. Мартыновъ имѣть много, очень много способностей и неподдѣльного дарования. Недостаетъ ему друзей съ чистымъ вкусомъ и беспристрастной опытностью¹). Пусть такъ; но это еще больше показываетъ трудность достиженія истиннаго успѣха и славы на сценическомъ поприщѣ, и тѣмъ больше чести артисту, преодолѣвшему всѣ препятствія. Впрочемъ, намъ кажется сомнительнымъ это беспокойство Зотова и его жалобы на лишнія похвалы печати молодому Мартынову. Можетъ быть, Зотову пріятнѣе были такие отзывы о Мартыновѣ, какъ Ф. В. Булгарина, который находилъ, что «Мартыновъ отлично хороший буффо, т. е. комикъ, разыгрывающій не характерныя, но смѣшныя роли, карикатуры»²). И только! Больше ничего не сумѣть разсмотрѣть въ даровитомъ комику Фаддей Венедиктовичъ, имѣвшій замѣчательный даръ не понимать ничего истинно-замѣчательного и превозносить бездарность. А между тѣмъ въ то же почти время Бѣлинский уже сравнивалъ Мартынова съ Живокини и даже предсказывалъ первому болѣе блестательную будущность. «Что касается до Живокини—здѣсь (въ Петербургѣ) Мартыновъ, и какъ онъ еще молодъ, и можно надѣяться, что будетъ совершенствоваться, то едва-ли не Москва должна завидовать Петербургу»³). «Вотъ, господа, талантъ! Если онъ будетъ изучать и учиться, то не только водевиль, но и комедія долго еще не осиротѣютъ на Александринскомъ театрѣ»⁴).

Въ большинствѣ же отчетовъ обыденныхъ и мало известныхъ театральныхъ обозрѣвателей мы еще находимъ очень скучная свѣдѣнія о Мартыновѣ; его обыкновенно хвалять, но еще далеко не подозрѣваютъ его будущаго значенія. Мы узнаемъ только, что «Мартыновъ наградилъ сторицею за скучу», которую успѣла нагнать пьеса и другіе исполнители⁵), что въ сценѣ, въ которой онъ является въ женскомъ платьѣ, публика не умолкала отъ хохота⁶), что въ маленькой роли учителя чистописанія, дающаго уроки барышнѣ тайкомъ отъ ея жениха, онъ явился передъ публикой типичнымъ лицомъ съ тщательно приглаженной

¹) „Репертуаръ“, 1840, II, „И мои воспоминанія“ Р. М. Зотова, стр. 49.

²) „Репертуаръ русской сцены“, 1840, I, „Панорамический взглядъ“, стр. 24.

³) Сочиненія Бѣлинского, т. III, стр. 181.

⁴) Тамъ же, стр. 189.

⁵) „Репертуаръ русской сцены“, 1839, II, „Отчетъ объ Александринскомъ театре“, стр. 13.

⁶) Тамъ же, „Хроника Александрина театра“, стр. 3.

головкой, обращая самое строгое внимание также и на всю виа́шность, начиная съ костюма и до послѣдняго жеста, съ характеристическими манерами, костюмомъ и интонацией. Во всякомъ случаѣ уже съ самого начала Мартыновъ сталъ заявлять себя между прочимъ искусствомъ гримироваться, въ которомъ впослѣдствіи онъ имѣлъ единственного соперника въ лицѣ В. В. Самойлова. Мартыновъ часто умѣлъ забавлять публику въ самыхъ пустыхъ и безцвѣтныхъ роляхъ¹⁾. Подобно Самойлову, и ему особенно трудно было выдвинуться при Дюрѣ, хотя и на его сторонѣ, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ», были также «Литературные прибавленія къ Русскому Инвалиду», издаваемыя Краевскимъ. Тамъ часто попадаются уже въ концѣ 30-хъ годовъ благопріятные отзывы объ его игрѣ, напримѣръ, что въ водевилѣ Григорьева II «Свѣтъ въ новомъ родѣ или поѣздка въ Парголово» Мартыновъ игралъ стараго подьячаго, вѣчнаго титуларного советника, задумавшаго жениться на дочери откупщика;—костюмъ, движенія, голосъ, взглядъ—все это было совершенствомъ благородной карикатуры, которая въ самомъ серъезномъ жителѣ возбудить не только улыбку, но полный, громкій, неудержимый смѣхъ²⁾). «А въ то же самое время критикъ «Сѣверной Пчелы» В. В. В., т. е. Владимиръ Строевъ, писалъ: «Можетъ ли «Недоросль» идти хорошо, когда Митрофана играетъ Мартыновъ? Этотъ молодой артистъ по недостатку врожденного комизма (?) всегда прибѣгааетъ къ фарсамъ». Театральная администрація, въ свою очередь, тоже почему-то долго не благоволила къ Мартынову и давала артисту Куликову, известному будущему режиссеру, явное предпочтеніе какъ передъ нимъ, такъ и передъ В. В. Самойловымъ. До чего доходило униженіе великаго артиста, можно судить уже потому, что его заставляли иногда въ дивертизентахъ просто плясать трепака. Мартынову, какъ артисту, приходилось также раздѣлять негодованіе слѣпыхъ приверженцевъ рутины съ такими геніальными драматическими писателями, какъ Гоголь. Однажды «Репертуаръ и Пантеонъ», желая тѣмъ паче унизить неудачную передѣлку для сцены «Мертвыхъ Душъ», утверждалъ, что неуспѣхъ пьесы былъ полнѣйший и что даже Мартыновъ разсказомъ о капитанѣ Копѣйкинѣ не только не сорвалъ улыбки съ устъ публики, но чутъ не усыпилъ ее.

Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже встрѣчались враждебные отзывы о Мартыновѣ, и все чаще отмѣчались крупныя достоинства его игры. Число поклонниковъ его возростало чуть не съ каждымъ днемъ, и если еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ однажды къ нему неожиданно явился благо-

¹⁾ «Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, III, X, стр. 7.

²⁾ «Литературные прибавленія къ „Русскому Инвалиду“».

дарить за высокія художественныя наслажденія незнакомецъ, оказавшійся барономъ Брамбесомъ, съ тѣхъ поръ какъ ему удалось выступать то въ «Школѣ Женщинъ», то въ «Скупомъ» Мольера, то въ пьесахъ Гоголя,—между знатоками разногласіе уже постепенно смолкаетъ. Мартыновъ заставляетъ положительно изумляться быстрому росту своего таланта. Однажды въ пьесѣ «Дѣдушка Назарь Андреевичъ» онъ въ высшей степени художественно изобразилъ безпредѣльное добродушіе дѣдушки. «Этого дѣдушку превосходно сыгралъ г. Мартыновъ»—замѣчаетъ «Репертуаръ»: «сколько искусства, сколько таланта! Едва вѣришь, чтобы этого дѣдушка игралъ такой молодой человѣкъ, какъ г. Мартыновъ. Высокій талантъ»¹). И все-таки материальное положеніе артиста почти не улучшалось и въ сущности продолжало оставаться самымъ незавиднымъ: изъ его автобіографіи видно, что въ то же самое время, когда, по выражению г. Вольфа, онъ выносилъ на своихъ плечахъ весь репертуаръ, онъ продолжалъ получать низкій окладъ въ 609 руб. ассигнаціями и бѣдствовалъ съ семьей самымъ отчаяннымъ образомъ, являясь иногда на спектакли голодный и холодный. Такъ поощрялись тогда геніальные артисты!..

Въ 1840 годахъ Мартынову приходилось часто играть въ пустѣйшихъ и нелѣпѣйшихъ водевиляхъ вродѣ «Здравствуйте, братцы, или прощайте», «Тигровая кожа», «Рецептъ для исправленія мужей». Но, какъ мы говорили, на его долю стали выпадать уже и такія роли, какъ роль Гарпагона, въ которой Мартыновъ игралъ этого типичнаго скупца превосходно и вполнѣ самостоятельно, не поддаваясь вліянію даже Щепкина. Въ «Игрокахъ» Гоголя онъ былъ такъ хороши въ роли Замухрышкина, что Бѣлинскій замѣтилъ по поводу его игры: «мы только тутъ, вполнѣ разгадали, какимъ огромнымъ талантомъ обладаетъ этотъ молодой артистъ, потому что только художественно-созданныя и исполненные глубокаго смысла роли могутъ быть пробнымъ камнемъ таланта»²). Бѣлинскій находилъ, что если бы Мартыновъ развилъ въ себѣ патетический элементъ до той же высокой степени, до какой онъ развилъ въ себѣ комическій, то «на петербургской сценѣ былъ бы свой Щепкинъ»³). Любопытно, что даже толпа стала наконецъ высказывать о Мартыновѣ сужденія чрезвычайно мѣткія и не лишенныя извѣстной остроты и проницательности. Такъ, когда въ концѣ 1846 года поставлена была на сцену пьеса Яфимовича «Кошѣй», въ которой Мартынову принадлежала роль скупца Дряжкина, представлявшаго собою очевидно подражаніе

¹), Репертуаръ и Пантеонъ, 1842, XIII, „Александринскій театръ“, стр. 22.

²) Соч. Бѣлинскаго, т. IX, стр. 227.

³) Соч. Бѣлинскаго, т. XII, стр. 46.

изображенію Плюшкина съ прибавленіемъ кое-какихъ мелодраматическихъ эффектовъ, то въ публикѣ раздавались голоса, что «губить родныхъ и закалывать не Мартыновское, а Каратыгинское дѣло» ¹⁾). Въ пьесѣ Кони «Дѣловой человѣкъ» Мартыновъ сумѣлъ вполнѣ проникнуть въ характеръ и тѣсно сростись съ формами и манерами солиднаго чиновника съ крестомъ на шеѣ, съ просѣдью въ волосахъ и прекрасною молодою женщиной въ законномъ бракѣ» ²⁾). Въ «Мнимомъ больномъ» онъ создалъ типъ шарлатана-доктора, и наконецъ онъ имѣлъ большой успѣхъ въ извѣстномъ водевилѣ Ленскаго «Левъ Гурычъ Синичкинъ». Сверхъ того во многихъ другихъ комическихъ роляхъ онъ обнаруживалъ столь сильный талантъ, что заставлялъ публику хохотать до слезъ. Онъ игралъ мастерски однажды даже въ женской роли, именно въ пьесѣ Яфимовича «Нашествіе иноплеменныхъ», гдѣ изображалъ горничную; впрочемъ, въ данномъ случаѣ онъ былъ только невыразимо смѣшнъ, но иллюзіи не получалось. Но всего блестательнѣе онъ проявилъ свой талантъ въ водевилѣ «Приключение въ Полюстровѣ». Надо замѣтить, что стѣсненный нуждою, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ необыкновенно щедрый и гостепріимный, ничего не жалѣвшій не только для родныхъ и близкихъ людей, но и для знакомыхъ вообще, Мартыновъ очень часто попадалъ въ крайне затруднительное положеніе, но, привыкнувъ всегда вполнѣ полагаться на свой трудъ и талантъ, рѣшительно не признавалъ никакихъ разсчетовъ и бюджетовъ и точно также не всегда умѣлъ распорядиться своимъ временемъ. Все это приводило къ тому, что онъ долженъ былъ предпринимать въ свободное время поѣздки въ провинцію, исполнять множество разнообразныхъ ролей и вообще вести беспорядочную и беспокойную жизнь и т. п. Въ послѣднемъ отношеніи онъ впаль въ ошибку, сходную съ ошибкой артистки Асенковой. Даже сослуживцы его просто не могли постигнуть, когда онъ успѣвалъ не только изучать, но хотя обдумывать роли. Къ тому же Мартынова чрезвычайно избаловалъ его необыкновенный талантъ: онъ часто даже на послѣднихъ репетиціяхъ читалъ роли по тетрадкѣ и при томъ какъ школьникъ, безъ всякаго выраженія, но когда онъ выходилъ на сцену, то своей игрой приводилъ публику въ восторгъ, а своихъ сотоварищѣ-артистовъ—въ величайшее изумленіе: до того поразительна была разница между его зауряднымъ чтеніемъ роли на послѣдней репетиціи и художественнымъ исполненіемъ ея передъ публикой. Отсюда въ немъ развилась наконецъ такая самоувѣренность, что, попавъ въ дружескую компанію, онъ совершенно непростительнымъ образомъ забывалъ иногда о завтрашнемъ спектаклѣ. И вотъ случилось однажды, что на послѣд-

¹⁾ Вольфъ, „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ“, т. I, стр. 119.

²⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. XII, стр. 40.

ней репетиціі онъ поразилъ всѣхъ совершенныемъ отсутствіемъ подгото-
твки къ представлению. Насталъ день спектакля. Всѣ артисты боя-
лись за своего любимаго товарища, который, какъ положительно всѣ они
знали навѣрное, не успѣлъ усвоить себѣ рѣшительно ни одного слова
изъ роли. Мартыновъ вышелъ изъ затрудненія слѣдующимъ образомъ:
онъ вышелъ на сцену съ трубкой и, по обыкновенію прислушиваясь
къ словамъ супфлера, безостановочно курилъ и медленно, отрывочно
произносилъ слова, и такимъ образомъ благополучно провелъ свою роль.
Но особенно замѣчательно было то, что Мартыновъ не просто извер-
нулся въ критическомъ положеніи, но создалъ превосходный и ориги-
нальный типъ, вполнѣ вѣрный дѣйствительности. «Въ этомъ лицѣ»—
говоритъ «Репертуаръ»—«была не карикатура, не пошляя насмѣшка
надъ чиновникомъ: нѣтъ, это физиология цѣлаго класса людей, составляю-
щаго значительную часть нашего общества, физиология рѣзкая, порази-
тельная своей истиной, заключающая въ себѣ полную исторію быта,
понятій, помысловъ цѣлой касты. Глядя на этого чиновника, вы
въ одинъ мигъ угадываете степень его образованности, его наклонно-
сти и желанія; вы видите его прошедшее и будущее; узнаете, каковъ
онъ долженъ быть съ начальникомъ и каковъ съ подчиненными—вся
душа его передъ вами на изнанку ¹⁾».

Въ 40-хъ годахъ репертуаръ Мартынова былъ уже гораздо серьез-
нѣе и разнообразнѣе: въ «Ревизорѣ» онъ игралъ Бобчинскаго и Хле-
стакова (впрочемъ, послѣднюю роль не особенно удачно), Подколесина
въ «Женитьбѣ», Ихарева въ «Игрокахъ», Бортоло въ «Севильскомъ
Цирульнику», Загорѣцкаго въ «Горе отъ ума», могильщика въ «Гам-
летѣ» и Гарпагона, Журдена, Сганареля и Жеронта въ Мольеровскихъ
роляхъ. Въ пьесѣ «А. и Ф.» роль Мордашева была рѣшительно триумфомъ
Мартынова, особенно выразительно произносившаго любимыя слова дѣ-
спота семьи, съ которыми онъ постоянно обращается къ домашнимъ:
«Я такъ хочу, ни слова, ни полслова, ни четверть слова!»

Главные достоинства Мартынова, какъ комика, заключались въ томъ,
что, кроме совершенного перерожденія въ каждой новой роли, онъ былъ
одаренъ всѣми стихіями высоко-комического выраженія и обладалъ за-
мѣчательнымъ артистическимъ тактомъ, позволявшимъ ему вѣрно уга-
дывать существенную комическую черту изображаемаго характера. Мар-
тыновъ умѣлъ создавать роль по нѣсколькимъ намекамъ на нее въ пьесѣ,
вследствіе чего ему удавалось вдохнуть жизнь въ самые безцвѣтные
характеры; въ пьесѣ Акселя «Квартетъ» онъ долженъ былъ въ роли
глухаго любителя музыки сказать всего нѣсколько словъ, но онъ умѣлъ
изъ этого скучнаго матеріала произвести чудное, художественное созда-
ніе, нарисовать самыми яркими красками тонъ меломана.

¹⁾ „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1848, 2, „Театральная Лѣтопись“, стр. 40.

Кто не знаетъ Мартынова, кого онъ не морилъ со смѣху? Мартыновъ въ отношеніи къ игрѣ настоящій Протей. У него, чтѣ роль, то другой человѣкъ. Не однимъ парикомъ и фракомъ, не одной искусно подмалеванной маской, опредѣляетъ онъ индивидуальность дѣйствующаго лица, онъ создаетъ характеръ тамъ, гдѣ его иѣть въ пьесѣ. Почти каждой роли своей Мартыновъ придаетъ общую, типическую физиономію, столь же глубоко обдуманную, столь же гармонически согласованную во всѣхъ своихъ подробностяхъ, какъ и мастерски выдержанную,— съ первой сцены до послѣдней. Возьмемъ, для примѣра, хоть Наумыча въ «Женѣ кавалериста». Извольте видѣть, тутъ и лицо, и руки, и ноги, и туловище, и голосъ—все глупо, все смѣшио до крайности и все подгуляло. Особенно интересенъ для нашихъ землевладѣльцевъ Мартыновъ въ роли Точки въ «Полюбовномъ размежеваніи». «Это онъ! это онъ!» могли бы мы запѣть хоромъ на мотивъ въ «Дочери втораго полка» и поклониться Мартынову, какъ первообразу несчетнаго множества знакомыхъ въ этомъ родѣ¹⁾.

Наконецъ, чтѣ всего главнѣе, въ игрѣ этого артиста всегда было такъ много души, что онъ увлекалъ и волновалъ зрителей разнообразными чувствами—и все это доставалось ему легко, почти шутя. Только одного недоставало Мартынову—это обаятельной, задушевной веселости, которая дѣлала такими привлекательными даже фарсы Живокини, и не всегда, какъ мы говорили, давались ему также роли иностранцевъ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ былъ небольшой промежутокъ времени, когда слава Мартынова готова была нѣсколько померкнуть, когда въ печати высказывалось недовольство имъ и въ ущербъ ему высоко ставились другіе артисты, особенно Самойловъ. Время это было очень непродолжительно, и неблагопріятныя впечатлѣнія вскорѣ не только совершенно изгладились, но и смѣнились самыми блестящими троумфами, какіе только суждены были ему за все время его сценической карьеры. До сихъ поръ Мартынова считали исключительно талантливымъ или даже, пожалуй, геніальнымъ комикомъ, какъ вдругъ онъ выступилъ съ огромнымъ успѣхомъ въ народной драмѣ Потѣхина «Чужое добро въ прокѣ не идетъ». Здѣсь снова передъ изумленной публикой во всемъ блескѣ развернулся колоссальный талантъ артиста, и съ этихъ поръ до самой смерти его слава продолжала возрастать безпрерывно. Въ роли Михаила онъ былъ превосходенъ. Послѣ этого онъ превосходно исполнялъ роль Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго», хотя все-таки въ ней онъ и не могъ сравниться съ московскимъ артистомъ П. М. Садовскимъ. Въ 1859 г. Мартыновъ выступилъ въ пользующихся тогда большимъ успѣхомъ пьесахъ Чернышева: «Не въ деньгахъ счастье»,

¹⁾ «Пантонъ», 1852, 4, Театральная Лѣтопись, стр. 40.

«Отецъ семейства» и «Женихъ изъ долгового отданія». Въ первой изъ этихъ пьесъ Мартыновъ съ большимъ успѣхомъ исполнялъ роль плута купца Боярышникова, который бросилъ на произволъ судьбы свою возлюбленную съ дочерью Машенькой, женился изъ-за приданаго на нелюбимой женщинѣ. Вообще — говорили — «Мартыновъ, какъ и Щепкинъ, играютъ только въ хорошихъ роляхъ, тогда какъ Самойловъ и Шумскій соглашались иногда исполнять и посредственные роли, для того собственно, чтобы заставить всѣхъ говорить, что хорошій артистъ можетъ все сдѣлать даже изъ плохой роли»¹⁾). Публика вдругъ оцѣнила великаго артиста, и часто въ антрактахъ слышались восторженные толки о его геніальности, какъ будто это было какое-нибудь неожиданное открытие. Литераторы окружили Мартынова большимъ почетомъ, приходили къ нему въ уборную, обнимали, привѣтствовали; въ честь его давали обѣды, произносили стихи. Популярность Мартынова до того росла въ послѣдніе годы его жизни, что имя его стало известно въ Европѣ, и иностранные артисты, прѣѣзжавшіе въ Петербургъ, живо интересовались его игрой. Одинъ изъ нихъ, вѣкто Алланъ, — признавалъ даже, что во всю свою жизнь ему не случалось встрѣчать такой сильный талантъ ни на одной изъ европейскихъ сценъ. Другой артистъ, иностранецъ Лабрасъ, однажды смылся отъ души, глядя на Мартынова въ «Знакомыхъ незнакомцахъ», и когда его съ удивленіемъ спросили, развѣ онъ понимаетъ по-русски, онъ, говорять, отвѣтилъ: «Я не понимаю по-русски ни слова, но я понимаю Мартынова». Въ «Грозѣ» Мартыновъ игралъ роль Тихона Кабанова и вложилъ въ нее столько души и особенно столько драматизма въ заключительной сценѣ, где у Тихона прорываются среди глубокаго отчаяннаго вопля жестокія слова укора матери, что трудно было удержаться отъ слезъ. Вообще на границѣ шестидесятыхъ годовъ этотъ артистъ привлекалъ публику больше всего въ драматическихъ роляхъ. И вотъ именно въ то время, когда онъ находился въ апогѣѣ славы, когда его дарованіе сверкало яркимъ пламенемъ, — какъ оказалось, вскорѣ, — дни артиста были уже сочтены, такъ что послѣдніе триумфы его сдѣлали еще болѣе нервическимъ и трогательнымъ прощаніе публики съ такимъ гигантскимъ талантомъ...

Какая жестокая насыпка судьбы! Именно въ два-три послѣднихъ года жизни Мартыновъ былъ наконецъ въ высшей степени удовлетворенъ нравственно: человѣкъ застѣнчивый и скромный, онъ не любилъ шумныхъ оваций и смущался, когда его чествовали публично, но чувство благодарности оцѣнившей его публики и сознаніе полнаго своего сценическаго торжества нерѣдко переполняли его душу самымъ чистымъ

¹⁾) «Русск. сцена», 1864, № 6.

и свѣтлымъ счастьемъ, какое только достается когда-нибудь человѣку. Теперь общество боготворило Мартынова, и товарищи всегда искренно желали ему успѣховъ на сценѣ и въ жизни и такъ единодушно любили его, какъ едва-ли могли любить кого-нибудь другаго. И въ самомъ дѣлѣ, личность его была въ полномъ смыслѣ слова обаятельная: всегда веселый и радушный, въ высшей степени доброжелательный ко всѣмъ и каждому, Мартыновъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, въ обществѣ которыхъ забывается горе и чувствуется на душѣ легко. Мартыновъ умѣлъ любить своихъ друзей беззавѣтно, ничего не жалѣя для нихъ и будучи всегда готовъ для каждого изъ нихъ пожертвовать по-слѣднимъ. Всѣ воспоминанія о немъ рѣшительно сходятся въ признаніи за этой дивной душой замѣчательной сердечной теплоты. Подобные люди встрѣчаются въ жизни не часто и оставляютъ по себѣ обыкновенно самое свѣтлое воспоминаніе. Мартыновъ, не будучи згоистомъ, не могъ подозрѣвать и въ другихъ людяхъ мелочныхъ разсчетокъ, продажности, вообще никакихъ низкихъ побужденій. Зато безграницно добрый и въ другихъ случаяхъ, онъ способенъ быть иногда дать чувствительный урокъ какому-нибудь безстыжему нахалу. Такъ въ своей интересной книжѣ «Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы» г. Максимовъ разсказываетъ любопытный случай, какъ Мартыновъ проучилъ одного зазнавшагося сановника, когда-то въ бѣдности и нищетѣ пользующагося его помощью. За имениннымъ столомъ Мартыновъ не спускалъ глазъ съ своего прежняго пріятеля и, наконецъ, на вопросъ послѣдняго о причинѣ этого, сказалъ, что онъ такъ пристально всматривается въ него потому, что сомнѣвается, та ли это личность, которую онъ когда-то зналъ.

— Неужели я такъ перемѣнился? — съ небрежной улыбкой спросилъ сановникъ.

— Да, невѣроятно, перемѣнились! — отвѣчалъ Мартыновъ: прежде я васъ жалѣлъ, а теперь боюсь.

Послѣ этихъ словъ онъ началъ въ присутствіи всѣхъ гостей напоминать своему жалкому собесѣднику прошлое и привелъ его въ такое замѣшательство, что тотъ уже на всю жизнь сдѣмался заклятымъ врагомъ Мартынова¹⁾. Умѣлъ также Мартыновъ отпарировать дерзкую выходку, съ достоинствомъ пристыдить охотниковъ до колкостей. Но въ своеемъ домѣ, въ обществѣ пріятелей и знакомыхъ, это былъ по истинѣ золотой человѣкъ: такого радушія, такого гостепріимства нельзѧ себѣ представить. Домъ его былъ всегда открытъ для гостей, и этотъ образъ жизни обходился ему настолько дорого, что, по словамъ г. Максимова, ежемѣсячный счетъ, подаваемый булочникомъ, никогда не былъ меныше ста

¹⁾ «Свѣтъ и тѣни Петербургской драматической труппы», 45—46.

рублей. И находились люди, которые за спиной по этому поводу смеялись надъ Мартыновымъ и увѣряли съ цинизомъ, что потому ходить къ нему ужинать, что «въ Мартыновскомъ трактире угощеніе обходится несравненно дешевле всѣхъ прочихъ».

По благородству характера и необыкновенной общительности, къ Мартынову больше всѣхъ подходилъ Иванъ Ивановичъ Сосницкій. Этотъ артистъ, подобно Мартынову, въ высшей степени деликатно обходился съ такъ называемыми маленькими актерами, никогда не давалъ чувствовать своего превосходства и старался всегда поставить себя съ ними на такую ногу, чтобы самый робкій былъ свободенъ и весель въ его обществѣ. Сосницкому и Мартынову было бы непріятно видѣть со стороны какого-нибудь мелкаго сослуживца низкое подобострастіе, и они больше всего заботились о томъ, чтобы ихъ товарищи не унижали достоинства артиста и николько не думали о собственномъ превознесеніи надъ низшими.

Легко, однако, понять, что житейская проза, жестоко мстящая обыкновенно за пренебреженіе къ себѣ, не пощадила и Мартынова: онъ могъ жить широко, постоянно содержа у себя цѣлое народонаселеніе, покрывая всѣ издергки своимъ огромнымъ заработкомъ, который доставлялъ ему талантъ; но силы его истощались, и жизненная энергія должна была рано погаснуть. Въ сферѣ артистической, разумѣется между крупными артистами, всего чаще встречаются такие люди, слишкомъ увѣренны въ себѣ, желающіе сильно жить и не разсчитывающіе своихъ силъ. Въ опьяняющемъ водоворотѣ постояннаго напряженія душевныхъ силъ и захватывающаго и потрясающаго душу успѣха легко вырабатываются характеры людей, подобныхъ Мартынову или Дюру. Зато и жизненный разсчетъ нерѣдко наступаетъ для нихъ слишкомъ рано. Для Мартынова при его широкой, страстной натурѣ оказался гибельнымъ его послѣдній колоссальный успѣхъ. «Слава о гигантскомъ таланте Мартынова» — говорить г. Бураковскій — «съ быстрой электрической искры распространилась въ обѣихъ столицахъ». Артиста буквально носили на рукахъ, давали въ честь его обѣды, — подносили ему альбомы. Весь этотъ наплыvъ сильныхъ впечатлѣній, безъ сомнѣнія, подтачивалъ и безъ того ослабленный неумѣренной жизнью организмъ. На одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Мартынова литераторами, онъ былъ застигнутъ врасплохъ произносимыми въ честь его рѣчами и вызвалъ даже серьезное неудовольствіе: ему ставили въ упрекъ, что онъ долженъ быть ожидать привѣтствій и хотя бы приготовиться заранѣе къ отвѣту на нихъ. Но Мартыновъ, не принадлежавшій къ числу мастеровъ застольного краснорѣчія, дотого глубоко почувствовалъ и неловкость своего положенія, и призательность къ чествующимъ, что, вернувшись домой, спѣшилъ передать своей женѣ альбомъ съ рѣчами и стихами, бро-

сился на диванъ и громко зарыдалъ. Между тѣмъ, какъ это обыкновенно бываетъ, чествованія сопровождались обильными возвліяніями Бахуса и чрезмѣрнымъ подъемомъ всей нервной системы, такъ что результатомъ всего этого не замедлила явиться тяжкая болѣзнь, подточившая силы Мартынова и вскорѣ уложившая его въ могилу. Онъ началъ сильно болѣть еще съ 1857 г., когда лѣтомъ жилъ въ Павловскѣ. Послѣ того какъ опасность миновала, друзья уговорили его поѣхать лѣчиться за границей, въ Италию и въ Эмсъ. Лучшіе заграничные медицинскіе авторитеты высказались въ томъ смыслѣ, что, несмотря на разстроенное состояніе легкихъ, здоровье больнаго можетъ быть восстановлено при нормальному образѣ жизни. Къ сожалѣнію, на послѣднее Мартыновъ былъ совершенно неспособенъ и, вернувшись въ Петербургъ, тотчасъ же по-прежнему бросился съ головой въ омутъ артистическихъ наслажденій и бурнаго упоенія жизнью. Онъ предпринялъ потомъ вторичную поѣздку за границу и наконецъ отправился на югъ Россіи; но здѣсь выѣсто отдыха быть принужденъ своимъ хроническимъ безденежьемъ работать сверхъ силъ; игралъ въ Воронежѣ, потомъ направился въ Харьковъ и наконецъ въ Одессу. Изъ Одессы онъ перѣхалъ въ Крымъ, чтобы пить въ Ялтѣ кумысъ. Знаменитый драматургъ, А. Н. Островскій, съ трогательнымъ участіемъ ухаживалъ за больнымъ, какъ нянька, приглашалъ докторовъ, наблюдалъ за исполненіемъ ихъ предписаній, но недостававшихъ легкихъ возвратить страдальцу было уже невозможно. 16-го августа 1860 года Александръ Евстафьевичъ скончался на рукахъ А. Н. Островскаго.

Такъ трагически и прежде времени кончилась жизнь великаго актера и благороднаго человѣка. Въ Одессѣ память усопшаго почтили достойнымъ образомъ: большое сочувствіе къ нему высказалъ собственно университетскій міръ. Три версты тѣло его несли артисты, перемѣняясь со студентами. Но все это было ничто передъ тѣмъ печальнымъ торжествомъ, которое происходило потомъ въ Петербургѣ, когда туда былъ привезенъ гробъ покойнаго. Весь Невскій проспектъ былъ запруженъ отъ Знаменія до Адмиралтейства; много головъ высывались изъ оконъ, всѣ балконы были набиты народомъ. Погода была чудная; всѣ дома были залиты солнечнымъ свѣтомъ. Когда гробъ хотѣли поставить на дороги, въ толпѣ раздались крики: «На рукахъ! Мы понесемъ его на рукахъ!» Но гробъ былъ такъ тяжелъ, что пришлось поставить его на дороги; тогда распрягли лошадей, и публика повезла гробъ на себѣ до самаго Смоленскаго кладбища. Кисти балдахина поперемѣнно держали студенты Петербургскаго университета. Общее настроеніе и самое зрѣлище было по истинѣ умилительно. Когда гробъ провозили мимо Александринскаго театра, толпа настоятельно потребовала, чтобы на мѣстѣ служенія покойнаго артиста была совершена литія. Священникъ смущ

тился, боясь навлечь на себя суровую ответственность, но вмѣстѣ съ тѣмъ, растрогавшись и подчинившись общему настроению, не въ силахъ былъ отказать столь единодушно выраженному желанію предстоящихъ. Внезапно кто-то изъ толпы припомнилъ, что при театральномъ училищѣ есть церковь и что такимъ образомъ тяжелая ответственность съ священника слагается... Къ сожалѣнію, отъ этой умильтельной картины приходится перенестись мыслью къ чествованію памяти артиста черезъ годъ послѣ его кончины, когда на могилу къ нему стеклось всего нѣсколько человѣкъ близкихъ его родственниковъ... А теперь... многіе ли помнятъ Мартынова?!

В. Шенрокъ.

(П р о д о л ж е н і е слѣдуетъ).

Учреждение сибирского комитета.

На подлинномъ написано: «Быть по сему».

28-го июля 1821. Царское Село.

Его императорское величество для разсмотрѣнія отчета, представленааго сибирскимъ генераль-губернаторомъ по обозрѣнію сибирскихъ губерній, высочайше повелѣть соизволить составить особенный комитетъ. Къ присутствію въ ономъ назначаются дѣйствительные статскіе совѣтники: гр. Кочубей и гр. Гурьевъ, генералъ-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ князь Голицынъ, сибирскій генераль-губернаторъ тайный совѣтникъ Сперанскій и государственный контролеръ тайный совѣтникъ баронъ Кампенгаузенъ.

Положенія сего комитета имѣютъ быть представляемы на усмотрѣніе его императорскаго величества посредствомъ журналовъ. Для производства дѣлъ быть въ ономъ дѣйствительному статскому совѣтнику Цейеру и состоящему при сибирскомъ генераль-губернаторѣ, корпуса инженеровъ путей сообщенія маюру Батенкову.

Встрѣча съ А. В. Сухово-Кобылинскимъ.

С

ъ срединѣ декабря 1888 года я выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, на рождественскія каникулы, съ почтовымъ поѣздомъ, въ спальномъ вагонѣ втораго класса. Четыре мѣста нашего отдѣленія были заняты съ первымъ звонкомъ; мои спутники быстро размѣстились и, прежде чѣмъ поѣздъ отошелъ, сидѣвшій у окна, наискось отъ меня, стариkъ заснула. Моя сосѣдомъ была подполковникъ гренадерскаго полка, въ очкахъ, съ больными глазами, а напротивъ меня помѣстился плотный господинъ въ бобровомъ воротнике и боярской мѣховой шапкѣ, лѣтъ пятидесяти, съ просѣдью на широкомъ пріятномъ лицѣ.

Когда поѣздъ тронулся, стариkъ проснулся. Наружность его носила печать изящества, предшествовавшаго нашему поколѣнію. Черные волосы были зачесаны височками, красивые усы и изящно расчесанная небольшая борода, очень темнаго цвѣта, не могли скрыть старческую, нѣсколько вольтеровскую, складку рта; носъ съ горбинкой и яркіе, легко загоравшіеся въ разговорѣ, каріе глаза привлекали сразу вниманіе къ его красивому, благородному лицу.

Разговоръ начался тотчасъ же и охотно. Первой темой была болѣзнь глазъ подполковника, ѿхавшаго въ Петербургъ къ докторамъ. Оказалось, что и стариkъ єдетъ въ Петербургъ по какимъ-то своимъ, особыннымъ дѣламъ, на удачу которыхъ онъ не надѣялся.

Это замѣчаніе возбудило любопытство мое и господина въ боярской шапкѣ. Мы стали допытываться, какое дѣло такъ заботить资料 of our teacher, but I am not sure if this is the right interpretation. The text continues:

Чтобы поддержать упавший разговоръ, старый господинъ самъ за-

далъ нѣсколькоъ вопросовъ и, узнавъ, что я изучаю сельское хозяйство, заговорилъ объ этомъ предметѣ съ живымъ интересомъ. Онъ и самъ, за свою долгую жизнь, много поработалъ въ деревнѣ, быть однимъ изъ пионеровъ разведенія лѣса посадкой; въ своемъ имѣніи, въ Тульской губерніи, онъ имѣть уже пятьсотъ десятинъ посаженного лѣса, и труды его награждены большой удачей—лѣсъ ростеть прекрасно. Затѣмъ онъ сталъ разспрашивать меня, какъ поставлено преподаваніе сельского хозяйства въ Петровской Академіи; но я не могъ достаточно обстоятельно ему отвѣтить, такъ какъ въ теченіе первого семестра первого курса, только-что прослушанного, не успѣлъ ознакомиться съ работой старшихъ курсовъ. Не удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, онъ пожелалъ узнать, какие предметы я слушалъ, кто профессора, какъ читаются. На эти вопросы я охотно, съ радостью первокурсника, отвѣчалъ разсказомъ о профессорахъ и научныхъ предметахъ и, полный увлече-
нія лекціями зоологии профессора К. Э. Линдемана, изящнаго оратора, обладающаго исключительнымъ даромъ краснорѣчія, особенно горячо передавшемъ своимъ собесѣдникамъ содержаніе послѣдней лекціи, закончившей семестръ и общую часть курса, въ которой была изложена теорія Дарвина. Услышавъ это имя, старикъ еще разъ заставилъ меня повторить о преемственномъ развитіи зоологическихъ формъ и видовъ и, очевидно отвѣчая своимъ мыслямъ, заговорилъ о томъ, что за его жизнь ему пришлось пережить столько всевозможныхъ запрещеній, налагавшихся на философскую и научную мысль,—и въ Россіи и за границей, гдѣ онъ живалъ подолгу,—что ему очень пріятно узнать, что теперь будущимъ дѣятелямъ въ области сельского хозяйства, вся жизнь которыхъ должна протечь въ общеніи съ природой, на первомъ же курсѣ дается прочное философское обоснованіе для правильнаго пониманія явленій природы.

Реплику подальше сосѣдъ. Въ молодости онъ, занимаясь философией, перевелъ трактать Спинозы; напечатать не позволили, а вотъ теперь, недавно, трактать этотъ вышелъ въ переводѣ Модестова.

Старикъ заинтересовался:

— Вы изволили заниматься философией? Не изволили ли вы быть профессоромъ?

— Да, я имѣть былъ нѣкоторое время, — неохотно отвѣтилъ нашъ спутникъ.

Съ живымъ огонькомъ въ глазахъ, старикъ сказалъ:

— Я тоже уже пятьдесятъ одинъ годъ занимаюсь философией.

— Съ какого же возраста вы изучаете философию?—спросилъ я.

— Съ двадцати лѣтъ, — мнѣ теперь семьдесятъ одинъ, — отвѣтилъ онъ.

Такое признаніе, совершенно необычайное, возможное развѣ въ

качествѣ исключительно рѣдкой дорожной случайности, подогрѣло флегматичнаго профессора, и между нимъ и красивымъ старымъ философомъ завязалась интересная, живая и продолжительная бесѣда, окончившаяся послѣ полуночи, когда профессору и мнѣ пришлось лечь на верхнія мѣста. Для меня эта бесѣда была лекціей, въ формѣ діалога двухъ знатоковъ, по исторіи философской мысли въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіяхъ. Профессоръ также разошелся и охотно поддерживалъ горячую рѣчь старца. Наиболѣе выпуклое впечатлѣніе у меня осталось отъ сдѣланнаго собесѣдниками сопоставленія ученій Гегеля и Дарвина, пришедшихъ, хотя и разными путями, къ ідеѣ эволюції.

Среди разговора профессоръ спросилъ: «Не литераторъ ли вы?» На это старикъ скромно отвѣтилъ: «Да, я немного писалъ».—Но при этомъ заявилъ, что въ теченіе пятидесяти одного года онъ обрабатывалъ философскую систему, которую окончилъ излагать письменно и везетъ теперь съ собой, желая печатать.

— «Конечно»,—прибавилъ онъ,—«я говорю въ своемъ сочиненіи и о религії и о культѣ и не поступлюсь ни единимъ словомъ изъ написаннаго. Всякое исключеніе, какъ вы и сами понимаете, нарушить цѣльность труда, да и возможно предположить, что за пятьдесятъ лѣтъ мышленія»,—замѣтилъ онъ съ добродушнымъ юморомъ,—«я не собираюсь публиковать легкомысленные вещи.—Однако, если все сочиненіе цѣликомъ нельзя будетъ напечатать, я его вовсе не обнародую»,—закончилъ онъ съ энергией.

Кромѣ наружности и самая рѣчь старого господина была необычна: слова принимали такую интонацію, которая соотвѣтствовала ихъ смыслу,—то кипучую, то болѣе покойную; а нѣкоторыя выраженія, красивыя въ его устахъ, звучали бы странно въ рѣчи другаго человѣка. Мнѣ припоминается, напримѣръ, что вместо «слѣдовательно» онъ произносилъ «слѣдственно».

Утромъ, подѣлѣжая къ Петербургу, я заговорилъ съ нимъ о сельскомъ хозяйствѣ за-границею. Онъ мнѣ рассказалъ, что у него и его жены есть помѣстье во Франціи, что крестьяне-сосѣди ихъ любятъ и не только по общему въ то время подъему интереса французскаго народа къ русскимъ, но и потому, что они съ женой давно живутъ въ этомъ имѣніи, знаютъ лично всѣхъ крестьянъ своей деревни и устроили имъ дѣтскія ясли. На вопросъ мой, правдиво ли описание французскаго крестьянина, сдѣланное Zola въ «La terre», онъ отвѣтилъ мнѣ, что да, вполнѣ правдиво, и что многія фигуры этого романа можно признать типичными, какъ, напримѣръ, Jesuscrist: такой точно типъ онъ знаетъ и въ своей деревнѣ.—О томъ, есть ли общія черты въ натурѣ русскаго

мужика и французского земледѣльца, онъ положительно свидѣтельствуетъ, что французъ культурнѣй.

«Чувство чести большие развито во французскомъ крестьянинѣ. Разъ я замѣтилъ, что мои лозы повреждены свиньями; я пошелъ по слѣдамъ свиней и увидѣлъ, что слѣды приводятъ къ свинариѣ одного крестьянина. Я ему говорю: «Ваши свиньи попортили мои лозы», а онъ мнѣ въ ответъ: «Non, monsieur, ce ne sont pas les miens». Я удовольствовался пока такимъ отвѣтомъ, но въ другой разъ опять слѣды привели къ той же свинариѣ; тогда я уже строго сказалъ тому же человѣку: «Какъ же вы утверждаете, что это не ваши свиньи ходятъ въ мой садъ, когда уже второй разъ я въ этомъ убѣждаюсь». На это крестьянинъ горячо возвратилъ: «Monsieur! Quand je dis que ce ne sont pas les miens, c'est ainsi!».—И, дѣйствительно, какъ потомъ оказалось, свиньи принадлежали другому.

Уже передъ самимъ Петербургомъ я расхрабрился и спросилъ интереснаго спутника:

— Вы вчера сказали, что вы, хоть и немного, но литераторствовали: какія ваши произведенія?

— Вотъ «Свадьба Кречинскаго», напримѣръ,—отвѣтилъ онъ просто.

— Вы Сухово-Кобылинъ!—воскликнула съ великомъ изумленіемъ. И, накроно, я сталъ его разспрашивать, доволенъ ли онъ исполненіемъ какъ названной имъ комедіи, такъ и «Дѣла», которое я видѣлъ за годъ передъ тѣмъ въ Александрии. Онъ очень похвалилъ Сазонова, Давыдова, Варламова, Арди.

Прощаясь, онъ спросилъ наши фамиліи. Я назвалъ себя, а профессоръ, къ немалой моей досадѣ, не пожелалъ сказать свою фамилію.

Быть можетъ, и ему теперь, послѣ извѣстія о кончинѣ А. В. Сухово-Кобылина, припомнится наша встрѣча съ этимъ интереснымъ человѣкомъ, и онъ также поблагодарить тотъ счастливый случай, который далъ намъ возможность увидать Александра Васильевича, слышать его умную, образную, живую и кипучую рѣчу.

Воспоминаніе о встрѣчѣ съ А. В. Сухово-Кобылинымъ настолько мнѣ дорого, что я считалъ долгомъ сохранить его въ печати.

Константинъ Ходнѣвъ.

Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ.¹⁾

(Очеркъ жизни и дѣятельности).

анимаясь А. Е. Измайловымъ, мы заинтересовались личностью Павла Лукьяновича Яковлева, племянника упомянутаго баснописца, сотрудника его по изданію журнала «Благонамѣренный» и альманаховъ, писателя, въ свое время пользовавшагося иѣкоторой извѣстностью. Правда, какъ литературная величина, П. Л. Яковлевъ врядъ ли возбудитъ въ настоящее время значительное къ себѣ вниманіе, но мы сочли не лишнимъ посвятить обозрѣнію его жизни и дѣятельности особый очеркъ. Мы глубоко убѣждены въ настоятельной необходимости, въ настоящее время, детального изученія не только крупныхъ, но и менѣе значительныхъ, мелкихъ, даже посредственныхъ авторовъ и дѣятелей минувшихъ эпохъ нашей литературы. Безъ сомнѣнія, всякий, кому приходила мысль о болѣе серьезномъ знакомствѣ съ такой хотя бы, на первый взглядъ, и болѣе изученной эпохой нашей науки и просвѣщенія, какъ напр. время Александра I-го, убѣжался воочию, какъ много еще неразгаданного, непонятнаго оставила намъ эта эпоха, какъ много необ-

¹⁾ Источниками и пособіями для составленія предлагаемаго очерка послужили (кромѣ материаловъ печатныхъ) архивныя данныя, извлеченные на ми изъ слѣдующихъ с.-петербургскихъ архивовъ: Сенатскаго (департаментъ герольдіи), Государственного и Главнаго архивовъ министерства иностраннныхъ дѣлъ (азіатскаго департамента) и архива Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, хранящагося въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета. Кромѣ того, мы пользовались иѣкоторыми рукописями П. Л. Яковлева, а также неизданными письмами А. Е. Измайлова, любезно доставленными намъ Л. А. Максимовой и Н. П. Эйхе-Янсенъ. И. В. К.

следованного, прямо-таки непочатого материала приходится разбирать для надлежащего выяснения какого-либо явления, иной разъ даже довольно крупного. Для читателя среднего, коего внимание привлекает къ себѣ блескъ наиболѣе выдающихся свѣтиль на нашемъ литературномъ горизонте, въ большинствѣ случаевъ не интересна та плеяда мелкихъ писателей, которая окружаетъ, напр., солнце нашей литературы — великаго Пушкина. Оно понятно: слава маленькихъ тружениковъ пера, эти «....маленькия славы всѣ гаснутъ при его лучахъ», и немудрено, если среднему читателю вся наша литература, хотя бы даже пушкинского периода, представляется какимъ-то неяснымъ, туманнымъ прошлымъ, тьму котораго разсѣкаютъ (но не разгоняютъ) лишь нѣсколько яркихъ лучей... — Все это, конечно, происходит исключительно отъ малаго, если не ничтожнаго, знакомства съ генезисомъ нашихъ историко-литературныхъ явлений, а послѣднее отъ сравнительно малой разработки завѣщанного намъ отъ предковъ материала. А это обстоятельство и создаетъ ту тьму, тотъ туманъ, который заволакиваетъ наше даже и недалекое прошлое отъ взоровъ порой и умудренного опытомъ изслѣдователя. Большинство успокаивается на пріятномъ любованиіи звѣздъ яркихъ, даже какъ бы съ гордостью повторяя затверженный стихъ:

«Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды».

Но любопытный взоръ серьезнаго наблюдателя не довольствуется созерцаніемъ лишь ярко блещущихъ и всѣмъ видимыхъ звѣздъ, ибо знаетъ онъ, что все величие и прелесть далекаго небосклона можно постигнуть лишь тогда, когда нашему глазу доступно наблюденіе за прічудливой игрой большинства (если не всѣхъ) и малыхъ и великихъ свѣтиль, которая рѣють и мелькаютъ передъ нами, сверкая тысячью разнородныхъ цвѣтовъ. Возможность же такового наблюденія можетъ доставить только наука и ея пріемы, которые, само собою разумѣются, могутъ развиваться и совершенствоваться лишь при болѣе серьезному интересѣ самой наукой со стороны общества и при болѣе достаточномъ количествѣ желанныхъ работниковъ на ея поприщѣ...

Имя Павла Лукьяновича Яковлева знакомо немногимъ любителямъ литературы и вообще принадлежитъ къ числу именъ забытыхъ. Сравнительно большей известностью въ русской публикѣ пользуется братъ его, Михаилъ Лукьяновичъ. Близкій человѣкъ такимъ поэтамъ, какъ Дельвигъ и Пушкинъ, отличный пѣвецъ-любитель и композиторъ, М. Л. положилъ на музыку не мало произведеній только-что названныхъ поэтовъ. И донынѣ можно услышать въ музыкѣ М. Л. Яковлева напр.

следующих стихотворений Дельвига; элегия «Когда, душа, просилась ты», пьесы «Пыла, пыла пташечка», «Роза ль, ты, розочка, роза душистая», затем Пушкина: «Я вишь любилъ», «Буря мглою небо кроетъ», «Слеза» и мн. др. Въ молодые годы онъ также писалъ и стихами и прозой¹), но литературные опыты его ниже композиторскихъ.—Оба брата Яковлевы были двѣти Лукьяна Яковлевича Яковlevа, чиновника, не разъ мѣнявшаго мѣста своего служенія и наконецъ остановившагося на службѣ въ московскомъ архивѣ иностр. дѣлъ²). Въ Москвѣ онъ прожилъ большую часть своей жизни, успѣль скопить незначительное состояніе и умеръ въ чинѣ статскаго советника. Павелъ Лукьяновичъ былъ на 3 года старше своего брата. Онъ родился въ 1789 году, въ Москвѣ, тамъ же получилъ первоначальное образованіе (М. Л. учился въ Царскосельскомъ лицѣи и былъ товарищемъ Дельвига и Пушкина). Скудныя материалы для его биографіи, которыми мы располагаемъ, не позволяютъ разсказать съ удовлетворительной полнотой о молодыхъ годахъ его жизни, и мы принуждены довольствоваться главнымъ образомъ свѣдѣніями, даваемыми формуларомъ. Извѣстно, что П. Л. изучилъ основательно франц. и нѣмѣц. языки, такъ что могъ поступить на службу въ Московскій архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сначала актуаріусомъ, а затѣмъ (въ 1808 г.) и переводчикомъ. Служа въ коллегіи, онъ въ то же время состоялъ слушателемъ лекцій въ Московскому университѣтѣ, откуда въ 1812 г. и получилъ аттестатъ. Ко времени пребыванія его въ университетѣ относится и начало его литературной дѣятельности, открывшейся переводами. Такъ, въ 1811 году онъ перевелъ книгу Ф. Шелля: «Картина народовъ, населяющихъ Европу, и религій, исповѣдуемыхъ ими»³) и комедію барона Бильдербека «Отчаяніе любви» (съ франц.). Надо замѣтить, что въ П. Л. рано пробудилась любовь къ театру, которая не ослабѣвала въ немъ до конца дней. Изъ неизданыхъ писемъ дяди его — баснописца Измайлова, мы узнаемъ, что Яковлевъ «недурно игрывалъ на театрѣ, будучи еще студентомъ», талантъ его былъ комическій; изъ посвященія же, предпосланного упомянутой комедіи, видно, что П. Л. былъ знакомъ съ извѣстными въ свое время всей Москвѣ хлѣbosоломъ Н. А. Дурасовымъ (ему же и посвя-

¹) Онъ печатался въ „Невскомъ Зрителѣ“, „Благонамѣренномъ“ и нѣк. др. изд.

²) О немъ, какъ о хорошемъ знакомомъ Н. Н. Бантышу-Каменского, упоминаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Ф. Ф. Вигель. (См. его „Воспоминанія“, ч. I. М. 1892 г., стр. 159). См. о немъ также въ письмахъ Булгакова («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I).

³) Переводъ посвященъ Н. Н. Бантышу-Каменскому, начальнику архива, въ которомъ служилъ П. Л. Яковлевъ. (См. рец. въ „С.-Петербургскомъ Вѣстнике“ 1812 г., ч. I, стр. 102).

щенье переводъ этой комедіи). Дурасовъ, ведя роскошный образъ жизни, имѣлъ собственный театръ.

Отечественная война прервала на нѣкоторое время и службу и обычные занятія Павла Лукьяновича. Неизвѣстно, принималъ ли онъ участіе въ этой войнѣ, но замѣчательные по своей точности, живости и подробностямъ разсказы его¹⁾ о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ нашествія иноземцевъ на Москву, пребыванія ихъ въ Первопрестольной и партизанскихъ схваткахъ даютъ основаніе предполагать, что П. Л. близко стоялъ къ военнымъ операциямъ 1812 года и едва-ли не испыталъ на себѣ тяжестей непріятельского вторженія.—По возвращенію въ Москву, онъ въ 1813 г. числился уже уволеннымъ изъ коллегіи и опредѣленнымъ въ Московское Горное Правленіе; но и тутъ онъ прослужилъ недолго: въ слѣдующемъ году мы видимъ его комиссіонеромъ въ Московскомъ Комміссаріатномъ Депо. Въ 1818 году П. Л. оставилъ Москву, перѣѣхалъ на жительство въ Петербургъ и опредѣлился въ Государственную Коллекцію иностранныхъ дѣлъ. Литературныя занятія, которыхъ Яковлевъ не покидалъ въ Москвѣ и послѣ непріятельского погрома (въ 1814 г. онъ издалъ между прочимъ и оригинальное сочиненіе: «Жизнь принцессы Аины»)²⁾, увлекли его здѣсь еще болѣе, чему способствовали и нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства. Дѣло въ томъ, что вскорѣ по приѣздѣ своемъ въ сѣверную столицу онъ быстро познакомился и близко сошелся съ такими поэтами, какъ Дельвигъ (вѣроятно, не безъ посредства брата, съ которымъ Дельвигъ жилъ на одной квартирѣ³⁾), Боратынскій, Пушкинъ и др. Пушкинъ любилъ это веселое общество и, говорить, посѣщалъ его ежедневно вплоть до отѣза своего (въ 1818 г.) въ Михайловское. Да и по возвращенію въ Петербургъ поэтъ, какъ извѣстно, не порывалъ дружескихъ связей съ только-что названными молодыми людьми; между прочимъ, сохранилось извѣстіе, что Дельвигъ и П. Л. Яковлевъ провожали поэта-изгнаника до Царскаго Села, когда тотъ собирался въ Кишиневъ⁴⁾. Въ литературныхъ знакомствахъ и связяхъ, безъ сомнѣнія, много помогаль свое му племяннику А. Е. Измайлова, въ то время известный баснописецъ, издатель журнала «Благонамѣренный». Яковлевъ, поселившись у своего

¹⁾ Въ романѣ „Удивительный человѣкъ“ (изд. отдѣльно) и въ „Разсказахъ Лужинскаго Старца“ („Благонамѣренный“ 1820 и 1821 г.г.).

²⁾ Это небольшая брошюра, составленная по печатнымъ материаламъ и не представляющая ничего особенного ни въ литературномъ, ни въ историческомъ отношеніи. Она посвящена кн. Д. И. Лобанову-Ростовскому.

³⁾ См. статью В. П. Гаевскаго о Дельвигѣ въ „Современникѣ“ 1853 г. № 5, отд. III, стр. 4—5.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 7.

дяди, сталъ близкимъ сотрудникомъ и помощникомъ его въ дѣлѣ изданія журнала, въ которомъ онъ помѣстилъ за время существованія этого органа свыше полусотни статеекъ и немногого стихотвореній. Яковлевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего дяди: участвуя въ его журналѣ и въ Вольномъ обществѣ любителей слов., наукъ и художествъ¹), где Измайлова былъ долгое время предсѣдателемъ, онъ въ большинствѣ случаевъ придерживался литературныхъ вкусовъ и пріемовъ Измайлова и зачастую подражалъ ему въ своихъ произведеніяхъ, такъ что его называли не иначе, какъ «птенцомъ школы россійскаго Теньера № 1-й» т.-е. А. Е. Измайлова. Впрочемъ, къ подробностямъ литературной дѣятельности Яковлева мы еще вернемся, а пока передадимъ слѣдующіе факты изъ его біографіи. Въ 1820 году Яковлевъ былъ назначенъ секретаремъ «Секретной россійской миссіи въ Бухарію», въ іюлѣ того года отправившейся къ мѣсту назначенія. Въ виду отсутствія въ нашей печати свѣдѣній объ этой любопытной миссіи, сообщаемъ нѣсколько данныхъ о ней, извлеченныхъ нами изъ «Дѣла объ экспедиціи въ Бухарію», хранящагося въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Причины снаряженія ея и цѣль ясно изложены въ «Инструкціи дѣйствительному статскому советнику Негри»²), высочайше утвержденной 8-го іюля 1820 г. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ этой инструкціи: «Бухарія издавна состоить съ Россіей въ дружественныхъ и торго- выхъ сношеніяхъ и неоднократно присыпала къ Высочайшему Двору своихъ посланцевъ. Мы не имѣмъ, однако, ясныхъ и положительныхъ о сей землѣ свѣдѣній. Разные важнѣшіе предметы отвлекали внимание правительства и не допускали заняться оною въ особенности и послать для сего предмета дипломатическаго чиновника. Бывшій здѣсь въ 1816 году бухарскій посланникъ³) настоятельно просилъ взаимаго отправленія къ немъ россійской миссіи. Тотъ же посланникъ, въ семь году сюда пріѣжавшій, возобновилъ прежнее свое домогательство, и

¹) Въ члены этого общества онъ былъ избранъ 15-го іюна 1820 г. и, какъ видно изъ протоколовъ, посѣщалъ его довольно часто, читалъ въ немъ свои произведенія и не порывалъ съ нимъ сношеній и во время отѣзда изъ Петербурга. Кромѣ того П. Л. Яковлевъ часто посѣщалъ дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой. (См. „Вѣсти. Евр.“ 1867 г., ч. III, стр. 265—266).

²) Александръ Федоровичъ Негри (род. въ 1784 г., ум. въ 1854 г.), впослѣдствіи писатель-археологъ и вице-президентъ Одесского общества исторіи и древностей. (См. о немъ въ «Запискахъ Одесского общества Ист. и Древн.» т. IV, отд. 2 и 3, стр. 415—417).

³) Діванъ-Беги-Азимжанъ-Муминжановъ, который былъ посланъ ханомъ въ Россію и въ 1820 г., между прочимъ, для ходатайства объ отмѣнѣ тарифа по присыпкамъ въ Бухару русскаго консула.

ему дано удовлетворительное обѣщаніе. Для сего, нынѣ не токмо по поводу онаго, но и по уваженію къ тѣмъ пользамъ, кои предстоять для Россіи отъ ближайшихъ и тѣснѣйшихъ сношеній съ Бухаріей, благоугодно было государю императору повелѣть отправить ваше превосходительство въ качествѣ повѣренного въ дѣлахъ къ бухарскому владѣльцу Миръ-Гейдеръ-Хану». Запасшись высочайшей грамотой и подарками, миссія въ іюнѣ же мѣсяцѣ выѣхала, во главѣ съ А. Ф. Негри, и въ октябрѣ достигла Оренбурга. Тамъ, для охраны миссіи отъ всякихъ случайностей на предстоящемъ ей долгомъ и не безопаснѣмъ пути по пустыннымъ степямъ, былъ снаряженъ конвой изъ 550 человѣкъ (200 чел. пѣхоты, 200 казаковъ, артиллерія, прислуга и отрядъ изъ башкирцевъ). Въ октябрѣ мѣсяцѣ миссія выступила подъ охраной конвой изъ Оренбурга. Вмѣстѣ съ ней отправилось и нѣсколько человѣкъ опытныхъ топографовъ и натуралистовъ, такъ какъ экспедиціи поручено было, во время своего путешествія по неизслѣдованнымъ мѣстностямъ, «обозрѣть всѣ тѣ мѣста, равно на всемъ пути съ возможной подробностью описывать горы, озера, болота, рѣки и ручьи, лѣса, кустарники и качество почвы земли, относительно къ заведенію хлѣбопашства», также рекомендовалось производить по пути этнографическая, астрономическая, метеорологическая и иная научныя изслѣдованія и наблюденія (помимо наблюденій «особыхъ»).

Въ Бухару миссія прибыла лишь 20-го декабря, совершивъ, такимъ образомъ, все путешествіе отъ Оренбурга въ 70 дней. Заимствуемъ изъ писемъ Яковлева нѣкоторыя подробности о томъ, какъ наши путешественники проводили свой день въ безлюдной пустынѣ: «... Мы встаемъ съ зарею... Раздался барабанный бой,—раздались крики верблюдовъ: ихъ вычать. Вообразите 500 верблюдовъ среди поля; кибитки уже сломаны; сундуки, туки, всѣ вещи въ беспорядкѣ разбросаны по землѣ. Киргизы, въ ужасныхъ малахаяхъ, ворочаются тяжести. Мы всѣ на коняхъ. Наконецъ, верблюды навьючены, и мы ёдемъ; впереди казаки, потомъ пѣхота, артиллерія, верблюды, телѣги... все тянетъ по необозримой степи. Въ 1-мъ часу привалъ. Отдыхаемъ, ёдимъ, пьемъ; потомъ не останавливаемся уже до мѣста, гдѣ назначенъ ночлегъ. Киргизы-вожаки обыкновенно ёдутъ впереди, степь такъ имъ знакома, какъ вамъ—Невскій проспектъ. Подъѣзжая къ мѣсту ночлега, всѣ разсыпаются по полю, и всякий выбираетъ мѣсто для своей кибитки. Суeta, безпорядокъ; крики людей, верблюдовъ, ржаніе коней, блеяніе барановъ. Черезъ полчаса всѣ кибитки поставлены, и всѣ принимаются за утоленіе голода и жажды»¹⁾.

¹⁾ „Благонамѣренный“, 1824 г., XXV, стр. 23.

«Нынѣшній день мы отдыхаемъ» — писалъ П. Л. Яковлевъ отъ 16-го ноября 1820 г.—«Полюбуйтесь нашимъ лагеремъ! Какая пестрая, живая картина, какое разнообразіе и дѣятельность! Тамъ двадцать солдатскихъ кибитокъ и передъ ними ружья, поставленные пирамидами, съ навѣшанными на нихъ сумами, тесаками, киверами. Солдаты, одѣтые по-домашнему, бѣгаютъ кругомъ огней, хохочутъ, варять кашу, смѣшать другъ друга. Тамъ башкирцы бреютъ другъ другу головы тупыми но-жами: бреющійся страдалецъ корчится, бреющій хладнокровно исполняетъ свое дѣло. Другая группа башкирцевъ кушаетъ издохшую вчера лошадь и хвалить ея сладкое мясо. Тамъ — киргизы: иной дудить въ чибызу (дудку), другой подшиваетъ подметки захромавшему верблюду. Наши натуралисты, сидя передъ своими кибитками, набиваютъ чучела воронъ и мышей. Казаки, подъ шатрами изъ пикъ своихъ, безпечно наклоняясь къ пылающему соусоулю (кустарнику), поютъ про своихъ богатырей. Около кибитокъ разбросаны тюки, сундуки, мѣшки. Вдали червѣются казачьи пикеты и стада лошадей и верблюдовъ. Вечеромъ картина пе-ремѣняется. Лишь пробъютъ зорю, все затихло; — кой-гдѣ мелькаетъ огонекъ.. и унылое «слушай!» разносится по лагерю отъ часоваго къ часовому. Нынѣшнюю ночь къ голосамъ ихъ присоединилось еще вытье нѣсколькихъ десятковъ волковъ. Уныло и страшно, какъ... при пред-ставлениіи мелодрамы¹⁾). Наконецъ, миссія прибыла въ Бухару, и вотъ какъ, спустя двѣ недѣли, Яковлевъ описываетъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, этотъ городъ, его достопримѣчательности и обита-телей. Описаніе это настолько любопытно, что мы позволимъ себѣ вы-писать его цѣликомъ со страницъ «Благоизмѣренного» (ч. XXV, стран. 27—30).

«Хотите ли знать, что за городъ?» — спрашиваетъ Яковлевъ. «Хотите ли узнать хана и здѣшнія удовольствія? Городъ окруженъ стѣ-ною глиняною. Улицы такъ широки, что выручный верблюдъ проходитъ. Дворецъ походитъ на голландскую печь со столбиками и балконами; на башняхъ дворца развѣваются солома и сѣно, это — гнѣзда святой птицы—аиста. Домовъ не видать, а по обѣимъ сторонамъ улицъ стѣны съ дверцами; войдете въ дверцу, и вы на дворѣ, а кругомъ этого двора—комнаты... Женщинъ нѣть, а называются женщинами какія-то движу-щіяся куклы, съ головы до ногъ закутанные въ халаты. Ханъ умѣеть читать; въ доказательство чего прочелъ при насъ грамоту громко и вразумительно. Къ нему ходятъ всѣ запросто: въ халатахъ. Онъ не при-вязанъ къ женщинамъ,— доказательство: у него слишкомъ 1000 женъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 25—26.

Визирь такъ дѣятеленъ, что самъ ёздить сбирать пошлины и, исполняя свято всѣ обязанности мусульманина и первого министра, торгуетъ съ Россіей, Персіей и Индіей. Промотавшіеся или разорившіеся купцы служать здѣсь маклерами. Нельзя ничего купить безъ маклера: онъ торгуется, хлопочетъ и рѣшає покупку; за то вдвое дешевле можно купить безъ маклера. Бухарцы торгуютъ индійскими шалями, индійской кисеей, индійскими парчами, персидскими коврами, шелковыми матеріями работъ евреевъ, китайскимъ фарфоромъ и чаемъ, русскою мѣдью, желѣзомъ, чугуномъ, сукномъ. Землю и сады обрабатываютъ у нихъ плѣнники, сами же бухарцы сидять въ лавочкахъ, продаютъ и молятся Мухамеду. Слишкомъ уже столѣтіе заведена здѣсь артиллериа: есть 50 орудій, и слишкомъ уже столѣтіе... не стрѣляли изъ нихъ. Узнавъ, что у русскихъ есть пѣхота, бухарцы въ одинъ день сформировали свою пѣхоту. Отобрали всѣ ружья у жителей всего государства, набрали людей и выучили ихъ въ нѣсколько минутъ. Ружей нашлось 200, естѣственно нельзя было выставить болѣе 200 воиновъ, а по краткости времени выучили ихъ только двумъ словамъ: «стой!» и «садись!» («пали!» не въ употребленіи). Эта пѣхота набирается въ однихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, и служить въ ней тѣмъ пріятно, что воинъ можетъ держать свое ружье какъ ему угодно и въ любомъ нарядѣ. Совершенная простота и свобода! Театровъ, гуляній здѣсь не бываетъ; за то каждый день вѣшаются по нѣсколько человѣкъ. Тутъ все придумано, чтобы доставить пріятное зрѣлище и прогулку для бухарской публики; а кругомъ висѣлицъ продаютъ все, что только можно пожелать въ столичномъ городѣ: баранину, дыни, виноградъ, изюмъ и пр. Русскій человѣкъ здѣсь болѣе въ модѣ, чѣмъ у насъ французы: едва увидятъ его, и всѣ бѣгутъ за нимъ и всѣ кричатъ: «Урусы! урусы!», и не могутъ довольно наглядѣться; не могутъ надивиться всякой пуговицѣ. Не смотря, однако, на всѣ ласки бухарцевъ, мы отправимся отсюда въ началѣ весны».

Дѣйствительно, въ началѣ мая миссія оставила Бухару, 2-го іюня вернулась въ Оренбургъ и вскорѣ прибыла въ Петербургъ. Результаты этой миссіи въ общихъ чертахъ были такъ охарактеризованы Негри въ всеподданнѣйшемъ докладѣ: «.... теперь мы имѣемъ положительный свѣдѣнія о Бухаріи, которая, хотя и издавна производитъ важный торгъ съ Россіей, но не была довольно извѣстна; . . . освобождены изъ рабства нѣсколько россіянъ и, наконецъ, отклонено удовлетворительнымъ образомъ настоеніе бухарского правительства объ отмѣнѣ тарифа нашего, на Азиатской границѣ существующаго». Не входя въ изложеніе научныхъ результатовъ экспедиціи и прочихъ подробностей, позволимъ себѣ рекомендовать интересующемуся читателю обстоятельную книжку объ этомъ путешествіи, составленную однимъ изъ участниковъ миссіи барономъ Г. Мейен-

дорфомъ, «Voyage d'Orenbourg à Bouchara, fait en 1820» (Paris 1826)¹⁾; мы же займемся дальнѣйшимъ изложениемъ биографіи нашего писателя. По возвращенію въ Петербургъ, Яковлевъ, какъ и всѣ члены миссіи, былъ щедро награжденъ: помимо денежной награды, онъ получилъ чинъ надворного совѣтника и орденъ св. Владимира 4-й степени.

Вскорѣ затѣмъ онъ оставилъ службу при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и началъ службу по министерству юстиціи. Въ концѣ 1822 года онъ былъ назначенъ совѣтникомъ въ Нижегородскую уголовную палату, но, прослуживъ тамъ годъ, вернулся въ Петербургъ и опредѣлился въ департаментъ министерства юстиціи; здѣсь прослужилъ онъ около года и уволился. Въ концѣ 1824 года мы видимъ его уже въ Москвѣ старшимъ ревизоромъ межевой канцеляріи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ ревизоромъ Вятской межевой конторы, каковое назначеніе удержало его въ Вяткѣ почти на три года. Скуку «хлыновскаго житія» въ заходуступномъ и бѣдномъ Хлыновскѣ, служившемъ, между прочимъ, мѣстомъ ссылки, Яковлевъ разгонялъ занятіями литературой, художествами и обширной перепиской, изъ которой, къ сожалѣнію, до настъя почти ничего не дошло. Литературнымъ памятникомъ его пребыванія въ Вяткѣ остался его «Хлыновскій наблюдатель» — рукописная еженедѣльная газета, сплошь писанная ея редакторомъ и составителемъ П. Л. Яковлевымъ. Очевидно, это была форма переписки нашего писателя съ своимъ дядей-баснописцемъ, съ семьей котораго онъ не порывалъ теплыхъ родственныхъ и дружескихъ отношеній до самой смерти. Очень жаль, что не сохранилось ни одного № «Сѣвернаго Мотылька», повидимому, также газеты, высыпавшейся ея составителемъ — А. Е. Измайловымъ въ обмынь на газету племянника. Столбцы «Хлыновскаго наблюдателя» писались подъ обычными газетными рубриками; такъ, «Х. Н.» начинался отдѣломъ «Внутреннія извѣстія» (иногда выходившими подъ рубрикой «Внутренности»), — въ нихъ давались сообщенія о новостяхъ вятской жизни, затѣмъ слѣдовалъ отдѣлъ «Изящная словесность» (многія статьи этого отдѣла появлялись потомъ въ печати²⁾); затѣмъ «Нравы», гдѣ давалось порой довольно хлесткое изображеніе прозабанія жителей далекой провинціи; наконецъ, шли «Шутки», «Аnekdotы», «Мысли и замѣчанія» или «Любомудріе», «Смѣсь» и т. п.; были отдѣлы и случайнаго характера. Ниже

¹⁾ Если не ошибаемся, это — единственная книжка, въ которой излагаются труды нашей миссіи въ Бухару. Она представляетъ обширный изящно изданный томъ (въ 500 стр.), снабженный иллюстраціями, отличной картой и богатыми подробностями о научныхъ результатахъ экспедиціи.

²⁾ Въ журнале «Благонамѣренный» и затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ въ „Запискахъ Москвича“ (М. 1828—1830, три книжки).

мы помѣщаемъ нѣсколько выдержекъ изъ этой газеты, пока же отмѣтимъ, что «Х. Н.», съ одной стороны, свидѣтельствуетъ о довольно тонкой наблюдательности веселаго, остроумнаго и склоннаго къ сатирѣ редактора его, съ другой — даетъ нѣсколько биографическихъ свѣдѣній о нашемъ писателѣ. Такъ; мы узнаемъ, что Яковлевъ былъ хорошо принимаемъ въ вятскомъ обществѣ, считался виднымъ представителемъ хлыновской аристократіи, старался о развитіи въ своихъ новыхъ со-гражданахъ эстетическихъ вкусовъ и образовательныхъ наклонностей путемъ чтенія, музыки и художества, но попытки его расшевелить хлыновцевъ привели, кажется, къ ничтожнымъ результатамъ. Въ февраль 1827 г. Яковлевъ оставилъ Вятку и возвратился въ Москву, где поступилъ въ архивъ межевой канцелярии. Часы досуга П. Л. по-прежнему посвящали литературнымъ занятіямъ; между прочимъ онъ усердно выправлялъ и подготавлялъ къ отдѣльному изданію болѣшую часть своихъ статей, печатавшихся до сего времени въ разныхъ журналахъ, преимущественно въ «Благонамѣренномъ». Въ отдѣльномъ изданіи статьи Яковleva вышли подъ общимъ названіемъ «Записки москвича» въ трехъ небольшихъ томикахъ.—Въ Москвѣ въ это время какъ разъ былъ Пушкинъ, и П. Л. не преминулъ, конечно, повидаться съ своимъ старымъ знакомымъ, и вотъ какъ онъ описываетъ великаго поэта въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Измайловой: «А. Пушкинъ живеть здѣсь (въ Москвѣ) съ однимъ изъ лицейскихъ товарищей. Судя по всему, что я слышать и видѣть, Пушкинъ здѣсь на розахъ. Его знаетъ весь городъ, всѣ имъ интересуются, отличнѣйшая молодежь собирается къ нему, какъ дреvле къ великому Арутуту собирались всѣ имѣвшіе немногого здраваго смыслу въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ, Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ. Это покажется удивительнымъ для Карабанова, графа (Д. И.) Хвостова и — съ позволеніемъ сказать — Б. (М.) Федорова. Пушкинъ очень перемѣнился и наружностью: страшныя черныя бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженіе. Впрочемъ, онъ все тотъ же, — такъ же живъ, скорѣ и по-прежнему въ одну минуту переходить отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышенію. Онъ ревностно участвуетъ въ изданіи «Московскаго Вѣстника», собирается печатать «Годунова» и «Цыганъ»; кажется, восемь главъ «Онѣгина» уже готовы»¹⁾.

Въ архивѣ Яковлевъ прослужилъ недолго. Въ юлѣ того же года онъ получилъ новое назначеніе — состоять ревизоромъ Саратовской межевой

¹⁾ Письмо это (отъ 21-го марта 1827 г.) впервые напечатано нами въ статьѣ «Вице-губернаторство Измайлова въ Твери и Архангельскѣ» (См. „Сборникъ въ память Л. Н. Майкова“ Спб. 1902).

конторы. Передъ отъездомъ на мѣсто новаго служенія П. Л. женился, и тотчасъ же изъ-подъ вѣнца молодые выѣхали изъ Первопрестольной въ столицу Поволжья. Вотъ какія свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ неизданномъ письмѣ А. Е. Измайлова къ женѣ отъ 2-го сентября 1828 года: «Вчера получилъ повѣстку о посыпѣ изъ Вологды»¹⁾—писалъ Измайловъ.—Не постигаю, отъ кого бы это. Принесли тючекъ; развяззываю, книги отъ П. Л. Яковлева и тутъ же письмо его изъ Саратова. Читаю и отъ смѣха роняю изъ рукъ письмо... Вѣдь женился напрѣдъ-племянникъ, да какимъ же страннымъ образомъ! въ самый день своего отъѣзда. Обѣвничался на Праскову Ивановну Давыдову, запелъ къ отцу, напился кофею, сѣлъ съ молодою женой въ коляску и поѣхалъ въ Саратовъ. «Напишите тетушкѣ Екатеринѣ Ивановнѣ»²⁾—цитируетъ Измайловъ изъ письма пллемянника — «о моей курьезной женитьбѣ и скажите, что я все тотъ же послушный пллемянникъ и отъ всего сердца цѣлую ея ручки». А вотъ какъ описываетъ онъ свою молодую жену: «зовутъ ее Прасковья Ивановна, отъ рода имѣеть 26 лѣтъ, черибровая смуглянка и славная бабенка, между прочимъ. Она очень вѣсъ любить, дядюшка! вотъ-те Христосъ! Приданаго за ней веялъ я нѣсколько миллионовъ добродѣтелей и нѣсколько сотъ тысячъ прелестей». «Я видѣлъ ее»—заключаетъ письмо свое Измайловъ—«въ домѣ отца Павла Лукьяновича; рекомендуда мнѣ сестеръ своихъ, рекомендовалъ онъ мнѣ и ее какъ жену свою,—отецъ посмѣялся и я тоже, а теперь въ самомъ дѣлѣ стала его женой». Въ Саратовъ молодые прибыли въ августѣ 1828 года, и вотъ какими виршами былъ встрѣченъ новый ревизоръ межевой конторы однимъ изъ чиновниковъ—«натуральнымъ поэтомъ Иваномъ Петровымъ Крупскимъ, у коего природа изсушила умъ, но наводнила воображеніе»:

„Ахъ, къ намъ прѣѣхалъ отецъ
Отраду всѣмъ лишь дать.
Въ сердцахъ его мы читѣмъ
Искренней душой, колѣна преклонимъ.
Сердца невинныхъ оживляетъ,
А злобу предъ собой въ мигъ покоряетъ.
Давно мы ждали отца сего,
И Богъ намъ далъ въ скорости его.
Почто ты милость къ намъ являешь
И благодѣтелью своей насть оживляешь

¹⁾ Измайловъ въ это время былъ вице-губернаторомъ въ Архангельскѣ.

²⁾ Женѣ Измайлова.

И вѣчно страждущимъ
Райскія двери отвергаешь?... ¹⁾).

Масса дѣла по службѣ, какая выпала на долю Яковлева въ Саратовѣ, не отстраивала его однако отъ занятій литературой и художествами: въ свободные часы онъ продолжалъ заниматься подготовленіемъ своихъ сочиненій къ изданію, выправлялъ статьи, раньше напечатанные, и писалъ новые; кромѣ того, онъ продолжалъ переписываться съ Измайловымъ, опять въ формѣ еженедѣльной иллюстрированной газеты: «Саратовскій колонистъ», программа которой была та же, чѣмъ и у «Хлыновскаго Наблюдателя», съ той лишь разницей, что теперь въ газетѣ Яковлева появился новый отдѣлъ — «о театрѣ», отдѣлъ довольно обширный. Объясняется это тѣмъ, что въ Саратовѣ — городѣ многолюдномъ и въ то время и болѣе просвѣщенномъ, чѣмъ Вятка, былъ театръ, хотя и плохой; Яковлевъ же, какъ большой театралъ, не могъ не интересоваться театромъ, да къ тому же, вскорѣ по прѣѣздѣ своемъ въ Саратовѣ, принялъ на себя, по просьбѣ тамошнаго губернатора, заботы обѣ устройствѣ въ губернаторскомъ домѣ любительскихъ спектаклей. Этотъ импровизованный театръ (въ отличіе отъ существовавшаго уже) носилъ громкое название «Саратовскаго Благороднаго театра»; исполнителями въ немъ были представители мѣстной аристократіи. П. Л. подвизался на подмосткахъ его въ комическихъ роляхъ, быть въ то же время его «директоромъ» и режиссеромъ. Впрочемъ, пребываніе нашего писателя въ столицѣ Поволжья было непродолжительно: не прослуживъ въ ней и двухъ лѣтъ, онъ уволился «для опредѣленія къ другимъ дѣламъ» и возвратился въ Петербургъ. На досугѣ онъ дописалъ и издалъ свой романъ «Удивительный человѣкъ», первыя главы которого онъ напечаталъ еще въ 1820 г. въ «Невскомъ Зрителѣ». Романъ этотъ нѣкоторыми журналами и газетами былъ принятъ сочувственно, но большинство высказалось весьма недостаточно для нашего автора. «Сѣверный Меркурій», напр., счѣлъ достаточнымъ ограничиться такимъ замѣчаніемъ: «Г. Яковлевъ имѣлъ терпѣніе написать этотъ романъ «Удивительный человѣкъ» ²⁾). Неуспѣхъ ли этого романа, наиболѣе крупного и тщательно отдѣланного произведенія Яковлева, повлиялъ на нашего писа-

¹⁾ Подъ этимъ „стихотвореніемъ“, болѣе напоминающимъ эпиграфіи безвѣтныхъ мастеровъ, П. Л. набросалъ портретъ автора, dessiné d'aprѣs патине и сопроводилъ его слѣдующимъ восклицаніемъ: „Боже мой! какъ распространяется у насъ просвѣщеніе“.

²⁾ „Сѣверный Меркурій“ 1831 г., № 72, стр. 292; изъ другихъ отзывовъ см. въ „Телескопѣ“ 1831 г. № 11, стр. 377—380, въ „Моск. Телеграфѣ“ 1831 г. № 7, стр. 397; въ „Литерат. Газетѣ“ 1831 г. № 34, стр. 278—280.

теля, или смерть его почтенного дяди (А. Е. Измайлова)¹⁾ — первого советника, друга и учителя его въ дѣлахъ литературныхъ, но только Яковлевъ прекратилъ свою писательскую дѣятельность: намъ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно никакихъ его произведеній послѣ 1831 года. Яковлевъ не на много пережилъ своего дядю: въ 1833 г. онъ вновь поступилъ на службу третьимъ членомъ межевой канцелярии, на каковомъ посту и умеръ 10-го іюля 1835 года. Нѣкоторые газеты сочли своимъ долгомъ посвятить на своихъ столбцахъ памяти Яковлева теплыхъ строкъ о его литературной дѣятельности и нравственныхъ качествахъ. «Его оригинальный романъ» — говорится въ «Сѣверной Пчелѣ» — повѣсти, разсказы, записки и нѣкогда дѣятельное участіе во многихъ журналахъ и альманахахъ содѣлываютъ утрату сю для русской литературы чувствительной. Въ покойномъ П. Л. Яковлевѣ соединялись многія отличныя качества: живой наблюдательный умъ, отличное благородное сердце и рѣдкое прямодушіе. Онъ былъ дѣятельный и полезный гражданинъ, хороший писатель; примѣрный супругъ и отецъ, отличный родственникъ и — что всего важнѣе — добрый человѣкъ²⁾. Похороненъ П. Л. въ Москвѣ на Покровскомъ кладбищѣ.

Итакъ, П. Л. Яковлевъ скончался на 46-мъ году, проведя около 30 лѣтъ съ частыми перерывами на государственной службѣ. Шесть разъ онъ оставлялъ службу и столько же разъ къ ней возвращался; служить подолгу въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ, за однимъ и тѣмъ же столомъ и въ одномъ и томъ же городѣ, было ему не по сердцу. Не имѣя возможности указать положительныхъ причинъ такой «неусидчивости», за отсутствіемъ въ нашихъ рукахъ надеждающихъ свѣдѣній, отмѣчаемъ лишь фактъ, которымъ можно объяснить нѣкоторыя стороны въ дѣятельности Яковлева. Безспорно, П. Л. былъ способный человѣкъ: преуспѣвая по службѣ, не смотря на частыя перемѣны ея, онъ не отставалъ и въ литературѣ и искусствахъ. Но должно сознаться, что, не дойдя и по долговременной службѣ до степеней высокихъ и отвѣтственныхъ, онъ не создалъ (да и не могъ создать) и въ двухъ только-что указанныхъ областяхъ чего-либо важнаго. Вся его дѣятельность носить на себѣ, во-первыхъ, характеръ чего-то отрывочнаго, во-вторыхъ, — чего-то любительскаго: въ области художества онъ ограничился барикатурами, въ музыкѣ — сочиненіемъ двухъ-трехъ романсовъ, въ литературѣ — нѣсколькими десятками небольшихъ прозаическихъ произведеній и лишь подъ конецъ своей литературной дѣятельности онъ выпустилъ довольно обширный романъ «Удивительный человѣкъ»,

¹⁾ Измайловъ скончался 16 января 1881 года.

²⁾ „Сѣверн. Пчела“ 1835 г., № 166.

надъ которымъ не мало потрудился. Обходя молчаниемъ попытки Яковлева въ области художествъ и музыки, которыя едва-ли когда-либо видѣли свѣтъ¹⁾, займемся разсмотрѣніемъ его литературнаго наслѣдія²⁾.

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Онъ извѣстны намъ въ рукописяхъ.

²⁾ Вотъ списокъ переводовъ и сочиненій П. Л. Яковлева въ хронологическомъ порядке: „Картина народовъ, населяющихъ Европу, и религій, исповѣдуемыхъ ими“, соч. Ф. Шелля, пер. съ нѣм. П. Яковлевъ. (М. 1811); „Отчаяніе любви“, соч. бар. Бильдербека; пер. съ фр. П. Яковлевъ. (М. 1811); „Жизнь принцессы Аны, правительницы Россіи“. (М. 1814); „Журналистъ“, комедія въ 1 дѣйствіи (М. 1819); „Записки москвича“ кн. I (М. 1828), кн. II (М. 1829), кн. III (М. 1830); „Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту“ (М. 1828); „Удивительный человѣкъ“, романъ (М. 1831). Большая часть статей появлялась предварительно въ журналахъ: „Невскій Зритель“ (1820); „Сынъ Отечества“ (1822), „Вѣстникъ Европы“ (1821); „Благонамѣренный“ (1819—1825 г.), „Литературная Газета“ (1831); значительная часть статей Яковлева вошла въ „Записки Москвича“, остальная можно найти въ поименованныхъ журналахъ. Кроме того, въ сотрудничествѣ съ А. Е. Измайловымъ Яковлевъ издалъ 2 книжки альманаховъ: „Календарь Музъ“ (Спб. 1826 и 1827 гг.). Общіе обзоры литературной дѣятельности Яковлева см. въ статьѣ А. Д. Галахова объ А. Е. Измайловѣ („Современникъ“ 1850 г. № 23), въ его же „Исторіи русск. словесности“ (Спб. 1875, т. II, стр. 124—125) и въ нашей книжѣ „А. Е. Измайловъ“ (Спб. 1901).

Цензура въ царствование императора Николая I.

IX ¹⁾).

Личные отношения Уварова къ печати.—„Горе отъ ума“ Грибоедова.—„Мертвя души“ Гоголя.—Романъ Н. Полеваго „Судьба Аббадонны“.—Протестъ А. С Пушкина.—Указание, какъ писать статьи по поводу его кончины.—Записки Храповицкаго.—„Повѣствование о Россіи“ Арцыбашева.—Драма Великопольскаго „Янегерскій“.—Новая извѣстія о Флорентинскомъ соборѣ.—Объ изданіи сочиненій: Просопкова „О скудости и богатствѣ“ и записокъ Порошина.—Трагедія Лажечникова „Опричникъ“.—Опять „Мертвя души“ Гоголя.—Статьи о славянахъ, живущихъ въ Турціи и Австріи.—Вопросъ объ изданіи полнаго собранія сочиненій Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.—Иностранные романы.

ъ самыхъ первыхъ дней вступленія своего въ должность министра, Уваровъ не проявилъ особыхъ симпатій къ русской печати. Слѣдя въ томъ, болѣе или менѣе, направленію, данному и часто подтверждаемому свыше, Уваровъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и въ теченіе всей своей административной дѣятельности. Понятно, что большинство его подчиненныхъ старалось руководствоваться тѣмъ же направленіемъ. Ревность цензоровъ простиралась иногда такъ далеко, что самъ Уваровъ вынужденъ былъ отмѣнить слишкомъ крутыя и привязчивыя ихъ требования, иногда же и государь, не соглашаясь со мнѣніемъ своего министра, дозволялъ то, что послѣднему казалось невозможнымъ допускать въ печать. Вотъ нѣсколько примѣровъ того и другаго.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

Съ начала тридцатыхъ годовъ шли толки о напечатаніи знаменитой комедіи Грибоѣдова: «Горе отъ ума», давно ходившей по всей Россіи въ рукописи. Въ 1831-мъ году, наследники Грибоѣдова представили ее въ Петербургскій цензурный комитетъ, и цензоръ Сенковскій отозвался, что, по его мнѣнію, комедія эта писана съ благонамѣренною цѣлью и можетъ быть напечатана вполнѣ, безъ всякихъ перемѣнъ и исключений, кромѣ стиха: «Кто что ни говори, они (львы и орлы) хотѣтъ и животныхъ, а все-таки цари», но и этотъ стихъ исправленъ имъ, согласно съ желаніемъ покойного автора, такъ: «Кто что ни говори, а все они цари»; къ этому Сенковскому прибавлялось, что многія существенные уваженія требуютъ допущенія комедія къ печати, безъ всякихъ перемѣнъ и измѣненій: по словамъ «Сѣверной пчелы», въ Россіи находится слишкомъ 40.000 списковъ этого творенія. Если бы въ «Горѣ отъ ума» и заключались мѣста сомнительныя (чего неѣть), то двѣ или три тысячи печатныхъ, съ пропусками, экземпляровъ не принесутъ никакой пользы обществу, въ сравненіи съ такимъ необыкновеннымъ множествомъ списковъ, ежедневно умножающихся и покупаемыхъ за дешевую цѣну. Напротивъ, пропуски были бы очень вредны, какъ излишняя мѣра предосторожности, такъ какъ подобное официальное преслѣдованіе любимаго публикою сочиненія сообщить только новую важность рукописнымъ экземплярамъ. Легко можетъ случиться, что люди неблагонамѣрные, шалуны, станутъ прибавлять въ спискахъ предосудительные стихи и намеки, и «Горе отъ ума» возымѣеть участъ всѣхъ почти рукописныхъ сочиненій древняго міра, кои дошли до насъ искаженными подложными мѣстами. Одно средство отвратить это важное неудобство: допустить напечатаніе «Горе отъ ума» безъ измѣненій, и это тѣмъ необходимо, что въ публикѣ распространилось мнѣніе, будто комедія не печатается потому, что цензура хочетъ исключить изъ нея все остроумное и занимательное. Полное изданіе было бы даже средствомъ къ примиренію цензуры съ общимъ мнѣніемъ, чѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. Если же при представлениі на театрѣ дѣлаются нѣкоторые пропуски, то это не можетъ служить правиломъ для цензуры: ни одна почта пьеса не представляется такъ, какъ она напечатана. Бывали даже примѣры, что высшее начальство воспрещаетъ представлять пьесу на театрѣ (наприм. «Макбетъ», въ переводѣ Ротчева), разрѣшая въ то же время печатать ее безъ измѣненій. Такъ и самъ авторъ «Горѣ отъ ума» означилъ нѣкоторыя тирады, которыхъ считалъ неумѣстными на сценѣ, хотя желалъ бы, чтобы онѣ были вполнѣ напечатаны въ будущемъ изданіи его творенія. Въ заключеніе, Сенковскій говорилъ, что, душевно убѣжденный въ безвредности пьесы, онъ и самъ одобрилъ бы ее къ напечатанію, еслибы могъ разстаться съ мыслю, что лично былъ друженъ съ покойнымъ сочинителемъ, и что,

питая безпредѣльное удивленіе къ великому его таланту, можетъ въ этомъ случаѣ увлекаться пристрастіемъ къ превосходному памятнику его генія.

Главное управлѣніе цензуры (состоявшее въ то время еще подъ предсѣдательствомъ бнзяя Ливена) привяло во вниманіе благоразумные доводы Сенковскаго и предписало цензурному комитету разсмотрѣть комедію Грибоѣдова, не обращая вниманія на то, какъ она дается въ театрѣ, а руководствуясь единственно общими цензурными правилами. Не смотря на такое рѣшеніе, дѣло о печатаніи «Горя отъ ума» остановилось на одномъ пунктѣ: комедія была разсмотрѣна цензоромъ Семеновымъ и потомъ передана управляющему III-мъ отдѣленіемъ собственной его величества канцелярии, фонъ Фоку, но отъ него болѣе не возвращалась. Въ мартѣ 1833 года Московскій цензурный комитетъ представилъ главному управлѣнію цензуры, что цензоръ Цвѣтаевъ не рѣшается пропустить въ печать «Горе отъ ума», потому что тутъ представлена благородная дѣвушка, провѣдшая съ холостымъ мужчиной цѣлую ночь въ своей спальнѣ и выходящая изъ нея съ нимъ вмѣстѣ безъ всякаго стыда, а далѣе она же, послѣ полуночи, присыпаетъ свою горничную къ тому мужчинѣ звать его къ себѣ на ночь и сама выходитъ его встрѣтить.—Главное управлѣніе нашло, что, на основаніи цензурнаго устава, комедія «Горе отъ ума» не можетъ быть дозволена къ напечатанію, но такъ какъ она представляется на театрахъ обѣихъ столицъ, то и представило государю императору, черезъ Уварова, всеподданнѣйшій до-кладъ, испрашивая высочайшаго повелѣнія по этому предмету. 16-го апрѣля 1833 года послѣдовала высочайшая резолюція: «Печатать слово отъ слова, какъ играется—можно; для чего взять манускриптъ изъ здѣшняго театра».

Въ февралѣ 1835 года, цензоръ Снегиревъ, конечно, въ особенности твердо помня крайнюю непріязнь Уварова къ Полевому и ссылаясь на предписаніе обращать строжайшее вниманіе на сочиненія этого автора, затруднялся пропустить его романъ «Судьба Аббадонны», опасаясь, не покажутся ли слишкомъ рѣзкими картины самоубийства актрисы, и въ изображеніи министра Кальконера не унижается ли достоинство государственного сановника тѣмъ, что онъ легкое оскорблѣніе ставить наряду съ государственнымъ преступленіемъ, употребляя свою власть на удовлетвореніе страстей. Уваровъ (помимо главнаго управлѣнія цензуры) велѣлъ написать Московскому цензурному комитету, что въ романѣ Полевого не найдено ничего подлежащаго запрещенію.

28-го августа 1835 года, Пушкинъ подалъ въ главное управлѣніе цензуры слѣдующую собственноручную записку: «Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшении встрѣтившихся затрудненій. Въ 1826 году государь императоръ изво-

лиль объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе высочайшей воли, все, чѣмъ съ тѣхъ порь было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо отъ его величества изъ III отдѣленія собственной его канцеляріи при подписи одного изъ чиновниковъ: Съ дозволенія правительства. Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы», повѣсть (1827); 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгения Онѣгина», романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833); «Полтава» (1829); 2-я и 3-я часть мелкихъ стихотвореній; 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828); «Графъ Нулинъ» (1828); «Исторія Пугачевскаго бунта», и проч.

«Нынѣ, по случаю втораго исправленнаго изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и со своевольными по-правками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ надписью чиновника собственной его величества канцеляріи. Между тѣмъ никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ государемъ императоромъ. Въ прошломъ маѣ мѣсяцъ государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственоручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ собственную канцелярію его величества и принужденъ утруждать комитетъ всесуженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволить онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?» Подпись: «Титуллярный советникъ Александръ Пушкинъ».

Въ отвѣтъ на это, по резолюціи главнаго управлениія цензуры, Уваровъ увѣдомилъ Пушкина 26-го сентября (черезъ канцелярію главнаго управлениія цензуры), что рукописи, издаваемыя съ особаго высочайшаго разрѣшенія, печатаются независимо отъ цензуры министерства народнаго просвѣщенія, но всѣ прочія изданія, назначаемыя въ печать, должны, на основаніи цензурнаго устава, быть представляемы въ цензурный комитетъ, которымъ разматриваются и одобряются на общихъ цензурныхъ правилахъ.

1-го февраля 1837 года, Уваровъ писалъ московскому попечителю графу С. Г. Строганову: «По случаю кончины А. С. Пушкина безъ всякаго сомнѣнія будуть помѣщаемы въ московскихъ повременныхъ изданіяхъ статьи о немъ. Желательно, чтобъ при этомъ случалъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, соблюдалася была надлежащая умѣренность и тонъ приличія. Я прошу ваше сиятельство обратить съ вашей стороны вниманіе на это и приказать цензорамъ не дозволять печатаніе ни одной

изъ означенныхъ выше статей безъ вашего предварительного одобрения».

18-го марта 1838 г., Уваровъ представилъ государю императору всеподданѣйшій докладъ, гдѣ изложилъ, что въ Петербургскій цензурный комитетъ представлена рукопись: «Записки Храповицкаго о Екатеринѣ II», гдѣ съ благоговѣйною вѣрностью переданы подробности жизни императрицы, и потому, какъ неоцѣненный материалъ для отечественной исторіи, онъ заслуживаютъ быть сохраненными для будущихъ историковъ вѣка Екатерины II. Несмотря на то, цензура не считаетъ себя въ правѣ, сама собою, допустить напечатаніе записокъ Храповицкаго, ибо въ нихъ содержатся многія извѣстія, которыхъ относятся къ событиямъ, близкимъ къ нашему времени, и касаются до частной жизни императрицы. Съ своей стороны, Уваровъ полагалъ, что этотъ важный исторический памятникъ достоинъ быть изданъ вполнѣ, по исключеніи только мѣстъ, которыхъ болѣе всего затруднителыны въ цензурномъ отношеніи. Близость событий, описываемыхъ Храповицкимъ, и важность самого содержанія его записокъ, налагаются, однако, на ministra народнаго просвѣщенія долгъ представить объ этомъ предварительно на Высочайшее рѣшеніе. Ежели государю императору угодно будетъ признать удобнымъ изданіе нынѣ въ свѣтъ записокъ Храповицкаго, то онъ, Уваровъ, приметъ надлежащія мѣры, чтобы рукопись эта была разсмотрѣна на основаніи цензурныхъ правилъ и съ особымъ вниманіемъ. На этомъ докладѣ послѣдовала 19-го марта высочайшая резолюція: «Переговоримъ». Послѣ того, 7-го іюня, Уваровъ вошелъ съ новымъ всеподданѣйшимъ докладомъ, гдѣ говорилъ, что онъ вторично внимательно разматривалъ эту рукопись, отъ начала до конца, и хотя въ сообщаемыхъ въ ней свѣдѣніяхъ и подробностяхъ о жизни императрицы Екатерины не нашелъ ничего, чтобъ подлежало бы строгости цензурныхъ правилъ, однако же не могъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что записки эти вообще относятся къ послѣднему временію царствованія императрицы и обнаруживаютъ нѣкоторое ослабленіе въ правительственной власти и какую-то несоответственность въ отношеніяхъ и дѣйствіяхъ лицъ, приближенныхъ ко двору, и колебанія въ началахъ государственныхъ. По этимъ уваженіямъ, онъ, Уваровъ, полагаетъ, что изданіе записокъ Храповицкаго по-прежнему въ отрывкахъ и съ большими исключеніями, не сохранить драгоценнаго материала для исторіи; напечатаніе же ихъ вполнѣ будетъ, кажется, въ политическомъ отношеніи преждевременно. Государь императоръ 7-го іюня одобрилъ это мнѣніе, и записки не были напечатаны.

13-го ноября 1840 года, московскій попечитель, графъ Строгановъ, представилъ Уварову, что московская цензура затрудняется пропустить III-й томъ «Повѣствованія о Россіи», Арцыбашева, гдѣ кончина царе-

вича Дмитрія Іоанновича представлена не согласно съ преданіями, принятими православною церковью. Уваровъ передалъ вопросъ этотъ на разсмотрѣніе археологической комиссіи, и членъ ея, академикъ Устриловъ, подалъ, 7-го января 1841 года, слѣдующее мнѣніе: «По порученію комиссіи, разсмотрѣвъ корректурный листъ III-го т. исторіи Арцыбашева, я нахожу, что авторъ въ основаніе своего разсказа принялъ одно только слѣдственное дѣло, напечатанное во II-мъ томѣ Румянцевскаго «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», оставилъ безъ вниманія всѣ другія современные свидѣтельства, представляющія смерть царевича въ иномъ видѣ. Хотя слѣдственное дѣло есть актъ весьма важный, по крайней мѣрѣ въ высшей степени любопытный, тѣмъ не менѣе нельзѧ полагаться на него исключительно и безусловно, какъ поступилъ авторъ: ибо тотъ же самый Шуйскій, который производилъ слѣдствіе и доносилъ царю Феодору Іоанновичу, что Дмитрій самъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни, черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, вступивъ на престолъ, объявилъ всенародно манифестомъ, что царевичъ зарѣзанъ въ Угличѣ по волѣ Бориса Годунова. Такимъ образомъ, естественно рождается вопросъ, которое же изъ двухъ показаній его было истинное? Отвѣтъ на сей вопросъ не такъ трудно, какъ многіе полагаютъ: Шуйскій производилъ слѣдствіе въ то время, когда все трепетало предъ грознымъ временщикомъ, да и нелегко было обнаружить участіе его въ злодѣйскомъ умерщвленіи царевича юридическимъ образомъ за смертью клевретовъ его, растерзанныхъ народомъ на мѣстѣ злодѣянія. Совсѣмъ иныя были обстоятельства, когда Шуйскій торжественно провозгласилъ Годунова убійцей Дмитрія: тутъ онъ не имѣлъ повода скрывать истину и тѣмъ болѣе долженъ былъ открывать ее, что вся Россія давно убѣждена была въ преступномъ дѣлѣ Бориса Годунова, который воспѣвшіемъ на престолъ подтвердилъ положительнымъ образомъ свое участіе въ смерти царевича. Это убѣжденіе общее, рѣшительное, выраженное во всѣхъ актахъ, во всѣхъ лѣтописяхъ, своихъ и чужеземныхъ, какъ гласть народъ, служить самымъ громкимъ обвиненіемъ Годунову, по крайней мѣрѣ наводить на него сильное подозрѣніе. Авторъ оставилъ безъ вниманія всѣ сіи обстоятельства, даже не упомянулъ о манифестѣ Шуйскаго и, сосновавшись на одномъ слѣдственномъ дѣлѣ, составленномъ очевидно въ угожденіе Борису Годунову, изложилъ столь важное событие одностороннимъ образомъ, несогласно съ правилами исторической критики. Конечно, каждый воленъ смотрѣть на происшествія съ той или другой стороны, но какъ въ семъ случаѣ одностороннее возврѣніе можетъ подать поводъ къ разнымъ неблагопріятнымъ толкамъ (что уже и случилось при напечатаніи означенной статьи въ «Вѣстникѣ Европы»), то я и полагаю исправить повѣствованіе г. Арцыбашева о смерти царевича Дмитрія

такимъ образомъ: по принятому авторомъ плану, надобно составить сводъ изъ современныхъ сказаний, объяснивъ положительно, что если нѣкоторыя обстоятельства, повѣствующія хѣтописцами, могутъ быть подвержены сомнѣнію, то несомнѣнно главное изъ нихъ убіеніе Дмитрія клевретами Годунова. Послѣ того, можно помѣстить перечень слѣдственаго дѣла въ настоящемъ видѣ его, исключивъ, однако, всѣ примѣчанія автора, которая клонятся къ оправданію Бориса Годунова, и, присовокупивъ въ заключеніе то, что неоднократно говорилъ самъ Шуйскій по вступленію на престолъ о смерти царевича, между прочимъ въ окружной грамотѣ 2-го іюня 1606 года». Согласно съ этимъ мнѣніемъ, Уваровъ 31-го января 1841 года предписалъ Московскому цензурному комитету измѣнить указанное мѣсто въ сочиненіи Арцыбашева.

23-го февраля 1841 года, попечитель Петербургскаго округа, князь Дондуковъ-Корсаковъ довелъ до свѣдѣнія министра, что года за два назадъ имъ не допущена въ печать драма его старого сослуживца, Великопольского, подъ названіемъ: «Незаконнорожденный». Теперь же на дняхъ напечатана трагедія того же автора: «Янетерскій», которая оказывается ничѣмъ инымъ, какъ прежнею же, только нѣсколько измѣненою пьесою. Почему онъ, попечитель, приказалъ задержать изданіе, и, имѣя въ виду общую благонамѣренность автора, согласился на перепечатаніе, на его счетъ, нѣкоторыхъ листовъ. Пьеса, о которой шла въ настоящемъ случаѣ рѣчь, принадлежала къ разряду созданій новой романтической школы и главную роль играли: прелюбодѣянія, убийства и другія преступленія, очень обычныя въ произведеніяхъ этой школы. Цензоръ Ольдекопъ, отъ которого попечитель требовалъ объясненія на счетъ пропуска, отозвался въ свое оправданіе, что, будучи въ теченіе 12-ти лѣтъ театральнымъ цензоромъ, онъ мало-по-малу привыкъ къ неистовѣмъ произведеніямъ новѣйшихъ романтиковъ, тѣмъ болѣе, что пьесы самыя гнусныя, безъ всякой нравственной цѣли, какъ напримѣръ «Антоній» Александра Дюма, были даже, хотя и противъ его мнѣнія, одобрены и представлены на здѣшней сценѣ. Въ настоящемъ же случаѣ, ему, сверхъ того, можетъ служить извиненiemъ сильная ревматическая боль въ головѣ, которую онъ страдалъ въ то время, когда пропустилъ въ печать пьесу Великопольского. Уваровъ немедленно отвѣчалъ князю Дондукову-Корсакову, что, разсмотрѣвъ съ особыннымъ вниманіемъ донесеніе его, равно объясненіе цензора и самое драматическое сочиненіе, подъ названіемъ «Янетерскій», онъ убѣдился, что ничего предосудительнѣе въ печати не могло быть допущено слабостью и оплошностью цензора, и что предлагаемыя измѣненія нимало не измѣняютъ рядъ безнравственныхъ картинъ, коими наполнена вообще вся трагедія. Поэтому онъ предписываетъ уволить Ольдекопа отъ должности цензора, и если не по собственному его прошенію, то лишь вслѣдствіе ходатай-

ства попечителя. Сверхъ того, онъ велѣлъ истребить всѣ имѣющіеся на лицо экземпляры трагедіи и вы требовать, чрезъ автора, тѣ, которые имѣ были розданы его знакомымъ.

Въ № 86 «Сѣверной пчелы» за 1841 годъ, Булгаринъ говорилъ, что вовсе не новы свѣдѣнія, сообщенные профессоромъ Шевыревымъ въ статьѣ яиварской книги «Журнала министерства народного просвѣщенія», подъ заглавіемъ: «Новый извѣстія о флотентійскомъ соборѣ, извлеченный изъ ватиканской рукописи», и что они находятся въ имѣющейся у него, Булгарина, печатной книжѣ. Прочитавъ это, Уваровъ написалъ, 10-го мая 1841 года, петербургскому попечителю, что это обстоятельство довольно важно въ историческомъ и правительственномъ отношеніи, и потому онъ поручаетъ вы требовать отъ Булгарина ту книгу, для представленія ему, министру. Булгаринъ представилъ требуемую книгу (безъ заглавнаго листа) объяснивъ, при этомъ, что она принадлежитъ библиоману Кастерину, и столь рѣдка, что за нее заплачено 200 рублей, почему и просить возвратить ее назадъ. Полные же экземпляры той же книги есть: 1) въ Радзивиловскомъ архивѣ въ Вильнѣ, 2) у Чапскаго въ Порѣцкой библиотекѣ, перешедшей въ Пулавы къ Чарторыйскимъ, 3) у частныхъ лицъ, и между прочимъ у Зальского въ Вильнѣ. Книга была по приказанію ministra, препровождена къ Востокову, который отозвался 19-го мая, что свѣдѣнія, сообщенные Шевыревымъ, совершенно согласны съ книгою Острожской печати, доставленной отъ Булгарина, и что, по всему видно, ватиканская рукопись есть неисправный списокъ, либо съ печатной книги острожской, изданной въ концѣ XVI вѣка, либо съ другаго какого списка. Книгу возвратили Булгарину, а Шевыревъ напечаталъ свои объясненія, по этому дѣлу, въ «Журналѣ министерства народного просвѣщенія».

24-го ноября 1841 года, Уваровъ представилъ государю императору всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ просилъ дозволенія на напечатаніе сочиненія крестьянина Просошкова: «О скудости и богатствѣ». До тѣхъ поръ были извѣстны только два его краткія разсужденія: одно (поданное митрополиту Стефану Яворскому) о состояніи духовенства и отношение его къ народу, гдѣ сочинитель умоляетъ знаменитаго іерарха употребить зависящія отъ него средства къ вразумленію мірянъ, утѣшающіхъ въ невѣжествѣ, объ истинахъ христіанской религіи и приложеніи ея къ жизни; сочиненіе это напечатано въ 1814 году; другое разсужденіе (представленное боярину Головину) о ратномъ дѣлѣ, съ указаніемъ разныхъ улучшений по этой части: напечатано въ 1793 году. Сочиненіе же «О скудости и богатствѣ» заключаетъ въ себѣ полный трактатъ о состояніи Россіи и о тѣхъ мѣрахъ, кои должно принять для того, чтобы привести отечество въ лучшее состояніе и искоренить злоупотребленія по всѣмъ частямъ государственного управления, трактатъ,

представленный Петру I въ 1724 году. «Онъ изобилуетъ свѣтлыми выводами здраваго ума, не помраченаго теоріями и глубоко знакомаго съ бытомъ Россіи», говорилъ въ своемъ докладѣ Уваровъ и, въ заключеніе прибавляя: «замѣчательно, что суждено намъ было сдѣлать это любопытное, можно сказать даже важное, открытие въ благополучное царствованіе вашего императорскаго величества, когда всѣ начала народной жизни приняли сугубое существованіе, и духъ Петра Великаго какъ будто опять воцарился въ Россіи». На этомъ докладѣ государь императоръ, 24-го ноября, написалъ: «Согласенъ».

На другой же день директоръ канцеляріи, Комовскій, сообщилъ Погодину, открывшему рукопись Посошкова и желавшему ее издать, о результатахъ доклада и написалъ, что министръ просить его уведомить: где Погодинъ предполагаетъ печатать рукопись. «При этомъ, говорилъ онъ, министръ поручилъ сообщить вамъ его мнѣніе, что въ предисловіи не должно положительно приписывать это произведеніе крестьянину Посошкову, и хотя нельзя съ такою утвердительностью, какъ сказалъ одинъ изъ петербургскихъ журналистовъ, назвать какого-либо другаго настоящимъ сочинителемъ рукописи, однако, авторство крестьянина Посошкова также подлежитъ сомнѣнію. Главное то, что подобное сочиненіе могло быть написано и представлено императору Петру Великому; кѣмъ? вопросъ второстепенный; конечно, очень разительно, если авторъ такого произведенія простой крестьянинъ, но при существованіи нѣсколькихъ списковъ этого творенія и при другихъ обстоятельствахъ, авторство его требуетъ очевидчайшихъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, какія доселе можно представить въ подкрѣпленіе этого мнѣнія».

Въ отвѣтъ на это, Погодинъ, 9-го декабря, написалъ самому Уварову: «Въ землю кланяюсь вашему высокопревосходительству за позволеніе, высочайше исходатайствованное вами, напечатать Посошкова. Это новое доказательство вашей просвѣщенности любви къ отечественной исторіи, новое право на общую признательность, новый подвигъ, совершенный во славу святой Руси. Извѣстіе г. Комовскаго довершило мое выздоровленіе. Да сохранитъ васъ Богъ въ долготу дней. Выписку, бывшую у васъ, намѣренъ я напечатать въ своеемъ журналѣ ¹⁾, а все сочиненіе особо. О доказательствахъ въ пользу Посошкова я молчаль, ожидая противныхъ отъ моихъ антагонистовъ, но теперь представлю ихъ немедленно на усмотрѣніе ваше. Впрочемъ, главное дѣло въ сочиненіи, а не въ сочинителѣ, какъ вы изволили замѣтить.

17-го апрѣля 1842 года, Уваровъ ходатайствовалъ всеподданнейшимъ докладомъ у государя императора объ изданіи «Записокъ Порошина», сохранившихся въ его потомствѣ и заключающихъ въ себѣ опи-

¹⁾ Дѣйствительно и напечатана въ 1842 году, въ „Москвитанинѣ“.

саніе событій русскагодворасъ 1764 по 1765 годъ. «Въ сихъ за пискахъ, говорилъ Уваровъ, являются въ полномъ свѣтѣ, съ одной стороны, всѣ прекрасныя качества ума и сердца малолѣтняго великаго князя Павла Петровича (при которомъ состоялъ тогда безотлучно Порошинъ), и пре- восходный планъ его воспитанія; съ другой, чувства привязанности и любви Порошина къ питомцу, при особѣ коего онъ состоялъ. Семейство Порошина желаетъ нынѣ издать въ свѣтѣ эту драгоценную историческій памятникъ. По уваженію вышепоказанного содержанія рукописи и общаго впечатлѣнія, производимаго ею на читателя, она не представляетъ, по моему мнѣнію, затрудненія къ напечатанію, по исключеніи развѣ яесьма немногихъ, совершенно незначительныхъ мѣстъ». При этомъ, Уваровъ, по желанію потомковъ Порошина, поднесъ государю императору автографъ великаго князя Павла Петровича, писанный имъ на 10 лѣтнемъ возрастѣ и сохранившійся въ семействѣ Порошиныхъ. На этомъ до-кладѣ 18-го апрѣля послѣдовала высочайшая резолюція: «Записки эти мнѣ давно извѣстны, и я имѣю съ нихъ копіи; нѣть препятствія отпе-чатать; а за присланный листъ благодарить».

Въ маѣ 1842 г. Петербургскій цензурный комитетъ затруднялся пропустить, въ «Библіотекѣ для чтенія» трагедію Лажечникова «Оприч-никъ», какъ изображающую царя Ивана IV Грознаго въ краскахъ до-вольно неблагопріятныхъ. Академикъ Бередниковъ, которому Уваровъ передавалъ трагедію на предварительное разсмотрѣніе, отозвался, что тутъ представленъ Иоаннъ Грозный, согласно съ Карамзінымъ, въ са-момъ ужасномъ и презрительномъ видѣ. Все это можетъ быть умѣсто въ исторіи, и неумѣсто въ драматическомъ представлѣніи, которое про-изводить несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе и на зрителей, и на чи-тателей. Въ трагедіи Лажечникова негодованіе возбуждается противъ законааго царя русскаго, котораго санъ, въ качествѣ помазанника Божія, всѣ привыкли почитать священнымъ; здѣсь самымъ разитель-нымъ образомъ выказывается злоупотребленіе монархической власти; здѣсь въ уста царя влагаются рѣчи, способныя ослабить уваженіе, чи-таемое всѣми къ высокой особѣ русскихъ вѣнценосцевъ; однимъ словомъ, все, что здѣсь заключается, подрываетъ безотчетное чувство благоговѣ-нія къ монархамъ, которымъ русскіе исполняются съ самаго дѣтства. Съ другой стороны, нельзя не принять въ уваженіе, что царствование Иоанна Грознаго описано Карамзінимъ односторонне, по источникамъ, враждебнымъ памяти этого государя; что это любопытное и во многихъ отношеніяхъ загадочное царствованіе ожидаетъ еще историка безпристраст-наго. Открытые послѣ Карамзина исторические документы «и тѣ, кото-рые еще вновь откроются», не оправдаютъ, конечно, жестокости Иоан-новой, но безъ всякаго сомнѣнія болѣе объяснятъ причины ея, изба-вятъ его отъ многихъ нареканій, не подтвержденныхъ историческою кри-

тикой, и смягчать слишкомъ рѣзкій приговоръ «Исторіи государства Россійскаго». При такомъ положеніи дѣла, академикъ Бередниковъ полагалъ, что трагедія «Опричникъ» не можетъ быть дозволена къ напечатанію. Согласно съ этимъ мнѣніемъ, Уваровъ 25-го іюля 1842 г. увѣдомилъ петербургскаго попечителя, что находить неудобнымъ выводить царя Иоанна въ самомъ ужасномъ и презрительномъ видѣ въ событіи вымышленномъ, и налагать на него произвольно вину, которою исторія не обременяетъ этого царя, а потому онъ и признается, что трагедія «Опричникъ» не можетъ быть дозволена къ напечатанію.

16-го іюня 1842 года, московскій попечитель, графъ Строгановъ, писалъ Уварову: «На-дняхъ, прочитывая новую поэму Гоголя «Походженіе Чичикова или мертвых душ», я останавливался на многихъ мѣстахъ, которые, несмотря на свою занимательность и юморъ, не могли, какъ я думаю, быть дозволены къ напечатанію безъ особеннаго высшаго разрѣшенія, и съ какою-либо особенною цѣлью. Цензурныя постановленія вообще не опредѣлены. Были случаи, что цензура, при одобрѣніи нѣкоторыхъ сочиненій къ напечатанію или при неодобрѣніи, руководствовалась доселѣ особыми указаніями правительства и изъ нихъ составляла для себя частныя правила. Теперь, новое произведеніе Гоголя обратило на себя всеобщее вниманіе, и, конечно, будетъ подвергнуто разнымъ толкованіямъ и критикѣ. Въ семъ случаѣ, цензура будетъ поставлена въ затрудненіе, потому что не имѣть указанія, при какихъ обстоятельствахъ дозволено напечатаніе описанной поэмы».

Вследствіе того, графъ Строгановъ просилъ наставленія: чѣмъ руководствоваться, въ случаѣ представленія рецензій и критикъ на поэму Гоголя. Уваровъ отвѣчалъ, что книга «Мертвые души» разсмотрѣна и одобрена цензурою на общихъ основаніяхъ, и при разсмотрѣніи критикъ на это сочиненіе, надо руководствоваться общими цензурными постановленіями.

28-го іюня 1842 года тотъ же графъ Строгановъ, съ секретно, писалъ Уварову: «Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и въ особенности «Москвитянинъ», принятии за особенную тему выставлять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи славянъ, какъ терпящихъ особое угнетеніе, и предвѣщать скорое отдѣленіе ихъ отъ инонлеменданаго ига. Хотя цензурный комитетъ удерживаетъ представленныя ему статьи въ извѣстныхъ границахъ и вымарываетъ слишкомъ рѣзкія мѣста, но все-таки довольно остается и въ самомъ исправленіи статей, чтобы они обратили на себя вниманія читателей. А какъ, при дѣйствіи въ государствѣ цензуры, на правительство падаетъ отвѣтственность и за частное политическое направление журналистики, я почитаю обязанностью, для дальнѣйшаго руководства своего, спросить ваше высокопревосходительство, согласно ли будетъ съ настоящими видами прави-

тельства нашего: возбуждать участіе къ политическому порабощенію иѣ-которыхъ славянскихъ народовъ, представлять имъ Россію, какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направлениія къ будущности своей, и ясно рукоплескать порывамъ ихъ къ эмансирації. Я чувствую, что слабость самихъ писателей, принявшихъ это направлениѣ, дѣлаетъ и пропаганду не опасною; но здѣсь меня не занимаетъ угрожающая Австріи и Турціи опасность, а просто вопросъ приличія и своевременности при существующихъ пріязненныхъ отношеніяхъ Россія къ со-сѣднимъ державамъ».

На это Уваровъ, сектретно же, отвѣчалъ 16-го іюля графу Строганову: «Доселѣ вышеозначенныя статьи не подвергались никакимъ со стороны правительства замѣчаніямъ касательно предполагаемаго въ нихъ значенія¹⁾».

Вообще всякия нарушенія дружественныхъ отношеній между союзными съ Россіей державами, посредствомъ книгопечатанія, предупреждаются уже постановленіями § 9 цензурнаго устава, и потому, если бы въ какихъ-либо изданіяхъ вообще могло быть нарушено должностное приличіе въ этомъ отношеніи, то ответственность, на основаніи цензурныхъ учрежденій, падаетъ на то лицо, съ разрѣшеніемъ коего подобное изданіе поступило въ печать. Что касается до существованія «пропаганды», возбуждающей участіе къ политическому порабощенію иѣ-которыхъ славянскихъ народовъ, угрожающей опасностью Австріи и Турціи, и рукоплещущей порывамъ сихъ племенъ къ эмансирації, я долженъ сообщить вамъ, что предполагаемое существование подобной «пропаганды» выходитъ далеко изъ черты обыкновенныхъ литературныхъ или цензурныхъ погрѣшностей и даже предѣловъ моего вѣдомства, и требуетъ особыхъ наблюдений. Почему предлагаю вамъ войти въ конфиденціальное сношеніе о семъ съ г. московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, которому я съ своей стороны не оставляю передать содержаніе вашего отношенія».

Въ началѣ 1843 года, петербургскій цензурный комитетъ не находилъ затрудненія пропустить въ печать «Полное Собраніе сочиненій Гоголя» въ 4 томахъ (вопреки мнѣнію цензора Никитинки, который находилъ не мало мѣсть сомнительныхъ въ «Шинели», «Женитьба», «Утре дѣловаго человѣка», «Театральномъ разѣздѣ»), но затруднялся въ томъ отношеніи, что не далѣе, какъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ, въ декабрѣ 1842 года, по высочайшему повелѣнію были посажены подъ

---

¹⁾ Даѣтъ было первоначально написано, но потомъ зачеркнуто: «и при извѣстной благонамѣренности обоихъ издателей „Москвитянина“, профессоръ Погодина и Шевырева, можно надѣяться, что и впредь они не подадутъ повода къ какимъ-либо нареканіямъ въ этомъ смыслѣ».

аресть цензоры Никитенко и Крыловъ, пропустившіе въ № 8 «Сына Отечества» повѣсть «Гувернантка», содержавшую юмористические пасажи. Уваровъ далъ 10-го января словесное разрѣшеніе петербургскому попечителю пропустить полное собраніе сочиненій Гоголя.

6-го мая 1847 года, Уваровъ секретно писалъ попечителю Петербургскаго округа: «Разсматривая появляющіяся въ современныхъ изданіяхъ сочиненія обь отечественной исторіи, я замѣчаю, что въ нихъ нерѣдко вкрадываются разсужденія о вопросахъ государственныхъ и политическихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ особенностью осторожности, и только въ предѣлахъ самой строгой умѣренности. Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе иѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необдуманныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціального, стремленіе, стоявшееся иногда, если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть». Поэтому Уваровъ поручалъ попечителю пригласить цензоровъ къ усугубленію вниманія на журнальныя и другія статьи въ показанномъ отношеніи.

28-го іюля 1847 года, Уваровъ, по просьбѣ Жуковскаго, испрашивалъ дозвolenія на новое цензурованіе, въ полномъ собраніи сочиненій этого автора, лишь того, что будетъ напечатано вновь, а всѣ прежнія сочиненія не подвергать опять цензурному разсмотрѣнію; при этомъ министръ указывалъ на примѣръ Пушкина, послѣ смерти кото-раго, въ 1837 году, высочайше повелѣнно было: «Сочиненія, уже напечатанныя, пропустить, не подвергая ихъ новому разбору; сочиненія же, еще не напечатанныя, подвергать разбору цензуры по установленному порядку». На это 29-го іюля послѣдовала высочайшая резолюція: «Согласенъ».

5-го іюня 1847 г., Уваровъ писалъ петербургскому попечителю (черновая бумага вся писана рукою самого министра): «министерство народнаго просвѣщенія неоднократно предостерегало С.-Петербургскій цензурный комитетъ отъ слишкомъ быстраго распространенія иностранныхъ романовъ, большою частью писанныхъ въ дурномъ духѣ и съ весьма дурными началами, коихъ слѣды остаются ощущительны, не взирая на сокращенія и измѣненія, производимыя цензорами. Страсть къ этому роду чтенія простирается до того, что въ иныхъ журналахъ, здѣсь издаваемыхъ, цѣлые книжки почти составляются изъ двухъ или трехъ въ цѣлости переводныхъ романовъ или повѣстей. Находя, что независимо отъ нравственной цѣли, указываемой министерствомъ, самыя программы этихъ журналовъ несходны съ подобными наполненіемъ ихъ переводными романами, я покорно прошу васъ предложить Петербургскому цензурному комитету принять отныне къ точнѣйшему исполненію слѣдующія правила: 1) обращать впредь ближайшее и строжайшее

вниманіе на представляемые въ комитетъ переводы съ иностранныхъ языковъ, особенно современныхъ французскихъ писателей, коихъ имена, болѣе или менѣе, извѣстны публикѣ, обязавъ цензоромъ, чтобы, по окончательномъ разсмотрѣніи сихъ переводовъ, каждый изъ нихъ предварительно доводилъ до свѣдѣнія вашего; вамъ же оставаться будетъ: или разрѣшить изданіе подобного перевода, или представить на мое усмотрѣніе. 2) Въ издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ журналахъ наблюдать, чтобы цѣлые книжки онъхъ, вопреки программѣ, не были составлены изъ однихъ почти переводныхъ въ цѣлости романовъ или повѣстей. 3) Наконецъ, поставить на видъ цензорамъ, что съ нѣкоторыхъ поръ оригиналныя изданія, въ родѣ повѣстей и романовъ, наполнены выходками противъ чиновниковъ, представляя этотъ классъ въ самыхъ гнусныхъ и смѣшныхъ видахъ. Считая, что такое преслѣдованіе класса людей, болѣе или менѣе полезныхъ и достойныхъуваженія и къ коему могутъ быть причислены и высшіе сановники въ Имперіи, имѣть цѣлью убивать въ низшихъ разрядахъ службы духъ благородный и обращать на нихъ или презрѣніе или негодованіе, я прошу васъ предложить комитету и цензорамъ, порознь, неослабно наблюдать, чтобы подобная изображенія не выходили изъ предѣловъ благопристойности и вкуса, и были вообще допускаемы тогда только, когда цензура убѣдится въ чистотѣ намѣренія сочинителя и его безпристрастія. Хотя по сему предмету трудно начертать положительно правило, однако же я увѣренъ, что цензоры, постигнувши смыслъ этого воззрѣнія, будутъ съ онъмъ, во всѣхъ случаяхъ, осмотрительно соображаться». На другой же день Уваровъ послалъ копію съ этого предписания графу Бенкендорфу и прибавилъ въ письмѣ своемъ: «весъма желательно, смѣю думать, чтобы и театральная, не состоящая въ моемъ вѣдѣніи, цензура обратила внимание на смыслъ послѣдняго моего замѣчанія о чиновникахъ».

9-го января 1848 года Уваровъ поручилъ петербургскому попечителю обратить особенное вниманіе цензоровъ на переводъ романа «Mémoires d'un médecin», печатаемый въ «Библіотекѣ для чтенія», также не дозволять переводъ книги «Histoire des Givondins» Ламартина.

Въ тотъ же самый день, графъ Орловъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, что государь императоръ повелѣлъ: «воспретить дальнѣйшее печатаніе русскаго перевода, въ «Библіотекѣ для чтенія», романа Дюма «Mémoires d'un médecin», и принять на будущее время вообще за правило, дабы главное управление цензуры, разрѣшавшая пропускъ иностранныхъ романовъ въ Россіи, тогда же опредѣлило, могутъ ли онъ бытъ переведимы на русскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы изъ романовъ, кои не будутъ разрѣшены къ переводу исполнѣ, не было до-

зволяемо печатать и отрывковъ въ русскомъ переводѣ». Всльдъ за тѣмъ, редакторъ «Библіотеки для чтенія», Сенковскій, писалъ петербургскому попечителю, что до конца романа осталось всего 4—5 печатныхъ листовъ и, чтобы не дать публикѣ повода къ толкамъ, по его мнѣнію, надлежало бы заключить книгу чѣмъ-нибудь, хоть для вида. Окончаніе можно было бы сократить еще болѣе, чѣмъ остальной текстъ, только бы соблюсти благовидную наружность. Но министръ не согласился на это, такъ какъ романъ былъ запрещенъ по волѣ государя императора. Скоро послѣ того, 21-го марта 1848 года, Уваровъ изъяснилъ во всеподданнейшемъ докладѣ, что послѣ вышеупомянутаго высочайшаго повелѣнія, онъ, въ числѣ прочихъ распоряженій, запретилъ печатать въ русскихъ журналахъ и газетахъ переводы романовъ изъ иностранныхъ фельетоновъ, пока эти романы не будутъ изданы въ цѣлости и пропущены для перевода. Но въ «Revue étrangère» и въ «Messager de S.-Pétersbourg» помышляются повѣстіи и романы, заимствуемые изъ французскихъ периодическихъ изданий, и эти журналы могутъ послужить источникомъ для переводовъ на русскій языкъ французскихъ фельетонныхъ романовъ. Оба они, пользуясь даннымъ имъ и составляющимъ основу ихъ существованія правомъ перепечатывать французскіе повѣстіи и романы, доселѣ употребляли его съ осторожностью и не навлекали на себя никакого нареканія. Потому главное управление цензуры полагало бы ихъ этого права не лишать; но русскимъ журналамъ и газетамъ переводить изъ нихъ повѣстіи и романы, отдельно еще не одобренные, запретить. На этомъ докладѣ послѣдовала высочайшая резолюція 22-го марта: «Согласенъ, но и въ этихъ двухъ журналахъ полагаю лучше дозволять печатать только тѣ романы и повѣстіи, которые уже въ цѣломъ извѣстны».

Приводя въ исполненіе эту высочайшую волю, Уваровъ, 6-го апрѣля 1848 года, предписалъ цензорамъ представлять себѣ заглавіе каждого романа, назначенаго къ пропуску въ рускомъ переводѣ, и ожидать его разрѣшенія. 11-го же августа онъ еще предписалъ, чтобы издатели переводимыхъ на русскій языкъ французскихъ романовъ представляли ему заблаговременно заглавія выбранныхъ ими романовъ, такъ чтобы къ переводу и набору приступать уже по полученіи министерскаго разрѣшенія¹⁾.

¹⁾ Эти распоряженія уничтожены лишь въ декабрѣ 1849 г., во время министерства князя Ширинскаго-Шихматова.

Х.

Цензура еврейскихъ книгъ.—Мѣры противъ вреднаго направлениія еврейской литературы.—Продажа запрещенныхъ книгъ.

Послѣ предложеннаго здѣсь обзора цензурной дѣятельности графа Уварова и главнаго управлениія цензуры за періодъ времени съ 1833 по февраль 1848 года, умѣстно будетъ сказать теперь нѣсколько словъ и о цензурѣ еврейскихъ книгъ, находившихся, какъ извѣстно, въ исключительномъ положеніи. Нѣсколько примѣровъ, выбранныхъ изъ числа самыхъ крупныхъ, дадутъ полное понятіе объ этомъ дѣлѣ и отношеніяхъ къ нему какъ высшаго цензурнаго вѣдомства, такъ и вообще правительства.

19-го января 1834 года министръ внутреннихъ дѣлъ, статья-секретарь Блудовъ, секретно писалъ Уварову, что, по дошедшемъ до него свѣдѣніямъ, между евреями возникла въ новѣйшія времена секта хасидовъ, которая искажаетъ еврейскій законъ и издаетъ самыя вредныя для общества книги, заключающія ложныя и противныя богопознанію и нравственности правила. Увлекаясь этимъ обманомъ, еврейскій народъ предается совершенной праздности, пронырствамъ, распутству и всѣмъ порокамъ. Хасидскія правила столь распространены между евреями западныхъ губерній, что теперь почти нѣть ни одной еврейской книги старинной печати и изданій, гдѣ они не были бы включены особыми прибавленіями, или вложеніемъ въ переплетъ; хасидскія книги читаются съ невѣроююжною жадностью, и всѣ мѣры правительства для преисченія этого зла оказываются недостаточными. Три еврея: Савицкій, Мекело и Беренштейнъ предложили министру внутреннихъ дѣлъ принять слѣдующія мѣры для уничтоженія именно этого зла: строжайше пересмотрѣть, посредствомъ особыхъ комиссаровъ, всѣ книги, находящіяся въ употреблениі у евреевъ, и доселъ въ Польшѣ и Россіи напечатанныя, отдѣлить всѣ нехасидскія; а остальная безусловно истребить, наложить строжайшее взысканіе на тѣхъ, кто будетъ укрывать подобныя книги, или сохранять ихъ, хотя бы даже по недосмотру ревизоровъ; закрыть всѣ еврейскія типографіи въ Польшѣ и возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ; дозволить существованіе не болѣе трехъ типографій (напримѣръ въ Житомирѣ, Брестѣ-Литовскѣ и Шкловѣ), съ привилегію на 15 лѣтъ предпринимателямъ, при этихъ типографіяхъ опредѣлить особыхъ цензоровъ отъ правительства. Не приступая еще ни къ какимъ распоряженіямъ по этому ходатайству, Блудовъ просилъ министра народнаго просвѣщенія сообщить ему свое мнѣніе по этому предмету. Уваровъ секретно же отвѣчалъ 30-го января 1834 года, что еще въ 1831 году, состоящій при Виленскомъ цензурномъ комитетѣ, для

разсматриванія еврейскихъ книгъ, евреи Тугендгольдъ представлялъ, что у русскихъ евреевъ находятся въ обращеніи книги секты хасидовъ, которыхъ цензурою не были дозволены къ напечатанію, и это представление было по привадлежности сообщено главнымъ управлениемъ цензуры графу Бенкendorfu и министру внутреннихъ дѣлъ для изъятія тѣхъ книгъ изъ употребленія. Необходимо принять мѣры къ пресѣченію обращенія между евреями противозаконно печатаемыхъ книгъ. Но предлагаемыя вынѣ средства къ тому нельзѧ не признать столь насильственными, что приведеніе ихъ въ дѣйствіе чрезвычайно затруднительно и даже невозможно, особенно со стороны цензуры, ибо въ дѣйствіяхъ своихъ она не можетъ преступать предѣловъ, опредѣленныхъ для нея цензурнымъ уставомъ».

Почти годъ спустя, Блудовъ написалъ Уварову, 29-го ноября 1834 г., что изъ вытребованныхъ отъ начальника Западнаго края донесеній оказывается, что секта хасидовъ не имѣеть, въ началахъ вѣры своей, большой разницы съ прочими раввинскими евреями. Вообще вѣра еврееvъ, основанная на нелѣпомъ талмудическомъ ученіи, признается болѣе или менѣе вредною обществу, и слѣдовательно должно принимать всевозможное стараніе о просвѣщеніи вообще всѣхъ еврееvъ; раздѣлять же ихъ на секты и преслѣдовать одну изъ нихъ по видамъ другой, было бы, можетъ статься, и вредно, ибо это заставило бы думать оставленныхъ въ покое, что правительство одобряетъ ихъ ученіе. Поэтому, Блудовъ считалъ достаточнымъ (согласно съ мнѣніемъ Уварова), ограничиться общими постановленіями, но просилъ подтвердить цензурѣ о строжайшемъ разсмотрѣніи печатаемыхъ здѣсь и привозимыхъ изъ-за границы еврейскихъ книгъ. Уваровъ исполнилъ это требование.

21-го июня 1837 года князь А. Н. Голицынъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что государь императоръ, по его докладу, высочайше повелѣлъ опредѣлить, на вакантное мѣсто, цензоромъ еврейскихъ книгъ кандидата медицины, Липса, перешедшаго изъ еврейства въ православіе, и сообразить, на основаніи объясненій и доводовъ Липса, не лучше ли учредить цензуру еврейскихъ книгъ въ Петербургѣ. Прежде чѣмъ обращаться къ князю Голицыну, Липсъ сообщалъ свои обширныя разсужденія и доводы извѣстному протоіерею Павскому, который написалъ ему, 12-го мая 1837 года, слѣдующее, можно сказать о французскомъ письме, бывшемъ потомъ въ виду и у князя Голицына, и у государя императора:

«Четыре тетради ваши, которыхъ вы довѣрили мнѣ перечитать, чтобы слышать мое о нихъ мнѣніе, я пересмотрѣлъ, и съ удовольствиемъ вижу изъ нихъ, что вы съ великою ревностью и съ большимъ умѣньемъ раскрываете зло, таящееся въ еврейскихъ обществахъ благословленного отечества нашего. Хотя я часто имѣлъ случай говорить съ евреями и *

всегда былъ увѣренъ, что причиною ихъ невѣжества, безсознательности и подлости есть беззаконное раввинское и талмудическое ученіе, но, прочитавъ ваши выписки и разсужденія, еще яснѣе узналъ, что такъ называемые учителя евреевъ суть люди безнравственнѣйшіе и губить бѣдный народъ свой безъ всякаго милосердія. Чего доброго ожидать отъ такихъ учителей, которые не только сами обманываютъ, но составили систему обмана и постоянно дѣйствуютъ по своей системѣ во вредъ своего народа, въ обиду сосѣдей, вопреки тому государству, которое ихъ кормить и покровительствовать? Особенно ужасны и возмутительны правила новѣйшихъ ихъ законодателей, и тѣмъ они вредятъ, что вездѣ предложены съ доказательствами, и доказательства заимствованы изъ Св. Писанія, по ихъ мысламъ перетолкованного. Конечно, такія доказательства несильны и неубѣдительны для людей, имѣющихъ здравый смыслъ, но въ томъ-то и состоить искусство раввиновъ, что они, во-первыхъ, отнимутъ у людей здравый смыслъ и совѣсть, а потомъ и предлагаютъ свои бредни, какъ величайшія тайны и преполезнѣйшія истины. Чтобы лишить учениковъ своихъ здраваго смысла и совѣсти, раввины запрещаютъ имъ учиться наукамъ и читать книги, кроме изданныхъ ими. А что же пишется въ ихъ книгахъ? «Весь міръ существуетъ для евреевъ. Все богатство міра принадлежитъ евреямъ. Христиане пользуются благами міра беззаконно. И потому еврей долженъ всякими мѣрами переводить богатство изъ рукъ христіанскихъ въ свои руки, какъ законную свою собственность. Однимъ только евреямъ Богъ далъ душу разумную, а христиане не имѣютъ души. И потому не грѣшно убивать христіанина, какъ бездушного. Если иногда и говорится въ законахъ еврейскихъ, что надо молиться за царей, то здѣсь не разумѣются цари христіанскіе, а раввины» и проч. Горестно слышать, что такія правила, внушаемыя беззаконными раввинами, печатаются въ россійскихъ типографіяхъ, и при томъ довольно часто и въ большомъ количествѣ, какъ видно изъ многихъ изданій. Конечно, намъ не переучить всѣхъ евреевъ, чтобы они мыслили согласно съ здравымъ умомъ, и поступали по совѣсти, но на все есть мѣра. Пусть они печатаютъ свои книги, нужные для ихъ богослуженія и руководства въ жизни, но въ этихъ книгахъ не должно допускать выражений, оскорбительныхъ для христіанской церкви и для правительства. А изъ вашихъ выписокъ видно, что въ еврейскихъ книгахъ, и при томъ недавно печатанныхъ, множество выражений, оскорбительныхъ для христіанъ и для того правительства, подъ покровительствомъ котораго живутъ и благоденствуютъ евреи. Не ужасно ли читать тѣ мѣста, гдѣ о Спасителѣ нашемъ говорится съ презрѣніемъ, таинства христіанскія называются мерзостью, государь императоръ—непріятелемъ? Намѣреніе ваше передать ваши выписки въ руки правительства похвально, потому что всякий сынъ

отечества долженъ оберегать честь и выгоды своего отечества. Какъ вы сами воспитались среди евреевъ и съ малолѣтства видѣли и слышали всѣ беззаконные поступки и правила слѣпыхъ вождей еврейского народа, то вы гораздо подробнѣе и вѣрнѣе можете это обнаружить, какъ и дѣйствительно видно изъ большаго числа вашихъ выписокъ изъ разныхъ книгъ, вами перечитанныхъ. Да дастъ вамъ Богъ успѣхъ въ вашемъ намѣреніи. Перечитывая ваши выписки, я вижу, что вы раввиновъ, дающихъ привилегіи на напечатаніе, называете самозванцами. Неужели у евреевъ, кромѣ раввиновъ, признанныхъ правительствомъ, есть еще раввины, имѣющіе власть давать такія важныя привилегіи? Если это правда, то эти тайные раввины должны быть крайне дерзки, осмѣливаясь выставлять свое имя на первомъ листѣ печатной книги и между тѣмъ не имѣя никакого права со стороны правительства. И какъ же такой раввинъ называетъ себя, между прочимъ, предсѣдателемъ еврейскаго суда?»

По разсмотрѣніи бумагъ Липса, главное управление цензуры 26-го ноября 1837 года представило, черезъ своего предсѣдателя, Уварова, всеподданнѣйшій докладъ государю императору, гдѣ было сказано: «заключенія свои о недостаточности еврейской цензуры въ Киевѣ и Вильнѣ (т. е. въ тѣхъ краахъ, гдѣ обитаютъ евреи) Липсъ основываетъ на двухъ положеніяхъ: 1) что виленской цензурой сдѣланы многія и значительныя упущенія, 2) что цѣль цензуры еврейскихъ книгъ состоить въ очищеніи и исправленіи не только тѣхъ книгъ, кои предназначаются вновь къ изданію въ свѣтъ, но и всѣхъ уже напечатанныхъ сочиненій еврейскихъ. На сей конецъ Липсъ предлагаетъ разныя мѣры, которыя, по его мнѣнію, приведутъ къ желаемой цѣли. Не имѣя возможности повѣрить показанія Липса и убѣдиться въ справедливости его обвиненій противъ виленской цензуры, главное управление цензуры не могло, однако же, не обратить вниманія на этотъ предметъ. А потому и признало нужнымъ, вытребовавъ объясненія отъ еврейскихъ цензоровъ въ Вильнѣ, употребить по возможности надлежащія средства къ приведенію этого обстоятельства въ должную ясность. Что же касается до самыхъ предположеній Липса, то, по своей многосложности и обширности, они обнимаютъ собою такие предметы, которые вовсе не принадлежать къ кругу дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія. Такъ, напримѣръ, отбираніе и истребленіе всѣхъ существующихъ нынѣ вредныхъ еврейскихъ книгъ относится къ вѣдомству высшей полиції. Правила для учрежденія еврейской типографіи и надзора за нею относятся къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, и т. д. Даже для опредѣленія пользы отъ перенесенія цензуры и книгопечатанія еврейскихъ книгъ въ Петербургъ, которое отниметъ у цензурного вѣдомства возможность пріобрѣтать на мѣстѣ свѣдѣнія объ

обращающихся между евреями книгахъ и оставить евреевъ безъ надзора въ семь отношеній, даже для несомнѣнного заключенія объ этой пользѣ необходимы соображенія съ цѣлымъ гражданскимъ бытомъ евреевъ и со всѣми узаконеніями, какія существуютъ для нихъ. Все это убѣдило главное управление цензуры, что ежели бы и было приступлено къ приведенію въ дѣйствіе мѣръ, предлагаемыхъ Липсомъ, или другихъ подобныхъ, въ такомъ же объемѣ, то дѣло сие могло бы быть исполнено только тѣмъ вѣдомствомъ, которому принадлежитъ гражданское и духовное управление евреями, и что мѣры цензурные для евреевъ должны необходимо соорудоточиваться въ томъ же управлениі».

На этомъ докладѣ 28-го ноября послѣдовала высочайшая резолюція: «обсудить въ комитетъ министровъ при графѣ Бенкendorfѣ».

Комитетъ министровъ, рассматривая это дѣло, призналъ нужнымъ предварительно обратиться къ разсмотрѣнію мѣръ, принятыхъ къ прекращенію между евреями обращенія вредныхъ и запрещенныхъ книгъ. Положеніемъ комитета, высочайше утвержденнымъ 27-го октября 1836 года, постановлено: 1) объявить евреямъ, что всѣ имѣющіяся у нихъ книги, напечатанныя безъ цензуры или привезенные изъ-за границы безъ дозволенія, они могутъ представлять мѣстнымъ начальствамъ въ теченіе года, не опасаясь за то наказанія, но по прошествіи этого срока, съ тѣми, у кого такія книги окажутся, поступлено будетъ по всей строгости законовъ; 2) пересмотръ этихъ книгъ поручить надежнымъ раввинамъ съ тѣмъ, чтобы они, подъ личною отвѣтственностью, одобренныя цензурою означали надпись, а неодобренныя представляли мѣстному начальству на дальнѣйшее распоряженіе; 3) еслибы по истеченіи означеннаго срока открыты были у кого-либо изъ евреевъ запрещенные книги, то вмѣнить градскимъ и земскимъ поліціямъ въ обязанность, задержавъ оныя, доносить о томъ немедленно высшему мѣстному начальству, для преданія виновныхъ суду; 4) для облегченія надзора за еврейскими типографіями, всѣ существовавшія въ городахъ и мѣстечкахъ уничтожить, оставя только двѣ: одну въ Киевѣ, а другую въ Вильнѣ, где пересмотръ еврейскихъ книгъ поручить особымъ цензорамъ; 5) подтвердить таможеннымъ и губернскимъ начальствамъ, чтобы привозимыя изъ-за границы еврейскія книги непремѣнно были подвергаемы цензурѣ.

Эти мѣры имѣли успѣшное дѣйствіе, и у евреевъ открыто такое множество запрещенныхъ книгъ, что пересылка ихъ въ Петербургъ была бы сопряжена съ большими затрудненіями, а потому положеніемъ комитета министровъ 11-го сентября 1837 года мѣстнымъ начальствамъ разрѣшено предавать сожженію на мѣстѣ подлежащія уничтоженію книги. Что касается предположеній Липса, то комитетъ не усматривалъ никакихъ уважительныхъ причинъ, по коимъ можно было согласиться съ мнѣніемъ его, что принятые доселѣ мѣры къ уничтоженію означенныхъ книгъ

для достижения сей цѣли недостаточны, ибо, не упоминая о томъ, что мѣры сіи имѣли уже успѣхъ, всѣ распоряженія по этому предмету сдѣланы столь недавно, что нельзя еще съ опредѣлительностью судить о недостаточности ихъ, тѣмъ болѣе, что для представленія обращающихся между евреями недозволенныхъ книгъ данъ имъ годовой срокъ, который недавно кончился. При томъ, сосредоточеніе цензуры еврейскихъ книгъ и учрежденіе единственной еврейской типографіи въ С.-Петербургѣ представляетъ многія неудобства, какъ потому, что это, отнявъ возможность у мѣстного начальства приобрѣтать свѣдѣнія объ обращающихся между евреями книгахъ, оставило бы евреевъ въ семъ отношеніи безъ вся-
каго надзора, такъ и потому, что черезъ это открыть бы былъ прѣѣздъ въ С.-Петербургѣ многимъ евреямъ, которые нынѣ въ столицу эту не допускаются и кои бы воспользовались этимъ случаемъ даже для по-
стояннаго въ ней пребыванія. Что же касается до указаній Липса на нѣкоторыя мѣста въ дозволенныхъ къ напечатанію книгахъ, содер-
жащія вредныя мысли, то обстоятельство это еще прежде обратило на себя вниманіе правительства, и въ министерствѣ народнаго просвѣ-
щенія производится о семъ изслѣдованія, равно и по указаніямъ Липса истребованы, отъ кого слѣдуетъ, объясненія. Вообще предметъ этотъ при-
надлежитъ къ разряду неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ упущеній или злоупотребленій приставленныхъ отъ правительства чиновниковъ, и долженъ подвергнуть ихъ законному взысканію. Изслѣдованіе это мо-
жетъ также показать необходимость нѣкоторыхъ новыхъ мѣръ къ уси-
ленію надзора за цензурою еврейскихъ книгъ или еврейскими типогра-
фіями; но во всякомъ случаѣ нельзя ожидать какой-либо особой пользы отъ перенесенія ихъ съ одного мѣста въ другое. По всѣмъ этимъ ува-
женіямъ, комитетъ, признавая неудобнымъ приведеніе въ исполненіе предположеній Липса и полагая оставить ихъ безъ дѣйствія, считалъ между тѣмъ не излишнимъ поручить мѣстнымъ начальствамъ, чтобы они за дѣйствіями типографій въ Вильнѣ и Киевѣ имѣли ближайшій и бди-
тельный надзоръ. Это положеніе комитета высочайше утверждено 18-го
января 1838 года. Изъ доставленныхъ, впослѣдствіи, объясненій ви-
ленского цензора Тугенгольда оказалось, что всѣ мѣста, приведенные
Липсомъ въ выпискѣ изъ Талмуда и молитвенныхъ еврейскихъ книгъ,
какъ вредныя, въ сущности совершенно безвредны, и представившій ихъ
съ худой стороны правительству даль имъ злонамѣренное значеніе по
своему произволу, то сокращая мысли, то принимая что-либо, сказан-
ное за нѣсколько вѣковъ о язычникахъ, къ настоящему времени и къ
нынѣшнимъ христіанскимъ народамъ. — Липсъ же отставленъ отъ цен-
зорской должности за крайнюю недобросовѣтность свою, лихомѣства и
вымогательства у евреевъ.

14-го марта 1839 года министръ внутреннихъ дѣлъ секретно

сообщилъ Уварову, что раввиномъ города Ровны, Волынской губерніи, Беренсономъ, представлено собраніе нѣсколькихъ печатныхъ листовъ изъ разныхъ еврейскихъ сочиненій, признанныхъ имъ вредными, а также книги подъ заглавиемъ: «Шивхе-Рабби-Хаимъ-Виталъ», и просилъ увѣдомить, какія были послѣдствія производившейся уже прежде объ этихъ книгахъ переписки. Уваровъ секретно же отвѣчалъ на это 7-го апрѣля 1839 года, что еще въ началѣ 1828 года министръ народнаго просвѣщенія препровождалъ къ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ книгу «Шивхе-Гесь-Хаимъ», содержащую хулу на христіанство и напечатанную въ 1826 году въ Острогѣ безъ одобренія; потомъ въ марта того же 1828 года туда же препровождена вѣдомость о 50-ти еврейскихъ сочиненіяхъ, подлежащихъ запрещенію; 14-го марта послѣдовало высочайшее повелѣніе объ изъятіи вредныхъ еврейскихъ книгъ изъ обращенія. Что же касается другихъ еврейскихъ книгъ, указываемыхъ нынѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то изъ нихъ дѣйствительно слѣдуетъ исключить указанныя мѣста.

Въ началѣ января 1839 года верхне-днѣпровскій раввинъ Мовша Каценъ-Элленбогенъ подалъ кіевскому военному, подольскому и волынскому генераль-губернатору, генераль-адъютанту Бибикову, письменный доносъ противъ секты хасидовъ, сильно распространенной, по его словамъ, въ Киевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, а также въ Бессарабіи и многихъ мѣстахъ Екатеринославской, Херсонской и Полтавской губерній. Въ книгахъ же ихъ есть очень много мѣсть, содержащихъ въ себѣ очень вредное ученіе. Въ доказательство чего раввинъ представилъ переводъ многихъ мѣсть изъ книги «Дывре Эмэсъ». Тутъ встрѣчались слѣдующія фразы: «когда Господь Богъ хочетъ наказать народъ, тогда праведники еврейскіе (т. е. цадики) обращаютъ это наказаніе на ненавистниковъ еврейскихъ»... «Должно давать цадику деньги, потому что онъ поможетъ во всѣхъ скорбяхъ и обратить злое на ненавистниковъ, а на евреевъ привлечетъ благословеніе»... «Посредствомъ превращенія наказанія на ненавистниковъ прибываетъ евреямъ пропитаніе и способъ къ наблюдению закона еврейскаго»... «Возведеніе вселенной состоить со стороны достоинства евреевъ, дѣлающихъ добрая дѣла, а идолопоклонники своими добрыми дѣлами могутъ разорить вселенную, вселенная сія есть вселенныхъ не былыхъ, т. е. святость, каковая прибавляется еврейскими добрыми дѣлами»... «Цадикъ есть киотъ завѣта, потому что въ немъ хранится законъ, и когда цадикъ возвышается своею святостью часть отъ часу, то никто изъ враговъ его не можетъ чинить ему зла, ибо онъ ихъ побѣдить. Если же сіи враги изъ евреевъ, то онъ токмо не допустить своею святостью, чтобы они ему препятствовали. Цадикъ же подобенъ птицѣ, сидящей на птенцахъ, или на яйцахъ, ибо онъ есть мать своихъ подчиненныхъ, онъ не долженъ въ своей молитвѣ,

или внушениі народа къ покаянію, упоминать о грѣхахъ, дабы отъ сего не возъярился Господь Богъ, но токмо дѣйствовать чудесами, подобно чудесамъ, бывшимъ во время Эсфири»... «Наказаніе бываетъ на ненавистниковъ еврейскихъ для того, чтобы евреи уразумѣли, что они Господа Бога прогибали, а вмѣсто евреевъ онъ наказываетъ прочихъ»... «Позволяется избавляться отъ смерти волшебствомъ, равно избавиться отъ повелѣній царскихъ»... и т. д. Викарный кіевскій, Иннокентій, разсмотрѣвъ этоѣ доносы и выписки, отозвался, что это учение хасидовъ явно дышетъ духомъ еврейскаго сепаратизма и ненависти къ христіанамъ, и направлено къ возвышенію, въ глазахъ народа, секты цадиковъ, кои имѣютъ весьма вредное влияніе на нравственность. Представляя обо всемъ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ Бибиковъ прибавилъ съ своей стороны, что, судя по направленію книги «Дывре-Эмесъ», весьма желательно, чтобы цензоры еврейскихъ книгъ поступали съ большою разборчивостью въ пропускѣ ихъ, потому что съ нѣкоторыхъ поръ подобныя книги начали выходить въ немаломъ количествѣ. Дѣло это было передано на предварительное обсужденіе министра народнаго просвѣщенія, который, истребовавъ объясненія отъ виленскаго цензора Александра Элленбогена, пропустившаго ту книгу въ печать (и между прочимъ высказавшаго, что въ «Дывре-Эмесъ» нѣть ничего предосудительнаго, а такое доноситель видѣлъ въ ней потому только, что глядѣлъ глазомъ ненависти противъ секты хасидовъ, будучи послѣдователемъ раввинской секты),—секретно сообщилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 23-го августа 1839 года, что по сличенію выписокъ раввина Кацентъ-Элленбогена съ точнѣйшимъ переводомъ виленскаго цензора Тугендгольда и объясненіями Элленбогена, хотя и нельзя указаннымъ мѣстамъ книги давать тѣхъ строгихъ толкованій, которыя раввинъ старадается вывести, однако за всѣмъ тѣмъ онъ, министръ, признаетъ, что не слѣдовало бы пропускать книгу «Дывре-Эмесъ», какъ сочиненіе, заключающее много мыслей темныхъ, принадлежащихъ еврейской кабалистикѣ и внущенныхъ религіознымъ фанатизмомъ секты хасидской. Почему онъ и предписалъ на будущее время запретить ее, и цензору Элленбогену сдѣлать строгое замѣчаніе, подтвердивъ быть впредь болѣе внимательнымъ, подъ опасеніемъ лишиться своего мѣста.

Въ началѣ 1842 года возникло дѣло о еврейской книжѣ «Хошеинъ-Мишнатъ», заключающей въ себѣ вредныя правила, и которую, по этой причинѣ, предположено было перепечатать на счетъ правительства, съ выпускомъ вредныхъ мѣстъ, а имѣющіеся у евреевъ экземпляры оной отобрать. Виленскій комитетъ, обращаясь, при этомъ случаѣ, вообще къ вопросу о вредныхъ еврейскихъ книгахъ, полагалъ учредить особую комиссію для пересмотра въ сѣхъ еврейскихъ книгъ, съ тѣмъ,

чтобы: 1) отобрать отъ всѣхъ евреевъ, подъ присягою, показанія объ имѣющихся у нихъ книгахъ, 2) созвать раввиновъ въ Вильно, для пересмотра еврейской литературы и исключенія изъ книгъ вредныхъ мѣстъ, 3) по окончаніи этого труда, обязать раввиновъ исключить вредныя мѣста изъ всѣхъ книгъ, находящихся у евреевъ ихъ приходовъ, о которыхъ будутъ собраны предварительныя свѣдѣнія. Уваровъ не согласился съ этимъ предположеніемъ и находилъ, что оно не можетъ принести ожидаемой пользы, въ-первыхъ, потому, что всѣ древнія еврейскія книги содержать въ себѣ такія же вредныя мѣста, какія замѣчены въ «Хошенъ-Мишнатъ», но пересмотръ всей еврейской литературы невозможенъ, ибо эта литература заключаетъ въ себѣ огромное, почти неисчислимое количество разнаго рода сочиненій; въ-вторыхъ, надежда на то, что евреи покажутъ свои книги и, послѣ пересмотра оныхъ, дозволять выѣзжать изъ нихъ страницы, вовсе не основательна, потому что исполнители этой мѣры, раввины, скорѣе станутъ мѣшать, чѣмъ способствовать этому дѣлу; въ-третьихъ, нельзя не ожидать всеобщаго ропота евреевъ на мѣру, которая не можетъ вознаградить это, сопряженное съ нею, неудобство, успѣшнымъ результатомъ. Потому Уваровъ, сообщая обо всемъ этомъ министру государственныхъ имуществъ (въ вѣдомствѣ котораго возникло настоящее дѣло), написалъ, что по его мнѣнію слѣдуетъ, не предпринимая никакихъ особыхъ мѣръ противъ старыхъ еврейскихъ книгъ, довольствоваться обыкновеннымъ цензурованіемъ, какъ привозимыхъ изъ-за границы, такъ и вновь издаваемыхъ въ предѣлахъ государства, въ ожиданіи, что съ учрежденіемъ школъ въ видахъ правительства, и съ постепеннымъ просвѣщеніемъ евреевъ, старинныя ихъ книги и содержащіяся въ нихъ заблужденія потеряютъ свой вѣсъ, какъ нынѣ въ Германіи. Во всякомъ случаѣ, предметъ этотъ въ общихъ видахъ, какъ и въ настоящемъ отдельномъ вопросѣ, надо предоставить обсужденію комиссіи для образования евреевъ, которая будетъ учреждена, на основаніи высочайше утвержденного 22-го июня настоящаго (1842) года доклада. Дѣло собственно о книгѣ «Хошенъ-Мишнатъ» было порѣшено тѣмъ, что совѣтъ управления царства Польскаго постановилъ: 1) перепечатать на казенный счетъ эту книгу, съ пропускомъ всѣхъ, противныхъ законамъ и общественному порядку, мѣстъ; 2) новое это изданіе разослать по всѣмъ кагаламъ, а прежнее изданіе отобрать и истребить; 3) со времени этой разсылки, запретить какъ евреямъ, такъ и всѣмъ жителямъ царства Польскаго, имѣть или выписывать эту книгу въ другомъ изданіи, подъ страхомъ наказанія.

Коммиссія же, учрежденная для образования евреевъ въ Россіи, разсматривая то же дѣло о книгѣ «Хошенъ-Мишнатъ» и вообще о мѣрахъ противъ вреда, могущаго произойти отъ подобныхъ

же мѣсть въ другихъ еврейскихъ книгахъ, 2-го августа 1843 г. постановила слѣдующее: мѣста, замѣченныя въ книгѣ «Хошенъ-Мишнатъ» и другія, имть подобныя, встрѣчаются также въ другихъ еврейскихъ книгахъ, древнихъ источникахъ еврейскихъ религіозныхъ сочиненій. Они не могутъ быть прямо примѣнены къ настоящему состоянію еврейскаго народа между христіанами; однако же, взятыя отдельно, способны возбуждать сомнѣнія, или подавать поводъ къ предосудительному толкованію. Въ избѣженіе такихъ послѣдствій, всѣми благомыслящими раввинами или законоучителями принято за правило предостерегать всякий разъ слушателей, что подобныя мѣста не относятся до настоящаго времени и до христіанскихъ народовъ,—или проходить ихъ молчаніемъ. Такія объясненія даже напечатаны почти во всѣхъ еврейскихъ книгахъ, впослѣдствіи же эти мѣста были вовсе исключены. Когда высочайшимъ указомъ 1836 года повелѣно было представлять начальству всѣ еврейскія книги, привезенные изъ-за границы безъ одобренія цензуры, то многіе поспѣшили исполнить свою обязанность, и во многихъ экземплярахъ раввинами были уничтожены предосудительные мѣста. Изъ этого видно, съ одной стороны, что противъ вреднаго вліянія упомянутыхъ мѣсть принятъ возможный нравственный мѣры, а съ другой, что большинство евреевъ не считаетъ оныя ни важными, ни нужными въ книгахъ закона. Затѣмъ комиссія находила, что распоряженіе, сдѣланное въ царствѣ Польскомъ относительно книги «Хошенъ-Мишнатъ», достигло бы вполнѣ своей цѣли, если бъ тѣ же самыя мѣста, которыя въ ней уничтожены, не находились и въ нѣкоторыхъ другихъ необходимыхъ религіозныхъ еврейскихъ книгахъ. Но перепечатать одну книгу и оставить предосудительные мѣста въ другихъ значить потерять плоды трудовъ и значительныхъ издержекъ. Мѣры, предложенные виленскимъ цензурнымъ вѣдомствомъ, вовсе несбыточны. Переосмотръ еврейской литературы доставилъ бы, конечно, цензурѣ занятіе на полвѣка и болѣе, но не повель бы ни къ какому результату, ибо дѣло подобного рода принадлежитъ рѣшенію консисторіи и требуетъ разнообразныхъ свѣдѣній. Прочія мѣры, какъ-то: созваніе раввиновъ, для произнесенія приговоровъ противъ книгъ священныхъ, требованіе подъ присягою представленія всѣхъ книгъ и т. д., едва-ли заслуживаютъ вниманія правительства, всегда уважающаго въ народахъ, ему подвластныхъ, убѣженіе совѣсти и религіи. Комиссія обязанностью считаетъ обратить вниманіе начальства и на то, что изданія еврейскихъ религіозныхъ книгъ возобновлялись такъ часто за границею и въ Имперіи, что число разошедшихся между евреями экземпляровъ можно назвать несмѣтнымъ, и что отображеніе оныхъ или замѣненіе другими, по приверженности евреевъ къ древнимъ изданіямъ, встрѣтило бы весьма большія затрудненія. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что многія изданія

еврейскихъ книгъ напечатаны съ разрѣшениемъ Виленскаго университета, съ сохраненiemъ мѣстъ, предлагаемыхъ нынѣ къ исключению, слѣдовательно, облечены въ законную форму, защищающую оныя отъ пересмотра, тогда какъ тѣ же книги другихъ изданій подлежать стѣснительнымъ мѣрамъ. Изъ всего этого комиссія заключала, что относительно еврейскихъ религіозныхъ книгъ, находящихся нынѣ въ обращеніи, полезнѣе было бы ограничиться высочайше предписанными въ 1836 году мѣрами, не усугубляя ихъ новыми розысканіями, которыя крайне чувствительны для религіознаго убѣжденія евреевъ и не могутъ быть вполнѣ удовлетворительными. Напротивъ того, въ разсужденіи вновь печатаемыхъ или привозимыхъ изъ-за границы книгъ, слѣдуетъ усилить мѣры строгости. Комиссія полагала бы для этого удобнымъ: 1) составить указаніе болѣе употребительныхъ книгъ, гдѣ могутъ встрѣчаться предосудительныя мѣста; 2) при перепечатаніи книгъ въ Имперіи строго наблюдать, чтобы эти мѣста были исключаемы, а если найдутся новыя, то доносить немедленно вышшему начальству; 3) еврейскія религіозныя сочиненія печатать не иначе, какъ подъ ближайшимъ надзоромъ учебнаго начальства, для чего желательно, чтобы еврейскія типографіи состояли исключительно только въ мѣстахъ, гдѣ учреждены будутъ еврейскія семинаріи; 4) относительно книгъ, получаемыхъ изъ-за границы, поступать согласно существующему порядку, съ тѣмъ ограничениемъ, чтобы на каждой книжѣ приложено было цензурное клеймо; 5) умножить число еврейскихъ цензурныхъ комитетовъ или по крайней мѣрѣ цензоровъ. По мнѣнію комиссіи, такими мѣрами можно будетъ надежнѣе достигнуть цѣли правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить евреевъ, явно доказывая каждому, что дѣло идетъ не объ уничтоженіи еврейскихъ религіозныхъ книгъ, а только объ устраниеніи мѣстъ, которыхъ никто изъ нихъ не одобряетъ и которая нынѣ дѣйствительно неумѣстны.

Относительно продажи запрещенныхъ иностранныхъ книгъ можно привести здѣсь нѣсколько интересныхъ данныхъ.

Подтвердивъ, по резолюціи главнаго управлѣнія цензуры, комитету иностранной цензуры, о строжайшемъ наблюденіи за выходомъ и продажею книгъ, Уваровъ въ то же время писалъ 16-го сентября 1833 года Московскому генерал-губернатору: «До моего свѣдѣнія дошло, что московскіе книгопродавцы, безъ всякаго зазрѣнія, продаютъ не только въ цѣлости такія книги, изъ которыхъ должны быть исключаемы запрещенные страницы и мѣста, но и сочиненія, вполнѣ подвергнутыя запрещенію. Источникомъ такого нарушенія постановленій можетъ быть непростительное злоупотребленіе довѣренности правительства, которое, для пользы книжной торговли, желая устранить лишнія затрудненія, позволило § 154-мъ цензурнаго устава книгопродавцамъ вскры-

вать у себя получаемыя ими укладки съ книгами. Вредъ, который не-благонамѣренность можетъ произвести посредствомъ сего довѣрія, оказываемаго книгопродавцамъ, побуждаетъ меня обратиться къ вамъ, покорнѣйше прося приказать строго подтвердить московскимъ книго-продавцамъ не имѣть у себя въ лавкахъ и не продавать ни подъ какимъ видомъ запрещенныхъ книгъ. Дальнѣйшее существованіе такихъ безпорядковъ поставитъ меня въ необходимости подвергнуть ихъ всей строгости законнаго взысканія и просить государя императора о замѣнѣ снисходительной мѣры, употребляемой во злѣ книгопродавцами, другою, болѣе надежною, но и болѣе стѣснительную для оборотовъ всей книжной торговли». Въ отвѣтъ на это, князь Голицынъ отозвался, что сдѣлалъ должное подтвержденіе, но въ то же время онъ проситъ указывать, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на провинившуюся личность, прибавляя: «ибо, говоря о всѣхъ вообще, должно согласиться, что московскіе книгопродавцы берутъ примѣръ съ петербургскихъ, гдѣ продажа подобныхъ книгъ довольно производится». Что же касается петербургскаго генераль-губернатора, графа Эссена, то на подобное же отношеніе Уварова онъ отвѣчалъ только, что сдѣлалъ требуемое распоряженіе.

Въ 1834 году нѣкоторые изъ числа московскихъ книгопродавцевъ просили сообщать имъ списки запрещенныхъ цензурою иностранныхъ книгъ для того, чтобы не оказываться противъ воли своей виновными. Но главное управление цензуры, 30-го апрѣля, положило, что цензурою обыкновенно объявляется о запрещенныхъ книгахъ тѣмъ книгопродавцамъ, которые постоянно торгуютъ иностранными книгами, и потому въ сообщеніи имъ особыхъ списковъ не настоить надобности; настоящая же просьба поступила отъ мелкихъ торговцевъ, которые продаютъ случайно покупаемыя ими книги. Гласность же, которая была бы дана внутреннимъ дѣйствіямъ цензуры чрезъ печатаніе (по мнѣнію московскаго оберъ-полицеймейстера), сопряжена съ большими неудобствами, потому что послужила бы къ обращенію общаго вниманія именно на книги, подвергнутыя запрещенію. Дѣйствія правительства подвергались бы гласности единственно для могущаго встрѣтиться случая, что мелкіе торговцы, покупая отъ разныхъ лицъ и съ аукціона книги, купятъ въ числѣ ихъ и нѣкоторыя запрещенные сочиненія. Въ этомъ случаѣ, главное управление признаетъ достаточною мѣрою, если этимъ торговцамъ поставлено будетъ въ обязанность предъявлять мѣстному полицейскому начальству реестры книгъ, находящихся у нихъ или ими покупаемыхъ.

Это же самое мнѣніе свое о невозможности и вредѣ печатанія списковъ о запрещенныхъ книгахъ главное управление высказало снова, въ январѣ 1839 года, и министру внутреннихъ дѣлъ, когда послѣдній,

имъя въ виду огромныя затрудненія, встрѣчаемыя начальниками губерній въ наблюденіи за обращеніемъ запрещенныхъ иностранныхъ книгъ, предлагалъ печатать имъ списки, для разсыпки въ гражданскія и земскія полиціи.

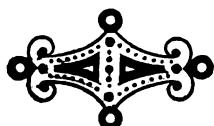
Въ маѣ 1843 года министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, имъя въ виду сильно распространившуюся торговлю запрещенными книгами, предлагалъ запретить вовсе букинистамъ разносить книги для продажи, дозволивъ заниматься книжною торговлею, лишь въ городахъ, однимъ настоящимъ книгопродавцамъ, и то подъ наблюденіемъ и по билетамъ мѣстного учебнаго вѣдомства. На это Уваровъ 28-го мая возразилъ, что «въ настоящемъ положеніи книжной торговли въ Россіи, торгъ въ лавкахъ существуетъ только въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ. Всѣ губерніи замосковскія, внутри Империи, снабжаются книгами почти исключительно изъ Москвы такъ называемыми ходебщиками. Воспретить этимъ букинистамъ разноску книгъ значило бы пресѣчь для жителей внутреннихъ губерній возможность къ чтенію и знакомству съ ходомъ и произведеніями отечественной словесности, и лишить немалочисленный классъ промышленниковъ источника ихъ существованія. Сочиненія, такимъ образомъ разносимыя, суть почти исключительно книги на русскомъ языѣ. А какъ въ Россіи всѣ сочиненія печатались и печатаются не иначе, какъ съ дозволенія цензуры, то и нѣтъ никакого повода опасаться вреда отъ продажи русскихъ книгъ букинистами. Въ этомъ отношеніи опасенія могутъ касаться только книгъ иностранныхъ. Промыслъ букинистовъ обыкновенно состоить въ перепродажѣ книгъ старыхъ, купленныхъ при продажѣ частныхъ библиотекъ, слѣдовательно, книгъ, которая и безъ того прежде уже обращались въ государство. Сами букинисты не получаютъ новыхъ книгъ изъ-за границы. Вредъ же можетъ быть только отъ распространенія новыхъ непозволительного содержанія книгъ». Поэтому Уваровъ полагалъ «что мѣры предосторожности должны имѣть въ виду пресѣченіе, въ самомъ источникѣ, распространенія подобнаго рода изданій. Они въ государство проникаютъ либо посредствомъ присыпки для книгопродавцевъ, торгующихъ въ лавкахъ, либо посредствомъ контрабанды. Эти соображенія убѣжддаютъ, что мѣры къ предупрежденію продажи вредныхъ и непозволенныхъ цензурою книгъ должны заключаться въ бдительномъ надзорѣ за привозомъ книгъ для настоящихъ книгопродавцевъ и за контрабандою книжною на таможенныхъ линіяхъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ сначала согласился съ этимъ мнѣніемъ, но въ апрѣлѣ 1845 года, по представленію виленскаго военнаго губернатора Мирковича, ссылавшагося на близость иностранной границы и сильно распространенную контрабанду, предлагалъ дозволить продажу иностранныхъ книгъ (въ томъ числѣ и польскихъ) по го-

родамъ Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерній только въ постоянныхъ книжныхъ лавкахъ; развозъ же этихъ книгъ дозволить на одинъ ярмарки въ губернскихъ городахъ и не иначе, какъ по каталогамъ, которые продавцы представляли бы предварительно въ Виленскій цензурный комитетъ, а тотъ отсыпалъ бы уже такие каталоги къ подлежащимъ начальникамъ губерній. На это Уваровъ 15-го юля отвѣчалъ, что Виленскій комитетъ будетъ тогда поставленъ въ значительное затрудненіе обязанностью разсыпать каталоги къ губернаторамъ, такъ какъ ему трудно всякий разъ знать, куда именно торговецъ отправить свои книги, и при томъ онъ можетъ измѣнять свое первоначальное намѣреніе, чѣмъ будетъ вводить комитетъ въ ошибочные сношенія.

Сверхъ того, въ концѣ 40-хъ годовъ возобновлялась нѣсколько разъ секретная переписка между министрами: внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о необходимости новыхъ и усиленныхъ мѣръ для прекращенія торговли запрещенными иностранными книгами, все болѣе и болѣе усилившейся. Принимаемая для этого мѣры имѣли характеръ, безъ сомнѣнія, уже не цензурный, и относятся къ дѣятельности полицейского управления. Но здѣсь нельзя не упомянуть, что въ мартѣ 1845 года вице-канцлеръ графъ Нессельроде секретно писалъ Уварову, что австрійское правительство предписало бродскому оберъ-полицей-комиссару, исправлявшему должностъ и цензора, «стражайше наблюдать за привозимыми въ Броды книгами, которые печатаются нынѣ въ Лейпцигѣ и Брюсселѣ единственно для Австріи и Россіи», и Уваровъ, согласно этому указанію, секретно предписалъ цензурному вѣдомству по части иностранныхъ книгъ имѣть особое за тѣми книгами наблюденіе.

Вообще объ увеличеніи въ Россіи чтенія иностранныхъ книгъ въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годахъ всего лучше судить можно по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1832 году ввезено въ Россію около 200.000 томовъ, въ 1837 году—около 400.000, въ 1839 году—около 600.000 (то же самое количество въ 1840, 1842 и 1843 годахъ), въ 1844 году—703.313 томовъ; всего же, съ 1832 по 1845 годъ—5.973.313 томовъ.

(П р о д о л ж е н і е с л ѣ д у е тъ).

Мистическое письмо Е. Головина¹⁾—А. Х. Бенкендорфу.

18-го июня 1831 г. Меджержицъ.

«Находясь теперь вблизи военныхъ дѣйствій, ибо командую авангардомъ 6-го корпуса передъ Седлецомъ, простиительно, если я позволяю себѣ заниматься и такими соображеніями, кои выходятъ уже изъ черты собственнаго моего назначенія. — Такимъ образомъ написавъ краткое предположеніе на счетъ ближайшихъ по моему мнѣнію мѣръ²⁾ къ прекращенію бѣдствій, произведенныхъ возникшими повсемѣстно въ Польшѣ мятежами, я приемлю смѣлость приложить оное при семъ, въ томъ убѣжденіи, что мнѣніе свое сказать можетъ всякий, какъ бы оно принято ни было.—Кто не согласится, что внезапно наступили времена тяжкія и что сіе непостижимое волненіе народовъ есть нѣчто необыкновенное. Оно объясняется одною только книгою, изъ которой познается натура человѣческая: книга сія есть св. писаніе, если не совсѣмъ отвергаемое, по крайней мѣрѣ мало уваженное классомъ людей, называющихъ себя просвѣщенными. Нужно ли указывать на пагубные плоды сего просвѣщенія.

«Простите, что я осмѣливаюсь занимать васъ моимъ мараніемъ бумаги, но вы позволили мнѣ писать къ вамъ, и я позволеніемъ симъ пользуюсь».

---

¹⁾ Извѣстнаго послѣдователя секты Татариновой.

²⁾ О необходимости быстраго движенія за Вислу.

КНЯГИНИЯ Д. Х. ЛИВЕНЬ

И ЕЯ ПЕРЕПИСКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ.

IV ¹⁾.

Политическая переписка кн. Ливенъ во время войны 1829 г. Россіи съ Турциею.—Кончина короля Георга IV и вступленіе на престолъ Вильгельма IV.—Его характеристика.—Положеніе Веллингтона.—Интракти противъ княгини Ливенъ.

усско-турецкая война подала поводъ къ многочисленнымъ нападкамъ на Россію со стороны англійскаго общества и печати, и это не могло не отразиться на отношеніяхъ двухъ кабинетовъ. Между ними то и дѣло возникали недоразумѣнія.

Присутствіе императора Николая въ арміи придало кампаниі 1828 г. такое значеніе, что англійская публика считала ея результаты незначительными сравнительно съ тѣми, которыхъ она ожидала; то, что могло бы считаться успѣхомъ для генерала, было въ ея глазахъ неудачей для императора.

Императоръ Николай, въ свою очередь, былъ весьма недоволенъ направленіемъ англійскихъ газетъ, и Ливену было приказано обратить вниманіе великобританскаго правительства на выраженія, въ какихъ говорилось объ его союзникѣ.

Англійский король, всегда доброжелательный къ Россіи, также былъ возмущенъ нападками на Россію.

«Въ разговорѣ со мною,—писала Ливенъ ²⁾,—король жаловался на

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1903 г., май.

²⁾ Письмо Ливенъ къ брату 8-го (15-го) января 1829 г.

ужасную ложь, распространяемую газетами по поводу нашихъ мнимыхъ бѣдствій¹⁾ и сказаль, что эти статьи до того раздражаютъ его и такъ противны ему, что онъ болѣе не читаетъ ихъ. Я замѣтила на это, что, зная источникъ, откуда идутъ эти свѣдѣнія, я этому не удивляюсь. Тогда онъ сталъ говорить объ ихъ источникѣ (Меттернихѣ) и отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, вполнѣ того заслуживающемъ и не уважающемъ ни закона, ни своего собственного слова. Нѣть той низости, на которую король не считалъ бы его способнымъ. Я отвѣчала на это, что остается пожалѣть о томъ, что такой человѣкъ даетъ направленіе англійскому кабинету.

«Тогда онъ воскликнулъ: «Я допускаю ослѣщеніе и симпатію къ нему, но не допускаю, чтобы онъ могъ заставить насъ дѣлать такъ, какъ онъ хочетъ. Если бы мы слѣдовали его совѣтамъ, то могли бы возжечь войну во всѣхъ концахъ Европы, а я даю вамъ слово, что этого не будетъ, и что мы не принимаемъ и не будемъ принимать никакого участія въ его планахъ. Будьте увѣрены въ этомъ. Веллингтонъ слишкомъ остороженъ для этого, вы можете вполнѣ положиться на то, что я говорю».

«Увлеченіе, съ какимъ это было сказано, заставляетъ вѣрить въ искренность короля. Онъ по-прежнему расположень къ императору и къ Россіи и, быть можетъ, особенно старается выказать это расположеніе потому, что министры настроены къ намъ столь враждебно».

Недовѣріе и враждебность къ Россіи были отличительной чертою вицѣнной политики Веллингтона; никакія увѣренія со стороны петербургскаго кабинета, относительно того, что Россія не стремится къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ для себя, а добивается только независимости Греціи, не могли установить болѣе искреннихъ и дружественныхъ отношений между державами.

Единственной цѣлью Веллингтона было отдѣлаться отъ гарантіи принятой Англіей въ дѣлѣ Греціи вмѣстѣ съ Франціей и Россіей, и нарушить по возможности общность интересовъ, связывавшихъ двѣ послѣднія державы. Консерваторъ въ душѣ, онъ держался въ политикѣ взглядовъ Меттерниха. Мысль объ образованіи Греческаго королевства, возникшаго вслѣдствіе революціоннаго движенія и признаніи его полной автономіи, конечно, была въ высшей степени непріятна для такихъ защитниковъ абсолютизма, каковы были Меттернихъ и Веллингтонъ; къ тому же австрійскій канцлеръ считалъ для своей державы опаснымъ преждевременное распаденіе Турецкой имперіи и поэтому старался заручиться содѣйствіемъ Веллингтона. Послѣдній отозвалъ изъ Константиноپоля Стратфорда Каннинга, согласился на назначеніе на его постъ неспособнаго брата лорда Абердина и безуспѣшно старался убѣдить

¹⁾ Послѣ снятія осады Варны.

французское правительство согласиться на новые условия, которых Порта предлагала прибавить къ Лондонскому договору. Если бы эти условия были приняты, то Греция была бы простой данницей Турции, что вполнѣ соответствовало видамъ англійского министерства, которое желало прежде всего, чтобы Турция сохранила видъ европейской державы.

Когда всѣ попытки повлиять на Францію въ желаемомъ смыслѣ не удались, то Веллингтонъ, желая имѣть во главѣ французского правительства человека, который раздѣлялъ бы его политические принципы, добился увольненія тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, Мартиныка, который поддерживалъ дружественные сношения съ Россіей и ея представителемъ въ Парижѣ, Понто-ди-Борго, и назначенія на его мѣсто князя Полиньяка, бывшаго въ 1828 г. посланникомъ въ Англіи.

Герцогъ надѣялся, что Полиньякъ будетъ содѣствовать ему въ проведеніи его плановъ и перетянуть Карла X на сторону Австріи и Англіи, но это Полиньяку не удалось, такъ какъ общественное мнѣніе Франціи было всецѣло на сторонѣ Греціи.

Письма Ливена подтверждаютъ еще разъ справедливость высказаннаго неоднократно предположенія, что Веллингтонъ былъ прачастенъ назначенію Полиньяка министромъ, и бросаютъ отчасти новый свѣтъ на иностранную политику торійского кабинета.

«Князь Полиньякъ отозвалъ несвоевременно въ Парижъ, — писала Ливенъ брату 10-го (22-го) января 1829 г.—Онъ уѣхалъ туда третьего дня. Французское министерство иностранныхъ дѣлъ страдаетъ, повидимому, эпидемической апоплексіей. Портфель предложенъ Полиньяку; лосгѣдній уѣхалъ отсюда съ твердымъ намѣреніемъ не принимать его, если только ему не позволять кореннымъ образомъ реорганизовать администрацію, т. е. составить кабинетъ изъ крайнихъ. Если ему не позволять сдѣлать это, то онъ вернется сюда обратно. Я не допускаю, чтобы во Франціи дѣла приняли оборотъ, согласный его желаніямъ, и если бы это случилось, то навѣрно не надолго. Франція совсѣмъ не въ такомъ настроеніи теперь, чтобы ею управляли крайніе (консерваторы).».

Недолго спустя она выражала надежду, что «можетъ быть, Франція еще удастся спастись отъ несчастья быть подъ управлениемъ Полиньяка», и характеризовала его такъ: «это самый ревностный іезуитъ, какихъ я знаю; это отъявленный врагъ всякаго свободнаго и просвѣщенного образа мыслей, истинное олицетвореніе средневѣковыхъ идей».

Надежды Ливенъ не оправдались; она узнала вскорѣ съ грустью о смѣнѣ министерства, произшедшей во Франціи, и о томъ, что Полиньякъ сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

«Франція имѣеть теперь ультраконсервативное правительство», — *

писала она 30-го юля (11-го августи).—Я уже говорила, что это будеть несчастье для Европы, а теперъ прибавлю, что это должно быть несчастіе и для Франціи, и вы скоро убѣдитесь въ этомъ. Революціонная волненія не замедлить явиться слѣдствіемъ такого назначенія».

Дѣйствительно, назначеніе Полиньяка вызвало сильное неудовольствіе во Франціи, гдѣ онъ, какъ приверженецъ самаго крайняго абсолютизма, былъ очень непопуляренъ.

«Мнѣ очень интересно было бы услышать, что скажетъ лордъ Абердинъ по поводу событій, недавно произошедшихъ во Франції», писала Ливенъ, по поводу возбужденія, вызванаго во Франціи назначеніемъ Полиньяка¹⁾, который сдѣлался вскорѣ министромъ-президентомъ и составилъ кабинетъ изъ своихъ единомышленниковъ. «То, что случилось, превзошло ихъ ожиданія, то-есть, другими словами, герцогъ Веллингтонъ, можетъ быть, пожалѣть о той роли, какую онъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ не желалъ столь полной перемѣны и слишкомъ предусмотритель для того, чтобы и желать ее, тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ на назначеніи (Полиньяка) и добился этого. Это фактъ, хорошо известный во Франціи и молчаливо признаваемый даже здѣсь. Послѣднее авторитетное слово отсюда было сказано въ прошлый понедѣльникъ, 22-го юля (3-го августи), согласно рѣшенію кабинета, состоявшемуся наканунѣ. Лорду Стюарту²⁾ предписано было затѣмъ стараться изъ всѣхъ силъ, чтобы убѣдить короля въ необходимости немедленнаго назначенія Полиньяка главою кабинета. 27-го юля (8-го августи) онъ и былъ назначенъ. Вся эта послѣдность и послѣдовавшія представленія были вызваны известіями, полученными изъ Петербурга и Вѣны. Лордъ Гейтсбюри донесъ, что мы рѣшили перейти Балканы и тогда уже заставить султана согласиться на миръ. Меттернихъ писалъ то же самое, прибавляя, что у турокъ нѣтъ болѣе арміи для дальнѣйшаго сопротивленія. Онъ жаловался на бездѣятельность великобританскаго правительства и заявлялъ, что на будущее время онъ самъ будетъ дѣйствовать самостоитѣльно, согласно съ обстоятельствами.

Но планы герцога Веллингтона не осуществились; энергично введенная кампанія 1829 г. совершенно измѣнила положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Начавъ кампанію въ маѣ мѣсяцѣ, Дибичъ быстро овладѣлъ Силистрѣю, осаду которой пришлось снять предъидущей осенью. Турецкая армія, посланная на помощь гарнизону Силистрии, была разбита на голову при Кулевчѣ, и Дибичъ, оставивъ часть войска для прикрытия Шумлы и обойдя эту крѣпость, совершилъ съ арміей

¹⁾ Письмо къ Грею, 1-го (13-го) августи 1829 г.

²⁾ Съ января 1828 г. по ноябрь 1830 г. англійскій посолъ въ Парижѣ. Впослѣдствіи (съ 1841—1844 г.) посланникъ въ С.-Петербургѣ.

успешный переходъ черезъ Балканы и послѣ долгаго и труднаго похода достичь сердца Румелии «съ тѣмъ арміи, но съ славой непобѣдимаго вождя». Англія и Австрія были совершенно не подготовлены къ созданному этими положенію вещей.

«Наши побѣды удивили Европу и поразили нашихъ враговъ, изъ коихъ самыми враждебными и недоброжелательными къ намъ можно считать англійскій кабинетъ,—писала Ливенъ въ августѣ 1829 г.¹⁾.— Вѣстѣ съ тѣмъ онъ самый могущественный по тѣмъ средствамъ, коими онъ располагаетъ, но за то и самый слабый по своей неспособности. Въ настоящее время императоръ предписываетъ законы Европѣ; его воля—законъ. Ни одна держава не можетъ идти противъ него — всѣ ждутъ его рѣшенія; я увѣрена въ томъ, что онъ будетъ умрѣнъ въ своихъ требованіяхъ и что онъ будетъ также великодушенъ.

«Нынѣшнее положеніе — единственное въ своемъ родѣ. Оно можетъ упрочить силу и вліяніе Россіи на нѣсколько сотъ лѣтъ.

«Герцогъ Веллингтонъ не думалъ, что Россія можетъ одержать побѣду. Сраженіе подъ Кулевчей привело его въ дурное настроеніе, но не вызвало еще въ немъ опасеній. Онъ слѣдилъ пристально за Шумлой и далѣе ея ничего не видѣлъ. Не дальше какъ три недѣли передъ тѣмъ, онъ говорилъ во всеуслышаніе, что Россія никакъ не удастся проникнуть въ Румелію до взятія этой позиціи, что черезъ Балканы могутъ перейти только легко вооруженные войска и что артиллерію невозможно перевезти черезъ горы. Всѣ преклонялись передъ его авторитетомъ, а въ одно прекрасное утро всѣ были поражены вѣстью, что мы перешли Балканы и овладѣли Бургасомъ и Айдосомъ.

«Но передъ этими великими событиемъ и послѣ битвы подъ Кулевчей онъ счѣлъ необходимымъ имѣть во Франціи человѣка, имъ самимъ избраннаго. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало имѣть тамъ Полиньяка. Онъ этого и добился и съ такой свитой, что Франція громко запротестовала.

«Никакая коалиція противъ Россіи теперь невозможна, поэтому всѣ стали превозносить великодушіе императора, ибо только на это великодушіе и осталась надежда. Англія очень унижена.

«Когда Дибичъ подошелъ съ арміей къ Адріанополю, дезорганизованное турецкое войско было не въ состояніи оказать ему сопротивленіе, и султанъ, устрашенный энергическимъ образомъ дѣйствий Дибича, просилъ мира».

«Англійскій курьеръ, прибывшій вчера изъ Берлина, привезъ намъ слѣдующее извѣстіе,—писала Ливенъ 9-го (21-го) сентября 1829 г.²⁾.

¹⁾ Письмо къ брату 15-го (27-го) августа 1829 г.

²⁾ Письмо лорду Грею.

Взятие Адріанополя и дальнѣйшее движение нашихъ войскъ къ Константинополю вызвало въ турецкой столицѣ такую панику,—которая усилилась вслѣдствіе угрозы янычаръ поджечь сераль и городъ и избить всѣхъ иностранцевъ—что султанъ, напуганный нашимъ приближеніемъ, послалъ, наконецъ, 12-го (24-го) августа своего уполномоченнаго въ главную квартиру нашего главнокомандующаго, съ приказаніемъ согласиться безусловно на всѣ требования, какія будутъ имъ предъявлены, и предотвратить, такимъ образомъ, разореніе столицы и гибель Турецкой имперіи. Иностранные посланники, съ которыми султанъ совѣтовался прежде, нежели сдѣлать этотъ шагъ, изъявили на это свое полное согласіе и, кромѣ того, совѣтовали турецкимъ уполномоченнымъ заявить немедленно и безъ всякихъ околичностей, что султанъ отдаетъ себя безусловно на волю императора и надѣется только на его великодушіе. Тогда Дабичъ, которому было известно отчаянное положеніе Константинополя и который былъ доволенъ полной покорности, изъявленной султаномъ, приказалъ 17-го (29-го) августа пріостановить непріязненные дѣйствія. Вотъ все, чѣмъ извѣстно въ Англіи объ этихъ важныхъ событіяхъ; поэтомъ я не позволяю себѣ пока никакихъ комментаріевъ».

Всеобщая надежда, что при покорности, изъявленной султаномъ, миръ будетъ заключенъ черезъ два-три дня, не оправдалась; не сколько дней спустя, Ливенъ негодовала по поводу того, что переговоры затянулись и что она не могла сообщить Грею «даже о заключеніи перемирия»; она находила, что Дабичу слѣдовало воспользоваться своимъ положеніемъ и страхомъ, который онъ внушилъ туркамъ, и писала съ досадою, что «хорошіе генералы не всегда бывають хорошими дипломатами».

«Лордъ Абердинъ, съ которымъ я видѣлась вчера, очень не въ духѣ,—писала она ¹⁾). —Говорять, что его начальникъ также очень мраченъ.

«Не причиною ли этому наша побѣда и то, что имъ ничего неизвестно объ условіяхъ, предъявленныхъ нами для заключенія мира.

«Мой мужъ получилъ отъ графа Нессельроде кошю съ писемъ, посланныхъ посланниками Дибичу 5-го (17-го) августа, и его отвѣтъ. Посланники описывали ему отчаянное положеніе Турецкой имперіи и просили пощадить ее и начать переговоры о мирѣ. Дибичъ отвѣчалъ въ весьма вѣжливыхъ выраженіяхъ, что онъ будетъ вести переговоры только съ турецкими уполномоченными, такъ какъ императоръ заявилъ, что онъ не допустить посторонняго вмѣшательства въ его споръ съ турецкимъ султаномъ.

«Сообщаю это изъ вѣрнаго источника.

---

¹⁾ 14-го (26-го) сентября 1829 г.

«При извѣстіи о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій здѣсь (въ Лондонѣ) все ликовали¹⁾. Я горю нетерпѣніемъ знать, чѣмъ все это разрѣшится. Мы можемъ сдѣлать все, что хотимъ. Общественное мнѣніе идетъ по стопамъ кабинета, который выказалъ слaboхарактерность и трусость, а теперь бросилъ турокъ въ затруднительномъ положеніи. Насъ ненавидятъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ боятся. Герцогъ Веллингтонъ должно быть виѣ себѣ отъ бѣшенства.

«Россію никогда такъ не боялись и не уважали.

«Общественное мнѣніе относительно насъ раздѣлилось; одни восхваляютъ условія мира, другіе осуждаютъ ихъ. Одни находятъ, что мы слишкомъ великодушны, и высказываютъ сожалѣніе по поводу того, что Порта такъ долго не можетъ умереть, ибо никто не думаетъ, что она можетъ еще сохранить жизненность. Наша война обнаружила всему миру и самимъ туркамъ, что среди нихъ не существуетъ болѣе чувства национальности и фанатизма. Уже это одно показываетъ, что ихъ пѣсня спѣта!»

Неудовольствіе, вызванное въ англійскомъ кабинетѣ условіями Адріанопольского мира, въ особенности 5-й статьей этого мирнаго договора, которой Турція обязалась признать лондонскій договоръ, заключенный 24-го іюня (6-го юля) и протоколь, подписанный 10-го (22-го) марта, обнаружило всю недобросовѣтность въ этомъ дѣлѣ торійскаго кабинета.

«Извѣстіе о заключеніи мира еще болѣе усилило неудовольствіе вашего правительства,— писала Ливенъ своему другу, Грею, 1-го (13-го) октября 1829 г. Греческий вопросъ составляетъ и по нынѣ «больное мѣсто» вашихъ министровъ.

«Мы покончили съ нимъ, и это приводить ихъ въ отчаяніе. Но какую надобно недобросовѣтность, чтобы относиться къ дѣлу такимъ образомъ. Ваши министры подписали протоколь 10-го (22-го) марта, ваши же министры настаивали на посыпкѣ въ Константинополь посланниковъ, чтобы добиться отъ Порты принятія этого протокола. Между тѣмъ ихъ тайная надежда и желанія сводились къ тому, чтобы Порта отвѣчала на него отказомъ²⁾; и они такъ хорошо съумѣли дать понять это султану, что онъ отвѣчалъ дѣйствительно въ этомъ смыслѣ. Мы же, подпісавшіе протоколь съ намѣреніемъ добиться его выполненія, воспользовались случаемъ, чтобы при заключеніи мира Диванъ изъявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе принять протоколъ, а когда онъ согласился на это, то ваши министры сочли себя оскорблennыми.

¹⁾ Письмо Ливенъ къ брату.

²⁾ „Они бы дорого дали,— говорилъ Пальмерстонъ о министрахъ торійскаго кабинета,— чтобы отказаться отъ этого договора, который они ненавидятъ“.

«Мы думали оказать союзнымъ державамъ услугу, покончивъ разъ на-всегда съ докучливымъ греческимъ вопросомъ въ томъ смыслѣ, какъ это было условлено кабинетами.

«Не тутъ-то было; Англія старается теперь всячески доказать, что мы поступили неправильно, и всѣ ея доводы могутъ быть сведены къ тому, что, подписывая протоколъ 10-го (22-го) марта, англійское правительство имѣло твердое намѣреніе не выполнять его.

«Справедливость того, что я писала о вашемъ правительствѣ относительно греческихъ дѣлъ, подтверждается теперь самими министрами,— пишетъ Ливенъ Грею, нѣсколько дней спустя. Лордъ Абердинъ откровенно сознался моему мужу (и онъ подтвердилъ это мнѣ вчера), что, подписывая протоколъ 10-го (22-го) марта, онъ не думалъ, что этотъ протоколъ когда-либо будетъ выполненъ. Предоставляю вамъ опѣнить это признаніе.

«Все сводится къ тому, что мы и французы были намѣрены выполнить принятое на себя обязательство, а англичане хотѣли уклониться отъ этого. Но глупо съ ихъ стороны сознаваться въ этомъ».

Любопытенъ разговоръ, который Ливенъ имѣла по этому поводу съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

«Лордъ Абердинъ просилъ вчера позволеніе быть у меня,—сообщила она Грею 4-го (16-го) октября. Наше свиданіе было продолжительно и очень забавно,—не нахожу иного, болѣе подходящаго выраженія. Онъ говорилъ на ту тему, что «мы (англичане) обмануты Россіей; насть оскорбили, надѣя нами подшутили, насть униzили».

«Я повторила съ изумленіемъ употребленныи имъ выраженія и присовокупила:

— Это невѣрно, милордъ, вы сами знаете, что это не такъ, ибо, если бы это была правда, то вы отомстили бы намъ. Великая держава не сносить оскорблений молча.

— Мы снесли это терпѣливо, изъ желанія, чтобы миръ былъ заключенъ,—отвѣчалъ онъ.

— Снесли терпѣливо! вы не можете снести терпѣливо позоръ.

— Да, даже позоръ!

— Полноте, полноте, милордъ,—сказала я,—я болѣе англичанка, нежели вы, ибо я стыжусь того, что вы мнѣ говорите.

«Онъ видимо былъ удивленъ моими словами; тогда я спросила его, что онъ подразумѣваетъ подъ словомъ оскорблениѳ, и доказала ему, что его жалобы на этотъ счетъ ставятъ его въ ложное положеніе, ибо если кто-либо былъ обиженъ, то жаловаться приходится скорѣе намъ, такъ какъ его правительство относилось къ намъ всегда съ обидной подозрительностью. Я просила его указать мнѣ хотя одинъ примѣръ,

когда бы мы отнеслись къ Англіи безъ должнаго уваженія, или когда бы мы поступали въ ущербъ ея интересамъ.

«Онъ не могъ отвѣтить мнѣ на это ни слова, по той простой причинѣ, что онъ не можетъ ничего сказать противъ настъ.

«И это разговоръ министра иностранныхъ дѣлъ съ женщиной.

«Въ концѣ концовъ онъ сталъ увѣрять меня, что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Россіей, что онъ увѣренъ въ томъ, что союзъ такихъ двухъ великихъ державъ есть лучшая гарантія для сохраненія мира и что это составляется главную и единственную цѣль ихъ политики. Я напомнила ему, что тысячу разъ говорила ему, что нашъ дворъ руководствовался всегда этимъ правиломъ, что Россія дѣйствовала всегда въ этомъ духѣ, прекрасно, что онъ сталъ наконецъ на истинную точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ».

«Я знаю отлично, что вы также точно ненавидите этотъ договоръ,—писала Грею княгиня,—и, однако, я убѣждена, что вы выполнили бы его добросовѣстно и съ благородствомъ».

Можно удивляться не столько нерѣшительности и колебаній лорда Абердина, но главнымъ образомъ той наивности, съ какою онъ часто подавалъ Ливенъ предлогъ посмѣяться надъ собою.

«Вы можете цѣнить въ немъ,—писала Ливенъ Грею,—между прочимъ, то, что Меттернихъ называетъ англійскимъ простодушемъ (*innocence*), во всей его неприкосновенности. Лэди Джерол заставляетъ его вѣрить всему, что она хочетъ, а воображеніе у нея богатое».

«Вы вѣроятно околдовали лорда Абердина, чтобы заставить его говорить такимъ образомъ,—писалъ Грей по поводу вышеприведенного разговора.

«Онъ, должно быть, самый необычайный человѣкъ въ мірѣ и такъ противорѣчить моему представлению о немъ, что я не могу прийти въ себя отъ изумленія. Я думаю, въ политикѣ трудно найти человѣка, который бы высказывалъ намѣреніе, питая вътайнѣ рѣшимость никогда не приводить его въ исполненіе. Но въ исторіи дипломатіи новость, а тѣмъ болѣе для шотландца¹⁾ встрѣтить такое признаніе, какое по вашимъ словамъ вамъ сдѣлалъ Абердинъ, и съ какой цѣлью, чтобы подвергнуть себя опасности? Вы могли понять цѣли нашего правительства только въ томъ видѣ, какъ онъ изложены въ протоколѣ.

«Вы не могли прочитать въ ихъ сердцѣ тайное намѣреніе поступать противно имъ. Если бы вы выражили подозрѣніе въ подобномъ намѣреніи (на чѣмъ вы имѣли бы, быть можетъ, поводъ), чтѣбы они сказали? Что касается жалобы по поводу того, что вы разсчитывали на исполненіе

¹⁾) „Шотландцы извѣстыны своимъ притворствомъ“. (Прим. кн. Ливенъ).

неніе условій, на которыхъ союзники согласились по отношенію къ Гречії, то я не могу себѣ представить что - либо болѣе неосновательное. Разумѣется, было вполнѣ естественно, чтобы вы поступили именно такъ; скажу болѣе, въесь скорѣе можно было бы упрекнуть, если бы вы не сдѣлали этого.

«И въ концѣ концовъ, возможно ли, чтобы человѣкъ его взглядовъ былъ оскорблѣнъ тѣмъ, что условия, которыхъ вы согласились предложить, совмѣстно съ нимъ были положены въ основу соглашенія, подробности которого было рѣшено обсудить при его участії?»

Адріанопольскій миръ, подписанный 2-го (14-го) сентября, заставилъ Турцію принять такія условія, которыхъ вполнѣ измѣнили политическое положеніе европейскихъ державъ; а предшествовавшіе ему и послѣдовавшіе за нимъ переговоры подорвали преобладающее вліяніе Австріи въ дѣлахъ восточной Европы и въ совѣтѣ великихъ державъ. Нерѣшительность Веллингтона и неспособность Абердина заставили англійское министерство отказаться отъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ заявлений, и ему пришлось согласиться на то, чтобы Греческое королевство было организовано на такихъ основахъ, которыхъ должны были связать его съ Россіей узами благодарности и поставить въ зависимость отъ нея.

Веллингтонъ никакъ не могъ помириться съ мыслю, что Адріанопольскимъ миромъ была осуждена политика Меттерніха въ восточной Европѣ и утверждено вліяніе Россіи; что попытка ввести Турцію въ европейскую политику потерпѣла фіаско и что лучшимъ средствомъ для Англіи пріобрѣсти голосъ въ европейскомъ концертѣ было действовать совмѣстно съ Франціей и Россіей.

Затруднительное положеніе Англіи въ это время рисуется вполнѣ въ словахъ Веллингтона, когда онъ говорилъ, что «греческое дѣло было самымъ злополучнымъ дѣломъ, въ какое когда - либо была вовлечена Европа».

Оппозиція адріанопольскому договору была вызвана не столько статьями этого договора, какъ тѣмъ фактамъ, что онъ былъ заключенъ одной Россіей, безъ участія прочихъ державъ, подписавшихъ вмѣстѣ съ нею лондонскій договоръ 1821 г. Начавъ войну противъ желанія своихъ союзниковъ, Россія заключила миръ, не спросясь ихъ соѣдѣніемъ.

Ликуя по этому поводу, княгиня Ливенъ вымѣщала свою злобу и свое торжество надъ великобританскимъ кабинетомъ въ лицѣ лорда Абердина.

«Я не могу себѣ представить,—писала она,—ничего очаровательнѣе рѣчей, которыхъ держитъ лордъ Абердинъ, принимая трагическое выраженіе.

— Ну, что же! вы одержали полную победу, говорить онъ, ваша слава безспорна; Россія владычествуетъ нынѣ надъ міромъ; вы, съ вашими скромными рѣчами, являетесь нынѣ всемогущими, а мы похожи на людей, вами обманутыхъ, униженныхъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, милордъ! но васъ не обманывали, вы сами поддались обману. Ваше собственное самообольщеніе, или то самообольщеніе, которое внушилъ вамъ патронъ, князь Меттернихъ—вотъ вашъ истинный врагъ».

Какъ видимъ, княгиня была неумолима по отношенію къ тѣмъ, кто не раздѣлялъ ея взглядовъ, не содѣствовалъ ей въ достижениѣ видовъ и не признавалъ превосходства Россіи и безупречности дѣйствий и намѣреній петербургскаго кабинета.

Среди государственныхъ людей, съ которыми она не воевала по поводу греческаго вопроса, былъ только одинъ, графъ Грей, къ которому, въ силу ихъ дружескаго расположения, она относилась снисходительно, когда онъ осуждалъ некоторые пункты нашего мирнаго договора съ Турцией, да и то, когда онъ достигъ власти и его политика, въ этомъ отношеніи, не многимъ разнилась отъ политики его предшественника, Ливенъ, жалуясь и упрекая его за это, заявила однажды, что она болѣе не будетъ видѣться съ нимъ, если онъ будетъ противиться выполненію договора, обеспечившаго независимость Греціи.

«Вотъ признаніе (не скажу угроза), которое я дѣлаю вполнѣ искренно и твердо. Прощайте, милордъ. Вотъ первый разъ, что я не прибавляю къ моему письму никакого дружескаго увѣренія».

Аранѣ этого, въ октябрѣ 1829 г., тотчасъ по прекращеніи военнаго дѣйствій, обсуждая съ Грее мірныя условія, предложенные Дибичемъ, и высказывая ему надежду на то, что эти условія будутъ измѣнены, такъ какъ императоръ не одобрялъ продолжительной оккупациіи княжествъ, Ливенъ писалъ своему другу:

«Не сердитесь же на Россію и на меня, ибо вы прекрасно знаете, что я не могу не быть русской».

Это не была пустая фраза въ устахъ княгини. Проживъ въ Англіи 17 лѣтъ, она дѣйствительно осталась русскою, и, какъ свидѣтельствуетъ ея переписка, принимала интересы Россіи близко къ сердцу, но она сдѣлалась англичанкой по привычкамъ и вкусамъ. Рѣдкія поѣздки, которая она совершила въ Россію, не только не измѣняли ее въ этомъ отношеніи, но, напротивъ, укрепляли ее въ любви къ Англіи. Хотя при нашемъ дворѣ ей оказывался всегда благосклонный приемъ, но она съ радостью возвращалась въ Лондонъ, въ ту среду, съ которой она вполнѣ сжилась, гдѣ она чувствовала себя болѣе дома, чѣмъ въ Россіи; и она высоко цѣнила то исключительное, почти един-

ственное положение, которое она занимала въ великобританскомъ обществѣ.

Поэтому, весьма естественно, она интересовалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тѣмъ, что дѣжалось и говорилось въ Англіи, и такъ какъ она охотно дѣлилась этамъ съ братомъ и со своимъ другомъ, лордомъ Греемъ, то въ ея письмахъ отразилась, какъ въ зеркаль, вся жизнь этого общества, со всѣми его происшествіями, интригами, скандалами, которые были такъ часты, вслѣдствіе испорченности нравовъ, имѣвшихъ своимъ источникомъ дворъ.

Въ юнѣ мѣсяцѣ 1830 г. скончался король Георгъ IV, которому наслѣдовалъ его братъ, герцогъ Кларенсскій, подъ именемъ Вильгельма IV.

Княгиня Ливенъ дасть любопытный портретъ этого монарха и вмѣстѣ съ тѣмъ набрасываетъ картину первыхъ дней этого царствованія, которая свидѣтельствуетъ о ея тонкой наблюдательности, остромъ умѣ и искусствѣ изобразить то, что она видѣла.

«Заранѣе прошу васъ простить мнѣ несвязность этого письма,—писала брату Ливенъ,—но я буду болтать по мѣрѣ того, какъ мысли будуть приходить мнѣ въ голову. Во-первыхъ, о королѣ—какой странный король! bon enfant¹), но недалекій! Я боюсь, чтобы онъ не потерялъ голову, до того онъ радъ царствовать. Онъ менѣяетъ все, за исключеніемъ того, что ему слѣдовало бы перемѣнить, т. е. своихъ министровъ. Онъ менѣяетъ мундиры арміи, флота, увольняетъ поваровъ, лакеевъ-французовъ; хочетъ, чтобы у него служили только одни англичане. Увольненіе поваровъ было первымъ актомъ его царствованія; это было сдѣлано въ самый день смерти покойнаго короля. Онъ приказалъ всѣмъ обрѣзать усы; онъ бѣгаєтъ по улицамъ, болтаетъ съ прохожими, отправляется на гауптвахту, показываетъ дежурному офицеру свои пальцы, перепачканные въ чернилахъ, разсказываетъ, сколько писемъ онъ подписалъ, сколько ему предстоитъ дать аудіенцій, говоритъ о своей супругѣ королевѣ; производить ежедневно смотрѣ одному батальону и хочетъ такимъ образомъ смотрѣть всѣ батальоны.

«На другой день послѣ похоронъ, онъ перѣхалъ въ Виндзорскій дворецъ, гдѣ его ожидали министры и высшія должностныя лица. Онъ пріѣхалъ туда на козлахъ маленькой кареты, въ которой сидѣла королева и двѣ незаконныя дочери короля. Третьего дня онъ былъ съ визитомъ у лорда и леди Голландъ и, къ великому смущенію министровъ, напросился на слѣдующей недѣлѣ къ нему на обѣдь. Онъ напросился также на обѣдь къ принцу Леопольду и выразилъ желаніе, чтобы къ нему былъ приглашенъ также лордъ Грей. Это вызоветъ снова всеобщую тревогу. Король выказываетъ герцогу Веллингтону величайшее

¹⁾ Добрый малый.

благоволеніе и довѣріе, и въ то же время отвѣчаетъ на вопросъ герцогини Кумберлендской о томъ, имѣлъ ли герцогъ у него аудіенцію въ то утро:

— Нѣть, слава Богу, милэди, я очень радъ, что не видалъ его; я быль бы радъ никогда не видѣть его.

«Это его собственные слова. Онъ удивительно дѣятеленъ, очень любить церемоніалъ и пріемы, часто бываетъ въ обществѣ, тратить много времени по пустякамъ и хочетъ преобразовать все сразу. Словомъ, у него вѣчная лихорадка. Толпа обожаетъ его; онъ показывается всюду и обходится со всѣми просто—этого довольно джонъ-булю. Разница между тѣмъ, какъ онъ держитъ себя, и поведеніемъ покойнаго короля говорить въ его пользу. Словомъ, Англія совершиенно переродилась, и Веллингтонъ сказалъ очень удачно:

— Это не новое царствованіе, «это новая династія».

Ливенъ давала себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, какія долженъ былъ встрѣтить Веллингтона съ перемѣнной царствованіемъ. Положеніе Веллингтона было въ то время шатко. Общественное мнѣніе было очень возбуждено противъ него; и хотя не всѣ понимали сдѣланнныя имъ ошибки, но большинство публики было противъ него.

«Виги и торіи одинаково ненавидятъ его,—писала Ливенъ.

«По виду онъ полновластный хозяинъ, какъ и въ предыдущее царствованіе, но никто не думаетъ, что онъ можетъ имъ остаться, если онъ не измѣнитъ состава министерства».

Такъ думалъ, вѣроятно, и самъ Веллингтонъ, такъ какъ въ это именно время, осенью 1829 г., онъ старался подкрѣпить свой кабинетъ и предлагалъ вступить въ него разныи лицамъ: лорду Грею, Мельбурну, Пальмерстону; всѣ они отвѣчали ему отказомъ или обставили свое согласіе такими условіями, на которыхъ онъ не могъ согласиться.

«Я нашла, что у него плохой видъ и что онъ сталъ задумчивъ и озабоченъ,—писала Ливенъ.

«Трудно допустить, чтобы такой проницательный народъ, какъ англичане, согласился долго быть управляемъ столь посредственными людьми».

Кн. Ливенъ, относившаяся столь враждебно къ Веллингтону и его кабинету, чего она и не скрывала, подвергалась неоднократно осужденію за то, что она не держала себя безпристрастно въ отношеніи его, какъ повелѣвала ей ея роль жены представителя иностранной державы, но даже употребила все свое вліяніе, чтобы повредить ему.

Ея образъ дѣйствій въ этомъ отношеніи подвергался многократно осужденію англичанъ и вызывалъ горячія нападки. Сэръ Спенсеръ Вальполъ, основываясь на данныхъ, сообщаемыхъ въ «Перепискѣ Веллингтона», утверждаетъ, что Ливенъ примала большое участіе въ интри-

гахъ, которыхъ велъ въ 1829 г. герцогъ Кумберлендскій съ цѣлью низвергнуть Веллингтона, и присовокупляетъ, что ея поведеніе вызвало охлажденіе между русскимъ и великобританскимъ правительствомъ. Грэвиль, отнюдь не принадлежавшій къ числу людей, расположенныхъ къ Веллингтону, утверждаетъ то же. Онъ говорить, что Ливенъ, изъ ненависти къ Веллингтону, о которой можно составить себѣ достаточное представленіе по выше приведеннымъ письмамъ и которую она не скрывала, присоединилась къ герцогу Кумберлендскому съ цѣлью свергнуть Веллингтона, и что она была посредницей между герцогомъ и партией Гускиссона, которые были такими же противниками герцога въ католическомъ вопросѣ, какъ и крайніе торіи.

Кромѣ того, лордъ Абердинъ, въ письмѣ къ герцогу Веллингтону (9-го (21-го) іюля 1829 г.) писалъ:

«Полиньякъ (французскій посланникъ въ Лондонѣ) очень много распространялся о дѣйствіяхъ герцога Кумберлендскаго и вліяніи, которое они имѣли. Онъ полагаетъ, что г-жа Ливенъ принимаетъ большое участіе въ его планахъ и что вліяніе ея на самого короля очень велико. Онъ (Полиньякъ) передавалъ мнѣ одинъ отзывъ о ней короля, который онъ слышалъ на-дняхъ, «что она сильнѣе всѣхъ въ политикѣ въ этой странѣ» (мнѣ передавала это г-жа д'Ескаръ, но мнѣ удалось разубѣдить ее относительно г-жи Ливенъ и ея вліянія)¹⁾.

Два дня спустя, Абердинъ писалъ еще:

«Судя по всему, что я слышу, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что герцогъ Кумберлендскій дѣйствовалъ по ея (Ливенъ) совѣту, и что пріѣздъ герцогини также совершился по ея совѣту»²⁾.

Таково было мнѣніе въ придворныхъ сферахъ Лондона.

Впрочемъ, лордъ Абердинъ счелъ нужнымъ измѣнить свой взглядъ недѣлю спустя послѣ того, какъ онъ выразилъ его столь рѣшительно.

16-го (28-го) іюня онъ писалъ снова Веллингтону:

«Что касается до домашнихъ дѣлъ, то я склоненъ думать, что мы приписываемъ княгинѣ болѣе вліянія, нежели она имѣеть. Несомнѣнно, что она была бы готова сдѣлать намъ всевозможное зло, но, зная это, мы готовы заподозрѣть ея участіе въ каждой интригѣ. Г-жа Ливенъ такъ усердно отрицає всякое участіе съ ея стороны въ планахъ герцога Кумберлендскаго и такъ энергично утверждаетъ, что его намѣренія были ей совершенно неизвѣстны, она такъ серьезно и естественно описывала мнѣ, какъ онъ ей надѣдаетъ, заставляя ее выслушивать его вѣчныя жалобы и враждебные отзывы (о Веллингтонѣ), что я готовъ повѣрить, что она не замѣшана въ его интригахъ, хотя она,

¹⁾ Wellington Correspondence, VI, 35.

²⁾ Тамъ же, VI, 40.

вѣроятно, была бы не прочь воспользоваться ихъ успѣшнымъ резуль-татомъ».

Сама Ливенъ отрицаєтъ всякое участіе въ этихъ интригахъ.

«Ваша предположенія относительно интригъ, происходящихъ между партіями, и о томъ, что онъ могутъ къ чему-либо повести—пишеть она между прочимъ Грею 16-го (28-го) ноября 1829 г.,—кажутся мнѣ весьма невѣроятными... Вы можете быть вполнѣ увѣрены, что я не приму въ нихъ участія. Знать все и не мѣшаться ни во что—таково мое правило. Послѣ этого вступленія скажу вамъ по совѣсти, что я ничего не знаю, и, полагаю, что никакихъ интригъ не затѣвается. Скажу болѣе, я далека отъ того, чтобы желать этого».

Между тѣмъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату она признается ему откровенно, что «была бы не прочь свернуть шею Веллингтону». Конечно, отъ этого желанія до активнаго участія еще далеко, но трудно допустить, чтобы всѣ обвиненія противъ Ливенъ не имѣли основанія. Сопоставивъ вышеупомянутыя ея слова съ тѣмъ, что она писала Грею, и зная, какъ она была неумолима въ своей ненависти и злобѣ къ герцогу, можно скорѣе предположить, что въ письмахъ къ брату, которыя посыпались въ Россію съ надежной окказіей, Ливенъ высказывалась откро-веннѣ, тѣмъ болѣе что, она знала, что эти письма будутъ прочитаны гра-фомъ Нессельроде, и что русское правительство могло желать паденія Веллингтона и могло разсчитывать, что политика англійскаго кабинета будетъ менѣе враждебна Россіи, если у власти окажутся виги.

Не смотря на все свое довѣріе къ Грею, Ливенъ, быть можетъ, опа-салась высказывать ему свои интимныя желанія, такъ какъ въ Англіи ея письма легко могли попасть въ чужія руки и скомпрометтировать ее, тѣмъ болѣе, что въ исходѣ 1829 г. положеніе самого князя Ливенъ было очень непрочно, и въ дипломатическихъ кругахъ полагали даже, что онъ оставитъ свой постъ. Король былъ не доволенъ сношеніями Ливенъ съ членомъ оппозиціи—Греемъ и отзывался неодобрительно о перепискѣ, которую она вела съ нимъ¹⁾. Веллингтонъ со своей стороны былъ бы не прочь избавиться отъ враждовавшей съ нимъ постоянно посланищицы, и въ то время, когда, по окончаніи русско-турецкой войны, въ Лондонѣ происходили совѣщанія по поводу избрания греческаго ко-роля и каждая держава предлагала своего кандидата,—lordъ Абердинъ

¹⁾ Когда Ливенъ сообщила объ этомъ Грею, то лордъ, высоко цѣнившій дружескія свои отношенія къ ней и дорожившій ея письмами, былъ готовъ принести жертву и прекратить переписку, чтобы избавить своего друга отъ не-пріятности, но она поспѣшила отвѣтить ему съ достоинствомъ:

„Вы плохо меня знаете, милордъ, если вы считаете меня способной при-нять это предложеніе. Потерять единственного друга, котораго я имѣю, что-бы сдѣлать пріятное врагу—плохая сдѣлка. Это было бы низко и глупо“.

воспользовался случаемъ, чтобы возстановить короля противъ Ливена.

Когда король приказалъ ему предложить и поддержать нового кандидата на греческий престолъ въ лицѣ брата герцогини Кумберлендской, герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, то этотъ министръ, бывшій по своимъ собственнымъ соображеніямъ противъ этого кандидата, сказалъ королю, что его желаніе не можетъ быть исполнено, такъ какъ князь Ливенъ противъ этого, прибавивъ, что русскій посланикъ горячій защитникъ правъ австрійскаго кандидата, принца Гессенъ-Гомбургскаго.

Это было такъ непріятно королю, что, какъ передавала сама княгиня, онъ сказалъ Абердину, что «было бы очень желательно, чтобы они (Ливены) были отозваны».

V.

Положеніе Франціи въ 1830 году.—Паденіе Веллингтона и порученіе лорду Грею составить кабинетъ.—Значеніе для Россіи перемѣны англійскаго министерства.—Письма Д. Х. Ливенъ по этому вопросу.—Бесѣда ея съ лордомъ Греемъ о направлѣніи его политики.

Богатый событиями 1830 годъ далъ обильную пищу умственной дѣятельности Д. Х. Ливенъ. Іюльская революція, восстанія въ Бельгіи и Польшѣ, конституціонная борьба въ Испаніи и Португаліи, перемѣна министерства въ Англіи, гдѣ власть перешла къ вигамъ въ лицѣ лорда Грея, парламентская реформа, совершившаяся въ этой странѣ, и другія многочисленныя события, взволновавшія въ это время Европу, служили темой ея писемъ къ брату и лорду Грею, въ которыхъ она даетъ оцѣнку всѣхъ этихъ событий съ такимъ хладнокровiemъ и здравымъ сужденіемъ, какими не всегда обладаютъ государственные люди.

Касаясь дѣлъ Франціи, она заговорила о нихъ въ тотъ моментъ, когда они приняли угрожающій характеръ, и предугадала ихъ развязку.

Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1830 г. она писала:

«Здѣсь (въ Лондонѣ) болѣе заняты въ настоящее время тѣмъ, что происходитъ во Франціи, нежели въ Англіи. Всѣ здравомыслящіе люди выражаютъ желаніе, чтобы король (Карль X) пожертвовалъ Полиньякомъ, къ которому овъ видимо питаетъ какое-то особенное пристрастіе, ибо благоволеніе, коимъ онъ пользуется, не можетъ быть оправдано его личными качествами. Это человѣкъ, не обладающій ни умомъ, ни та-

лантами; онъ хитеръ, упрямъ и отличается узостью взглядовъ. Пусть король держить его при себѣ, какъ друга, но онъ не долженъ быть первымъ министромъ просвѣщенной націи, которая не можетъ болѣе допустить, чтобы лица, ею правящія, были обязаны своимъ положеніемъ фаворитизму. Словомъ, получается впечатлѣніе, какъ будто король рискуетъ въ настоящее время монархіей ради Полиньяка. А онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по совѣту Веллингтона.

«Положеніе послѣдняго въ парламентѣ нѣсколько окрѣпло съ тѣхъ порь, какъ оно началъ соблюдать экономію, показавъ этимъ, что онъ сообразуется во всемъ съ желаніемъ большинства народа; удивительно, что тотъ самый человѣкъ, который подчиняется здѣсь общественному мнѣнію, совѣтуется французскому правительству идти противъ него.

«Впрочемъ, его образъ дѣйствій извѣстенъ; его способъ управлениія заключается въ повиновеніи, т. е. оппозиція диктуется правительству то, что оно должно дѣлать».

Когда во Франціі вспыхнула революція, то Ливенъ, не зная еще, что думалъ о ней императоръ Николай I, говорила о революції въ такомъ тонѣ, какого нельзѧ было ожидать отъ вѣриоподданной русскаго монарха и его горячай поклонницы.

Признавъ большими несчастіемъ для Европы, что такой «ограниченный человѣкъ, какъ Полиньякъ, могъ вовлечь ее въ лабиринтъ замѣшательствъ и опасности», она прибавляла:

«Спокойна ли теперь Франція? ¹⁾, спокойны ли ея сосѣди? Новый король очень слабъ и уступчивъ, его національная гвардія сильно проникнута республиканскимъ духомъ. Испанія имѣеть очень дурное правительство, Италия угнетена, и примѣръ Франції тѣмъ болѣе опасенъ, что эта революція была ведена, надобно сознаться, съ большою умѣренностью и была вызвана вседѣло недобросовѣстностью правительства. Если, съ одной стороны, это предостереженіе полезно для королей, то оно можетъ быть дурнымъ примѣромъ для народовъ. Во всякомъ случаѣ, это вещь непріятная, которую передѣлать нельзѧ; необходимо только сдѣлать все возможное, чтобы она была какъ можно менѣе опасной. Я полагаю, что самымъ благоразумнымъ было бы поддержать это правительство.

«Здѣсь немного поморшились въ первый моментъ, но пришлось помириться съ неизбѣжностью. Герцогъ Веллингтонъ, который бываетъ очень тактиченъ, когда дѣло идетъ о его собственной безопасноти, понялъ очень скоро, что надобно было признать новое французское правительство или оставить свой постъ, и рѣшилъ, въ удобный моментъ сдѣлать первое. Онъ даетъ одной рукой пріютъ династіи, покончившей

¹⁾ Письмо къ А. Х. Бенкендорфу 14-го (26-го) августа 1830 г.

свое существование, а другой—признает новую династию. Въ Англіи всѣ одобряютъ его, за исключениемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ крайнихъ ториевъ, съ герцогомъ Кумберлендскимъ во главѣ, которому хотѣлось бы, чтобы Франція была объявлена война для поддержанія правъ герцога Бордосскаго. Это романтизмъ и рыцарство, вполнѣ умѣстные въ устахъ Шатобриана, но которые не могутъ быть примѣнимы къ нынѣшнему состоянію Европы. Миръ сдѣлался слишкомъ практиченъ, чтобы можно было дѣйствовать въ этомъ духѣ.

«Третьаго дня я видѣла герцога Веллингтона и долго бесѣдовала съ нимъ съ глаза на глазъ. Онъ говорилъ только о Франціи и ни о чёмъ другомъ, сожалѣлъ о случившемся, высказывалъ опасенія относительно будущаго и твердо рѣшилъ, что не слѣдуетъ дѣйствовать вызывающе, т. е. что Франція не слѣдуетъ давать ни малѣшаго повода къ подозрѣнію или тревогѣ. Онъ очень осуждалъ предложеніе Меттерниха созвать конференцію въ Берлинѣ и сказалъ:

— Это было бы повтореніемъ пильницкой декларации¹⁾, которая была источникомъ всѣхъ бѣствий, такъ долго тяготѣвшихъ надъ Европой. Представителямъ кабинетовъ великихъ державъ слѣдуетъ только обсудить совѣтно, съ полной откровенностью и довѣріемъ, всѣ обстоятельства, которыя могутъ выяснить положеніе дѣлъ. Надобно тревожиться (это его собственные слова), надобно неусыпно слѣдить за Франціей, но не слѣдуетъ раздражать ее, давъ ей возможность думать, что существуетъ какое-то судилище, гдѣ ее судятъ.

«О Полиньякѣ онъ говорилъ съ такимъ равнодушіемъ, которое очень возмутило меня; онъ сказалъ, смѣясь и сдѣлавъ выразительный жестъ:

— Онъ сложить голову на плахѣ.

«Вотъ каковъ этотъ человѣкъ».

Въ Англіи весьма многіе слѣдили съ тревогою и участіемъ за событиями происходившими въ Парижѣ.

«Англійская свобода,—писала «Edinbourg Revue»,—одержала побѣду на полѣ битвы въ Парижѣ».

Наиболѣе умѣренныя радовались тому, что быль спасенъ монархический принципъ и что «не случилось ничего худшаго», подразумѣвая подъ этимъ худшимъ республику. Лордъ Грей, какъ искренний либералъ, не могъ не осудить того, что онъ называлъ «гнуснымъ стараніемъ Карла X уничтожить однимъ ударомъ свободу Франціи и угрожать ей во всей Европѣ».

¹⁾ Въ 1791 г. Австрія и Пруссія заключили въ Пильницѣ конвенцію, въ силу которой они обязались поддержать права французского королевскаго дома.

«Достославная революція¹⁾ вызвала съ его стороны чисто юношескій восторгъ.

«Онъ не надѣлся дожить до такого счастливаго событія.

«Онъ требовалъ, чтобы правительство герцога Орлеанскаго было немедленно признано».

Въ этомъ случаѣ Грей расходился съ Ливенъ, которая, увидавъ, что ея пророчество относительно Полиньяка сбылось, была объята страхомъ.

«Вчера,—писала она 8-го (20-го) сентября,—пріѣхалъ изъ Парижа II.; по его словамъ, городъ находится въ ужасномъ состояніи, всюду безпорядокъ, распущенность, нищета, а далѣе, весьма возможно, будетъ еще хуже. Многіе изъ членовъ англійской оппозиціи отправились туда, я очень рада этому, ибо они хоть немного отрезвятся; они до сихъ поръ еще полны иллюзій. Я хотѣла бы, чтобы либералы всѣхъ странъ поѣхали взглянуть на плоды такой революціи, какую пережила Франція, ихъ рвение отъ этого поубавилось бы».

Ливенъ мерещилась во Франції воинственная республика, всеобщая война, повсюду революціи и хуже всего—англо-французскій союзъ противъ Россіи, если либералы достигнутъ власти въ Англіи, и она болѣе, чѣмъ когда-либо, волновалась. Генераль Baudrand, чрезвычайный посолъ Людовика-Филиппа, прибывшій въ Лондонъ, просилъ свиданія съ нею и старался при ея посредствѣ смягчить Россію²⁾.

Лордъ Грей, со своей стороны, старался разъяснить Ливенъ положеніе дѣль. Какъ выдающійся государственный человѣкъ, дальновидный и беспристрастный, онъ былъ выше мелочной злобы и ненависти. Когда былъ поднятъ вопросъ о посыпкѣ стотысячной прусской арміи на Рейнъ, «ради предосторожности», то онъ умолялъ не раздражать французского народа.

«Мы не имѣемъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи», писалъ онъ.

Всѣ его старанія успокоить Ливенъ были напрасны. Бельгійская революція окончательно вывела ее изъ себя. Тщетно старался лордъ Грей объяснить ей, что манія революцій была бы не опасна³⁾, если бы правительства дѣйствовали умно и умѣренно.

«Король голландскій—другъ Россіи,—отвѣчала ему Ливенъ⁴⁾,—онъ находился подъ защитою трактатовъ, и это можетъ повести къ войнѣ. Царь любить принца Оранскаго, какъ брата. Что мнѣ за дѣло до этихъ

¹⁾ Письмо къ Ливенъ 22-го іюля (3-го августа) 1830 г.

²⁾ Какъ известно, іюльскій событія произвели на императора Николая I огромное впечатлѣніе, и, узнавъ о нихъ, онъ былъ въ страшномъ негодованіи.

³⁾ Письмо къ Ливенъ 22-го августа (3-го сентября) 1830 г.

⁴⁾ Письмо 25-го августа (6-го сентября) 1830 г.

негодяевъ-бельгійцевъ и до этихъ прирейнскихъ провинцій, которая вмѣсто того, чтобы обожать своего короля, который относится къ нимъ, какъ отецъ, обращаютъ свои взоры къ Франціи. И эти венгерцы, по-мышляющіе о томъ, чтобы отложитьсь! И эти итальянцы, которые волнуются! Даже въ самой Вѣнѣ проявляется нечто въ родѣ общественнаго мнѣнія, развѣ все это можетъ быть терпимо! А всему виной Франція».

Напрасно лордъ Грей утверждалъ, что противъ образа дѣйствій французскаго правительства нельзѧ ничего сказать; «это все лицемѣріе!» отвѣчала Ливенъ.

«Талейранъ способенъ на все. Франція не хочетъ, чтобы дѣла Бельгіи уладились, она хочетъ лавировать, затянутъ ихъ до тѣхъ поръ, пока она не станетъ ея добычей, и все добродушіе Талейрана не имѣть иной цѣли, какъ отдать Бельгію въ руки Франціи. Это будетъ его политическимъ завѣщаніемъ; онъ возвратитъ ей то, что она потеряла по его винѣ».

Между тѣмъ Талейранъ былъ назначенъ посланикомъ въ Лондонъ, куда онъ пріѣхалъ въ сентябрь мѣсяцѣ (1830 г.). Англійскій король былъ недоволенъ этимъ назначеніемъ. Ливенъ отзыается о новомъ посланикѣ не иначе, какъ съ презрѣніемъ; она подозрѣвала, что ему было поручено завязать между французскимъ и англійскимъ правительствами соглашеніе по разнымъ вопросамъ, волнивавшимъ Европу, и это возбудило ея подозрительность и еще болѣе усилило ея недоброжелательные отзывы, о которыхъ Талейранъ вѣроятно никогда не узналъ, иначе онъ не расточалъ бы ихъ автору тѣ похвалы, какія онъ высказывалъ Ливенъ въ своихъ мемуарахъ.

24-го сентября (6-го октября) Ливенъ писала Грею, что «герцогъ Веллингтонъ положительно очарованъ Талейраномъ... Онъ утверждаетъ, что это очень честный человѣкъ, и что все то, что говорили когда-либо противъ него,—чистѣйшая клевета. Честность Талейрана напоминаетъ мнѣ умъ Полиньяка», прибавляетъ она. «Портреты не удаются герцогу Веллингтону».

2-го (14-го) октября она выражается еще рѣзче: «Я обѣдала третьяго дня у короля. Нельзя быть любезнѣе и предупредительнѣе, нежели онъ былъ со мною. Онъ высказалъ мнѣ самыя лестныя вещи относительно союза Англіи и Россіи, и передалъ свой разговоръ съ Талейраномъ, который очень удивилъ его. Во время аудіенціи посланникъ сказалъ ему длинную рѣчь, на тему о неудачахъ, преслѣдующихъ его, Талейрана. Говорить о самомъ себѣ вмѣсто того, чтобы говорить о державѣ, которой является представителемъ—по истинѣ новость для дипломата.

«Король спросилъ меня, что я думаю о немъ (Талейранѣ). Я отвѣ-

чала ему, что я полагаю, что человѣкъ, занимавшійся семьдесятъ пять лѣтъ интригами, не можетъ отказаться отъ нихъ на семьдесятъ шестомъ году жизни».

Ливенъ тревожила и преслѣдовала мысль о томъ, какъ революціонное движение отразится на Россіи.

«Все, что дѣлается на континентѣ, весьма прискорбно,—пишетъ она брату 24-го сентября (6-го октября) 1830 г.,—что всего хуже, не представляетъ никакихъ гарантій, относительно будущаго; нельзя сказать, чтобы народами овладѣло легкомысліе, ими овладѣла страсть размышлять.

«Правительства не выказали ни предусмотрительности, ни энергіи. Примѣръ, поданный ими, чревать опасностью, которой возможно избѣжать только при величайшей осмотрительности и бдительности. Мы имѣемъ къ счастію много причинъ, обеспечивающихъ намъ безопасность. Во-первыхъ, наша отдаленность, затѣмъ сравнительное невѣжество низшаго класса, врожденная намъ религіозность и преданность престолу, а самое главное, мы имѣемъ монарха просвѣщенаго, справедливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго и дѣятельнаго душою и тѣломъ, умѣющаго заставить бояться и въ то же время любить себя. Поэтому я не боюсь за насть, но мы составляемъ часть Европы и связаны трактатами—не будемъ ли мы поэтому вовлечены въ движение, нарушающее покой Европы?»

«Въ настоящее время одинъ невѣрный шагъ можетъ повести къ безчисленнымъ бѣствіямъ. Правительства не смыаютъ нынѣ дѣлать ошибки; интеллигентная публика критикуетъ ихъ и пользуется ими. Съ тѣхъ порь какъ народамъ открыли путь къ образованію, задача правительства сдѣлалась тысячу разъ труднѣе».

События, происшедшія во Франціи, обнаружили ошибки герцога Веллингтона и усилили непопулярность кабинета торіевъ. Непопулярность эта достигла въ исходѣ 1830 г. высшей степени. Изъ парламентскихъ выборовъ, состоявшихся въ августѣ, герцогъ вышелъ съ потерю 50 голосовъ. Брумъ и лордъ Грей готовились руководить оппозиціей: первый въ палатѣ общинъ, второй—въ палатѣ лордовъ. Герцогъ Веллингтонъ не располагалъ достаточными силами, которыя онъ могъ бы противопоставить складывавшейся противъ него оппозиціи. Къ тому же онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ дѣтелей, которые, подобно Каяннгу, умѣли постигать духъ своего вѣка, сообразовавшись съ потребностями своего времени. Подъ влияніемъ военной славы и частаго обращенія съ подчиненными герцогъ привыкъ холодно относиться къ людямъ и не придавалъ особеннаго значенія народнымъ нуждамъ.

21-го октября (2-го ноября) былъ открытъ парламентъ. Тронная

рѣчъ, произнесенная королемъ, указывала на тревожное положеніе дѣлъ какъ на континентѣ Европы (въ Бельгіи), такъ и въ самой Англіи. Вечеромъ того же дня Грэй въ своей блестящей рѣчи обращалъ вниманіе лордовъ на «приближающійся ураганъ», къ которому слѣдовало бы приготовиться. Избирательная реформа, по мнѣнію Грэя, являлась якоремъ спасенія, необходимостью,—Веллингтонъ и думать о ней не хотѣлъ, видя въ ней революцію. Рѣшительное заявленіе его, что онъ былъ противъ какихъ бы то ни было реформъ, ускорило паденіе его кабинета. 3-го (15-го) ноября, при обсужденіи въ палатѣ общинъ королевскаго бюджета, министерство потерпѣло неудачу. Ночью того же дня Ливенъ получила отъ Грэя слѣдующую стереотипную записку: «Княгинѣ Ливенѣ. Дѣлленіе (голосовъ) въ палатѣ общинъ.

За министровъ	204
Противъ	233

Большинство оппозиціи 29

Всегда наиболѣе вамъ преданный Г.»

На слѣдующій же день король пригласилъ Грэя къ себѣ во дворецъ и далъ ему порученіе составить новый кабинетъ.

Радость княгини не знала предѣловъ; теперь и ея положеніе упрочилось. Ей нечего было болѣе опасаться, что «пройдетъ еще немногого времени, и ей, быть можетъ, придется навсегда оставить Англію», какъ того желали торіи.

Никто лучше не понималъ значеніе Грэя и не служилъ такъ его интересамъ, какъ его «преданный другъ», княгиня Ливенъ.

«Я не могу себѣ представить васъ иначе, какъ главою кабинета или оппозиціи,—писала она своему другу незадолго до паденія кабинета Веллингтона. Вы не можете себѣ представить, какія надежды возлагаются на васъ всѣ; васъ считаютъ единственнымъ человѣкомъ, способнымъ объединить партіи; а я вижу въ васъ единственного человѣка, способного управлять Англіей.

«Мнѣ приятно видѣть, какъ обѣ стороны васъ боятся, какъ онѣ васъ желаютъ; какъ всѣ заняты вами; словомъ, какъ всѣ думаютъ единодушно, что та сторона, на которой вы будете, одержитъ верхъ. По истинѣ вы держите въ своихъ рукахъ судьбы Англіи».

Когда, наконецъ, Грэй сталъ во главѣ кабинета, радость Ливенъ была неописуема, но ее озабочивала программа нового министерства, и она задавалась вопросомъ, насколько эта перемѣна будетъ благопріятна для политики Россіи.

«Изъ того, что вамъ извѣстно о моихъ связяхъ въ этой странѣ,—писала она брату 8-го (20-го) ноября 1830 г., сообщая имена лицъ, со-

ставившихъ кабинетъ Грея,—вы видите, что новые министры изъ числа самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ. Не преувеличивая своего вліянія, которое можетъ очень измѣниться со вступленіемъ этихъ лицъ во власть, я полагаю, что я могу еще быть полезна. Будьте увѣрены и передайте графу Нессельроде, что я буду держать себя очень осторожно, такъ чтобы, въ случаѣ отставки этого министерства и возвращенія къ власти герцога Веллингтона, мнѣ не пришлось бы очутиться въ затруднительномъ положеніи».

«Мой образъ дѣйствій намѣченъ,—писала она два дня спустя;—я врагъ только однихъ радикаловъ такъ же, какъ и новое правительство. Я ожидаю, чтобы новые министры высказались, чтобы решить, буду ли я въ оппозиціи съ ними или нетъ.

«Я видѣла вчера лорда Грея»,—пишетъ Ливенъ и передаетъ проишедшій между ними любопытный разговоръ. На вопросъ Ливенъ относительно тѣхъ взглядовъ, коими онъ руководился при выборѣ своихъ сотрудниковъ, онъ отвѣчалъ:

— Я руководствовался при составленіи министерства слѣдующими двумя главными соображеніями: во-первыхъ, я хотѣлъ показать, что въ теперешнее демократическое и якобинское время есть возможность найти людей способныхъ и среди высшей аристократіи, но это не значитъ, что я желаю закрыть доступъ (въ кабинетъ) людямъ истинно достойнымъ, если бы я встрѣтилъ такихъ, среди членовъ палаты общинъ; но, при одинаковыхъ достоинствахъ, я отдамъ предпочтеніе аристократу, ибо этотъ классъ служить гарантіей безопасности государства и престола. Во-вторыхъ, я не хочу, подобно моему предшественнику, блестать на счетъ моихъ коллегъ. Наоборотъ, мой кабинетъ составленъ изъ людей, выказавшихъ выдающіяся парламентскія способности. При выборѣ каждого изъ нихъ я принималъ въ соображеніе его личныя способности къ занимаемому имъ посту, и я представлю каждому полную свободу дѣйствій въ его части. Такимъ образомъ совѣщанія кабинета будутъ настоящими совѣщаніями, и деспотизмъ будетъ уничтоженъ».

Въ припискѣ къ этому письму, написанной симпатическими чернилами, княгиня говоритъ:

«Я потребовала настоятельно, чтобы лордъ Грей высказался относительно бельгійского вопроса. Онъ сказалъ мнѣ:

— Вы должны понять, что я заинтересованъ въ сохраненіи мира гораздо болѣе, нежели мой предшественникъ. Имѣйте ко мнѣ настолько довѣрія, чтобы поверить, что я найду къ этому средство.

— Средство это уже найдено, милордъ,—сказала я,—вамъ стоить только продолжать начатое. Здѣсь засѣдаетъ конференція, свидѣтель-

ствующая о единодушіи пяти великихъ державъ, въ этомъ вопросѣ— поддержите ее, и миръ будетъ обезпечень.

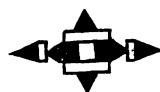
— Но по крайней мѣрѣ дайте мнѣ время узнать, что сдѣлано, тогда я буду въ состояніи вамъ отвѣтить.

— Не теряйте времени, милордъ,—возразила я,—будьте увѣрены, что перемѣна, произшедшая въ Англіи, поразить Европу. Вамъ необходимо высказаться передъ нею и какъ можно скорѣй. Императоръ знаетъ и уважаетъ васъ. Мнѣ было бы пріятно думать, что эти чувства въ немъ упрочатся.

— Повѣрьте мнѣ, — отвѣтилъ онъ,— вы будете довольны. Обѣщаю вамъ, что въ теченіе этой недѣли лордъ Пальмерстонъ (министръ иностраннѣхъ дѣлъ) дастъ уполномоченнымъ такія объясненія, которыя вполнѣ удовлетворять васъ. Если все, что было сдѣлано до сихъ поръ, клонилось къ упроченію мира, то будьте увѣрены въ томъ, что я буду дѣйствовать въ томъ же духѣ.

Какъ видно изъ этого разговора, Ливенъ не только никогда не теряла изъ вида интересовъ своего правительства, но пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы дѣйствовать сообразно съ его видамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Графъ Рейзеть въ Россіи въ 1852—1854 гг.¹⁾

(Извлечение изъ его воспоминаній).

I.

Прибытие гр. Рейзета въ Петербургъ. — Впечатлѣніе, произведенное на него русской столицею. — Первые знакомства. — Высочайший смотръ въ Красномъ Селѣ. — Характеристика императора Николая I. — Французскій актеръ Верне. — Петербургское общество. — Верченіе столовъ. — Политическое положеніе Франціи и принца Наполеона въ 1851 г. — Мнѣніе о Наполеонѣ въ Россіи и популярность его во Франціи. — Бесѣда Киселева съ Рейзетомъ. — Положеніе Французского посольства въ Петербургѣ.

Rѣ 1852 г. французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ былъ маркизъ де-Кастельбажакъ. Его ближайшимъ помощникомъ, первымъ секретаремъ посольства, былъ назначенъ въ это время графъ Рейзеть, который прибылъ къ мѣсту своего назначенія въ іюль мѣсяцѣ (1852 г.), совершивъ перѣездъ изъ Штетина моремъ на прусскомъ пакетботѣ «Адлеръ», на которомъ находили наслѣдный принцъ Саксонскій и принцъ Августъ Виртембергскій, приглашенные императоромъ Николаемъ I присутствовать на маневрахъ. На томъ же пароходѣ находились австрійскій посланникъ, генералъ Менсдорфъ и прусскій посланникъ въ Петербургѣ, генералъ Роховъ.

«Во все время нашего перѣезда, записалъ графъ въ свое мѣсто дневникѣ, море было совершенно спокойно. Только блѣдный цвѣтъ воды и

¹⁾ Comte de Reiset. Mes souvenirs. La guerre de Crimée et la cour de Napoléon III. T. II. Paris. 1902.

отражавшагося въ ней неба указывали на то, что мы направлялись къ съверу. Когда мы подъезжали къ Петербургу и увидѣли на горизонтѣ очертанія города, то онъ произвелъ на насъ большое впечатлѣніе. Купола церквей и колокольни, почти всѣ позолоченные, сверкали на солнцѣ; казалось, что передъ нами былъ восточный городъ, какіе описываютъ въ арабскихъ сказкахъ, но эта иллюзія разсѣвалась по мѣрѣ нашего приближенія.

«Оставивъ влѣво Кронштадтъ и его грозные бастіоны, преграждающіе входъ въ Неву, мы вошли въ рѣку и остановились у набережной, гдѣ меня встрѣтилъ, по порученію посланника, Камилль Дольфусъ, чиновникъ, состоявшій при французскомъ посольствѣ. Мой новый начальникъ (маркизъ де-Кастельбажакъ) былъ человѣкъ утонченной вѣжливости; онъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при русскомъ дворѣ съ 13-го (25-го) февраля 1850 г.

«Я долженъ быть, не теряя времени, ознакомиться съ русской жизнью и съ текущими дѣлами, ибо 2-го (14-го) августа генераль Кастельбажакъ, получивъ отпускъ, уѣжалъ во Францію, возложивъ на меня, какъ на первого секретаря посольства, всѣ дѣла.

«Петербургъ произвелъ на меня впечатлѣніе новаго города, построеннаго на европейскій ладъ. Вдоль его длинныхъ, широкихъ и прямыхъ улицъ, именуемыхъ проспектами, тянутся дома, изъ коихъ весьма много деревянныхъ; есть также нѣсколько дворцовъ французской или итальянской архитектуры, но они не представляютъ ничего оригинальнаго или поражающаго.

«Эти дома представляютъ большую противоположность съ населеніемъ, которое движется по улицамъ Петербурга. Если бы не одежда простонародья, то можно было бы вообразить, что находишься въ Берлинѣ (?)».

Графъ былъ пораженъ невиданнымъ для него зрѣлищемъ и съ удивленіемъ отметилъ, что въ Петербургѣ «коровы выходятъ лѣтомъ изъ домовъ, заслышавъ рожокъ пастуха, и цѣлыми стадами отправляются за городъ на пастбище, откуда онѣ возвращаются въ тотъ же день вечеромъ, чтò придается этому большому столичному городу почти деревенскій видъ».

Его поразила также дороживица жизни въ Петербургѣ.

Онъ поселился въ домѣ французского посольства, который былъ предоставленъ посланникомъ на время его отсутствія въ полное распоряженіе графа.

«Живя въ этомъ вполнѣ меблированномъ домѣ, я получалъ, говорить онъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ, 5.000 франковъ въ мѣсяцъ; но, при страшной дороживицѣ жизни въ Петербургѣ, этой суммы едва

хватало. Полотеръ спросилъ съ меня 4 рубля (16 франковъ), чтобы напертеть двѣ комнаты, чтѣ потребовало всего полтора часа времени. Ванна стоитъ здѣсь 7 франковъ, за часъ юзы въ экипажѣ въ городѣ платить 9 франковъ; водовозъ получаетъ 100 франковъ въ мѣсяцъ.

«Однажды, гуляя въ Павловскомъ паркѣ, я закусилъ кускомъ булки съ масломъ, съ кускомъ ветчины, за что торговка спросила съ меня рубль. Все дорого. Одинъ апельсинъ стоитъ 50 копѣекъ.

«Передъ отѣзdomъ генералъ Кастьельбажакъ повезъ меня въ Петергофъ, гдѣ ему была назначена императоромъ прощальная аудіенція. Такъ какъ я долженъ былъ представиться государю только въ ноябрѣ мѣсяца, по возвращенію его въ Петербургъ, то я гулялъ, въ ожиданіи генерала въ паркѣ. Насъ принялъ генералъ Роховъ, прусскій посланникъ, пользующійся особымъ благоволеніемъ императрицы, и князь Кочубей, изъ свиты императора. Послѣдній предоставилъ въ наше распоряженіе экипажи для осмотра парка. На террасѣ, у дворца, находится множество позолоченныхъ статуй и фонтановъ. Дворецъ представляетъ изъ себя невысокое зданіе, въ тяжеловѣсномъ неизящномъ стилѣ, и выкрашенъ въ желтую и бѣлую краску».

Время года было неблагопріятное для знакомства съ высшимъ петербургскимъ обществомъ, которое жило лѣтомъ на дачахъ.

«Первымъ человѣкомъ, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ и близко сошелся, былъ англійскій посланникъ, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ и его семейство. Однимъ изъ предразсудковъ императора Николая было, что онъ не считалъ возможнымъ сближеніе Франціи съ Англіей.

«Мои личные отношенія къ сэру Гамильтону Сеймуру, въ которыхъ политика не играла впрочемъ никакой роли, становились съ каждымъ днемъ все ближе и тѣснѣе. Его супруга и двѣ очаровательныя дочери оказали мнѣ самый любезный пріемъ. Сэръ Гамильтонъ, человѣкъ умный, благородный и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный дипломатъ, остроумный и пріятный собесѣдникъ, зналъ основательно прошлое и настоящее Россіи.

«Онъ охотно согласился познакомить меня съ петербургскимъ обществомъ и, чтобы дать мнѣ болѣе ясное понятіе о современной политикѣ русскаго царя, познакомилъ меня въ рядѣ интимныхъ бесѣдъ съ поступательнымъ движеніемъ Россіи, начиная съ Петра Великаго. Онъ объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ, завладѣвъ Крымомъ, Бессарабіей и устьями Дуная, Россія проложила себѣ путь къ Константинополю (?) и, учредивъ протекторатъ надъ придунайскими княжествами и Сербіей, и пріобрѣта вліяніе надъ славянскимъ населеніемъ Турецкой имперіи, все болѣе и болѣе тѣснила Турцію.

«По счастливой для меня случайности, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ былъ много лѣтъ очень близокъ къ семье первого президента ¹⁾). Вотъ что онъ рассказалъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ нимъ.

— Во время восстанія въ Румыніи, я былъ англійскимъ посланникомъ во Флоренціи,—сказалъ Сеймуръ. Однажды вечеромъ, ко мнѣ явилась дама, желавшая меня видѣть; это оказалось королева Гортензія ²⁾. Она спѣшила къ своимъ сыновьямъ, которые находились въ то время въ папскіхъ владѣніяхъ. Не имѣя паспорта, она рѣшилась попросить его у англійского посланника, на сочувствіе котораго разсчитывала. Я сказалъ ей тотчасъ, что она можетъ располагать мною и можетъ ѿхать далѣе подъ однимъ изъ моихъ именъ, напр. подъ фамиліей Гамильтонъ, если она находить это удобнымъ.

— Какимъ путемъ мнѣ ѿхать,—спросила королева,—чтобы не попасть въ руки австрійцевъ?

— Я могу сказать это вашему величеству,—вразбрѣлъ я,—только поговоривъ съ моимъ коллегой, австрійскимъ посланникомъ, къ которому я отправлюсь тотчасъ.

«Черезъ часъ, сэръ Гамильтонъ вернулся и далъ королевѣ вмѣстѣ съ паспортомъ всѣ необходимыя разясненія, благодаря чему она имѣла возможность повидаться со своими сыновьями.

«Съ тѣхъ поръ, продолжалъ сэръ Гамильтонъ Сеймуръ, во всѣхъ письмахъ, которыхъ писала королева, она называла меня шутя своимъ кузеномъ, намекая этимъ на фамилію Гамильтонъ, подъ которой она совершила свое путешествіе. Желая доказать мнѣ, что воспоминаніе обѣ этомъ вечерѣ не изгладилось изъ ея памяти, она завѣщала мнѣ великолѣпный старинный камей, осыпанный жемчугомъ, подаренный ей императоромъ, который получилъ его въ свою очередь отъ папы.

«Если я пойду въ Парижъ, то этотъ камей послужитъ мнѣ рекомендательнымъ письмомъ къ принцу (Людовику Наполеону), который, я увѣренъ, отнесется благосклонно къ другу своей матери».

«Наша бесѣда перешла затѣмъ вполнѣ естественно къ вопросу о послѣдствіяхъ, которыхъ могла имѣть поѣздка президента на югъ Франціи. По этому поводу сэръ Гамильтонъ сказалъ мнѣ, что если принцъ, вступивъ на престолъ, будетъ соблюдать договоры 1815 г. и не будетъ стремиться къ войнѣ, какъ онъ заявилъ обѣ этомъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ Бордо, то онъ полагаетъ, что вопросъ о его признаніи не представитъ затрудненій.

¹⁾ Впослѣдствіи императора Наполеона III.

²⁾ Мать Наполеона III.

«Изъ этихъ словъ видно, что мы имѣли въ лицѣ англійскаго посланника человѣка, который, по своимъ личнымъ симпатіямъ, могъ, въ случаѣ надобности, быть полезенъ французскому правительству.

«Нѣсколько дней спустя послѣ моего приѣзда, я посѣтилъ вечеромъ г-жу Апраксину, рожденную Голицыну, старушку, статей-даму великой княгини Елены Павловны, которая пользуется при русскомъ дворѣ большими вліяніемъ. Она была фрейлиной при императрицѣ Екатеринѣ.

«Войдя въ большую столовую, я увидѣлъ собравшихся къ ней дамъ, которые сидѣли вокругъ стола и пили чай, молоко, кушали пирожное и фрукты. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ, не подозрѣвая, что тутъ же находилась и великая княгиня Елена Павловна; затѣмъ я прошелъ въ зало, где г-жа Апраксина сидѣла на диванѣ рядомъ съ принцемъ Августомъ Виртембергскимъ, братомъ великой княгини. Г-жа Апраксина была очень удивлена, увидавъ, что принцъ подальше мнѣ руку и радушно поздоровался со мною, какъ со старымъ знакомымъ. Онъ попросилъ хозяйку дома представить меня великой княгинѣ, чтобъ она немедленно исполнила. Ея высочество отнеслась ко мнѣ весьма любезно; сказала мнѣ, что принцъ Августъ отзывался обо мнѣ весьма дружественно, и задала мнѣ вопросъ о моихъ отношеніяхъ къ виртембергской королевской семье. Я понялъ, что ей было извѣстно изъ разсказовъ брата о моихъ брачныхъ предположеніяхъ, которыхъ были впослѣдствіи оставлены.

— Вы жили въ Штутгардѣ,—сказала она,—и были знакомы съ королевской семьёю.

«Я отвѣчалъ, не входя въ дальнѣйшія подробности, что я никогда не былъ въ Штутгардѣ, но что, въ бытность въ Италии, участвовалъ въ спектаклѣ во французскомъ посольствѣ въ Римѣ, на которомъ присутствовалъ виртембергский королевский принцъ, которому я былъ представленъ, и что впослѣдствіи, на водахъ въ Эксѣ, въ Савойѣ, я познакомился у баронессы де-Бурже съ одной изъ дочерей графа Александра Виртембергскаго.

«Заговоривъ о путешествіи принца-президента, она спросила меня, дѣйствительно ли въ провинціи оказывали ему такія восторженныя встрѣчи, какъ говорилось въ газетахъ. Я отвѣчалъ, что всѣ частныя свѣдѣнія, полученные мною, вполнѣ согласуются съ тѣмъ, что сообщалось въ газетахъ, и что въ этомъ нельзѧ сомнѣваться, такъ какъ принцъ существуетъ среди народа, которому наскучили революціи и который далъ ему власть, въ надеждѣ покончить съ ними. Великая княгиня выслушала меня внимательно и все время, пока я находился подъ нея, говорила со мною о президентѣ.

«Такимъ образомъ мы долго бесѣдовали о всѣхъ обстоятельствахъ

этого путешествия и говорили о рѣчи, съ которой принцъ обратился къ епископу Марсельскому. Великая княгиня сказала мнѣ, что она находитъ эту рѣчу весьма замѣчательной и прочувствованной.

«Когда я сказалъ ей, что президентъ человѣкъ выдающагося ума, но, прежде всего, добродѣтельный человѣкъ, который, искренно любя Францію, желаетъ ея славы и благоденствія, то она замѣтила:

— Если это такъ, то надобно желать, чтобы принцъ шелъ и впредь тѣмъ путемъ, который намѣченъ ему Провидѣніемъ.

«Великая княгиня была женщина выдающагося ума, но относилась не особенно сочувственно къ Франціи. Если кто-либо изъ женщинъ могъ имѣть вліяніе при русскомъ дворѣ, то несомнѣнно, она принадлежала къ числу этихъ лицъ; благодаря своимъ выдающимся качествамъ и своему образованію, она имѣла большое вліяніе на императора.

«12-го (24-го) августа я видѣлъ впервые императора Николая I на большомъ смотрѣ въ Красномъ Селѣ.

«На парадѣ присутствовали императрицы, и всѣ великие князья и великия княгини, за исключеніемъ герцога Лейхтенбергскаго, который былъ опасно боленъ. Среди великихъ князей находился старшій сынъ наследника цесаревича. Этотъ прелестный ребенокъ былъ одѣтъ гусаромъ, съ маленькимъ краснымъ ментикомъ на плечахъ. Его младшій братъ, одѣтый также въ военной формѣ, находился въ палатѣ императрицы.

«Я помѣстился внизу у самой царской палатки, которая была раскинута на маленькомъ пригоркѣ и окружена толпой лицъ, желавшихъ полюбоваться зреющимъ.

«Подвигаясь понемногу впередъ, я очутился, наконецъ, совсѣмъ близко къ лошади императора, возлѣ которого находились его два младшихъ сына. Николай I стоялъ напротивъ императрицы, шагахъ приблизительно въ двадцати отъ нея, достаточно близко, чтобы перекинуться съ нею иѣсколькими словами, на которыхъ она отвѣчала ему кивкомъ головы.

— Посмотри, — сказалъ государь, обращаясь къ ней, — какъ солнце сверкаетъ на латахъ кавалергардовъ, которые приближаются къ намъ, чтобы пройти церемоніальнымъ маршемъ.

«Императоръ Николай былъ въ прусской лентѣ, въ честь присутствовавшаго на смотрѣ прусского королевскаго принца (впослѣдствіи императоръ Фридрихъ III); это былъ очень блокурый, блѣдныій молодой человѣкъ съ кроткимъ выраженіемъ лица. Его сопровождали генералъ Врангель, прусскій посланникъ Роховъ и Менсдорфъ.

«Я замѣтилъ во время смотрѣ, что прусскій и австрійскій посланники находились все время подлѣ императора, который относился къ

нимъ, по обыкновенію, весьма благосклонно, такъ же точно, какъ и къ нѣмецкимъ офицерамъ, пріѣхавшимъ на маневры.

«Особенное отличіе было оказано генералу Гессе, начальнику штаба австрійской арміи, который былъ правою рукою генерала Радецкаго. Я познакомился съ нимъ въ Миланѣ во время войны въ Ломбардіи; императоръ пожаловалъ ему алмазные знаки Александра Невскаго и подозвалъ его къ себѣ въ то время, когда передъ нимъ проходилъ полкъ, шефомъ которого былъ австрійский императоръ.

«Видя на красносельскихъ маневрахъ толпу иностранныхъ офицеровъ и въ томъ числѣ нѣсколько англичанъ, я сожалѣлъ о томъ, что тутъ не было представителя французской арміи. Если бы французскій военный министръ счелъ нужнымъ прислать нѣсколькоихъ офицеровъ, то имъ былъ бы оказанъ наилучшій пріемъ.

«До тѣхъ порь только одни нѣмцы были предметомъ лестнаго вниманія со стороны императора, но я полагаю, что если бы въ Россіи чаще появлялись французскіе офицеры, то они съумѣли бы вызвать къ себѣ симпатію и разсѣять существовавшее противъ нихъ предубѣжденіе.

«Разсказы о разныхъ таинственныхъ и чудесныхъ происшествіяхъ и разные анекдоты имѣютъ большой успѣхъ въ Петербургѣ.

«Всевозможные рассказы изъ жизни императора Николая составляютъ также излюбленную тему разговора.

«Вотъ одинъ изъ подобныхъ рассказовъ, который я передаю здѣсь, такъ какъ онъ прекрасно рисуетъ характеръ императора, хотя случай, о которомъ будеть рѣчь, произошелъ за нѣсколько лѣтъ до моего пріѣзда въ Петербургъ. Славившійся въ Парижѣ въ царствованіе короля Людовика-Филиппа актеръ театра «Варіете», Верне, даровитый и остроумный комикъ, пріѣхалъ въ Петербургъ. Встрѣтивъ его однажды во время прогулки, императоръ остановилъ его и, поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, спросилъ, какая пьеса идетъ въ тотъ день во французскомъ театрѣ.

— «*Ma femme et mon parapluie*¹⁾»—отвѣчалъ Верне.

— А, прекрасно, я бы хотѣлъ, чтобы императрица видѣла эту хорошенъкую пьесу; такъ до вечера, г. Верне.

Государь сѣлъ въ дрожки и побѣхалъ далѣ.

Верне, очень довольный этой встрѣчей, спѣшилъ домой, чтобы повторить свою роль, какъ вдругъ къ нему подошли два полицейскихъ и повели его въ участокъ, гдѣ, по правиламъ, онъ долженъ былъ отсидѣть сутки за то, что остановилъ императора и заговорилъ съ нимъ, не имѣя на это разрѣшенія.

¹⁾ „Моя жена и мой зонтикъ“.

Бѣдный Верне не зналъ, что думать; напрасно старался онъ объяснить, что онъ актеръ французскаго театра, что безъ него не можетъ состояться спектакль и, наконецъ, что императоръ самъ остановилъ его на Невскомъ; его не слушали и посадили подъ арестъ.

Въ восемь часовъ вечера, когда императоръ пріѣхалъ съ императрицею въ театръ, разсчитывая видѣть Верне, Гедеоновъ, директоръ театровъ, доложилъ ихъ величествамъ, что Верне въ театрѣ нѣтъ.

— Я посыпалъ за нимъ, но неизвѣстно, куда онъ дѣлся; мы все очень встревожены по этому поводу,

— Что вы говорите!—воскликнулъ императоръ,—я самъ встрѣтилъ его подъ вечеръ на Невскомъ, онъ былъ веселъ, какъ всегда, и повидимому здоровъ; дайте сейчасъ же знать Дуббелту, пусть немедленно розыщутъ Верне.

Поспѣшно были наведены справки, и вскорѣ императору доложили о случившемся.

Освобожденный Верне сыграли свой водевиль при громкихъ апплодисментахъ всего театра, такъ какъ публика узнала о случившейся съ нимъ непрѣятности и сдѣлала ему овацию.

По окончаніи представлѣнія, императоръ и императрица пожелали видѣть Верне; они хотѣли отъ него самого слышать о его приключеніи.

Императоръ извинился; передъ нимъ и сказалъ:

— Любезный Верне, какъ я могу загладить случившееся съ вами сегодня непрѣятное приключеніе?

— Ваше величество такъ милостивы ко мнѣ, что я уже вполнѣ вознагражденъ. Я такъ тронутъ вниманиемъ вашего величества, что забылъ о случившемся и ни о чемъ не прошу ваше величество.

Императоръ настаивалъ; тогда Верне сказалъ:

— Ваше величество непремѣнно настаиваете, чтобы я просилъ у васъ какой-нибудь милости?

— Да, разумѣется,—прервалъ государь.

— Такъ я буду всенижайше просить одного: будьте такъ милостивы, не говорите со мною больше, когда вы встрѣтите меня на улицѣ.

Императоръ, императрица и вся царская фамилія отъ души посмѣялись надъ этой шуткой.

— Какой вы шутникъ,—сказалъ императоръ;—ну, такъ приходите ко мнѣ завтра въ Зимній дворецъ, къ 12 часамъ, тамъ вамъ не надо бояться полицейскихъ.

Разумѣется, Верне явился къ назначенному часу. Императоръ долго бесѣдовалъ съ нимъ о новыхъ пьесахъ, которыхъ давались въ то время въ Парижѣ, а затѣмъ далъ ему великоколѣпную табакерку со своимъ портретомъ, осыпанымъ брилліантами.

ГРАФЪ РЕЙЗЕРЪ ВЪ РОССИИ ВЪ 1852—1854 ГГ.

Это было въ 1840 году.

Послѣ отѣзда изъ Петербурга генерала Кастельбажака, французское посольство состояло изъ графа Алоиза Рейневаля, Камиля Дольфуса и автора настоящихъ записокъ.

«Рейневаль и Дольфусъ были добрые, умные, прекрасные товарищи,—говорить онъ. Каждый вечеръ, послѣ обѣда, мы отправлялись всѣ вмѣстѣ на острова, единственное пріятное мѣсто прогулки въ окрестностяхъ Петербурга.

«Однажды, на большомъ вечерѣ у англійскаго посланника, на которомъ присутствовалъ будущій вице-король Индіи, лордъ Напиръ, который былъ въ то время первымъ секретаремъ англійскаго посольства, сэръ Гамильтонъ Сеймуру рассказалъ, что онъ получилъ въ то утро письмо отъ известнаго ученаго Гумбольдта, который писалъ ему, что опыты съ вертящимися столами, о которыхъ начинали говорить, были произведены въ присутствіи короля прусскаго и удались, къ великому испугу королевы, которой едва не сдѣжалось дурно. Гумбольдтъ совѣтовалъ Гамильтону Сеймуру продѣлать то же въ семействѣ кругу. Изъ числа присутствующихъ одни вѣрили въ возможность этого явленія, другіе видѣли въ этомъ только легковѣріе или шарлатанство.

Было решено произвести опытъ. Тотчасъ сняли коверъ, мужчины и дамы сѣли вокругъ стола, соприкасаясь руками и держа ихъ надъ столомъ. Лади Сеймуру стояла между мною и Лемлеемъ, чиновникомъ, состоявшимъ при англійскомъ посольствѣ, Гертруда, дочь Сеймура,—между нимъ и отцомъ, ея сестра между отцомъ и мною. Никто изъ насъ не былъ способенъ къ обману. Мы смотрѣли другъ на друга съ улыбкою и ожидали, что будетъ дальше, готовые посмѣяться другъ надъ другомъ.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, намъ показалось, что столъ подъ нашими пальцами запевелился; черезъ часъ столъ какъ бы ожиль.

— Онь шевелится!—воскликнули одни.

— Это обманъ чувствъ,—говорили другіе.

Вдругъ столъ, какъ бы желая разсѣять всѣ наши сомнѣнія, выскользнулъ изъ подъ нашихъ рукъ, понесся по комнатѣ и завертелся. Мы были такъ поражены этимъ, что вскочили со своихъ мѣстъ и последовали за нимъ.

Лордъ Напиръ и г-жа Кнорингъ, присутствовавшіе при опытѣ, были удивлены не менѣе насъ.

Обѣ дочери Гамильтона отступили въ испугѣ, одной изъ нихъ едва не сдѣжалось дурно. Вообще дамы были такъ напуганы, что намъ пришлось обратить все это въ шутку, чтобы успокоить ихъ.

Эта веселая, прятная жизнь совершенно не сооствѣтствовала приближавшимъ важнымъ событіямъ.

Еще два года передъ тѣмъ, въ 1850 г., былъ поднять восточный вопросъ.

Въ 1851 г., одинъ изъ будущихъ министровъ Наполеона III, Тувенель, въ то время французскій посланникъ въ Мюнхенѣ, предостерегъ по этому поводу французское министерство иностранныхъ дѣлъ.

— Я знаю Востокъ,—говорилъ онъ,—и утверждаю, что Россія не уступить. Это для нея вопросъ жизни или смерти; въ Парижѣ не должны забывать этого, если не хотятъ доводить дѣло до крайности.

Нѣсколько времени спустя онъ писалъ: «несмотря на увѣренія нѣкоторыхъ лицъ, даже въ Римѣ нѣть болѣе рѣчи о крестовыхъ походахъ; кроме латинскихъ монаховъ, проживающихъ въ Іерусалимѣ, никто не думаетъ о Святыхъ мѣстахъ, поэтому было бы гораздо благоразумнѣе не затѣвать объ нихъ спора».

Несмотря на эти благоразумные совѣты, французская и русская дипломатія вели въ Константионополь энергичную войну, которая обострялась съ каждымъ днемъ.

Положеніе дѣлъ во Франції еще болѣе увеличивало затрудненія. Путешествіе президента по Франціи; восторгъ, съ которымъ его встрѣчали; рѣчь, сказанная имъ въ Бордо, во время которой онъ сказалъ знаменитыя слова «имперія это міръ»—все это предвѣщало перемѣну, которая въ Петербургѣ никого не удивила. Императору Николаю не понравилась сказанная принцемъ фраза: «когда Франція довольна, то Европа спокойна».

— Развѣ Франція считаетъ себя осью, на которой вѣртится міръ?— замѣтилъ на это государь.

Междуд тѣмъ, князь Шварценбергъ, говоря о Франціи, выразился приблизительно въ томъ же смыслѣ, но нѣсколько болѣе юмористично, сказавъ, что «когда у Франція насморкъ, то Европа чихаетъ».

Эти и тому подобныя рѣчи волновали всѣхъ. Только Нессельроде относился спокойно къ событіямъ, происходившимъ во Франціи.

— Если принять во вниманіе все обстоятельства, предвѣщающія войну въ Европѣ, то она весьма вѣроятна, — говорилъ онъ, — но, какъ человѣкъ практический и опытный въ дѣлахъ, я не вѣрю въ возможность войны и думаю, что все обойдется спокойно.

Императоръ приказалъ Киселеву и нѣкоторымъ другимъ посланникамъ прибыть въ Петербургъ къ 4-му (16-му) октября 1852 г., когда государь и Нессельроде должны были возвратиться въ столицу; это связывали съ ожидавшейся въ декабрѣ мѣсяцѣ перемѣнной правительства во Франціи. Императоръ не хотѣлъ, чтобы его уполномоченный Киселевъ

находился въ это время въ Парижѣ, дабы онъ какимъ-нибудь поступкомъ или словомъ не предрѣшилъ будущее положеніе Россіи относительно новой имперіи, желая сохранить въ этомъ случаѣ полную свободу дѣйствій.

Что касается прочихъ посланниковъ, Мейendorфа и Северина¹⁾, то императоръ вызывалъ ихъ, чтобы лучше знать настроеніе германскихъ дворовъ и разъяснить имъ образъ дѣйствій, котораго имъ надлежало держаться.

Благодаря счастливой случайности, какъ сказано выше, совершивъ часть путешествія въ Россію съ Сидовымъ, прусскимъ посланникомъ въ Баденѣ, я сошелся на пароходѣ съ наследнымъ принцемъ саксонскими Альбертомъ, съ принцемъ виртембергскимъ Августомъ, братомъ великой княгини Елены Павловны, и съ Роховомъ и Менсдорфомъ, изъ коихъ первый былъ уже много лѣтъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и былъ другомъ императрицы, съ которой онъ видѣлся нѣсколько разъ въ недѣлю; австрійскій же посланникъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся генераловъ австрійской арміи.

Во время путешествія люди сближаются и бесѣдуютъ откровеннѣе, нежели въ гостиной; такимъ образомъ, я имѣлъ случай узнать мысли и предположенія, коими были заняты эти дипломаты.

Сѣверные державы относились къ Франції не особенно сочувствуно. Къ ней питали скорѣе нѣкоторую боязнь и недовѣріе. Эти чувства проявлялись въ особенности въ ошибочной оцѣнкѣ ея политического положенія: президенту не отдавали должнаго за всѣ услуги, оказанныя имъ Европѣ до и послѣ переворота 2-го декабря.

Всѣ говорили приблизительно одно и то же:

— Мы преклоняемся предъ его твердостью и его храбростью; онъ спасъ Францію; но посмотримъ, какъ онъ будетъ держать себя по отношенію Европы!

Было грустно слышать, какъ несправедливо отзывались о принцѣ Наполеонѣ. Его заслуги по большей части никѣмъ не признавались. Никто не рѣшался выказать себя открыто врагомъ Франціи, но всѣ старались умалить значеніе главы государства, исказя его дѣйствія.

Въ Германіи говорили какъ бы умышленно только о русскомъ императорѣ, въ Россіи говорили только о Германіи; что касалось Франціи, то ея какъ будто не существовало. Ее признавали способной только защищить себя отъ влиянія соціалистическихъ и революціонныхъ идей.

Но высокопоставленные лица были сдержаннѣе дипломатовъ и старайлись не выражать открыто своего несочувствія къ Франціи. У нихъ

¹⁾ Изъ Вѣны и Мюнхена.

было слишкомъ много такта и осторожности, чтобы высказать свои сокровенные мысли. Они старались, напротивъ, скрыть ихъ изысканной вѣжливостью обхожденія и самыми лестными отзывами о принцѣ-президентѣ. Но по всему, о чёмъ они умалчивали, легко можно было догадаться, что у нихъ было въ душѣ, и эта сдержанность служила доказательствомъ ихъ недружелюбія.

Говоря о принцѣ-президентѣ, императоръ Николай I-й отзывался о немъ всегда самымъ дружественнымъ образомъ, но вслѣдъ за любезными словами говорилась обыкновенно фраза, которая выдавала, помимо воли, его тревогу.

— Надобно,—говорилъ онъ,—чтобы принцъ не испортилъ своего положенія, чтобы онъ управлялъ страною и впредь благоразумно.

Истинный смыслъ этихъ словъ былъ тотъ, что президенту не следовало, по его мнѣнію, и думать о перемѣнѣ образа правленія.

Эта мысль высказывалась яснѣ и откровеннѣе, можно сказать мѣнѣе осторожно, другими лицами, которыхъ и занимали видное положеніе, но не должны были наблюдать подобной осторожности. Я имѣлъ полное основаніе думать, что все то, что они высказывали по отношенію къ Франції, дѣйствительно согласовалось вполнѣ съ намѣреніями императора, потому, что въ Петербургѣ, въ особенности въ высшихъ сферахъ, все слишкомъ осторожны, чтобы высказать мысль, или чувства, не удостовѣрившись въ томъ, что они согласны съ мыслями и чувствами государя.

Съ самого пріѣзда своего въ Петербургѣ, я старался разсѣять предубѣжденіе русскихъ противъ Франціи и въ особенности старался убѣдить дипломатовъ въ томъ, что принцѣ-президентѣ слишкомъ твердо и ясно понималъ свои права и свою силу, чтобы считать нужнымъ добиваться одобренія своихъ дѣйствій иностранными державами и, что ежели, повинуясь желанію народа, онъ измѣнить форму правленія, то ему нечего будетъ опасаться.

Я еще не видалъ императора, который собирался на большія маневры въ Чугуевъ, но такъ какъ ему передавали все, что говорилось при дворѣ, то я былъ увѣренъ, что ему было известно, въ какомъ смыслѣ я говорилъ съ великой княгиней Марией Николаевной, которая очень интересовалась судбою Франціи.

Хотя большинство русскихъ относились къ намъ недоброжелательно, но некоторые лица сочувствовали принцу-президенту и одобряли его дѣйствія, клонившіяся къ упроченію своей власти.

Вообще, въ высшемъ обществѣ къ намъ (французамъ) относились съ какою-то напускной вѣжливостью.

— Проживя въ Петербургѣ девять лѣтъ, чувствуешь себя здѣсь

столь же чужимъ, какъ въ первый день пріѣзда, — говорили мои сотоварищи.

Я старался держать себя какъ можно осторожнѣе, но при всякомъ удобномъ случаѣ подготавлялъ умы къ событию, которое становилось день-ото-дня болѣе вѣроятнымъ, и въ особенности старался разъяснить, какія выгоды оно могло принести не только Франціи, но и всей Европѣ.

Я не разъ имѣлъ случай наблюдать, что тѣмъ болѣе почестей оказывали принцу во Франціи, тѣмъ благосклоннѣе относилось къ нему общественное мнѣніе въ Россіи. Я даже удивлялся тому, съ какой быстротой совершалось это превращеніе. Мнѣ вскорѣ уже не приходилось выслушивать за спину тѣ оскорбительные отзывы, которые задѣвали меня въ первые дни по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Тонъ, какимъ говорили о Франціи, измѣнился и сталъ серьезнѣе; мнѣ случалось даже слышать, какъ иные спорили о томъ, какое имя приметъ принцъ вступивъ на престолъ.

На этотъ случай императоромъ Николаемъ уже были сдѣланы соответственные распоряженія.

Повѣренному въ дѣлахъ Россіи въ Парижѣ, замѣнявшему генерала Киселева на время его отсутствія, въ случаѣ получения имъ официальнаго сообщенія о возстановленіи имперіи, было приказано отвѣтить, что онъ долженъ снести по этому поводу съ графомъ Нессельроде.

Когда я спросилъ однажды Сенявина¹⁾, какъ долго пробудетъ Киселевъ, то онъ отвѣтилъ мнѣ довольно рѣзко:

— Почемъ я знаю!

Этотъ отвѣтъ и выраженіе, съ какимъ были сказаны эти слова, были весьма не успокоительны.

Когда я жаловался ему, по поводу дня ангела президента, на нелюбезность, съ какою отнесся къ этому дню московскій губернаторъ, то онъ отвѣчалъ, что передать обѣ этомъ императору, когда онъ вернется, но при этомъ повторилъ то, что я слышалъ отъ него уже неоднократно:

«Что 3-го (15-го) августа не было днемъ ангела принца, ибо, судя по газетамъ, онъ праздновалъ день св. Людовика въ Сен-Клу 13-го (25-го) числа».

— Впрочемъ,—присовокупилъ онъ,—это еще выяснится, до будущаго года еще далеко.

Я не настаивалъ, а сказалъ только, что мы будемъ праздновать тезоименитство главы государства, когда и какъ намъ вздумается, какъ

¹⁾ Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ.

это дѣлаютъ прочія миссіи относительно тезоименитствъ своихъ монарховъ.

Я считалъ необходимымъ подчеркнуть нашу самостоятельность.

Не смотря на благосклонность, съ какою императоръ Николай I-й относился къ генералу Кастельбажаку, положеніе представителей Франціи въ Петербургѣ было не изъ легкихъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ нѣсколькимъ французамъ, прибывшимъ въ Кронштадтъ безъ паспортовъ, не только не было дозволено высадиться на берегъ, но ихъ выпроводили оттуда самымъ грубымъ образомъ.

Когда я встрѣтился впервые съ канцлеромъ, графомъ Нессельроде, то онъ обошелся со мною весьма любезно.

— Я очень люблю молодыхъ дипломатовъ,—сказалъ онъ.

Я постарался доказать ему, при первомъ удобномъ случаѣ, что, несмотря на свою молодость, я могъ быть твердъ.

Одинъ французъ, служившій у банкира Штиглица, былъ посаженъ въ тюрьму въ Кронштадтѣ. Узнавъ, что единственной его виною было то, что онъ ухаживалъ за одной изъ женскихъ прислугъ барона и что онъ былъ арестованъ только изъ угодливости полиціи къ Штиглицу, я отправился немедленно къ генералу Дуббелту съ просьбою выпустить его на свободу.

Генералъ Дуббелтъ встрѣтилъ меня преувеличенно любезно; я сказалъ ему, что прежде чѣмъ пожать протянутую имъ руку, я хочу знать, какъ онъ намѣренъ поступить по отношенію къ одному изъ моихъ соотечественниковъ, который неправильно арестованъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я заявилъ ему, что французское посольство не допустить, чтобы съ французскимъ подданнымъ обходились, какъ съ мужикомъ, и что я требую, чтобы онъ былъ освобожденъ въ тотъ же день.

Генералъ Дуббелтъ сталъ извиняться и обѣщалъ немедленно сдѣлать соответствующее распоряженіе, чѣмъ и было исполнено.

Всякій разъ, когда я встрѣчался съ графомъ Нессельроде, онъ говорилъ со мною самымъ естественнымъ и непринужденнымъ образомъ о Франціи, но упоминаль о событияхъ вскользь, тщательно избѣгая всякаго разговора, который могъ коснуться вопроса о возстановленіи имперіи. Однако, когда было получено извѣстіе о рѣчи, произнесенной принцемъ въ Бордо, онъ отозвался о ней одобрительно, отмѣтивъ, что она подавала надежду на миръ. Затѣмъ, впадая въ болѣе откровенный тонъ, онъ сталъ рассказывать съ увлеченіемъ о времени, которое онъ провелъ въ Парижѣ, состоя при русскомъ посольствѣ, когда онъ зналъ королеву Гортензію и принца Людовика-Наполеона въ дѣтствѣ.

Во Франціи события быстро шли впередъ. 26-го сентября (8-го октября) генералъ Кастельбажакъ писалъ мнѣ съ юга Франціи:

«Я хочу вамъ сказать, что я видѣлъ своими собственными глазами и слышалъ своими собственными ушами то, чего я никогда не видалъ и не слыхалъ до сихъ поръ въ нашихъ южныхъ городахъ, ни въ одну изъ политическихъ эпохъ; нѣть возможности представить себѣ неистовый восторгъ народа во время проѣзда принца-президента.

«Въ Тулусѣ, послѣ военнаго смотра, произошелъ, какъ здѣсь говорятъ, «гражданскій смотръ»; со всѣхъ городовъ департамента сбѣжалось все населеніе, каждая община со своимъ значкомъ, изъ коихъ на большинствѣ находятся еще гербы прежнихъ владѣльцевъ, чтѣ, согласитесь сами, очень оригинально въ настоящее время. Эта огромная, стотысячная толпа прошла передъ принцемъ, крича неистово: «да здравствуетъ императоръ!» Эти слова были начертаны у всѣхъ на шляпахъ. На улицахъ города, украшенныхъ флагами и усыпанныхъ цветами, раздавались тѣ же крики, бытъ замѣтнъ такой же энтузіазмъ. Среди этой взволнованной толпы принцъ бытъ все также спокоенъ, даже меланхоличенъ; онъ не отталкивалъ толпу, но старался успокоить ее.

«Я всегда думалъ и теперь вполнѣ увѣренъ въ томъ, что во Франціи существуетъ только два политическихъ теченія: монархическіе принципы въ пользу принца Людовика-Наполеона и соціалистическіе, варварскіе, дѣйствующіе подъ знаменемъ Ледрю Роллена К°. Первое изъ этихъ теченій, проложившее себѣ глубокое русло, увлекаетъ въ настоящую минуту все и всѣхъ къ имперіи: если имъ не воспользуются, то опасные элементы общества отдѣлятся и направятся къ демагогическому потоку; тогда не будетъ достаточно могучей плотины, которая бы могла сдержать его.

«Вотъ, дорогой графъ, чтѣ должны хладнокровно обсудить, въ интересахъ монархического будущаго, консерваторы и всѣ европейскіе монархи. Да просвѣтить ихъ Господь и да избавить Онъ нась отъ новыхъ революцій!»

19-го (31-го) октября у меня обѣдалъ Киселевъ, который былъ со мною въ высшей степени любезенъ.

— Я видѣлъ императора только третьяго дня въ Царскомъ Селѣ,—сказалъ онъ,— и нашелъ, что онъ такъ сочувственно относится къ президенту, что мнѣ не пришло даже высказать ему тѣ похвалы, какія я предполагалъ. Онъ отзывался о его высочествѣ въ столь лестныхъ выраженіяхъ, что мнѣ оставалось только слушать его. Вамъ извѣстно, что на слова императора можно положиться, онъ всегда чистосердеченъ и держитъ свое слово. Императоръ настроенъ такъ доброжелательно, что надоѣно полагать, что все уладится. Но слѣдуетъ избѣгать того, что могло бы оскорбить его. Успѣхъ дѣла будетъ зависѣть отъ того, какъ оно будетъ представлено и какъ оно будетъ возвѣщено. Державы, какъ вамъ из-

вѣстно, связаны договорами и принципами, которые были ими провозглашены. Надобно постараться не дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыхъ были сдѣланы при вступлении на престолъ короля Людовика-Филиппа и которыхъ чрезвычайно взволновало русское правительство. Надобно найти средство примирить всѣ требования, а не говорить: «дѣло сдѣлано; съ этимъ надобно помириться».

Когда я спросилъ его, что онъ подразумѣваетъ подъ словами «средство примирить всѣ требования», то онъ отвѣчалъ, что въ Парижѣ навѣрно съмѣютъ найти самыя подходящія выраженія, чтобы не напугать Европу, извѣщаю ее о столь важномъ событіи.

Этотъ разговоръ, который велся съ большими недомолвками, клонился, по моему мнѣнію, лишь къ тому, чтобы дать мнѣ понять, что Россія признаетъ совершившійся фактъ, лишь бы новый императоръ, вступивъ на престолъ, заявилъ опредѣленно, что онъ признаетъ всѣ статьи договора 1815 г., коими были опредѣлены настоящія границы европейскихъ государствъ.

Высказавъ Киселеву, какъ мнѣ было радостно слышать о столь благоприятномъ настроеніи императора, я сказалъ, что такъ какъ оба наши государства преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, т. е. благо народа, порядокъ и устойчивость договоровъ, то намъ нетрудно будетъ придти къ соглашенію и дѣйствовать во всемъ совмѣстно.

Киселевъ закончилъ нашъ разговоръ, сказавъ:

—Мнѣ было бы очень пріятно повторить все сказанное мною г. Друенъ-де-Люису, такъ какъ я люблю Францію, гдѣ я такъ долго жилъ, поэтому я такъ желаю избѣжать всего, что могло бы нарушить добрыя отношенія между обѣими державами.

Одинъ изъ моихъ друзей, состоявший при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, писалъ мнѣ изъ Парижа 3-го (15-го) октября 1852 г.:

«Дѣлая министру докладъ о своемъ путешествіи въ Петербургъ, Фрезальсь сказалъ, что онъ не можетъ пройти молчаніемъ, до какой степени онъ былъ удивленъ вашимъ положеніемъ въ Россіи.

«Д. Андре встрѣтилъ вчера Куракина, который, не смотря на отпускъ, взятый Киселевымъ, отзывается въ весьма благоприятномъ смыслѣ объ имперіи».

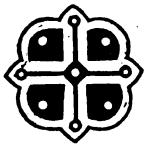
Фрезальсь, о которомъ идетъ рѣчь, писалъ мнѣ въ тотъ же день:

«Пріѣхавъ въ министерство, я постарался прежде всего повидать г. Друенъ-де-Люиса. Въ нашихъ бесѣдахъ съ его превосходительствомъ рѣчь часто заходила о васъ. Нѣть надобности говорить, что я распространился по поводу того, какъ прекрасно ваше положеніе въ Петербургѣ.

«Президентъ возвращается въ Парижъ завтра, и ему готовятъ великолѣпный пріемъ. Поговариваютъ о созывѣ чрезвычайного засѣданія сената для провозглашенія имперіи.

«Вообще, это событіе не заставитъ себя долго ожидать, и я не удивлюсь, если вы узнаете о немъ съ однимъ изъ слѣдующихъ курьеровъ».

(П р о д о л ж е н і е слѣд у етъ).

Письмо А. Н. Оленина къ М. М. Сперанскому, по поводу проекта гражданскаго уложенія.

Учрежденная при императорѣ Александрѣ I комиссія составленія законовъ внесла въ 1814 году на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проекты всѣхъ трехъ частей гражданскаго уложенія, составленные еще подъ руководствомъ Сперанскаго. Разсмотрѣніе этихъ проектовъ совѣтомъ въ 1814—1815 годахъ вызвало много возраженій со стороны адмираловъ Шишкова, Мордвинова, князя Лопухина и въ особенности Трощинскаго, тогда министра юстиціи, который находилъ весь проектъ гражданскаго уложенія испорченнымъ переводомъ кодекса Наполеона.

Государственный Совѣтъ возвратилъ всѣ проекты уложенія обратно въ комиссію составленія законовъ, находя невозможнымъ ихъ разматривать безъ помоши свода законовъ. Позднѣе Сперанскій, по возвращеніи своемъ изъ Сибири, призванный въ 1821 году къ разсмотрѣнію трудовъ комиссіи составленія законовъ, обратился къ А. Оленину,— въ то время статьѣ-секретарю департамента законовъ,— съ просьбою прислать ему изъ архива Государственнаго Совѣта бумаги и журналы по пересмотру гражданскаго уложенія въ 1814—1815 годахъ. Препровождая ихъ, Оленинъ писалъ Сперанскому 30-го октября 1821 года:

«Сия любопытная часть дѣяній верховнаго совѣцательнаго сословія, установленнаго для исправленія законовъ и разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ мѣръ, нынѣ, по новому ходу дѣлъ, нѣсколько отступившаго отъ сей полезной цѣли, можетъ доказать, существомъ содержащихся въ оной (т. е. книгѣ журналовъ Совѣта) преній о проектѣ гражданскаго уложенія, сколь далеко могутъ увлекаться отъ настоящаго предмета даже и весьма умные люди, когда они руководствуются однимъ только долговременнымъ навыкомъ. Сіи, впрочемъ, опытные мужи, устроенные, частію и не безъ причины, превратностію и дерзновеніемъ мыслей и замысловъ нынѣшнаго времени, опасаются встрѣтить даже и въ самыхъ искреннихъ желаніяхъ лучшаго устройства въ управлениі,

какія-нибудь тайныя намѣренія, клонящіяся по ихъ мнѣнію къ ниспревреженію старого порядка. Сей страхъ дѣйствуетъ въ нихъ такъ сильно, что они въ существующемъ порядкѣ никакихъ недостатковъ не видятъ, хотя онъ уже давно отъ времени и отъ разныхъ обстоятельствъ пришелъ въ совершенный упадокъ и запутанность. Слѣдовательно, оный и требуется, а особенно нынѣ, только общаго исправленія, а не общаго измѣненія, какъ многіе таковыми почитаютъ всякое отмѣненіе или пополненіе закона, часто необходимое по времени и обстоятельствамъ.

«Въ семъ-то видѣ испроверженія коренныхъ нашихъ законовъ и замѣненія оныхъ совершенно новымъ былъ принятъ иѣкоторыми изъ гг. членовъ Совѣта проектъ гражданскаго уложенія. Малый форматъ книги, въ коей сей проектъ заключается, показался имъ весьма сомнительнымъ. Люди, привыкшіе съ самыхъ юныхъ лѣтъ видѣть, что даже и не полное собраніе существующихъ у насъ гражданскихъ законовъ составляется не маловажное число бумажныхъ, рукописныхъ кипъ или десятокъ и болѣе печатныхъ томовъ въ листъ и въ четвертку, крайне были удивлены и даже, такъ сказать, испуганы, когда объявлено было, что вся масса законовъ заключается въ одной книжкѣ, напечатанной для удобности формата въ восьмушку и довольно крупнымъ шрифтомъ на 248 страницахъ. Въ самомъ дѣлѣ, по долговременной привычкѣ видѣть огромныя кипы существующихъ законовъ трудно имъ было вдругъ постигнуть и убѣдиться въ томъ, что, отбросивъ изъ оныхъ все то, что въ нихъ составляетъ обыкновенную форму предисловія, объясненія, повѣствованія и общепринятаго Сенатомъ заключенія при изданіи оныхъ, также встрѣчающіяся иногда въ нихъ повторенія, что за отдѣленiemъ всѣхъ таковыхъ излишествъ при составленіи полнаго и систематического уложенія, самое существо законовъ содержится обыкновенно въ иѣсколькихъ строкахъ, и потому какъ гражданское уложеніе, такъ и всѣ другія коренные узаконенія во всей ихъ полнотѣ могутъ быть весьма удобно помѣщены въ маломъ числѣ небольшихъ печатныхъ книгъ. Вотъ, что было весьма трудно и почти невозможно доказать безъ цѣлаго собранія или свода существующихъ узаконеній, расположенныхъ по порядку статей проекта гражданскаго уложенія. Вотъ почему большая часть членовъ согласилась требовать та-ковой сводъ для совокупнаго разсмотрѣнія со статьями проекта гражданскаго уложенія и для повѣрки оныхъ.

«Вотъ, что при изданіи сего проекта въ видѣ настоящаго уложеніяказалось необходимо нужнымъ для удостовѣренія въ томъ, что въ немъ нѣть ничего вновь выдуманного и ничего другаго не исключено изъ существующихъ законовъ, кромѣ того, чтѣ по времени и обстоятельствамъ сдѣвалось уже неудобоисполнимымъ или составляло одни повторенія, либо заключало обстоятельства, до самаго существа законовъ не

касающіяся и, наконецъ, для убѣжденія въ томъ, что существо законовъ въ новомъ уложеніи вполнѣ выписано и хотя въ самомъ краткомъ, однако же въ весьма ясномъ видѣ расположено по порядку предметовъ, для правильнаго руководства въ производствѣ дѣлъ и для возможной извѣстности законовъ, какъ самимъ тяжущимся или подсудимымъ, такъ и судьямъ, къ уменьшению ябедъ, поборовъ и взятокъ.

«Вотъ, милостивый государь, что я долгомъ почелъ донести вашему превосходительству, при доставленіи требованныхъ вами бумагъ. Я поставилъ это себѣ въ обязанность, какъ бывшій производитель при началѣ пересмотра гражданскаго уложения въ 1814 и 1815 годахъ и какъ нынѣшній статье-секретарь Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ.

«Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Оленинъ».

Сообщ. П. М. Майковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1903 г.

ТОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Записки Н. Г. Залѣсова. Сообщ. Н. Длус- ская	41—64, 267—289, 527—542
II. Изъ прошлаго. Затишье. Воспоминанія офи- цера генерального штаба. П. Д. Парен- сова	65—75, 291—302
III. Записки Э. И. Стогова	117—141, 307—330
IV. Воспоминанія Валерiana Александровича Панаева	189—207
V. Воспоминанія бывшаго гвардейскаго офицера. Кн. А. П. Вадольскаго	543—551
VI. Изъ воспоминаній Г. И. Мѣшкова	555—572
VII. Графъ Рейзетъ въ Россіи въ 1852—1854 гг. (извлеченіе изъ его воспоминаній)	697—713

Портреты.

I. Портретъ Н. Г. Залѣсова. (При 4-ой книгѣ).
II. Портретъ В. Н. Троцкаго. (При 5-ой книгѣ).
III. Портретъ Священника Никифора Мурзакевича. (При 6-ой книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и биографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, материалы и замѣтки.

СТРАН.	
I. Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ. Н. Дубровина	5—27
II. Неизданное стихотвореніе В. А. Жуковскаго цесаревичу Александру Николаевичу. Сообщ. И. А. Бычковъ	28
III. Сперансій въ 1808—1811 г. (Изъ бумагъ академика А. Ф. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ	29—40
IV. Посланіе бывшимъ кадетамъ, въ 171-ю годовщину основанія 1-го кадетскаго корпуса. 17-го февр. 1903 г. А. С—ва	76
V. Письма императрицы Маріи Федоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ	77—97, 583—601
VI. Письмо Н. М. Карамзина къ Н. Я. Плюсковой. 25-го мая 1820 г. Сообщ. И. А. Бычковъ	98
VII. Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 г. И. И. Орловскаго	99—116 331—349, 573—582
VIII. Запрещеніе устраивать императору встрѣчи. 1-го сентября 1801 г.	142
IX. Къ біографіи Н. М. Языкова. В. Шенрока	143—153
X. Увѣковѣченіе памяти кн. Репнина. 12-го июля 1801 года	154
XI. Марина Мнишекъ и шахъ Аббасъ II. Георгія Синюхова	155—161
XII. Объ оставленіи цензора С. Н. Глинки въ маюрскому чину. 6-го июля 1828 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	162
XIII. Цензура въ царствованіе императора Николая I.	163—182 379—396, 643—671
XIV. Четыре письма Владимира Федосеевича Раевскаго къ сестрѣ его В. Ф. Поповой. Сообщ. Влад. Раевскій	183—188
XV. Дурная постройка Одесского чумнаго карантиннаго квартала и ея послѣдствія. 4-го июля 1828 г.	208
XVI. Россія и папскій престолъ. 1580—1601 гг. Извлеченіе изъ сочиненія П. Пирлинга. В. В. Тимоѳукъ	209—240, 443—466
XVII. Виталій Николаевичъ Троцкій. (Біографич. очеркъ). В. Т. Судейкина	241—259
XVIII. Замѣтаніе Сенату. Высочайший указъ министру юстиціи 29-го июля 1821 г.	260
XIX. Пять писемъ И. А. Аксакова къ К. Ф. Головину.	261—266
XX. П. А. Валуевъ о Петрѣ Великомъ. Письмо П. А. Валуева къ А. Г. Тройницкому. 10-го марта 1864 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій	290

	СТРАН.
XXI. Письмо П. Пирлинга о Маринѣ	303—305
XXII. Изъ старинныхъ обычаевъ въ гор. Саратовѣ. Сообщилъ А. Н. Минхъ.	306
XXIII. Маршрутъ для путешествія М. М. Сперанскаго. Письмо графа М. С. Воронцова М. М. Сперанскому. 28-го мая 1823 г..	350
XXIV. Посылка Тадеуша Вылежинскаго въ Петербургъ въ 1830—1831 г.г. Г. А. Воробьевъ	351—361
XXV. Послѣдствія посѣщенія столицы для двухъ евреевъ. Сообщ. Алексѣй Мердеръ	362
XXVI. Празднованіе столѣтія Петербурга. Сообщ. В. Срезневскій	363—378
XXVII. Письма В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ	397—415
XXVIII. Плоцкая Русская публичная библіотека	416
XXIX. Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами	417—442,
XXX. Изъ дневника П. Г. Дивова	467—478
XXXI. Современное стихотвореніе на кончину императрицы Марии Феодоровны	479—480
XXXII. Декабристы на Кавказѣ. Е. Вейденбаумъ .	481—502
XXXIII. Великій князь Александръ Павловичъ и А. А. Аракчеевъ (ихъ переписка). Сообщ. Н. Д.	503—525
XXXIV. Подарокъ москвичей князю Волконскому по случаю привезенного имъ извѣстія о вступленіи на престоль императора Петра III. Указъ ген.-поручику и камергеру графу Ивану Воронцову. 30-го января 1762 г.	526
XXXV. Высочайшій выговоръ за небрежность. Циркуляръ управляющаго министерствомъ юстиціи прокурорамъ. 31-го января 1828 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.	552
XXXVI. М. Р. Шидловскій (по поводу оперы «Псковитянка»). П. Д. Стремоуховъ	553—554
XXXVII. Перемѣна политики съ Франціею. Указъ с.-петербургскому военному губернатору ген.-отъ-инфант. Голенищеву-Кутузову. 27-го августа 1801 г.	602
XXXVIII. П. А. Карагыгинъ и его ученики по сценѣ: Мартыновъ и Максимовъ. В. И. Шенрокъ	603—623
— XXXIX. Учрежденіе Сибирскаго комитета. 28-го июля 1821 г.	624
XL. Встрѣча съ А. В. Сухово-Кобылинымъ. Конст. Ходиева	625—628
XLI. Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ. И. Кубасовъ .	629—642
XLII. Мистическое письмо Е. Головина А. Х. Бенкendorфу. 18-го июня 1831 г.	672

XLIII. Письмо А. Н. Оленина къ М. М. Сперанскому по поводу проекта гражданского уложения. Сообщ. П. М. Майковъ	714—716
XLI. Систематическое оглавление 114-го тома	717—720

Бібліографічний листокъ.

1. Великій князь Николай Михайловичъ Графъ Павель Александровичъ Строгановъ (1774—1817) Историческое изслѣдование эпохи императора Александра I. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1903 г. — Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ апрыльской книги).
  2. Главное Инженерное управление. Ч. I. Царствование императора Александра I. Вып. I. Инженерное управление и его средства. Исторический очеркъ (въ т. VII „Столѣтие военного министерства“, 1802 — 1902 г.). Спб. 1902 г.—Л. В. Евдокимова (на оберткѣ майской книги).
  3. Тюмень въ XVII столѣтії. Собрание материаловъ для исторіи города съ „введеніемъ“ и заключительной статьею прив.-доц. И. М. Головачева: „Экономический бытъ Тюмени въ XVII в.“; съ приложеніемъ плана старинной Тюмени и 2 видовъ Благовѣщенского собора начала XVII в. Изд. А. И. Чукмалдиной. Москва. 1903 г.—Н. И. Кашкадамова (тамъ же).
  4. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша железнодорожная политика по документамъ архива Комитета Министровъ. Исторический очеркъ. Томъ 4-й. Составленъ кн. П. В. Чегодаевымъ, кн. Татарскимъ (гл. I—III) и Н. А. Кислинскимъ (гл. IV и V), подъ главною редакціею статьи-секретаря Куломзина. Издание Комитета Министровъ. С.-Петербургъ. 1902 г.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ іюньской книги).
  5. „Старина русской земли“. Первая книга для чтенія по отечественной исторіи. I. Древняя Русь. Составили В. Соколовъ и В. Хитровъ. Москва 1903 г. Цѣна 85 к.—Его же (тамъ же).
-

за границы необходимые для устройства линий паровозы, тендеры, вагоны, рельсы, скрепления, тугуны и железнодорожные мосты и вообще все металлические принадлежности, нужные для оборудования каждой данной линии. Для того, чтобы облегчить компаниям обязанности рельсами и подвижным составом, правительство решило допустить к привозу все железнодорожные принадлежности бесплатно, руководствуясь теми соображениями, что в настоящем случае все другие интересы должны были уступить место одному — главнейшему: созданию железной святыни.

С восшествием на престол пынъ благополучно царствующего Государя Императора Николая Александровича для нашего железнодорожного строительства, получившего новый толчок еще в 1891 г., вследствие принятого правительством решения строить Сибирскую дорогу и образования нескольких крупных частных компаний для сооружения железных путей в Европейской России, — достигло кульминационного пункта своего развития. За все время существования русских железных дорог не наблюдалось столь быстрого и последовательного роста нашей железной святыни, как за пятилетие 1895—1899 гг.: в течение этого периода времени разрешено и обеспечено постройкой 14,836 верст железных дорог, не считая Великого Сибирского пути, протяженiem свыше 7,000 верст.

Официальные статистические свидетельства за десятилетие 1890—1899 гг. показывают, что максимальная цифра привоза к нам из-за границы стальных рельсов падает на 1895 г. и составляет 1,157,000 пудов; между тем отечественные сталерельсовые заводы в том же году выпустили 18,448,122 пуда таких же рельсов. В последнее два года этого десятилетия производительность наших сталерельсовых заводов возросла до 32,000,000 п., ввоз же стальных рельсов сократился: в 1898 г. до 731,000, а в 1899 г. — до 507,000 пудов, т. е. равнялся всего 2,3—1,7% вырабатываемого внутри страны количества рельсов.

Деятельность русских паровозостроительных заводов можно также считать успешной: из 5,196 локомотивов, поставленных на русские железные дороги в течение девяностых годов истории истекшей столетия, только 826 штук, или около 16%, были заказаны за границей, а остальные сооружены на наших заводах.

Изготовление вагонов и платформ, которое уже значительно ранее получило у нас весьма замечательное развитие, продолжало держаться на должном уровне и при усилившемся требовании на подвижной состав: это подтверждается цифровыми данными о привозе к нам вагонов из-за границы за то же десятилетие 1890—1899 гг.

В пятой, заключительной главе, подробно высказывается влияние железных дорог на состояние главнейших отраслей народного хозяйства в России.

В приложениях, в конце книги, помещены: 1) Личный состав Соединенного Присутствия Комитета Министров и Департамента Государственной Экономии Государственного Совета с 1891 по 1902 г., 2) Список железных дорог, разрешенных к постройке в 1895—1902 гг., 3) Карты железнодорожных сообщений к концу 1902 г.: а) Европейской России и б) Азиатской России и 4) Указатели: а) личных имен и б) железнодорожных линий, упоминаемых в I—IV томах очерка.

Н. Кашадовъ.

«Старина русской земли». Первая книга для чтения по отечественной истории. И. Древняя Русь. Составили В. Соколовъ и В. Хитровъ. Москва 1903 г. Цена 85 к.

Нельзя не приветствовать появление книги подъ выше названным заглавием: она в достаточной мере восполняет пробѣль, наблюдаемый в нашей учебной исторической литературѣ.

Это не простой сборникъ отдельныхъ рассказовъ, которые могутъ знакомить читателя только съ некоторыми моментами нашей истории; въ книге этой дана целая картина прошлаго нашего отечества (до половины XV вѣка) съ соблюдениемъ хронологической последовательности между событиями и съ выясненіемъ внутренней связи между ними.

Чтобы сдѣлать материалъ сборника наиболѣе нагляднымъ, доступнымъ и интереснымъ, составители въ своемъ изложении строго держатся первоисточниковъ, сохраняя по возможности ихъ духъ и простоту языка. Дѣйствительно, что можетъ быть живописнѣе и убѣдительнѣе, какъ не передача событий словами современника-очевидца или древнаго лѣтописца?

Для болѣе живаго воспроизведенія минувшаго, въ сборникъ помѣщены поэтическія созданія народного творчества: легенды, сказанія, пѣсни, пословицы.

Всякий согласится, что историческое повѣствованіе, оживленное подобными материалами, еще болѣе способно вызвать и породнить читателя съ его прошлымъ, дастъ ему живо почувствовать и полюбить родную старину, вѣѣть съ тѣмъ будущее пробуждать въ немъ чувство национального самосознанія, уваженія и любви къ своему отечеству и предкамъ, для него потрудившимся.

Если принять во внимание совпаденіе оснований, принятыхъ при составленіи сборника, съ требованиями, объявленными министерствомъ народного просвещенія, то можно быть увѣренными, что книга гр. Соколова и Хитрова, при весьма доступной цѣнѣ, послужитъ хорошимъ пособіемъ при преподаваніи русской истории въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведений.

Отсутствіе иллюстрацій нисколько не умаляетъ достоинствъ разсматриваемой нами книги: лучше не давать никакихъ рисунковъ, чѣмъ заполнить страницы текста плохими, всѣмъ надѣбшими иллюстраціями, какія зачастую встречаются во многихъ изданіяхъ послѣднаго времени.

Н. Кашадовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городскихъ подпischиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

1. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдельныхъ событияхъ русской истории, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и материалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ истории русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныи, переписка и документы, рисующіе бытъ русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣтчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подпischавшимися въ редакціи.

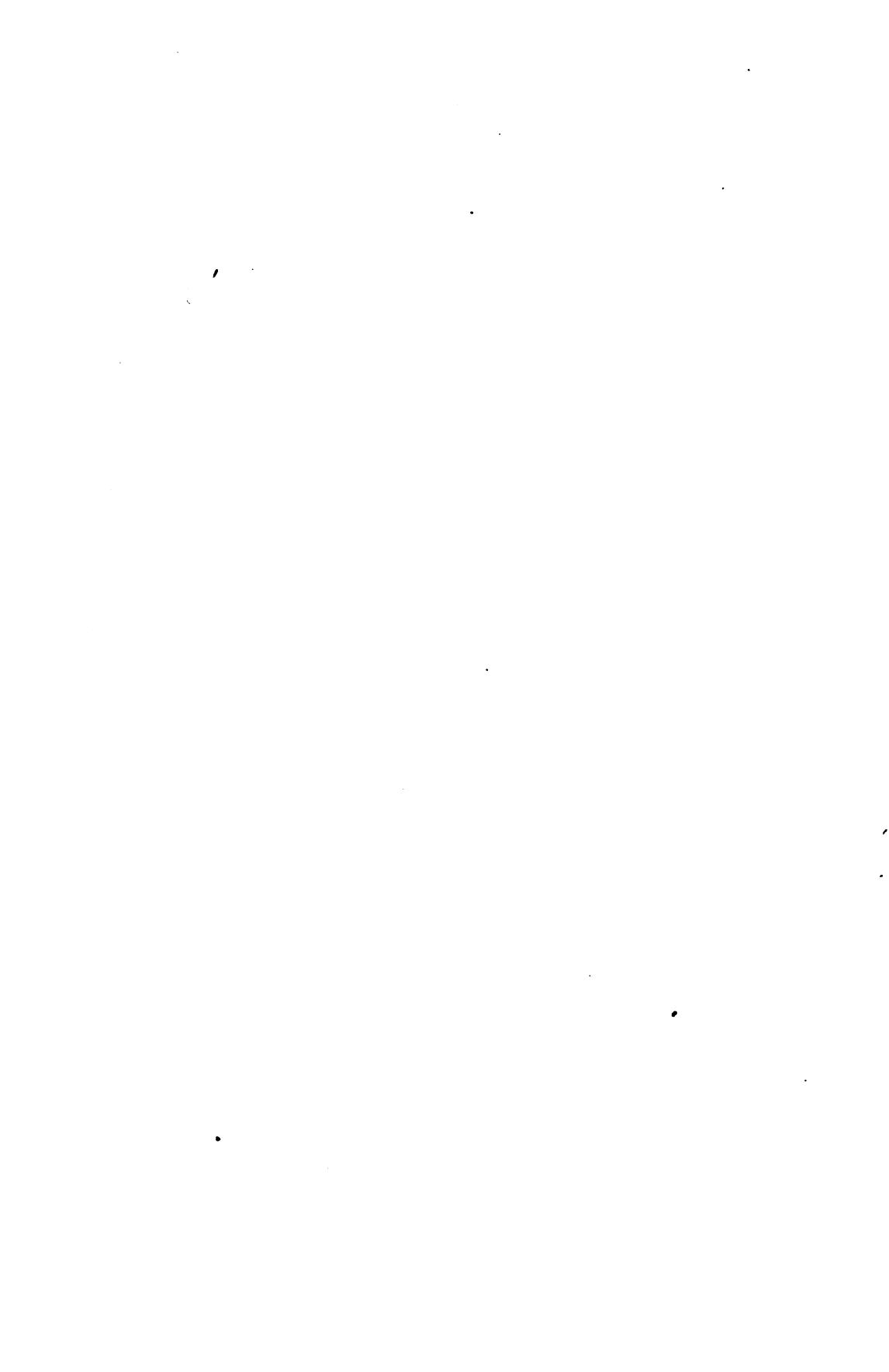
Въ случаѣ неполученія журнала, подпischики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присыпаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

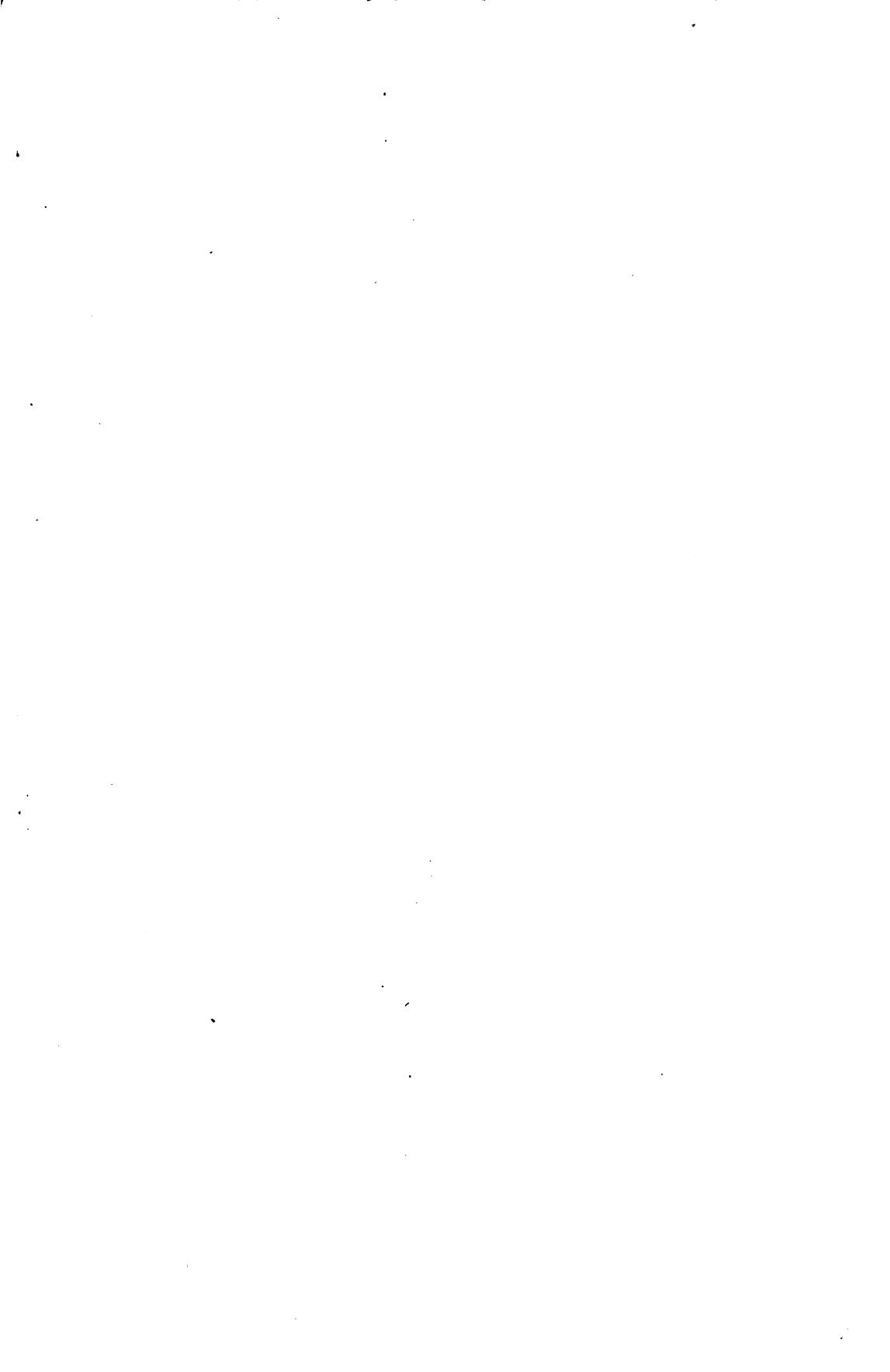
Рукописи, доставленныи въ редакцію для напечатанія, подлежать въ случаѣ надобности сокращеніемъ и измѣненіемъ; признанныи неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

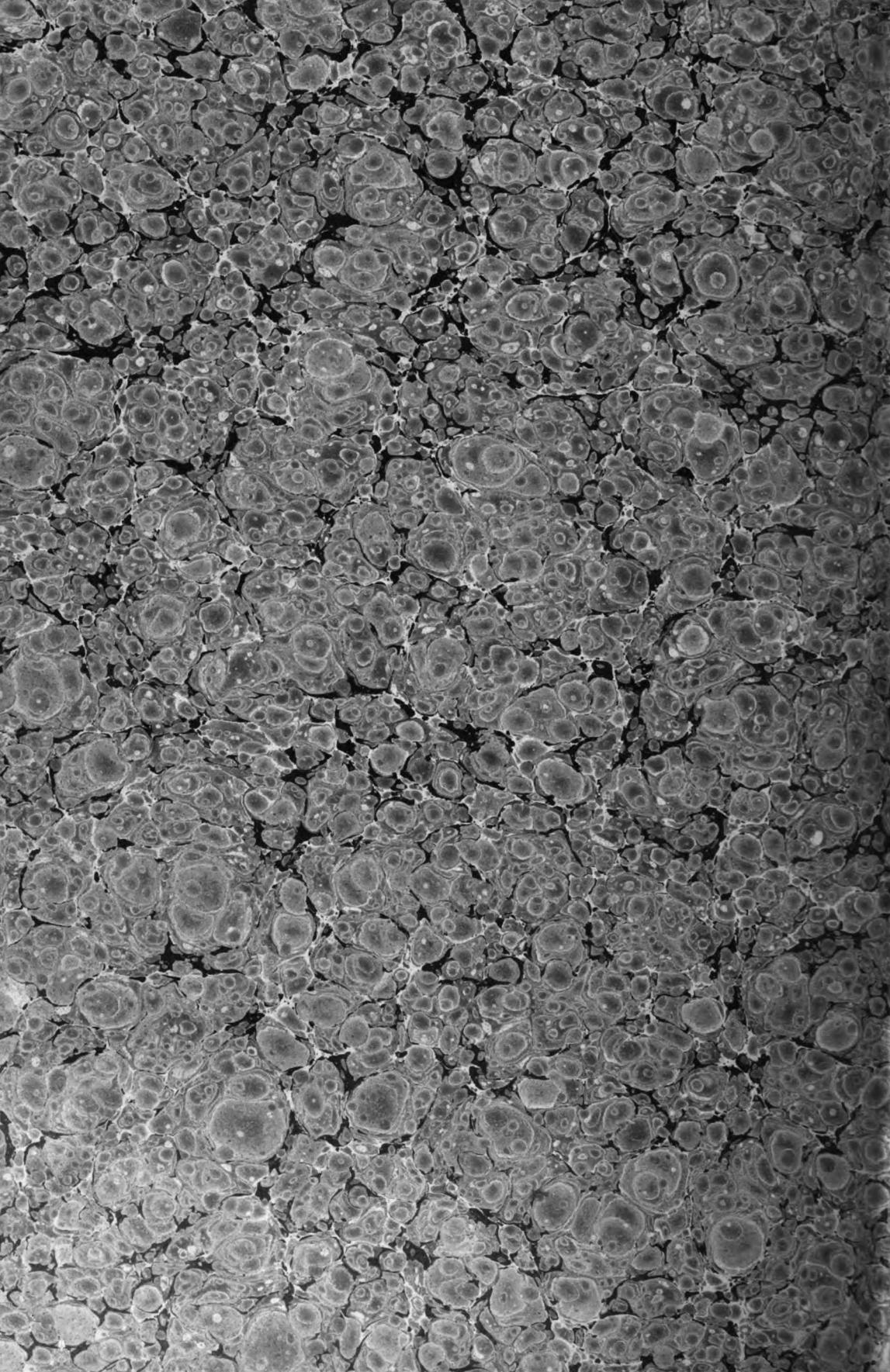
Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присыпаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.

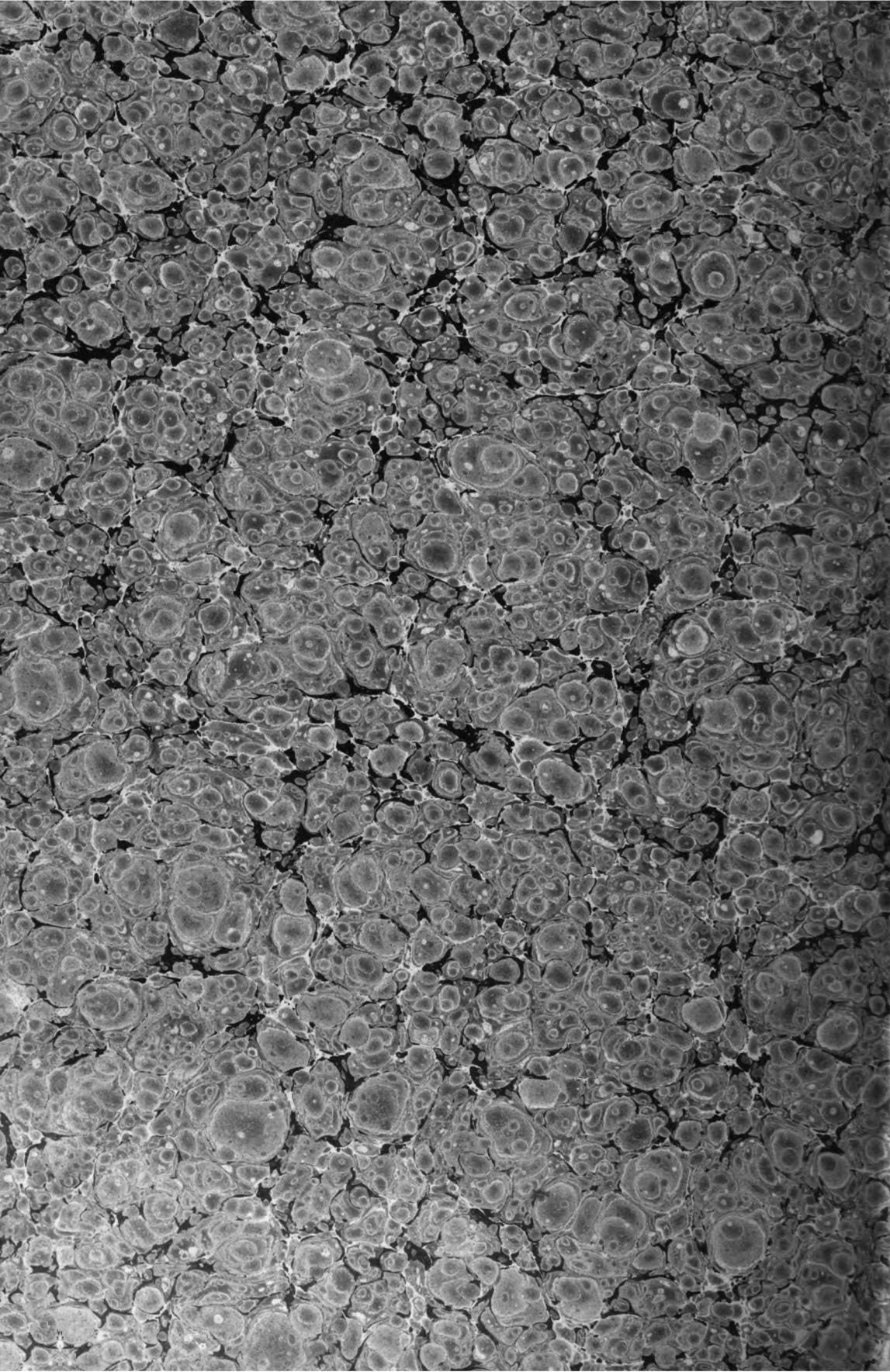

3 0000 108 521 026

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

DEMCO

3 0000 108 521 026

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

DEMCO

